Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia

A PPKE BTK Régészettudományi Intézetének kiadványai

Archaeological Studies of PPCU Institute of Archaeology

Volume 35

Humán Tudományok Kutatóközpontja
Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok

Volume 13

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)
Российская академия наук
Уральское отделение
Институт истории и археологии

Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia
A PPKE BTK Régészettudományi Intézetének kiadványai
Archaeological Studies of PPCU Institute Archaeological Sciences

Humán Tudományok Kutatóközpontja
Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok

Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia
Nemzetközi szerkesztőbizottság /
International Advisory Board

Heinrich Härke
Eberhard Karls Universität (Tübingen, D)

Oleksiy V. Komar
Institute of Archaeology of NUAS (Kiev, UA)

Abdulkarim Maamoun
Damascus University (Damascus, SY)

Denys Pringle
Cardiff University (Cardiff, UK)

Dmitry A. Stashenkov
Samara Regional Historical Museum (Samara, RU)

Nikolai P. Telnov
Institute of Archaeology of MAS (Chișinău, MD)

Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok
Nemzetközi szerkesztőbizottság /
International Advisory Board

Balázs Balogh
Director General of the Research Center
for the Humanities (Budapest)

Pál Fodor
Honorary Director General of the RCH (Budapest)

László Klima
PPCU Institute of Archaeological Sciences
(Budapest)

Hakan Aydemir
İstanbul Medeniyet Üniversitesi (Istanbul)

Antal Molnár
Director of Institute of History of RCH (Budapest)

Attila Türk
Early Hungarians' History Research Team of RCH
(Budapest)

СЕРГЕЙ Г. БОТАЛОВ – АТТИЛА ТЮРК

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС УЕЛГИ (IX–XI ВВ.) В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

(коллективная монография)

BOTALOV SZERGEJ G. – TÜRK ATTILA

AZ UJELGI TEMETŐ (9–11. SZÁZAD) AZ URÁLONTÚL DÉLI RÉSZÉN

(gyűjteményes monográfia)

Соавторы / Társszerzők:
Бусова, В. С., Газизова, С. Р., Грудочко, И. В., Иванов, В. А., Маргарян, К. Г., Нечвалода, А. И., Парунин, А. В., Сосновцева, И. М., Сунгатов, Ф. А., Таиров, А. Д., Якимов, А. С., Mende, B. G., Szécsényi-Nagy, A., Csáky, V., Szeifert, B., Gyuris, B.

ЧЕЛЯБИНСК–BUDAPEST 2025

Работа выполнена в рамках государственного задания ИИиА УрО РАН,
тема № 124032100052-6 «Культурное пространство Урала: археологические и этнологические исследования»
Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда № 24-28-20283 «*Мир кочевников Южного Урала в свете мадьярской археологии (VIII–XI вв.)*», https://rscf.ru/project/24-28-20283/

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда № 24-18-20055 «*Хозяйство и социальная организация скотоводческих обществ Южного Зауралья: от поздней древности до Нового времени*»,
https://rscf.ru/project/24-18-20055/

Работа выполнена в рамках проекта PPKE-BTK-KUT-23 и программы ELTE HTK MŐK 2024-2026

Главный редактор:
академик РАН, д-р ист. наук В. И. Молодин

Рецензенты:
д-р ист. наук А. В. Епимахов,
канд. ист. наук И. Э. Любчанский

Фотохудожник:
С. М. Арканов

Технический редактор:
Н. О. Иванова

Корректор, компьютерный набор текста:
М. Н. Загирная

© Руководитель проекта: д-р ист. наук С. Г. Боталов
© С. Г. Боталов, Тюрк А., С. Р. Газизова, И. В. Грудочко и др.
© Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Régészettudományi Intézet
© ELTE Humán Tudományok Kutatóközpontja, Magyar Őstörténeti Kutatócsoport
© Martin Opitz Kiadó

ISBN 978-615-6998-03-3
HU-ISSN 2786-1538 (Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia)
HU-ISSN 2064-8162 (Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok)
DOI: 10.55722/Arpad.Kiad.2025.13

Все права защищены, включая воспроизведение, публичную демонстрацию, использование
в радио- и телепередачах всей книги или её отдельных частей.
All rights reserved, including reproduction, public presentation, the rights of radio and television broadcasting and translation,
as well as the individual chapt

Издатели:
Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)
Институт истории и археологии УрО РАН

Cover design: auri
Layout: Krisztina Bertók – Gábor Váczi
DOI: Olga Vajda-Kiss

Print: Pauker Nyomdaipari Kft.
Manager: Dániel Vértes

ОГЛАВЛЕНИЕ / TARTALOM

Введение / Bevezetés (Боталов, С. Г.) 9

Глава 1. Археологические исследования Погребального комплекса Уелги и некоторых однокультурных памятников лесостепного Зауралья
1. fejezet. Az ujelgi temető és az Urálontúl erdőssztyeppi régiójának néhány hasonló lelőhelye....19

1.1. Результаты полевых раскопок Погребального комплекса Уелги 2009–2019; 2021–2023 гг.
1.1. Az ujelgi temető régészeti kutatása 2009–2019; 2021–2023 (Боталов, С. Г., Газизова, С. Р., Грудочко, И. В., Парунин, А. В.) 19

1.2. Хронология и типология вещевого инвентаря Погребального комплекса Уелги. Результаты радиоуглеродного и типологического датирования
1.2. Az ujelgi temető leletanyagának időrendje és tipológiája. A radiokarbon és a tipológiai keltezés eredményei (Боталов, С. Г., Грудочко, И. В.)....355

1.3. Керамический комплекс Погребального комплекса Уелги
1.3.Az ujelgi temető kerámialeletei (Боталов, С. Г., Газизова, С. Р.)....361

1.4. Анализ материалов могильника Актюба и местонахождения Нижний Яр
1.4. Aktyjuba temető és Nyizsnyij Jar lelőhely leleteinek régészeti elemzése
(Боталов, С. Г., Газизова, С. Р., Таиров, А. Д.) 374

1.4.1. Исследование могильника Актюба
1.4.1. Aktyjuba temetőjének kutatása....374
1.4.2. Описание находок местонахождения Нижний Яр
1.4.2. Nyizsnyij Jar lelőhely leleteinek leírása 397

Глава 2. Некоторые актуальные аспекты культурогенеза на Южном Урале в эпоху средневековья
2. fejezet. A Dél-Urál középkori kulturális fejlődésének néhány aktuális kérdése....407

2.1. Формирование протомадьярской культуры в Южном Зауралье
2.1. A korai magyar kultúra kialakulása az Urálontúl déli részén (Боталов, С. Г., Иванов, В. А.) 407
2.2. Некоторые вопросы формирования кушнаренковской культуры
2.2. A kusnarenkovói kultúra kialakulásának néhány kérdése (Боталов, С. Г., Сунгатов, Ф. А.).....520

Глава 3. Исследования Погребального комплекса Уелги в свете естественно-научных методов
3. fejezet. Az ujelgi temető természettudományos vizsgálatainak eredményei....537

3.1. Антропология и реконструкция лиц по черепам из Погребального комплекса Уелги
3.1. Az ujelgi temető antropológiai és koponyarekonstrukciós vizsgálatai (Нечвалода, А. И., Боталов, С. Г.)....537

3.2. Палеопочвоведческие наблюдения
3.2. Régészeti talajtani megfigyelések (Якимов, А. С., Газизова, С. Р.) 555

3.3. Результаты исследования археозоологической коллекции некрополя Уелги
3.3. Az ujelgi temető állatcsont leleteinek archeozoológiai értékelése (Сосновцева, И. М.) 561

3.4. Изделия из кожи и тканей могильников Уелги и Актюба
3.4. Bőrből és textilből készült leletek Ujelgi és Aktyjuba lelőhelyről (Бусова, В. С., Маргарян, К. Г., Газизова, С. Р., Таиров, А. Д.) 572

Список литературы к главам 1–3.
Bibliográfia az 1–3. fejezethez 583

Глава 4. Сравнительный анализ археологических материалов Южного Зауралья и Карпатского бассейна (X в.) в древневенгерском контексте
4. fejezet. A déli Urálontúl és a Kárpát-medence 10. századi régészeti hagyatékának összehasonlító elemzése a korai magyar történelem kontextusában (Türk, A., Боталов, С. Г.) 603

4.1. Введение
4.1. Bevezetés 603

4.2. Сходства-аналогии в элементах погребального обряда
4.2. A temetkezési szokás elemeinek hasonlóságai-analógiái 604

4.3. Алтайское инокультурное влияние в ранневенгерской культуре
4.3. Az altaji eredetű idegen kulturális hatások a korai magyar kultúrában 612

Глава 5. Палеогенетические исследования образцов из Погребального комплекса Уелги
5. fejezet. Az ujelgi temető mintasorának archeogenetikai/genomikai vizsgálatai (Csáky, V., Szeifert, B., Gyuris, B., Mende, B. G., Боталов, С. Г., Türk, A., Szécsényi-Nagy, A.) 681

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 705

THE UELGI BURIAL COMPLEX (9TH–11TH CENTURIES AD) IN THE SOUTHERN TRANS-URALS. SUMMARY 707

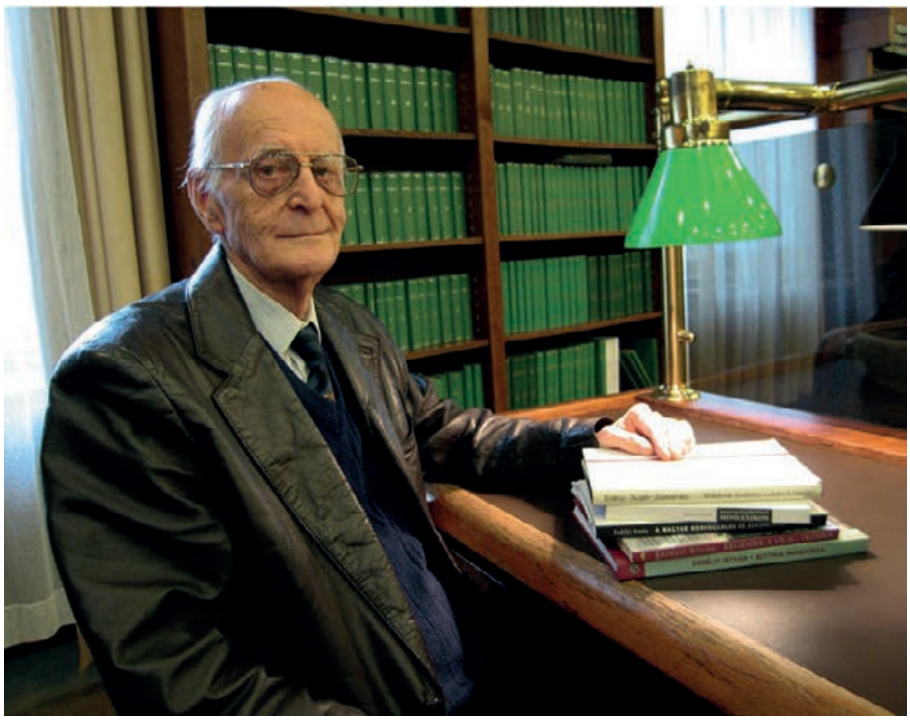
AZ UJELGI TEMETŐ (9–11. SZÁZAD) AZ URÁLONTÚL DÉLI RÉSZÉN. ÖSSZEFOGLALÁS 719

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / A SZERZŐK 731

Свет погасших звезд еще долгое время украшает небосклон.
Так и большие ученые еще долгое время живут в науке ….

Сергей Г. Боталов

Посвящается светлой памяти
Иштвана Эрдели и Иштвана Фодора

Иштван Эрдели / Erdélyi István
(28.08.1931 – 07.04.2020)

Иштван Эрдели (род. 1931, г. Орадя, Румыния) в 1955 году с отличием окончил Государственный университет им. Л. Этвеша в Будапеште, в 1959 году – аспирантуру в Ленинградском госуниверситете. В 1976 году защитил докторскую диссертацию по теме «Авары и Восток в свете археологических источников». В 1959–1991 годах работал в Институте археологии Венгерской академии наук (Будапешт), был старшим научным сотрудником Института археологии Академии наук СССР (Москва). Профессор университета им. Л. Этвуша (Будапешт), Реформатского университета им. Г. Кароли (Будапешт), Печского университета. В течение семи лет являлся соруководителем международной археологической экспедиции на Маяцком городище, в 1961–1990 годах руководил монголо-венгерской археологической экспедицией. Автор многочисленных статей и монографий по средневековой истории и археологии Венгрии о влиянии кочевников евразийских степей на культурогенез Карпатской котловины, а также фундаментального русскоязычного издания «*Археология Венгрии*». Первым опубликовал и прокомментировал извлечение из «*Хроники Венгерского Анонима*» на русском языке (1967). В 1950-е годы высказал интересную концепцию о местонахождении «земли Дентумогер» (Magna Hungaria) между северным побережьем Черного моря и Танаисом (Доном). Это была та территория, с которой мадьяры расселялись по двум направлениям: на запад – в Паннонию, и на северо-восток – в Приуралье.

Иштван Фодор / Fodor István
(09.09.1943 – 03.04.2021)

Фодор Иштван (род. 09.09.1943, г. Зента, Венгрия) – археолог, доктор исторических наук. По окончании исторического факультета Московского государственного университета (1967) работал в Венгерском национальном музее (Будапешт), с 1986 года был главным директором музея, с 1993 года почетный директор. Одновременно в 1974–2008 годах преподавал в Сегедском университете. В 1997–2008 годах заведовал кафедрой археологии, в 1974–2001 годах преподавал древнюю историю финно-угорских и венгерских народов в Будапештском университете. Читал лекции в Геттингене, Париже, Лодзи, Любляне, Уфе. С 1968 года руководил археологическими экспедициями в Венгрии и на Украине. В научной деятельности большое внимание уделял ранней истории финно-угорских народов, в том числе венгров, а также археологии эпохи обретения венграми Родины и средневековой археологии. Автор более 540 научных работ, в том числе 11 монографий. Редактор журнала «*Folia Archaeologica*», член редколлегий ряда отечественных и иностранных журналов. Организатор крупных музейных выставок в Венгрии, странах Европы и США. Автор наиболее обоснованной концепции венгерского культурогенеза. В 1970-е годы впервые высказал идею о переселении в начале I тысячелетия н. э. древних мадьяров из-за Урала на территорию Башкирии и о принадлежности им памятников кушнаренковского типа. Провел аналогии между погребальными обрядами могильников «*периода обретения Родины*» и памятников караякуповского типа. Автор многочисленных работ и книг о происхождении венгров. Последняя из них — «*Венгры. Древняя История обретения Родины*» вышла в 2015 году в Перми.

ВВЕДЕНИЕ

Могильник Уелги (Погребальный комплекс Уелги) расположен в 2,5 км северо-восточнее села Канзафарово (Кунашакский район Челябинская область), в 8 км северо-западнее поселка Кунашак. Памятник занимает группу останцев межозерной террасы юго-восточного берега озера Сайгерлы и западного берега озера Уелги (перешеек между озерами). Основная часть некрополя занимает останец размерами 120 × 300 м высотой до 3–4 м (от уреза воды озера Сайгерлы) (*рис. 1. I, II*).

Визуально прослеживаемая часть комплекса сосредоточена на возвышенности, где на поверхности фиксируется до 50 грунтовых насыпей.[1] Границы охранной зоны памятника были установлены гораздо шире и включали общую площадь более 15 га. Это связано с тем, что ландшафт комплекса ограничивают останцы террас, на вершинах которых также фиксируются следы антропогенного воздействия (по данным аэродешифрирования космоснимков, выполненных И. М. Батаниной). Раскопки кургана 31 на северном останце подтвердили наличие погребальных памятников на этих возвышениях. Центральную часть территории памятника занимает долина, в нее с северо-запада вдается возвышенный мысовидный язык, на юго-западной окраине которого были зафиксированы две насыпи (курганы 26 и 27).

В результате деятельности поисковиков и последующая электромагнитная разведка позволили установить наличие культурного слоя (были обнаружены железные наконечники стрел и фрагменты элементов конской упряжи). Назначение длинной части комплекса пока остается неясным, так как по результатам разведки, проводимой Габором Бертоком (Gábor Bertók) с помощью георадара (vlagnetometer GEMSys GS Overhauser) наличие могильных ям на этой территории не выявлено.

Геолого-географическое описание территории памятника

В региональном плане озеро Уелги находится на сопряжении двух геоморфологических районов – континентально-морской цокольной и континентально-морской аккумулятивной равнинах. Континентально-морская цокольная равнина расположена на стыке двух геоморфологических областей – Западно-Сибирской равнины и Уральской горной страны.

Район представляет типичную равнину с плоскими широкими междуречьями и широко развитыми озерами, являясь лесостепной зоной. Леса перемежаются с луговыми степями на черноземно-луговых почвах или выщелоченных черноземах. Часто встречаются солонцы, солоди, болотные почвы. В лесах преобладает береза, местами сосна и осина. Остепненные сосновые боры приурочены к выходам на поверхность пород гранитоидного состава или песками (*рис. 2. I–III*).

Водоразделы перекрыты сплошными чехлами мезозойских и кайнозойских морских и континентальных отложений. Мощность отложений измеряется несколькими десятками метров, реже сотнями.

В основании залегают преимущественно вулканогенные, различного состава, породы палеозоя Зауральской структурно-формационной зоны, которые пронизаны многочисленными интрузиями ультрабазитов и гранитоидов. Речные долины и озерные ванны хорошо разработаны. Склоны пологие, местами четко террасированные. Долины местами прорезает чехол рыхлых отложений, вскрывая породы складчатого палеозойского фундамента (цоколь). Континентально-

[1] В процессе полевых исследований было установлено, что насыпи представляют собой грунтовые ограды, которые наслаивались и пристраивались друг к другу, поэтому количество курганов по результатам археологических исследований будет меняться.

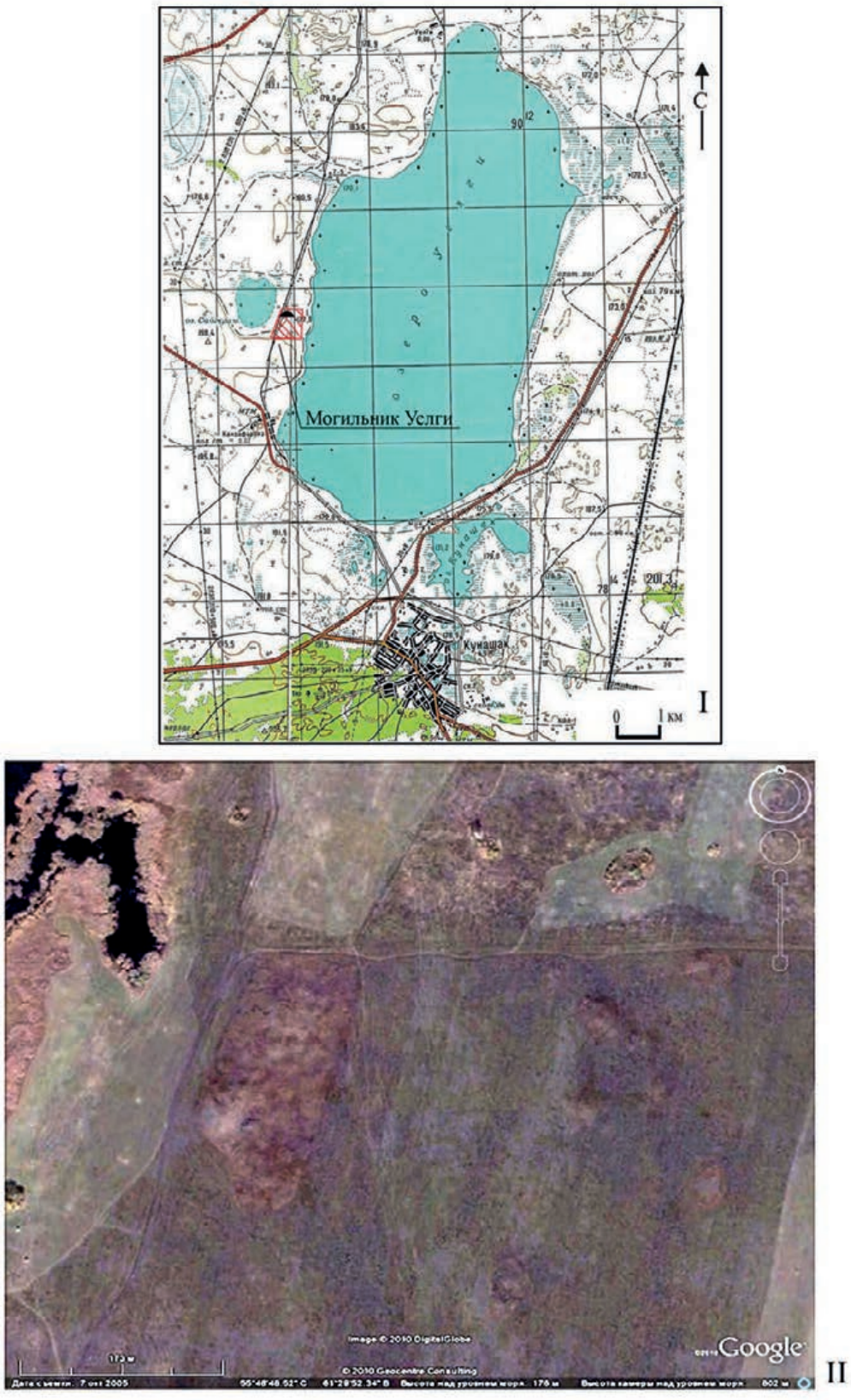

Рис. 1. Погребальный комплекс Услги. I: Административное расположение; II: Космоснимок
1. kép. Az ujelgi temető. I: Közigazgatási elhelyezkedés; II: Műholdkép a lelőhelyről

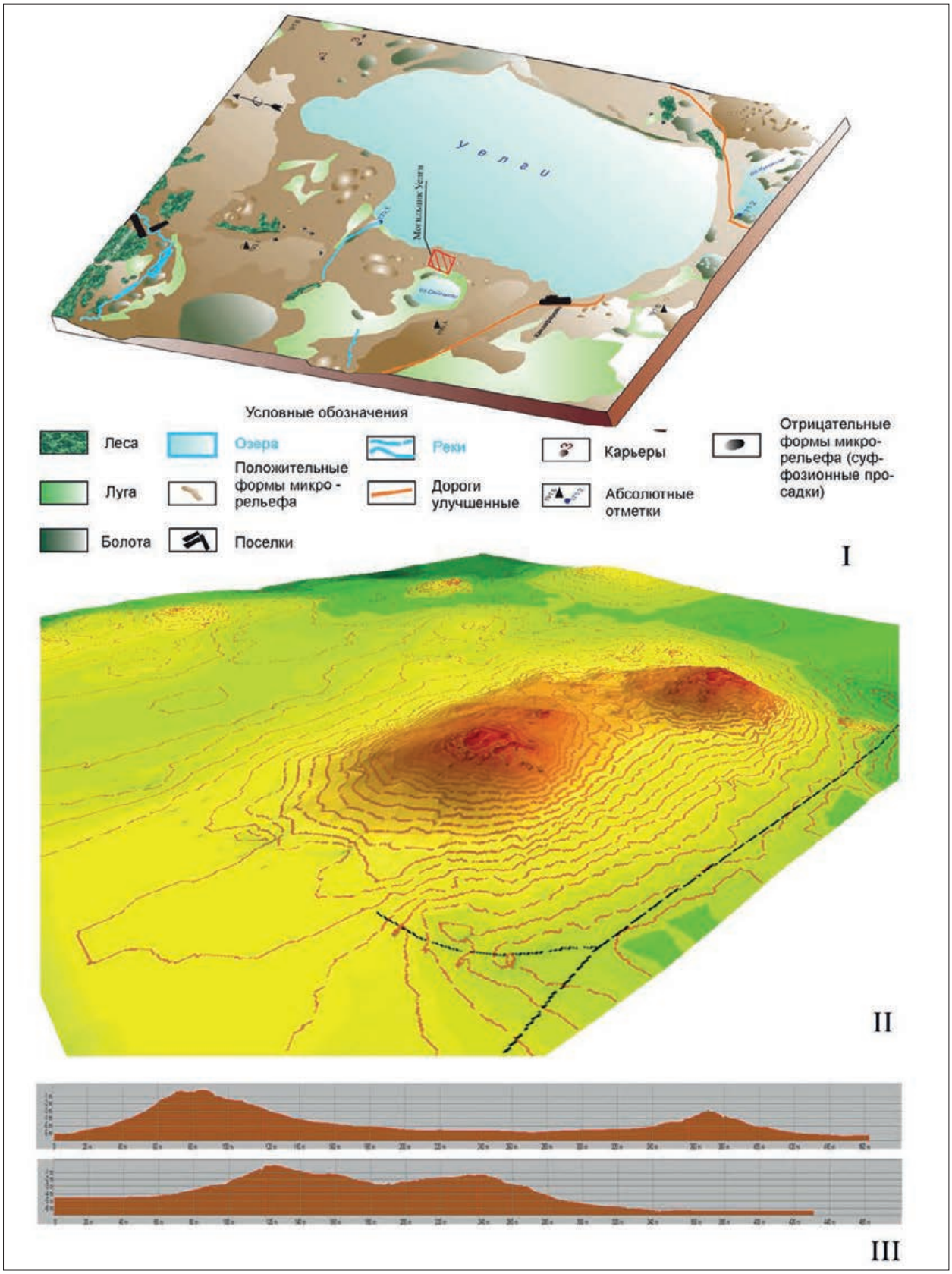

Рис. 2. Погребальный комплекс Уелги. I: Пространственная модель; II–III: Тахеометрическая съемка, план и профиль местности

2. kép. Az ujelgi temető. I: Térbeli modell; II, III: A lelőhely szintvonalas felmérése, helyszínrajz és profilkép

морская аккумулятивная равнина не отличается от цокольной. Здесь наблюдается повышение мощности рыхлых отложений и не вскрывается цоколь.

Погребальный комплекс расположен на западном берегу озера Уелги. Территория археологического памятника представляет собой обширное степное пространство с локальными низменными заболоченными и обводненными (суффузионные просадки) участками с холмами. Рельеф представляет собой почти плоскую слабоволнистую равнину, окруженную с севера, юга и востока лесными массивами в пределах 170–180 кв. м (*рис. 1; 2; 4; 5*).

Зеркало воды озера Уелги 60,3 кв. км, средняя глубина 2,3 м. Западный берег более возвышенный, что фиксируется локальными холмистыми возвышениями поверхности с абсолютными отметками 180 м. Северо-восточный, восточный и южный берега озера заболочены. В южной части расположено озеро Кунашак, некогда единое с озером Уелги.

Исследованная часть могильника находится на фрагменте останца гранитной скалы. Материковая поверхность – аллювиальные озерные песчано-глинистые отложения серого и серо-бурого цвета с фракциями дресвы различных размеров (*рис. 2. II, III*).

История открытия памятника

В июле 2009 года поступила информация об обнаружении нового археологического объекта в Кунашакском районе Челябинской области. По сведениям поисковиков, осуществляющих поиск на западном берегу озера Уелги, в месте межозерной террасы между озерами Уелги и Сайгерлы, были обнаружены металлические артефакты, относящиеся к IX–X вв.

Полученная информация, позволила археологам остановить дальнейший несанкционированный поиск на площади памятника. Поисковиками была собрана внушительная коллекция артефактов. Сбор и сохранение этой коллекции требовали определенных финансовых затрат, которыми на тот момент не располагала археологическая организация и Челябинский областной краеведческий музей. Спонсором выступил челябинский коллекционер, который оплатил расходы.

В дальнейшем, полученные материалы были обработаны в лаборатории Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН и Челябинского областного краеведческого музея.

Была проведена реставрация, фотофиксация и составлена коллекционная опись предметов. Впоследствии эти материалы вошли в общую систематизацию и типологию коллекции Погребального комплекса Уелги.

Первый разведочный выезд на территорию памятника позволил определить его размеры, состояние поверхности, характер наземных сооружений. Была проведена фотофиксация, снят глазомерный план (Н.М. Меньшенин), которые позволили предположить, что памятник расположен на площади до 30 тысяч кв. м, а количество визуально фиксируемых на поверхности курганных насыпей составило 27 единиц (*рис. 3. II*).

Рекогносцировочный раскоп (4 кв. м) выявил культурный слой (остатки прокаленного грунта) и находки (серебряная накладка, кольчатые удила), которые позволили датировать памятник IX–X вв. Первые археологические раскопки были проведены в полевом сезоне 2010 года.

Благодарности

За годы исследований Погребального комплекса Уелги археологам оказывали неоценимую помощь большое количество специалистов и волонтеров.

В первую очередь выражаем глубокую признательность администрации Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), прежде всего президенту вуза Герману Платоновичу Вяткину, ректорам Александру Леонидовичу Шестакову и Александру Рудольфовичу Вагнеру за поддержку и помощь в исследовании памятника.

В организации работы археологической экспедиции и исследовании Погребального

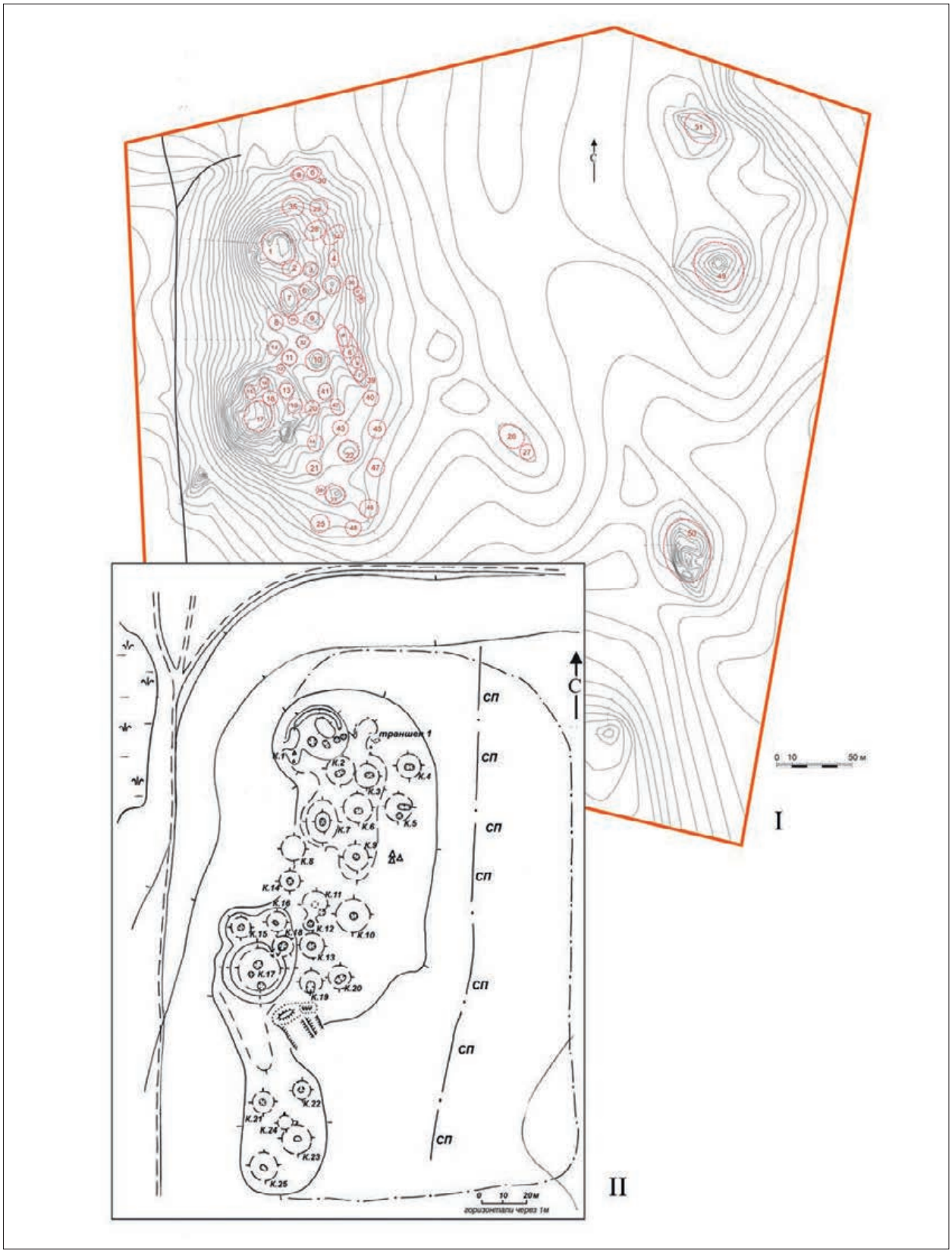

Рис. 3. Погребальный комплекс Уелги. I: Топографический план; II: Глазомерный план 2009 года, составленный Н. М. Меньшениным

3. kép. Az Ujelgi temető. I: Topográfiai térkép; II: A 2009-ben Ny. M. Menysenyin által összeállított helyszíni szemle térképe

Рис. 4. Ландшафт окрестностей Погребального комплекса Уелги. I: Вид с запада–юго-запада; II: Вид с северо-востока

4. kép. Az ujelgi temető természetföldrajzi tájképe. I: nézet nyugat-délnyugati irányból; II: nézet északkeleti irányból

комплекса Уелги принимали участие Е. В. Тидеман (Гущина), А. А. Лукиных, С. О. Истомин, С. А. Ханов, Н. Мировой, О. Ю. Белов, Г. П. Гусев, доктор физико-математических наук И. Л. Перов, М. А. Пак, кандидат геолого-минералогических наук С. Г. Захаров, доктор исторических наук А. Д. Таиров, доктор исторических наук Н. Б. Виноградов, кандидат исторических наук И. Э. Любчанский, кандидат исторических наук И. В. Молчанов, кандидат исторических наук И. П. Алаева, Е. А. Сивкова, Е. С. Боталова, С. М. Арканов, врач В. М. Гавриш, А. К. Семкина, У. А. Гуляева, Е. В. Ульянченко, сотрудники ГИМЮУ И. Ю. Банникова, А. Д. Шапиро, руководители детских и студенческих отрядов С. В. Марков, А. А. Дергунов, Г. Л. Туфленкова, В. П. Еремин, Е. В. Еремина, Д. Ю. Жиров, Е. Ю. Захарова, А. В. Непомнящий, О. В. Непомнящая, С. В. Подкорытова, А. И. Топилин, З. А. Валиахметова, А. А. Попов, А. А. Строкин, В. Т. Полосин, А. А. Сорокин, волонтеры А. О. Букачёва, А. Б. Удовиченко, А. С. Александрова, О. С. Алексеева, А. Е. Мурсатов, С. А. Николаев, Е. С. Сагитова, А. С. Симонов, Е. В. Тимакова, Е. А. Трофимова, В. С. Сергеев, Н. Тарасов, А. С. Сагитов, В. А. Валиахметов, Е. С. Щулькин, Е. С. Яковлева, Е. Ермакова, В. М. Плешанова, Р. Космачева, Д. М. Еграшина, Д. М. Гумарова, М. В. Достовалов, Ю. В. Лугавцов †, кандидат культурологии В. М. Андреев, А. Е. Загирный, Л. Д. Юречко, К. Д. Юречко, С. А. Ватутина, У. Ж. Хабибжанов, М. М. Шафиков †.

Особую благодарность за неоценимый вклад в исследование памятника мы выражаем нашим венгерским профессорам Иштвану Фодору (István Fodor) и Иштвану Эрдели (István Erdélyi) и венгерским коллегам, работавшим под руководством Аттилы Тюрка (Attila Türk) – Polónyi Emese, Budai Dániel, Langó Péter, Balázs Gusztáv Mende, Füredi Ágnes, Szőllősi Mátyás, Hegyi Borbála, Zágorhidi Czigány Bertalan, Harangi Flórián, Jancsik Balázs, Langer Dániel, Gábor Bertók, а также под руководством Коппани Ласло Чайи (László Koppány Csáji) – Miklós Makoldi, György Dévai and Tamás Vas.

Рис. 5. Ландшафт окрестностей Погребального комплекса Уелги. I: Вид с северо-запада; II: Вид с северо-востока

5. kép. Az ujelgi temető terészetföldrajzi látképe. I: nézet északnyugati irányból; II: nézet északkeleti irányból

За большую помощь в организации работы и повседневной жизни экспедиции выражаем признательность администрации Кунашакского муниципального района Челябинской области и местным жителям – главе района С. Н. Аминову †, нынешнему главе Р. Г. Вакилову, заместителю главы Г. Г. Янтуриной, главе поселковой администрации А. Р. Ибрагимову, Н. И. Федину, водителю С. Ю. Шевлюге, Г. И. Валеевой.

Исследование выполнено в рамках государственного задания ИИиА УрО РАН, тема № 124032100052-6 «Культурное пространство Урала: археологические и этнологические исследования»: раздел 1.1 (глава 1) «Результаты полевых раскопок Погребального комплекса Уелги 2009–2019; 2021–2023 гг.» (*С. Г. Боталов, С. Р. Газизова, И. В. Грудочко, А. В. Парунин)*; раздел 3.2 (глава 3) «Палеопочвоведческие наблюдения» (*А. С. Якимов, С. Р. Газизова)*; раздел 3.3 (глава 3) «Результаты исследования археозоологической коллекции некрополя Уелги» (*И. М. Сосновцева)*.

Исследование выполнено при финансовой поддержке *гранта Российского научного фонда № 24-28-20283 «Мир кочевников Южного Урала в свете мадьярской археологии (VIII–XI вв.)», https://rscf.ru/project/24-28-20283/*: раздел 1.2 (глава 1) «Хронология и типология вещевого инвентаря Погребального комплекса Уелги. Результаты радиоуглеродного и типологического датирования» (*С. Г. Боталов, И. В. Грудочко)*; раздел 1.3 (глава 1) «Керамический комплекс Погребального комплекса Уелги» (*С. Г. Боталов, С. Р. Газизова)*; раздел 1.4.1 (глава 1) «Исследование могильника Актюба» (*С. Г. Боталов, С. Р. Газизова, А. Д. Таиров)*; глава 2 «Некоторые актуальные аспекты культурогенеза на Южном Урале в эпоху средневековья»: раздел 2.1 «Формирование протомадьярской культуры в Южном Зауралье» (С. Г. Боталов, В. А. Иванов) и раздел 2.2 «Некоторые вопросы формирования кушнаренковской культуры» (С. Г. Боталов, Ф. А. Сунгатов); раздел 3.1 (глава 3) «Антропология и реконструкция лиц

по черепам из Погребального комплекса Уелги» (А. И. Нечвалода, С. Г. Боталов).

Исследование выполнено при финансовой поддержке *гранта Российского научного фонда № 24-18-20055 «Хозяйство и социальная организация скотоводческих обществ Южного Зауралья: от поздней древности до Нового времени» https://rscf.ru/project/24-18-20055/*: раздел 1.4.2 (глава 1) «Описание находок местонахождения Нижний Яр» (С. Г. Боталов, С. Р. Газизова, А. Д. Таиров); раздел 3.4 (глава 3) «Изделия из кожи и тканей могильников Уелги и Актюба» (В. С. Бусова, К. Г. Маргарян, С. Р. Газизова, А. Д. Таиров).

В рамках реализации проекта PPKE-BTK-KUT-23 и программы ELTE HTK MŐK 2024-2026 подготовлены глава 4 «Сравнительный анализ археологических материалов Южного Зауралья и Карпатского бассейна (X в.) в древневенгерском контексте» (A. Türk, С. Г. Боталов) и глава 5 «Палеогенетические исследования образцов из Погребального комплекса Уелги» (V. Csáky, B. Szeifert, B. Gyuris, B. G.Mende, С. Г. Боталов, A. Türk, A. Szécsényi-Nagy).

Описание памятника до начала исследований

Все насыпи курганов сложены из земли, однако в некоторых (1, 7, 17) наблюдаются камни, вероятно представляющие собой естественный, природный выход гранита. Часть курганов пристраивалась к этим природным возвышениям. На начальном этапе в могильнике было зафиксировано 27 курганных насыпей (*рис. 3. II*).

В большинстве курганных насыпей наблюдается по одному и более древних грабительских углублений диаметром до 5 м и глубиной 0,1–0,25 м. На всей площади могильника присутствуют небольшие (штыковые) выемки современных грабительских вкопов.. Больше всего их у южного и северо-западного подножия кургана 1; к северу от кургана 2; на кургане 3; к югу от кургана 7 и на юго-восточной окраине памятника.

Наиболее крупный грабительский вкоп обнаружен к северу (57 м) от кургана 3, размерами 1,5 × 0,5 м, глубиной до 0,3 м. На северном краю были найдены железные удила, вероятно, извлеченные поисковиками. Из вышеизложенного следует, что основная площадка памятника сосредоточена на вершине северо-западного останца, однако, судя по информации поисковиков и расположению их выемок, материал распространяется в восточном направлении в ложбину, где в 15–20 м от подножия останца проходит граница заброшенной пашни. Вероятно, насыпи курганов, ранее расположенные в этой части, были распаханы и нивелированы.

В межкурганном пространстве в подавляющем количестве были обнаружены предметы поясной и уздечной гарнитуры, аналогии которым встречаются в комплексах раннего средневековья. Кроме того, в удаленной юго-восточной части в 90–100 м к востоку от подножия останца были обнаружены до пяти (точного количества выяснить не удалось) серебряных аббасидских дирхем. Здесь располагаются распаханные насыпи курганов 26 и 27. Судя по внешнему облику, подобные монеты могут быть отнесены к монетам Аббасидов от 287 до 331 года Хиджры (900–944 гг.). То есть с рубежа IX–X вв. до середины X в. Учитывая факт запаздывания попадания монет в погребения (от 50 до 80 лет), вероятнее всего эту часть могильника, можно датировать X в.

Общие результаты стационарных полевых исследований и научной интеграции, осуществляемой параллельно с ними

Археологическое изучение памятника началось в 2010 году. Была проведена инструментальная съемка местности И. В. Молчановым с использованием тахеометра Trimble 3305 DR 2004 года выпуска. Самая высокая точка на местности (вершина холма в юго-западной части могильника) была выбрана в качестве точки стояния тахеометра с нулевыми координатами X, Y, Z, в относительной системе исчисления. С помощью GPS навигатора Garmin были взяты ее

GPS координаты – 55º46,840’ северной широты, 61º29,763’ восточной долготы. Дополнительно были заложены четыре фиксационные точки (P1, P2, P3, P4) на вершинах близлежащих холмов. Для них также сняты GPS координаты (*рис. 2. II; 3. I*).

Координаты фиксационных точек

Пикет	Широта	Долгота
P1	55º46,838′	61º30,042′
P2	55º46,789′	61º30,024′
P3	55º46,697′	61º29,955′
P4	55º46,782′	61º29,713′

Измерения проводились двумя методами. Вначале была заложена регулярная сетка, покрывающая всю территорию могильника. Шаг сетки составляет 4 м по оси X и 4 м по оси Y. Исключения составляли визуально ровные участки, где шаг сетки 4 м по оси X и 10 м по оси Y. Для получения микрорельефа объектов измерения проводились исходя из морфологических особенностей каждого кургана. Все это позволило окончательно определить площадь памятника, которая в настоящее время составляет 120 000 кв.м. Кроме того, были составлены топографический план (М 1:100), матрица высот (размер матрицы 0,05 м), сечение горизонталей, для более детального изучения микрорельефа северо-западного останца (шаг составляет 0,1 м), а также 3D изображение рельефа поверхности для дальнейшего построения общей объемной модели могильника (*рис. 2; 3; 6*).

За период стационарных исследований Погребального комплекса Уелги с 2010 по 2023 год общая площадь раскопов составила 6700 кв. м. Исследовано 25 курганных насыпей (1–10; 10а; 11; 12; 14; 23; 28–36, 41) (*рис. 6*). Курганные комплексы исследовались сплошным раскопом, что позволило определить несоответствие визуальных границ насыпей подлинным границам подкурганных площадок.

С начала исследования Уелгинского комплекса (2010) в составе экспедиции начал свою работу первый венгерский отряд под руководством Коппани Ласло Чайи (Csáji László Koppány). Была проведена первичная кино-, видео- и фотосъемка окружающего ландшафта, комплекса и раскопок курганов 1, 2, 3. В этом же полевом сезоне положил начало палеопочвоведческих наблюдений А. С. Якимов (Тюмень). С 2013 года начал свою работу венгерский академический отряд во главе с Аттилой Тюрком (Türk Attila), ими были проведены раскопки кургана 36, а также первичные антропологические обследования и отбор проб для палеогенетического анализа из курганов 28, 29, 30 Балашом Густавом Менде (Mende Balázs Gusztáv). Проведены обследования долины к востоку от основного некрополя с помощью георадара Габором Бертоком (Bertók Gábor).

В этом же году в археологическом лагере Уелги проводился II-й Международный Мадьярский симпозиум в форме полевого семинара[2] с участием ведущих специалистов-мадьяроведов Урала, Западной Сибири, Казахстана, Украины и Венгрии – Е. П. Казакова, В. А. Иванова, А. М. Белавина, Н. П. Матвеевой, А. К. Кушкумбаева, А. В. Комара, Аттилы Тюрка и др., что имело позитивный стимул для дальнейших исследований Уелгинского комплекса.

Последующие российско-венгерские исследования проходили в рамках единого международного гранта по теме «Истоки формирования культуры древних венгров. Археологический палеоантропологический и палеогенетический аспект исследований средневековых памятников Южного Урала и Западной Сибири» (грант РФФИ № 18-59-23002, 2018–2020 гг.).

Итогом выполнения этого гранта и последующих исследований является создание радиоуглеродной базы источников, анализы которых помещены на страницах настоящего издания.

[2] II-й Международный Мадьярский симпозиум 2013.

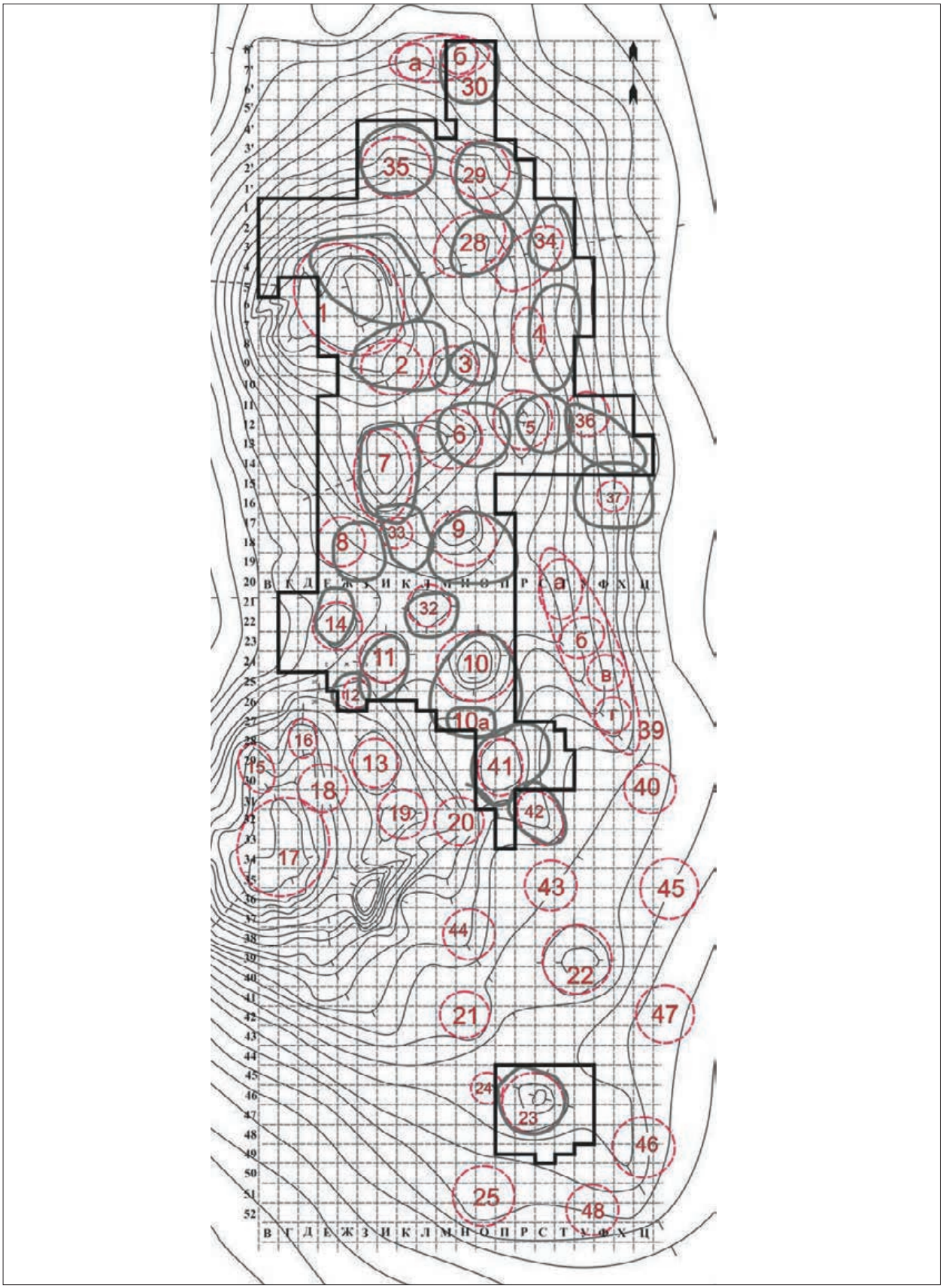

Рис. 6. Погребальный комплекс Уелги. Инструментальный план с сеткой центральной части могильника
6. kép. Az ujelgi temető. Műszeres felszínrajz a temető közép része a szelvényhálóval

ГЛАВА 1
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА УЕЛГИ И НЕКОТОРЫХ ОДНОКУЛЬТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ

1.1. Результаты полевых раскопок 2009–2019; 2021–2023 гг.[1]

Курганы 1–2[2]

В ходе исследований 2010 года было выявлено два кургана (1; 2), восемь погребений и 16 грабительских и поисковых ям. Погребения и ямы нумеровались по мере исследования раскопа.

При исследовании кургана 1 было зафиксировано шесть погребений (2; 3; 5–8) и 12 ям (1; 3–9; 12; 15–17). Указанные объекты концентрируются в основном в центральной части раскопа. Однако погребения 3 и 5 расположены на периферии. Кроме того, в северной части раскопа, на завершающем этапе исследований, было обнаружено погребение 8, которое, по всей видимости, не является единым комплексом с погребальными сооружениями курганов 1 и 2.

Под насыпью кургана 2 располагалось два погребения (1; 4), а также пять ям (2; 10; 11; 13; 14).

Анализ планиграфических и стратиграфических материалов памятника, особенностей распространения вещевого инвентаря позволил заключить, что бóльшая часть погребений разграблена (*рис. 7, I, III*). Едиными комплексами можно считать погребения 2, 5 и 8, где следов современного нарушения культурного слоя не выявлено. Большинство ям, исследованных в полевом сезоне 2010 года, являются остатками грабительских шурфов, за исключением ям 1 и 2; 15 и 16. По всей видимости, яма 1 представляет собой площадку, на которой расположено погребение 5. Погребение 4 расположено в заполнении ямы 2, которая может быть датирована по вещевому инвентарю (ножевидные пластины и отходы каменной индустрии, фрагменты керамики, орнаментированные волнистыми линиями, выполненными в прочерченной технике и гребенчатым штампом) VI тыс. до н.э. Ямы 15 и 16 располагаются в непосредственной близости от погребения 8. Анализ стратиграфии и заполнения объектов позволяет говорить о единовременности их происхождения (*рис. 7; 8*). Стратиграфия исследованных курганов показала необычный состав грунта насыпей. Под слоем дерна залегает темно-серый гумус мощностью 0,4–0,5 м, его подстилает прослойка светло-коричневой золистой гумусированной супеси (0,05–0,15 см). Ниже располагается прослойка прокаленного гумуса, плотность которого варьируется на разных участках, в среднем его мощность составляет 0,07–0,16 м. Подстилающим горизонтом является зольник различных оттенков (охристый, светло-серый, серый, темно-серый, черный с мелкими фракциями угля), толщина которого в среднем составляет 0,28–0,36 м, перекрывающий заполнение могильных ям. Погребенная почва не фиксируется, на отдельных участках отмечена прокаленная почва. Материковой поверхностью являются аллювиальные озерные песчано-глинистые отложения серого и серо-бурого цвета с фракциями дресвы различных размеров (*рис. 7. I, II; 8*).

По всей видимости, при сооружении насыпи или грунтовой ограды внутри нее разжигалось и поддерживалось большое кострище, в резуль-

---

[1] Работа выполнена в рамках государственного задания ИИиА УрО РАН, тема № 124032100052-6 «*Культурное пространство Урала: археологические и этнологические исследования*».

[2] В исследовании курганов 1, 2, 3 принимали участие Е. В. Тидеман (Гущина) и А. А. Лукиных. Авторы глубоко благодарны им за проведение полевых исследований и подготовку отчетов.

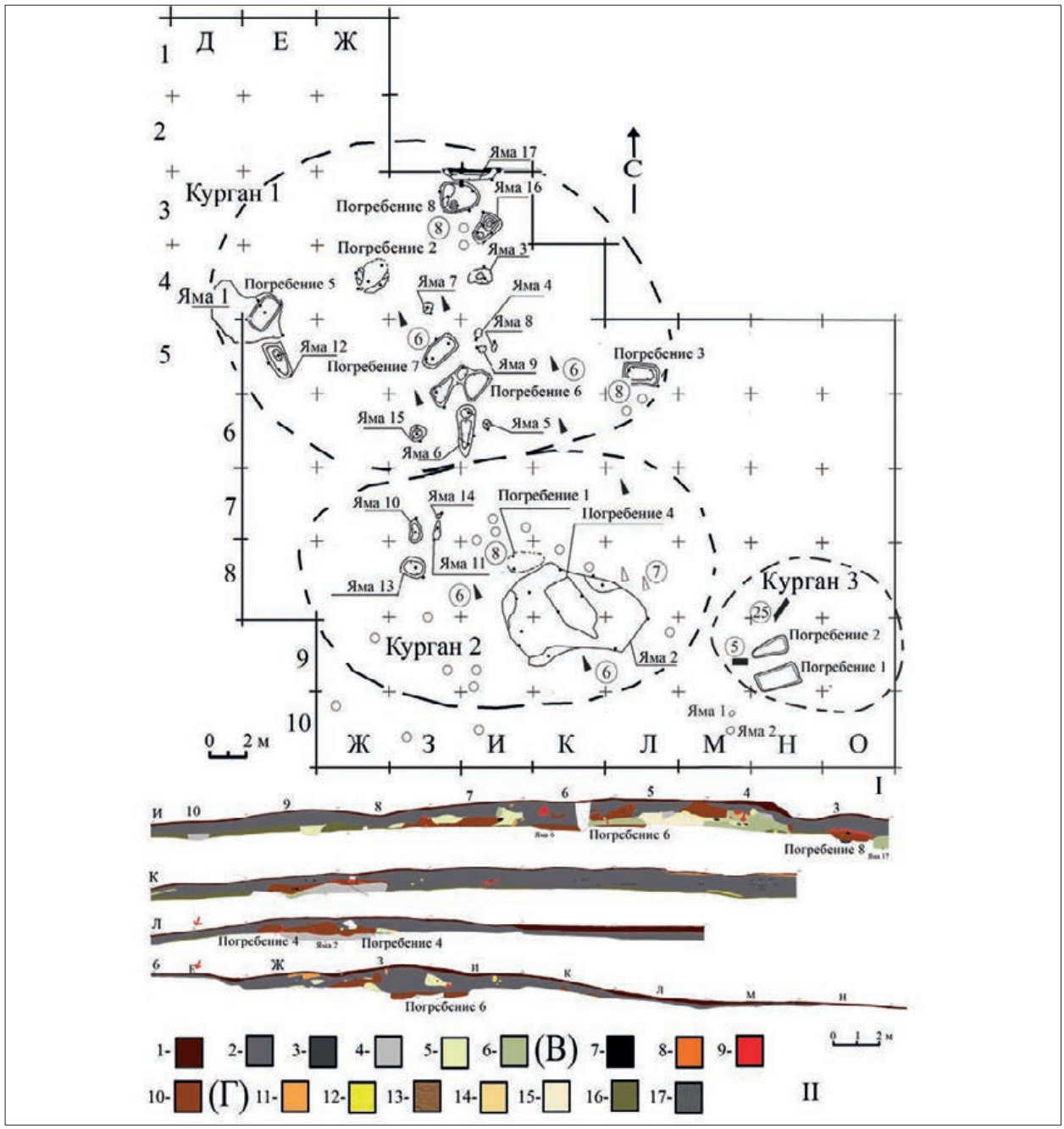

Рис. 7. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 1; 2. I: Общий план; II: Профили центральных бровок со следами огня: 1: дерн; 2: темно-серый гумус; 3: черный гумус; 4: серый гумус; 5: светло-серый зольник; 6: серый зольник; 7: уголь; 8: охра; 9: прокал; 10: светло-коричневая супесь; 11: материковый выкид; 12: нора; 13: древесный тлен; 14: светло-коричневый суглинок с включениями дресвы; 15: светло-серый гумус с углем и золой; 16: погребенная поверхность; 17: материк. III: Сводные условные обозначения вещевого инвентаря. Сводные условные обозначения являются едиными для фиксации всех находок вещевого инвентаря на планах исследованных памятников Погребального комплекса Уелги

7. kép. Az ujelgi temető. 1, 2. kurgán; I: Összefoglaló felszínrajz; II: A középső metszetfalak profilképei égési nyomokkal: 1: gyep; 2: sötét-szürke humusz; 3: fekete humusz; 4: szürke humusz; 5: világos-szürke hamus réteg; 6: szürke hamus réteg; 7: faszén; 8: okker; 9: átégett talaj; 10: világos-barna homokos agyag; 11: altalajbetöltés; 12: állatjárás; 13: famaradvány; 14: világos-barna vályog kavicsos homokkal; 15: világos-szürke humuszos réteg faszénnel és hamuval; 16: temetkezési felszín; 17: altalaj. III: A tárgyi leletek előfordulásainak összefoglaló jelölései. A jelölések egységesek és minden tárgyi leletet tartalmaznak az ujelgi temető hagyatékából

Сводные условные обозначения

1. - сосуд, развал сосуда
2. - фрагмент керамики
3. - бусины
4. - серьга
5. - фрагмент железного изделия
6. - железный наконечник стрелы
7. - костяной наконечник стрелы
8. - изделие из цветного металла (накладки, подвески, фрагменты)
9. - пряжка
10. - пуговица
11. - бубенчик
12. - перстень
13. - стремя
14. - удила
15. - фрагмент кольчуги
16. - кость трубчатая, фрагмент черепа (человек)
17. - камень
18. - дерево
19. - береста
20. - череп, челюсть лошади, клык, зуб лошади
21. - уголь, прокал, зольник
22. - фрагмент железного котелка
23. - изделия из кости
24. - фрагмент ткани
25. - фрагмент железной сабли, нож
26. - железные и серебряные элементы наконечника ножен
27. - железные фрагменты ламеллярного доспеха
28. -колчан, железные(скоба, крюк) и берестяные элементы
29. - стрелковый пояс и его элементы
30. - железный наконечник копья и дротика
31. - кости ног лошади

Рис. 8. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 1; 2. I: Общий вид, рабочий момент, вид с севера; II: Общий вид, рабочий момент, вид с северо-запада

8. kép. Az ujelgi temető. 1, 2. kurgán; I: Az 1. kurgán feltárása észak irányból; II: Az 1. kurgán feltárása északnyugati irányból

тате чего была обожжена значительная часть гумусированных (вероятно дерновых) блоков и часть суглинка и глины, которые были вынуты из внутренней площадки.

Подобное удалось зафиксировать в процессе раскопок кургана 31, где на погребальной площадке также были отмечены следы воздействия огня и захоронение по обряду трупосожжения. Материалы, сопровождающие это погребение, позволяют отнести его к кыргызским (тюхтятским) памятникам. В этом случае наличие ламеллярного доспеха в центральном погребении и присутствие погребения 5 с обрядом трупосожжения позволяют предположить сооружение кургана 1 с кыргызским временем.

Погребение 1 (*рис. 9. I, II*) расположено в юго-восточной части раскопа под насыпью кургана 2 на участках И–К/8, на относительной глубине (+5), на уровне (–20)–(–40) от дневной поверхности. Погребение фиксировалось на уровне погребенной поверхности в слое светло-коричневой супеси. Вещевой инвентарь представлен обломками кольчатых удил и накладками. Скелет разрушен, сохранились лишь кости ног и фрагменты костей таза, а также фрагменты черепной коробки и челюстей, обломки реберных костей. По всей видимости, скелет был ориентирован по линии З–В, головой на ЗЮЗ.

Погребение 2 (*рис. 9. III, IV*) расположено в северо-западной части раскопа под насыпью кургана 1 на участке Ж/4 на глубине (+54)–(+43), уровень (–40)–(–60) от дневной поверхности. Костяк погребенного зафиксирован на каменной обкладке, был ориентирован по линии ССВ–ЮЮЗ, головой на ЮЮЗ. Скелет деформирован, отсутствует кисть правой руки, несколько реберных костей, лобная часть черепа также деформирована, отсутствует верхняя челюсть. У бедренной кости левой ноги обнаружен обломок железного наконечника стрелы, ниже – металлическое изделие.

На костях таза обнаружены сильно коррозированные железные удила. С правой стороны, у шейных позвонков, обнаружена каменная бусина, со сквозным отверстием и орнаментом в виде крупных желобков (*рис. 10. 1*).

В районе тазовых костей обнаружен металлический предмет, треугольной формы в сечении, с остатками дерева (наконечник стрелы?). Вдоль юго-восточного края могильной ямы, от тазовых до берцовых костей, располагался сильно коррозированный металлический предмет (сохранить не удалось) прямоугольной формы со скосом в северо-восточной части, на противоположном конце фиксировались следы деревянной обкладки. По всей видимости, это остатки фрагментов клинкового оружия (сабля или палаш?) (*рис. 10. 2–6*). Грунт в заполнении могильной ямы с включениями мелкой дресвы, с большим содержанием органики. Возможно, погребенный был обернут грубой тканью. На верхнем горизонте фиксировались скопления крупных камней, образовавшие каменный панцирь над погребением.

Погребение 3 (*рис. 11. I; II, 1*) располагается в северо-восточной части раскопа. Могильная яма углублена в материк на 0,15–0,35 м, размерами 2,2 × 0,4 м, ориентирована по линии З–В. Захоронение разграблено.

В заполнении ямы обнаружены несколько крупных кальцинированных обломков костей (животного?), *два серебряных прямоугольных наконечника* ремня с V-образным носиком, отогнутой наружу нижней частью и орнаментом в виде елочки на основании, а также наконечник ремня V-образной формы верхнего и нижнего краев с елочной орнаментацией щитка (*рис. 11. II, 2, 3*).

Погребение 4 (*рис. 7*) расположено в юго-восточной части раскопа под насыпью кургана 2. Яма размерами 3,5 × 2 м, глубиной до 0,5 м, зафиксирована в центральной части углубления (яма 2), которая, по всей видимости, была слабо углубленной постройкой эпохи неолита, о чем свидетельствуют находки кремневых пластин и керамики неолитического облика (в одном слое и на одной глубине). Могильная яма полностью разграблена.

Погребение 5 (*рис. 12. I, II*) располагалось под насыпью кургана 1 в северо-западном секторе. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,5 × 0,45 м, глубиной 0,25 м от уровня материка. В заполнении отмечена золистая супесь с крупной дресвой и большим содержанием угля, ближе к юго-западному и северо-восточному бортам встречаются редкие включения

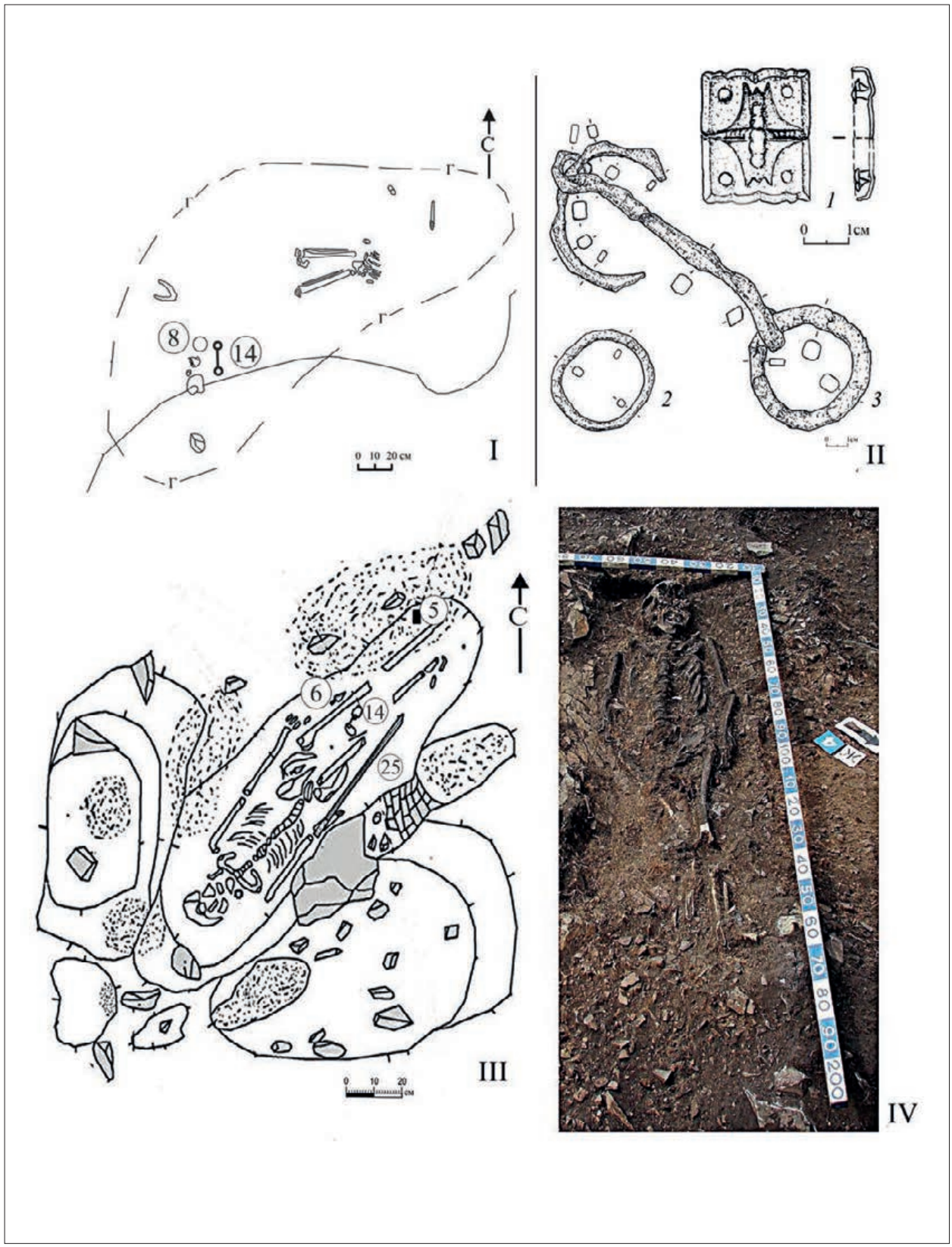

Рис. 9. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 1. I: погребение 1, общий план; II: погребение 1, вещевой инвентарь; III: погребение 2, общий план; IV: погребение 2, вид с северо-востока
9. kép. Az ujelgi temető. 1. kurgán. I: 1. sír, általános felszínrajz; II: 1. sír, mellékletek; III: 2. sír, általános felszínrajz; IV: 2. sír északkeleti irányból

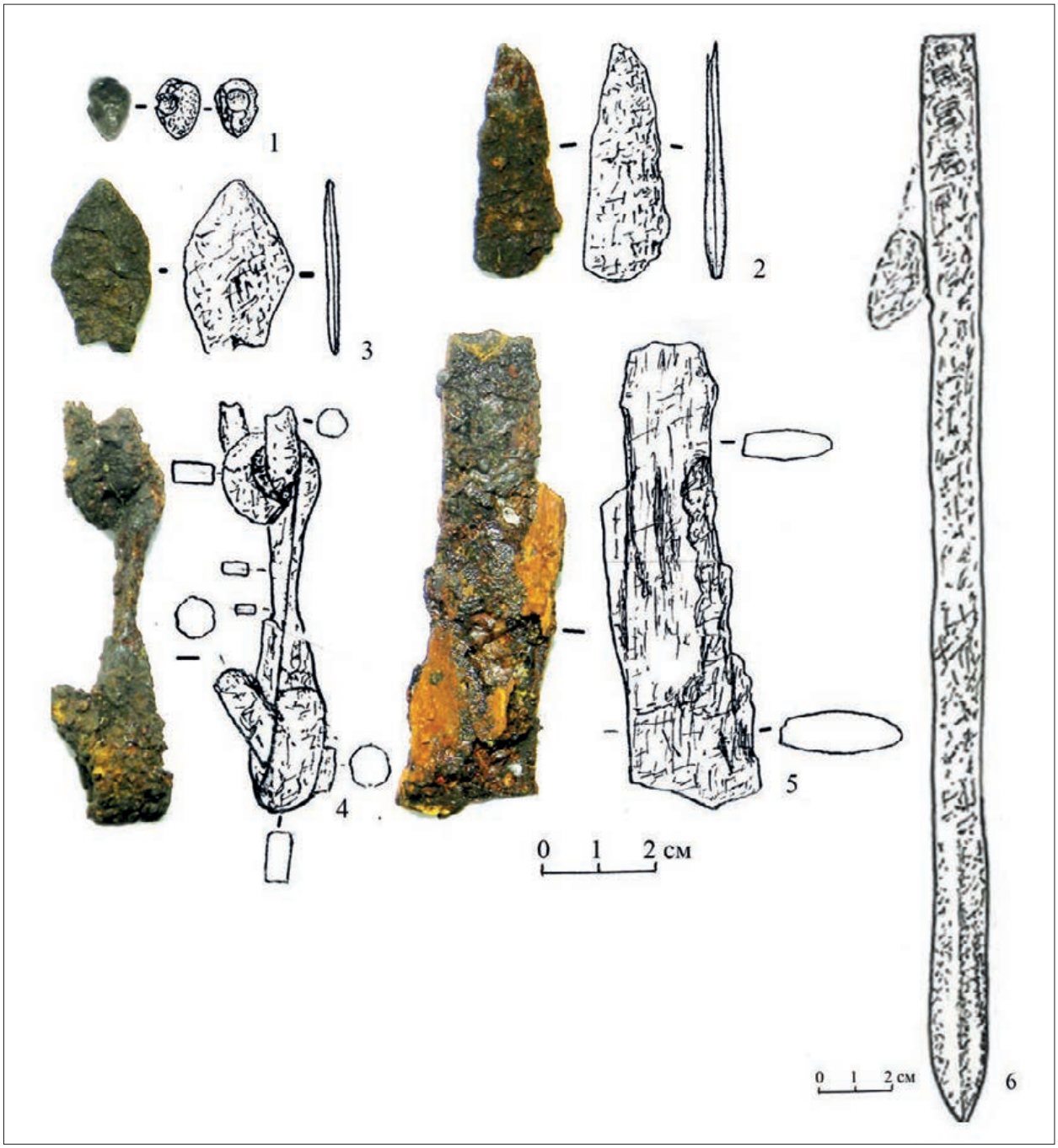

Рис. 10. Погребальный комплекс Уелги. Курган 1. Погребение 2. Вещевой инвентарь. 1: камень; 2–6: железо
10. kép. Az ujelgi temető. 1. kurgán 2. sír. Mellékletek. 1: kő; 2–6: vas

древесного тлена, а количество угля увеличивается. Центр дна могильной ямы выстилала кальцинированная костная мука.

В юго-западной части погребения найдены кальцинированный истлевший обломок челюсти человека и коренные зубы. Южнее челюсти – фрагмент охры. В западной части ямы – фрагмент кости, охра и коренной зуб человека.

В западной части захоронения обнаружена *железная сабля, помещенная в деревянные ножны*, покрытые кожей, с серебряным наконечником (*рис. 13. I; II, 7–9, 11*). Перекрестье железное прямое, слегка выгнутое в сторону лезвия, с шаровидными окончаниями. На рукояти сохранились серебряные навершия с растительным орнаментом и скрепляющий металлический

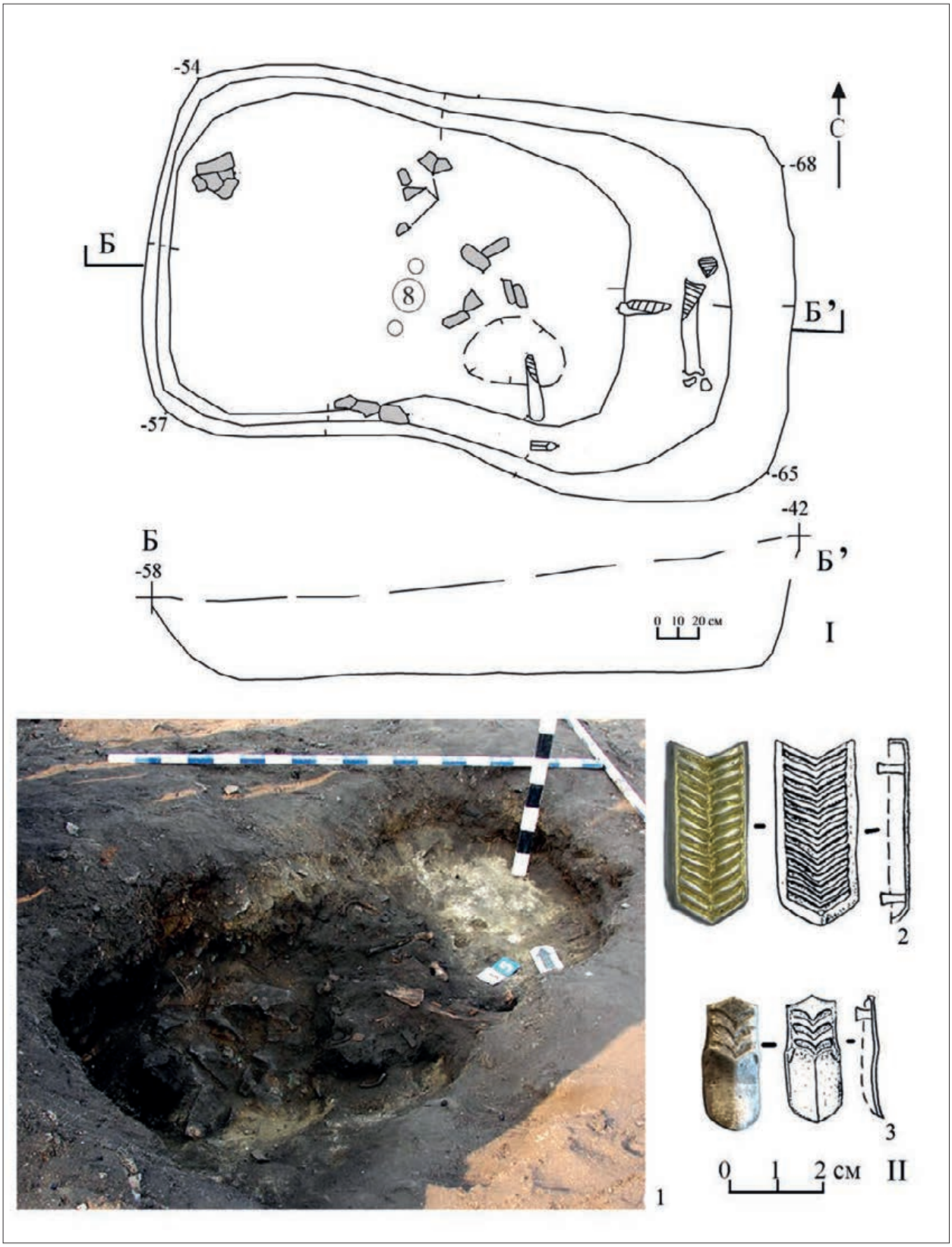

Рис. 11. Погребальный комплекс Уелги. Курган 1. Погребение 3. I: общий план на уровне материка; II. 1: вид с юго-востока; 2–3: вещевой инвентарь

11. kép. Az ujelgi temető. 1. kurgán, 3. sír. I: általános felszínrajz altalaj szintjén; II. 1: nézet délkeleti irányból; 2–3: mellékletek

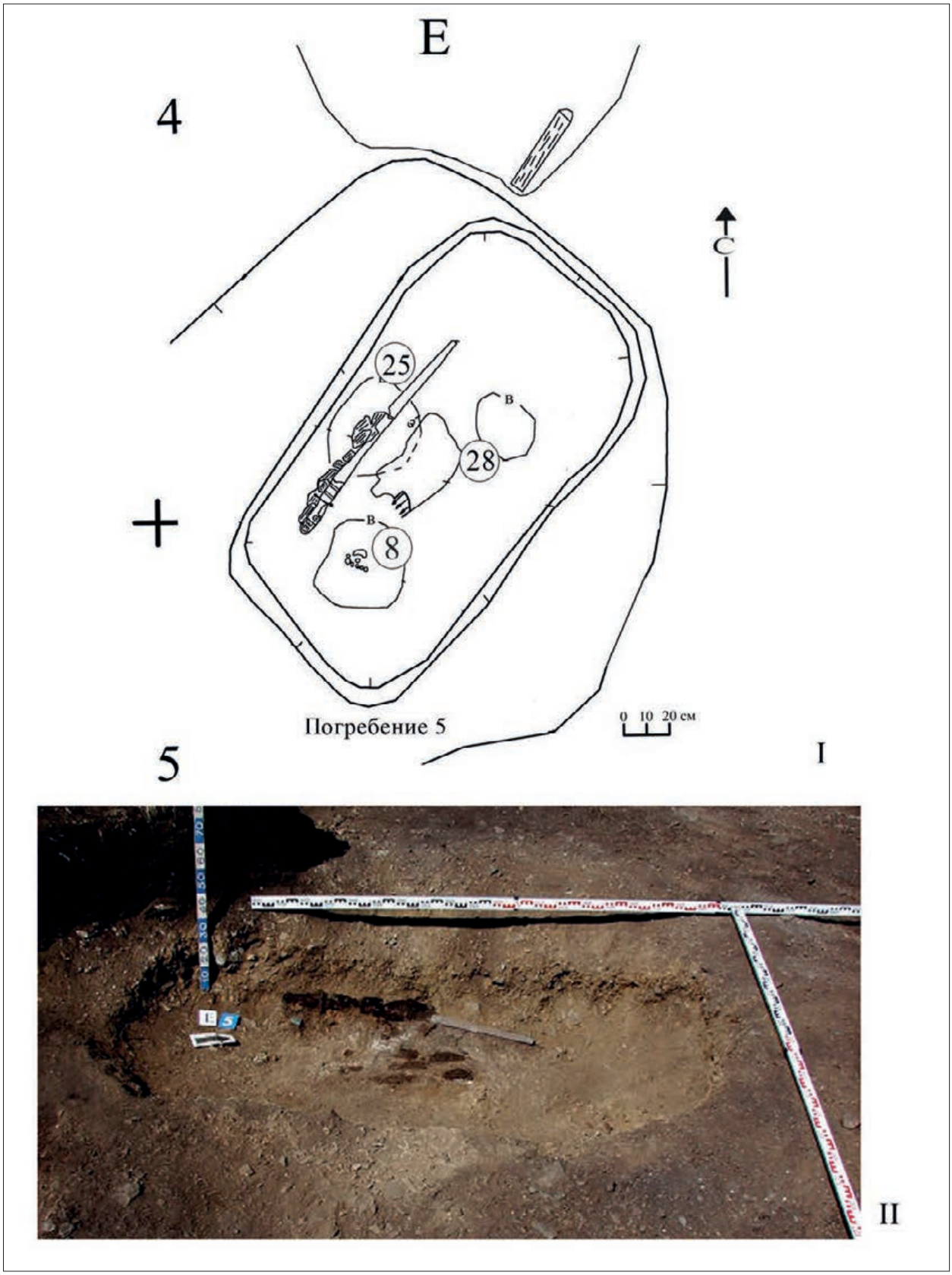

Рис. 12. Погребальный комплекс Уелги. Курган 1. Погребение 5. I: общий план погребения; II: вид с восток-юго-востока

12. kép. Az ujelgi temető. 1. kurgán, 5. sír. I: a sír általános felszínrajza; II: nézet kelet–délkeleti irányból

шпенек. Весь комплекс покрывали крупные фрагменты дерева. По всей видимости, они являются остатками футляра (кофра).

Восточнее сабли в центральной части погребения находился *берестяной колчан с четырьмя железными наконечниками стрел*. В процессе извлечения артефактов выяснилось, что колчан лежал лицевой стороной на материке и был украшен ромбическим орнаментом, выполненным тонкими кожаными ремешками. Кроме того, на ремне были обнаружены *серебряная накладка, наконечник ремня и железная пряжка* (в лабораторных условиях удалось отделить *фрагмент органической ткани* от внутренней поверхности колчана) (*рис. 13. II, 1–6, 10*).

Севернее погребения в 1,3 м располагалось скопление обожженных костей лошади (ребра, трубчатые, суставные части). Все кости вытянуты по направлению ССВ–ЮЮЗ. В одном метре от скопления костей зафиксирована обугленная плашка толщиной 0,02 м, вытянутая в том же направлении. Вероятно, данный объект является жертвенником 1 (*рис. 12. I*).

К югу от погребения 5 на участке Е/5, на уровне (0)–(–40) от дневной поверхности располагалась яма 12, заполненная серой гумусированной золистой супесью с крупными фракциями древы. Камни из заполнения крупнее, чем в погребении 5. Из находок следует отметить фрагменты костей животных и фрагмент верхней челюсти ребенка. Указанные костные остатки, возможно, являются следами поминально-ритуальных тризн (*рис. 7*).

Погребение 6 (*рис. 14. I*) располагалось в центральной части площадки кургана 1, ориентировано по линии ССВ–ЮЮЗ, размерами 1,6 × 0,9 м. Глубина могильной ямы 0,15–0,25 м от уровня материка. На верхних горизонтах, в насыпи было зафиксировано большое количество (обломков) костей человека. Погребение разграблено. Была обнаружена плоская *бляшка-подвеска* овальной формы с псевдопетельчатым выступом, овальным носиком и орнаментом в виде выпуклой жемчужины (*рис. 14. II, 1*). У южной стенки, на уровне материка в небольшом углублении, к востоку от юго-восточного угла могильной ямы располагался *развал плоскодонного сосуда*. Горшок с короткой прямой шейкой, плоским венчиком, в районе плеча имеются четыре налепа-петельки со сквозными отверстиями, тулово слегка раздуто, дно плоское, отделенное уступом от тулова, в тесте большое количество примесей песка и талька. Орнаментирован по шейке двумя параллельными рядами решетки из косых насечек, разделенных линиями шнура, ниже располагаются два ряда резного зигзага (*рис. 14. II, 3*). Второй *развал сосуда* был обнаружен северо-западнее, в 0,5 м от первого. Сосуд бомбовидной формы, средних размеров – высотой 13,5 см, диаметр (тулова) 15 см. Сосуд орнаментирован по шейке гребенчатым штампом в виде трех полос гребенчатых вдавлений, разделенных горизонтальными рядами зигзага (*рис. 14. II, 2*).

Погребение 7 (*рис. 14. I*) располагалось в центральной части насыпи, ориентировано по линии ССВ–ЮЮЗ, могильная яма размерами 2,3 × 1,3 м, глубиной 0,3–0,35 м от уровня материка. На верхних горизонтах, на участках З–И/4–5, в насыпи кургана 1, зафиксировано большое количество обломков костей человека, а также множество элементов *ременной гарнитуры, обломки металлических панцирных пластин* и *фрагменты керамики* (*рис. 15. 1–28, 30–60*).

Погребение разграблено. В заполнении могильной ямы были обнаружены обломки тазовых, берцовой и лучевой костей. Также были зафиксированы более 20 фрагментов *панцирных пластин*, сконцентрированных в северной, центральной и юго-западной частях ямы и *накладка-заклепка* диаметром 0,6 см, полусферической формы с квадратной фиксирующей шайбой (*рис. 15. 29, 61*).

Погребение 8 (*рис. 16. I; II*) **б**ыло обнаружено в северном секторе кургана. Яма овальной формы, вытянута по линии З–В, размерами 1,6 ×0,9 м. Отличительной чертой является слабая углубленность. Скелет погребенного деформирован (отмечены следы ритуального разрушения), отсутствуют кости рук, ног, ребер. Череп смещен на грудной отдел позвоночника и расположен в восточной части могильной ямы, погребенный ориентирован головой на ССЗ.

В южной части захоронения обнаружены *две серебряные пуговицы-бубенчики* шаровидной формы, двусоставные, с проволочной петель-

Рис. 13. Погребальный комплекс Уелги. Курган 1. Погребение 5. I: фрагмент расчистки сабли; II: вещевой инвентарь. 1–3: серебро; 4, 5: железо; 6: ткань; 7–9, 11: железо, серебро с позолотой, серебро; 10: береста
13. kép. Az ujelgi temető. 1. kurgán, 5. sír. I: a szablya letisztításának egy része; II: mellékletek. 1–3: ezüst; 4, 5: vas; 6: szövet; 7–9, 11: vas, aranyozott ezüst, ezüst; 10: nyírfakéreg

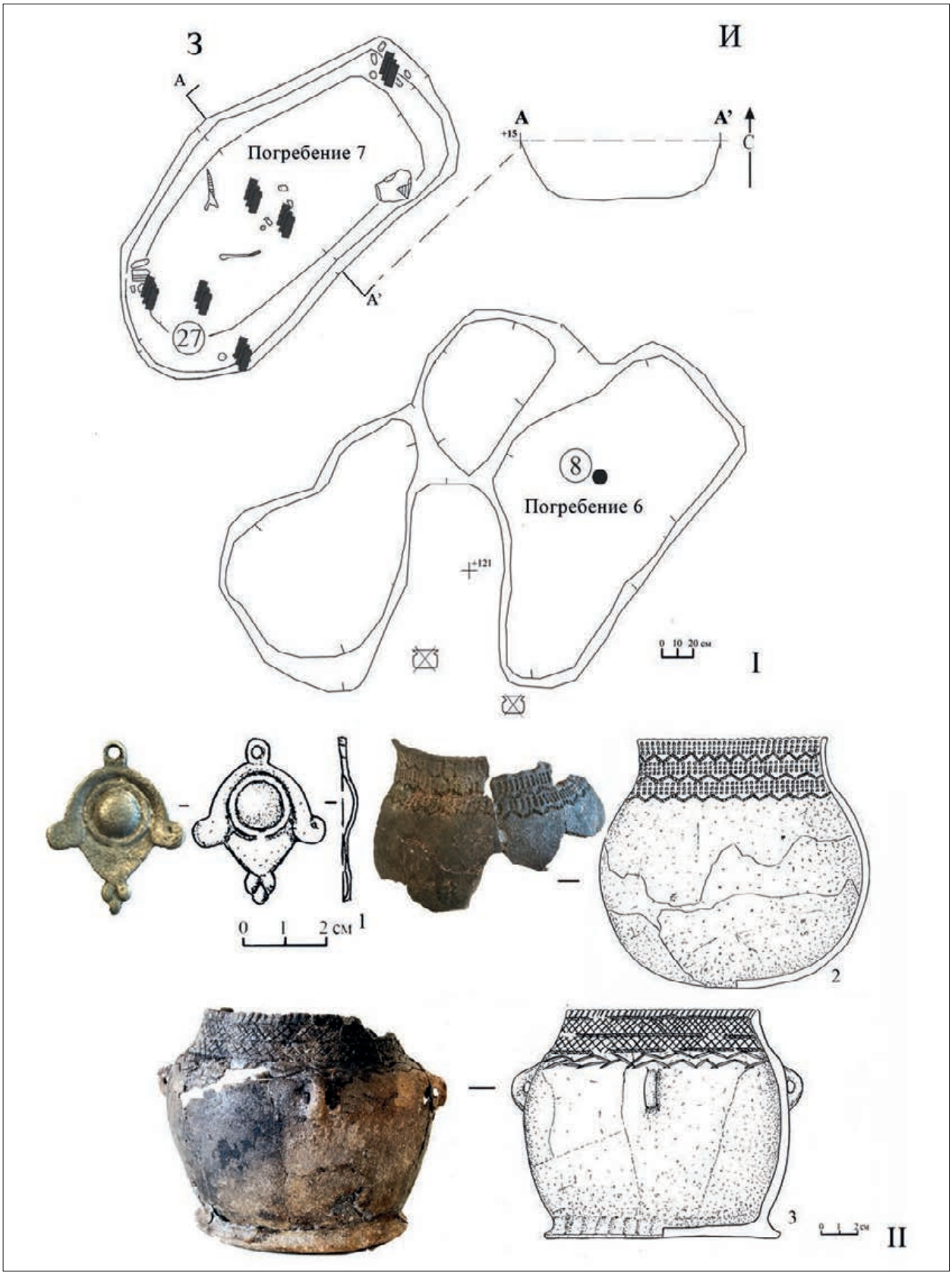

Рис. 14. Погребальный комплекс Уелги. Курган 1. Погребения 6; 7. I: план погребений; II: вещевой инвентарь погребения 6. 1: серебро; 2–3: керамика

14. kép. Az ujelgi temető. 1. kurgán, 6, 7. sír. I: a sírok felszínrajza; II: a sír 6 mellékletei. 1: ezüst; 2–3: kerámia

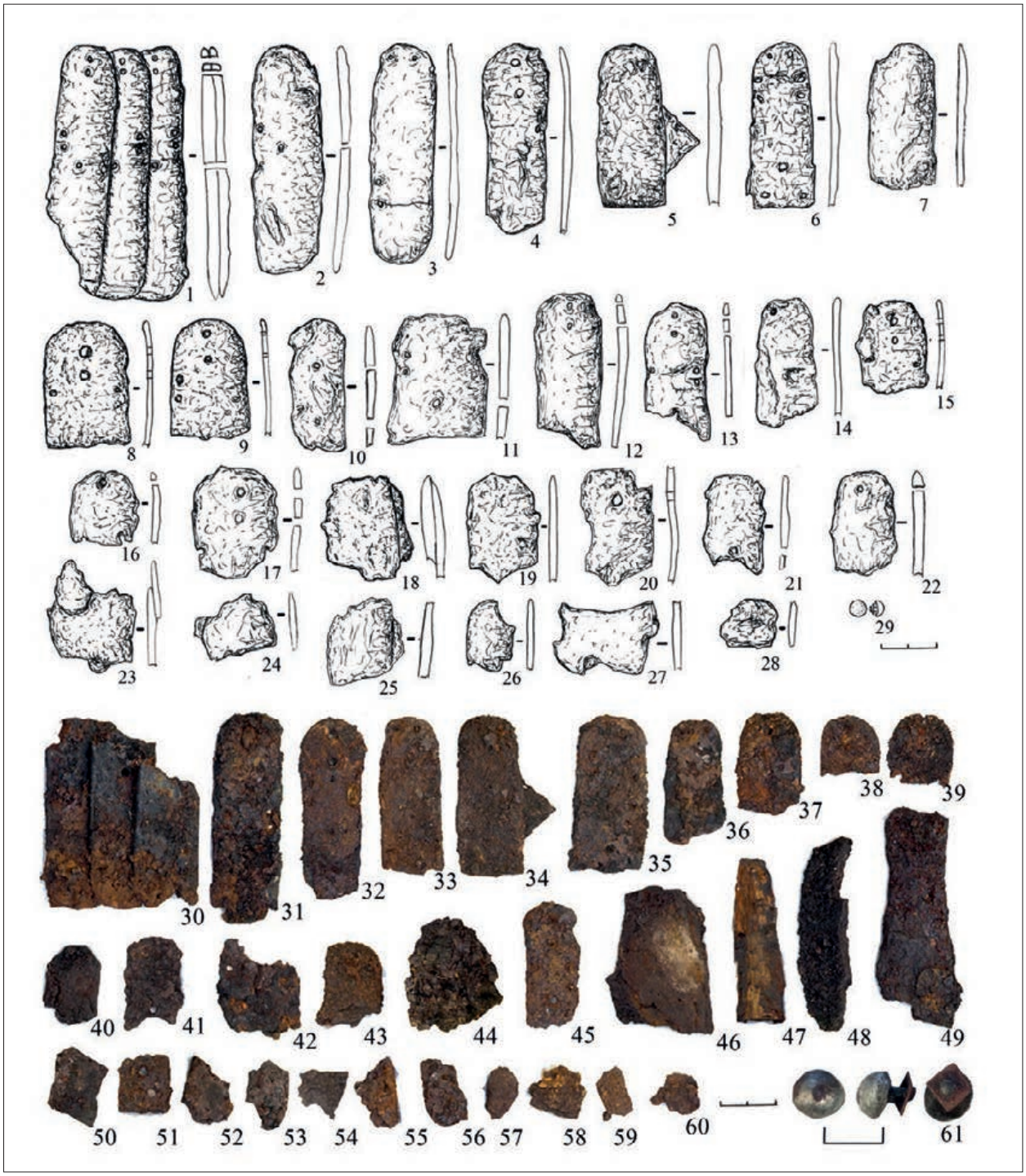

Рис. 15. Погребальный комплекс Уелги. Курган 1. Погребение 7. Вещевой инвентарь. 1–28, 30–60: железо; 29, 61: серебро, железо
15. kép. Az ujelgi temető. 1. kurgán, 7. sír. Mellékletek. 1–28, 30–60: vas; 29, 61: ezüst, vas

кой (*рис. 17. 1–5*). Рядом с черепом – *два железных кольца*, возле реберных костей *железная пряжка* (*рис. 17. 17–19*). В юго-восточной части погребения обнаружены *железные кольчатые удила* и *стремя арочной формы* с расширенной подножкой (*рис. 17. 16, 20*). В северо-восточной части могильной ямы возле бедренных костей обнаружен трехгранный асимметрично-ромбический *черешковый костяной наконечник стрелы* (*рис. 17. 10*).

Вдоль позвоночника в направлении ССВ–ЮЮЗ находилась сильно коррозированная

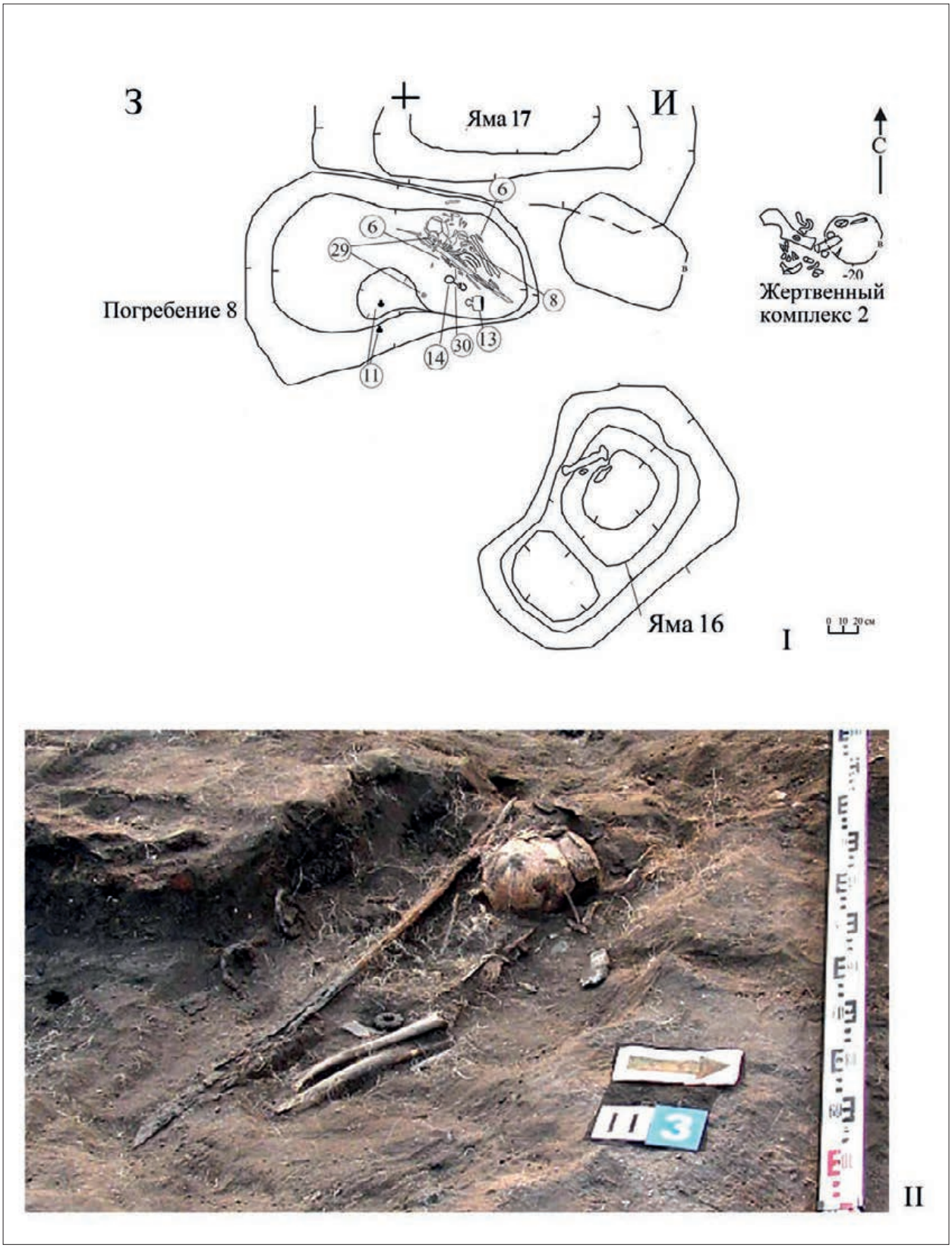

Рис. 16. Погребальный комплекс Уелги. Курган 1. I: погребение 8, яма 16, жертвенник, общий план; II: погребение 8, вид с восток-северо-востока

16. kép. Az ujelgi temető. 1. kurgán. I: 8. sír, 16. gödör 16, áldozati objektum, általános felszínrajz; II: 8. sír, kelet–északkeleti irányból

Рис. 17. Погребальный комплекс Уелги. Курган 1. Погребение 8. Вещевой инвентарь. 1–6, 14: серебро; 7–9, 11–13, 15–20: железо; 10: кость

17. kép. Az ujelgi temető. 1. kurgán, 8. sír. Mellékletek. 1–6, 14: ezüst; 7–9, 11–13, 15–20: vas; 10: csont

железная сабля с отогнутой в сторону лезвия рукоятью, помещенная в деревянные ножны (*рис. 17. 15*). Перекрестье железное прямое с шаровидными окончаниями. На рукояти сохранился крепежный шпенек-заклепка. Лезвие в сечении треугольной формы, его конец слегка скошен.

В непосредственной близости от сабли обнаружена *витая серебряная гривна* с ушком на конце (*рис. 17. 14*), а также скопление (5 экз.) *черешковых железных трехлопастных наконечников стрел* и *железный наконечник копья* (*рис. 17. 7–9, 11–13*).

Жертвенный комплекс 2 (*рис. 16. 1*). В 1,5 м к востоку от центра было обнаружено крупное скопление костей животного и пятно зольника. Кости лошади также были обнаружены в яме 16.

Описание вещевого инвентаря

Наконечники стрел

Наконечники стрел костяные (2 экз.), асимметрично-ромбические четырехугольные, на одном косая нарезка на конце черенка для усиления крепления. Размеры 0,9–1 × 7,3–7,9 см (*рис. 18. 1, 2, 22, 23*).

Наконечники стрел железные, плоские двухлопастные (4 экз.): ромбической формы, имеют тонкий длинный черенок; плоский с подпрямоугольной головкой, размерами 1,4 × 9,3 см; два фрагмента – один от листовидной головки, размерами 2 × 3,3 см, второй – фрагмент нижней части головки и черешок, размерами 1,3 × 6,2 см (*рис. 18. 7, 13, 14, 20, 21, 28*).

Наконечники стрел железные трехлопастные и трехгранные: малые (14 экз.) размерами 0,6–1,1 × 3,9–4,7 см и большие (5 экз.) размерами 0,5–1,4 × 7–9 см (*рис. 18. 3–6, 8–12, 15–19, 24–27, 30, 31*).

Наконечник стрелы железный четырехгранный. Размеры 0,6 × 8,2 см (*рис. 18. 29*).

Предметы конской упряжи

Фрагменты железных стремян (5 экз.) включают четыре фрагмента дужек с петлеобразным отверстием для путлища, размеры 0,8–1,6 × 6,6–12,2 см (*рис. 19. 1, 3, 4, 6*) и один *фрагмент подножки* (*рис. 19. 18*).

Удила с кольчатым окончанием (2 экз.), размеры 0,4–0,7 × 13,5–15,6 см (*рис. 19. 10, 12*). Кольца и фрагменты колец, диаметры 2,5; 7,2; 3,6 и 4,8 см (рис. *19. 2, 9, 11*).

Фрагменты удил с восьмерковидным окончанием, размеры 1,4 × 8,9 см (*рис. 19. 13*); *с S-видными и прямыми псалиями*, размеры 1 × 6 см и 3,0 × 12 см (*рис. 19. 14, 15*).

Пряжки железные (2 экз.): *подпружная* подпрямоугольной формы размерами 3,1 × 4 см и *сегментовидная* диаметром 3,5 см (*рис. 19. 7, 8*).

Тренчик железный. Размеры 1,8 × 2,4 см (*рис. 19. 16*).

Скобель железный. Размеры 0,5 × 12 см (*рис. 19. 17*).

Ременная гарнитура и украшения

Накладки гантелевидные серебряные (6 экз.), без орнамента, состоят из двух полусферических блях, соединенных узкой перемычкой; на обратной стороне два заостренных шпенька, литые. Размеры 2,1 × 1 см (*рис. 20. 1–6*).

Накладки сердцевидные серебряные (3 экз.), с неорнаментированным щитком, с фигурными ушками сверху и снизу. Размеры 1,1 × 1,8 см (*рис. 20. 7–9*).

Накладки сердцевидные (5 экз.) с плоским (*рис. 20. 22–24*) и выпуклым щитком (*рис. 20. 25, 26*).

Накладки фигурные (3 экз.) с псевдопетелькой сверху и оконтуренным нижним концом (*рис. 20. 27–29*).

Накладки фигурные (3 экз.) с двумя сферическими окончаниями сверху и снизу. Размеры 0,9 × 1,5 см (*рис. 20. 10–12*).

Накладки щитовидные (2 экз.) с шестью округлыми отростками в верхней и нижней части. Размеры 1,5 × 1,9 см (*рис. 20. 13, 14*).

Накладки щитовидные (4 экз.) с прочерченным геометрическим изображением и оконтуренным краем в виде овалов и шести окружностей. Размеры 1,2 × 1,8 см; 1,3 × 15 см (*рис. 20. 16–19*).

Накладки округлые (3 экз.) с псевдопетелькой и фигурно обрезанным краем. Размеры 1,2 × 1,4 см (*рис. 20. 15, 20, 21*).

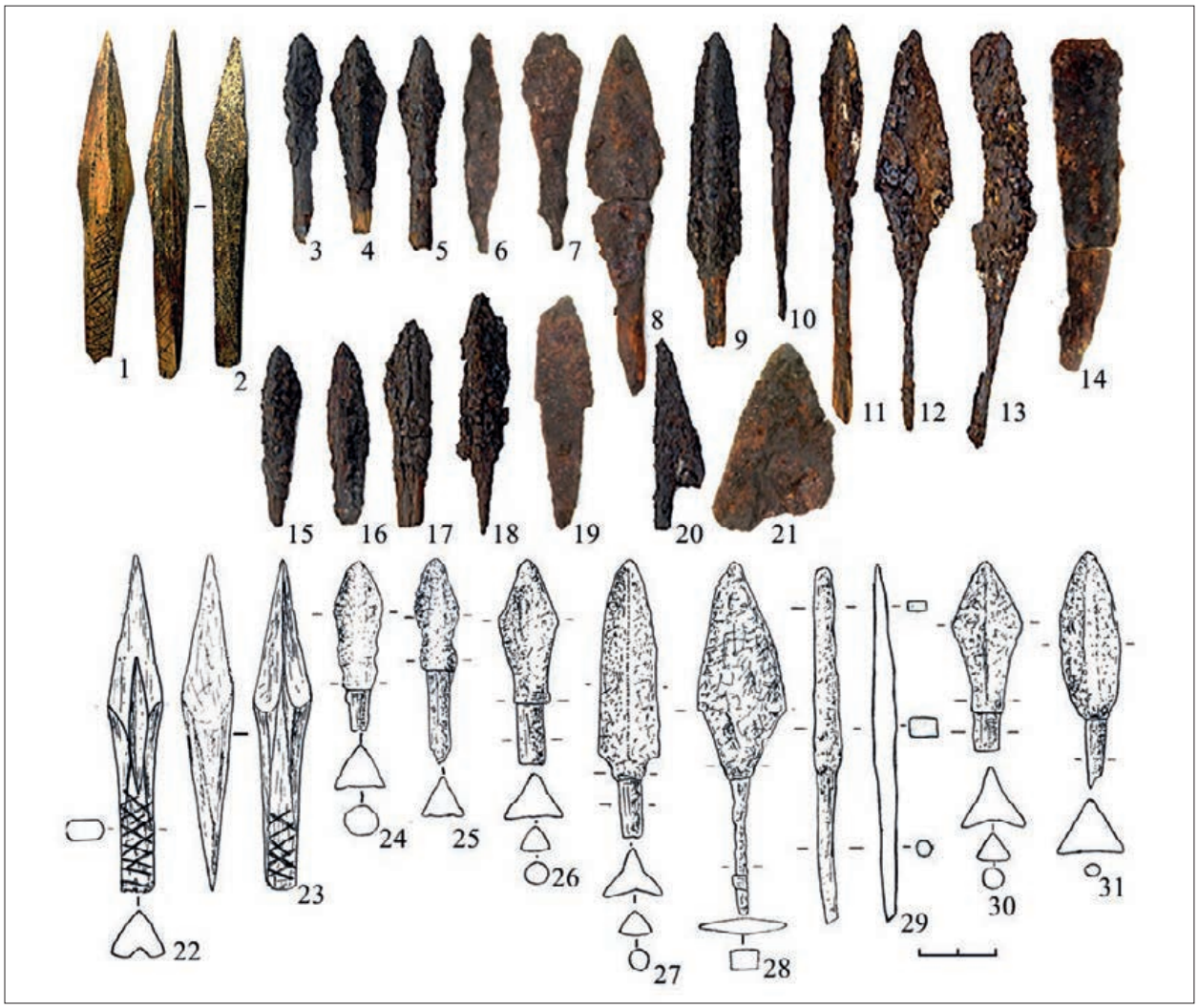

Рис. 18. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 1; 2. Подкурганная площадка. Вещевой инвентарь. 1–2, 22–23: кость; 3–21, 24–31: железо

18. kép. Az ujelgi temető. 1. kurgán. 2. A kurgán alatti tér. Mellékletek. 1–2, 22–23: csont; 3–21, 24–31: vas

Накладки фигурные (2 экз.) с тисненым орнаментом в виде сферических выпуклостей. Размеры 0,9 × 1 см (*рис. 20. 30, 31*).

Накладки билунницевидные (3 экз.) с двумя сферическими напайками сверху и снизу и перехватом посредине. Размеры 0,7–1,3 × 2,7–2,9 см (*рис. 20. 32–34*).

Накладки подквадратные (2 экз.) с прорезью в нижней части. Размеры 2 × 2,1 см (*рис. 20. 35, 36*).

Накладка подквадратная с вытянутыми уголками в верхней части. Размеры 2 × 2,1 см (*рис. 20. 39*).

Накладка концевая с плоским вытянутым носиком (*рис. 20. 43*).

Накладка концевая выгнутая с тисненным V-образным орнаментом в верхней части щитка. Размеры 1,1 × 1,6 см (*рис. 20. 44*).

Серьга серебряная с пятью выделенными овальными сферическими выступами на подвеске и нанесенным шариком в углу верхней дужки. Размеры 0,6 × 1,6 × 6,2 см (*рис. 20. 42*).

Пряжки цельнолитые серебряные с овальной рамкой и щитовидным щитком (6 экз.). *Малые* (2 экз.) размерами 1,5 × 2,5 см (*рис. 20. 45, 46*); *большие* (4 экз.) размерами 2,1–2,6 × 3,6–3,8 см (*рис. 20. 47–50*).

Пуговицы-бубенчики бронзовые (3 экз.) цельнолитые и полуствorки (*рис. 20. 37, 40, 41*).

Пронизка бронзовая с семью перехватами. Размеры 0,7 × 3,6 см (*рис. 20. 38*).

Рис. 19. Погребальный комплекс Уелги. Курган 1; 2. Подкурганная площадка и насыпь. Вещевой инвентарь. Железо
19. kép. Az ujelgi temető. 1. kurgán. 2. A kurgán alatti tér és feltöltés. Mellékletek. Vas

Накладки серебряные и серебряные с позолотой с тисненной и литой орнаментацией

Накладка сферическая полиметаллическая с растительным орнаментом. В центре расположен цветок смоквы, от него расходятся четыре стебля, по контуру растительное обрамление. Высота 0,4 см, диаметр 2,5 см (*рис. 21. 1*).

Рис. 20. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 1; 2. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. 1–36, 42–50: серебро; 37–41: бронза

20. kép. Az ujelgi temető. 1. kurgán. 2. A kurgán alatti tér és feltöltés. Mellékletek. 1–36, 42–50: ezüst; 37–41: bronz

Накладки фигурные серебряные с позолотой (2 экз.): *полукруглая* с прямоугольным вырезом в верхней части, размеры 1,9 × 2 см (*рис. 21. 2*), и *сердцевидная* с овальным вырезом в верхней части, размеры 1,7 × 2,1 см (*рис. 21. 3*). Орнаментированы в сросткинском стиле цветами и плодами смоквы.

Накладки сердцевидные серебряные с позолотой: крупная (1 экз.) размером 1,6 × 2,1 см (*рис. 21. 24*), средние и мелкие (13 экз.) размером 1,1 × 1,5 см (*рис. 21. 10–18, 20–23*). Орнаментированы в сросткинском стиле.

Накладка рыбовидная серебряная с позолотой, с растительным сюжетом в центре бóльшей части. Размеры 1,6 × 2,3 см (*рис. 21. 19*).

Накладка квадратная серебряная с позолотой, с двумя завитками растительного сюжета на щитке и одним крепежным шпеньком. Размеры 1,1 × 1,3 см (*рис. 21. 25*).

Накладки сердцевидные серебряные (2 экз.) сферической формы, с тисненным бутоном по центру. Размеры 1,4 × 1,6 см (*рис. 21. 4, 5*).

Пронизка-подвеска в виде бутылочки серебряная, полая внутри, орнаментирована зернью в виде заполненных поясков из треугольников. Размеры 0,6 × 1,8 × 3 см (*рис. 21. 9*).

Накладка щитовидная серебряная с позолотой, с петлей для подвешивания в верхней части, имеет растительный узор в виде трилистника на щитке. Размеры 1,5 × 2 см (*рис. 21. 6*).

Накладка круглая с трилистником серебряная с позолотой, имеет петлю с кольцом. Диаметр 1,1 см, диаметр кольца 1,4 см (*рис. 21. 28*).

Накладки в виде фигурного щитка серебряные с позолотой (2 экз.), с округлой выемкой в верхней части и округлым выступом в нижней, на щитке тисненный стилизованный орнамент. Размеры 1,5 × 1,8 см (*рис. 21. 7, 8*).

Псевдоподвески-накладки крестовидные серебряные (2 экз.). Большая размерами 3 × 3,8 см, имеет по паре сферических выступов на окончаниях и петлю для подвешивания сверху, с обратной стороны два крепежных шпенька (*рис. 21. 26*). Малая накладка размерами 2 × 2,2 см, окончания срезаны под углом, верхний конец имеет подвесную петлю, с обратной стороны также два крепежных шпенька (*рис. 21. 27*).

Накладки серебряные с изображением богини Парвати, сидящей в позе лотоса или падмасана (4 экз.), которая держит в руках цветы и плоды. По периметру накладки располагается выступающий бордюр в виде овалов, перехваченных подпрямоугольными полусферами. Диаметр изделия 2,1–1,6 см (*рис. 21. 29–32*).

Фрагмент серебряной накладки с изображением старца (Христа, Мани) с поднятой вверх правой рукой со сложенным двуперстием, сидящего в позе лотоса (падмасана). По внешнему контуру накладки идет бордюр в виде овалов, перехваченных двумя подпрямоугольными выступающими полусферами (*рис. 21. 33*). При реконструкции накладка приобрела трапециевидную округлую форму.

Накладки концевые с цветочным или бутоновидным тисненным орнаментом, серебряные (4 экз.). Самая крупная размерами 2,5 × 6 см и фрагмент подобной накладки размерами 2,5 × 2,7 см, орнаментированы вертикальной гирляндой цветков смоквы (*рис. 21. 35, 38*). Две средних накладки имеют размеры 2,4 × 4,5 и 3 × 4 см, одна из них орнаментирована вертикальными рядам либо бутонов, либо плодов (*рис. 21. 36, 37*).

Накладка концевая щитовидная полиметаллическая, имеет стилизованную орнаментацию с четкими верхним и нижним краями в виде оконтуренных волн. Размеры 1,9 × 2,3 см (*рис. 21. 34*).

Описание керамического комплекса

Сосуд круглодонный с шаровидным туловом был обнаружен на участке К/5. Орнаментирован по венчику гребенчатым штампом в виде косых опоясывающих полос. Шейка невысокая, слегка отогнутая наружу. Реконструируется по двум крупным фрагментам. Высота горшка 7,3 см, диаметр по венчику 7,5 см, толщина стенок 1–1,2 см, диаметр тулова 9 см (*рис. 22. 1*).

Развал сосуда с округлым туловом, невысокой прямой шейкой, слегка отогнутым наружу венчиком, орнаментирован косыми насечками, шейка орнаментирована рядами

Рис. 21. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 1; 2. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. 1–3, 6–8, 10–25, 28, 34: серебро, позолота; 4, 5, 9, 26, 27, 29–33, 35–38: серебро

21. kép. Az ujelgi temető. 1. kurgán. 2. A kurgán alatti tér és feltöltés. Mellékletek. 1–3, 6–8, 10–25, 28, 34: ezüst, aranyozás; 4–5, 9, 26, 27, 29–33, 35–38: ezüst

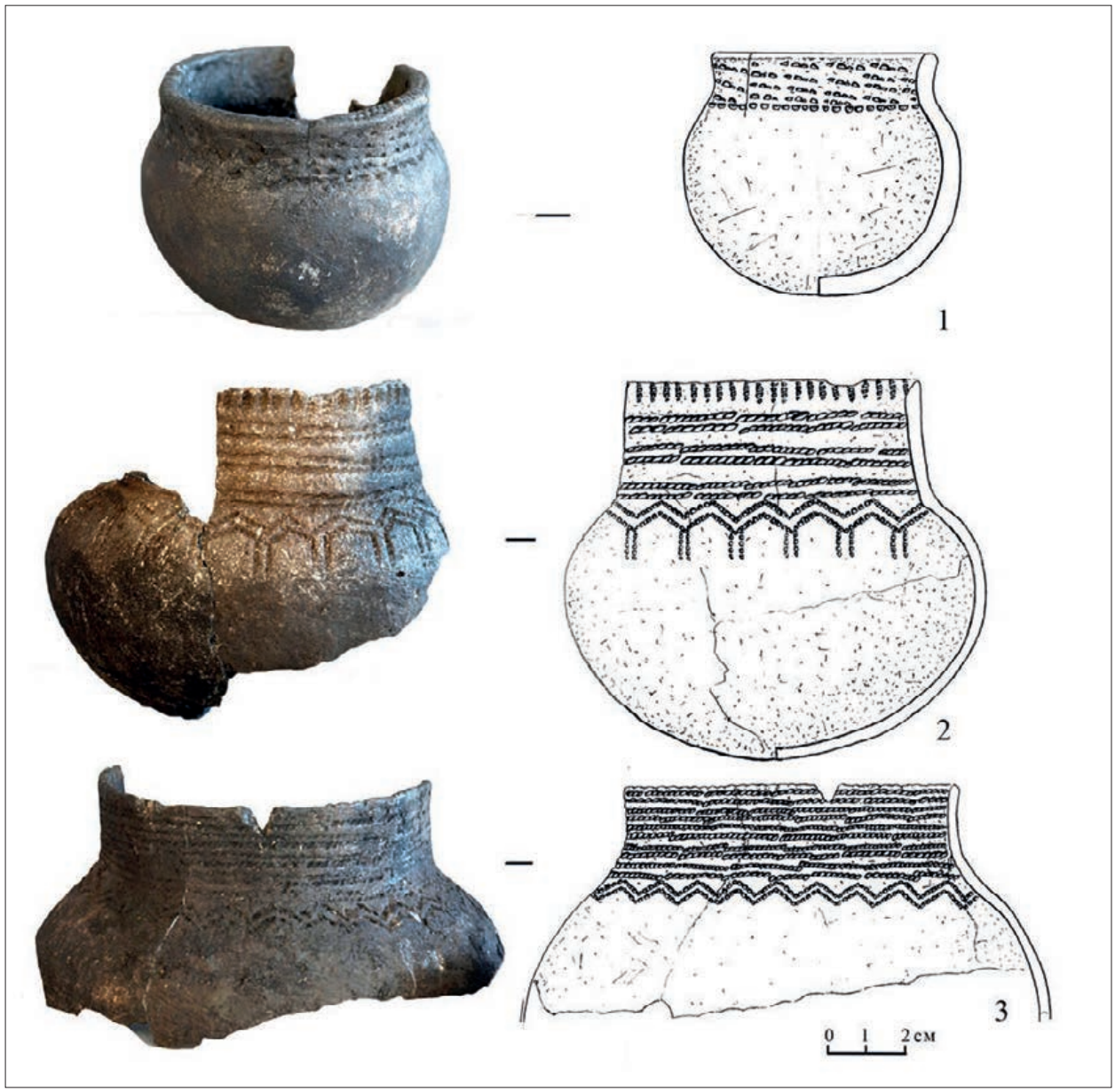

Рис. 22. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 1; 2. Подкурганная площадка, насыпь. Керамика
22. kép. Az ujelgi temető. 1. kurgán. 2. A kurgán alatti tér és feltöltés. Kerámia

ложношнурового штампа, на уровне плеча – двухрядный зигзаг. Найден в слое темно-серого гумуса, участок К/9. Диаметр по венчику 9,5 см (*рис. 22. 2*).

Развал круглодонного сосуда, с высокой прямой шейкой, раздутым туловом. На внешней и внутренней поверхности фиксируются следы копоти, в тесте содержатся примеси песка и талька. Орнаментирован по венчику и верху шейки косыми насечками. По шейке располагаются три парных ряда шнурового орнамента. На уровне плеча гребенчатым штампом изображен двухрядный зигзаг, с примыкающими в месте изгиба сдвоенными линиями. Найден на участке К/9. Высота 10,3 см, диаметр венчика 8,5 см, диаметр тулова 12 см (*рис. 22. 3*).

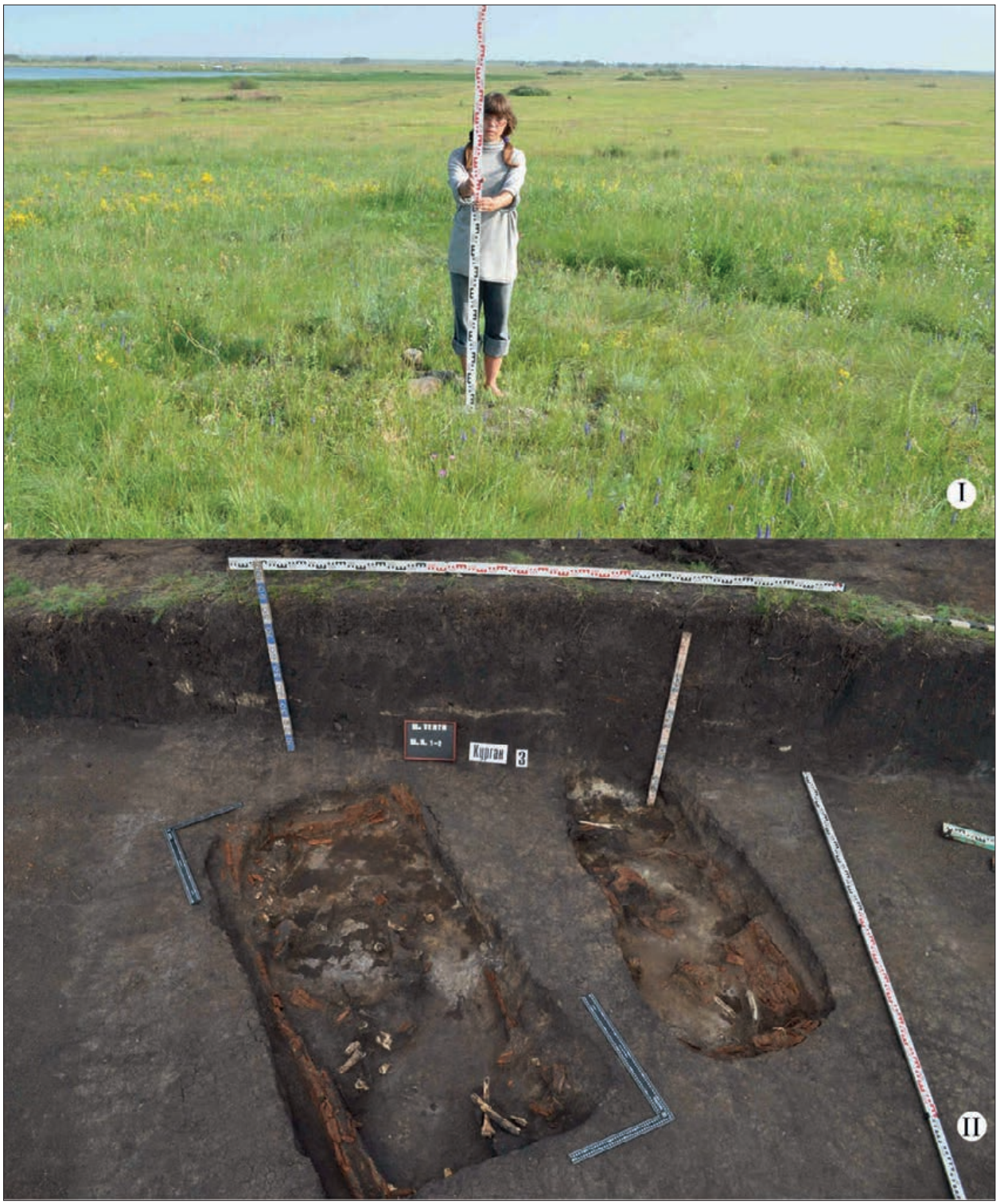

Рис. 23. Погребальный комплекс Уелги. Курган 3. I: вид на северо-запад; II: взаиморасположение погребений 1 и 2, вид с востока

23. kép. Az ujelgi temető. 3. kurgán. I: nézet északnyugati irányba; II: az 1. és 2. sír elhelyezkedése, nézet keleti irányból

Курган 3

Располагался к востоку–юго-востоку от края насыпи кургана 2, ориентирован по линии З–В. Насыпь подовальной формы, размерами 85 × 10 м, высотой 0,3 м (*рис. 23. 1*). После снятия насыпи в ее заполнении были обнаружены обломок сабли (участок Н/8) и навершие железного шлема (участок М/9). На уровне материка было расчищено два погребения, которые располагались к западу–юго-западу от условного центра подкурганной площадки (участок Н/9) (*рис. 23. 2*).

Погребение 1 (*рис. 24. I; II)* располагалось в юго-западном секторе подкурганной площадки, могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 0,95 × 2 м, глубиной 0,1 м от уровня материка, ориентирована длинными стенками ЗЮЗ–ВСВ. В могильной яме была расчищена деревянная конструкция, от которой сохранились продольные плахи толщиной до 0,2 м и поперечная шириной до 0,15 м. В придонной части в восточной половине погребения обнаружены обломки берцовых костей скелета человека, что позволяет говорить о западной ориентировке умершего. В заполнении ямы было обнаружено несколько фрагментов железных предметов, два наконечника стрел, обломок и цельнолитая пряжка, фрагмент трензельного ременного набора, состоящего из четырех накладок и одного тройного распределителя (*рис. 26, 27*).

Погребение 2 (*рис. 25. I; II)* располагалось в 0,5–0,75 м к северу от погребения 1. Могильная яма вытянутой трапециевидной формы, ориентирована длинными стенками ЗЮЗ–ВСВ, размерами 0,4–0,9 × 1,8 м, глубиной от уровня материка 0,3 м. В заполнении ямы была обнаружена деревянная гробовина, состоящая из продольных и поперечных плах шириной 0,05–0,15 м. В восточной части обнаружен обломок малой берцовой кости скелета человека, в западной – обломок плечевой кости, что позволяет говорить о ЗЮЗ ориентировке умершего. В погребении обнаружен серебряный предмет с двумя крепежными шпеньками, несколько фрагментов железных предметов и 18 фрагментов серебряной жести (*рис. 26, 27*).

Описание вещевого инвентаря

Погребение 1

Наконечники стрел железные плоские (2 экз.). Размеры 1,6–1,7 × 4,6–6 см (*рис. 26. 10, 11*).

Фрагмент железных удил. Размеры 1–2,3 × 5,4 см (*рис. 26. 15*).

Фрагмент железа (3 экз.). Размеры 0,8–1,1 × 1,6–4,7 см (*рис. 26. 6, 7, 14*).

Накладки сердцевидные серебряные (2 экз.). Размеры 0,9 × 1 см (*рис. 27. 1, 2*).

Фрагмент серебряной накладки с круглым конусовидным отверстием диаметром 0,5 см. Размеры 1,6 × 1,7 см (*рис. 27. 4*).

Пряжки серебряные (2 экз.). Одна цельнолитая с овальной рамкой и заостренным внизу щитком, с тремя крепежными шпеньками, размеры 2,5 × 3,5 см (*рис. 27. 7*), и аналогичный щиток (*рис. 27. 5*). Предметы украшены стилизованным растительным орнаментом.

Накладка концевая серебряная с прямоугольной верхней и заостренной нижней частью, имеет стилизованный растительный орнамент. Размеры 1,45 × 3,5 см (*рис. 27. 6*).

Фрагмент трензельного ремня с тремя накладками: *прямоугольные накладки* (2 экз.) со стилизованным растительным орнаментом и фигурным выступом в средней части, размеры 1,1 × 4,1 см (*рис. 27. 8, 10*), *накладка-тройник со сферической сердцевиной*, украшенной восьмилепестковым цветком и тремя прямоугольными отростками со стилистическим орнаментом, размеры 2,6 × 3,2 см (*рис. 27. 9*).

Погребение 2

Неопределимые серебряные обломки (18 экз.) (*рис. 27. 11*) и *обломок пуговицы или подвески* (*рис. 27. 3*).

Рис. 24. Погребальный комплекс Уелги. Курган 3. Погребение 1. I: общий план; II: вид с восток-северо-востока

24. kép. Az ujelgi temető. 3. kurgán, 1. sír. I: általános felszínrajz; II: nézet kelet–északkeleti irányból

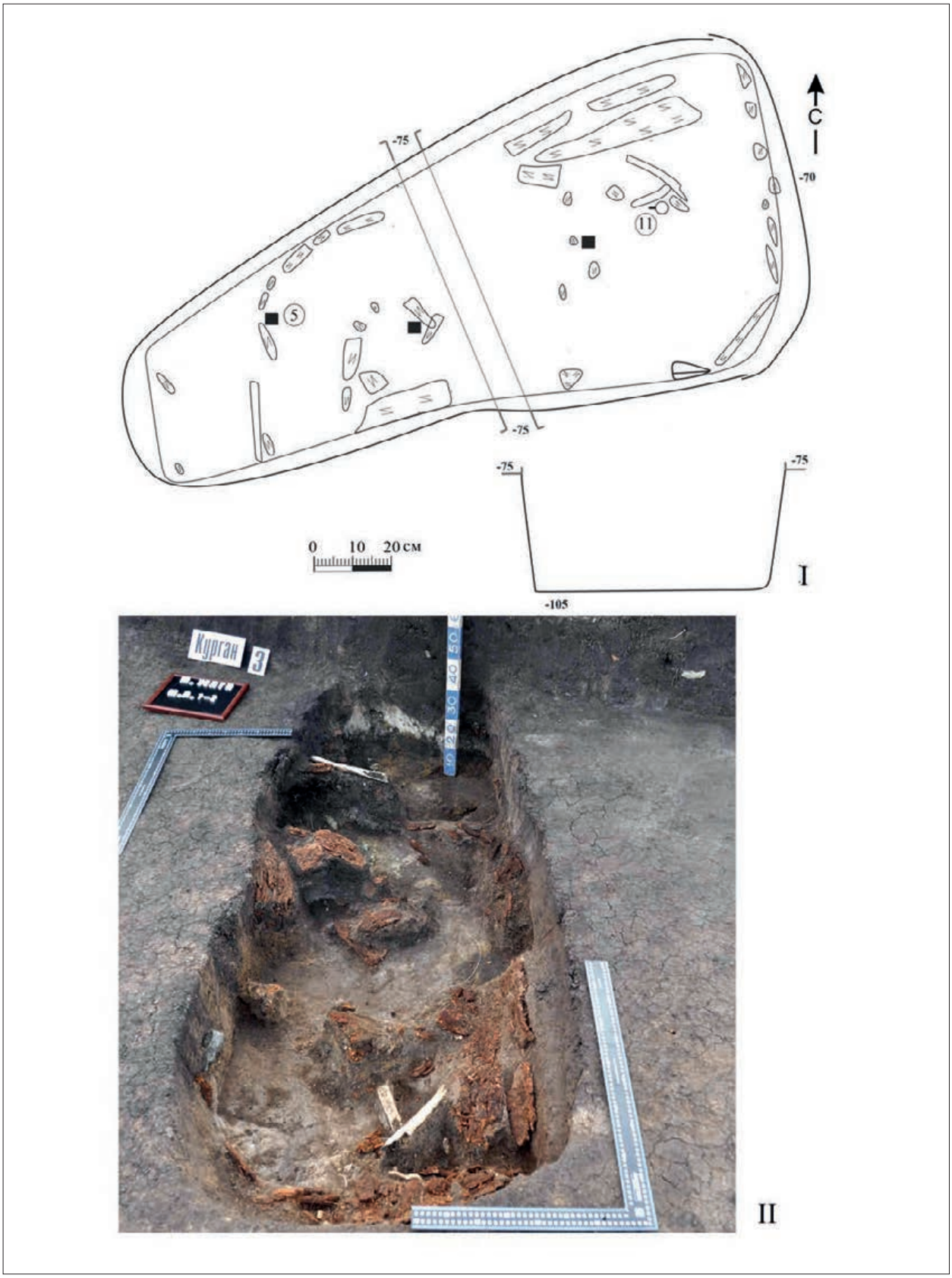

Рис. 25. Погребальный комплекс Уелги. Курган 3. Погребение 2. I: общий план; II: вид с восток-северо-востока

25. kép. Az ujelgi temető. 3. kurgán, 2. sír. I: általános felszínrajz; II: nézet kelet–északkeleti irányból

Рис. 26. Погребальный комплекс Уелги. Курган 3. Вещевой инвентарь. 1–5, 8, 9, 12–14: погребение 2; 6, 7, 10, 11, 15: погребение 1; 16, 17, 18: подкурганная площадка. Железо
26. kép. Az ujelgi temető. 3. kurgán. Mellékletek. 1–5, 8, 9, 12–14: 2. sír; 6–7, 10–11, 15: 1. sír; 16–18: a kurgán alatti tér. Vas

Курган 4

Курган 4 расположен на краю северо-восточной части погребального комплекса, имеет вытянутую по линии С–Ю овальную форму размерами 9 × 21 м, высотой до 0,2 м (*рис. 6; 28; 29*).

При снятии насыпи кургана было обнаружено большое число артефактов, распределенных по всей *подкурганной площадке*. Среди них присутствуют 68 предметов из цветного металла (серебро, бронза, серебро с позолотой), выделяются *накладки, пряжки, пронизки, серебряная кольцевидная серьга и пуговицы* (*рис. 36. 1–9, 11–13, 17–21, 25–27; 37. 1–49*).

Предметы из железа (79 экз.): удила, стремя, наконечники стрел, колчанные крюки, фрагменты железной жести (*рис. 39. 1–27; 40. 10, 13, 14; 41*).

Наконечник стрелы костяной был обнаружен на участке С/9 (*рис. 38. 6*).

Также были обнаружены до 20 фрагментов *керамики* от шести сосудов (*рис. 42*). Большинство из них были зафиксированы в скоплении, расположенном на границе участка Р–С/8.

После зачистки по материку (*рис. 29. II*) на площадке было зафиксировано пять погребений и одна яма.

Рис. 27. Погребальный комплекс Уелги. Курган 3. Вещевой инвентарь. 1, 2, 4–10: погребение 1; 3, 11: погребение 2. 1, 3, 8–10: серебро, кожа; 2, 4–7, 11: серебро
27. kép. Az ujelgi temető. 3. kurgán. Mellékletek. 1–2, 4–10: 1. sír; 3, 11: 2. sír. 1, 3, 8–10: ezüst, bőr; 2, 4–7, 11: ezüst

Погребение 1 (*рис. 30*) расположено в северной части подкурганной площадки. Яма имеет неправильные овальные очертания размерами 0,85 × 1,6 × 0,15 м, ориентирована ЗЮЗ–ВСВ. Погребение ограблено. В восточной части ямы были обнаружены фрагмент глиняного сосуда и фрагмент изделия из железа, в центре найдены костяной наконечник и два обломка костяной подпружной пряжки.

Наконечник стрелы костяной, асимметрично-ромбический. Размеры 1,2 × 5 см (*рис. 38. 8*).

Пряжка костяная (2 фрагмента), в восстановленном состоянии имеет размеры 3 × 4,8 см (*рис. 38. 10*).

Погребение 2 (*рис. 31*) расположено в северной части подкурганной площадки. Могильная яма имеет сложную конфигурацию, в процессе исследования создалось впечатление, что очер-

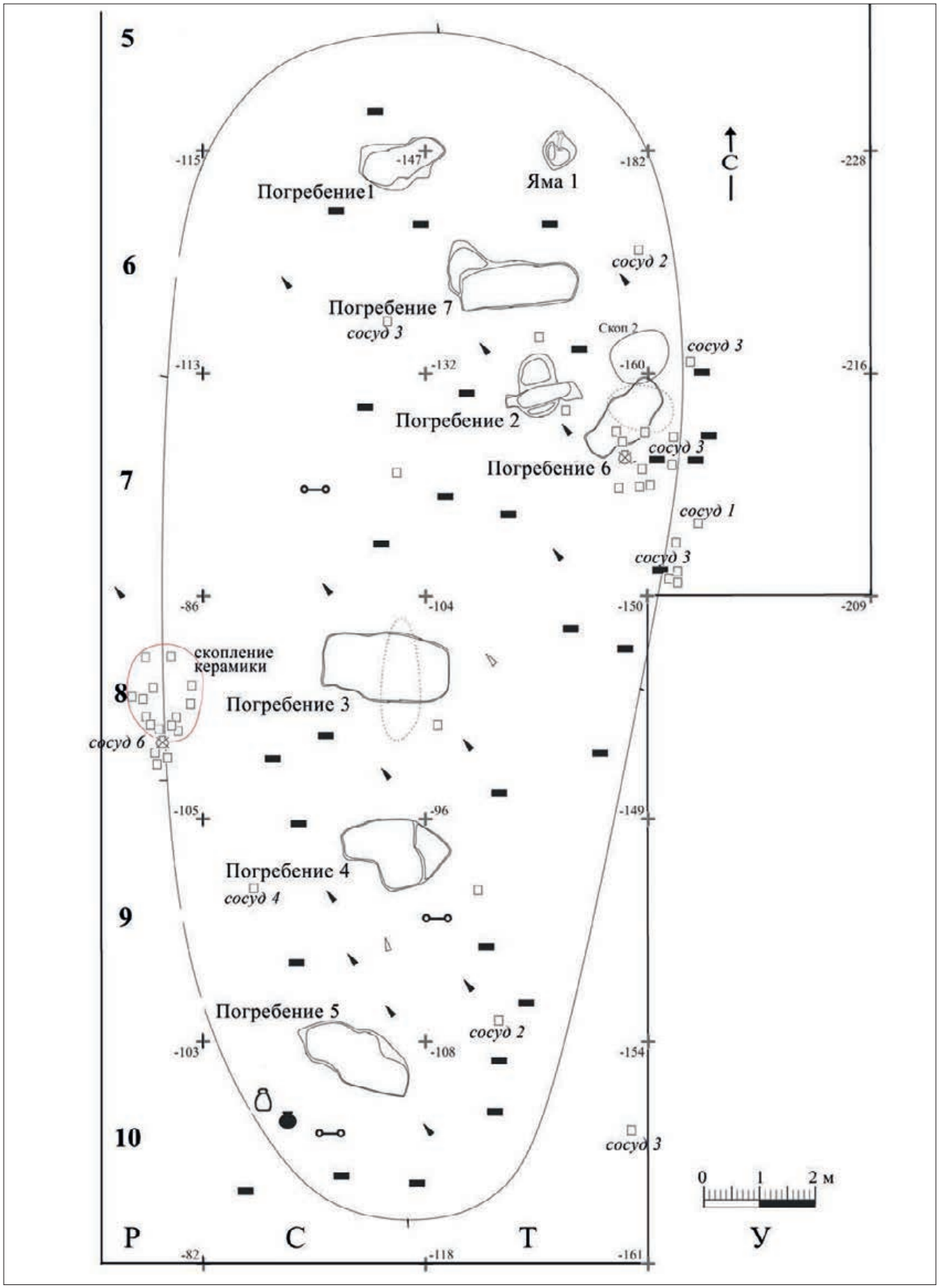

Рис. 28. Погребальный комплекс Уелги. Курган 4. Общий план
28. kép. Az ujelgi temető. 4. kurgán. Általános felszínrajz

Рис. 29. Погребальный комплекс Уелги. Курган 4. I: начало археологических исследований, общий вид с юго-запада; II: зачистка по материку, вид с юга

29. kép. Az ujelgi temető. 4. kurgán. I: a régészeti kutatás kezdete, áttekintő nézet délnyugati irányból; II: a kibontott altalaj szintje, nézet déli irányból

Рис. 30. Погребальный комплекс Уелги. Курган 4. Погребение 1. I: общий план и разрез; II: зачистка дна могильной ямы, вид с юга

30. kép. Az ujelgi temető. 4. kurgán. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet déli irányból

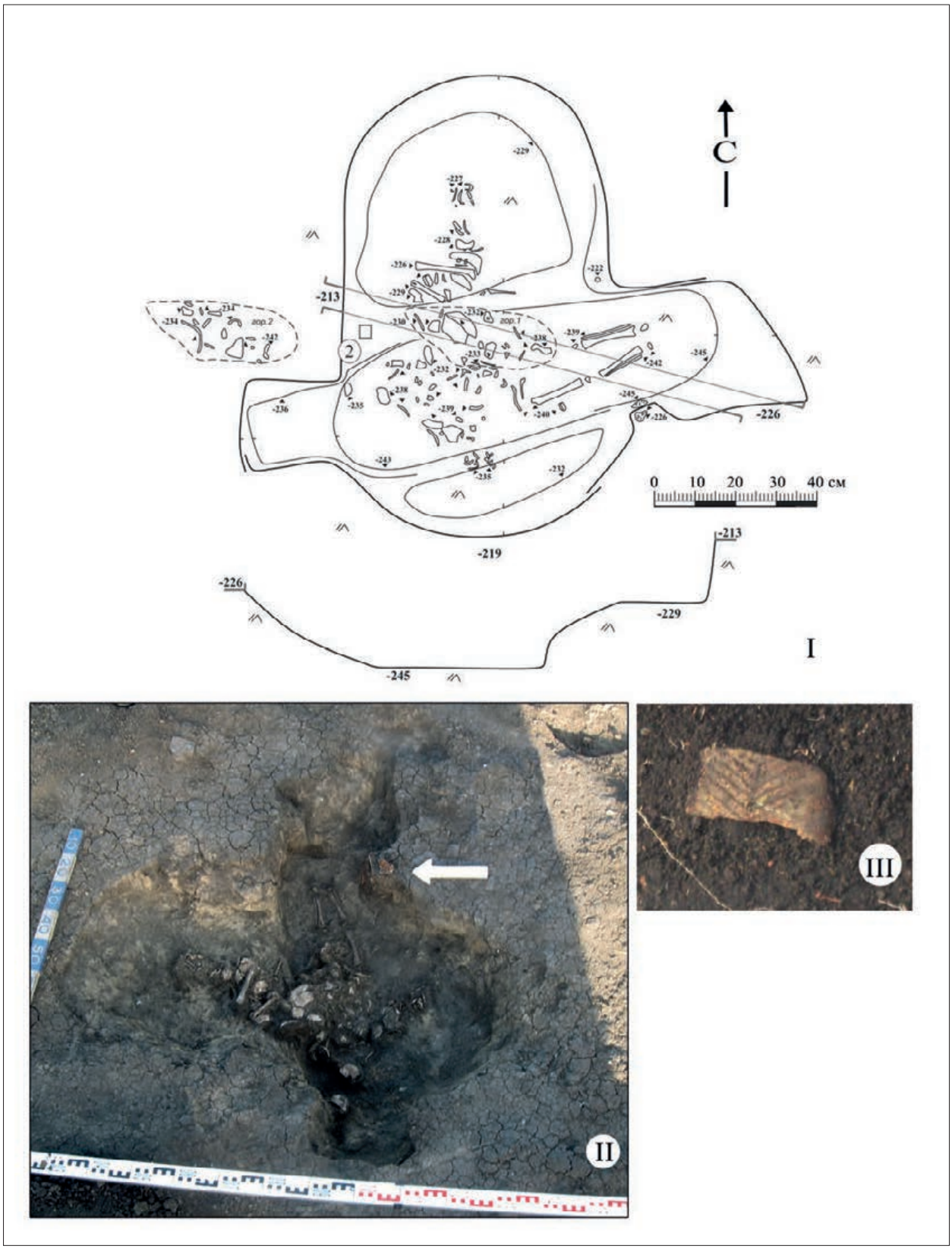

Рис. 31. Погребальный комплекс Уелги. Курган 4. Погребение 2. I: общий план; II: зачистка дна ямы, вид с запада. III: деталь, фрагмент керамики

31. kép. Az ujelgi temető. 4. kurgán, 2. sír. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet nyugati irányból. III: részlet, kerámiatöredék

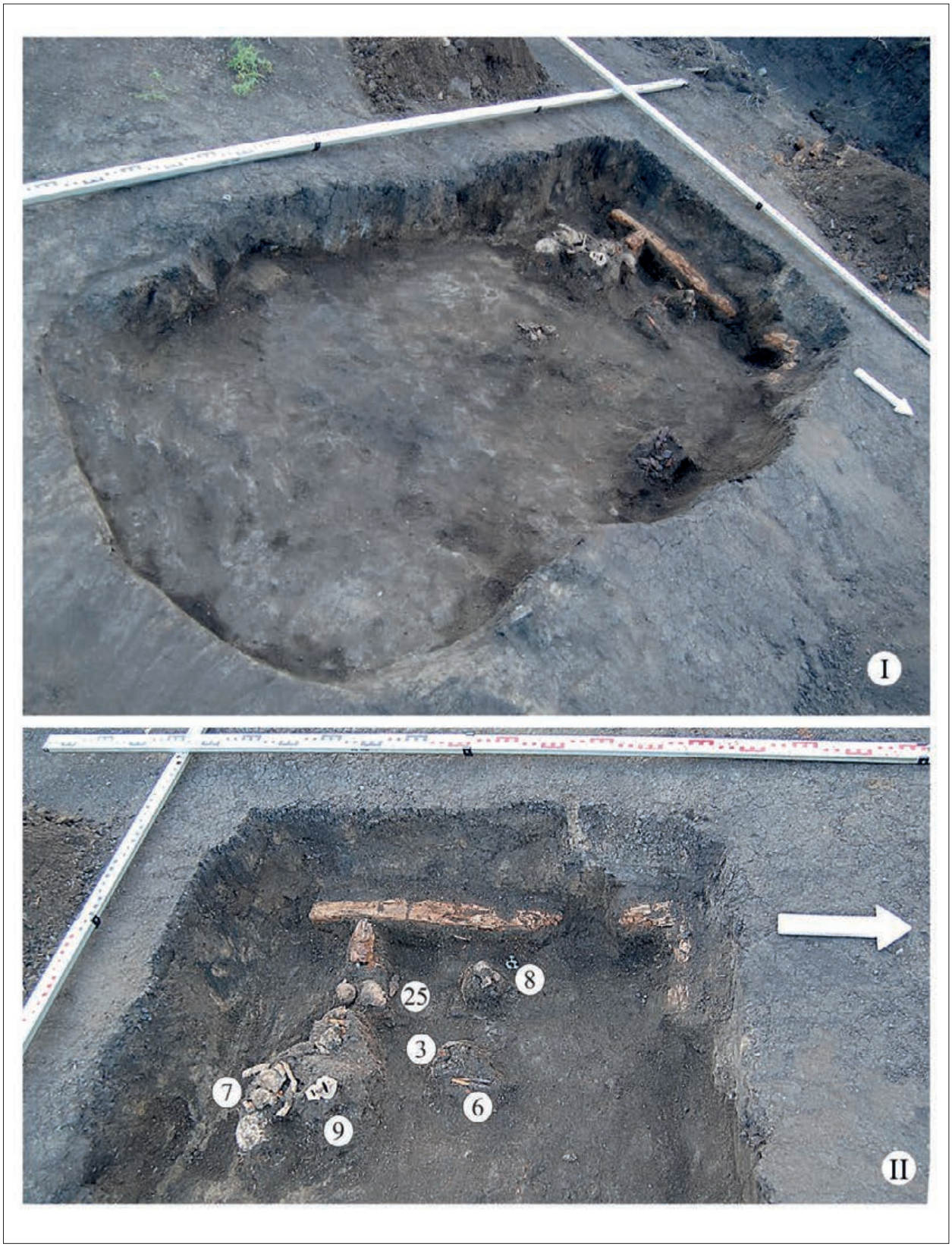

Рис. 32. Погребальный комплекс Уелги. Курган 4. Погребение 3. I: общий вид на погребение с северо-востока; II: зачистка дна ямы, вид с востока

32. kép. Az ujelgi temető. 4. kurgán, 3. sír. I: áttekintő nézet a temetkezésre északkeleti irányból; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet keleti irányból

тания состояли из двух – первое овальной формы, размерами 1,1 × 0,65 м, ориентированное по линии С–Ю, и второе, разрезающее его, размерами 1,2 × 0,35 м, ориентированное по линии ЗЮЗ–ВСВ, глубиной 0,3 м.

Погребение было зафиксировано во втором очертании, от него сохранились берцовые кости ног погребенного. Судя по их расположению, умерший был уложен головой на ЗЮЗ. Остальные кости скелета были рассеяны в заполнении западной части могильной ямы. Кроме костей скелета человека в северной части, ниже очертаний, были обнаружены кости челюсти лошади (*рис. 31. I, II*). В заполнении ямы также обнаружен фрагмент шейки сосуда (*рис. 31. III*). К западу от северо-западного угла, ниже очертаний, обнаружено скопление человеческих костей. В данном случае мы фиксируем не двойную стратиграфию, а процесс разграбления погребения с последующим расширением стенок грабительской ямы и перераспределением в ее пределах остатков погребения.

Погребение 3 (*рис. 32. I*), вероятнее всего, являлось центральным. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,4 × 2,3 × 0,3 м. Ориентирована длинными сторонами З–В.

При зачистке дна ямы в западной половине на глубине 0,1–0,15 м от уровня дна были обнаружены оставшиеся артефакты погребения. В западной торцовой стенке сохранились остатки деревянной гробовины, ширина которой составила 0,7 м, плахи размерами 0,1 × 0,12 м. В центре западной торцовой стенки обнаружено птицевидное навершие из позолоченного серебра. В 0,8 м от западной стенки найдены остатки колчана с восемью железными черешковыми наконечниками стрел. Ближе к юго-западному углу найден железный нож и скопление фрагментов железных пластинок, юго-восточнее которого у стены погребальной камеры и за ее пределами обнаружены костяные подпружные пряжки и наконечники стрел (*рис. 32. II*).

Наконечники стрел костяные (2 экз.), черешковые, асимметрично-ромбические. Размеры 1,5 × 6,2 см и 1,6 × 7,8 см (*рис. 38. 1, 7*).

Крюк колчанный железный. Размеры 1 × 5,3 см (*рис. 40. 11*).

Брусок железный. Размеры 2,0 × 8,8 см (*рис. 40. 9*).

Пряжка подпружная костяная с округлой рамкой, имеющая заостренный конец, Т-образный вырез для железного язычка и трапециевидный щиток, на котором также овальный вырез. Общие размеры изделия 4 × 5,8 см (*рис. 38. 9*).

Наконечники стрел железные (7 экз.), черешковые: бронебойные, трехлопастные (3 экз.), размеры 1,1–1,4 × 4,3–7,4 см (*рис. 40. 1, 2, 4*); плоские двухлопастные листовидные (3 экз.), размеры 0,8 × 1,8 × 4–7,2 см (*рис. 40. 3, 5, 8*); фрагмент наконечника стрелы (*рис. 40. 6*).

Нож железный. Размеры 2 × 7,6 см (*рис. 40. 7*).

Фрагмент перекрестья сабли (клинка), состоит из двух согнутых пластин, между которыми по центру просматривается зажатая часть клинка. Размеры 1,2 × 5,0. Перекрестье ромбовидной формы шириной 1,8 см (*рис. 40. 10*).

Фрагменты железного изделия изогнутой формы (2 экз.) (*рис. 40. 12, 13*).

Навершие в виде петушка (фазана), серебряное с позолотой. Размеры 2,5 × 3,2 (*рис. 36. 14*).

Пуговица (полуствorка) бронзовая. Размеры 0,7 × 1,5 см (*рис. 36. 22*).

При выборке заполнения ямы также были обнаружены *фрагменты изделий из железа* (*рис. 41. 1–12, 30, 34*).

Погребение 4 (*рис. 33. I*)располагалось в 2,5 м южнее погребения 3. Очертания могильной ямы имели двусоставную форму. На уровне дна яма имела овальные очертания размерами 0,9 × 1,3 м, на глубине 8–10 см от уровня материка, ориентирована З–В. Обнаруженное погребение прорезает грабительская яма неправильной формы, размерами 1,05 × 1,3 м. В заполнении ямы в западной половине были обнаружены два костяных наконечника стрел и фрагмент керамики (*рис. 38. 3, 4*).

Наконечники стрел костяные (2 экз.), черешковые, асимметрично-ромбические. Размеры 1,5–1,6 × 7,6–8 см (*рис. 38. 3, 4*).

Погребение 5 (*рис. 33. II*) располагалось в южной части подкурганной площадки. Могильная яма неправильной подовальной формы, размерами 1 × 2,2 м, глубиной 5 см от уровня материка. Погребение ограблено. В центральной части расчищены обломки костей скелета человека. В

Рис. 33. Погребальный комплекс Уелги. Курган 4. I: погребение 4, зачистка по материку, вид с севера; II: погребение 5, зачистка дна ямы, вид с юго-юго-запада
33. kép. Az ujelgi temető. 4. kurgán. I: 4. sír, a kibontott altalaj szintje, nézet északi irányból; II: 5. sír, a sírgödör aljának kibontása, nézet dél-délnyugati irányból

восточной половине найдена плечевая кость. В центре расчищена серебряная серьга (кольцо?).

Серьга серебряная кольцевидная. Диаметр 3,9 см, толщина дрота 2–3 мм (рис. 36. *15*).

Погребение 6 (*рис. 34. I*) расположено в северо-восточном секторе подкурганной площадки. Могильная яма имела неправильную подпрямоугольную форму, размерами 0,95 × 1,6 м, ори-

Рис. 34. Погребальный комплекс Уелги. Курган 4. I: погребение 6, зачистка дна могильной ямы, вид с юго-востока; II: яма 1, зачистка дна, вид с востока

34. kép. Az ujelgi temető. 4. kurgán. I: 6. sír, a sírgödör aljának kibontása, nézet délkeleti irányból; II: 1. gödör, a gödör aljának kibontása, nézet keleti irányból

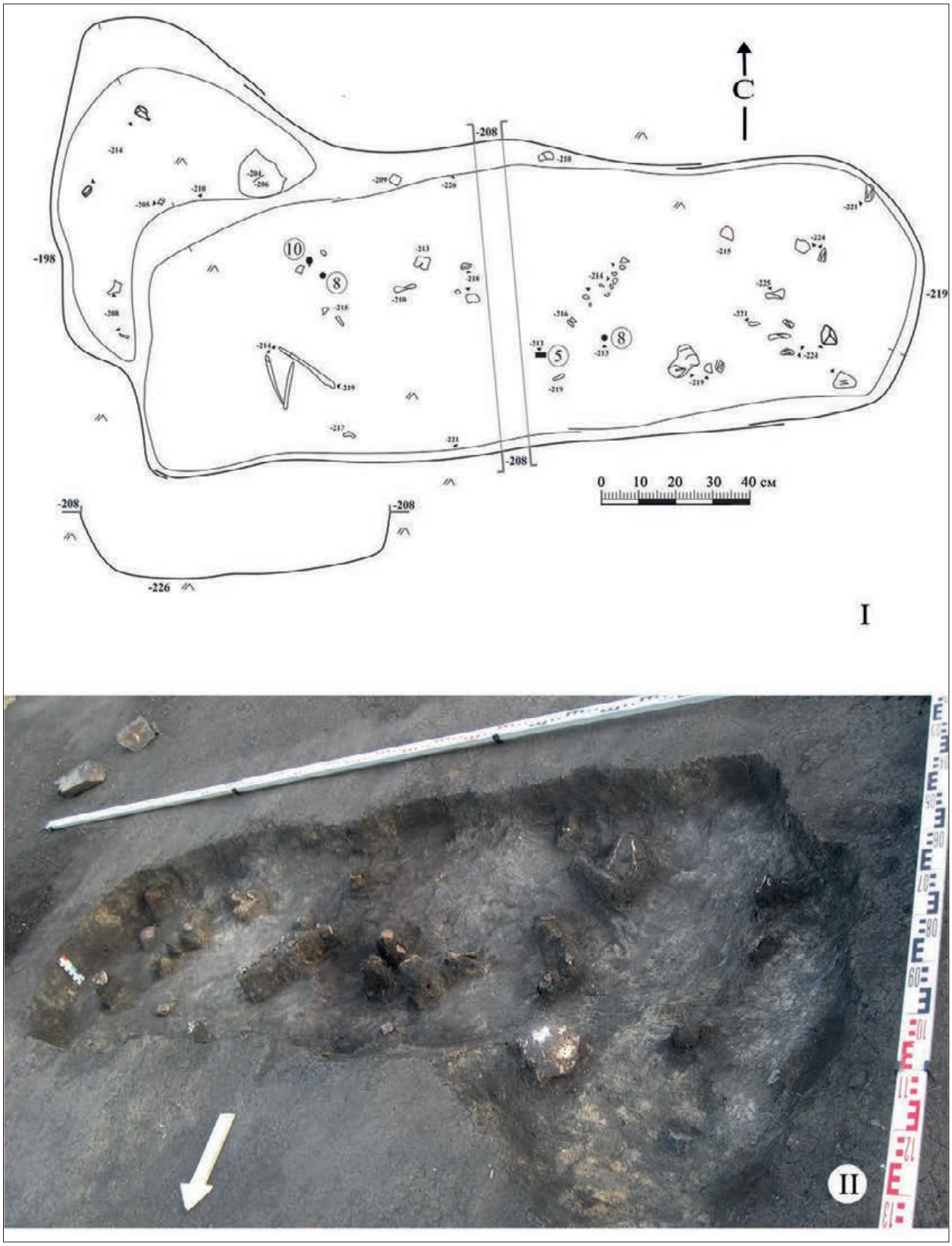

Рис. 35. Погребальный комплекс Уелги. Курган 4. Погребение 7. I: общий план и разрез; II: зачистка дна могильной ямы, вид с севера–северо-запада

35. kép. Az ujelgi temető. 4. kurgán, 7. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet észak-északnyugati irányból

ентирована длинными сторонами ЮЗ–СВ. В заполнении ямы в центральной части были обнаружены обломки костей скелета человека (позвонки) и серебряная серьга.

Серьга серебряная с овальной дужкой и гроздевидной подвеской в нижней части. Размеры 2 × 3,5 см (*рис. 36. 10*).

Погребение 7 (*рис. 35*) располагалось в северной части подкурганной площадки. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 0,9 × 2,1 м, глубиной 0,15 м от уровня материка, ориентирована З–В. В северо-западном углу ямы фиксируется грабительский вкоп размерами 0,6 × 0,75 м, в заполнении которого был расчищен череп человека и фрагменты костей скелета. В центральной части заполнения были найдены фрагменты железных изделий и серебряная нашивка овальной формы. В западной части найдена створка бубенчика и серебряный фрагмент изделия.

Нашивка овальная серебряная с отверстием в верхней части. Размеры 1,5 × 3 см (*рис. 36. 17*).

Пуговица (полуствorка) сферическая бронзовая с ушком для подвязывания в верхней части. Диаметр 1,3 см (*рис. 36. 24*).

Бусина полихромная призматической формы, разноцветная, выделяются оранжевая, темно-синяя и между ними белая заливка. Размеры 1,1 × 1,1 см (*рис. 36. 23*).

Яма 1 (*рис. 34. 2*). В северо-восточной части подкурганной площадки обнаружен жертвенный комплекс, располагавшийся в округлой яме диаметром 0,7 м, в котором были найдены кости ног лошади.

Описание вещевого инвентаря с подкурганной площадки и из насыпи

Наконечники стрел железные и фрагменты (13 экз.): трехлопастные (7 экз.) размерами 0,8–1,5 × 5–7,2 см (*рис. 39. 1, 5–10*); двухлопастные листовидные (5 экз.) размерами 0,5–1,2 × 1,5–3,3 см (*рис. 39. 3–4, 12, 13*).

Наконечник стрелы железный четырехгранный. Размеры 0,6 × 4,9 см (*рис. 39. 2*).

Наконечник стрелы рогатый плоский. Размеры 3,2 × 9,9 см (*рис. 39. 15*).

Крюк колчанный железный. Длина 8,8 см, диаметр петли 2,7 см (*рис. 39. 16*).

Удила железные и фрагменты: восьмерковидные удила с кольцом на окончаниях. Длина дужки 12,4 см, диаметр колец для повода 4,2 см (*рис. 39. 27*).

Фрагмент удил и колец (*рис. 39. 18, 22, 23, 25*).

Изделия железные: кованый гвоздь (*рис. 39. 19*), нож (*рис. 39. 21*), крючок (*рис. 39. 20*), крюк (*рис. 39. 17*), круглая пряжка (*рис. 39. 26*), фрагмент клинка (*рис. 39. 24*), заостренный предмет с V-образным навершием (*рис. 39. 14*).

Стремя железное с широкой подножкой с просечками. Размеры 13 × 17 см (*рис. 40. 14*).

Наконечник стрелы костяной, асимметрично-ромбический. Размеры 2 × 13,7 см (*рис. 38. 6*).

Накладки фигурные серебряные с позолотой (2 экз.), подсегментовидной формы с псевдоушком в нижней части, имеют изображение собаки щицзы, лежащей по диагонали. По внешнему краю изображения расположен бордюр (*рис. 36. 1, 27*).

Накладки щитовидные серебряные (3 экз.): большая концевая, размеры 1,9 × 3,2 см) (*рис. 36. 4*); две малых – одна серебряная с позолотой, имеет растительный орнамент (цветы смоквы напротив друг друга), размеры 1,2 × 1,7 см (*рис. 36. 19*); вторая серебряная с плоским щитком, размеры 1,2 × 1,6 см (*рис. 36. 21*).

Накладки концевые серебряные (3 экз.) малые. Размеры 1,1 × 1,3–1,5 см (*рис. 37. 1–3*).

Накладки щитовидные (4 экз.). Размеры 1–1,5 × 2,1–3,2 см (*рис. 37. 4, 5, 17, 18*).

Накладка фигурно-щитовидная, с оформленными верхними боковыми концами и нижним носиком, со сферическим объемным выпуклым изображением по центру щитка. Размеры 2 × 2,3 см (*рис. 37. 44*).

Накладка щитовидная малая. Размеры 0,9 × 1,3 см (*рис. 37. 19*).

Накладка округлая серебряная с позолотой с растительным орнаментом. Размеры 2 × 2 см (*рис. 36. 5*).

Накладка сердцевидная серебряная с позолотой, с овальной прорезью в верхней части и растительным орнаментом (цветок смоквы). Размеры 1,6 × 1,9 см (*рис. 36. 26*).

Рис. 36. Погребальный комплекс Уелги. Курган 4. Вещевой инвентарь. 1–9, 11–13, 16, 18–21, 25–27: подкурганная площадка, насыпь; 10: погребение 6; 14, 22: погребение 3; 17, 23, 24: погребение 7; 15: погребение 5. 1, 2, 5, 14, 19, 25–27: серебро, позолота; 3, 4, 8, 10, 12, 15–17, 21: серебро; 7, 9, 11, 13, 18, 22, 24: бронза; 20, 23: стекло

36. kép. Az ujelgi temető. 4. kurgán. Mellékletek. 1–9, 11–13, 16, 18–21, 25–27: a kurgán alatti tér, feltöltés; 10: 6. sír; 14, 22: 3. sír; 17, 23–24: 7. sír; 15: 5. sír. 1, 2, 5, 14, 19, 25–27: ezüst, aranyozás; 3, 4, 8, 10, 12, 15–17, 21: ezüst; 7, 9, 11, 13, 18, 22, 24: bronz; 20, 23: üveg

Рис. 37. Погребальный комплекс Уелги. Курган 4. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. 1–15, 17–49: серебро; 16: бронза

37. kép. Az ujelgi temető. 4. kurgán. A kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. 1–15, 17–49: ezüst; 16: bronz

Накладка сердцевидная полиметаллическая, с растительным орнаментом (бутон смоквы, опущенный вниз). Размеры 1,6 × 1,8 см (*рис. 36. 25*).

Накладки серебряные различной формы (2 экз.) (*рис. 36. 2, 3*), *обрывок подвесной цепочки* (*рис. 36. 6*) и *бисоставная пронизка из непрозрачного стекла* (*рис. 36. 20*).

Пряжки бронзовые (3 экз.), цельнолитые, с растительным узором на щитке. Размеры 1,3 × 3 см (*рис. 36. 11*) и 2,5 × 3,5 см (*рис. 36. 7, 9*).

Пряжка без щитка рамчатая серебряная, трапециевидная. Размеры 2,5 × 3,3 см (*рис. 36. 8*).

Пряжка рамчатая серебряная, без язычка. Размеры 2,4 × 2,5 см (*рис. 36. 12*).

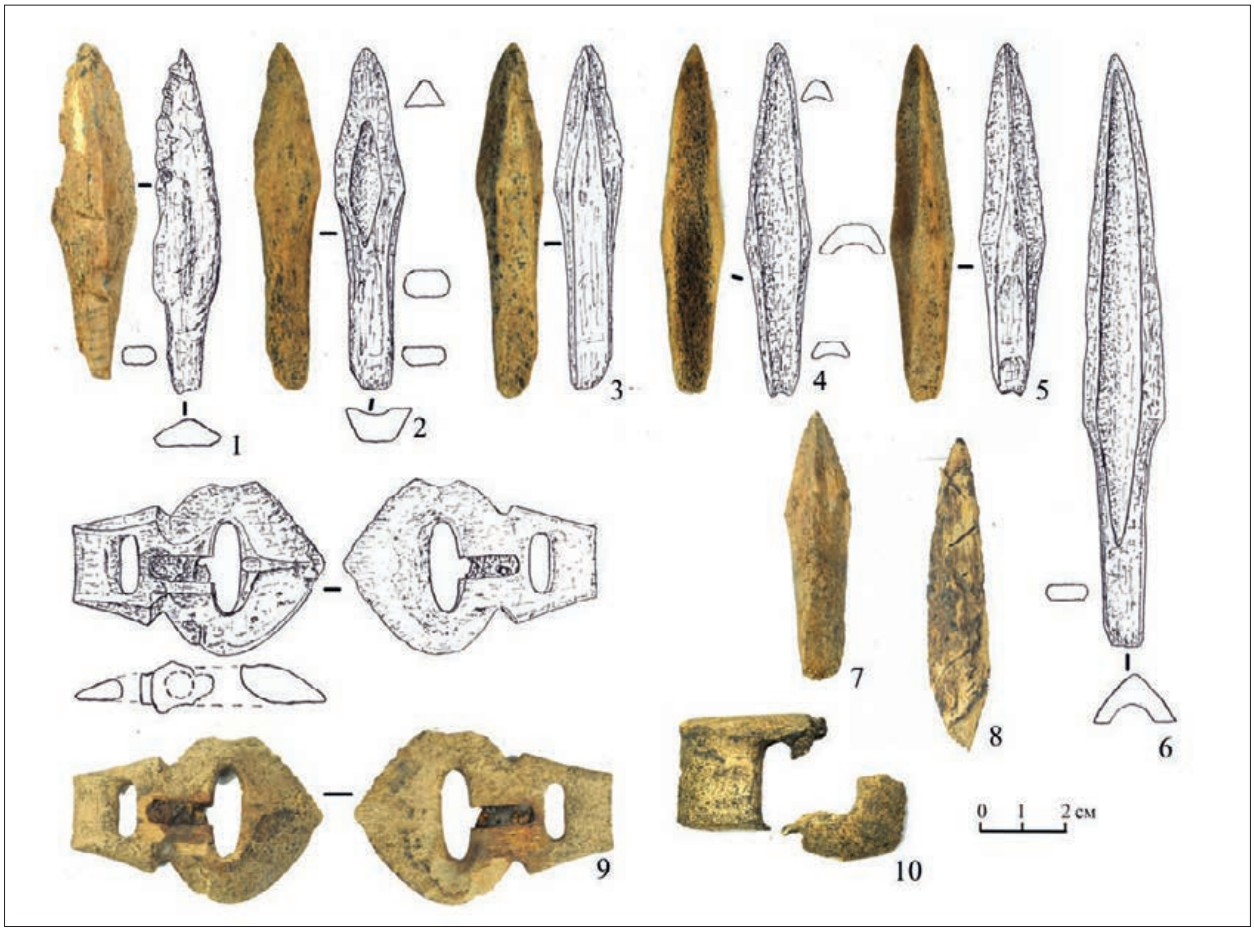

Рис. 38. Погребальный комплекс Уелги. Курган 4. Вещевой инвентарь. 1, 7, 9: погребение 3; 3, 4: погребение 4; 6: подкурганная площадка, участок С/9; 8, 10: погребение 1. 1–9: кость
38. kép. Az ujelgi temető. 4. kurgán. Mellékletek. 1, 7, 9: 3. sír; 3–4: 4. sír; 6: kurgán alatti terület, C/9. szelvény; 8, 10: 1. sír. 1–9: csont

Накладки лунницевидные серебряные, с одним сферическим отростком на верхнем и нижнем краях. Размеры 0,6 × 1,6–2,2 см (*рис. 37. 6, 10–12*).

Лунницы в виде угла серебряные (3 экз.). Размеры 0,6 × 1,2 см (*рис. 37. 7–9*).

Накладка билунницевидная серебряная. Размеры 0,9 × 3 см (*рис. 37. 22*).

Накладки овальные серебряные (2 экз.), с оформленным верхним носиком, имеет фигурное разделение на три доли двойной бороздкой, имитирующей бутон или цветок. Размеры 1,7 × 2,4 (*рис. 37. 14, 15*).

Накладки фигурные серебряные (2 экз.) листовидные. Размеры 1,2–1,7 × 1,7–2,4 см (*рис. 37. 23, 26*).

Накладка фигурная серебряная с перехватом по центру. Размеры 2,3 × 2,5 см, один конец обломлен (*рис. 37. 21*).

Накладка двусоставная овальная серебряная, с разделительным валиком по центру. Размеры 1,5 × 2,4 см (*рис. 37. 31*).

Накладки цветковидные серебряные (2 экз.). Диаметр 1,2 см (*рис. 37. 24, 25*).

Накладки круглые серебряные (4 экз.): большая диаметром 1,7 см, имеет разделительную бороздку (*рис. 37. 20*); три малых с одним крепежным шпеньком (*рис. 36. 16; 37. 38, 39*).

Подвеска листовидная серебряная. Размеры 2,2 × 2,9 см (*рис. 37. 30*).

Пронизка боченковидная бронзовая, имеет две прорези и три разделенных цилиндрических окончания по краям. Размеры 1 × 2,6 см (*рис. 36. 13*).

Рис. 39. Погребальный комплекс Уелги. Курган 4. Вещевой инвентарь. 1–26: подкурганная площадка, насыпь; 16: участок Т/9; 27: участок С/10; 26: участок С/9; 22: участок С/7; 25: участок С/9. Железо
39. kép. Az ujelgi temető. 4. kurgán. Mellékletek. 1–26: a kurgán alatti tér, feltöltés; 16: T/9. szelvény; 27: C/10. szelvény; 26: C/9. szelvény; 22: C/7. szelvény; 25: C/9. szelvény. Vas

Рис. 40. Погребальный комплекс Уелги. Курган 4. Вещевой инвентарь. 1–12: погребение 3; 13: подкурганная площадка, насыпь; 14: подкурганная площадка, участок C/10. Железо
40. kép. Az ujelgi temető. 4. kurgán. Mellékletek. 1–12: 3. sír; 13: a kurgán alatti tér, feltöltés; 14: a kurgán alatti tér, C/10 szelvény. Vas

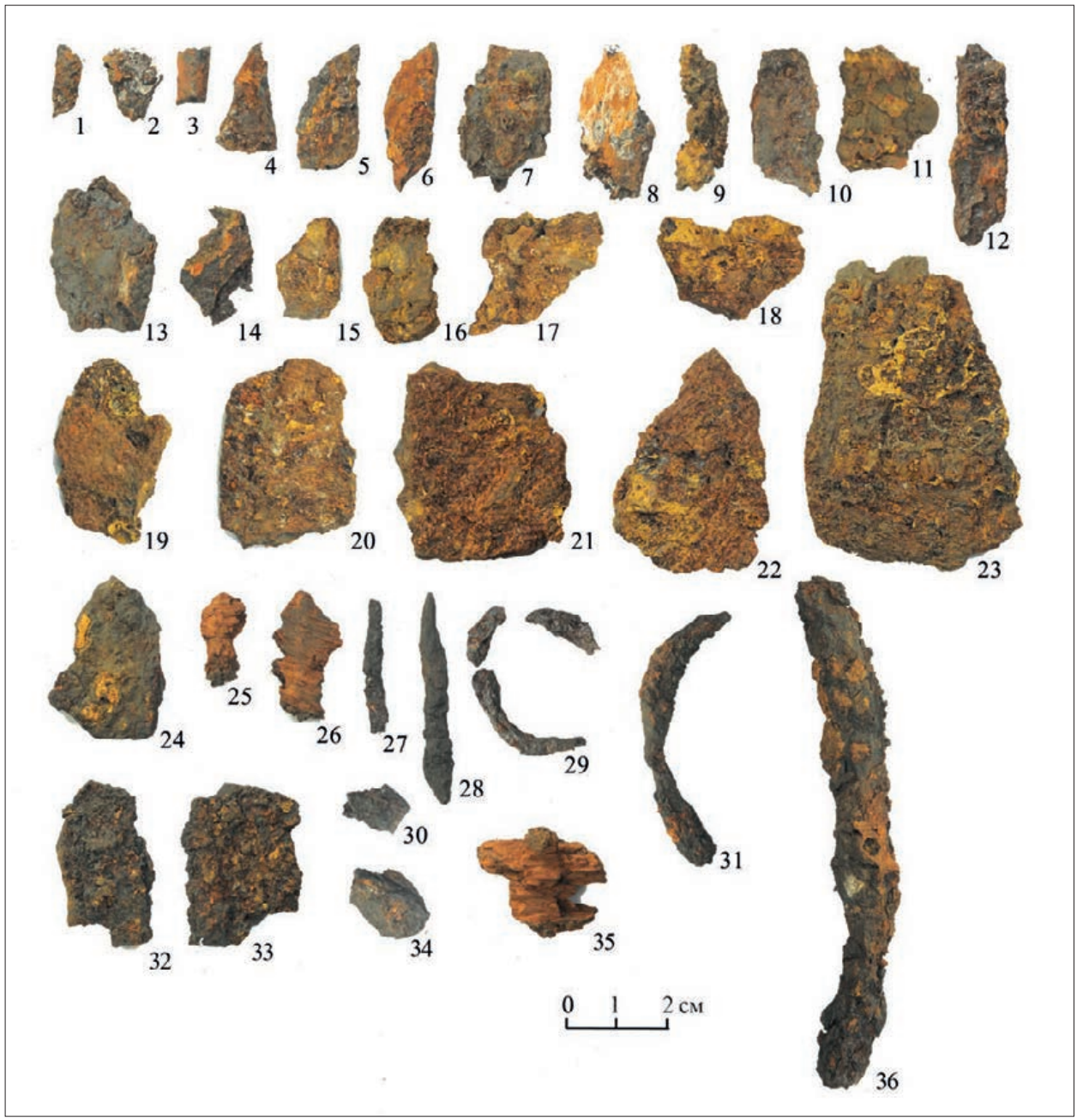

Рис. 41. Погребальный комплекс Уелги. Курган 4. Вещевой инвентарь. 1–12, 30, 34: погребение 3; 13–29, 31–33, 35, 36: подкурганная площадка, насыпь. Железо

41. kép. Az ujelgi temető. 4. kurgán. Mellékletek. 1–12, 30, 34: 3. sír; 13–29, 31–33, 35, 36: a kurgán alatti tér, feltöltés. Vas

Пронизка вытянутой формы бронзовая, состоящая из сферических частей, разделенных двумя перехватами. Размеры 0,9 × 3,8 см (*рис. 36. 18*).

Серьга кольцевая серебряная. Диаметр 3 см, толщина дрота 0,25 см (*рис. 37. 40*).

Перстень с овальным плоским щитком. Диаметр 2,3 см (*рис. 37. 16*).

Пуговицы-бубенчики серебряные (5 экз.) (*рис. 37. 34–36, 42, 43*).

Нашивка серебряная с семью крепежными отверстиями и двумя шпеньками. Размеры 2,6 × 4,6 см (*рис. 37. 41*).

При снятии насыпи также были найдены *фрагменты железных изделий*, среди которых угадываются обломки колец и пластин (*рис. 41. 13–29, 31–33, 35, 36*).

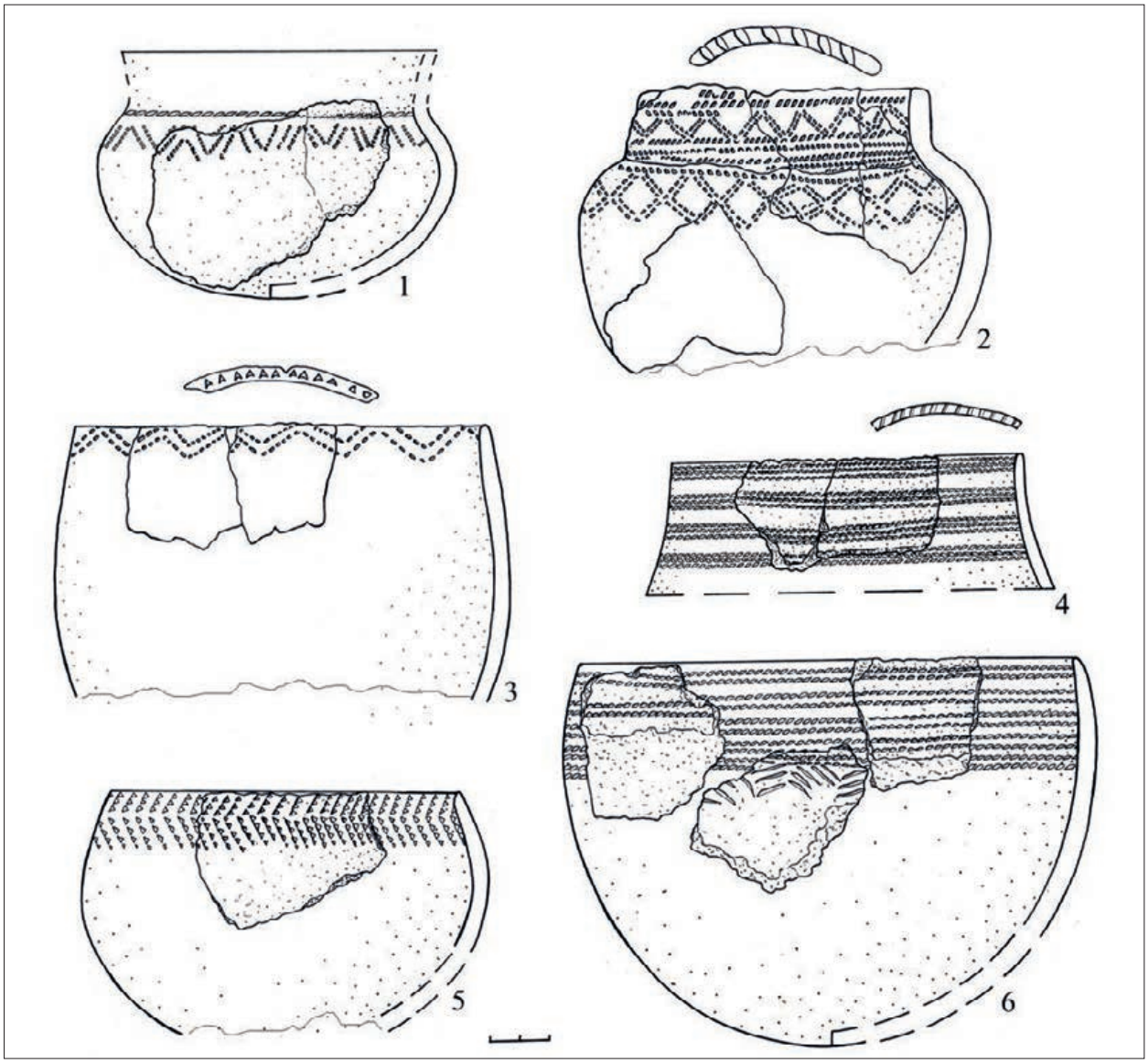

Рис. 42. Погребальный комплекс Уелги. Курган 4. Керамика. 1: сосуд 5, участок С–Т/4; 2: сосуд 3, участок У/7–6; 3: сосуд 2, участок Т/6: 9; 4: сосуд 4, участок Р/9; 5: сосуд 1, участок У/7; 6: сосуд 6, участок П/8
42. kép. Az ujelgi temető. 4. kurgán. Kerámia. 1: 5. edény, С–Т/4. szelvény; 2: 3. edény, У/7–6. szelvény; 3: 2. edény, Т/6. szelvény: 9; 4: 4. edény, Р/9. szelvény; 5: 1. edény, У/7. szelvény; 6: 6. edény, П/8 szelvény

Описание керамического комплекса

Сосуд 1. Фрагмент реконструированного сосуда. Закрытая круглодонная банка. Диаметр устья 11,2 см, высота 9 см. Орнаментирован по верхней части условной шейки вертикальной елочкой из вдавлений треугольного гребенчатого штампа (*рис. 42. 5*).

Сосуд 2. Два фрагмента реконструированного сосуда. Открытая плавнопрофилированная банка, орнаментирована по верхней части условной шейки двойным мелкогребенчатым зигзагом и по верху венчика вдавлением треугольного штампа (*рис. 42. 3*).

Сосуд 3. Пять фрагментов реконструируемого сосуда. Толстостенный горшок с округлым туловом и прямой слегка наклоненной внутрь шейкой, прямо срезанным венчиком. Диаметр устья 9,2 см. Орнаментирован по плечу горизонтальной цепочкой ромбов, оконтуренных двойной линией гребенчатого штампа, горизонтальным тиснением косого гребенчатого штампа, имити-

рующим шнуровой орнамент. Три горизонтали снизу и одна сверху по венчику ограничивает двойной гребенчатый зигзаг по центру шейки (*рис. 42. 2*).

Сосуд 4. Два фрагмента реконструируемого сосуда, часть вогнутой внутрь шейки. Орнаментирован четырьмя трехсоставными поясками мелкозубчатого шнурового штампа и косыми нарезками по венчику. Диаметр устья 11,8 см (*рис. 42. 4*).

Сосуд 5. Два крупных фрагмента от круглодонного горшка с прямой отогнутой шейкой. Диаметр устья 10,2 см, высота горшка до 8 см. Орнаментирован по плечу двойным и тройным зигзагом крупногребенчатого штампа и пояском крупнозубчатого шнура по границе плеча и шейки (*рис. 42. 1*).

Сосуд 6. Три фрагмента от реконструируемого сосуда. Полусферическая банка, диаметр устья 16,2 см, высота 12,8 см. Орнаментирован по условной шейке десятью поясками шнурового штампа, под которыми располагается четырех- и пятирядный резной зигзаг (*рис. 42. 6*).

Курган 5

Курган 5 расположен в северной части могильника на юго-восточном склоне большого останца, имеет округлую форму диаметром 12 м, высотой до 0,2 м (*рис. 43*). При снятии насыпи по ее периметру были расчищены жертвенные комплексы, которые состояли из зубов, челюстей и трубчатых костей лошади. К югу от центра подкурганной площадки расчищен развал сосуда, фрагменты керамики и костяное орудие. В юго-восточном секторе обнаружен фрагмент железного изделия и серебряная накладка. В северо-восточной части найден костяной наконечник (участок Т/11). В центральном квадрате также найден фрагмент ремня с серебряными накладками.

После зачистки на уровне материка было выявлено два погребения и десять, вероятно, грабительских поисковых ям.

Погребение 1 (*рис. 44*) расположено в центре подкурганной площадки, могильная яма подпрямоугольной формы со скругленной восточной стенкой, размерами 1,3 × 2,4 м, глубиной 0,12 м от уровня материка, ориентирована длинными стенками ЗЮЗ–ВСВ. Погребение разграблено, в заполнении ямы были обнаружены фрагменты керамики, серебряная сердцевидная накладка, железный наконечник стрелы.

Погребение 2 (*рис. 45*) расположено в 2,5 м южнее погребения 1. Яма подпрямоугольной формы, размерами 0,8 × 1,4 м, глубиной 0,07 м от уровня материка, ориентирована длинными стенками ЗЮЗ–ВСВ. Погребение разграблено. В восточной части ямы обнаружены обломки бедренной и берцовой костей скелета человека, в западной части – трубчатые кости рук. Это позволяет предположить, что скелет лежал головой на запад. Здесь же обнаружены фрагменты железного котелка и еще один фрагмент лежал в северо-западном углу. В центре обнаружен фрагмент железного изделия и железный наконечник стрелы.

Описание вещевого инвентаря

Наконечники стрел железные (4 экз.): трехгранный, размеры 0,7 × 3,4 см (*рис. 46. 4*); трехлопастные бронебойные (2 экз.) с коротким круглым черенком, размеры 1–1,2 × 5–5,5 см (*рис. 46. 2, 3*); двухлопастной листовидный с подпрямоугольным черенком, размеры 2,1 × 8,5 см (*рис. 46. 5*).

Ножи железные. Один экземпляр в сохранности, со слегка изогнутым черенком и прямым переходом от ручки к лезвию, размеры 1,1 × 9,2 см (*рис. 46. 7*). Два фрагмента ручек ножей, на одном сохранились остатки деревянной рукояти (*рис. 46. 6, 9*).

Фрагменты железных удил (3 экз.). Два, вероятно, от восьмерковидных удил, размеры 2,7–3 × 10,2–11 см (*рис. 46. 20*), один фрагмент кольчатых удил, размеры 3 × 10,5 см (*рис. 46. 19*).

Шпенёк железный. Размеры 0,8 × 1,9 см (*рис. 46. 1*).

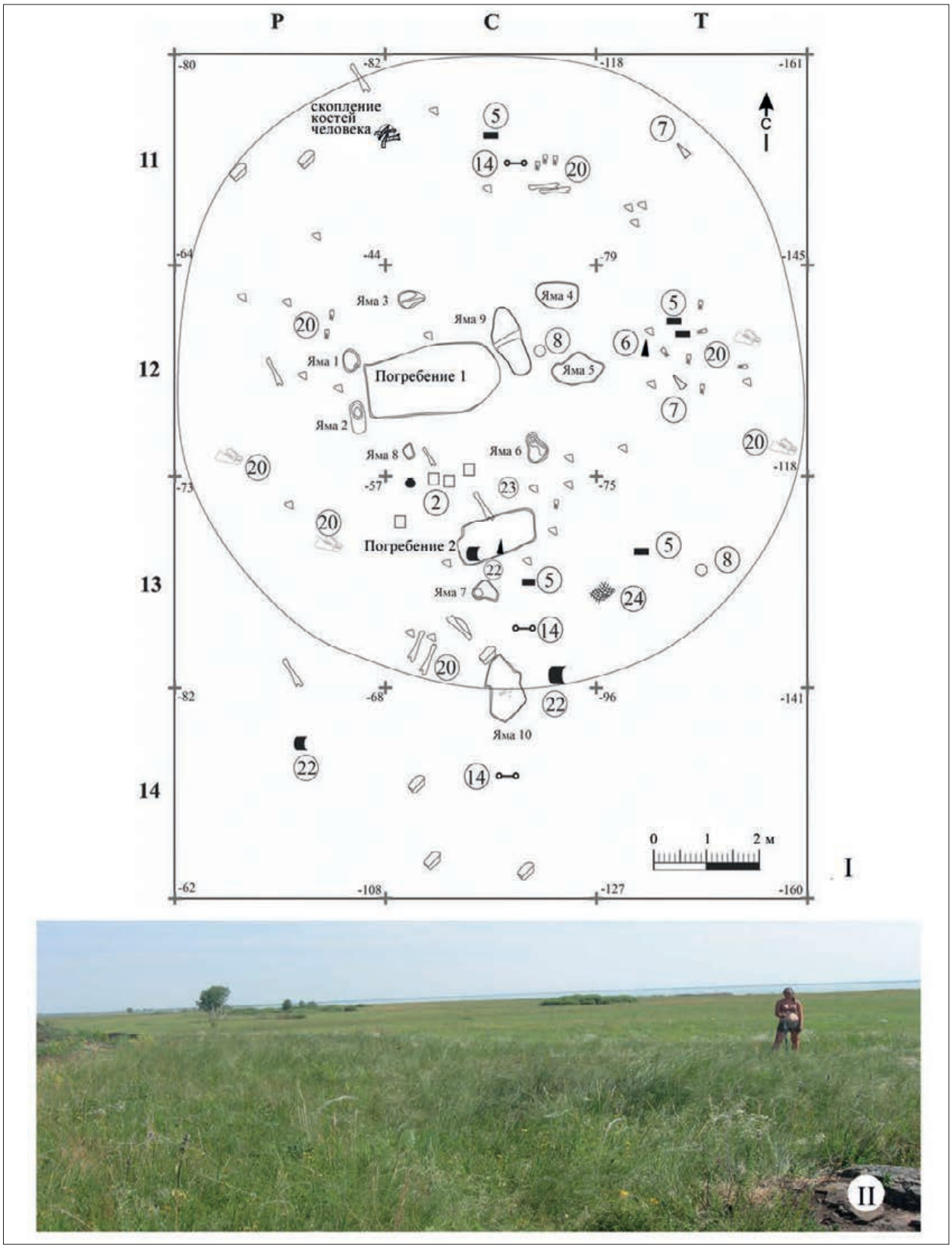

Рис. 43. Погребальный комплекс Уелги. Курган 5. I: общий план; II: вид на насыпь кургана до раскопок с востока

43. kép. Az ujelgi temető. 5. kurgán. I: általános felszínrajz; II: nézet a kurgán feltöltésére az ásatás előtt keleti irányból

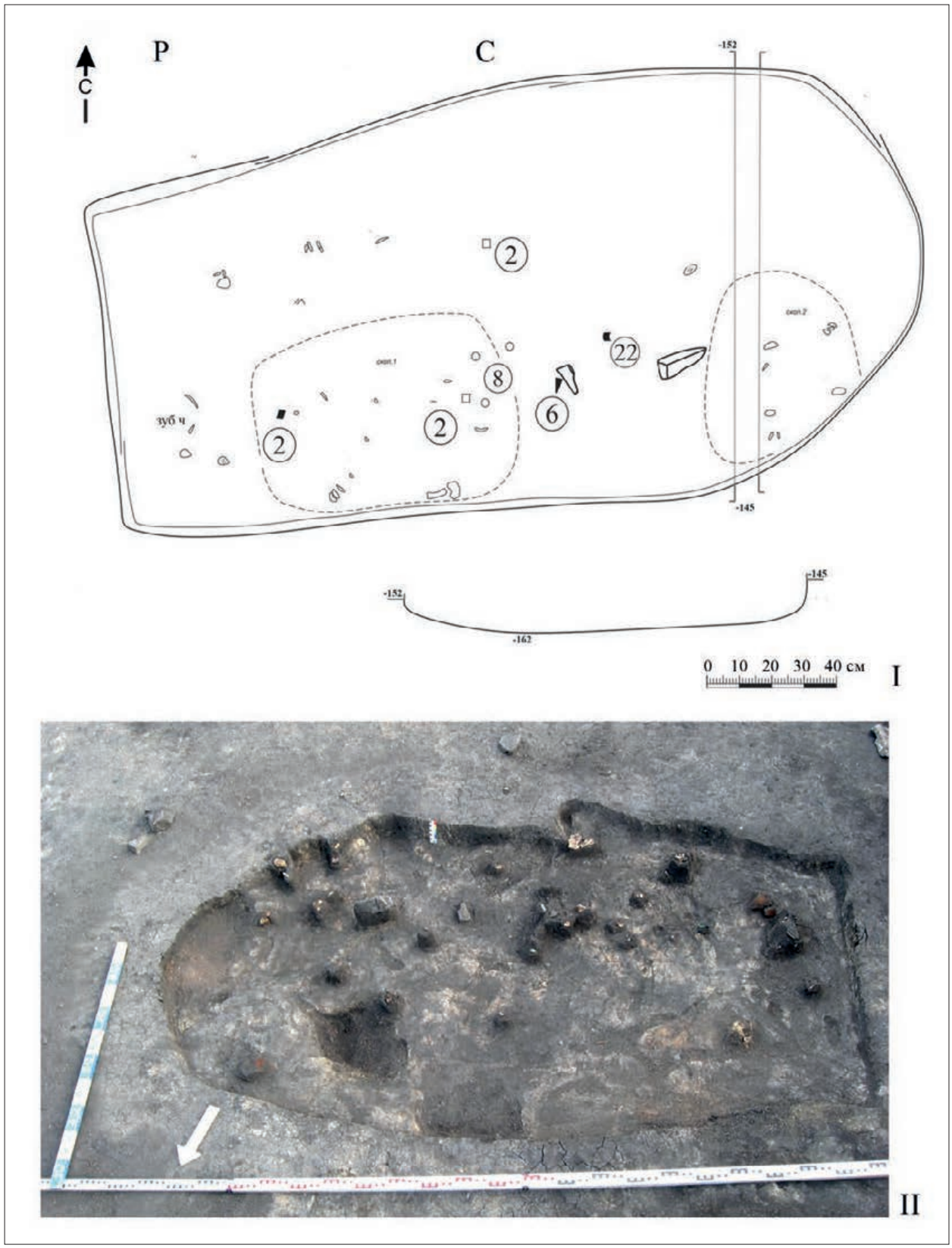

Рис. 44. Погребальный комплекс Уелги. Курган 5. Погребение 1. I: общий план и разрез; II: зачистка дна могильной ямы, вид с севера

44. kép. Az ujelgi temető. 5. kurgán, 1. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontás, nézet északi irányból

Рис. 45. Погребальный комплекс Уелги. Курган 5. Погребение 2. I: общий план и разрез; II: зачистка дна могильной ямы, вид с севера

45. kép. Az ujelgi temető. 5. kurgán, 2. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet északi irányból

Рис. 46. Погребальный комплекс Уелги. Курган 5. Вещевой инвентарь. 1, 7, 11–20: подкурганная площадка, насыпь; 2–4, 6, 8, 10, 12: погребение 2; 5, 9: погребение 1. 1–8, 10–20: железо; 9: железо, дерево
46. kép. Az ujelgi temető. 5. kurgán. Mellékletek. 1, 7, 11–20: a kurgán alatti tér, feltöltés; 2–4, 6, 8, 10, 12: 2. sír; 5, 9: 1. sír. 1–8, 10–20: vas; 9: vas, fa

Фрагменты железных изделий (10 экз.), которые не поддаются идентификации (*рис. 46. 8, 10–18*).

Фрагменты железного котелка (25 экз.) обнаружены на большой площади подкурганной площадки (участок С/14; Р/14), а также в погребении 2. Представляют собой раскованный железный лист толщиной 1,5–2,5 мм. Форма котелка не восстанавливается, однако хорошо фиксируется округлость стенок изделия (*рис. 48. 1, 2*).

Керамическая открытая сферическая банка, тонкостенная, орнаментирована нарезками по венчику и двумя двойными зигзагами мелкогребенчатого штампа, образующих ромбическую цепочку. Высота 9,4 см, диаметр устья 15,2 см (*рис. 47. 10*).

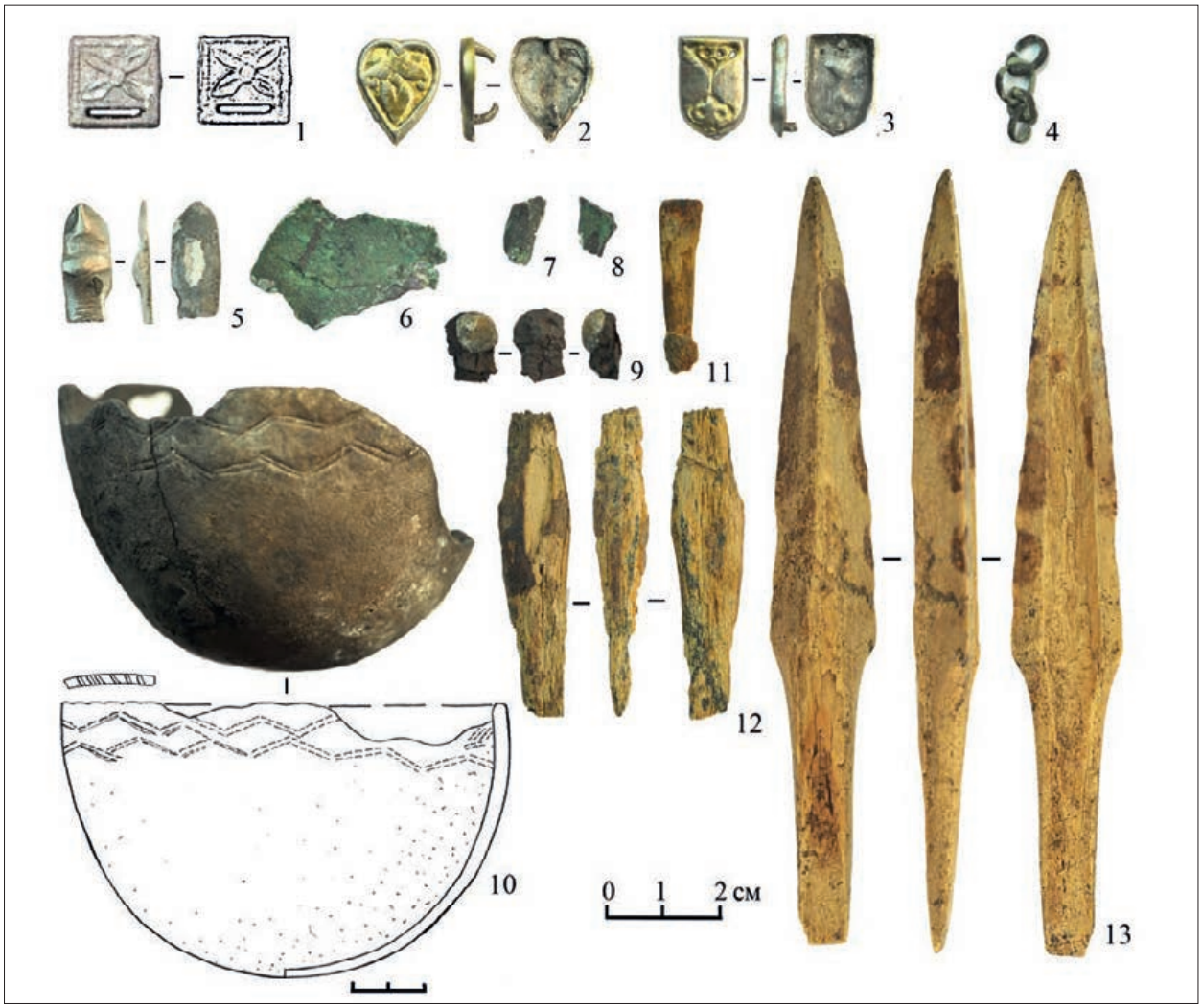

Рис. 47. Погребальный комплекс Уелги. Курган 5. Вещевой инвентарь. 1: участок T/13; 2, 5, 6: погребение 1; 3: участок C/12; 4: участок P/13; 7, 8, 10, 12: насыпь, подкурганная площадка; 9, 11: участок C/13; 13: участок T/11. 1–3: серебро, позолота; 4, 5: серебро; 6–8: серебряная жесть; 9: серебро, кожа; 10: керамика; 11–13: кость

47. kép. Az ujelgi temető. 5. kurgán. Mellékletek. 1: T/13. szelvény; 2, 5–6: 1. sír; 3: C/12. szelvény; 4: P/13. szelvény; 7–8, 10, 12: feltöltés, a kurgán alatti tér; 9, 11: C/13. szelvény; 13: T/11. szelvény. 1–3: ezüst, aranyozás; 4, 5: ezüst; 6–8: ezüstlemez; 9: ezüst, bőr; 10: kerámia; 11–13: csont

Наконечники стрел костяные (3 экз.) черешковые, асимметрично-ромбические. Крупный наконечник размерами 1,7 × 12,5 см (*рис. 47. 13*), малый (обломленный) размерами 1,1 × 5 см (*рис. 47. 12*) и обломок черенка (*рис. 47. 11*).

Изделия из кости (2 экз.): верхние части бедренной и плечевой костей лошади, заостренные в нижней части. Размеры 8 × 23 см и 8,5 × 20,7 см (*рис. 49*).

Изделия из цветного металла

Накладка квадратная полиметаллическая (серебро с позолотой), с прямоугольной прорезью внизу, украшена четырехлепестковой лилией, имеющей выпуклую сферическую центральную часть. Этот орнаментальный мотив имеет квадратное обрамление по краю в виде выпуклой цепочки, выполненной мелкой зернью. Размеры 2,1 × 2,1 см (*рис. 47. 1*).

Рис. 48. Погребальный комплекс Уелги. Курган 5. Вещевой инвентарь. 1: погребение 2, участок С/14; 2: участок Р/14. Железо
48. kép. Az ujelgi temető. 4. kurgán. Mellékletek. 1: 2. sír, C/14. szelvény; 2: P/14. szelvény. Vas

Накладка сердцевидная полиметаллическая (серебро с позолотой), орнамент в виде флористического сюжета на щитке и четко оформленный бордюр, идущий по краю, имеет два крепежных шпенька. Размеры 1,3 × 1,6 см (*рис. 47. 2*).

Накладка щитовидная полиметаллическая (серебро с позолотой), с двумя элементами рас-

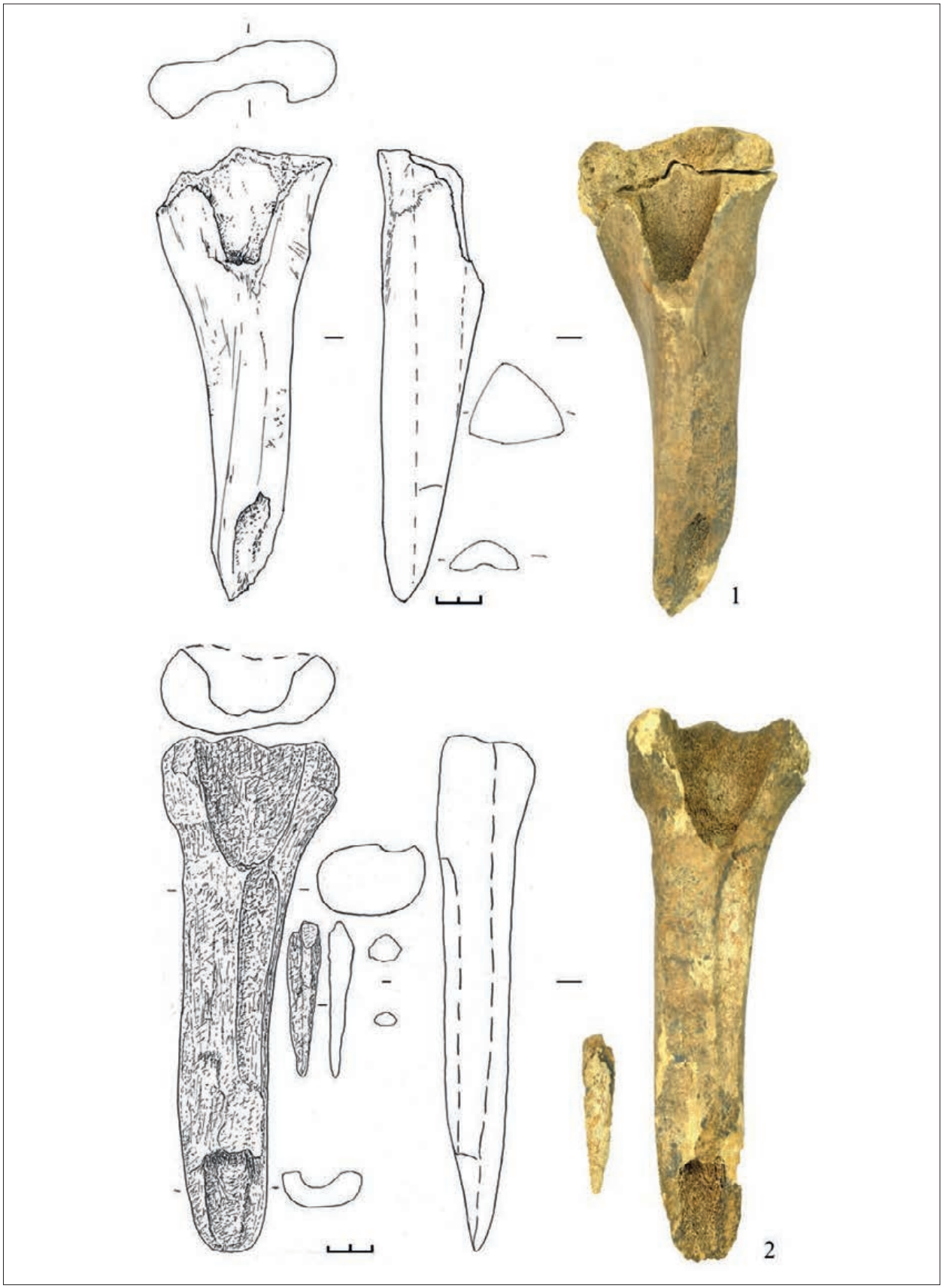

Рис. 49. Погребальный комплекс Уелги. Курган 5. Вещевой инвентарь. Изделия из кости
49. kép. Az ujelgi temető. 5. kurgán. Mellékletek. Csontkészítmények

тительного орнамента в верхнем и нижнем секторе, расположенными двумя сегментовидными плоскими полями, имеет два крепежных шпенька. Размеры 1,1 × 1,7 см (*рис. 47. 3*).

Обрывок серебряной цепочки из четырех звеньев (*рис. 47. 4*).

Накладка серебряная с заостренным носиком, тисненым желобком и валиком в средней части. Размеры 0,8 × 2 см (*рис. 47. 5*).

Фрагменты серебряной жести (3 экз.). Размеры от 1,8 × 2,6 см до 0,6 × 1 см (*рис. 47. 6–8*).

Накладка сферическая серебряная, с обрывком кожаного ремешка. Диаметр 0,6 см (*рис. 47. 9*).

Курган 6

Курган 6 (*рис. 50. I*) расположен в северной части могильника у юго-восточной подошвы северной возвышенности пенепленового останца. Насыпь невысокая, округлой формы диаметром 12 м, высотой до 0,3 м. В центре кургана располагался выход камней размерами 6,5 × 7 м. Зачисткой на уровне материка (–0,6 м) было выявлено две ямы и пять погребений. На уровне дневной поверхности в юго-западном секторе площадки был расчищен жертвенник из челюстей и черепов лошади.

Жертвенник (*рис. 50. II*) располагается в юго-западном секторе подкурганной площадки. Скопление костей располагалось в очертаниях неправильной формы размерами 2,5 × 4 м. Вероятнее всего кости черепов лошадей были уложены на дневную поверхность (–0,4 м). Скопление костей представлено в основном нижними челюстями, целыми черепами лошади и их фрагментами. При первоначальном осмотре насчитывалось более десятка особей.

Погребение 1 (*рис. 51. II*) располагается в центральной части кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 0,6 × 1,52 м, глубиной 5 см от уровня материка, ориентированная по линии СВ–ЮЗ. У юго-западной торцовой стены были расчищены кальцинированные обломки костей скелета человека (трубчатые и фрагменты черепа). Вещевого материала в заполнении не обнаружено.

Погребения 2 и 3 (*рис. 52; 53*) были расчищены в юго-восточном секторе насыпи кургана, рядом с границей каменного выхода. Яма имела неправильную форму, размеры 1,15 × 2 м и глубину до 0,3 м. В заполнении ямы был обнаружен *бронзовый браслет* диаметром 6 см (*рис. 55. 16*).

После расчистки на уровне дна ямы (–0,85 м) было обнаружено два захоронения. Погребение 2 принадлежало взрослому человеку, погребение 3 – детское.

Погребение 2. От него сохранились только кости ноги. Судя по их расположению, умерший был положен головой на юго-запад. У правой ноги обнаружен обломок кольчатых удил размерами 5,4 × 2,3 см. В области груди справа обнаружена серебряная накладка арочной формы с прямоугольной прорезью в нижней части, размерами 1,4 × 1,6 см (*рис. 52; 53*). Браслет, обнаруженный в верхней части заполнения, вероятно, принадлежал этому погребению.

Погребение 3. В этом погребении уцелели кости скелета человека – берцовые, фрагменты лучевых костей и фрагмент черепа. Судя по их расположению, умерший был уложен головой на ЮЮЗ. Среди костей черепа обнаружены *бусы* (11 экз.) черного и красного цветов (*рис. 56. 1–11*), в низку которых входили две *полосчатых подтреугольных подвески* размерами 0,6–0,7 × 2 см (*рис. 56. 12, 13*).

На костях правой руки лежал *серебряный браслет*, желобчатый в разрезе, диаметром 4,5 см (*рис. 55. 15*).

В районе предполагаемого пояса были обнаружены *семь серебряных накладок-зажимов* неправильной ромбовидной формы, размерами от 3 до 2,5 см в длину и 1,1 см в ширину (*рис. 55. 6, 7, 10–13*). В полной сохранности только одна накладка, которая выглядит как зажим, состоящий из двух створок, соединенных клепкой (*рис. 55. 7*), а также несколько фрагментов разных размеров и форм (*рис. 55. 5, 8, 9, 11, 12*). Вероятнее всего эти накладки-зажимы являются остатками стрелкового пояса, к которому можно отнести и серебряную пряжку, обнаруженную здесь.

Пряжка цельнолитая с округлым щитком. Размеры 2,8 × 2,3 см (*рис. 55. 17*).

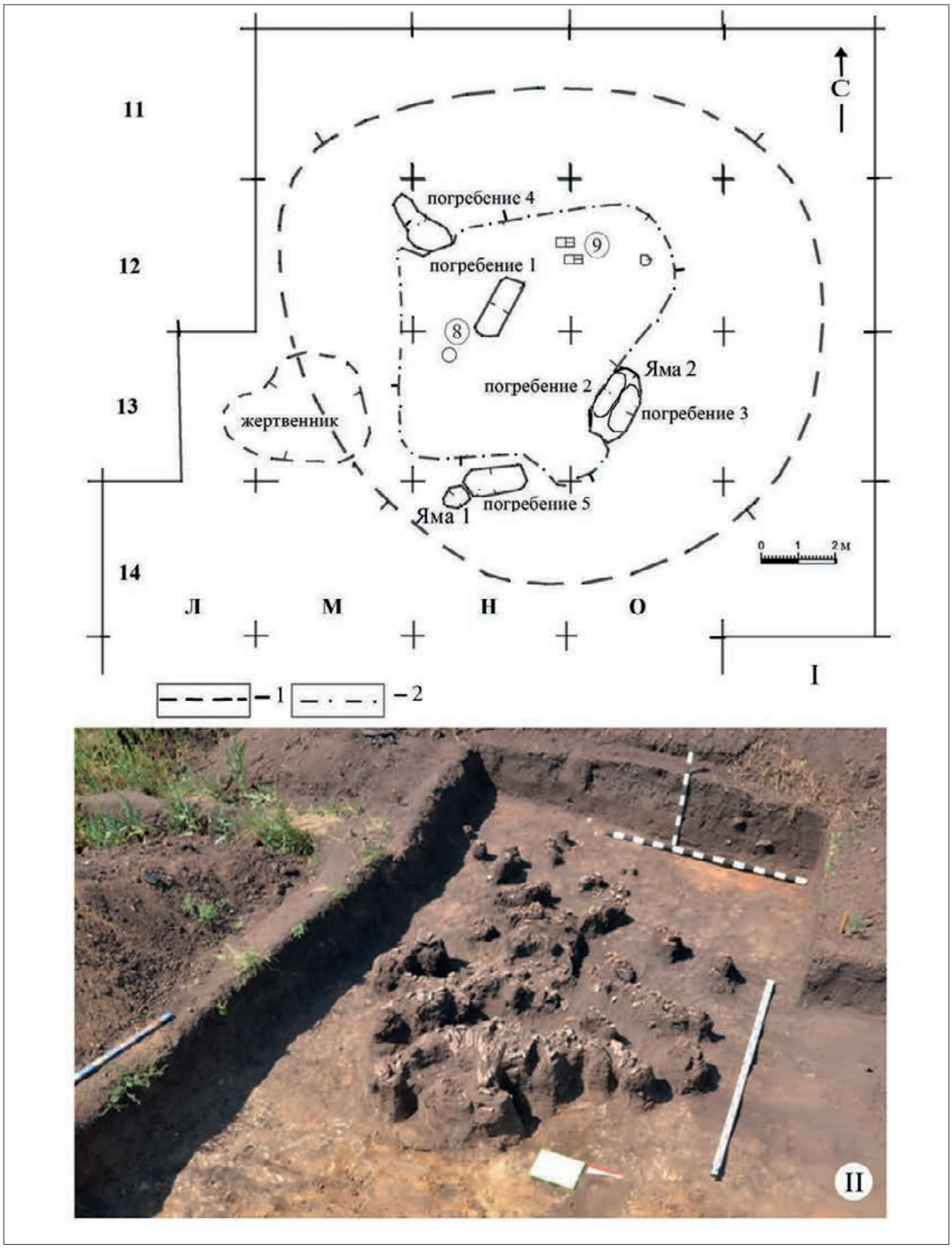

Рис. 50. Погребальный комплекс Уелги. Курган 6. I: общий план. 1: очертания насыпи, 2: границы скалы; II: жертвенник, вид с востока

50. kép. Az ujelgi temető. 6. kurgán. I: általános felszínrajz. 1: a feltöltés körvonalai, 2: az alapkőzet határai; II: áldozati objektum, nézet keleti irányból

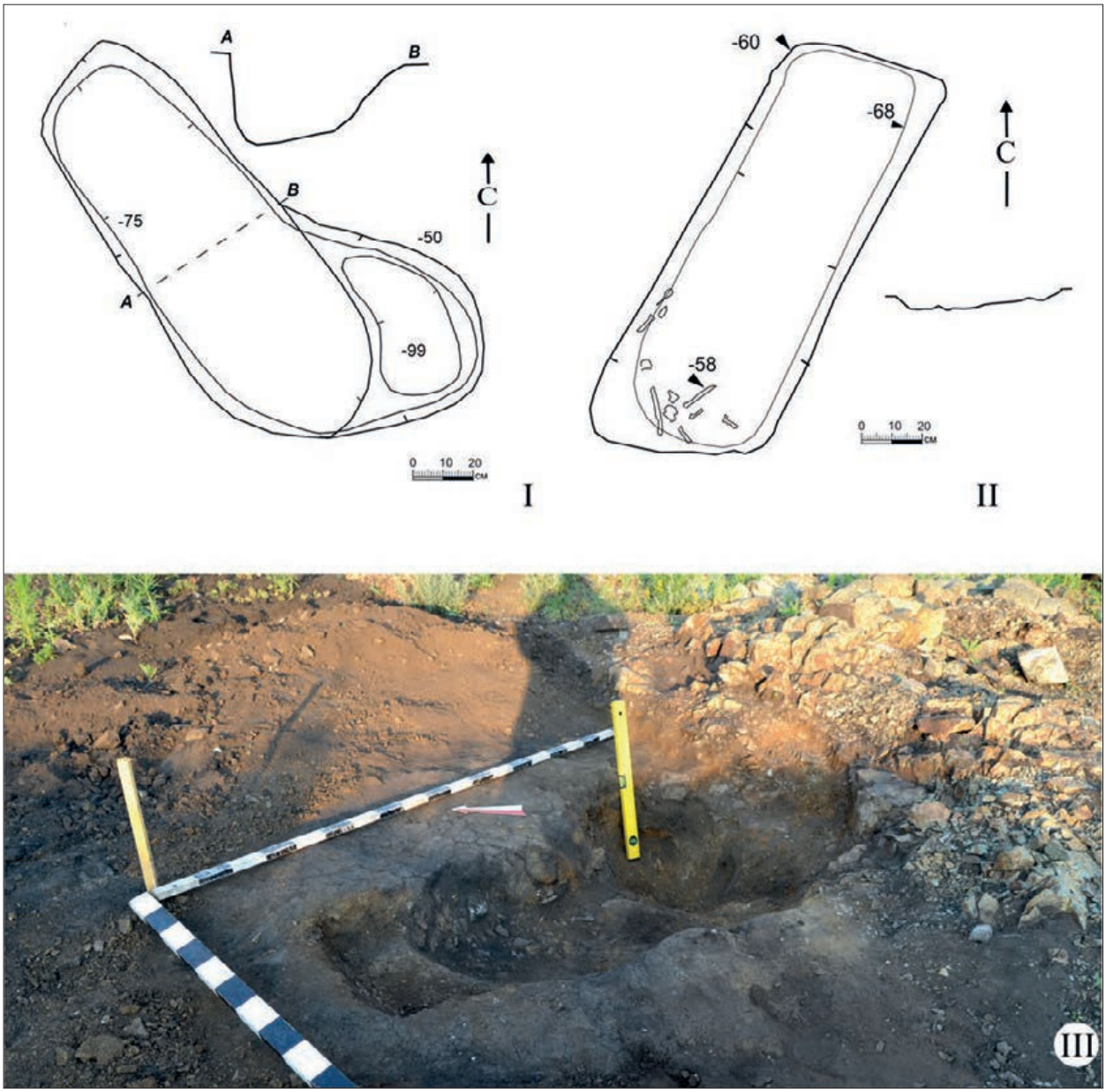

Рис. 51. Погребальный комплекс Уелги. Курган 6. I: общий план погребения 4; II: общий план погребения 1; III: погребение 4, зачистка дна могильной ямы, вид с запада
51. kép. Az ujelgi temető. 6. kurgán. I: a 4. sír általános felszínrajza; II: az 1. sír általános felszínrajza; III: 4. sír, a sírgödör aljának kibontása, nézet nyugati irányból

Также обнаружены три *накладки серебряные плоские щитовидные* (*рис. 55. 2, 3, 4*), один *обломок* и три *фрагмента железных кольчатых удил* (*рис. 56. 16–18*).

Погребение 4 (*рис. 51. I, III*) расположено в северо-западном секторе кургана рядом с границей каменного выхода. Могильная яма имеет неправильную подпрямоугольную форму, которая образовалась в результате наложения грабительской ямы в юго-восточной половине, размерами 0,5 × 1,5 м, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. В заполнении никаких артефактов не обнаружено.

Погребение 5 (*рис. 54. I, II*) было обнаружено в южном секторе кургана рядом с границей каменного выхода. Яма подпрямоугольной формы, размерами 0,6 × 1,5 м, ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. При зачистке на уровне материка у восточной торцовой стенки могильной ямы обнаружен фрагмент берестяной обкладки

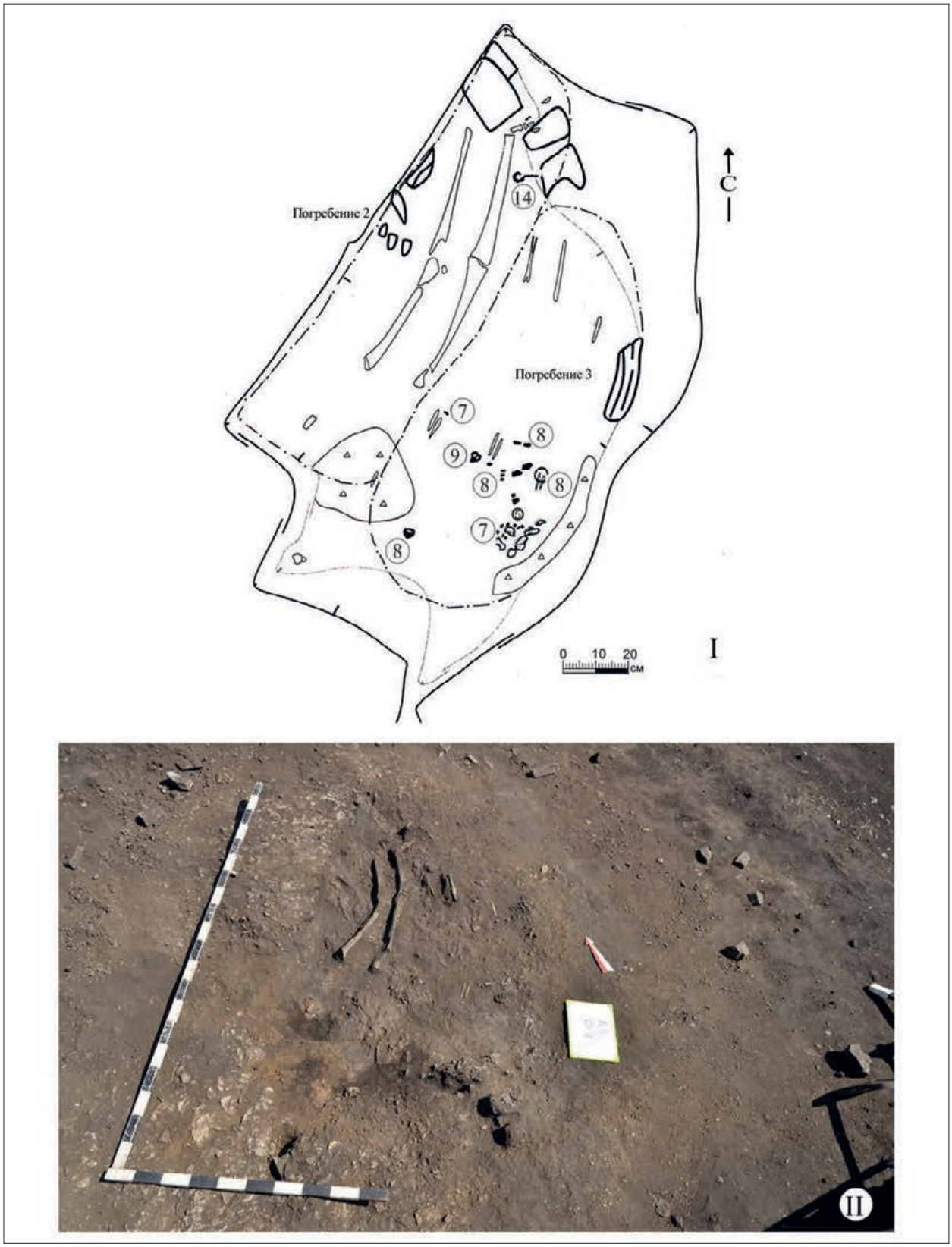

Рис. 52. Погребальный комплекс Уелги. Курган 6. Погребения 2 (взрослое) и 3 (детское). I: общий план; II: зачистка дна могильной ямы, вид с юга–юго-запада

52. kép. Az ujelgi temető. 6. kurgán, 2. sír (felnőtt) és 3. sír (gyermek). I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet dél-délnyugati irányból

Рис. 53. Погребальный комплекс Уелги. Курган 6. I: погребение 2, фрагмент; II: погребение 3, фрагмент
53. kép. Az ujelgi temető. 6. kurgán. I: 2. sír, részlet; II: 3. sír 3, részlet

Рис. 54. Погребальный комплекс Уелги. Курган 6. Погребение 5. I: общий план; II: зачистка дна могильной ямы, вид с севера

54. kép. Az ujelgi temető. 6. kurgán, 5. sír. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet északi irányból

размерами 5 × 30 см. Здесь же найден фрагмент берцовой кости скелета человека, лежащей в направлении ЗЮЗ–ВСВ. В заполнении ямы обнаружены фрагменты бересты и кости скелета. В северо-западном углу ямы расчищены фрагменты берестяного настила. Здесь же, в углу, найдено серебряное кольцо диаметром 2,5 см. Незначительное количество предметов – *обломок железного предмета (ножа?)* (*рис. 56. 19*), *накладка серебряная с позолотой сердцевидная*

Рис. 55. Погребальный комплекс Уелги. Курган 6. Вещевой инвентарь. 1: насыпь; 2–13, 15, 17: погребение 3; 14: погребение 5; 16: погребения 2, 3. Серебро

55. kép. Az ujelgi temető. 6. kurgán. Mellékletek. 1: feltöltés; 2–13, 15, 17: 3. sír; 14: 5. sír; 16: 2. sír, 3. Ezüst

с ушком (*рис. 55. 14*) и обломок аналогичной накладки были обнаружены в северо-восточной части заполнения ямы.

В насыпи кургана также найдены две *подпружные пряжки железные подпрямоугольные*, размеры 4 × 5,2 × 0,8 см и 4,7 × 6,2 × 0,8 см (*рис. 56. 14, 15*) и *накладка сегментовидная серебряная*, с прорезью в нижней части, размеры 1 × 1,7 см (*рис. 55. 1*).

Рис. 56. Погребальный комплекс Уелги. Курган 6. Погребение 3. Вещевой инвентарь. 1–13: стекло; 14–19: железо

56. kép. Az ujelgi temető. 6. kurgán, 3 sír. Mellékletek. 1–13: üveg; 14–19: vas

Курганы 7–8[3]

Группа курганов 7; 8; 33 занимает центральную часть северной половины некрополя (*рис. 57*). Под насыпью кургана 7 было зафиксировано одно погребение в южной части подкурганной площадки. По всей видимости, возведение полноценной курганной насыпи

[3] В исследовании курганов 7, 8 принимали участие Е. В. Тидеман (Гущина) и А. А. Лукиных. Авторы глубоко благодарны им за проведение полевых исследований и подготовку отчетов.

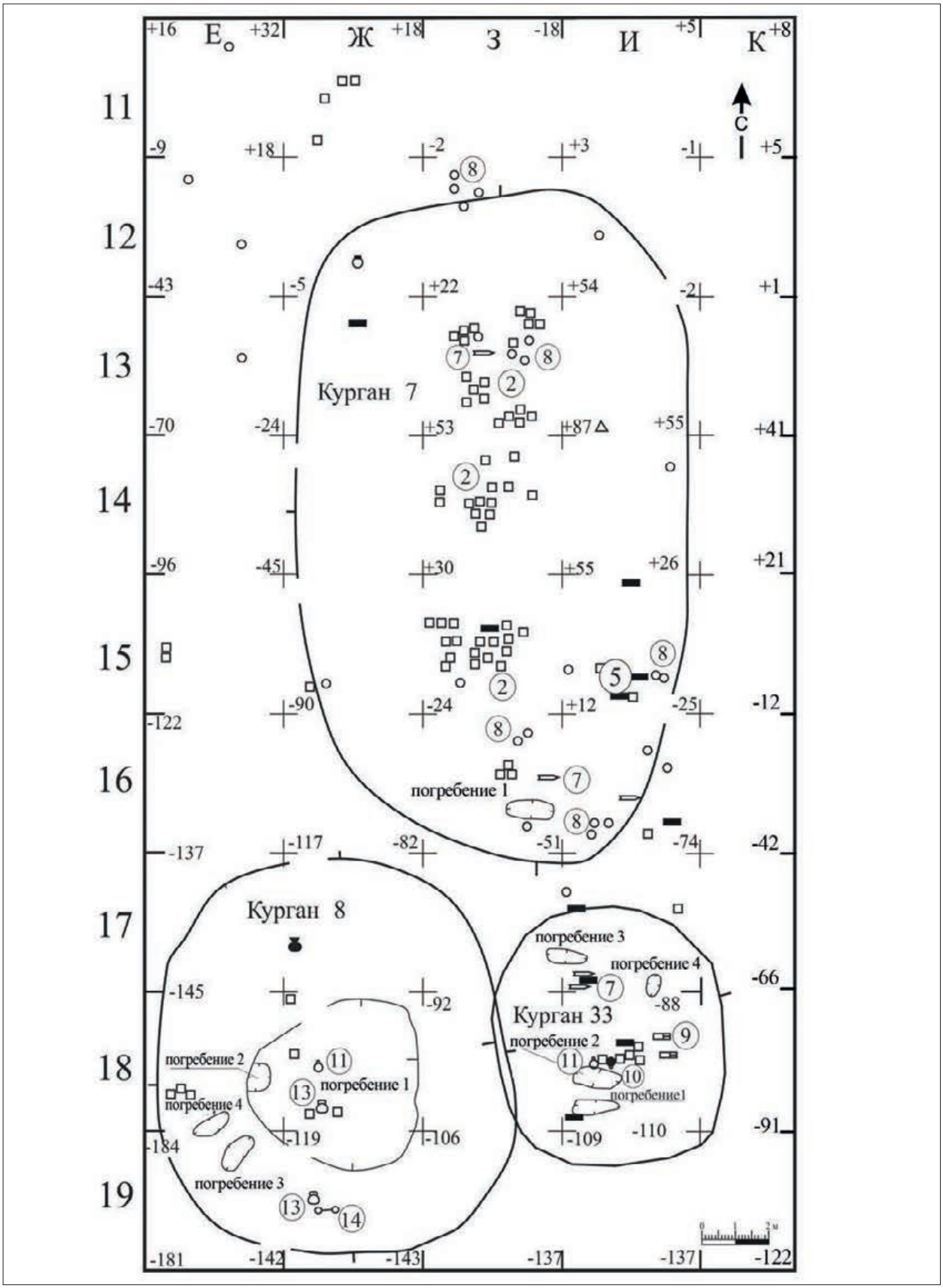

Рис. 57. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 7, 8, 33. Общий план
57. kép. Az ujelgi temető. 7, 8, 33. kurgán. Általános felszínrajz

было нецелесообразным в силу особенностей рельефа местности. Всю северную половину курганной насыпи занимал скальный останец, который был «присыпан» с западной, южной и восточной сторон. Это подтверждается данными стратиграфических наблюдений. Мощность темно-серого гумуса на северной стороне останца значительно меньше, нежели на южной (*рис. 58. I, II*). Судя по распространению артефактов (фрагменты керамики, серебряные накладки, фрагменты железных наконечников стрел), в северной половине курганной площадки, вероятно, располагались погребения, совершенные в слое гумуса, так как выходы скалы не позволяли значительно углублять ямы. Впоследствии погребения были разграблены. Под насыпью кургана 8 было исследовано четыре ограбленных погребения. Особый интерес представляет надмогильное сооружение, состоящее из ярко-коричневого (прокаленного) гумуса, в котором обнаружены обломки металлических орудий, два стремени, коррозированный обломок удил и небольшой орнаментированный сосуд (*рис. 62. I, II*). Погребения 2–4 кургана 8 были полностью ограблены в древности или были безынвентарными. Возможно, этот факт позволяет рассматривать курган 8 как ритуально-поминальный комплекс.

Курган 7

Погребение 1 (*рис. 59. I, II*) было обнаружено в южной части насыпи кургана, могильная яма прямоугольной формы, размерами 2,25 × 1 м, ориентирована по линии З–В. По контуру ямы, за исключением северо-восточной части, фиксировался деревянный каркас. Погребение разграблено. В юго-восточной части было зафиксировано скопление накладок округлой формы, рядом с которыми обнаружены несколько фрагментов керамики и ременная накладка полуовальной формы с рельефным растительным орнаментом. В юго-западной части обнаружен фрагмент черепа человека и череп лошади. Все остальные кости располагались в погребении хаотично.

Бляхи-накладки (16 экз.) с высоким бортиком, диаметр 1,2 см, высота бортика 0,3 см. На обратной стороне шпенек с шайбой в центральной части. Высота шпенька 0,35 см. Шайбы квадратной и прямоугольной формы (*рис. 60. 7*).

Серьга в форме разомкнутого кольца из цельного серебряного прута, концы слегка заостренные. Внешний диаметр 3,1 см, внутренний – 2,4 см; диаметр прута 0,4 см (*рис. 60. 8*).

Накладка арочной формы серебряная с фигурным подпрямоугольным вырезом в основании. На лицевой стороне рельефный растительный орнамент (плоды и цветы смоквы). С обратной стороны сохранился фрагмент широкого кожаного ремешка, прикрепленный полуовальной пластиной-фиксатором с прямоугольным вырезом с помощью трех шпеньков (двух в основании и одним по центру носика). Длина изделия 2,6 см, ширина 1,9 см, высота бортика 0,4 см (*рис. 60. 6*).

Наконечник ремня серебряный с позолотой, полуовальной формы, с высоким бортиком, остатками кожаного ремешка с обратной стороны, с двумя шпеньками в основании и у носика. Кожаный ремешок прикреплен с помощью двух круглых шайб. На лицевой стороне рельефный орнамент в виде четырех взаимопроникающих завитков и четырех точек, образующих ромб. Длина 1,7 см, ширина 1,2 см, высота бортика 0,2 см, диаметр шайбы 0,5 см (*рис. 60. 2*).

Накладка прямоугольная серебряная. Длина 2,2 см, ширина 1,1 см, высота бортика 0,2 см. На обратной стороне в основании и у носика два шпенька с четырехугольными шайбами. Шайбы размерами 0,7 × 0,6 см (*рис. 60. 5*).

Бусы представлены двумя спекшимися между собой *пастовыми бусинами цилиндрической формы* с частично отслоившимся верхним слоем. Цвет внешней поверхности синий. Длина 0,6 см, диаметр общий 0,5 см, диаметр отверстия 0,09 см (*рис. 60. 4*).

Фрагменты деревянного сосуда с серебряным зажимом (4 экз.) прямоугольной формы. Зажим скреплен двумя расклепанными шпеньками по краям. Длина зажима 3–4 см, ширина 1,5–1,7 см (*рис. 60. 9–12*).

Фрагменты сосуда баночной формы (шейка и верхняя часть тулова), на шейке орнамент

Рис. 58. Погребальный комплекс Уелги. Курган 7. I: северная площадка, вид с юго-востока; II: южная площадка, вид с северо-запада
58. kép. Az ujelgi temető. 7. kurgán. I: északi terület, nézet délkeleti irányból; II: déli terület, nézet északnyugati irányból

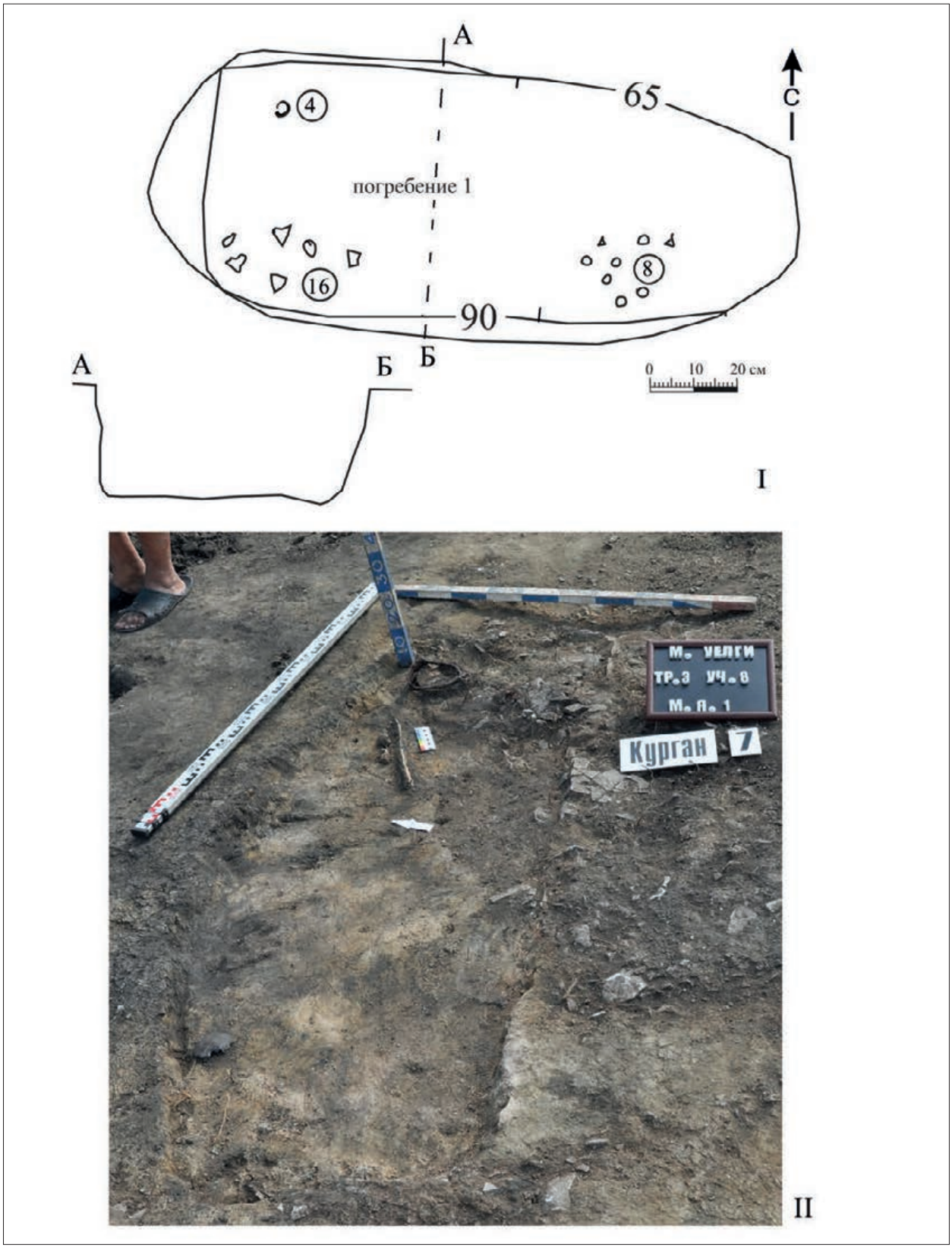

Рис. 59. Погребальный комплекс Уелги. Курган 7. Погребение 1. I: общий план и разрез; II: зачистка на уровне материка, вид с запада

59. kép. Az ujelgi temető. 7. kurgán, 1. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: bontás az altalaj szintjén, nézet nyugati irányból

Рис. 60. Погребальный комплекс Уелги. Курган 7. Погребение 1. Вещевой инвентарь. 1, 3, 5, 7, 8: серебро; 2: серебро, позолота; 4: стекло; 6: серебро, позолота, кожа; 9–12: серебро, дерево; 13: керамика
60. kép. Az ujelgi temető. 7. kurgán, 1. sír. Mellékletek. 1, 3, 5, 7, 8: ezüst; 2: ezüst, aranyozás; 4: üveg; 6: ezüst, aranyozás, bőr; 9–12: ezüst, fa; 13: kerámia

в виде двухрядного зигзага и трех рядов опоясывающих линий, выполненных мелкозубчатым гребенчатым штампом. Размеры 6,7 × 5,5 см, толщина черепка 0,4 см (*рис. 60. 13*).

Накладка сердцевидная серебряная, без орнаментации, с двумя крепежными шпеньками и шайбами с обратной стороны (*рис. 60. 1*).

Шайба квадратная серебряная со стороной 0,8 см (*рис. 60. 3*).

Курган 8

Погребение 1 (*рис. 61. I, II*) занимало центральную часть насыпи. Контуры могильной ямы, вероятно, являются котлованом грабительской ямы, что объясняет ее аморфную форму размерами 4,8 × 4,2 м, глубина 0,47 м.

В заполнении был обнаружен серебряный двусоставной бубенчик. В выкиде из ямы обнаружены два стремени, удила, орнаментированный сосуд и фрагменты двух сосудов (*рис. 62. I, II*).

Стремя железное арочной формы, с широкой подножкой, с выделенным трапециевидным переходом-петелькой для крепления. Длина 19,8 см, ширина 10,7 см, ширина подножки 2,4 см, диаметр дуг 0,9 см. Петелька для крепления 3 × 2,8 см (*рис. 64. 5*).

Стремя железное арочной формы, с широкой подножкой, с коротким переходом к петельке для крепления. Длина 17,9 см, ширина 11,3 см, ширина подножки 3 см, диаметр дуг 0,9 см (*рис. 64. 2*).

Удила двукольчатые железные. Сохранилась лишь половина диаметра обоих колец. Длина грызла 13 см, диаметр 1,2 см. Диаметр правого кольца 5,5 см, левого – 6 см (*рис. 64. 4*).

Бубенчик двусоставной серебряный грушевидной формы с петелькой. Высота с петелькой 2,5 см, диаметр 1,7 см (*рис. 64. 1*).

Фрагменты тулова сосуда с большой примесью песка, органики и крупного талька в тесте. Сосуд круглодонный, с несимметричными защипами (ушками) на тулове, шейка прямая, высокая, орнаментирована пятью параллельными опоясывающими рядами шнурового орнамента, верхняя часть тулова украшена оттисками крупного шнура (?) в виде тройного зигзага. Диаметр по венчику 6,9 см, тулова 9,3 см, высота 8 см (*рис. 64. 6*).

Фрагмент круглодонного сосуда, орнаментированного по венчику крупными насечками и по короткой шейке двумя сдвоенными рядами опоясывающих оттисков шнура (*рис. 64. 7*).

Погребение 2 (*рис. 63. I, II*) было зафиксировано в западной части ямы погребения 1, яма округой формы размерами 0,8 × 0,6 м, глубиной 0,38 м. В ходе просеивания грунта из погребения 2 был обнаружен железный трехлопастной, черешковый с вытянутой треугольной формой пера *наконечник стрелы*. Длина 4,6 см, длина (черешка) 1,7 см, ширина (перо) 1 см (*рис. 64. 3*).

Погребение 3 было зафиксировано в 0,5 м к юго-западу от погребения 1. Могильная яма овальной формы, размерами 1,5 × 0,7 м, глубиной 0,35 м, ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Инвентарь отсутствует.

Погребение 4 было отмечено в 0,7 м к юго-западу от погребения 1, яма овальной формы, размерами 1,5 × 0,6, глубиной 0,45 м, ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Инвентарь отсутствует.

Описание вещевого инвентаря с подкурганной площадки и из насыпи

Основная масса находок курганов 7; 8 была зафиксирована там, где были выявлены могильные ямы, и на прилегающих участках. Больше всего находок отмечено на участке З/13–14, что соответствует северной половине насыпи кургана 7. Наиболее массовый материал – фрагменты сосудов (103 экз.) – достаточно равномерно распределяются в пределах всего раскопа.

Накладки лунницевидные (билунницевидные) серебряные (2 экз.), штампованные, плоские, с круглыми отростками по краям и перехватом посредине, с гладкой поверхностью. Размеры 3 × 1,1 см. На обратной стороне два шпенька (*рис. 65. 1, 2*).

Накладка прямоугольная серебряная, плоская, с овальными выступами, орнаментирована прочеканенными линиями, бордюр по краю со сферическими и овальными выступами. На обратной стороне три шпенька с шайбами фиксаторами. Размеры 2,1 × 1,3 см (*рис. 65. 3*).

Накладка квадратная серебряная с прорезью в основании. На обратной стороне четыре загнутых шпенька. Размеры 2,1 × 1,9 см (*рис. 65. 4*).

Накладки ременные серебряные (2 экз.), прямоугольной формы, с фигурно-скобчатым

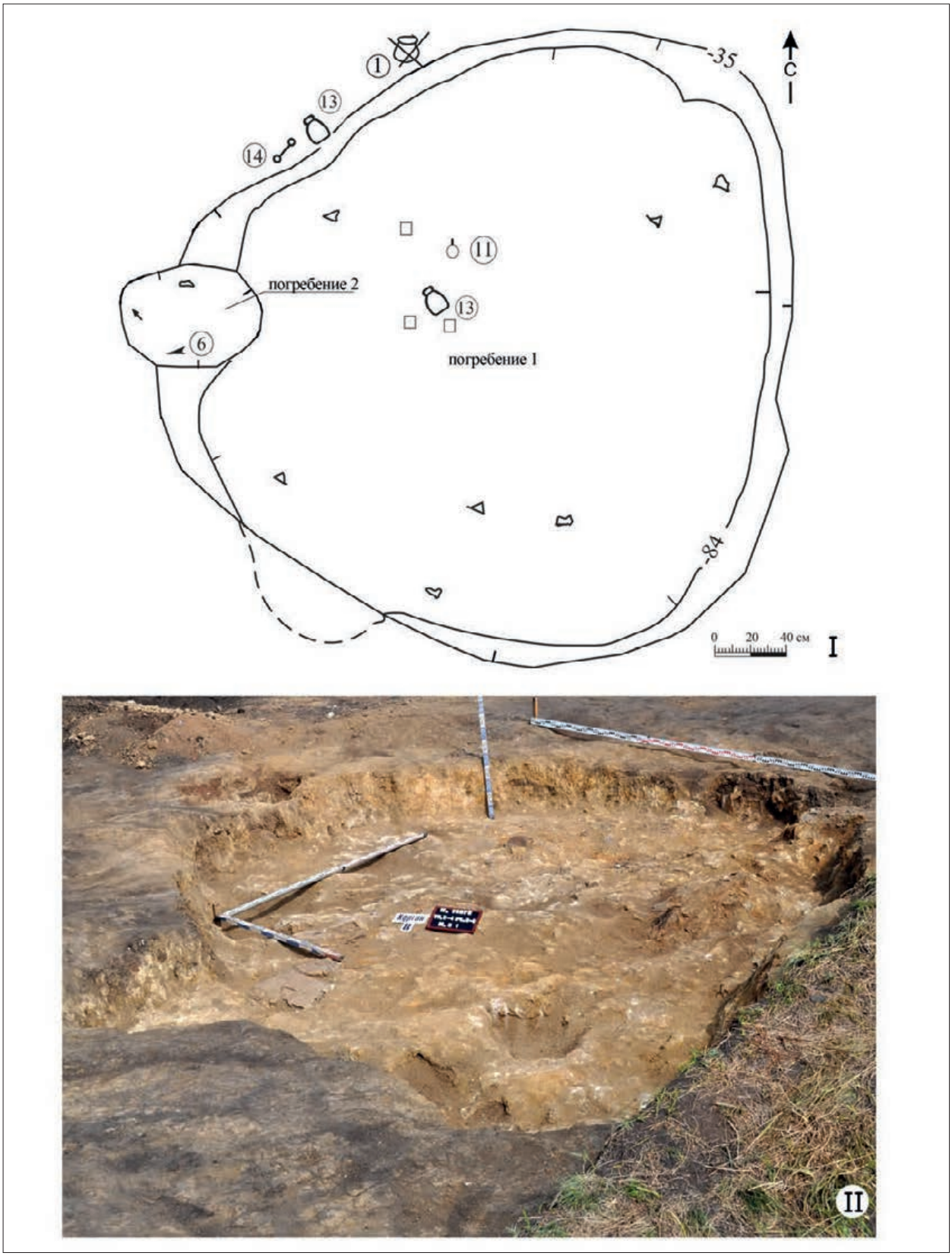

Рис. 61. Погребальный комплекс Уелги. Курган 8. Погребение 1. I: общий план; II: зачистка на уровне материка, вид с юго-востока

61. kép. Az ujelgi temető. 8. kurgán, 1. sír. I: általános felszínrajz; II: bontás az altalaj szintjén, nézet délkeleti irányból

Рис. 62. Погребальный комплекс Уелги. Курган 8. Погребение 1. Вещевой инвентарь. Деталь расположения
62. kép. Az ujelgi temető. 8. kurgán, 1. sír. Mellékletek. Részletfotó a leletek elhelyezkedéséről

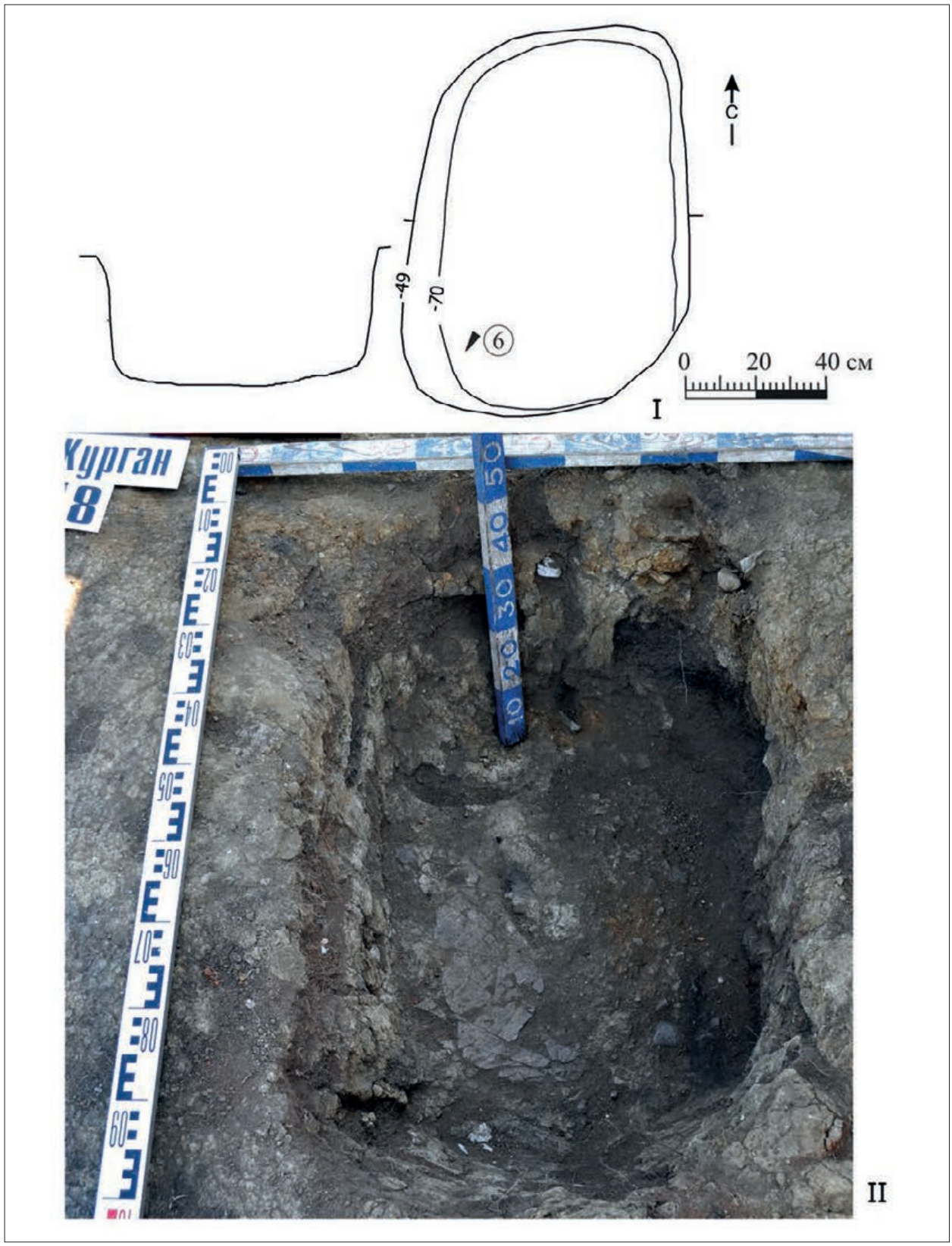

Рис. 63. Погребальный комплекс Уелги. Курган 8. Погребение 2. I: общий план и разрез; II: зачистка дна могильной ямы, вид с юга

63. kép. Az ujelgi temető. 8. kurgán, 2. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet déli irányból

Рис. 64. Погребальный комплекс Уелги. Курган 8. Вещевой инвентарь. 1–2, 4–7: погребение 1; 3: погребение 2. 1: серебро; 2–5: железо; 6, 7: керамика

64. kép. Az ujelgi temető. 8. kurgán. Mellékletek. 1–2, 4–7: 1. sír; 3: 2. sír. 1: ezüst; 2–5: vas; 6–7: kerámia

основанием, ровными бортиками и слегка закругленным носиком. На обратной стороне по краям фиксируются три шпенька. Размеры 2,3 × 1,8 см (*рис. 65. 5, 6*).

Накладка сердцевидная серебряная, с псевдопетельчатым выступом в основании, выделенным V-образным носиком и отростками на бортиках, имитирующими лепестки. На обратной стороне три шпенька с остатками медных шайб-фиксаторов. Размеры 2,4 × 1,8 см (*рис. 65. 7*).

Накладка овальная серебряная, плоская, с рифленым перехватом по центру. На обратной стороне два шпенька с остатками медных

Рис. 65. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 7; 8. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. 1–15, 18–25: серебро; 16, 17: серебро, позолота

65. kép. Az ujelgi temető. 7–8. kurgán. A kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. 1–15, 18–25: ezüst; 16–17: ezüst, aranyozás

шайб-фиксаторов. Размеры 2,7 × 1,5 см (*рис. 65. 8*).

Накладка серебряная с сердцевидным основанием, образованным двумя полусферическими выступами по сторонам, V-образным носиком и невысокими бортиками. На обратной стороне два шпенька для крепления. Размеры 1,7 × 1,6 см (*рис. 65. 9*).

Накладка сердцевидная серебряная с округлым вырезом в основании, V-образным носиком и высокими бортиками, литая. На обратной стороне два шпенька, третий утрачен. Размеры 2 × 2,1 см (*рис. 65. 10*).

Накладки щитовидные серебряные (2 экз.) с V-образным вырезом в основании и двумя полуовальными вырезами по бортикам, V-образным носиком и рельефным выступом по центру; одна накладка меньших размеров и полуовальные вырезы по бортикам менее выражены. На обратной стороне три шпенька. Размеры 2,9 × 2,3 см и 2,2 × 1,7 см (*рис. 65. 11, 12*).

Накладка ременная серебряная, литая, основание прямое с выступом и петелькой, на лицевой стороне рельефный орнамент в виде трилистника. На обратной стороне три шпенька с медными шайбами-фиксаторами. Размеры 1,9 × 1,8 см (*рис. 65. 13*).

Бляшки-накладки округлой формы серебряные (2 экз.), с высоким бортиком и шпеньком в центральной части, одно изделие слегка деформировано. Шайбы квадратной и прямоугольной формы, высота шпенька 0,35 см. Диаметр 1,2 см, высота бортика 0,3 см (*рис. 65. 14, 15*).

Накладка полуовальная серебряная с золотой амальгамой, со слегка выгнутым основанием с выступом-петелькой, на лицевой стороне в центре рельефный орнамент – трилистник. На обратной стороне три загнутых шпенька Размеры 1,8 × 1,5 см (*рис. 65. 16*).

Накладка сердцевидная серебряная с позолотой, с полуовальным выступом в основании и V-образным носиком, на лицевой стороне рельефный орнамент в виде трилистника (бутон по центру и два лепестка по краям). На обратной стороне два шпенька с остатками медной квадратной шайбы-фиксатора. Размеры 1,8 × 1,6 см (*рис. 65. 17*).

Накладка ременная сердцевидная серебряная, с V-образным основанием, волнистым бортиком, заостренным носиком и овальным вырезом в центре изделия, в нижней части по центру рельефный валик, лицевая сторона без орнамента. Размеры 2,3 × 2,1 см (*рис. 65. 18*).

Накладка ременная щитовидная серебряная, литая, с фигурным основанием, двумя рожковидными выступами по краям, волнистыми высокими бортиками и V-образным носиком, лицевая сторона без орнамента, на обратной стороне два шпенька для крепления. Размеры 2 × 1,7 см (*рис. 65. 19*).

Накладка полуовальная серебряная, с прямым основанием и полуовальным носиком, без орнамента. С обратной стороны один шпенек для крепления с квадратной шайбой. Размеры 1,5 × 1,4 см (*рис. 65. 20*).

Накладка сердцевидная серебряная, с V-образным основанием и носиком, на лицевой стороне орнамент отсутствует. На обратной стороне шпенек с квадратной шайбой-фиксатором и фрагментом кожаного ремешка. Размеры 1,4 × 1,5 см (*рис. 65. 21*).

Накладка ременная щитовидная серебряная, литая, основание оформлено полуовальным вырезом по центру и четырьмя выступами по краям, носик с овальным выступом, лицевая сторона имеет орнамент в виде желобков по центру и верхнему краю. На обратной стороне два шпенька с шайбами для крепления. Размеры 1,7 × 1,6 см (*рис. 65. 22*).

Накладка (нашивка) сердцевидная серебряная, с псевдопетелькой в основании и двумя отверстиями в центральной части. Размеры 1,8 × 1,5 см (*рис. 65. 23*).

Накладка ременная ромбовидная, ажурная, с двумя треугольными вырезами по центру и двумя симметричными полуовальными вырезами по двум сторонам, без орнамента. На обратной стороне три шпенька для крепления. Размеры 2,8 × 1,8 см (*рис. 65. 24*).

Накладка ременная серебряная в форме трилистника, с каплевидными вырезами по краям и в центре, в основании выступ – псевдопетелька и неглубокий желобок, отделяющий ее. На обратной стороне три шпенька, один из них обломлен. Размеры 2,8 × 1,8 см (*рис. 65. 25*).

Накладка (бляшка) круглая серебряная, без орнамента на лицевой стороне, с четырьмя расклепанными шпеньками, изделие слегка деформировано. Диаметр 3,4 см (*рис. 66. 2*).

Наконечник ремня полуовальный серебряный, с фигурным основанием и V-образным носиком, без орнамента. На обратной стороне два шпенька. Размеры 1,8 × 1,3 см (*рис. 66. 1*).

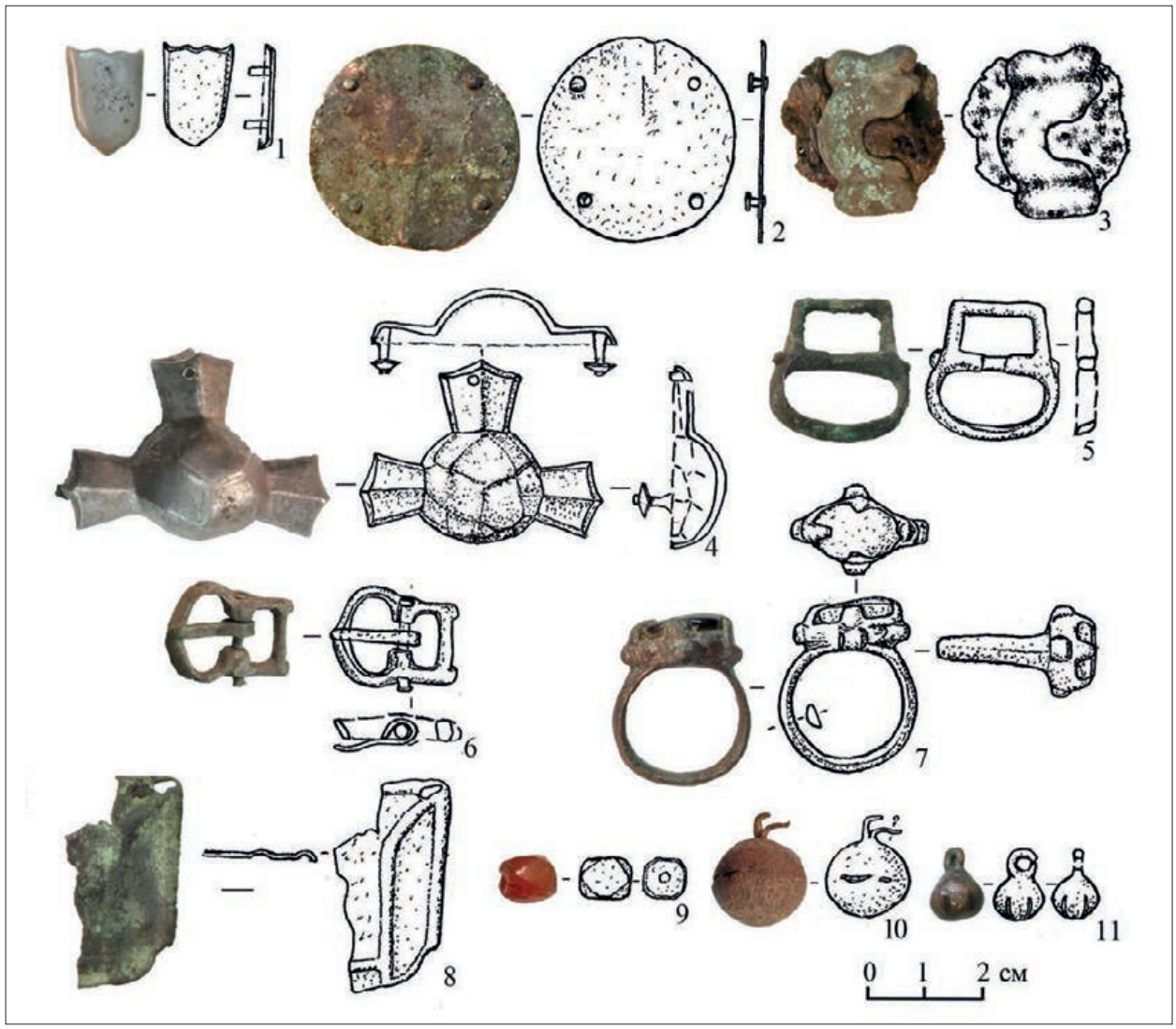

Рис. 66. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 7; 8. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. 1–8, 10–11: серебро, бронза; 9: камень

66. kép. Az ujelgi temető. 7–8. kurgán. A kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. 1–8, 10–11: ezüst, bronz; 9: kő

Распределитель ремня трехлучевой серебряный, литой, центральная часть полусферическая, лучи трапециевидной формы, без орнамента. На обратной стороне три шпенька, один из них обломлен. Размеры 4,3 × 3,1 см (*рис. 66. 4*).

Пряжка ременная серебряная, литая, щиток рамочный, рамка полуовальной формы со слегка заостренным концом, язычок закреплен на центральной оси. Размеры 2,2 × 1,7 см (*рис. 66. 5*).

Пряжка ременная серебряная, литая, щиток рамочный, рамка полуовальной формы, язычок не сохранился. Размеры 2,4 × 2,2 см (*рис. 66. 6*).

Перстень бронзовый с ромбическим щитком и полированным камнем черного цвета. Диаметр кольца 2,3 см, размеры щитка 2 × 1,5 см (*рис. 66. 7*).

Накладка (украшение рукояти?) серебряная, фрагментирована, прямоугольной формы с рельефным валиком по внешнему контуру, без орнамента, в основании отверстие. Размеры 3,5 × 1,9 см (*рис. 66. 8*).

Бусина каменная, многогранная с небольшим отверстием в центральной части. Размеры 0,9 × 0,8 см (*рис. 66. 9*).

Пуговица цельнолитая бронзовая, грушевидной формы, с петелькой для крепления, орнаментирована четырьмя желобками. Диаметр 0,8 см (*рис. 66. 11*).

Рис. 67. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 7. 8. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. Железо

67. kép. Az ujelgi temető. 7, 8. kurgán. A kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. Vas

Бубенчик двусоставной бронзовый, шаровидный, с петелькой для крепления. Диаметр 1,4 см (*рис. 66. 10*).

Наконечники стрел железные (4 экз.) трехлопастные, с овальным пером и коротким черешком. Размеры: длина 5,6 см, ширина 1,7 см, длина черешка 2 см; длина 5,4 см, ширина 2,3 см, длина черешка 1,8 см (*рис. 67. 1–4*).

Наконечники стрел железные, покрыты коррозией и неотделимы друг от друга: один наконечник двухлопастной с ромбической формой пера и коротким черешком, длина 7 см, ширина 2,7 см, длина черешка 2,6 см; другой – с асимметрично-ромбической формой пера (?), длина 8 см, ширина 1,4 см, длина черешка 5 см (*рис. 67. 5*).

Фрагмент однолезвийного железного клинка с остатками деревянных ножен. Длина 3,2 см, ширина 1,9 см (*рис. 67. 8*).

Пряжка железная, рамка овальной формы без щитка, язычок закреплен на рамке. Размеры

4,3 × 4 см, длина язычка 5 см, ширина язычка 0,6 см (*рис. 67. 6*).

Пряжка железная, рамка овальной формы без щитка, язычок закреплен на рамке, фрагментирована. Размеры 4,4 × 4,1 см, длина язычка 4,6 см, ширина язычка 0,5 см (*рис. 67. 7*).

Скоба колчанная железная. Размеры 1,4 × 3,9 см (*рис. 67. 12*).

Фрагмент железного стержневого грызла с кольцом, коррозирован. Длина 8,8 см, диаметр 1 см, диаметр кольца 2,9 см (*рис. 67. 10*).

Фрагмент железного стержневого псалия, коррозирован. Длина 7,3 см, диметр 1,3 см (*рис. 67. 9*).

Фрагмент железного грызла с кольцом, коррозирован. Длина 3,5 см, диаметр стержня 0,5 см, диаметр кольца 1,8 см (*рис. 67. 11*).

Кольцо железное от удил, коррозировано. Диаметр кольца 1,5 см (*рис. 67. 14*).

Нож железный с обоюдоострым клинком и выделенным хвостовиком, сильно деформирован, следы коррозии. Длина 8 см, ширина 0,5 см, длина хвостовика 2 см (*рис. 67. 13*).

Описание керамического комплекса

Фрагменты круглодонного орнаментированного сосуда (7 экз.) – шейка и тулово. Шейка невысокая, немного скошена вовнутрь. Венчик округлый, орнаментирован насечками. В тесте большое содержание крупного талька. Орнамент располагается по венчику, шейке и в верхней части тулова. Край венчика украшен косыми насечками, ниже – два ряда сдвоенного зигзага, выполненного гребенчатым штампом, под ними нанесены три прочерченные опоясывающие линии и округлые вдавления, образующие треугольник. В верхней части тулова сдвоенный зигзаг, к углам примыкают сдвоенные линии, выполненные гребенчатым штампом, образуя своего рода «домик» (*рис. 68. 6*).

Фрагменты крупного орнаментированного горшка (6 экз.), по форме близкого к банке. Орнамент нанесен по венчику в виде насечек, в верхней части горшка восемь рядов зигзага, выполненного в прочерченной технике. В тесте отмечена примесь крупного песка (*рис. 68. 5*).

Фрагменты сосуда плавной профилировки, круглодонного, с высокой слегка вогнутой вовнутрь шейкой (18 экз.), орнаментирован резными насечками и оттисками шнура. В тесте содержатся примесь талька и мелкой гальки. Орнамент покрывает верхнюю часть тулова в виде горизонтальной елочки (*рис. 68. 8*).

Фрагменты круглодонного орнаментированного сосуда (4 экз.), шейка с венчиком и фрагменты большей части тулова. Венчик отогнут наружу, орнаментирован косыми насечками. Шейка высокая, сплошь покрытая орнаментом. Также орнаментирована верхняя часть тулова. В тесте содержится примесь талька. В верхней части шейки многочисленные опоясывающие прямые линии разделяются полосой косых насечек, нанесенных гребенкой. На уровне плеча, под многочисленными опоясывающими прямыми линиями, пояс из косой решетки, под которым три линии опоясывающих прямых и полоса косых насечек (*рис. 68. 4*).

Крупный фрагмент небольшого сосуда (венчик, шейка и верхняя часть тулова). Венчик, слегка отогнут наружу, как и невысокая прямая шейка. В тесте большое содержание талька. Сосуд орнаментирован небрежно, едва видными прочерченными линиями и каплевидными насечками по шейке (*рис. 68. 3*).

Фрагмент сосуда с высокой прямой шейкой, плоским венчиком, орнаментированным крупными насечками, и выраженным воротничком с внешней стороны. В тесте присутствует примесь талька. Шейка орнаментирована четырьмя полосами оттиска шнура (*(рис. 68. 2*).

Фрагмент сосуда с высокой прямой шейкой, плоским широким венчиком с наплывом (воротничком) с внутренней и внешней стороны, орнаментированным крупными каплевидными вдавлениями. В тесте присутствует примесь талька. Шейка орнаментирована семью опоясывающими параллельными линиями двойного шнура (*рис. 68. 1*).

Крупные фрагменты сосуда средних размеров (3 экз.) – венчик, шейка и верхняя часть

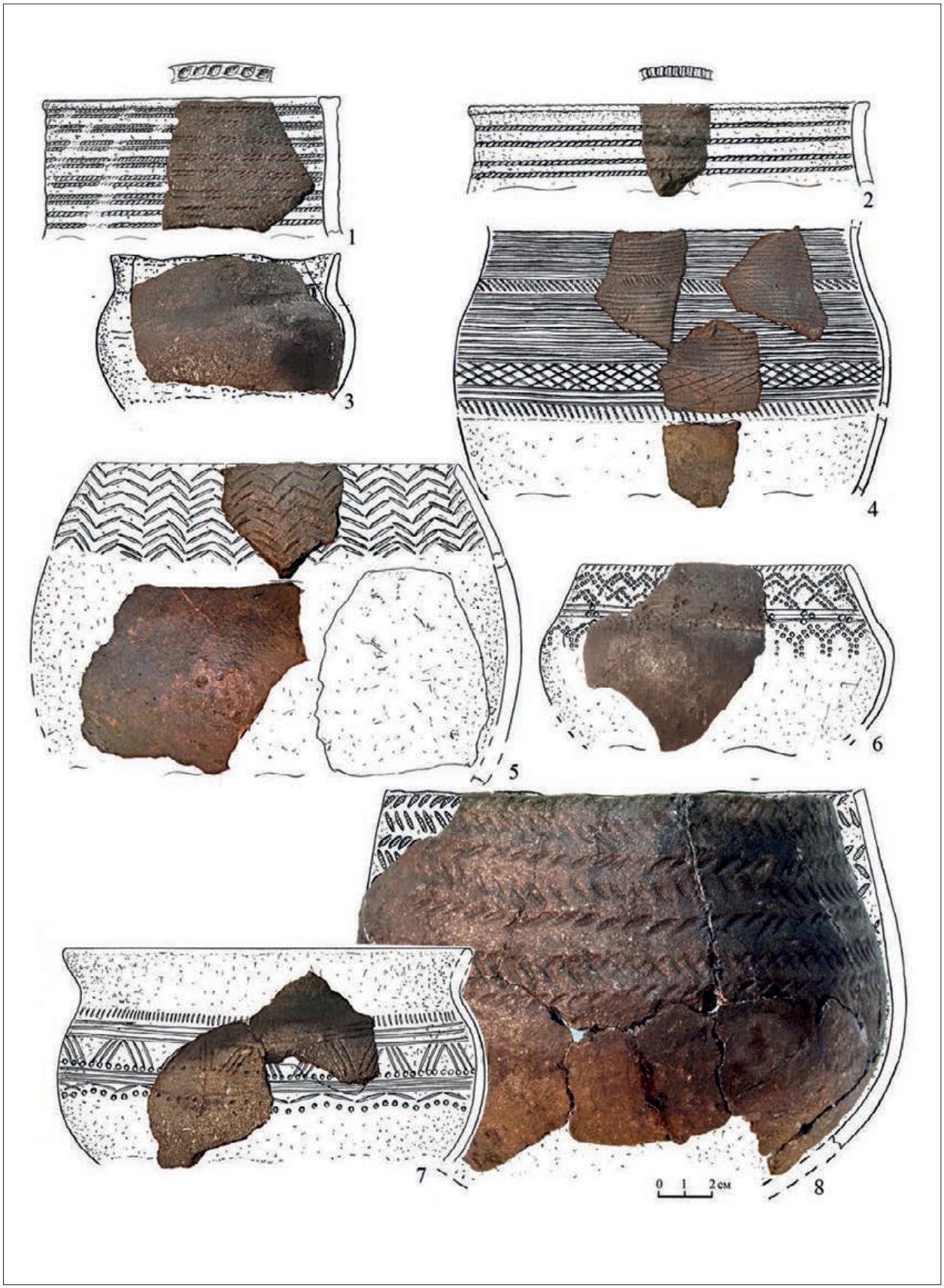

Рис. 68. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 7, 8. Подкурганная площадка и насыпь. Керамика
68. kép. Az ujelgi temető. 7, 8. kurgán. A kurgán alatti tér és feltöltés. Kerámia

тулова. Венчик округлый и невысокая шейка отогнуты наружу, в тесте примеси талька. Орнамент нанесен на уровне плеча и в верхней части тулова – косые насечки подчеркнуты тремя параллельными опоясывающими линиями. Под ними трехрядный зигзаг, выполненный в прочерченной технике, полоса из вдавлений округлой формы, опоясывающие прямые, резной зигзаг и еще одна полоса из вдавлений округлой формы (*рис. 68. 7*).

Курган 9

Раскоп 2013 года охватил площадь 352 кв. м, было выявлено 10 погребений и две ямы. Яма 10 оказалась грабительским ходом между погребениями 5 и 8. Яма 3 при дополнительной зачистке по материковому слою оказалась выкидом из погребения 4.

Курган 9 (*рис. 69. I*) представляет собой вытянутую по линии СВ–ЮЗ насыпь, расплывшуюся и значительно деформированную, размерами 10 × 12 м по линии С–В, высота кургана 0,5 м. Большинство погребений сконцентрировано в центре, нетронутая могильная яма 7 расположена на южной периферии кургана.

Погребение 1 (*рис. 70. I, II*) занимает юго-восточную часть подкурганной площадки, могильная яма неправильной формы, размерами 1–2,4 × 4 м, глубиной 0,5 м от уровня материка, ориентирована по линии С–Ю.

Основное количество находок (остеологический и антропологический материал) было зафиксировано в северной части. В заполнении было обнаружено семь фрагментов керамики (*рис. 71. 1–3*), два наконечника стрелы – железный и костяной (*рис. 71. 4, 5*), а также серебряная накладка и серебряная обкладка деревянного сосуда (*рис. 71. 6, 7*). Фрагменты керамики от тонкостенных сосудов с примесью в тесте мелкого песка. Реконструируются два сосуда – закрытая банка, украшенная резным многорядным зигзагом в верхней части, и горшок с узкой шейкой, орнаментированный насечками по венчику, горизонтальными резными линиями по шейке, параллельными по плечу, от которых отходят угловые многорядные прочерки. Между шейкой и плечом нанесена косая решетка. Форма и орнамент сосудов позволяют отнести их к кушнаренковско-караякуповскому облику с постбакальским влиянием (*рис. 71. 1–3*).[4]

Погребение 2 (*рис. 72*) расположено в северной части кургана. Могильная яма размерами 1,1 × 2,5 × 0,32 м, ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. Вдоль южной и северной продольных стенок в нижней части ямы зафиксирована деревянная обкладка. Мелкие фрагменты деревянных плах отмечались на всей площади заполнения ямы. На первом горизонте зафиксированы скопления костей, а также небольшие фрагменты дерева. Деревянное перекрытие было отмечено у дна ямы. В заполнении было обнаружено 9 фрагментов керамики и четыре наконечника стрел (один целый и три во фрагментах). Керамика тонкостенная, в тесте примесь мелкого песка и талька, орнаментирована по плечу и в верхней части тулова косой многорядной резной решеткой, имеются боковые ушки, расположенные на уровне плеча. Орнаментация бакальского облика и форма (сосуд с ушками) близки неволинским и петрогромским горшкам с ушками (*рис. 74. 10*).

Яма 3 имеет нечеткие контуры, в заполнении обнаружены два обломка костей. На уровне материка очертания ямы не фиксировались.

Погребение 4 (*рис. 73*). Могильная яма размерами 1,6 × 1 м, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. На уровне дна, в юго-западной части были обнаружены кости человека, а в западной–юго-западной найдены две бусины (*рис. 74. 2–3*) и фрагмент серебряной цепочки (*рис. 74. 1*).

Погребение 5 (*рис. 75*). Могильная яма неправильной формы, размерами 2,2 × 1,3 × 0,4 м. В заполнении было встречено большое количество остеологического и антропологического материала, судя по общему количеству костей, было захоронено два человека. В заполнении найдено более 40 фрагментов тонкостенной керамики с примесью песка и талька в тесте. Реконструируемый сосуд незначительных раз-

[4] На рисунках *71. 2* и *90. 9* представлены две реконструкции разных сторон одного сосуда.

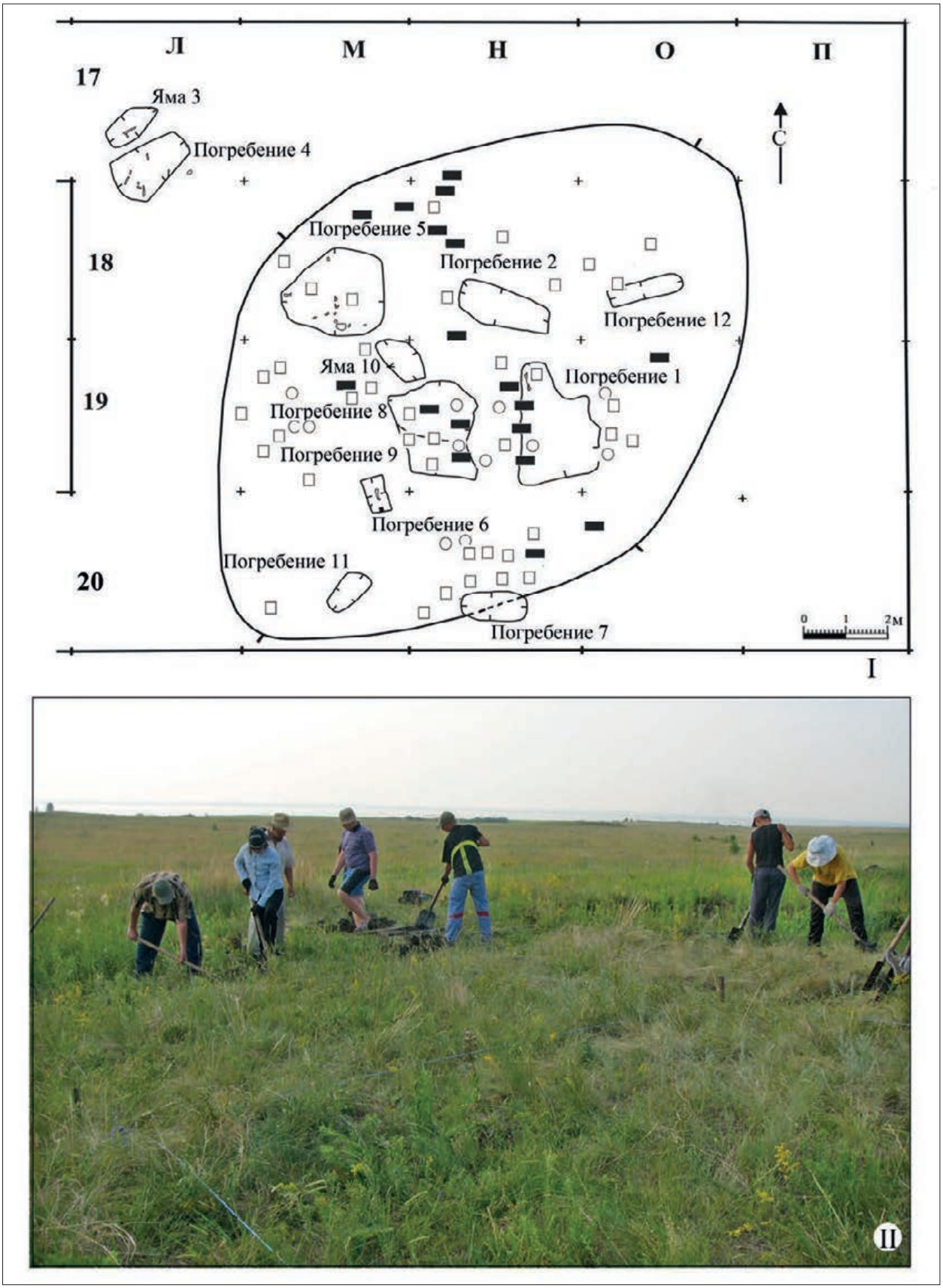

Рис. 69. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. I: общий план; II: вид с запада
69. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán. I: általános felszínrajz; II: nézet nyugati irányból

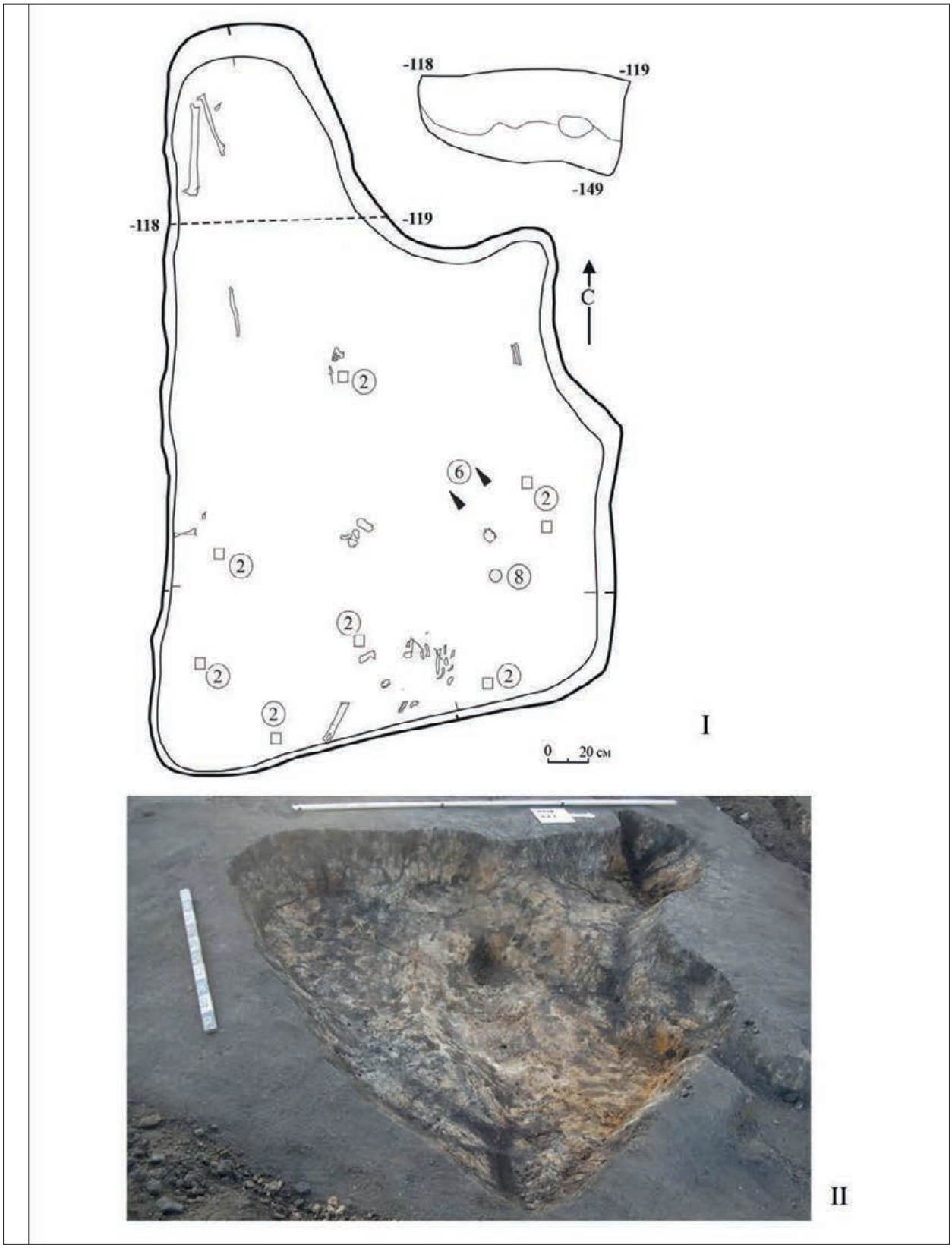

Рис. 70. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Погребение 1. I: общий план и разрез; II: зачистка на уровне дна ямы, вид с юго-востока

70. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán, 1. sír. I: általános felszínrajz és szelvény; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet délkeleti irányból

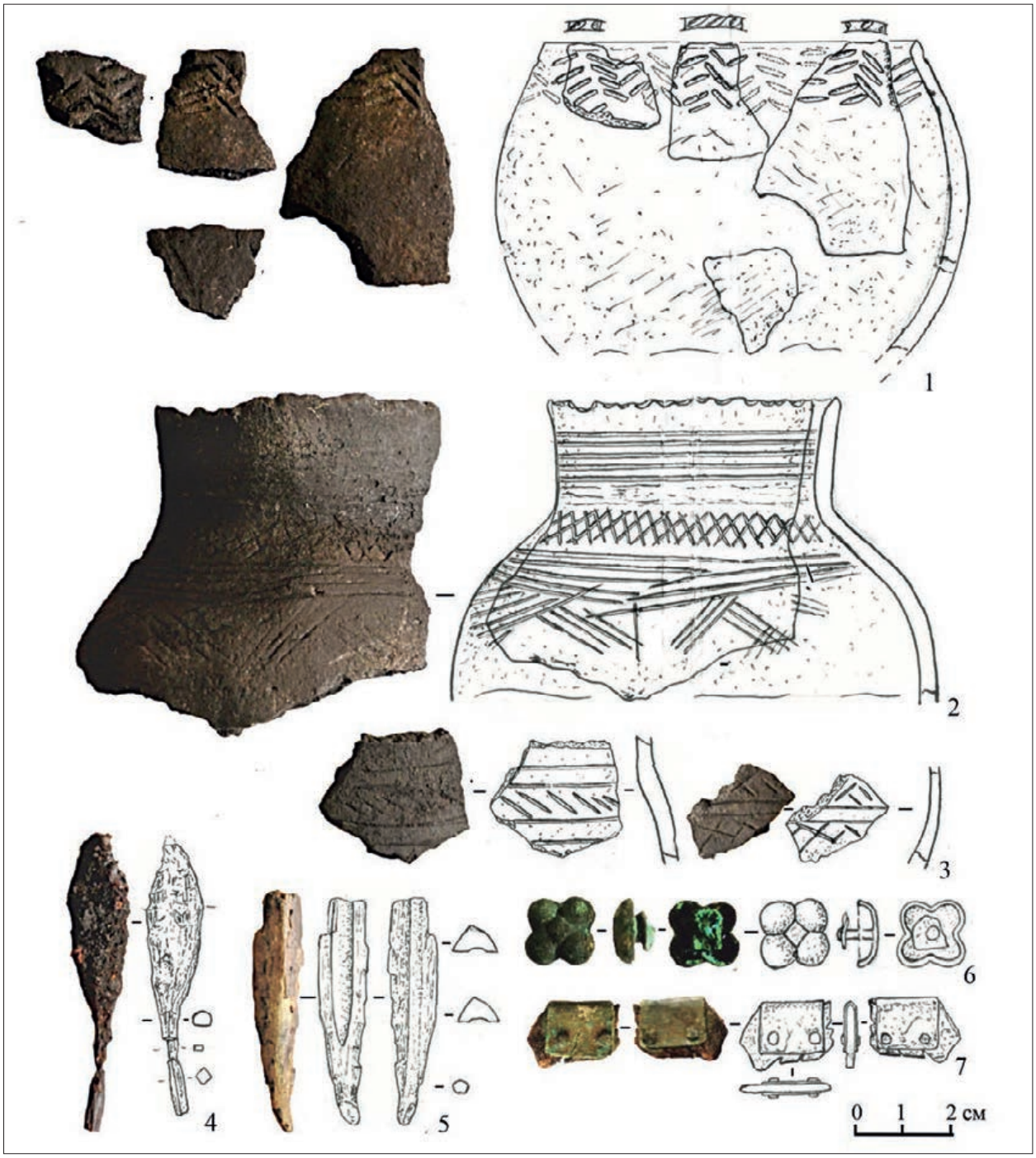

Рис. 71. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Погребение 1. Вещевой инвентарь. 1–3 керамика; 4: железо; 5: кость; 6: серебро; 7: бронза, дерево

71. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán, 1. sír. Mellékletek. 1–3 kerámia; 4: vas; 5: csont; 6: ezüst; 7: bronz, fa

меров, круглодонный с отогнутым венчиком, и слабо профилированная банка, орнаментированная резным и гребенчатым орнаментом в виде елочки и косого зигзага по верхней части горшка (*рис. 76. 3–5*). Также были обнаружены серебряный наконечник ремня с выделенным щитком и костяной асимметрично-ромбический наконечник стрелы (*рис. 76. 1, 2*).

Погребение 6 (*рис. 77. I, II*) было зафиксировано на юго-западной окраине кургана. Могильная яма размерами 1,1 × 0,6 м, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. В центре ямы была расчище-

Рис. 72. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Погребение 2. I: общий план и разрез; II: зачистка на уровне дна ямы, вид с северо-востока
72. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán, 2. sír. I: általános felszínrajz és szelvény; II: a sírgödör nyesése, nézet északkeleti irányból

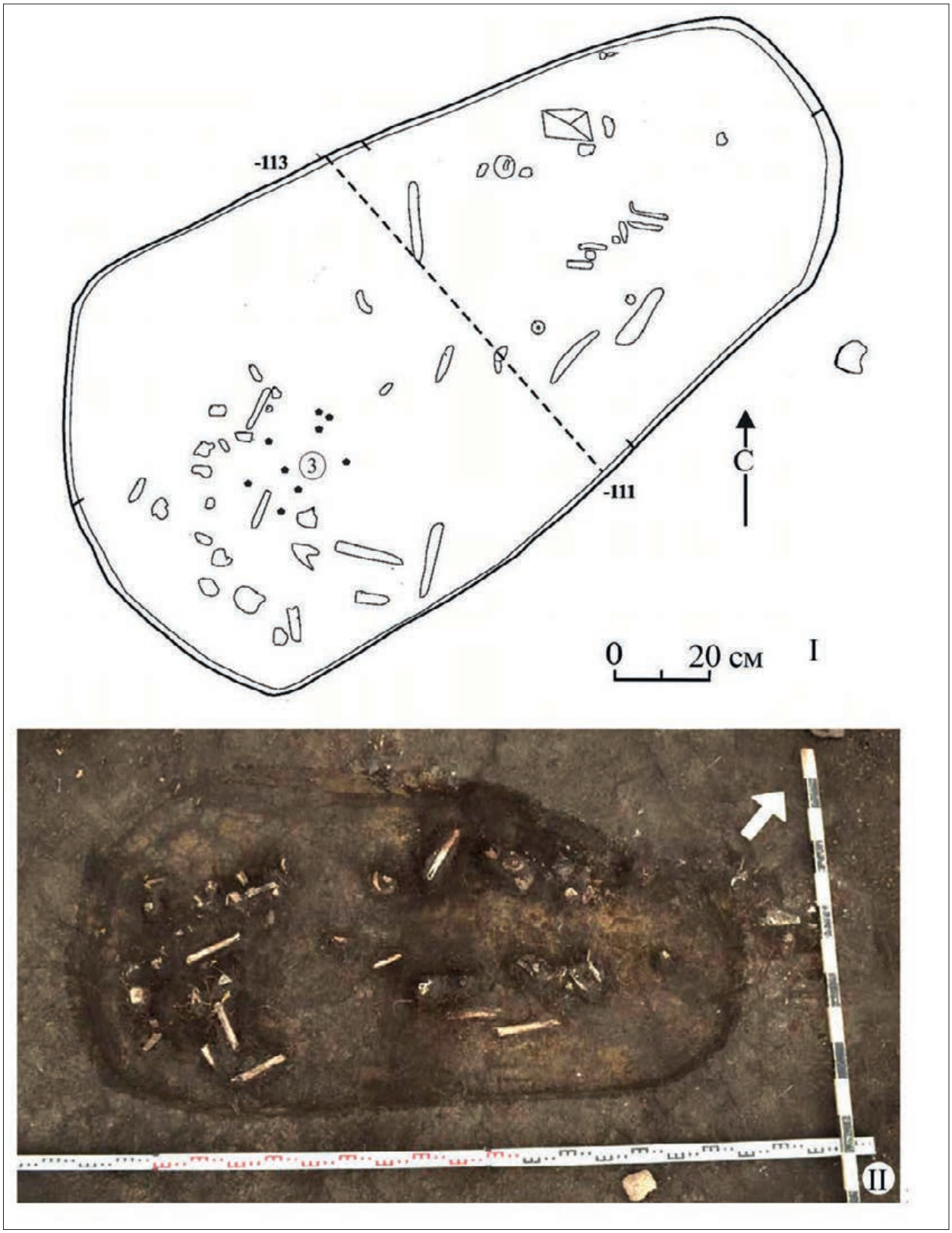

Рис. 73. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Погребение 4. I: общий план; II: зачистка на уровне дна ямы, вид с юго-востока

73. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán, 4. sír. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet délkeleti irányból

Рис. 74. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Вещевой инвентарь. 1–3: погребение 4; 4–9: погребение 7; 10: погребение 2. 1: серебро; 2–9: стекло; 10: керамика

74. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán. Mellékletek. 1–3: 4. sír; 4–9: 7. sír; 10: 2. sír. 1: ezüst; 2–9: üveg; 10: kerámia

на бедренная кость скелета человека. Вещевой инвентарь отсутствует.

Погребение 7 (*рис. 78*) расположено в южной половине курганной насыпи. Могильная яма размерами 3 × 1,3 м, ориентирована по линии З–В. Погребенный ребенок был уложен головой на запад. Из антропологического материала сохранились лишь фрагменты черепа. Берцовая кость лошади была отмечена в северо-восточной части ямы. В западной части ямы – у изголовья погребенного – зафиксированы железные удила. Возле черепа отмечены две бусины, чуть севернее – серебряная бляха, южнее – керамический сосуд, возле которого лежали две бусины. Под черепом была обнаружена серьга. В центральной части между черепом и берцовой костью лошади зафиксировано большое количество бронзовых пронизок, несколько ременных накладок и четыре бронзовые пуговицы. Южнее берцовой кости расположено стремя, поверх ко-

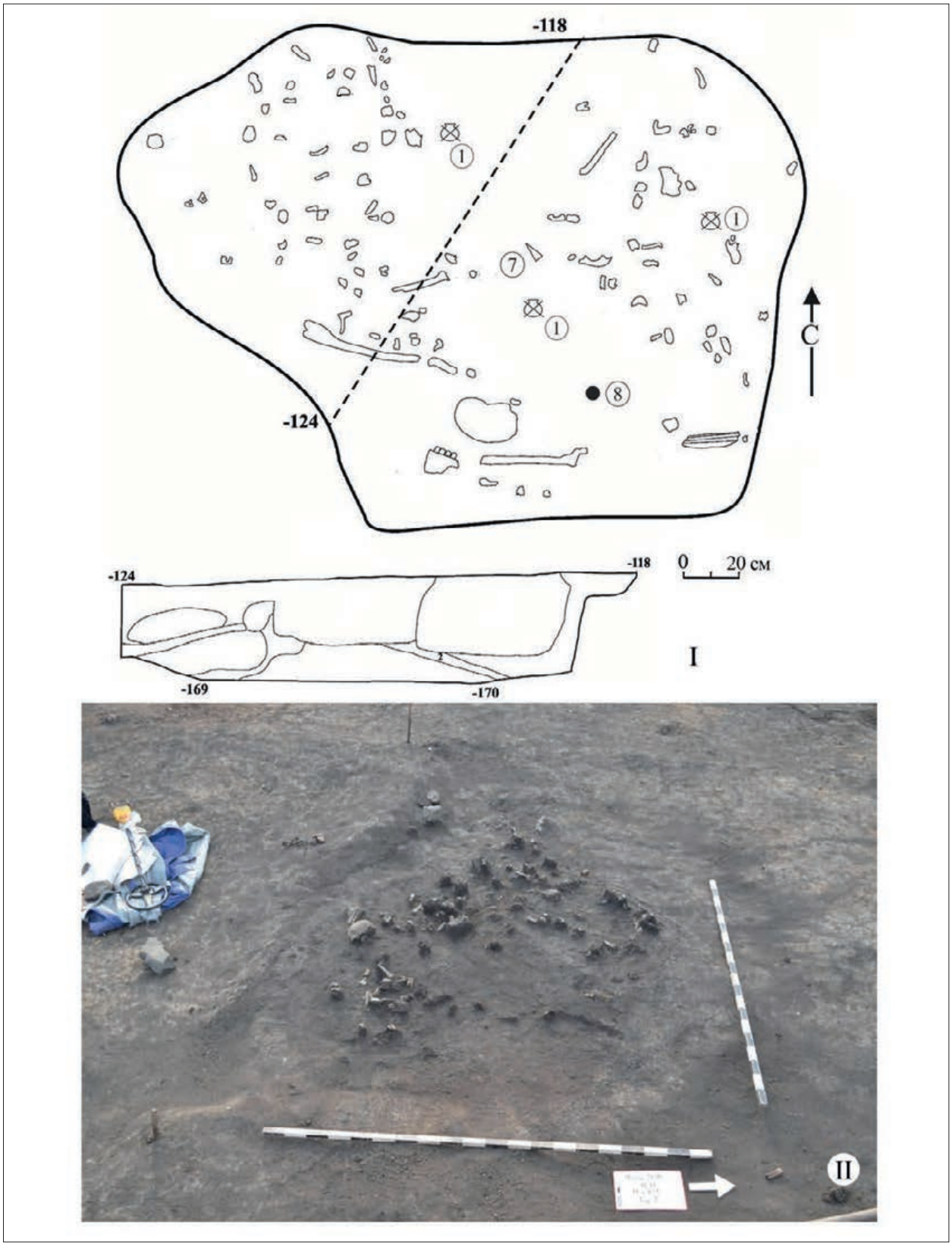

Рис. 75. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Погребение 5. I: общий план и разрез; II: зачистка на уровне материка, вид с востока

75. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán, 5. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet keleti irányból

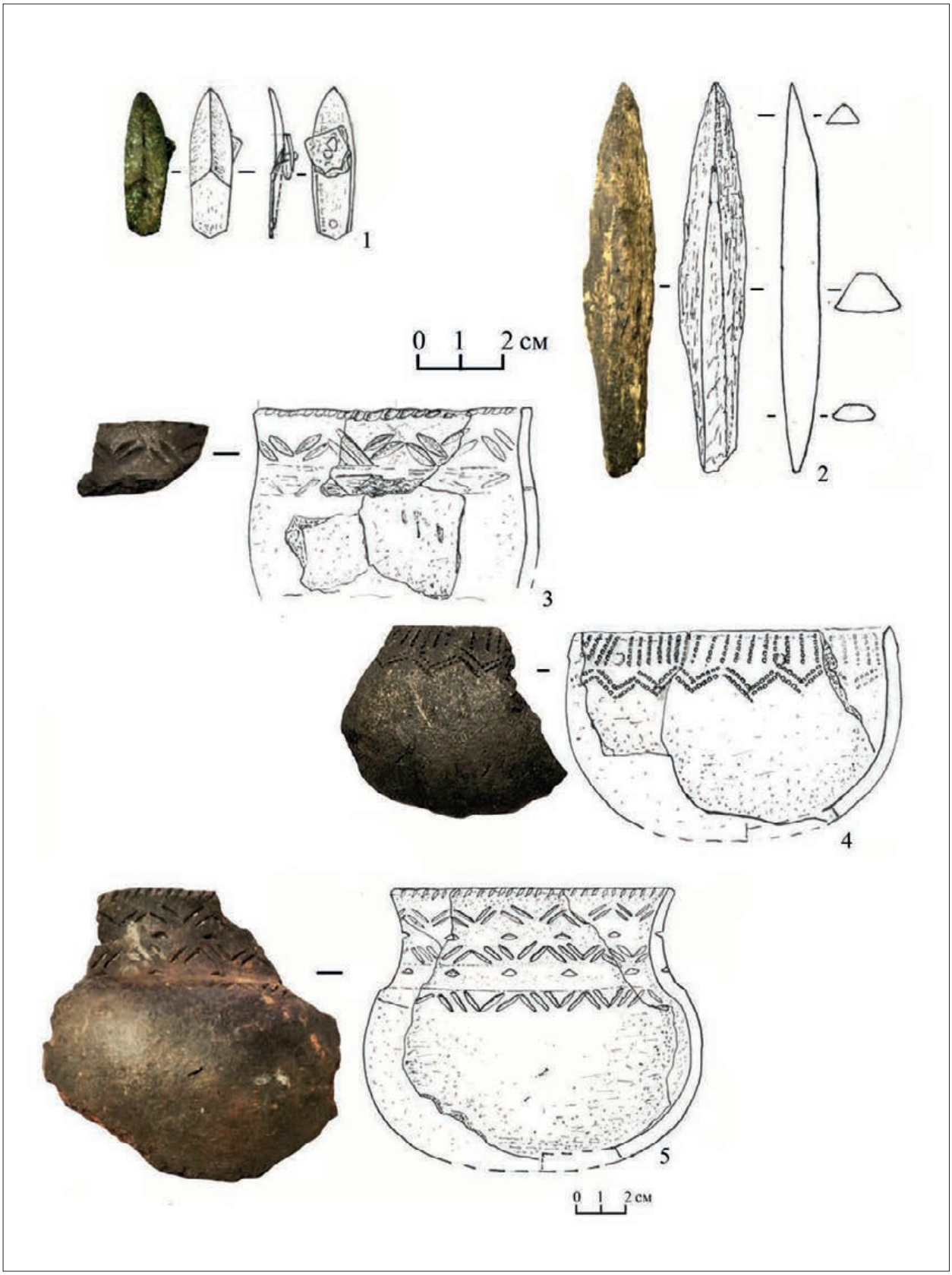

Рис. 76. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Погребение 5. Вещевой инвентарь. 1: серебро; 2: кость; 3–5: керамика

76. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán, 5. sír. Mellékletek. 1: ezüst; 2: csont; 3–5: kerámia

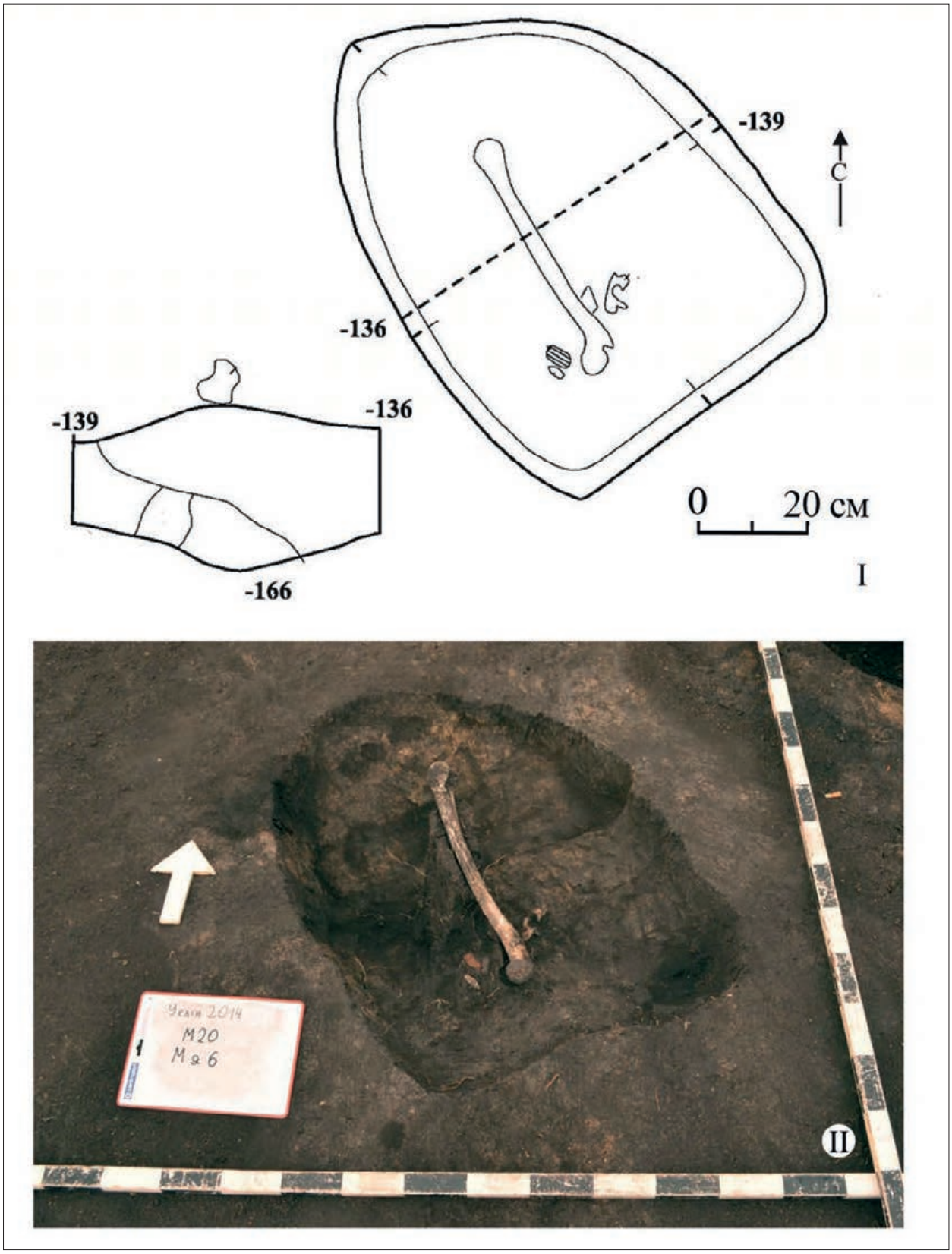

Рис. 77. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Погребение 6. I: общий план и разрез; II: зачистка на уровне материка, вид с юга

77. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán, 6. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: bontás altalaj szintjén, nézet déli irányból

Рис. 78. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Погребение 7. I: общий план и разрез; II: зачистка дна ямы, вид с юга

78. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán, 7. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának bontása, nézet déli irányból

торого по линии В–З выложено большое количество серебряных накладок.

Судя по глубине расположения вещей, вначале были положены стремя и берцовая кость, а затем уложены серебряные пояса и украшение, состоящее из пронизок. Пуговицы и бляхи, вероятнее всего, служили украшением одежды (*рис. 79*).

Погребение 8 (*рис. 85. I; II*) расположено в центральной части кургана. Могильная яма размерами 0,7 × 1,4 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. В заполнении обнаружены *изделие неизвестного назначения*, *серебряный перстень* с вставленным полированным камнем фиолетового цвета и *бронзовое кольцо* (*рис. 86. 4–6*).

Рис. 79. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Погребение 7. I: зачистка на уровне дна ямы, вид с запада; II: центральная часть погребения 7, вид с запада

79. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán, 7. sír. I: a sírgödör aljának kibontása, nézet északi irányból; II: a 7. sír központi része, nézet nyugati irányból

Погребение 9 (*рис. 85. I, II*) расположено к югу от погребения 8. Могильная яма размерами 0,8 × 1,6 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. В юго-восточной части обнаружены кости ног, в северо-западной – кости рук и лопатка человека, а также 4 фрагмента керамики (*рис. 86. 1–3*).

Описание вещевого инвентаря

Погребение 7

Удила железные с овальными окончаниями и петельчатым соединением звеньев. Диаметр колец 3,2 × 3,6 см, общая длина изделия 16,8 см (*рис. 80. 2*).

Стремя железное пластинчатое удлиненное, с рельефным вытянутым ушком, выраженными плечиками, ровными дужками и рельефной вогнутой вовнутрь подножкой. Ушко отделено от плечиков выраженной шейкой и имеет овальное отверстие. Подножка имеет четыре отверстия в центре и по краям. По внешней стороне дужка украшена валиком, идущим по центру и, возможно, имевшим функциональное назначение. Длина изделия 18,5 см, ширина 10,8 см (*рис. 80. 3*).

Основную часть *ременного набора* составляют полиметаллические накладки (серебро, позолота) (*рис. 81–83*).

Накладки полиметаллические (2 экз.) состоят из двух изделий (*распределитель ремня и накладка*), соединенных с внутренней стороны шпеньками и кожей (*рис. 81. 1, 2*). *Распределитель ремня* с овальным бортиком с подпрямоугольным носиком и основанием. В центре рельефное возвышение в виде полусферического усеченного выступа. Орнамент в центре растительный, в круге в верхней части и отходящих от него узких лепестков. Диаметр полусферического выступа 1,3 см, длина изделия 3 см, ширина 2,2 см. Орнамент по краям изделия растительный, симметричный, в виде пары лепестков, сужающихся у одного края и расширяющихся у другого. С внутренней стороны по краям имеются три шпенька с фрагментами кожи. Один из шпеньков соединяет распределитель с другим изделием. У одного экземпляра центральный шпенек обломлен. Вторая часть изделия – *накладка подпрямоугольной формы* с ровным носиком, бортиком и V-образным основанием. Орнамент растительный, симметричный в виде двух пар вытянутых лепестков и округлых завитков по краям. От завитков к краю основания проходят четыре горизонтальные линии. На одном экземпляре на внутренней стороне три шпенька с фрагментами кожи. Длина изделия 3,7 см, ширина 0,8 см. Второй экземпляр накладки частично разрушен. В правой части, на внутренней поверхности зафиксирована кожа, скрепленная двумя шпеньками. Длина изделия 2,2 см, ширина 0,7 см.

Накладки полиметаллические (12 экз.) с ровным бортиком, фигурно-скобчатым основанием и ровным носиком. Бортик в центральной части декорирован ажурным элементом в виде пламенеющей жемчужины. Орнамент растительный, симметричный в виде двух вытянутых лепестков и округлых завитков по краям. От завитков к краю основания проходят четыре горизонтальные линии. На внутренней стороне имеется три шпенька с остатками кожи. Длина изделия 4,2–4,4 см, ширина 0,7–0,8 см (*рис. 81. 3–6; 82. 1, 5, 6*). Два изделия обломлены с одного края (*рис. 81. 7, 8*) и три сломаны и состоят из двух и трех фрагментов (*рис. 82. 2–4*).

Накладки полиметаллические (6 экз.) с ровным бортиком, прямым основанием и V-образным носиком. Орнамент растительный, симметричный в виде двух пар вытянутых лепестков и округлых завитков по краям. От завитков к краю основания проходят четыре горизонтальные линии. На внутренней стороне имеется три шпенька с остатками кожи. Длина 3,7–4,0 см, ширина 0,7–0,8 см (*рис. 82. 7; 83. 22–25*). Одно изделие сломано в нижней части, на внутренней стороне три шпенька с большим фрагментом кожи. Длина 3,4 см, ширина 0,8 см (*рис. 82. 8*).

Накладка полиметаллическая с ровным бортиком, небольшим выступом в основании и V-образным носиком. Орнамент растительный, симметричный в виде двух вытянутых лепестков и округлых завитков по краям. От завитков к краю основания проходят четыре горизонтальные линии. На внутренней стороне два шпенька, покрытые кожей. Длина изделия 2 см, ширина 0,7 см (*рис. 82. 10*).

Рис. 80. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Погребение 7. Вещевой инвентарь. 1: керамика; 2, 3: железо

80. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán, 7. sír. Mellékletek. 1: kerámia; 2, 3: vas

Накладка полиметаллическая с ровным бортиком, прямым основанием и V-образным носиком. На внутренней стороне фиксируется кожа, придерживаемая на изделии шпеньком и пластиной. В верхней части деформация в виде отверстия, на месте которого должен был находиться шпенек. Орнамент растительный, симметричный в виде двух вытянутых лепестков и округлых завитков по краям. От завитков к краю основания проходят четыре горизонтальные линии. Длина изделия 2,1 см, ширина 0,7 см (*рис. 83. 21*).

Накладки полиметаллические (14 экз.) с фигурно-скобчатым носиком, бортиком и ровным основанием. Орнамент отсутствует. В центре имеется ровная рельефная линия, разделяющая внешнюю сторону на две части. На внутренней стороне по краям имеются один либо два шпень-

Рис. 81. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Погребение 7. Вещевой инвентарь. 1–8: серебро, позолота
81. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán, 7. sír. Mellékletek. 1–8: ezüst, aranyozás

ка, в некоторых случаях шпеньки с фрагментами кожи и / или шайбами-фиксаторами. Длина изделия 2,4–2,1 см, ширина 1,0–1,1 см (*рис. 82. 9; 83. 3–15*).

Накладка полиметаллическая из двух симметричных изделий, скрепленных между собой кожей и шпеньками. Изделия с фигурно-скобчатым носиком, бортиком и ровным основанием. Орнамент отсутствует. В центре имеется ровная рельефная линия, разделяющая внешнюю сторону на две части. На внутренней стороне имеется два шпенька по краям, кожа и закрепляющая пластина. Длина изделия 2,2 см, ширина 1,0 см (*рис. 83. 19*).

Накладка полиметаллическая подквадратной формы. Центр орнаментирован псевдозернью

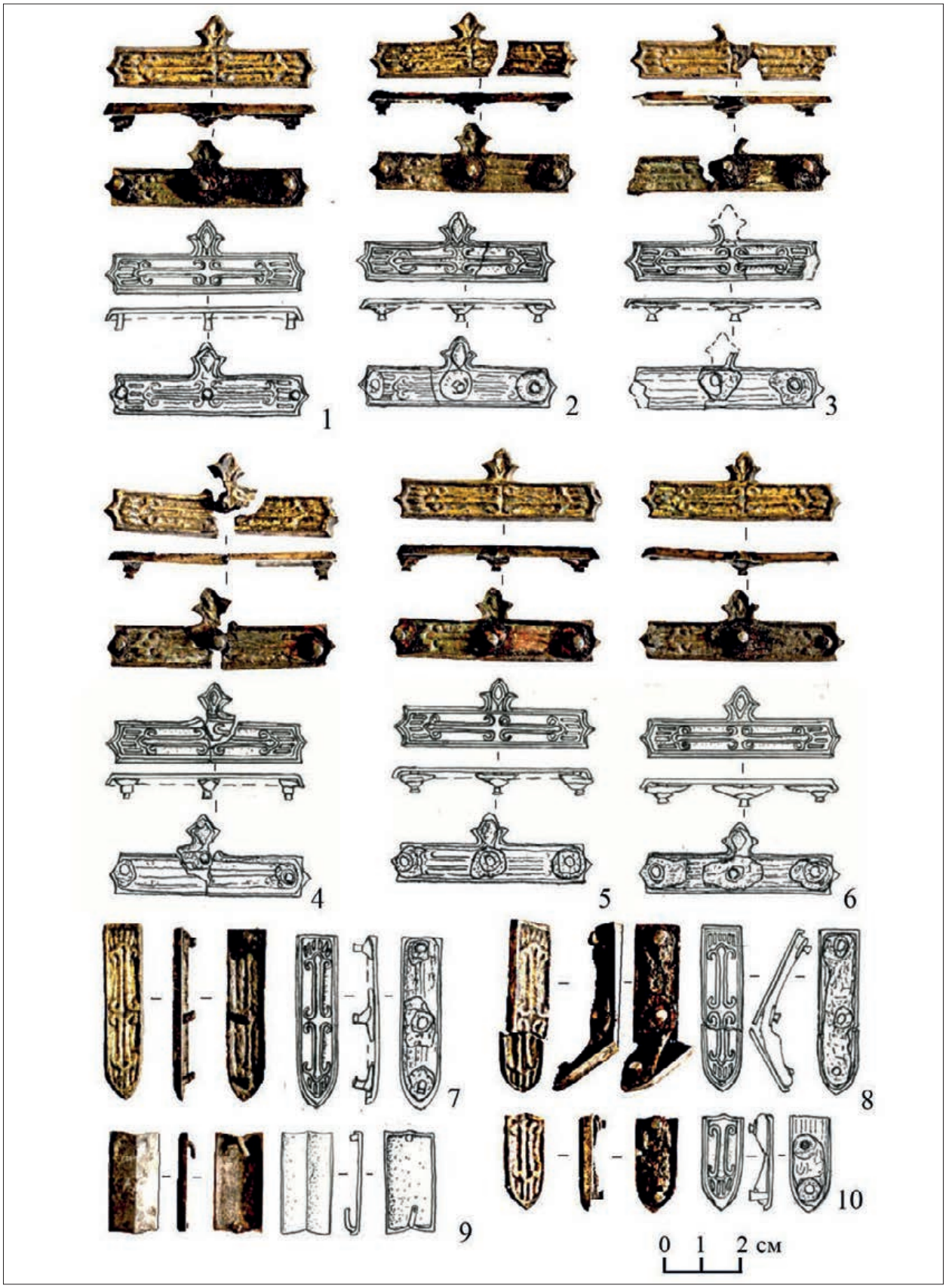

Рис. 82. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Погребение 7. Вещевой инвентарь. 1–10: серебро, позолота
82. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán, 7. sír. Mellékletek. 1–10: ezüst, aranyozás

Рис. 83. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Погребение 7. Вещевой инвентарь. 1–20, 26, 27, 29, 30: серебро; 21–25, 33, 34: серебро, позолота; 28, 31, 32: бронза
83. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán, 7. sír. Mellékletek. 1–20, 26, 27, 29, 30: ezüst; 21–25, 33, 34: ezüst, aranyozás; 28, 31, 32: bronz

в виде цветка. По краям накладка декорирована рядами прямых насечек и кругов. На внутренней стороне по краям имеются три шпенька с остатками кожи. Длина изделия 1,2 см, ширина 1,1 см (*рис. 83. 34*).

Накладки полиметаллические (2 экз.) сердцевидной формы с фигурно-скобчатым бортиком, ровным основанием и заостренным носиком. В центре сердцевидный вырез. Орнамент отсутствует. На внутренней стороне по краям два шпенька с кожей и шайбами-фиксаторами. Длина изделия 2,1 см, ширина 1,4 см (*рис. 83. 20, 30*).

Накладки щитовидные бронзовые (2 экз.), с обратной стороны два шпенька. Размеры 1,5 × 2,0 см (*рис. 83. 31, 32*).

Подвеска в виде медвежьего клыка бронзовая, с орнаментом в верхней части в виде косых насечек. В верхней части также имеется кольцо. Длина изделия 2,6 см, ширина 1,6 см (*рис. 83. 28*).

Подвеска колоколовидная бронзовая имеет небольшие повреждения на одной из сторон (вмятина в центральной части). Верхняя часть сужена, заметно расширяется с середины изделия. В верхней и нижней частях имеется рельефный орнамент в виде кругов резных линий. Диаметр верхней части изделия 0,6 см, диаметр нижней 2,5 см, высота 5,1 см (*рис. 84. 1*).

Пронизки бронзовые (2 экз.), состоящие из двух деталей, соединены между собой кожаным язычком, служившим для их крепления на подвеске. Вытянутой ровной формы с двумя либо тремя небольшими сферическими вздутиями и рядами из четырех, пяти либо шести резных линий между ними. Диаметр изделия 0,7 см, длина 5,8 и 4,8 см (*рис. 84. 2, 3*).

Пронизки бронзовые (2 экз.), вытянутой ровной формы с двумя небольшими сферическими вздутиями и рядами из шести резных линий между ними. Диаметр изделий 0,5 см, длина 5,2 и 5,4 см (*рис. 84. 8, 10*).

Пронизки бронзовые (5 экз.), вытянутой ровной формы с тремя небольшими сферическими вздутиями и рядами из четырех, пяти либо шести резных линий между ними. Диаметр изделий 0,5–0,7 см, длина от 7,4 до 5,0 см (*рис. 84. 4, 6, 7, 9, 11*).

Пронизка бронзовая, вытянутой ровной формы с одним небольшим сферическим вздутием и рядом из двух резных линий, с одной стороны. Диаметр 0,5 см, длина от 1,5 см (*рис. 84. 5*).

Пуговицы серебряные (3 экз.) полусферической формы, с отверстием в центре. Диаметр от 1 до 0,8 см (*рис. 83. 16–18*).

Бляшки серебряные (2 экз.) с ровным бортиком, овальным основанием и заостренным носиком. В центре бортика отчеканен рельефный элемент с отверстием для крепления. По краям изделия также имеются два отверстия. Внешняя сторона изделия выпуклая. Длина 3,8 см, ширина 3,5 см (*рис. 83. 1, 2*).

Серьга серебряная и *фрагмент с разомкнутым кольцом и рельефным стержнем*. Длина 5,8 см, ширина 0,3 см (*рис. 83. 26, 29*).

Керамический сосуд с раздутым туловом, полуовальным (почти плоским) дном и ровным, чуть отогнутым наружу венчиком. Переход от венчика к шейке ярко выражен. Часть венчика обломлена. От венчика к донышку имеется значительная трещина. Сосуд выполнен из светло-желтой глины без примесей, обжиг средний. Лощение по венчику с внутренней стороны гладкое, с внешней по тулову – грубое. Орнамент по верхнему краю венчика выполнен рядом косых насечек. В верхней части тулова резной орнамент представлен неровными рядами косых горизонтальных и вертикальных насечек, ниже полоса из достаточно крупных вдавлений. Высота 7,6 см, диаметр по венчику 4,6 см, по тулову 8,8 см, толщина черепка 0,4 см (*рис. 80. 1*).

Бусины пастовые желтого цвета (3 экз.), граненые, с отверстием в центре (0,1–0,2 см). Диаметр 0,5–0,6 см, длина 0,9 см и 1,5 см (*рис. 74. 4, 9*), одна обломлена (*рис. 74. 7*).

Бусины пастовые бирюзового цвета (2 экз.), с отверстием в центре 0,2 см: круглая, диаметром 0,7 см (*рис. 74. 5*); подквадратной формы, длиной 0,8 см и шириной 0,7 см (*рис. 74. 6*).

Бусина светло-сиреневого цвета с бледными прожилками, отверстие деформировано. Диаметр 0,6 см (*рис. 74. 8*).

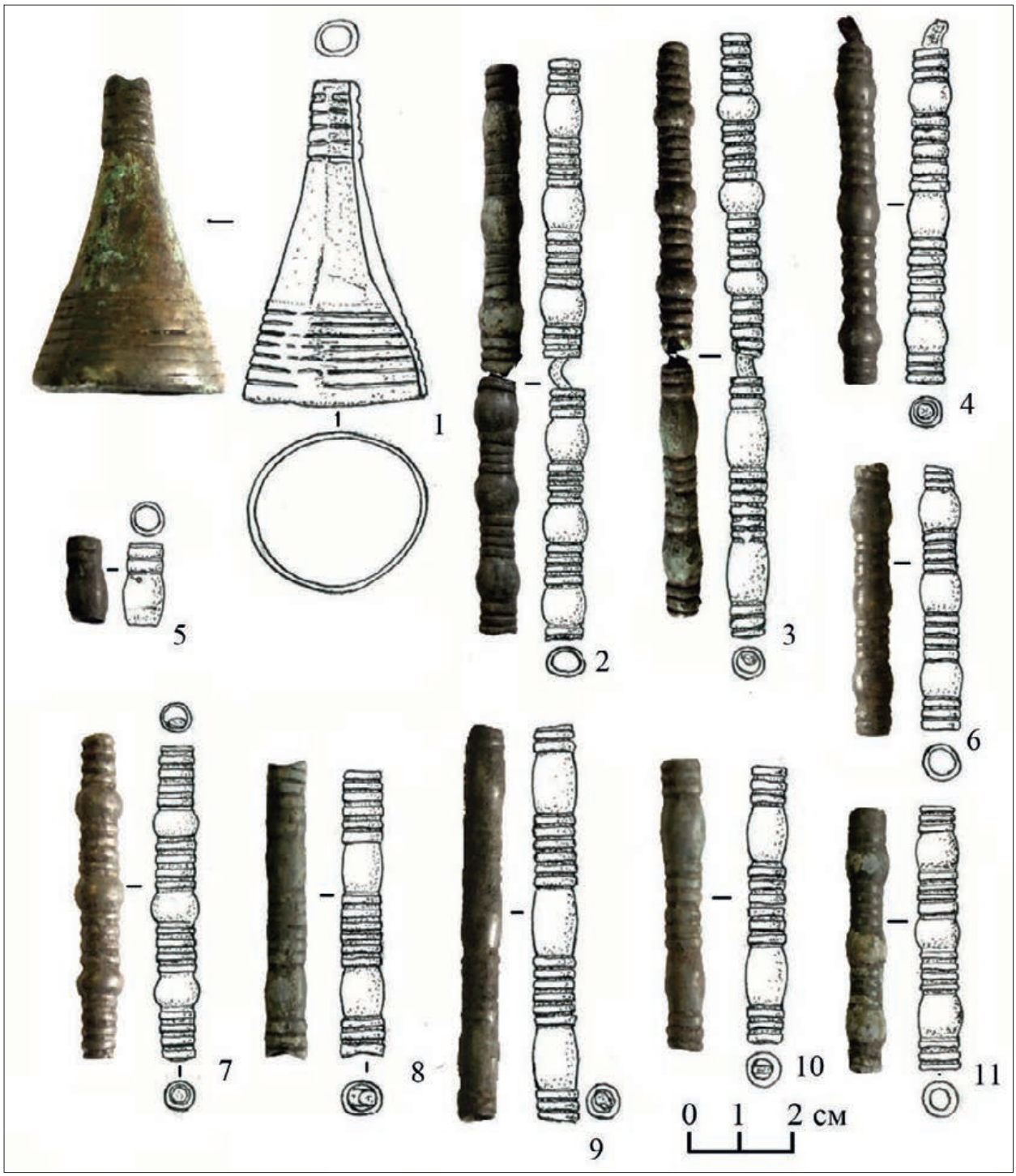

Рис. 84. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Погребение 7. Вещевой инвентарь. Бронза
84. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán, 7. sír. Mellékletek. Bronz

Описание вещевого инвентаря с подкурганной площадки и из насыпи

Основной материал был сосредоточен в центре кургана, вокруг погребений 1; 2; 8; 9.

Наконечники стрел железные (12 экз.): трехлопастные (8 экз.), бронебойные ромбические двухлопастные (3 экз.) и один четырехгранный, размеры от 4,5 до 7 см (*рис. 87. 1–12*).

Фрагменты железных удил (11 экз.), дужки с кольцами и фрагменты колец (*рис. 88. 1–11*).

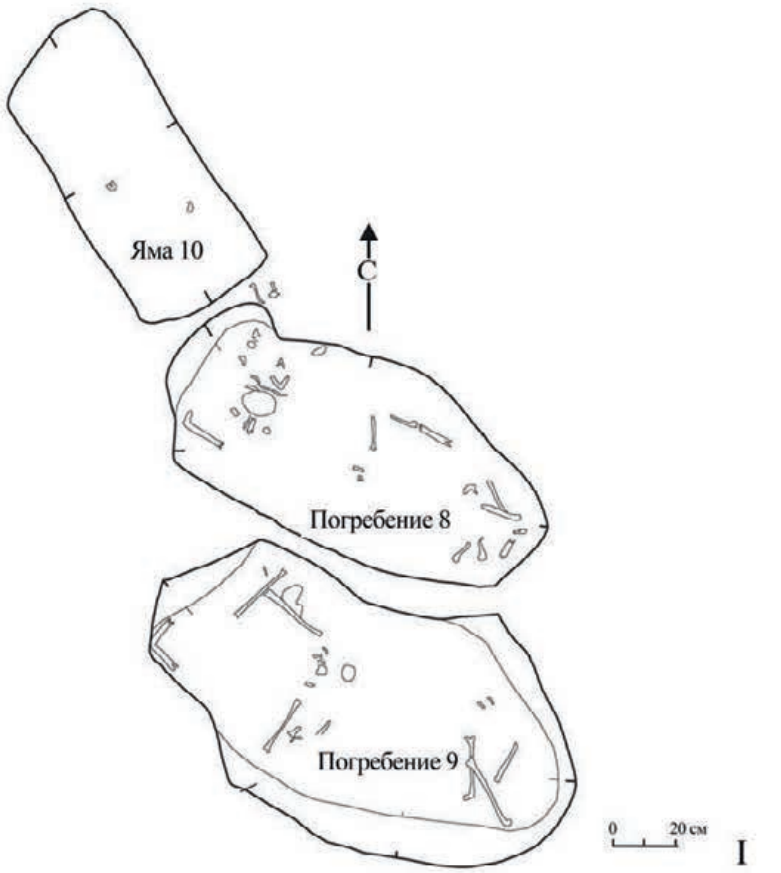

Рис. 85. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Погребения 8; 9. I: общий план; II: зачистка дна ямы, вид с юго-юго-востока

85. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán, 8–9. sír. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, dél-délkeleti irányból

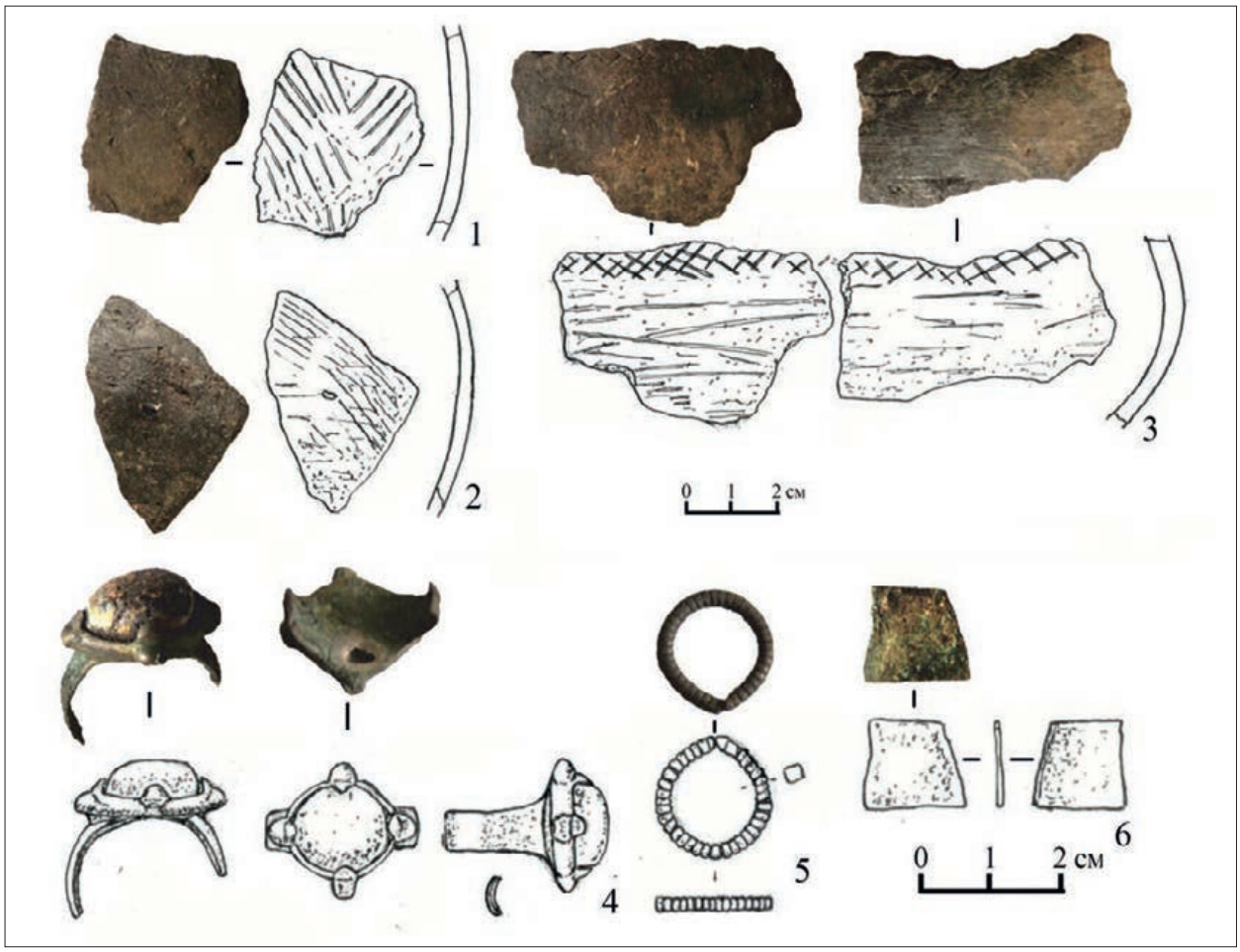

Рис. 86. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Погребения 8; 9. Вещевой инвентарь. 1–3: керамика; 4: серебро, камень; 5, 6: серебро, бронза
86. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán, 8–9. sír. Mellékletek. 1–3: kerámia; 4: ezüst, kő; 5, 6: ezüst, bronz

Пластина от ламеллярного доспеха железная (*рис. 88. 12*).

Подвеска листовидная серебряная с двумя фигурными прорезями (*рис. 89. 10*).

Накладки ременные серебряные с позолотой: сердцевидные (2 экз.) концевые с растительным орнаментом (*рис. 89. 1, 2*) и одна округлая с изображением смоквы и оформленным бордюром (*рис. 89. 7*).

Накладка полиметаллическая (обломленная), с трапециевидным узором в виде выпуклых сферических выступов, прямоугольным ушком внизу и подовальным отверстием (*рис. 89. 12*).

Серия небольших *фигурных накладок* восьмерковидной, лунницевидной формы со сферическими напайками по краям, а также сферические прямоугольные и овальные фигурные накладки (*рис. 89. 3–6*).

Пряжка серебряная цельнолитая с овальной и прямоугольной рамкой. Длина 3,2 см, ширина 3 см (*рис. 89. 11*).

Обломок нижней части серьги с округлым основанием, имеющим носик на конце, и двумя перехватами выше перехода к дужке (*рис. 89. 9*), а также *подвеска-колокольчик* и *цилиндрическая пронизка* (*рис. 89. 8, 13*).

Накладка сферическая с одним шпеньком. Диаметр 1 см (*рис. 89. 14*).

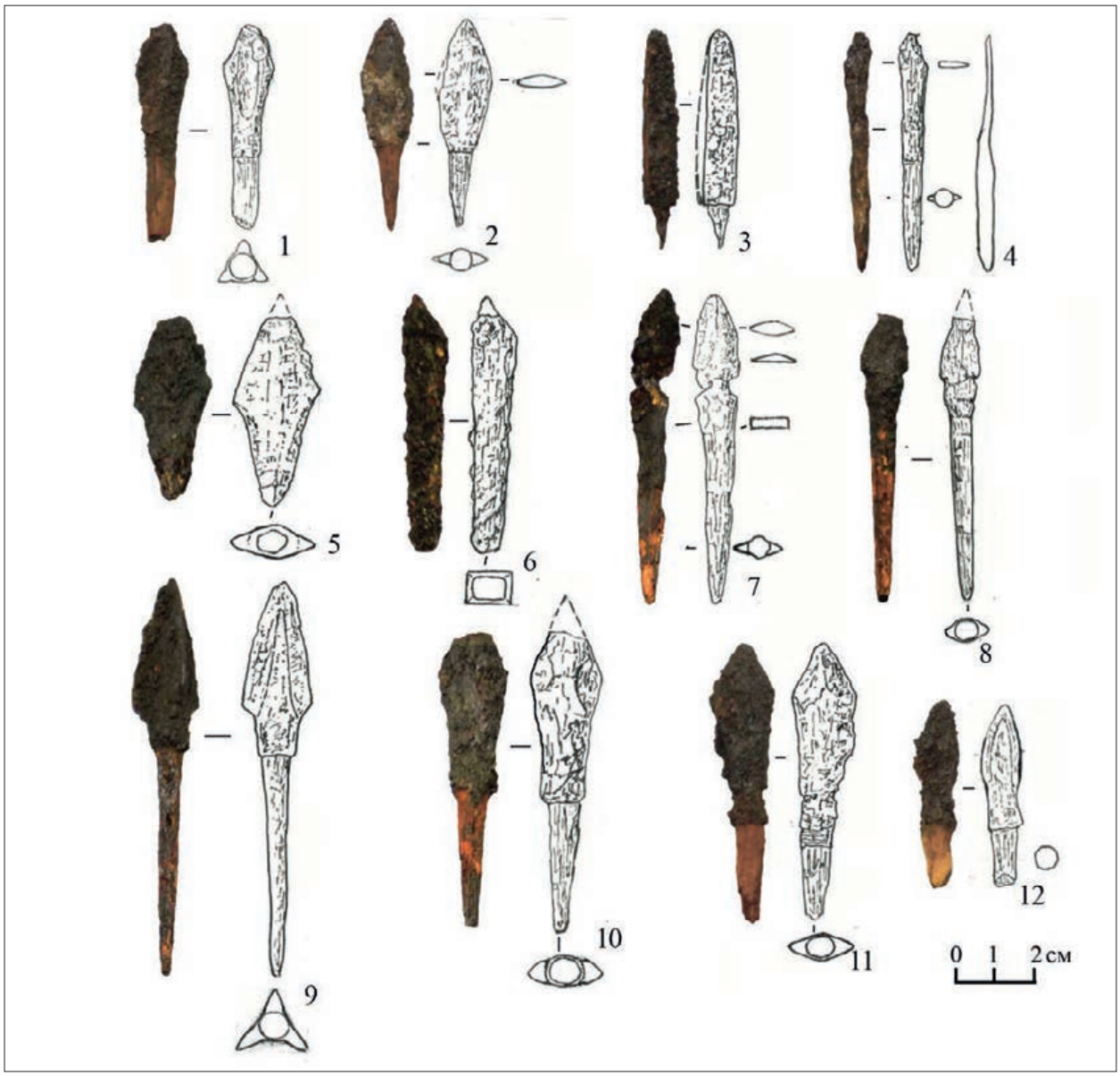

Рис. 87. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. Железо

87. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán. Kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. Vas

Описание керамического комплекса

Керамика представлена более 50 фрагментами тонкостенных сосудов, хорошо залощенных, с примесью мелкого песка и талька в тесте, орнаментированных резным и гребенчатым штампом. Орнамент – многорядные горизонтальные и ломаные линии, косая решетка. По внешнему облику керамика относится к кушнаренковско-караякуповской и петрогромско-юдинской типологическим группам.

В кушнаренковской группе выделяются два[5] крынкообразных тонкостенных горшка с относительно высокой слегка отогнутой шейкой, орнаментированной прочерченным многоряд-

[5] На *рис. 90. 7, 8* изображены две разновременные реконструкции одного и того же сосуда.

Рис. 88. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. Железо

88. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán. Kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. Vas

ным зигзагом, оконтуренным горизонтальными зонами (*рис. 90. 7–9*).

К караякуповским относятся небольшие круглодонные банки, орнаментированные по верху плеча резным или гребенчатым зигзагом (елочкой). По форме и орнаментации эти горшки наиболее схожи с постбакальскими формами, включая неорнаментированный горшок с коротким, слегка отогнутым валиком и раздутым туловом (*рис. 90. 2–6, 10*).

Рис. 89. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. 1–11, 13, 14: серебро, позолота; 12: бронза, позолота, кожа
89. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán. Kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. 1–11, 13, 14: ezüst, aranyozás; 12: ezüst, aranyozás, bőr

Четыре сосуда из этой серии относятся к петрогромско-юдинской группе. Небольшой горшок орнаментирован косой решеткой по венчику и горизонтальными рядами мелкого шнура, а также трехрядных подковок, идущих по плечу (*рис. 90. 1*). Три крупных горшка, орнаментированные сложным фигурным и крупногребенчатым штампом по шейке, венчику и верхней части плеча (*рис. 90. 11–13*).

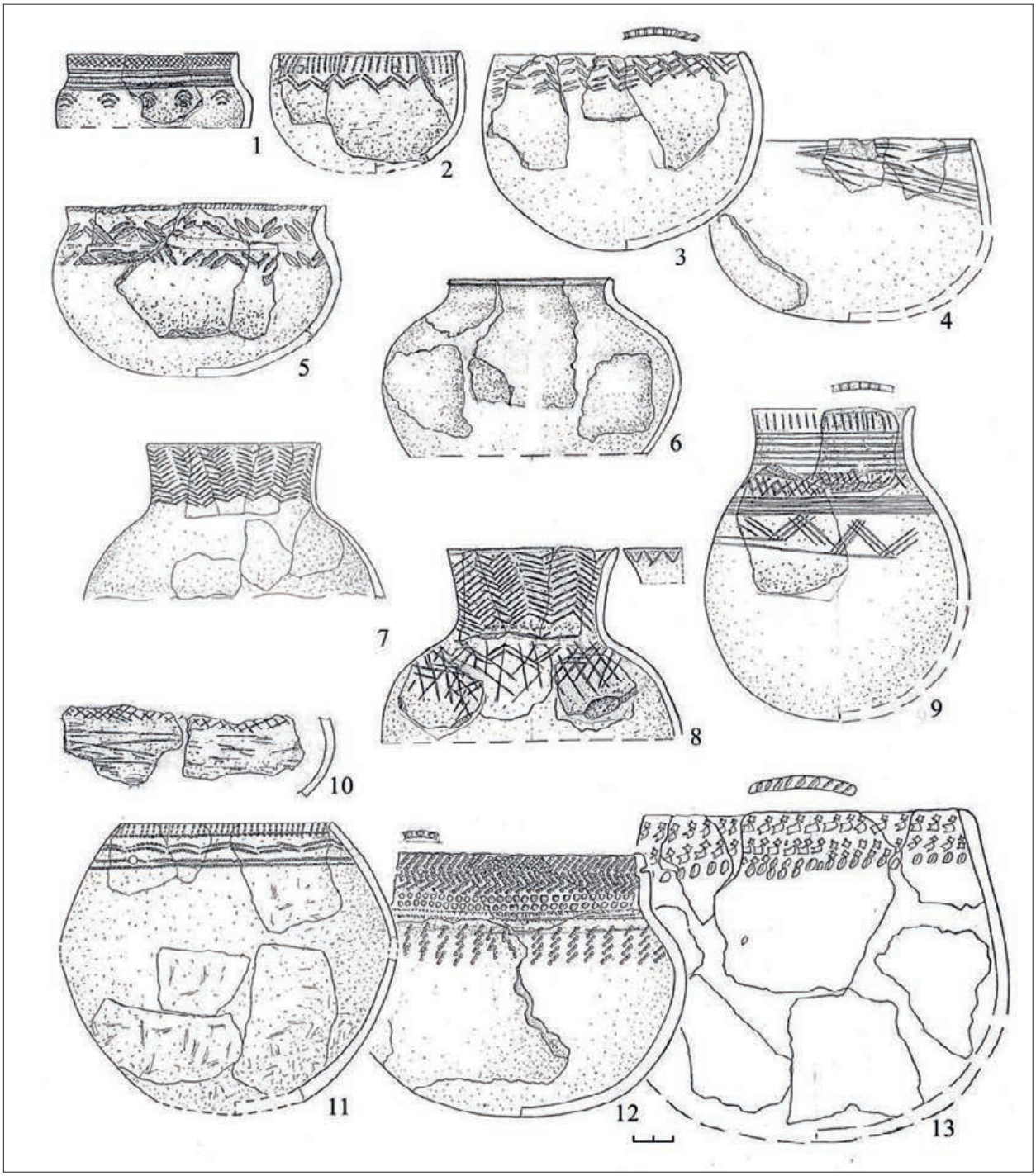

Рис. 90. Погребальный комплекс Уелги. Курган 9. Подкурганная площадка, насыпь. Керамика
90. kép. Az ujelgi temető. 9. kurgán. Kurgán alatti tér, feltöltés. Kerámia

Курган 10

Курган 10 (*рис. 91; 92*) располагался на юго-восточной окраине большого останца, к югу от условного центра некрополя. Имел грушевидную форму, вытянутую по линии С–Ю. Насыпь размерами 21 × 24 м, высотой до 0,6 м.

На начало археологического исследования кургана в центральной части насыпи (участок Н–О/24–25) фиксировался зольник и уголь. При расчистке на уровне дневной поверхности (0 – +10) была расчищена ритуальная площадка, которая занимала часть участка Н–О/25 и фактически весь участок О/24 (*рис. 93; 94*). Площадка представляла собой настил из обожженных плах и веток, которые горели «in situ». Часть дерева и бересты не прогорела, и это позволило определить, что плахи укладывались в направлении С–Ю (*рис. 93. I*).

Среди продуктов горения на площадке встречены зубы и обломки трубчатых костей скелета человека и лошади. В северной части ритуальной площадки обнаружены фрагменты керамики (сосуд 6) (*рис. 109. 10*). В западной части площадки найдены фрагменты от двух сосудов (сосуды 7 и 12) (*рис. 109. 2, 17*).

При выборке насыпи в разных ее частях были обнаружены фрагменты еще от 13 сосудов (сосуды 1–5, 9, 13, 16, 18, 19) (*рис. 109*).

При зачистке на подкурганной площадке на уровне материка было выявлено четыре погребения и одиннадцать поисковых грабительских ям.

Погребение 1 (*рис. 91*) располагалось в западном секторе. Очертания могильной ямы были зафиксированы в гумусе на уровне древней дневной поверхности (–190).

Яма имела подтрапециевидную форму, размерами 0,6–0,9 × 1,0 м, ориентированную СВ–ЮЗ. С юга погребение примыкает к ритуальной площадке. Расчистка погребения показала, что оно было совершено, как и ритуальная площадка, на уровне древней поверхности (–150)–(–160). Вероятнее всего от ритуальной площадки погребение было ограждено каменной выкладкой. Камни в основном небольших (5 × 8 × 10 см) и средних размеров 25 × 15 × 20 см. Возможно, погребение было полностью огорожено по периметру камнями. После зачистки погребения зафиксировано, что умерший был уложен головой на юго-запад. На фрагментах костей черепа были найдены остатки ремешка с семью лунницевидными накладками (*рис. 95. I, II*). Здесь же была найдена *бабочковидная бронзовая накладка* с прорезью в нижней части и сохранившимися фрагментами кожаного ремешка (*рис. 107, 6*). В северной половине ямы был обнаружен развал сосуда 11 (*рис. 109. 12*).

У северо-западного края погребения была расчищена *серебряная фигурная накладка* подквадратной формы с загнутыми верхними краями, с прорезью по центру верхнего края, с четырьмя крепежными шпеньками и сохранившимся фрагментом кожаного ремешка, размерами 2,5 × 2,6 см (*рис. 106, 14*).

Кроме разрозненных костей скелета человека у восточного края ямы были обнаружены обломки костей черепа и зубы лошади.

Фрагмент ремешка, на котором сохранилось семь *лунницевидных накладок* с одним сферическим окончанием на обоих концах. Размеры 1 × 2,3 см (*рис. 107. 24*).

Накладка арочной формы бронзовая, с прорезью в верхней части, слегка оконтуренным носиком сверху и секторным разделением с внешней стороны. На обратной стороне три крепежных шпенька. Размеры 1,85 × 2,3 см (*рис. 106. 8*).

Погребение 2 (*рис. 96. I*). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 0,7 × 2,1 м, ориентирована длинными стенками З–В. При расчистке ямы в восточной торцовой стенке были обнаружены остатки гробовины, которая, вероятнее всего, была 0,6–0,5 м шириной, отдельные фрагменты дерева встречаются также на дне ямы вместе с фрагментами костей скелета человека.

Погребение 3 (*рис. 96. II*). Яма вытянутой овальной формы, размерами 1,5 × 2,7 м, ориентирована СВ–ЮЗ. В заполнении ямы вещевого инвентаря обнаружено не было.

Погребение 4 (*рис. 97. I*). Яма подпрямоугольной формы, размерами 1,4 × 3 м, ориентирована СЗ–ЮВ. В заполнении ямы фиксировались

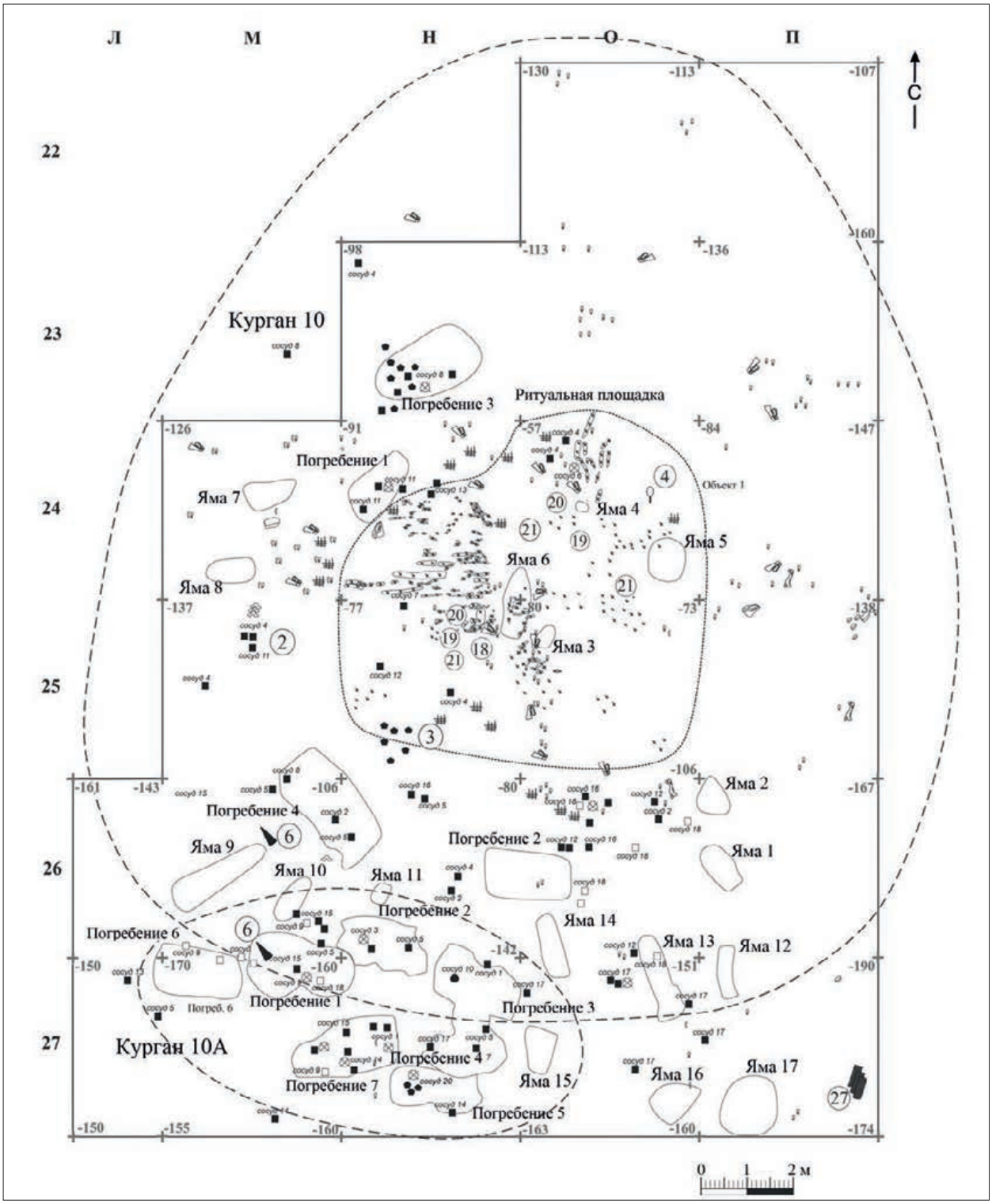

Рис. 91. Погребальный комплекс Уелги. Курган 10, 10А. Общий план
91. kép. Az ujelgi temető. 10, 10A kurgán. Általános felszínrajz

Рис. 92. Погребальный комплекс Уелги. Курган 10, 10А. I: вид с севера; II: вид с востока
92. kép. Az ujelgi temető. 10, 10A kurgán. I: nézet északi irányból; II: nézet keleti irányból

Рис. 93. Погребальный комплекс Уелги. Курган 10. Ритуальная площадка. I: участок O/24, вид с юга; II: участок H/25, вид с юго-запада

93. kép. Az Ujelgi temető. 10 kurgán. Rituális tér. I: O/24 szelvény, nézet déli irányból; II: H/25 szelvény, nézet délnyugati irányból

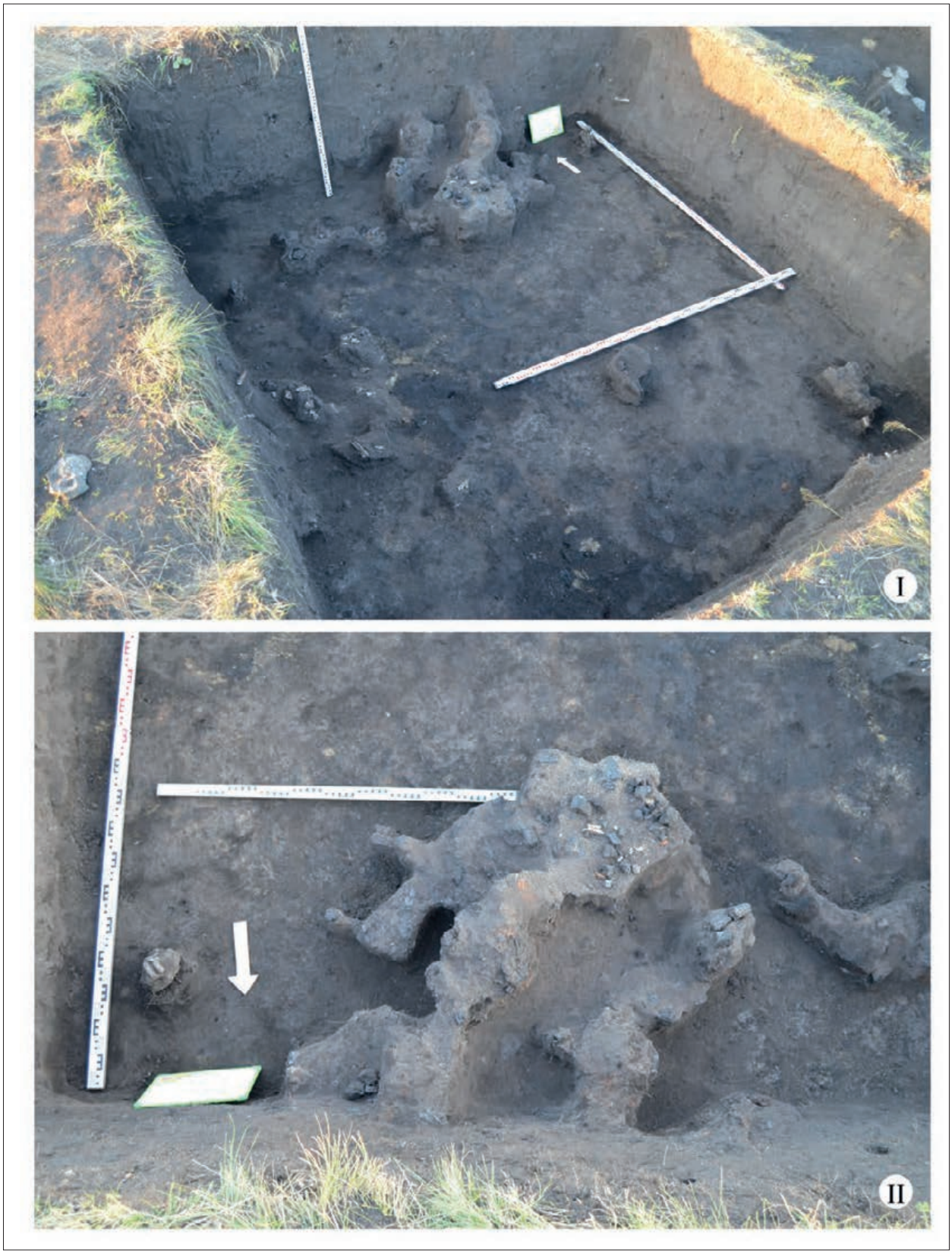

Рис. 94. Погребальный комплекс Уелги. Курган 10. Ритуальная площадка. I: участок O/25, вид с юго-запада; II: участок O/25, деталь

94. kép. Az ujelgi temető. 10. kurgán. Rituális tér. I: O/25 szelvény, nézet délnyugati irányból; II: O/25 szelvény részlete

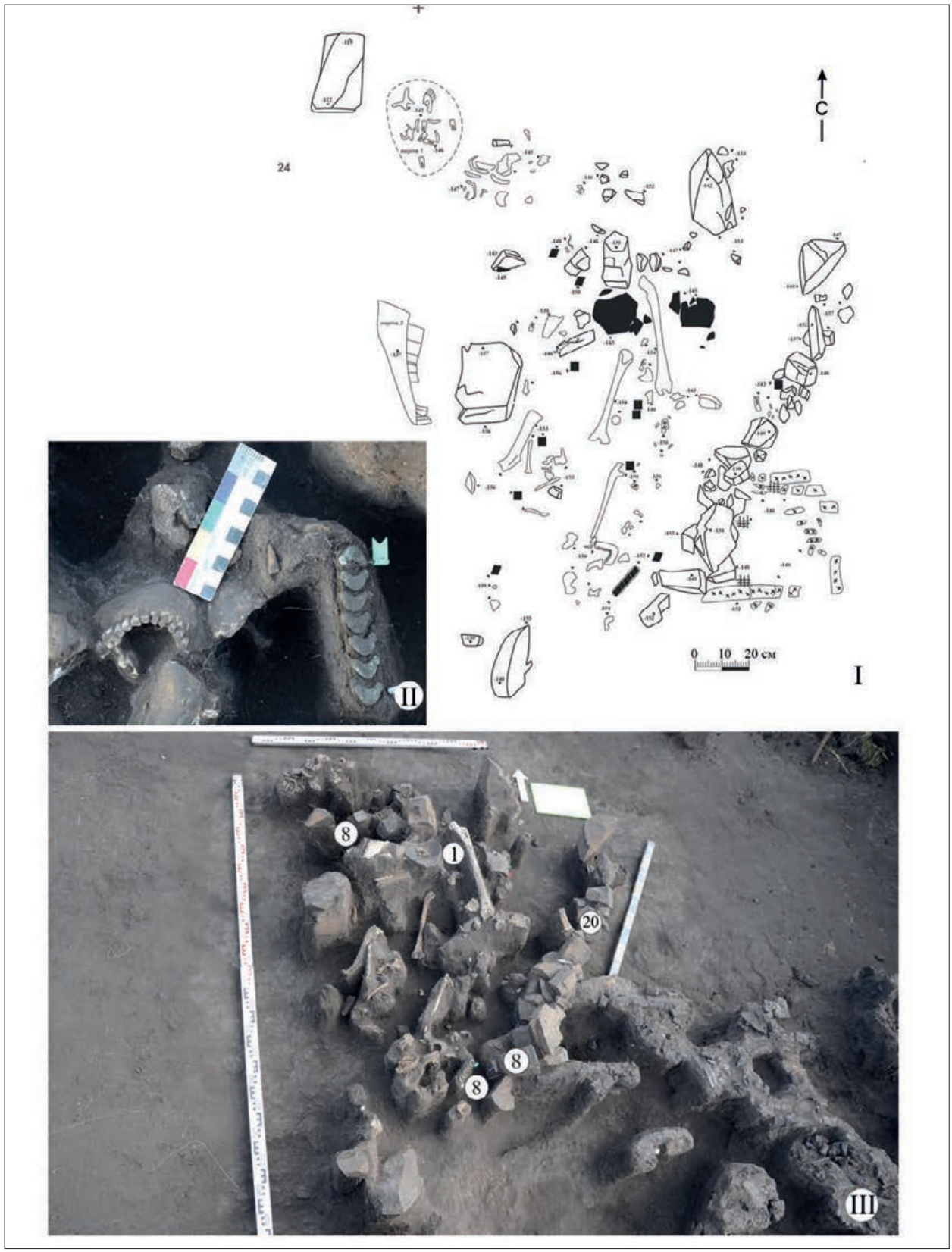

Рис. 95. Погребальный комплекс Уелги. Курган 10. Погребение 1. I: общий план; II: деталь; III: вид с юго-юго-запада, после расчистки

95. kép. Az ujelgi temető. 10. kurgán, 1. sír. I: általános felszínrajz; II: részlet; III: nézet dél-délnyugati irányból, a feltárás után

Рис. 96. Погребальный комплекс Уелги. Курган 10. I: погребение 2, после расчистки, вид с юга; II: погребение 3, после расчистки, вид с северо-запада

96. kép. Az ujelgi temető. 1. kurgán, 2. sír, a feltárás után, nézet déli irányból; II: 3. sír a feltárás után, nézet északnyugati irányból

фрагменты деревянной обкладки и фрагменты керамики сосуда 8 (*рис. 97. I; 109. 18*).

Ямы, выявленные после общей зачистки подкурганной площадки и последующей выборкой, имели различную конфигурацию и ориентацию, материальных остатков не содержали. Выделяются ямы 1 и 8, где обнаружены зубы и фрагменты черепов лошади (*рис. 97. II, III*), что позволяет определить их назначение как жертвенники.

Курган 10А

Курган 10А (*рис. 91; 92*) располагался на периферии юго-западного сектора насыпи кургана 10. Насыпь овальной формы, размерами 6 × 10,5 м, ориентирована З–В. На подкурганной площадке зафиксировано семь погребений и шесть поисковых грабительских ям.

Погребение 1 (*рис. 98. I*) располагалось к северо-западу от условного центра кургана. Яма восьмерковидной формы, размерами 1,5 × 2,3 м, глубиной 1,2 м от уровня материка (–210). В заполнении ямы найдены два фрагмента керамики (сосуды 5, 15). Погребение разрушено. На дне, в западной части могильной ямы, расчищены фрагменты черепа человека. В северо-восточном секторе ямы – фрагменты трубчатых, реберных и позвоночных костей скелета человека. У восточных торцовых и продольных стен (северо-восточный угол) обнаружены фрагменты деревянных плах и древесный тлен.

Погребение 2 (*рис. 98. II*) расположено к северо-востоку от погребения 1 и примыкает к нему. Яма неправильной подпрямоугольной формы, размерами 1 × 2,2 м, глубиной 0,5 м от уровня материка. На дне расчищен фрагмент черепной коробки (в восточной половине) и обломки зубов лошади. В северо-западной половине обнаружен серебряный тренчик.

Тренчик серебряный с рифленым внешним краем. Размеры 1,1 × 1,6 см (*рис. 106. 13*).

Погребение 3 (*рис. 99. I*) располагалось к юго-востоку от погребения 2. Яма неправильной подпрямоугольной формы, размерами 1,4 × 2,3 м, глубиной 0,4 м от уровня материка. При расчистке дна в восточной части обнаружены кости ног человека. В юго-западном углу расчищен развал сосуда (сосуд 10) (*рис. 99. I; 109. 5*), под которым располагалась бронзовая накладка.

Накладка пятигранная бронзовая, по форме близкая к сегментовидной, на внешней стороне украшена объемным узором в виде бутона (лотоса?) и растительными полулистовидными узорами, направленными к центру. До реставрации накладка имела фрагменты позолоты на внешней стороне. Размеры 1,3 × 1,8 см (*рис. 105. 18*).

Погребение 4 (жертвенник) (*рис. 99. II; 100. I, II, III*) примыкает с юга к погребению 3. Яма неправильной овальной формы, размерами 0,95 × 2 м, глубиной 0,35 м от уровня материка. На дне ямы был расчищен жертвенник, состоящий из костей черепа лошади, уложенных на две пары конечностей, лежащих в направлении ЗСЗ–ВЮВ. В северо-западном углу найдены семь серебряных бляшек-нашивок сердцевидной, сегментовидной и подквадратной формы. В восточной части погребения обнаружены фрагменты человеческих костей.

Накладки-нашивки серебряные: *подквадратные* (2 экз.) с прямоугольной прорезью в верхней части с четырьмя отверстиями по углам, размерами 2,1 × 2,1 см (один угол утрачен) (*рис. 105. 8*) и 2,2 × 2,4 см (*рис. 107. 8*); *сегментовидная* с прямоугольной прорезью и тремя отверстиями, размерами 1,6 × 2,4 см (*рис. 107. 7*); *сердцевидные* (4 экз.) с округлым вырезом в верхней части и тремя крепежными отверстиями, размерами 1,8 × 2 см, одна накладка обломленная (*рис. 107. 9–12*).

Погребение 5 (*рис. 101. I*) располагалось в юго-восточном секторе подкурганной площадки, примыкая с юга к погребению 4. Планиграфически это погребение завершает полуокружность, которую образуют погребения этого кургана. Могильная яма неправильной, близкой к подпрямоугольной, формы размерами 0,95 × 2,2 м, глубиной 0,3 м от уровня материка. В северо-западном углу расчищен развал сосуда (*рис. 101. II; 109. 20*). Здесь же были расчищены мелкие фрагменты костей черепа и обломки трубчатых костей человека, севернее которых фиксировался фрагмент бедренной кости лошади (*рис. 101. II*).

Накладка серебряная с отверстием по центру и двумя сферическими навершиями. Размеры 1,3 × 1,5 см (*рис. 106. 4*).

Погребение 6 (*рис. 102. I*) занимает крайнюю западную позицию на подкурганной площадке. Яма прямоугольной формы, размерами 1,2 × 2,2 м, ориентирована длинными стенками ЗСЗ–ВЮВ. При зачистке в придонной части в юго-западном углу ямы обнаружены кости конечностей скелета. В северо-восточной части ямы обнаружены фрагменты керамики и три фрагмента костей человека.

Погребение 7 (*рис. 102. II*). Яма неправильной трапециевидной формы, размерами 1,3 ×

Рис. 97. Погребальный комплекс Уелги. Курган 10. Погребение 4. I: после расчистки, вид с юго-юго-востока; II: яма 1, вид с северо-востока; III: яма 8, вид с юга

97. kép. Az ujelgi temető. 10. kurgán, 4. sír. I: a feltárás után, nézet dél-délkeleti irányból; II: 1. gödör, nézet északkeleti irányból; III: 8. gödör, nézet déli irányból

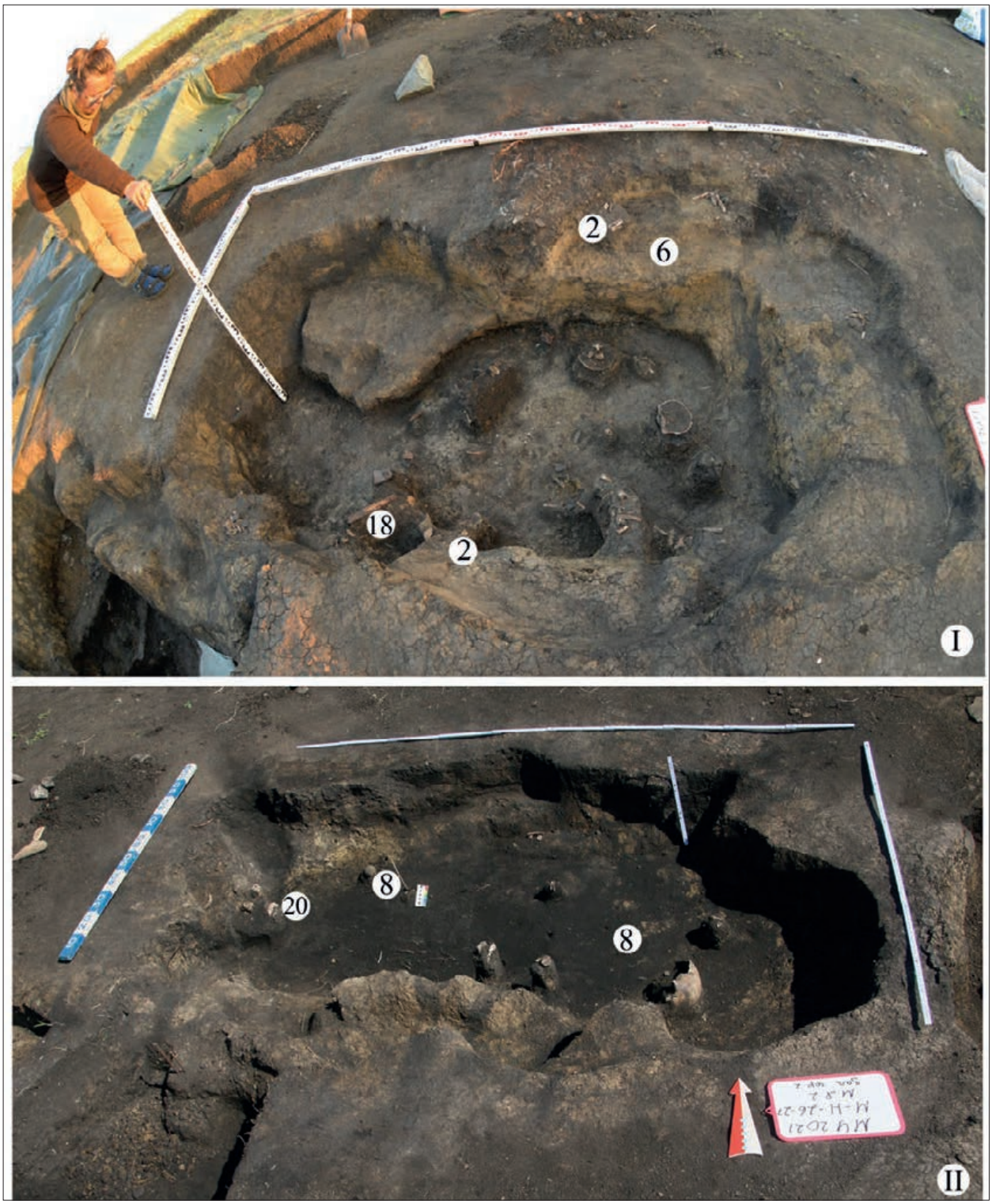

Рис. 98. Погребальный комплекс Уелги. Курган 10А. I: погребение 1 после расчистки, вид с севера; II: погребение 2 после расчистки, вид с юга
98. kép. Az ujelgi temető. 10A kurgán. I: 1. sír a feltrás után, nézet déli irányból; II: 2. sír 2 a feltárás után, nézet déli irányból

Рис. 99. Погребальный комплекс Уелги. Курган 10А. I: погребение 3 после расчистки, вид с юго-запада; II: погребение 4 после расчистки, вид с севера

99. kép. Az ujelgi temető. 10A kurgán. I: 3. sír a feltárás után, nézet délnyugati irányból; II: 4. sír a feltárás után, nézet északi irányból

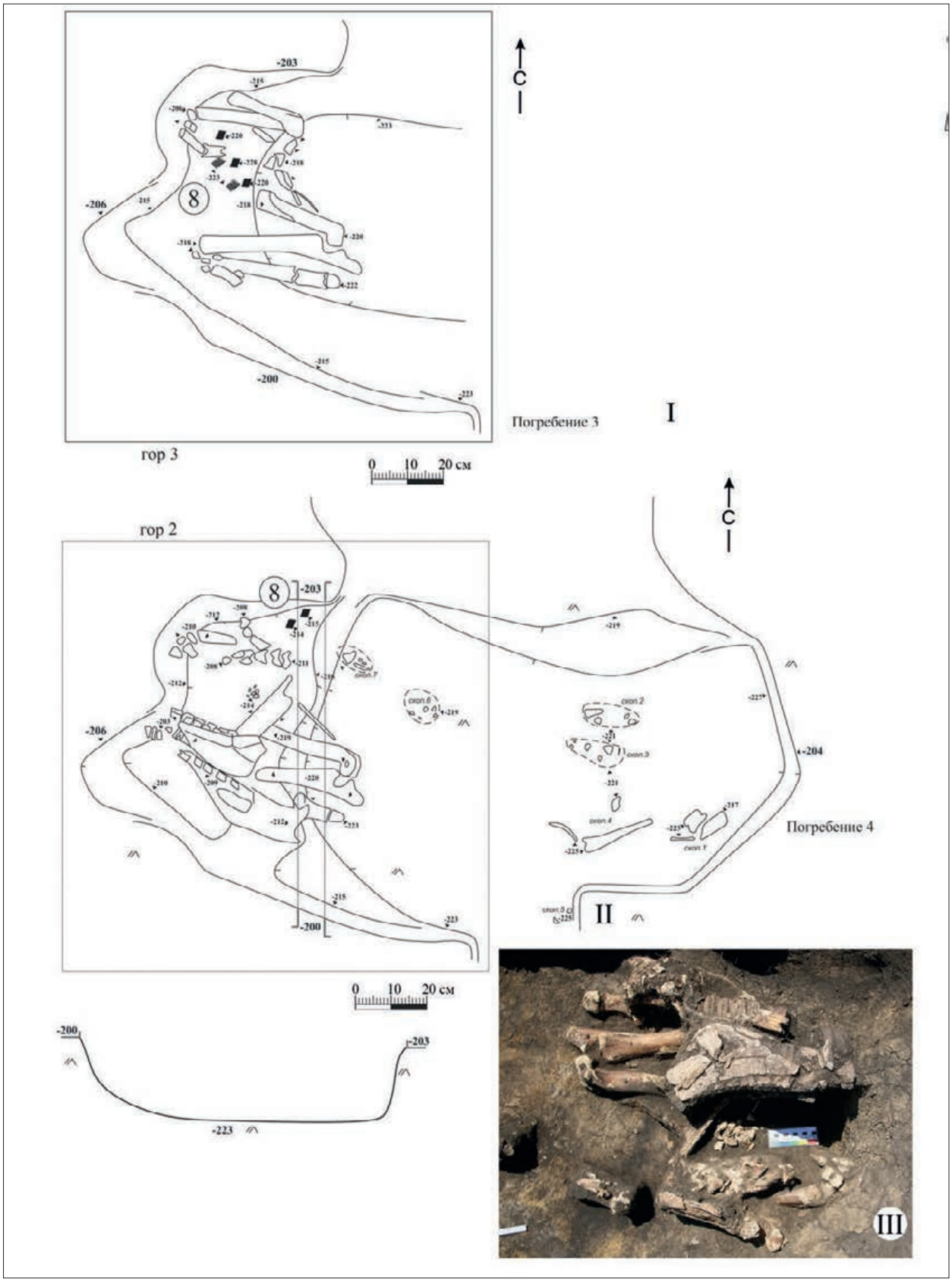

Рис. 100. Погребальный комплекс Уелги. Курган 10А. I: погребение 4, горизонт 3; II: погребение 4, горизонт 2; III: погребение 4, деталь, вид с севера

100. kép. Az ujelgi temető. 10A kurgán. I: 4. sír, 3. szint; II: 4. sír 4, 2. szint; III: 4. sír, részlet, nézet északi irányból

Рис. 101. Погребальный комплекс Уелги. Курган 10А. I: взаиморасположение погребений 1–5; II: погребение 5 после расчистки, вид сверху
101. kép. Az ujelgi temető. 10A kurgán. I: az 1–5 elhelyezkedése; II: az 5. sír a feltárás után, felülnézet

2,7 м, ориентирована длинными сторонами ЗЮЗ–ВСВ. В заполнении ямы обнаружены фрагменты костей скелета человека и фрагменты керамики (сосуды 14, 15). В центре восточной части ямы обнаружена бронзовая накладка бабочковидной формы. У восточной торцовой стенки фиксируются остатки деревянной конструкции.

Накладка бабочковидная бронзовая с фигурной прорезью в нижней части и четырьмя крепежными шпеньками с обратной стороны, размеры 1,9 × 2,4 см (*рис. 105. 7*).

Рис. 102. Погребальный комплекс Уелги. Курган 10А. I: погребение 6 после расчистки, вид с юго-юго-запада; II: погребение 7 после расчистки, вид с юга

102. kép. Az ujelgi temető. 10A kurgán. I: 6. sír kibontás után, dél-délnyugati irányból; II: sír 7. sír kibontás után, déli irányból

Наконечники стрел железные: плоские двухлопастные (4 экз.) (*рис. 103. 3, 5, 6, 7*), размеры 0,7–2 × 2,8–6,2 см; трехлопастные, трехгранные (6 экз.) (*рис. 103. 1, 2, 13–16*).

Наконечники стрел костяные: асимметрично-ромбические (2 экз.), размеры 0,7–1 × 7,1–10 см (*рис. 103. 22, 23*); плоские (*рис. 103. 18, 19*).

Наконечник стрелы (?) бронзовый. Размеры 4 × 0,7 см (*рис. 103. 17*).

Ножи железные (7 экз.) (*рис. 103. 4, 8–12*).

Пряжки подпружные железные (2 экз.) трапециевидной формы. Размеры 2,6–3,5 × 3,5–4,2 см (*рис. 103. 28, 29*).

Фрагменты железных стремян (6 экз.), округлой формы с петлевидным отверстием для путлища, прогнутой подножкой с хорошо оформленными тремя линиями жесткости, дужки раскованы, сечение подквадратное (*рис. 103. 24, 27; 104. 6–9*).

Фрагменты железных кольчатых удил (8 экз.) (*рис. 103. 25, 26, 30; 104. 1–5*).

Лопаточка (?) берестяная (*рис. 103. 20*).

Накладки овальные серебряные (3 экз.) с рифленым перехватом по центру и двумя крепежными шпеньками (*рис. 105. 1, 16, 19*).

Накладки цветковидные серебряные и бронзовые (2 экз.) с пятью лепестками, одним крепежным шпеньком и сферическим выступом в центре. Диаметр 2,2 см (*рис. 105. 2; 106. 16*).

Накладки полуовальные серебряные (2 экз.) с двумя сферическими ушками сверху. Размеры 1,5 × 1,5 см (*рис. 105. 3, 5*).

Сюльгама (?) бронзовая, округлой формы с пятью ушками. Диаметр 2,5 см, имеет круглое отверстие в центре (*рис. 105. 6*).

Накладки щитовидные серебряные и бронзовые (8 экз.): крупная с фигурным вырезом верхнего края, размеры 2,2 × 3,1 см, имеет три крепежных шпенька (*рис. 106. 6*); средняя имеет продольное ребро или желобки, размеры 1,3–1,6 × 1,5–2 см (*рис. 105. 9, 10; 106. 3*).

Накладки серебряные широкие (2 экз.). Размеры 1,6 × 2,2 см (*рис. 106. 5, 7*).

Накладка с плоским щитком серебряная (2 экз.). Размеры 1,1–1,3 × 1,4–2,3 см (*рис. 106. 1, 2*).

Накладка сферической формы серебряная (4 экз.). Диаметр 1–1,7 см (*рис. 105. 12, 15; 106. 20, 21*).

Накладка с тремя сферическими выступами серебряная. Размеры 0,5 × 1,3 см (*рис. 105. 4*).

Накладка пирамидальная серебряная (3 экз.), с крепежным шпеньком в центре. Размеры 1,1–1,3 × 1,2–1,4 см, высота до 0,4 см (*рис. 105. 11, 14, 17*).

Нашивка прямоугольная серебряная с отверстием в верхней части и продольным ребром по центру. Размеры 1 × 1,8 см (*рис. 105. 13*).

Накладки в виде головы птицы бронзовые (4 экз.), с тремя крепежными шпеньками. Размеры 1,5–1,8 × 2,3–2,5 см (*рис. 105. 20–23*).

Серьга серебряная с отростками по верхнему краю дужки и плоским нижним окончанием, состоящим из вдавленных окружностей, имеющих перехваты сверху и между собой, а также сферическим отростком внизу. Размеры 1,9 × 5,1 см (*рис. 106. 11*).

Накладка сегментовидная бронзовая с шестью разделенными зонами и овальной прорезью в верхней части. Размеры 1,9 × 2,4 см (*рис. 106. 9*).

Накладки фигурные серебряные (3 экз.) с округло срезанным верхним краем, округлым боковым вырезом и продольным желобком по центру. Размеры целых накладок 2,2–2,5 × 2,7–2,9 см (*рис. 106. 15, 17, 19*).

Пряжки цельнолитые серебряные и бронзовые (3 экз.) с прорезным или цельнолитым щитком (*рис. 106. 10, 12, 18*).

Пряжка трапециевидная рамчатая бронзовая. Размеры 1,8–2,3 × 3 см (*рис. 107. 22*).

Накладки лунницевидные серебряные (8 экз.) с двумя сферическими отростками по краям, двумя сферическими срезами и носиком по центру переднего края. Размеры 0,8–1,7 × 2,5–3,8 см (*рис. 107. 2, 13–19*).

Накладка-зажим прямоугольная серебряная. Размеры 0,9 × 3,8 (*рис. 107. 20*).

Накладка прямоугольная серебряная с двумя сферическими вырезами вверху. Размеры 1,5 × 3,0 см (*рис. 107. 21*).

Рис. 103. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 10, 10А. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. 1–16, 21, 24–30: железо; 17: бронза; 18–19, 22–23: кость; 20: береста
103. kép. Az ujelgi temető. 10, 10A kurgán. A kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. 1–16, 21, 24–30: vas; 17: bronz; 18–19, 22–23: csont; 20: nyírfakéreg

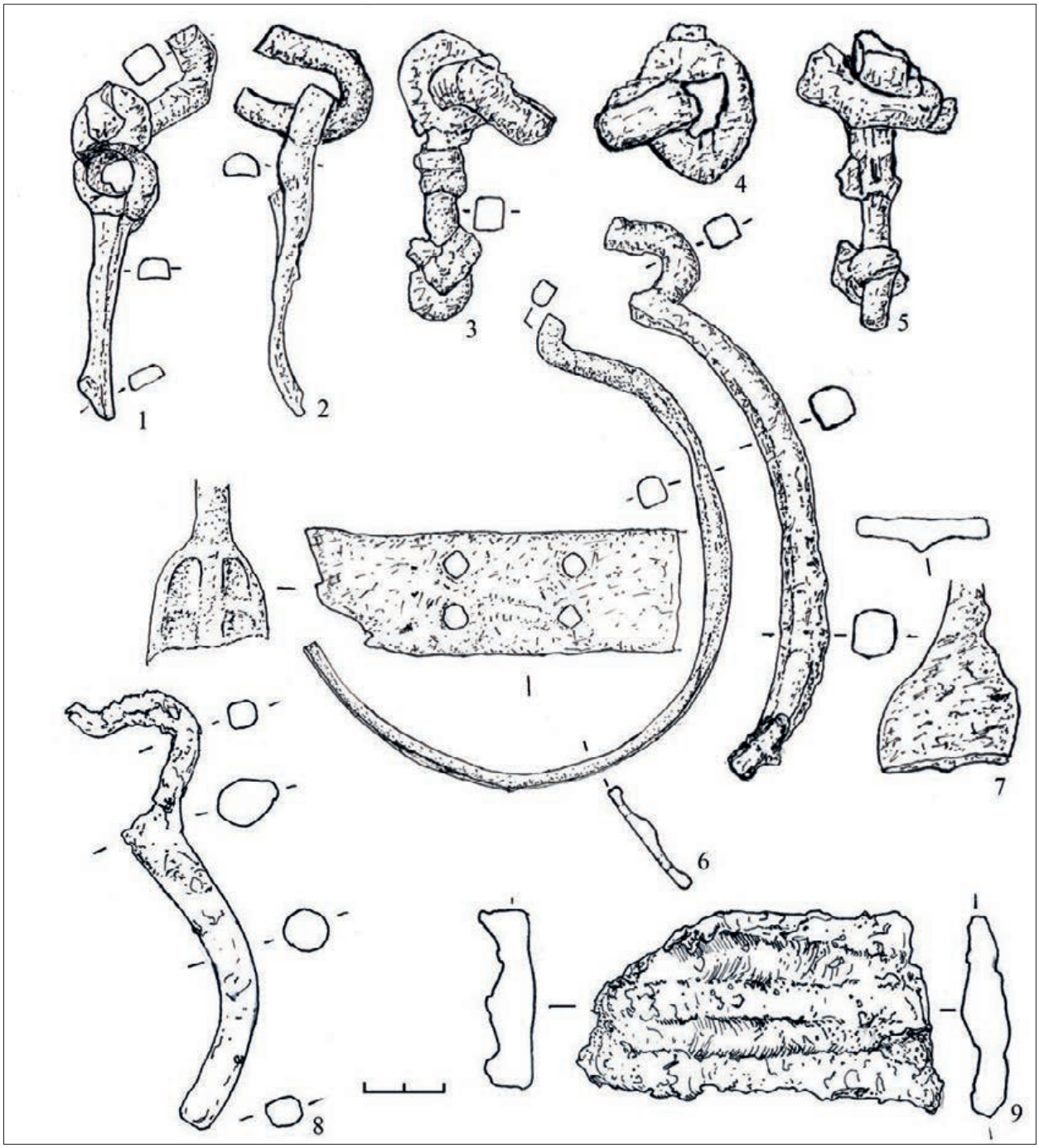

Рис. 104. Погребальный комплекс Уелги. Курган 10. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. Железо

104. kép. Az ujelgi temető. 10. kurgán. A kurgánalatti tér, feltöltés. Mellékletek. Vas

Тройник серебряный с фигурным окончанием и тремя крепежными шпеньками. Размеры 2,7 × 3,9 см (*рис. 107. 23*).

Браслет бронзовый (2 фрагмента), выполнен из тонкой ленты толщиной 1 мм и шириной 1 см, на концах лента загибалась, реконструируемый диаметр браслета 3 см (*рис. 107. 25*).

Пуговицы-бубенчики цельнолитые (2 экз.), грушевидной формы, с петелькой для крепления (на одном экземпляре петелька обломлена). Бронза, литье. Размеры 1,3 × 1,5 см (*рис. 107. 3, 4*).

Бусины призматические крупные (12 экз.), в основном шестигранной формы, одна четырехгранная (*рис. 108. 5*); цветовые тона – голубой,

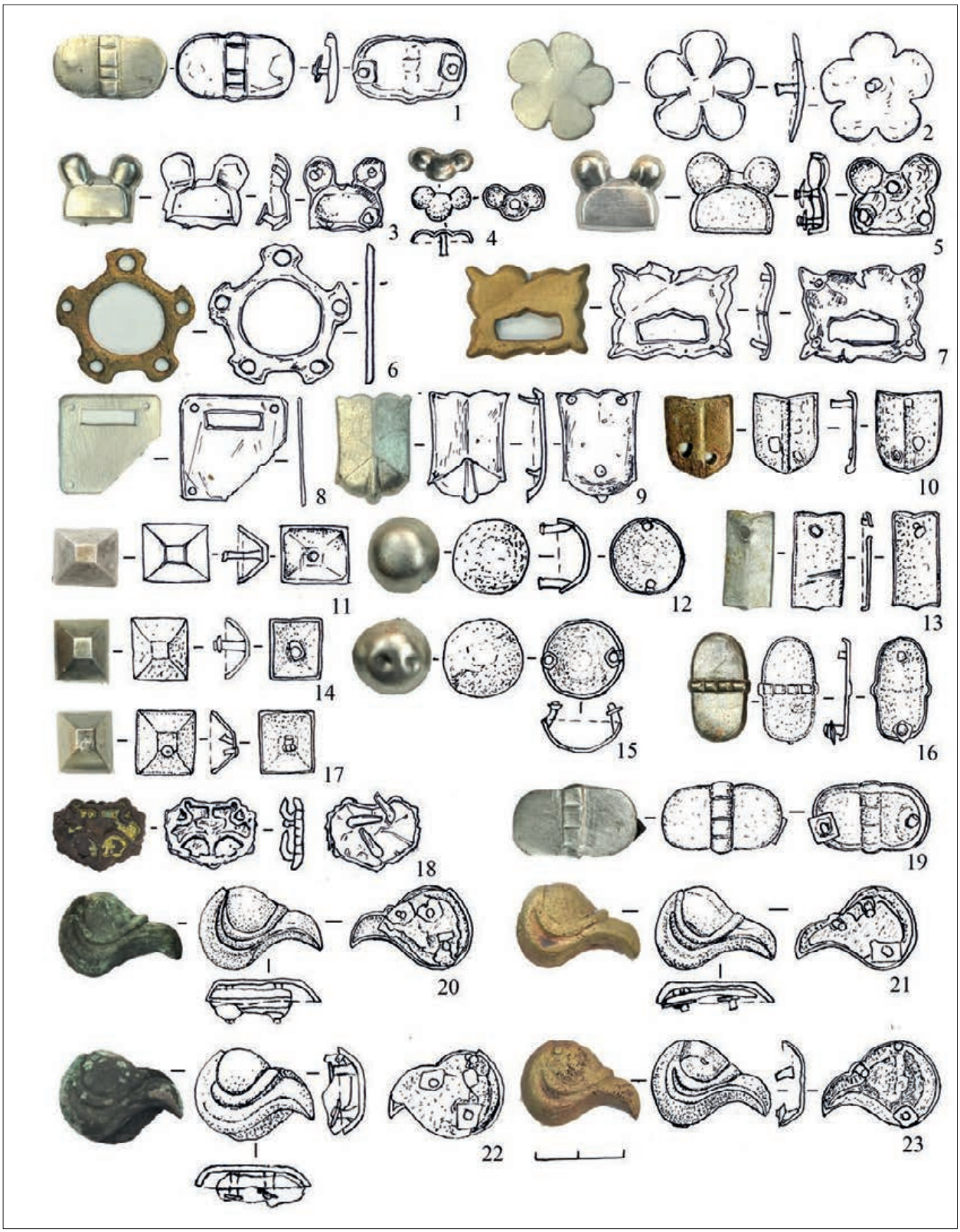

Рис. 105. Погребальный комплекс Уелги. Курган 10А. Вещевой инвентарь. 1–6, 9–17, 19–23: подкурганная площадка, насыпь; 7: погребение 7; 8: погребение 4; 18: погребение 3. 1–5, 8, 9, 11–17, 19: серебро; 6, 7, 10, 18, 20–23: бронза

105. kép. Az ujelgi temető. 10A kurgán. Mellékletek. 1–6, 9–17, 19–23: kurgánalatti tér, feltöltés; 7: 7. sír; 8: 4. sír; 18: 3. sír. 1–5, 8, 9, 11–17, 19: ezüst; 6, 7, 10, 18, 20–23: bronz

Рис. 106. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 10, 10А. Вещевой инвентарь. 1–3, 5–7, 9–12, 15–22: курган 10, подкурганная площадка, насыпь; 4: курган 10А, погребение 5; 8, 14: курган 10, погребение 1; 13: курган 10А, погребение 2. 1–7, 11–13, 15, 17, 19, 22: серебро; 8–10, 16, 18: бронза; 14: серебро, кожа

106. kép. Az ujelgi temető. 10, 10A kurgán. Mellékletek. 1–3, 5–7, 9–12, 15–22: 10. kurgán, a kurgán alatti tér, feltöltés; 4: 10A kurgán, 5. sír; 8, 14: 10. kurgán, 1. sír 1; 13: 10A kurgán, 2. sír. 1–7, 11–13, 15, 17, 19, 22: ezüst; 8–10, 16, 18: bronz; 14: ezüst, bőr

Рис. 107. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 10, 10А. Вещевой инвентарь. 1–5: курган 10А, подкурганная площадка, насыпь; 6, 20: курган 10А, погребение 1; 7–12: курган 10А, погребение 4; 13–19, 21–23, 25: курган 10, подкурганная площадка, насыпь; 24: курган 10, погребение 1. Серебро, бронза

107. kép. Az ujelgi temető. 10, 10A kurgán. Mellékletek. 1–5: 10A kurgán, a kurgán alatti tér, feltöltés; 6, 20: 10A kurgán, 1. sír; 7–12: 10A kurgán, 4 sír; 13–19, 21–23, 25: 10. kurgán, a kurgán alatti tér, feltöltés; 24: 10. kurgán, 1. sír. Ezüst, bronz

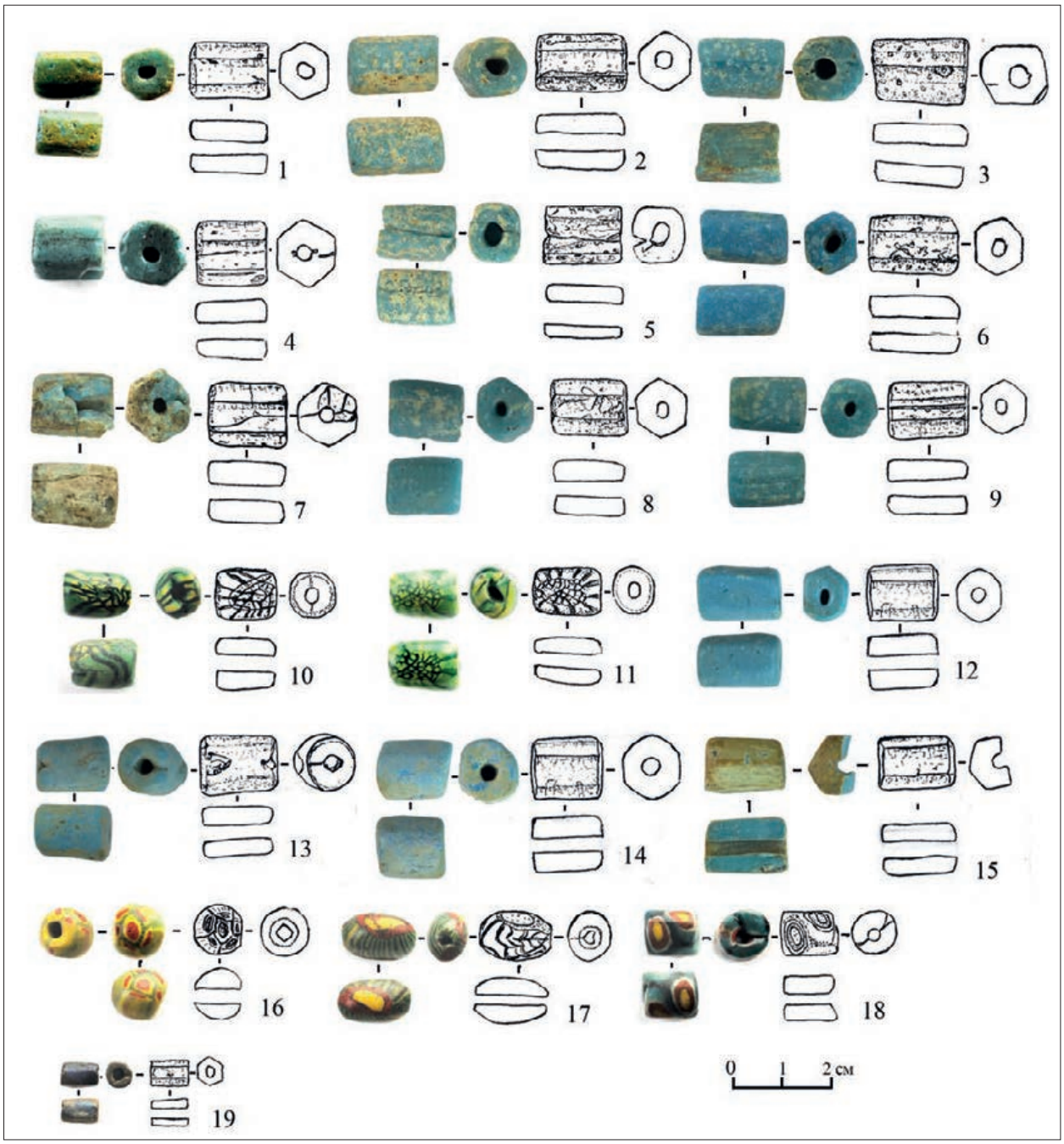

Рис. 108. Погребальный комплекс Уелги. Курган 10. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. Стекло
108. kép. Az ujelgi temető. 10. kurgán. A kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. Üveg

голубой со светло-серой патиной, голубой с желтоватыми вкраплениями. Размеры 1,9–2,4 × 1,3–1,8 см (*рис. 108. 1–3, 6–9, 12–15*).

Бусина призматическая мелкая, шестигранная, черная с золотистыми вкраплениями. Размеры 0,6 × 0,8 см (*рис. 108. 19*).

Бусины цилиндрические (2 экз.) *с мозаичным и паутинообразным рисунком*, выполненным в зеленых, желтых и черных тонах. Размеры соответственно 1,1 × 1,2 см и 0,9 × 1,3 см (*рис. 108. 10, 11*).

Бусина цилиндрическая с двумя разноцветными глазками по бокам, выполнена в синем и голубом тонах, глазки изображены в виде желтого зрачка с оранжевыми и белыми овалами вокруг него. Размеры 0,8 × 1 см (*рис. 108. 18*).

Бусина цилиндрическая голубая с черным вкраплением. Размеры 0,7 × 0,7 см (*рис. 108. 4*).

Бусина бочонковидная со сложным полихромным рисунком: глазки (желтый, красный), разделительные черные полосы, отделяющие желтые и зеленые сектора. Размеры 1 × 1,4 см (*рис. 108. 17*).

Бусина сферическая с зеленым, желтым, оранжевым глазками. Диаметр 1 см (*рис. 108. 16*).

Описание керамического комплекса

Сосуд 1. Обнаружен во фрагментах на границе ритуальной площадки (участок Н/24). Горшечно-баночной формы, круглодонный. Имеет слегка раздутое тулово, прямую вертикальную шейку, высотой 14,8 см, диаметр устья 16,6 см. Орнаментирован четырьмя рядами двойного прочерченного зигзага и одним рядом одинарного, между которыми расположены двойные горизонтальные линии (*рис. 109. 16*).

Сосуд 2. Фрагменты его обнаружены в погребении 4 кургана 10. Реконструируется как круглодонный горшок с округлым туловом и прямой вертикальной шейкой. Высота 13 см, диаметр устья 8 см. Орнаментирован по плечу, верхней половине шейки и по венчику тонкой резной линией в виде косой решетки, двойного зигзага, ограниченных горизонтальными линиями. На шейке наблюдаются четыре крепежных отверстия (*рис 109, 19*).

Сосуд 3. Фрагменты обнаружены на подкурганной площадке кургана 10. Плавнопрофилированная банка. Ширина устья 13,3 см. Сосуд орнаментирован вдавлениями крупногребенчатого штампа в виде вертикальной елочки и парным вертикальным двухрядным зигзагом (*рис. 109. 7*).

Сосуд 4. Найден во фрагментах (участки Н–О/23–25). Банка полусферической формы, орнаментирована по условному плечу, шейке и венчику плоским прямоугольным штампом и двойным зигзагом гребенчатого штампа. Высота 8 см, диаметр устья 10 см (*рис. 109. 1*).

Сосуд 5. Фрагменты найдены на большой площади в погребении 4 и у его края. Реконструируется как круглодонная полусферическая банка со слегка отогнутым венчиком, высотой 12,7 см, диаметр устья 14,2 см. Орнаментирован по условной шейке семирядным зигзагом гребенчатого штампа (*рис. 109. 6*).

Сосуд 6. Обнаружен в развале в северной части ритуальной площадки (участок О/24). Круглодонный, горшечно-баночной формы, с небольшой шейкой, вогнутой внутрь, и прямо срезанным венчиком. Орнаментирован по плечу, шейке и венчику рядами разно наклоненных (елочка) вдавлений гребенчатого штампа (*рис. 109. 10*).

Сосуд 7. Фрагмент его найден в западной части ритуальной площадки (участок Н/24–25). Реконструируется как круглодонная полусферическая банка. Орнаментирован по условной шейке прорезной елочкой и по венчику вдавлением гребенчатого штампа (*рис. 109. 2*).

Сосуд 8. Фрагменты этого сосуда были обнаружены в заполнении погребения 4 кургана 10. Он реконструируется как большой круглодонный горшок с раздутым туловом и отогнутой прямой шейкой. Высота 16–16,5 см. Диаметр устья 15,8 см. Орнаментирован по плечу, шейке, венчику и внутренней части верха шейки. Композиция орнаментации имеет пять горизонтов, отделенных парными, тонко прочерченными границами, заполненных чередующимися рядами двойного зигзага мелкогребенчатого штампа и прочерченной косой решетки. По венчику нанесены наклонные вдавления мелкогребенчатого штампа (*рис. 109. 18*).

Сосуд 9. Фрагменты обнаружены в северной части подкурганной площадки кургана 10. Реконструируется как сферическая круглодонная банка, орнаментированная горизонтальной елочкой крупногребенчатого штампа по верхней части горловины (*рис. 109. 13*).

Сосуд 10. Развал его обнаружен в погребении 3 кургана 10А. Круглодонный горшок с прямой вогнутой внутрь шейкой. Высота 16,7 см, диаметр устья 12 см. Орнаментирован по верхней части плеча, шейке и венчику гребенчатым штампом в виде двух елочек, разделенных дву-

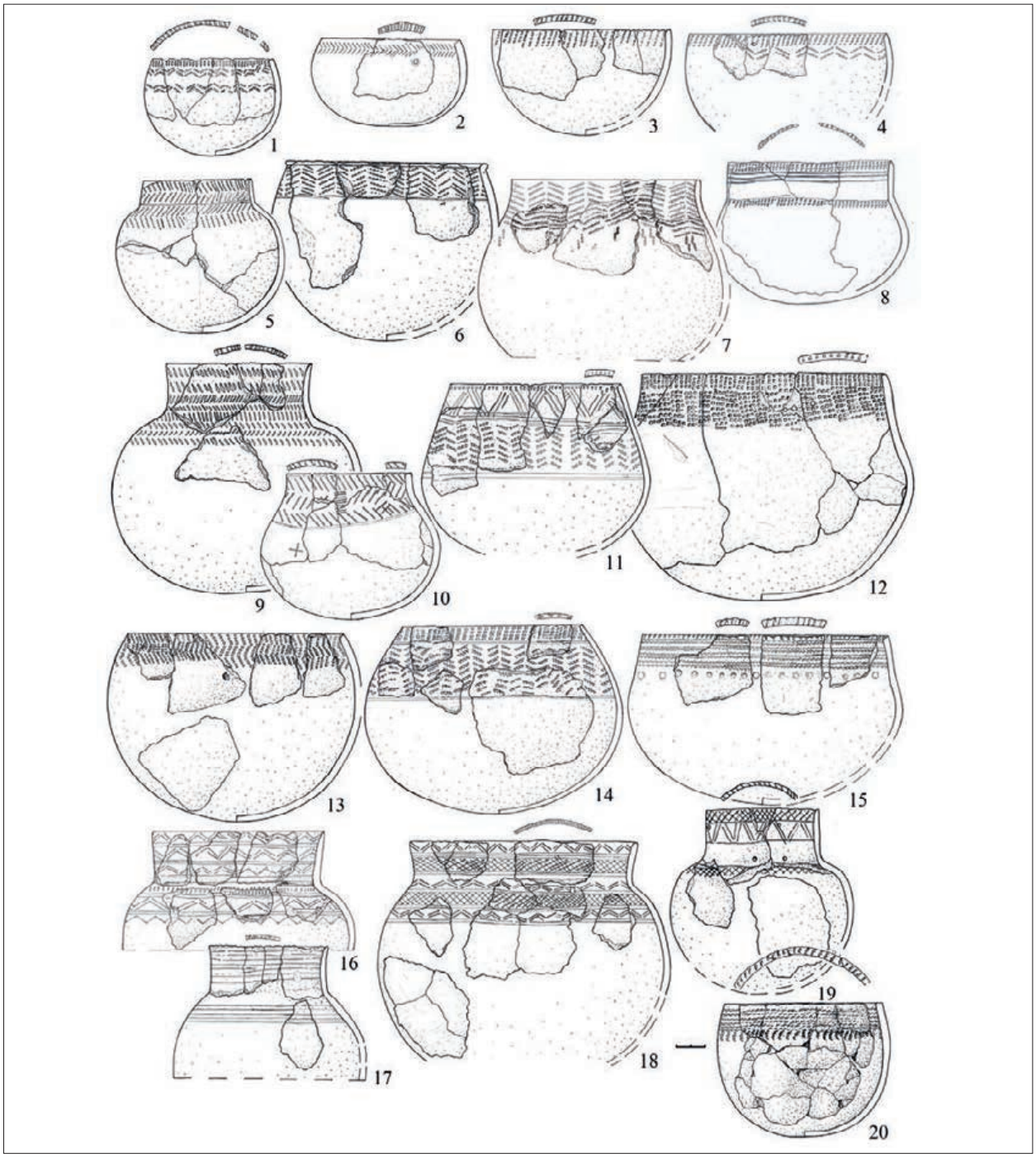

Рис. 109. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 10, 10А. Керамика. 1: сосуд 4; 2: сосуд 7; 3: сосуд 17; 4: сосуд 13; 5: сосуд 10; 6: сосуд 5; 7: сосуд 3; 8: сосуд 19; 9: сосуд 16; 10: сосуд 6; 11: сосуд 15; 12: сосуд 11; 13: сосуд 9; 14: сосуд 18; 15: сосуд 14; 16: сосуд 1; 17: сосуд 12; 18: сосуд 8; 19: сосуд 2; 20: сосуд 20. 1, 2, 4, 6–10, 13, 14, 16, 17, 19: курганы 10, 10А, подкурганная площадка, насыпь; 3: курган 10А; 5: курган 10А, погребение 3; 11, 15: курган 10А, погребение 7; 12: курган 10, погребение 4; 18: курган 10, погребение 4; 20: курган 10А, погребение 5

109. kép. Az ujelgi temető. 10, 10A kurgán. Kerámia. 1: edény 4; 2: edény 7; 3: edény 17; 4: edény 13; 5: edény 10; 6: edény 5; 7: edény 3; 8: edény 19; 9: edény 16; 10: edény 6; 11: edény 15; 12: edény 11; 13: edény 9; 14: edény 18; 15: edény 14; 16: edény 1; 17: edény 12; 18: edény 8; 19: edény 2; 20: edény 20. 1, 2, 4, 6–10, 13, 14, 16, 17, 19: 10–10A kurgán, a kurgán alatti tér, feltöltés; 3: 10A kurgán; 5: 10A kurgán, 3. sír; 11, 15: 10A kurgán, 7. sír; 12: 10. kurgán, 4. sír; 18: 10. kurgán, 4. sír; 20: 10A kurgán, 5. sír

мя горизонтальными линиями. Высота 16,8 см, диаметр устья 12 см (*рис. 109. 5*).

Сосуд 11. Фрагменты крупного сосуда обнаружены в погребении 1 кургана 10. Представляет собой круглодонный горшок с выраженным плечом и плавной вогнутой внутрь шейкой. Высота 15,9 см, диаметр устья 17 см, ширина плечевого уровня 21 см. Орнаментирован вертикальными рядами (по три) крупного гребенчатого штампа (*рис. 109. 12*).

Сосуд 12. Фрагменты его обнаружены в заполнении насыпи (участок Н–О/26). Представляет собой верхнюю часть горшка с округлым туловом, относительно узкой горловиной и прямой шейкой. Диаметр устья 8,1 см. Орнаментирован горизонтальными линиями, расположенными по плечу и верхней части шейки. По венчику – подтреугольные насечки (*рис. 109. 17*).

Сосуд 13. Фрагменты обнаружены на площадке кургана 10А. Реконструкция сосуда предполагает небольшую сферическую круглодонную банку, орнаментированную по верху наклонным или двойным зигзагом мелкозубчатого штампа (*рис. 109. 4*).

Сосуд 14. Фрагменты сосуда обнаружены в погребении 7 кургана 10А. Реконструкция сосуда определяет его как закрытую круглодонную банку с вогнутой шейкой и косо срезанным внутрь венчиком. Ориентировочные размеры: высота 11,3 см, диаметр устья 17,3 см. Орнаментирован по шейке и венчику. В нижней части шейки идет поясок вдавлений, выше восемь горизонтальных поясков шнурового орнамента, по венчику – поперечные нарезки (*рис. 109. 15*).

Сосуд 15. Фрагменты сосуда обнаружены в погребении 7 кургана 10А. Реконструкция позволяет говорить, что это крупная закрытая банка с вогнутой внутрь шейкой и хорошо выделенным плечом. Высота до 17 см, диаметр устья 17 см. Орнаментирован по условному плечу двумя прочерченными горизонталями, выше – семиярусная елочка из крупногребенчатого штампа, над которой трех- и четырехгоризонтальные прерывистые длинные линии, ограниченные трехрядным прочерченным зигзагом. Венчик орнаментирован крупными вдавлениями гребенчатого штампа (*рис. 109. 11*).

Сосуд 16. Фрагменты его обнаружены на участке О/26. Реконструкция позволяет восстановить узкогорлый горшок с раздутым туловом и плавно расширяющейся шейкой. Ориентировочная высота 16 см, диаметр устья 10,2 см. Орнаментирован по плечу, шейке и венчику сегментовидными наклонными нарезками, идущими в виде восьми поясков резной горизонтальной елочки (*рис. 109. 9*).

Сосуд 17. Фрагменты его обнаружены на южной окраине насыпи кургана 10А на участках Н–О/26–27. Реконструкция позволяет говорить о крупной полусферической круглодонной плошке. Высота 7,7 см, диаметр устья 12 см (*рис. 109. 3*).

Сосуд 18. Обнаружен на краю юго-восточной насыпи кургана 10. Представляет собой закрытый сферический круглодонный горшок, орнаментированный по верхней части (условное плечо, шейка и венчик) вдавлениями треугольного гребенчатого штампа в виде вертикальной елочки, выше идут наклонные вдавления крупногребенчатого штампа с насечками по венчику (*рис. 109. 14*).

Сосуд 19. Фрагменты его обнаружены на восточной границе насыпи кургана 10. Реконструируется как круглодонный горшок со слегка раздутым туловом и прямой шейкой. Орнаментирован по плечу вдавлениями наклонного гребенчатого штампа, тремя горизонтальными линиями по верхней части шейки и наклонными вдавлениями штампа по венчику (*рис. 109. 8*).

Сосуд 20. Развал сосуда обнаружен в северо-западном углу погребения 5 кургана 10А. Реконструкция позволяет говорить о круглодонной банке, орнаментированной по венчику рядами шнурового штампа. Ориентировочная высота 9 см, диаметр устья 11 см. Орнаментирован по плечу рядом сегментовидного вертикального одинарного узора (*рис. 109. 20*).

Курган 11

Курган 11 (*рис. 110*) расположен в центральной части погребального комплекса Уелги, в седловине между двумя сопками. Представляет собой невысокую (до 0,4 м) овальную насыпь (8,3 × 12,5 м), ориентированную по линии ССВ–ЮЮЗ. В западном секторе насыпи на глубине 0,12–0,18 м от поверхности обнаружен небольшой жертвенник (0,9 × 1,1 м) в виде костей черепов (или черепа?) лошади и зубов. В трех метрах к югу и северо-востоку от жертвенника (на глубине 0,2 м от поверхности) наблюдались линзы прокаленного слоя размерами 1,5 × 0,5 м и 0,5 × 0,8 м. При снятии насыпи в различных частях кургана и на подкурганной площадке были обнаружены ременная гарнитура от конской узды, пояса, нашивные бляшки, перстень и многочисленные фрагменты керамики. Особая группа артефактов относится к венгерской (карпатской) стилистической группе – полиметаллические круглые четырехлепестковые накладки с оформленным бордюром в виде овалов и кружков (4 экз.), трапециевидные накладки с растительным цветковым узором (12 экз.), одна накладка с подвесным колечком и орнаментом в виде парных птиц, накладка с крестообразным орнаментом и окончанием в виде лотоса, накладка-бляха с имитацией ушка в верхней части и сложным растительным декором, серебряные накладки-нашивки, тройник, накладка-подвеска с петелькой и тремя выступами, обломок перстня со вставкой из халцедона (*рис. 124–126*). Под насыпью было расчищено четыре погребения, расположенных в восточном и северо-восточном секторах кургана, три (1, 5, 6) оказались непотревоженными, в погребении 10 сохранилась восточная часть захоронения.

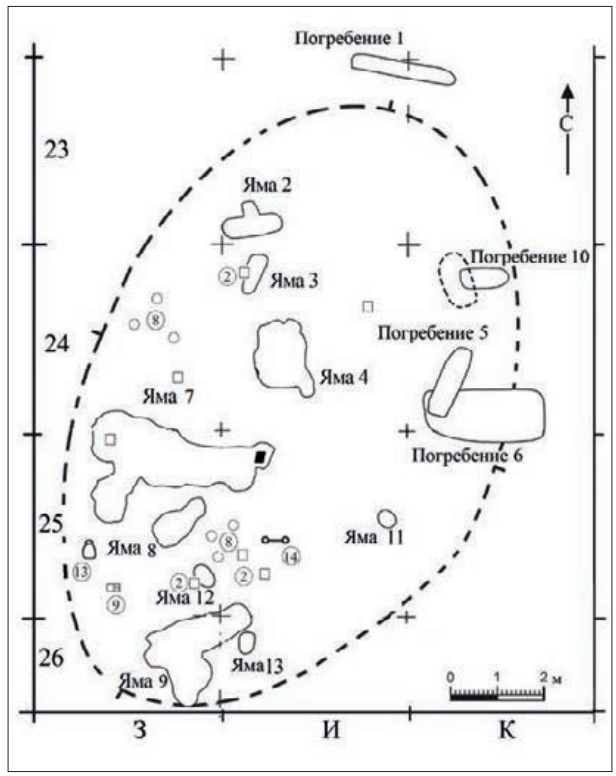

Рис. 110. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Общий план
110. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán. Általános felszínrajz

Ямы (*2–4, 7–9, 11–13*) имеют различные размеры: наиболее крупные 4, 7, 9 (2–4 × 1–1,5 м), средние 2, 8 (1 × 0,7 м) и мелкие 3, 11–13 (0,5–0,9 × 0,3–0,4 м). В связи с разграблением кургана сложно выделить погребения. С некоторым допуском историко-культурный облик погребений определяется локализацией находок в насыпи и на подкурганной площадке.

Находки обнаружены в основном на участке З–И/24–25 вокруг крупных ям (4, 7, 9). Наибольшее количество металлической гарнитуры в венгерском стиле найдено на участке И/25 и в бровке линии 24–25. Это позволяет утверждать, что они были выброшены из ям 7 и 9.

Особую картину дает картография керамики из насыпи кургана. Так, семь фрагментов караякуповского сосуда и пять со шнуровой орнаментацией от сосуда петрогромско-юдинского облика обнаружены в северной половине насыпи (И/24). Вероятнее всего, они происходят из ямы 4. Три разрозненных фрагмента керамики бакальского и петрогромско-юдинского облика найдены на участке И/25, ближе к яме 9 (*рис. 127*).

Погребение 1 (*рис. 111. I, II*) расположено на северной периферии кургана, совершено в неглубокой (15–17 см) яме, размерами 7,7 × 1,6 м, ориентировано по линии ЗСЗ–ВЮВ. Погребенный (взрослый мужчина) был уложен

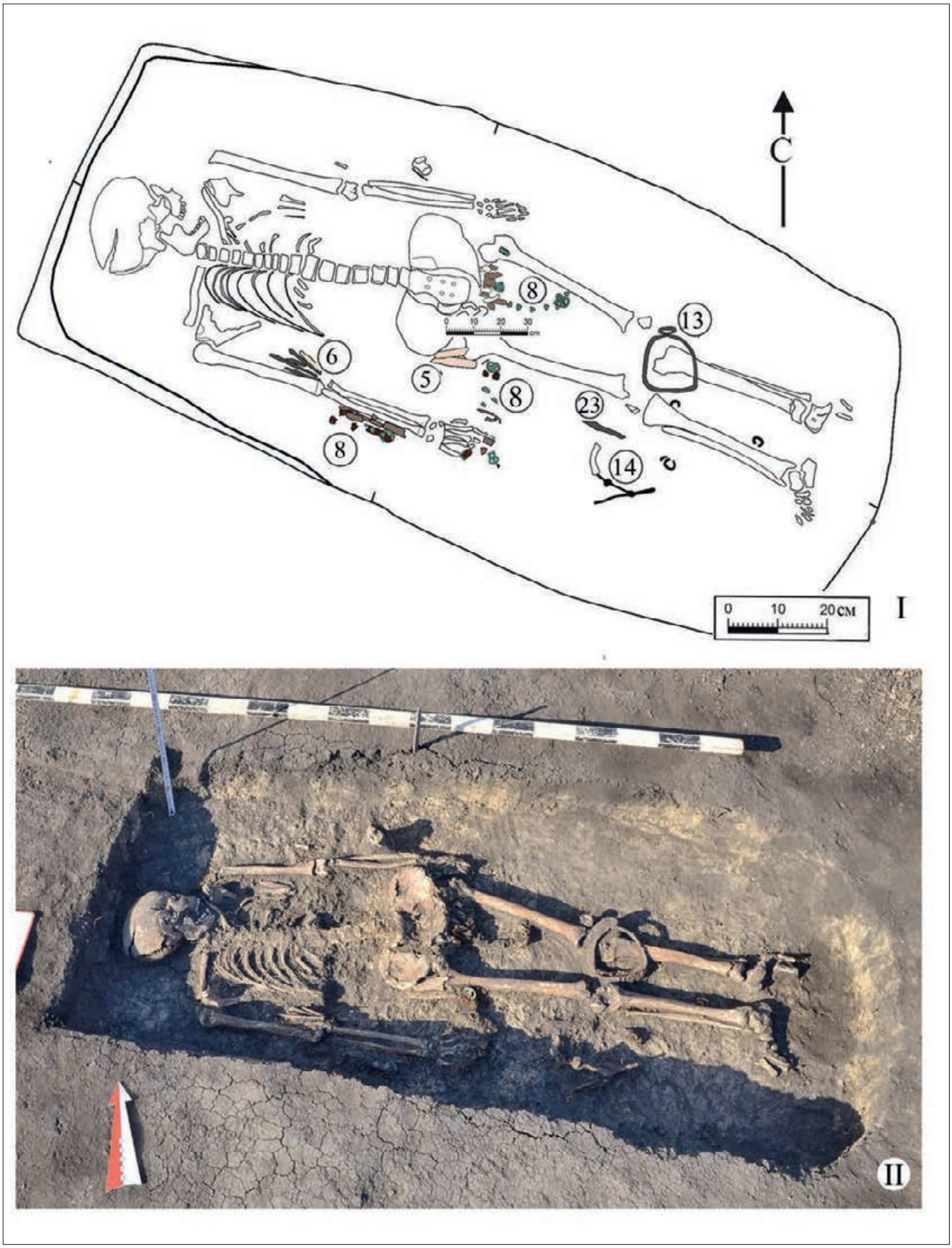

Рис. 111. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Погребение 1. I: общий план; II: зачистка на уровне дна ямы, вид с юга

111. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán, 1. sír. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet déli irányból

в вытянутом положении на спине, головой на ЗСЗ. Голова была повернута лицом на север. Возле костей правой руки обнаружены пять железных наконечников стрел, ниже – наконечник ремня, сердцевидные накладки с остатками кожи и ременной распределитель. В этом скоплении также присутствуют остатки дерева. Данные находки свидетельствуют о наличии в сопроводительном инвентаре колчана. В области бедер погребенного по горизонтали располагались наконечник ремня, ряд сердцевидных накладок с остатками кожи и фрагментами дерева, ременной распределитель и пряжка. Между бедренными костями находились распределитель ремня, от которого отходил ряд мелких сердцевидных бляшек, и массивная пряжка. Эти находки, вероятно, остатки стрелкового пояса. Возле правого тазобедренного сустава найдены костяные накладки на лук – две фронтальные плоские и одна торцовая. На левой большеберцовой кости лежало стремя. Около правой бедренной кости располагался нож, а чуть поодаль от него – стремя и удила с прямым железным и сломанным слабоизогнутым костяным псалием.

Наконечники стрел железные (5 экз.), черешковые, четырехгранные. Размеры 0,5 × 8,2–5,3 см (*рис. 112. 1–5*).

Наконечник стрелы костяной, асимметрично-ромбический, двухлопастной. Размеры 0,7 × 4,5 см (*рис. 112. 6*).

Нож железный с изогнутой спинкой и коротким черенком. Размеры 1,2 × 9,6 см (*рис. 112. 7*).

Накладки боковые костяные (2 экз.). Размеры 2,2 × 8–10,2 см (*рис. 112. 8, 9*).

Накладка фронтальная костяная. Размеры 1 × 7,5 см (*рис. 112. 10*).

Удила железные (2 экз.): одно с прямым железным псалием, длиной 14 см, другое с костяным псалием в виде сапожка, овальным профилем, размеры 1,2 × 9 см (*рис. 112. 11, 12*).

Стремя железное арочной формы с петлевидным ушком-путлищем. Размеры 12 × 13,4 см, подножка шириной 3 см (*рис. 112. 13*).

Ременной набор 1. Пряжка цельнолитая серебяная с овальной рамкой и полуовальным щитком, язычок железный, размеры 2,3 × 3,3 см (*рис. 113. 12*). *Тренчик*, размеры 1,3 × 2 см (*рис. 113. 13*). *Серебряные с позолотой накладки* с орнаментом в виде грозди смоквы (9 экз.), размеры 9 × 1,2 см, с двумя шпеньками на обратной стороне (*рис. 113. 14–22*). *Серебряная с позолотой сердцевидная накладка* с отверстием по центру и четырьмя соцветиями смоквы в орнаментации, размеры 2,2 × 2,3 см (*рис. 113. 23*).

Ременной набор 2. Пряжка цельнолитая с полуовальной рамкой и трапециевидным щитком, имеющая сплошной вырез в центре, поэтому щиток является рамочной конструкций, размеры 2,5 × 2,5 см (*рис. 113. 1*). *Тренчик*, размеры 1,2 × 2,2 см (*рис. 113. 2*). *Серебряный с позолотой тройник* круглой формы с тремя перехватами, позолота присутствует на перехватах, оформленных в виде сердечек, диаметр 3 см (*рис. 113. 3*). *Накладки сердцевидные серебряные с позолотой* (7 экз.) с соцветием смоквы в центре, размеры 1,4 × 1,5 см (*рис. 113. 4–10*). *Концевая серебряная с позолотой накладка* с узором смоквы, имеющим четыре соцветия, обращенных в разные стороны и три крепежных шпенька, размеры 1,5 × 3 см (*рис. 113. 11*).

Ременной набор 3. Тройник серебряный с позолоченными бутонообразными перехватами, диаметр 3,2 см (*рис. 114. 1*). Фрагменты ремешка с *серебряными плоскими сердцевидными накладками* (3 экз.), размеры 1,1 × 1,4 см (*рис. 114. 2, 3*). *Накладка концевая прямоугольная серебряная* со скругленным нижним краем, размеры 1,2 × 3 см (*рис. 114. 4*).

Погребение 5 (*рис. 115. I, II*) совершено в неглубокой (12–15 см в северной и центральной частях и до 20 см – в южной) яме размерами 7,2 × 1,7 м, ориентированной по линии ССВ–ЮЮЗ. Погребенный был уложен головой на ЮЮЗ. Череп раздавлен. На ребрах справа и костях правой ноги зафиксированы остатки древесного тлена, по-видимому, от гроба. Под нижней челюстью размещалась костяная ложка. Возле правой плечевой кости с внутренней стороны находились наконечники стрел. С левой стороны у тазобедренного сустава лежали две плоские срединные костяные накладки на лук, а у лучевой кости – коррозированное железное изделие, вероятно, нож. Между бедренными костями найдена концевая накладка, очевидно, украшавшая поясной ремень. Между

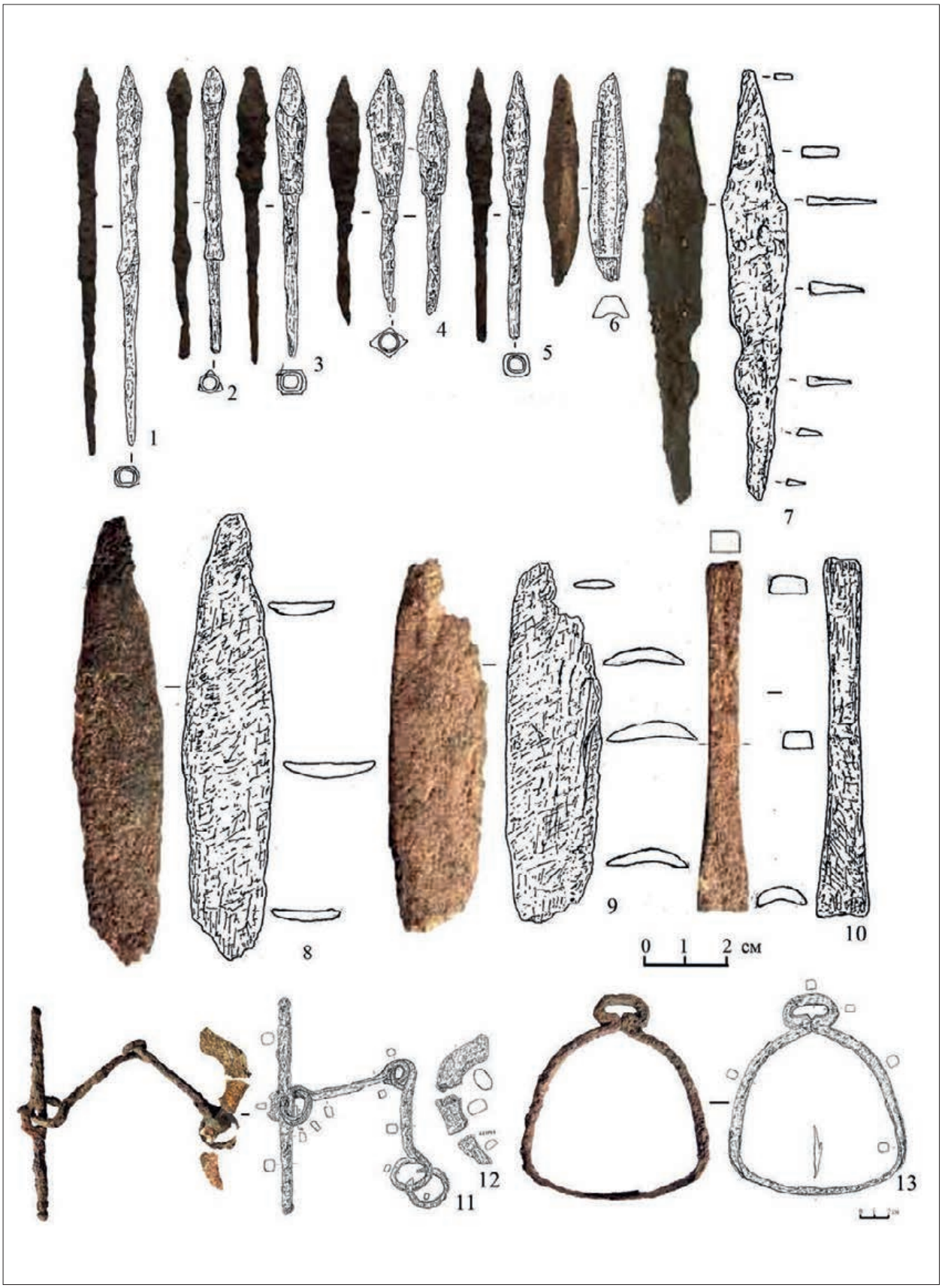

Рис. 112. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Погребение 1. 1–5, 7, 11, 13: железо; 6, 8–10, 12: кость
112. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán, 1. sír. 1–5, 7, 11, 13: vas; 6, 8–10, 12: csont

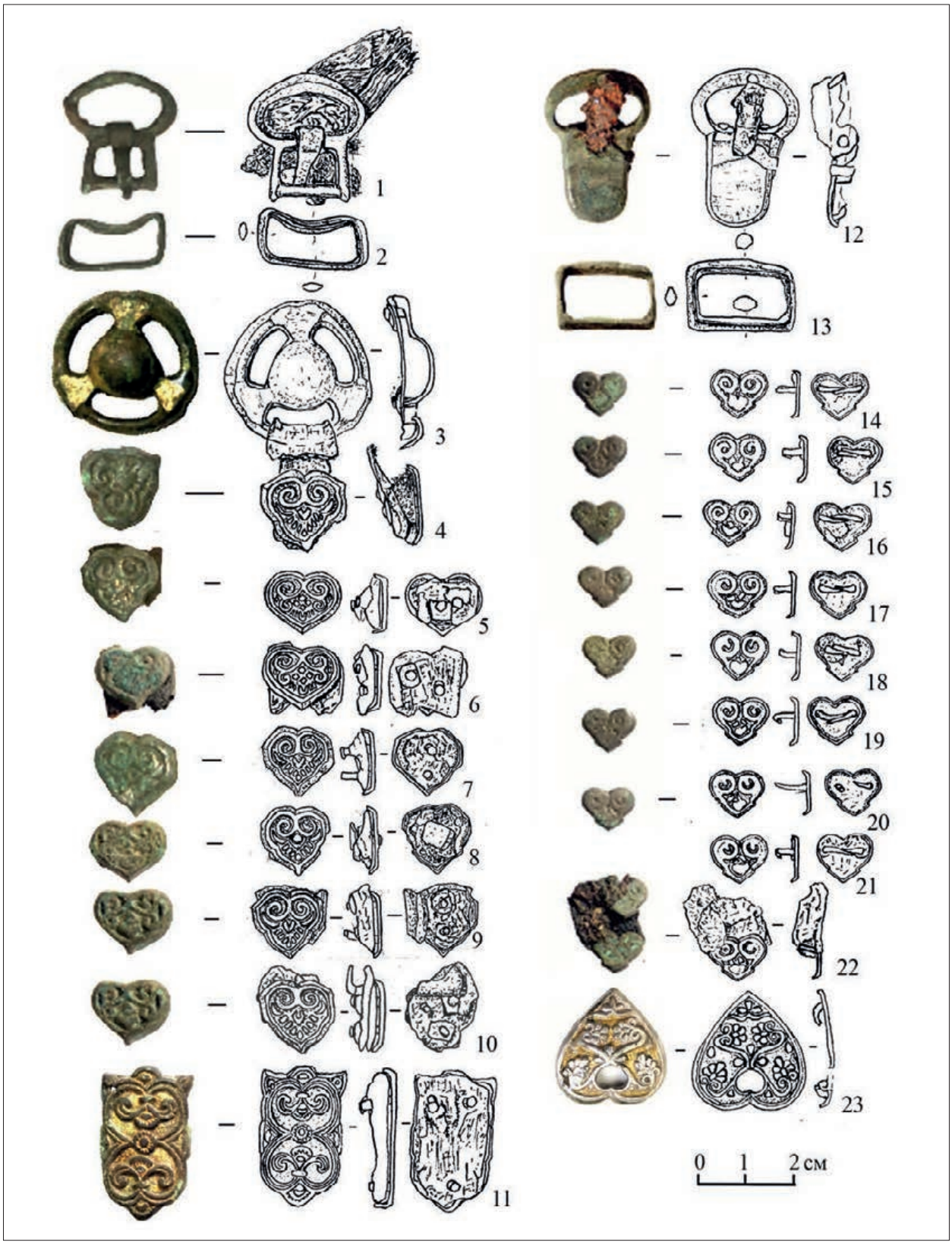

Рис. 113. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Погребение 1. Вещевой инвентарь. 1–11: ременной набор 2; 12–23: ременной набор 1. 1–23: серебро, позолота, остатки кожи

113. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán, 1. sír. Mellékletek. 1–11: övkészlet 2; 12–23: övkészlet 1. 1–23: ezüst, aranyozás, bőr maradványai

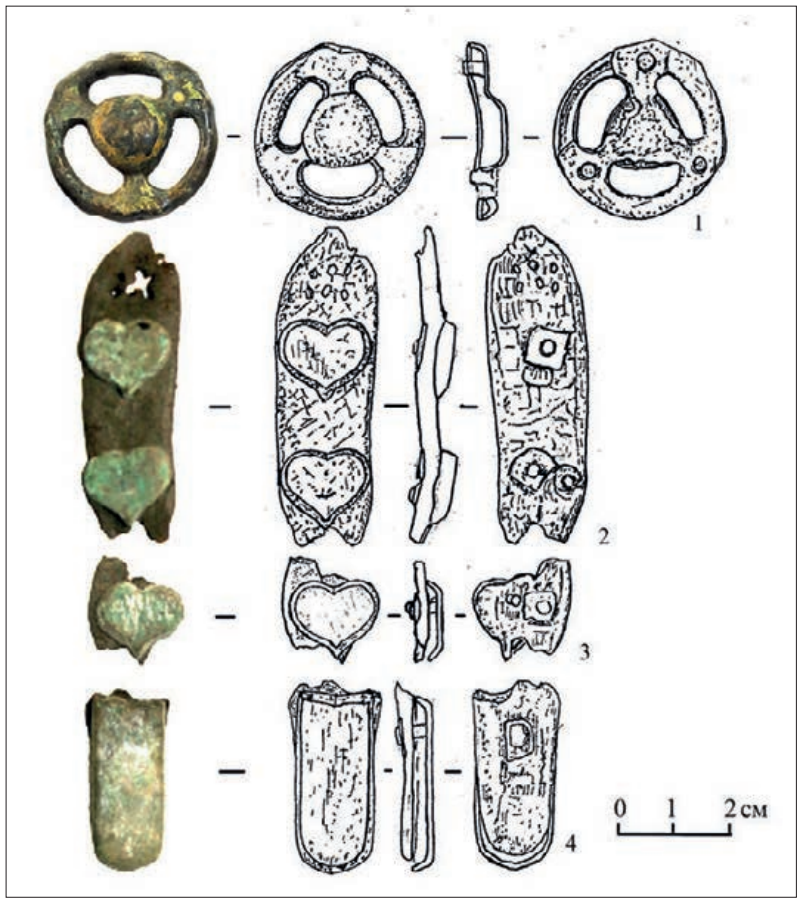

Рис. 114. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Погребение 1. Вещевой инвентарь. Ременной набор 3. 1–4: серебро, остатки кожи
114. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán, 1. sír. Mellékletek. Övkészlet 3. 1–4: ezüst, bőr maradványai

большеберцовыми костями – костяная пряжка подпружного ремня. На тазовой кости с левой стороны лежала костяная накладка. Справа от погребенного, в районе правой большеберцовой кости, обнаружены железное стремя с плоской подножкой и кольчатые удила.

Стремя железное арочной формы с петлеобразным путлищем. Размеры 9,8 × 11 см, размеры отверстия для подвязывания 1,3 × 2,5 см, ширина подножки 3,5 см (*рис. 117. 4*).

Удила железные. Одна дужка заканчивается восьмерковидными отверстиями, размеры 2,1–2,8 × 9,1 см. Вторая имеет кольчатое окончание, размеры 2–2,6 × 9,1 см (*рис. 117. 5*).

Пряжка подпружная костяная с Т-образным отверстием в срединной концевой части и овальным отверстием в щитковой части. Размеры 3,2 × 6,4 × 1 см (*рис. 116. 8*).

Наконечники железные трехлопастные и трехгранные (3 экз.). Размеры 0,5–1,3 × 4,3–8,5 см (*рис. 116. 5–7*).

Наконечник железный четырехгранный. Размеры 1 × 6,5 см (*рис. 116. 4*).

Наконечники костяные асимметрично-ромбические двухлопастные (2 экз.). Размеры 1,5–2 × 7,6–9,1 см (*рис. 116. 1, 2*).

Накладки на лук боковые костяные (2 экз.). Размеры 1,5–1,7 × 10,9–11,2 см (*рис. 116. 9, 10*).

Накладка концевая серебряная с позолотой с изображением *собаки шицзы*, прямоугольной формы с округлым окончанием. Размеры 1,5 × 3,3 см. Изображение собаки заключено в бордюрную рамку шириной 0,1 см (*рис. 117. 2*).

Ложка костяная. Размеры 5,5 × 15,7 см. Тонкая рукоять длиной 5,5 см имеет окончание в виде головы (змеи?) (*рис. 117. 3*).

Погребение 6 (*рис. 118. I, II*) было совершено на уровне (–75 см), ориентировано З–В, размерами 1,1 × 2,8 м. В заполнении ямы были зафиксированы плотная глина и мелкий скальник, что наводит на мысль о намеренном уплотнении заполнения, чтобы избежать разграбления. Это подтверждается наличием древней грабительской ямы (по всему контуру ямы), которая так и не достигла дна погребения. Взрослый мужчина был захоронен на спине, головой на ЗСЗ, лицом

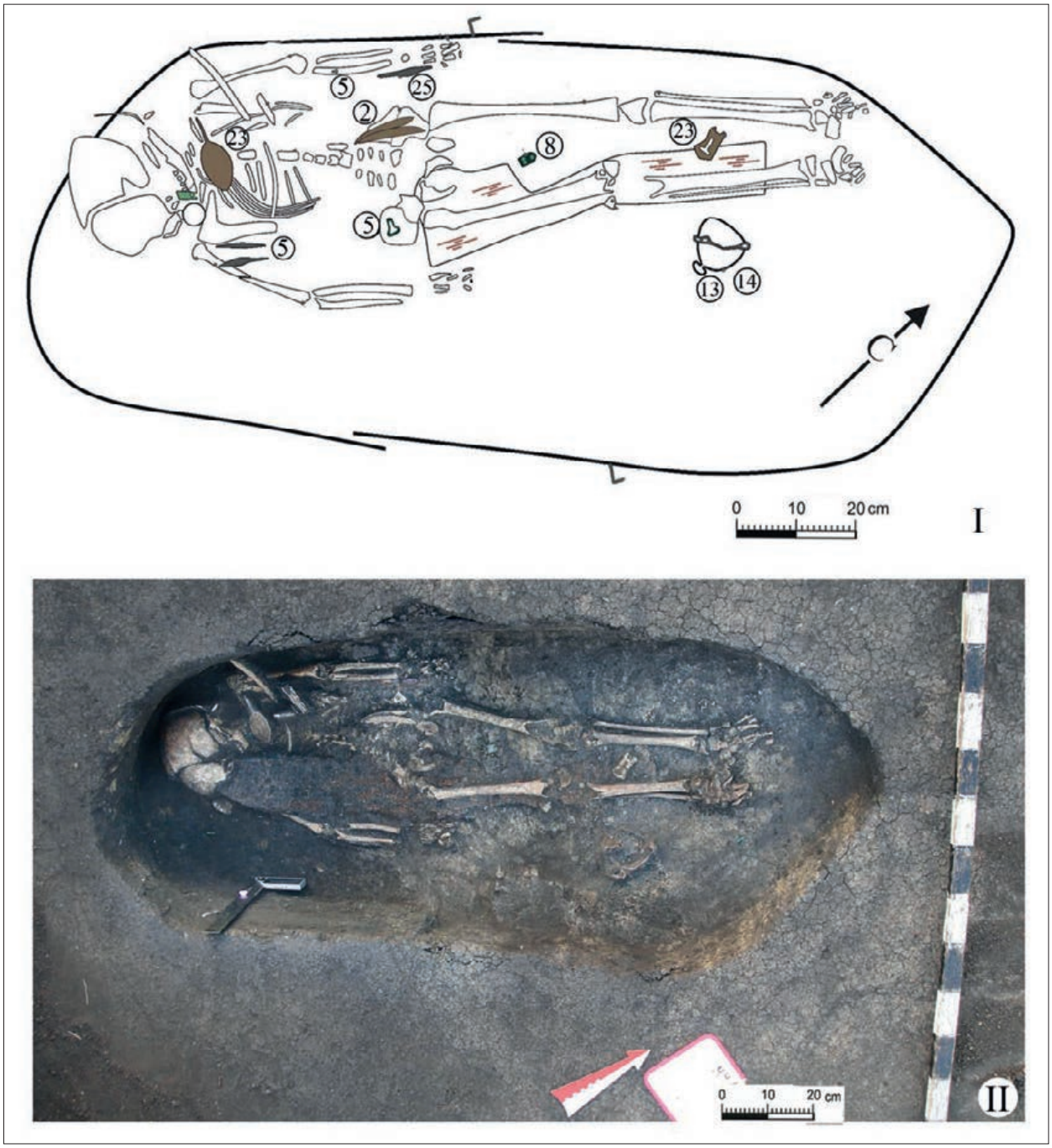

Рис. 115. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Погребение 5. I: общий план; II: зачистка на уровне дна ямы, вид с юго-востока

115. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán, 5. sír. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet délkeleti irányból

на север. Погребенный был размещен в подпрямоугольной деревянной гробовине, остатки которой сохранили контур и фрагменты перекрытия. С правой стороны вдоль плечевой, лучевой и бедренной костей лежал палаш с прямым перекрестьем, навершием и скобой от ножен, а с левой стороны, вдоль костей руки – железный кинжал в серебряных ножнах. В районе правой руки найдены 12 железных двухлопастных и четырехгранных наконечников стрел, колчанный крюк, ременная пряжка, шестилепестковые бляшки и бронзовые тройники с остатками ремешков, украшенных обоймами и фигурными накладками, что указывает на наличие колчана.

Рис. 116. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Погребение 5. Вещевой инвентарь. 1, 2, 8–10: кость; 3–7: железо

116. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán, 5. sír. Mellékletek. 1, 2, 8–10: csont; 3–7: vas

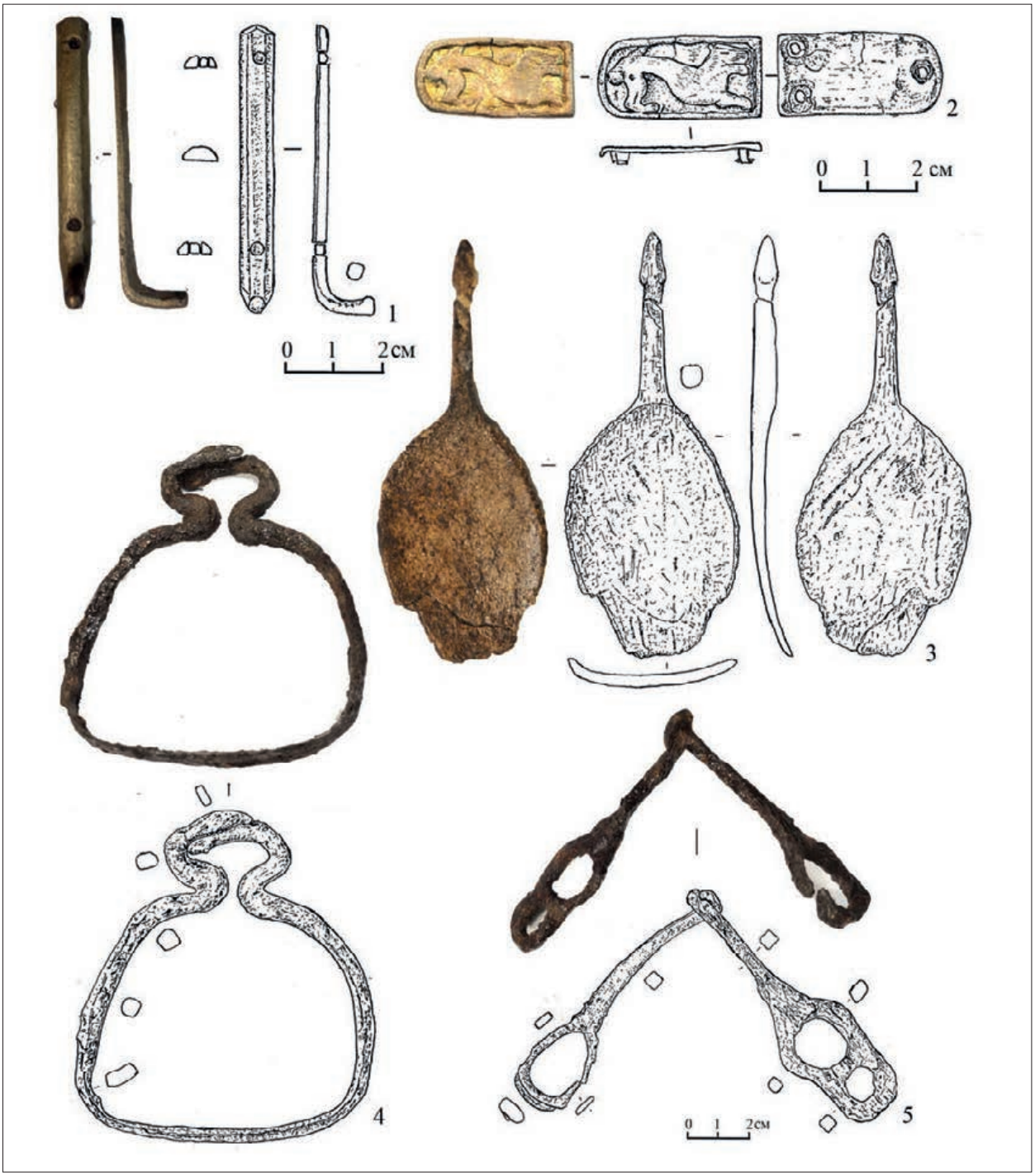

Рис. 117. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Вещевой инвентарь. 1: погребение 6; 2–5: погребение 5. 1: бронза; 2: серебро, позолота; 3: кость; 4, 5: железо

117. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán. Mellékletek. 1: 6. sír; 2–5: 5. sír. 1: bronz; 2: ezüst, aranyozás; 3: csont; 4–5: vas

Над тазовыми костями лежал пояс, состоящий из ряда прямоугольных накладок с вырезом внизу. Часть пояса, состоящая из сердцевидных накладок, располагалась вдоль левой лучевой кости, детали пояса из мелких таких же накладок находились справа и слева от таза. Концевая накладка пояса лежала между бедренными костями. Отдельные фрагменты ремешков с накладками обнаружены между коленными суставами и с наружной стороны левой большеберцовой кости.

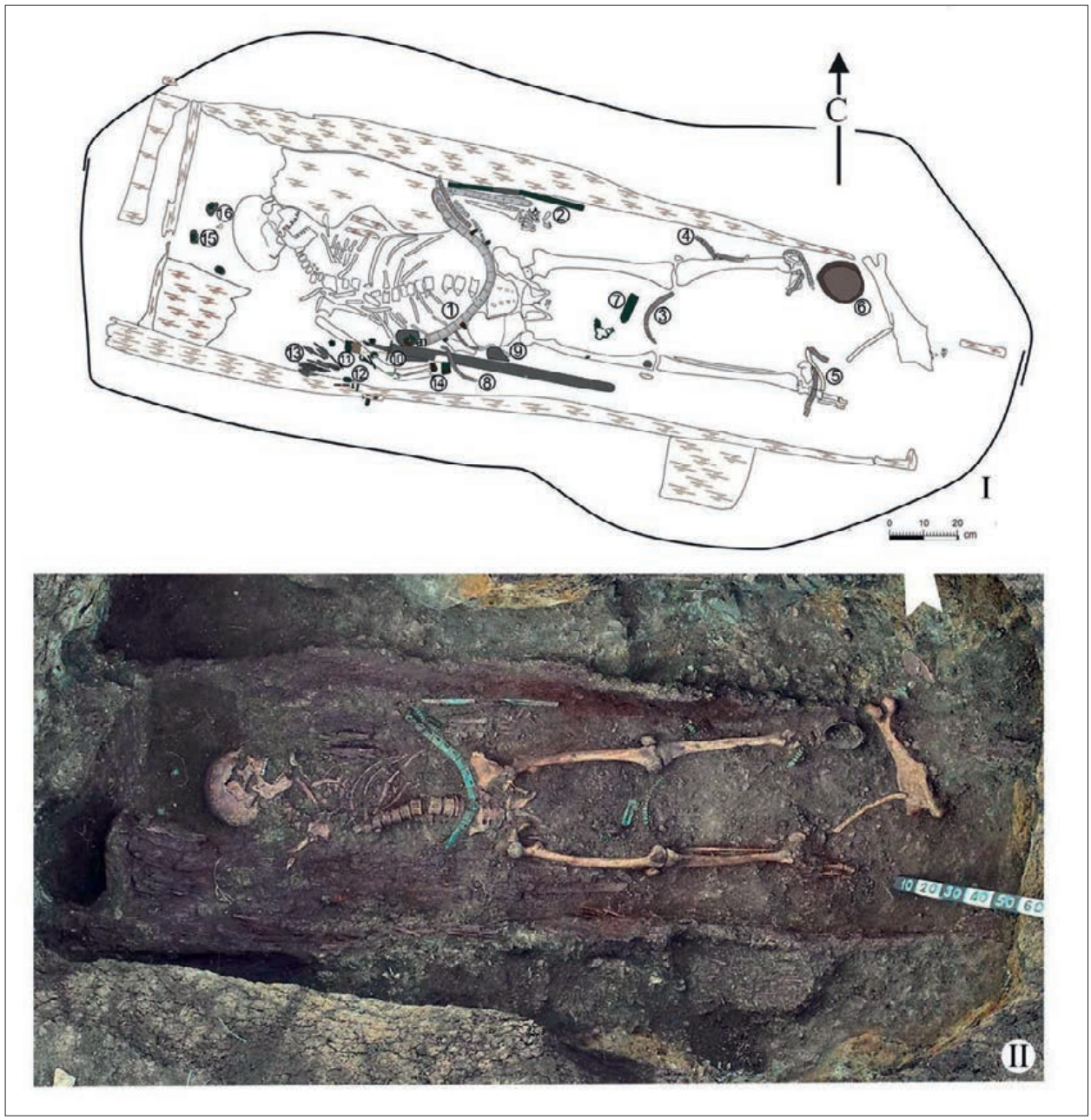

Рис. 118. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Погребение 6. I: общий план; II: зачистка на уровне дна ямы, вид с юга
118. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán, 6. sír. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet déli irányból

Чуть выше черепа найдены тонкие пластины с фрагментами дерева, бубенчик и серебряная серьга. На фаланге мизинца левой руки был перстень с янтарной вставкой. В нижней части, у костей левой ноги располагался керамический круглодонный сосуд кушнаренковского облика, а также кость жертвенного животного (лошади).

Сабля-палаш, длиной 80 см. Длина рукояти 10 см, длина перекрестья 9,6 см. Ширина клинка у перехвата 3,2 см, ширина у конца 2,8 см (*рис. 119. 12*).

Скоба для подвешивания сабли, три ребра жесткости на верхнем и нижнем концах. Размеры 1,7 × 10,4 см (*рис. 119. 8*).

Рис. 119. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Погребение 6. Вещевой инвентарь. 1: керамика; 2, 3, 4, 6: серебро–кожа; 5: серебро, камень; 7, 9: серебро; 8, 12: железо, серебро; 10: железо, серебро; 11: реконструкция

119. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán, 6. sír. Mellékletek. 1: kerámia; 2–4, 6: ezüst–bőr; 5: ezüst, kő; 7, 9: ezüst; 8, 12: vas, ezüst; 10: vas, ezüst; 11: rekonstrukció

Кинжал в серебряных ножнах. Длина 32,5 см, ширина 2,4–3 × 2,5 см. Ножны образуют три отрезка: 4, 10 и 15 см, украшены зернью на стыках. Ручка размерами 2,5 × 8,3 см, прямое перекрестье. Ширина лезвия 2 см (*рис. 119. 10*).

Пояс стрелковый (саадачный) (*рис. 121. 15*). *Тренчики* от стрелкового пояса (4 экз.): три с фигурным перехватом, размеры 1,2 × 1,8 см; один с прямыми гранями, размеры 1,2 × 1,4 см (*рис. 121. 6–9*). *Тройник* на стрелковый пояс (3 экз.), три

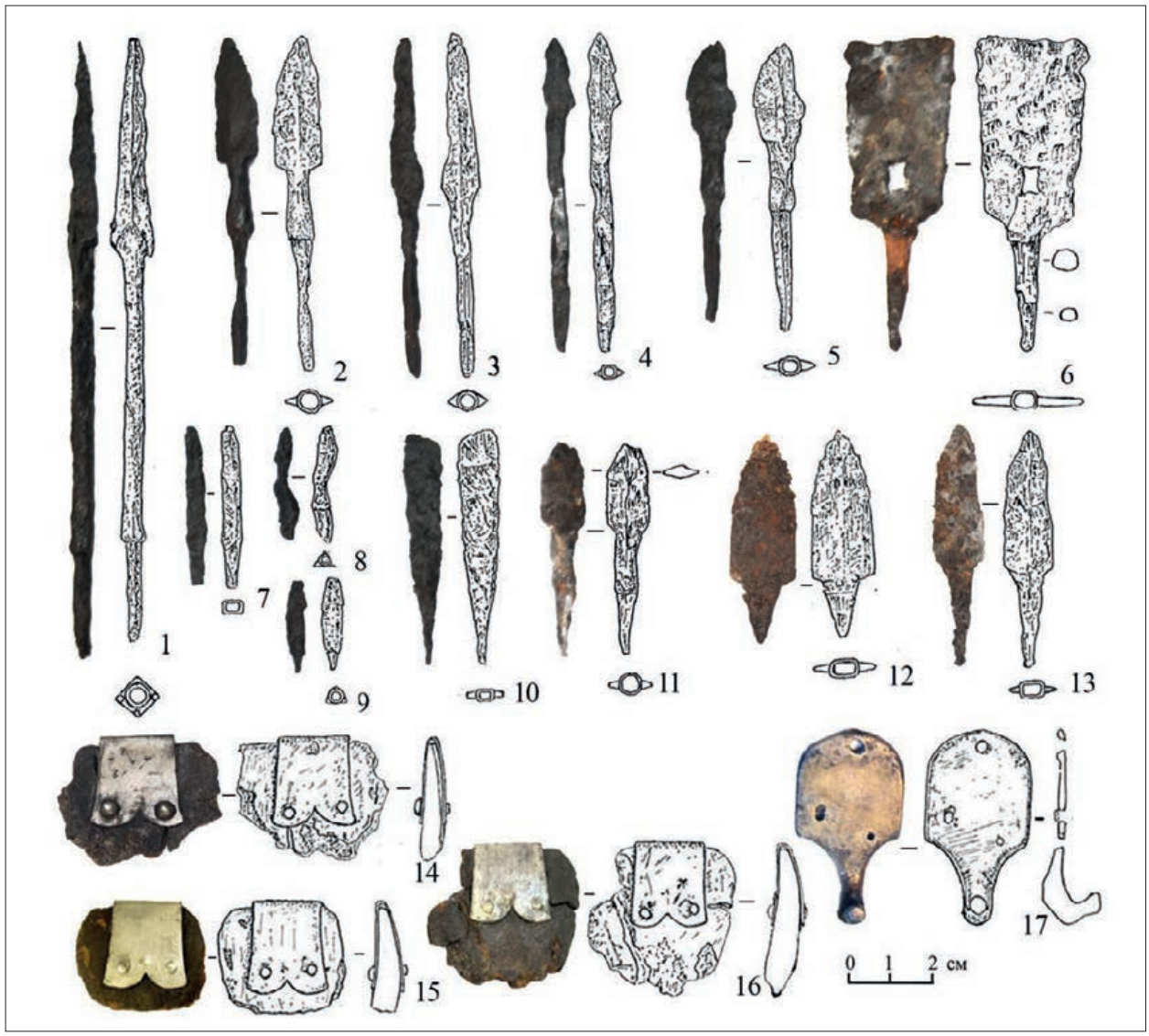

Рис. 120. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Погребение 6. Вещевой инвентарь. 1–13: железо; 14–16: серебро, дерево; 17: бронза

120. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán, 6. sír. Mellékletek. 1–13: vas; 14–16: ezüst, fa; 17: bronz

кольца, внешний диаметр 2,5 см, внутренний 1,5–1,8 см (*рис. 121. 1, 2, 14*). *Бронзовые накладки* на стрелковый пояс (4 экз.), размеры 2 × 3 см, имеют два шпенька (*рис. 121. 3–5, 13*).

Фрагменты дерева с зажимами-скобами (3 экз.), размеры 2–2,3 × 1,7–1,8 см, деревянный сосуд толщиной 0,4–0,6 см (*рис. 120. 14–16*).

Колчан. Двухлопастные наконечники стрел (7 экз.), размерами 0,8–1,6 × 5,5–9,6 см (*рис. 120. 2–5, 10–13*). *Трехгранные наконечники стрел* (2 экз.), размерами 0,5 × 3 см (*рис. 120. 8, 9*). *Четырехгранные наконечники стрел*, размерами 0,3–1,1 × 1,6–16,8 см (*рис. 120. 1, 7*). *Наконечник стрелы подпрямоугольной формы* с узким черешком и прямоугольной прорезью в основании, размерами 1,4–4,1 см (*рис. 120. 6*). *Колчанный крюк щитовидной формы*, размерами 2,4 × 4,6 см, длиной 1,8 см (*рис. 120. 17*).

Крюк колчанный (?) бронзовый. Размеры 1,0 × 9,2 см (*рис. 117. 1*).

Пояс наборный (*рис. 119. 11*). Состоит из серебряных плоских накладок различной формы (*рис. 119. 4*): *прямоугольные накладки с прорезью* (17 экз.), размерами 2,5 × 3 см, имеют четыре крепежных шпенька; *сегментовидные накладки* с прорезью в нижней части (3 экз.), размерами 2,1 × 2,8 см, имеют два крепежных шпенька; *сердцевидные накладки несомкнутые*

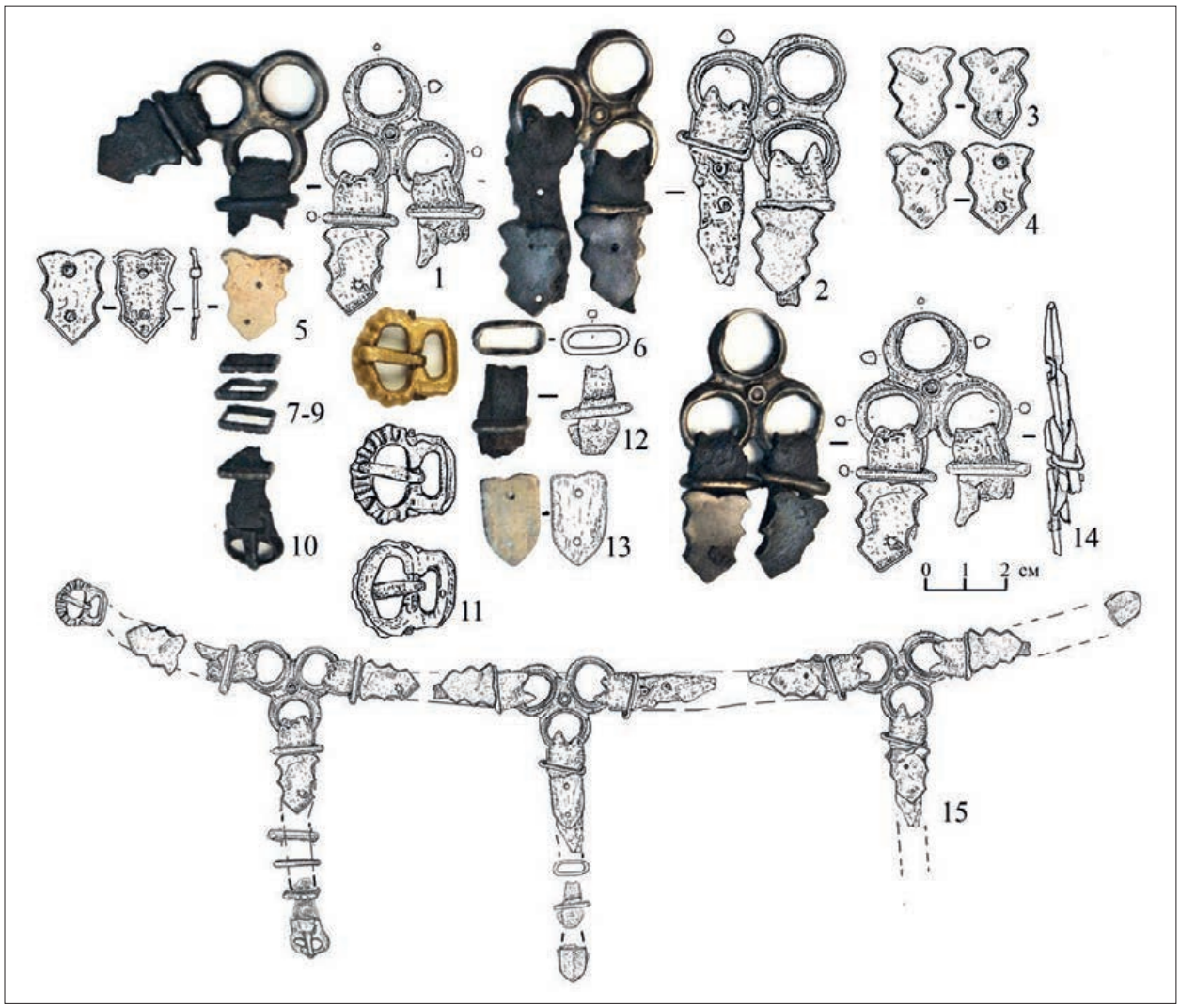

Рис. 121. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Погребение 6. Вещевой инвентарь. 1, 2, 10, 12, 14: бронза, латунь, кожа; 3–5, 6–9, 11, 13: бронза; 15: реконструкция
121. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán, 6. sír. Mellékletek. 1–2, 10, 12, 14: bronz, sárgaréz, bőr; 3–5, 6–9, 11, 13: bronz; 15: rekonstrukció

(17 экз.), на концах с округлым отверстием в верхней части, размерами 1,9 × 2,2 см, имеют два крепежных шпенька. *Пряжка с подвижным щитком и рамками*, щиток геральдической формы, размерами 2,2 × 4 см; в центре подпрямоугольное отверстие, размерами 1 × 2 см (*рис. 119. 3*). С внутренней стороны пояс задрапирован подкладкой из ткани. *Наконечник ремня* размерами 2 × 6,3 см, подпрямоугольной формы со скругленным правым концом, орнаментированный двумя рядами барельефных округлых фестонов, идущих вдоль; имеет два крепежных шпенька (*рис. 119. 6*).

Поясной набор также включает *четыре подвесных ремешка* – два длинных внешних и два внутренних коротких, которые крепятся к прорезям накладок основного ремня *тренчиками*. В месте крепления – небольшие *щитовидные накладки* размерами 1,1 × 1,2 см. Ремешки разной длины, декорированы трехчленными сферическими накладками размерами 0,6 × 1,5 см. Концы ремешка украшают *щитовидные накладки с ребром по центру*, размерами 1,2 × 1,4 см (*рис. 119. 4, 11*).

Серьга серебряная. Размеры 1,5 × 4,2 см, сферическое окончание диаметром 0,4 см (*рис. 119. 9*).

Пряжка с рифлёной рамкой, овальная прорезь в щитке и в рамке. Размеры 2,1 × 2,5 см (*рис. 121. 11*).

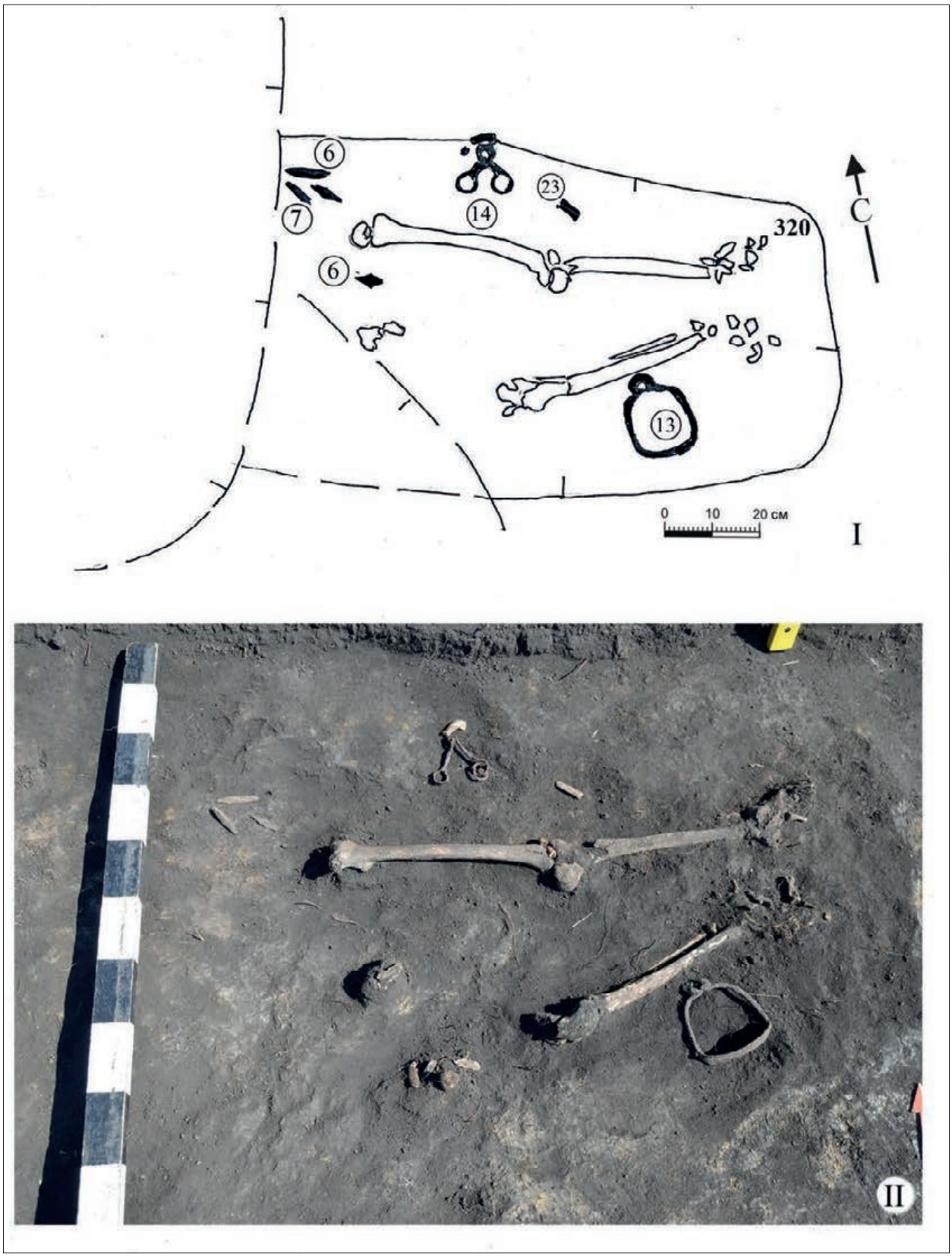

Рис. 122. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Погребение 10. I: общий план; II: зачистка на уровне дна ямы, вид с юго-юго-востока

122. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán, 10. sír. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet dél-délkeleti irányból

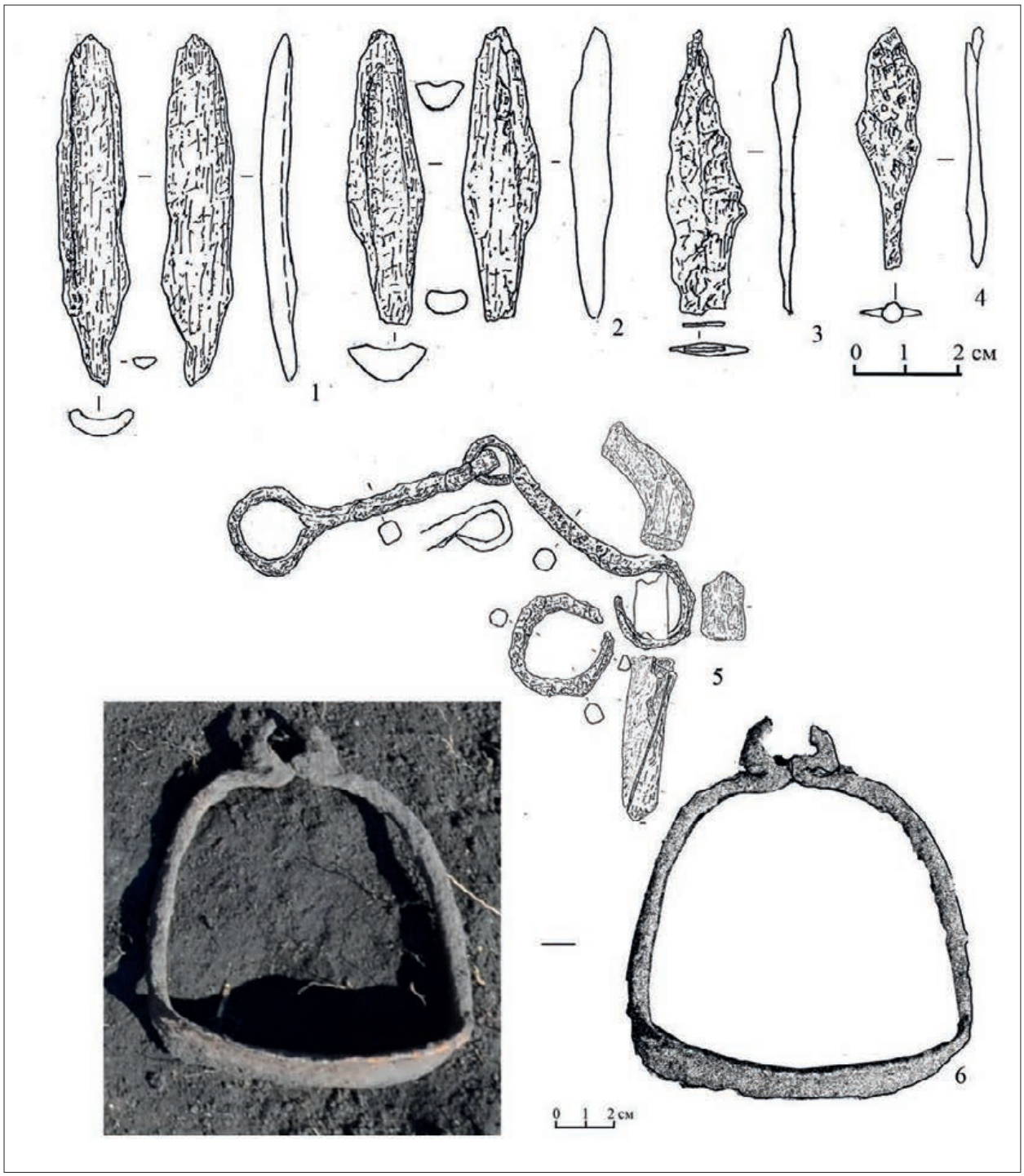

Рис. 123. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Погребение 10. 1, 2: кость; 3, 4, 6: железо; 5: железо, кость

123. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán, 10. sír. 1–2: csont; 3–4, 6: vas; 5: vas, csont

Перстень серебряный. Размеры 1,8 × 2,5 см. Прямоугольная янтарная вставка размерами 0,8 × 1 см (*рис. 119. 5*).

Керамический горшок. Круглодонный, тонкостенный, в тесте примесь мелкого песка. Диаметр по тулову 15 см, высота 13,2 см, диаметр горла 10,5 см. Орнаментирован двумя поясками косой прочерченной решетки, ограниченной двумя, тремя и четырьмя горизонтальными прочерченными линиями. Венчик по вертикали и горизонтали украшен мелкими параллельными нарезками (*рис. 119. 1*).

Погребение 10 (*рис. 122. I, II*) обнаружено в северо-восточном секторе кургана. При зачистке на уровне материка (–350) были зафиксированы контуры могильной и грабительской ям. Могильная яма подпрямоугольной формы. Сохранившаяся часть имела размеры 0,68 × 1,1 м, ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. Контуры грабительской ямы накладываются в западной части, имели размеры 0,6 × 1,2 м. В погребении обнаружены кости ног скелета человека: левая – бедренная, берцовые и кости стопы, правая – берцовая и кости стопы. Судя по их расположению, костяк был уложен по линии ЗСЗ–ВЮВ. Справа, у костей голени лежало стремя, слева у костей бедра лежали кольчатые железные удила и три обломка костяных сапожковидных псалиев. Слева от условного пояса обнаружены два костяных и один железный наконечники, еще один железный наконечник находился в 0,2 м к югу от основных скоплений.

Стремя железное вытянуто-арочной формы. Высота 15 см, ширина 11 см, ширина подножки 2,8 см. Петлевидное путлище диаметром до 2,7 см (*рис. 123. 6*).

Удила кольчатые железные. Длина дужек 9 и 8 см, диаметр кольцевого крайнего загиба 2,8 см, внутреннего – 1,4 см. Кольцо сочленения псалия диаметром 3,3 см (*рис. 123. 5*).

Обломки костяного псалия (3 экз.). Один загнутый в виде носка сапожка, длиной 4,5 см, овальный в разрезе, диаметр 1 × 1,2 см. Нижний конец клиновидной формы, длиной 5,5 см, диаметром 1 × 1,3 см. Центральный обломок длиной 2,2 см, диаметром 1 × 1,2 см. На обоих концах наблюдаются остатки двух отверстий (*рис. 123. 5*).

Наконечники стрел костяные (2 экз.): один листовидный, вытянутый, плоский, размеры 1,2 × 6,7 см; другой асимметрично-ромбический с выделенными боковыми гранями, размеры 2,6 × 6 см (*рис. 123. 1, 2*).

Наконечники стрел железные (2 экз.), листовидные двухлопастные. Размеры 1,5 × 5,5 см и 1,1 × 4,7 см (*рис. 123. 3, 4*).

Описание вещевого инвентаря с подкурганной площадки и из насыпи

Найденные предметы относятся к карпатской стилистической группе.

Накладки круглые со сферическим выступом по центру и четырьмя лепестками, отходящими от него (4 экз.). Край накладки оконтурен цепочкой овалов и кружков (*рис. 124. 1–4*).

Накладка (псевдоподвеска) округлая с тремя носиковидными выступами и псевдопетлей, диаметр 5,3 см, высота 0,5 см. В центре располагается сферический выступ диаметром 0,8 см и высотой 0,3 см. Изображение имеет узор близкий к растительному и сложному геометрическому орнаменту (*рис. 124. 7*).

Накладка с крестообразным изображением смоквы полиметаллическая, овальная, оконтурена цепочкой из овалов и кругов. Имеет два шпенька для крепления. Размеры 2 × 2,3 см (*рис. 125. 1*).

Накладка с крестообразным орнаментом в виде трех линий серебряная. Два шпенька для крепления. Размеры 1,3 × 1,7 см (*рис. 125. 7*).

Накладка крестообразная серебряная, окончание креста оформлено тремя сферическими выпуклыми элементами. Размеры 4 × 4,2 см (*рис. 125. 11*).

Подвески серебряные с ушком и тремя выступами (3 экз.), нижний выступ оконтурен гроздью из трех выпуклых шариков, у одного экземпляра нижний выступ обломлен. Размеры 2,3 × 3 см (*рис. 125. 3–5*).

Накладка округлая полиметаллическая с псевдопетелькой внизу, овальным шагающим бордюром и сюжетом парных птиц, сидящих по двум сторонам цветка. Размеры 2,6 × 2,7 см (*рис. 125. 2*).

Нашивки серебряные (4 экз.) треугольной, пятиугольной, ромбовидной и щитовидной формы, с двумя, тремя, пятью и семью отверстиями (*рис. 125. 12, 13, 15, 16*).

Накладки билунницевидные (2 экз.), размеры 1,0–1,4 × 2,5–3 см (*рис. 125. 6, 17*).

Тройник ременной серебряный, концы оформлены в виде бутонов. Размеры 2,8 × 3,6 см (*рис. 125. 14*).

Накладки плоские серебряные (2 экз.), прямоугольные, с округлой прорезью в одной из тор-

Рис. 124. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. Серебро, позолота

124. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán. A kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. Ezüst, aranyozás

Рис. 125. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. Серебро, позолота

125. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán. A kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. Ezüst, aranyozás

цовых сторон. Размеры 1,4 × 2 и 1,5 и 2 см (*рис. 126. 1, 2*).

Накладка щитовидная плоская. Размеры 1,1 × 1,1 см (*рис. 126. 3*).

Накладки прямоугольные (с дефектом с одной стороны) (2 экз.), имеют узор в виде «лилии» с двумя ножками-соцветиями внизу и расходящимися вверх и в разные стороны остроконечными лепестками, в центре просматривается соцветие смоквы. Имеют четыре крепежных шпенька. Размеры 3–3,2 × 4,2 см, высота 0,4 см (*рис. 124. 5, 6*).

Подвеска плоская серебряная с тремя бутоновидными отростками и псевдоушком сверху. Размеры 5,5 × 6,4 см (*рис. 126. 9*).

Обрывок ремешка, состоит из двух фрагментов: один – с шестью, второй – с тремя лунницевидными накладками со сферическими окончаниями сверху и внизу. Размеры накладок 0,7 × 1,9 см (*рис. 126. 8*).

Пряжка серебряная с железным язычком, цельнолитая с геометрическим орнаментом. Размеры 1,8 × 3,4 см (*рис. 126. 7*).

Пряжка полиметаллическая (серебро с позолотой) с подвижной рамкой, железным язычком и прямоугольным щитком, скругленным на конце. Орнаментирована сложной композицией цветка смоквы, развернутого от конца щитка к рамке, с загибом лепестков по бокам. Сложный контур, ограничивающий композицию овалом по краю и сферическими насечками внутри. Общие размеры 2 × 5,3 см (*рис. 125. 8*).

Накладки округлые полиметаллические (серебро с позолотой) (2 экз.), одна с ушком снизу, у второй он обломлен. Орнаментальный узор схож с изображением на предыдущей пряжке: два цветка смоквы с остроконечными лепестками располагаются с двух сторон навстречу друг другу; край оформлен бордюром из овальной цепочки. Размеры 3,1 × 3,3 см *рис. 125. 9, 10*).

Перстни (2 экз.): один с обломленной дужкой и красной бусиной (сердолик), с отверстием в виде вставки, диаметром 1,1 см; второй с обломленной дужкой и вставкой из черного камня, размеры 1,1 × 1,4 см (*рис. 126. 5, 6*).

Фрагменты железного стремени с петлевидным отверстием для подвязывания. Размеры 2,3 × 4 см (*рис. 127. 7*).

Фрагмент железных восьмерковидных удил. Размеры 2,5 × 10,5 см (*рис. 127. 6*).

Наконечник стрелы железный, вероятно, был листовидный двухлопастной. Размеры 1,7 × 7,3 см (*рис. 127. 5*).

Наконечники стрел (3 экз.): один костяной (*рис. 127. 1*), два железных (2 экз.) (*рис. 127. 2, 3*).

Описание керамического комплекса

В насыпи и на подкурганной площадке обнаружено около 20 фрагментов от пяти горшков. Это небольшие круглодонные банки с плавной профилировкой и несколько отогнутым венчиком. В тесте примесь дресвы, крупного песка и талька. Орнаментированы горшки в основном по шейке оттисками шнурового и крупногребенчатого штампов. Элементы орнамента – горизонтальные лилии, елочки, косые наколы (*рис. 127. 8–12*).[6]

[6] Реконструкция сосуда на *рисунке 127. 10*, вероятнее всего, является составной частью сосуда 6 из кургана 10 (*рис. 109. 10*) (смотри выше). Фрагменты его были разбросаны на большой площади и попали в насыпь 10, 11 и 32 курганов. Даем его варианты на разных таблицах.

Рис. 126. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. 1–4, 9–13: серебро; 5, 6: серебро, камень; 7: серебро, железо; 8: серебро, кожа

126. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán. A kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. 1–4, 9–13: ezüst; 5–6: ezüst, kő; 7: ezüst, vas; 8: ezüst, bőr

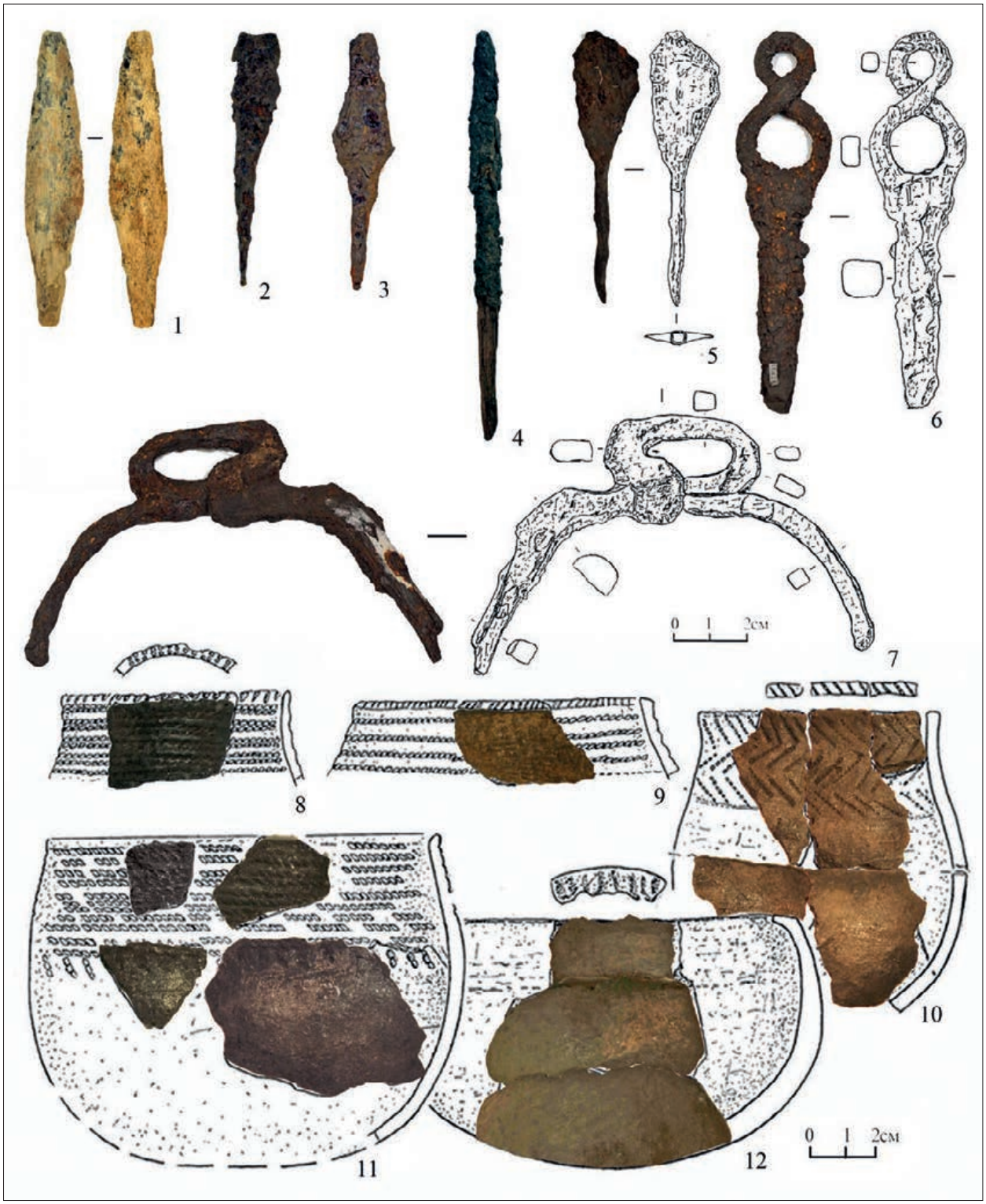

Рис. 127. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. 1: кость; 2–7: железо; 8–12: керамика

127. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán. A kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. 1: csont; 2–7: vas; 8–12: kerámia

Курган 12[7]

Курган 12 (*рис. 128*) находится в центральной части могильника, на наклонной площадке у подножия южного останца гряды, на котором располагаются курганы 13 и 16. Южная и юго-восточная пола кургана 12 проходит в непосредственной близости от границ вышеуказанных насыпей. Восточная пола кургана наплывала на юго-западную границу кургана 11, раскопанного в 2021 году. Первоначально курган имел размеры 6,8 × 6 м и 0,2–0,3 м в высоту.

В ходе исследования изучено пять объектов. Погребения 1 и 2 неграбленые; погребения 3–5 сильно потревожены грабительскими вкопами. Яма 5 содержала лишь кости лошади и фрагмент керамического сосуда.

Погребение 1 (*рис. 129. I, II*) было обнаружено под юго-западной полой кургана. Яма ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ, овальной формы, размерами 1,56 × 0,92 м и глубиной 0,01–0,08 м, стенки пологие, дно с небольшим углублением в центре, заполнение представлено перемешанным грунтом коричневого и темно-серого гумуса с желтым суглинком высокой плотности.

Погребение в могильной яме непотревоженное. По периметру ямы зафиксированы остатки деревянной конструкции. Детское погребение парное, кости плохой сохранности: удалось зафиксировать два скопления зубов и небольшие фрагменты костей ног погребенного в восточной части ямы. Расположение костей позволило установить вытянутое положение погребенных на спине по направлению ССЗ–ЮЮВ в восточной и западной половинах могильной ямы, головой на северо-запад. Можно предположить, что возраст погребенного в восточной части не более 5–6 лет, в западной – возможно младше, так как кости сохранились хуже и погребальный инвентарь беднее (*рис. 129. II*).

К северо-востоку от скопления зубов человека в восточной части могильной ямы зафиксированы пять фрагментов деревянного колчана с серебряными скобами и три железных наконечника стрел. В предполагаемом месте расположения грудного отдела найдены две серебряные пуговицы и изделие из цветного металла, определить которое невозможно ввиду сильного окисления. Между сохранившимися фрагментами берцовых костей, ниже поясничного отдела, обнаружена серебряная пряжка, немного южнее зафиксированы кости лошади (бедренная кость) и железный нож. Под костями лошади был обнаружен кожаный ремень с девятью накладками, относящийся к уздечному набору. Возле ремня фиксировались спекшиеся фрагменты шкуры лошади. К югу от берцовой кости животного были зафиксированы железные удила.

В западной части погребения обнаружены один железный наконечник стрелы к северу–северо-западу от предполагаемого расположения головы, две серебряные пуговицы – в районе груди, южнее – серебряная орнаментированная накладка. В южной части, ниже предполагаемого расположения ног, было обнаружено железное стремя и четыре неопределимых коррозированных фрагмента изделий из железа.

Погребение 2 (*рис. 132. I, II, III*) расположено в центре курганной насыпи, ориентировано по линии СЗ–ЮВ. Яма подпрямоугольной формы размерами 1,02 × 0,46 м и глубиной 0,15–0,2 м. Стенки ямы крутые за исключением юго-восточной части, дно ямы имеет уклон на 3 см с юго-востока на северо-запад.

Захоронение в могильной яме непотревоженное. На дне обнаружен костяк ребенка 3–4 лет, который лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, череп был завален лицом на запад. Костяк несколько смещен относительно центральной линии разреза могильной ямы и ориентирован по линии ССЗ–ЮЮВ, головой на северо-запад. Кости средней сохранности, нет костей стоп и кистей рук.

К востоку от черепа зафиксирован орнаментированный керамический сосуд. В районе груди обнаружена серебряная орнаментированная накладка с золотой плакировкой и бубенчик,

[7] В исследовании кургана 12 принимал участие С. О. Истомин. Авторы глубоко благодарны ему за проведение полевых исследований и подготовку отчета.

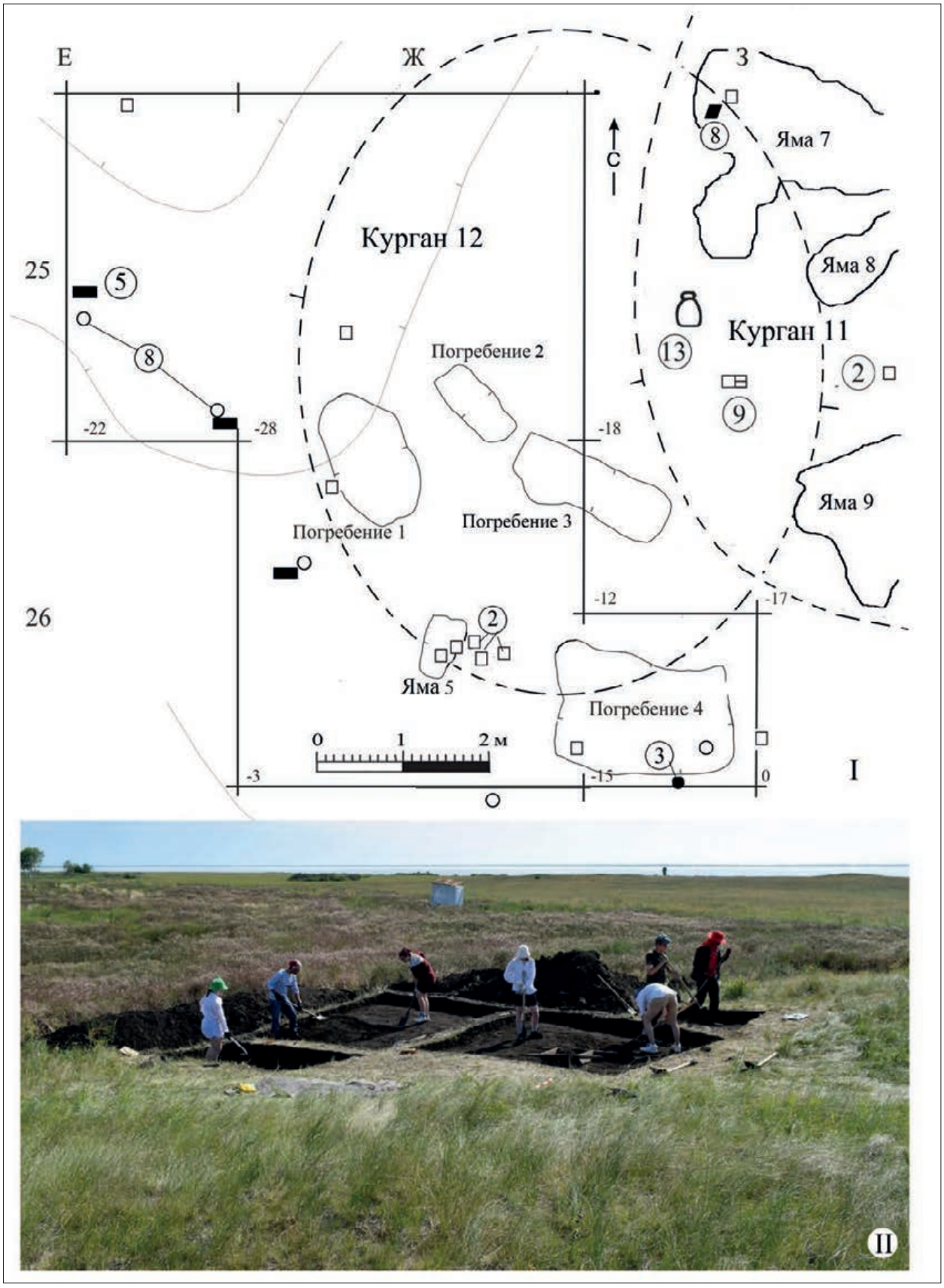

Рис. 128. Погребальный комплекс Уелги. Курган 12. I: общий план; II: вид с юго-запада
128. kép. Az ujelgi temető. 12. kurgán. I: általános felszínrajz; II: nézet délnyugati irányból

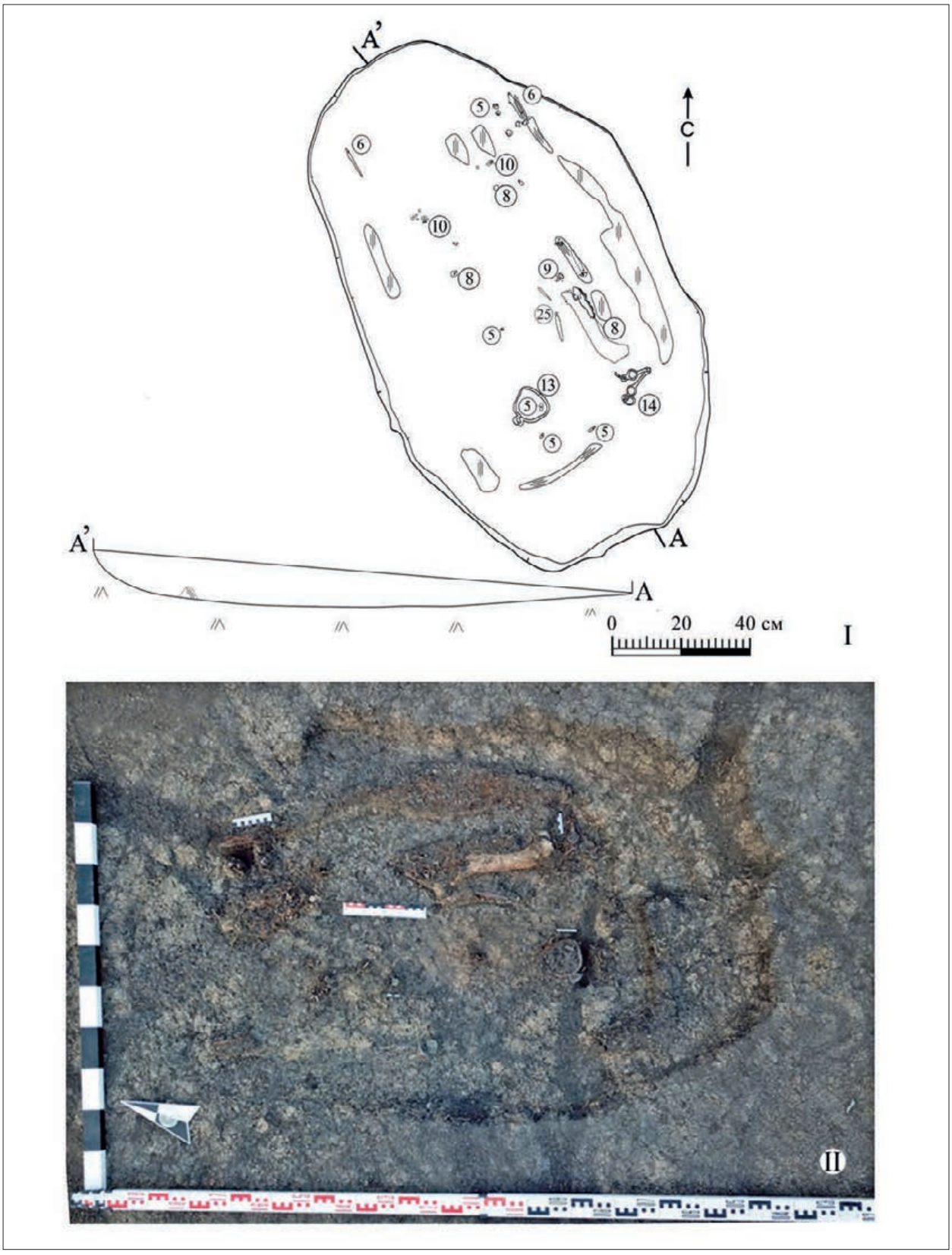

Рис. 129. Погребальный комплекс Уелги. Курган 12. Погребение 1. I: план и разрез; II: зачистка на уровне дна ямы, вид сверху, с северо-запада

129. kép. Az ujelgi temető. 12. kurgán, 1. sír. I: felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, felülnézet, valamint nézet északnyugati irányból

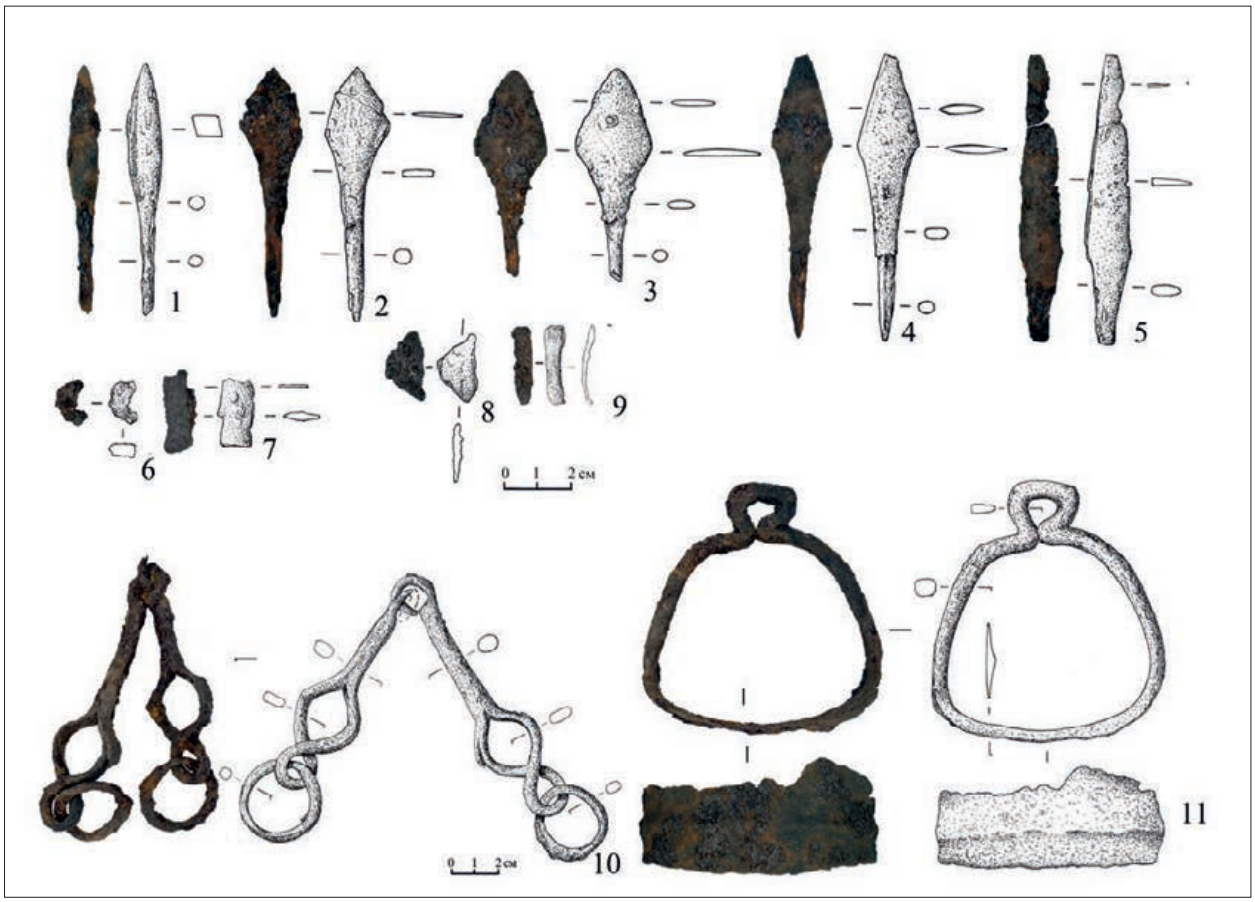

Рис. 130. Погребальный комплекс Уелги. Курган 12. Погребение 1. Вещевой инвентарь. Железо
130. kép. Az ujelgi temető. 12. kurgán, 1. sír. Mellékletek. Vas

среди костей черепа и верхней части скелета было обнаружено 23 бусины. Возможно, бусины были единым украшением, опоясывающим шею погребенного, либо использовались как украшение одежды (*рис. 132. III*).

Погребение 3 (*рис. 135. I, III*) расположено к югу от центра насыпи кургана, ориентировано по линии СЗ–ЮВ. Яма подпрямоугольной формы, размерами 1,86 × 0,60 м и глубиной 0,15 м. Стенки ямы крутые, дно ровное, заполнение представлено темно-серым гумусированным суглинком высокой плотности и перемешанным грунтом коричневого и темно-серого гумуса с желтым суглинком высокой плотности. Стратиграфия разрезов фиксирует неоднократное ограбление. Нетронутыми остались лишь остатки деревянной конструкции (гроба, рамы, каркаса) в юго-восточной и северной частях стен ямы. В заполнении ямы (с верхнего слоя и до дна) обнаружены многочисленные фрагменты костей взрослого человека в хаотичном порядке, сконцентрированные в центральной части погребения, на дне ямы была обнаружена фрагментированная челюсть человека. Кости средней сохранности, установить изначальную ориентацию и положение костяка не представляется возможным.

В центральной части погребения в заполнении найдены три шайбы-фиксатора. Также зафиксированы 13 бусин, расположенные в центральной части, и 12 бусин – в северо-западной части погребения (*рис. 133. 27–51*). В непосредственной близости от челюсти человека обнаружены два фрагмента изделия из шерсти (*рис. 135. II*).

Судить о хронологических рамках погребения 3 затруднительно ввиду отсутствия датирующего материала. Найденные предметы могут относиться к широкому хронологическому и культурному диапазону. Предварительные даты погребения исходят из ранее определенных для всего комплекса – IX–XI вв. н.э.

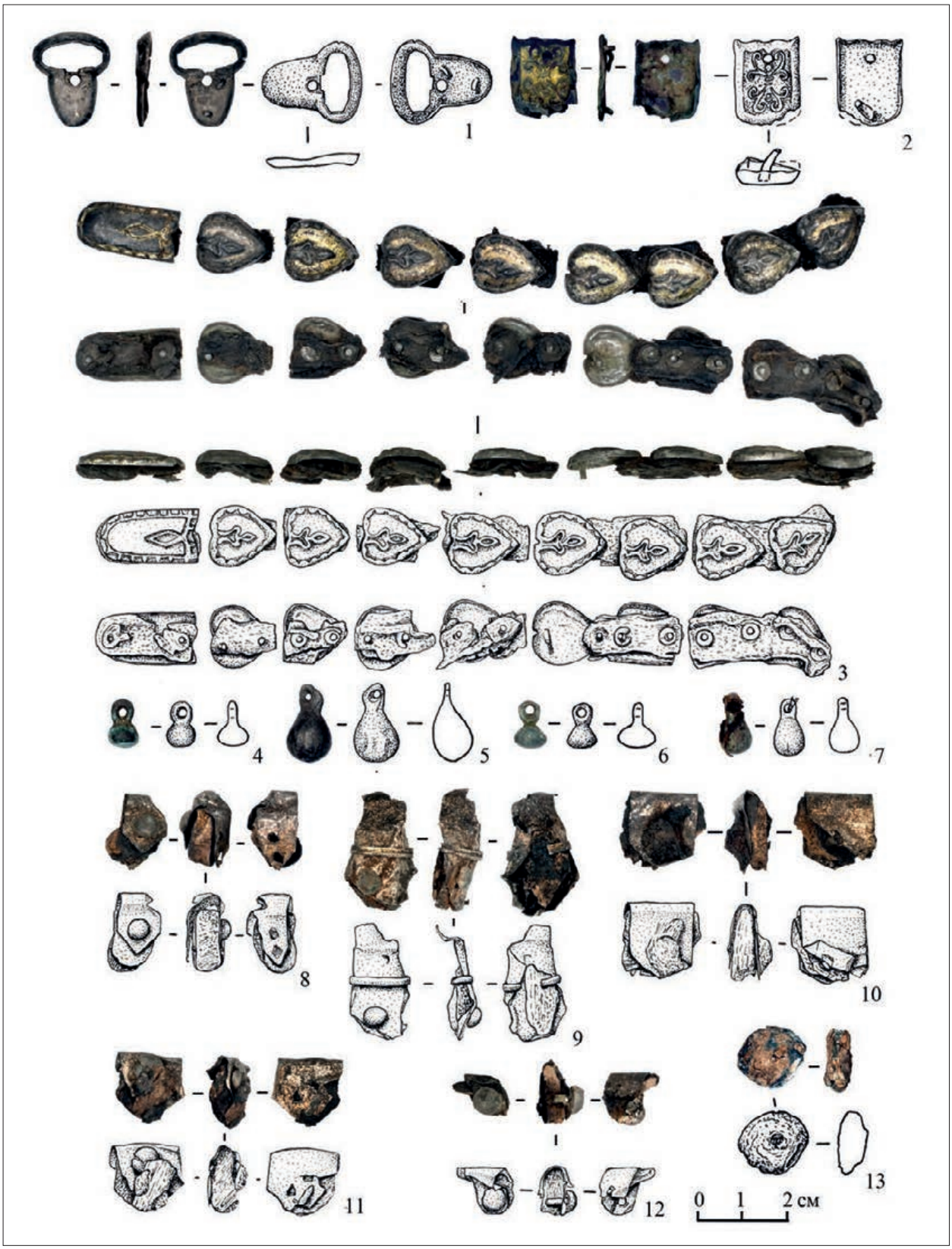

Рис. 131. Погребальный комплекс Уелги. Курган 12. Погребение 1. Вещевой инвентарь. 1, 12: серебро; 2, 13: серебро с позолотой; 3: серебро с позолотой, кожа; 4–7: бронза; 8–11: серебро, дерево
131. kép. Az ujelgi temető. 12. kurgán, 1. sír. Mellékletek. 1, 12: ezüst; 2, 13: aranyozott ezüst; 3: aranyozott ezüst, bőr; 4–7: bronz; 8–11: ezüst, fa

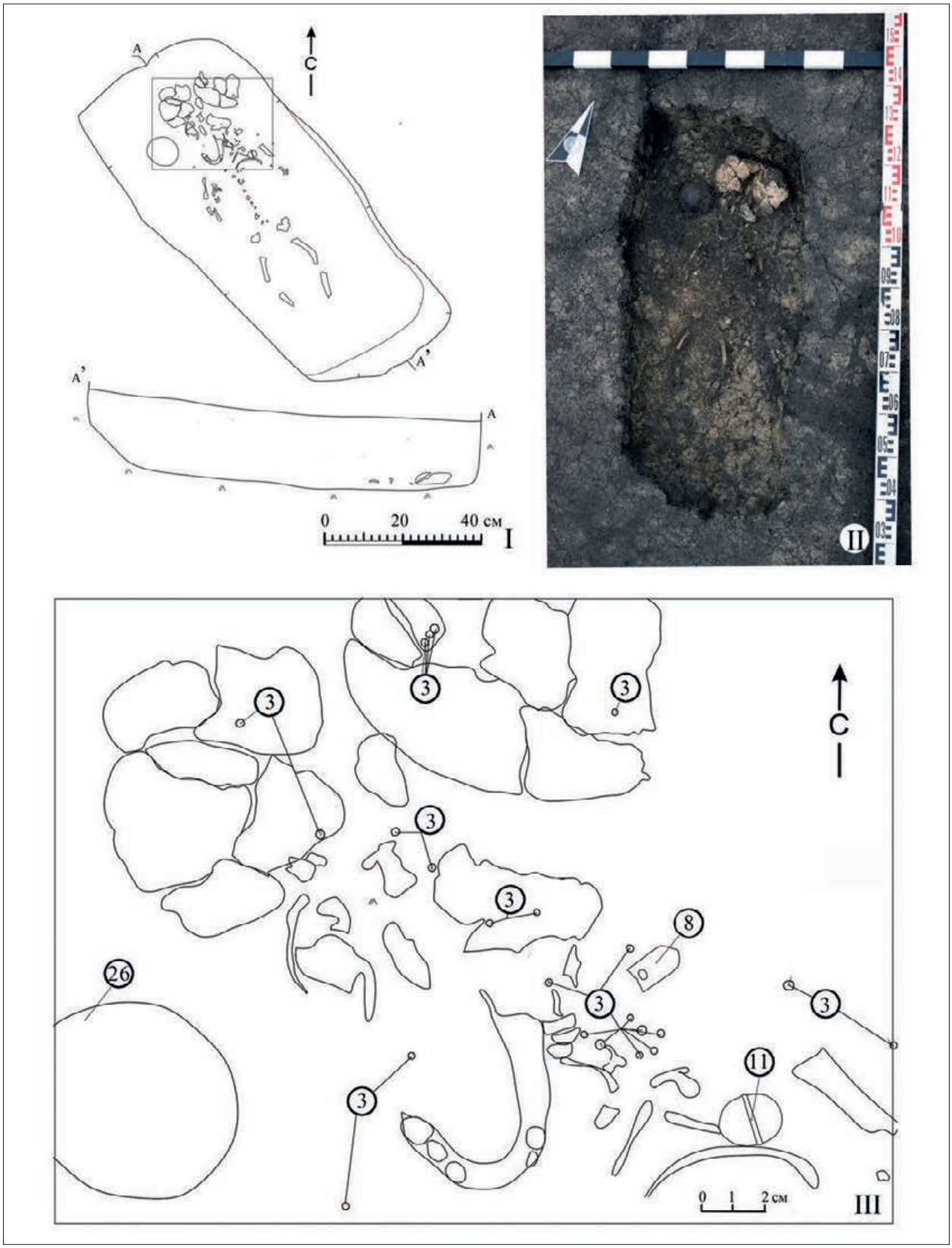

Рис. 132. Погребальный комплекс Уелги. Курган 12. Погребение 2. I: план и разрез; II: зачистка на уровне материка, вид сверху, с юго-юго-запада; III: детальный план

132. kép. Az ujelgi temető. 12. kurgán, 2. sír. I: felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, felülnézet, valamint nézet dél-délnyugati irányból; III: részletes felszínrajz

Погребение 4 (*рис. 136. I, II*) расположено под южной полой насыпи кургана и частично выходит за ее пределы. Яма подпрямоугольной формы с неровными краями, ориентирована по линии З–В, длиной 2,05 м, шириной 1,18 м в восточной половине и 1,43 м в западной. Глубина 0,05–0,07 м в северной и юго-восточной частях и 0,08–0,10 м в юго-западной части. Стенки ямы крутые, кроме восточного борта, что связано с выходящими скальными породами. Дно ямы неровное, юго-западная часть углублена относительно остальной площади на 2–5 см. Учитывая стратиграфию заполнения могильной ямы, ее форму, углубление в юго-западной части, а также находки в ней, можно предположить, что перед нами два захоронения, ориентированных по линии З–В, с совмещенными продольными стенками. Возможно, такая ситуация возникла в ходе неоднократного ограбления могильной ямы.

Погребение полностью разграблено. Фрагменты двух черепов человека были зафиксированы в ходе выборки третьего и четвертого горизонтов насыпи, располагались они в северо-восточной части могильной ямы. С верхнего горизонта и до дна ямы происходят фрагменты костей взрослого человека (нескольких особей) в хаотичном порядке, фиксирующиеся по большей части вдоль северного борта ямы. Из крупных фрагментов следует отметить фрагментированную челюсть, бедренную и большую берцовую кости. Небольшое количество мелких фрагментов костей человека фиксируются в юго-восточной и юго-западной частях могильной ямы. Кости средней сохранности, установить изначальную ориентацию и положение костяка (костяков) можно лишь условно – головой на запад.

Расположение инвентаря хаотично ввиду разграбления. Большая часть археологических предметов сконцентрирована в юго-восточной четверти могильной ямы: в юго-западном углу найдены пять фрагментов керамики, еще один фрагмент зафиксирован в северо-западной части ямы. Также в юго-западной части обнаружены три железных фрагмента неопределенных изделий и предметы из цветного металла – три серебряные накладки и две шайбы-фиксаторы. Аналогичная шайба также присутствовала в центре ямы. К северо-западу и к северо-востоку от центра ямы найдены два железных ножа.

В юго-западном углу погребения были обнаружены пять фрагментов керамики, принадлежащих одному сосуду, что позволило сделать его графическую реконструкцию (*рис. 139. 4*).

Яма 5 (*рис. 137. I, II*). Яма расположена под юго-восточной полой кургана, ориентирована по линии ССВ–ЮЮВ, подпрямоугольной формы размерами 0,71 × 0,42 м, глубиной 0,15 м. В заполнении ямы темно-серый гумусированный суглинок высокой плотности, перемешанный с желтым суглинком. Стенки ямы пологие, в южной половине фиксируется ступенька, дно ямы имеет уклон от северного борта к центру и прорезается морозобойной трещиной. При выборке четвертого горизонта и последующих зачистках по материку участка Ж/26 был обнаружен камень размерами 7 × 7 × 10 см, уходящий в заполнение северо-восточной части ямы 5. Небольшой камень размерами 8 × 5 × 4 см был также зафиксирован на нижнем горизонте заполнения ямы. В центральной части зафиксированы фрагменты костей лошади, в северо-западной – зуб лошади. В 8 см к юго-востоку от центра ямы в верхнем горизонте заполнения ямы обнаружен фрагмент (стенка с венчиком) керамического сосуда.

Описание вещевого инвентаря

Погребение 1

Наконечник стрелы железный четырехгранный ромбический с остроугольным острием и ровными плечиками, черешок округлый, коррозирован. Размеры 7,4 × 0,9 см, диаметр черешка 0,4 см (*рис. 130. 1*).

Наконечники стрел железные (2 экз.) плоские ромбические с остроугольным острием и пологими плечиками, черешок округлый, коррозированы. Размеры от 6,2 × 2,2 см, толщина лезвия 0,3 см, черешка 0,4 см до 7,3 × 1,8 см, толщина лезвия 0,2 см, черешка 0,45 см (*рис. 130. 2, 3*).

Наконечник стрелы железный плоский ромбический с остроугольным острием, удлиненной шейкой и пологими плечиками, коррозирован. Перо имеет едва заметное ребро посередине, черешок округлый, короткий. Вершина острия наконечника утрачена. Размеры 8,4 × 1,8 см, толщина лезвия 0,4 см, черешка 0,5 см (*рис. 130. 4*).

Пуговицы цельнолитые бронзовые (4 экз.) грушевидной формы, с петелькой для крепления. Покрыты патиной. Размеры от 1,7 × 1 × 0,9 см до 1 × 0,8 × 0,6 см (*рис. 131. 4–7*).

Скобы крепежа серебряные (5 экз.) – элементы крепления в виде пластин со шпеньком и крепежной скобой. В зажиме фрагменты деревянного колчана. Скобы покрыты патиной, деформированы. Размеры от 2,2 × 1,2 × 0,4 см до 1,2 × 1 × 0,7 см (*рис. 131. 8–12*).

Изделие из цветного металла плоской округлой формы, в центре углубление. Установить его предназначение и начальную форму невозможно ввиду сильной коррозии. Размеры: диаметр 1,4 см, высота 0,5 см (*рис. 131. 13*).

Пряжка ременная серебряная с овальной рамкой и щитком подквадратной формы. Вырез для язычка расположен в верхней части щитка. Покрыта патиной. Размеры 2,1 × 1,7 × 0,2 см (*рис. 131. 1*).

Накладка – наконечник ремня серебряный с золотой плакировкой, с волнообразными бортиками и фигурно-скобчатым основанием. В верхней части отверстие диаметром 1,5 мм. Растительный орнамент в виде симметричных завитков в центре и по краям. Часть носика утрачена. С обратной стороны один шпенек. Покрыто патиной. Размеры 1,8 × 1,4 × 0,4 см (*рис. 131. 2*).

Нож однолезвийный железный с прямой спинкой и лезвием, коррозирован. Переход от черешка к лезвию плавный. Вершина лезвия утрачена. Размеры 8,5 × 1,3 см, толщина в обухе 0,4 см (*рис. 130. 5*).

Фрагменты изделий из железа неизвестного назначения, коррозированы. Размеры от 2,4 × 0,9 × 0,4 см до 1,2 × 0,9 × 0,5 см (*рис. 130. 6–9*).

Удила двухсоставные кольчатые железные. Грызла разновеликие с петельчатым соединением, оканчиваются восьмерковидной фигурой с двумя круглыми отверстиями. В верхние малые отверстия окончания грызл вставлены кольца круглого сечения. Удила коррозированы, часть соединительной петли утрачена. Размеры: длина грызл 12,5 см и 10,2 см, диаметр стержня 0,9 см, диаметр нижних колец 3 см, верхних 1,8 см, диаметр вставных колец 3,5 см (*рис. 130. 10*).

Стремя арочной формы железное с петельчатым ушком для ремня, коррозировано. Подножка слегка выгнутая, широкая, с одним ребром жесткости, часть подножки утрачена. Размеры: ширина 10,5 см, высота 11,3 см, ширина подножки 3,5–4,5 см, дуги 0,8 см, ушка 0,4 см (*рис. 130. 11*).

Ремень с накладками – элемент уздечного набора в виде фрагментированного нащёчного кожаного ремня с девятью, слегка выпуклыми накладками: *накладки сердцевидные серебряные с золотой плакировкой (8 экз.),* с ровными бортиками, заостренными носиками и V-образными основаниями; *одна язычковидная накладка-наконечник серебряная с золотой плакировкой,* с ровными бортиками, фигурно-скобчатым основанием и закругленным носиком. По центру накладки декорированы растительно-геометрическим орнаментом и имитацией зерни по контуру. С обратной стороны каждой накладки по два шпенька, с закрепленными на шайбы-фиксаторы фрагментами кожаного ремня. Накладки покрыты патиной, часть кожаного ремня утрачена. Размеры: сердцевидные накладки – 1,5 × 1,2 × 0,3 см; наконечник ремня – 2,2 × 1,1 × 0,3 см (*рис. 131. 3*).

Погребение 2

Бусины округлой шаровидной формы (23 экз.). Тулова бусин сплошные цельные, отверстия продольные, расположены в центре изделия. Изготовлены из непрозрачного стекла от бледно-зеленого до темно-зеленого цвета. Размеры: диаметр 0,2–0,3 см, высота 0,1– 0,2 см (*рис. 133. 1–23*).

Бубенчик серебряный округлый эллипсоидный, состоит из двух выпуклых частей со швом. Тело изделия полое с дополнительным элементом (шарик) внутри. Имеет поперечное отверстие. Ушко утрачено. Размеры 2,3 × 2 × 2 см (*рис. 134. 1*).

Накладка – наконечник ремня серебряный с позолотой плакировкой, с ровными бортиками, фигурно-скобчатым основанием и заостренным носиком. В верхней части овальное отверстие.

Растительный орнамент в виде симметричных завитков в центре и по краям. Правая сторона сильно коррозирована. С обратной стороны два обломленных и один загнутый шпенек. Покрыто патиной. Размеры 1,85 × 1 × 0,1 см (*рис. 134. 2*).

Глиняный сосуд круглодонный, тонкостенный, с зауженным загнутым вовнутрь венчиком. Изготовлен ручной лепкой из керамического теста темно-серого цвета с примесью дресвы и немногочисленными следами органики. По всей внутренней поверхности прочитываются следы заглаживания – визуально определимы следы способа обработки сосуда до обжига. По внешней и внутренней поверхностям видны отпечатки пальцев. По внутренней стороне венчика местами прослеживаются налепы – как способ формовки края сосуда. Лощение фиксируется по внешней поверхности. Орнамент, нанесенный вдавлениями среднезубчатого гребенчатого штампа, отмечается только в верхней части сосуда и представлен тремя рядами горизонтального зигзага, опоясывающих сосуд. Выше горизонтального зигзага два ряда мелких вдавлений заостренным штампом. Внешнюю и внутреннюю поверхность сосуда покрывает мощный нагар, местами перекрывающий орнамент. Диаметр венчика сосуда 6,7 см, высота 6,2 см, толщина стенок 0,5 см. По форме и орнаментации сосуд может быть отнесен к караякуповскому типу (*рис. 139. 1*).

Погребение 3

Бусины округлой шаровидной формы (25 экз.) темно-красного, синего, желтого и зеленого цветов. Тулово цельное, отверстие продольное, смещено относительно центра. Изготовлены из непрозрачного стекла. Размеры: диаметр от 1,25 до 0,6 см, высота от 0,85 до 0,35 см (*рис. 133. 27–51*).

Шайбы-фиксаторы серебряные (3 экз.) квадратной формы, в центре отверстие диаметром 2,0 мм. Покрыты патиной. У одной в отверстии сохранились остатки шпенька. Размеры 0,4 × 0,4 × 0,1 см (*рис. 133. 24–26*).

Фрагменты изделия из шерсти, состоит из двух частей остатков шерсти животного, возможно, является фрагментом одежды. Размеры 4,5 × 1,2 × 0,2 см и 4,3 × 1 × 0,2 см (*рис. 135. II*).

Погребение 4

Фрагменты изделий из железа неизвестного назначения, коррозированы. Размеры от 1,3 × 1 × 0,2 см до 3,7 × 1 × 0,2 см (*рис. 138. 1–3*).

Нож однолезвийный железный, с прямой спинкой и лезвием, коррозирован. Переход от черешка к лезвию плавный, вершина лезвия утрачена, черешок деформирован. Размеры 8,5 × 1,1 см, толщина в обухе 0,3 см (*рис. 138. 4*).

Нож однолезвийный железный с выгнутой спинкой? (лезвием?) и выраженным переходом к черешку, коррозирован. Вершина лезвия утрачена. Размеры 8,5 × 1,1 см, толщина в обухе 0,3 см (*рис. 138. 5*).

Накладка билунницевидная серебряная, плоскостная, с круглыми отростками по краям и перехватом в центре, орнамент отсутствует. На обратной стороне два шпенька, один из которых обломлен. Размеры 2,5 × 1 × 0,12 см (*рис. 134. 3*).

Накладки округлые серебряные (2 экз.) с высоким бортиком и шпеньком в центральной части, без орнамента. Покрыты патиной. Размеры: диаметр 1,1 см, высота бортика 0,3 см, высота шпенька 0,1 см (*рис. 134. 4, 5*).

Шайба-фиксатор квадратной формы серебряная, в отверстии шпенек. Покрыта патиной. Размеры 0,6 × 0,6 × 0,02 см (*рис. 134. 6*).

Шайба-фиксатор округлой формы серебряная, в центре отверстие диаметром 2 мм. Покрыта патиной. Размеры 0,3 × 0,5 × 0,02 см (*рис. 134. 7, 8*).

Подкурганная площадка и насыпь

Фрагмент стремени железного – фрагмент широкой выгнутой подножки, коррозирован. Размеры 6,8 × 3,6 × 0,9 см (*рис. 138. 6*).

Пряжка подпрямоугольной формы железная, язычок утрачен, коррозирована. Размеры 5 × 4,3 × 0,5 см (*рис. 138. 8*).

Пронизка цилиндрической формы бронзовая, с округлым линзовидным вздутием в центре и продольным отверстием. Основание и окончание повреждены. Имеются потертости, покрыта патиной. Размеры: высота 1,7 см, диаметр цилиндра 0,55 см, диаметр линзовидного вздутия 1,35 см, толщина стенки 0,05 см (*рис. 134. 14*).

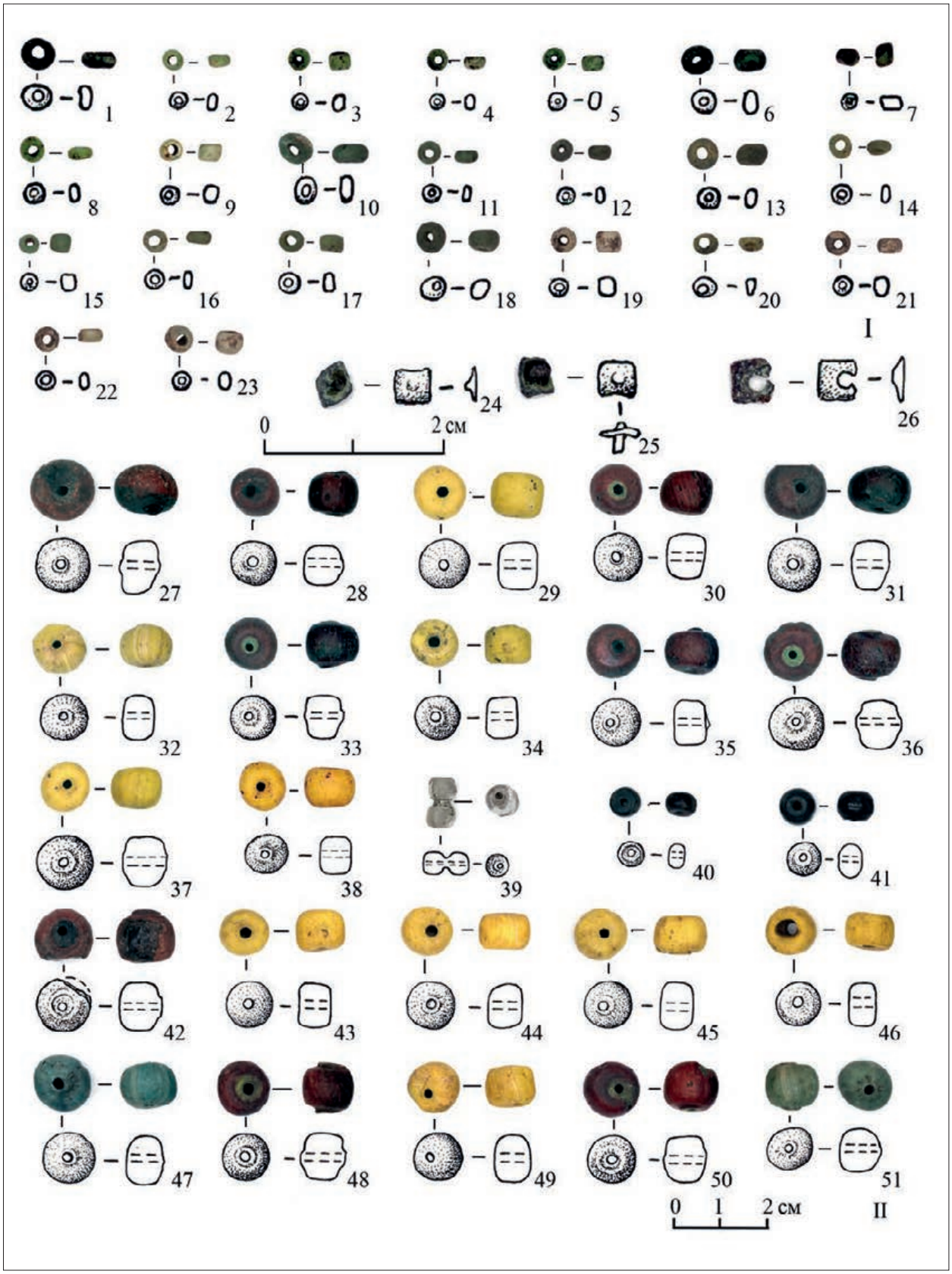

Рис. 133. Погребальный комплекс Уелги. Курган 12. Вещевой инвентарь. I: погребение 2; II: погребение 3. Стекло

133. kép. Az ujelgi temető. 12. kurgán. Mellékletek. I: 2. sír; II: 3. sír. Üveg

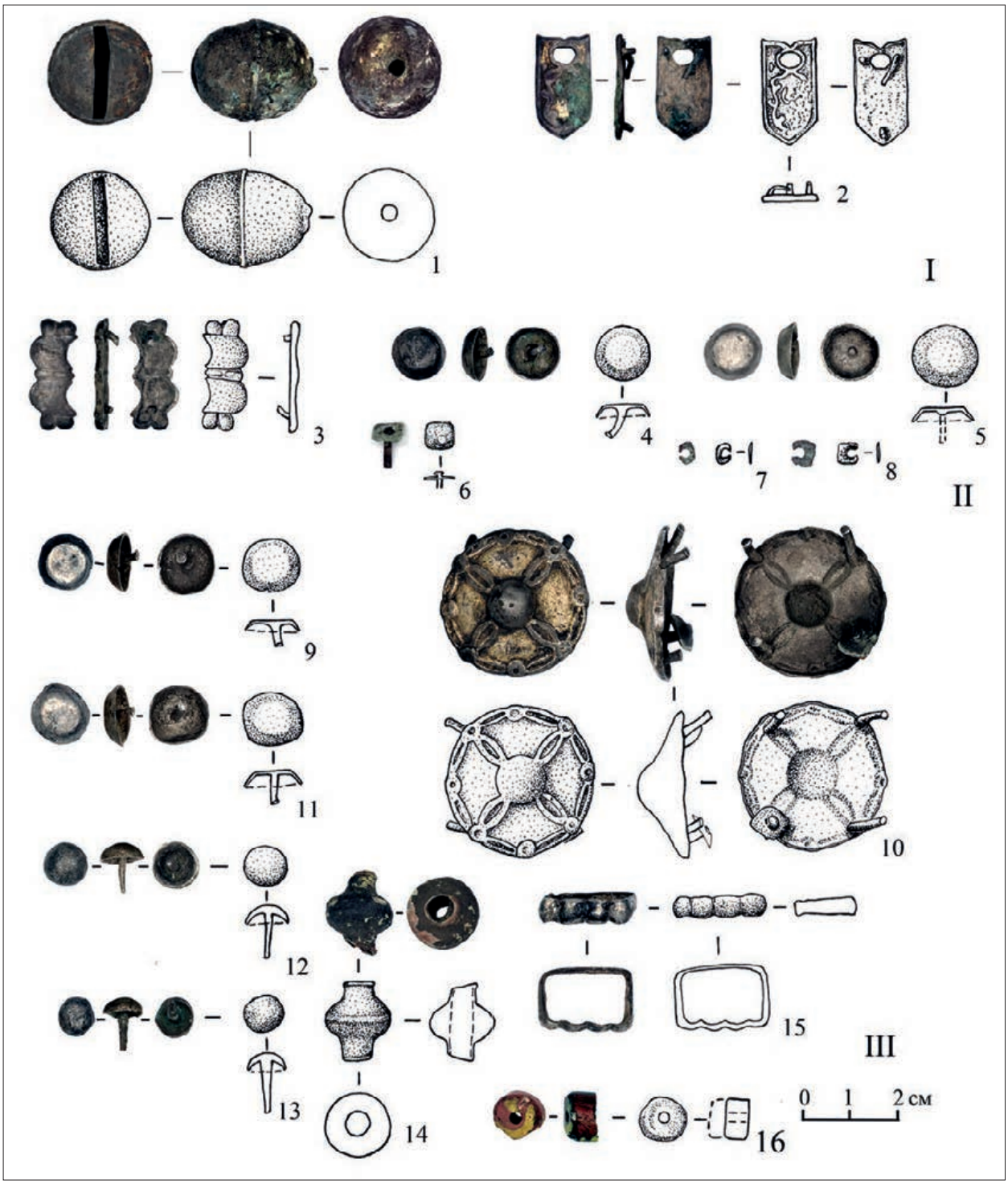

Рис. 134. Погребальный комплекс Уелги. Курган 12. Вещевой инвентарь. I: погребение 2; II: погребение 4; III: погребальная площадка, насыпь. 1, 3–9, 11–13, 15: серебро; 2, 10: серебро, позолота; 14: бронза; 16: стекло
134. kép. Az ujelgi temető. 12. kurgán. Mellékletek. I: 2. sír; II: 4. sír; III: a kurgán alatti tér, feltöltés. 1, 3–9, 11–13, 15: ezüst; 2, 10: ezüst, aranyozás; 14: bronz; 16: üveg

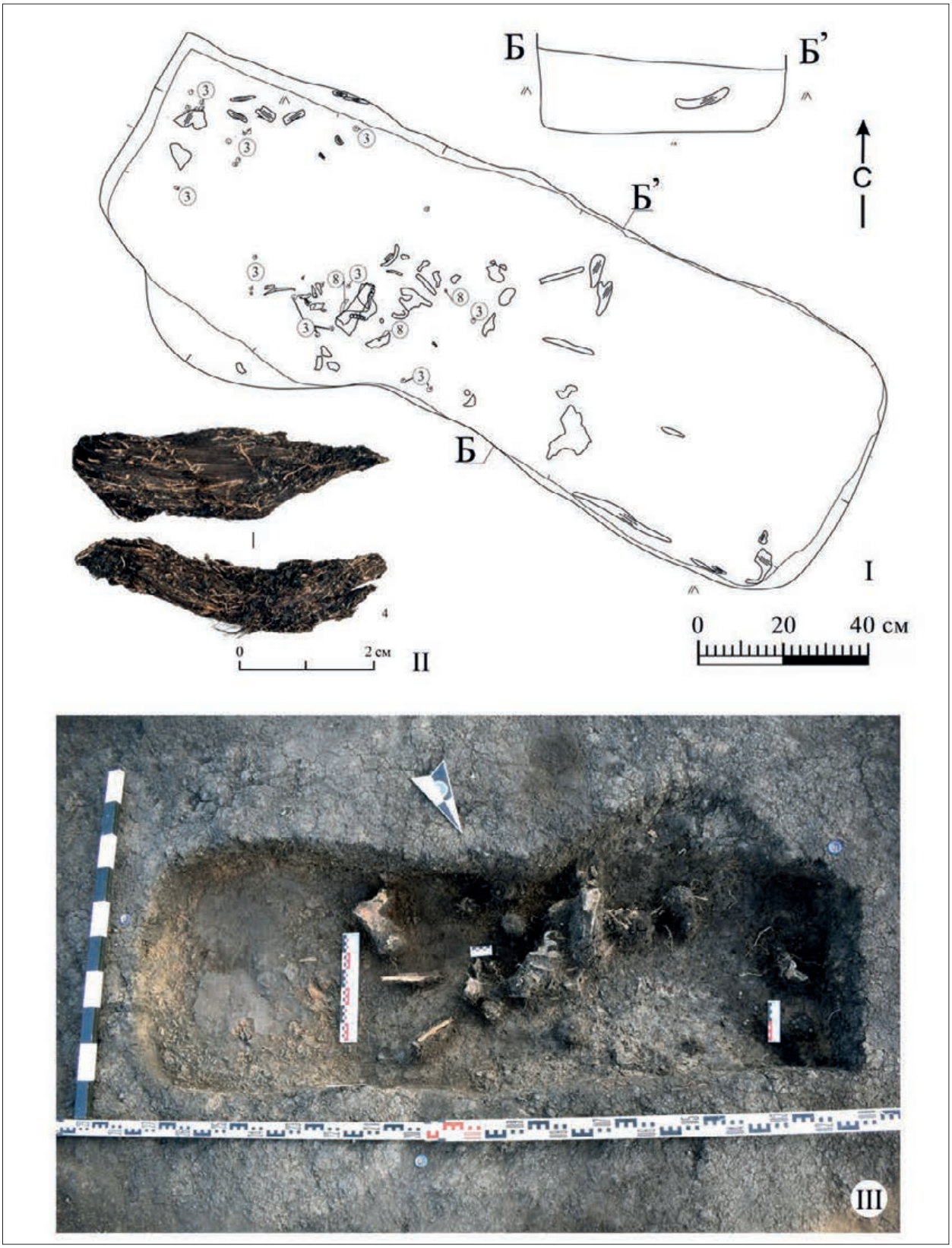

Рис. 135. Погребальный комплекс Уелги. Курган 12. Погребение 3. I: общий план и разрез; II: фрагмент шерстяного изделия; III: зачистка на уровне дна ямы, вид сверху, с северо-востока
135. kép. Az ujelgi temető. 12. kurgán, 3. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: gyapjúkészítmény töredéke; III: a sírgödör aljának kibontása, felülnézet, valamint nézet északkeleti irányból

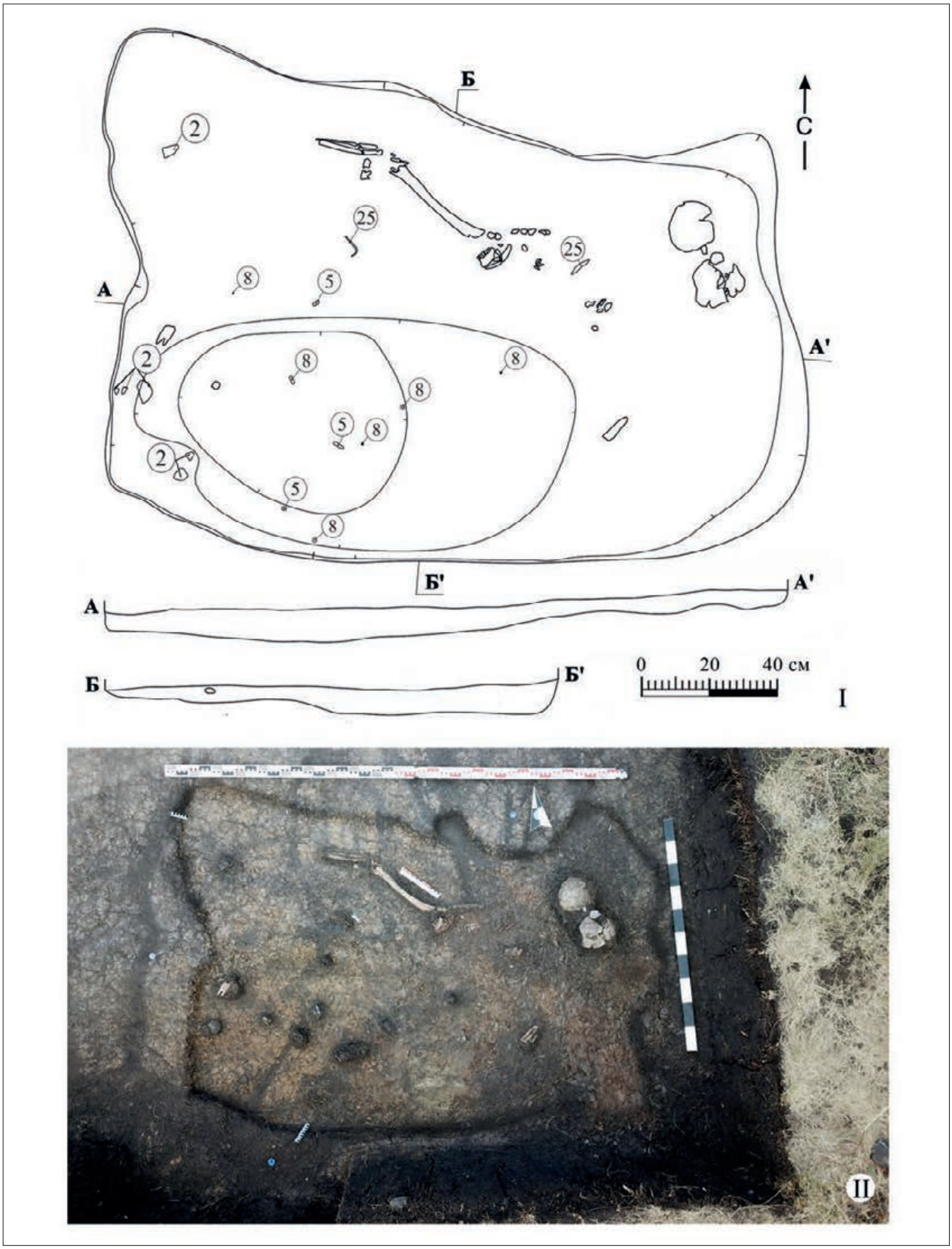

Рис. 136. Погребальный комплекс Уелги. Курган 12. Погребение 4. I: общий план и разрез; II: зачистка на уровне дна ямы, вид сверху, с юга

136. kép. Az ujelgi temető. 12. kurgán, 4. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, felülnézet, valamint nézet déli irányból

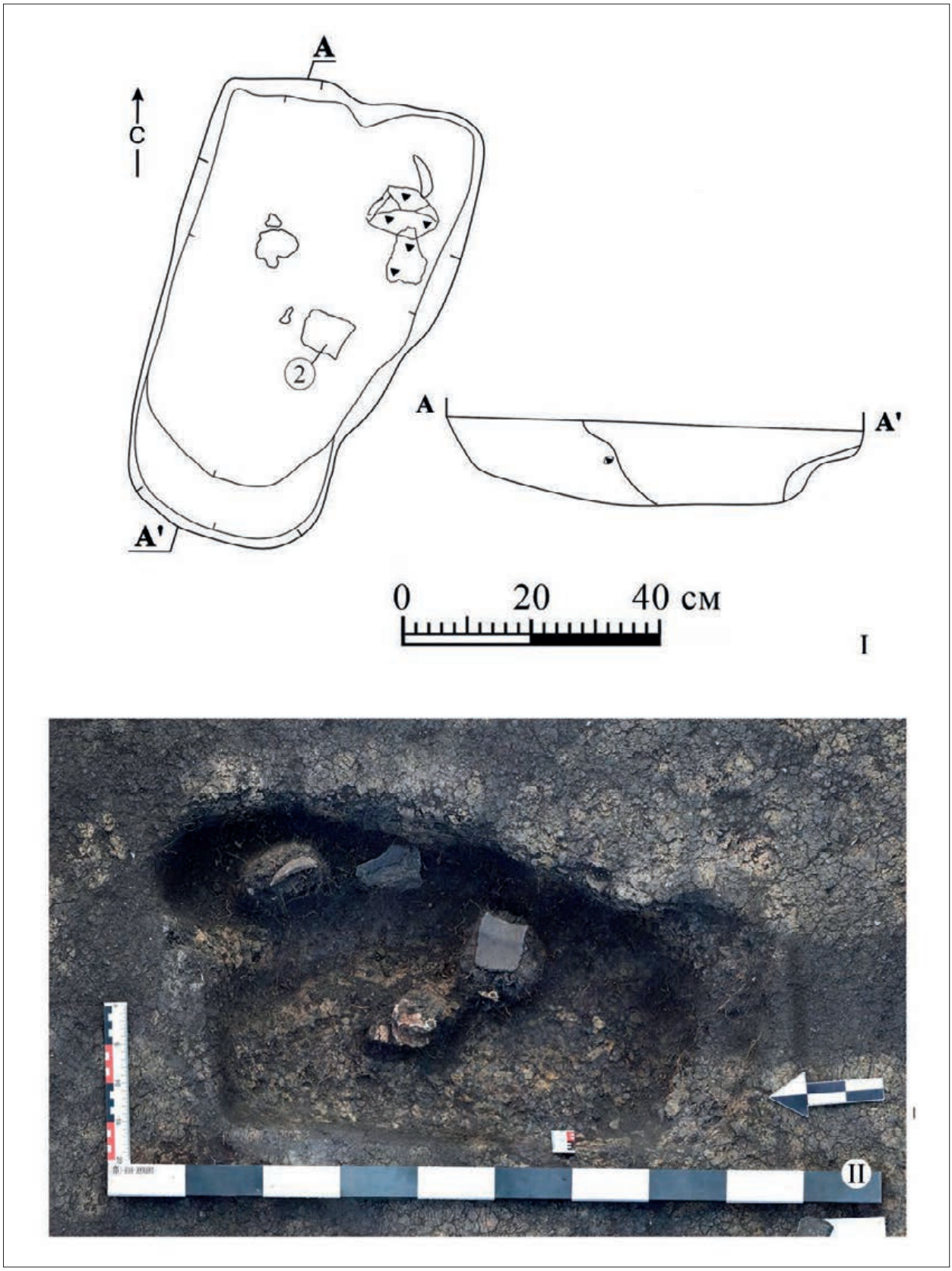

Рис. 137. Погребальный комплекс Уелги. Курган 12. Яма 5. I: общий план и разрез; II: зачистка на уровне дна ямы, вид с запада

137. kép. Az ujelgi temető. 12. kurgán, 5. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet nyugati irányból

Фрагмент удил железных в виде фрагментированного кольца, коррозирован. Размеры 4,5 × 3,5 × 0,9 см (*рис. 138. 7*).

Накладки круглые серебряные (2 экз.), с высоким бортиком и шпеньком в центральной части, без орнамента. Покрыты патиной. Размеры: диаметр 1,15 см, высота бортика 0,26 см, высота шпенька 0,52 см (*рис. 134. 9, 11*).

Накладки круглые серебряные (2 экз.), выпуклые, с заостренным тонким шпеньком в центральной части. Неорнаментированные. Покрыты патиной. Размеры: диаметр 0,8 см, высота бортика 0,3 см, высота шпенька 0,8 см (*рис. 134. 12, 13*).

Наконечник стрелы железный четырехгранный, килевидный с остроугольным острием, коррозирован. Черешок округлый, погнут. Размеры 6,6 × 0,6 см, диаметр черешка 0,4 см (*рис. 138. 10*).

Наконечник стрелы железный плоский ромбический с ровными плечиками и округлым черешком, коррозирован. Острие утрачено. Размеры 6,5 × 2,5 см, толщина лезвия 0,3 см, черешка 0,6 см (*рис. 138. 11*).

Накладка округлой формы серебряная с золотой плакировкой, в сечении имеет выпуклую форму с толщиной стенки 0,2–0,3 мм. Бордюр оформлен в виде восьми чередующихся овалов и кружков. Центральный рисунок выполнен в виде полусферического выступа и четырех исходящих из него овалов-лепестков. С обратной стороны четыре шпенька, один из которых с шайбой-фиксатором. Покрыта патиной. Размеры: диаметр 3,1 см, высота 0,8 см (*рис. 134. 10*).

Тренчик серебряный прямоугольной формы, на ребре присутствует декор в виде параллельного ряда прямых насечек. Покрыт патиной. Размеры 1,9 × 1,3 × 0,12 см (*рис. 134. 15*).

Бусина цилиндрической формы, тулово цельное, состоит из красного и желтого непрозрачного стекла. Отверстие продольное, смещено относительно центра. Фрагментировано. Размеры: диаметр 0,9 см, высота 0,55 см (*рис. 134. 16*).

Пряжка подпрямоугольной формы железная с округленным окончанием рамки и закрепленным на ней подвижным язычком, коррозирована. Часть рамки утрачена. Размеры 4 × 3 × 0,3 см, длина язычка 4,1 см, толщина 0,4 см (*рис. 138. 9*).

Фрагмент изделия из железа неопределенного назначения, коррозирован. Размеры 2,3 × 1,2 × 05 см (*рис. 138. 12*).

Описание керамического комплекса

Погребение 2

Сосуд округлой формы, в тесте примесь песка и дресвы. Закрытая горловина диаметром 6,3 см. Орнаментирован по плечу и венчику вертикальными и угловыми зигзагообразными вдавлениями гребенчатого штампа (*рис. 139. 1*).

Погребение 4

Сосуд круглодонный (5 фрагментов), реконструируется графически, частично подклеивается, средних размеров, тонкостенный, с высокой наклоненной внутрь выделенной шейкой, диаметр по венчику 10,4 см, высота 12 см. Изготовлен ручной лепкой из керамического теста темно-серого цвета с обильными примесями талька, крупными включениями слюды, немногочисленными следами органики. На внутренней и внешней поверхности черепков отмечается значительный нагар. Орнамент нанесен среднезубчатым гребенчатым штампом в верхней части сосуда по венчику, шейке и над плечиком. Шейка полностью покрыта горизонтальными рядами «елочек», опоясывающих сосуд. Ниже, под шейкой, ряд семечковидных вдавлений и один ряд вдавлений среднезубчатым штампом, образующих горизонтальный зигзаг по тулову. Внешнюю и внутреннюю поверхность сосуда покрывает мощный нагар, местами перекрывающий орнамент. По внутренней поверхности прочитываются следы заглаживания (*рис. 139. 4*).

Подкурганная площадка и насыпь

Округлый горшок со следами заглаживания и пригаром на внутренней поверхности. В керамическом тесте минимальные приме-

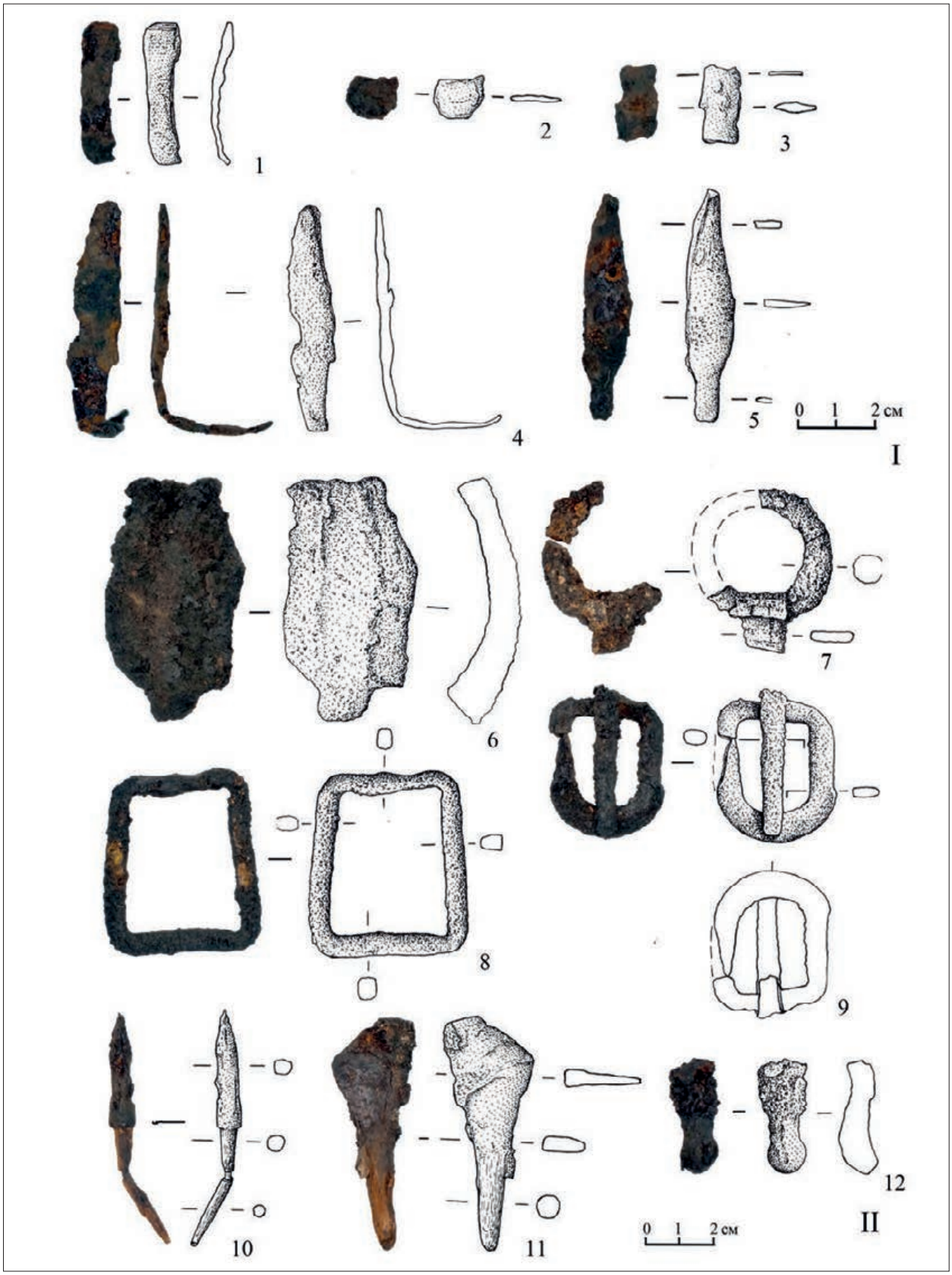

Рис. 138. Погребальный комплекс Уелги. Курган 12. Вещевой инвентарь. I: погребение 4; II: подкурганная площадка, насыпь. Железо

138. kép. Az Ujelgi temető. Kurgán 12. Mellékletek. I: sír 4; II: a kurgán alatti tér, feltöltés. Vas

Рис. 139. Погребальный комплекс Уелги. Курган 12. Керамика. 1: погребение 2; 2, 3: насыпь; 4: погребение 4
139. kép. Az ujelgi temető. 12. kurgán. Kerámia. 1: 2. sír; 2–3: feltöltés; 4: 4. sír

си мелкотолченой дресвы и органики. Орнамент нанесен над округлым плечиком, в виде горизонтального ряда подтреугольных вдавлений, выполненных зубчатым штампом (*рис. 139. 2*).

Чашка с открытым устьем диаметром 12 см. В тесте минимальные примеси мелкотолченой дресвы и органики. Орнамент нанесен на венчике в виде горизонтального ряда подтреугольных вдавлений, выполненных зубчатым штампом (*рис. 139. 3*).

Курган 14

Курган 14 (*рис. 140*) был обнаружен на западном склоне останца – западной границе погребального комплекса. Насыпь кургана овальной формы, вытянутая по линии С–Ю, диаметром 10 × 12 м.

Всего под насыпью кургана было исследовано четыре погребения – погребение 1 без следов ограбления, погребения 2, 3, 4 с остатками погребальных конструкций, инвентаря и отдельными костями скелетов. Ямы 1, 2, 3, 4, 5 являлись либо грабительскими, либо были полностью ограблены, никаких конструкций и инвентаря обнаружено не было.

При снятии насыпи в квадратах Е/21, Е/23 в заполнении были обнаружены различные предметы. В квадратах Е–Д/23 обнаружены серебряные и полиметаллические накладки, наконечники стрел, фрагмент концевой костяной накладки на лук, колчан, бронзовый колчанный крюк, обломок ножа, фрагмент ремешка с лунницевидными накладками. Здесь же была найдена серебряная с позолотой накладка с изображением богини Кали. В квадрате Е/21–22 обнаружено скопление человеческих костей, а также две кости ноги лошади (*рис. 141*). В этом скоплении также обнаружена одна сердцевидная и другая в виде соцветия накладки с круглым отверстием в центре. На этом участке были найдены серебряные пластины-подвески (или нашивки), большинство из которых имеют ромбовидную форму и два отверстия на концах. На внешней поверхности пластинок хорошо фиксируются фрагменты рельефного растительного орнамента. Возможно, что эти пластинки изготовлены из металлического предмета (сосуда?). Вероятнее всего, что и скопление костей, и предметы были выброшены из погребения 5.

Погребение 1 (*рис. 142*) располагалось в одном метре к югу от условного центра подкурганной площадки, в яме подпрямоугольной формы размерами 0,85 × 2 м, глубиной 0,23 м, ориентированной по линии ЮЗ–СВ. Погребенный, костяк взрослого человека, лежал в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища, головой на юго-запад. Череп повернут к левой ключице, лицом обращен на север. Вдоль левой бедренной кости скелета обнаружена бедренная кость лошади, рядом с которой располагался железный нож. У правого плеча расчищено скопление железных и костяных наконечников стрел. У правого предплечья были обнаружены две костяные срединные накладки на лук. Справа от костей конечностей погребенного были обнаружены железные удила с костяными псалиями. У костей черепа найден фрагмент керамики, между костями ног в районе колен была расчищена серебряная накладка с фрагментами кожи (*рис. 142; 143*).

Накладка короновидной формы серебряная с прорезью внизу с остатком кожи. Размеры 2,1 × 3 см (*рис. 143. 12*).

Пряжка подпружная костяная с Т-образным вырезом в верхней и прямоугольным – в нижней части. Размеры 2,6 × 5 × 1,2 см (*рис. 143. 1*).

Нож железный. Размеры 1 × 11 см (*рис. 143. 9*).

Наконечники стрел железные (5 экз.) двухлопастные. Размеры 1–2,08 × 3 × 5,8 см (*рис. 143. 2–6*).

Наконечники стрел костяные (2 экз.) асимметрично-ромбические. Размеры 1–1,2 × 9,6–11,8 см (*рис. 143. 7, 8*).

Накладка на лук костяная (2 экз.). Размеры 10,8–12 × 3,8 см (*рис. 143. 10–11*).

Псалии костяные (2 экз.) с круглым сечением: в одном случае с окончанием в виде перехвата; в другом – в виде ласточкиного хвоста. Размеры 1,4 × 14 см (*рис. 143. 13, 15*).

Удила кольчатые железные с одним кольцевым окончанием. Размеры: правая дужка 10,6 см, левая 8,2 см (*рис. 143. 14*).

Погребение 2 (*рис. 144*) расположено в двух метрах к юго-востоку от условного центра кургана, могильная яма трапециевидной формы размерами 0,7 × 1,2 × 1 м. Поверх заполнения погребения хорошо фиксируются очертания грабительской ямы, которые практически перекрывают погребение 2. В заполнении погребальной и грабительской ямы обнаружены кости скелета человека и кости лошади. Глубина ямы 0,1 м от уровня материка, в центре погребальной ямы на дне обнаружена сердцевидная накладка с растительным орнаментом размерами 1,5 × 1,6 см.

Погребения 3 и 4 (*рис. 145*) расположены в юго-западной части насыпи.

Погребение 3. Яма подпрямоугольной формы, размерами 0,8 × 1,8 м. Ориентирована ЗСЗ–ВЮВ. В юго-восточной половине погребения 3 была найдена бронзовая подпружная пряжка. В верхних слоях заполнения ямы погребения 3 обнаружены два фрагмента кольчуги и обломки костей скелета человека.

Пряжка подпружная бронзовая, цельнолитая, с прямоугольным щитком с прорезью для язычка, сегментовидной рамкой с овальной прорезью и фигурным носиком, оформленным угловыми параллельными желобками и цепочкой мелких сферических элементов, выполненных гравировкой по краю. Общие размеры 4,2 × 5,7 см (*рис. 149. 8*).

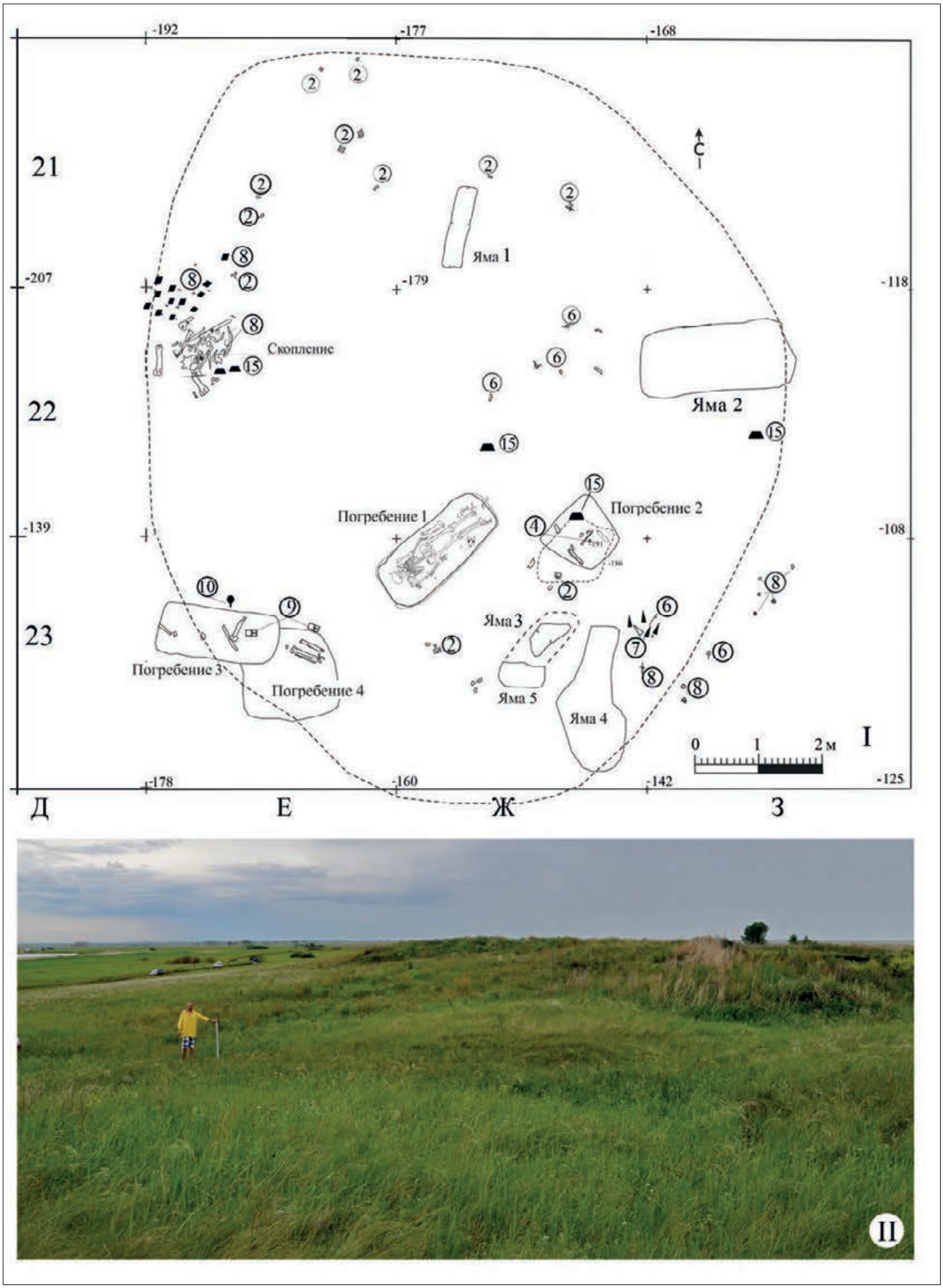

Рис. 140. Погребальный комплекс Уелги. Курган 14. I: общий план; II: вид на насыпь кургана с юга
140. kép. Az ujelgi temető. 14. kurgán. I: általános felszínrajz; II: a kurgán feltöltése déli irányból

Рис. 141. Погребальный комплекс Уелги. Курган 14. I–II: скопление костей на участке E/21–22, вид с севера
141. kép. Az ujelgi temető. 14. kurgán. I–II: csontokkupacok az E/21–22 szelvényben, nézet északi irányból

Рис. 142. Погребальный комплекс Уелги. Курган 14. Погребение 1. I: общий план; II: зачистка на уровне дна могильной ямы, вид с юга

142. kép. Az ujelgi temető. 14. kurgán, 1. sír. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet déli irányból

Рис. 143. Погребальный комплекс Уелги. Курган 14. Погребение 1. I: вещевой инвентарь. 1, 7, 8, 10, 11, 13, 15: кость; 12: серебро, кожа; 2–6, 9, 14: железо; II: деталь, фрагмент колчана

143. kép. Az ujelgi temető. 14. kurgán, 1. sír. I: mellékletek. 1, 7–8, 10–11, 13, 15: csont; 12: ezüst, bőr; 2–6, 9, 14: vas; II: tegez töredéke, részlet

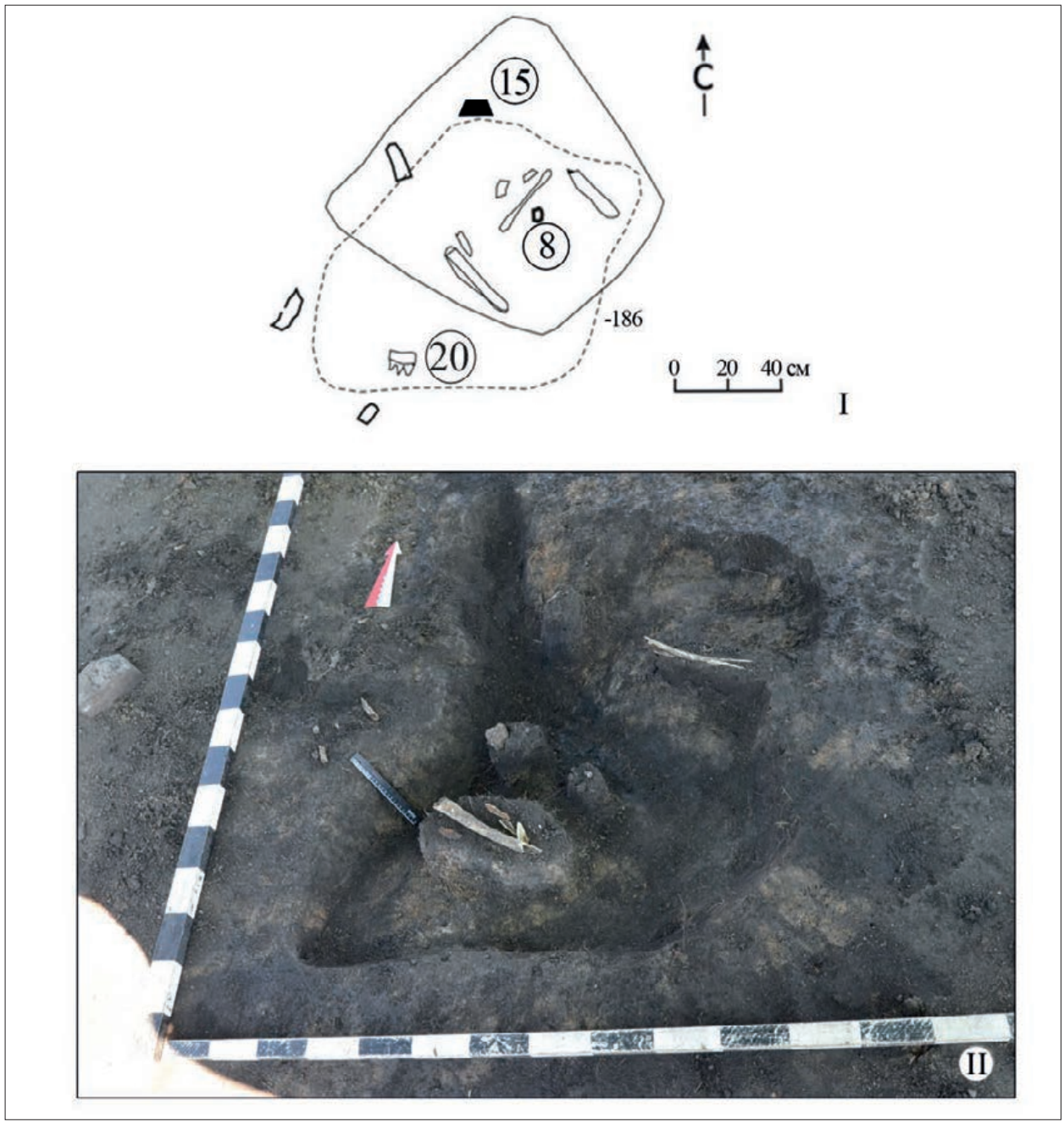

Рис. 144. Погребальный комплекс Уелги. Курган 14. Погребение 2. I: общий план; II: зачистка на уровне материка, вид с юга

144. kép. Az ujelgi temető. 14. kurgán, 2. sír. I: általános felszínrajz; II: az altalaj szintjének kibontása, nézet déli irányból

Погребение 4 примыкает к погребению 3 с юго-востока. Яма неправильной (подквадратной) формы, с округлыми углами, размерами 1,2 × 1,5 м, длинной стороной ориентирована по линии З–В, глубиной 8 см. В погребении 4 были обнаружены только берцовые кости скелета человека, уложенные вдоль северной стенки ямы. Судя по ним, погребенный был уложен головой на северо-запад. У северной стенки была обнаружена бронзовая подпружная пряжка.

На подкурганной площадке расчищено *пять разрозненных ям (1–5)* разного размера (*рис. 140*). В основном они расположены в восточной половине кургана. Ямы 1 и 2 подпрямоугольной формы, ориентированы соответственно ССВ–ЮЮЗ, З–В, размерами 0,3 × 1,4 м и 1,0 × 2,5 м. Очерта-

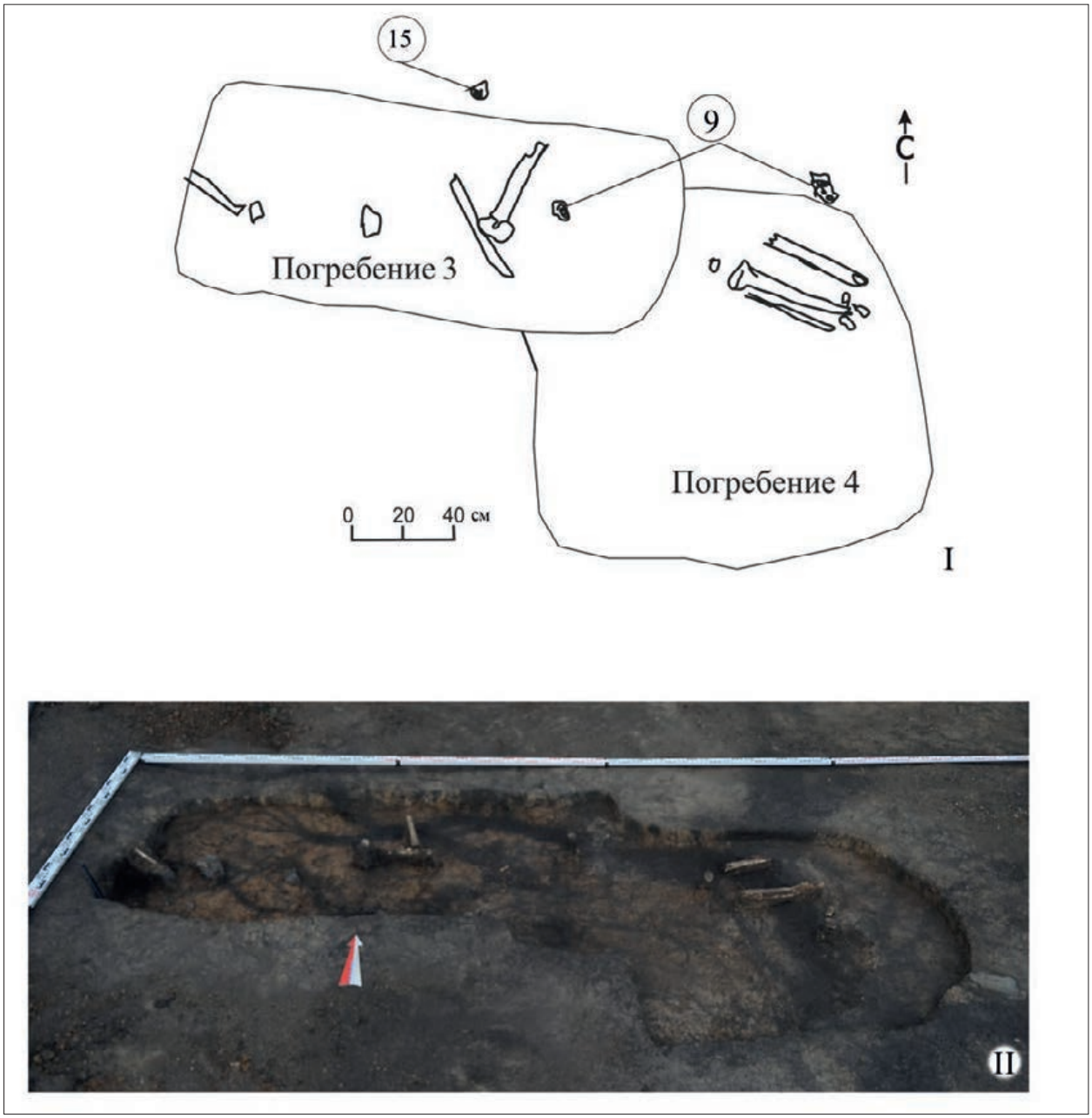

Рис. 145. Погребальный комплекс Уелги. Курган 14. Погребение 3 и 4. I: общий план; II: зачистка на уровне материка, вид с юга

145. kép. Az ujelgi temető. 14. kurgán, 3–4. sír. I: általános felszínrajz; II: az altalaj szintjének kibontása, nézet déli irányból

ния ям 3 и 5 неправильной формы, размерами 0,4 × 0,8 м. Очертания ямы 4 имеют грушевидную форму, размерами 1,1 × 2,2 м; яма ориентирована длинными стенками ССВ–ЮЮЗ. Данные ямы искусственного происхождения, вероятнее всего, представляют поисковые вкопы грабителей.

Фрагменты кольчуги из погребения 4 и подкурганной площадки представляют собой спекшиеся фрагменты. Размеры 4,2 × 4,5 см и 3,5 × 7 см, толщиной до 1,3 см, диаметр колец до 1 см (*рис. 150*).

Пряжка подпружная бронзовая с железным язычком, аналогичная находке из погребения 3, с контурным оформлением внешнего и внутреннего края и центральной концевой части, переходящей в фигурный носик, украшенный растительной гроздью. Общие размеры 3,5 × 5,2 см (*рис. 149. 9*).

Рис. 146. Погребальный комплекс Уелги. Курган 14. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. 1: серебро, кожа; 2: бронза;3–5, 7–14: серебро; 6: бронза, позолота
146. kép. Az ujelgi temető. 14. kurgán. A kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. 1: ezüst, bőr; 2: bronz; 3–5, 7–14: ezüst; 6: bronz, aranyozás

В насыпи кургана на участке Е–Ж/24 был найден *обломок серебряного дирхема* (*рис. 147. 8*). По определению Д.Г. Мухаметшина (музей Булгар): «*Монета. Ахмад бин Исмаил 295–301/907–914 эмитент Ал-Буктабир билах 295–320/908–932 Бухара? 29* г.х. То есть монета чеканена Ахмадом б. Исмаилем в Бухаре? В 29* г.х. = 907–912 гг.*».

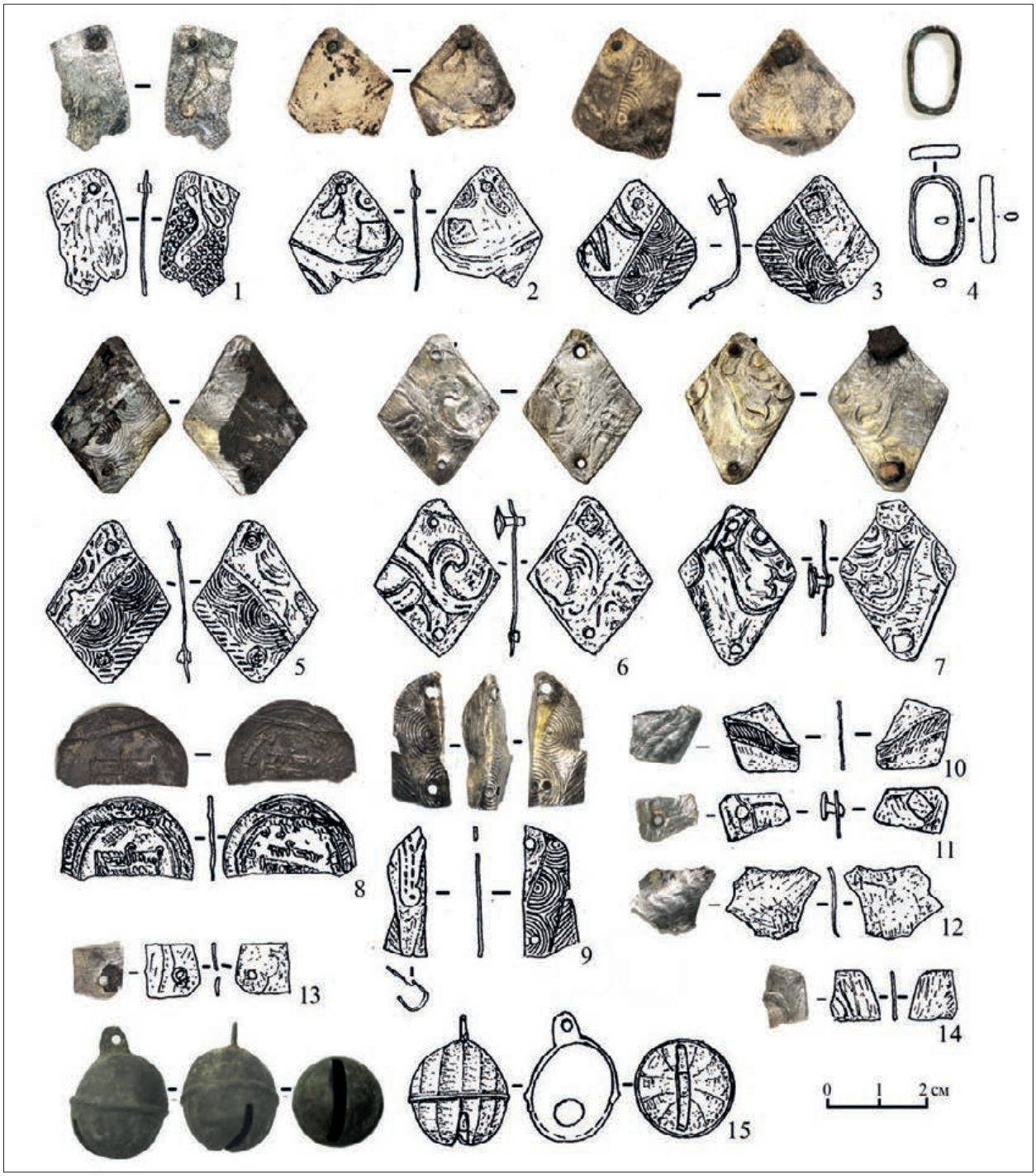

Рис. 147. Погребальный комплекс Уелги. Курган 14. Вещевой инвентарь. 1–7, 9–14: участок Е–Ж/24; 8, 15: подкурганная площадка. Серебро
147. kép. Az ujelgi temető. 14. kurgán. Mellékletek. 1–7, 9–14: E–Ж/24. szelvény; 8, 15: a kurgán alatti tér. Ezüst

Описание вещевого инвентаря с подкурганной площадки и из насыпи

Бубенчик серебряный, имеет сферические ребра жесткости, сварен из двух створок, сверху петелька для подвешивания. Размеры 1,9 × 2 см (*рис. 147. 15*).

Тренчик серебряный. Размеры 1 × 1,6 см (*рис. 147. 4*).

Накладки щитовидные серебряные (2 экз.), с фигурным верхним краем (*рис. 146. 13*) и с про-

Рис. 148. Погребальный комплекс Уелги. Курган 14. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. 1–8: железо; 9, 10: кость
148. kép. Az ujelgi temető. 14. kurgán. A kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. 1–8: vas; 9–10: csont

дольным ребром по середине (*рис. 146. 14*). Размеры 1,3 × 1,5 см.

Накладки цветковидные серебряные (2 экз.) с шестью лепестками. Диаметр 1,5 см (*рис. 146. 11, 12*).

Накладка серебряная из скопления, с шестью лепестками и круглым отверстием в центре, диаметром 0,9 см, и выделенным носиком в верхней части. Общий диаметр 2,1 см (*рис. 146. 3*).

Накладка четырехсоставная серебряная с центральным крупным и тремя мелкими сферическими отростками. Размеры 1,8 × 2,4 см (*рис. 146. 4*).

Накладки прямоугольные серебряные (2 экз.): с одним вырезом в верхней части и тремя крепежными шпеньками, размеры 1,5 × 2,2 см (*рис. 146. 5*); с двумя вырезами и четырьмя крепежными шпеньками, размеры 1,5 × 2,2 см (*рис. 146. 9*).

Рис. 149. Погребальный комплекс Уелги. Курган 14. Вещевой инвентарь. 1, 4–7: подкурганная площадка; 2, 3: участок Е/21–22; 8: погребение 4; 9: погребение 5. 1–3: серебро, позолота; 4, 8, 9: бронза; 5–7: железо
149. kép. Az ujelgi temető. 14. kurgán. Mellékletek. 1, 4–7: kurgánalatti tér; 2–3: E/21–22. szelvény; 8: 4. sír; 9: 5. sír. 1–3: ezüst, aranyozás; 4, 8–9: bronz; 5–7: vas

Накладки фигурные серебряные (2 экз.): лунницевидная с одним сферическим отростком по краям, размеры 0,5 × 1,4 см (*рис. 146. 8*); черепаховидной формы, размеры 0,9 × 1,5 см (*рис. 146. 7*).

Перстень с цветковидным щитком серебряный (*рис. 146. 10*).

Накладка сердцевидная бронзовая с позолотой с тремя тисненными округлыми изображениями на щитке и округлым вырезом сверху. Размеры 1,4 × 2,4 × 0,5 см (*рис. 146. 6*).

Фрагменты ремня с серебряными наборными накладкам длиной 2,5 × 4,4 см. Накладки овальной формы, сочленены по четыре экземпляра и соединены ремнем и шпеньками, размеры 0,7 × 1,9 см (*рис. 146. 1*).

Подвески нашивные серебряные, ромбические (12 экз.), орнаментированы рельефным рас-

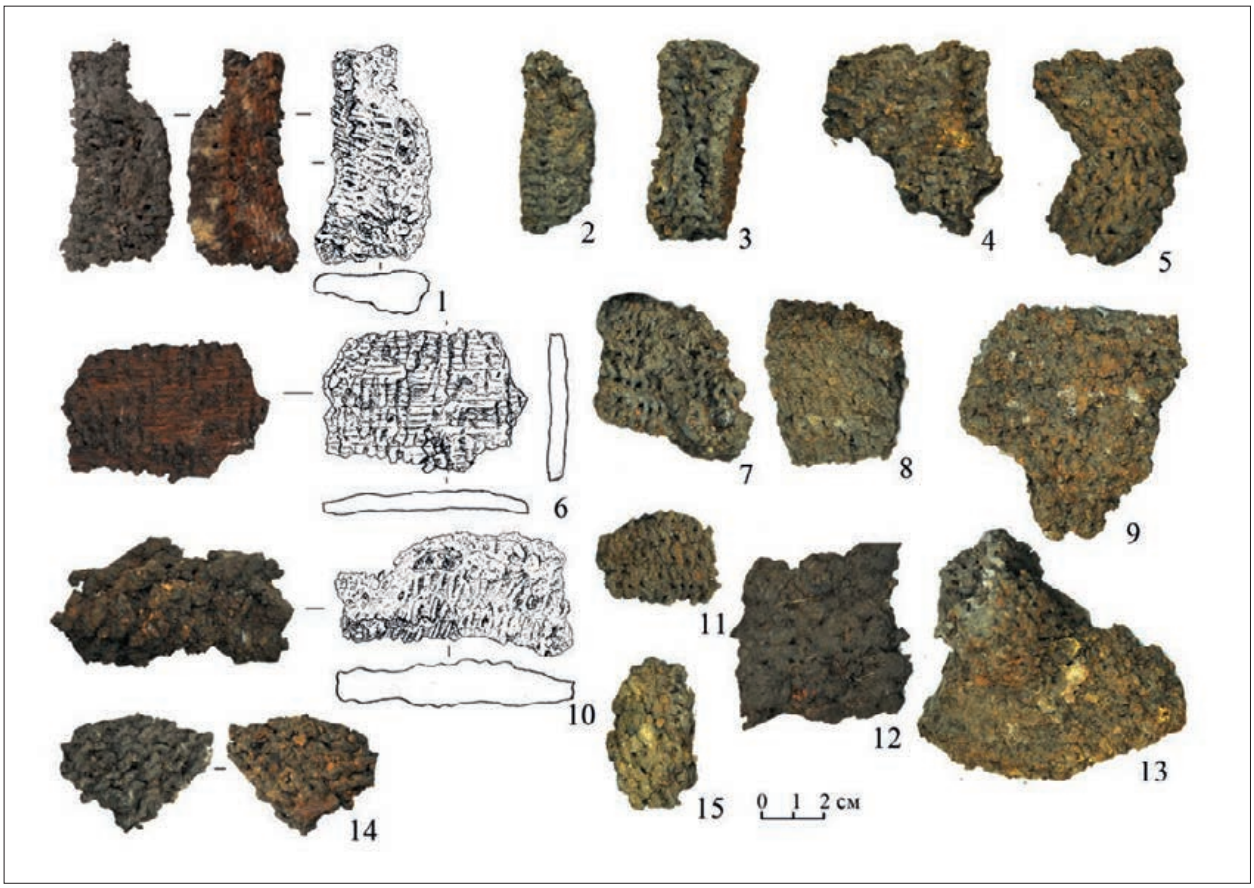

Рис. 150. Погребальный комплекс Уелги. Курган 14. Погребение 4, подкурганная площадка. Фрагменты кольчуги. Железо

150. kép. Az ujelgi temető. 14. kurgán, 4. sír, a kurgán alatti tér. Páncéling töredékei. Vas

тительным узором. Размеры 2 × 2,6–2,8 см. Семь экземпляров целые, имеют по два отверстия на вершинах; пять экземпляров в обломках (*рис. 147. 1–3, 5–7, 9–14*).

Наконечники стрел железные черешковые (5 экз.): листовидный двухлопастной, размеры 2,5 × 8 см (*рис. 148. 8*); четырехгранные (3 экз.), размеры от 3,5 до 5 см в длину и до 0,6 см в ширину (*рис. 148. 2, 6*); трехлопастной бронебойный, размеры 1,2 × 6 см (*рис. 148. 4, 7*).

Наконечник стрелы костяной, асимметрично-ромбический. Размеры 1,8 × 10,2 см (*рис. 148. 9*).

Накладка на лук концевая костяная, с прорезью для крепления тетивы. Размеры 0,2–1 × 12 см (*рис. 148. 10*).

Крюк колчанный бронзовый с щитовидной верхней частью, имеющей три крючочных шпенька, размеры 2 × 2,7 см, и крючком, имеющим сферическое окончание (*рис. 146. 2*).

Обломок железного ножа с упором. Размеры 1,5 × 5 см (*рис. 148. 3*).

Обломок железного предмета с крючком внизу. Размеры 1 × 4,5 см (*рис. 148. 1*).

Наконечник стрелы железный четырехгранный. Размеры 0,8 × 5,7 см (*рис. 149. 7*).

Фрагменты железной кольчуги. Размеры 0,8 × 2,9 см (*рис. 150*).

Фрагмент железного V-образного предмета. Размеры 1,2 × 1,4 см (*рис. 148. 5*).

Накладка с изображением богини Кали серебряная с позолотой, листовидной формы. Размеры 2,56 × 4,45 см. Обнаружена в насыпи (квадрат Е/21–22). Имеет три крепежных шпенька с обратной стороны. Изображение интерпретируется как женский образ, восседающий в позе лотоса. Над головой сложный головной убор. Просматриваются элементы лица: глаза, нос и рот, который изображен лишь в одной стороне, другая закрыта высунутым язы-

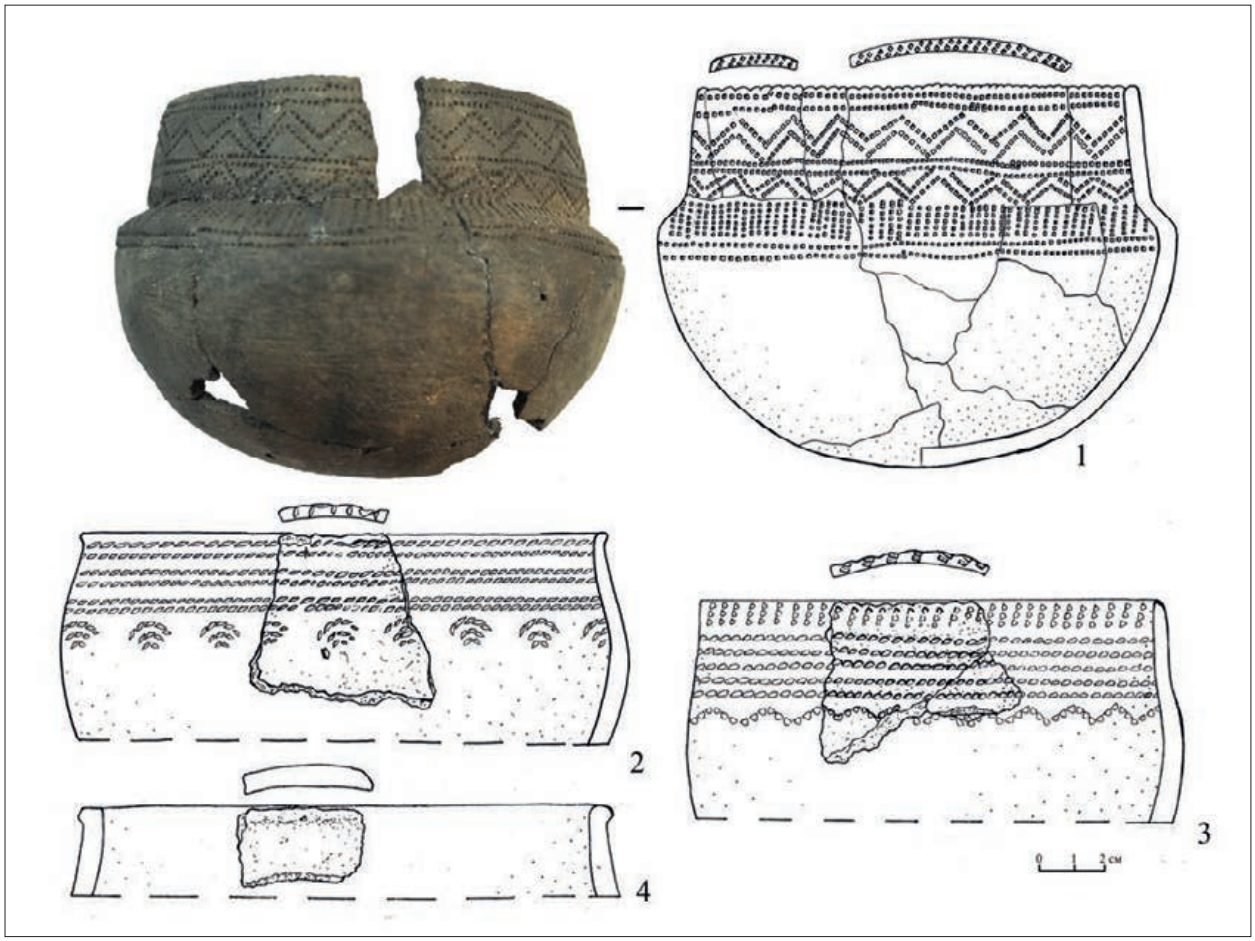

Рис. 151. Погребальный комплекс Уелги. Курган 14. Участок Ж/23, подкурганная площадка. Керамика
151. kép. Az ujelgi temető. 14. kurgán. Ж/23. szelvény, a kurgán alatti tér. Kerámia

ком. В правой руке богиня держит за волосы человеческую голову, в левой – изогнутый нож (серп?). На груди двойной ромбовидный узор. Над головой расположен двойной ряд сферических выступов: в верхнем – округлые выступы, в нижнем просматриваются изображения черепов (*рис. 149. 2, 3*).

Накладка сферическая серебряная сегментовидной формы, с имитацией ушка в нижней части, имеет три шпенька для крепления с обратной стороны, орнаментирована растительным узором в виде венка из четырех соцветий смоквы, есть фигурный бордюр в виде окружностей и овальных цепочек по краю. Размеры 2,2 × 2,5 см (*рис. 149. 1*).

Накладка сферической формы серебряная. С обратной стороны два шпенька для крепления. Диаметр 3,4 см (*рис. 149. 4*).

Описание керамического комплекса

Коллекцию глиняной посуды кургана 14 составляют один развал сосуда и фрагменты трех горшков.

Развал сосуда, размеры: диаметр устья 13 см, высота 11,2 см. Тесто плотное с примесью крупного песка. Орнаментирован гребенчатым штампом; орнаментальный сюжет – горизонтальные двойные линии, между которыми помещен двойной зигзаг (по шейке) и вертикальные гребенчатые ряды (по плечу) (*рис. 151. 1*).

Фрагмент сосуда, часть шейки и тулова, диаметр устья 17 см, орнаментирован тремя двойными рядами псевдогребенчатого штампа и рядом сегментовидных тройных узоров с насечками по венчику (*рис. 151. 2*).

Фрагмент сосуда, шейка и тулово, диаметр устья 15,2 см, орнаментирован по венчику и шейке оттисками гребенчатого треугольного штампа. Пять горизонтальных рядов псевдогребенчатого штампа нанесены по шейке и зигзаг по плечу (*рис. 151. 3*).

Фрагмент неорнаментированного сосуда, часть шейки с прямо срезанным венчиком, в тесте примесь мелкого песка (*рис. 151. 4*).

Курган 23

Курган 23 (*рис. 152*) располагался в крайней южной группе курганов погребального комплекса. Насыпь кургана одна из наиболее крупных в южной половине могильника, неправильной овальной формы, вытянута по линии СЗ–ЮВ, размерами 16 × 15 м, высотой до 0,5 м. После снятия насыпи и зачистки по материку на подкурганной площадке было зафиксировано до двух десятков очертаний ям различной конфигурации. В ходе последующих исследований было установлено, что 10 из них можно считать погребениями и 10 других, вероятнее всего, являлись грабительскими вкопами. Грабительские ямы в большинстве своем располагались в южной части насыпи, имели подовальную форму, ориентированы длинными стенками по оси С–Ю или ССВ–ЮЮЗ, размерами 0,75–1,25 м × 0,35–0,5 м. Все могильные ямы и погребения были ограблены, кроме могильной ямы 3 (детское захоронение), расположенной за пределами насыпи кургана. Первоначальные очертания могильных ям значительно менялись в результате ограбления. Стенки отдельных могильных ям (4, 5, 6, 7, 9) значительно повреждены, что осложняло их идентификацию.

Могильная яма 1 (*рис. 152; 153*) располагалась в юго-западном секторе подкурганной площадки, имела подпрямоугольную форму, размерами 0,75 × 1,7 м, глубиной 0,2 м. Ориентирована по линии СВ–ЮЗ. При зачистке на уровне материка в юго-восточном углу был расчищен череп человека. Под ним, на дне могильной ямы, расчищены берцовые кости и стопа (в сочленении). Судя по расположению костей, возможно, умерший был ориентирован по линии СВ–ЮЗ. На этом же уровне в придонной части, в северо-восточном углу ямы, расчищены две поперечные деревянные плахи перекрытия или гробовины шириной до 10 см. Здесь же обнаружено скопление костей человека (*рис. 153*).

Могильная яма 2 (*рис. 154; 155*) была обнаружена в юго-западном секторе насыпи, имела вытянутую трапециевидную форму, размерами 1 × 1,63 м, глубиной 0,2 м, ориентирована по линии ВСВ–ЗСЗ. При зачистке на уровне материка в заполнении ямы расчищено скопление камней, которые, вероятнее всего, попали в заполнение после ограбления погребения и последующего затекания каменистого выброса (*рис. 154. I, II*). При зачистке придонной части у стенок ямы были обнаружены кости позвоночника, в средней части южной стенки – кости таза и в северо-западном углу – бедренная кость человека (*рис. 155*), в заполнении обнаружен обломок железной скобы.

Фрагмент железной скобы. Размеры 1,4 × 5,6 см (*рис. 164. 19*).

Могильная яма 3 (*рис. 156. I, II*) расположена у южной границы насыпи кургана. Яма неправильной формы, с южной и восточной стороны к стенкам ямы примыкают боковые вкопы. Очертания ямы, вероятно, были подпрямоугольной формы, размерами 0,5–0,75 м, глубиной 0,1 м. На дне зафиксировано погребение ребенка возрастом 1-2 года,, ориентированное по линии З–В, головой на запад. К северу от костей черепа был обнаружен керамический сосуд.

Могильная яма 4 (*рис. 157*) расположена в южном секторе подкурганной площадки. При первоначальной расчистке очертания ямы представляли собой сложную неправильную форму, состоящую из трех фигур. Большая – подпрямоугольной формы, размерами 1,2 × 2,2 м, вытянута по линии ЗСЗ–ВЮВ. С восточной торцовой стороны к ней примыкают очертания ямы трапециевидной формы (яма 8), размерами 0,7 × 1,4 м, ориентированной СВ–ЮЗ. К юго-западному углу примыкают очертания ямы подпрямоугольной формы (яма 7), размерами 0,6 × 1,2 м, ориентированной по линии ССВ–ЮЮЗ (*рис. 152; 157*).

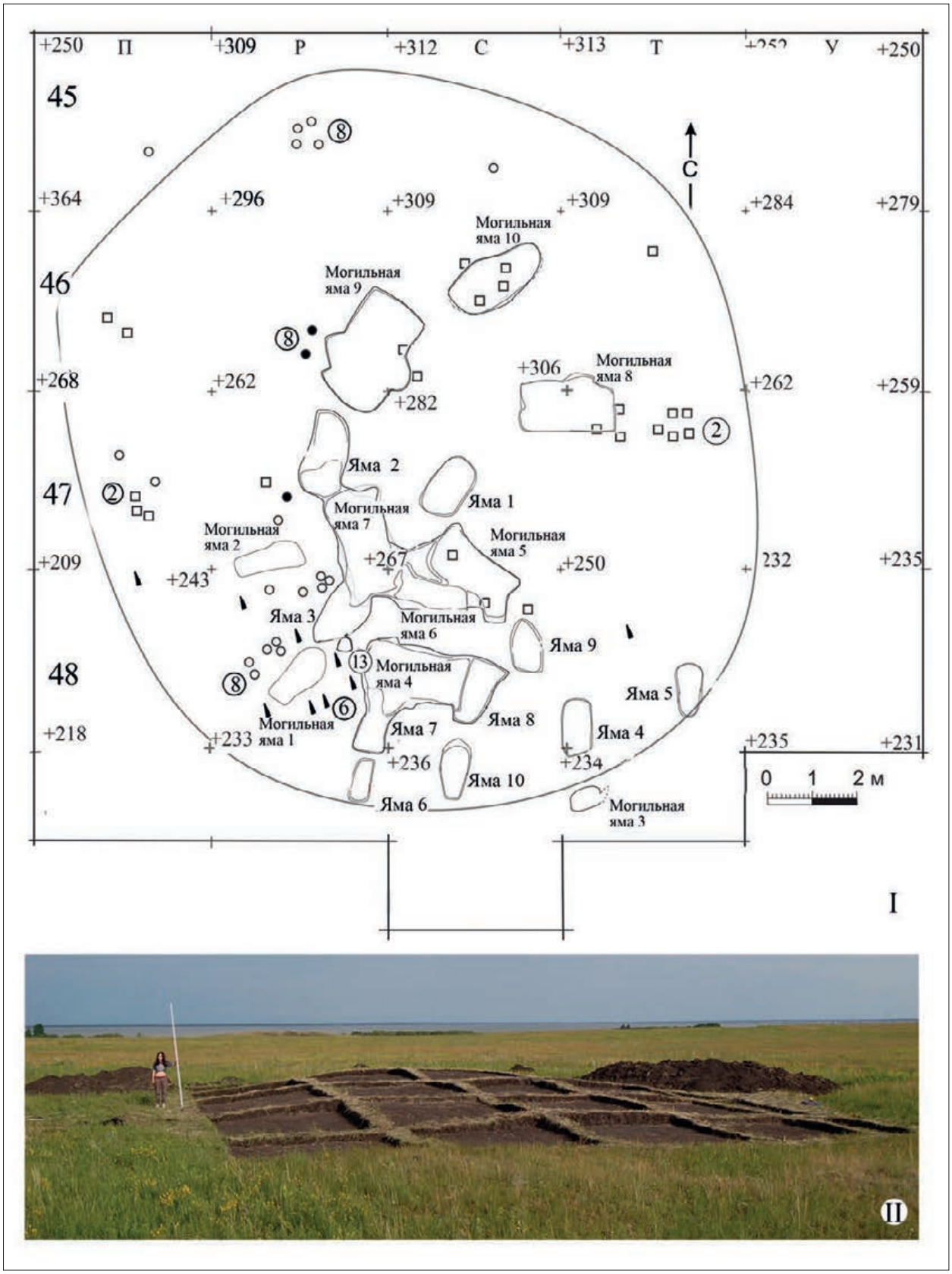

Рис. 152. Погребальный комплекс Уелги. Курган 23. I: общий план; II: начало археологических исследований, вид с запада

152. kép. Az ujelgi temető. 23. kurgán. I: általános felszínrajz; II: a régészeti kutatás kezdete, nézet nyugati irányból

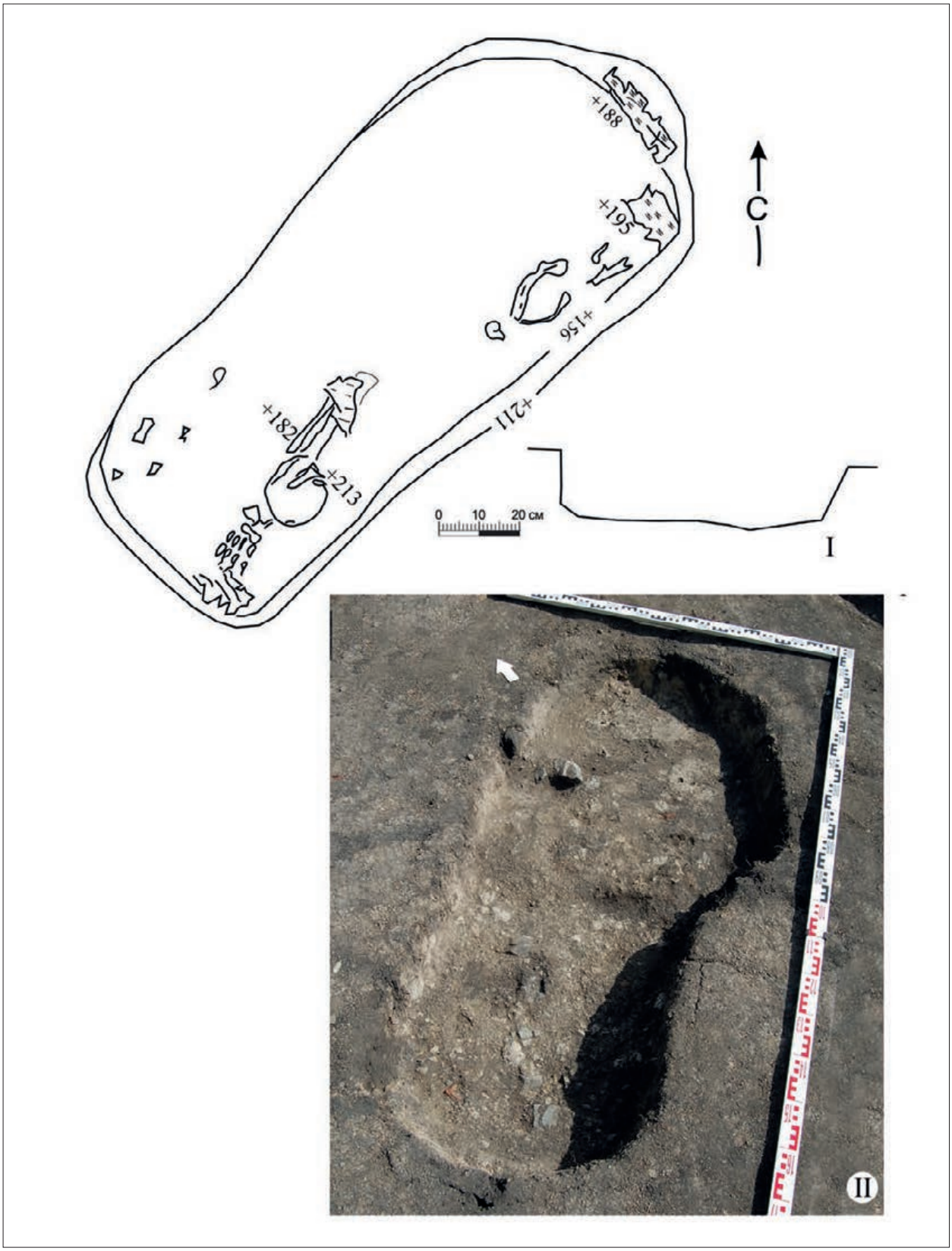

Рис. 153. Погребальный комплекс Уелги. Курган 23. Могильная яма 1. I: общий план и разрез; II: зачистка на уровне материка, вид с юго-юго-запада

153. kép. Az ujelgi temető. 23. kurgán, 1. sírgödör. I: általános felszínrajz és metszet; II: az altalaj szintjének kibontása, nézet dél-délnyugati irányból

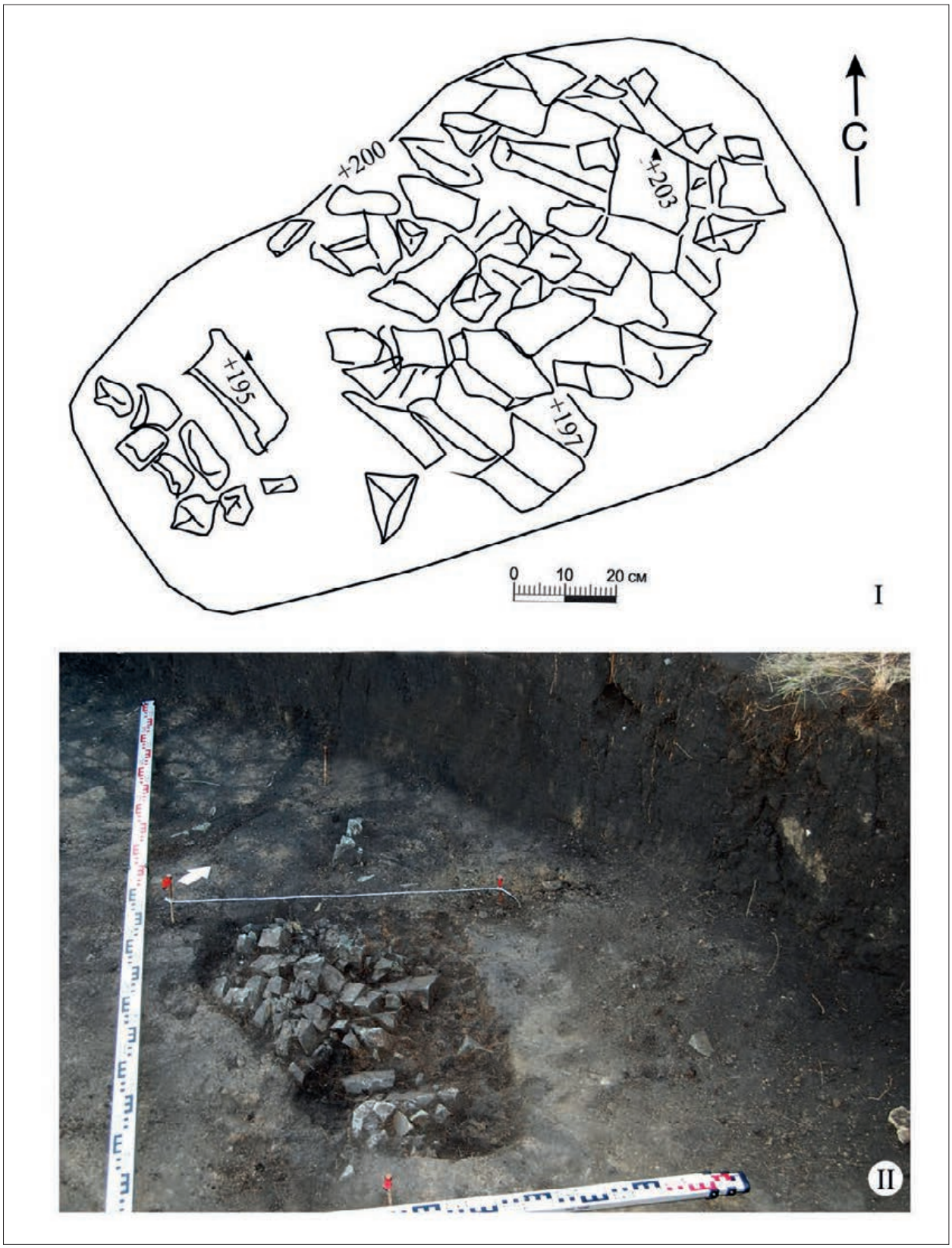

Рис. 154. Погребальный комплекс Уелги. Курган 23. Могильная яма 2. I: общий план; II: расчистка каменного заполнения, вид с юго-востока

154. kép. Az ujelgi temető. 23. kurgán, 2. sírgödör. I: általános felszínrajz; II: a köves betöltés kibontása, nézet délkeleti irányból

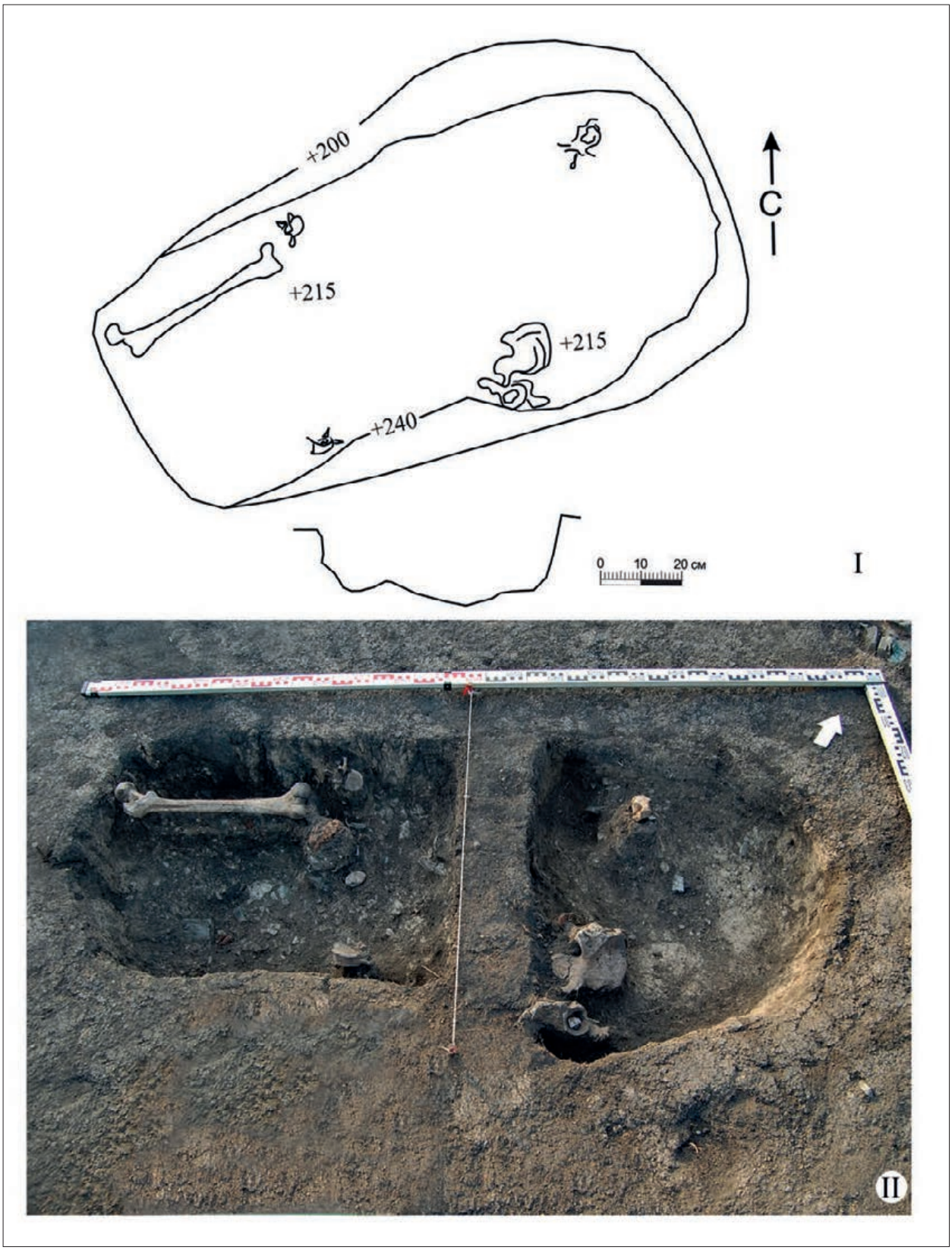

Рис. 155. Погребальный комплекс Уелги. Курган 23. Могильная яма 2. I: общий план и разрез; II: зачистка по дну ямы, вид с юго-юго-востока

155. kép. Az ujelgi temető. 23. kurgán, 2. sírgödör. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet dél-délkeleti irányból

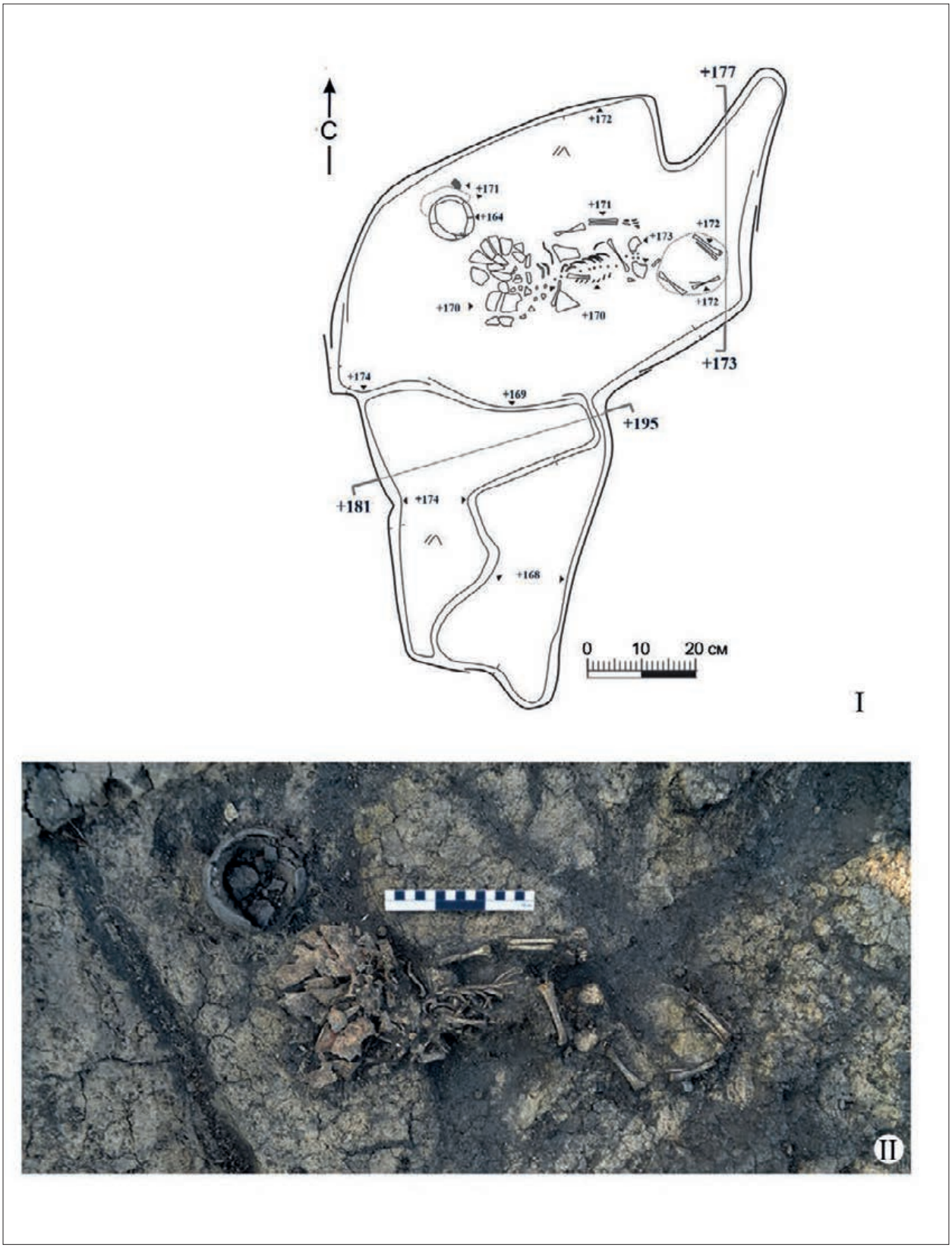

Рис. 156. Погребальный комплекс Уелги. Курган 23. Могильная яма 3. I: общий план; II: зачистка по дну ямы, вид с юга

156. kép. Az ujelgi temető. 23. kurgán, 3. sírgödör. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet déli irányból

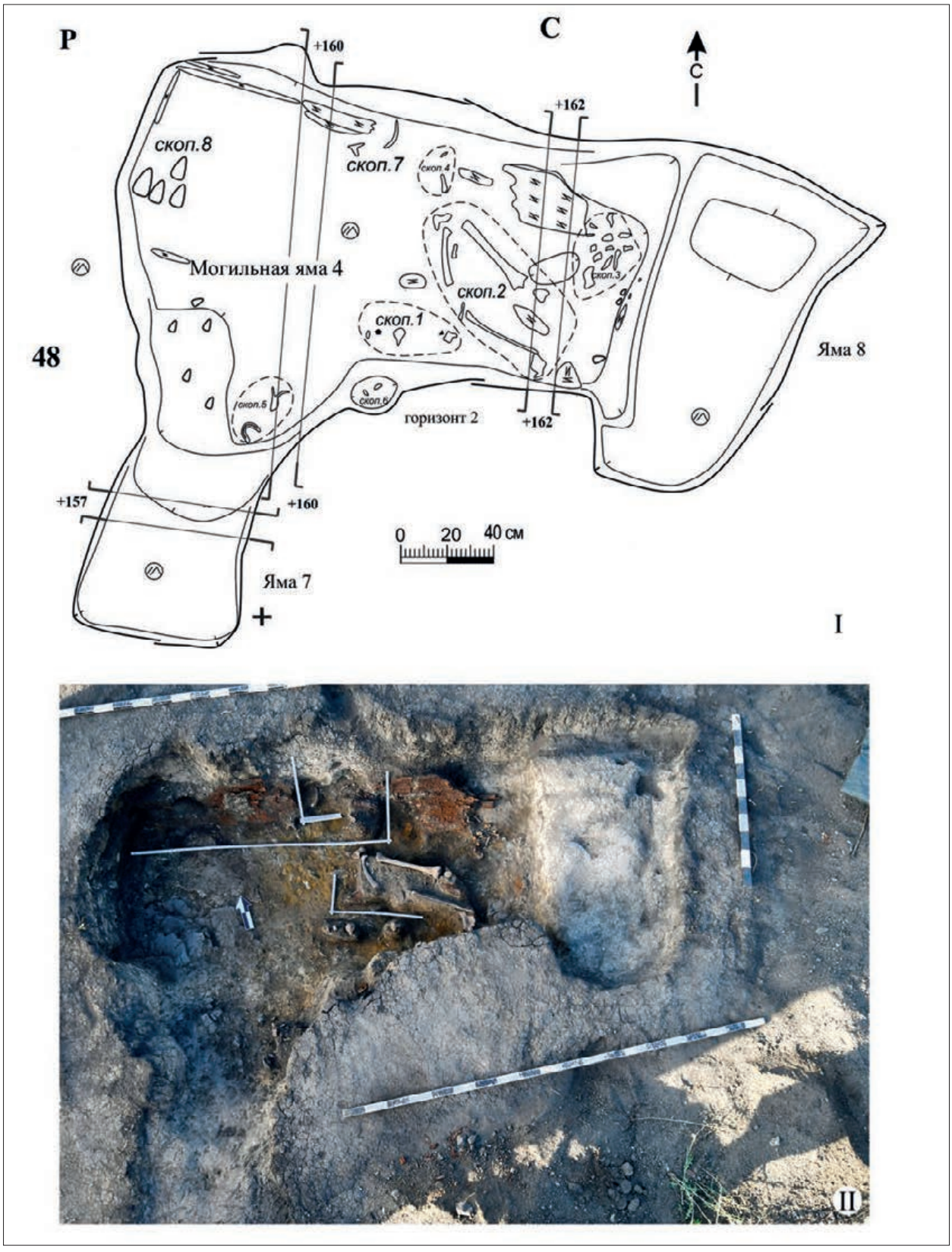

Рис. 157. Погребальный комплекс Уелги. Курган 23. Могильная яма 4, ямы 7 и 8. I: общий план; II: зачистка по дну ямы, вид с юга

157. kép. Az ujelgi temető. 23. kurgán, 4. sírgödör, 7–8. gödör. I: általános felszínrajz; II: a gödör aljának kibontása

После расчистки до второго горизонта стало очевидным, что крайние ямы являлись поисковыми грабительскими вкопами. В разграбленной могильной яме было расчищено девять скоплений, содержащих обломки костей человека, скопление костей лошади, а также прослежены остатки погребальной камеры, которые фиксировались в северо-восточном углу ямы. Вдоль северной продольной стенки также расчищены фрагменты бересты. Самый большой фрагмент (20 × 32 см) располагался у северо-восточного угла ямы. Вещевой материал отсутствовал.

Могильная яма 5 (*рис. 152; 158*) располагалась в больших очертаниях котлована, образовавшегося от слияния могильных ям 5, 6, 7 и грабительских поисковых ям 2 и 9, немного южнее центра подкурганной площадки. Могильная яма 5 крайняя с восточной стороны котлована, правильной прямоугольной формы, размерами 1,2 × 2,2 м, глубиной до 0,5 м от уровня материка, ориентирована по линии СЗ–ЮВ (*рис. 158*). В северо-восточном углу было расчищено скопление фрагментов костей скелета человека, севернее которого, в углу и у северо-восточной стенки, фиксировались фрагменты деревянных плах – остатки погребальной конструкции. Древесный тлен был зафиксирован в юго-восточном углу ямы. Вдоль северо-восточной стенки ямы расчищены берцовые кости и кости стопы левой ноги погребенного. Судя по расположению костей скелета, умерший был уложен головой на северо-запад.

Еще два скопления обломков костей и древесного тлена располагались в средней, юго-восточной и юго-западной частях ямы, рядом с продольными стенками. Из вещевого материала в юго-восточной части был обнаружен обломок серьги; ближе к северо-восточному углу ямы – железный наконечник стрелы и обломки железных изделий.

Наконечник стрелы железный трехлопастной черешковый. Размер пера 1,2 × 3 см, черешка 2,8 × 0,6 см (*рис. 163. 11*).

Г-образный железный фрагмент, вероятно обломок плоского наконечника стрелы. Размеры 2,2 × 5 см, диаметр 0,8 см, (*рис. 164. 12*).

Фрагмент железной пластины. Размеры 2,2 × 2,6 см (*рис. 163. 18*).

Фрагмент серебряной серьги с обломленной дужкой и гроздевидной подвеской. Длиной 1,6 см (*рис. 165. 19*).

Могильная яма 6 (*рис. 152; 158. I*) располагалась южнее могильной ямы 5, примыкая к ней с юга, и также примыкая к юго-восточному углу могильной ямы 7. Яма неправильной подпрямоугольной формы, размерами 0,6 × 1,9 м, глубиной до 0,3 м. Ориентирована длинными сторонами ЗСЗ–ВЮВ. У северо-западной торцовой стены был обнаружен большой камень размерами 0,25 × 0,3 × 0,4 м. У юго-восточной торцовой стенки фиксировались углубления с перемешанным грунтом и остатками древесного тлена. Здесь же были найдены фрагменты керамики.

Могильная яма 7 (*рис. 152; 159*) занимала юго-западную часть котлована, имела неправильные подпрямоугольные очертания, размерами 1,2 × 2,6 м, глубиной до 0,5 м от уровня материка, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. К северо-западному углу ямы примыкает овальная грабительская яма 2, к юго-западному углу – яма 3. В северной и средней части ямы были расчищены линзовидные скопления перемешанного грунта, фрагменты костей и древесный тлен. В средней части ямы у западной стенки обнаружена бедренная кость скелета человека, судя по ее расположению, погребенный лежал головой на северо-запад. Из вещевого материала в южной части ямы обнаружены фрагменты керамики, железный наконечник стрелы и костяная накладка на лук. В северной части – бусина и серебряная накладка, а также фрагмент железа.

Фрагмент костяной накладки на лук треугольной формы. Размеры 5,4 × 1,8 см (*рис. 165. 27*).

Обломок железного черенка наконечника стрелы. Длина 7 см, диаметр 0,8 см (*рис. 163. 21*).

Накладка щитовидная бронзовая, имеет продольное ребро по центру щитка. Размеры 1,4 × 2 см (*рис. 165. 14*).

Бусина. Диаметр 1,3 см (*рис. 165. 22*).

Могильная яма 8 (*рис. 152; 160*) располагалась в четырех метрах к северо-востоку от центра кургана, подпрямоугольной формы, размерами 2,6 × 4,4 м, глубиной 0,25 м от уровня материка, ориентирована по линии З–В. В северо-западном углу ямы на уровне дна были расчищены

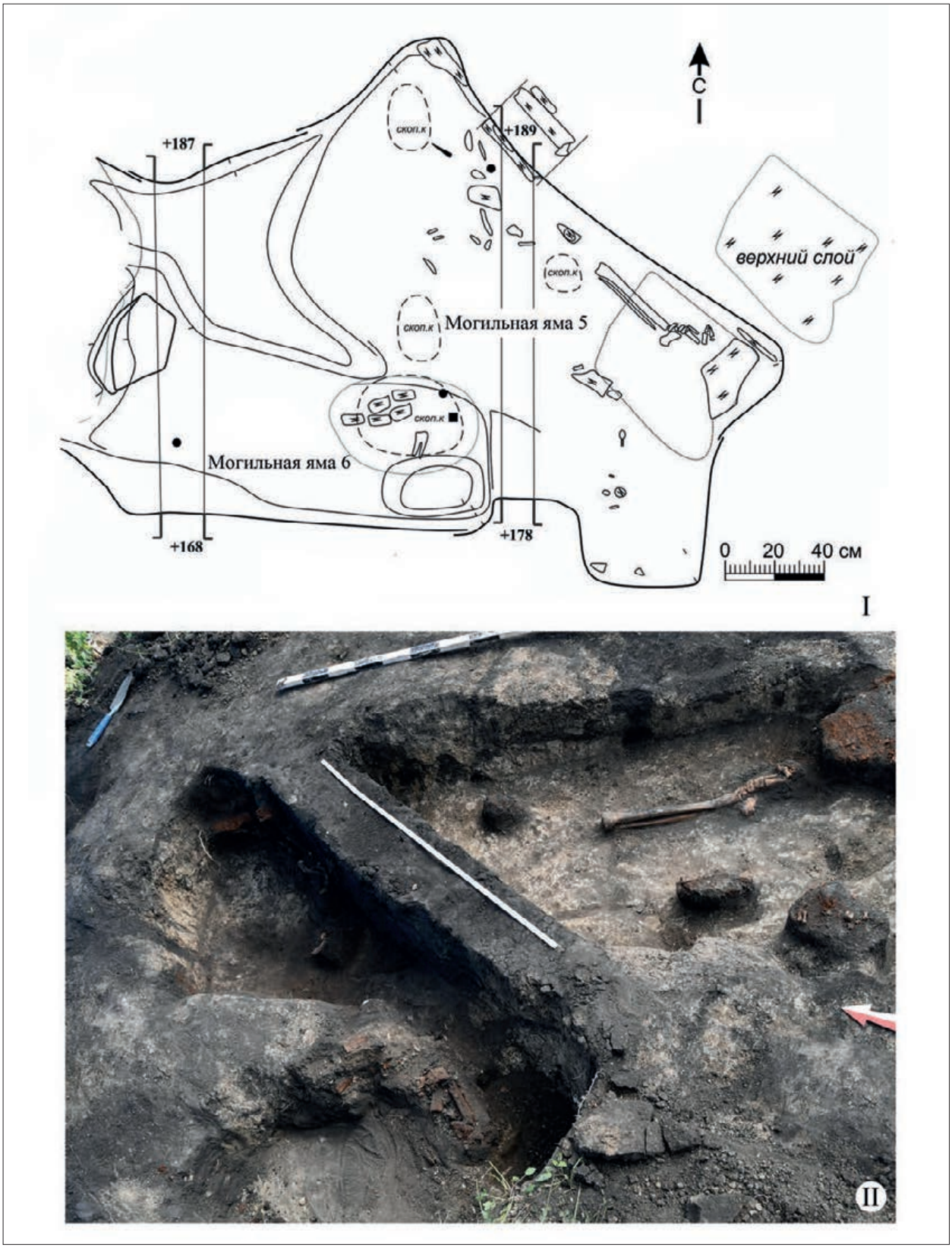

Рис. 158. Погребальный комплекс Уелги. Курган 23. Могильные ямы 5 и 6. I: общий план; II: зачистка по дну ям, вид с юго-запада

158. kép. Az ujelgi temető. 23. kurgán, 5–6. sírgödör. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet délnyugati irányból

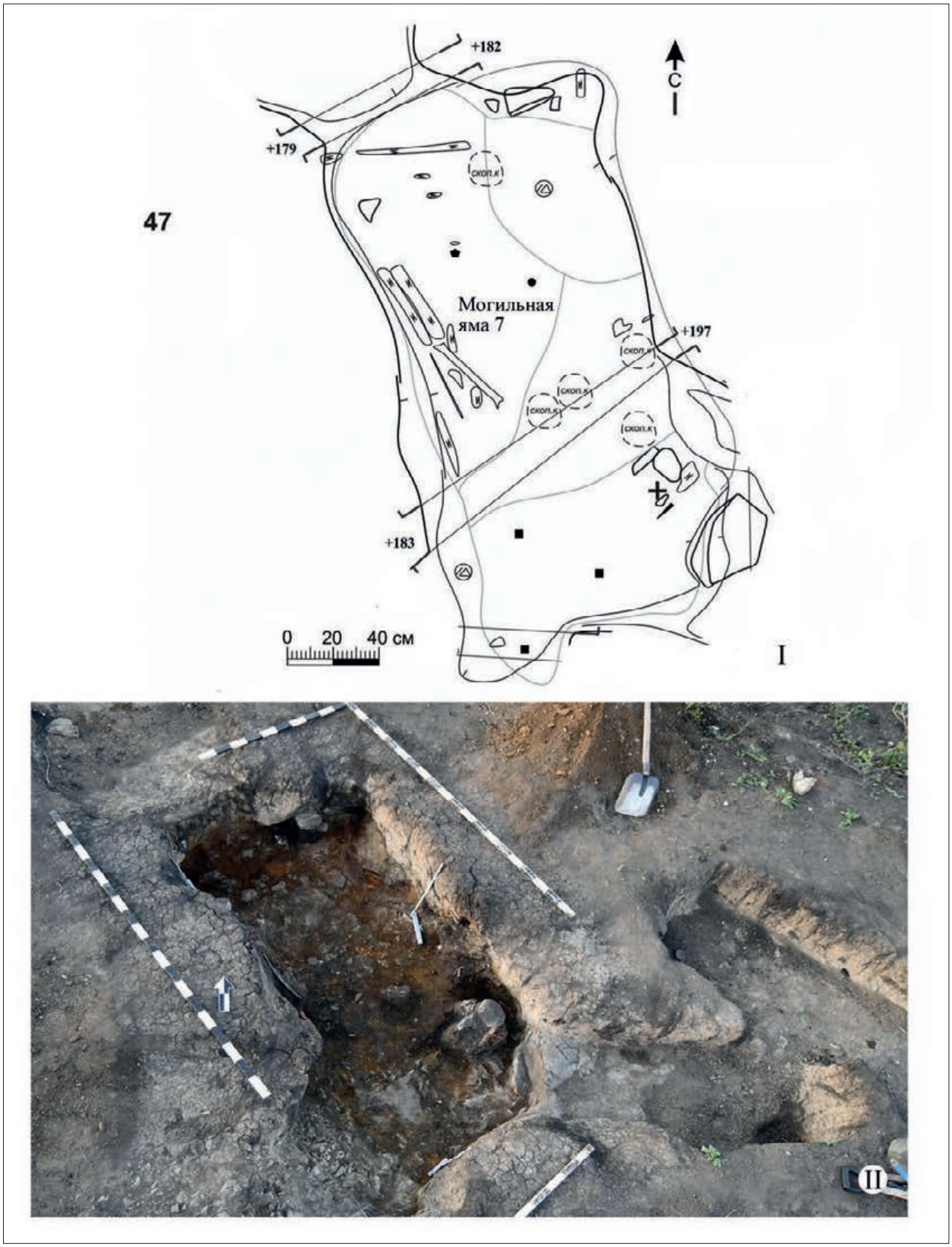

Рис. 159. Погребальный комплекс Уелги. Курган 23. Могильная яма 7. I: общий план; II: зачистка по дну ямы, вид с юго-юго-запада

159. kép. Az ujelgi temető. 23. kurgán, 7. sírgödör. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet dél-délnyugati irányból

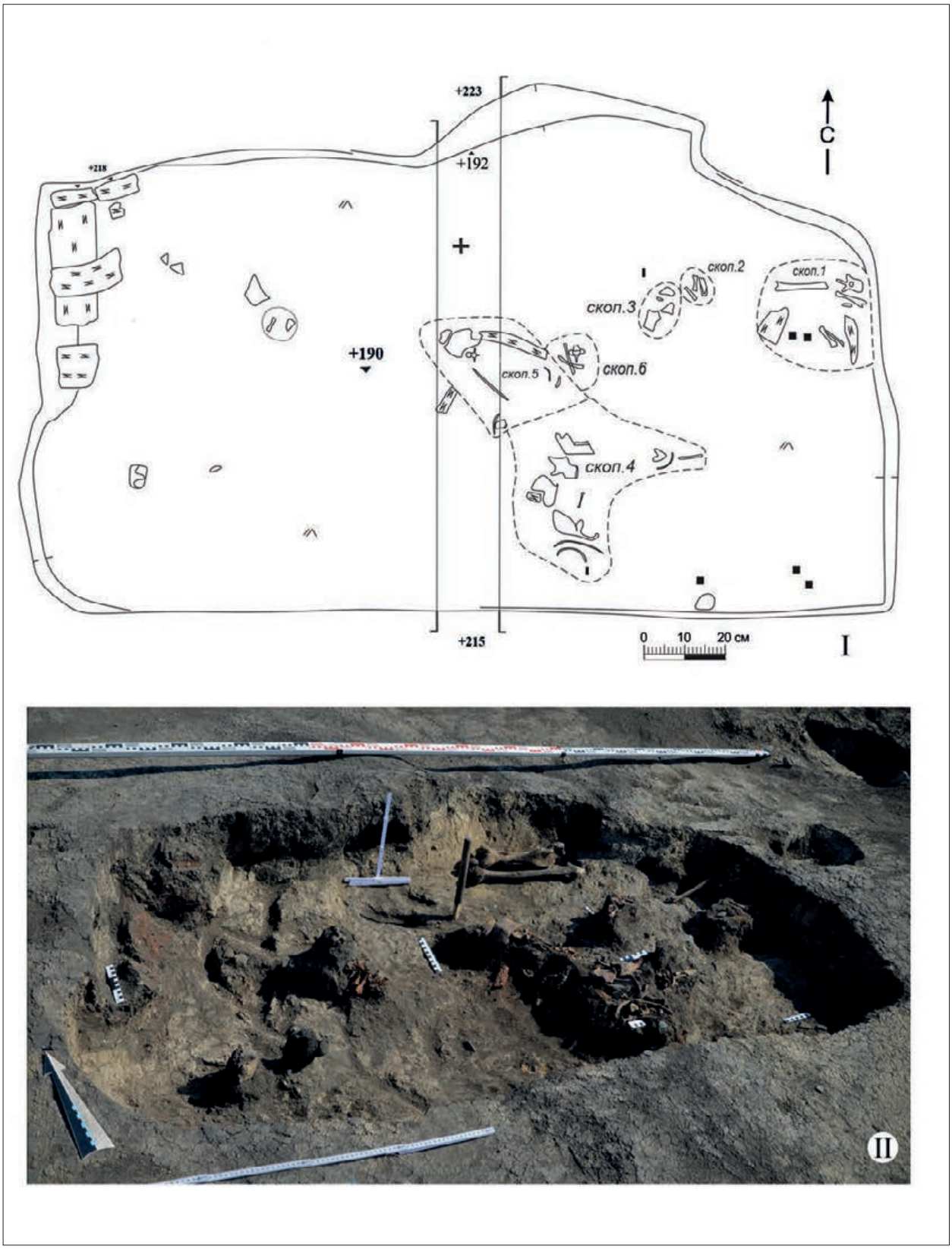

Рис. 160. Погребальный комплекс Уелги. Курган 23. Могильная яма 8. I: общий план; II: зачистка по дну ямы, вид с юго-юго-запада

160. kép. Az ujelgi temető. 23. kurgán, 8. sírgödör. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet dél-délnyugati irányból

остатки перекрытия из плах, шириной 20–25 см, уложенных вдоль и поперек ямы. В центральной и восточной части ямы на дне были расчищены обломки костей скелета человека. В юго-восточном и северо-восточном углах были обнаружены фрагменты керамики.

Могильная яма 9 (*рис. 152; 161*) располагалась в 3–4 см к северу от условного центра кургана, имела подпрямоугольную форму, размерами 2,7 × 4,5 м, глубиной 0,4 м от уровня материка, ориентирована по линии ЮЗ–СВ. При выборке заполнения на небольшом участке желтого материкового суглинка в сегментовидной выемке, в средней части юго-восточной стенки ямы были обнаружены четыре железных наконечника стрел. По всей площади ямы ближе к ее стенкам найдены многочисленные фрагменты керамики. К юго-востоку от центра ямы обнаружены два ремешка с серебряными накладками, фрагменты дерева с накладками из серебра, а к северу от центра найдены фрагменты изделия из железа. Кроме этого, по всей площади ямы были обнаружены обломки человеческих костей и челюстей лошади. В придонной части, в северо-западном углу и в средней части западной стенки, обнаружены деревянные плахи, лежащие вдоль стен и поперек ямы. Ширина плах от 3 до 18 см.

Скоба колчанная железная. Размеры 5,6 см, диаметр дрота 0,7–0,9 см (*рис. 163. 27*).

Фрагмент железной пластины. Размеры 2,0 × 3,3 см (*рис. 163. 22*).

Обломок железного кольца. Размеры 0,8 × 4,4 см (*рис. 163. 25*).

Обломки железных шпеньков. Фрагменты костяных накладок на лук. Размеры 0,9 × 3,1 см и 2,0 × 5,4 см (*рис. 165. 28, 29*).

Два обрывка ремешка шириной 1,1 и 1,7 см. На одном сохранилась *бронзовая круглая накладка* диаметром 1,5 см, которая имеет круглое отверстие (0,4 см) и три круглых отростка по краям (диаметр 0,25 см). С этим обрывком найден квадратный шпенек и обломок бронзовой пластинки (0,8 × 1,2 см). Второй обрывок имеет *щитовидную бронзовую концевую накладку* с ребром по центру и *бронзовым тренчиком*, ограничивающим ее (*рис. 165. 2–4, 8–12*).

Фрагмент серебряной накладки, имеет один крепежный шпенек по центру. Диаметр 1,1 × 1 см (*рис. 165. 21*).

Скобы крепежные серебряные для крепления венчика деревянного сосуда (3 экз.) шириной от 9,8 до 1,5 см (*рис. 165. 23–25*).

Кольцо серебряное. Диаметр 2,4 см (*рис. 165. 26*).

Могильная яма 10 (*рис. 152; 162*) располагалась в двух метрах к северо-востоку от условного центра кургана, неправильной овальной формы, размерами 1,1 × 2 м, глубиной 0,5 м, ориентирована по линии ЮЗ–СВ. В заполнении ямы, кроме смешанного грунта, находились камни средних размеров, а также обломки костей скелета человека. В юго-западной части ямы обнаружено скопление фрагментов керамики и бусин, восточнее которого, у юго-западной стенки, найдено еще одно скопление керамики. В заполнении ямы были выявлены фрагменты деревянных плах.

Описание вещевого инвентаря с подкурганной площадки и из насыпи

Большинство находок на подкурганной площадке были обнаружены в юго-западном секторе кургана и включали: железные наконечники стрел, железное стремя и элементы ременной гарнитуры из цветного металла. В западной и восточной части площадки в основном были обнаружены фрагменты железных изделий.

В восточной части подкурганной площадки (отвале) обнаружена *серебряная монета (драхма)* (*рис. 165. 1*).

Заключение по атрибуции серебряной драхмы из насыпи кургана 23 было сделано Кравцовым Константином Валерьевичем заведующим сектором монет Античного мира и стран Азии и Африки Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург): «*Это табаристанская драхма или дирхам (Петров П.Н.), возможно двоякое написание. Это поздняя эмиссия под властью аббасидских наместников. Монета анонимная, относится к так называемому типу afzud, то есть вместо имени наместника присутствует*

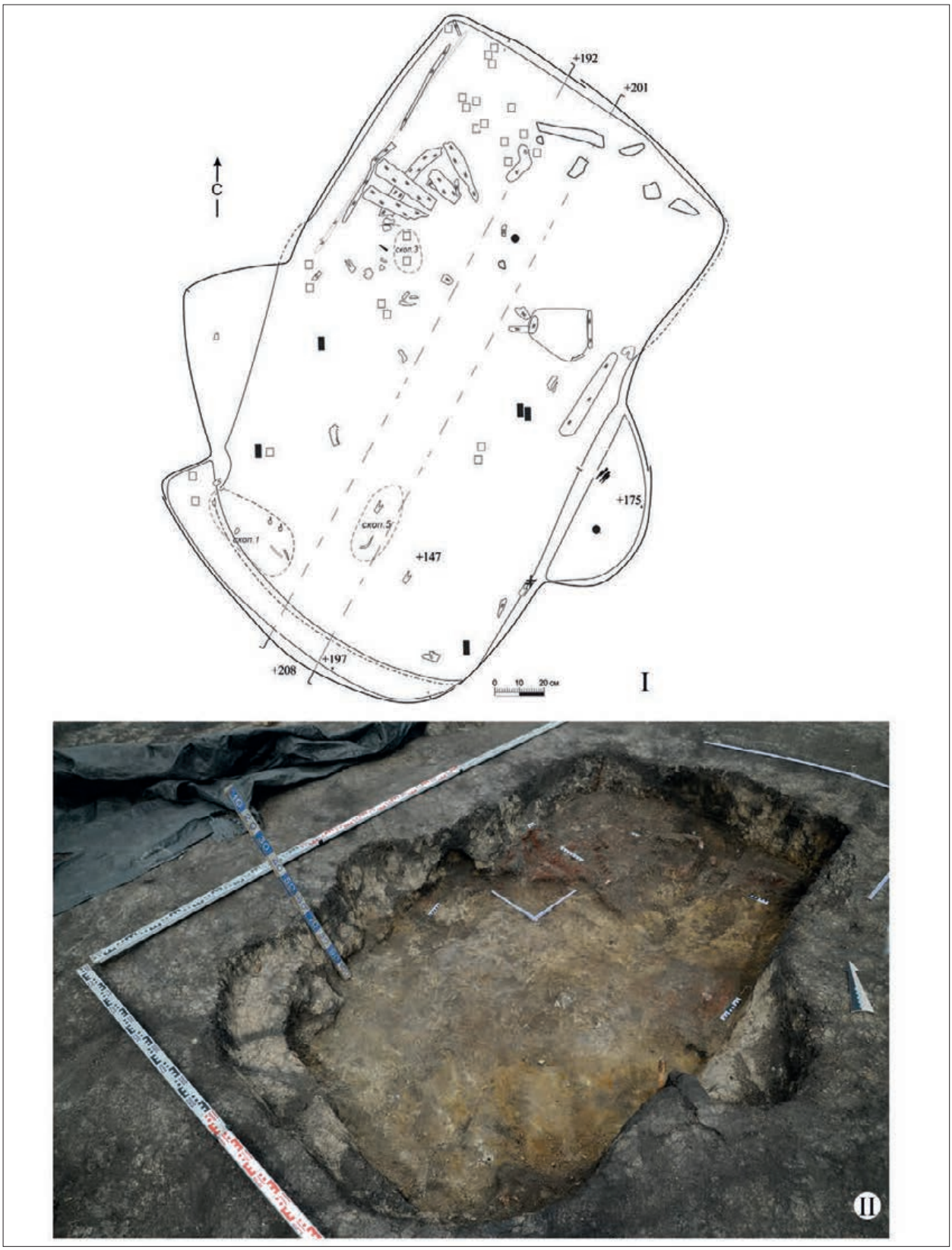

Рис. 161. Погребальный комплекс Уелги. Курган 23. Могильная яма 9. I: общий план; II: зачистка по дну ямы, вид с юго-юго-востока

161. kép. Az ujelgi temető. 23. kurgán, 9. sírgödör. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet dél-délkeleti irányból

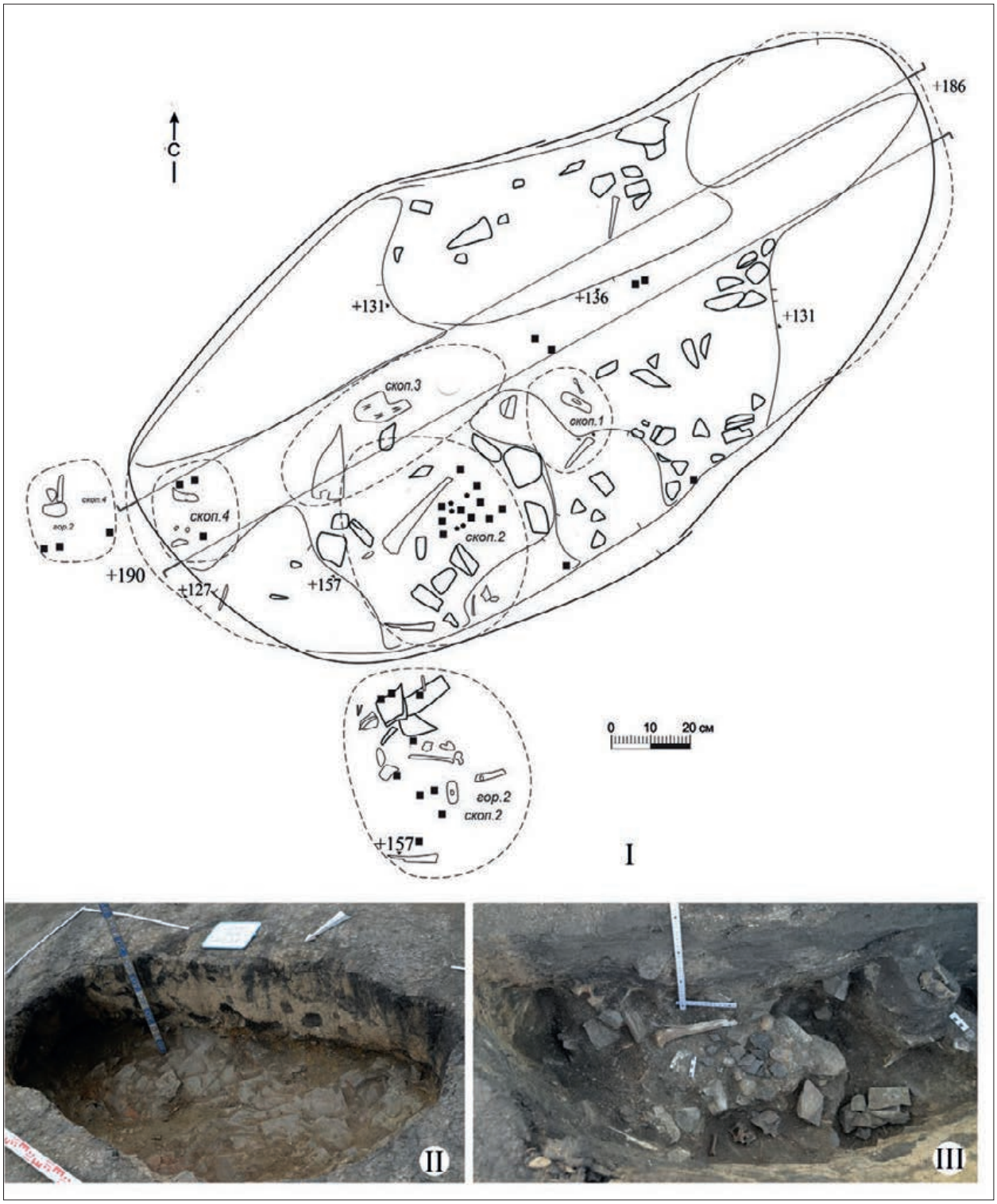

Рис. 162. Погребальный комплекс Уелги. Курган 23. Могильная яма 10. I: общий план; II, III: зачистка на уровне материка, вид с северо-запада и с юга

162. kép. Az ujelgi temető. 23. kurgán, 10. sírgödör. I: általános felszínrajz; II–III: az altalaj szintjének kibontása, nézet északnyugati és déli irányból

Рис. 163. Погребальный комплекс Уелги. Курган 23. Вещевой инвентарь. 1–10, 12–17, 19, 20, 23, 24, 26: подкурганная площадка, насыпь; 11, 18: могильная яма 5; 21: могильная яма 7; 22, 25, 27: могильная яма 9; 28: участок P/48. Железо

163. kép. Az ujelgi temető. 23. kurgán. Mellékletek. 1–10, 12–17, 19, 20, 23, 24, 26: a kurgán alatti tér, feltöltés; 11, 18: sírgödör 5; 21: sírgödör 7; 22, 25, 27: sírgödör 9; 28: P/48. szelvény. Vas

Рис. 164. Погребальный комплекс Уелги. Курган 23. Вещевой инвентарь. 1–11, 13–18, 20–31: насыпь, подкурганная площадка; 12: могильная яма 5; 19: могильная яма 2. Железо

164. kép. Az ujelgi temető 23. kurgán. Mellékletek. 1–11, 13–18, 20–31: feltöltés, a kurgán alatti tér; 12: 5. sírgödör; 19: 2. sírgödör. Vas

Рис. 165. Погребальный комплекс Уелги. Курган 23. Вещевой инвентарь. 1, 5–7, 13, 15–18, 20: насыпь, подкурганная площадка; 14, 22, 27: могильная яма 7; 19: могильная яма 5; 2–4, 8–12, 21, 23–26, 28, 29: могильная яма 9. 1, 2, 5–8, 12–21, 26: серебро; 3, 4, 9, 10, 11: кожа, серебро; 22: стекло; 23–25: дерево, серебро; 27–29: кость

165. kép. Az ujelgi temető 23. kurgán. Mellékletek. 1, 5–7, 13, 15–18, 20: feltöltés, a kurgán alatti tér; 14, 22, 27: 7. sírgödör; 19: 5. sírgödör; 2–4, 8–12, 21, 23–26, 28, 29: 9. sírgödör. 1, 2, 5–8, 12–21, 26: ezüst; 3, 4, 9, 10, 11: bőr, ezüst; 22: üveg; 23–25: fa, ezüst; 27–29: csont

благопожелательная формула GDH ʻpzwt «да возрастет фарр (величие/могущество)». В качестве места чеканки по традиции указан топоним Тапуристан/Табаристан. Год чеканки – 137 постйездигердской эры, что соответствует 172 г.х. / 788–789 гг. Монета сильно потерта, скорее всего, она попала в могильник в первой половине IX века».

Наконечники стрел железные: двухлопастные черешковые (4 экз.), размеры: ширина от 2 до 1,4 см, длина от 3,9 до 6,4 см (*рис. 163. 6–9*); трехлопастные (5 экз.), размеры: ширина от 1,1 см до 0,9 см, длина от 4 до 5,5 см (*рис. 163. 5, 10, 12, 14, 15*).

Черенки от наконечника стрел (4 экз.). Длина от 4,1 до 6,2 см (*рис. 163. 1–4*).

Пластина концевая от ламеллярного доспеха железная, с тремя крепежными отверстиями диаметром 1,5 мм. Размеры 2,2 × 3,6 см (*рис. 163. 24*).

Фрагменты железных пластин (6 экз.). Наиболее крупная размерами 3 × 8 см. Пластины были обнаружены в восточной части подкурганной площадки (участок Т/47) (*рис. 164. 26–31*).

Фрагменты железных изделий различной формы (9 экз.) располагались на участке П/46–48, на этом же участке найдены *железные ножи* и их *обломки* (3 экз.), два *лезвия ножа* были найдены в отвале (*рис. 163. 13, 16, 17, 19, 20, 23, 26; 164. 1–3, 20, 22–24*). В отвале также обнаружены 10 *фрагментов железных изделий* (*рис. 164. 5–7, 9–11, 13, 14, 16, 17*) и один предмет, который оказался *обломком кресала* (размерами 0,9 × 3,2 см) (*рис. 164. 4*).

Обломки клинка сабли (4 экз.) различных размеров, шириной 3,3 см (*рис. 164. 8, 15, 21, 25*).

На участке Р/48 найден *обломок стремени* размерами 8 × 15,3 см, вытянуто-арочной формы с раскованной петлей для подвешивания размерами 2,6 × 3 см, с прямоугольным отверстием для путлища размерами 0,5 × 1,3 см (*рис. 163. 28*).

Тренчики подквадратной (2 экз.) и подовальной формы (4 экз.). Размеры от 1,4 до 2,2 см (*рис. 166. 16, 20–22, 25, 26*).

Накладки щитовидные серебряные с плоским щитком (8 экз.). Размеры в высоту от 0,7 до 1,3 см, в ширину от 0,5 × 1,5 см (*рис. 165. 6, 15, 16; 166. 1, 18, 19, 23, 24*).

Накладка лунницевидная со сферическим окончанием сверху и внизу. Размеры 0,8 × 1,6 см (*рис. 166. 14*).

Накладки подтреугольные (4 экз.) с округлыми окончаниями с обеих сторон. Размеры 0,6 × 1,7 см (*рис. 166. 8–11*).

Накладки цветковидные (2 экз.): одна с округлым отверстием по центру, диаметром 0,6 см, имеет шесть лепестков, общий размер 1,8 × 2,2 см (*рис. 166. 5*); другая – с четырьмя лепестками, диаметром 1,6 см, с одним крепежным шпеньком в центре на обратной стороне (*рис. 165. 5*).

Накладки сердцевидные (3 экз.). Размеры 1 × 1,3 см (*рис. 166. 15, 17, 30*).

Накладки сегментовидные фигурные (3 экз.) с прорезью в нижней части. Большая имеет объемное разделение в виде валиков, сегментов, размерами 2,2 × 3 см (*рис. 166. 29*). Малая имеет три фигурных лепестка, размерами 1,6 × 2,2 см (*рис. 166. 6*). Особо выделяется *фигурная сегментовидная накладка* с оригинальным вырезом внизу и угловыми выступами, оконтуренных с пяти сторон, размеры 2,1 × 2,6 см (*рис. 165. 18*).

Серьга серебряная, плоская, с овальной дужкой и плоской подвеской в виде двух овальных отростков, имеющих перехват. На одной стороне верхней части дужки круглый отросток. Размеры дужки 2 × 3 см, отростка 1 × 3 см (*рис. 165. 17*).

Тройники (2 экз.), имеют по три цветковидных отростка. Диаметр срединной части 2 см, общие размеры 3 × 4,2 см (*рис. 166. 27, 28*).

Подвеска гантелевидная длиной 2,5 см (*рис. 166. 3*).

Пуговица бронзовая. Размеры 1,0 × 1,4 см (*рис. 166. 4*).

Пряжки серебряные рамчатые (2 экз.). Размеры 2,1 × 2,5 см и 1,5 × 1,9 см (*рис. 165. 13; 166. 13*).

Накладки серебряные (3 экз.), обнаружены на участке Р/48. *Сердцевидная* имеет фигурную, отгороженную валиком, внутреннюю площадь, заполненную горизонтальной линией из сферических выпуклостей, размеры 1 × 2,1 см. *Концевая щитовидная накладка* с полуотверстием сверху, украшена богатым растительным орнаментом в виде цветов и плодов, которые изображены композициями из округлых выпуклостей, размеры 1,6 × 3,1 см. *Концевая накладка*, украшена чешуйчатым орнаментом, размеры 1,5 × 3,1 см. Концевые накладки имеют два и три крепежных шпенька с обратной стороны (*рис. 166. 2, 7, 12*).

Описание керамического комплекса

В связи с тотальным разграблением погребений кургана керамический материал был собран в основном с подкурганной площадки и из насыпи. В общей сложности обнаружены фрагменты

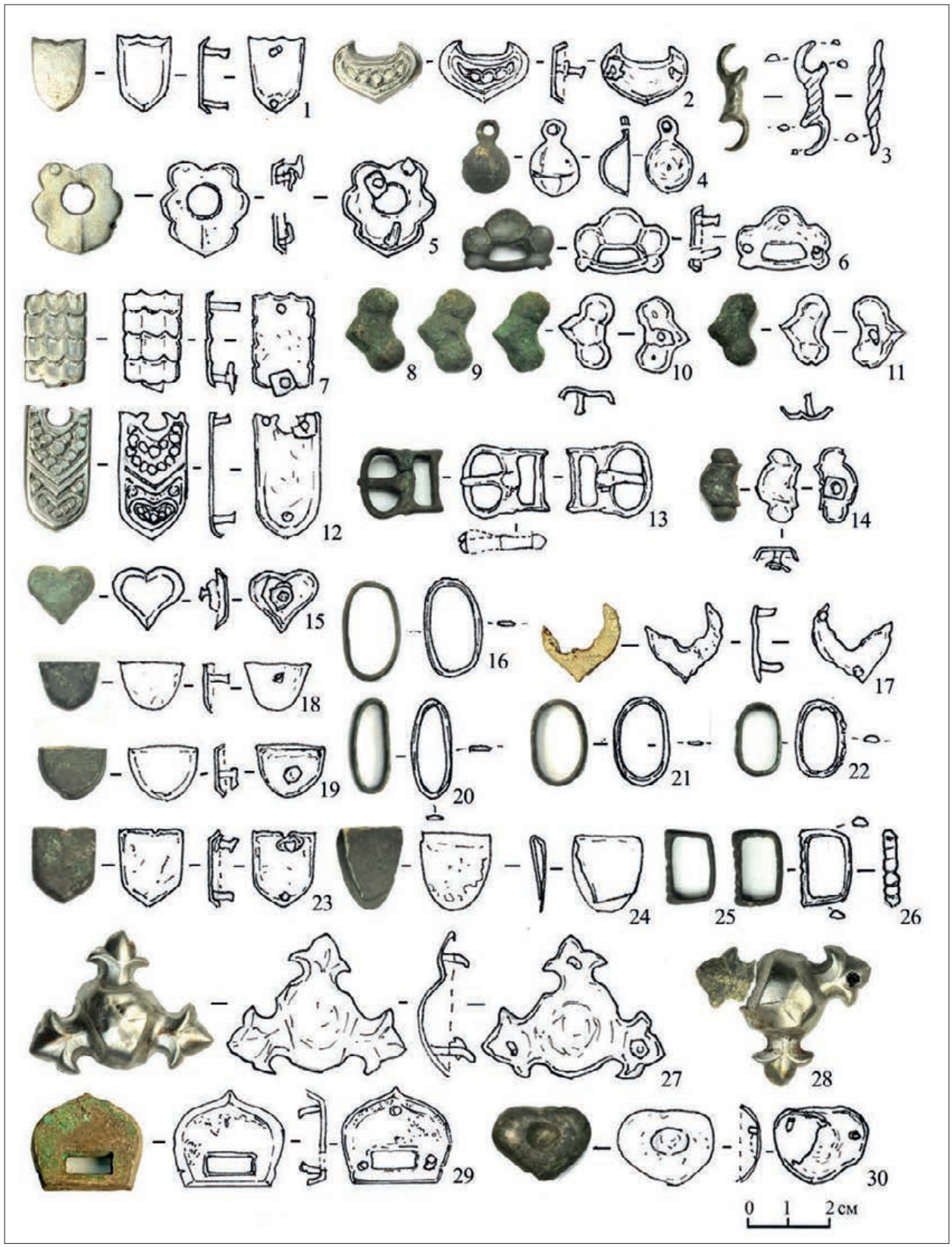

Рис. 166. Погребальный комплекс Уелги. Курган 23. Вещевой инвентарь. 1, 3–6, 8–11, 13–30: насыпь, подкурганная площадка; 2, 7, 12: участок P/48. 1–3, 5–16, 18–28, 30: серебро; 4, 17, 29: бронза
166. kép. Az ujelgi temető 23. kurgán. Mellékletek. 1, 3–6, 8–11, 13–30: feltöltés, a kurgán alatti tér; 2, 7, 12: P/48. szelvény. 1–3, 5–16, 18–28, 30: ezüst; 4, 17, 29: bronz

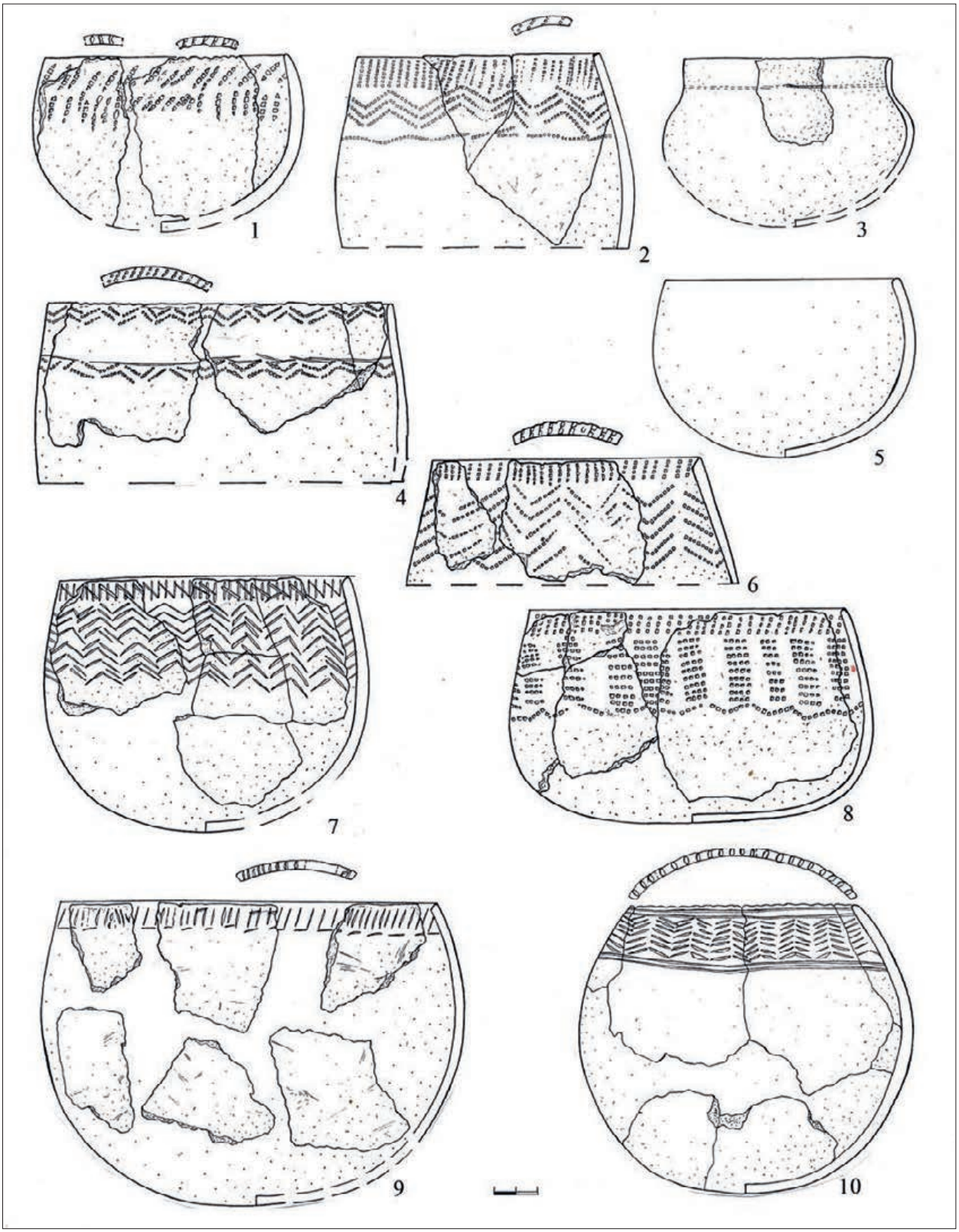

Рис. 167. Погребальный комплекс Уелги. Курган 23. Керамика. 1, 3–4, 7–9: подкурганная площадка, заполнение и выкиды из могильных ям; 2: могильная яма 9; 5: могильная яма 3; 6: могильная яма 5; 10: могильная яма 10

167. kép. Az ujelgi temető 23. kurgán. Kerámia. 1, 3–4, 7–9: a kurgán alatti tér, feltöltés és a sírgödör betöltése, 2: 9. sírgödör; 5: 3. sírgödör; 6: 5. sírgödör; 10: 10. sírgödör

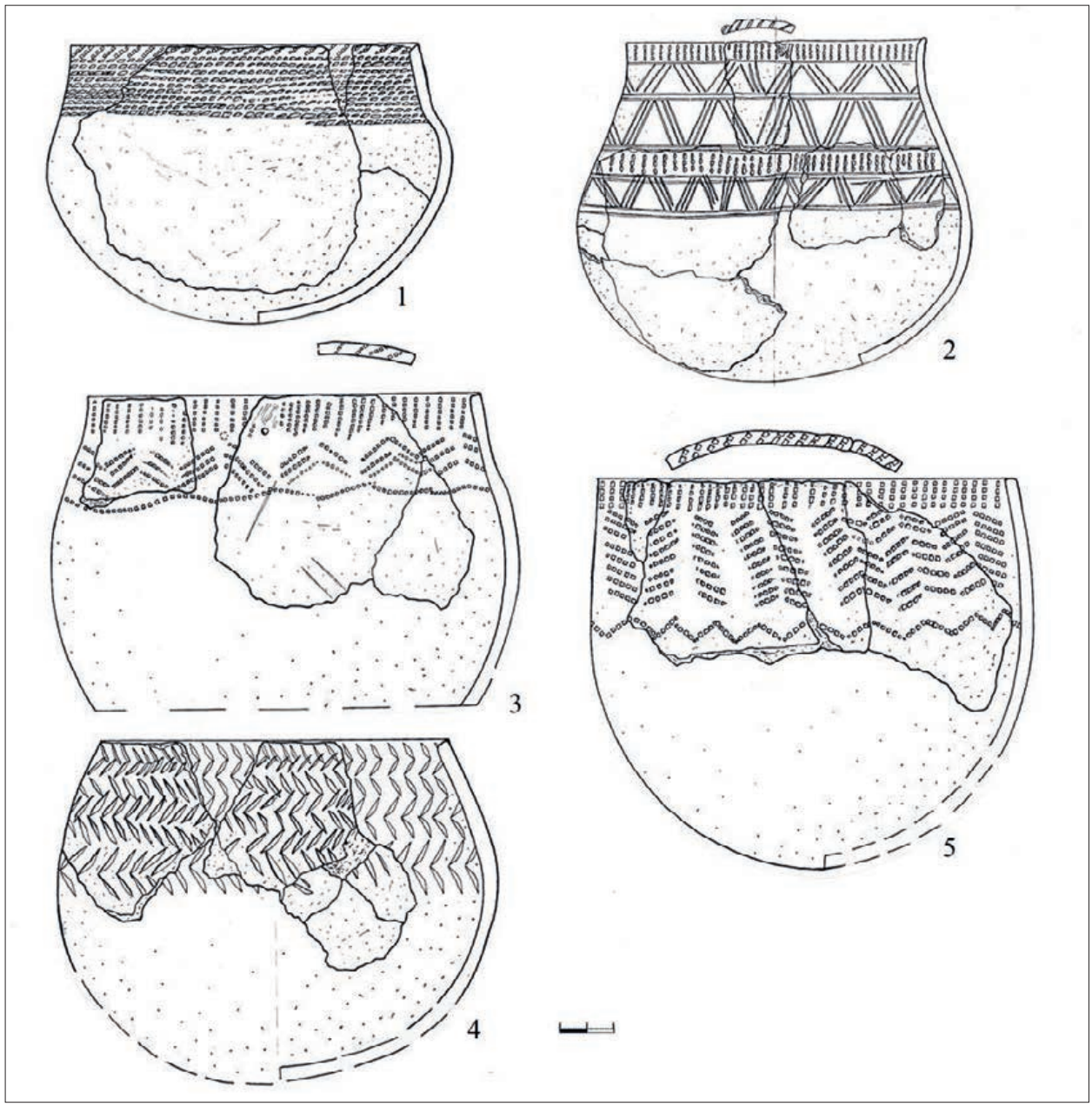

Рис. 168. Погребальный комплекс Уелги. Курган 23. Керамика. 1–3: насыпь, подкурганная площадка, заполнение и выкиды из могильных ям; 4: могильная яма 4; 5: могильная яма 8
168. kép. Az ujelgi temető 23. kurgán. Kerámia. 1–3: feltöltés, a kurgán alatti tér, feltöltés és a sírgödör betöltése; 4: 4. sírgödör; 5: 8. sírgödör

от 15 сосудов, большинство из которых реконструируются.

Все сосуды круглодонные, в основном баночной формы, имеют открытую слегка вогнутую внутрь горловину (*рис. 167. 1, 2, 4–7; 168. 3–5*). Орнаментированы зигзагом или многорядной елочкой, нанесенной многорядной гребенкой (*рис. 167. 2, 4, 6; 168. 3, 5*), или резной елочкой (*рис. 167. 7, 10; 168. 4*). Также отмечается орнамент в виде косой гребенки или вертикальных многорядных столбиков гребенки (*рис. 167. 1*). Большой круглодонный сосуд украшен нарезками по венчику (*рис. 167. 9*).

Особняком стоят три горшка с невысокой слегка отогнутой шейкой. Один фрагмент от неорнаментированного тонкостенного сосуда (*рис. 167. 3*). Тонкостенные сосуды имели в одном случае

многорядный горизонтальный мелкошнуровой орнамент и косо срезанный внутрь венчик (*рис. 168. 1*). Фрагменты тонкостенного горшка с прочерченным орнаментом, нанесенным двумя полосами (под венчиком и по верхней части плеча). Орнаментальные композиции представлены вертикальными вдавлениями гребенчатого штампа и четырьмя горизонтальными двухрядными поясами, между которыми располагается трехрядный прочерченный зигзаг (*рис. 168. 2*).

Курганы 28–29

В ходе исследований курганов 28 и 29 было вскрыто 520 кв. м площади памятника, изучено два кургана (28; 29) и выявлено 8 погребений, две ямы (яма 1 – объект, который был определен как «Тайник»; яма 2 неизвестного происхождения и назначения). Особенностью курганов 28 и 29 являлось наличие многочисленных жертвенников, представленных в основном костями лошади. Всего были исследованы один большой и 17 малых жертвенников. Наиболее крупные из жертвенников 1, 2 и 3 представлены костями лошади (фрагментами черепа и копытами). Одно из скоплений (скопление 1) – состояло из костей человека (двух индивидов), фрагментов дерева, угля, а также содержало костяные и железные наконечники стрел, что позволяет говорить о нем как о разрушенном погребении.

Курганные насыпи состоят из земли (темно-серый гумус). Нумерация ям и погребений определялась по мере обнаружения объектов и конструкций в процессе раскопок.

Курган 28

Курган 28 (*рис. 169*) занимает северо-восточную окраину погребального комплекса. Насыпь овальной формы, размерами 12 × 16 м, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Под насыпью кургана 28 было обнаружено четыре погребения (3–6), а также два жертвенных комплекса 2 и 3, скопление костей человека (скопление 1). Наибольшая концентрация находок отмечена в квадратах Н/2, Н/3 и О/2 в виде незначительных скоплений керамики и костей. В заполнении остальных участков кургана встречены единичные железные изделия, фрагменты керамики, а также предметы, выполненные из цветного металла.

Погребение 3 (*рис. 170. I, II*) расположено в южной части раскопа, южнее центра кургана 28. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,5 × 2,5 м, ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ, северный борт отсутствует (объединяется с погребением 4). Глубина могильной ямы незначительная – 7–16 см от уровня материковой поверхности. Костный материал (целые кости и фрагменты) перемешан, концентрируется в основном в западной части могильной ямы. На разрушенной границе могильной ямы зафиксирована бедренная кость лошади. В северо-западном углу отмечен фрагмент черепной коробки, целая нижняя челюсть и два фрагмента нижней челюсти, расположенные в непосредственной близости друг от друга. Можно предположить, что погребенный был уложен головой на ЗЮЗ. В 10 см от фрагментов черепа найден обломок серебряного бубенчика и два костяных наконечника.

Фрагмент бубенчика бронзового, двухсоставного, грушевидной формы, с округлым отверстием. Размеры 1,0 × 2,1 см (*рис. 171. 1*).

Наконечники стрел костяные (2 экз.), четырехгранные, удлиненно-ромбические, с остроугольным острием, один с широкими покатыми плечиками, длина пера 7,1 см, ширина 1,8 см, длина черешка 4,0 см; второй с узкими пологими плечиками, длина пера 6,7 см, ширина 1,6 см, длина черешка 3,6 см (*рис. 171. 2, 3*).

Погребение 4 (*рис. 170. I, II*) расположено в южной части раскопа, чуть южнее центра под насыпью кургана 28, примыкает южной стенкой к погребению 3. Яма подпрямоугольной формы, размерами 1,2 × 3 м, ориентирована по линии З–В. Глубина могильной ямы 4–6 см. Костный материал (целые кости и фрагменты) перемешан, в основном концентрируется в западной и восточной частях могильной ямы. В западном углу ямы был обнаружен череп человека без

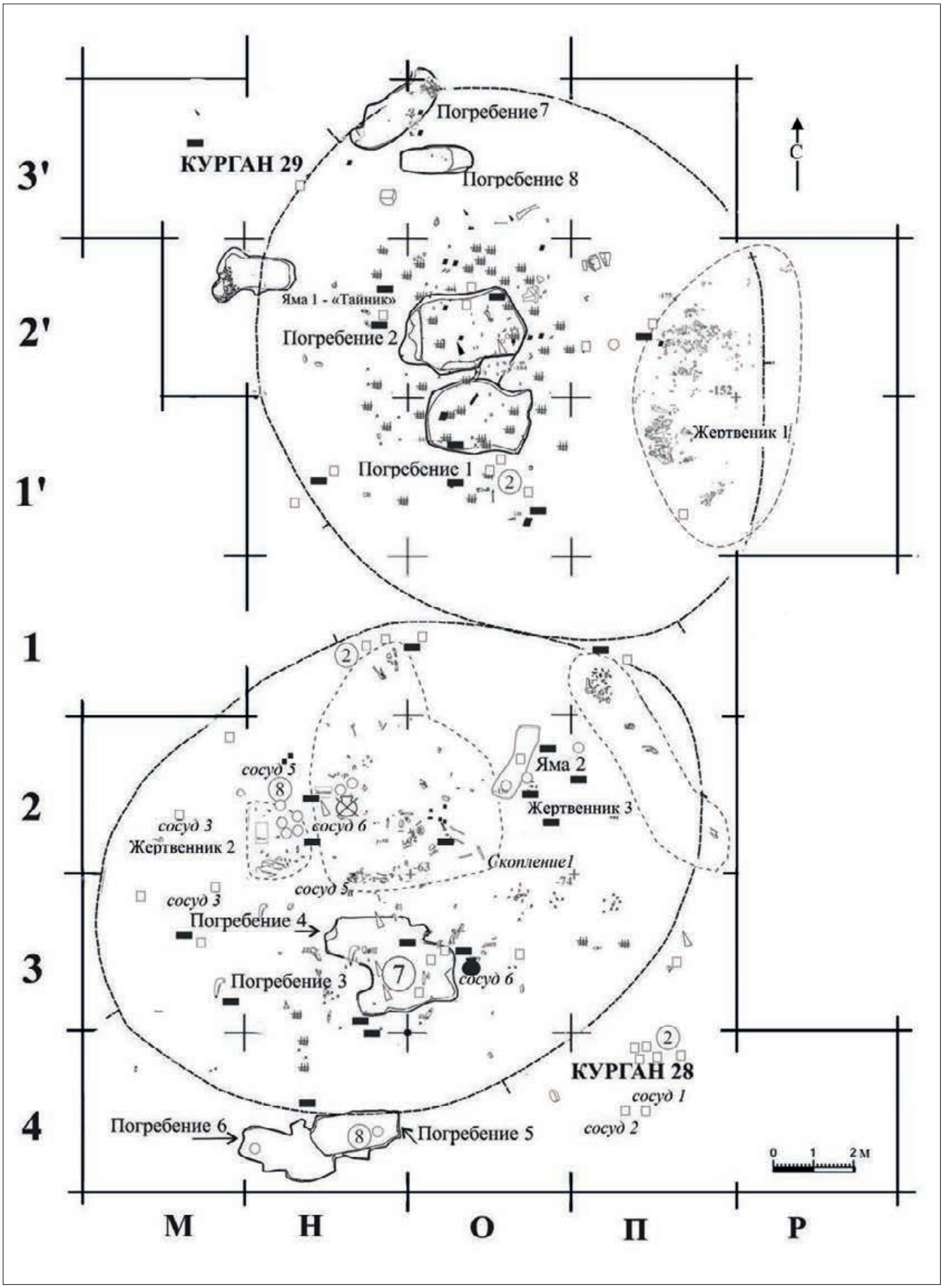

Рис. 169. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 28, 29. Общий план
169. kép. Az ujelgi temető 28, 29. kurgán. Általános felszínrajz

Рис. 170. Погребальный комплекс Уелги. Курган 28. Погребения 3–4. I: общий план; II: зачистка дна могильных ям, вид с юга

170. kép. Az ujelgi temető 28. kurgán, 3–4. sírok; I: általános felszínrajz; II: a sírgödrök aljának kibontása, nézet déli irányból

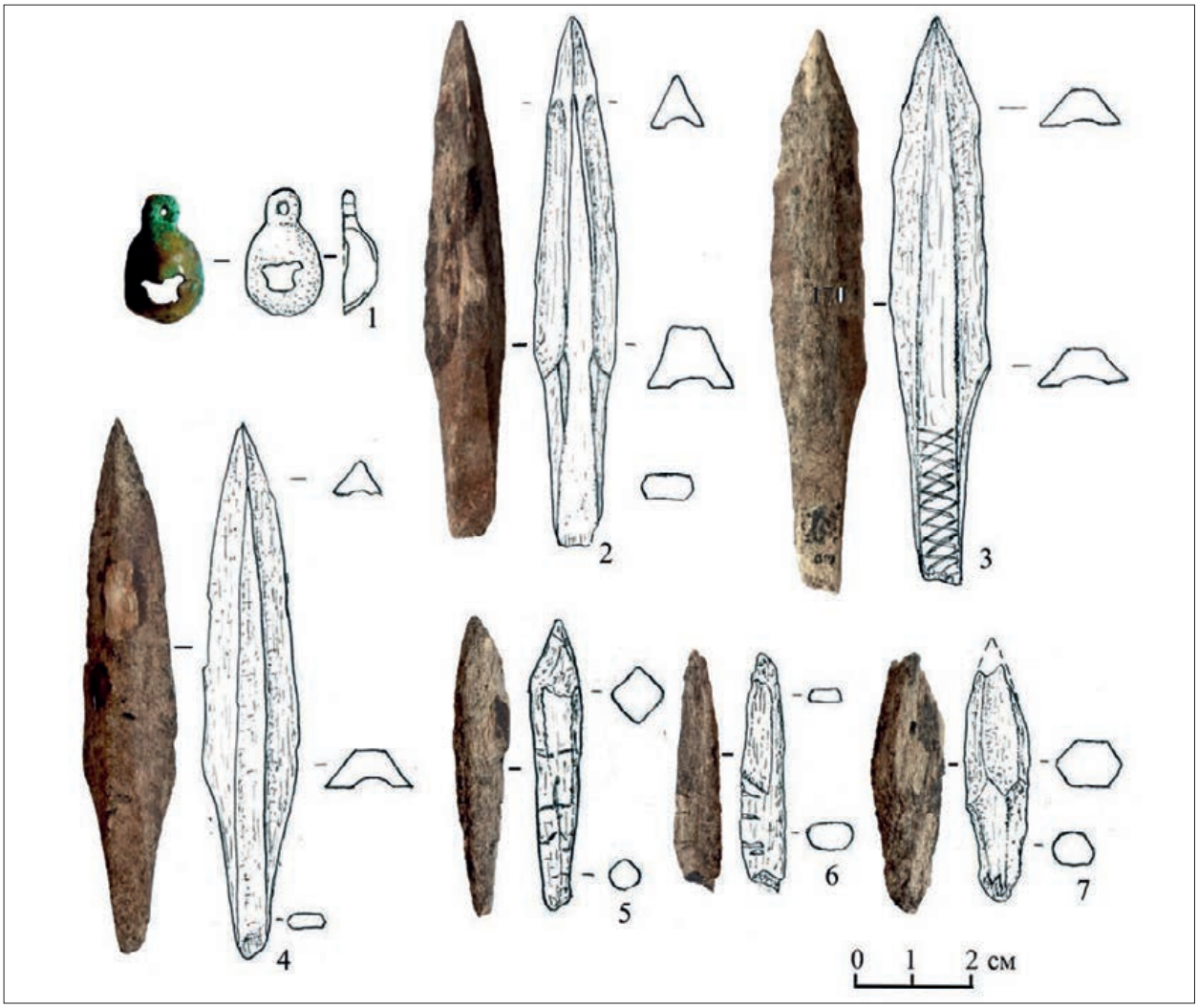

Рис. 171. Погребальный комплекс Уелги. Курган 28. Вещевой инвентарь. 1–3: погребение 3; 4–7: скопление 1. 1: бронза; 2–7: кость

171. kép. Az ujelgi temető 28. kurgán. Mellékletek. 1–3: 3. sír; 4–7: 1. szórvány csonthalmaz 1. 1: bronz; 2–7: csont

нижней челюсти, повернутый лицевым отделом на север, в 10 см восточнее расположены в анатомической последовательности плечевая, локтевая и лучевая кости правой руки. Вероятно, череп и кости правой руки сохранились «in situ». Погребенный был уложен головой на запад. В северо-восточном углу могильной ямы фиксируется пястная кость лошади. Восточнее локтевой кости правой руки отмечен костяной наконечник стрелы, разрушившийся в процессе изъятия.

Погребения 5; 6 (*рис. 172*) расположены чуть южнее читаемой границы насыпи кургана 28 (на периферии), как и предыдущие, сливаются друг с другом. Учитывая данные стратиграфии и планиграфии можно определить, что погребение 5 «впущено» в погребение 6. Очертания границ данных погребений нарушены многочисленными грабительскими вкопами. Заполнение – темный золистый гумус (плотный).

Погребение 5 (*рис. 172. I, II*). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,2 × 2,5 м, ориентирована по линии З–В, глубина 10–20 см. В восточной части погребения были обнаружены бедренная, большая и малая берцовые и пяточная кости левой ноги, уложенные в анатомическом порядке с запада на восток. Чуть южнее, на расстоянии 20 см, зафиксированы фрагменты бедренной, надколенника и большой берцовой костей правой ноги. Фрагменты костей ступней расположены не в анатомическом порядке. Можно предположить,

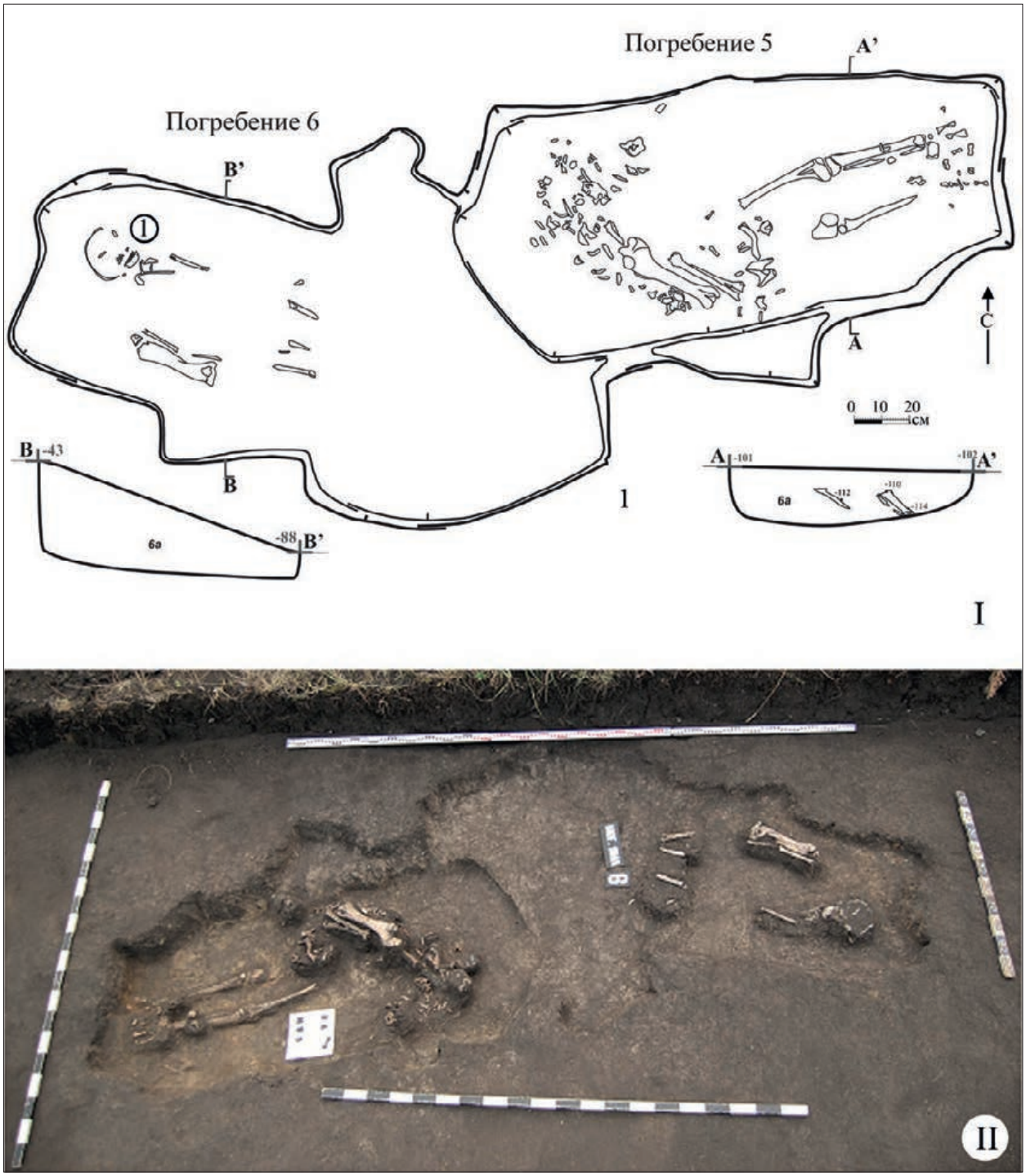

Рис. 172. Погребальный комплекс Уелги. Курган 28. Погребения 5, 6. I: общий план; II: зачистка дна могильных ям, вид с севера

172. kép. Az ujelgi temető 28. kurgán, 5, 6. sír. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet északi irányból

что погребенный был уложен головой на запад. В центре восточной разграбленной части могильной ямы также зафиксирована бедренная кость лошади. Вещевой материал в погребении отсутствует.

Погребение 6 (*рис. 172. I, II*) примыкает с запада к погребению 5. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,2 × 2,2 м, ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. Северо-восточный угол разрушен при создании по-

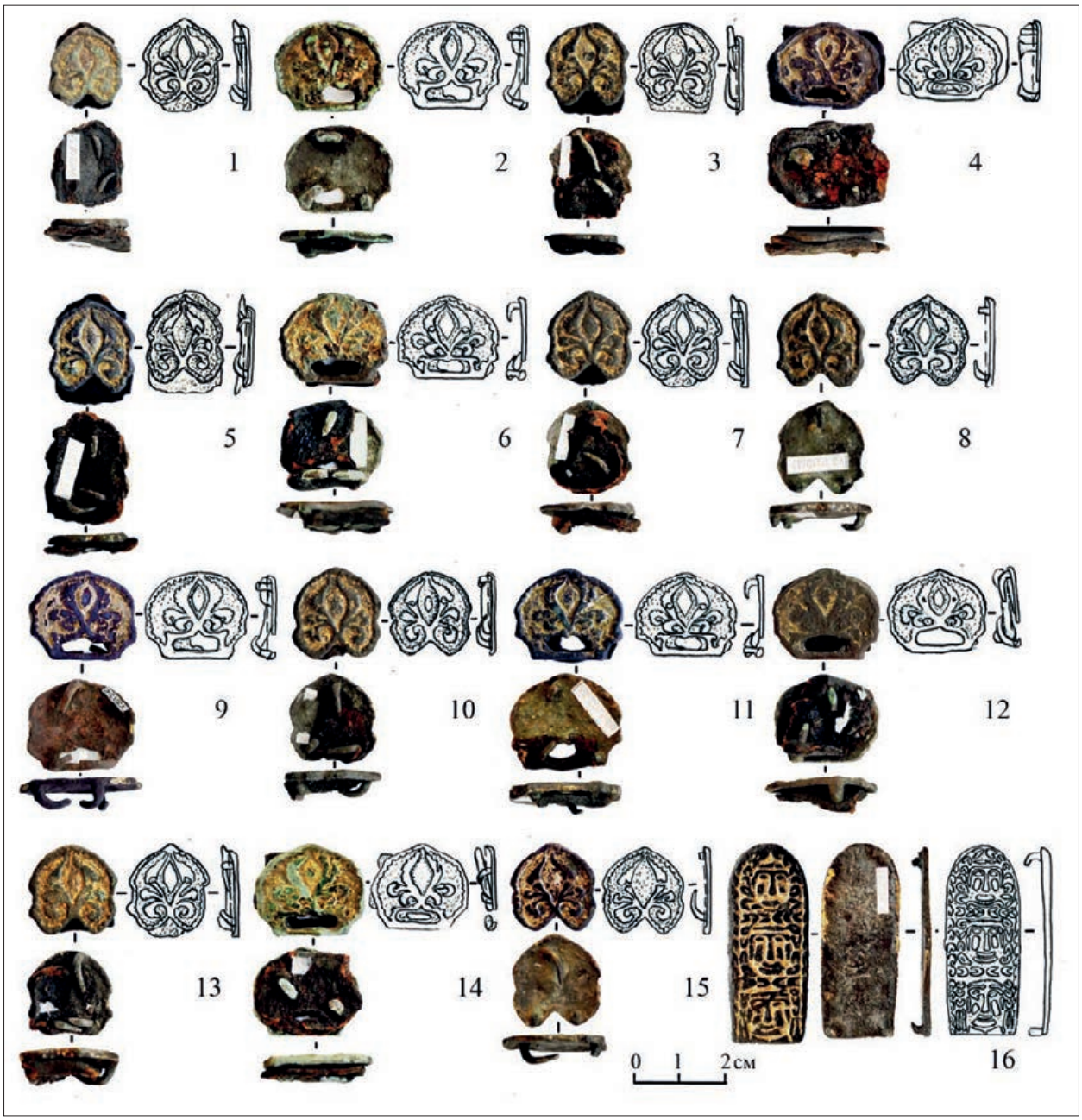

Рис. 173. Погребальный комплекс Уелги. Курган 28. Вещевой инвентарь. Скопление 1. Серебро с позолотой
173. kép. Az ujelgi temető 28. kurgán. Mellékletek. 1. szórvány csonthalmaz. Aranyozott ezüst

гребения 5. Глубина ямы около 10 см. Кости человека плохой сохранности, расположены в анатомическом порядке. Фиксируются только фрагменты черепной коробки и нижней челюсти (лицевым отделом на север), фрагменты ключицы, лопатки, плечевых костей правой и левой руки, локтевой кости правой руки и бедренных костей обеих ног. Погребенный ориентирован СЗ–ЮВ. Вдоль костей правой руки отмечена плечевая кость лошади. Рядом с фрагментами костей лицевого отдела черепа зафиксирована бронзовая пуговица.

Пуговица бронзовая, литая, грушевидной формы, с округлым отверстием, орнамент в виде отчеканенных наклонных линий. Диаметр изделия 0,8 см (*рис. 193. 36*).

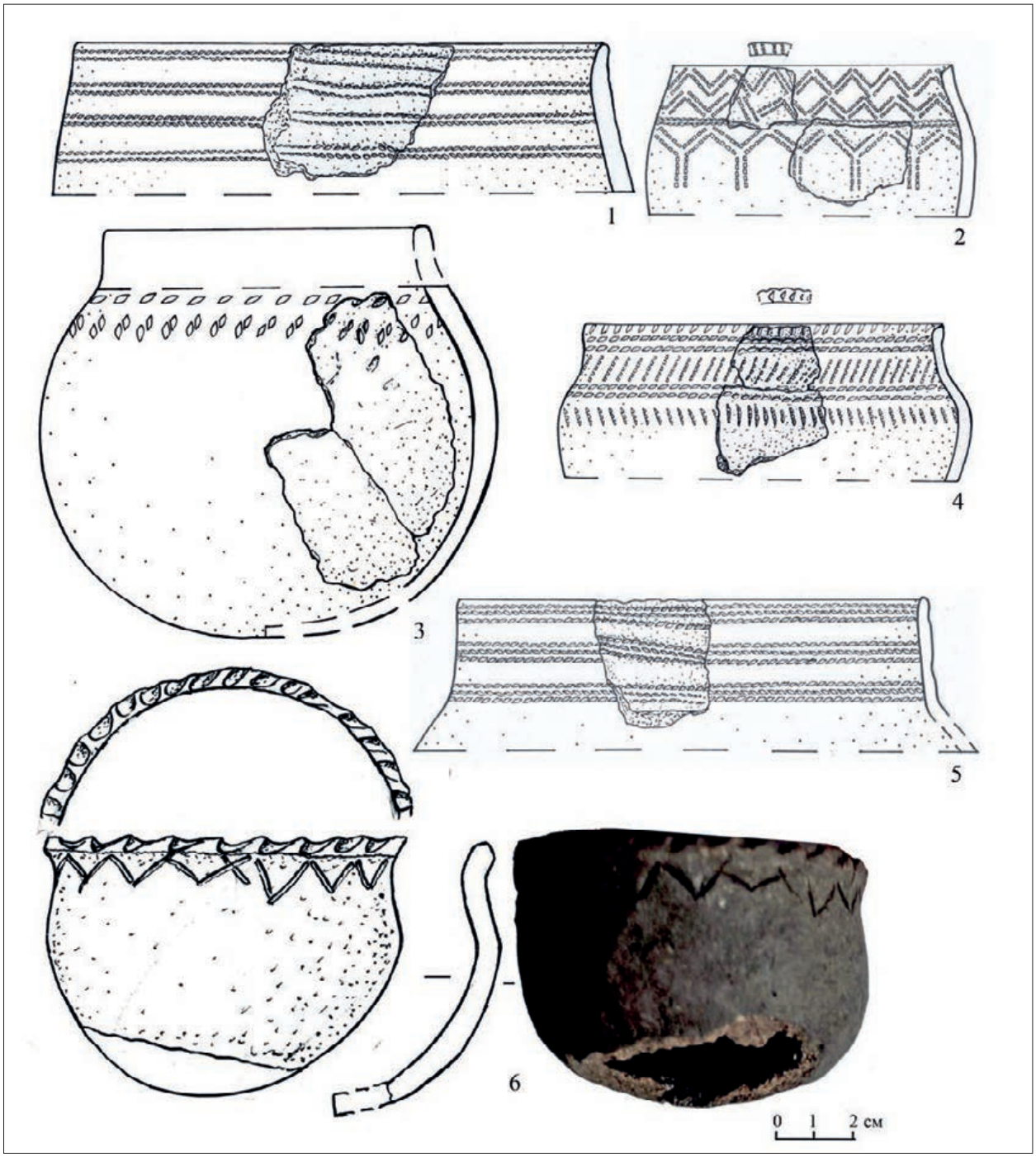

Рис. 174. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 28, 29. Подкурганная площадка, насыпь. Керамика
174. kép. Az ujelgi temető 28, 29. kurgán. Kurgánalatti tér, feltöltés. Kerámia

Скопления и жертвенники (кости человека и животных)

Особенностью курганов 28 и 29 являлось наличие многочисленных жертвенников, представленных в основном костями лошади. Всего было исследовано одно большое скопление (скопление 1) и 17 малых скоплений.

Скопление 1 (кости человека), курган 28 (*рис. 175*) расположено в южной части раскопа, чуть севернее центра кургана 28 (участок Н–О/1–3), очертания подовальной формы, ориентировано С–Ю, размерами 6 × 4 м. В скопле-

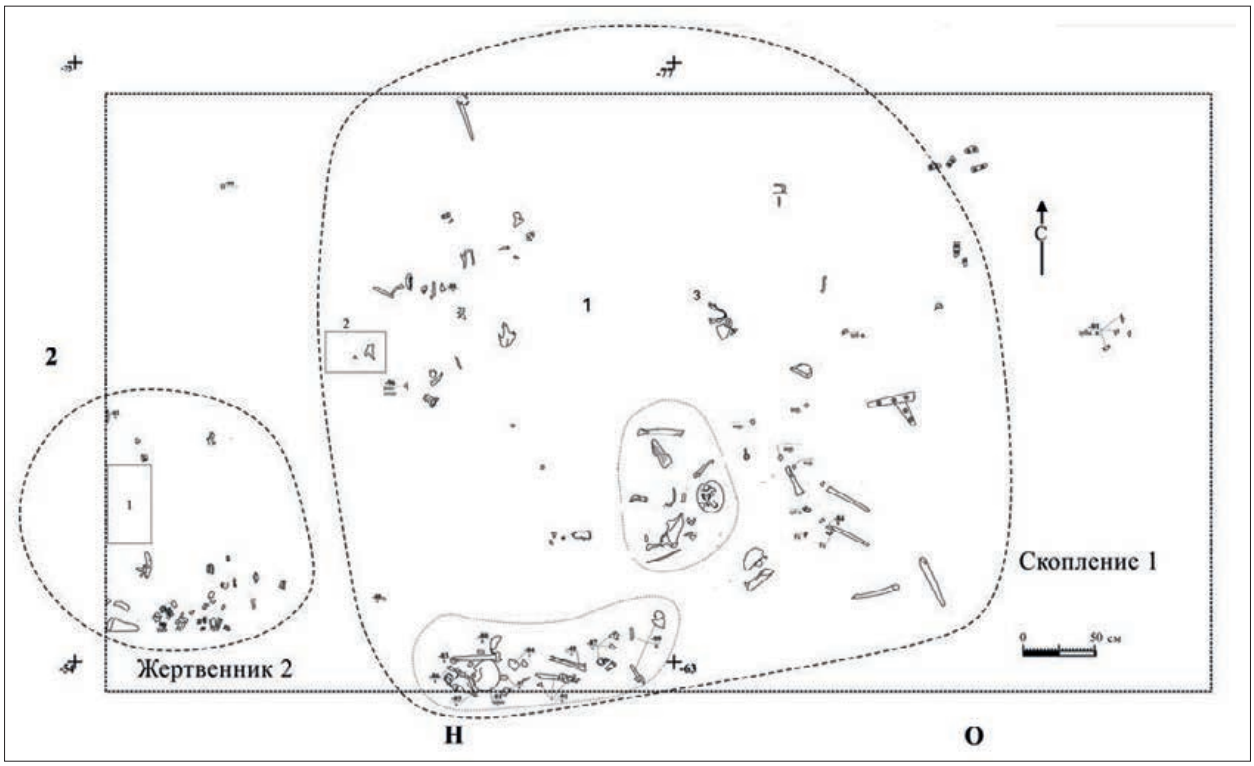

Рис. 175. Погребальный комплекс Уелги. Курган 28. Жертвенник 2. Скопление 1. Общий план
175. kép. Az ujelgi temető 28. kurgán, 2. áldozati leletegyüttes. 1. szórvány csonthalmaz. Általános felszínrajz

нии фиксируются фрагменты костей человека (двух индивидов – мужчины 25–35 и 45–55 лет). Наибольшее число костей концентрировалось в южной части скопления. В западной части зафиксированы костяные и железные наконечники стрел (колчан?), в восточной части фрагменты дерева и угля.

Наконечники стрел костяные (4 экз.), фрагментированы: *трехгранный*, без плечиков, длина 5,1 см, ширина 0,9 см; *четырехгранный*, с покатыми плечиками, острие сломлено, черешок отсутствует, длина 4,3 см, ширина 1,2 см; *фрагмент черешка*, длина 4,3 см, ширина 0,9 см (*рис. 171. 4–7*).

Наконечники стрел железные (3 экз.), трехлопастные черешковые, асимметрично-ромбические, коррозированы. У одного отмечается плавный переход к черешку, у остальных он более выраженный. Черешок одного изогнут. Длина 6,0; 7,0; 8,2 см, ширина пера 1,1; 1,2; 1,2 см (*рис. 195. 5, 7, 8*).

Жертвенник 2, курган 28 (*рис. 175*) расположен в юго-западной части раскопа (участок М–Н/2–3), под насыпью кургана, очертания овальной формы, размерами 1,5 × 1,5 м. Вероятно, является жертвенником. В скоплении фиксируются фрагменты нижней челюсти, зубы и ребро лошади, среди которых найдены бляшки от пояса, вероятно выкинутого из погребения 4 или скопления 1.

Поясные накладки серебряные с позолотой (15 экз.), литые, овальной формы с V-образным бортиком, фигурным основанием и заостренным носиком; отличаются накладки округлой формы с ровным бортиком, фигурным основанием, плавным носиком. Возле бортика оформлено овальное отверстие. Орнамент растительный, в виде лепестка с листьями по обе стороны, края оформлены псевдозернью. На внутренней стороне два либо три загнутых по краям шпенька. Размеры 1–1,5 × 1,5 см (*рис. 173. 1–15*).

Наконечник ремня серебряный с позолотой, литой, с ровным бортиком и основанием, полуовальным носиком. Украшен антропоморфным орнаментом в виде трех вертикально расположенных личин (выделены подбородок, щеки, нос и рот), которые обрамлены растительным узором в виде вертикальных и горизонтальных

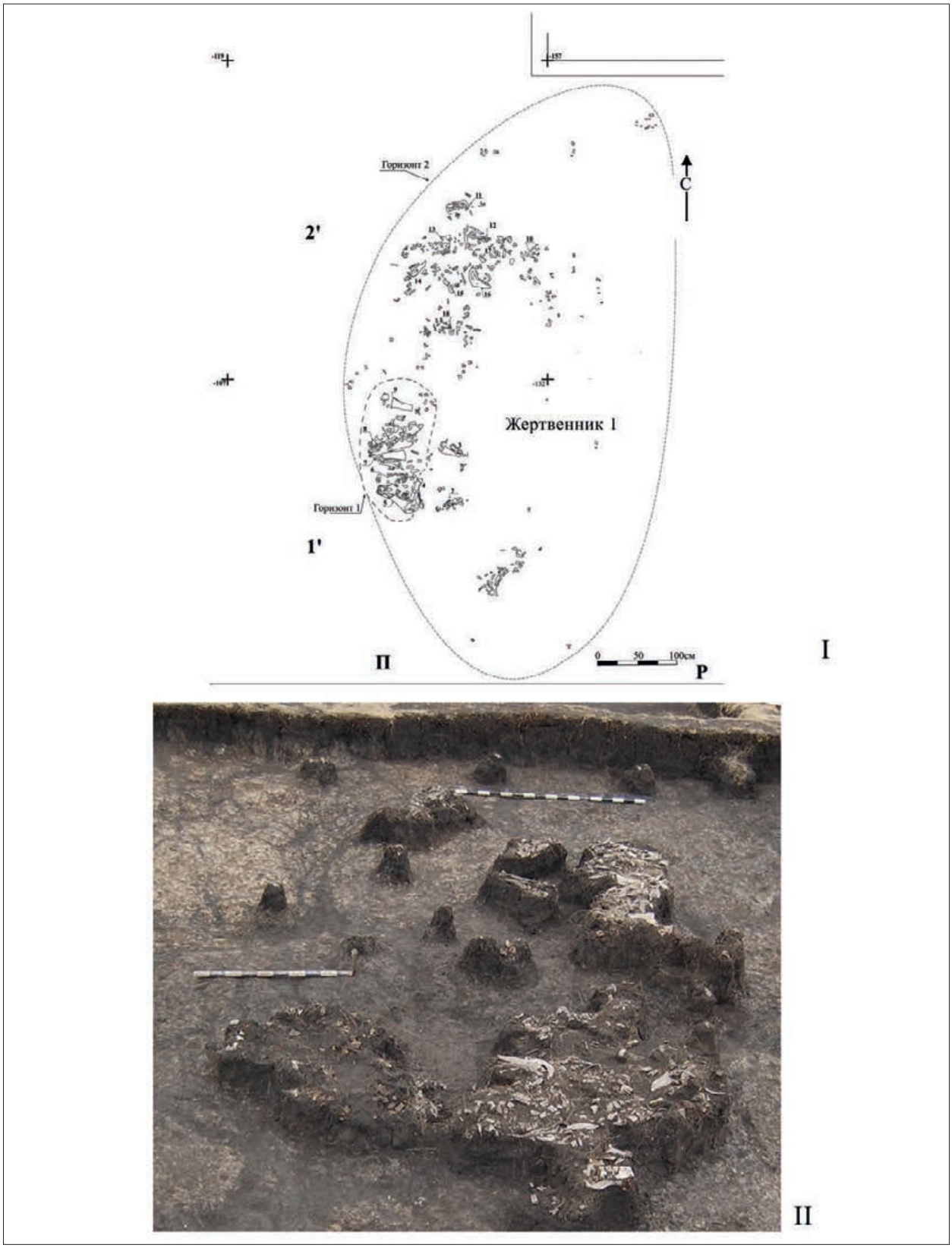

Рис. 176. Погребальный комплекс Уелги. Курган 29. Жертвенник 1. I: общий план; II: зачистка на уровне материка, вид сверху, с севера

176. kép. Az ujelgi temető 29. kurgán, 1. áldozati leletegyüttes. I: általános felszínrajz; II: altalaj szintjének kibontása, felülnézet, valamint nézet északi irányból

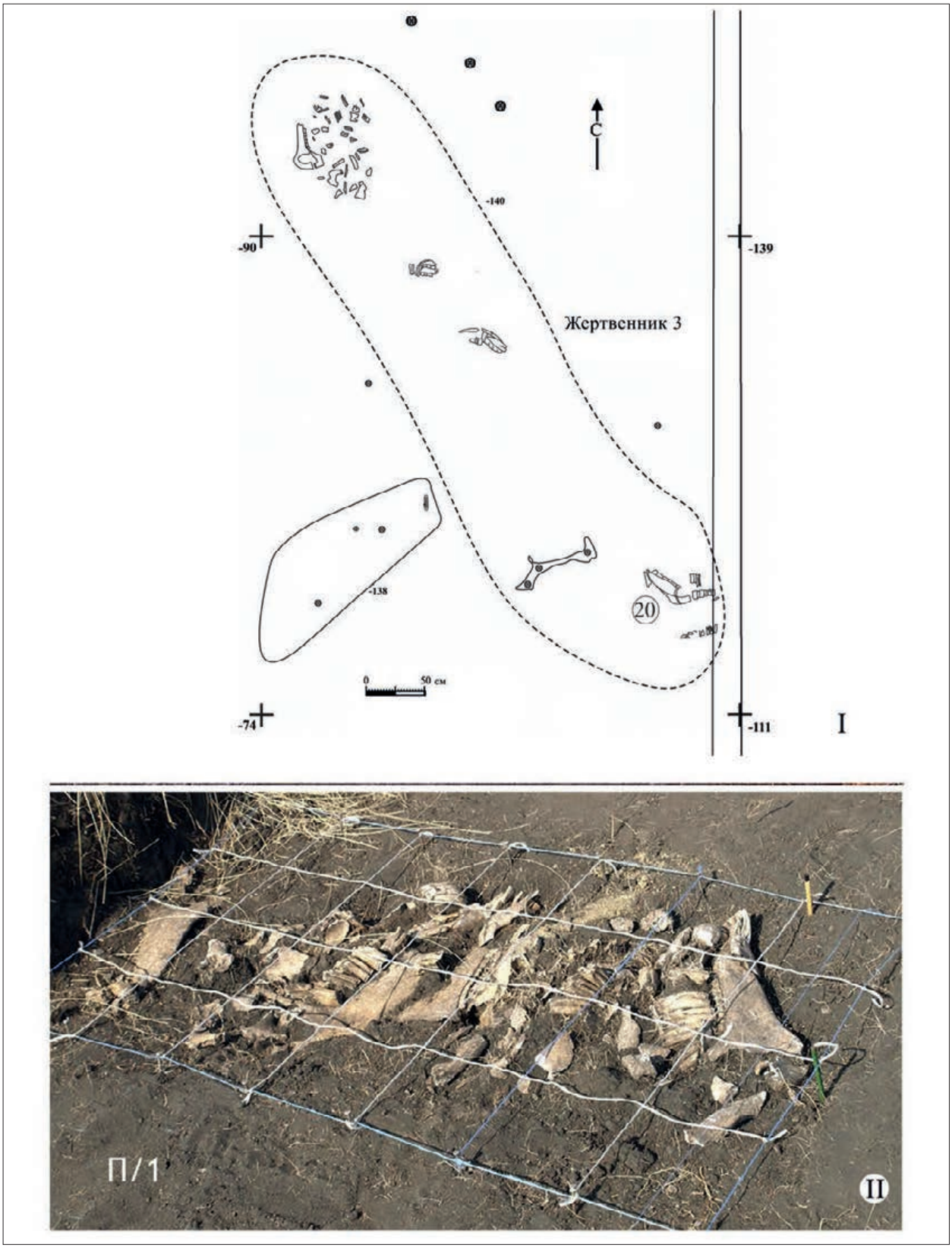

Рис. 177. Погребальный комплекс Уелги. I: курган 28, жертвенник 3, общий план; II: курган 29, жертвенник 1, зачистка на уровне горизонта 1, вид с юго-запада

177. kép. Az ujelgi temető 28. kurgán, 3. áldozati leletegyüttes, általános felszínrajz; II: 29. kurgán. 1. áldozati leletegyüttes, az 1. réteg szintéjen kibontása, valamint nézet délnyugati irányból

рядов листьев. По краям изделие украшено нервюрой и позолочено. На внутренней стороне фиксируются фрагменты трех шпеньков (один на носике и два по краям бортика). Длина 4 см, ширина 1,5 см (*рис. 173. 16*).

Жертвенник 3, курган 28 (кости животных) (*рис. 177. I*) расположен в северо-восточном секторе подкурганной площадки кургана 28 (участок П/1–2), очертания имеют вытянутую овальную форму, размерами 1,5 × 6,6 м, ориентированы по линии СЗ–ЮВ. Представлен обломками костей черепов лошади (фрагменты костей и зубов). Жертвенник составили кости как минимум от пяти особей.

Жертвенник 1, курган 29 (*рис. 176. I, II; 177. II*) расположен в восточной части подкурганной площадки кургана 29, очертания подовальной формы, вытянутые по линии С–Ю (участок П–Р/2', 1'), размерами 4,7 м × 8,5 м.

Расчистка костей осуществлялась на двух горизонтах: горизонт 1 – южный, 1,5 × 2 м; горизонт 2 – северный, 2,3 × 2,2 м. Южный горизонт представлен в основном костями черепов лошади (до 10 особей). Северный горизонт, кроме костей черепа (челюсти, зубы), составляли кости нижней части ног (копыта, фаланги) (*рис. 176. I, II*). По данным остеолога П.А. Косинцева в жертвеннике 1 находились кости 28 особей лошадей. Кости плохой сохранности, от черепов и нижних челюстей чаще всего сохранились только зубы и фрагменты костей челюсти. При обнаружении остатков черепа и нижней челюсти одного возраста, отмечалась принадлежность к одной особи.

Курган 29

Курган 29 (*рис. 169*). Курганная насыпь расположена у северо-восточной границы погребального комплекса, округлой формы, размерами 12 м. Погребения 1; 2 были обнаружены в центральной части насыпи кургана. Имеют между собой перемычку.

Погребение 1 (*рис. 178; 179. II*) расположено в центре насыпи кургана 29. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,8 × 2,5 м, ориентирована по линии З–В, глубина 15–20 см. Кости (целые и обломки), фрагменты деревянной обкладки, мелкие части кольчуги, изделия из кости (наконечники стрел) и фрагменты изделий из железа из погребения 1 фиксировались на верхних горизонтах. Остатки скелета, погребенного в могильной яме 1, фрагментированы. В западной части объекта концентрируется большая часть фрагментов черепа, нижней челюсти, позвонков и ключица. Можно предположить, что погребенный был уложен головой на запад.

Вдоль северо-западной и юго-восточной стенок сохранились небольшие фрагменты деревянной обкладки, не разрушенные в процессе ограбления. В заполнении фиксируются небольшие неопределяемые фрагменты железных изделий и отдельные сломанные кольца кольчуги. В юго-западном углу располагалось скопление спекшегося железа, состоящее из небольших колец (кольчуга?). В северо-западном углу, южнее сохранившейся деревянной обкладки, на расстоянии 4–5 см зафиксированы четыре фрагмента портупейного ремня, лежащие «in situ» – наконечник ремня, пряжка, кольцо–распределитель и накладка сердцевидной формы. При расчистке данных предметов южнее и вдоль них были зафиксированы фрагменты древесного тлена, вероятно, оставшиеся от оружия или от ножен (?).

Фрагменты железных изделий (7 экз.), сильно коррозированы, фрагментированы и не поддаются идентификации (*рис. 195. 10, 11, 20–23*).

Наконечники стрелы железные (3 экз.), асимметрично-ромбические, трехгранные, коррозированы. Размеры: длина 4,1 см, ширина пера 1,4 см (*рис. 195. 4*); длина 6,0 см, ширина пера 1,7 см (*рис. 195. 9*); длина 5 см, ширина пера 1,2 см (*рис. 195. 6*).

Псалий слабоизогнутый, имеет два загиба на концах, коррозирован. Размеры: длина 8,5 см, ширина в центре 1,2 см (*рис. 195. 25*).

Пряжки серебряные (3 экз.), литые, с овальной рамкой и прямоугольным щитком, слегка уплощенным в основании. На месте железного язычка присутствуют следы коррозии. Орнамент на щитке не читается. На обратной стороне два ровных шпенька с шайбами-фикса-

торами. Размеры 2,5 × 3 см; 2 × 3 см (*рис. 193. 32–34*).

Наконечники стрел костяные (2 экз.): *трехгранный*, ромбический, с прямым сужающимся черешком, одна сторона острия деформирована, размеры: длина пера 5,2 см, ширина 1,3 см, длина черешка 3 см (*рис. 194. 7*); *четырехгранный* (фрагментирован), с прямыми плечиками, размеры: длина пера 3 см, ширина 1,6 см, длина черешка 3,7 см (*рис. 194. 9*).

Накладка сердцевидная серебряная, литая, с фигурно-скобчатым бортиком, ровным основанием, в центре которого отверстие округлой формы, и V-образным носиком. Орнамент не читается. На обратной поверхности три шпенька, один из которых сломлен, два – сильно изогнуты. Размеры 1,5 × 1,8 см (*рис. 193. 8*).

Накладка сердцевидная серебряная, литая с фигурно-скобчатым бортиком, округлым основанием и V-образным носиком. Орнамент отсутствует. В основании имеется округлое отверстие. На обратной стороне – три ровных шпенька с шайбами-фиксаторами. Размеры 1,4 × 1,4 см (*рис. 193. 9*).

Накладки сердцевидные серебряные (2 экз.), литые, с фигурно-скобчатым бортиком, V-образным основанием и заостренным носиком. Орнамент отсутствует. На обратной стороне шпенек с шайбой-фиксатором. Размеры 1,4 × 1,4 см и 1,4 × 1,6 см (*рис. 193. 6, 7*).

Поясная накладка серебряная, литая, овальной формы с фигурно-скобчатым бортиком, обратно фигурно-скобчатым основанием и V-образным носиком. Орнамент отсутствует. На обратной стороне два шпенька, один сильно загнут, другой сломлен. Размеры 1,4 × 2 см (*рис. 193. 11*).

Наконечник ремня серебряный, литой, с фигурно-скобчатым бортиком, ровным основанием и полуовальным носиком. Орнамент отсутствует. На обратной стороне два шпенька, один обломлен, на другом присутствует шайба-фиксатор. Размеры 1,5 × 2,8 см (*рис. 193. 28*).

Погребение 2 (*рис. 178; 179. I*) расположено в 0,35–0,9 м севернее погребения 1. Могильная яма глубиной 0,17–0,21 м, подпрямоугольной формы, размерами 2 × 3,2 м, вытянута по линии ЗЮЗ–ВСВ. В заполнении зафиксированы перемешанные кости скелета человека. Вероятно, погребенный был уложен головой на запад. В заполнении (в восточной части) были отмечены фрагменты погребального инвентаря.

Накладка сердцевидная серебряная, орнаментирована узором в виде языка пламени, обрамленного фигурным завитком. Размеры 1,8 × 1,9 см (*рис. 180. 5*).

Наконечники стрел костяные (4 экз.), четырехгранные, удлиненно-ромбической формы, с остроугольным острием, пологими плечиками. Длина пера 1,3–5 см, ширина 1,3–1,5 см, длина черешка 1,7–4,2 см (*рис. 180. 1–4*).

Погребение 7 (*рис. 181. I, II*) расположено на северо-западной окраине подкурганной площадки, могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,5 × 2 м, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. В заполнении зафиксированы фрагменты двух нижних челюстей черепа человека, поэтому можно предположить, что данное погребение было парным. В восточной части ямы были отмечены кости конечностей лошади. В заполнении погребения фиксируются фрагменты железных изделий, не поддающиеся определению. В западной части погребения были найдены накладки и наконечники ремня от поясной гарнитуры.

Железные изделия (4 экз.), пластинка и черенки наконечников стрел (*рис. 180. 17–20*).

Скоба колчанная железная, раскованная по краям, имеет центральное ребро, выгнутое по центру. Длина 8 см, ширина 1 см (*рис. 180. 16*).

Накладки подовальной формы бронзовые (5 экз.), литые, с V-образным бортиком, плавным основанием и заостренным носиком. Орнамент отсутствует. На обратной стороне, как правило, два загнутых шпенька с фрагментами кожи. Длина 2,1–2,2 см, ширина 1,2 см (*рис. 180. 9–13*).

Накладка щитовидная серебряная, литая, с фигурно-скобчатым бортиком, прямым основанием и V-образным носиком. На обратной стороне фиксируются остатки двух шпеньков. Длина 2,2 см, ширина 1,3 см (*рис. 180. 6*).

Накладка прямоугольная бронзовая, литая, с ровным бортиком и основанием, полуовальным носиком. Орнамент отсутствует. На обратной стороне фиксируются два шпенька. Длина 2,5 см, ширина 1,1 см (*рис. 180. 7*).

Накладка прямоугольная серебряная, литая, с фигурно-скобчатым бортиком, ровным осно-

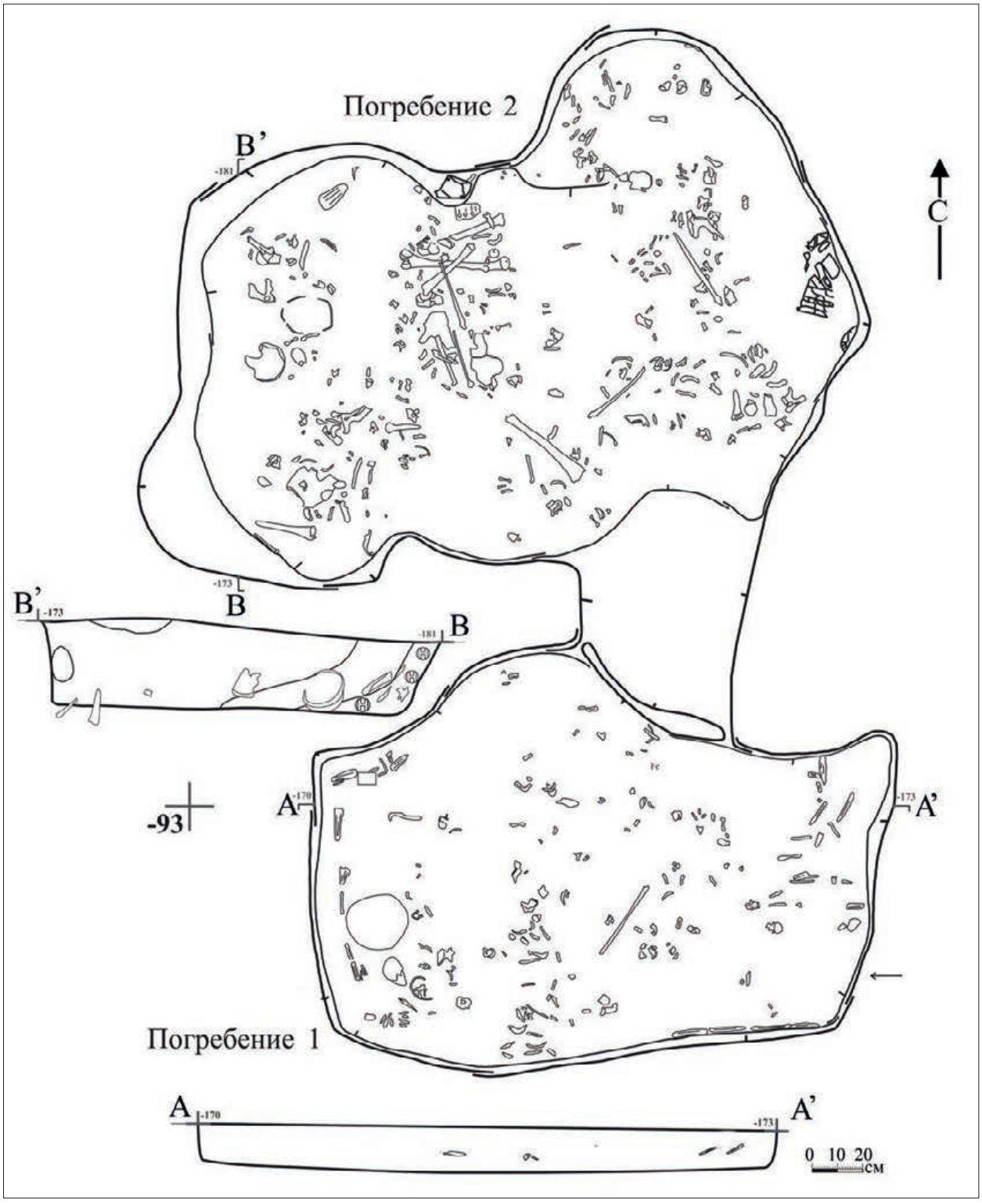

Рис. 178. Погребальный комплекс Уелги. Курган 29. Погребения 1, 2. Общий план и разрезы
178. kép. Az ujelgi temető 29. kurgán, 1, 2. sír. Általános felszínrajz és metszetek

Рис. 179. Погребальный комплекс Уелги. Курган 29. I: погребение 2; II: погребение 1. Зачистка на уровне дна могильных ям, вид с запада

179. kép. Az ujelgi temető 29. kurgán. I: 2. sír; II: 1. sír. A sírgödör aljának kibontása, nézet nyugati irányból

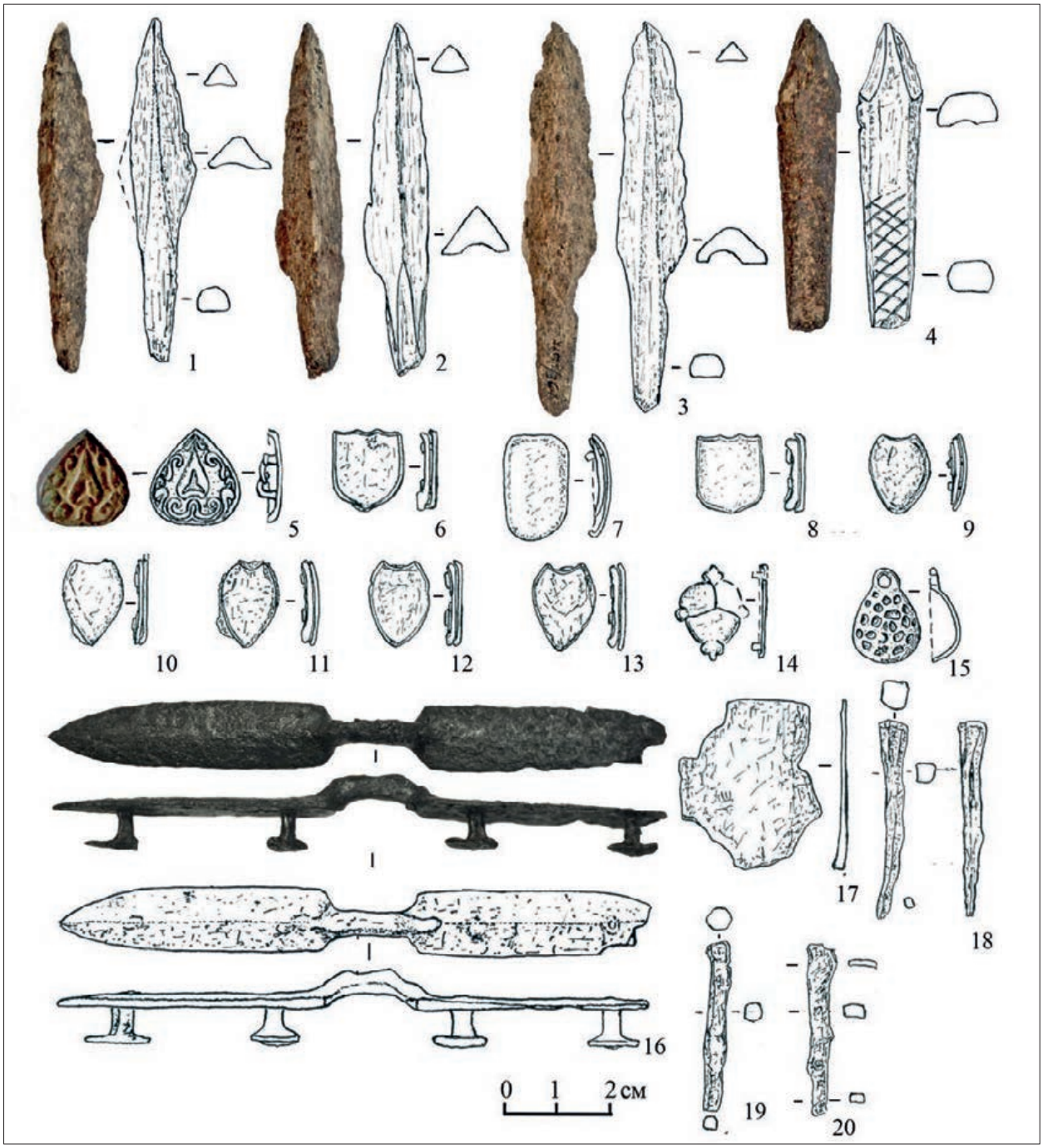

Рис. 180. Погребальный комплекс Уелги. Вещевой инвентарь. 1–5: погребение 2, курган 29; 6–20: погребение 7, курган 29. 1–4: кость; 5–15: серебро, бронза; 16–20: железо

180. kép. Az ujelgi temető. Mellékletek. 1–5: 29. kurgán, 2. sír; 6–20: 29. kurgán, 7. sír. 1–4: csont; 5–15: ezüst, bronz; 16–20: vas

ванием и полуовальным носиком. Орнамент отсутствует. На обратной стороне фиксируются остатки двух шпеньков. Длина 2,1 см, ширина 1,3 см (*рис. 180. 8*).

Фрагмент накладки с элементом орнамента по сохранившемуся краю в виде выпуклых лепестков. Длина 1,6 см, ширина 0,6 см (*рис. 180. 14*).

Фрагмент пуговицы-бубенчика двухсоставного бронзового, полый внутри, грушевидной формы, с отверстием по верхнему краю. Украшен орнаментом в виде рядов округлых вдавлений. Диаметр 1,3 см (*рис. 180. 15*).

Погребение 8 (*рис. 182. I, II*) расположено в северной части раскопа, рядом с погребением

Рис. 181. Погребальный комплекс Уелги. Курган 29. Погребение 7. I: общий план; II: зачистка на уровне дна могильной ямы, вид с юго-юго-востока

181. kép. Az ujelgi temető 29. kurgán, 7. sír. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet dél-délnyugati irányból

Рис. 182. Погребальный комплекс Уелги. Курган 29. Погребение 8. I: общий план на уровне верхнего горизонта; II: зачистка на уровне дна могильной ямы, вид с юга
182. kép. Az ujelgi temető 29. kurgán, 8. sír. I: általános felszínrajz a felső réteg szintjén; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet déli irányból

7, ориентировано по линии З–В, могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы, размерами 1,0 × 1,8 м, незначительной глубины (5–16 см). Погребение ограблено, костный материал и инвентарь сдвинуты в западную часть ямы. Погребенный был уложен головой на запад. По данным антропологии, погребение принадлежит мужчине. Рядом с человеческими костями, сдвинутыми к южной стенке могильной ямы, зафиксированы плечевая кость и ребро лошади.

Большая часть инвентаря фиксируется на первом горизонте. В 0,1 м от западной границы обнаружены костяные предметы: наконечник стрелы и изделие конусовидной формы с обломленной верхушкой; два фрагмента изделий из железа непонятного назначения; две накладки из серебра и ближе к центру погребения зафик-

Рис. 183. Погребальный комплекс Уелги. Курган 29. Погребение 8. Вещевой инвентарь. 1–6: кость; 7, 9–10, 12–15: серебро; 8, 11: бронза

183. kép. Az ujelgi temető 29. kurgán, 8. sír. Mellékletek. 1–6: csont; 7, 9–10, 12–15: ezüst; 8, 11: bronz

сированы два фрагмента костяной пряжки (*рис. 182. I*).

Бляшка округлая серебряная, литая, с орнаментом в виде полусферического выступа в центре и четырьмя лопастями по сторонам, утолщенными на концах. На обратной стороне присутствуют следы от шпеньков. Диаметр 1,5 см (*рис. 193. 20*).

Накладки серебряные прямоугольной, овальной и фигурной формы (5 экз.) с ровным или фигурным основанием, полуовальным носиком. Орнамент отсутствует. На обратной стороне имеются три загнутых шпенька. Длина 2,4 см, ширина 1,3 см (*рис. 183. 7, 9, 10, 13, 16*).

Накладка прямоугольная бронзовая с выделенным носиком внизу, орнаментирована рас-

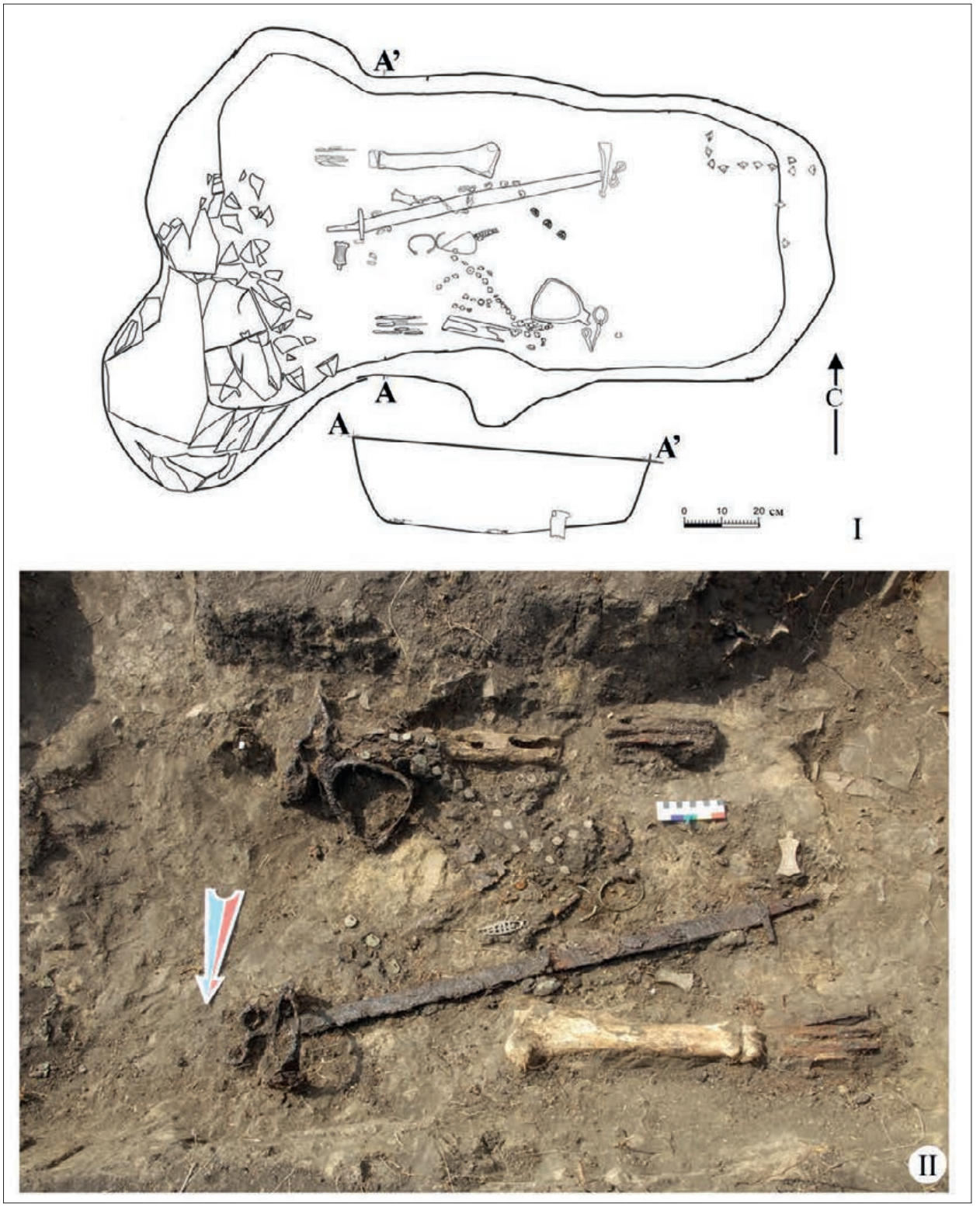

Рис. 184. Погребальный комплекс Уелги. Курган 29. Яма 1 «Тайник». I: общий план; II: зачистка на уровне дна, вид с севера

184. kép. Az ujelgi temető 29. kurgán, 1. gödör „tajnyik” lelet. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet északi irányból

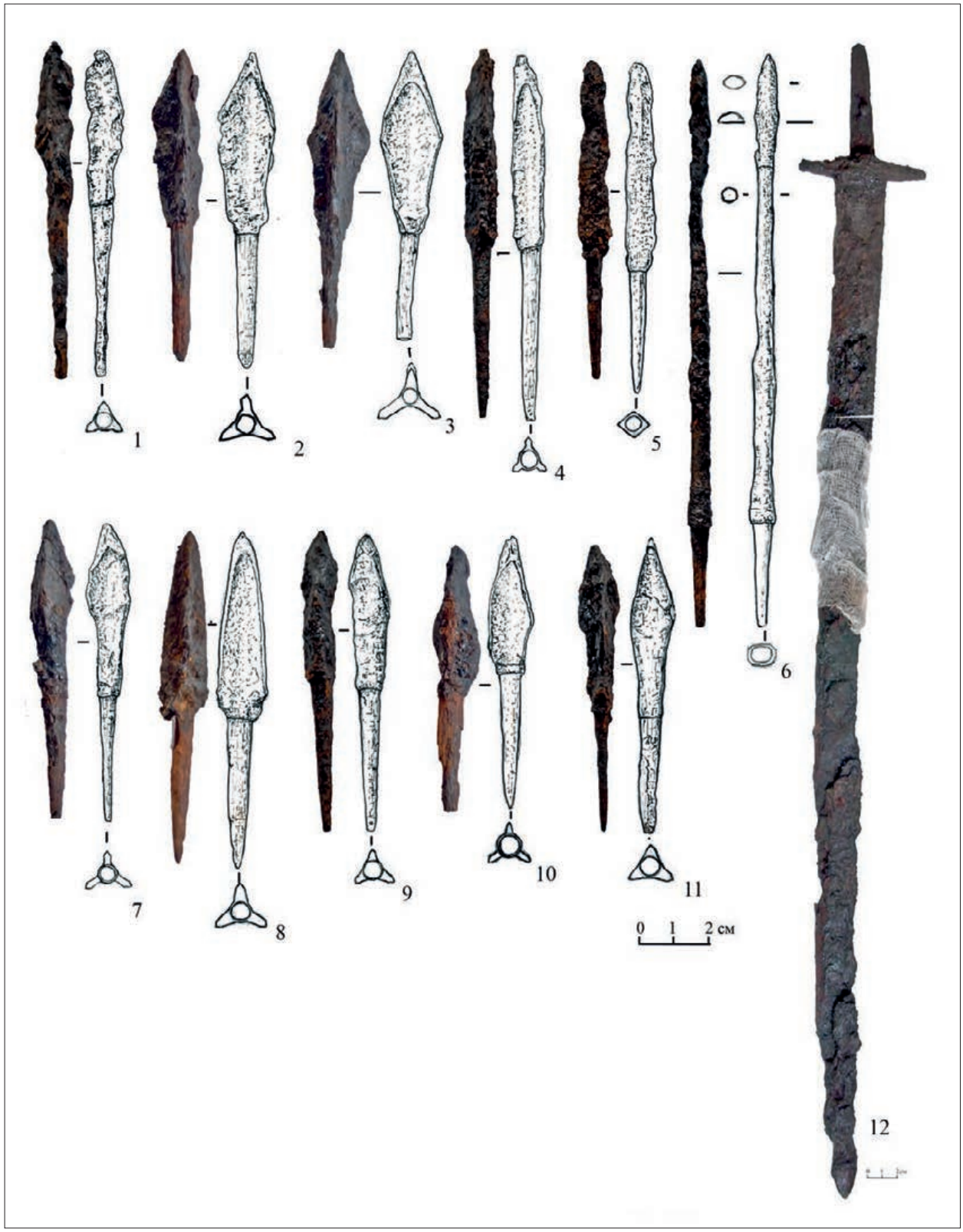

Рис. 185. Погребальный комплекс Уелги. Курган 29. Яма 1 «Тайник». Вещевой инвентарь. Железо
185. kép. Az ujelgi temető 29. kurgán, 1. gödör „tajnyik” lelet. Mellékletek. Vas

тительным орнаментом. Размеры 1 × 3 см (*рис. 183. 8*).

Наконечники стрел костяные (5 экз.), асимметрично-ромбические. Размеры от 4 до 7 см (*рис. 183. 1–5*).

Пряжка подпружная костяная (2 фрагмента) с костяным язычком. Размеры 3,2 × 4,7 см (*рис. 183. 6*).

Пуговица треугольной формы бронзовая, полая внутри, верхний край надломлен. Орнамент отсутствует. Диаметр 2,2 см (*рис. 183. 11*).

Фрагмент серебряного изделия. Размеры 0,4 × 1,8 см (*рис. 183. 12*).

Накладка округлой формы серебряная, с ровным основанием. Орнамент отсутствует. С обратной стороны один шпенек. Диаметр 1,4 см (*рис. 183. 14*).

Фрагмент накладки сегментовидной серебряной. Размеры 1,6 × 1,8 см (*рис. 183. 15*).

Яма 1. Жертвенный комплекс «Тайник» (*рис. 184. I, II*). Яма зафиксирована в западной части курганной насыпи, имела вытянутую подпрямоугольную форму, плавно расширяющуюся в западной части, была пристроена к естественному скальному выходу. Ширина восточного края 0,6 м, западного – 0,85 м, длина – 1,6 м. В западной половине ямы вдоль северной стенки была обнаружена бедренная кость лошади и фрагмент трубчатой кости (лошади?) вдоль южной стенки. Западнее костей были расположены два колчана (1 и 2). В центре ямы по диагонали был уложен палаш (ориентирован рукоятью по линии ЗЮЗ–ВСВ). Восточнее рукояти палаша, рядом с северной стенкой ямы, расположены *стремя 2* (на дужке, ушком на юг) и *удила 2*. Симметрично им, рядом с южной стенкой, было найдено *стремя 1* (плашмя, ушком на юго-восток) и *удила 1*. Вдоль палаша расположены накладки от портупейного ремня (10 экз.) и два фрагмента флаконовидной подвески (с двух сторон от палаша). Южнее, вдоль палаша, фиксируются два серебряных браслета, серьга, ажурное украшение овальной вытянутой формы и поясные накладки (9 экз.) От стремени к браслетам выложены ременные накладки (около 40 штук), возможно узда. В северо-восточном углу ямы обнаружен еще один набор поясных накладок (12 экз.) Вероятно, в яму 1 было положено седло со стременами и накрупным ремнем, но само седло не сохранилось. Всего было обнаружено 16 железных изделий.

Сабля (палаш). Деревянная основа рукояти не сохранилась. Длина клинка около 57 см, ширина 2–3 см, толщина около 3–5 мм. Длина рукояти около 9 см, ширина 1,5–2 см, толщина около 1 см. Длина перекрестья 9 см, ширина 1–2 см, толщина 1 см. Рукоять слабо изогнута, ножны не сохранились. По центру рукояти имеется крепежный элемент для деревянной ручки (*рис. 185. 12*).

Удила 1, двусоставные, кольчатые, с петельчатыми окончаниями и дополнительной восьмерковидной петлей, с петельчатым соединением звеньев. Железо, ковка. Размеры колец 2,4 × 2,9 см, длина стержней 6,7 и 5,4 см (*рис. 186. 3*).

Удила 2, с петельчатыми окончаниями и дополнительной восьмерковидной петлей, с петельчатым соединением звеньев, сильно коррозированы. Железо, ковка. Диаметр колец 3,2–3,5 см, длина стержня 5,9 см (*рис. 186. 2, 4, 5, 7–9*).

Стремя 1, ушко ровное, замкнутое, правая сторона отсутствует, основание дужки уплощенное, подквадратной формы, сильно коррозировано. Дужка ровная, подтреугольной формы со слегка выпуклыми краями. Подножка расширена, уплощена в месте перехода от дужки к подножке, на внешней стороне имеется валик. Железо, литье, ковка. Высота 14,7 см, ширина 11,1 см, толщина дужки 0,5 см, толщина подножки 0,4 см (*рис. 186. 1*).

Стремя 2, правая дужка значительно изогнута, ушко незамкнуто, отверстие овальное, подножка расширена, сильно коррозировано. Железо, литье. Высота 14 см, ширина 9,7 см, толщина 0,7 см, толщина подножки 0,4 см (*рис. 186. 6*).

Колчан 1: наконечники стрел железные (6 экз.) трехлопастные. Длина от 8 до 15 см, ширина от 0,4 до 1,2 см (*рис. 185. 1–6*).

Колчан 2: наконечники стрел железные (5 экз.) трехлопастные или трехгранные, с широкими лопастями, ровными плечиками и округлым черешком. Длина от 6,5 до 9 см, ширина от 0,9 до 1,6 см (*рис. 185. 7–11*).

Браслеты бронзовые (2 экз.), кованые, выполнены из толстого, овального в сечении прута с обрубленными несомкнутыми концами. Длина 6,7 см, ширина 5 см (*рис. 192. 1, 2*).

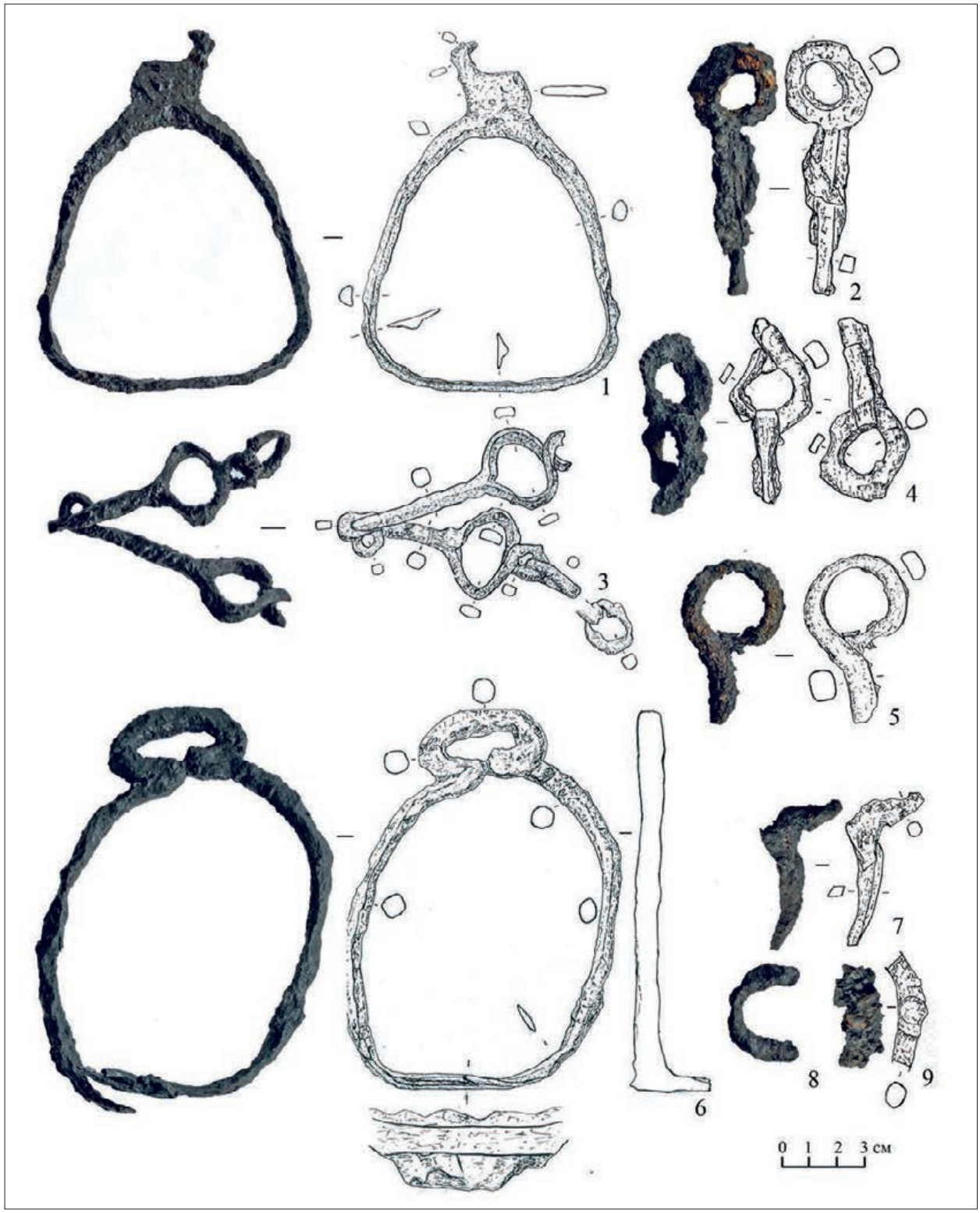

Рис. 186. Погребальный комплекс Уелги. Курган 29. Яма 1 «Тайник». Вещевой инвентарь. Железо
186. kép. Az ujelgi temető 29. kurgán, 1. gödör „tajnyik” lelet. Mellékletek. Vas

Подвеска (игольница?) флаконовидная серебряная (2 фрагмента), имеет форму пустотелого приплюснутого флакона в виде вытянутой трапеции. Содержит шпеньки по краям внутренней стороны изделия. Трубочка вытянутая, в центре небольшое отверстие, по нижнему краю тулова размещены два небольших кольца, третье утрачено. Верхняя часть трубочки украшена двумя небольшими валиками, орнамент симметричный. Верхняя и нижняя часть украшена горизонтальным рядом зерни. Центральная композиция окаймляется размещенным по периметру трубочки небольшим валиком (по вертикальной стороне – двойным). Центральная часть орнамента выполнена в виде горизонтального и вертикального ряда насечек. В вертикальном ряду насечки выполнены в виде зубцов, в горизонтальном ряду – в виде наклонных зигзагов. Длина 6,6 см, ширина от 1,8 до 2,9 см, диаметр трубочки 1 см (*рис. 192. 3, 5*).

Подвеска серебряная – ажурное украшение овальной вытянутой формы. Один конец оформлен кольцом, а другой – двумя поперечными петельками с небольшим отверстием в центре, в которые, скорее всего, вставлялась ложечка. Центральная часть изделия, выполненная в виде симметричных прямоугольных и овально-вытянутых прорезей, покрыта орнаментом в виде горизонтальных полос зерни и вертикальных рядов косых насечек. Длина 6,5 см, ширина 1,6 см, диаметр кольца 0,8 см (*рис. 192. 4*).

Серьга серебряная (2 фрагмента), литая, разомкнутое кольцо, рифленый стержень. Длина 6 см (*рис. 192. 6*).

Накладки поясные серебряные (36 экз.), литые, с полукруглым бортиком и выступом в центре, с ровным основанием и выступами в центре и V-образным носиком. Верхняя часть бортика оформлена в виде выпуклого треугольника с треугольным вдавлением по середине. На обратной стороне у большинства экземпляров присутствуют загнутые внутрь шпеньки с фрагментами кожи. Длина 1,5 см, ширина 1,1 см (*рис. 187. 1–34; 188. 1–36*).

Бляшки розетковидной формы серебряные (2 экз.), литые, орнамент представляет собой лепесток рельефной формы с симметричными овальными вдавлениями по периферии и кругом в центре, ограниченным от остальной части небольшой нервюрой и рядом косых насечек. На обратной стороне присутствуют шпеньки. Диаметр 2 см (*рис. 187. 36, 37; 188. 38, 39*).

Обломок пряжки серебряной (*рис. 187. 35; 188. 37*).

Накладки поясные серебряные (12 экз.), литые, с ровными бортиками, фигурно-скобчатым, заостренным основанием и выпуклым носиком. Основание и бортик разделены рельефным узором в виде трилистника, отделенного от остальной части небольшой нервюрой. Верхняя часть бортика оформлена в виде выпуклого треугольника с треугольным вдавлением по середине. На обратной стороне размещены три шпенька, один из которых загнут. Размеры 1,9 × 3 см (*рис. 189. I, II*).

Накладки поясные серебряные (9 экз.), литые, с прямым бортиком, плавно сужающимся основанием и заостренным носиком сверху. В основании присутствует прямоугольная прорезь, используемая, вероятно, для подвешивания функциональной части пояса. Орнамент симметричный, растительный, в виде лепестков, обращенных к центру композиции, внутри которого расположен вытянутый овал. Почти на всех экземплярах на обратной стороне отмечены загнутые внутрь шпеньки, для крепления кожи (*рис. 190. 1–9*).

Украшения трензельного ремня серебряные (8 экз.), литые. Ременные накладки с симметричным фигурно-скобчатым бортиком и носиком, и V-образным основанием. Растительный орнамент в виде жемчужины в центре композиции и поясок псевдозерни по краям. На обратной стороне имеются прямые шпеньки с фрагментами кожи. Длина 0,9 см, ширина 2,3 см (*рис. 190. 10–14, 17–19; 191. 1–6, 8, 9*).

Пряжки затяжные серебряные (2 экз.), литые, с округлой рамкой и щитком неопределимой формы (прямоугольной?). С обеих сторон щиток окаймляет кожа, скрепленная с одной стороны шпеньками, с другой – рельефной пластиной в виде треугольника с имитацией зерни по краям. Диаметр рамки 1,2 см (*рис. 190. 15, 16; 191. 7, 10*).

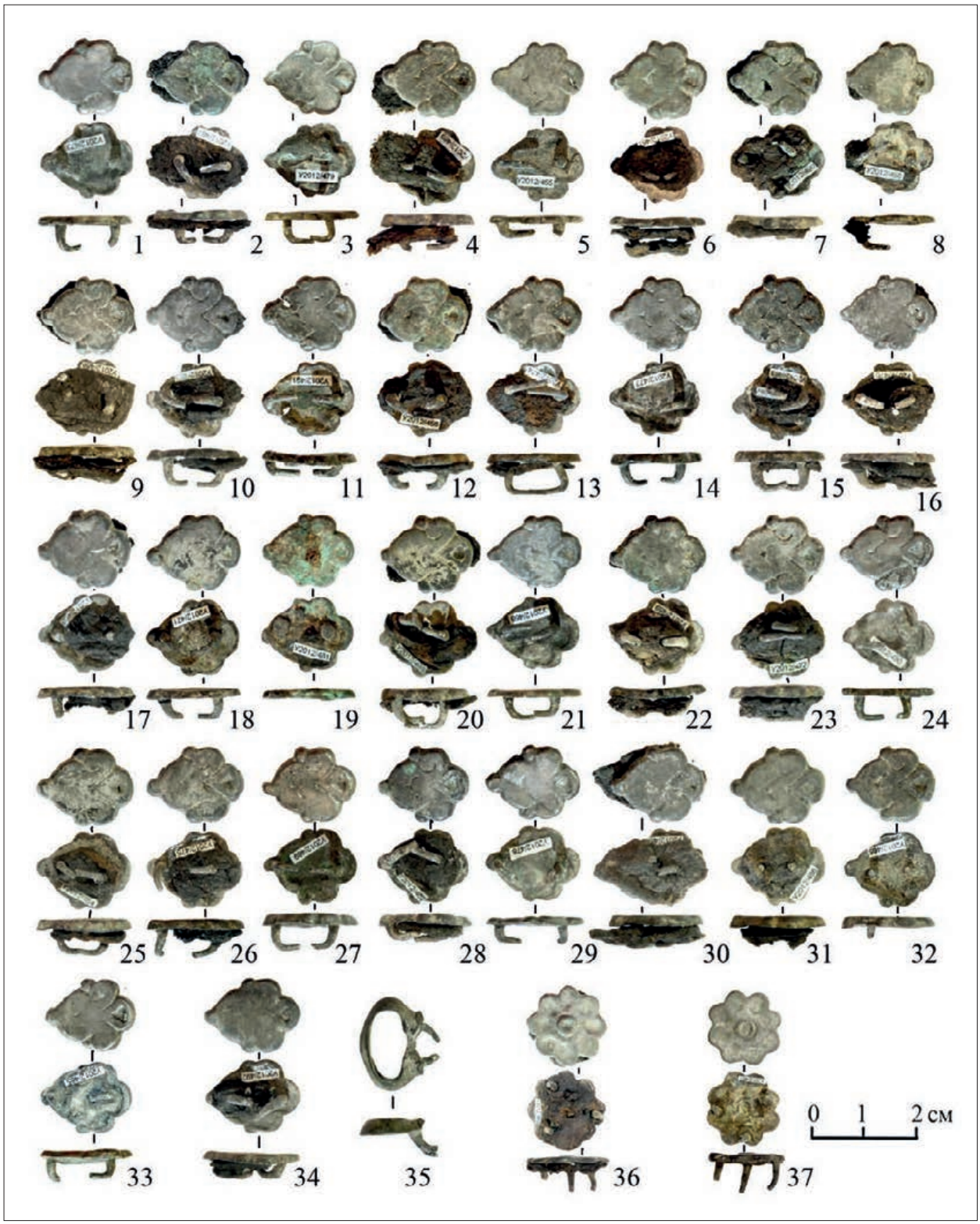

Рис. 187. Погребальный комплекс Уелги. Курган 29. Яма 1 «Тайник». Вещевой инвентарь. Серебро, серебро–кожа

187. kép. Az ujelgi temető 29. kurgán, 1. gödör „tajnyik” lelet. Mellékletek. Ezüst, ezüst–bőr

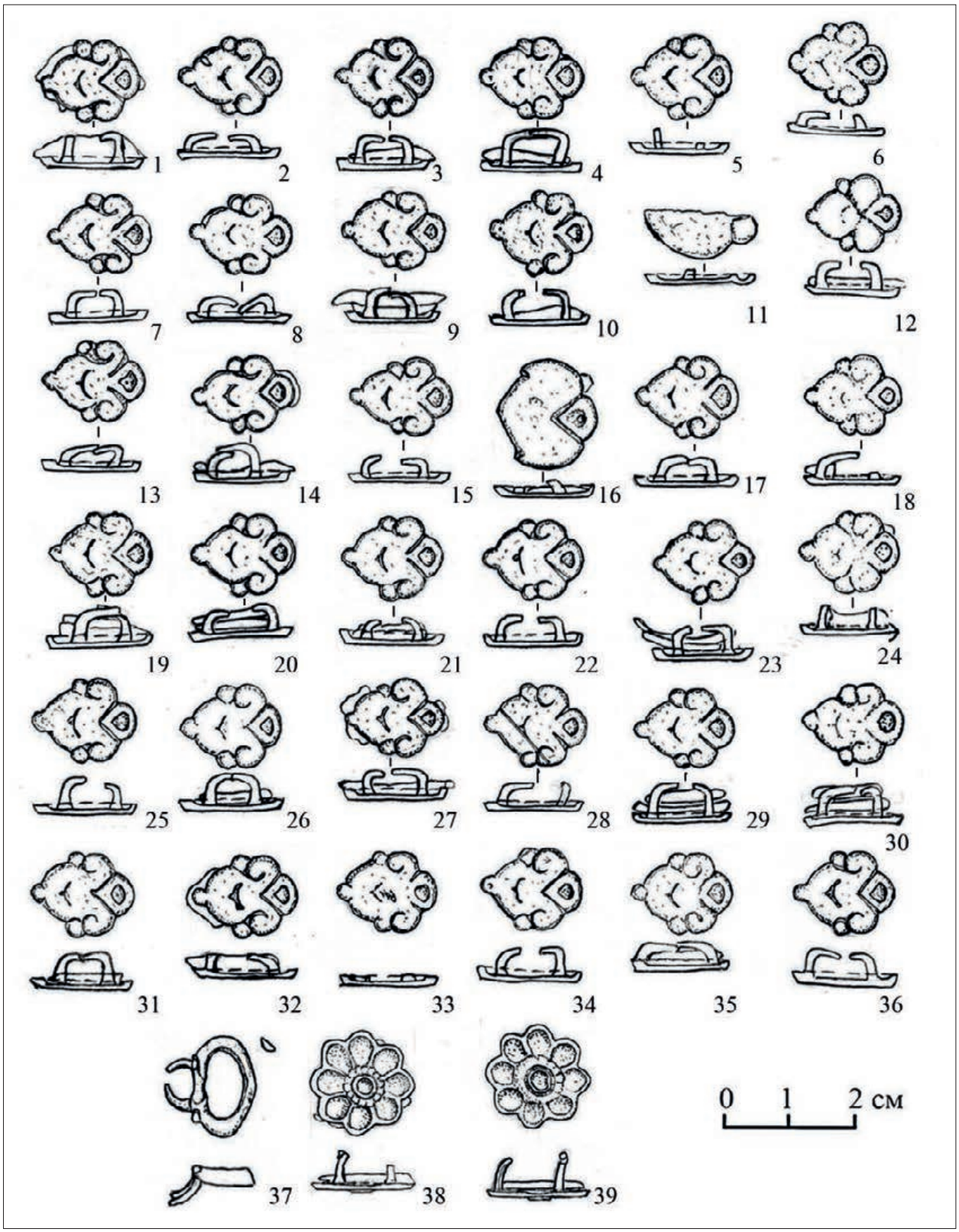

Рис. 188. Погребальный комплекс Уелги. Курган 29. Яма 1 «Тайник». Вещевой инвентарь. Серебро, серебро–кожа

188. kép. Az ujelgi temető 29. kurgán, 1. gödör „tajnyik” lelet. Mellékletek. Ezüst, ezüst–bőr

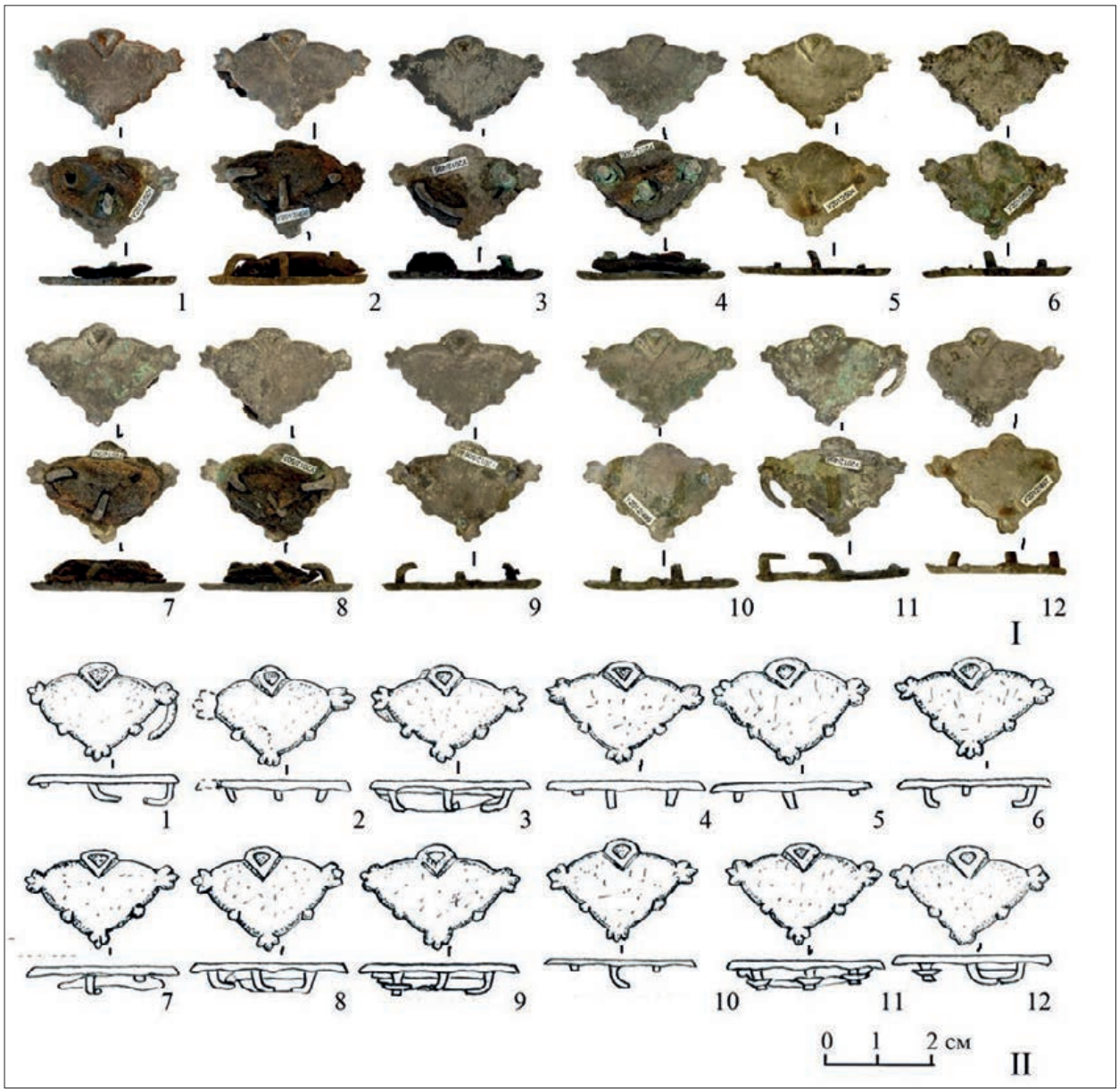

Рис. 189. Погребальный комплекс Уелги. Курган 29. Яма 1 «Тайник». Вещевой инвентарь. Серебро, серебро–кожа

189. kép. Az ujelgi temető 29. kurgán, 1. gödör „tajnyik” lelet. Mellékletek. Ezüst, ezüst–bőr

Описание вещевого инвентаря с подкурганных площадок и из насыпей курганов 28 и 29

Распространение вещевого инвентаря на горизонтах является прямым следствием ограбления курганов. Наибольший процент находок сосредоточен на участках, где располагались могильные ямы. Большинство предметов (кроме костных остатков) происходит из заполнения могильных ям, что затрудняет определение направления выкида. Распространение находок в кургане 29 менее обширно. Основные находки были сделаны на участках Н/1–2 и вокруг погребений.

Наконечники стрел железные (7 экз.), двухлопастные и трехлопастные, один бронебойный и два черенка. Размеры от 4,9 до 9,2 см (*рис. 195. 2, 3, 12–15, 17*).

Крюк колчанный железный. Размеры 2,5 × 7,6 см (*рис. 195. 16*).

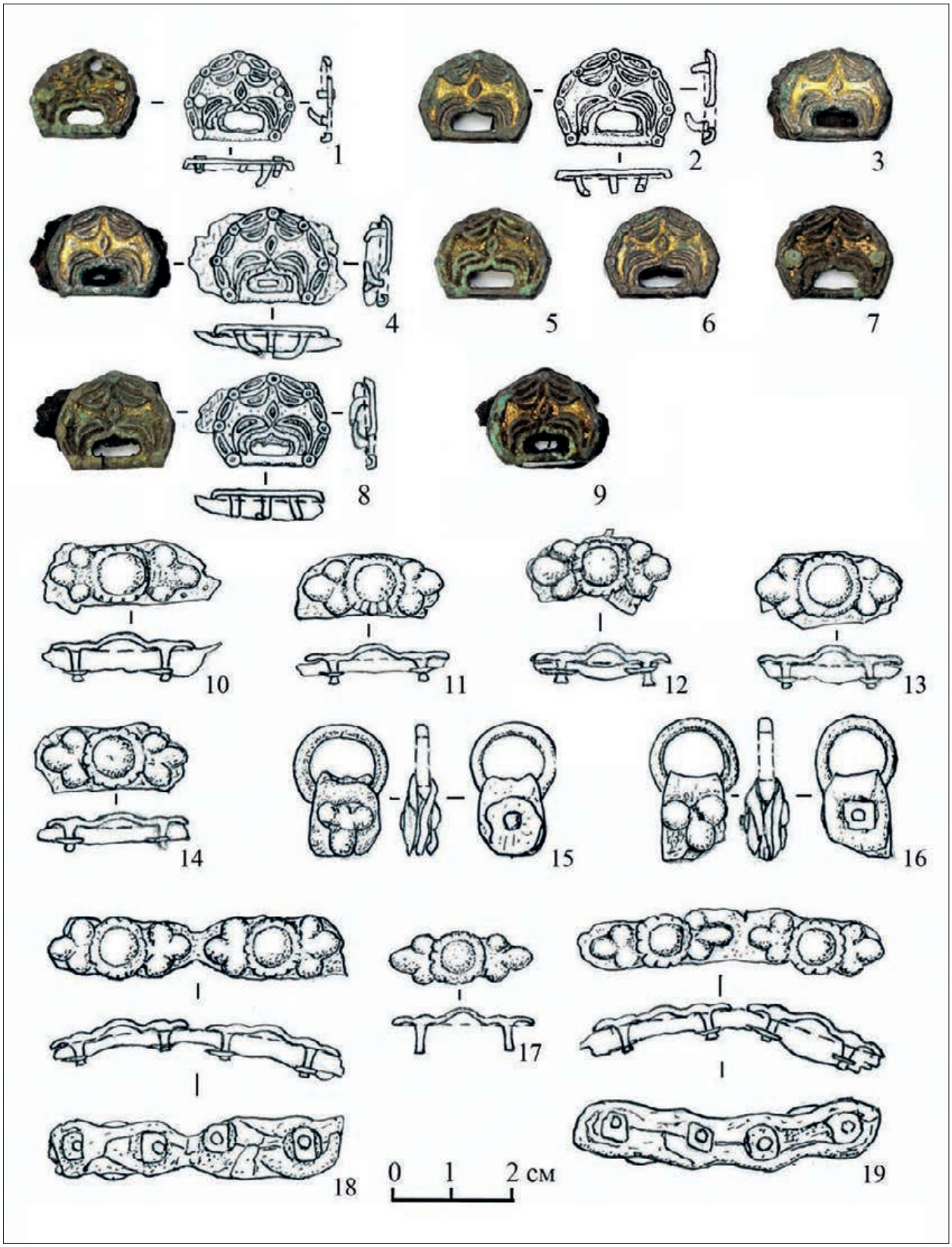

Рис. 190. Погребальный комплекс Уелги. Курган 29. Яма 1 «Тайник». Вещевой инвентарь. 1–9: серебро, позолота, кожа; 10–19: серебро, серебро–кожа

190. kép. Az ujelgi temető 29. kurgán, 1. gödör „tajnyik” lelet. Mellékletek. 1–9: ezüst, aranyozás, bőr; 10–19: ezüst, ezüst–bőr

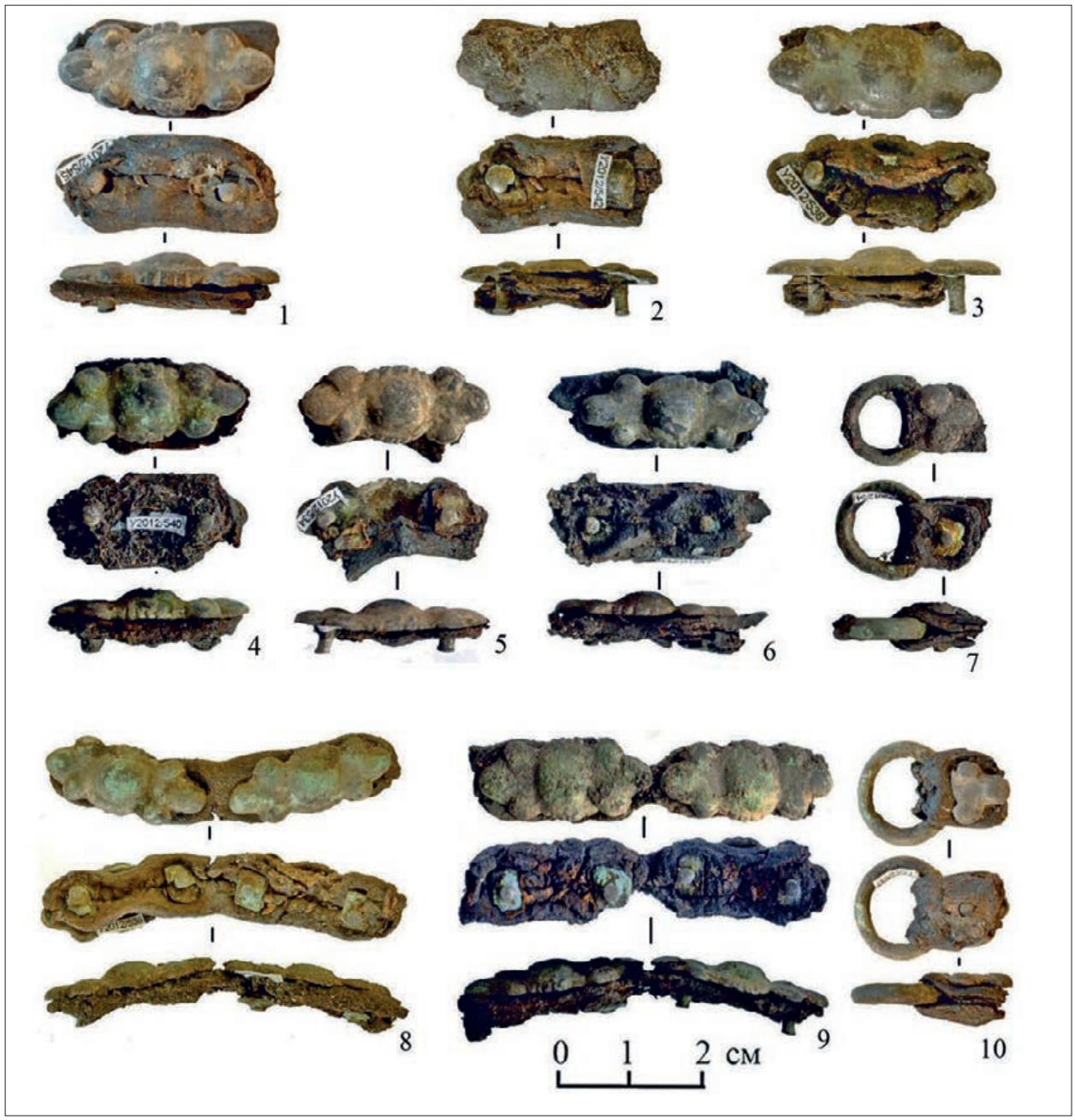

Рис. 191. Погребальный комплекс Уелги. Курган 29. Яма 1 «Тайник». Вещевой инвентарь. Серебро, кожа
191. kép. Az ujelgi temető 29. kurgán, 1. gödör „tajnyik” lelet. Mellékletek. Ezüst, bőr

Нож железный, однолезвийный, сильно корродирован. Рукоять ровная, обломлена, лезвие фрагментировано. Размеры: длина 9,3 см, ширина 1,2 см (*рис. 195. 26*).

Пластины от ламеллярного доспеха железные, две спекшиеся между собой пластины. Общий размер 3,0 × 6,6 см (*рис. 195. 29*).

Обломок клинка. Размеры 3,0 × 10,8 см (*рис. 195. 19*).

Фрагменты удил – грызла, кольца и псалии (*рис. 195. 18, 24, 27, 28, 30–37*).

Наконечники стрел костяные (7 экз.), ромбические, асимметрично-ромбические с треугольным и трапециевидным сечением, с насечками на черешке, размерами от 4 до 7 см (*рис. 194. 2–6, 8*); один наконечник большой, удлиненно-треугольный, с прямыми плечиками и ярко выраженным пологим черешком, длина пера 8,4 см, ширина 1,2 см, длина черешка 5,2 см (*рис. 194. 1*).

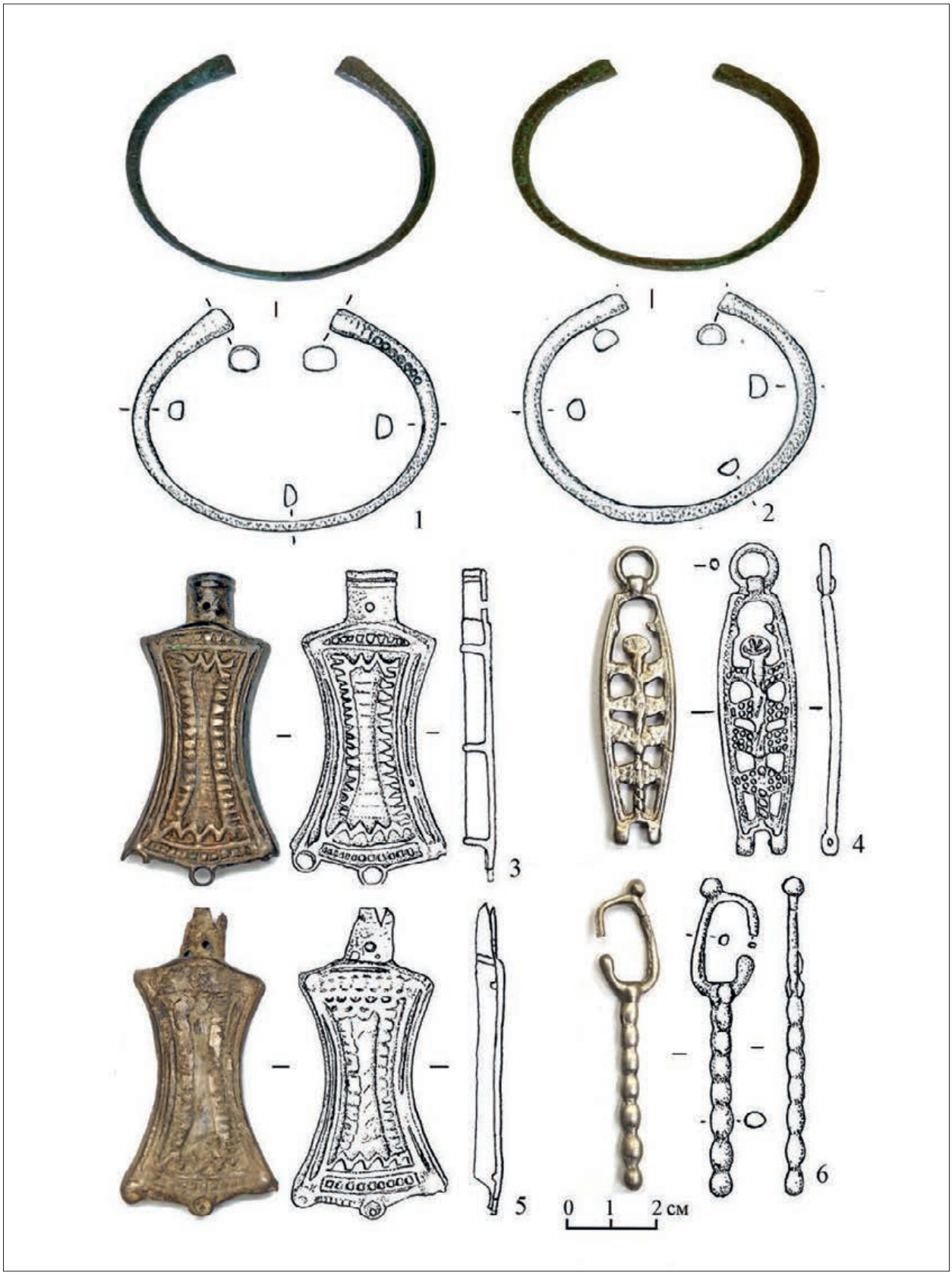

Рис. 192. Погребальный комплекс Уелги. Курган 29. Яма 1 «Тайник». Вещевой инвентарь. 1, 2: бронза; 3–6: серебро

192. kép. Az ujelgi temető 29. kurgán, 1. gödör „tajnyik” lelet. Mellékletek. 1, 2: bronz; 3–6: ezüst

Рис. 193. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 28–29. Подкурганные площадки, выкид из могильных ям. Вещевой инвентарь. 1–5, 7, 8, 10, 12, 14, 22–27, 29–31, 35–43: курган 28, 29, подкурганная площадка, насыпь; 13, 15–19, 21: курган 28, подкурганная площадка, насыпь; 6, 9, 11, 28, 32–34: курган 29, погребение 1; 20: курган 29, погребение 8. 1–13, 15–25, 28, 31–34: серебро; 14, 27: бронза с позолотой; 26, 30: серебро, позолота; 29, 35–43: бронза

193. kép. Az ujelgi temető 28–29. kurgán. Kurgán alatti terek, szórványleletek a sír betöltéséből. Mellékletek. 1–5, 7, 8, 10, 12, 14, 22–27, 29–31, 35–43: 28–29. kurgán, kurgánalatti tér, feltöltés; 13, 15–19, 21: 28. kurgán, kurgánalatti tér, feltöltés; 6, 9, 11, 28, 32–34: 29. kurgán, 1. sír; 20: 29. kurgán, 8. sír. 1–13, 15–25, 28, 31–34: ezüst; 14, 27: aranyozott bronz; 26, 30: ezüst, aranyozás; 29, 35–43: bronz

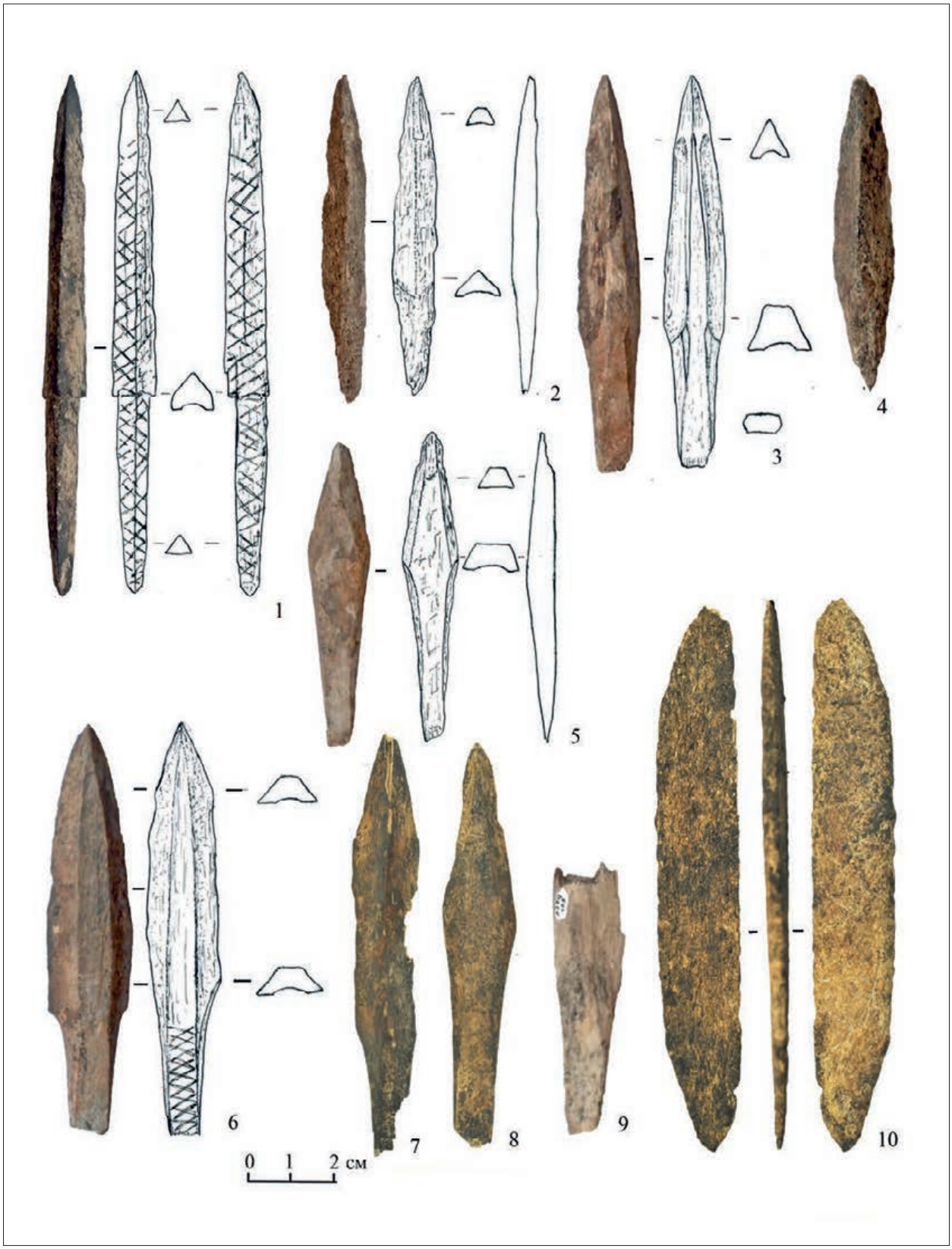

Рис. 194. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 28; 29. Вещевой инвентарь. 1–6, 8, 10: подкурганная площадка, выкид из могильных ям; 7, 9: курган 29, погребение 1. Кость
194. kép. Az ujelgi temető 28–29. kurgán. Mellékletek. 1–6, 8, 10: kurgán alatti tér, a sír betöltéséből; 7, 9: 29. kurgán, 1. sír. Csont

Рис. 195. Погребальный комплекс Уелги. Курганы 28; 29. Вещевой инвентарь. 1–3, 12, 14, 16–18, 24, 27–29, 31, 32, 34, 36: курганы 28, 29, подкурганная площадка, насыпь; 4, 6, 9, 10, 11, 20–23, 25: курган 29, погребение 1; 5, 7, 8: курган 28, скопление 1; 13, 15, 19, 33: курган 29, участок М/3'; 26: курган 28, жертвенник 2; 30: курган 28, участок О/2; 35: курган 28, участок О/1; 37: курган 28, погребение 2. Железо

195. kép. Az ujelgi temető 28–29. kurgán. Mellékletek. 1–3, 12, 14, 16–18, 24, 27–29, 31–32, 34, 36: 28–29. kurgán, kurgán alatti tér, feltöltés; 4, 6, 9, 10–11, 20–23, 25: 29. kurgán, 1. sír; 5, 7, 8: 28. kurgán, 1. szórvány csonthalmaz; 1; 13, 15, 19, 33: 29. kurgán, M/3' szelvény; 26: 28. kurgán, 2. áldozati objektum; 30: 28. kurgán 28, O/2 szelvény; 35: 28. kurgán 28, O/1 szelvény; 37: 28. kurgán 28, 2. sír. Vas

Накладка на лук боковая костяная. Размеры 1,8 × 12,2 см (*рис. 194. 10*).

Накладка ременная сердцевидная серебряная с плоским щитком и круглым вдавлением в центре изделия (*рис. 193. 5*).

Накладки серебряные сердцевидные (2 экз.) и *сегментовидные* с овальной прорезью внизу (2 экз.) с орнаментом «пламенеющая жемчужина». Размеры соответственно 1,4 × 1,0 см и 2 × 2,2 см (*рис. 193. 1–4*).

Накладки фигурно-арочные серебряные (4 экз.) с овальным вырезом или без него в нижней части (*рис. 193. 16–19, 21*).

Накладки фигурные серебряные (2 экз.), плоские с выделенными носиками по верху, бокам и низу, без орнамента. На обратной стороне имеются три загнутых шпенька (*рис. 193. 13, 15*).

Накладка сердцевидная бронзовая с позолотой, орнаментирована волнистыми фестонами по краю (*рис. 193. 14*).

Накладки щитовидные серебряные (3 экз.), прямоугольные, со скругленной нижней стороной (*рис. 193. 22–24*).

Наконечник ремня концевой полиметаллический (серебро с позолотой), орнаментирован округлыми двухрядными фестонами по продольным стенкам (*рис. 193. 26*).

Наконечник ремня концевой полиметаллический (бронза с позолотой), украшен орнаментом – цветы и плоды смоквы (*рис. 193. 27*).

Накладка концевая щитовидная серебряная, имеет фигурно срезанный верхний край и сводчатый заостренный нижний. Размеры 1,6 × 2,7 см. Имеет два крепежных шпенька с обратной стороны. Изделие украшено необычной орнаментацией, нанесенной гравером. Общее поле повторяет форму щитка. В нее вписаны четыре яруса. На верхнем ярусе изображен равнобедренный треугольник, на втором, третьем и четвертом – двойные треугольники с небольшими вертикальными штрихами размерами 0,15–0,2 см по середине нижнего края (*рис. 193. 31*).

Накладка фигурно-щитковая полиметаллическая (серебро с позолотой) с фигурно срезанными торцовыми краями. Имеет орнаментацию, схожую с предыдущей накладкой, но нанесенную резным способом, композицию составляют три яруса. Размеры 1,0 × 2,3 см (*рис. 193. 30*).

Бляшка округлой формы, литая, с фигурно-скобчатыми краями, в центре сферический выступ, от которого отходят симметричные лепестки, в верхней части имеется отверстие подтреугольной формы, окаймленное нервюрой. На обратной стороне – три сильно загнутых шпенька, размещенных по краям. Серебро, литье, чеканка. Диаметр 1,7 см (*рис. 193. 10*).

Пронизка бронзовая вытянутой формы с четырьмя сферическими вздутиями и перехватами в виде рядов из двух линий между ними (*рис. 193. 29*).

Пуговицы бронзовые (10 экз.) (*рис. 193. 35–43*).

Подвеска топорковидная серебряная. Размеры 0,8 × 2 см (*рис. 193. 12*).

Описание керамического комплекса

Керамический комплекс представлен развалом сосуда и фрагментами от пяти, частично реконструируемых, сосудов. Наиболее цельный сосуд – открытая круглодонная банка небольших размеров, орнаментирована по верху устья резным зигзагом и нарезками по венчику (*рис. 174. 6*). Два фрагмента от сосудов с вогнутой шейкой орнаментированы двухрядным и трехрядным горизонтальным мелкозубчатым штампом, в тесте примесь талька (*рис. 174. 1, 5*). Один сосуд по шейке орнаментирован двойным зигзагом, выполненным мелкозубчатым штампом. По плечу проходит двойная горизонталь, ниже нанесен одинарный зигзаг, от вершин которого спускаются парные вертикальные линии, выполненные также мелкозубчатым штампом (*рис. 174. 2*). Два горшка орнаментированы двухрядным гребенчатым штампом в виде одинарных косых по шейке и плечу (*рис. 174. 3*), чередующихся с двойными горизонтальными линиями мелкогребенчатого псевдошнура (*рис. 174. 4*).

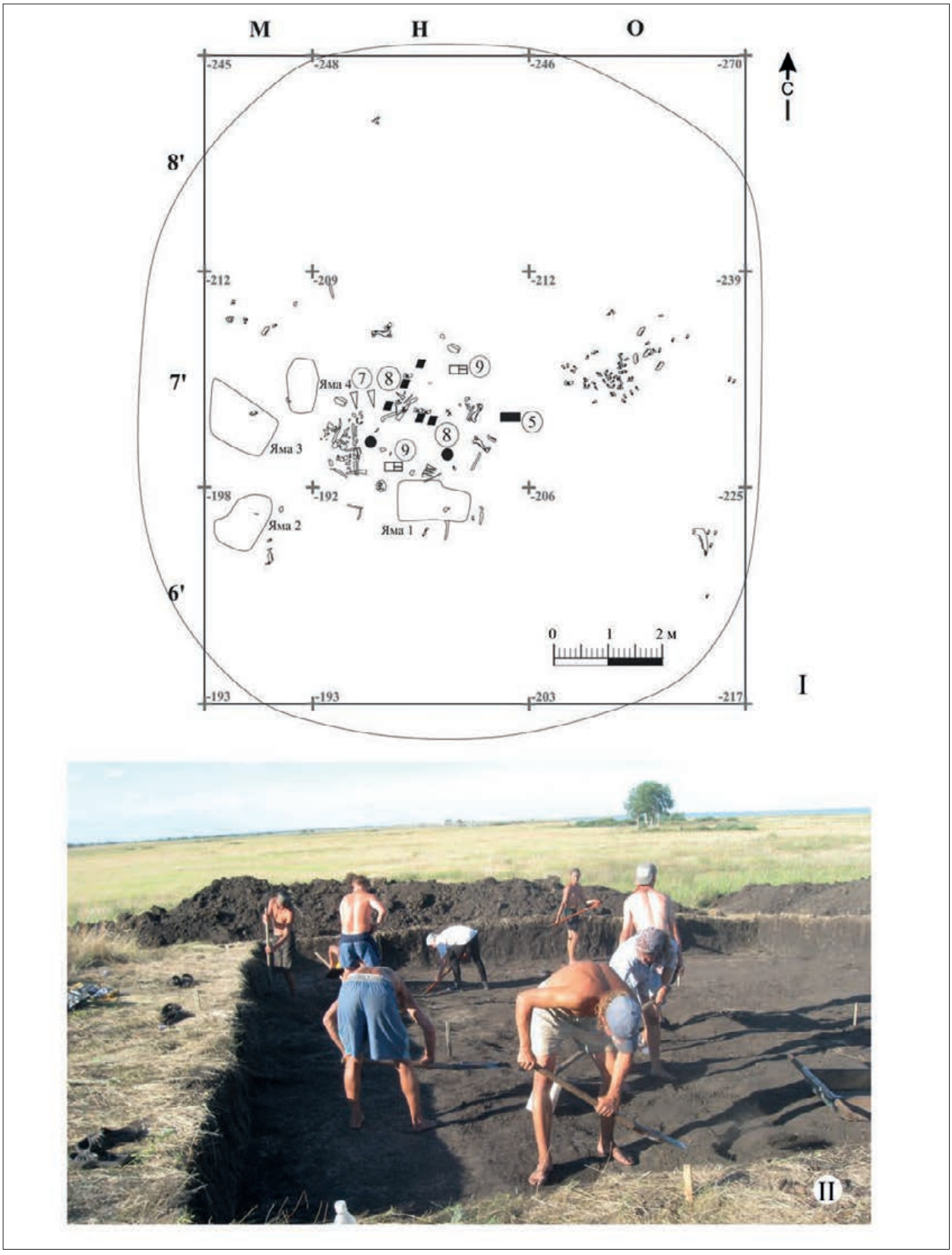

Рис. 196. Погребальный комплекс Уелги. Курган 30. I: общий план; II: зачистка на уровне материка, вид с юго-запада

196. kép. Az ujelgi temető 30. kurgán. I: általános felszínrajz; II: az altalaj szintjének kibontása, nézet délnyugati irányból

Курган 30

Курган 30 (*рис. 196*) расположен в северной части погребального комплекса. Представляет собой округлую невысокую насыпь, высота которой достигает 10–15 см, диаметром 18–18,5 м. Площадка кургана расположена наклонно с юга на север. При вскрытии насыпи кургана на подкурганной площадке погребений не обнаружено. Выявлено четыре разрозненных ямы, расположенных в центре и на северной периферии площадки. Ямы различной формы, размеры варьируют от 0,3 до 0,6 м в ширину и от 0,5 до 1,75 м в длину, заглублены на 0,2–0,25 м (*рис. 196. I, II; 197. I, II*). При выборке ям никаких артефактов не обнаружено. Вероятнее всего они являются поисковыми вкопами грабителей.

В насыпи обнаружен вещевой инвентарь, который состоит из целых и фрагментарных железных наконечников стрел, двух железных пластин, фрагмента клинка, петли удил, мелких железных фрагментов (до 10 экз.).

Наконечники стрел железные (5 экз.): плоский размерами 1,0 × 5,5 см (*рис. 198. 1*); рогатый размерами 2,5 × 7 см (*рис. 198. 12*); трехлопастной размерами 1,2 × 6 см (*рис. 198. 4*); два черенка (*рис. 198. 2, 3*).

Пластины железные (2 экз.): большая размерами 4,1 × 6, 1 см (*рис. 198. 14*); малая размерами 3,7 × 3,9 см (*рис. 198. 15*).

Фрагмент клинка. Размеры 1,8 × 6,4 см (*рис. 198. 11*).

Фрагмент дужки удил. Размеры 1,7 × 3 см (*рис. 198. 16*).

Обломок удила. Длина 8 см (*рис. 198. 5*).

Мелкие железные фрагменты (*рис. 198. 6–10, 13*).

В центральной части подкурганной площадки обнаружены костяные наконечники стрел, костяная подпружная пряжка, три серебряных тренчика, пряжка серебряная, два наконечника ремня и две накладки.

Наконечники стрел костяные (4 экз.), асимметрично-ромбические. Размеры: длина от 7,5–8,2 см, ширина от 1,2–2 см (*рис. 199. 1–4*).

Пряжка подпружная костяная с Т-образным и овальным вырезами. Размеры 2,1 × 4,2 см (*рис. 199. 5*).

Пряжка цельнолитая серебряная с плоским скругленным на конце щитком и тремя крепежными шпеньками на обратной стороне. Размеры 1,9 × 3,8 см (*рис. 199. 9*).

Тренчики серебряные (3 экз.), прямоугольной формы: два больших размерами 1,2 × 2,4 см и малый размерами 1,2 × 1,7 см (*рис. 199. 6–8*).

Наконечник ремня полиметаллический (серебро с позолотой), литой, фигурной формы. Орнаментирован изображением смоквы: четыре соцветия (два на торце и два сбоку), направленных навстречу друг другу. С внешней стороны изображение оконтурено двухрядным бордюром. С обратной стороны два крепежных шпенька. Размеры 1,8 × 4,7 см (*рис. 199. 13*).

Наконечник ремня ажурный полиметаллический (серебро с позолотой), в орнаменте сочетание растительного и орнитологического (птицевидный клюв?) сюжетов. Размеры 1,25 × 3,7 см (*рис. 199. 12*).

Накладка сердцевидная серебряная с позолотой, с изображением цветка смоквы. Размеры 1,3 × 1,6 см (*рис. 199. 10*).

Накладка арочной формы, полиметаллическая (серебро с позолотой), с прорезью внизу. Имеет вихреобразный орнамент и бордюр по внешнему краю в виде овальных выпуклостей. Размеры 1,4 × 1,8 см (*рис. 199. 11*).

Курган 31

Курган 31 (*рис. 200*) расположен в 400 м к северо-востоку от центральной части северной половины Погребального комплекса Уелги (курганы 1; 2). Насыпь кургана занимает вершину естественных возвышенностей, которые располагаются вдоль западного коренного берега озера Уелги по линии С–Ю и представляют собой отроги Уральского пенеплена. Всего насчитывается четыре подобных возвышенностей, самая высокая достигает 3–4 м. Эти высотки своеобразно оконтуривают долину, располагающуюся к западу от основной части комплекса (*рис. 3*).

Рис. 197. Погребальный комплекс Уелги. Курган 30. Зачистка на уровне дна поисковых ям: I: ямы 1; 2; 3, вид с юго-запада; II: яма 3, вид с юга

197. kép. Az ujelgi temető 30. kurgán. A rablógödör aljának kibontása: I: 1–3. gödör, nézet délnyugati irányból; II: 3. gödör, nézet déli irányból

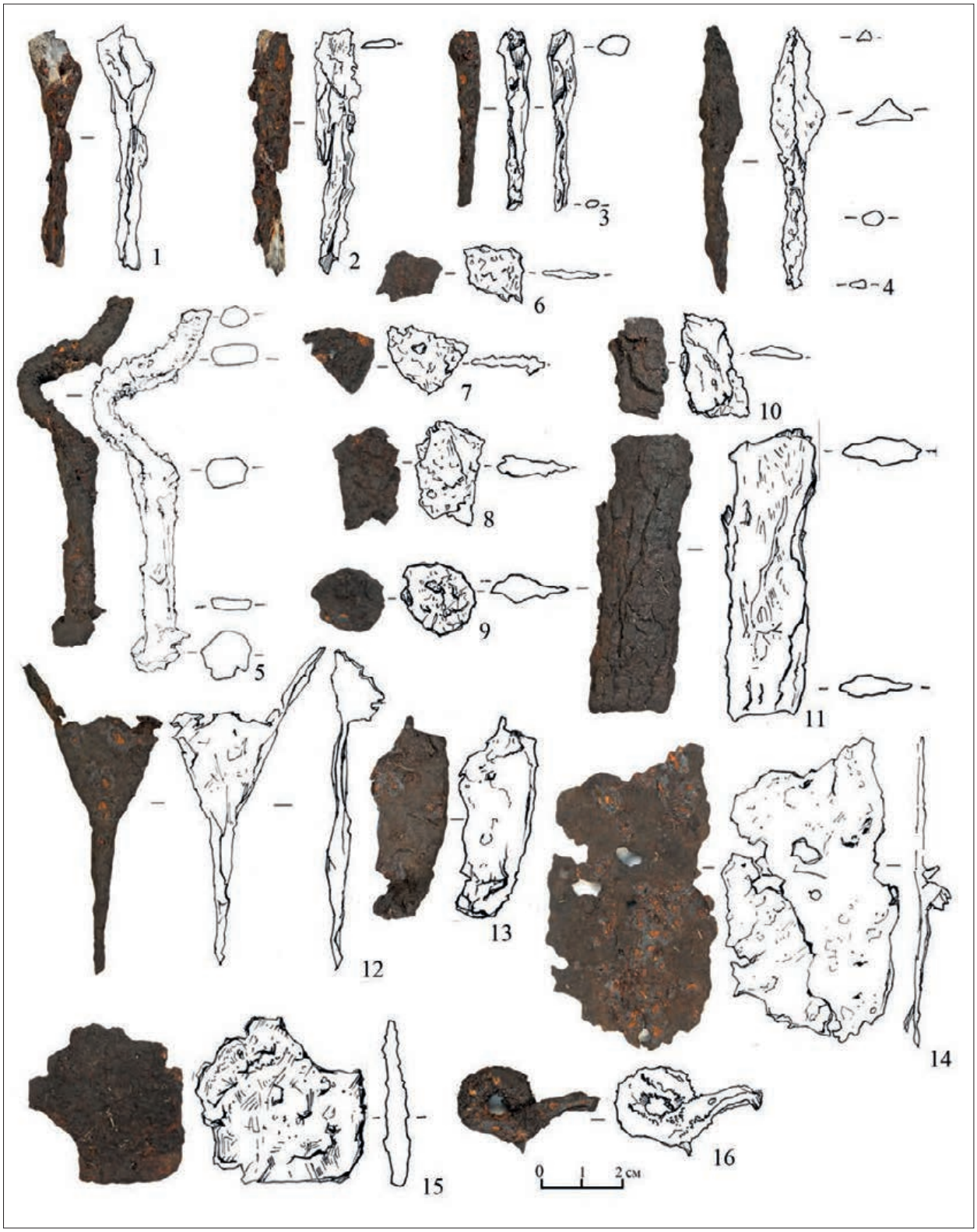

Рис. 198. Погребальный комплекс Уелги. Курган 30. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. Железо

198. kép. Az ujelgi temető 30. kurgán. Kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. Vas

Рис. 199. Погребальный комплекс Уелги. Курган 30. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь 1–5: кость; 6–9: серебро; 10–13: серебро, позолота

199. kép. Az ujelgi temető 31. kurgán. Kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek 1–5: csont; 6–9: ezüst; 10–13: ezüst, aranyozás

Для проверки данных аэродешифрирования, проведенного И.М. Батаниной, и выявления границ комплекса на вершине крайнего северного останца был заложен раскоп 12 × 20 м.

При детальной топографической съемке удалось зафиксировать конфигурацию и размеры насыпи неправильной трапециевидной формы, размерами 10 × 12 м, ориентированной по линии СЗ–ЮВ, высотой 0,3 м. С юго-востока подошву насыпи ограничивал ров дуговидной формы длиной 12–13 м, шириной до 2,7 м (*рис. 200. I*). В насыпи найдена бронзовая подпружная пряжка (*рис. 205. I, 3*), на древнем горизонте обнаружены остатки погребальной тризны.

В центральном секторе зафиксировано скопление кальцинированных костей скелета человека – большие бедренные и фрагменты костей конечностей, фрагменты черепа и другие мелкие кости (*рис. 201. I, II*).

Погребение 1 (*рис. 200. I*) располагалось в двух с половиной метрах к северо-западу от условного центра кургана на уровне древней поверхности и представляло собой очертания размерами 0,5 × 0,8 м, ориентированные С–Ю. Погребение было размещено на северо-западной периферии большого овального пятна с золистым и органическим заполнением, размерами 5,5 × 8 м, ориентированного по линии СВ–ЮЗ. В южной части золистого заполнения фиксировался прокал и остатки углистого слоя. Внутри зольника и у его границ были расчищены три небольших овальных углубления. Одно из них овальной формы размерами 1,1 × 2 × 0,3 м, ориентировано ССВ–ЮЮЗ, примыкало с юга к границам кальцинированного погребения. Погребение содержало кальцинированные кости скелета человека (*рис. 201. I, II*). В центре выделялись обломки двух больших и малой берцовых костей, к западу и юго-западу от них – обломки черепа, к востоку и северу – мелкие обломки ребер и трубчатых костей. Вещевого инвентаря в погребении не обнаружено.

Яма 1 была расчищена в 1,5 м южнее от погребения 1, размерами 0,5 × 2,1 × 0,3 м, ориентирована СВ–ЮЗ.

Яма 2 располагалась на южной границе золистой линзы, подовальной формы размерами 1,2 × 1,9 × 1,3 м, ориентирована С–Ю. В заполнении ям были зафиксированы вкрапления угля, золы и органики.

Яма 3 «Тайник» (*рис. 202; 203*) была расчищена в южной половине насыпи, имела очертания подпрямоугольной формы размерами 0,7 × 1,2 × 0,3 м, ориентирована по линии З–В. При тщательной и послойной расчистке заполнения было установлено, что на верхних горизонтах древесный тлен фиксировался в виде «крапинок» (вероятно следы от «прутьев», установленных вертикально). Ниже обнаружено деревянное перекрытие – древесные волокна залегали горизонтально. В неглубокой яме (*рис. 202. I, II*), ориентированной З–В, обнаружена кость лошади, стремя, железные удила, колчан, от которого сохранились три сильно коррозированных железных наконечника стрел. Видимо, колчану принадлежала костяная пряжка с железным язычком (*рис. 202. I*). В западной части обнаружены две серебряные трапециевидные пластинки, на одной сохранился фрагмент ткани – остатки сумочки (*рис. 205. I, 1, 2; II*). В 2,2 м к северо-востоку от «Тайника» лежал перевернутый конский череп с фрагментом кожаного ремешка в зубах (*рис. 203. II*). К сожалению, залегание «Тайника» на незначительной глубине, стало причиной его плохой сохранности (*рис. 203. III*).

Описание вещевого инвентаря

Берестяной колчан. Длина 72 см, ширина 18 см (*рис. 202. I*).

Наконечники стрел железные (4 экз.), листовидные, двухлопастные длиной 3 и 6 см; трехлопастные длиной 8 и 5 см (*рис. 203. I; 204. 2–5*).

Пряжка подпружная бронзовая, трапециевидной формы с двумя прорезями для ремешков и язычка, оформленных по контуру фигурным валиком. С бóльшей стороны она имеет носик и углубление для конца язычка. Размеры 1,6 × 2,4 × 3,8 см (*рис. 205. I, 3*).

Пряжка костяная (в обломках), имеет две овальные прорези. Размеры 9 × 3 см (*рис. 205. I, 5*).

Стремя арочной формы с расплющенной верхней частью, прорезью для путлища и проч-

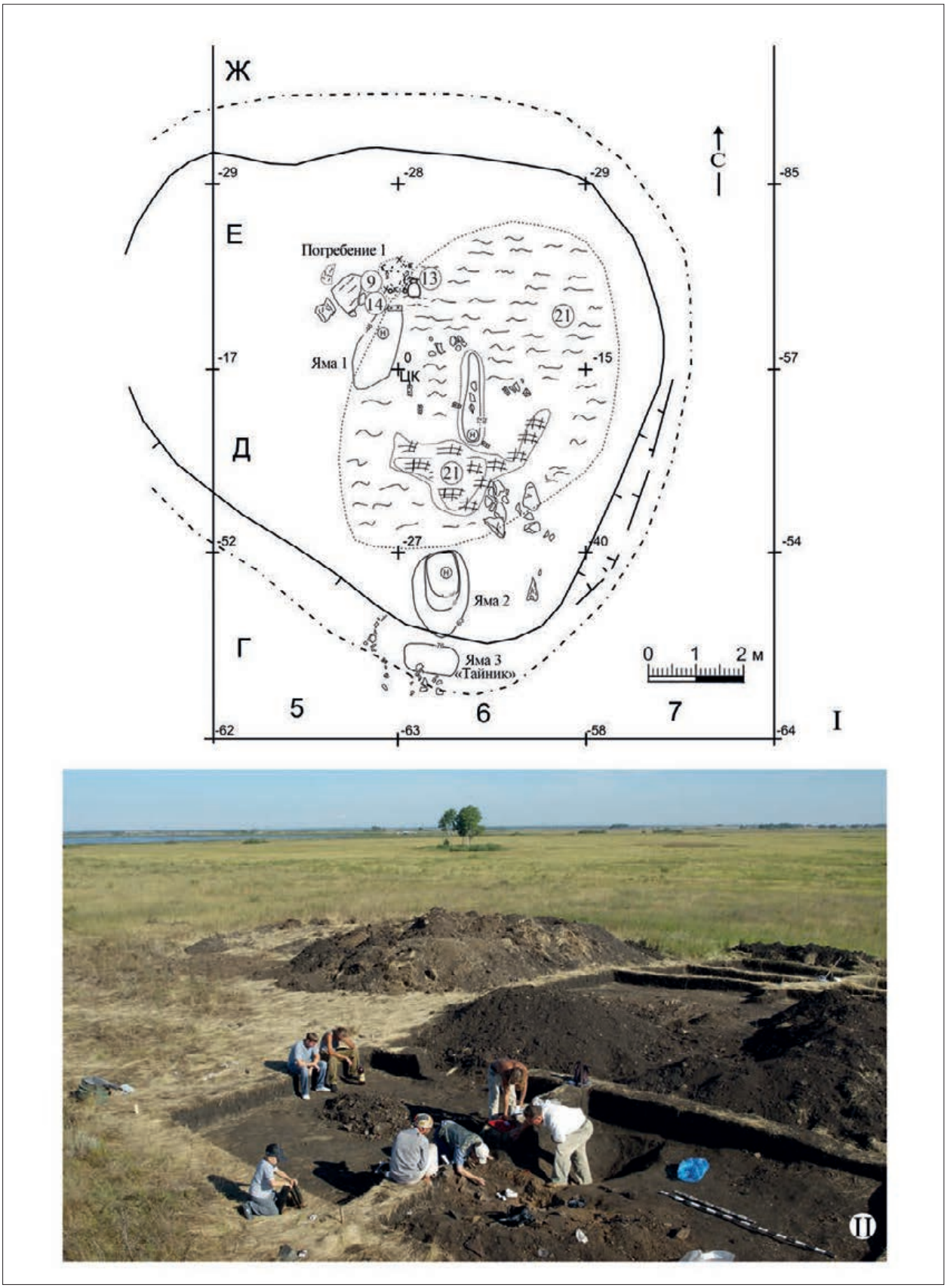

Рис. 200. Погребальный комплекс Уелги. Курган 31. I: общий план; II: вид с юго-востока
200. kép. Az ujelgi temető 31. kurgán. I: általános felszínrajz; II: nézet délkeleti irányból

Рис. 201. Погребальный комплекс Уелги. Курган 31. Погребение с кремацией. I: общий план; II: расчистка конструкций, вид с юго-востока
201. kép. Az ujelgi temető. 31. kurgán. Hamvasztásos sír. I: általános felszínrajz; II: az objektum kibontása, nézet délkeleti irányból

Рис. 202. Погребальный комплекс Уелги. Курган 31. Яма 3 «Тайник». I: общий план; II: вид сверху, с юга
202. kép. Az ujelgi temető. 31. kurgán, 3. gödör „tajnyik” lelet. I: általános felszínrajz; II: nézet felülről, valamint déli irányból

Рис. 203. Погребальный комплекс Уелги. Курган 31. Яма 3 «Тайник». I: остатки колчана, деталь; II: череп лошади в насыпи кургана; III: разборка «Тайника» в яме 3, рабочий момент
203. kép. Az ujelgi temető. 31. kurgán, 3. gödör „tajnyik” lelet. I: tegez maradványai, részlet; II: lókoponya a kurgán feltöltésében; III: a 3. gödör „tajnyik” leletének kibontása, ásatási pillanatkép

ной неширокой ступенькой. Размеры 14 × 16 см (*рис. 204. 10*).

Удила кольчатые железные. Длина 17 см, диаметр колец до 4 см (не сохранились).

Пластинки серебряные с остатками ткани (2 экз.), изготовлены из тонкого (0,7 мм) листа. Большая пластина (*рис. 205. I, 1*) неправильной формы, размерами 4 × 2,1 × 0,8 см, в виде сегмента. Верхний край скругленный, имеется ребро жесткости и два отверстия диаметром до 1 мм. Небольшая пластинка (*рис. 205. I, 2*) сегментовидной формы, размерами 3,2 × 1,1 × 0,6 см,

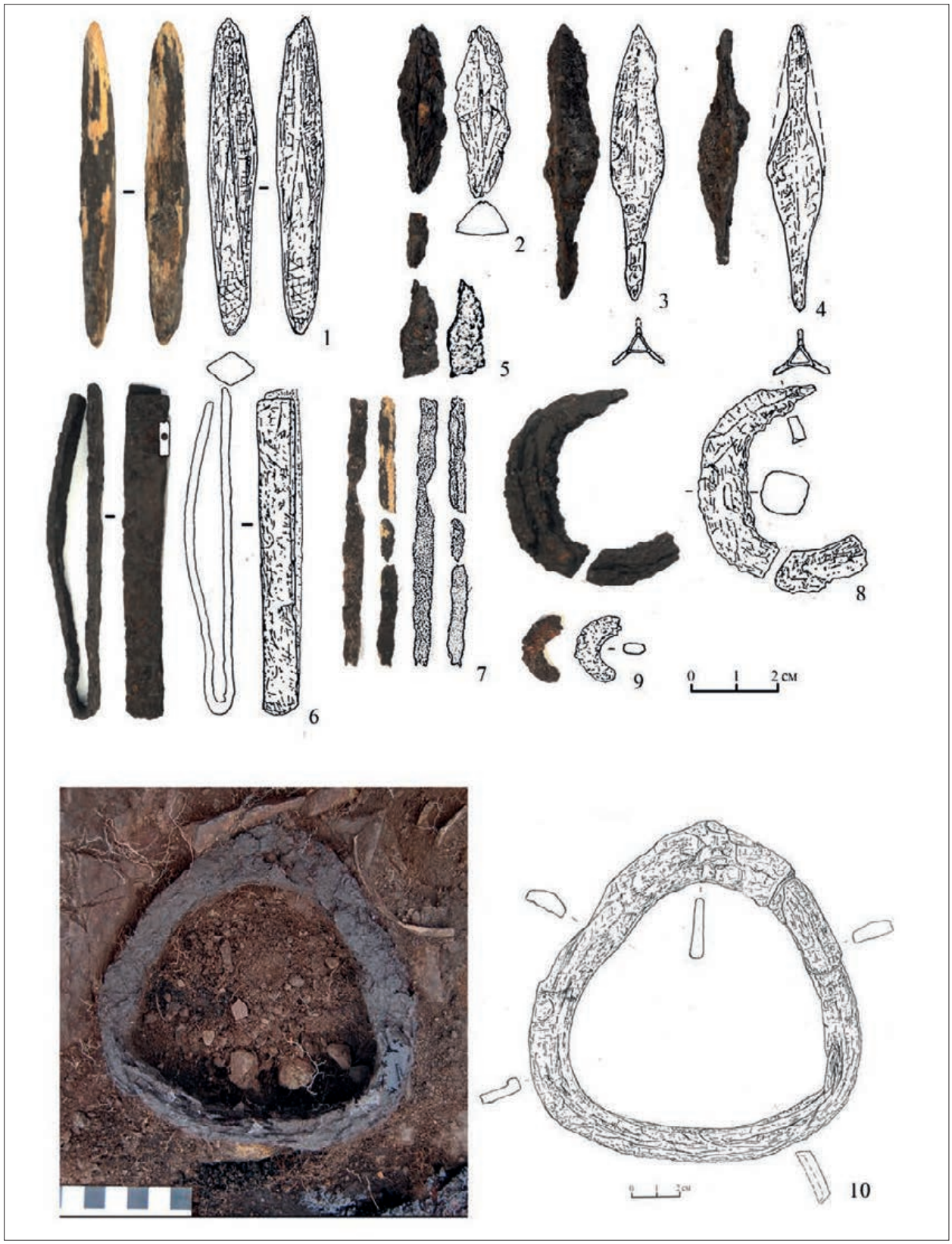

Рис. 204. Погребальный комплекс Уелги. Курган 31. 1–5, 10: яма 3 «Тайник»; 6–8: подкурганная площадка, насыпь. 1: кость; 2–6, 8-10: железо; 7: береста

204. kép. Az ujelgi temető. 31. kurgán. 1–5, 10: 3. gödör „tajnyik” lelet; 6–8: kurgán alatti tér, feltöltés. 1: csont; 2–6, 8-10: vas; 7: nyírfakéreg

Рис. 205. Погребальный комплекс Уелги. Курган 31. I: вещевой инвентарь. 1, 2, 4, 5: яма 3 «Тайник»; 3: подкурганная площадка. 1, 2: серебро, ткань; 3: бронза; 4: железо; 5: кость; II: яма 3 «Тайник», деталь, остатки сумочки

205. kép. Az ujelgi temető. 31. kurgán. I: mellékletek. 1, 2, 4, 5: 3. gödör „tajnyik”; 3: kurgán alatti tér. 1, 2: ezüst, szövet; 3: bronz; 4: vas; 5: csont; II: 3. gödör „tajnyik”, részlet, tarsoly maradványai

имеет отверстия в верхней части и отпечаток грубой ткани.

Сохранились еще *четыре фрагмента бересты от колчана*. Размеры: длина 11; 6; 3,1 см, ширина от 0,5 до 0,8 см (*рис. 204. 7*).

Пряжка трензельная железная, однорамчатая, с округлой с одной стороны и суженной, за счет небольшого перехвата, с другой стороны формы. Сохранился небольшой конусовидный язычок. Размеры 2,7 × 3,4 см (*рис. 205. 4*).

В насыпи также обнаружен *пинцет железный* размерами 1 × 6,2 см (*рис. 204. 6*) и *железные фрагменты колец* (2 экз.): большое диаметром 3,8 см, толщина дрота 1 см (*рис. 204. 8*); малое диаметром 1,5 см, в сечении прямоугольное, 0,3 × 0,5 см (*рис. 204. 9*).

Курган 32

Курган 32 (*рис. 206. I, II*) расположен в центральной части могильника, в седловине между двух останцев. Представляет собой неровную, слабо выраженную в рельефе, земляную насыпь размерами 11 × 12 м, высотой 0,15–0,2 м, вытянутую по линии С–Ю и сужающуюся в южной части. В результате раскопок было выявлено 11 погребений (1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 16) и пять ям, которые, вероятно, являются грабительскими вкопами (2, 9, 13, 14, 15). При снятии насыпи на периферии подкурганной площадки было обнаружено большое количество фрагментов керамики, как минимум от 6 сосудов, фрагменты железных изделий (тесло, пластины, скобы, фрагменты удил, наконечники стрел), накладки и пряжки из цветного металла (*рис. 229–233*). На уровне дневной поверхности (–40) в квадратах Л/21–22 и М/21–22 были зафиксированы остатки погребального костра (очертания в виде полукруга). В данных квадратах плотный темный и темно-серый гумус прорезается прокаленным рыхлым гумусом с фрагментами угля и керамической крошки, а также рыхлым гумусом с включениями плотного гумуса и фрагментами прокаленной почвы и угля.

Погребение 1 (*рис. 207. I, II*) является впускным, расположено в северной части насыпи. Очертания могильной ямы вытянутой овальной формы, размерами 0,6 × 0,97 м, глубиной 0,1 м. Погребение частично разграблено (отсутствует нижняя часть костяка), ориентировано СЗ–ЮВ, умерший был уложен головой на северо-запад. Сохранность костей плохая, лицевая часть черепа практически не сохранилась.

Основное количество вещевого инвентаря обнаружено в верхней части заполнения ямы. На костях черепа зафиксирован головной убор, прикрытый фрагментом дерева и состоящий из сохранившихся фрагментов ткани, кожи и бересты, а также здесь были найдены 32 билунницевидные и одна центральная гантелевидная накладка. Головной убор фиксировался в виде вытянутого овала по направлению СЗ–ЮВ и загибался в нижней части черепа. У шейных позвонков, ребер и левее черепа обнаружена одна овальная подвеска, две пуговицы-бубенчики, а также 20 бусин, являвшихся частью ожерелья. Рядом с костями черепа были зафиксированы две серьги (*рис. 207. I, II*).

Головной убор представлял собой диадему, изготовленную на берестяном ремне шириной до 5 см, длиной 47 см. В центре расположена серебряная гантелевидная накладка, от которой в разные стороны расходятся серебряные билунницевидные накладки. Накладки прикреплены к бересте вплотную друг к другу, поверх накладок фиксируется ткань (возможно, сохранившиеся в результате окисления металла остатки савана) (*рис. 208*).

Накладки билунницевидные серебряные (32 экз.) имеют гладкую лицевую поверхность и два шпенька на обратной стороне. Размеры 0,9 × 2,8 см, толщина 0,2 см (*рис. 209*).

Накладка гантелевидная серебряная. Размеры 2,5 × 1,0 см (*рис. 208; 209. 6*).

Подвеска листовидной формы бронзовая, выпуклая во внешнюю сторону. В центре изделия по двум сторонам имеются асимметричные отверстия. Размеры 2,6 × 3,2 см, толщина 0,2 см (*рис. 210. 45*).

Серьга серебряная и *серьга с плакировкой*, вытянутой овальной формы, одна в нижней части имеет рельефный орнамент в виде двух па-

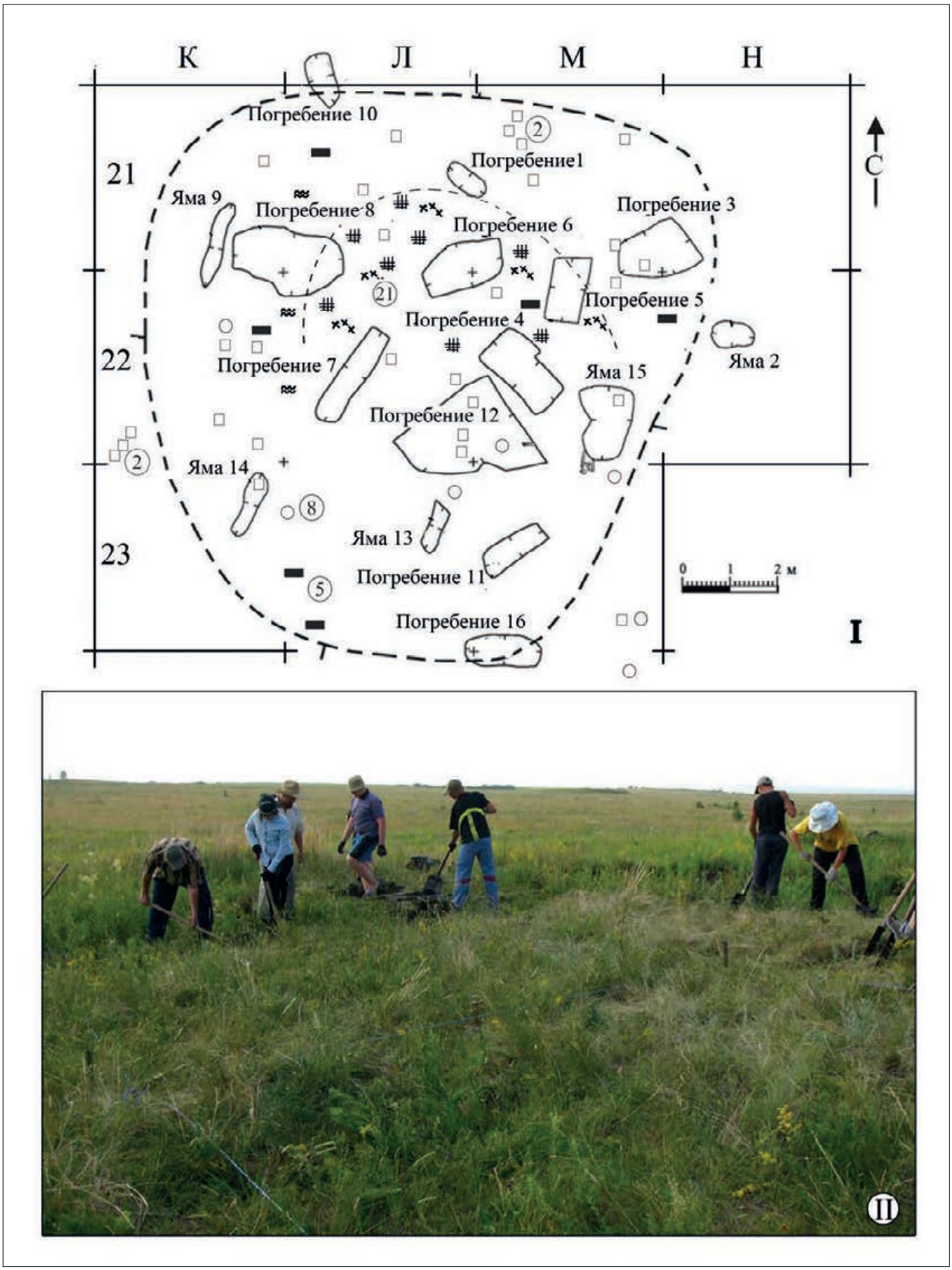

Рис. 206. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. I: общий план; II: начало археологических исследований, вид с севера

206. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán. I: általános felszínrajz; II: a régészeti kutatás eleje, nézet északi irányból

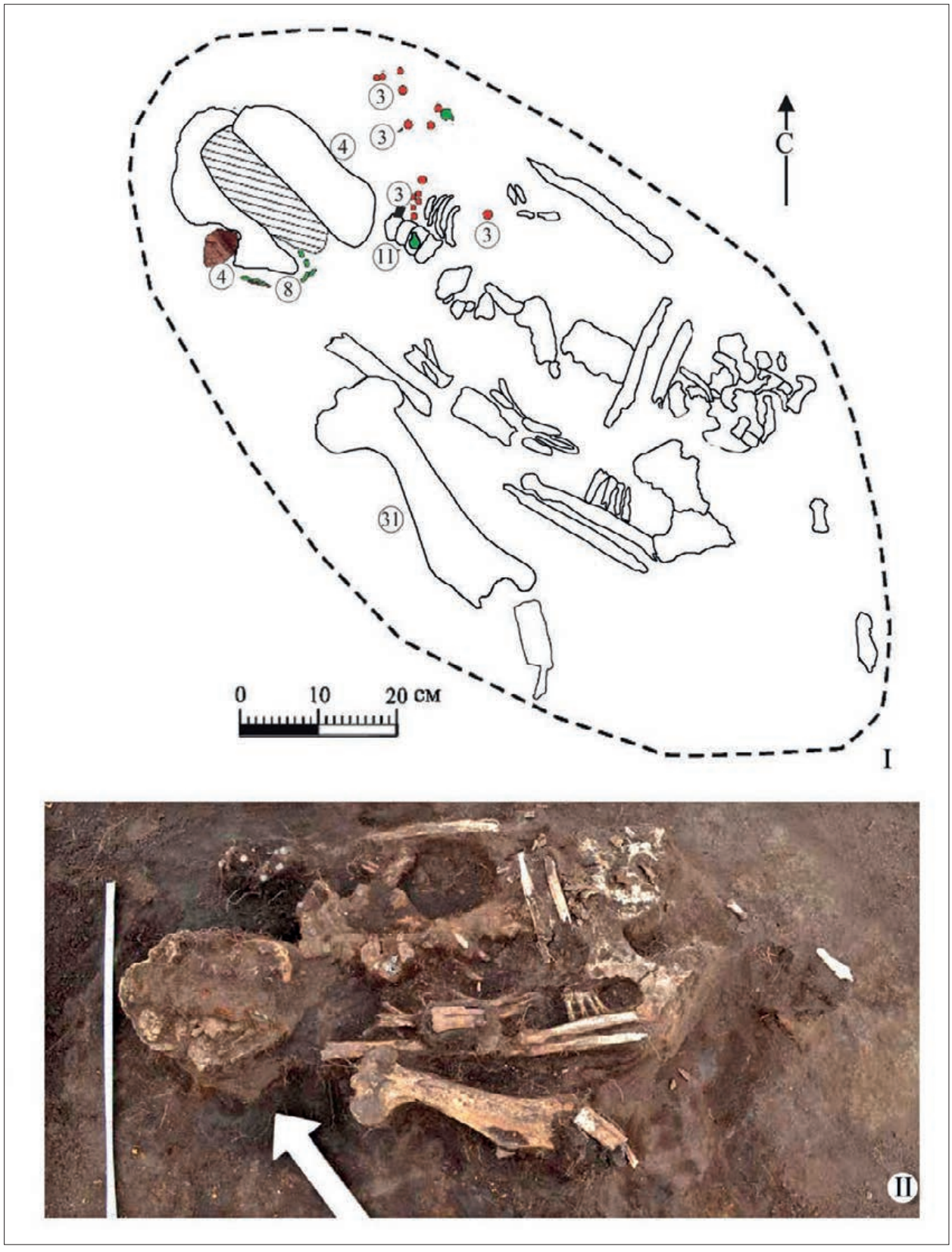

Рис. 207. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 1. I: общий план; II: зачистка на уровне дна, вид с юго-юго-запада
207. kép. Az ujelgi temet. 32. kurgán, 1. sír. I: általános felszínrajz; II a sírgödör aljának kibontása, nézet dél-délnyugati irányból

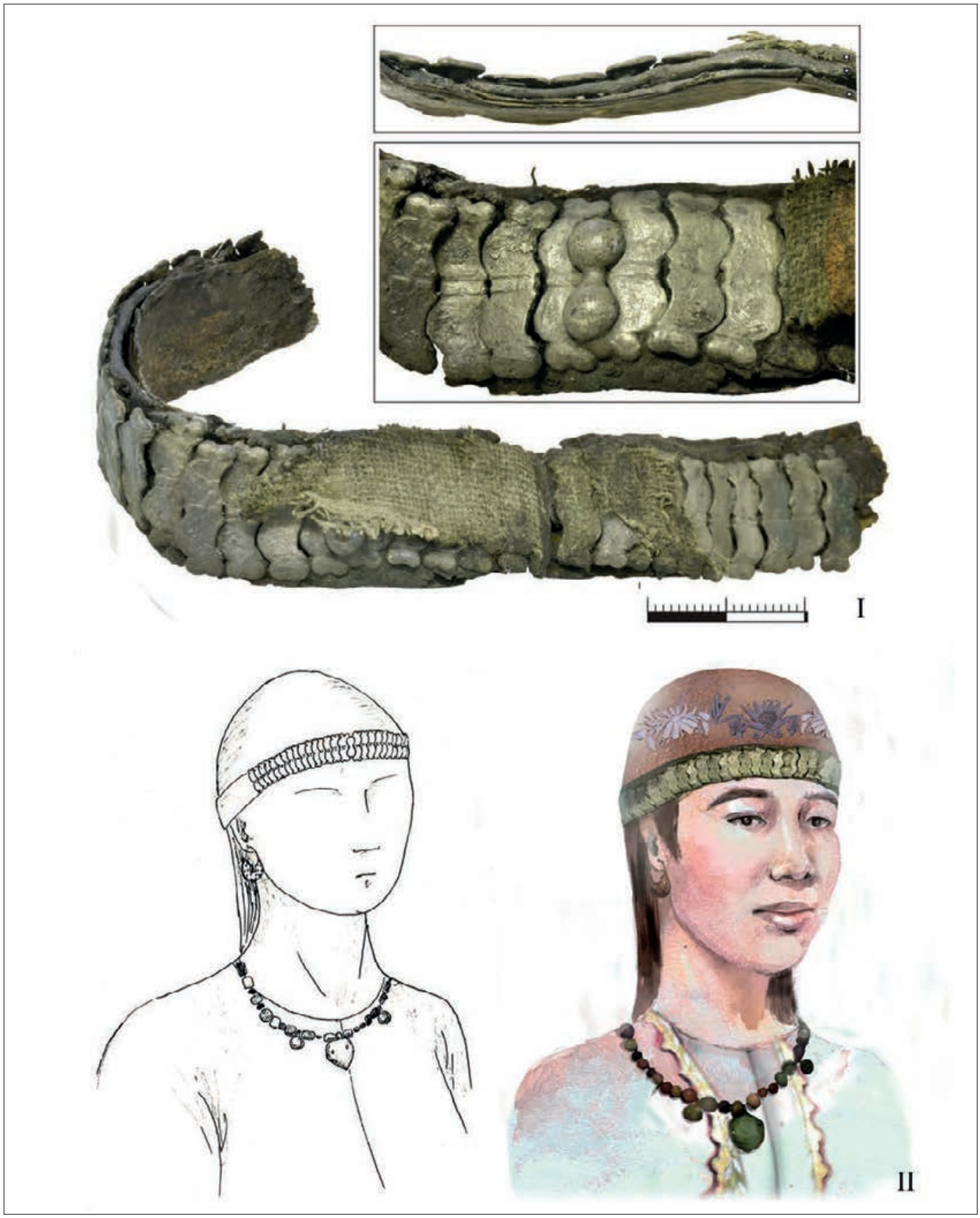

Рис. 208. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 1. I: налобный венчик (частичная реставрация). Серебро, кожа, ткань, береста; II: реконструкция деталей украшений: налобный венчик, серьга, монисто. Художники Е. С. Яковлева, Л. И. Семенцова-Загирная

208. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán, 1. sír. I: Veretes párta (részleges restaurálás). Ezüst, bőr, szövet, nyírfakéreg; II: a díszítés részleteinek rekonstrukciója: párta, fülbevaló, nyaklánc. Je. Sz. Jakovljeva és L. I. Szjemenycova-Zagirnaja rajzai

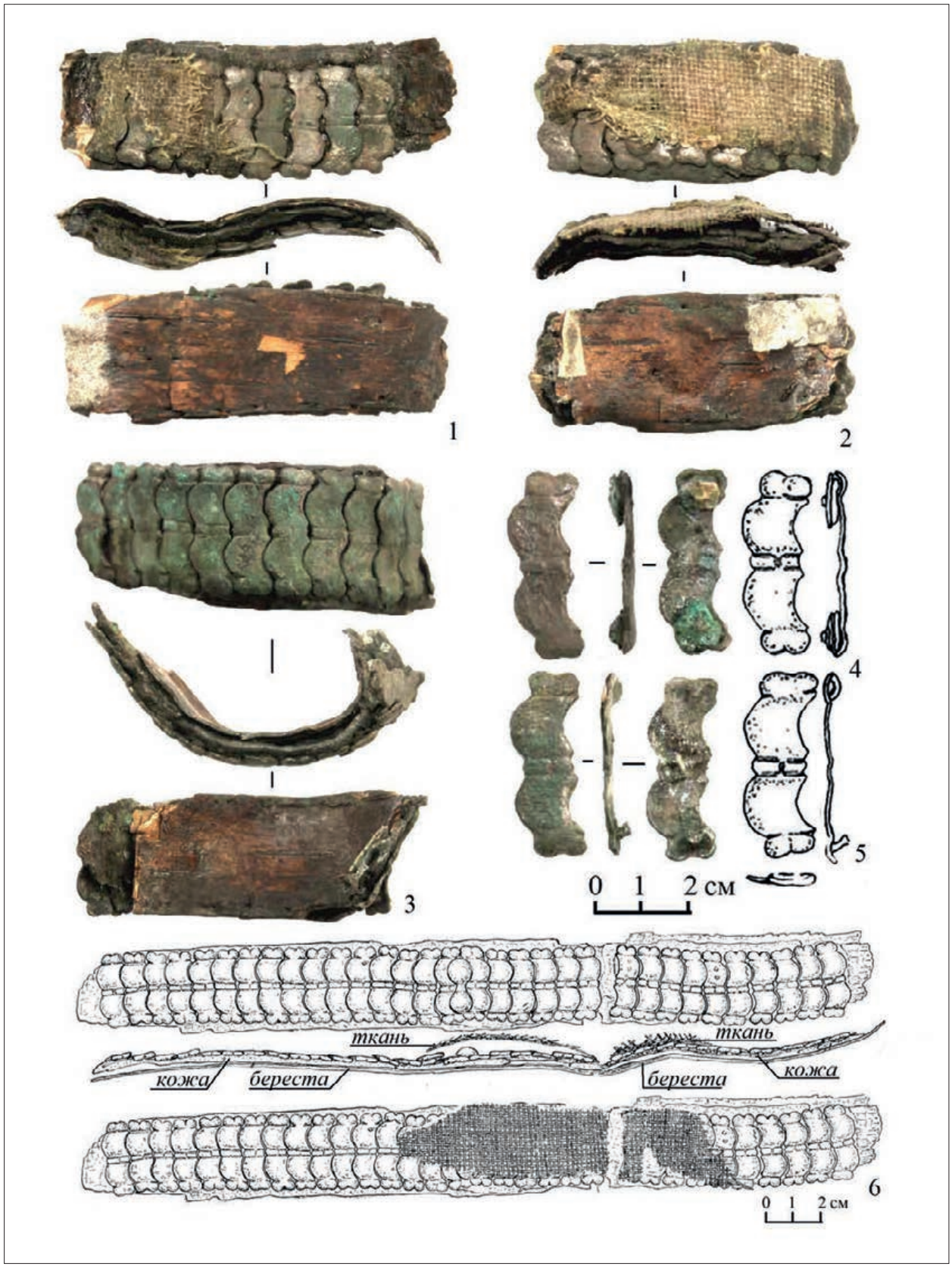

Рис. 209. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Налобный венчик (диадема). Детализация. Серебро, кожа, ткань, береста

209. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán. Veretes párta (diádém). Részletrajz. Ezüst, bőr, szövet, nyírfakéreg

Рис. 210. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 1. Вещевой инвентарь.
1–6, 13, 14, 17–20: стекло; 7–10: кость; 11, 12, 15, 16: камень; 21–40: прорисовки; 41: серебро, позолота; 42–44: серебро; 45: бронза
210. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán, 1. sír. Mellékletek. 1–6, 13, 14, 17–20: üveg; 7–10: csont; 11, 12, 15, 16: kő; 21–40: részletrajzok; 41: ezüst, aranyozás; 42–44: ezüst; 45: bronz

раллельных рядов округлых вдавлений, вторая плоская. Размеры 2,2 × 3,7–3,9 см, толщина 0,2 см (*рис. 210. 41, 42*).

Бусины стеклянные и халцедоновые (20 экз.), круглой и цилиндрической формы, диаметром 0,6–2,3 см, различных цветов (светло-красный, красный, темно-синий, светло-желтый, белый), с небольшим утолщением вокруг отверстий (*рис. 210. 1–40*).

Пуговицы-бубенчики серебряные (2 экз.), овальной формы, с округлым отверстием в верхнем краю. Диаметр 1,3–1,5 см (*рис. 210. 43, 44*).

Яма 2 расположена в северо-западной части квадрата Н/22. Размеры 0,55 × 0,73 м, глубина 0,26 м. Ориентирована З–В, имеет овальную форму. Очертания ямы фиксировались на материке. Основное заполнение – плотный темно-серый гумус. Глубина 0,25–0,26 м. Стенки плавно сужаются к ровному дну. Материальных остатков не обнаружено.

Погребение 3 (*рис. 211. I, II*) расположено в северо-восточном секторе кургана. Размеры могильной ямы 2,50 × 1,65 м, глубина 0,79 м, с северной стороны зафиксирована ступенька на глубине 0,7 м от уровня материка. Яма овальной формы размерами 1,3 × 2,2 м. На дне были расчищены кости скелета лошади, уложенной головой на запад. Животное было размещено в яме с подогнутыми ногами таким образом, что голова была расположена на своеобразном уступчике, возможно, чтобы выровнять погребенное животное в яме.

Расчистка костяка хорошо сохранившихся костей животного позволила зафиксировать стремя в южной части на уровне ребер, в зубах лошади удила и псалии, что свидетельствует о том, что конь был взнуздан (*рис. 212. I*). На костях черепа расчищены два фрагмента трензельного ремня с накладками. Среди костей ребер была обнаружена накладка и две накладки на костях конечностей (*рис. 211. I*). В заполнении ямы были зафиксированы еще 6 накладок и распределитель ремня, а также железная подпружная пряжка. В целом сопровождаемый инвентарь позволяет сделать полную реконструкцию конской упряжи (*рис. 212. II*).

Удила железные, двукольчатые, составные, содержат дополнительное кольцо для повода. Также имеется два S-видных псалия с прямоугольным отверстием для ремешка. Длина удил 16,2 см, длина псалиев 16,0 см, диаметр колец удил 2,6–2,8 см, ширина псалиев 0,9 см, толщина 0,2 см, толщина удил 0,6 см (*рис. 213. 11*).

Стремя железное, арочной формы с широкой подножкой, на внешней стороне присутствуют три вертикальных выступа, выполняющие роль ребер жесткости, с асимметричными дугами и овальной петелькой, подвергавшейся ремонту. Длина 14,1 см, ширина подножки 3,4 см, толщина дуги 0,7 см (*рис. 213. 12*).

Накладки щитовидные серебряные (5 экз.) с округлым или слегка заостренным основанием, в одном случае имеют ребро по середине, размеры 0,9–2,7 × 1,1–2,6 см, с обратно-фигурно-скобчатым основанием, ровным бортиком и овальным носиком. Орнамент отсутствует. Две накладки обломлены в нижней части. На внутренней стороне один, два либо три шпенька, на некоторых присутствуют шайбы-фиксаторы и остатки кожи (*рис. 213. 1–3, 6, 7*).

Накладка ромбовидная ажурная серебряная с двумя треугольными вырезами в центре и двумя симметричными полуовальными вырезами по двум сторонам. На обратной стороне по краям два шпенька. Длина 2,9 см, ширина 1,4 см, толщина 0,2 см (*рис. 214. 3*).

Накладки якоревидные серебряные (4 экз.) с фигурно-скобчатым основанием, двумя симметричными овальными вырезами в бортиках и V-образным носиком. В центре нанесена нервюра. Орнамент отсутствует. Одно изделие имеет незначительную деформацию. На обратной стороне три шпенька, на некоторых имеются шайбы-фиксаторы с остатками кожи. Размеры 2,7 × 3,2 см, толщина 0,3 см (*рис. 214. 5, 6, 8, 9*).

Накладки серебряные (2 экз.) с округлым окончанием и перехватом по центру, на обратной стороне 4 шпенька с остатками кожи. Размеры 2,6 × 2,8 см, толщина 0,2 см (*рис. 214. 4, 7*).

Накладки серебряные (6 экз.) вытянутой формы, с V-образным основанием в виде лепестков, сужающимся к нижней части бортиком и выступающим ромбовидным носиком. В центре округлое отверстие, от которого вертикально отходит нервюра. На обратной стороне два шпенька с

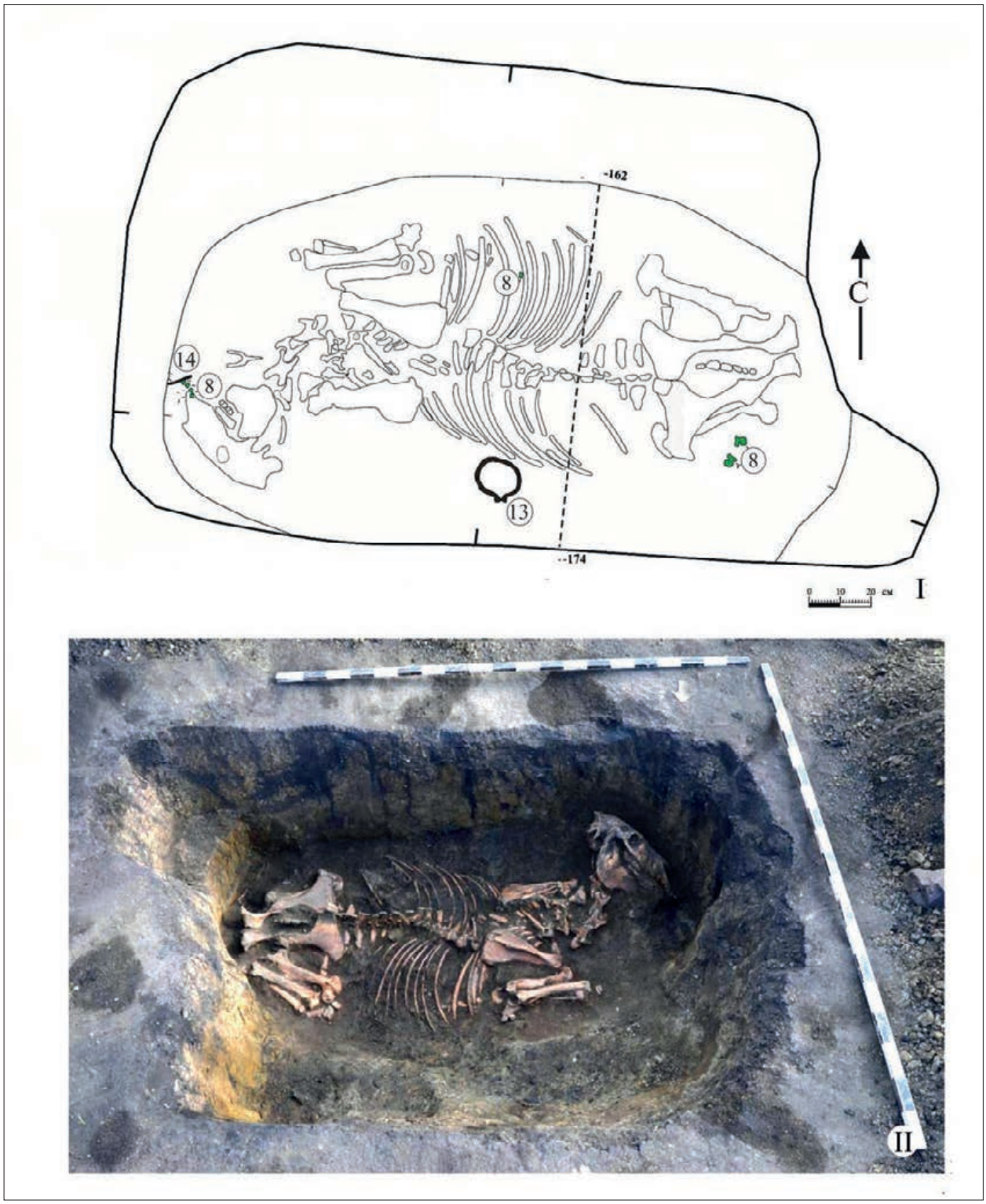

Рис. 211. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 3. I: общий план; II: зачистка на уровне дна ямы, вид с севера

211. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán, 3. sír. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet északi irányból

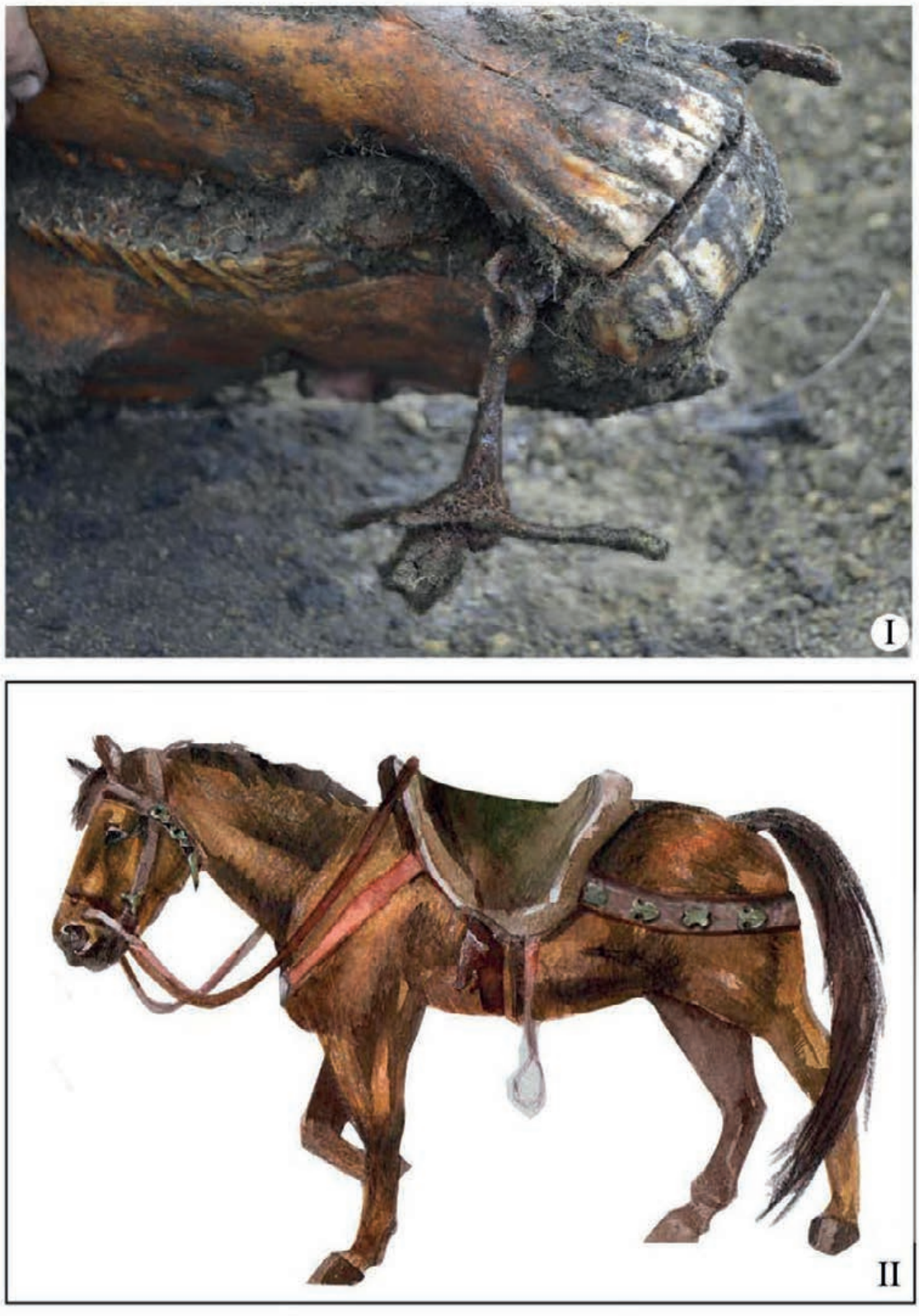

Рис. 212. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 3. I: череп лошади и удила, деталь; II: реконструкция упряжи. Художник Л. И. Семенцова-Загирная
212. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán, 3. sír. I: lókoponya és zabla, részlet; II: a lószerszámzat rekonstrukciója. L. I. Szjemenycova-Zagirnaja rajza

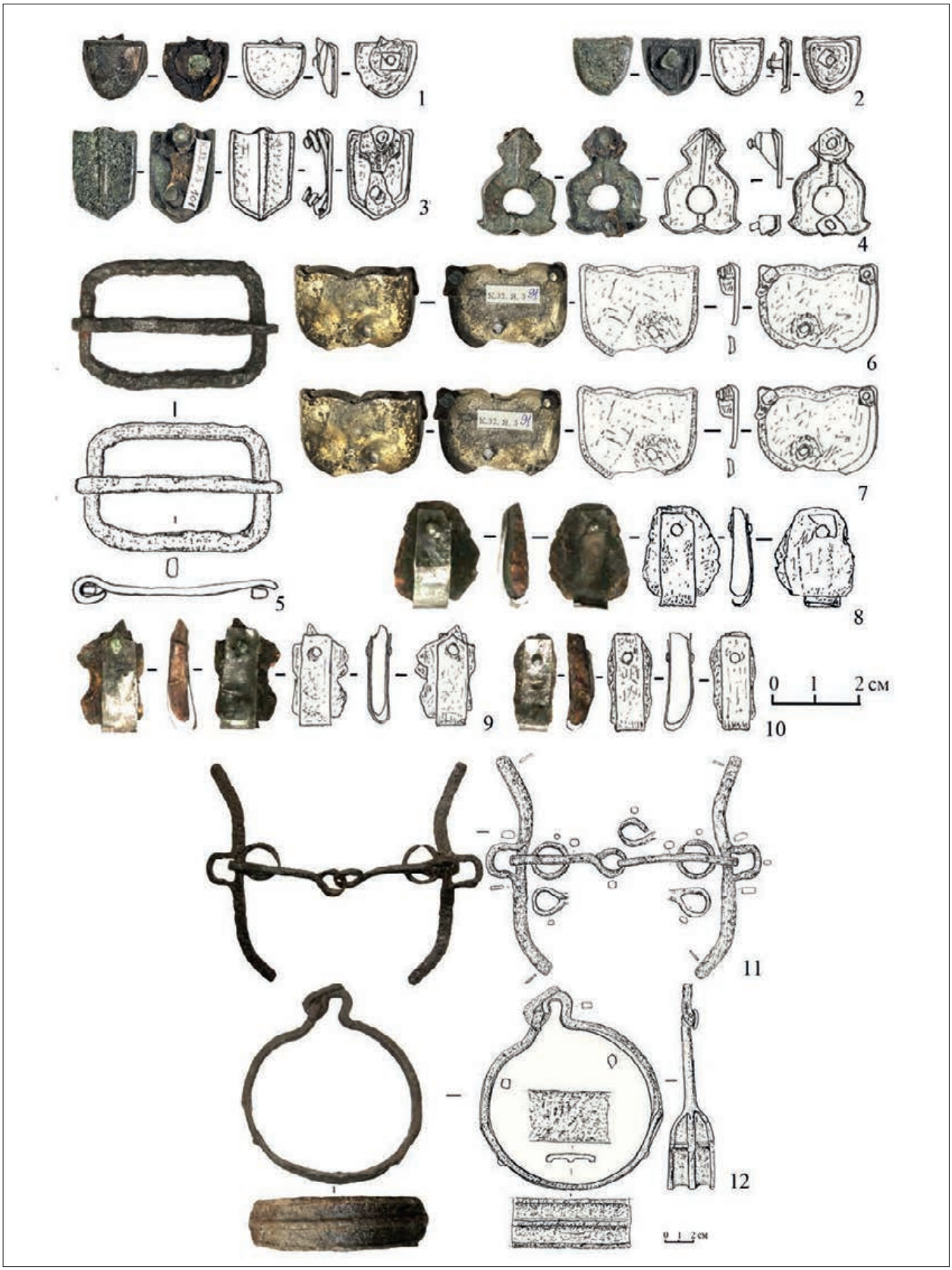

Рис. 213. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 3. Вещевой инвентарь. 1–4, 6, 7: серебро; 5, 11–12: железо; 8–10: серебро, дерево

213. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán, 3. sír. Mellékletek. 1–4, 6, 7: ezüst; 5, 11–12: vas; 8–10: ezüst, fa

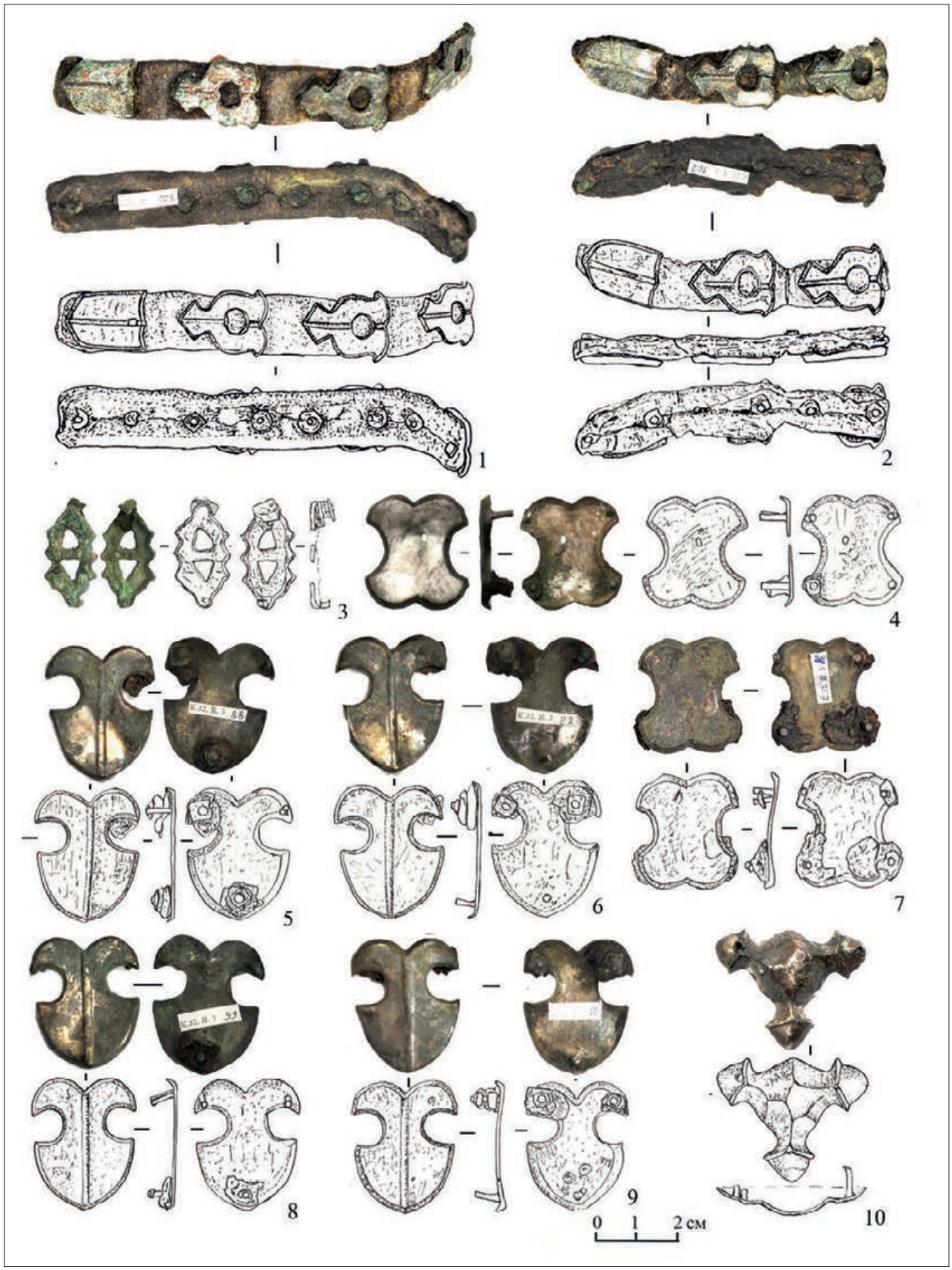

Рис. 214. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 3. Вещевой инвентарь. 1–2: серебро, кожа; 3–10: серебро

214. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán, 3. sír. Mellékletek. 1–2: ezüst, bőr; 3–10: ezüst

остатками кожи. Размеры 1,7 × 2,3 см, толщина 0,2 см (*рис. 213. 4; 214. 1, 2*).

Распределитель ремня серебряный представляет собой изделие трехлучевой формы, с «перехватами» в месте стыка лопастей и центральной части украшения. Подтреугольные лопасти оформлены «бутоновидными» окончаниями с прочерченным декором. Центральная часть полусферическая, декорирована трехдольным делением при помощи нервюр. На внутренней стороне имеются остатки от шпеньков в области подтреугольных лопастей. Размеры 3,1 × 3,9 см, толщина 0,9 см (*рис. 214. 10*).

Скобы крепежные серебряные (3 экз.), прямоугольные, загнутые пополам; в нижней части шпенек, удерживающей обе части изделия, внутри фиксируется дерево. Размеры 1,5 × 1,9 см, толщина 0,4 см (*рис. 213. 8–10*).

Пряжка подпружная железная, прямоугольной формы с подвижным язычком, коррозирована. Размеры 2,8 × 4,1 см, толщина 0,2 см (*рис. 213. 5*).

Погребение 4 (*рис. 215. I, II*) расположено в центре насыпи кургана, размеры очертаний ямы 0,65 × 1,4 м, глубина 0,25 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ.

В заполнении могильной ямы обнаружено большое количество предметов, по которым удалось установить ориентировку погребенного – СЗ–ЮВ, головой на северо-запад.

В центральной и северо-западной части могильной ямы обнаружены 39 стеклянных бусин, поясные накладки, пуговица-бубенчик и фрагменты дерева, ткани и керамики. В юго-восточном углу ямы зафиксированы удила.

Удила кольчатые двухсоставные железные, грызла сохранились частично. Диаметр колец 6,7 см, длина 9,0–9,9 см, ширина 0,7–0,8 см (*рис. 217. 3–5*).

Фрагмент железного изделия вытянутой овальной формы с окончанием в виде дерева, коррозировано. Размеры 1,5 × 4,5 см, толщина 0,9 см (*рис. 217. 2*).

Фрагмент железного предмета (*рис. 217. 1*).

Ткань, фрагмент. Длина 2,4–6,7 см, ширина 0,4–3,0 см (*рис. 216. 74*).

Бусины стеклянные (39 экз.) диаметром 0,4–0,8 см, различных цветов (черный, фиолетовый, жемчужный) (*рис. 216. 1–69*).

Подвеска полосчатая стеклянная (белые и черные полоски на фиолетовом фоне) с ушком для подвешивания, длиной 2 см (*рис. 216. 73*).

Пуговицы-бубенчики бронзовые (2 экз.) овальной формы. Длина 1,3 см, ширина 0,7 см (*рис. 216. 71, 72*).

Накладка билунницевидная серебряная, плоскостная с круглыми отростками по краям и нервюрой в центре. Размеры 1,0 × 3,1 см, толщина 0,1 см (*рис. 216. 70*).

Сосуд глиняный, фрагменты стенки и дна. Орнамент в виде вертикальных рядов мелкозубчатого штампа и ногтевидных вдавлений. Тесто плотное, поверхности неровно залощены, в тесте значительные примеси в виде мелкого талька и шамота (*рис. 217. 7–9*).

Сосуд глиняный круглодонный. Венчик, шейка, тулово и дно неровные. Венчик едва отогнут наружу, переход от шейки к тулову слабо выражен. Высота 5,6 см, диаметр по венчику 7,8 см, диаметр по тулову 7,6 см, толщина черепка 0,2–0,3 см (*рис. 217. 6*).

Погребение 5 (*рис. 218. I, II*) расположено в северо-западном секторе кургана. Могильная яма размерами 1,50 × 0,72 м, глубиной 0,26 м, ориентирована по линии С–Ю. В заполнении ямы обнаружены обломки костей, уголь, а также три поясные накладки.

Накладки сердцевидные серебряные (2 экз.) с ровными бортиками и V-образным носиком. Размеры 1,1 × 1,1 см, толщина 0,3 см (*рис. 222. 1–2*).

Накладка цветковидная серебряная, округлой формы. Диаметр 1,6 см, толщина 0,2 см (*рис. 222. 4*).

Погребение 6 (*рис. 219. I, II*) расположено в северном секторе кургана. Очертания могильной ямы размерами 0,95 × 1,90 м, глубиной 0,26 м, ориентирована по линии З–В. В заполнении ямы обнаружено незначительное количество костей и фрагменты дерева. В южной части заполнения найдены два железных наконечника стрелы, фрагменты железных удил и серебряная накладка.

Наконечники стрел железные (3 экз.), бронебойные и трехгранные. Размеры 0,8–1,7 × 4,3–6,8 см (*рис. 222. 6, 8, 9*).

Накладка щитовидная серебряная с позолотой, с обратно-фигурно-скобчатым основанием,

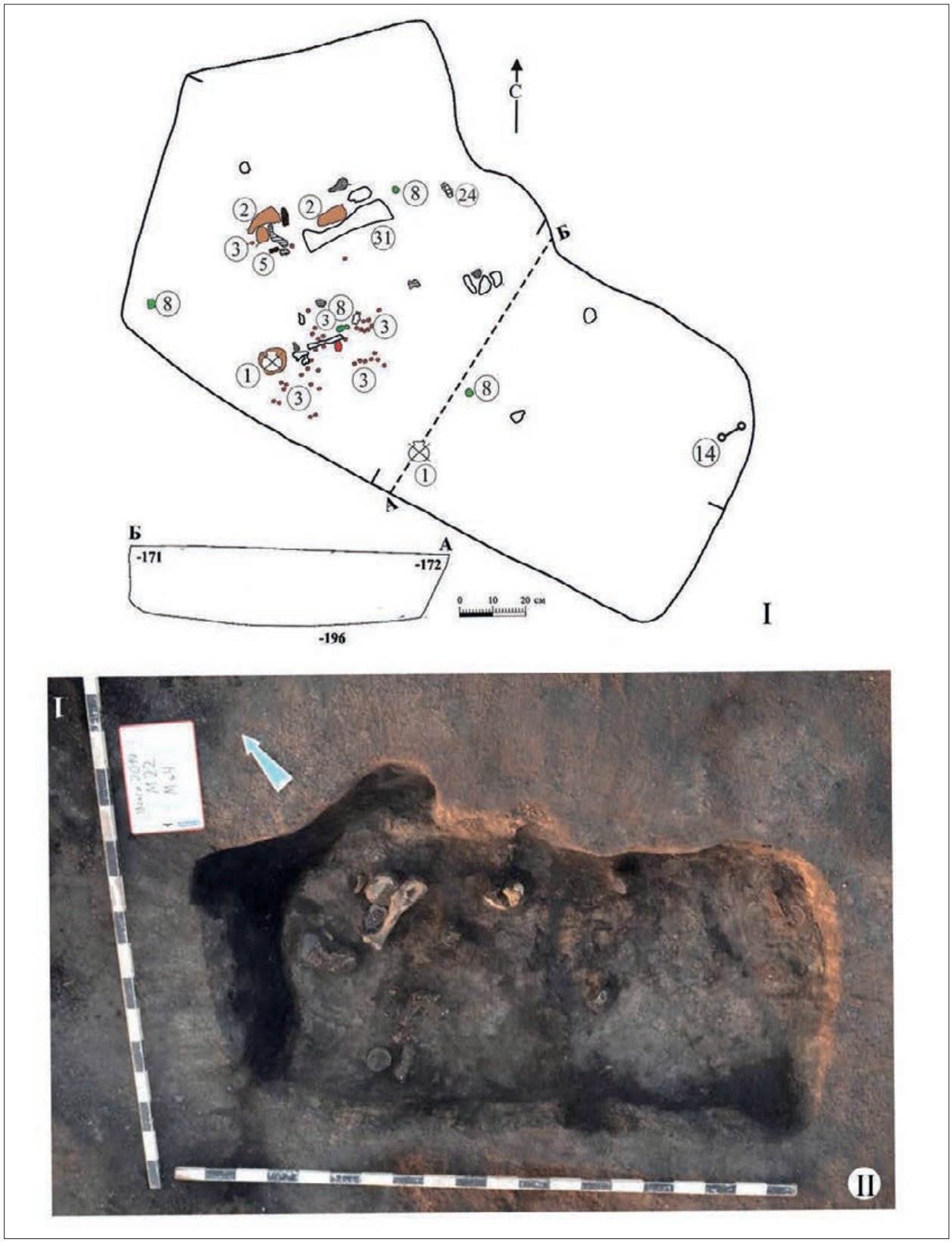

Рис. 215. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 4. I: общий план и разрез; II: зачистка на уровне дна, вид с юго-запада

215. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán, 4. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet délnyugati irányból

Рис. 216. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 4. Вещевой инвентарь. 1–39, 73: стекло; 40–69: прорисовки; 70: серебро; 71–72: бронза; 74: ткань
216. kép. Az ujelgi temető, 32. kurgán, 4. sír. Mellékletek. 1–39, 73: üveg; 40–69: részletrajzok; 70: ezüst; 71–72: bronz; 74: szövet

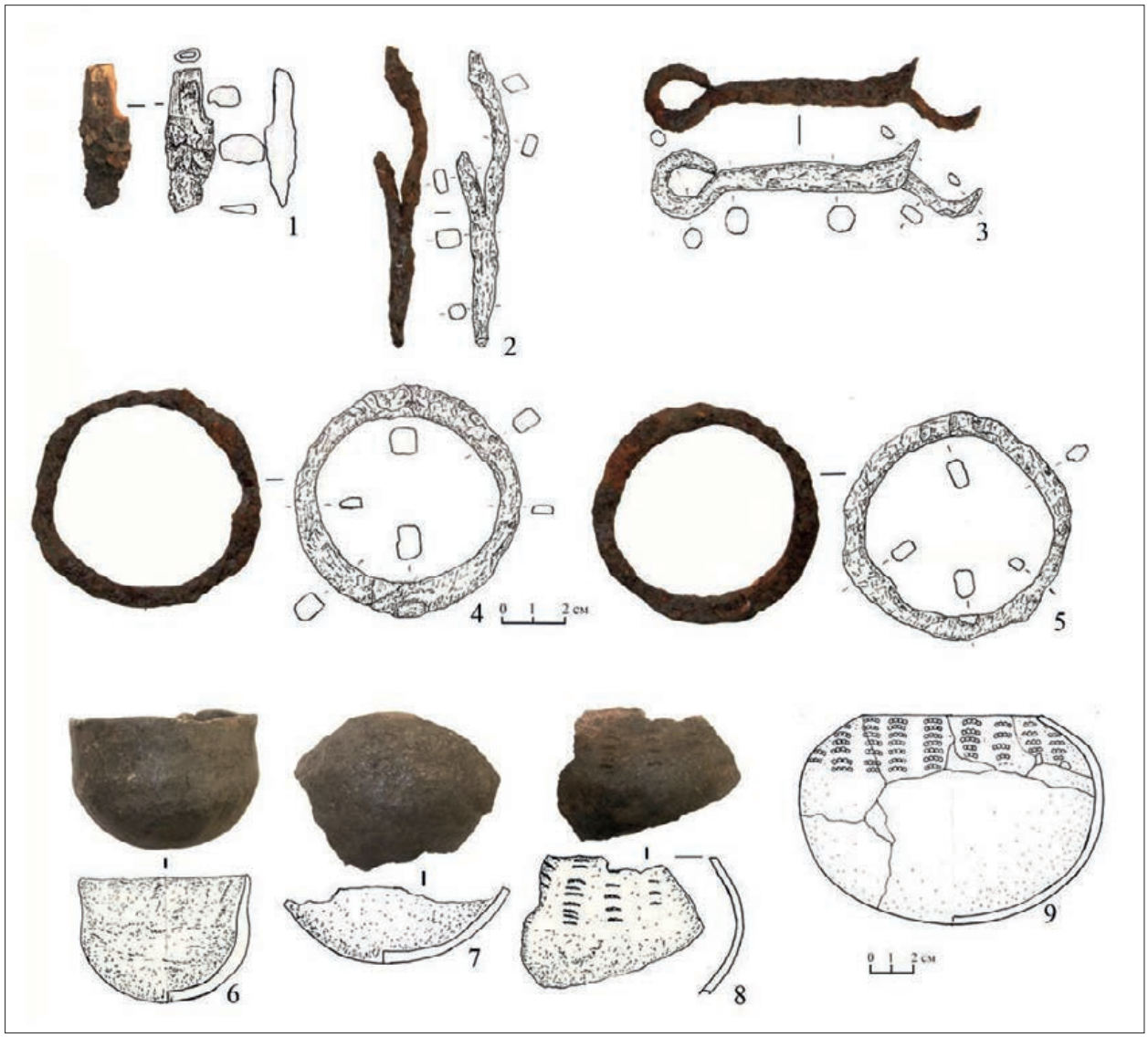

Рис. 217. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 4. Вещевой инвентарь. 1–5: железо; 6–9: керамика

217. kép. Az ujelgi temető, 32. kurgán, 4. sír. Mellékletek. 1–5: vas; 6–9: kerámia

ровными бортиками и овальным носиком. Орнамент отсутствует. На обратной стороне два шпенька с шайбами-фиксаторами и остатками кожи. Размеры 0,9 × 1,2 см, толщина 0,2 см (*рис. 222. 5*).

Фрагменты железных удил (2 экз.). Восьмерковидное грызло и обломки дужек (*рис. 222. 7, 10*).

Погребение 7 (*рис. 220. I, II*) расположено в центральной части кургана. Могильная яма размерами 0,65 × 1,90 м, глубиной 0,38 м, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. В заполнении обнаружены отдельные кости скелета человека.

Погребение 8 (*рис. 221. I, II*) расположено в северо-западном секторе кургана. Могильная яма размерами 1,25 × 1,75 м, глубиной 0,60 м, ориентирована по линии З–В. В западной части ямы обнаружены кости скелета человека, которые позволяют предположить ориентировку погребенного головой на запад. Три фрагмента керамики были найдены в западной и восточной сторонах заполнения, в южной части обнаружены серебряная цепочка и три фрагмента керамики.

Цепочка серебряная состоит из прямоугольных звеньев. Длина 11,0 см, ширина 0,2 см (*рис. 222. 11*).

Фрагменты стенок глиняных сосудов (6 экз.) тонкостенных с примесью песка и талька в тесте, без орнамента (*рис. 222. 12–17*).

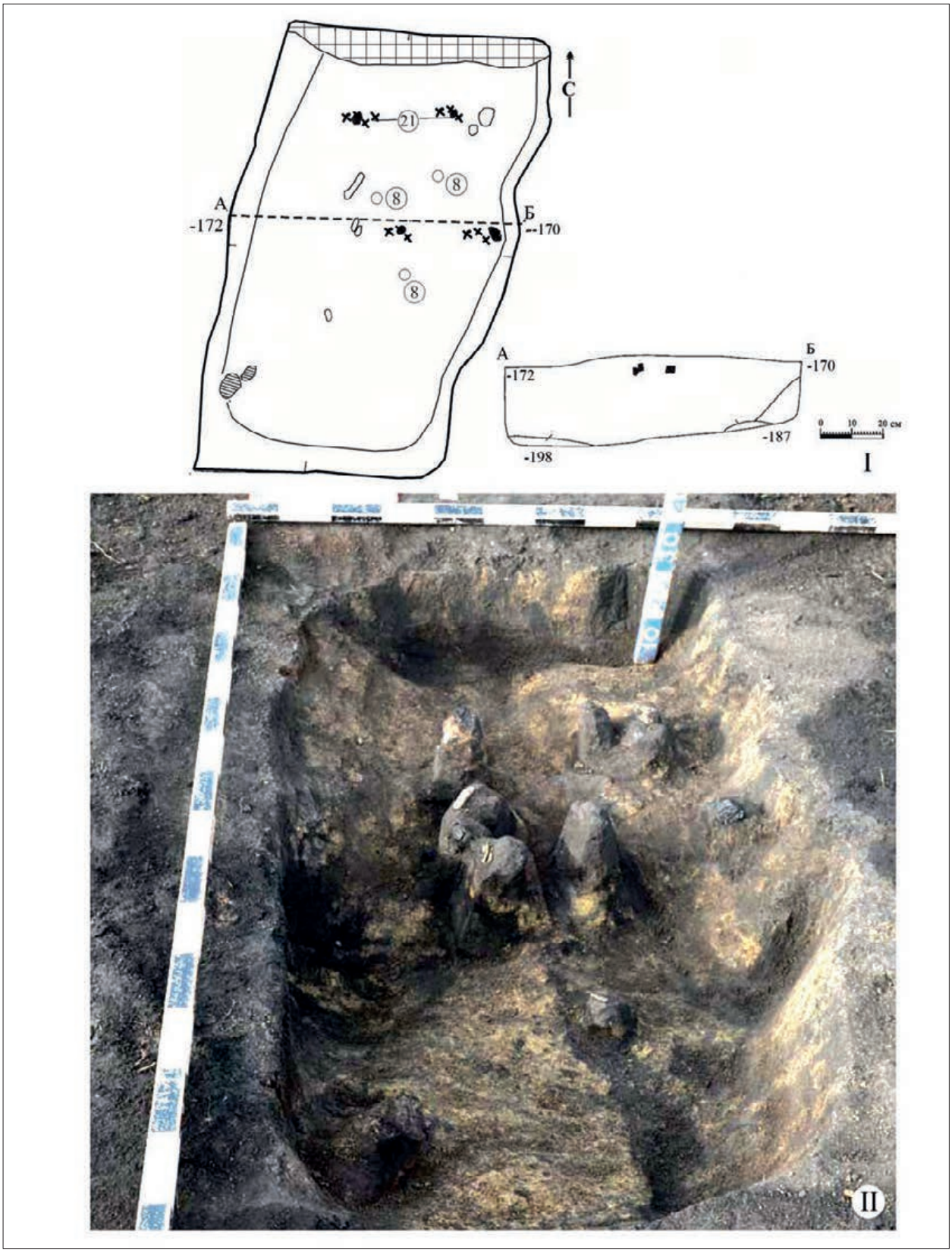

Рис. 218. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 5. I: общий план и разрез; II: зачистка на уровне дна, вид с юга

218. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán, 5. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet déli irányból

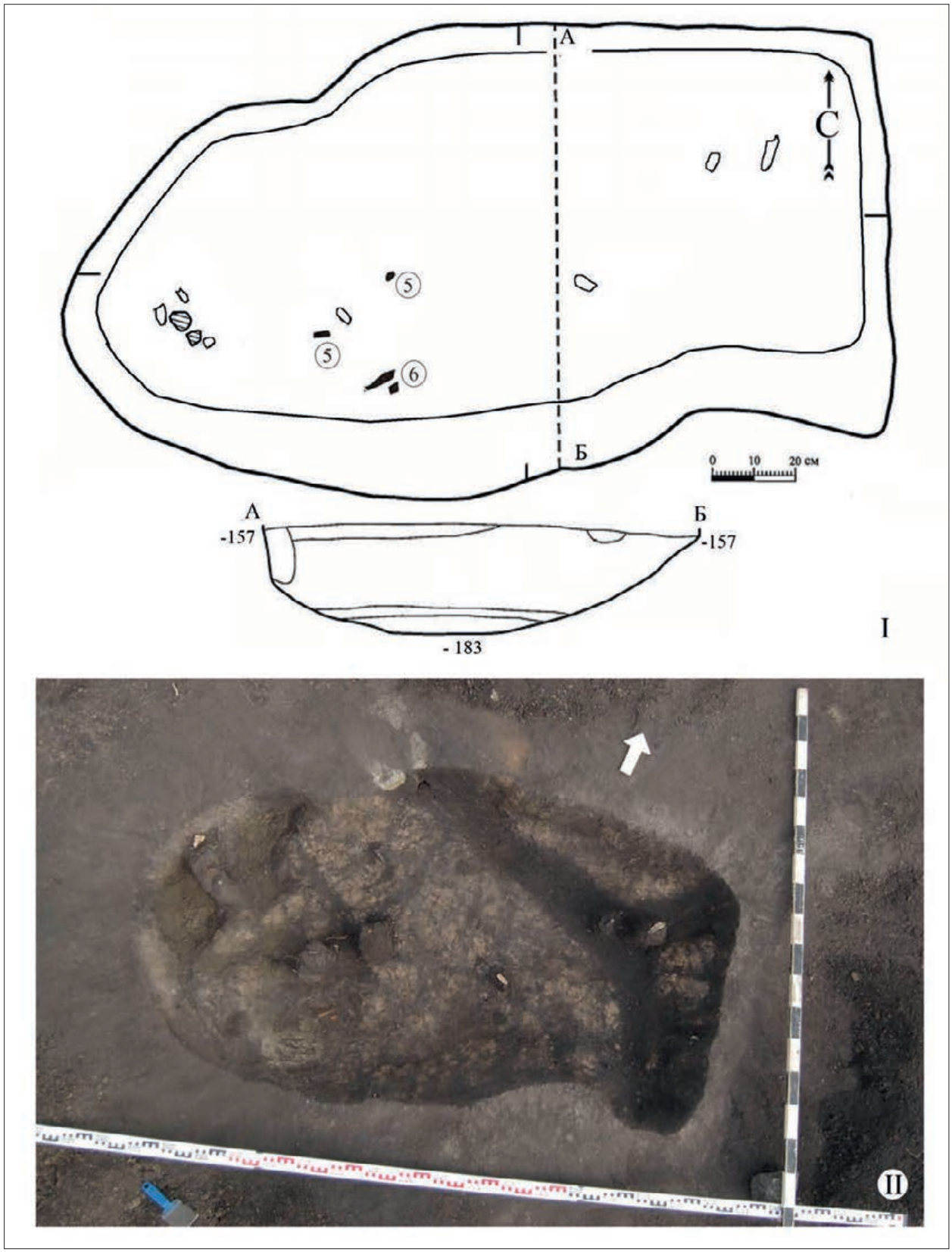

Рис. 219. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 6. I: общий план и разрез II: зачистка на уровне дна ямы, вид с юго-юго-востока

219. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán, 6. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet dél-délkeleti irányból

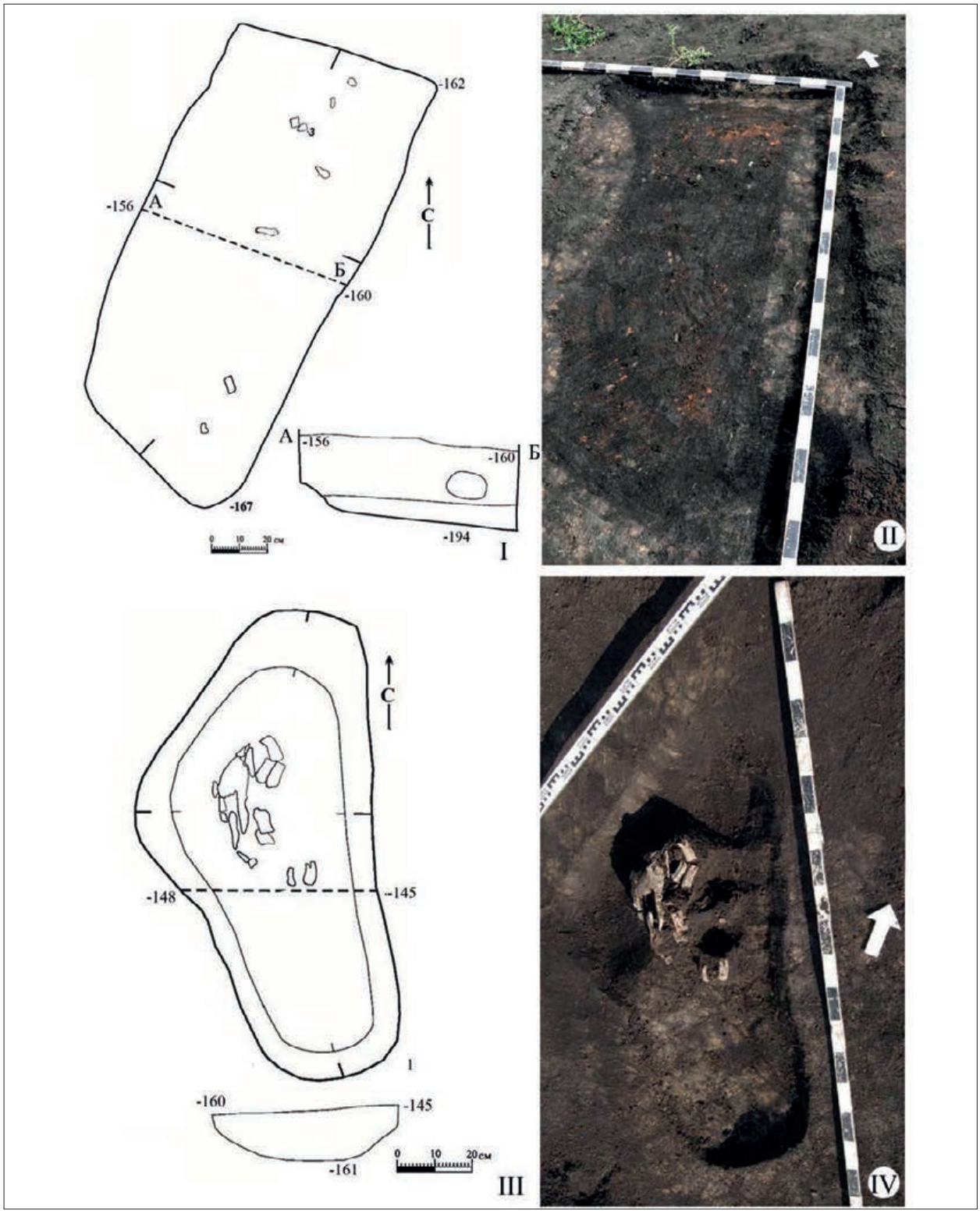

Рис. 220. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. I: погребение 7, общий план и разрез; II: погребение 7, зачистка на уровне материка, вид с юга; III: погребение 10, план и разрез; IV: погребение 10, зачистка на уровне дна ямы, вид с юго-юго-запада

220. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán. I: 7. sír, általános felszínrajz és szelvény; II: 7. sír, az altalaj szintjének kibontása, nézet déli irányból; III: 10. sír, felszínrajz és metszet; IV: 10. sír, a sírgödör aljának kibontása, nézet dél-délnyugati irányból

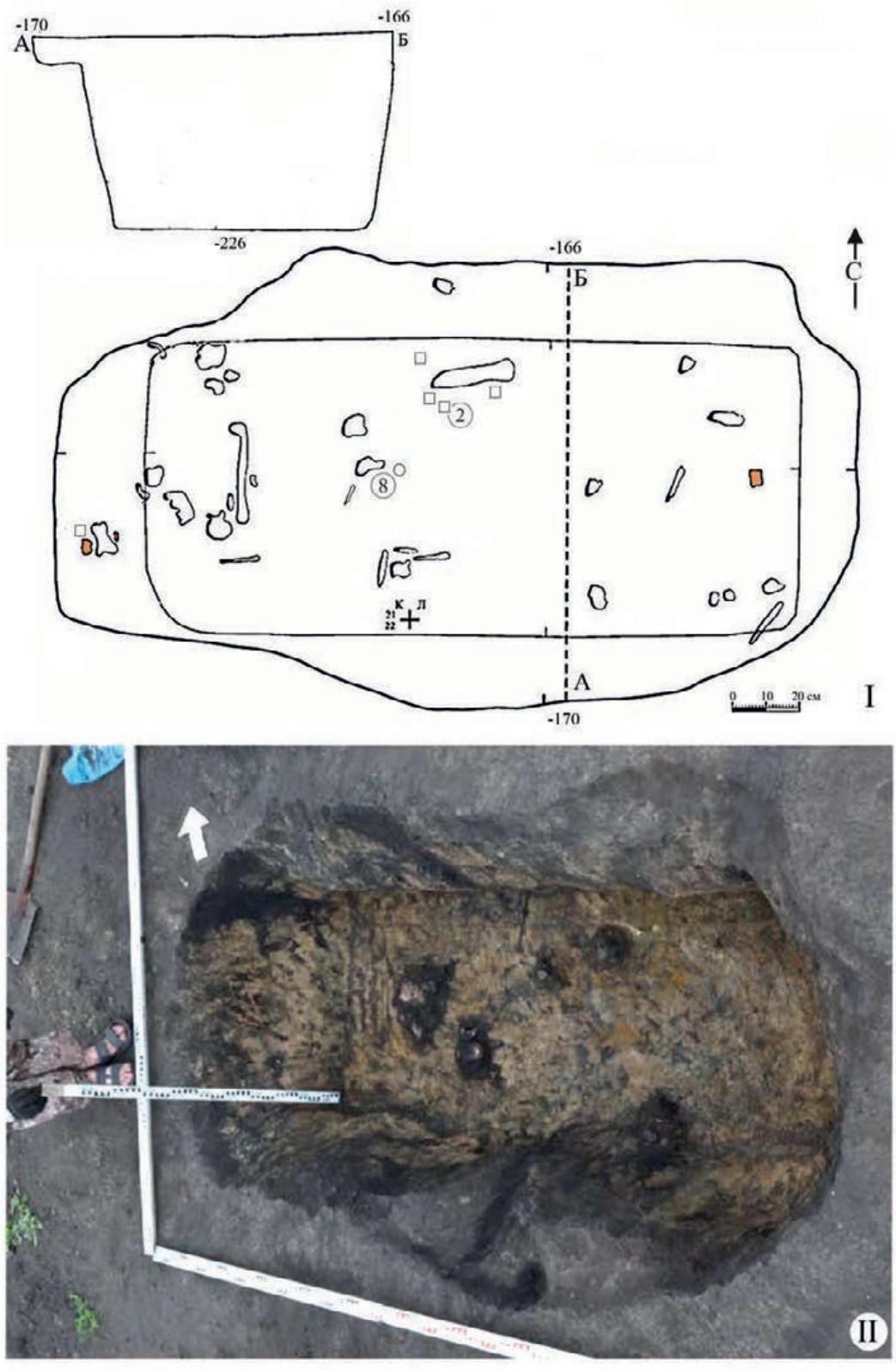

Рис. 221. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 8. I: общий план и разрез; II: зачистка на уровне дна, вид с юго-востока

221. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán, 8. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet délkeleti irányból

Рис. 222. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Вещевой инвентарь. 1–2, 4: погребение 5; 3, 5–10: погребение 6; 11–17: погребение 8. 1–5, 11: серебро; 6–10: железо; 12–17: керамика
222. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán. Mellékletek. 1–2, 4: sír 5; 3, 5–10: sír 6; 11–17: sír 8. 1–5, 11: ezüst; 6–10: vas; 12–17: kerámia

Яма 9 расположена в северо-западной половине насыпи, материальных остатков не содержала.

Погребение 10 (*рис. 220. III, IV*) расположено на северной границе насыпи. Могильная яма размерами 1,46 × 1,60 м, глубиной 0,16 м, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. В центральной части заполнения сосредоточено большое количество костей лошади. Вещевой инвентарь отсутствует.

Погребение 11 (*рис. 223. I, II*) расположено в юго-восточном секторе кургана, в могильной яме размерами 1,16 × 0,46 м, глубиной 0,50 м, ориентированной по линии ВСВ–ЗЮЗ. На дне ямы расчищено погребение ребенка, уложенного головой на северо-восток.

В ногах погребенного были зафиксированы нож и керамический сосуд. В левом углу ямы близ черепа была найдена серьга. Пояс с браслетом и кольцом были расположены на костях ребер по линии С–Ю. Западнее от ножа найдена бедренная кость лошади (*рис. 225. III*).

Обнаруженный элемент поясного набора и предметы украшений позволяют реконструировать одеяния подростка. Графическая реконструкция была выполнена автором Боталовым С.Г. и художником Л.И. Семенцовой-Загирной (*рис. 225. I, II*).

Браслет бронзовый, овальной формы, изготовлен из разомкнутой пластины. Диаметр 5,2 см, толщина 0,1 см (*рис. 224. 12*).

Сосуд глиняный, круглодонный, с раздутым в нижней части туловом. Шейка высокая со слегка отогнутым венчиком. Обжиг равномерный, лощение ровное, на внутренней и внешней стороне сосуда видны следы заглаживания. По верхнему краю венчика орнамент в виде косых прочерченных линий. Шейка орнаментирована по верху двойной опоясывающей прочерченной линией, под которой пятикратный зигзаг, подчеркнутый двойной прочерченной линией. Ниже полоса из коротких прочерченных линий. Высота сосуда 10,5 см, диаметр по венчику 12,7 см, диаметр по тулову 14,7 см, толщина черепка 0,4–0,5 см. Сосуд относится к караякуповской культуре (*рис. 224. 15*)

Нож железный с частично сохранившимся лезвием и рукоятью. Длина 11,7 см, ширина 1,2 см, толщина 0,2 см (*рис. 224. 1*).

Тренчик серебряный (4 экз.) прямоугольный, на ребре фиксируется декор в виде параллельного ряда прямых насечек. Размеры 2,0 × 2,3 см, толщина 0,9 см (*рис. 224. 2–4, 11*).

Накладки прямоугольные серебряные (6 экз.), с ровным основанием, овальным бортиком и двумя шаровидными выступами. На обратной стороне фиксируются четыре шпенька с большим количеством кожи. Размеры 1,2–1,9 см × 1,8–3,8 см, толщина 0,1–0,7 см (*рис. 224. 5–10*).

Кольцо бронзовое с остатками меха, округлое, имеет декор в виде рельефного круга на ребре. Диаметр 2,0 см, толщина 0,2 см (*рис. 224. 13*).

Серьга серебряная овальной формы с гроздевидным напуском. Размеры 1,3 × 2,8 см, толщина 0,2 см (*рис. 224. 14*).

Погребение 12 (*рис. 226. I, II*) расположено в центре курганной насыпи. Могильная яма размерами 3,15 × 2,20 м, глубиной 0,36 см, ориентирована по линии ЗЮЗ–ВСВ. В заполнении в западной части обнаружено большое количество костей скелета и фрагменты черепа человека. Предположительно погребенный был ориентирован головой на запад. Из вещевого инвентаря обнаружены фрагменты удил, кусочки ткани и три накладки в северной части заполнения ямы и одна в южной.

Наконечник трехгранный железный. Размеры 0,8 × 6,6 см, длина черенка 3,4 см (*рис. 227. 1*).

Фрагмент подножки стремени. Размеры 3,1 × 3,9 см (*рис. 227. 2*).

Фрагмент удил. Размеры 1,7 × 2,7 см (*рис. 227. 3*).

Накладка билунницевидная серебряная, плоскостная с круглыми отростками по краям и перехватом в центре, с гладкой поверхностью. На обратной стороне присутствуют два шпенька с шайбой-фиксатором и остатками кожи. Размеры 1,5 × 3,0 см, толщина 0,2 см (*рис. 227. 6*).

Накладки щитовидные серебряные (2 экз.) с округлым нижним краем, на обратной стороне присутствуют два и три шпенька с шайбами-фиксаторами и остатками кожи. Размеры: малая – 1,1 × 1,8 см, большая – 2,4 × 2,5 см (*рис. 227. 5, 7*).

Ткань (фрагмент). Размеры 1,7 × 3,15 см (*рис. 227. 4*).

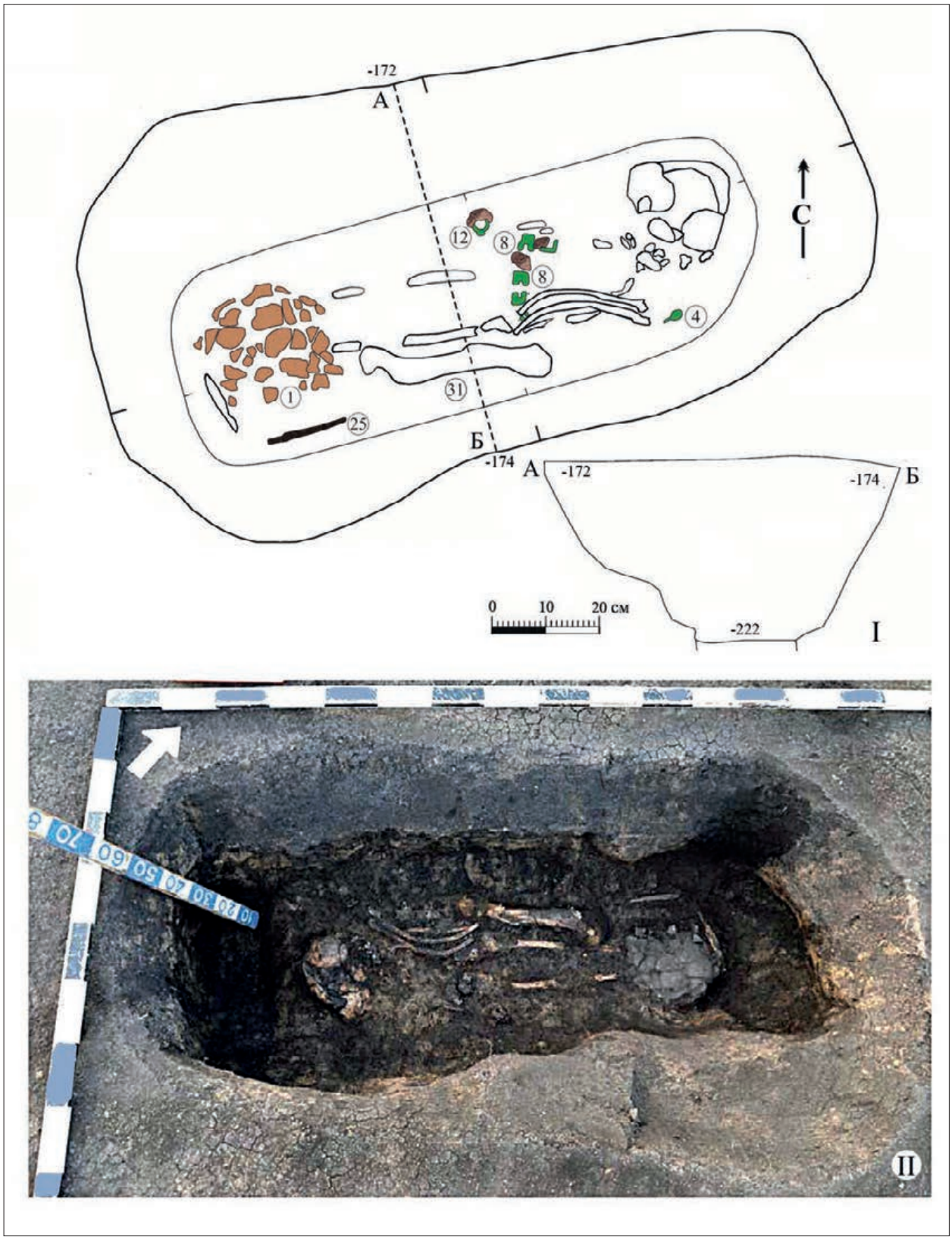

Рис. 223. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 11. I: общий план и разрез; II: зачистка на уровне дна ямы, вид с юго-востока

223. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán, 11. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet délkeleti irányból

Рис. 224. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 11. Вещевой инвентарь. 1: железо; 2, 5–11: серебро, кожа; 3–4, 14: серебро; 12–13: бронза, мех; 15: керамика
224. kép. Az ujelgi temető, 32. kurgán, 11. sír. Mellékletek. 1: vas; 2, 5–11: ezüst, bőr; 3–4, 14: ezüst; 12–13: bronz, prém; 15: kerámia

Рис. 225. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 11. I–II: реконструкция одежды погребенного. Художники Е. С. Яковлева, Л. И. Семенцова-Загирная; III: расчистка деталей украшений одежды погребенного, вид сверху

225. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán, 11. sír. I–II: az eltemetett ruhájának a rekonstrukciója. Je. Sz. Jakovljeva és L. I. Szjemenycova-Zagirnaja rajzai; III: eltemetett ruhájának díszítésének részlete feltárás közben, felülnézet

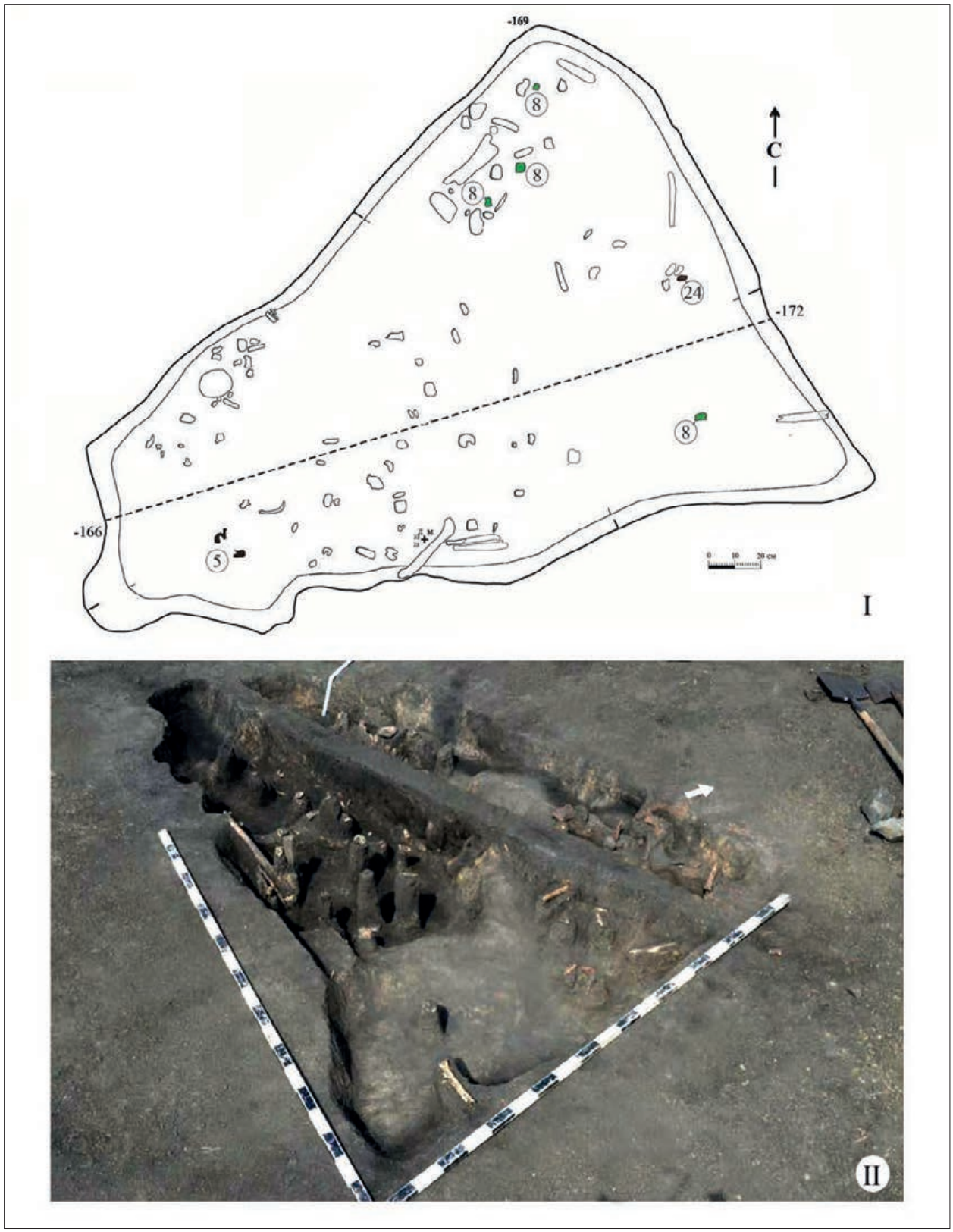

Рис. 226. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 12. I: общий план и разрез; II: зачистка на уровне дна, вид с юго-востока

226. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán, 12. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet délkeleti irányból

Рис. 227. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 12. Вещевой инвентарь. 1–3: железо; 4: ткань; 5–7: серебро, кожа
227. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán, 12. sír. Mellékletek. 1–3: vas; 4: szövet; 5–7: ezüst, bőr

Ямы 13, 14, 15 представляют собой грабительские поисковые ямы. При их расчистке и выборке никаких артефактов не обнаружено.

Погребение 16 (*рис. 228. I, II*) расположено у южной границы курганной насыпи. Могильная яма размерами 1,77 × 0,58 м, глубиной 0,7 м, ориентирована по линии З–В. На дне ямы был расчищен скелет человека, ориентированный головой на запад, руки умершего были прижаты к туловищу, ноги сведены. На костях ребер расчищен колчан, состоящий из пяти железных и одного костяного наконечников стрел; на костях правой руки – остатки коррозированного железного кольца; на левом бедре – коррозированные железные элементы саадачного пояса; чуть выше – железный колчанный крюк. В нижней части левого бедра и на левой руке зафиксированы две срединные костяные накладки на лук, у правой ноги был расположен развал керамического сосуда и ребра лошади. Возле черепа погребенного найдена берцовая кость лошади.

Наконечник стрелы костяной, черешковый, трехгранный, с остроугольным острием и пологими плечиками. На внутренней стороне в центральной части имеется вертикальная выемка. Размеры 1,9 × 11,0 см (*рис. 228. IV, 1*).

Накладки на лук костяные (2 экз.), срединные боковые, центральная часть прямая, концы отогнуты наружу, один из концов декорирован боковыми насечками. Одно изделие деформировано. Поверхность накладок залощена. Размеры 0,3–2,3 × 20,6–21,0 см, толщина 0,4 см (*рис. 228. IV, 13, 14*).

Фрагменты стрелкового пояса (5 экз.) представлены железным кольцом с прямоугольными пластинами-обоймами, коррозированы. Размеры 1,0–1,8 × 1,6–2,6 см, толщина 0,3 см. Диаметр кольца 3,8 см (*рис. 228. IV, 8–12, 15–22*).

Наконечники стрел железные (5 экз.): *плоский* с остроугольным острием (3 экз.), параллельными сторонами и с одним шипом, длина

Рис. 228. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Погребение 16. I: общий план и разрез; II: зачистка на уровне дна ямы, вид с юга; III: реконструкция образа лучника. Художник Л. И. Семенцова-Загирная; IV: вещевой инвентарь. 1, 13–14: кость; 2–12, 15–22: железо; 23: раковина; 24: керамика

228. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán, 16. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet déli irányból; III: íjász viseletének rekonstrukciója. L. I. Szjemenycova-Zagirnaja rajzai; IV: mellékletek. 1, 13–14: csont; 2–12, 15–22: vas; 23: kagyló; 24: kerámia

10 см, ширина 0,9 см (*рис. 228. IV, 2–4*); *трехгранный* с остроугольным острием и пологими плечиками, упором, размеры 0,9 × 6,1 см (*рис. 228. IV, 6*); *двухлопастной* с остроугольным острием (*рис. 228. IV, 5*).

Крюк колчанный железный с заостренным загнутым кольцом, пластиной и прямоугольным сквозным отверстием. Размеры 2,0 × 4,9 см, толщина 0,2–0,7 см (*рис. 228. IV, 7*).

Бусина цилиндрическая, выполнена из створки раковины, асимметрично усеченная. Диаметр 0,6 см (*рис. 228. IV, 23*).

Сосуд глиняный, плоскодонный, баночной формы с раздутым туловом. Переход от шейки к тулову не выражен. Обжиг неравномерный, тесто плотное, лощение неравномерное, грубое. Орнамент представляет собой прочерченный зигзаг под венчиком и по верхнему краю плеча, который ограничивает косые ряды гребенчатого штампа, соответственно по венчику и по плечу. Высота сосуда 11,5 см, диаметр по венчику 8,4 см, диаметр по тулову 14,8 см, толщина черепка 0,3–0,4 см (*рис. 228. IV, 24*). Сосуд относится к караякуповской культуре.

Описание вещевого инвентаря с подкурганной площадкии и из насыпи

Тесло железное представлено рабочей плоскостью и несомкнутой втулкой (трубица). Рабочая плоскость имеет небольшое расширение, немного смещена влево, носик изделия полуовальный, Втулка также имеет небольшое расширение в верхней части. Размеры 4,0 × 10,2 см (*рис. 229. 1*).

Наконечники стрел железные (12 экз.): *плоские, двухлопастные* (6 экз.) листовидной формы с длинным черешком, длина 3,5–5,5 см (*рис. 231. 1–6*); *трехгранные и трехлопастные* (6 экз.) в основном бронебойные, длина 3,5–6,0 см (*рис. 231. 7–12*).

Наконечники стрел костяные (2 экз.) асимметрично-ромбической и треугольной формы, размеры 1,6 × 9,0 см (*рис. 231. 13*) и 1,1 × 10,3–11,5 см (*рис. 231. 14*).

Фрагменты железных изделий (*рис. 229. 2, 3, 5; 231. 15*).

Скобы железные (2 экз.). Размеры 2,5–3 × 3–3,3 см (*рис. 229. 7, 9*).

Обломок железного ножа. Размеры 1,4 × 5,3 см (*рис. 229. 6*).

Пластины железные (3 экз.), судя по толщине (0,35 см) являются, вероятно, обломками котелка (*рис. 229. 4, 8, 10*).

Фрагменты железных удил (11 экз.), выделяется одна восьмеркообразная дужка, обломок сочленения грызла и два окончания грызла с петлевидным отверстием (*рис. 230. 1–11*).

Накладки цветковидные (2 экз.). Диаметр 2 см (*рис. 232. 1, 2*).

Накладка с тройным овальным перехватом (2 экз.). Размеры 1,7 × 2 см (*рис. 232. 3, 5*).

Тренчик и кольцо (*рис. 232. 7, 8*).

Накладка в виде геральдической псевдопряжки. Размеры 2,0 × 2,2 см (*рис. 232. 4*).

Накладка прямоугольная с четырьмя сферическими выступами по краям. Размеры 1,1 × 1,1 см (*рис. 232. 11*).

Обломок билунницевидной накладки (*рис. 232. 22*).

Накладки щитовидные плоские (2 экз.). Размеры 1,1–3 × 2,1–2,3 см (*рис. 232. 17, 19*).

Накладки арочной формы (4 экз.), с верхним краем, оформленным двумя уголками и одной прорезью внизу (*рис. 232. 12–14*); у большой накладки присутствует оформленный на окончании носик (*рис. 232. 18*).

Пряжка цельнолитая с овальной рамкой. Размеры 2,2 × 3,1 см (*рис. 232. 16*).

Накладка округлой формы полиметаллическая (серебро с позолотой), с краем, оформленным в виде рельефной цепочки, орнаментирована изображением цветка смоквы. Диаметр 2,2 см (*рис. 232. 15*).

Накладка овальная, плоская с небольшой псевдопетелькой по середине верхней грани. Размеры 2 × 4,2 см (*рис. 232. 20*).

Накладка бабочковидная с фигурной прорезью внизу. Размеры 2,2 × 3 см (*рис. 232. 23*).

Накладка прямоугольная плоская, с прорезью внизу. Размеры 2,7 × 3,2 см (*рис. 232. 21*).

Рис. 229. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. Железо
229. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán. Kurgánalatti tér, feltöltés. Mellékletek. Vas

Рис. 230. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. Железо
230. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán. Kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. Vas

Описание керамического комплекса

Керамика представлена 90 фрагментами. Реконструируемые шесть сосудов (*рис. 233. 1–6*) представляют собой небольшие плавнопрофилированные горшки с вогнутой или прямой шейкой и венчиком, в тесте крупный песок и тальк. Орнамент нанесен гребенчатым многорядным штампом горизонтальными, вертикальными и елочными сюжетами, а также ямочными наколами по шейке (*рис. 233. 1, 2, 5*). Один фрагмент орнаментирован тремя рядами двухрядного шнура (*рис. 233. 3*). Фрагменты шейки и венчика, орнаментированные крупным шнуром и прямоугольными вдавлениями, по форме и облику относятся к юдинской культуре (*рис. 233. 4, 6*).[8]

[8] Реконструкция сосуда на *рисунке* 233. 4, вероятнее всего, является составной частью сосуда 11 из кургана 10 (*рис. 109. 12*) (смотри выше). Фрагменты его были разбросаны на большой площади и попали в насыпь 10 и 32 курганов. Даем его варианты на разных таблицах.

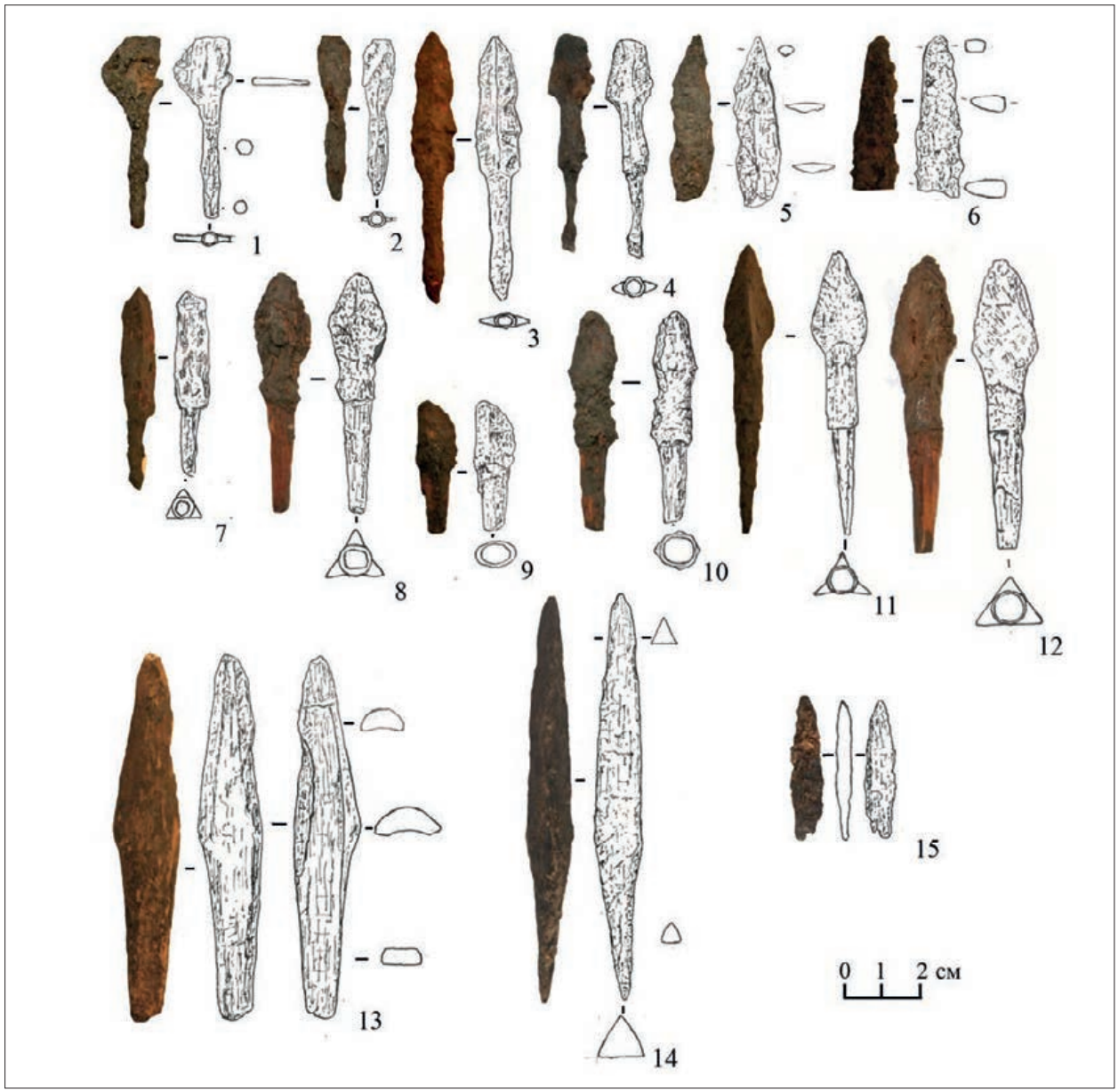

Рис. 231. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. 1–12, 15: железо; 13–14: кость
231. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán. Kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. 1–12, 15: vas; 13–14: csont

Курган 33[9]

Курган 33 (*рис. 234. I*) расположен в низине к югу от кургана 7. Было исследовано четыре погребения, совершенных на уровне погребенной почвы или в насыпи кургана 7. Глубина ям незначительная.

Погребение 1 (*рис. 234. II*) фиксировалось на уровне материка в виде овального пятна размерами 1,7 × 0,7 м, ориентированного по линии З–В.

Из вещевого инвентаря было найдено *железное стремя* арочной формы с широкой поднож-

[9] В исследовании кургана 33 принимали участие Е. В. Тидеман (Гущина) и А. А. Лукиных. Авторы глубоко благодарны им за проведение полевых исследований и подготовку отчетов.

Рис. 232. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Подкурганная площадка, насыпь. Вещевой инвентарь. 1–14, 16–17, 19–22: серебро; 15: серебро с позолотой; 18, 23: бронза
232. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán. Kurgán alatti tér, feltöltés. Mellékletek. 1–14, 16–17, 19–22: ezüst; 15: aranyozott ezüst; 18, 23: bronz

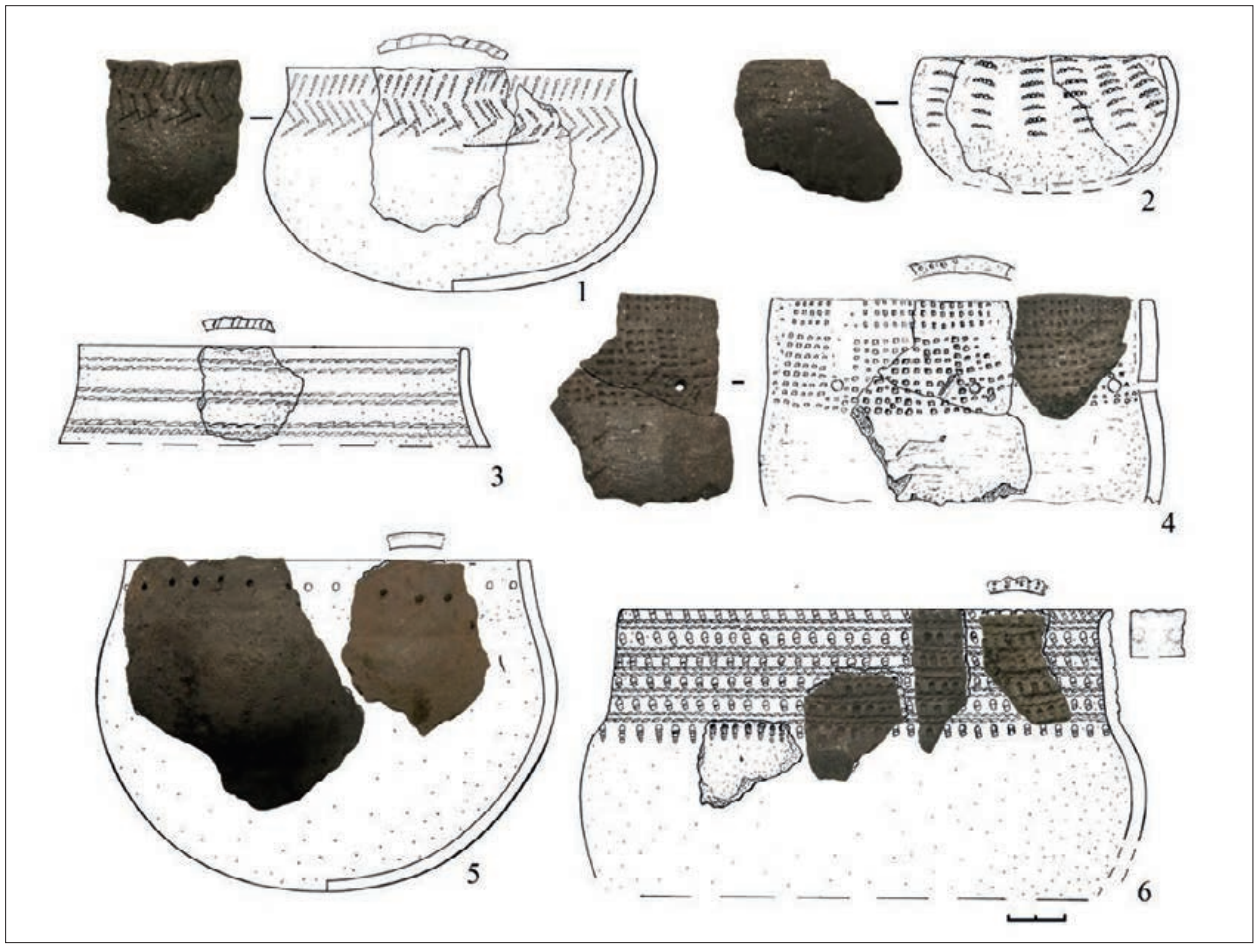

Рис. 233. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32. Подкурганная площадка, насыпь. Керамика
233. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán. Kurgán alatti tér, feltöltés. Kerámia

кой, деформированными дугами и сломанной петелькой для крепления. Ширина 11 см, высота 15,2 см, ширина подножки 4 см, диаметр дуги 0,6–1 см (*рис. 236. 12*).

Наконечник ремня с фрагментами кожи, литой, прямоугольной формы с фигурным основанием, бортиками и V-образным носиком. Орнамент рельефный в виде изображения четырех трилистников. Изготовлен из бронзы, покрытой золотой амальгамой. На обратной стороне три шпенька (два в основании и один у носика) с округлыми шайбами. Длина изделия 4,7 см, ширина 1,9 см. Ширина ремня 2,3 см, диаметр шайб 0,8–0,9 см (*рис. 236. 3*).

Фрагмент колчана с отпечатком на обратной стороне наконечника ремня каплевидной формы. Материал дерево. Длина 6,4 см, ширина 1,3–3,7 см (*рис. 236. 9*).

Фрагменты стенки и донышка сосуда (2 экз.). Судя по изгибу стенки, сосуд тонкостенный, круглодонный, неорнаментированный. Внешняя поверхность светло-коричневого цвета, в изломе черепок темно-серый. В тесте большое содержание талька. На внутренней стенке сосуда присутствуют следы нагара. Размеры фрагмента 7,9 × 5,6 см, толщина 0,4 см (*рис. 236. 13*).

Погребение 2 (*рис. 235. I*) обнаружено в южном секторе кургана в 0,5 м к северу от погребения 1. Яма овальной формы, размерами 2 × 1,1 м, ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ, глубиной 0,1–0,14 м. Погребение разграблено.

В заполнении были обнаружены два *фрагмента железного черешкового наконечника стрелы*. Изделие покрыто коррозией, форму восстановить невозможно. Длина общая 6,5 см, длина черешка 1,8 см, диаметр 1,4 см (*рис. 236. 4, 14*).

Фрагменты железных удил (остатки грызла). Длина 3 см, ширина 1,8 см (*рис. 236. 11*).

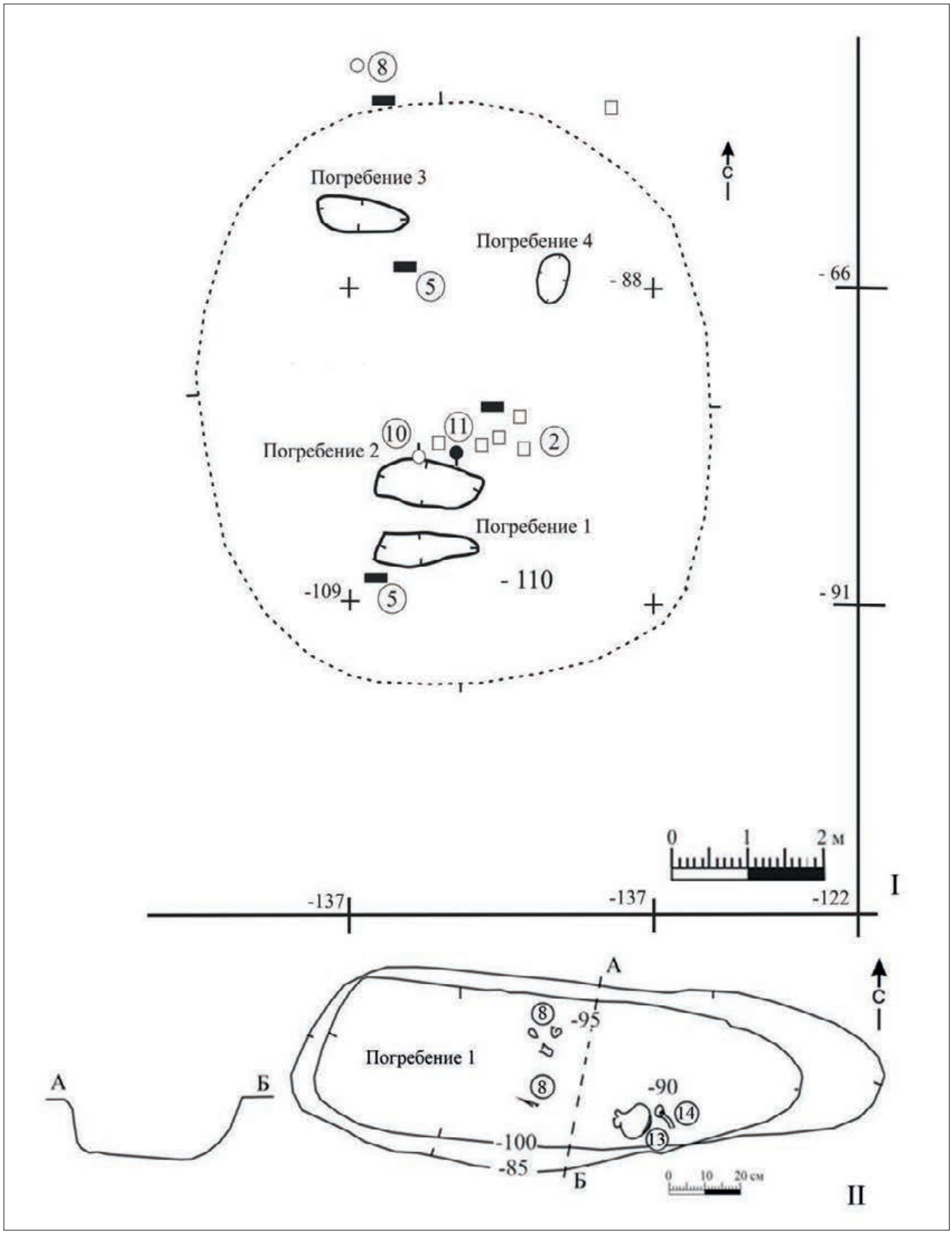

Рис. 234. Погребальный комплекс Уелги. Курган 33. I: общий план; II: общий план и разрез могильной ямы погребения 1

234. kép. Az ujelgi temető. 33. kurgán. I: általános felszínrajz; II: általános felszínrajz és az 1. sír gödrének metszete

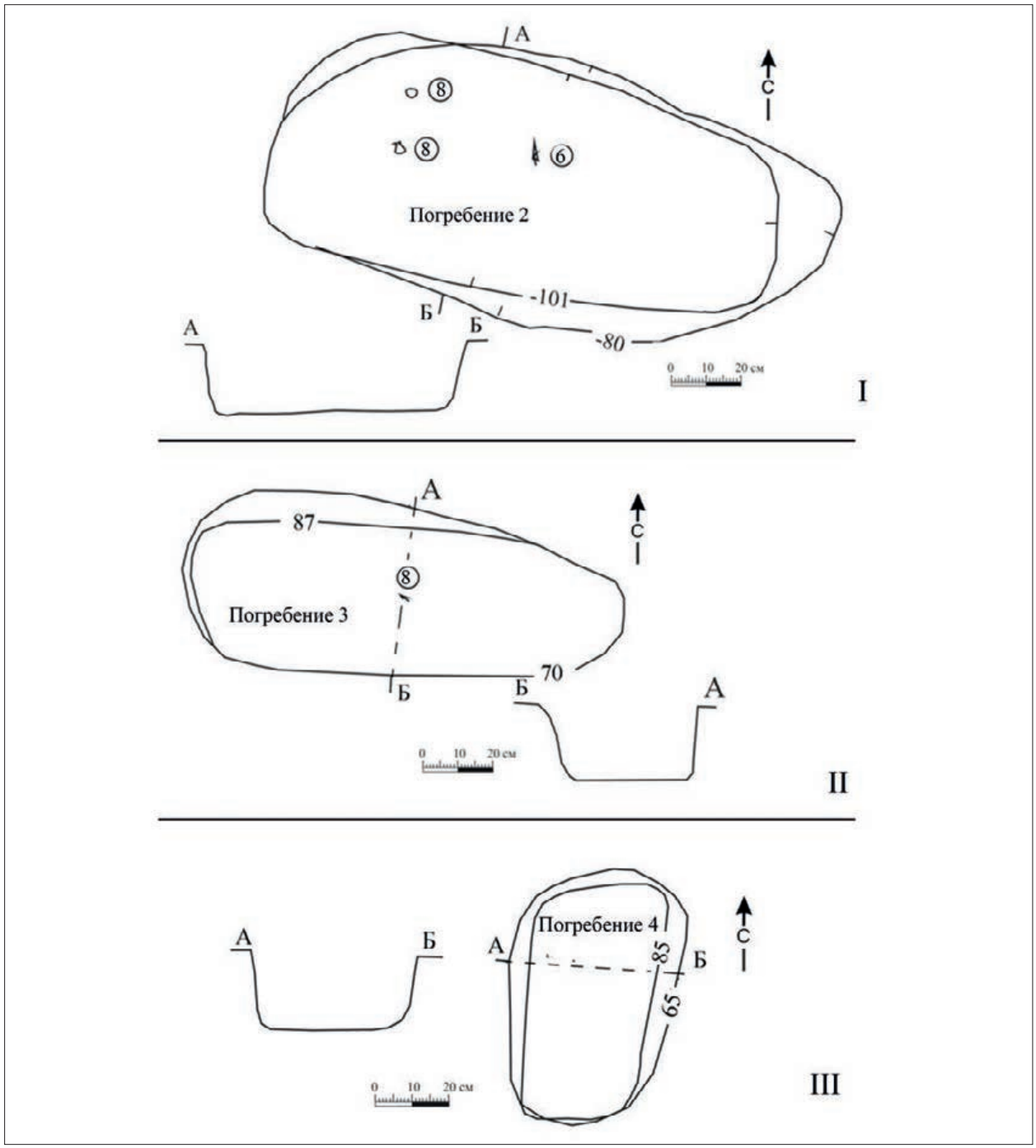

Рис. 235. Погребальный комплекс Уелги. Курган 33. I: погребение 2; общий план и разрез; II: погребение 3; общий план и разрез; III: погребение 4; общий план и разрез

235. kép. Az ujelgi temető. 33. kurgán. I: 2. sír; általános felszínrajz és metszet; II: 3. sír; általános felszínrajz és metszet; III: 4. sír; általános felszínrajz és metszet

Шайба-фиксатор серебряная, квадратной формы, в отверстии остатки шпенька. Длина стороны 0,7 см (*рис. 236. 2*).

Накладка сердцевидная серебряная, литая, с невысокими бортиками, с обратной стороны остатки кожаного ремня, с двумя шпеньками по центру и круглыми шайбами-фиксаторами. Ширина 1,9 см, длина 1,7 см, диаметр шайб 0,8 см (*рис. 236. 1*).

Фрагмент деревянного сосуда с серебряной прямоугольной скобой. Скоба прикреплена к остатку деревянного изделия расклепанным

Рис. 236. Погребальный комплекс Уелги. Курган 33. Вещевой инвентарь. 3, 9, 12–13: погребение 1; 1–2, 4–6, 11, 14: погребение 2; 7–8: погребение 3; 10: погребение 4. 1–2: серебро; 3: бронза, позолота; 4, 7, 8, 11–12, 14: железо; 5: дерево, серебро; 6: кость; 9: дерево; 10, 13: керамика

236. kép. Az ujelgi temető. 33. kurgán. Mellékletek. 3, 9, 12–13: sír 1; 1–2, 4–6, 11, 14: 2. sír; 7–8: 3. sír; 10: 4. sír. 1–2: ezüst; 3: bronz, aranyozás; 4, 7, 8, 11–12, 14: vas; 5: fa, ezüst; 6: csont; 9: fa; 10, 13: kerámia

шпеньком. Ширина 2,8 см, длина 2,6 см; длина скобы 4,6 см, ширина 1,3 см; длина шпенька 1 см (*рис. 236. 5*).

Наконечник стрелы листовидный костяной с коротким черенком. Размеры 2,3 × 8,5 см (*рис. 236. 6*).

Погребение 3 (*рис. 235. II*) зафиксировано в четырех метрах к северу от погребения 2. Могильная яма овальной формы размерами 1,25 × 0,6 м, глубиной 0,1–0,2 м, ориентирована по линии З–В. Погребение разграблено.

В центральной части заполнения был обнаружен *железный наконечник стрелы*, черешковый, трехлопастной. Размеры: длина 6,9 см, длина черешка 2,7 см, диаметр черешка у основания 0,7 см, ширина пера 1,9 см (*рис. 236. 8*).

Фрагмент удил, железные фрагменты грызла с петелькой для крепления кольца. Длина 5,8 см, диаметр стержня 1,1 см, диаметр петельки 1,8 см (*рис. 236. 7*).

Погребение 4 (*рис. 235. III*) зафиксировано рядом с погребением 3. Могильная яма овальной формы размерами 0,8 × 0,5 м, ориентирована по линии С–Ю, вещевой инвентарь отсутствует.

В насыпи также обнаружен *фрагмент небольшого сосуда-банки*, орнаментирован по верхней части (плечо, шейка, венчик) гребенчатыми зигзагами (однорядный – по плечу, трехрядный – по верху шейки) и резной косой решеткой, ограниченной сверху и снизу двойными резными горизонталями (*рис. 236. 10*).

Курган 34

Курган 34 (*рис. 237*) расположен на юго-западной окраине могильника, которая занимает северную возвышенность берегового останца. Насыпь кургана овальной формы, размерами 9 × 10 м, высотой до 0,2 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Под насыпью кургана было обнаружено четыре погребения и один жертвенник.

Погребение 1 (*рис. 238*) расположено в северной половине, за пределами курганной насыпи. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,66 × 0,65 м, глубиной 0,08–0,15 м, ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ. Стенки ямы плавно сужаются ко дну, фиксируется небольшое понижение дна в центре.

На дне могильной ямы был расчищен скелет мужчины в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища, головой на запад, лицом вверх (*рис. 238*). Кости левой лучевой и бóльшей части локтевой, а также кости кисти не сохранились, правая бедренная кость сломана посмертно чуть ниже сустава. В паховой области расчищены три коррозированных фрагмента железной пряжки и тренчика.

Погребение 2 (*рис. 239*) расположено в южной части кургана, могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ, размерами 2,62 ×1,03 м, глубиной 0,08–0,11 м.

В заполнении восточной части обнаружены фрагменты костей, железных изделий, серебряные бляшки от портупейного ремня, которые визуально идентичны бляшкам, зафиксированным в насыпи на уровне верхних горизонтов. В самом погребении обнаружена *псевдопряжка с кольцевым окончанием* (*рис. 243. 2*). Также в слое насыпи над погребением фиксировались пятна красного прокаленного гумуса и угольной крошки.

Наконечник стрелы костяной четырехгранный, удлиненно-ромбический, с остроугольным острием, пологими плечиками. Размеры 2,05 × 11,8 см (*рис. 244. 5*).

Фрагмент ножа (?) железный, плоский, коррозирован. Размеры 0,5 × 3,5 см (*рис. 244. 4*).

Накладки овальной вытянутой формы серебряные с позолотой (6 экз.), с ровным основанием и псевдоушком сверху в центре. Край загнут внутрь. Орнамент в виде рельефных волнистых линий. На обратной стороне фиксируются два шпенька, на одном либо двух расположены шайбы-фиксаторы. Размеры накладки 1,25–1,6 × 3,5–4,3 см, толщина 0,5 см. Размеры псевдоушка 0,35 × 0,5 см (*рис. 243. 4–9*).

Бляха-решма сердцевидной формы, с вытянутым V-образным носиком, сверху три сквозных отверстия, размеры 3,2 × 3,5 см. Центральная часть выпуклая, размеры 1,5 × 2 см, подтреугольной формы, имеет три отверстия (глаза, рот?). Орнамент нанесен по краю в виде двойного завитка вокруг сферических выпуклостей. На обратной стороне фиксируются пять шпеньков, три нижних обломлены у основания (*рис. 243. 1*).

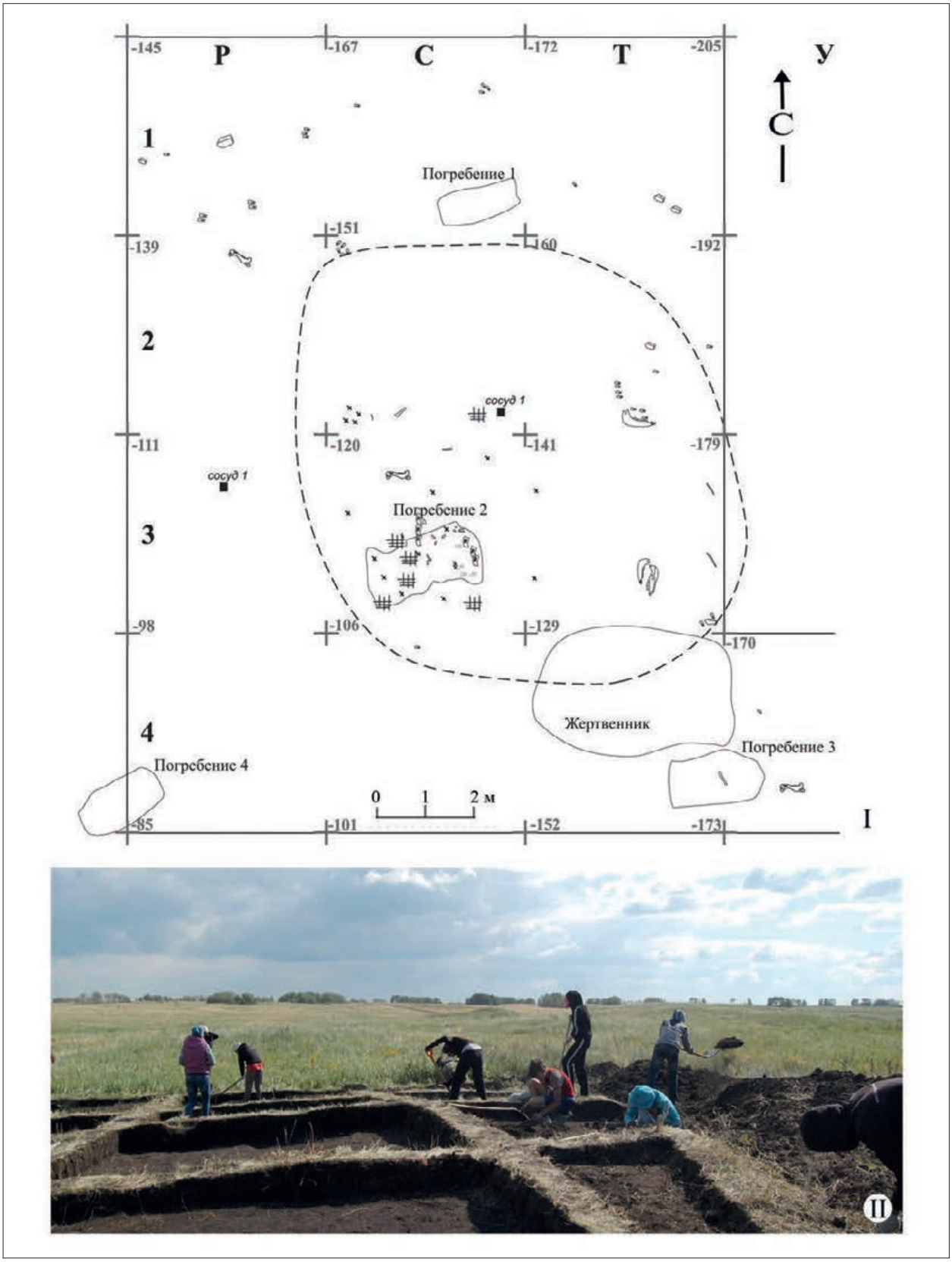

Рис. 237. Погребальный комплекс Уелги. Курган 34. I: общий план; II: начало археологических исследований, вид с севера

237. kép. Az ujelgi temető. 34. kurgán. I: általános felszínrajz; II: a régészeti kutatás kezdete, nézet északi irányból

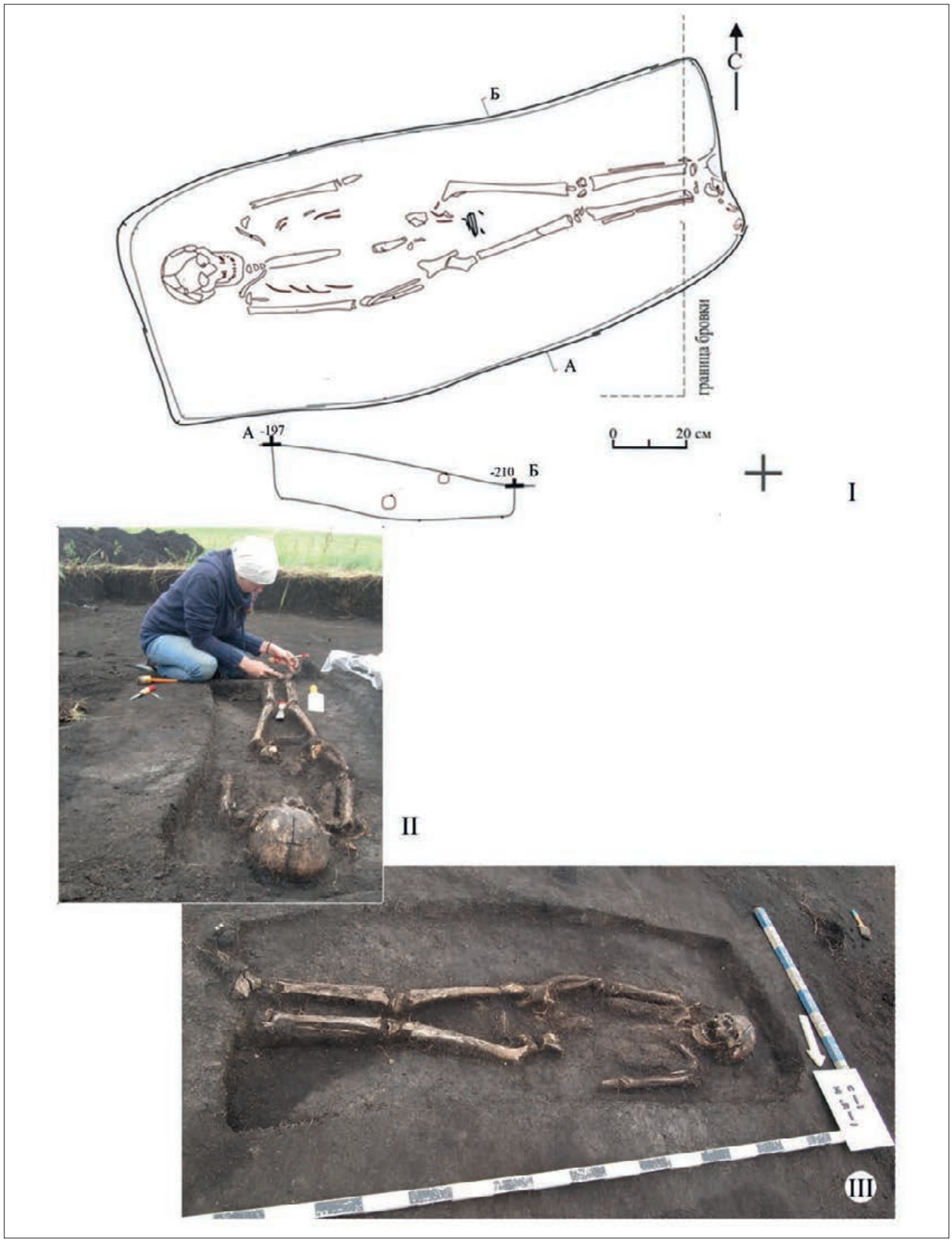

Рис. 238. Погребальный комплекс Уелги. Курган 34. Погребение 1. I: общий план и разрез; II: расчистка скелета погребенного, вид с востока; III: зачистка на уровне дна ямы, вид с севера
238. kép. Az ujelgi temető. 34. kurgán, 1. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: eltemetett vázának kibontása, nézet keleti irányból; III: a sírgödör aljának kibontása, nézet északi irányból

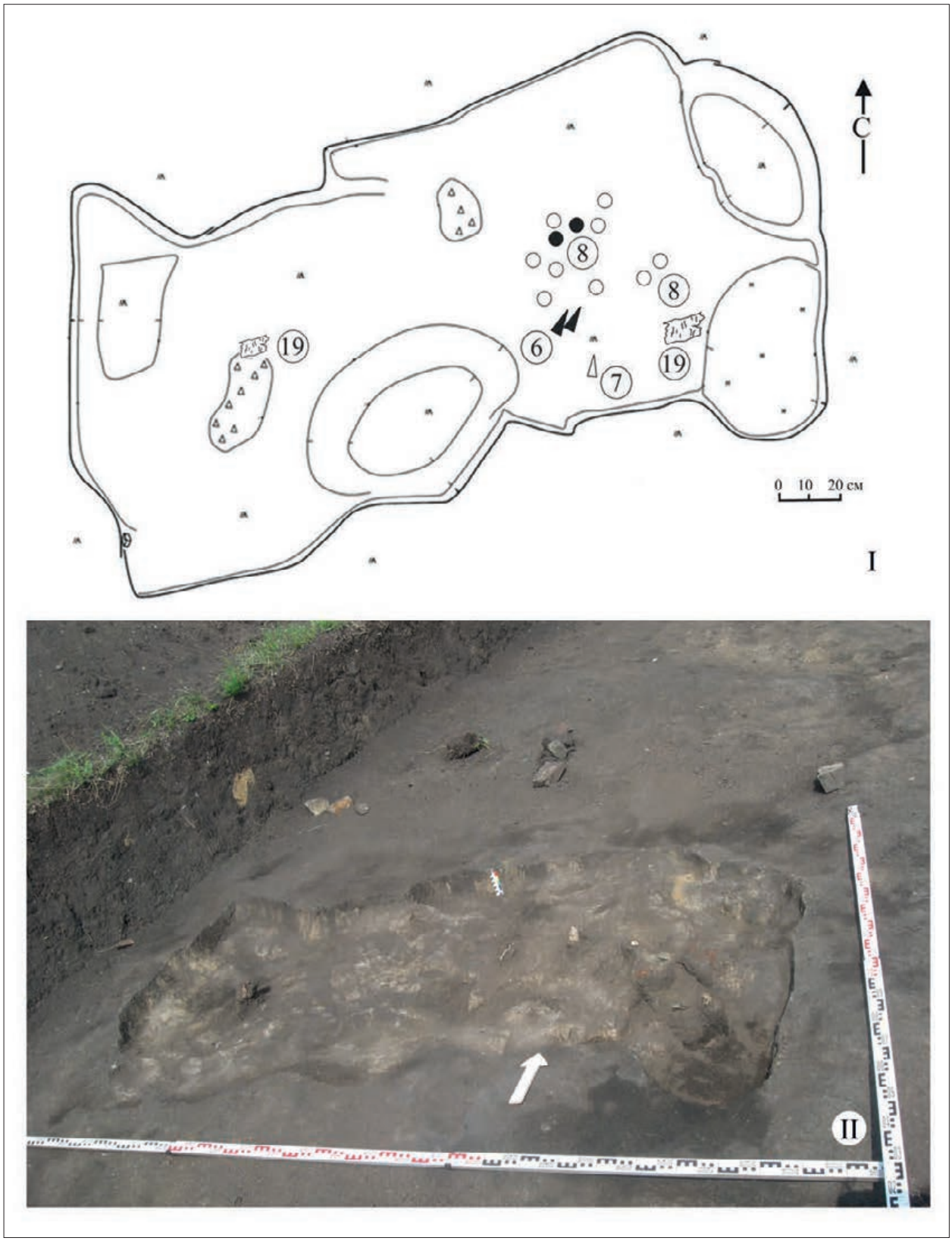

Рис. 239. Погребальный комплекс Уелги. Курган 34. Погребение 2. I: общий план; II: зачистка на уровне дна ямы, вид с юго-юго-востока

239. kép. Az ujelgi temető. 34. kurgán, 2. sír. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet dél-délkeleti irányból

Рис. 240. Погребальный комплекс Уелги. Курган 34. Погребение 3. I: общий план и разрез; II: зачистка на уровне дна ямы, вид с юга

240. kép. Az ujelgi temető. 34. kurgán, 3. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet délkeleti irányból

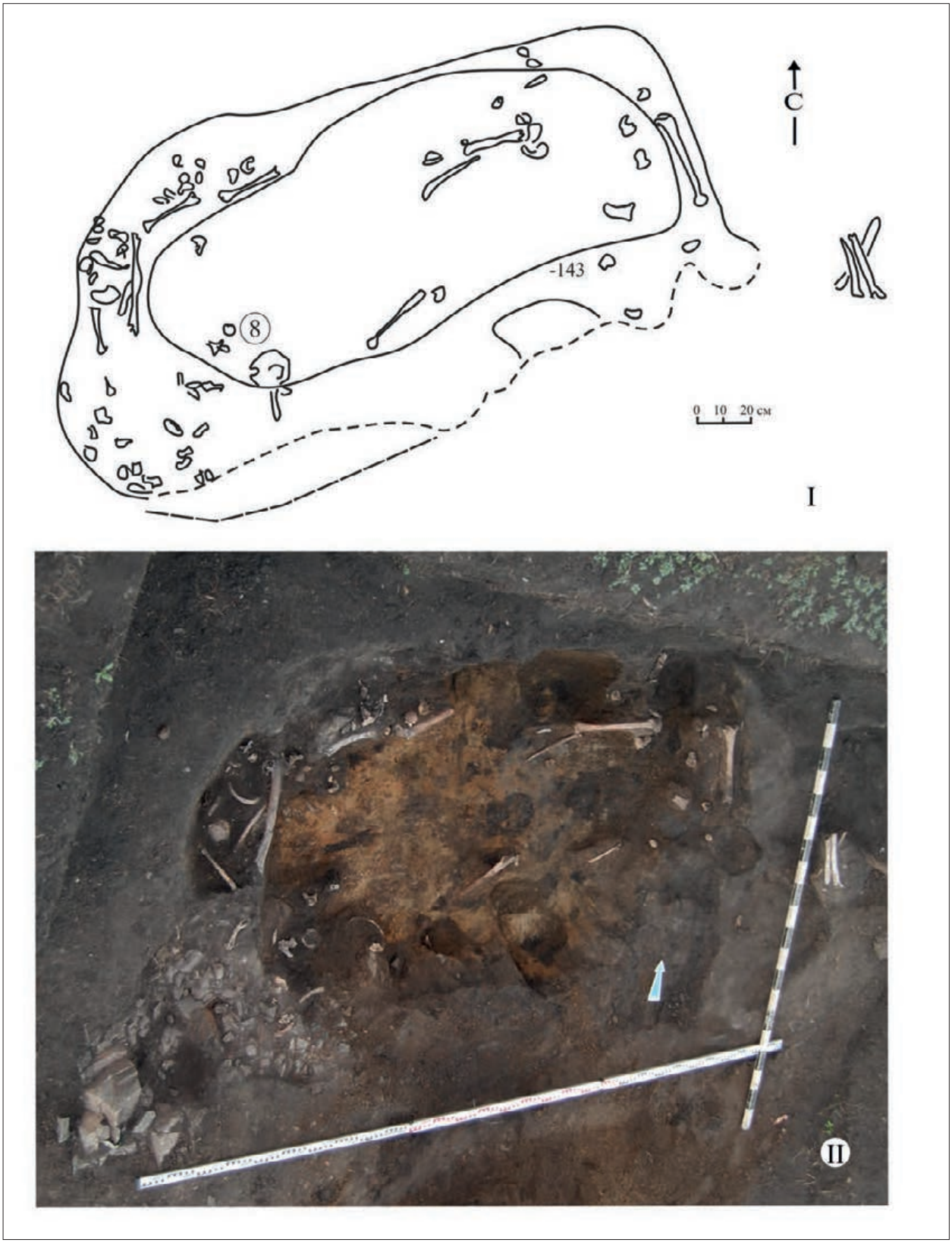

Рис. 241. Погребальный комплекс Уелги. Курган 34. Погребение 4. I: общий план и разрез; II: зачистка на уровне дна ямы, вид с юго-запада

241. kép. Az ujelgi temető. 34. kurgán, 4. sír. I: általános felszínrajz és szelvény; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet délnyugati irányból

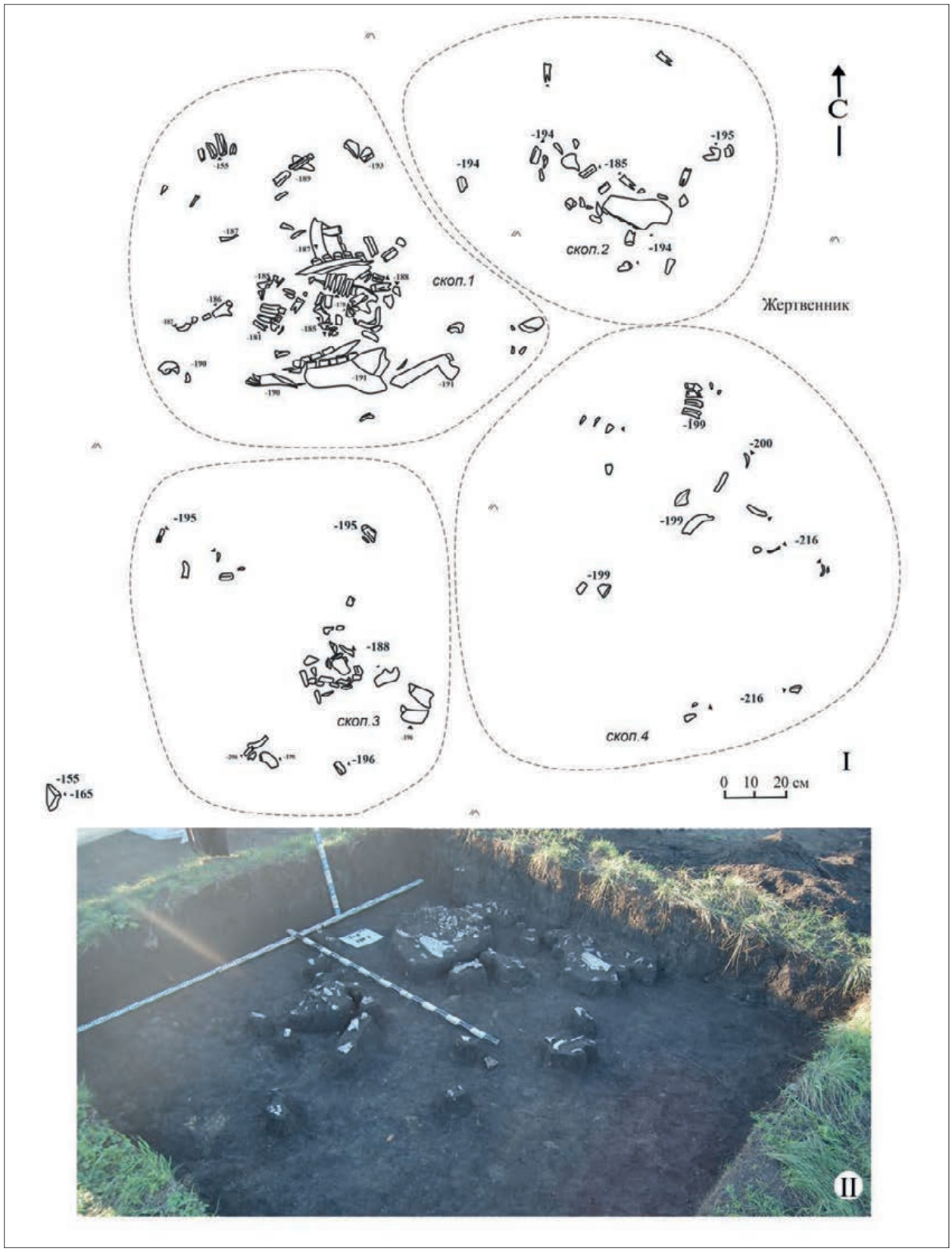

Рис. 242. Погребальный комплекс Уелги. Курган 34, участок Т/4, «Жертвенник». I: общий план; II: зачистка на уровне дневной поверхности, вид с юго-востока

242. kép. Az ujelgi temető. 34. kurgán, T/4 szelvény, „áldozati leletegyüttes”. I: általános felszínrajz; II: az egykori járószint kibontása, nézet délkeleti irányból

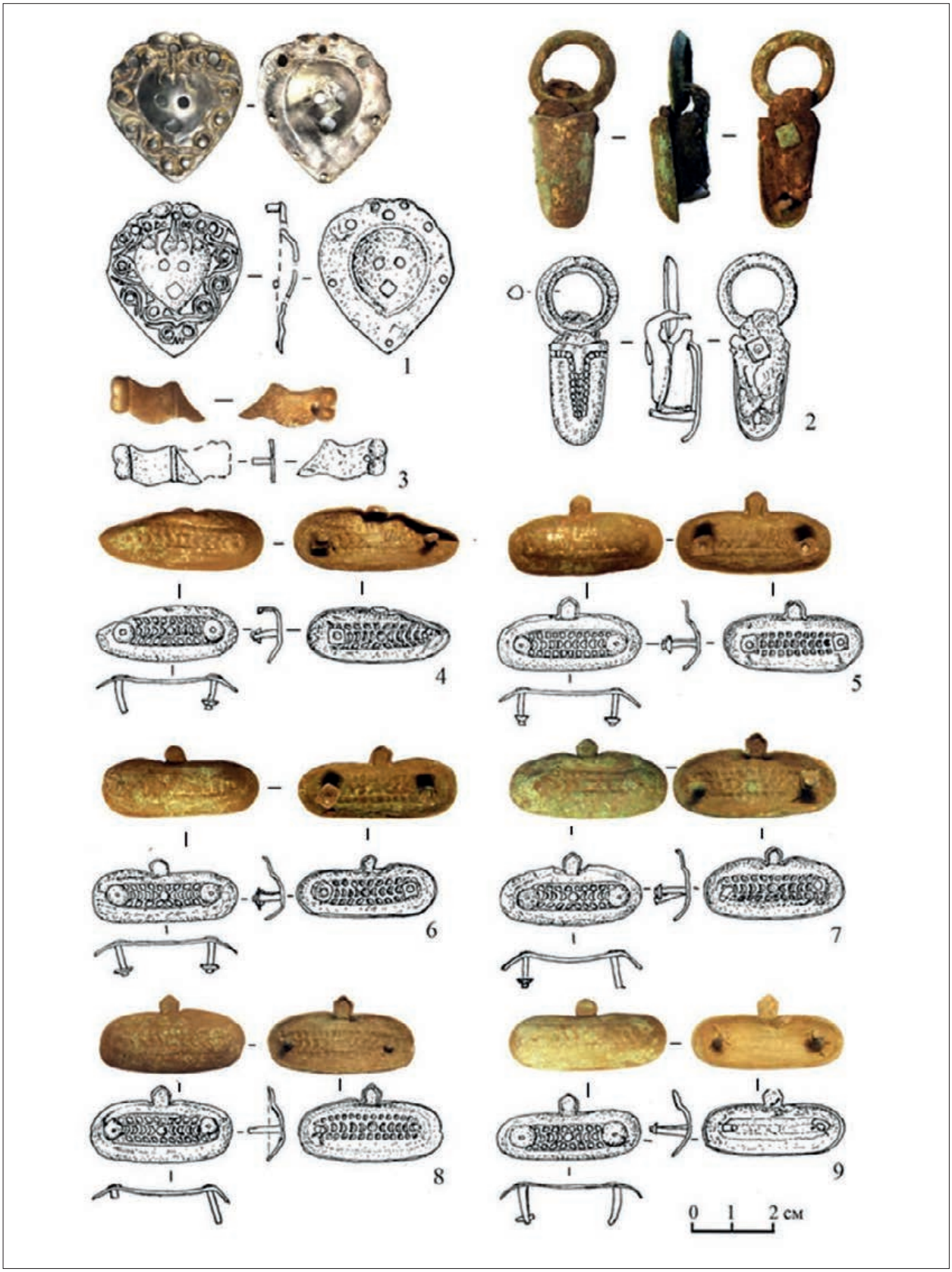

Рис. 243. Погребальный комплекс Уелги. Курган 34. Вещевой инвентарь. 1–9: погребение 2, подкурганная площадка, насыпь. Серебро, позолота

243. kép. Az ujelgi temető. 34. kurgán. Mellékletek. 1–9: 2. sír, kurgán alatti tér, feltöltés. Ezüst, aranyozás

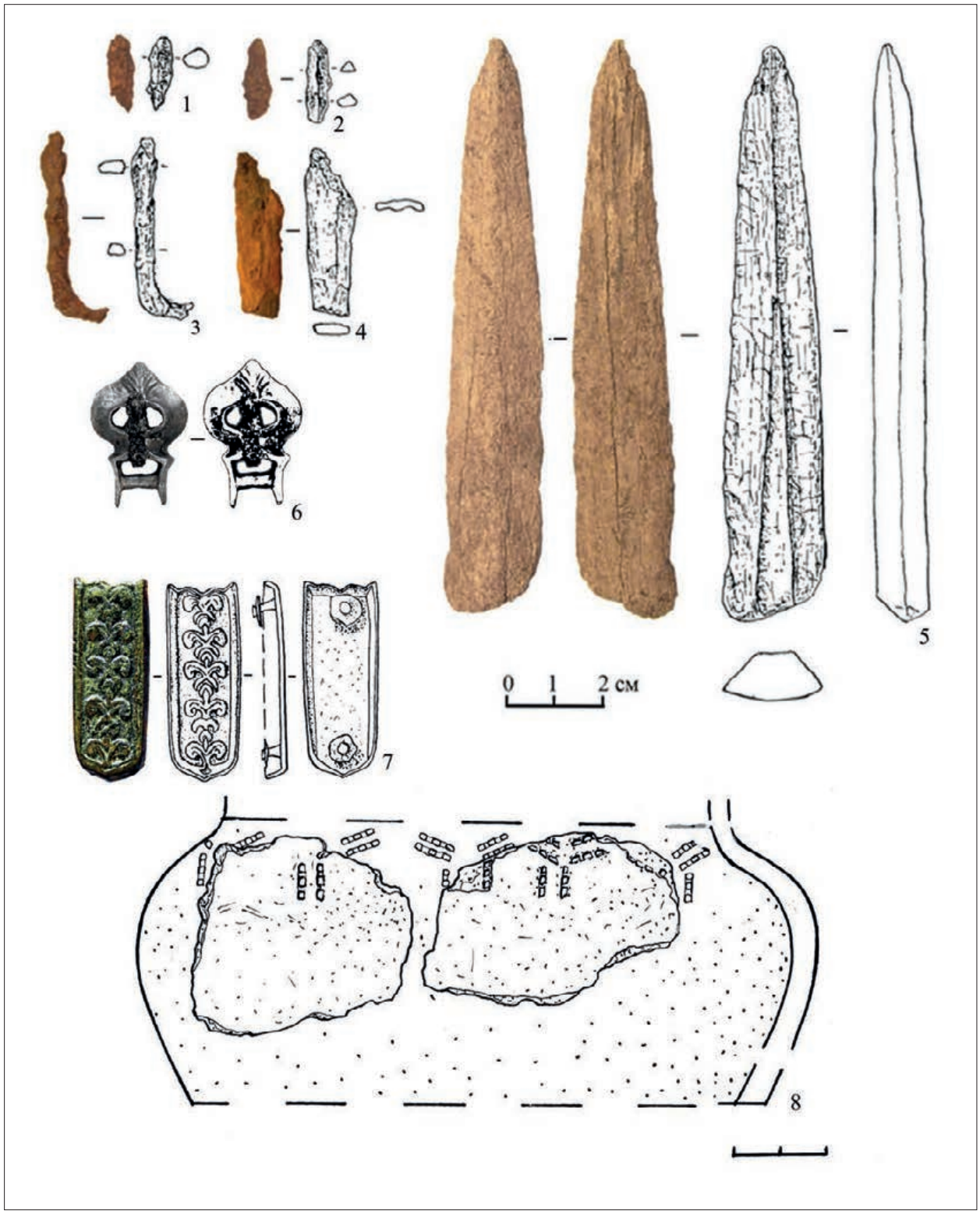

Рис. 244. Погребальный комплекс Уелги. Курган 34. Вещевой инвентарь. 1–3: погребение 1; 4–5, 8: погребение 2, подкурганная площадка, насыпь; 6–7: погребение 3. 1–4: железо; 5: кость; 6: бронза; 7: серебро; 8: керамика

244. kép. Az ujelgi temető. 34. kurgán. Mellékletek. 1–3: 1. sír; 4–5, 8: 2. sír, kurgán alatti tér, feltöltés; 6–7: 3. sír. 1–4: vas; 5: csont; 6: bronz; 7: ezüst; 8: kerámia

Обломок накладки билунницевидной серебряной с двумя сферическими отростками (*рис. 243. 3*).

Керамика. В насыпи над погребением обнаружены два фрагмента керамики, которые позволяют реконструировать небольшой сосуд со слегка раздутым туловом, имеющим четко оформленное плечо и прямую шейку. Орнаментирован по плечу двойным гребенчатым штампом, образующим горизонтальный зигзаг и отходящие вертикальные двойные линии от углов зигзага (*рис. 244. 8*).

Погребение 3 (*рис. 240. I, II*) располагалось юго-восточнее южного края насыпи кургана и жертвенника, имело подовальную форму, размеры 1,2 × 2,5 м. Ориентировано по линии З–В. От погребенного сохранилась верхняя часть скелета (череп, часть таза, плечевые, реберные и правая малая берцовая кости). Судя по ним, погребенный был уложен головой на запад.

Из вещей у левого локтевого сгиба найдена *массивная литая концевая накладка* с растительным многорядным вертикальным орнаментом (*рис. 244. 7*), севернее левой ноги найдена *бронзовая подпружная* пряжка размерами 3,0 × 4,4 см (*рис. 244. 6*).

Погребение 4 (*рис. 241. I, II*) расположено в четырех метрах к юго-западу от края насыпи кургана, имело неправильную овальную форму. Верхние очертания на уровне материка (–143) просматриваются частично, так как потревожены норами, размеры 0,8 × 2,6 м. Яма ориентирована длинными стенками ЗЮЗ–ВСВ. Погребение разграблено и разрушено. В юго-западном углу обнаружены обломки черепа, здесь же, у западной стенки, зафиксированы две плечевые кости. Вероятно, умерший лежал головой на запад.

«Жертвенник» (*рис. 242. I, II*) располагался в юго-восточном секторе подкурганной площадки на уровне дневной поверхности. Расположение костей зафиксировано в очертаниях овальной формы диаметрами 2,3 × 4 м. Жертвенник представлен костями черепов лошади (5 особей).

Курган 35

Курган 35 (*рис. 245*) располагается на северо–северо-западном краю некрополя, на склоне возвышенности останца. Насыпь имеет общий уклон к северу и западу, округлой формы, диаметром 15 м, высотой до 20–24 см. При снятии насыпи на краю северного и восточного секторов кургана был зафиксирован выход каменной породы. В квадратах И–К/2’–1’ были обнаружены шесть железных наконечников стрел, бронзовый сарматский наконечник, кремневая пластинка, бронзовая пряжка, серебряная птицевидная накладка, серебряная с позолотой сердцевидная полиметаллическая наладка, фрагменты железного дрота, бронзовой жестяной пластины и керамики. В бровке в восточной половине найдена серебряная с позолотой накладка с растительным орнаментом. Позднее выявлено, что эта накладка найдена в непосредственной близости от западного края погребения 2, в котором найдены еще две аналогичные накладки. Также был обнаружен развал сосуда, установленный на погребенном горизонте (–30).

На северо-западном краю участка Л/2’ расчищен жертвенник, состоящий из нескольких десятков зубов лошади.

На участке И/3’ на уровне материка зафиксированы очертания поисковой грабительской ямы округлой формы диаметром до 1 м, слабо заглубленной в материк. Зачистка площадки кургана выявила очертания двух погребений 1, 2.

Структура насыпи однородная, на профиле хорошо просматривается по краям насыпи уровень погребенного гумуса, который располагался на 25–30 см выше материкового горизонта (*рис. 245. III*).

Погребение 1 (*рис. 246. I, II*) располагалось в северо-восточном секторе кургана на уровне материка (–90) в могильной яме неправильной формы. При зачистке на первом горизонте в юго-западном секторе был зафиксирован развал керамического сосуда, в северо-восточном секторе ямы обнаружены кости лошади (челюсть и зубы) и череп человека. При последующей расчистке были расчищены слабые очертания погребения вытянуто-овальной формы, размерами 0,5 × 1,65 м, ориентированные по линии З–В. Скелет человека уцелел частично, были зафиксированы череп, шейный отдел, позвоночник и кости ног погребенного, уложенного головой

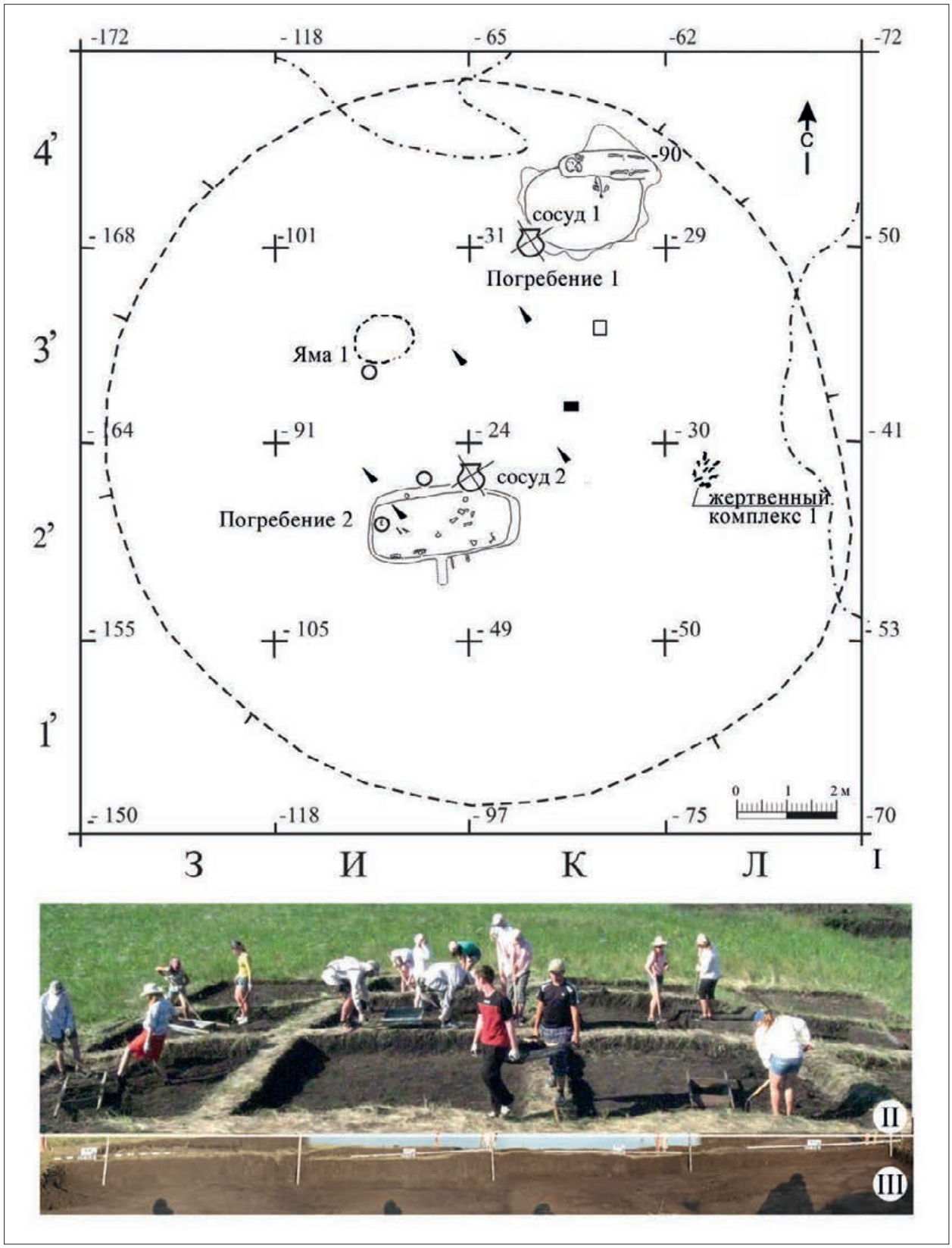

Рис. 245. Погребальный комплекс Уелги. Курган 35. I: общий план; II: начало археологических исследований; III: профиль насыпи, восточный разрез участков К/4'–1'

245. kép. Az ujelgi temető. 35. kurgán. I: általános felszínrajz; II: a régészeti kutatás kezdete III: a feltöltés profilképe, a К/4'–1' szelvények keleti része

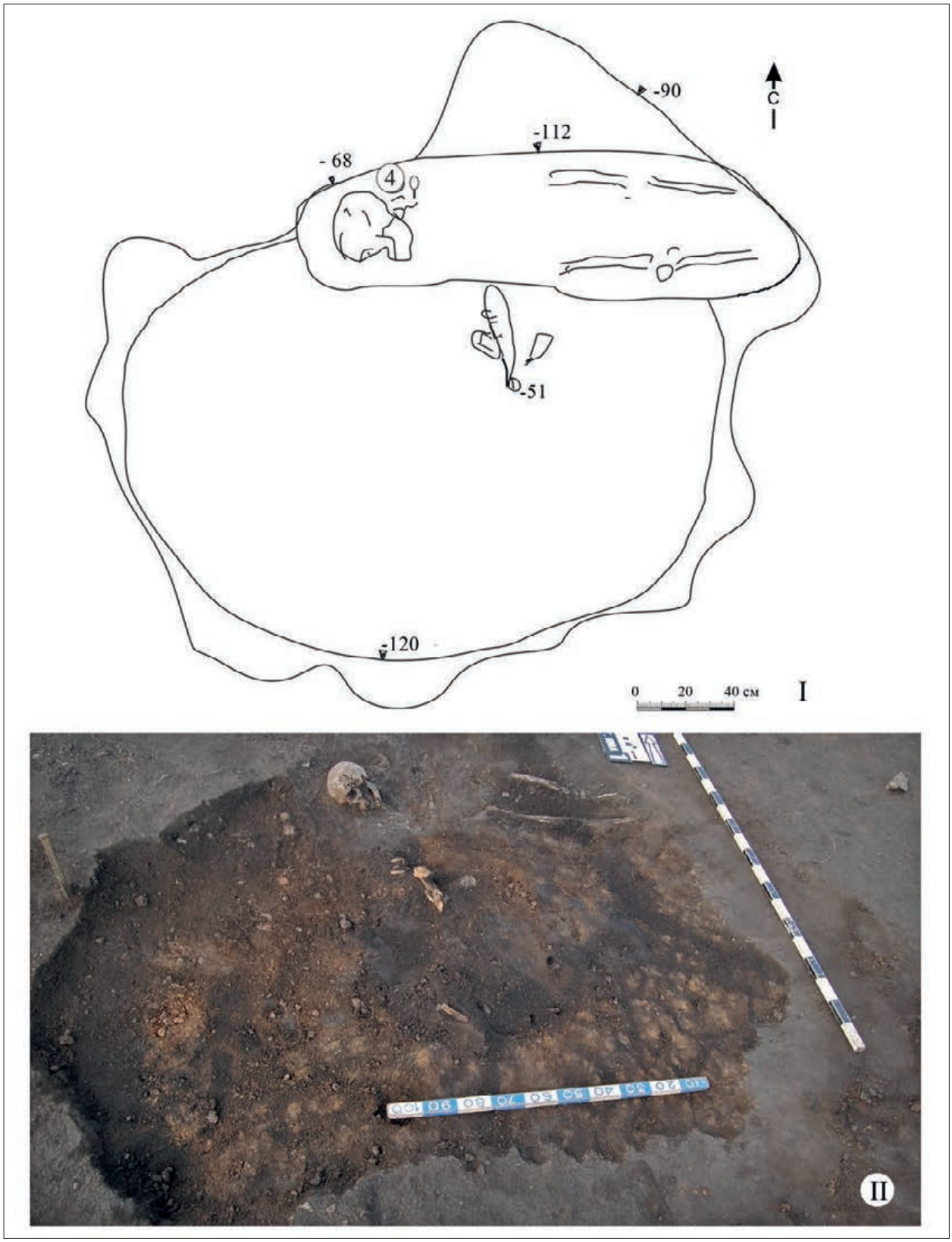

Рис. 246. Погребальный комплекс Уелги. Курган 35. Погребение 1. I: общий план; II: зачистка на уровне дна ямы, вид с юга

246. kép. Az ujelgi temető. 35. kurgán, 1. sír. I: általános felszínrajz; II a sírgödör aljának kibontása, nézet déli irányból

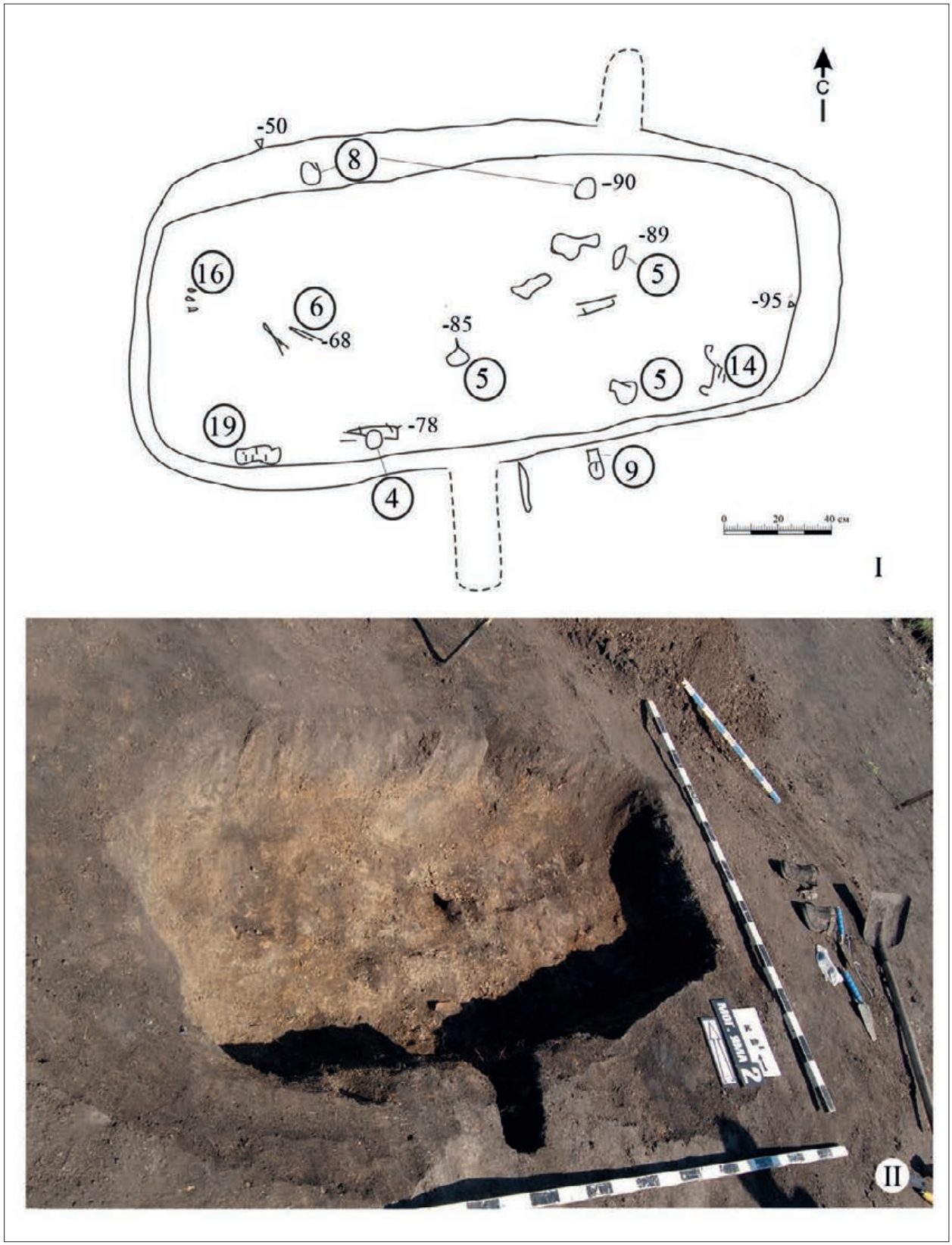

Рис. 247. Погребальный комплекс Уелги. Курган 35. Погребение 2. I: общий план; II: зачистка на уровне дна ямы, вид с юго-запада

247. kép. Az ujelgi temető. 35. kurgán, 2. sír. I: általános felszínrajz; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet délnyugati irányból

Рис. 248. Погребальный комплекс Уелги. Курган 35. Вещевой инвентарь. 1–6: насыпь; 7: погребение 2; 8: подкурганная площадка, насыпь, погребение 1. 1–7: железо; 8: керамика
248. kép. Az ujelgi temető. 35. kurgán. Mellékletek. 1–6: feltöltés; 7: 2. sír; 8: kurgán alatti tér, feltöltés, 1. sír. 1–7: vas; 8: kerámia

на запад. Возле черепа найдены две кольцевых серьги.

Серьги круглые серебряные, диаметр 2,75 см, изготовлены из дрота, раскованного в верхней части. Диаметр внизу 0,3 см, вверху 0,2 см (*рис. 250. 5, 6*).

Развал керамического сосуда 1, чашевидной формы, толстостенный с обилием в тесте талька и слюды. Диаметр верхней части 22 см, высота сосуда 8 см (*рис. 248. 8*).

Погребение 2 (*рис. 247. I, II*) располагалось в центре подкурганной площадки (участок И–К/2'). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 1,25 × 2,85 м, глубиной 0,5 м от уровня материка, ориентирована по линии З–В. Вещевой инвентарь был собран из заполнения ямы. У основания северной стенки были обнаружены две серебряные с позолотой накладки с растительным орнаментом, в западной половине найдены серебряное кольцо, два железных наконечника и железная петля.

У западной поперечной стенки найдены человеческие зубы, что позволяет предположить западную ориентировку погребенного. У южной стенки ямы обнаружена железная пряжка. В восточной части найдены серебряный тройник-распределитель, фрагменты железного перекрестья сабли, фрагмент железных удил. В юго-западном углу ямы у стенки обнаружена береста.

Пряжка железная с сегментовидной рамкой и с цельным подпрямоугольным щитком с округлым краем. Размеры 3,5 × 5,2 см (*рис. 248. 7*).

Фрагменты железных удил (3 экз.). Размеры соответственно 10,2 × 2,4 см, 3 × 4,6 см, 1,2 × 2 см (*рис. 249. 2, 3, 7*).

Фрагменты перекрестья сабли (3 экз.). Самый крупный размерами 2,1 × 7,8 см, имеет изгиб от центра к округлому окончанию (*рис. 249. 4–6*).

Кольцо серебряное, изготовлено из расплющенного дрота. Диаметр 2,9 см (*рис. 250. 4*).

Накладки фигурные серебряные с позолотой (3 экз.) с псевдоушком внизу, с тремя крепежными шпеньками. Изображение цветка смоквы оконтурено бордюром из сферических и овальных цепочек. Орнаментация накладок отличается особой тщательностью и тонкой проработкой деталей – краев стеблей, завитков лепестков, которые нанесены тонкой резьбой. Размеры 2,4 × 2,8 см (*рис. 250. 7–9*).

Тройник распределительного ремня серебряный с позолотой, округлой формы. Диаметр внешний 3,2 см. Внутри имеет сферический центр диаметром 1,7 см, с трех сторон он смыкается с внешним кольцом, образуя сегментовидные отверстия для распределительного ремня, размеры 0,4 × 1,4 см. В месте стыковок внутреннего умбона и внешнего кольца просматриваются сердцевидные изображения. Сохранилась часть одного из ремней, на конце которого также располагается сердцевидная накладка (1,5 × 1,7 см) (*рис. 250. 11*).

Керамический сосуд 2, круглодонный с округлым туловом, слегка отогнутым венчиком и наклоненной внутрь шейкой. Орнамент представлен в виде четырех ярусов, близких к волнообразной форме, выполненных крупногребенчатым штампом. По венчику также наблюдаются вдавления этого штампа (*рис. 250. 12*).

Описание вещевого инвентаря с подкурганной площадки и из насыпи

Наконечники стрел железные, трехлопастные, бронебойные (6 экз.). Размеры 1,2–1,5 × 6,5–11,3 см (*рис. 248. 1–6*).

Пряжка цельнолитая бронзовая, подпрямоугольной формы с железным язычком, край срезан углом. Размеры 1,1 × 2,1 см. Рамка овальной формы размерами 1,3 × 1,9 см (*рис. 250. 3*).

Накладка птицевидная серебряная. Имеет небольшую стилизованную головку в центре. Размеры 0,9 × 2 см (*рис. 250. 2*).

Обломок железного дрота. Длина 5,4 см, диаметр 0,9 см (*рис. 249. 8*).

Обломок железного ножа. Размеры 2,5 × 2 см (*рис. 249. 1*).

Накладка сердцевидная серебряная, имеет круглое углубление по центру. Размеры 1,3 ×1,3 (*рис. 250. 1*).

Фрагмент серебряной пластины. Размеры 2,5 × 4 см (*рис. 250. 10*).

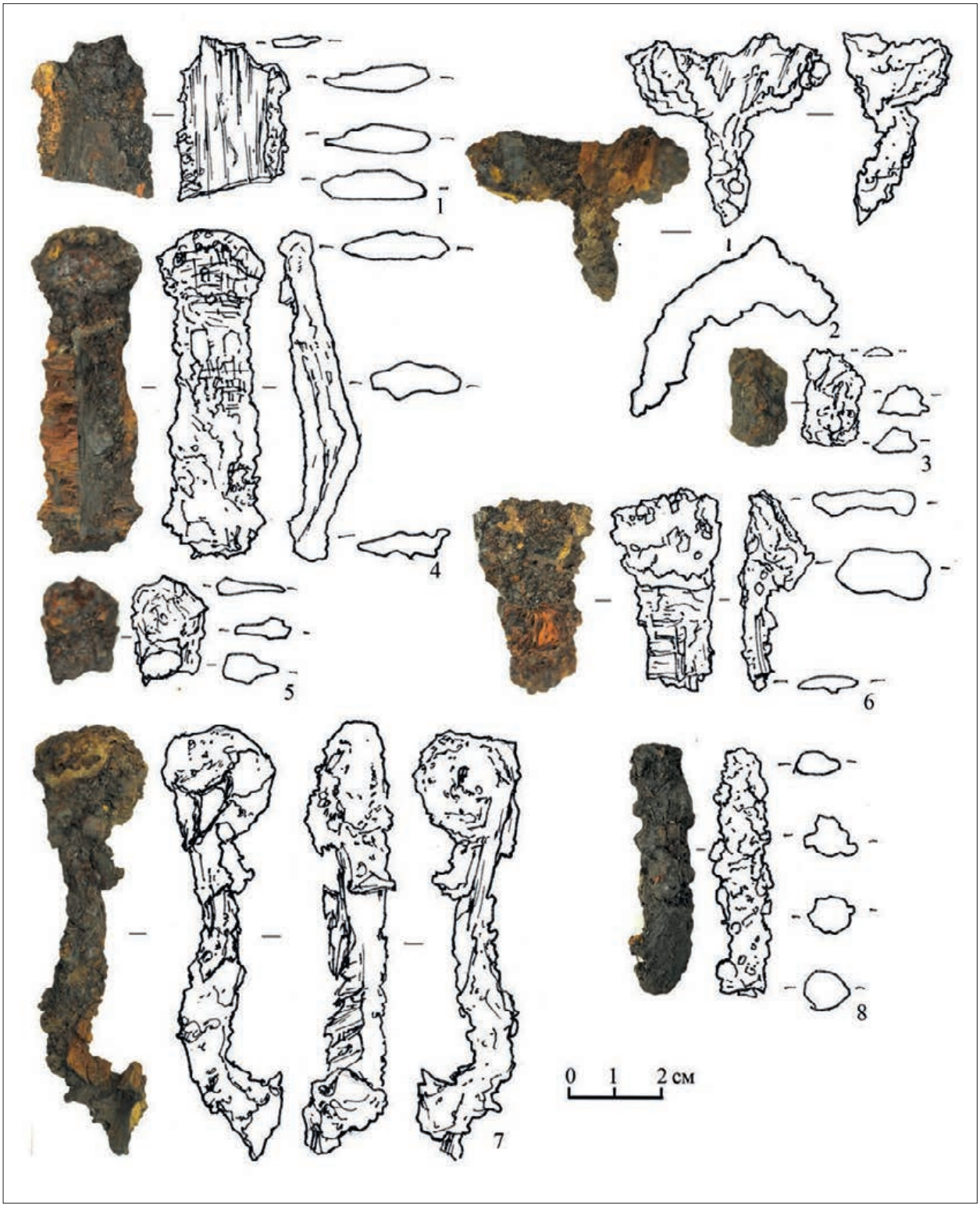

Рис. 249. Погребальный комплекс Уелги. Курган 35. Вещевой инвентарь. 1, 4–6, 8: насыпь над погребением 2; 2–3, 7: погребение 2. Железо

249. kép. Az ujelgi temető. 35. kurgán. Mellékletek. 1, 4–6, 8: feltöltés a 2. sír felett; 2–3, 7: 2. sír. Vas

Рис. 250. Погребальный комплекс Уелги. Курган 35. Вещевой инвентарь. 1–3, 10: подкурганная площадка, насыпь, погребение 2; 4, 7–9, 11–12: погребение 2; 5–6: погребение 1. 1–2, 4–6, 10: серебро; 3: серебро, железо; 7–9, 11: серебро, позолота; 12: керамика

250. kép. Az ujelgi temető. 35. kurgán. Mellékletek. 1–3, 10: kurgán alatti tér, feltöltés, 2. sír; 4, 7–9, 11–12: 2. sír; 5–6: 1. sír. 1–2, 4–6, 10: ezüst; 3: ezüst, vas; 7–9, 11: ezüst, aranyozás; 12: kerámia

Курган 36

Курган 36 (*рис. 251*) располагается на северо-восточной окраине основной территории могильника. Площадка его занимает пологий восточный траверс (его среднюю часть) самой большой возвышенности отрога, расположенного на территории погребального комплекса. Насыпь кургана занимает участки Т–Ц/11–14, имеет неправильно-овальную форму, размерами 9 × 17,5 м, вытянутую по линии СЗ–ЮВ.

Археологические исследования насыпи позволили зафиксировать в юго-восточной части, в профилях линии Ф, Х, Ц, двойную стратиграфию. Насыпь кургана 36 перекрывалась характерным заполнением насыпи кургана 37, которая подобно насыпям курганов 1 и 2 была сложена из прокаленного гумуса со следами очаговых прокалов и угля.

На двух участках (У/14 и Ф/13) на древней поверхности были обнаружены два жертвенника.

Жертвенник 1 (*рис. 252. I, II*) расположен на участках У–Ф/14, сооружен на уровне дневной поверхности (–174)–(–182). Состоит из четырех черепов лошади, три из которых расположены компактно в восточной части от центра квадрата У/14. Черепа без нижних челюстей сложены по направлению ЮЗ–СВ.

Жертвенник 2 (*рис. 252. III*) расположен в центральной части подкурганной площадки участок Ф/13 на уровне дневной поверхности (–158). Состоит из зубов и нижней челюсти лошади.

Погребение 1 (*рис. 251. I*) располагалось на участке У/13–14. Вероятно, было сооружено на уровне материка в гумусном слое дневной поверхности. Яма вытянутой овальной формы размерами 0,5 × 1,65 м, ориентирована по линии С–Ю. Погребение разграблено, у юго-западного края обнаружены бедренная и фрагмент берцовой кости человека. В 0,5 м к юго-востоку расчищен развал сосуда 3, возможно относится к жертвеннику 1.

Погребение 2 (*рис. 253. I*) расположено в центральной части подкурганной площадки участка У/12. Очертания ямы неправильной подпрямоугольной формы размерами 0,6–0,75 × 1,7 м, ориентированной длинными сторонами З–В. При расчистке на уровне дна (–175) были обнаружены фрагменты черепа (в западной части) и трубчатых костей человека.

Погребение 3 (*рис. 253. II*) расположено в юго-восточной части подкурганной площадки. Очертания ямы неправильной подпрямоугольной формы, размерами 0,3–0,7 × 1,9 м, ориентированы длинными сторонами З–В. При расчистке на уровне дна (–205)–(–210) в восточной части ямы обнаружены бедренная и берцовые кости, а в западной половине зафиксированы фрагменты черепа и зубов человека. Вероятнее всего ориентировка погребенного была З–В. В центре восточной части ямы обнаружена серебряная крестовидная подвеска.

Погребение 4 (*рис. 254. I*) располагалось на юго-восточном краю подкурганной площадки. Очертания ямы подпрямоугольной формы размерами 0,65–1 × 1,4 м, ориентированы длинными сторонами З–В. При расчистке у южного края ямы (участок Ц/14) были расчищены кости ног, таза и черепа человека. В придонной части заполнения также были обнаружены фрагменты костей скелета человека.

Погребение 5 (*рис. 254. II, III*) обнаружено на южном краю подкурганной площадки. Стратиграфические наблюдения позволили установить, что его также перекрывала насыпь кургана 37, примыкающего к кургану 36 с юга. Очертания могильной ямы подпрямоугольной формы со скругленными углами размерами 0,5 × 1,9 м, ориентированные длинными стенками З–В. В могильной яме обнаружены кости ног погребенного – от коленей до стопы. Судя по их расположению, погребенный был уложен головой на запад.

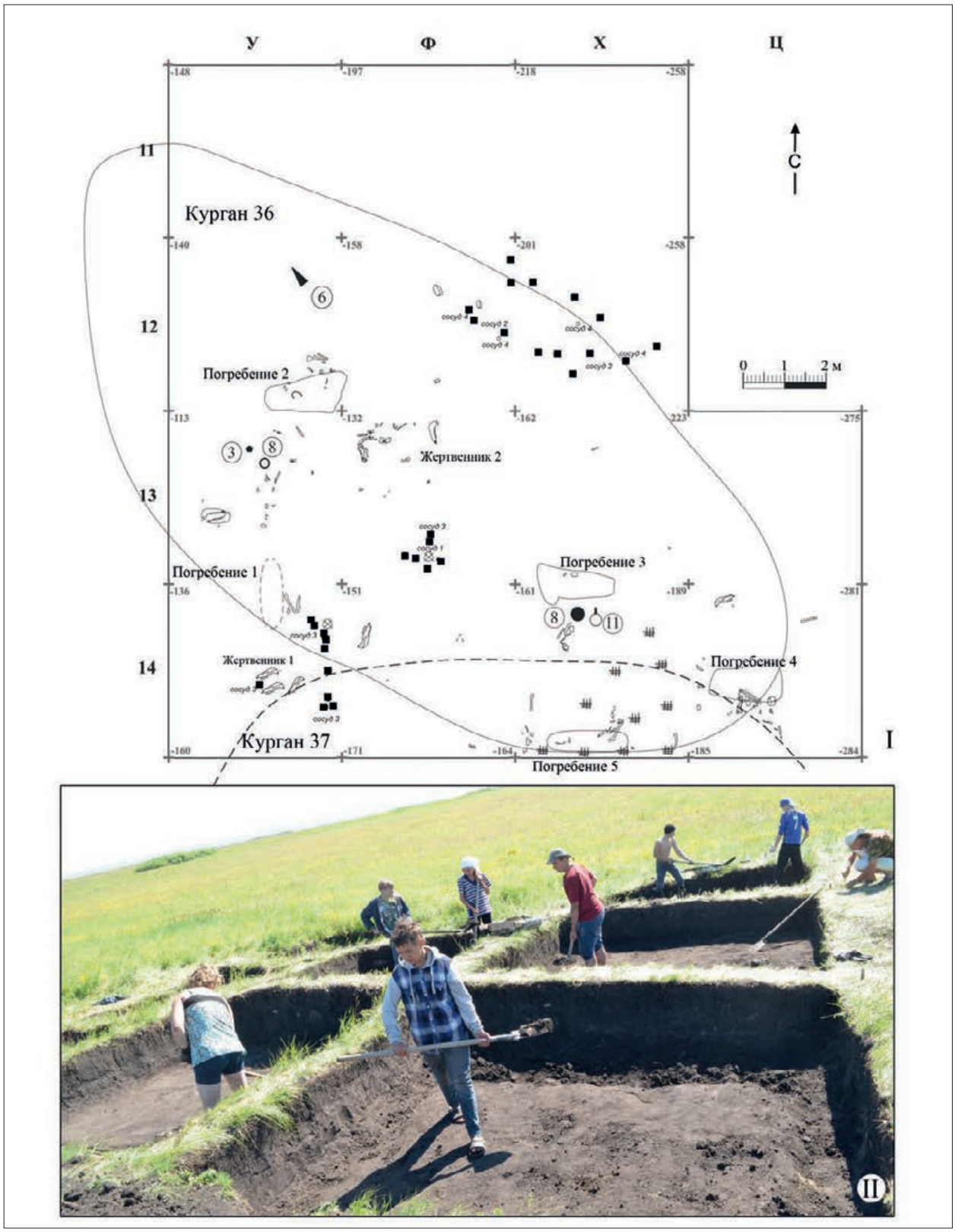

Рис. 251. Погребальный комплекс Уелги. Курган 36. I: общий план; II: начало археологических исследований, вид с западо-юго-запада

251. kép. Az ujelgi temető. 36. kurgán. I: általános felszínrajz; II: a régészeti kutatás kezdete, nézet nyugat-délnyugati irányból

Рис. 252. Погребальный комплекс Уелги. Курган 36. I: жертвенник 1, общий план; II: жертвенник 1 после расчистки, вид с юга; III: жертвенник 2, вид с юго-запада

252. kép. Az ujelgi temető. 36. kurgán. I: 1. áldozati objektum, általános felszínrajz; II: 1. áldozati objektum kibontás után, nézet déli irányból; III: 2. áldozati objektum, nézet délnyugati irányból

Рис. 253. Погребальный комплекс Уелги. Курган 36. I: погребение 2, зачистка на уровне материка, вид с юга; II: погребение 3, зачистка на уровне материка, вид с севера

253. kép. Az ujelgi temető. 36. kurgán. I: 2. sír, a sírgödör aljának kibontása, nézet déli irányból; II: 3. sír, azaltalaj szintjének kibontása, nézet északi irányból

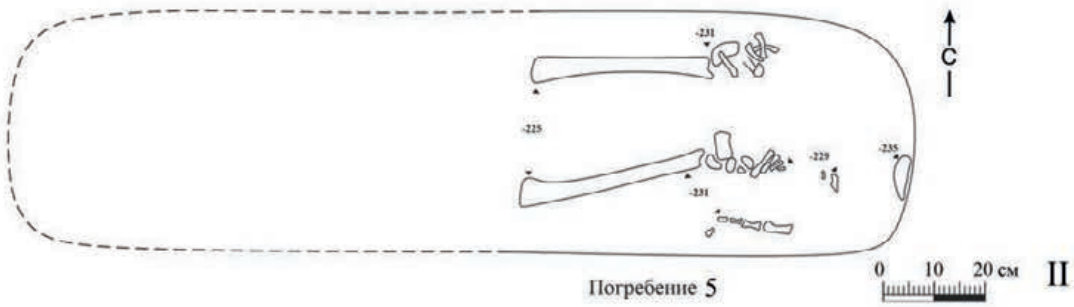

Рис. 254. Погребальный комплекс Уелги. Курган 36. I: погребение 4, зачистка на уровне дна ямы, вид с юга; II: погребение 5, общий план; III: погребение 5, зачистка на уровне дна ямы, вид с юга
254. kép. Az ujelgi temető. 36. kurgán. I: 4. sír, a sírgödör aljának kibontása, nézet déli irányból; II: 5. sír, általános felszínrajz; III: 5. sír, a sírgödör aljának kibontása, nézet déli irányból

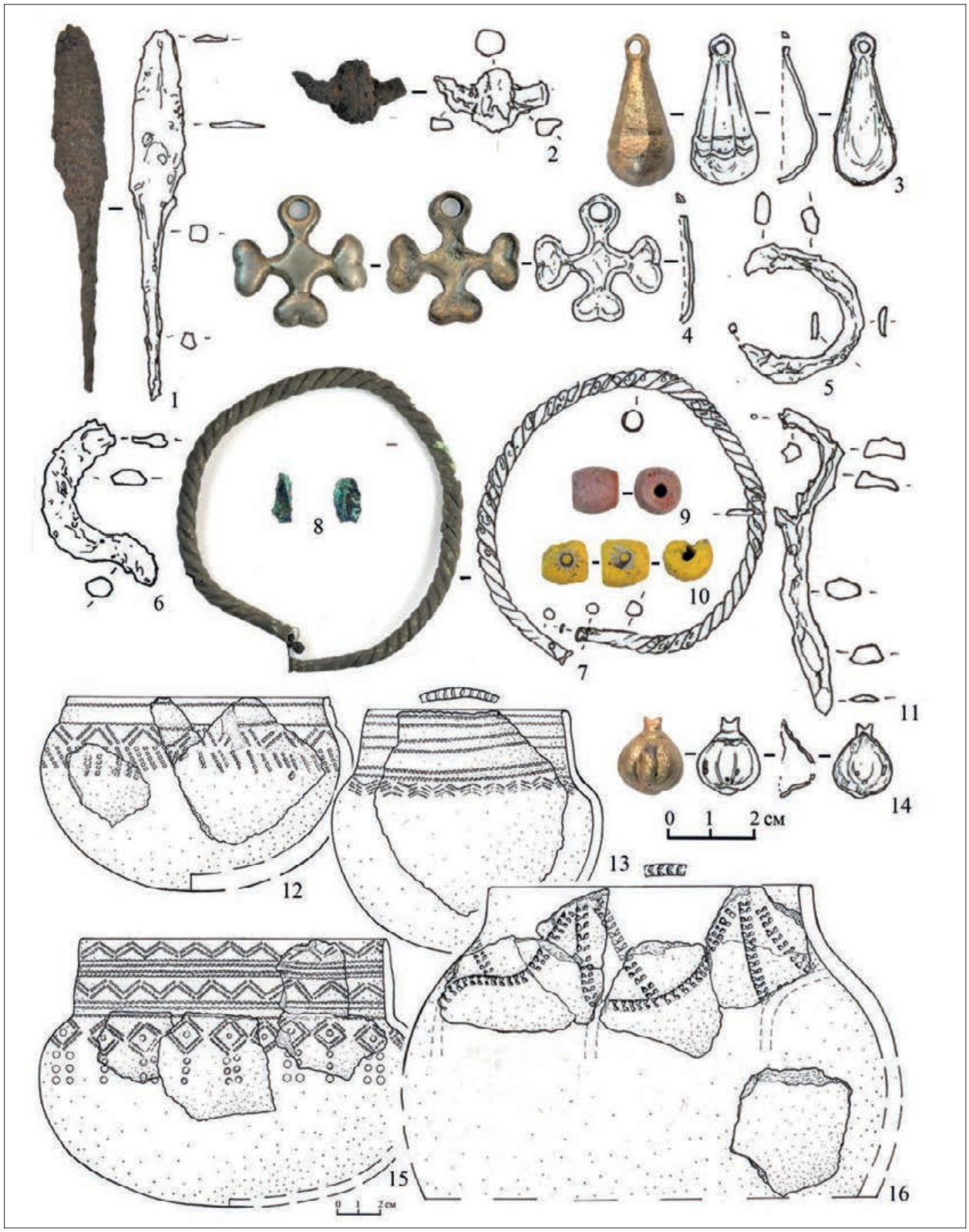

Рис. 255. Погребальный комплекс Уелги. Курган 36. Вещевой инвентарь. 1–3, 5–16: подкурганная площадка, насыпь; 4: погребение 3. 1, 2, 5–6, 11: железо; 3, 14: бронза; 4, 7–8: серебро; 9, 10: стекло; 12–13, 15–16: керамика.

255. kép. Az ujelgi temető. 36. kurgán. Mellékletek. 1–3, 5–16: kurgán alatti tér, feltöltés; 4: 3. sír. 1–2, 5–6, 11: vas; 3, 14: bronz; 4, 7–8: ezüst; 9–10: üveg; 12–13, 15–16: kerámia

Описание вещевого инвентаря

Наконечник стрелы железный, двухлопастной. Размеры 1,2 × 8,3 см, длина черенка 4 см (*рис. 255. 1*).

Фрагменты кольчатых удил (4 экз.), три обломка колец диаметром до 3 см и одно с обломком дужки (*рис. 255. 2, 5, 6, 11*).

Пуговицы (полустворки) бронзовые (2 экз.): одна призматической формы с оконтуренными гранями, полусферическим окончанием и ушком для подвешивания, размеры 1,6 × 3,3 см (*рис. 255. 3*); вторая сферической формы, с делением на сегменты, размеры 1,4 × 1,5 см (*рис. 255. 14*).

Подвеска крестовидная серебряная, с круглым ушком для подвешивания. Размеры 2,6 × 2,8 см (*рис. 255. 4*).

Браслет витой серебряный, размеры 6,2 × 6,8 см, изготовлен из двух свитых проволок диаметром до 0,2 см (*рис. 255. 7*).

Изделие серебряное, два фрагмента (*рис. 255. 8*).

Бусина пятигранная, призматической формы, изготовлена из светло-желтого непрозрачного стекла, имеет белый солярный узор на одной из боковых граней. Размеры 1 × 1,8 см (*рис. 255. 10*).

Бусина боченковидная бордового цвета. Размеры 1 × 1 см (*рис. 255. 9*).

Описание керамического комплекса

Коллекцию керамики представляют фрагменты четырех круглодонных горшков, с прямой наклоненной внутрь шейкой, в тесте которых большое содержание талька. Сосуд 1 имел оригинальный орнамент, выполненный граверным штампом в виде двух треугольных вдавлений. Композиция узора – плавный волнообразный зигзаг, имеющий дополнительный вертикальный узор, отходящий от вершины зигзага (*рис. 255. 16*). Сосуд 3 и сосуд 2 орнаментированы горизонтальными многорядными линиями и зигзагами гребенчатого штампа (*рис. 255. 12, 13*). Сосуд 4 в верхней части тулова декорирован ромбическим многорядным узором с круглыми вдавлениями внутри ромба и отходящими вниз двумя или одним рядом круглых вдавлений (*рис. 255. 15*).

Курган 41

Курган 41 (*рис. 256; 257*) расположен в центральной части погребального комплекса, к востоку от южной сопки, имеет вытянутую по линии СВ–ЮЗ овальную насыпь размерами 12,8 × 18,7 м, высотой до 0,3 м. В центральной части насыпи на глубине 0,18–0,2 м от поверхности обнаружен небольшой жертвенник из костей трех черепов лошади (один целый череп и две верхних челюсти). Фрагменты нижних челюстей лошади зафиксированы в северном, северо-восточном и юго-восточном секторах насыпи (*рис. 265. V–VII*). Разрозненные небольшие фрагменты челюстей лошади (или лошадей) наблюдались по всему заполнению насыпи на глубине от 0,2 до 0,3 м. В одном и четырех метрах к северо-западу от целого черепа лошади в центре насыпи на глубине 0,28–0,3 м от поверхности фиксировались линзы прокаленного слоя размерами 1 × 1 м и 2,8 × 1,3 м, а также фракции угля и деревянной плахи размерами 0,07 × 0,3 м. В трех метрах к западу от целого черепа лошади, на уровне линз прокаленного слоя фиксировалось скопление камней, вытянутое по линии С–Ю на 4,3 м (размер камней от 0,01 × 0,02 до 0,02 × 0,033 м). При снятии насыпи в различных частях кургана и подкурганной площадки были обнаружены ременная гарнитура от конской узды и поясов, подвески, пуговицы и серьги. Особая группа артефактов относится к так называемой венгерской (карпатской) группе: полиметаллические круглые накладки с изображением льва с оформленным бордюром в виде овалов и кружков (3 экз.) (*рис. 266. 18–20*). В юго-восточном секторе кургана на площади 5,5 × 5,5 м зафиксировано обильное количество пластин ламеллярного доспеха, а также семь бусин. Под насыпью было расчищено девять погребений (семь погребений в западной части кургана по линии ССВ–ЮЮЗ, одно

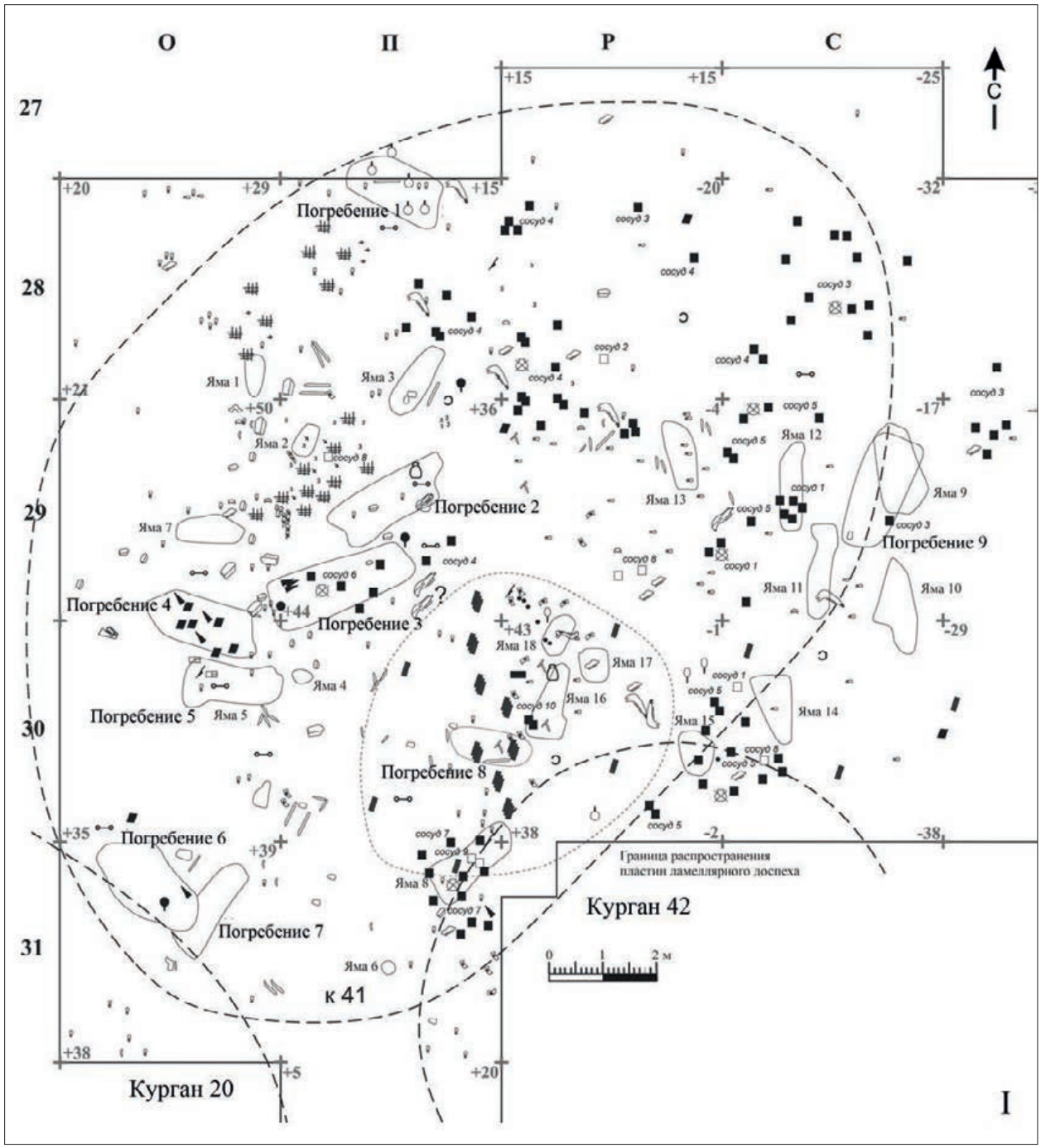

Рис. 256. Погребальный комплекс Уелги. Курган 41. Общий план
256. kép. Az ujelgi temető. 41. kurgán. Általános felszínrajz

– в юго-восточной части кургана и одно – в восточной) и 18 ям. Три погребения (2, 6, 9) оказались частично непотревоженными. В восточном секторе кургана на уровне дневной поверхности были расчищены развалы трех сосудов.

Ямы (1–18) имеют различные размеры. Наиболее крупные (8, 9, 10, 11, 12) размерами 1,7–1,9 × 0,5–0,8 м, средние (3, 7, 13, 14, 16) размерами 1,2–1,5 × 0,5– 0,6 м и малые (1, 2, 4, 5, 6, 15, 17, 18) размерами 0,25–0,8 × 0,3–0,6 м. Вероятно данные ямы являются грабительскими вкопами, за исключением ям 8 и 12.

В яме 12 были обнаружены фрагменты керамики (сосуд 1), а также фрагмент челюсти человека. В насыпи над ямой 12 найдены небольшие фрагменты костей скелета человека. Развал со-

Рис. 257. Погребальный комплекс Уелги. Курган 41. Начало археологических исследований. I: западная часть кургана, вид с юго-запада; II: восточная часть кургана, вид с северо-северо-востока
257. kép. Az ujelgi temető. 41. kurgán. A régészeti kutatás kezdete. I: a kurgán nyugati része, nézet délnyugati irányból; II: a kurgán keleti része, nézet észak-északkeleti irányból

суда 1 также фиксируется в одном метре к западу от ямы 12. Однако сложно утверждать, что сосуд 1 происходит из ямы 12, возможно фрагменты сосуда 1 попали в яму 12 при ограблении других погребений (*рис. 256*).

Погребение 1 (*рис. 258. I*) расположено на северной периферии кургана, совершено в неглубокой (15–17 см) яме, размерами 1,65 × 9,4 м, ориентированной по линии ЗСЗ–ВЮВ. В погребении обнаружены фрагменты костей черепа и зубы человека, фрагменты челюсти и копыт лошади и бронзовые подвески. В насыпи в непосредственной близости от погребения 1 были зафиксированы фрагменты железных удил, железный нож и фрагменты бронзовых подвесок.

Подвески бронзовые (6 экз.), грушевидной формы, состоят из двух створок и имеют петельку для подвешивания. Размеры 2,2 × 1,5 и 1,9 × 1,5 см (*рис. 266. 7–12*).

Пуговица (полустворка) бронзовая, имеет петельку для подвешивания. Размеры 2,4 × 1,7 см (*рис. 266. 3*).

Нож железный с треугольным в сечении лезвием. Размеры 10,0 × 1,7 см (*рис. 269. 9*).

Фрагмент кольчатых удил. Размеры 2,3 × 4,2 см (*рис. 267. 8*).

Погребение 2 (*рис. 259. I, II*) совершено в неглубокой (12–13 см) яме, размерами 2,25 × 1,1 м, ориентированной по линии ВСВ–ЗЮЗ. Погребенный был уложен головой на ЗЮЗ, череп, кости ступни и позвоночника фрагментированы, непотревоженными остались кости голени обеих ног и расположенные к северу от них стремя и удила.

Удила железные кольчатые (2 экз.), с одним кольцевым окончанием. Размеры: правая дужка 12,5 см, левая 10,5 см (*рис. 267. 11, 12*).

Стремя арочной формы с расширенной подножкой. Размеры 12,5 × 17,5 см, ширина подножки 3 см (*рис. 267. 13*).

Погребение 3 (*рис. 260. I, II, III*) совершено в неглубокой (5–13 см) яме, размерами 2,8 × 1,1 м, ориентированной по линии ВСВ–ЗЮЗ. В погребении были зафиксированы фрагментированные кости скелета человека, а также фрагменты сосуда 6, три железных наконечника стрел и подвеска округлой формы. В насыпи в непосредственной близости от погребения 3 фиксировались фрагменты сосуда 6, пуговица и фрагмент железных удил.

Подвеска плоская серебряная, округлой формы, с отверстием (возможно монета, сильно патинирована). Размеры 2,8 × 2,2 см (*рис. 266. 22*).

Пуговица цельнолитая бронзовая. Размеры 1,9 × 1 см (*рис. 266. 1*).

Наконечники стрел железные, трехлопастные, черешковые (3 экз.). Размеры 1,3–2,0 см 1,3–2,0 см 5,0–8,8 см (*рис. 269. 4, 5, 7*)

Фрагмент удил. Размеры 4,5 × 1,5 см (*рис. 267. 9*).

Погребение 4 (*рис. 258. II*) совершено в неглубокой (15–20 см) яме, размерами 2,3 × 1,3 м, ориентированной по линии ЗСЗ–ВЮВ. В погребении были зафиксированы фрагментированные кости скелета человека, три железных наконечника стрел, тренчик и шесть накладок, из них три полиметаллические круглые накладки с изображением льва и три округлые накладки с одним шпеньком. В насыпи в непосредственной близости от погребения 4 были найдены фрагменты железных удил.

Накладки с изображением льва с повернутой к спине мордой, серебряные с позолотой (3 экз.), округлой формы, с оформленным бордюром в виде овалов и кружков. Диаметр 2 см (*рис. 266. 18–20*).

Накладки серебряные (3 экз.), полусферические в сечении, на обратной стороне один шпенек с шайбой. Диаметр 0,9–1 см (*рис. 266. 13–15*).

Тренчик бронзовый (?). Размеры 1,5 × 1,0 см (*рис. 266. 17*).

Подвеска гроздевидная. Размеры 1,3 × 0,5 см (*рис. 266. 16*).

Наконечники стрел железные (3 экз.), трехлопастные, черешковые. Размеры 0,9–1,3 × 0,8–1,0 × 4,5–6,3 см (*рис. 269. 1, 3, 6*).

Фрагменты железных удил (2 экз.). Размеры 2,0 × 4,5 см и 1,2 × 3,0 × 9,0 см (*рис. 267. 3, 6*).

Погребение 5 (*рис. 261. I, II, III*) совершено в неглубокой (22–25 см) яме, размерами 2,4 × 1,2 м, ориентированной по линии З–В. В погребении были зафиксированы два небольших фрагмента трубчатых костей, фрагменты железного ножа, железной пряжки и удил. В насыпи над погребением была обнаружена фрагментированная железная седельная пряжка.

Рис. 258. Погребальный комплекс Уелги. Курган 41. I: погребение 1, зачистка на уровне дна ямы, вид с юго-востока; II: погребение 4, зачистка на уровне дна ямы, вид с юга

258. kép. Az ujelgi temető. 41. kurgán. I: 1. sír, a sírgödör aljának kibontása, nézet délkeleti irányból; II: 4. sír, a sírgödör aljának kibontása, nézet déli irányból

Рис. 259. Погребальный комплекс Уелги. Курган 41. Погребение 2. I: общий план и разрез; II: зачистка на уровне дна ямы, вид с юго-востока

259. kép. Az ujelgi temető. 41. kurgán, 2. sír. I: általános felszínrajz és metszet; II: a sírgödör aljának kibontása, nézet délkeleti irányból

Рис. 260. Погребальный комплекс Уелги. Курган 41. Погребение 3. I: южный сектор ямы, вид с юго-востока; II: северный сектор ямы, вид с севера; III: расположение сопроводительного инвентаря в северном секторе, зачистка на уровне дна ямы, вид с севера

260. kép. Az ujelgi temető. 41. kurgán, 3. sír. I: a sírgödör déli része, nézet délkeleti irányból; II: a gödör északi része, nézet északi irányból; III: a mellékletek elhelyezése az északi részében, a sírgödör aljának kibontása, nézet északi irányból

Рис. 261. Погребальный комплекс Уелги. Курган 41. Погребение 5. I: зачистка на уровне дна ямы, вид с юго-юго-запада; II–III: расположение сопроводительного инвентаря, вид сверху, с юга
261. kép. Az ujelgi temető. 41. kurgán, 8. sír. I: a sírgödör aljának kibontása, nézet dél-délnyugati irányból; II–III: a mellékletek elhelyezése, felülnézet, valamint nézet déli irányból

Фрагмент железного ножа. Размеры 4,4 × 1,3 см (*рис. 269. 12*).

Фрагмент удил с кольцом. Размеры 2,5 × 4, диаметр кольца 4,3 см (*рис. 267. 10*).

Пряжка седельная железная с фрагментом язычка. Размеры 3,4 × 6,2 см (*рис. 268. 3*).

Фрагмент железной пряжки. Размеры 3,5 × 4 см (*рис. 268. 2*).

Погребение 6 (*рис. 262. I, II, III*) расположено на юго-западной периферии кургана 41 на границе с курганом 20, совершено в неглубокой (30–35 см) яме размерами 2 × 1,2 м, ориентированной по линии СЗ–ЮВ. В погребении в непотревоженном состоянии сохранились кости голени и стоп погребенного, ориентированные ступнями на юго-восток, перекрытые деревянной обклад-

Рис. 262. Погребальный комплекс Уелги. Курган 41. I: погребения 6, 7, зачистка на уровне материка, вид с юго-запада; II–III: погребение 6, зачистка на уровне дна могильной ямы, вид с юго-запада

262. kép. Az ujelgi temető. 41. kurgán. I: 6. és 7. sírok, az altalaj szintjének kibontása, nézet délnyugati irányból; II–III: 6. sír, a sírgödör aljának kibontása, nézet délnyugati irányból

Рис. 263. Погребальный комплекс Уелги. Курган 41. Погребение 8. I: вещевой инвентарь в выкиде из погребения 8; II–V: зачистка на уровне дна погребения, вид с востока и севера
263. kép. Az ujelgi temető. 41. kurgán, 8. sír. I: mellékletek a 8. számú sír betöltéséből; II–V: a sír aljának kibontása, nézet keleti és északi irányból

кой гробовины. Остальные фрагменты костей, а также бронзовая пуговица и железный наконечник стрелы концентрировались в центре ямы. В насыпи к северу от погребения 6 были найдены серебряная накладка и фрагмент железных удил.

Пуговица (полустворка) бронзовая, декорирована на нижней половине полусферы рядом вертикальных и горизонтальной насечек. Размеры 1,7 × 1 см (*рис. 266. 6*).

Накладка плоская серебряная округлой формы с одним шпеньком. Диаметр 2 см (*рис. 266. 21*).

Наконечник стрелы железный, трехлопастной. Размеры 1,2 × 1,5 × 3,8 см (*рис. 269. 2*).

Фрагмент удил восьмерковидных. Размеры 3,5 × 5,0 см (*рис. 267. 4*).

Погребение 7 (*рис. 262. I*) расположено на юго-западной периферии кургана, было совершено в неглубокой (10–12 см) яме размерами

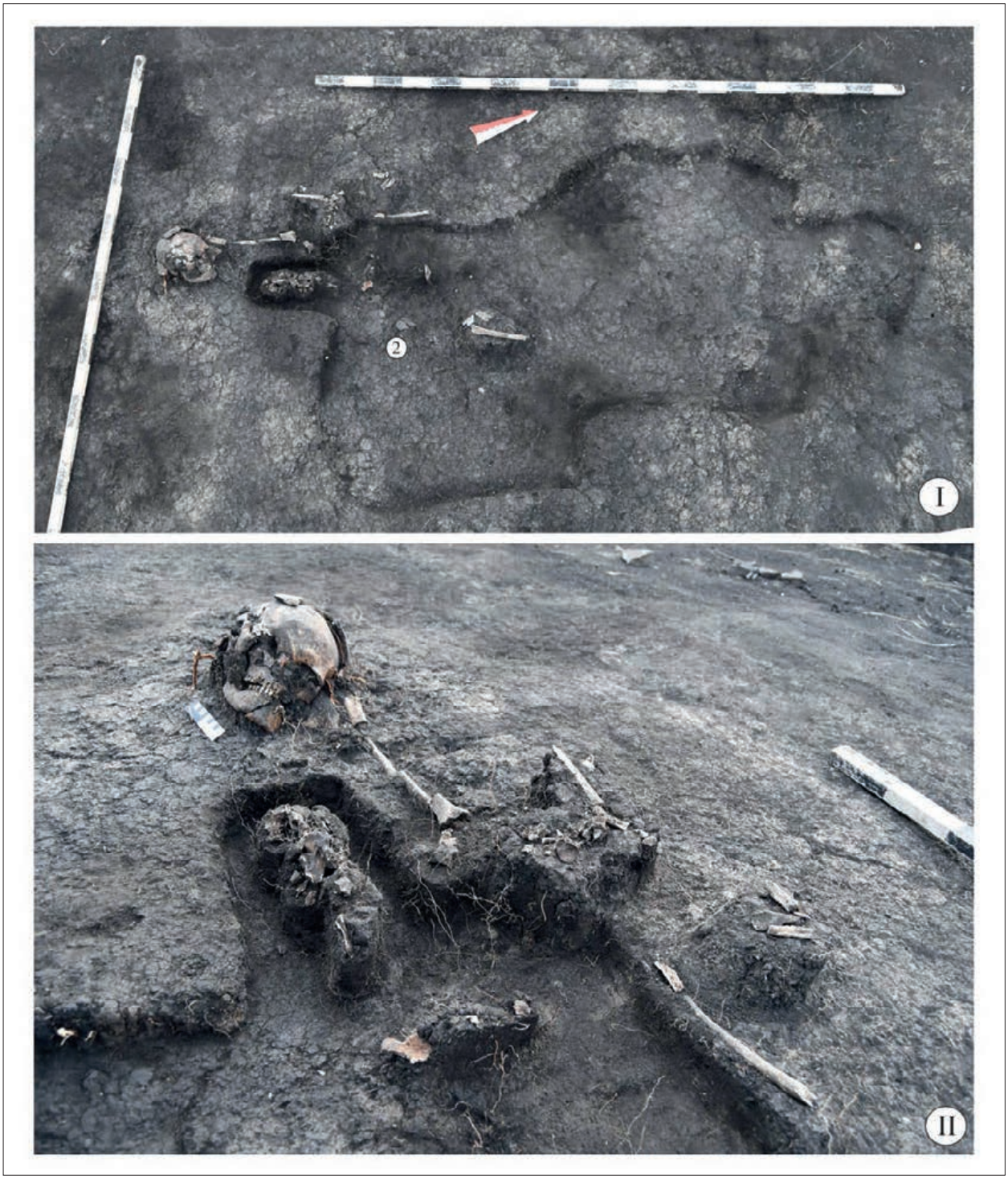

Рис. 264. Погребальный комплекс Уелги. Курган 41. Погребение 9. I: зачистка на уровне материка, вид с юго-востока; II: зачистка на уровне материка, вид с северо-востока

264. kép. Az ujelgi temető. 41. kurgán, 9. sír. I: az altalaj szintjének kibontása, nézet délkeleti irányból; II: az altalaj szintjének kibontása, nézet északkeleti irányból

1,5 × 8 м, ориентированной по линии ССВ–ЮЮЗ. В погребении зафиксировано несколько фрагментов костей скелета человека и зубов лошади.

Погребение 8 (*рис. 256*) расположено на юго-восточной окраине насыпи кургана 41 на границе с насыпью кургана 42, вероятно было совершено в неглубокой (5–10 см) яме размера-

Рис. 265. Погребальный комплекс Уелги. Курган 41. I–IV: развалы сосудов на подкурганной площадке, виды сверху, с запада, севера, юга и юго-востока соответственно; V–VI: кости черепов жертвенных животных на подкурганной площадке; VII: нижняя челюсть лошади, вид с юга

265. kép. Az ujelgi temető. 41. kurgán. I–IV: gyenge megtartású edények a kurgán alatti területről, felülnézet, valamint nézetek nyugati, északi, déli és délkeleti irányból; V–VI: áldozati állatok koponyacsontjai a kurgán alatti területről; VII: ló alsó állkapcsa, nézet déli irányból

Рис. 266. Погребальный комплекс Уелги. Курган 41. 1, 22: погребение 3; 2, 24–26: погребение 8; 3, 7–12: погребение 1; 4–5, 23, 27–28: насыпь и подкурганная площадка; 6, 21: погребение 6; 13–20: погребение 4. 1–12, 17: бронза; 13–16, 21–22, 25–28: серебро; 18–20, 23–24: серебро, позолота, кожа

266. kép. Az ujelgi temető. 41. kurgán. 1, 22: 3. sír; 2, 24–26: 8. sír; 3, 7–12: 1. sír; 4–5, 23, 27–28: feltöltés és kurgán alatti tér; 6, 21: 6. sír; 13–20: 4. sír. 1–12, 17: bronz; 13–16, 21–22, 25–28: ezüst; 18–20, 23–24: ezüst, aranyozás, bőr

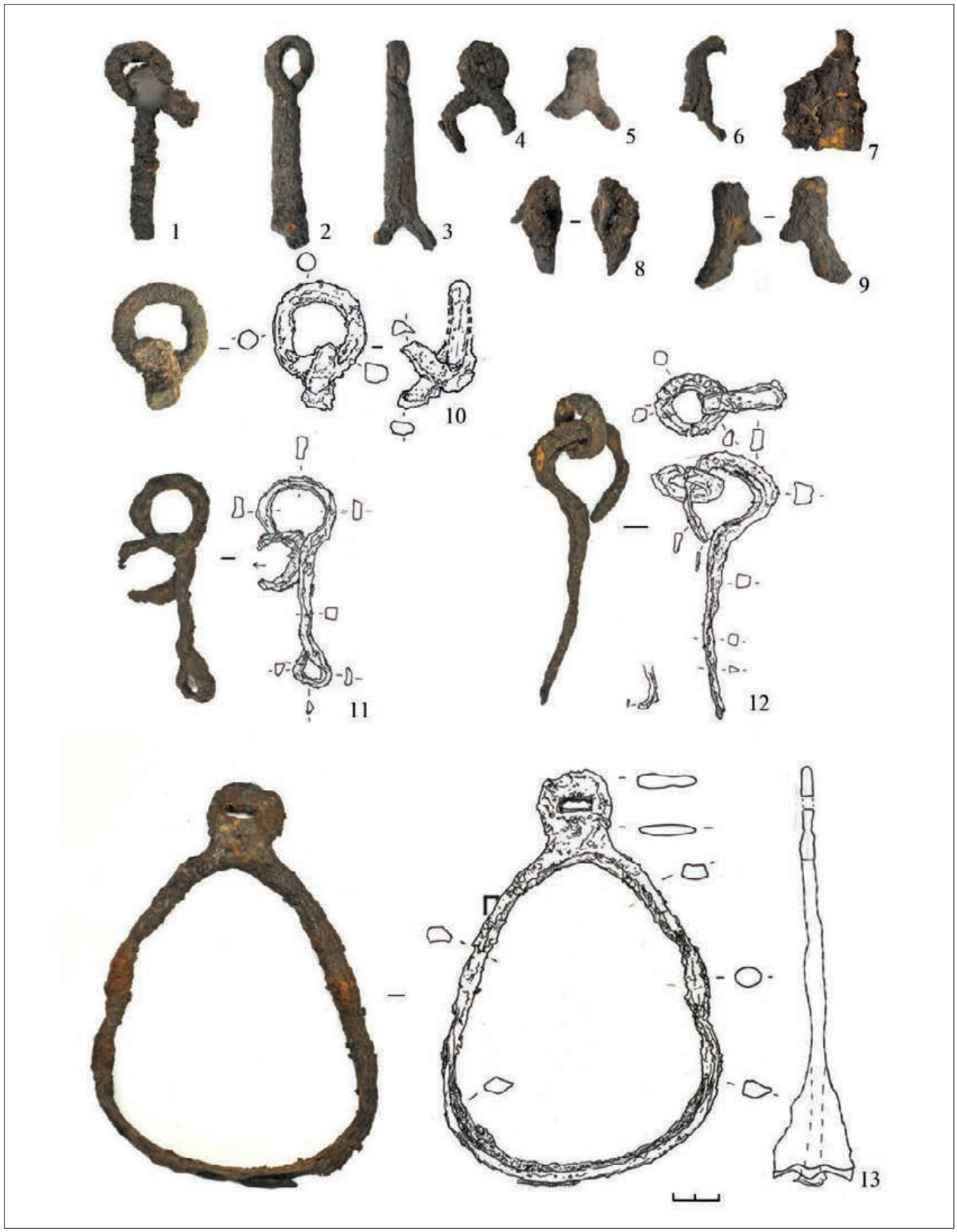

Рис. 267. Погребальный комплекс Уелги. Курган 41. Вещевой инвентарь. 1–2: насыпь и подкурганная площадка; 3, 6: погребение 4; 4: погребение 6; 5, 7: погребение 8; 8: погребение 1; 9: погребение 3; 10 погребение 5; 11–13: погребение 2. Железо

267. kép. Az ujelgi temető. 41. kurgán. Mellékletek. 1–2: feltöltés és kurgán alatti tér; 3, 6: 4. sír; 4: 6. sír; 5, 7: 8. sír; 8: 1. sír; 9: 3. sír; 10: 5. sír; 11–13: 2. sír. Vas

ми 1,7 × 0,6 м, ориентированной по линии СВ–ЮЗ. В заполнении ямы были найдены только фрагменты древесного тлена. К северу от ямы 8 на уровне дневной поверхности были найдены кости голени и стоп конечностей скелета человека, лежащие «in situ» ступнями на восток, ограниченные древесным тленом. Зафиксированные кости скелета человека были отнесены к погребению 8 (невыясненным остается вопрос – являются ли они «выкидом» из ямы 8 или погребение было совершено на уровне дневной поверхности) (*рис. 263. I–V*). Вокруг погребения 8 на расстоянии от 1,5 до 3 м были обнаружены железные пластины ламеллярного доспеха. Наиболее крупные скопления пластин были зафиксированы в насыпи над погребением 8 и к северу от него, там же были найдены семь бусин, две фрагментированные серьги, накладка, обломок железного стремени и бедренная кость лошади, лежащие в слое древесного тлена. К югу от погребения 8 в насыпи на уровне дневной поверхности зафиксировано скопление фрагментов керамики (сосуды 7 и 9). Также, в слое насыпи, вокруг погребения 8 найдены фрагменты наконечника стрелы, железных удил, ножей и бронзовой подвески.

Бусины формы усеченного конуса (2 экз.), из непрозначного стекла, черного цвета с красными полосами, с округлым сквозным отверстием. Высота 1,3 и 1,7 см, наибольший диаметр – 1 и 1,3 см (*рис. 271. 1, 4*).

Бусины сегментовидной формы (3 экз.), из непрозначного стекла, черного цвета с желто-красными и красными выпуклыми глазками, с округлым сквозным отверстием. Размеры: высота 0,9–1,1 см, диаметр 0,9–1,3 × 0,9–1,2 см (*рис. 271. 2, 3, 7*).

Бусина цилиндрической формы, из непрозначного стекла, черного цвета с белым волнистым узором, с округлым сквозным отверстием. Размеры: высота 1,5 см, диаметр 0,7 см (*рис. 271. 6*).

Бусина боченковидной формы, из непрозначного стекла, красного цвета с изображением солнца, с ромбовидным сквозным отверстием. Размеры: высота 0,9 см, диаметр 0,9 см (*рис. 271. 5*).

Серьга серебряная плоская грушевидной формы. Размеры 2,8 × 4,4 см (*рис. 266. 25*).

Серьга серебряная плоская, с обломленной овальной дужкой и подвеской в виде двух полусфер, расположенных вертикально, с ромбовидным окончанием, имеющим сферические выступы по углам и ромбовидное сквозное отверстие в центре. Размеры изделия 6 × 3,2 см (*рис. 266. 26*).

Пуговица (полуствorка) бронзовая, имеет петельку для подвешивания. Размеры 2,1 × 1,4 см (*рис. 266. 2*).

Накладка прямоугольная серебряная с позолотой, с волнистым бордюром и V-образным носиком, орнаментирована тремя рядами псевдозерни. На обратной стороне имеет два шпенька для крепления (один обломлен) (*рис. 266. 24*).

Пластинки ламеллярного доспеха, плоские, подквадратной, подпрямоугольной и подовальной формы с двумя и более сквозными отверстиями, коррозированы. Размеры 2–5 × 2–3,5 см (*рис. 270. 1–23*).

Фрагмент наконечника стрелы. Размеры 3,8 × 0,9 см (*рис. 269. 14*).

Фрагмент железного ножа с рукоятью. Размеры 1,5 × 6 см (*рис. 269. 10*).

Фрагмент железного ножа. Размеры 1,5 × 6 см (*рис. 269. 11*).

Фрагмент железных удил. Размеры 1,3 × 4 см (*рис. 267. 5*).

Фрагмент подножки железного стремени. Размеры 3 × 5 см (*рис. 267. 7*).

Фрагмент железного кольца от удил. Размеры 3 × 3,5 см (*рис. 268. 5*).

Фрагменты железных изделий. Размеры 1,2–4 × 1 см (*рис. 269. 8, 13*).

Погребение 9 (*рис. 264. I, II*) расположено на восточной периферии кургана, совершено на уровне дневной поверхности, очертания и глубина ямы не зафиксированы. Из костей скелета погребенного сохранились кости черепа, позвоночника, тазовые, левой руки и ноги. Часть погребения была разрушена грабительской ямой 9. Умерший был захоронен в вытянутом положении на спине, головой на ЮЮЗ, лицом на ССВ. Сопроводительного инвентаря в погребении не зафиксировано. Фрагмент от сосуда 3, обнаруженный в разрушенной части погребения, относится к развалу сосуда, зафиксированному на дневной поверхности в 2,5–3 метрах севернее погребения 9.

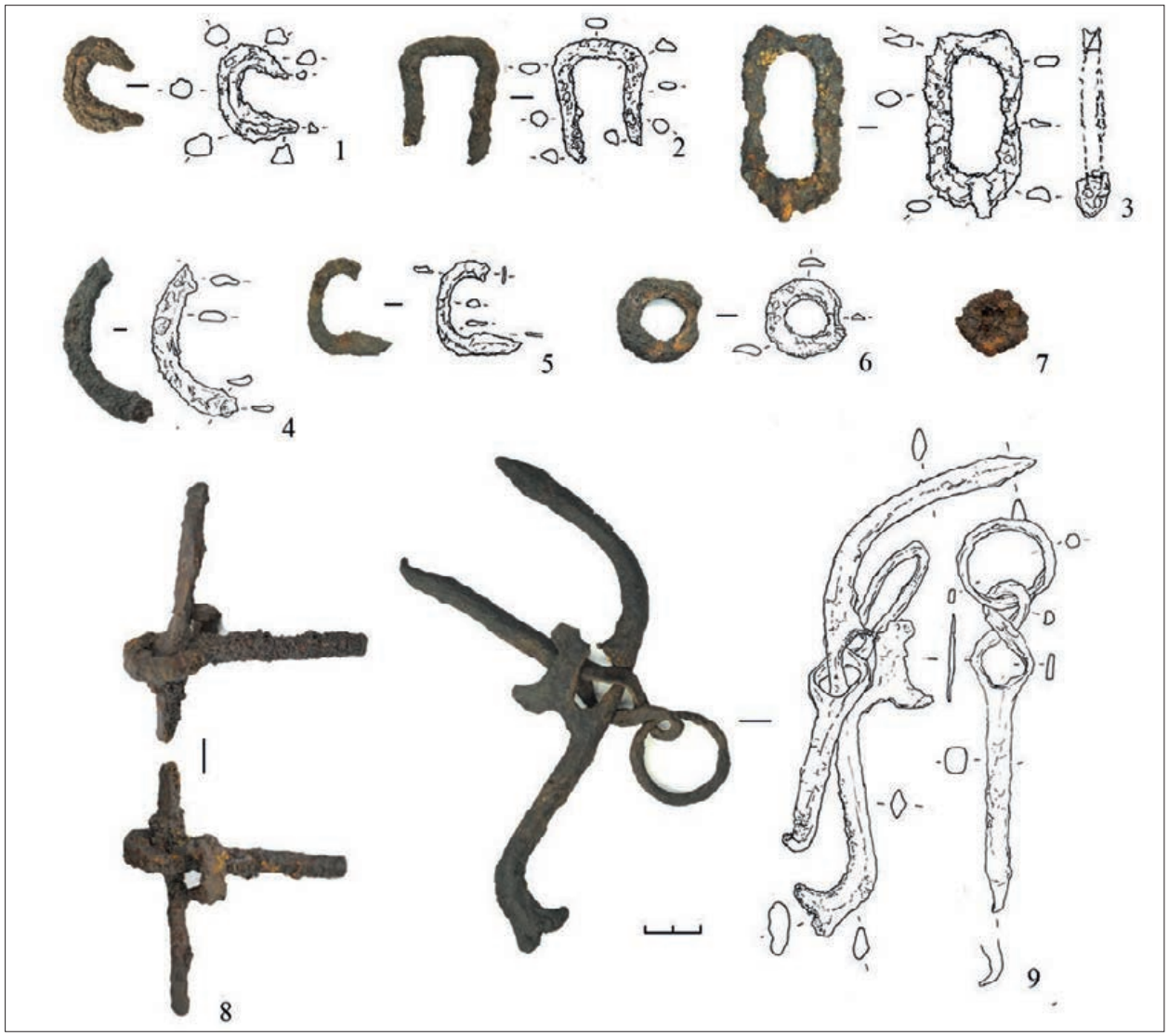

Рис. 268. Погребальный комплекс Уелги. Курган 41. Вещевой инвентарь. 1, 4, 6–9: насыпь и подкурганная площадка; 2, 3: погребение 5; 5: погребение 8. Железо
268. kép. Az ujelgi temető. 41. kurgán. Mellékletek. 1, 4, 6–9: feltöltés és kurgán alatti tér; 2, 3: 5. sír; 5: 8. sír. Vas

Описание вещевого инвентаря с подкурганной площадки и из насыпи

Накладка цветковидная серебряная с позолотой, с девятью лепестками и центральным выступом, с обратной стороны имеет два шпенька. Диаметр изделия 1,5 см, высота 0,4 см (*рис. 266. 23*).

Накладка крестообразная серебряная. Окончание креста оформлено тремя выпуклыми элементами. В центре изделия имеется сквозное отверстие, с обратной стороны обломки четырех шпеньков. Размеры 4,3 × 4,5 см (*рис. 266. 28*).

Пуговица (полустворка) бронзовая, имеет обломленную петельку для подвешивания. Размеры 1,9 × 1,7 см (*рис. 266. 4*).

Пуговица цельнолитая бронзовая, по нижней полусфере декорирована V-образными насечками. Размеры 1,5 × 1 см (*рис. 266. 5*).

Фрагменты серебряной нашивки ромбовидной формы с тремя сквозными отверстиями. Размеры 2,5 × 2,5 см (*рис. 266. 27*).

Фрагменты удил железных. Размеры 9 × 1 см (*рис. 267. 1, 2*).

Фрагмент удил восьмерковидных железных, с одним изогнутым железным псалием в виде ласточкиного хвоста. Размеры удил: длина 12 см, толщина 0,9 см, квадратные в сечении. Диаметр

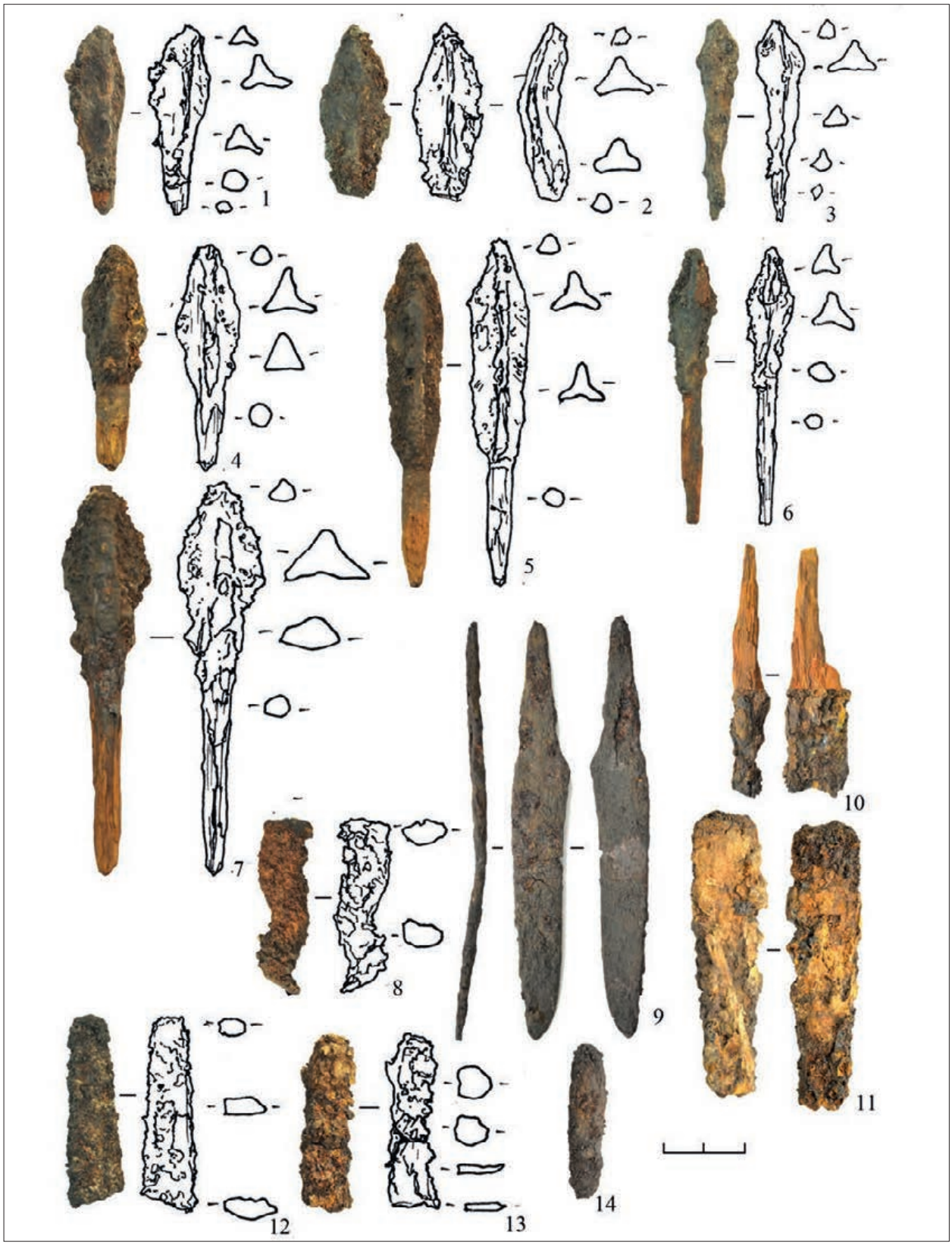

Рис. 269. Погребальный комплекс Уелги. Курган 41. Вещевой инвентарь. 1, 3, 6: погребение 4; 2: погребение 6; 4, 5, 7: погребение 3; 8, 10–11, 13–14: погребение 8; 9: погребение 1; 12: погребение 5. Железо
269. kép. Az ujelgi temető. 41. kurgán. Mellékletek. 1, 3, 6: 4. sír; 2: 6. sír; 4, 5, 7: 3. sír; 8, 10–11, 13–14: 8. sír; 9: 1. sír; 12: 5. sír. Vas

Рис. 270. Погребальный комплекс Уелги. Курган 41. Погребение 8. Вещевой инвентарь. Фрагменты доспеха. Железо
270. kép. Az ujelgi temető. 41. kurgán, 8. sír. Mellékletek. Páncél töredéke. Vas

железного кольца 3,5 см, размеры псалия 11 × 16 см (*рис. 268. 9*).

Фрагмент удил железных, с одним фрагментированным прямым псалием. Размер удил 9 см, псалия 9 см, скобы псалия 1,8 × 2 см (*рис. 268. 8*).

Кольцо железное и два фрагмента колец. Размеры 3,2 × 3 см, диаметр 2,4 и 6 см (*рис. 268. 1, 4, 6*).

Пряжка с язычком железная, округлая, небольших размеров. Диаметр 2,4 см, язычок 2,5 × 0,5 см (*рис. 268. 7*).

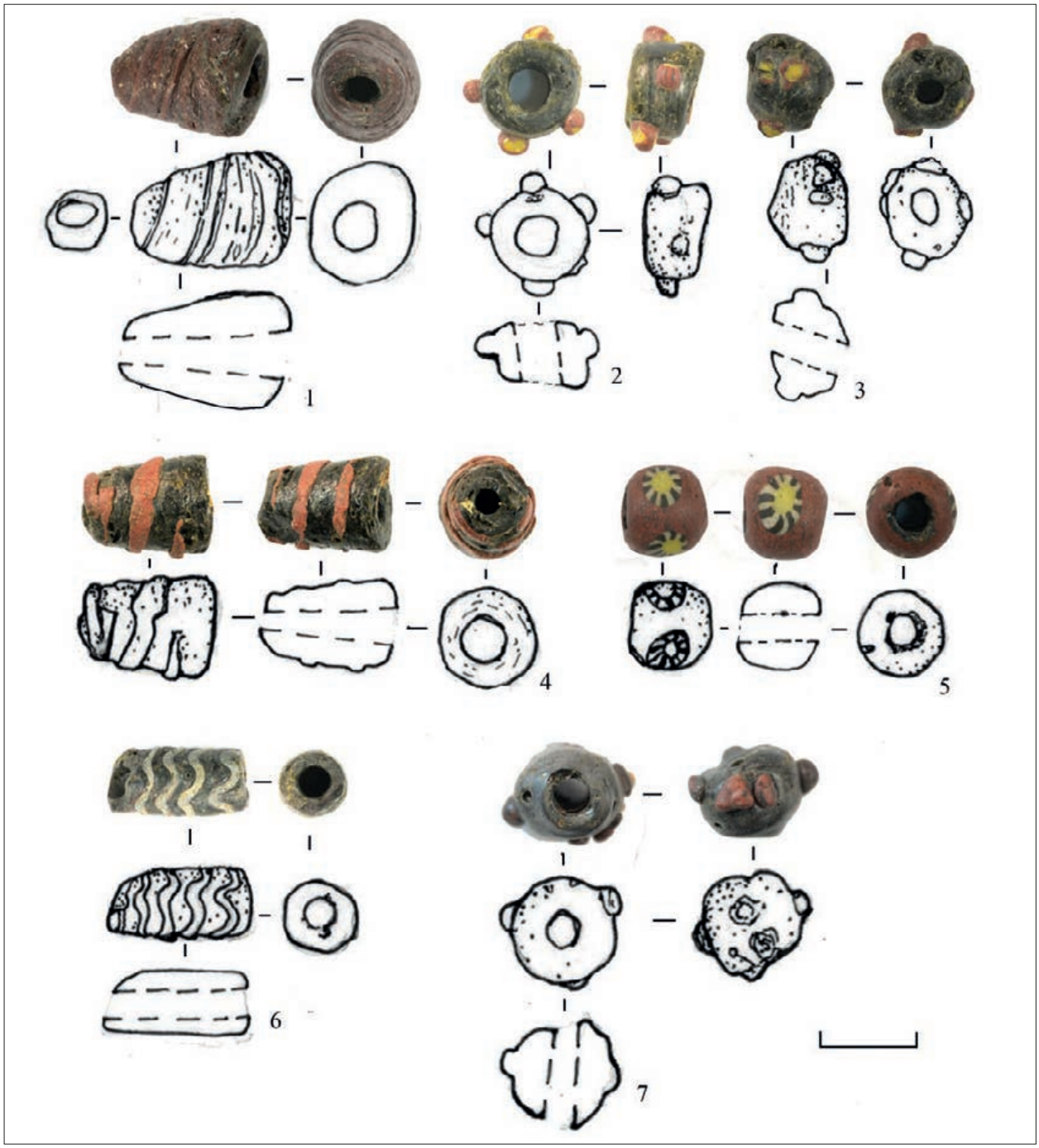

Рис. 271. Погребальный комплекс Уелги. Курган 41. Погребение 8. Бусины. Непрозрачное стекло
271. kép. Az ujelgi temető. 41. kurgán, 8. sír. Gyöngyök. Átlátszatlan üveg

Описание керамического комплекса

Коллекцию глиняной посуды кургана 41 составляют шесть развалов сосудов и фрагменты трех горшков (*рис. 272*). Из них сосуд 6 был найден в погребении 3. Скопления сосудов 9 и 7 зафиксированы на уровне дневной поверхности к югу от погребения 8 и могут относиться как к данному погребению, так и входить в комплекс «жертвенных» сосудов на уровне дневной поверхности. Развалы сосудов 3, 4 и 5 (*рис. 265. II, III, IV*) фиксировались на уровне дневной поверхности в восточном секторе подкурганной площадки. Они относятся к комплексу «жертвенных»

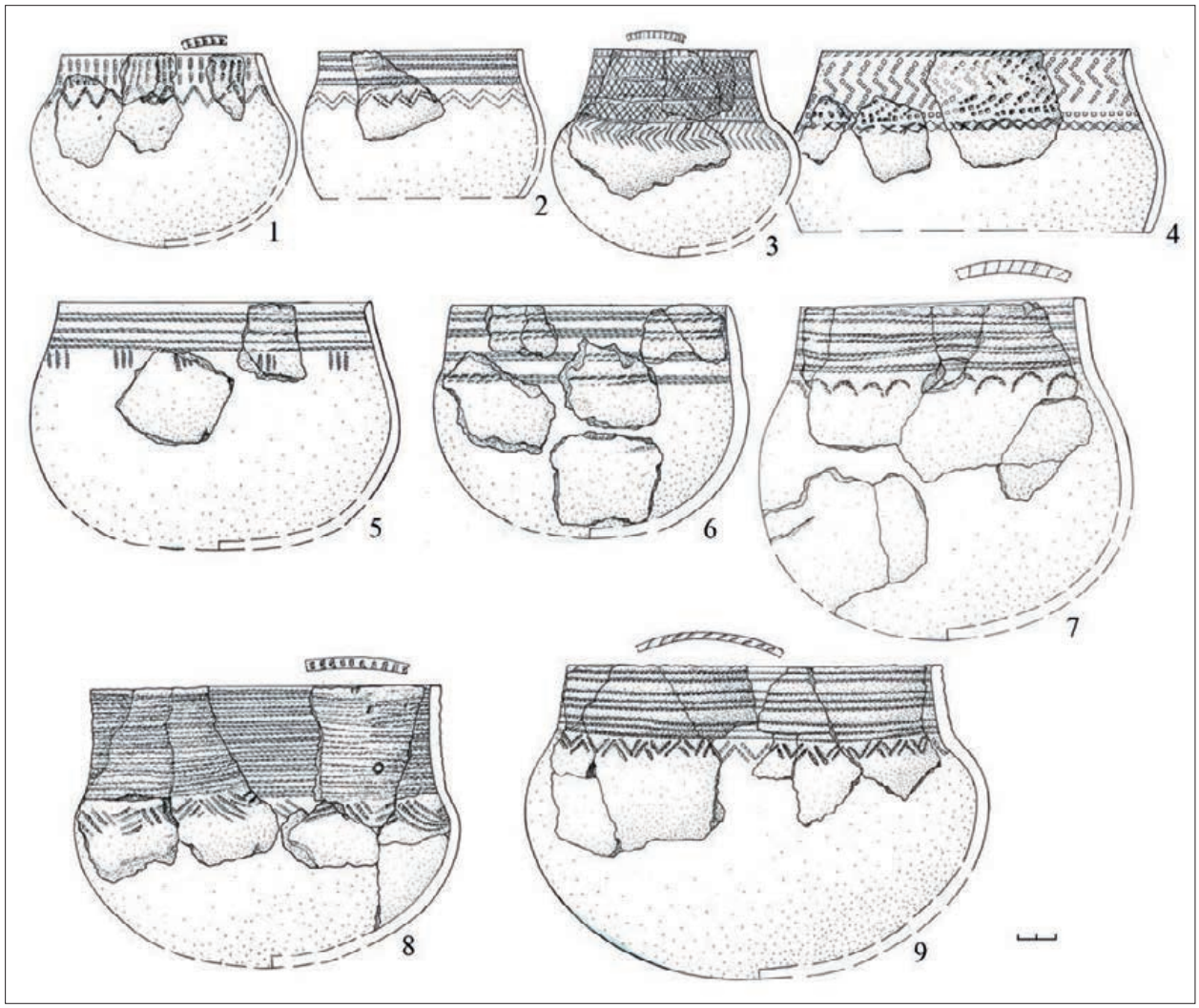

Рис. 272. Погребальный комплекс Уелги. Курган 41. Керамика. 1, 2, 4–9: подкурганная площадка; 3: погребение 3

272. kép. Az ujelgi temető. 41. kurgán. Kerámia. 1–2, 4–9: kurgán alatti tér; 3: 3. sír

сосудов, выставленных в пределах погребального комплекса. Развал сосуда 1 (*рис. 265. 1*), также зафиксированный на уровне дневной поверхности к юго-востоку от ямы 12, может относиться к данной яме или к комплексу «жертвенных» сосудов с одинаковой вероятностью.

Развал сосуда 1, размеры: диаметр устья 10 см, высота 10 см. Тесто плотное с примесью песка. Орнаментирован гребенчатым штампом по венчику и шейке вертикальными оттисками штампа, по плечу нанесен зигзаг (*рис. 272. 1*).

Фрагмент сосуда 2, часть шейки и тулова, диаметр устья 10 см. Орнаментирован по шейке оттисками двойного шнура, а по плечу – двойным зигзагом, выполненным мелкогребенчатым штампом (*рис. 272. 2*).

Развал сосуда 3, размеры: диаметр устья 14 см, высота 15,5 см. Орнаментирован по шейке четырьмя оттисками двойного шнура, по плечу рядом сегментовидных одинарных узоров и насечками мелкогребенчатого штампа по венчику (*рис. 272. 7*).

Развал сосуда 4, размеры: диаметр устья 17 см, высота 14 см. Орнаментирован по шейке одиннадцатью двойными рядами шнура, а по плечу рядом тройного зигзага, нанесенного мелкогребенчатым штампом. По венчику насечки шнура (*рис. 272. 8*).

Развал сосуда 5, размеры: диаметр устья 18,5 см, высота 15,5 см. Орнаментирован по шейке тремя рядами тройного шнура, а по плечу двойным зигзагом гребенчатого штампа и насечками по венчику (*рис. 272. 9*).

Развал сосуда 6, размеры: диаметр устья 8 см, высота 10 см. Орнаментирован вертикальными насечками по венчику и тремя рядами косой прочерченной решетки и четырьмя рядами двойного шнура по шейке. По плечу декорирован рядом прочерченной елочки, по венчику насечками (*рис. 272. 3*).

Развал сосуда 7, размеры: диаметр устья 13,5 см, высота 11,5 см. Орнаментирован по шейке и плечу четырьмя рядами двойного шнура (*рис. 272. 6*).

Фрагмент сосуда 8, часть шейки и тулова, диаметр устья 15 см. Орнаментирован по венчику рядом косых насечек, по шейке – вертикальным зигзагом крупного гребенчатого штампа, по плечу крестообразным прочерченным узором (*рис. 272. 4*).

Фрагмент сосуда 9, часть шейки и тулова, диаметр устья 15,8 см. Орнаментирован по шейке рядами шнурового штампа, а по плечу тройными вертикальными насечками гребенки (*рис. 272. 5*).

Подъемные сборы

Как уже упоминалось во вводной части, на момент открытия Погребального комплекса Уелги на площадке памятника поисковиками найдено большое количество (250 единиц) артефактов. В дальнейшем коллекция подъемных сборов пополнялась, так как дважды за полевой сезон (перед началом новых раскопок и после рекультивации раскопов) производились дополнительные сборы вещевого инвентаря с площадок исследованных ранее курганов с использованием современных средств поиска. В настоящее время коллекция подъемных сборов, обработана и систематизирована.

Наконечники стрел и копий

Наконечники стрел железные, двухлопастные черешковые (5 экз.), полулистовидной или ромбической формы. Размеры 1,5–1 × 4–4,3 см (*рис. 273. 2, 12–14, 21*).

Наконечники стрел железные, трехлопастные, трехгранные (13 экз.). Размеры 0,8–1,3 × 2,1–5,6 см (*рис. 273. 1, 3–5, 11, 15, 18–20, 22–25*).

Наконечники стрел железные, четырехгранные (3 экз.). Размеры 0,8–1,0 × 7,5–9,5 см (*рис. 273. 6, 7, 26*).

Особо выделяются *бронебойные наконечники стрел* (3 экз.) с усиленной головкой (*рис. 273. 8–10*).

Наконечник копья, втульчатый, имеет крепежное кольцо в основании. Размеры 1–1,6 × 7,8 см, длина втулки 3,1 см, ширина 1,5 см (*рис. 273. 27*).

Перекрестье сабли ромбической формы. Размеры 6,9 × 2,2 см, размер отверстия для клинка 0,9 × 2,1 см (*рис. 273. 28*).

Перекрестье ромбической формы. Размеры 1,5 × 3,1 см, внутреннее отверстие округлое диаметром до 1 см (*рис. 273. 29*).

Крюк (колчанный?), имеет изгиб на концевой части крюка. Размеры 1 × 4,1 см (*рис. 273. 30*).

Фрагменты наконечников стрел (*рис. 273. 16, 17*).

Предметы конской сбруи

Стремена арочной формы (6 экз.) с восьмерковидной петлей (*рис. 274. 4*), плоской дужкой с прорезью для путлища, с раскованной вогнутой подножкой. Размеры 1,3–1,5 × 5,8–6,2 см (*рис. 274. 1–3, 5, 6*).

Удила с S-видным псалием и прямоугольными петлями для кольчатых грызл (*рис. 274. 18*).

Фрагменты от восьмерковидных удил (4 экз.) (*рис. 274. 19–22*).

Фрагменты от кольчатых удил (27 экз.) (*рис. 274. 7–17, 23–38*).

Пряжки

Пряжки цельнолитые (19 экз.) с плоским щитком, срезанным округло либо под углом, имеющим бронзовый или железный язычок. Размеры от 2,0 × 2,5 см до 3,6 × 2,6 см (*рис. 275. 6–16, 18, 21, 23, 24, 26–28*).

В одном случае литая рамка имеет *барельефное изображение орнитологического сюжета* (*рис. 275. 19*).

Пряжки рамчатые цельнолитые либо безщитковые (8 экз.). Размеры от 1,1 × 2 см до 1,6 × 2 см (*рис. 275. 1–5, 17, 20, 22, 25*).

Тренчики: овальные (3 экз.), размеры от 1,3 × 1,7 см до 1,2 × 1,7 см (*рис. 275. 29–31*), *прямоугольные* (7 экз.), размеры от 0,9 × 1,3 см до 1,3 × 2,3 см (*рис. 275. 32–38*).

Рис. 273. Погребальный комплекс Уелги. Подъемные сборы. Вещевой инвентарь. Предметы вооружения. Железо

273. kép. Az ujelgi temető. Válogatás a szórványleletekből. Mellékletek. Fegyverek. Vas

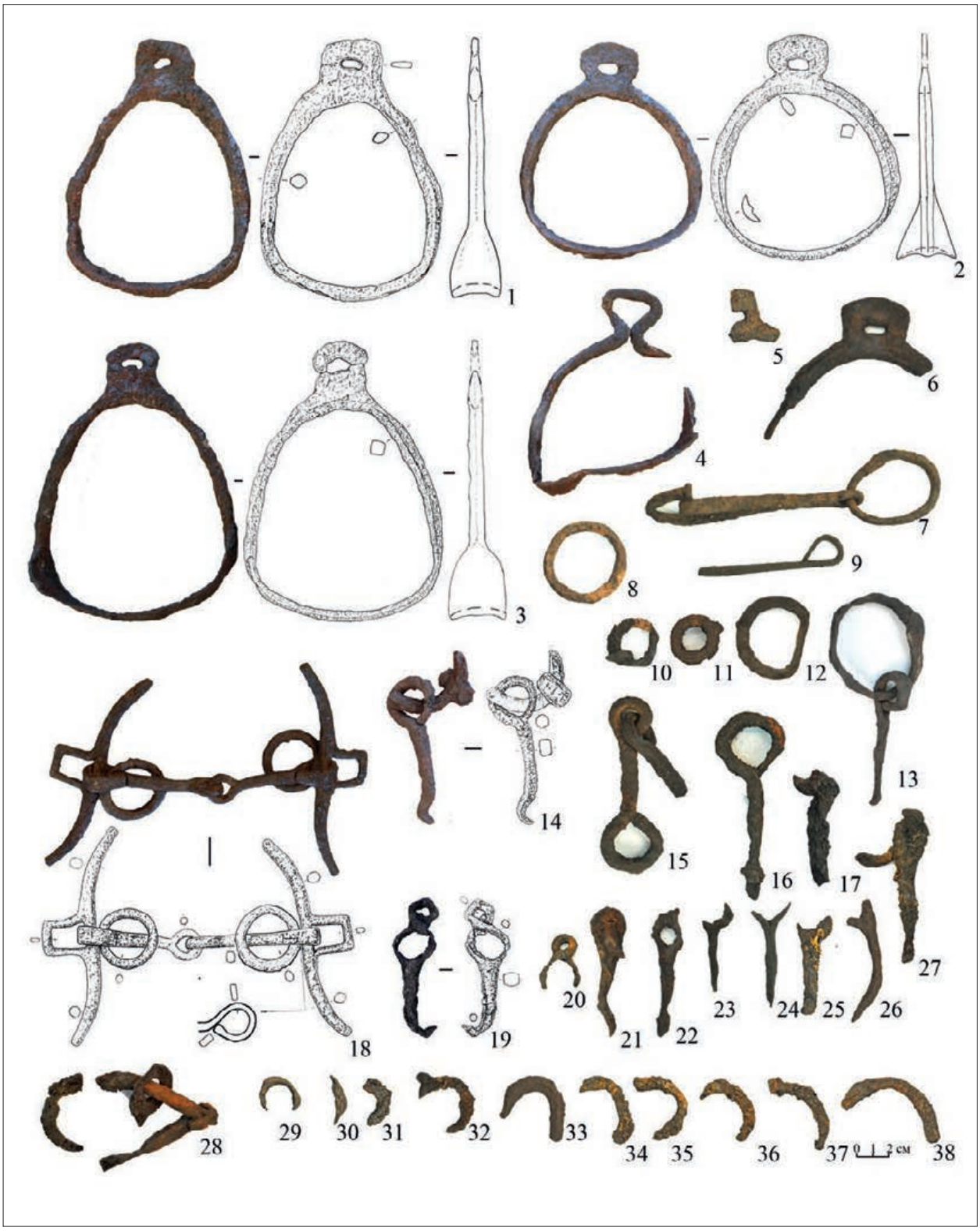

Рис. 274. Погребальный комплекс Уелги. Подъемные сборы. Вещевой инвентарь. Предметы конской упряжи. Железо

274. kép. Az ujelgi temető. Válogatás a szórványleletekből. Mellékletek. Lószerszámok. Vas

Рис. 275. Погребальный комплекс Уелги. Подъемные сборы. Вещевой инвентарь. Пряжки, тренчики. Бронза, серебро

275. kép. Az ujelgi temető. Válogatás a szórványleletekből. Mellékletek. Csatok, karikák. Bronz, ezüst

Ременная гарнитура хусаиновского типа (в подавляющем большинстве серебряные накладки)

Накладки фигурные, щитовидные, листовидные, сердцевидные серебряные и бронзовые (*рис. 276. 1–7, 12, 13, 16–18, 20–31, 33–46, 61–66, 69–77, 89, 90*).

Накладки с округлыми, прямоугольными, полуовальными прорезями или перехватами серебряные и бронзовые (*рис. 276. 8–11, 14, 15, 19, 32, 47–60, 67, 68, 91–93*).

Накладки билунницевидные серебряные с двумя или тремя сферическими окончаниями сверху и внизу (*рис. 276. 85–88*) или без них (*рис. 276. 78–84*).

Накладки концевые серебряные или бронзовые с овальным, остроугольным, округлым окончаниями и фигурно срезанным верхом (*рис. 277. 1–19*).

Пластина нашивная трапециевидная серебряная, имеет округлую линию из прочерченных сферических ямок (*рис. 277. 23*).

Тройники с ажурными петельками для ремней или фигурными направляющими (*рис. 277. 20–22, 26, 27*).

Подвеска фигурная серебряная, листовидная с двумя отверстиями по бокам (*рис. 277. 25*).

Подвески фигурные серебряные (2 экз.), сферические, с тремя гроздевидными отростками (*рис. 277. 28, 29*).

Подвеска фигурная серебряная, листовидная со сферической сердцевиной, двумя завитыми ушками по бокам и гроздевидными отростками внизу (*рис. 277. 24*).

Подвески из серебряных дирхемов (2 экз.), обнаружены в насыпи курганов 26, 27 (*рис. 277. 30, 31*). По заключению Д.Г. Мухаметшина (музей Булгар) это:

«*1. Подражание саманидскому дирхаму Насра б. Ахмада. Круговая легенда одна, это характерно волжско-булгарским подражаниям. Надписи искажены. Халиф Ал-Муктадир (908–932), саманидский эмир Наср б Ахмад (914–943). Монета имеет два сверленных отверстия, как у монетовидных подвесок.*

Попадание в могилу. Подражания делали по имеющимся под рукой монетам. Поэтому такое подражание могли делать лишь в 950 гг. Минимум 5–6 лет перевозка монет к месту употребления, некоторые исследователи допускают 10–20 лет. Далее использование монеты как украшения, получается, что в могилу монета могла попасть 960–970 гг.

2. Ал-Мути биллах (946–974), Нух б. Мансур (976–997). Самарканд, год? Имя саманидского эмира искажено, но мне кажется, там стоит имя Нуха б. Мансура. Возможно, на о. с. монеты граффити.

Таким образом, попадание монеты в могилу относится к 970 гг.».

Ременная гарнитура синеглазовского, сросткинского и тюхтятского типов

Накладки серебряные, бронзовые и полиметаллические (серебро с позолотой), имеют самые разнообразные формы: *сердцевидные, Х-образные, округлые, щитовидные, фигурные с прорезью и петелькой*. Богато декорированы узорами, которые в большинстве своем имеют в производных элементах растительные сюжеты (цветы, листья, плоды) (*рис. 278. 1–48; 279. 1–34*).

К этой же группе относятся *крупные концевые накладки с элементами растительного и геометрического орнаментов* (*рис. 280. 1–16*).

Накладки серебряные и полиметаллические (серебро с позолотой) крестообразные (4 экз.), *фигурные* (6 экз.), *орнитоморфные* (5 экз.), *зооморфные* (3 экз.) и с *растительным орнаментом* карпатского типа (7 экз.) (*рис. 281. 1–25*).

Накладки серебряные (13 экз.), *бронзовые* (3 экз.), *полиметаллические (серебро с позолотой)* (7 экз.) сросткинско-тюхтятского типа, имеющие специфическую орнаментацию, сочетающую растительные декоративные, пентограмные завитки и повторяющиеся связанные композиции (*рис. 282. 1–23*).

Бляхи и решмы серебряные и бронзовые (5 экз.) (*рис. 283. 1–4, 6*).

Пряжки подпружные бронзовые с железным язычком сросткинского типа (5 экз.) (*рис. 283. 5, 7, 8, 10, 11*).

Пряжка подпружная зооморфная бронзовая с изображением зверя (медведь?) (*рис. 283. 12*).

Пуговицы, сферические полустворки (*рис. 283. 13–50*).

Рис. 276. Погребальный комплекс Уелги. Подъемные сборы. Вещевой инвентарь. Ременные накладки хусаиновского типа. Серебро, бронза

276. kép. Az ujelgi temető. Válogatás a szórványleletekből. Mellékletek. Huszainovó-típusú övveretek. Ezüst, bronz

Рис. 277. Погребальный комплекс Уелги. Подъемные сборы. Вещевой инвентарь. 1–29: ременная гарнитура, концевые накладки, тройники, подвески хусаиновского типа; 30–31: подвески из дирхемов с площадки курганов 26, 27; 32: медальон-привеска; 33–34: фигурные накладки бронзовые; 35: кресало. 1–11, 13–19, 23–24, 26–31: серебро; 12, 20–22, 25, 33–35: бронза; 32: серебро, позолота

277. kép. Az ujelgi temető. Válogatás a szórványleletekből. Mellékletek. 1–29: övkészlet, szíjvégek, küllős szíjelosztók, Huszainovo-típusú függők; 30–31: dirhemekből készített függők 26, 27. kurgánok területéről; 32: medalionfüggő; 33–34: figurális bronzveretek; 35: csiholó. 1–11, 13–19, 23–24, 26–31: ezüst; 12, 20–22, 25, 33–35: bronz; 32: ezüst, aranyozás

Рис. 278. Погребальный комплекс Уелги. Подъемные сборы. Вещевой инвентарь. Ременная гарнитура синеглазовского типа. Серебро, серебро с позолотой, бронза
278. kép. Az ujelgi temető. Válogatás a szórványleletekből. Szinyeglazovó-típusú övkészlet. Ezüst, aranyozott ezüst, bronz

Рис. 279. Погребальный комплекс Уелги. Подъемные сборы. Вещевой инвентарь. Ременная гарнитура синеглазовского типа. Серебро, серебро с позолотой, бронза, бронза с позолотой
279. kép. Az ujelgi temető. Válogatás a szórványleletekből. Mellékletek. Szinyeglazovó-típusú övkészlet. Ezüst, aranyozott ezüst, bronz, aranyozott bronz

Рис. 280. Погребальный комплекс Уелги. Подъемные сборы. Вещевой инвентарь. Ременная гарнитура синеглазовского типа. Серебро, серебро с позолотой

280. kép. Az ujelgi temető. Válogatás a szórványleletekből. Mellékletek. Szinyeglazovó-típusú övkészlet. Ezüst, aranyozott ezüst

Рис. 281. Погребальный комплекс Уелги. Подъемные сборы. Вещевой инвентарь. Накладки, нашивки и подвески с растительным, орнитоморфным и зооморфным орнаментом. Серебро, серебро с позолотой
281. kép. Az ujelgi temető. Válogatás a szórványleletekből. Mellékletek. Veretek, lemezek és függők növényi, madár alakú és állatdísszel. Ezüst, aranyozott ezüst

Рис. 282. Погребальный комплекс Уелги. Подъемные сборы. Вещевой инвентарь. Накладки, подвески, застежка тюхтятского и сросткинского типов, навершие на рукоять сабли. 1–9, 12, 16, 18 – серебро; 10–11, 14 – бронза; 15, 17, 19–24 – серебро с позолотой

282. kép. Az ujelgi temető. Válogatás a szórványleletekből. Mellékletek. Tjuhtjat- és Szrosztki-típusú veretek, függők, boglárok és szablya markolatgomb. 1–9, 12, 16, 18 – ezüst; 10–11, 14 – bronz; 15, 17, 19–24 – aranyozott ezüst

Фрагменты браслетов, пронизки (*рис. 283. 51–53*).

Серьги и фрагменты серег серебряные (*рис. 283. 54–58*).

Серьга со стеклянной бусиной серебряная (*рис. 283. 59*).

Фрагменты изделий из бронзы и серебра (*рис. 283. 9, 60*).

Медальон-привеска серебряный с позолотой, диаметр 3,4 см, внешняя часть напаяна на серебряное основание тех же размеров. В верхней части имеет прямоугольный декорированный (зерневые ромбы и треугольники) элемент, вероятно, это оформление петельки для подвешивания. Сама петля отсутствует. На медальоне изображено крылатое божество: крылья опущены вниз; хвост состоит из трех гигантских перьев; отдельно изображены грудь и живот, между ними в виде двух скобок, по всей видимости, условно показаны две руки. Голова изображена в виде двух больших клювов, расходящихся в противоположные стороны, и двух глаз над ними. Основные изобразительные линии, вероятнее всего, обозначены сплюстнутой проволокой, а заполнение изображения произведено сплющенной зернью (*рис. 277. 32*). На серебряном основании, к которому был прикреплен медальон, также угадывается какое-то прочерченное изображение, однако это возможно будет рассмотреть после ренгеноскопии. Подобные две подвески были обнаружены в Гнездовском кладе (1867 г.) и в Черниговской области (Украина) и были отнесены исследователями к середине X века.[10]

Накладка ажурная серебряная, с одной стороны прорезь в виде сердечка, с другой – в виде округлой скобки. Размеры 0,8 × 1,2 см (*рис. 276. 94*).

Накладка круглая серебряная с позолотой (2 экз.), имеет сферическую середину, оформленную по краям сферической цепочкой, к которой примыкают три лепестка листовидной формы. По внешней границе идет цепочка из овалов и кружков. У одного изделия обломлен край. Диаметр 1,7 см (*рис. 281. 16, 25*).

Накладка бронзовая в виде фигурки, изображающей бегущего зайца, хорошо проработаны ухо и морда, на обратной стороне два крепежных шпенька. Размеры 1,2 × 2,2 см (*рис. 277. 33*).

Накладка бронзовая в виде фигурки обезьяны (собачки?), играющей на трубочке, трубочка имеет перехваты – резьба или обмотка, характерно обозначен хвост в виде кольца, на обратной стороне два крепежных шпенька. Размеры 0,8 × 2,2 см (*рис. 277. 34*).

Кресало полиметаллическое, арочной формы. Размеры: основание 6,1 см, ширина верхней части 3 см, высота левого и правого плеча 4,4 см. Состоит из декоративной бронзовой части, по центру которой находится петля для подвешивания грушевидной формы размерами 0,8 × 1,1 см. В центре расположено антропоморфное изображение с хорошо читаемой головой, по форме повторяющей контур отверстия для подвешивания, и крыловидными руками. Руки оканчиваются полукольцами, на которых восседают две птицы (вороны). На головах птиц хорошо просматриваются овальные глаза, изогнутые клювы, сложенные крылья и опущенные хвосты. В основании композиции человекоподобного и птицевидных изображений располагаются десять сферических выпуклостей диаметром 0,4 см. На некоторых из них по центру просматриваются округлые углубления диаметром до 0,1 см. Внизу к бронзовой декоративной вершине приварено (приковано?) железное лезвие рабочей части кресала, длина его 6,1 см, высота 0,7 см (*рис. 277. 35*).

Навершие на рукоять сабли (полуствока), полиметаллическое (серебро с позолотой), имеет выпуклый овальный набалдашник. На лицевой панели и на наболдашнике растительный орнамент, оконтуренный выпуклым бордюром; на боковой плоскости пятилепестковые цветы (2 шт.), на набалдашнике три бутоновидных трехсоставных цветка. Размеры 2,9 × 6,2 см (*рис. 282. 24*).

[10] Ениосова–Зозуля 2012, 138–148; Коршун 2013, 48, 88, 142.

Рис. 283. Погребальный комплекс Уелги. Подъемные сборы. Вещевой инвентарь. Бляхи, решмы, подпружные пряжки, пронизки, фрагменты браслетов, серьги, пуговицы. 1–4, 6, 54–58, 59: серебро; 5, 7, 8, 10–12: бронза, бронза–железо; 9, 13–53, 60: бронза; 59: стекло

283. kép. Az ujelgi temető. Válogatás a szórványleletekből. Mellékletek. Veretek, kantárveretek, hevedercsatok, hengeres csüngők, és karkötők, fülbevalók, gombok töredékei. 1–4, 6, 54–58, 59: ezüst; 5, 7, 8, 10–12: bronz, bronz–vas; 9, 13–53, 60: bronz; 59: üveg

1.2. Хронология и типология вещевого инвентаря Погребального комплекса Уелги. Результаты радиоуглеродного и типологического датирования[11]

Для определения хронологии и построения периодизации Погребального комплекса Уелги имеются радиоуглеродные даты, в том числе из не ограбленных объектов, которые можно сопоставить с другими представленными в издании комплексами.

Получены 13 радиоуглеродных дат, 12 из них происходят из разных объектов Погребального комплекса Уелги. Одна дата из могильника Актюба. Две даты являются комбинированными (Combine K3_B1 и Combine K7_B1)[12] и происходят из погребения 1 кургана 3 (SPb 853, 855, 856) и из погребения 1 кургана 7 (SPb 852, 854). В итоговой колонке (см. табл. 1) приводятся комбинированные значения. Десять проб взяты из разных объектов курганов 10, 11, 14, 29, 31 и 32, исследованных в 2016–2020 годах. Анализ проводился в трех лабораториях (SPb, DeA, Poz). Даты SPb получены методом сцинтилляции; DeA и Poz – методом AMS.

Общий интервал формируется в рамках 770–1030 гг. н. э. (95.4%) – последняя четверть VIII – первая четверть XI в. Причем довольно уверенно выделяется ранний горизонт – 760–900 гг. н. э. и поздний горизонт – X – начало XI в. (95.4%).

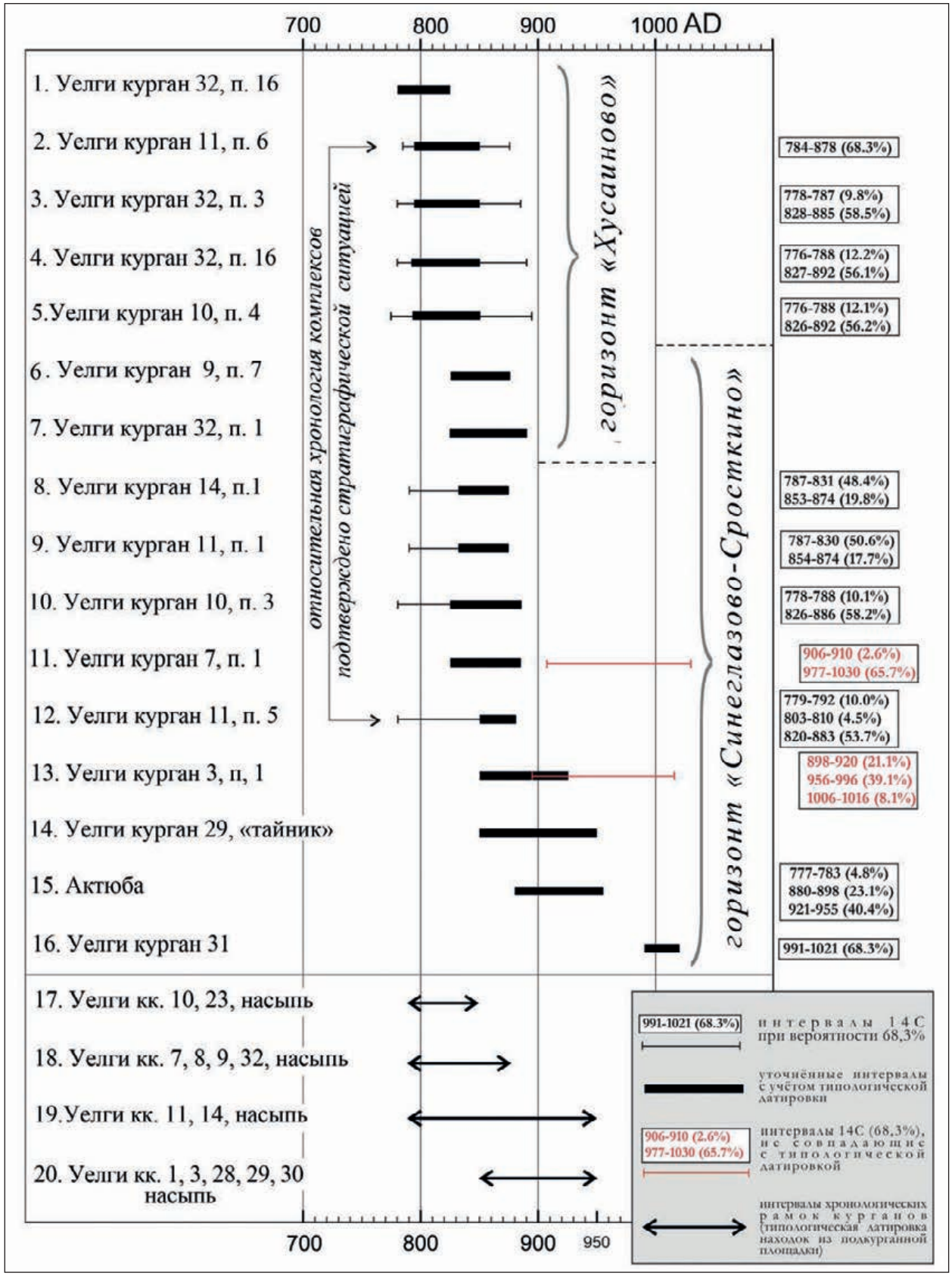
Ранняя группа достоверно прослежена в курганах 7, 8, 9, 10, 11, 14, 23 и 32. Они занимают среднюю часть погребального комплекса и расположены в низине, между двух вершин останцев – с юга и севера. Курган 32 содержал захоронение снаряженного коня (DeA-11458), погребение ребенка с поясом из серебряных блях (DeA-11455). Из кургана 10 происходят два разграбленных погребения с немногочисленным инвентарем (DeA-11456 и DeA-11457). Большинство предметов из датированных захоронений несут признаки хусаиновского этапа в рамках IX в. – гладкие серебряные бляхи, иногда с нервюрами и полусферическими выступами. Однако внутри данного горизонта выделяется и другая группа погребений – в неглубоких ямах и с материалами синеглазовского этапа (курган 11, погребение 5). Радиоуглеродные даты двух групп погребений как будто демонстрируют синхронность в рамках IX в., однако стратиграфическая ситуация двух погребений позволяет говорить о некотором размежевании в измерении относительной хронологии. Речь идет о двух захоронениях из кургана 11 – погребения 5 и 6, отличающиеся по погребальному обряду и датировке предметного комплекса (*рис. 116; 117; 119–121*).

Изначально совершенное захоронение (погребение 6) через некоторое время было перекрыто другим (погребение 5). Причем, судя по планиграфической ситуации, создатели позднего захоронения (погребение 5) не знали о существовании раннего (погребение 6). Отличия прослеживаются и по сопровождающему инвентарю. В раннем погребении 6 встречены серебряные бляшки, украшающие пояс – признак хусаиновского стиля, в позднем погребении – «сросткинский» набор. Из этого можно сделать осторожный вывод, что примерно в IX веке местные кочевники испытывают натиск нового кочевого населения из районов Алтая и Восточного Казахстана. Пришлое население какое-то время сосуществует с южноуральскими кочевниками. Часть Погребального комплекса Уелги с поздними материалами расположена преимущественно в северной половине памятника (Combine K3_B1, Combine K7_B1), на вершине северного останца. Курган 31 находится на значительном отдалении от основной части погребального комплекса. Однако здесь необходимо отметить, что даты из курганов 3 и 7 не вполне соотносятся с типологической датировкой инвентаря. Судя по бляшкам сросткинского облика, они более близки по стилю материалам из кургана 11 (погребение 5) и другим погребениям синеглазовского этапа (сросткинского облика) (*рис. 27. 5–10; 60. 2, 6*).

[11] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-20283 «*Мир кочевников Южного Урала в свете мадьярской археологии (VIII–XI вв.)*», https://rscf.ru/project/24-28-20283/

[12] Грудочко–Боталов 2013.

Таблица 1. Относительная хронология объектов Погребального комплекса Уелги и могильника Актюба
1. táblázat. Ujelgi és Aktyjuba temetők objektumainak relatív időrendje

Приложение к таблице 1
Függelék az 1. táblázathoz

№	Памятник	Объект	Шифр лаборатории, номер пробы	Конвенционное значение	Калибровочное значение (68.3%), calAD	Калибровочное значение (95.4%), calAD
1	Уелги	Курган 11, погребение 6	Poz-121187	1220±30	784–878	687–743 (17.7%) 771–888 (77.8%)
2	Уелги	Курган 11, погребение 1	DeA-36403	1216±16	787–830 (50.6%) 854–874 (17.7%)	772–883
3	Уелги	Курган 14, погребение 1	DeA-36404	1213±16	787–831 (48.4%) 853–874 (19.8%)	773–882
4	Уелги	Курган 29, погребение 1	DeA-36412	1202±17	784–791 (7.6%) 821–878 (60.7%)	774–883
5	Уелги	Курган 11, погребение 5	Poz-121188	1195±30	779–792 (10.0%) 803–810 (4.5%) 820–883 (53.7%)	707–726 (2.9%) 771–895 (88.6%) 924–950 (4.0%)
6	Уелги	Курган 10, погребение 3	DeA-11457	1185±23	778–788 (10.1%) 826–886 (58.2%)	772–893 (92.8%) 930–942 (2.6%)
7	Уелги	Курган 32, погребение 3	DeA-11458	1184±22	778–787 (9.8%) 828–885 (58.5%)	772–893 (93.2%) 931–941 (2.2%)
8	Уелги	Курган 10, погребение 4	DeA-11456	1173±23	776–788 (12.1%) 826–892 (56.2%)	772–899(82.9%) 921–955 (12.5%)
9	Уелги	Курган 32, погребение 16	DeA-11455	1171±22	776–788 (12.2%) 827–892 (56.1%)	772–899 (81.3%) 920–956 (14.2%)
10	Актюба		DeA-36402	1151±16	777–783 (4.8%) 880–898 (23.1%) 921–955 (40.4%)	772–786 (7.7%) 829–855 (7.9%) 873–904 (27.8%) 914–975 (52.0%)
11	Уелги	Курган 7, погребение 1	Combine[13]	1047±36	906–910 (2.6%) 977–1030 (65.7%)	892–1042 (94.7%) 1108–1115 (0.8%)
12	Уелги	Курган 3, погребение 1	Combine[14]	1081±29	898–920 (21.1%) 956–996 (39.1%) 1006–1016 (8.1%)	892–933 (30.6%) 941–1022 (64.9%)
13	Уелги	Курган 31, «тайник»	DeA-36422	1059±16	991–1021	901–915 (4.6%) 976–1025 (90.9%)

Что же касается кургана 31, то радиоуглеродная дата хорошо согласуется с инвентарем, в частности, датировка железного стремени без выделенной петли в рамках конца X – первой половины XI в. вполне корректна. Данный объект можно считать самым поздним среди археологически исследованных объектов Погребального комплекса Уелги (*рис. 204; 205*).

[13] Грудочко–Боталов 2013, 137.
[14] Грудочко–Боталов 2013, 137.

Итак, обсуждая радиоуглеродные даты комплекса Уелги, можно сказать, что они позволяют нам очертить общие временные рамки – от последней четверти (конца) VIII в. до первой четверти (первой половины) XI в. Выделяется два интервала: конец VIII – IX в. и конец X – XI в.

Рассмотрим, каким образом это сопоставляется с типологией вещевого инвентаря. К раннему хусаиновскому этапу относится *погребение 11 из кургана 32* с поясом из шести бляшек и четырех тренчиков, порядок расположения которых удалось проследить (*рис. 224. 5–14*). Пряжки не обнаружено, поэтому, возможно, пояс подвязывался. На костях левой руки расчищен браслет, у черепа – серьга, рядом с тазовыми костями – нож. Набор довольно однородный и по облику бляшек (гладкие серебряные с парными полусферическими выступами) (*рис 224. 5–14*), этот материал хорошо сопоставляется с комплексами из Ямаши-Тауских, Хусаиновских и других курганов. Синхронным по времени следует считать погребение коня (*погребение 3, курган 32*) с уздечными и накрупными бляшками сердцевидных или якорьковидных форм, с нервюрой по центру и полукруглыми вырезами. Большинство находок из насыпи кургана 32 соответствуют раннему горизонту (*рис. 232. 3–5, 16–23*). Керамическая коллекция кургана в закрытых комплексах относится к постбакальским и караякуповским образцам (*рис. 217. 6–9; 224. 15; 228. 24*).

Комплекс из *погребения 6 кургана 11* (*рис. 119–121*) составляют многочисленные серебряные украшения, наибольший интерес из которых представляет целый пояс, состоящий из накладок прямоугольных, портальных, сердцевидных форм, с прямоугольными прорезями у основания. Подвесные ремешки состоят из маленьких бляшек в виде трех полусфер, образующих сердцевидную фигуру. Такие же ремешки украшали обувь погребенного. Горшок из этого погребения – типичный позднекушнаренковский образец (*рис. 119. 1*). Все эти элементы хорошо сопоставляются с Ямаши-Таускими, Хусаиновскими, Бекешевскими материалами.[15] Обсуждая хронологию этой группы, Н.А. Мажитов указывал на нахождение монет чеканки от VIII в. до начала IX в. Особое значение здесь имеет неграбленное ярусное парное погребение 1 из Хусаиновского кургана 12 с монетами 770 и 824 годов.[16]

Единственная прямоугольная бляшка из *погребения 4 кургана 10* не противоречит полученной ^{14}C дате (конец VIII – IX в.) (*рис. 106. 8*). Следует отметить, что комплекс ограблен, однако предметы из насыпи кургана довольно однородны по типологии и хронологии (колесовидная подвеска, бабочковидные, лунницевидные, прямоугольные и накладки в виде «запятой»), что подтверждает принадлежность к раннему горизонту (*рис. 106. 6, 7, 9–17, 19–22*).

Погребение 1 кургана 4, вероятнее всего, относится к ранним комплексам IX в., с той поправкой, что оно было основательно ограблено. Сам курган включает материалы и раннего (хусаиновского) и позднего (синеглазовского) этапов. В этом случае мы имеет дело с двойной планиграфией насыпи кургана. Вероятнее всего, северная часть насыпи была возведена раньше. Здесь расположено погребение 1 и, вероятно, с этой части подкурганной площадки обнаружены следующие предметы: серебряная гарнитура с плоской поверхностью, в их число входят ранние односоставные лунницевидные накладки, якорьковидные накладки с перехватом, листовидные накладки и подвески (*рис. 36. 4, 16, 17, 21; 37. 9–12, 21–27, 30*). В южной части был сооружен более поздний курган, материалы которого относятся к сросткинскому облику: полиметаллические (серебро с позолотой) накладки, накладки с зооморфным (собака шицзы) и растительным орнаментом, птицевидная фигурка, а также бронзовые орнитоморфные накладки и пряжки (*рис. 36. 1, 5, 7, 14*). Керамический комплекс составляют сосуды с крупногребенчатым и шнуровым орнаментом раннечияликского (макушинского) типов, бытующие также на позднем этапе (*рис. 42*).

[15] Мажитов 1981, 37, 51, 57, 61, рис. 18, 26, 30, 33; Пшеничнюк 1984, 62–70.
[16] Мажитов 1977, 27.

Единственный комплекс, «не вписывающийся» в ряд датированных ^{14}C комплексов – бляшка из ограбленного *погребения 3 кургана 10А* (*рис. 105. 18*), сопоставимая с Каранаевскими материалами,[17] с датой, по-видимому, не ранее середины IX в.

Необходимо отдельно и подробно остановиться на *погребении 16 из кургана 32* (*рис. 228*), поскольку оно может иллюстрировать наиболее раннюю фазу функционирования могильника Уелги. Сопроводительный инвентарь по всем признакам составлял набор лучника. От лука сохранились две срединные трапециевидные накладки; расчищены мелкие фрагменты костяных пластинок, которые, вероятно, принадлежали колчану в качестве оправы или декоративных элементов; железный колчанный крюк с загнутым заостренным концом и пластиной с прямоугольным сквозным отверстием; остатки стрелкового пояса – три кольца с пластинами для крепления к поясу. В погребении расчищен развал сосуда позднебакальско-неволинского типа. Хотя в равной степени он может быть отнесен и к караякуповским образцам.

Хронологическую позицию можно очертить следующим образом: костяные накладки на сложносоставной лук встречаются довольно широко – в тюркских и сросткинских памятниках Алтая;[18] синхронных памятниках Южного Урала;[19] в новинковских комплексах Среднего Поволжья VII–VIII вв.[20] Срединные накладки из погребения 16 имеют довольно архаичную форму и сопоставляются с материалами Манякского и Ново-Биккинского комплексов VII–VIII вв.[21] Стрелковый пояс, в который входил колчанный крюк и три кольца с обоймами – редкая категория находок. Сюда же следует отнести пояс из погребения 6 кургана 11, функциональное назначение которого не определяется, но конструктивно они аналогичны. Такие пояса характерны для тюркских алтайских комплексов VII–VIII вв. Занимаясь проблемой их реконструкции, Г.В. Кубарев отмечает, что стрелковые пояса не изображались на изваяниях и редко наблюдаются в изобразительных памятниках, что было связано с их утилитарным назначением.[22] В Среднем Поволжье в новинковских погребениях встречен ряд крюков и единожды – элементы пояса.[23] На Южном Урале похожие формы крюков встречены в раннем горизонте могильника Лагеревский и Ново-Биккинском кургане. Указанные комплексы сочетались с предметами в геральдическом стиле, что исключает их датировку позднее VIII в. Более поздние крюки – южноуральские, встречаются редко и значительно отличаются. Наконец, два крюка встречены в слое VII–VIII вв. Пенджикента.[24] Таким образом, данные захоронения (*погребение 16, курган 32; погребение 6, курган 11*) можно с уверенностью относить к наиболее ранним памятникам Погребального комплекса Уелги (конец VIII – первая половина IX в.) с возможным уточнением до рубежа VIII/IX вв. – начала IX в. Эти комплексы, вероятно, маркируют наиболее раннюю позицию хусаиновского этапа.

Следующий горизонт иллюстрирует, что *курган 9, погребение 7 – детское захоронение* (предположительно, девочки) сочетает как ранний (*рис. 82. 9; 83. 3–15, 19, 20, 28, 30–32*), так и поздний инвентарь, совершенно не характерный для хусаиновского горизонта (*рис. 81; 82. 1–8, 10; 83. 21–25*) – позолоченные предметы, которые мы условно связываем со сросткинским влиянием. Возможно, в этом случае наблюдается продолжение местной хусаиновской традиции при мощном влиянии пришельцев с востока. В этом смысле материалы *погребения 1 кургана 11 и погребения 1 кургана 14* (*рис. 114; 143*) хорошо иллюстрируют различия между ранним хусаиновским и сросткинским горизонтами, притом,

---

[17] Мажитов 1981, 108, рис. 58, 12, 23.
[18] Кубарев 2005, 81–84, рис. 24; Горбунов–Тишкин 2016; Тишкин–Горбунов–Серегин 2018, 167.
[19] Мажитов 1981, 34, 35, 69, 70, 73, рис. 15, 17; 37, 6; 40, 8, 10.
[20] Багаутдинов–Богачев–Зубов 1998, 115–117.
[21] Мажитов 1981, 8, 17, рис. 3, 18; 8, 34, 35.
[22] Кубарев 2005, 92–98.
[23] Богачев–Ермаков–Хохлов 1996, 85–86, 96, рис. 3, 4–6; Багаутдинов–Богачев–Зубов 1998, 119, 120, рис. 26, 20–25.
[24] Распопова 1980, 73, рис. 48, 2; Археология. Средняя Азия 1999, 272, табл. 28, 12.

что данные погребения по ^{14}C являются практически синхронными ранним. В этом случае можно говорить о появлении в Южном Зауралье в середине или во второй половине IX века позолоченных бляшек с рельефным орнаментом с растительными и зооморфными мотивами, костяных пряжек, костяных псалиев (*рис. 143. 1, 12–15*). Здесь же отметим еще раз, что погребения 5 и 6 кургана 11, которые идентичны по радиоуглеродным датам, разительно отличаются по обряду, стратиграфии и сопроводительному инвентарю. Это указывает на сосуществование населения раннего хусаиновского этапа на более позднем синеглазовском этапе.

Хусаиновский стиль продолжает существовать в среде южноуральского населения, однако заметна тенденция к его «деградации»: уменьшения размеров и толщины, упрощение форм, как это видно по комплексу из *погребения 1 кургана 32*. Это впускное захоронение в насыпи раннего кургана, где на погребенную женщину был надет головной убор, украшенный билунницевидными с парными выступами накладками. Этот стиль возникает в Южном Зауралье еще с начала IX века и в разных вариациях продолжает существовать предположительно до начала X века (*рис. 209*).

К наиболее поздним предметам основной части Погребального комплекса Уелги можно отнести материалы курганов 1, 3–4, 11–12, 28–30 (*рис. 13. 1, 2, 11; 21; 27; 113; 114; 117; 123–125; 131; 134; 173; 186–192; 199*). «Тайник» из кургана 29 уникален. Он сочетает накладки в венгерском стиле, поздние хусаиновские предметы и флаконовидную подвеску (*рис. 184–192*), имеющую явное приуральское влияние. Именно последний предмет может указывать на верхнюю хронологическую границу комплекса (X–XI вв.),[25] по нашему мнению – первая половина X в. Этим же временем датируются позолоченные предметы в венгерском и каранаевско-синеглазовском стилях из кургана 11 (*рис. 124; 125*), что подтверждает радиоуглеродная дата из комплекса Актюба (см. глава 1, раздел 1.4.1).

Таким образом, радиоуглеродные даты и типология инвентаря позволяют очертить время функционирования Погребального комплекса Уелги от *рубежа VIII–IX вв. до первой четверти XI в.*

Историко-культурная динамика распределения материалов укладывается в два этапа: хусаиновский – конец VIII – IX в. и синеглазовский – IX–XI вв.

Первый этап маркируют комплексы с ременной гарнитурой, которую составляют бронзовые и серебряные накладки с плоским щитком, имеющие разнообразную форму – прямоугольную, щитовидную, бабочковидную, сердцевидную, цветковидную и др. Керамический комплекс составляют сосуды трех групп – караякуповская, позднекушнаренковская и постбакальско-неволинская.

Второй этап представлен особым комплексом конской узды – восьмерковидные удила, с костяным псалием в виде сапожка или ласточкиного хвоста, полиметаллическая (серебро с позолотой) ременная гарнитура, украшения с растительным, зооморфным, орнитоморфным и другими тематическими видами орнаментации.

При этом следует привести такие уточнения и корректировки:

1. Некоторые даты ^{14}C имеют сомнительное значение при сопоставлении с типологией инвентаря. Это касается двух объектов: погребение 1, курган 3; погребение 1, курган 7 (*рис. 27. 1, 2, 4–10; 60*), предпочтительной датой для которых является вторая половина IX – начало X в., а не X – начало XI в.

2. Курган 31, который действительно показывает самую позднюю дату – конец X – первую половину XI в., находится на значительном отдалении от основной части Погребального комплекса Уелги (*рис. 205*), примерно в 300 м. Так как в основной части памятника нет поздних комплексов второй половины X – XI в., то ее целесообразней датировать не позднее первой половины X в.

3. Учитывая уникальный случай стратиграфии (погребение 5 и 6 кургана 11), стилистические

[25] Крыласова–Подосёнова 2018, 58.

различия инвентаря и различия погребального обряда, можно говорить о более дробных интервалах внутри IX в., указывающие на миграционный «сросткинский» импульс и последующие перемены этнокультурного характера. Поиск временного рубежа этой перемены можно искать в известных комплексах монет раннего (хусаиновского) горизонта Южного Зауралья (наиболее поздняя монета – 824 г.), военно-политических событиях, связанных с кыргызско-уйгурской войной и последующим крушением Уйгурского каганата в середине IX в. Видимо, этим же временем – середина IX в. – следует определять начало второй фазы функционирования Погребального комплекса Уелги, а также появление в Зауралье сросткинского и оформление мадьярского стилей ременной гарнитуры.

1.3. Керамический комплекс погребального комплекса Уелги[26]

Коллекцию керамического комплекса Уелги составляют 16 развалов и 113 фрагментированных сосудов, поддающихся реконструкции.

В результате многолетних наблюдений и исследований керамических коллекций памятников мадьярского времени юга лесостепного Зауралья (городища Большое Бакальское, Усть-Утяк I, могильник Граултры)[27] авторы сочли возможным реконструировать основные формы сосудов с минимальным количеством фрагментов. Был также отмечен ряд устойчивых показателей.

1. Повсеместная круглодонность. Исключением стал плоскодонный сосуд с ушками из курганов 1, 2 (группа 3) (*рис. 286. 5*).

2. Основными составляющими формами являются сферические банки с открытым или слегка закрытым горлом, а также сосуды горшечной формы с прямой или слегка отогнутой шейкой. Исключение – чашевидный сосуд из кургана 35 (группа 1).

3. Особую форму имеют горшки из 4 группы с крупногребенчатой и шнуровой орнаментацией. В основном это горшки с наклоненной внутрь шейкой, имеющие хорошо выраженные плечо либо ребро по плечу.

Всего по форме, составу теста,[28] технике и сюжетам орнаментации выделено четыре типологических группы.

Караякуповская группа представлена круглодонными горшками, банками и чашевидными сосудами. Примерно треть сосудов этой группы не орнаментированы или орнаментированы незначительно (*рис. 284. 1–7, 17, 18, 20, 24, 25*). В большинстве случаев орнамент нанесен гребенчатым штампом в виде зигзагов, косых наклонных многорядных поясков, а также резной елочкой, горизонтальными линиями и многорядными косыми нарезками по шейке и верхней части плеча (*рис. 284. 8–16, 19, 21–23, 26–29*).

Аналогичная керамика в большом количестве встречается в погребальных и поселенческих памятниках Башкортостана.[29]

Особенностью уелгинской караякуповской группы керамики является отсутствие сосудов с жемчужинами, которые часто встречаются в материалах башкирских комплексов. Вероятнее всего это отличие относится к разряду локально-региональных особенностей, так как на синхронном зауральском погребальном памятнике Граултры, расположенном рядом с комплексом Уелги, среди караякуповских образцов присутствуют горшки с жемчужинами.[30]

Кушаренковская группа представлена круглодонными горшками с небольшой отогнутой или прямой шейкой и округло срезанным венчиком, отличительной чертой является тонкостенность и хорошо заглаженная внешняя и внутренняя поверхность сосудов. По форме часть горшков имеет более узкое горло и округлое слегка раздутое тулово (*рис. 285. 1–3, 5, 8,*

[26] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-20283 «*Мир кочевников Южного Урала в свете мадьярской археологии (VIII–XI вв.)*», https://rscf.ru/project/24-28-20283/

[27] Гущина–Боталов 2016, 361–409; Кайдалов–Сечко–Боталов 2016, 59–188; Боталов 2000, 321–329.

[28] Более подробно о структуре и составе керамики можно ознакомиться в приложении 1 к данному разделу.

[29] Мажитов 1977, табл. XXII, XXIII.

[30] Боталов 2016, 520, рис. 22, 9, 12, 16.

10, 11, 13, 15, 17). В трех случаях отмечена горшечная форма с невысокой шейкой (*рис. 285. 4, 6, 7*). Незначительное количество представляют небольшие банки с прямой или вогнутой шейкой (*рис. 285. 9, 12, 14, 16*). Орнаментация располагается по венчику, шейке и верхней части плеча. Характерной деталью орнаментации являются горизонтальные прочерченные опоясывающие линии, которые отделяют многорядный прочерченный зигзаг, косую решетку, горизонтальные или вертикальные елочки, прочерченные или нанесенные гребенчатым штампом (*рис. 285*).

Многорядный зигзаг является основной региональной особенностью орнаментации зауральской уелгинской керамики кушнаренковской группы. Сосуды из курганов 7–10; 10А; 23; 33, 41 (*рис. 285. 2, 4, 6, 9–14, 17*) являются типичными образцами позднего кушнаренково (IX–Xвв.).[31]

Постбакальско-неволинская группа[32] представлена в основном толстостенными горшками средних и крупных размеров, как правило, со слегка раздутым округлым туловом, прямой вогнутой шейкой, срезанной внутрь под острым углом. Орнаментация, как и в предыдущих группах, нанесена по шейке и верхней части плеча. Орнамент выполнен резной техникой и гребенчатым штампом. Композиционный ряд состоит из многорядной горизонтальной или вертикальной елочки, или зигзага, а также вертикальных столбцов из рядов крупнозубчатого штампа (*рис. 286. 1–4, 6–9, 11–31; 288. 1, 2, 4–8*). Характерной орнаментальной деталью является косая решетка (*рис. 286. 5, 10; 288. 3*).

По форме превалируют небольшие банки с прямой или вогнутой шейкой (*рис. 286. 8, 9, 11, 12, 14–16, 18, 19, 21–25, 27, 28, 30; 288. 2, 4–7*). Часть сосудов имеют горшечную форму с невысокой шейкой (*рис. 286. 1–4, 6, 7, 13, 17, 20, 26, 29, 31; 288. 1, 3, 8*). В коллекции также отмечены два горшка с ушками (*рис. 286. 5, 10*), которые являются маркерными в керамическом комплексе неволинской культуры.[33]

Раннечияликская (макушинская), постпетрогромско-юдинская группа[34] представляет наиболее многочисленную часть керамической коллекции. В нее входят толстостенные горшки крупных и средних размеров, характерной примесью в тесте которых является слюда и тальк. Сосуды в основном трех форм: первая – круглодонные горшки с невысокой хорошо выраженной вогнутой шейкой (*рис. 287. 2, 5, 8, 9, 11–13, 19, 22–28, 30, 31, 33, 35–37; 288. 10–12, 14, 15*); вторая – сферические банки с неоформленной шейкой, сужающейся кверху (*рис. 287. 7, 10, 14, 16, 17, 29, 32, 34; 288. 9, 13 16*); третья – горшки с невысокой слегка отогнутой шейкой (*рис. 287. 1, 3, 4, 6, 15, 18, 20, 21*).

Орнаментация сосудов этой группы нанесена оттисками шнурового и псевдошнурового, а также крупногребенчатого штампов. Орнаментальное поле обычно располагалось по венчику, шейке и верхней части плеча, реже – ниже плеча. Шнур, как и плоский гребенчатый штамп, наносились многорядными горизонтальными поясками. Ниже эту зону по плечу ограничивают зигзагообразный (в виде полусот) узор, вертикальные елочки или подковообразные вдавления (*рис. 287. 1–6, 11–24, 27–32, 35–37; 288. 9, 10, 12, 13, 16*).

Особая орнаментальная композиция отмечается на горшках из курганов 1; 2; 4; 7; 8; 28; 34; 36. В первом случае сосуды имеют горизонтальную двойную зону, состоящую из четырех шнуровых горизонталей, внутри которых помещен двойной зигзаг, выполненный гребенчатым штампом, ниже которого по плечу спускается горизонт из ромбов с круглыми вдавлениями в центре, и один или два вертикальных ряда из трех вдавлений (*рис. 287. 7–10, 25, 26; 288. 11*). В данной группе выделяется оригинальный сосуд, найденный в насыпи и на подкурганной площадки кургана 36. По форме он схож с уелгинскими

[31] Мажитов 1977, табл. XIX, XX.

[32] О бакальско-неволинских материалах Зауралья и Предуралья мы достаточно подробно останавливались в коллективной монографии 2016 года (см: Боталов 2016, 507–517). В этой связи нет смысла приводить дополнительные данные по этой теме.

[33] Голдина–Пастушенко–Черных 2011; Боталов 2016, 510, рис. 16, 20–22, 28, 33, 35.

[34] Благодарим А.П. Зыкова за неоценимые консультации в интерпретации керамики.

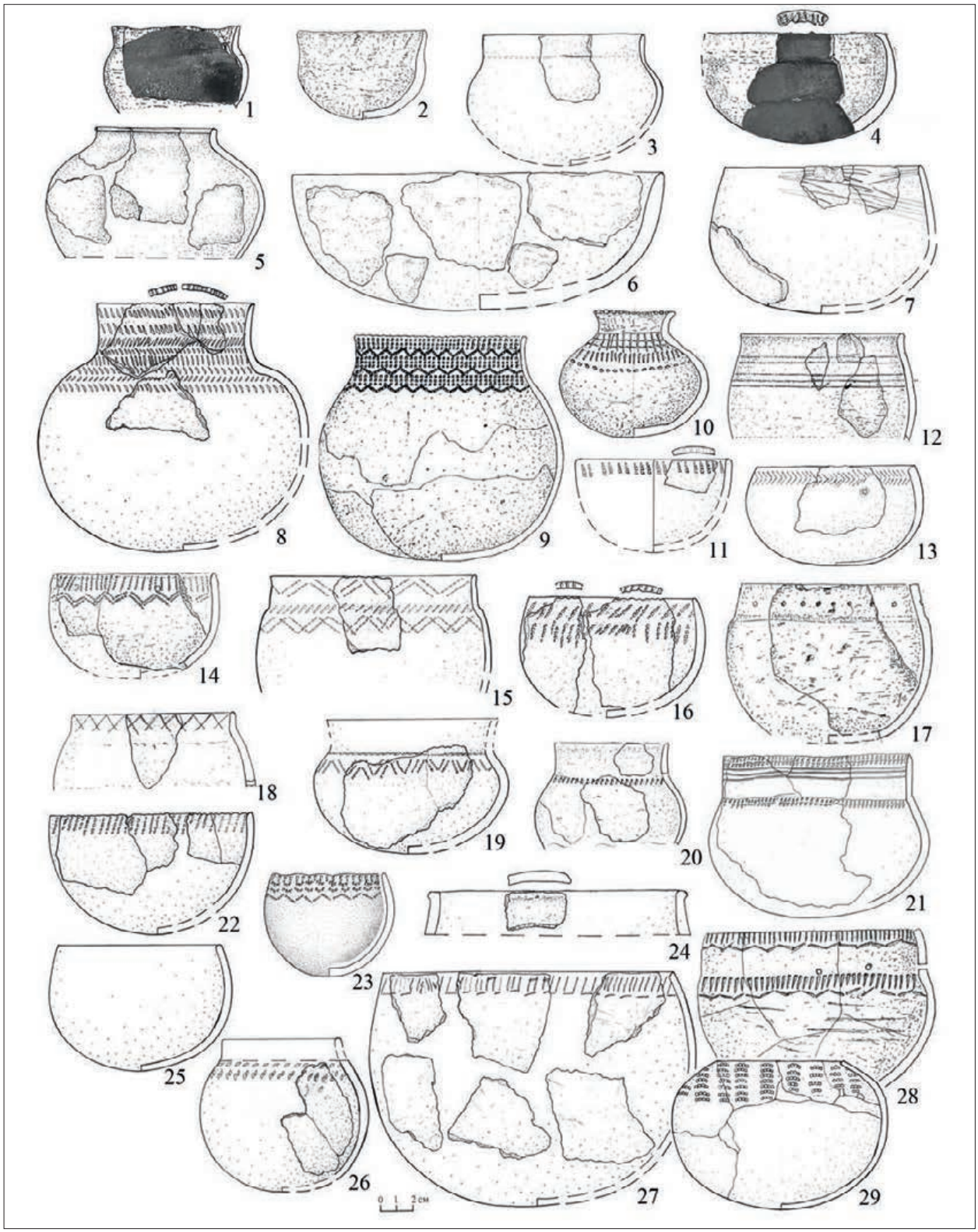

Рис. 284. Погребальный комплекс Уелги. Керамика. Каракуповская группа. 1, 20: курганы 7, 8; 2, 17, 28–29: курган 32; 3, 16, 25, 27: курган 23; 4: курган 11; 5, 7, 10, 14: курган 9; 6: курган 35; 8, 12–13, 18, 21, 22: курганы 10, 10А; 9: курган 1; 11, 23: курган 12; 15: курган 26; 19: курган 4; 24: курган 14; 26: курган 28

284. kép. Az ujelgi temető. Kerámia. Karajakupovói csoport. 1, 20: 7. és 8. kurgánok; 2, 17, 28, 29: 32. kurgán; 3, 16, 25, 27: 23. kurgán; 4: 11. kurgán; 5, 7, 10, 14: 9. kurgán; 6: 35. kurgán; 8, 12–13, 18, 21–22: 10. és 10A kurgánok; 9: 1. kurgán; 11, 23: 12. kurgán; 15: 26. kurgán; 19: 4. kurgán; 24: 14. kurgán; 26: 28. kurgán

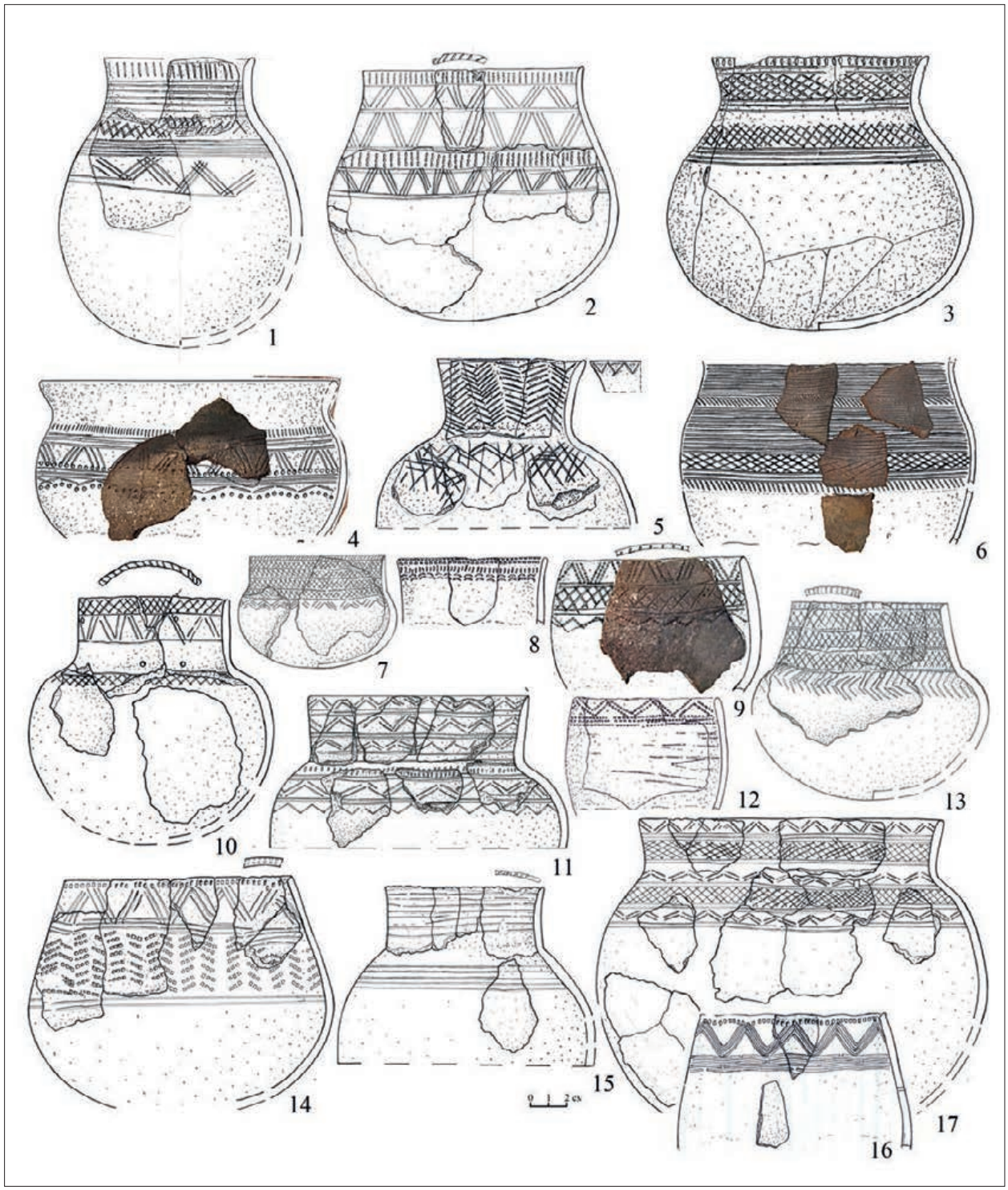

Рис. 285. Погребальный комплекс Уелги. Керамика. Кушнаренковская группа. 1, 5: курган 9; 2: курган 23; 3: курган 11; 4, 6, 8, 12: курганы 7, 8; 7: курганы 1, 2; 9: курган 33; 10–11, 14–17: курганы 10, 10A; 13: курган 41

285. kép. Az ujelgi temető. Kerámia. Kusnarenkovói csoport. 1, 5: 9. kurgán; 2: 23. kurgán; 3: 11. kurgán; 4, 6, 8, 12: 7. és 8. kurgánok; 7: 1. és 2. kurgánok; 9: 33. kurgán; 10–11, 14–17: 10, 10A kurgánok; 13: 41. kurgán

образцами, имеет раздутое тулово, невысокую слегка вогнутую шейку (*рис. 288. 15*). Орнамент нанесен двузубым, вероятно прокатанным, штампом в виде волнообразного остроугольного зигзага. В другом случае, наряду с гребенчатым штампом присутствует плоский округлый или фигурный (звездочка, овал, подпрямоугольник) штамп (*рис. 287. 33, 34*). В третьем же случае по шейке перемежаются ряды шнуровых горизонталей, между которыми помещены ряды вертикальных шнуровых оттисков (*рис. 288. 14*).

По мнению В. М. Морозова и В. Д. Викторовой традиция шнуровой керамики, вероятнее всего, формируется в лесостепных и лесных памятниках Среднего Зауралья в X веке (Макушинский, Ницевский могильники, верхние горизонты городищ бассейна Пышмы, Ницы и Средней Туры).[35] Первый явился названием этой группы. Макушинский тип памятников был выделен В. Д. Викторовой в начале 60-х годов прошлого столетия после исследования могильника на реке Нице у села Макушино (Свердловская область).[36] Хотя следует отметить, что еще в начале 1950-х годов пермские археологи исследовали схожие памятники со шнуровой орнаментацией в Кунгурской лесостепи (Селянинский могильник, городище Лобач и другие), относящиеся к комплексам сылвенской культуры.

В этот же ареал, по их мнению, вошли и бакальские зауральские памятники по реке Исети (Большое и Малое Бакальские городища, Старо-Лыбаевское селище, Пахомовский и др. могильники).[37] Однако последующая историографическая практика показала, что зауральские памятники бакальской культуры, выделенные в конце 1950-х годов К. В. Сальниковым,[38] оказались наиболее реально отвечающими историко-культурной ситуации в раннесредневековом Зауралье.[39]

Приуральские сылвенские памятники, содержащие керамику со шнуровым орнаментом, также не имели своего историографического развития. Еще одним исследователем, который внес значительный вклад в исследования кочевнических памятников с посудой со шнуровой орнаментацией, стал Н. А. Мажитов. В 1970-х годах он исследовал группу курганов этого типа в Каранаевском, Мрясимовском и Кушулевском могильниках. Автор отнес их к «мряслимовскому» типу.[40]

В конце 1980-х годов Е. П. Казаковым эта группа памятников была выделена как чияликская культура (названа по селищу у деревни Чиялик в Татарстане).[41] По его мнению, она бытовала в Предуралье до XIII–XIV вв., а до этого времени, начиная с X века, ей предшествовала постпетрогромская культура.[42]

Наименование «чияликская культура» сегодня достаточно прочно вошло в научный оборот. Прежде всего, в связи с активными работами Г. Н. Гарустовича и В. А. Иванова.[43]

Наиболее полная систематизация материалов чияликской культуры была проведена Г. Н. Гарустовичем. Прежде всего, автор выделил два хронологических этапа культуры: ранний (постпетрогромский или мряслимовский), который начинается с конца IX или в самом начале X века и продолжается до XIII века, когда наступает поздний (чияликский) этап (XIII–XIV вв.). Солидаризируясь с Е. П. Казаковым, автор считает, что в начале II тысячелетия в Предуралье фиксируются две волны переселенцев из-за Уральского хребта в X и в XIII веке.[44]

Подведем краткий историографический итог. Итак, группа с гребенчато-шнуровой керамикой

---

[35] Викторова–Морозов 1993, 191.
[36] Викторова 1962, 135–153; 1964, 247–250.
[37] Потемкина 1964, 257–259; Викторова–Генинг–Стоянов 1964, 191–197; Овчинникова 1987, 133–143.
[38] Сальников 1956; 1961; 1961а.
[39] Боталов и др. 2008.
[40] Мажитов 1977, 75–77; 1981, 147–159.
[41] Казаков 1997.
[42] Казаков 2007, 51–65.
[43] Гарустович 1988; 1998; Гарустович–Иванов 1992, 17–30; Гарустович–Иванов–Шилов 2008; Иванов 2015, 201–219; 2018, 105–112.
[44] Гарустович 2015, 182–183.

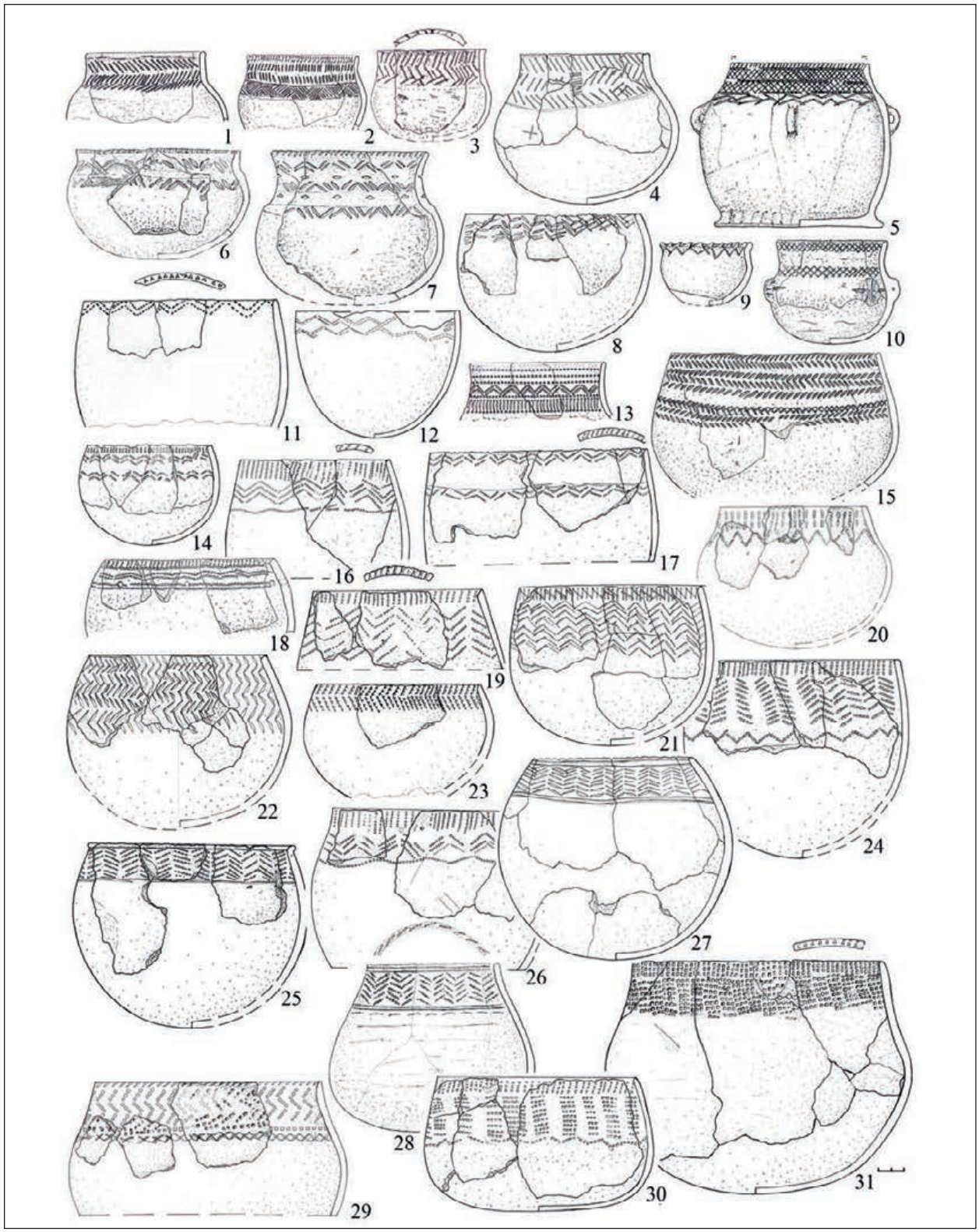

Рис. 286. Погребальный комплекс Уелги. Керамика. Постбакальско-неволинская группа. 1–2, 13, 15: курганы 7, 8; 3, 28: курган 32; 4, 14, 25, 31: курганы 10, 10A; 5: курганы 1, 2; 6–8, 10, 18: курган 9; 9: курган 28; 11, 23: курган 4; 12: курган 5; 16–17, 19, 21–22, 24, 26, 27, 30: курган 23; 20, 29: курган 41

286. kép. Az Ujelgi temető. Kerámia. Posztbakaldai-nyevolinói csoport. 1–2, 13, 15: 7. és 8. kurgánok; 3, 28: 32. kurgán; 4, 14, 25, 31: 10, 10A kurgánok; 5: 1. és 2. kurgánok; 6–8, 10, 18: 9. kurgán; 9: 28. kurgán; 11, 23: 4. kurgán; 12: 5. kurgán; 16–17, 19, 21–22, 24, 26, 27, 30: 23. kurgán; 20, 29: 41. kurgán

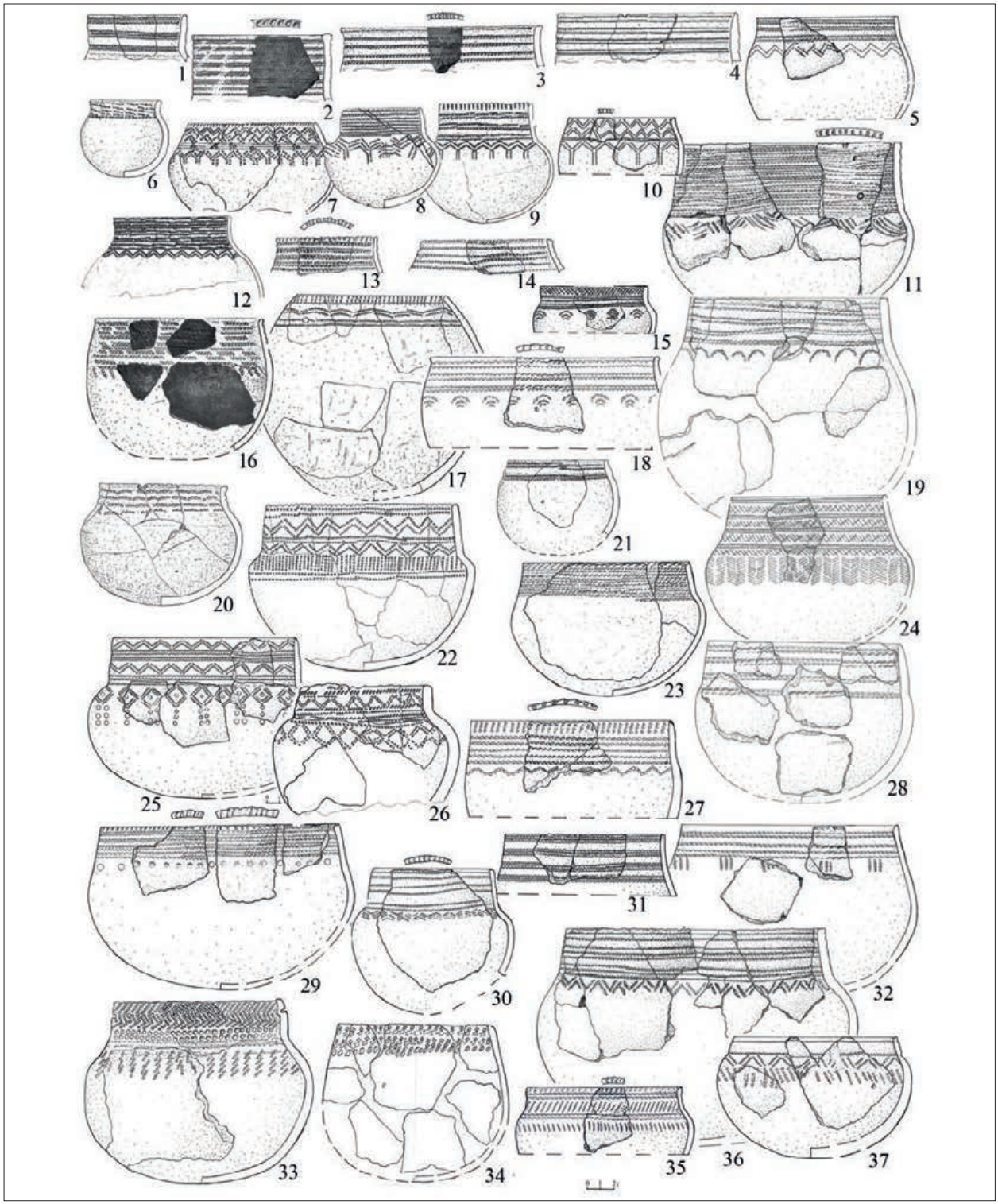

Рис. 287. Погребальный комплекс Уелги. Керамика. Раннечияликская (макушинская), постпетрогромско-юдинская группа. 1, 4, 10, 35: курган 28; 2, 3, 7, 8, 21: курганы 7, 8; 5, 11, 19, 28, 32, 36: курган 41; 6, 9, 12: курганы 1, 2; 13, 14, 16: курган 11; 15, 17, 33, 34: курган 9; 18, 22, 27: курган 14; 20: курган 35; 23: курган 23; 24: курган 17; 25, 30, 37: курган 36; 26, 31: курган 4; 29: курганы 10, 10А

287. kép. Az ujelgi temető. Kerámia. Korai csijalik (makusinói), posztpetrogrom-jugyinói csoport. 1, 4, 10, 35: 28. kurgán; 2–3, 7, 8, 21: 7. és 8. kurgánok; 5, 11, 19, 28, 32, 36: 41. kurgán; 6, 9, 12: 1. és 2. kurgánok; 13–14, 16: 11. kurgán; 15, 17, 33–34: 9. kurgán; 18, 22, 27: 14. kurgán; 20: 35. kurgán; 23: 23. kurgán; 24: 17. kurgán; 25, 30, 37: 36. kurgán; 26, 31: 4. kurgán; 29: 10, 10A kurgánok

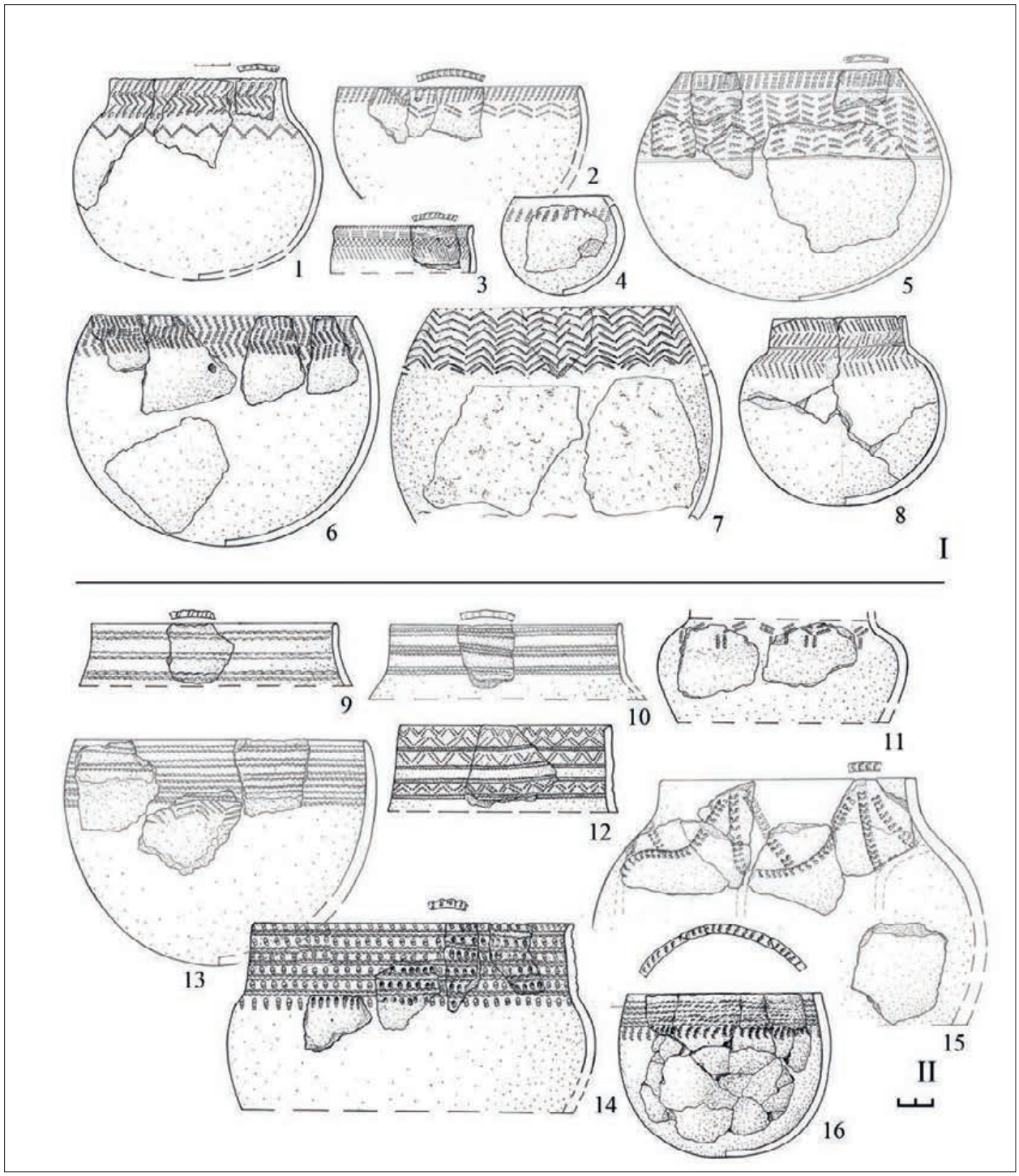

Рис. 288. Погребальный комплекс Уелги. Керамика. I: постбакальско-неволинская группа; II: раннечияликская (макушинская), постпетрогромско-юдинская группа. 1, 4: курган 12; 2, 5, 6, 8, 16: курганы 10, 10A; 3, 7: курганы 7, 8; 9, 14: курган 32, 10: курган 28; 11: курган 34; 12: курганы 1, 2; 13: курган 4; 15: курган 36

288. kép. Az ujelgi temető. Kerámia. I: posztbakaldai-nyevolinói csoport; II: korai csijaleki (makusinói), posztpetrogrom-jugyinói csoport. 1, 4: 12. kurgán; 2, 5, 6, 8, 16: 10, 10A kurgánok; 3, 7: 7. és 8. kurgánok; 9, 14: 32. kurgán, 10: 28. kurgán; 11: 34. kurgán; 12: 1. és 2. kurgánok; 13: 4. kurgán; 15: 36. kurgán

первоначально выделяется как сылвенская, макушинская (Зауралье), чияликская (Предуралье), постпетрогромская (мряслимовская) с начала X века. При этом наблюдается определенная терминологическая подмена, когда постпетрогромские образцы определяются как юдинские. В этой части зауральские материалы зачастую удревняются в сторону ранних позиций юдинской культуры (VII–VIII вв.). В этой связи ранняя юдинская позиция подчас опускается до V–VII вв. в случае с Заводоукским-3 курганным могильником.[45]

Анализируя керамический комплекс Усть-Терсюкского городища, Г. Н. Гарустович приводит достаточно большую выборку шнуровой керамики макушинского (раннечияликского) типа, с жемчужными подковками, зигзагом, нарезками и косыми рядами гребенчатого штампа внизу. Сосуды этой группы имеют прямую шейку и косо срезанный венчик и более близки к петрогромским образцам.

Приведенные Е. А. Третьяковым хронологические диаграммы подтверждают, что действительно общий культурный прерыв на городище Усть-Терсюк происходит в пределах IX века.[46]

Достаточно большая коллекция шнуровой керамики в Большом Бакальском городище (в публикации она помечена как батырские петрогромско-юдинские образцы).[47] Однако при существующей терминологической несогласованности между казанскими, уфимскими, екатеринбургскими и тюменскими коллегами трудно однозначно обозначить то или иное культурное определение образцов керамики со шнуровой орнаментацией.

Также сложно создать единую культурно-временную модель. Следует заметить, что в публикации Большого Бакальского городища (керамический комплекс) мы приводим достаточно внушительную таблицу шнуровой керамики.[48] Учитывая, что появление этого петрогромско-юдинского горизонта падает на VII–VIII с заходом в IX век, установить это позволяют наиболее поздние даты радиоуглеродного анализа (*табл. 2*).

Таблица 2. Городище Большое Бакальское. Поздний этап
2. táblázat. Bolsoje Bakalszkoje erődített telep. Kései fázis

№ п/п	Код	Конвенционное значение	Калибровочное значение (68.2%)	Калибровочное значение (95.4%)
1	Le 8289	1500±	536 (66.2%) 620AD 632 (2.0%) 636 AD	436 (4.2%) 454 AD 460 (13.9%) 520 AD 529 (77.3%) 643 AD
2	Le 8290	1480±	54 (60.85%) 623AD 628 (7.4%) 634 AD	437 (3.0%) 452 AD 412 (0.6%) 519 AD 529 (81.9%) 580 AD
3	Le 8302	1400±	540 (57.6%) 694AD 698 (5.3%) 718 AD 747 (5.3%) 767 AD	429 (90.2%) 782 AD 790 (3.1%) 830 AD 830 (2.2%) 870 AD
4	Kil 5912	1330±	640 (68.2%) 780AD	590 (95.4%) 880 AD
5	Sp8 960R	1297±30	670 (68.2%) 712AD	661 (95.4%) 770 AD

В определенной мере на культурную принадлежность этого позднего горизонта указывает образец (Ki 15912) петрогромско-юдинской керамики, который дал наиболее позднюю дату – конец VIII – конец IX в. (см. табл. 1, *4*).[49]

[45] Аношко–Рафикова 2017, 55.
[46] Третьяков 2022, 134–141.
[47] Гущина–Боталов 2016, 407, рис. 42.
[48] Гущина–Боталов 2016, 407, рис. 42.
[49] Боталов 2016, 57, рис. 2, 3.

Вероятнее всего этот петрогромско-юдинский этап на Большом Бакальском городище прерывает развитие собственно бакальской культуры, сосуществуя с ней, по крайней мере, в период VIII столетия. Нечто похожее происходит в Погребальном комплексе Уелги. Судя по материалам радиоуглеродного датирования, керамика макушинского, раннечияликского, петрогромско-юдинского типов появляется в курганах, имеющих устойчивое датирование VIII–IX вв.

В приведенной *таблице 3* помещены радиоуглеродные даты образцов, из курганов, содержащих керамику со шнуровым и крупногребенчатым орнаментом юдинско-петрогромского и раннечияликского (макушинского) горизонтов. Подавляющее большинство дат (8 из 10) не выходят из диапазона IX в. Две пробы, из кургана 3 (раскоп курганов 1; 2; 3) и кургана 7 (раскоп курганов 7; 8), датируются наиболее поздним периодом (IX – начало XI в.). В этих курганах действительно было обнаружено большое количество фрагментов сосудов описываемой группы (*рис. 287. 2, 3, 6–8, 12, 21*). Однако, по мнению И.В. Грудочко, два этих радиоуглеродных показателя (SPB856 и SPB857), полученные в Санкт-Петербургской лаборатории, как и другие образцы, полученные там же из Уелгинского комплекса, демонстрируют некоторый системный сбой, который отразился в общем хронологическом омоложении образцов. Судя по сопутствующему материалу для этого нет реальных оснований.

Таблица 3. Погребальный комплекс Уелги. Курганы с крупногребенчатой и шнуровой керамикой. Радиоуглеродные даты

3. táblázat. Ujelgi temetkezési hely. Kurgánok mélyen bekarcolt és zsinórdíszes kerámialeletekkel. Radiokarbon adatok

№ п/п	№ кургана	Код	Калибровочное значение (68.3%)	Калибровочное значение (95.4%)
1		SPB 856	945–995	890–1020
2	7	SPB 857	970–1025	890–1040
3	10 (3)	DeA 11457	826–886	772–893
4	10 (4)	DeA 11456	826–892	772–889
5	11 (1)	DeA 36404	826–892	772–889
6	11 (5)	POZ 121188	820–883	771–895
7	11 (6)	POZ 121187	784–878	771–888
8	14 (1)	DeA 36404	787–831	773–882
9	23	DeA 11455	859–892	773–898
10	29 (1)	DeA 36412	821–878	774–883

Наиболее показательными из радиоуглеродных дат являются образцы из курганов 11 и 14 (*табл. 3. 5–8*). Четыре образца из этих курганов (DeA36404; DeA11457; POZ121187; POZ121188) в probability 95.4% показывают фактически единый диапазон (последняя треть VIII – конец IX в.). Керамика в большинстве случаев происходит из насыпи и подкурганной площадки. Однако, по типологии материала, три из закрытых комплексов (курган 11, погребения 1 и 6; курган 14, погребение 1) относятся к синеглазовскому этапу и содержат вещевой инвентарь сросткинского типа – костяные и бронзовые подпружные пряжки, удила с костяным S-видным псалием, полиметаллические (серебро с позолотой) накладки. В подавляющем большинстве керамику из этих курганов представляют фрагменты с крупногребенчатым и шнуровым орнаментом с характерными тройными подковками и зигзагом в нижней части (*рис. 287. 13, 14, 16, 18, 22, 27*). В одном случае (курган 11, погребение 6) комплекс относится к хусаиновскому этапу. В этом погребении был установлен кушнаренковский горшок (*рис. 285. 3*). Однако радиоуглеродное значение образца из этого погребения (771–888 Cal AD, 95.4%) в целом лишь на семь лет древнее, чем впущенное в него погребение 6 синеглазово-сросткинского

этапа. Это позволяет полагать, что хусаиновские комплексы с кушнаренковско-караякуповской керамикой и, возможно, с керамикой третьей группы (бакальско-неволинской) какое-то время сосуществуют в рамках некрополя Уелги, возможно в течение IX века.

Следует сделать еще одно предположение, что аналогично тому, как культура с гребенчато-шнуровой керамикой в Зауральском Поисетье на протяжении VIII–IX вв. завершает развитие бакальской культуры, далее культурогенез продолжается в рамках юдинской культуры, вплоть до монгольского времени. В Южном Зауралье, на примере Погребального комплекса Уелги, в IX веке также фиксируется культурная трансформация. В среду местного кушнаренковско-караякуповского населения внедряются новые группы позднебакальского-неволинского облика из Среднего Зауралья (результат распада бакальского историко-культурного горизонта), а следом за этим наблюдается приток угорского населения с обширного региона лесостепной полосы от Алтая до лесного Зауралья и юга Западной Сибири.

Таким образом, приведенный типологический ряд керамического комплекса могильника Уелги позволяет установить сложность и многокомпонентность того поликультурного субстрата, который сформировался в кочевом сообществе на территории Челябинского Приозерья к концу IX века. Смеем высказать предположение, что именно это поликультурное образование явилось тем самым протомадьярским ядром, которое складывается в границах Уральской Magna Hungaria накануне своего исхода на запад.

Культурная многокомпонентность этого образования, вероятно, нашла свое отражение в терминологическом разнообразии в наименовании памятников и материалов этого раннего чияликского этапа: раннемакушинский, постпетрогромский (мряслимовский) и раннеюдинский.

Традиционно представляя чияликскую культуру, наиболее часто ее рассматривают в рамках позднего этапа (XII–XIV вв.). Анализ материалов Усть-Терсюкского[50] и Большого Бакальского городищ,[51] а также Погребального комплекса Уелги демонстрируют, что керамика с крупногребенчато-шнуровым и ложношнуровым орнаментом появляется в конце VIII века и продолжает существовать в течение всего IX века. Одновременно с этим на некрополе возникают комплексы сросткинского облика (погребения без керамики; трупосожжение; полиметаллическая (серебро с позолотой) богато орнаментированная гарнитура; сросткинские (алтайские) типы вооружения и конской узды). В этот же период появляются и мадьярские (карпатские) типы ременной и сбруйной гарнитуры (см. соответствующий раздел в главе 2).

Существование этого раннечияликского горизонта в Уелгинском макрорегионе продолжается вплоть до XI века. На это указывают поздние даты на могильнике Актюба: DeA 36402; 921–955 AD (68,3 probability); 914–975 probability (95.4%), где также обнаружены фрагменты шнуровой керамики (*рис. 301. 24*). Наиболее поздний образец получен из самого удаленного от основного некрополя Уелги кургана 31: DeA 36422 991–1021 AD probability 68.3%; 976–1025 AD probability 95.4%. Это положение наиболее точно подтверждает мысль, высказанную В.А. Ивановым на IV Международном Мадьярском симпозиуме (Казань–Булгар, 2018 г.) о том, что именно носителей чияликской культуры встретили в южноуральской прародине доминиканцы Отто и Юлиан в 1231–1237 гг. Они и являлись теми самыми венгерскими сородичами, которые остались здесь на Урале после исхода на запад основной части объединения.[52]

[50] Гарустович 2008, 111, рис. 6.
[51] Гущина–Боталов 2016, 395, 407, рис. 42.
[52] Иванов 2018, 107.

Таблица 4. Результат РФА в ppm
4. táblázat. RFA vizsgálatok eredményei (elemek)

№ п.п.	Шифр	Mg	Al	Si	P	S	K	Ca	Ti	Cr	Mn	Fe	Co	Ni	Ba
1	Курган 9 сосуд 12	8899	26560	112962	7145	1928	9455	28635	1839	909	862	62444	376	1561	2311
2	Курган 9 сосуд 2	14066	24433	109822	6314	2499	11562	27334	2599	672	891	51759	254	1034	5070
3	Курган 9 сосуд 10	13293	31225	130706	2470	2932	11738	16350	2487	1044	1274	66906	268	1645	1754
4	Курган 9 сосуд 4	7016	26385	90684	1781	2795	7835	33148	2415	184	230	36603	179	292	
5	Курган 9 сосуд 11	12960	31982	138903	1303	2334	10070	14570	2898	707	513	47879		737	1243
6	Курган 36 сосуд 4	16264	27644	144589	1069	2290	8991	9172	1907	852	578	49633	265	1632	
7	Курган 10 сосуд 16	18390	31843	136238	3244	2601	13069	17828	3001	1543	1213	63293	196	1371	
8	Курган 10 сосуд 6	10520	31254	141209	3129	1886	11366	29457	2755	494	484	44802	172	854	
9	Курган 10 сосуд 11	12929	25918	117042	6888	2194	11565	28084	2216	779	872	55218	263	1041	3402
10	Курган 10 сосуд15	13023	35431	145621	1682	2649	14063	10836	3779	789	672	45813	187	979	

Приложение 1
Függelék

Структура и состав керамики

Приводим результаты рентгенофлуоресцентного анализа 10 керамических сосудов из Погребального комплекса Уелги, подготовленные сотрудником Южно-Уральского федерального научного центра минералогии и геоэкологии УрО РАН (г. Миасс) О. А. Черкасовой. Для определения соотношения химических элементов в составе теста на исследование были переданы фрагменты 10 сосудов из курганов 9, 10 и 36 (*табл. 4; 5*). Анализ показал следующее соотношение химических элементов в составе теста.

Таблица 5. Результат РФА в %
5. táblázat RFA vizsgálatok eredményei (mennyiség, %)

№ п.п.	Шифр	Mg	Al	K	Ca	Fe	Ba	Si
1	Курган 9 сосуд 12	0,9	2,6	0,9	2,9	6,2	0,2	11,3
2	Курган 9 сосуд 2	1,4	2,4	1,2	2,7	5,2	0,5	10,9
3	Курган 9 сосуд 10	1,3	3,1	1,2	1,6	6,7	0,1	13
4	Курган 9 сосуд 4	0,7	2,6	0,7	3,3	3,6		9
5	Курган 9 сосуд 11	1,3	3,2	1	1,4	4,7	0,1	13,9
6	Курган 36 сосуд 4	1,6	2,7	0,9	0,9	4,9		14,4
7	Курган 10 сосуд 16	1,8	3,2	1,3	1,7	6,3		13,6
8	Курган 10 сосуд 6	1	3,1	1,1	2,9	4,4		14,1
9	Курган 10 сосуд 11	1,3	2,6	1,2	2,8	5,5	0,3	11,7
10	Курган 10 сосуд 15	1,3	3,5	1,4	1	4,5		14,6

Расшифровка сокращений: Mg (магний, тальк); Al (алюминий, слюда); K (калий, слюда); Ca (карбонаты); Fe (железо, оксиды и гидроксиды); Ba (барий); Si (кремний).

Процентное преобладание Al и K (химические элементы минералов слюд) над Mg (химический элемент талька) позволяет предположить, что в формовочной массе талька значительно меньше, чем слюд.

Карбонаты могут быть как новообразованными гипергенными минералами, так и представленными устойчивыми к высоким температурам доломитами.

Железо предположительно находится в соединениях оксидов и гидроксидов, в формовочной массе.

Наличие бария в формовочной массе требует уточнения.

Предварительно можно разделить данные образцы на две группы.

Первая группа имеет в составе формовочной массы примесь барита: курган 9 сосуд 12 (*рис. 285. 5*); курган 9 сосуд 2 (*рис. 286. 10*); курган 9 сосуд 10 (*рис. 286. 6*); курган 9 сосуд 11 (*рис. 285. 1*); курган 10 сосуд 11 (*рис. 286. 11*).

Вторая группа – барит отсутствует: курган 9 сосуд 4 (*рис. 287. 33*); курган 36 сосуд 4 (*рис. 287. 25*); курган 10 сосуд 16 (*рис. 284. 8*); курган 10 сосуд 6 (*рис. 286. 4*); курган 10 сосуд 15 (*рис. 285. 14*). Это же позволяет предположить о разных источниках сырья.

Образец из кургана 9 сосуд 4 выбивается из общей группы малым содержанием Mg, K, Fe и большим содержанием карбонатов.

Заключение

На данном этапе интерпретация полученных результатов затруднена незначительной выборкой. Необходимо дальнейшее более полное исследование керамического комплекса могильника Уелги рентгенфлуарисцентным и технико-технологическим методами, которые позволят проанализировать представленную выше типологию с точки зрения естественно-научных методов.

1.4. Анализ материалов могильника Актюба и местонахождения Нижний Яр

В настоящей монографии авторы сочли необходимым осуществить полную публикацию материалов по обозначенной тематике, которые были исследованы или попали в орбиту научного интереса в последнее десятилетие. Несмотря на краткие публикации или упоминания об этих памятниках в отдельных изданиях[53] и учитывая высокую историко-культурную схожесть с материалами Уелгинского комплекса, мы сочли целесообразным разместить на страницах монографии наиболее полную информацию по материалам могильника Актюба и местонахождения Нижний Яр.

1.4.1. Исследование могильника Актюба[54]

Могильник Актюба располагается на высоком береговом сырте (шихане) юго-восточнее коренного берега озера Актюбинское, являющегося старичной частью большого заболоченного пространства. Вероятно, ранее оно было восточной частью озера Айдыкуль. Топографическое поднятие юго-восточного берега озера Актюбинское связано с общим поднятием на 5–10 м, которое получило название грива Корина и гора Совинная.

Площадка памятника расположена на небольшом округлом останце (300 × 330 м), отделенном от основной части гривы (*рис. 289. I*). Вершина этого останца хорошо наблюдается, особенно с западо-северо-запада (*рис. 290. I*), где продолжается в направлении северо-восток–юго-запад заболачивающийся лог, являющийся границей Красноармейского и Кунашакского районов (Челябинская область). Памятник находится в 3,2 км к юго-востоку от села Бараково и в 3,6 км к востоку–северо-востоку от села Борисовка (*рис. 289. I, II*).

Сегодня памятник представляют пять курганных насыпей диаметром от 15 до 25 м, высотой 0,2–0,3 м, которые ежегодно распахиваются и визуально слабо читаются (*рис. 289. II; 291; 292. I, II; 293. I*).

Могильник был открыт в 1970 году краеведом, учителем географии Миасской средней школы В. К. Егоровым. По его описанию, некрополь состоял из пяти значительных по размерам земляных курганов, обложенных крупными валунами. Еще два кургана находились на вершинах соседних сопок. В 2019 году фотографии курганов, сделанные В. К. Егоровым, попали в руки другого краеведа из села Миасское В. В. Гирника, который организовал выезд на место могильника главы Красноармейского района Ю. А. Сакулина и ученого-археолога Южно-Уральского государственного университета А. Д. Таирова. К сожалению, за полвека, прошедшие со времени открытия памятника, в результате активной сельскохозяйственной деятельности, освобожденные от валунов насыпи курганов были полностью распаханы. На поверхности пашни были найдены бронзовые наконечники стрел раннего железного века и серебряная бляшка раннего средневековья. Изучение космоснимков и наличие прокалов на месте одного из курганов подтвердило предположение о расположении могильника, открытого В. К. Егоровым. В начале октября 2021 года в ходе

[53] Боталов и др. 2021, 84–90; Боталов–Грудочко 2023; Боталов и др. 2024, 99–109.

[54] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-20283 «*Мир кочевников Южного Урала в свете мадьярской археологии (VIII–XI вв.)*», https://rscf.ru/project/24-28-20283/

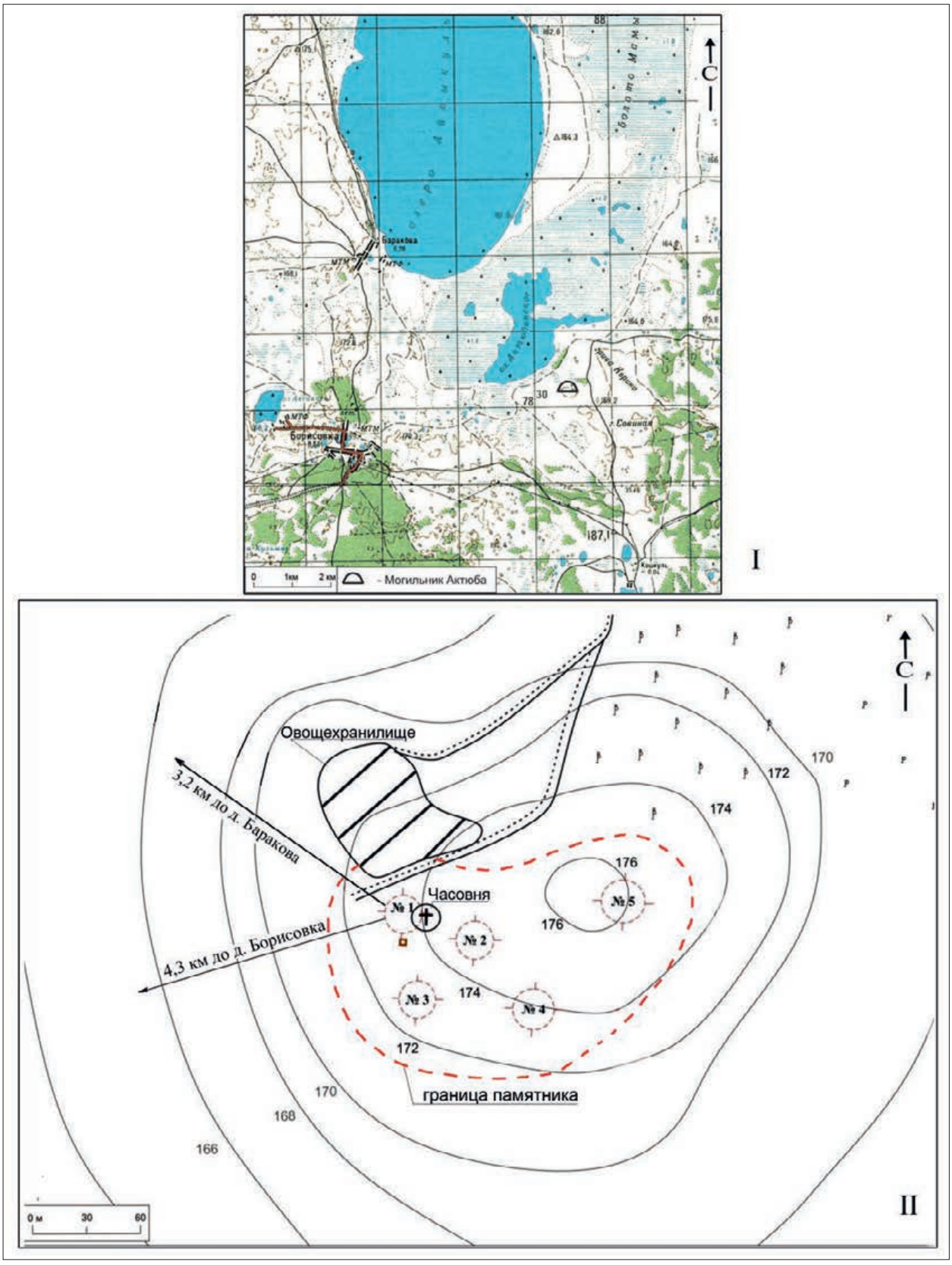

Рис. 289. Могильник Актюба. I: ситуационный план; II: план памятника по результатам инструментальной съемки

289. kép. Aktjuba temető. I: átnézeti helyszínraj; II: a lelőhely térképe műszeres felmérés nyomán

Рис. 290. Могильник Актюба. Общий вид. I: вид с северо-запада; II: вид с юго-востока
290. kép. Aktjuba temető. A lelőhely környezete. I: nézet északnyugati irányból; II: nézet délkeleti irányból

очередного осмотра площадки памятника В. В. Гирник и А. Д. Таиров выявили скопление серебряных изделий эпохи раннего средневековья.[55]

После вскрышных работ, осуществленных несанкционированно собственником территории, был сдвинут слой гумуса вокруг подножия вершины под грунтовую подушку фундамента планируемого строительства часовни.

После проведения инструментальной съемки были определены контуры площадки памятника, которая представлена остатками насыпей курганов раннего железного века 1–5 (размеры 100 × 175 м) (*рис. 289. II*).

Находки, относящиеся к эпохе средневековья (пряжки, накладки и бляхи из серебра и серебра с позолотой, фрагменты стремени, фрагменты керамики) были обнаружены в пределах границ предполагаемых курганов 1 и 2 (*рис. 292. II; 293. I*) в результате визуального и металлодетекторного обследования разрушенного слоя.

Курган 1

Первый раскоп был заложен в южном секторе кургана 1, в связи с обнаружением на этой площадке нескольких серебряных с позолотой блях и древесного тлена. Границы древесного горизонта при дальнейшей расчистке имели неправильную конфигурацию. Вероятно, жертвенный комплекс первоначально был помещен в подпрямоугольное углубление, ориентированное ЗСЗ–ВЮВ, перекрытое сверху дощатым настилом. Вероятные размеры 0,4 × 0,5 м.

[55] Авторы выражают глубокую признательность за неоценимую помощь в проведении археологических исследований 2021–2022 годах главе Красноармейского района Ю. А. Сакулину, начальнику особо охраняемых природных территорий данного района А. А. Пестрикову и краеведу В. В. Гирнику.

По мере расчистки под настилом стали фиксироваться накладки и бляхи конской узды. Все следующие предметы располагались ниже настила, который, вероятно был выполнен из досок 2–3 см толщиной и шириной до 0,15–0,20 см. Поскольку настил укладывался над жертвенным комплексом, верхние концы досок лежали на краю углубления до 0,10 м в материке. Жертвенный комплекс, вероятно, не был обнаружен грабителями, разрушение его было связано с последующим антропогенным воздействием (распахивание этой территории глубоким плугом отчетливо фиксируется при зачистке на уровне материка). Это объясняет широкий разброс артефактов на прилегающей площади (*рис. 292. II; 293. I*). Наиболее потревоженным оказался поясной набор. Вероятнее всего, ремень был уложен в жертвенный комплекс у самого края углубления, на что указывает расположение щитка пряжки (*рис. 294. I, 4*).

Сохранившаяся часть жертвенного комплекса и часть предметов, перемещенных при распашке, представляют единый объект, ориентированный по линии СЗ–ЮВ. Он фиксировался в неглубокой яме до 13 см глубиной, очертания которой сохранились только в юго-восточном секторе (*рис. 294–297*).

В комплексе «in situ» расчищены остатки деревянного седла, железное стремя и нож, а также ременные наборы накладок и блях разных размеров, лежащих над седлом, под седлом и к югу от седла, ограниченных фрагментом угла деревянного короба (или ящика).

Остатки седла представлены фрагментами двух деревянных полок (*рис. 295. 68*) и луки, завалившейся лицевой стороной вниз (*рис. 295. 67*). Верхняя часть луки была зафиксирована целой, а две нижние – восточная разрушена, а западная (левая) потревожена и смещена в сторону от полок. Полки и лука седла были обтянуты тисненой кожей. На полках седла тиснение в виде продольных линий через 1–2 мм, на луке – в виде пересекающихся линий, образующих на коже сетку квадратов 2 × 2 мм (*рис. 295. 70*). Кожа была закреплена с помощью серебряных гвоздиков с полусферическими шляпками 5–6 мм в диаметре (*рис. 295. 11*). Лицевая сторона луки седла дополнительно была продекорирована серебряными пластинками (ромбовидной, подпрямоугольной и призмовидной форм) (*рис. 295. 72*). В ходе фиксации предметов пластинки и кожа, за исключением некоторых отдельных фрагментов, отделились от дерева луки и полок (*рис. 295. 11, 67, 68, 70–72; 301. 16–21*).

В описании отдельные элементы гарнитуры были распределены по типам (*рис. 293. II*).

Деревянное седло фиксировалось на фрагментах трубчатых костей (животного или человека?) и частично на четырех бляшках типа 2, расположенных лицевой стороной вверх и ушками к северу, последовательно от западного края луки (*рис. 295. 31, 33, 3, 5*) к восточному, где оканчивались концевой накладкой типа 7 (*рис. 295. 1*), также лежащей лицевой стороной вверх (*фрагмент ремня 1*). На полках седла и на длинной трубчатой кости, подножкой к внутренней стороне луки, зафиксировано массивное стремя с широкой подножкой и петлевидным путлищем (*рис. 295. 16*).

С внешней стороны, вдоль длинной трубчатой кости лезвием к луке найден небольшой железный нож (8,4 × 1 см) (*рис. 295. 18*).

Поверх стремени и луки от длинной трубчатой кости к югу объекта лежали лицевой стороной вверх последовательно расположенные четыре накладки типа 4 на кожаном ремне. Три из них последовательно закреплены на одном фрагменте кожаного ремня, представленного сложенной в два слоя кожей, которая зафиксирована кожаной нитью. Одна крупная накладка типа 1, затем снова одна накладка типа 4 на фрагменте кожаного ремня (данная накладка частично перекрывает серию накладок типа 2, расположенных под седлом) (*рис. 295. 31*). Описанную выше серию накладок обозначим как *фрагмент ремня 2* (*рис. 295. 15, 13, 8, 25*).

К западу от фрагмента ремня 2 и параллельно ему размещен *фрагмент ремня 3*, представленный серией накладок, расположенных последовательно лицевой стороной вверх: фрагментированная накладка типа 2 (представляет собой верхний, чуть изогнутый к западу, фрагмент ремня, западная часть которого была разрушена распашкой) (*рис. 295. 9*), далее распределитель ремня с тремя «лепестками» и фрагментами кожи (*рис. 295. 17*), который фик-

Рис. 291. Могильник Актюба. Археологические исследования 2023 года. I: вид сверху на раскоп и часовню; II: вид с юга

291. kép. Aktjuba temető. Régészeti kutatás 2023-ban. I: az ásatás felülnézeti képe és a kápolna; II: nézet déli irányból

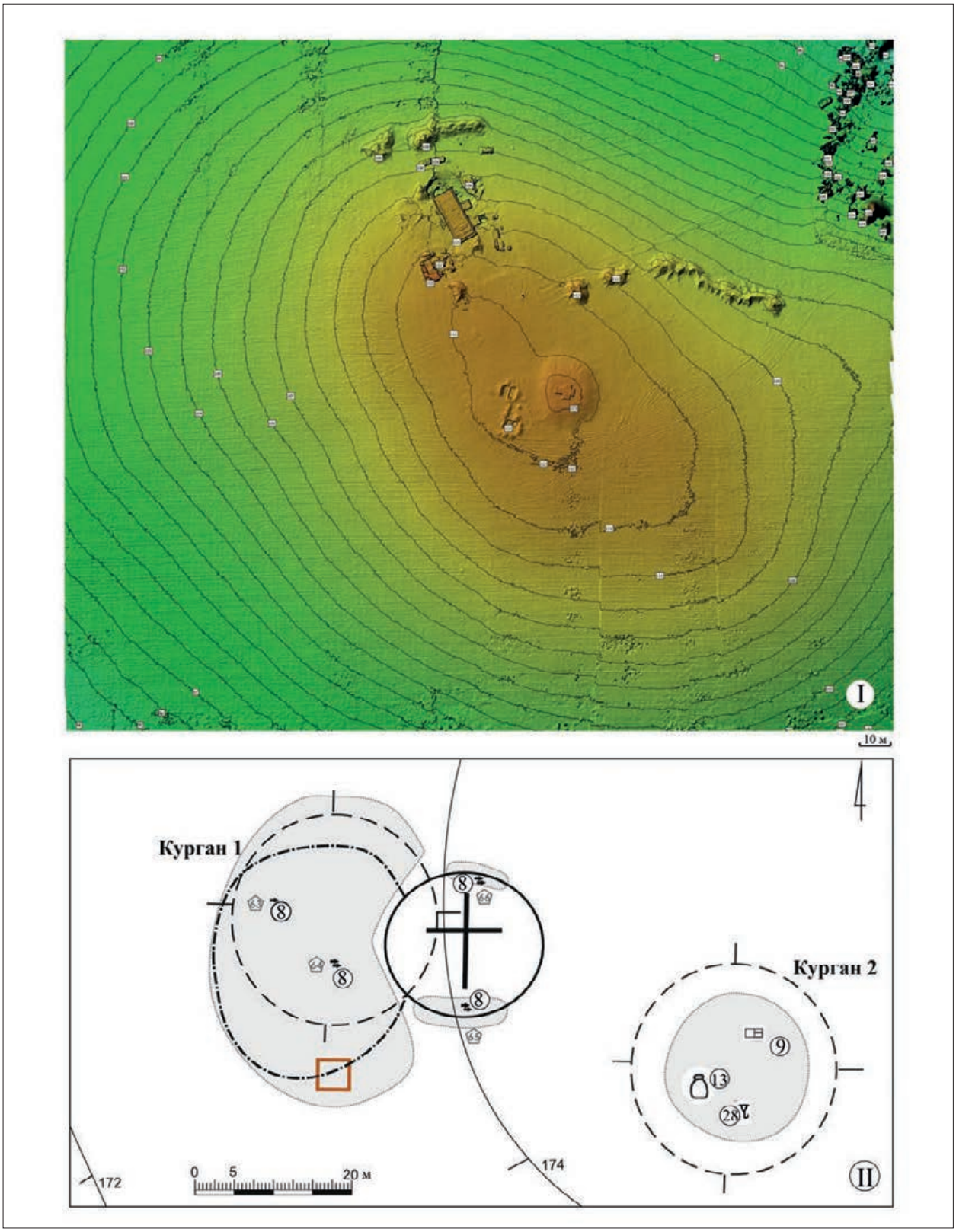

Рис. 292. Могильник Актюба. I: общий вид площадки памятника, высотный план; II: соотношение расположения курганов 1, 2 и часовни; курган 2, план находок сарматских бронзовых наконечников, серебряной пряжки и накладок

292. kép. Aktjuba temető. I: a lelőhely kiterjedésének felülnézeti térképe; II: az 1. és a 2. kurgánok, valamint a kápolna elhelyezkedése; 2. kurgán, szarmata kori bronz nyílhegyek, ezüstcsat és veretek felszínrajza

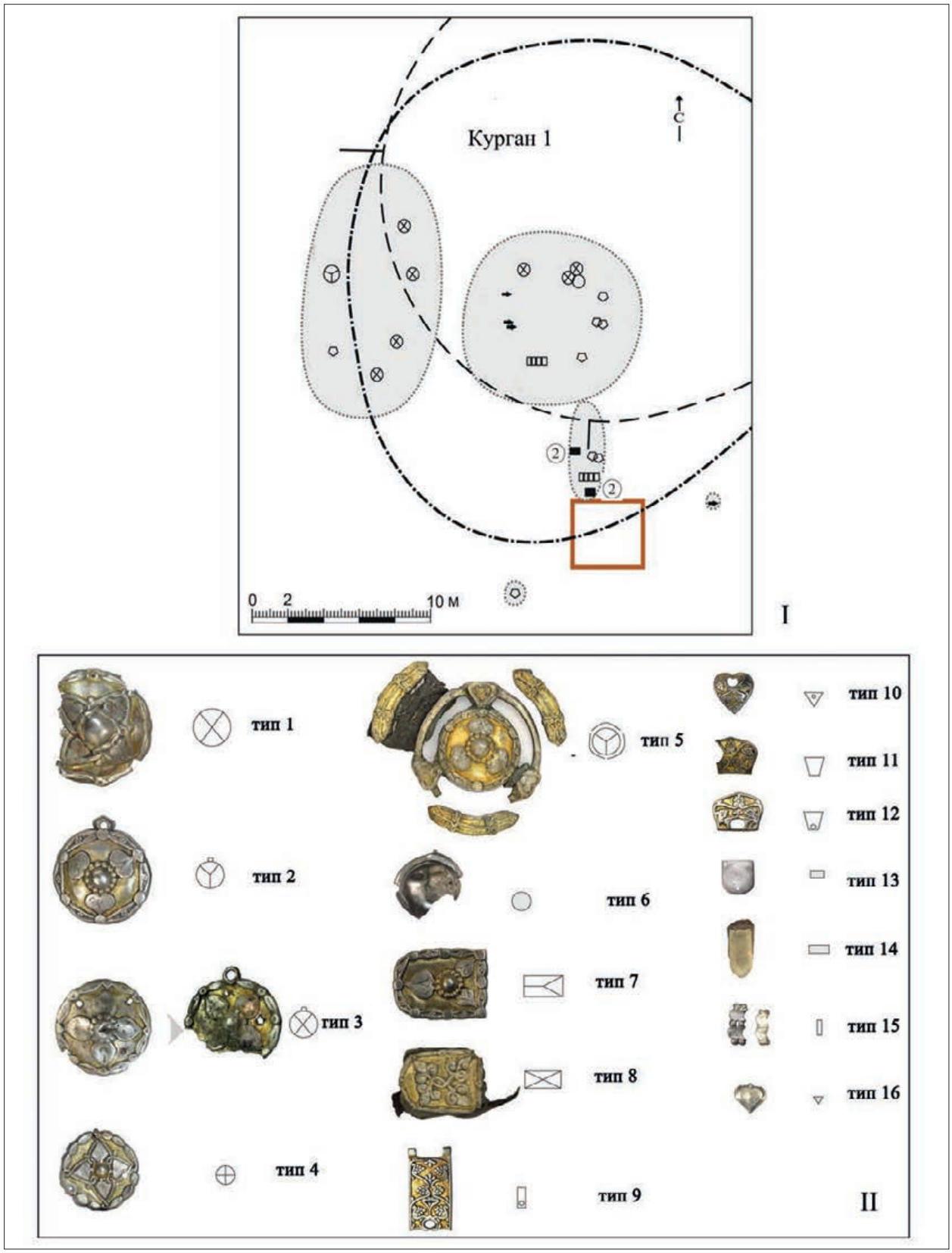

Рис. 293. Могильник Актюба. I: взаиморасположение исследовательского раскопа и подъемных материалов на площадке кургана 1; II: таблица обозначений типов ременной гарнитуры

293. kép. Aktjuba temető. I: az ásatás és a felszíni szórványleletek leletek elhelyezése az 1. kurgán területén; II: a lószerszámzat verettípusainak összefoglaló táblázata

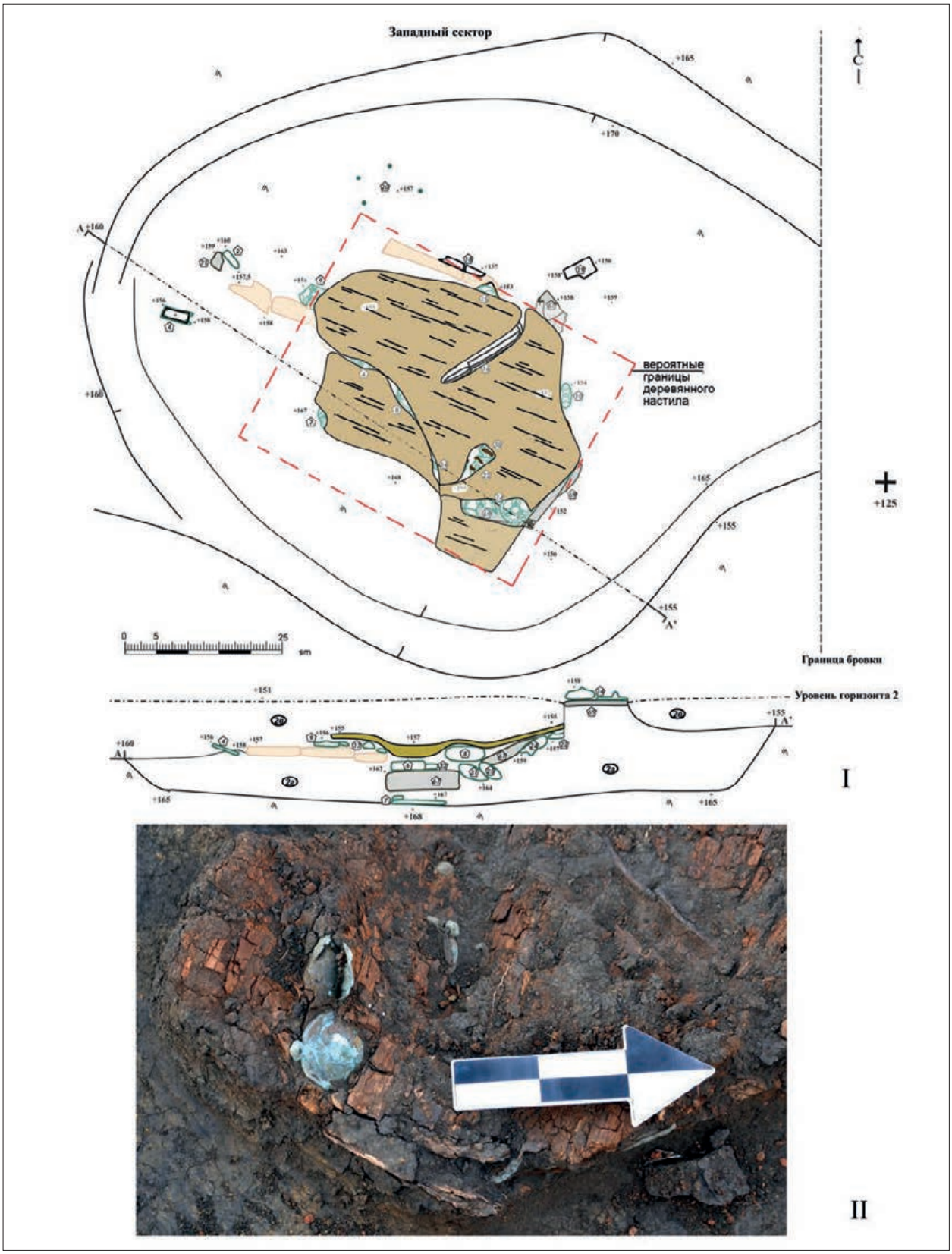

Рис. 294. Могильник Актюба. Курган 1. I: общий план, зачистка на уровне дощатого перекрытия; II: деталь, зачистка на уровне перекрытия, характер залегания дерева, вид с востока
294. kép. Aktjuba temető. 1. kurgán. I: általános felszínrajz a deszkafedél kibontásának szintjén; II: részletfotó a deszkafedél kibontásának szintjén, a deszkafedél jellege, nézet keleti irányból

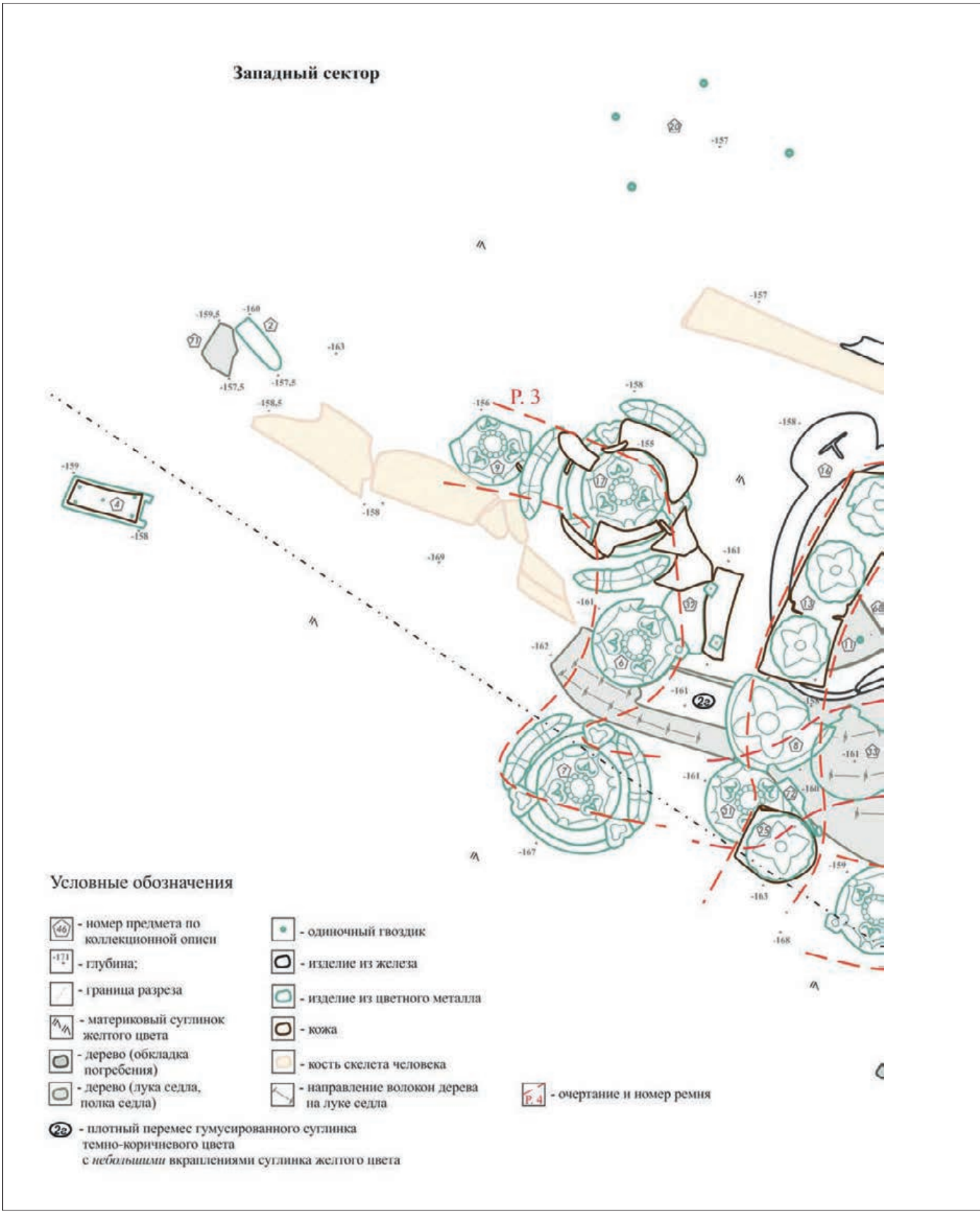
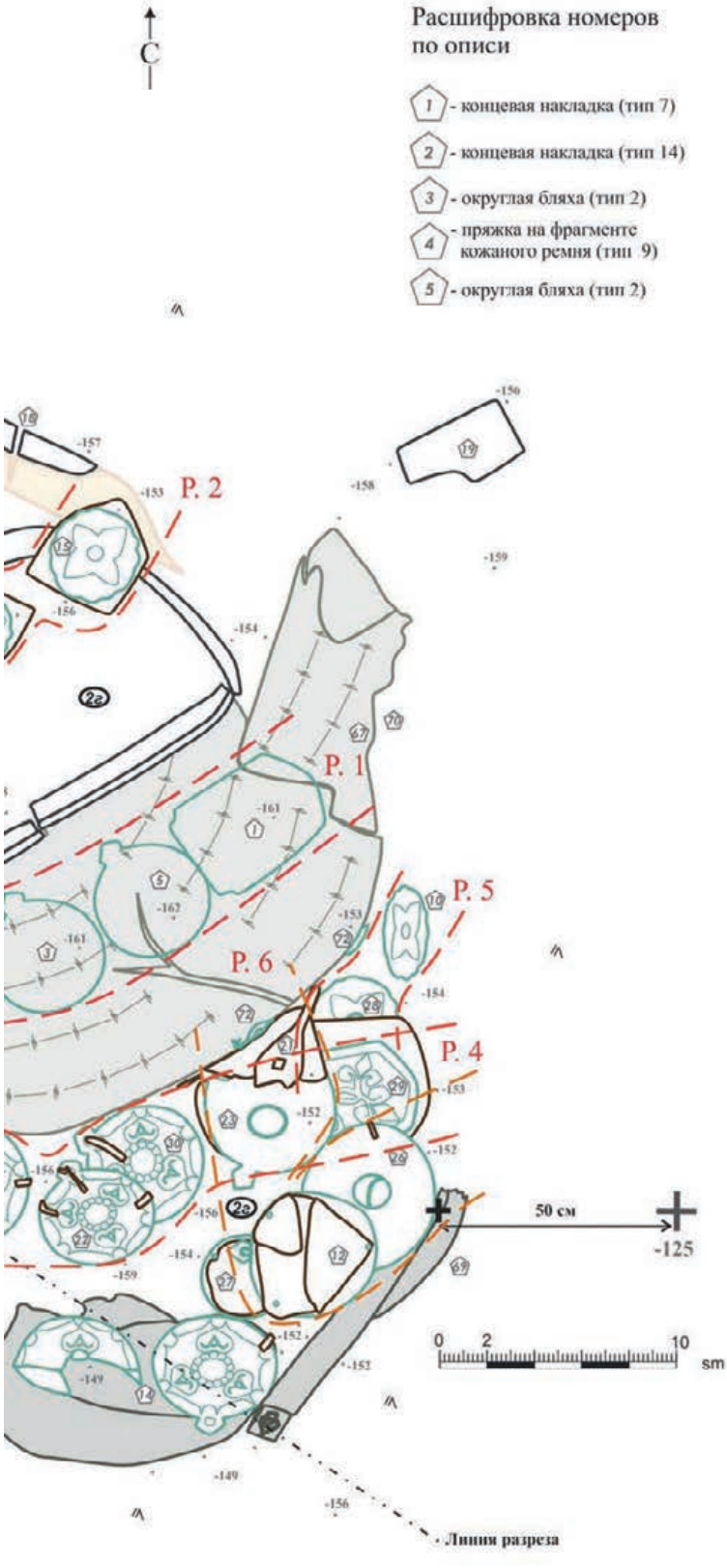

Рис. 295. Могильник Актюба. Курган 1. Жертвенный комплекс. План расположения находок
295. kép. Aktjuba temető. 1. kurgán, áldozati objektum. Leletek elhelyezkedésének áttekintő rajza

Расшифровка номеров по описи

1 - концевая накладка (тип 7)
2 - концевая накладка (тип 14)
3 - округлая бляха (тип 2)
4 - пряжка на фрагменте кожаного ремня (тип 9)
5 - округлая бляха (тип 2)
6 - округлая бляха (тип 2)
7 - тройник с двумя лепестками (тип 5)
8 - округлая бляха (тип 1)
9 - округлая бляха (обломлена) (тип 2)
10 - округлая бляшка (тип 4)
11 - гвоздики с луки седла
12 - округлая бляха с остатками кожаного ремня (тип 2)
13 - три округлые бляшки на одном кожаном ремне (тип 4)
14 - две округлые бляхи (одна обломлена) на одном кожаном ремне (тип 2)
15 - округлая бляшка на фрагменте кожаного ремня (тип 4)
16 - железное стремя
17 - тройник с тремя лепестками на фрагменте кожаного ремня (тип 5)
18 - железный нож
19 - фрагмент железного стремени
20 - гвоздики (4 шт)
21 - округлая бляшка на фрагменте кожаного ремня (тип 4)
22 - округлая бляха (тип 2)
23 - округлая бляха (фрагмент) (тип 3)
24 - округлая бляха (тип 2)
25 - округлая бляшка на фрагменте кожаного ремня (тип 4)
26 - округлая бляха (тип 3)
27 - округлая бляшка (тип 4)
28 - округлая бляшка (тип 4)
29 - концевая накладка (тип 8)
30 - округлая бляха (тип 2)
31 - округлая бляха (тип 2)
32 - округлая бляшка на фрагменте кожаного ремня (тип 4)
33 - округлая бляха (тип 2)
67 - лука седла
68 - полка седла
69 - дерево (остатки деревянного ящика)
70 - кожа с полок и луки седла
71 - фрагмент луки седла
72 - серебряные пластинки с луки седла

сировался по направлению кожаного ремня к вышеописанной накладке и к следующей, последовательно расположенной накладке также типа 2 (*рис. 295. 6*), частично перекрывающей лежащую лицевой стороной вниз на полке седла накладку типа 4 (на фрагменте кожаного ремня, который был направлен параллельно условному ремню 2) (*рис. 295. 32*) и фрагмент луки седла. Последним в составе ремня 3 фиксировался распределитель ремня с двумя «лепестками», расположенный южнее от фрагмента луки, направление одной из прорезей ориентировано к условному ремню 1 (*рис. 295. 7*).

Южнее луки седла фиксируются два ряда накладок, которые логично описать следующим образом.

Фрагмент ремня 4 представлен тремя последовательно расположенными (вдоль верхнего края луки седла и параллельно ремню 1, а также ушками вверх к северу) накладками типа 2 (*рис. 295. 24, 22, 30*) и концевой накладкой типа 8 (*рис. 295. 29*). Накладки расположены лицевой стороной вверх, концевая накладка завершает ремень.

Фрагмент ремня 5 представлен последовательно расположенными накладками типа 4: одна зафиксирована торцом, лицевой стороной к востоку вдоль луки (*рис. 295. 10*); вторая, лицевой стороной вверх, расположена частично под концевой накладкой ремня 4 (*рис. 295. 28*). Данный фрагмент ремня расположен параллельно фрагменту ремня 2 и, возможно, представляет единый (нагрудный?) ремень, разрушенный при распашке.

Серия последовательно расположенных накладок, условно обозначенная как *фрагмент ремня 6*, возможно не является единым ремнем. Данные накладки расположены лицевой стороной вниз на фрагментах ремня общего направления: накладка типа 4 зафиксирована под лукой седла (*рис. 295. 21*); находящаяся с ней на одном фрагменте ремня обломленная накладка типа 3 перекрывает концевую накладку ремня 4 (*рис. 295. 23*); накладка типа 2 (ушки данной и предыдущей накладки синхронно направлены к западу) (*рис. 295. 12*) перекрывает перевернутую накладку типа 4, не относящуюся к какому-либо «ремню» (*рис. 295. 27*); далее накладка типа 3 с обломленным ушком (*рис. 295. 26*). Две последние накладки фрагмента ремня обнаружены у южной стенки деревянного короба (ящика) (*рис. 295. 12, 26*).

Южнее линии ремня 4, на общем фрагменте ремня расположены две накладки типа 2 (крайняя западная повреждена в процессе распашки) (*рис. 295. 14*), они лежат на фрагменте юго-западной стенки деревянного короба (ящика) (*рис. 295. 69*). Эти две накладки расположены выше общего уровня залегания находок (*рис. 294. I, 14*) и, возможно, являются остатками разрушенного распашкой ремня, накладки типа 2 которого фиксируются на площадке кургана 1.

Потревоженная часть объекта включает: фрагмент подножки стремени (*рис. 295. 19*), расположенный к северо-востоку от целого стремени и восточного края луки седла; четыре гвоздика с полусферическими шляпками (*рис. 295. 20*), зафиксированными к северо-западу от стремени и предположительно оставшимися от разрушенных распашкой или временем полок седла; плоскую концевую накладку (тип 14) (*рис. 295. 2*); фрагмент луки (*рис. 295. 71*), относящийся к западному нижнему фрагменту луки седла; рамку пряжки от сросткинкого пояса (данные фрагменты расположены к северо-западу от условного фрагмента ремня 3) (*рис. 295. 4*) и фрагменты трубчатых костей.

Описание вещевого инвентаря

Поясной набор состоит из щитка пряжки и накладок. Накладки различных форм – арочной формы с отверстием внизу (3 экз.); арочной формы без отверстия (3 экз.); сердцевидных с отверстием в широкой части (18 экз.), восемь из которых сохранились на остатках ремешка шириной до 2,5 см (*рис. 298*).

Щиток от литой пряжки, полиметаллический (серебро с позолотой), прямоугольной формы, размеры 2,5 × 4,7 см, с овальным отверстием на конце щитка размерами 0,4 × 0,6 см. Имеет две петли для рамки и четыре крепежных шпенька с обратной стороны. Украшен богатым растительным орнаментом в виде дву-

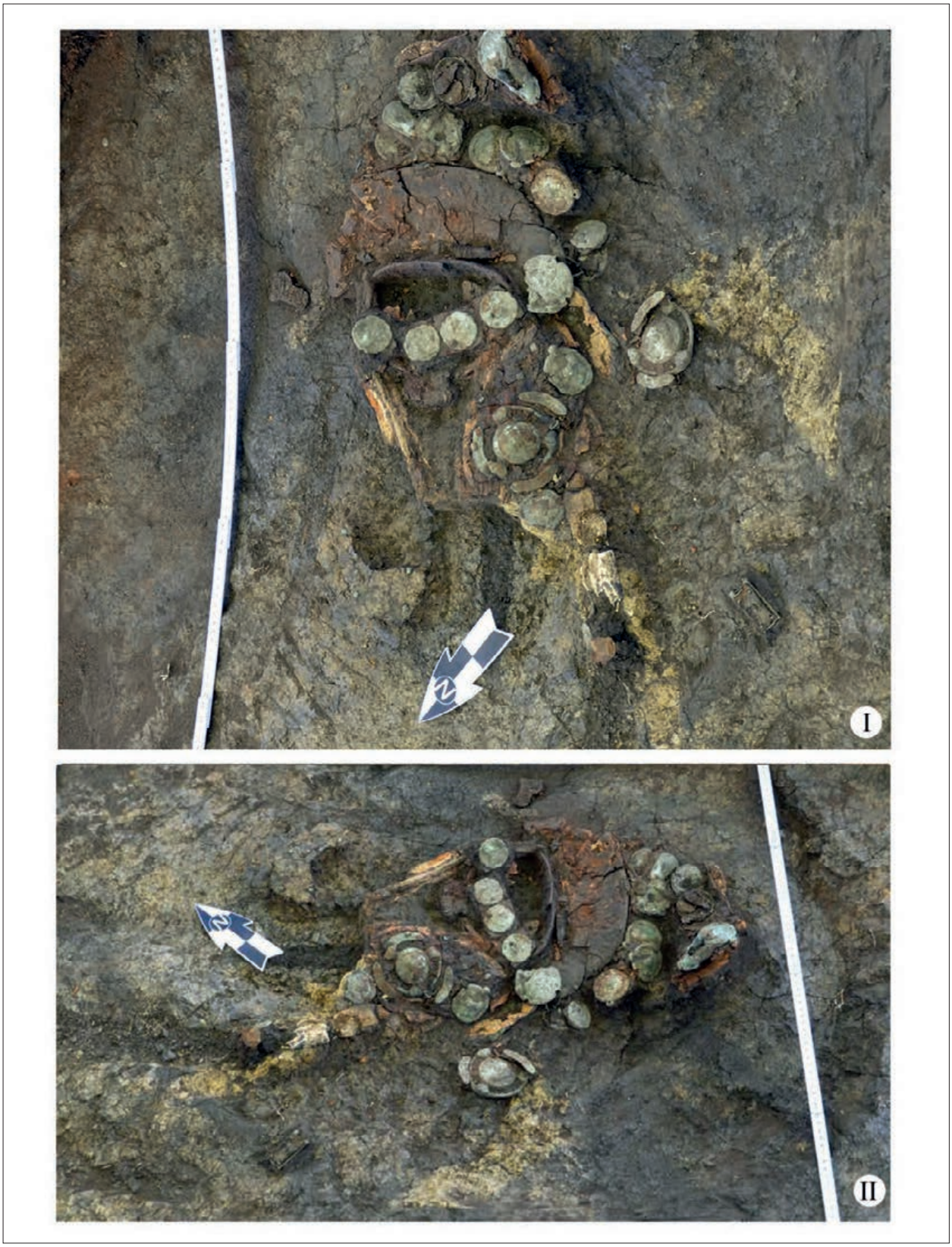

Рис. 296. Могильник Актюба. Курган 1. Расчистка жертвенного комплекса. I: вид с северо-запада; II: вид с юго-запада

296. kép. Aktjuba temető. 1. kurgán, áldozati objektum kibontása. I: nézet északnyugati irányból; II: nézet délnyugati irányból

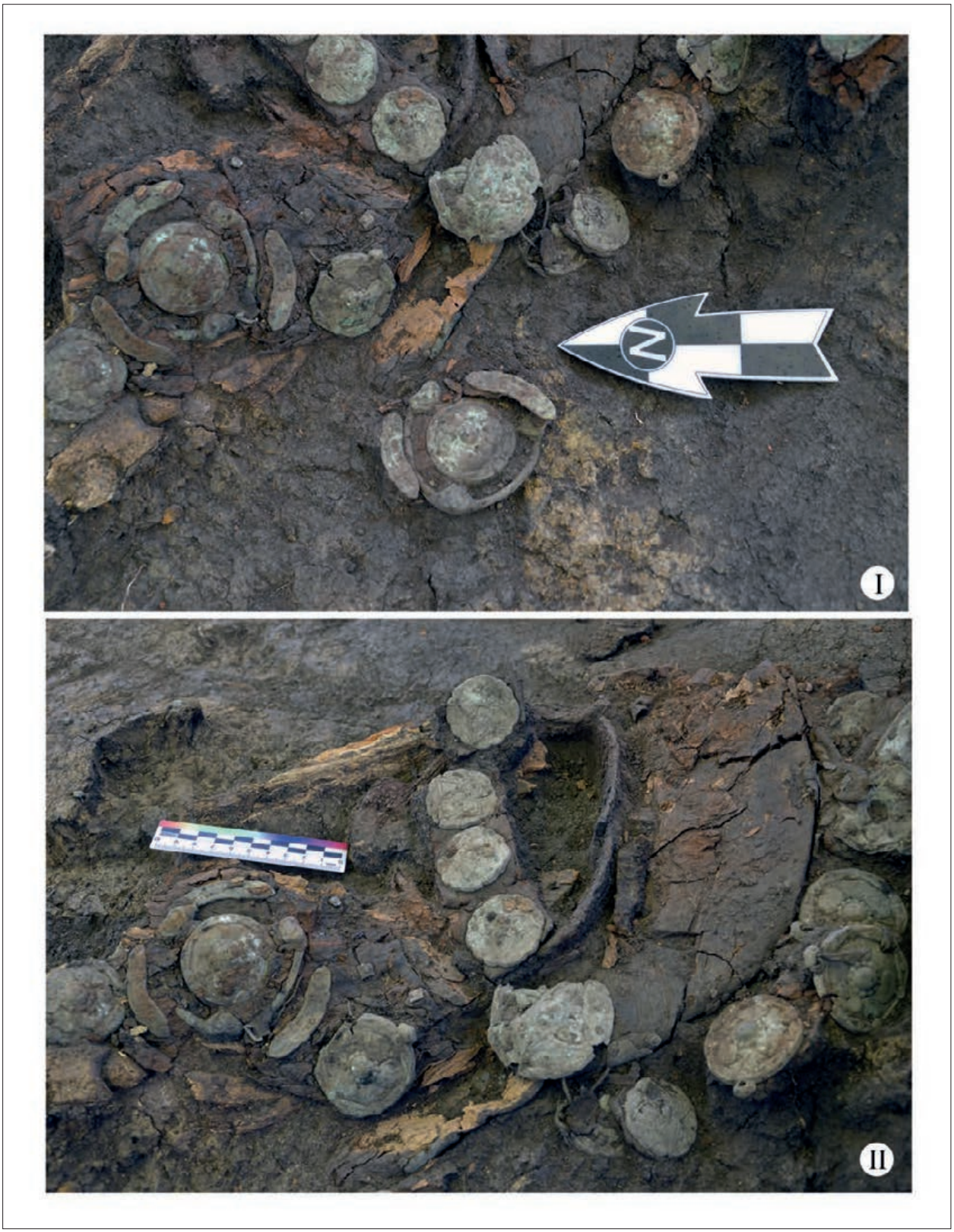

Рис. 297. Могильник Актюба. Курган 1. Жертвенный комплекс. I: расчистка больших блях-тройников, вид с запада; II: деталь, центральная часть расположения больших блях-тройников, вид с юго-запада
297. kép. Aktjuba temető. 1. kurgán, áldozati objektum. I: a nagy hármas szíjelosztó szügyelőveretek kibontása, nézet nyugati irányból; II: a nagy hármas szíjelosztó szügyelőveretek elhelyezésének a középső része, részletfotó délnyugati irányból

ярусного Древа жизни с цветами (плодами?) смоквы (8 соцветий) (*рис. 298. 1*).

Накладки арочной формы (6 экз.), полиметаллические (серебро с позолотой), литые. Размеры с отверстием – 2,1 × 3 см; без отверстия – 2,2 × 3,1 см. Отверстие в нижней части тоже арочной формы размерами 0,6 × 0,9 см. Украшены растительной композицией, схожей с той, что изображена на щитке пряжки (соцветия (плоды?) смоквы, обращенные вверх и в центр с боков). Имеют три крепежных шпенька (*рис. 298. 2–7*).

Сердцевидные накладки (12 экз.), полиметаллические (серебро с позолотой), размеры 2,2 × 2,5 см, имеют сердцевидное отверстие в широкой части, размером 0,5 × 0,7 см, украшены растительным орнаментом из соцветий (плодов?) смоквы (пять соцветий), обращенных сверху вниз и с боков (*рис. 298. 8–19*).

Элементы конской сбруи

Малые круглые накладки (18 экз.), полиметаллические (серебро с позолотой), выполнены способом штамповки, восемь из них имеют остатки ремня шириной до 2 см. Диаметр варьирует от 1,9 до 2,1 см. Орнаментированы четырьмя лепестками листовидной формы, в центре которых расположена сферическая сердцевина. Лепестки оконтурены тонким валиком, имитирующим стебли, переплетенные в вершинах и у основания. Бордюр по краю оформлен в виде овалов (*рис. 300. 1–11, 13–17*).

Большая круглая накладка диаметром 2,2 см с аналогичной орнаментацией центральной части, бордюр по краю изображен в виде овалов и кружков (*рис. 300. 18*).

Одна *накладка неорнаментированная*, сферическая, имеет круглый выпуклый бордюр по внешнему краю (*рис. 300. 12*).

Концевая накладка с округлым краем и подпрямоугольным основанием, размеры 2,0 × 2,6 см, орнаментирована растительным композиционным узором в виде двух сплетенных веток смоквы, имеющих на каждом краю соцветия. По краю идет бордюр из овальных и округлых выпуклостей (*рис. 300. 19*). Вероятнее всего этот комплект накладок относится к трензельному набору украшений.

Тройники, бляхи для перекрестных ремней, полиметаллические (серебро с позолотой). Тройники (2 экз.) изготовлены чеканкой из трех крепежных широких ярусов. Внешним, вероятно, был кожаный ремень, который соединялся со вторым ярусом – внешним кольцом, припаянным в трех местах к основной сферической центральной накладке. С обратной стороны вторая и третья часть бляхи были скреплены бронзовой пластиной. По внешнему третьему ярусу ремень был украшен тремя сегментовидными накладками со стилистическими узорами близкими к растительной орнаментации, они крепились к ремню тремя крепежными шпеньками. К каждому комплекту относятся по три таких накладки (одна утеряна), размеры которых 0,8 × 3,2 см. Украшены тройники следующим образом. Центральная бляха имеет цветковидную сферическую сердцевину, окруженную тринадцатью округлыми выпуклостями. По линии разделения в центральной части отходят три сердцевидных (бутоновидных) лепестка с тамгообразным прочерченным знаком в виде бараньей головы, далее они смыкаются с сердцевидным креплением на втором горизонте. Внутри них выпуклое изображение трилистника, центральная бляха по периметру украшена сегментовидными знаками, ограниченными сферическими кружками и заполненными четырехлепестковидным изображением (*рис. 300. 20–25*).

Вероятнее всего эти тройники относились к накрупным распределительным бляхам.

Большие сбруйные бляшки с ушком для подвешивания (2 экз.), полиметаллические (серебро с позолотой), сферической формы с умбоновидным сферическим центром, общий диаметр от 2,3 до 2,6 см. Они отличаются наличием петельки для дополнительного крепления (17 экз.). Эти бляшки имеют иную орнаментацию, в основе которой бутоновидный трилистник с гравировкой в виде головы барана (*рис. 299. 2–12, 14, 16*). В двух случаях бляшки орнаментированы четырехлистником, у одной отсутствует ушко для подвешивания (*рис. 299. 13, 15*).

Концевая накладка со скругленным и подпрямоугольным основанием, размеры 2,2 × 3 см. Орнаментирована изображением бутоновидного

Рис. 298. Могильник Актюба. Курган 1. Жертвенный комплекс. 1: тип 9; 2–4: тип 12; 5–7: тип 11; 8–19: тип 10. 1–8, 10, 12, 15–18: серебро, позолота; 9, 11, 13, 14, 19: серебро с позолотой, кожа; 20: реконструкция

298. kép. Aktjuba temető. 1. kurgán, áldozati objektum. 1: 9. típus; 2–4: 12. típus; 5–7: 11. típus; 8–19: 10. típus. 1–8, 10, 12, 15–18: ezüst, aranyozás; 9, 11, 13, 14, 19: aranyozott ezüst, bőr; 20: rekonstrukció

трилистника с гравировкой в виде головы барана (*рис. 299. 1*).

Во всех трех вариантах центр композиции составляет умбоновидная сферическая выпуклость, оконтуренная тринадцатью сферическими кружками. В случае с трилистными композициями по периметру узор оконтуривают сегментовидные овалы, в центре которых четырехсоставные соцветия, выполненные зернью. Между собой эти сегментовидные узоры разграничены плоскими овальными или округлыми невысокими кружками (*рис. 299. 1–12, 14, 16, 17*).

В случае с четырехлистной композицией это орнаментальное поле ограничивала цепочка из чередования удлиненных овалов и колечек (*рис. 300. 13, 15*).

Остатки луки седла. Всего обнаружено и удалось закрепить и извлечь три фрагмента луки седла. Наиболее крупный из них представлял собой деревянный сегментовидный фрагмент вершины и одной из боковых стенок луки седла. Длина верхнего края составила 28 см, длина нижнего края 19 см. Ширина доски от 4,8 см в нижней части и до 8 см – в верхней. Толщина от 2 см сверху и до 0,8 см внизу.. Поверхность луки была покрыта кожей, которую с лицевой стороны крепили серебряные гвоздики с пластинками ромбовидной формы, а с тыльной стороны только гвоздики. Гвоздики со сферическими шляпками диаметром от 0,3 до 0,6 см и шпеньками длиной от 0,6 до 1 см. Размеры пластинок – от 2 × 2 до 3 × 3 см (*рис. 301. 16–21, 27*).

Стремя железное массивное с петлеобразным отверстием для путлища, арочной формы, с плоской прогнутой вниз раскованной подножкой, размеры 17,5 × 18,8 см, ширина подножки 6 см (*рис. 301. 25*).

Серебряные плоские накладки из объекта и с площадки кургана 1

Накладка сердцевидная серебряная, на обратной стороне имеет три крепежных шпенька (*рис. 301. 9*).

Накладки щитовидные серебряные (2 экз.): большая размерами 1,3 × 2,7 см, концевая, имеет фигурный срез верхней части, три крепежных шпенька с обратной стороны и остатки кожаного ремешка (*рис. 301. 1*); малая размерами 1,7 × 2,0 см, имеет три крепежных шпенька с обратной стороны (*рис. 301. 3*).

Керамика (4 фрагмента) с территории площадки кургана 1. Возможная реконструкция горшка позволяет установить форму – небольшой круглодонный сосуд со слегка раздутым туловом, невысокой отогнутой шейкой. В тесте примесь талька, орнаментирован по шейке и венчику пятью горизонтами шнурового штампа и двойным резным зигзагом по верху плеча. Тулово покрыто глубокими хаотичными расчесами (*рис. 301. 24*).

На южной периферии кургана 1 обнаружены фрагменты налобного венчика с серебряными билунницевидными накладками на кожаном ремне. Накладки имеют двойной перехват по центру и два слабо проработанных сферических окончаний сверху и внизу. Размеры 0,7 × 1,8 см. С обратной стороны они имели по два крепежных шпенька квадратной формы (*рис. 301. 6–8, 10–15*).

Курган 2. Подкурганная площадка

Описание вещевого инвентаря

На территории, условно определенной как курган 2, в гумусном слое была обнаружена коллекция (3 экз.) серебряных предметов.

Пряжка серебряная рамчатая, без язычка и щитка. Размеры 2,6 × 2,8 см (*рис. 301. 4*).

Накладка восьмерковидная серебряная литая с продольным разделяющим бордюром. Размеры 1,8 × 3 см (*рис. 301. 2*).

Накладка овальной формы серебряная литая со слегка оконтуренными боковыми и вертикальными концами. По продольному центру имеет ребро (*рис. 301. 5*).

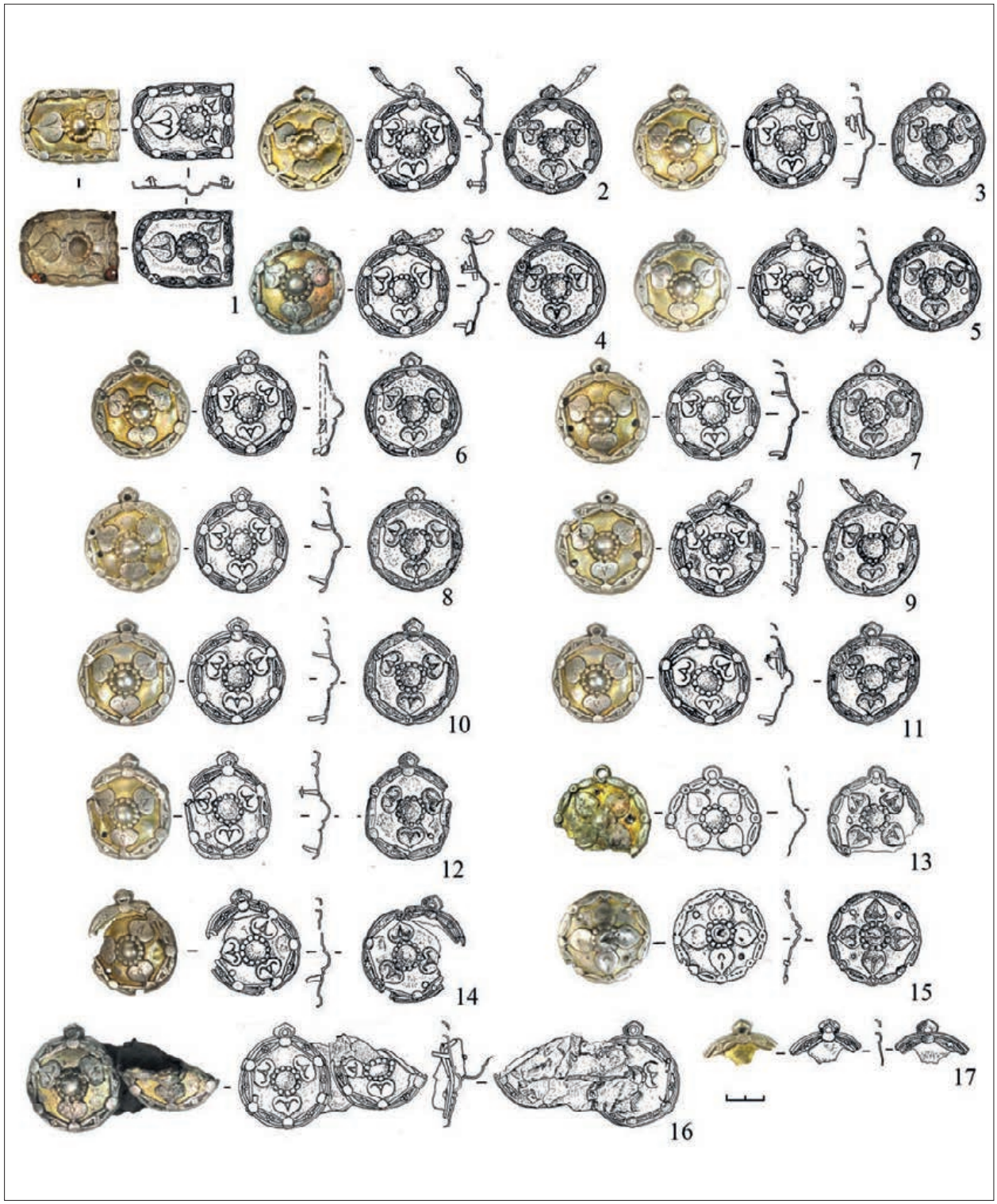

Рис. 299. Могильник Актюба. Жертвенный комплекс. 1: тип 7; 2–12, 14, 16, 17: тип 2; 13, 15: тип 3. 1, 3, 5–8, 10–15, 17: серебро, позолота; 2, 4, 9, 16: серебро, позолота, кожа
299. kép. Aktjuba temető. Áldozati objektum. 1: 7. típus; 2–12, 14, 16, 17: 2. típus; 13, 15: 3. típus. 1, 3, 5–8, 10–15, 17: ezüst, aranyozás; 2, 4, 9, 16: ezüst, aranyozás, bőr

Рис. 300. Могильник Актюба. Жертвенный комплекс. 1–11, 13–17: тип 4; 12: тип 6; 18: тип 1; 19: тип 8; 20–25: тип 5. 1, 2, 4, 9–12, 18: серебро, позолота; 3, 5–8, 13–17, 19, 21, 22, 24, 25: серебро, позолота, кожа; 20, 23: серебро, позолота, бронза, кожа

300. kép. Aktjuba temető. Áldozati objektum. 1–11, 13–17: 4. típus; 12: 6. típus; 18: 1. típus; 19: 8. típus; 20–25: 5. típus. 1, 2, 4, 9–12, 18: ezüst, aranyozás; 3, 5–8, 13–17, 19, 21, 22, 24, 25: ezüst, aranyozás, bőr; 20, 23: ezüst, aranyozás, bronz, bőr

Рис. 301. Могильник Актюба. 1, 16–26: жертвенник; 2, 4, 5: курган 2, подкурганная площадка; 3, 6–15: курган 1, подкурганная площадка. 1–9, 13–15, 18–20: серебро; 10–12: серебро, кожа; 16–17, 21: дерево; 22, 23, 25, 26: железо; 24: керамика; 27: дерево, кожа, серебро

301. kép. Aktjuba temető. 1, 16–26: áldozati objektum; 2, 4, 5: kurgán 2, kurgán alatti tér; 3, 6–15: 1. kurgán, kurgán alatti tér. 1–9, 13–15, 18–20: ezüst; 10–12: ezüst, bőr; 16–17, 21: fa; 22, 23, 25, 26: vas; 24: kerámia; 27: fa, bőr, ezüst

****

Для определения хронологической и культурной позиции актюбинского комплекса неоценимую услугу нам оказали венгерские коллеги Erwin Gáll, Gergely Szenthe, которые в 2020 году опубликовали шесть новых аналогичных арочных и сердцевидных накладок из погребения 49 могильника Хотобадь-Аркуш. Они привели достаточно обширную географию находок подобных артефактов в Восточной Европе (западная группа). Большая часть подобных артефактов по их данным обнаружена в Карпатской котловине.[56]

Расширив данный список находок на Южном Урале (Уелги, Актюба, Каранаево), в Поиртишье (Казахстан) и на Алтае, мы обнаружили, что среди сросткинских материалов данный тип находок не столь многочисленен (*рис. 302–303*).

Приведенная сводка материалов сросткинского типа позволила проследить интересное наблюдение. Во-первых, большинство находок, обнаруженных в восточной группе, происходят из явно элитных либо социально значимых погребений (Уелги, курган 11, центральное, погребение 1; курган 14, погребение 1; Актюба; Зевакинские курганы 145, 254; Баяновский, погребение 279). Сопровождающие вещи из этих комплексов, безусловно, имеют характерные типы и категории, относящиеся к сросткинской культуре – удила с костяными псалиями в виде сапожка и ласточкиного хвоста, восьмерковидные удила, набор колчана из сочетания костяных и железных наконечников, костяные подпружные пряжки.

При визуальной верификации бросается в глаза, что образцы восточной группы (*рис. 303. II*) проработаны более четко, в то время как европейские напоминают некое подражание исходным стилистическим деталям. Соединение внутри одних и тех же комплексов этих стилей алтайского (сросткинского) и венгерского (карпатского) наблюдается в двух памятниках Уелги (курган 11) и Актюба. Особо в этой связи выделяется концевая полиметаллическая накладка из актюбинского погребения, оформленная в целом в карпатском стиле (бордюр по краю в виде овалов, ограниченных цветковыми розетками), хотя узор, нанесенный на ее щитке в виде переплетенных ветвей с цветами (бутонами), имеет на нижних лепестках кольцевые завитки вверх и вниз (*рис. 300. 19*). Подобный сюжет отсутствует среди венгерских аналогий, однако является типичным изобразительным мотивом среди сросткинских и тюхтятских материалов Саяно-Алтая. Таким образом, мы видим некий симбиоз двух стилей.

Сегодня мы вполне определенно можем фиксировать некий культурный горизонт материалов, условно связанных с комплексами сросткинского круга, маркирующих территорию от Алтая до Карпатской котловины. Остается открытым весьма важный вопрос: какова хронологическая позиция этого явления. К счастью сегодня в нашем распоряжении существует пять радиоуглеродных дат – четыре восточных (Уелги, курган 11, погребение 1; курган 11, погребение 2; курган 14, погребение 1; Актюба) (*рис. 302. I; 303. I*) и одна западная (Hortobágy-Árkus, 49).[57]

Указанные даты (*табл. 6*) подготовлены в лаборатории Института ядерной физики Венгерской академии наук (город Дебрецен, Венгрия). Калибровка сделана в программе OxCal 4.4 (2021 г.). Полученный интервал значений (95.4%) составляет общий диапазон 772 до 975 гг., причем даты из могильника Уелги занимают явно более раннюю позицию (1216±16; 1213±16) и ограничиваются последней четвертью VIII – концом IX в. Комплексы Hortobágy-Árkus и Актюба относительно поздние (1172±26, 1151±16, соответственно) и «выходят» в X век. Причем комплекс Актюба, судя по распределению значений вероятностей, следует датировать концом IX – третьей четвертью X в.

[56] Gall–Szenthe 2020, 185–197, Fig. 3, plate 3–5.
[57] Gall–Szenthe 2020, 185, Fig. 3.

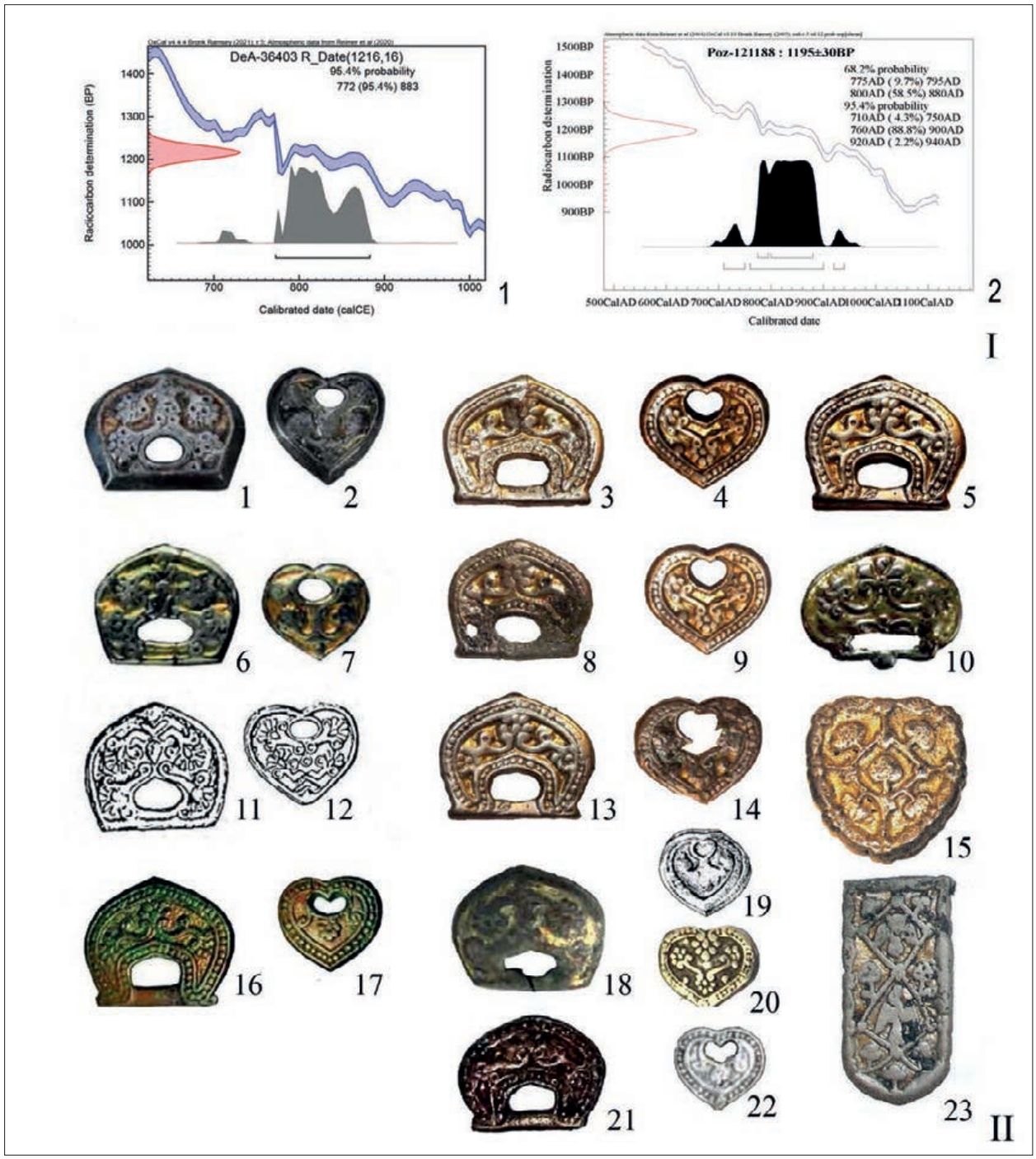

Рис. 302. I: Погребальный комплекс Уелги. Радиоуглеродные даты по ^{14}C из погребений с материалами сросткинского типа. 1: курган 11, погребение 1; 2: курган 11, погребение 5.
II – Накладки сросткинского типа. Западная группа: 1–2: Nógrádsáp «A»; 3–5, 8–9, 13–14: Hortobágy-Árkus, 49; 6–7: Budapest-Farkasrét; 10: Szerencs-Kácsatető; 11–12: Szered 1/57; 15: Редикорский клад; 16–17: Лядинский могильник; 18, 20: Мостовская; 19: Nishapur; 21: Ингушетия; 22: Хазарская коллекция (по: Gáll–Szenthe 2020); 23: Баяновский могильник
302. kép. I: Az ujelgi temető. Radiokarbon dátumok ^{14}C alapján szrosztki típusú sírokból. 1: 11. kurgán, 1. sír; 2: 11. kurgán, 5. sír.
II: Szrosztki típusú veretek. Nyugati csoport: 1, 2: Nógrádsáp sír „A”; 3–5, 8–9, 13–14: Hortobágy-Árkus 49. sír; 6–7: Budapest-Farkasrét; 10: Szerencs-Kácsatető; 11–12: Szered 1/57. sír; 15: Regyikori kincslelet; 16–17: Ljagyinó temető; 18, 20: Mosztovszkaja; 19: Nishapur; 21: Ingusföld; 22: Kazár gyűjtemény (Gáll–Szenthe 2020); 23: Bajanovó temető

Таблица 6. Радиоуглеродное датирование комплексов со сросткинскими элементами
6. táblázat. A szrosztki jegyeket hordozó leletegyüttesek radiokarbon kormeghatározása

Шифр лаборатории	Памятник	Материал	Конвенционное значение	Калиброванное значение, AD (95.4%)
DeA-36403	Уелги, курган 11, погр. 1	кость человека	1216±16	772–883
DeA-36404	Уелги, курган 14, погр. 1	кость человека	1213±16	773–882
DeA-22240	Hortobágy Arkus, grave 49	кость человека	1172±26	772–899 (80.2%) 919–958 (15.3%)
DeA-36402	Актюба	кость человека	1151±16	772–786 (7.7%) 829–855 (7.9%) 873–904 (27.8%) 914–975 (52.0%)

Приведенные имеющиеся данные по хронологии сросткинских комплексов, в том числе содержащие ременную гарнитуру рассматриваемого стиля, в целом указывают на ситуацию, когда продвижение носителей этого культурного стиля могло осуществляться в рамках единого переселения протомадьярского населения в период исхода основной миграционной волны в пределах IX века, по крайней мере, с территории Южного Урала.

Как уже указывалось, этот стиль своеобразно маркирует манихейские изобразительные традиции, которые становятся крайне популярными в среде кочевников Алтая и урало-казахстанских степей в связи с применением манихейства в начале в Уйгурской кочевой империи (762–763 гг.), а затем в Кыргызском каганате Саяно-Алтая (Северное манихейство, VIII–XIII вв.).[58]

Эта универсальная синкретическая религия, одновременно вобравшая в себя учения и образы несторианского христианства, зороастризма, буддизма и собственно манихейства, явилась весьма востребованной, особенно в среде кочевой поликультурной элиты, об этом наши коллеги и мы уже писали в своих работах.[59] Поясная гарнитура в этот период превращается в своеобразный иконографический ряд, где, наряду с уже приведенными образами плодов, цветков, листьев и ветвей Древа жизни (смоковницы, фиги, инжира, граната?), просматривается целый ряд сюжетов и следующих образов – кресты, изображения Христа или Будды, парные птицы на ветвях или у стволов Древа жизни, буддийские образы многорукого Авалоки-Тешвары, танцующие девы-апсары и играющие на сетаре музыканты, буддийские собаки шицзы, зороастрийские сенмурвы. Эти изобразительные мотивы, наряду с предметами, выполненными в венгерском (карпатском) стиле, наполняют изобразительный ряд протомадьярских комплексов, возникающих на большой территории от Урала до Карпатской котловины. Отдельные изобразительные сюжеты фиксируются и в Карпатской котловине в период Обретения Родины. Так, кроме упоминаемых накладок с изображением смоквы, в Карпатской котловине известны предметы, содержащие вышеперечисленные сюжеты манихейства.[60] Безусловно, не все приведенные параллели могут быть вписаны в манихейский контекст. В особенности это касается изображений и находок крестов, а также христианской стилистики на браслете из Тисказлар-Башалом (парные птицы с двух сторон цветка смоквы Древа жизни),[61] традиционно интерпретируемые как сюжеты Византийского культурного влияния. Однако, учитывая относительно позднее принятие христианства в Венгрии (конец X – начало XI в.) и, безусловно, популярность этих манихейских

[58] Кызласов 1998.
[59] Klima 2018; Боталов и др. 2024
[60] A honfoglaló magyarság 1996, 154, Fig. 6; 174, Fig. 1; 182; 183, Fig. 1–3; 180, Fig. 9–11; 198, Fig. 1; 230, Fig. 3; 238, Fig. 3; 247, Fig. 3; 263, Fig. 16; 291, Fig. 2, 3; 318, Fig. 2; 357, Fig. 4; 375, Fig. 1; 401, Fig. 1, 2.
[61] Mesterházy 2018, 187–230, Fig. 223, VI. tábla 1–6, 9.

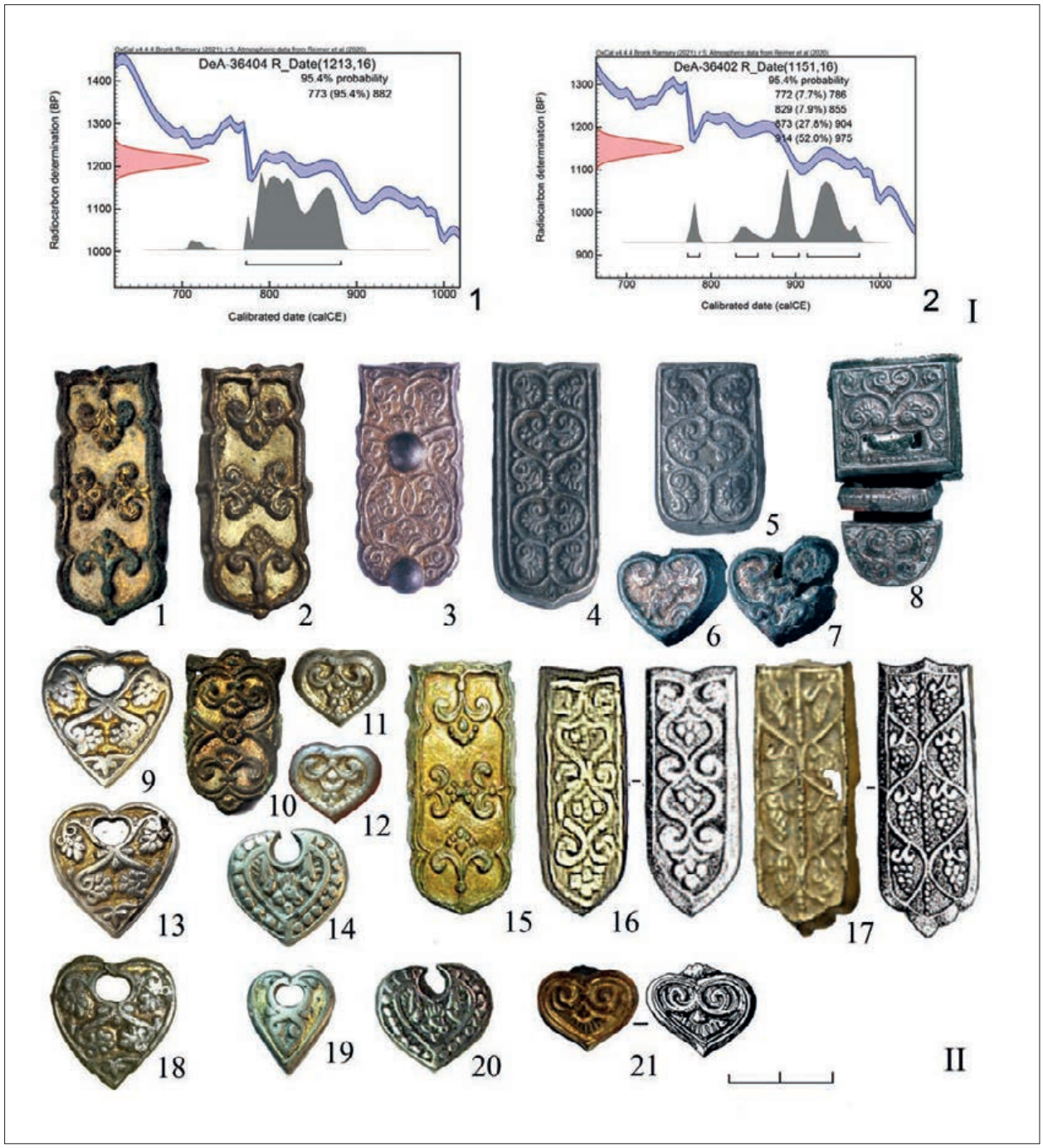

Рис. 303. I: Радиоуглеродные даты по ^{14}C из погребений с материалами сросткинского типа. 1: Погребальный комплекс Уелги, курган 14, погребение 1; 2: могильник Актюба. II: Накладки сросткинского типа. Восточная группа: 1–2, 10–12, 14, 18–19: Погребальный комплекс Уелги; 3–8: Зевакинский могильник (Восточный Казахстан); 9, 13: могильник Актюба; 15: Белый Камень, 16: Шепчиха I; 17, 21: фонды Алтайского государственного университета; 20: Каранаево (Башкортостан)

303. kép. I: Radiokarbon dátumok ^{14}C alapján szrosztki típusú sírokból. 1: Ujelgi temető, 14. kurgán, 1. sír; 2: Aktjuba temető; II: Szrosztki-típusú veretek. Keleti csoport. 1–2, 10–12, 14, 18–19: Ujelgi temető; 3–8: Zevakino temető (Kelet-Kazahsztán); 9, 13: Aktjuba temető; 15: Belij Kamyeny, 16: Sepcsiha I; 17, 21: Altaji Állami Egyetem gyűjteménye; 20: Karanajevo (Baskírföld)

(христианско-несторианских) сюжетов в среде протомадьярского населения, нам представляется вполне вероятным их хождение в Карпатской котловине в период Обретения Родины.

В связи со всем вышесказанным остается один весьма важный вопрос: каким образом соотносятся материалы сросткинского стиля с венгерскими, условно называемыми нами материалами карпатского стиля.

Представленные данные вынуждают нас скорректировать ранее высказанное предположение о возможном возвращении отдельной группы (или групп) протомадьярского населения уже после «Обретения Родины» (в начале X века), это аргументировалось тем обстоятельством, что в Зауралье действительно не выявлены переходные или производные формы венгерской гарнитуры.[62] Сегодня это предположение не совсем состоятельно. Возможный последующий контакт южноуральских репатриантов с восточным сросткинским населением происходит не в пределах X века, а гораздо раньше – в течение IX века, то есть в период непосредственного исхода. Очевидно, что первичным (хронологически) в этом стилистическом ряду является сросткинский стиль, включающий в себя «манихейский концепт», его диффузия на запад имеет весьма продолжительный вектор: Восточное Придонье – Северный Кавказ – Среднее Поднепровье – Карпатская Котловина. В Южном Зауралье они сосуществуют одновременно (в пределах IX века) в единых комплексах.

В качестве осторожного предположения выскажем следующую идею. Возможно, карпатский стиль является новой особой изобразительной концепцией, в основу которой взяты идеи и изобразительные сюжеты Саяно-Алтая. Он представляет собой некую переосмысленную и художественную переработку все той же растительной орнаментации, в основу которой входят цветы, листья, бутоны и плоды Древа жизни, а также сюжеты антропоморфной и зооморфной буддийско-несторианской семантики. Исходя из этого возможно, что зарождение венгерских изобразительных мотивов происходило не в Карпатской котловине, а в контактной зоне, которой явилось Южное Зауралье, под прямым воздействием переселенцев из районов Саяно-Алтая. При этом производственные и сырьевые ресурсы Южного Урала отнюдь не уступают алтайским месторождениям. Отсюда не случаен тот факт, что непосредственное микширование этих стилей происходит в недрах Погребального комплекса Уелги и могильника Актюба.

1.4.2. Описание находок местонахождения Нижний Яр[63]

В июне 2013 года лагерь археологической экспедиции Уелги посетили поисковики из Курганской области. Они ознакомили научных сотрудников экспедиции со своими находками, сделанными в местечке Нижний Яр Далматовского района Курганской области. Поисковики пожелали остаться неизвестными, однако любезно разрешили съемку и частичную прорисовку найденных материалов. Дальнейшая судьба коллекции неизвестна.

Мы помещаем материалы, обнаруженной поисковиками коллекции в данном разделе, так как они имеют прямые аналогии находкам в Челябинской области. Прежде всего, это комплекс украшений конской сбруи одинакового историко-культурного облика. Самую яркую деталь данного комплекса представляет налобник с султанчиком в виде рыбьего хвоста.

Налобник бронзовый с лужением выгнутой (подсферической) формы. В плане он имеет подпрямоугольную форму. Одна сторона срезана округло, по центру ее располагались расклепанные сквозные шпеньки, по бокам от них два парных отверстия (диаметр 0,8 × 1 мм), расстояние между ними 0,5 см. Все остальные стороны срезаны волнообразными фестонами. На углах

---

[62] Боталов и др. 2021, 87.

[63] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-18-20055 «*Хозяйство и социальная организация скотоводческих обществ Южного Зауралья: от поздней древности до Нового времени*» https://rscf.ru/project/24-18-20055/

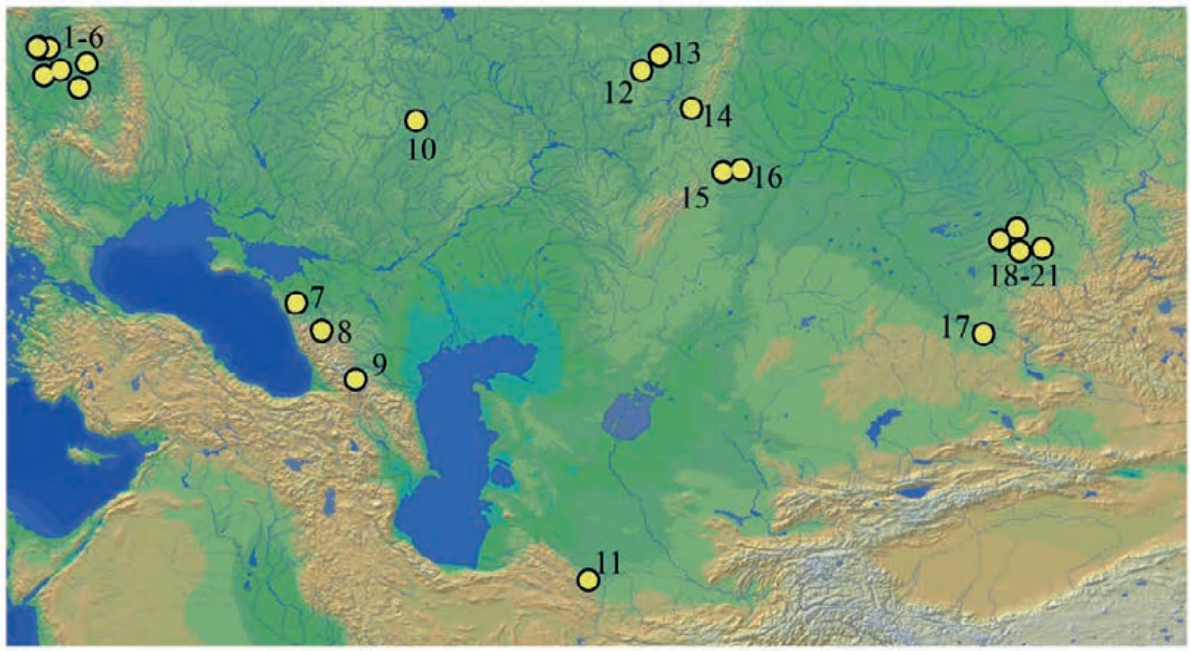

Рис. 304. Карта распространения предметов сросткинского типа. Западная группа: 1–6: Budapest-Farkasrét; Nógrádsáp grave «A»; Szerencs-Kácsatető; Sered 1/57; Blatne; Hortobágy-Árkus 49; 7: Хазарская коллекция (Кубань); 8: Мостовская (Кубань); 9: Ингушетия; 10: Лядинский могильник (Тамбовская область); 11: Nishapur (по: Gáll–Szenthe 2020); Восточная группа: 12: Баяновский могильник; 13: Редикорский клад (Пермский край); 14: Каранаево; 15: Погребальный комплекс Уелги; 16: могильник Актюба; 17: Зевакинский могильник (Восточный Казахстан); 18–21: фонды Алтайского государственного университета. Белый Камень, Шепчиха-I

304. kép. Szrosztki-típusú leletek terjedésének a térképe. Nyugati csoport: 1–6: Budapest-Farkasrét; Nógrádsáp A sír; Szerencs-Kácsatető; Szered 1/57. sír; Blatne; Hortobágy-Árkus 49. sír; 7: Kazár gyűjtemény (Kubány); 8: Mosztovszkaja (Kubány); 9: Ingusföld; 10: Ljagyino temető (Tambovi megye); 11: Nishapur (Gáll–Szenthe 2020); Keleti csoport: 12: Bajanovo temető; 13: Regyikor kincslelet (Permi határterület); 14: Karanajevo; 15: Ujelgi temető; 16: Aktjuba temető; 17: Zevakino temető (Kelet-Kazahsztán); 18–21: Altaji Állami Egyetem gyűjteménye. Belij Kamyeny, Sepcsiha-I

верх волны заостряется и имеет расклепанные крепежные шпеньки и еще одно отверстие (1,5 мм) на второй боковой стороне.

Размеры налобника 10,5 × 11,5 см, высота 5 см (*рис. 305. 2*). По центру верхней части приклёпан цилиндрик для крепления султанчика. Отверстие его имеет подовальную форму размером 1,8 × 2,0 см. Высота цилиндрика 3,5 см. Он приклёпывался сверху в пяти местах. При этом нижняя часть цилиндрика обрезалась в виде пяти лепестков.

Султанчик бронзовый с лужением, состоял из цилиндрического основания размером 1,3 × 5,6 см; крепился к плоскому навершию в виде рыбьего хвоста с помощью ремешка, пропущенного в прямоугольную прорезь, размерами 0,35 × 0,9 см, в основании навершия. На внутренней части хвоста вырезан треугольный уступ, который имеет клёпку по центру. Еще две клёпки расположены на концах хвоста (*рис. 302. 1*).

Бляхи для нагрудных или накрупных ремней. *Большие* (3 экз.), бронзовые с лужением, диаметром от 9,8 до 11 см, толщиной 0,1 см. В верхней части на концах располагаются крепежные шпеньки, круглые головки с одной и квадратные шайбы с обратной стороны, диаметр отверстий

до 1 мм. Расстояние между ними различное – от 1 до 3,5 см (*рис. 306. 2, 4, 7*). *Малые* (12 экз.),[64] диаметром 5,2 × 6 см, имеют по два или одному крепежному шпеньку на верхнем краю (*рис. 306. 1, 3, 5, 6*).

Пряжки серебряные рамчатые, безщитковые.

Крупная подпружная пряжка (1 экз.), серебро с позолотой, размерами 4,9 × 5,2 см. Рамка овальной формы имеет подтреугольный носик, декорированный позолоченным цветком (смоква?). Язычок отсутствовал. С обратной стороны остатки кожаного ремня (*рис. 307. 9*).

Маленькая трензельная пряжка, серебряная. Аналогичной формы. Декорирована тем же сюжетом что и подпружная пряжка. Размеры 1,5 × 2,2 см, имеет язычок (*рис. 307. 1*).

Фрагменты трензельных ремней (5 экз.). Судя по сохранившимся фрагментам, ширина ремешка была от 0,7 до 1,1 см. С наружной части ремешки были украшены сферическими серебряным клепками (0,7 см) и квадратными шайбами, размеры 1,2 × 1,4 см (*рис. 307. 4–8*).

Мелкие концевые накладки

Накладка концевая щитовидная, серебряная, размеры 1,4 × 1,9 см, литая. Имеет трехчленную композицию из трех бутоновидных цветков. Верхний помещен в своеобразное сердцевидное пространство, образованное связанными снизу стеблями. Внизу по бокам от стеблей – трехлепестковые цветы, вверху в ложбинке также наблюдается небольшой цветок. Имеет два крепежных шпенька (*рис. 307. 2*).

Накладка концевая щитовидная, серебро с позолотой, размеры 0,9 × 1,5 см, сильно сработанная, имеет четыре трапециевидных вдавления, композиционно похожие на растительный орнамент, и два крепежных шпенька (*рис. 307. 3*).

Крупные концевые накладки (4 экз.), серебро с позолотой, прямоугольные со скругленной концевой частью, размеры 3,6–3,7 × 5,1–5,2 см. Декорированы по контуру круглыми розетками: по углам и по центру каждой стороны. Они были связаны бордюром такой же высоты, что и розетки. Внутренняя часть щитка имеет тисненно-штампованный узор в виде переплетенных ветвей цветка (смоквы?) и три крепежных щитка с обратной стороны (*рис. 308. 1–4*).

Накладки круглые сферические, серебро с позолотой (23 экз.).

Крупные (2 экз.) диаметром соответственно 5,3 и 5,6 см, штамповка, имеют псевдопетельку у одного края и четыре крепежных шпенька с прямоугольными фиксирующими шайбами на обороте. Орнаментальный узор представляет собой ограничивающую цепочку округлых жемчужин по краю и округлый умбон в центре. В одном случае вершина этого умбона заплющена. Основной композицией является перекрестье трех стеблей и соцветий (гроздь?) смоквы (*рис. 309. 1, 3*).

Мелкие (21 экз.), диаметр варьирует от 3,9 до 4,3 см. Композиционно изобразительный сюжет аналогичен тому, что нанесен на крупных накладках. Имеется три крепежных шпенька, псевдоушко отсутствует (*рис. 309. 2, 4–23*).

Публикация материалов Нижнего Яра, несмотря на их сомнительное происхождение и непонятную последующую судьбу, на наш взгляд, имеет весьма важное значение. Прежде всего, данный комплекс имеет яркое сходство с жертвенным комплексом могильника Актюба. Абсолютно схожи четыре концевые накладки с орнаментом в виде переплетенных веток смоквы. Вероятно, именно они датируют его, аналогично комплексу Актюба, концом IX – началом X в. Однако самый важный вывод, который позволяет сделать анализ материалов Нижнего Яра, связан с фактом появления в Южном Зауралье нового карпатского стиля.

Наличие его четко опредметилось с первых дней исследований могильника Уелги, когда серия круглых сферических накладок была обнаружена в подъемных сборах. Первоначально он был представлен круглыми накладками-бляхами различного размера, имеющими сферическую в сечении форму. Изобразительный сюжет в обязательном порядке содержит в центре сферическое ядро, оформленное ободком или фигурным пояском, три или четыре лепестка сердцевид-

[64] В наше распоряжение предоставлено лишь четыре экземпляра.

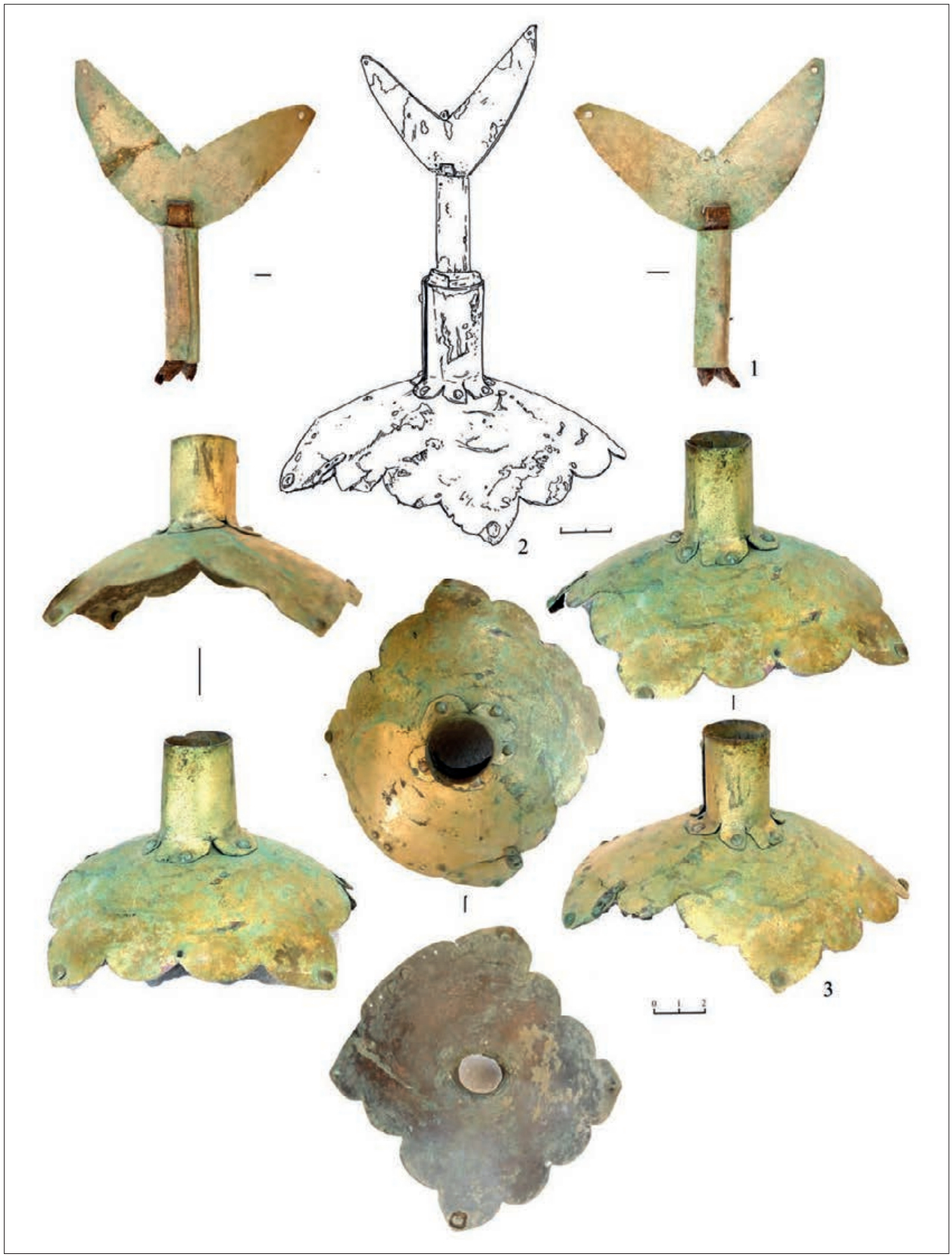

Рис. 305. Местонахождение Нижний Яр. Вещевой инвентарь. 1: султанчик; 2: графическая реконструкция; 3: налобник 1–2: бронза, позолота, кожа; 3: бронза, позолота

305. kép. Nyizsnyij Jar lelőhely. Mellékletek. 1: tollforgó, lófejdísz; 2: képi rekonstrukció; 3: kantár 1–2: bronz, aranyozás, bőr; 3: bronz, aranyozás

ной или подтреугольной формы и характерный бордюр в виде чередующихся овалов и кругов. В ряде случаев внутри овалов был вписан четырехлистник. Впоследствии вероятно происходит стилизация этого сюжета, которая заменяется трех или четырехлепестковыми формами, которые так ярко представлены в памятниках Венгрии Времен обретения Родины.

Именно эта стилистическая группа становится впоследствии наиболее маркерной для памятников Карпатской котловины.[65] Появление первых накладок этого стиля в материалах комплекса Уелги первоначально создало определенную интригу для исследователей, так как ранее подобные материалы не были обнаружены столь далеко на востоке. Появление их в материалах кургана 11 и комплексе Актюба, где разнообразные накладки и бляхи карпатского стиля оказались в единых комплексах с поясными наборами пряжек и сросткинских накладок, а также других стилистических групп и линий, упомянутых выше.

В это же число входят наконечники ремней подпрямоугольной формы со скругленным внешним краем. Они также содержат цветковый орнамент в виде отходящих от центральной сферы бутонов, либо переплетенных стеблей цветков (смоквы?).

Подобные концевые накладки с переплетенными стеблями были обнаружены в Карпатской котловине: Артанд-Надьфаркашдомб, п. 207 и Саконь-Кавичбанья, п. 7.[66]

На сегодняшний день самое большое количество подобных накладок (4 экз.) встречены именно в комплексе Нижний Яр. Особый интерес в этой связи имеет изобразительный сюжет на сферических полиметаллических (серебро с позолотой) накрупных и нагрудных накладках. Наравне с традиционным венгерским сюжетом, где центральный сферический умбон оконтурен пояском из зерни и внешней границей в виде жемчужин, присутствует композиция с переплетением ветвей и соцветий (грозди?) смоковницы. Подобную изобразительную композицию мы наблюдали единожды на примере накладки из кургана 1 Погребального комплекса Уелги. На памятнике Актюба и впоследствии в Карпатской котловине мы фиксируем последующий стилизованный сюжет, когда перекрестье включает лишь лепестки или бутоны.

Нахождение накладок карпатской группы в средневековых памятниках в лесостепном Зауралье и Западной Сибири (кострище Песьянка, могильник Вак-Кур, находки у городища Искер и Тобольска) закономерно ставит вопрос о причинах появления этой категории вещей, наряду с другими относящимися также к кругу мадьярских древностей, столь далеко на восточном крыле венгерского миграционного ареала. Какова реальная природа взаимодействия части населения носителей этой карпатско-южноуральской стилистической группы с восточной алтайско-сросткинской и енисейско-тюхтятской? Возможно сегодня мы должны существенным образом пересматривать причинно-следственные основания становления мадьярского культурогенеза.

Что касается следующей группы украшений конской узды, к которым относятся налобник, султанчик и серия крупных и средних блях-подвесок для украшения накрупных и, вероятно, нагрудных ремней, то существуют аналогии подобных категорий вещей, относящиеся к богатым образцам конской сбруи, в алано-хазарских катакомбах Дмитриевского и Даргавсского (Осетия) могильниках.[67]

Вопрос попадания столь эксклюзивного типа конской сбруи в среду раннемадьярского населения Зауралья, вероятнее всего, до какого-то времени будет оставаться открытым. Сегодня можно высказать лишь некоторые наблюдения. Как известно из нарративных анналов Константина Багрянородного («*Венгерские хроники*» – *Gesta Hungarorum*) и «Повести временных лет», присутствие венгров в Европе отмечалось задол-

[65] A honfoglaló magyarság 1996, 170, Fig. 2; 213, 4, 5; 214, 7, 8; 235, 4, 5; 304, 2; 322, 2; 357, 3, 5, 6; 392, 1; 404, 2; 413, 2, 3; Révész 1996, 229, tábla 7, 1–3, 5, 10–12; 241, 22, 7–17; 291, 69, 1–3, 5–9, 26, 27; 315, 92, 14–36; 318, 95, 1–26; 359, 136, 3; 356, 143; 384, 162, 1–3, 5–9, 13, 14; 385, 162, 14–37; 386, 163, 1–26, 29–40.

[66] Horváth 2022, 127, Fig. 73, 2.

[67] Плетнева 1989, 86-87, рис. 41, 42; Дзаттиаты 2010, 92, 104–107, табл. VIII, XX–XXII.

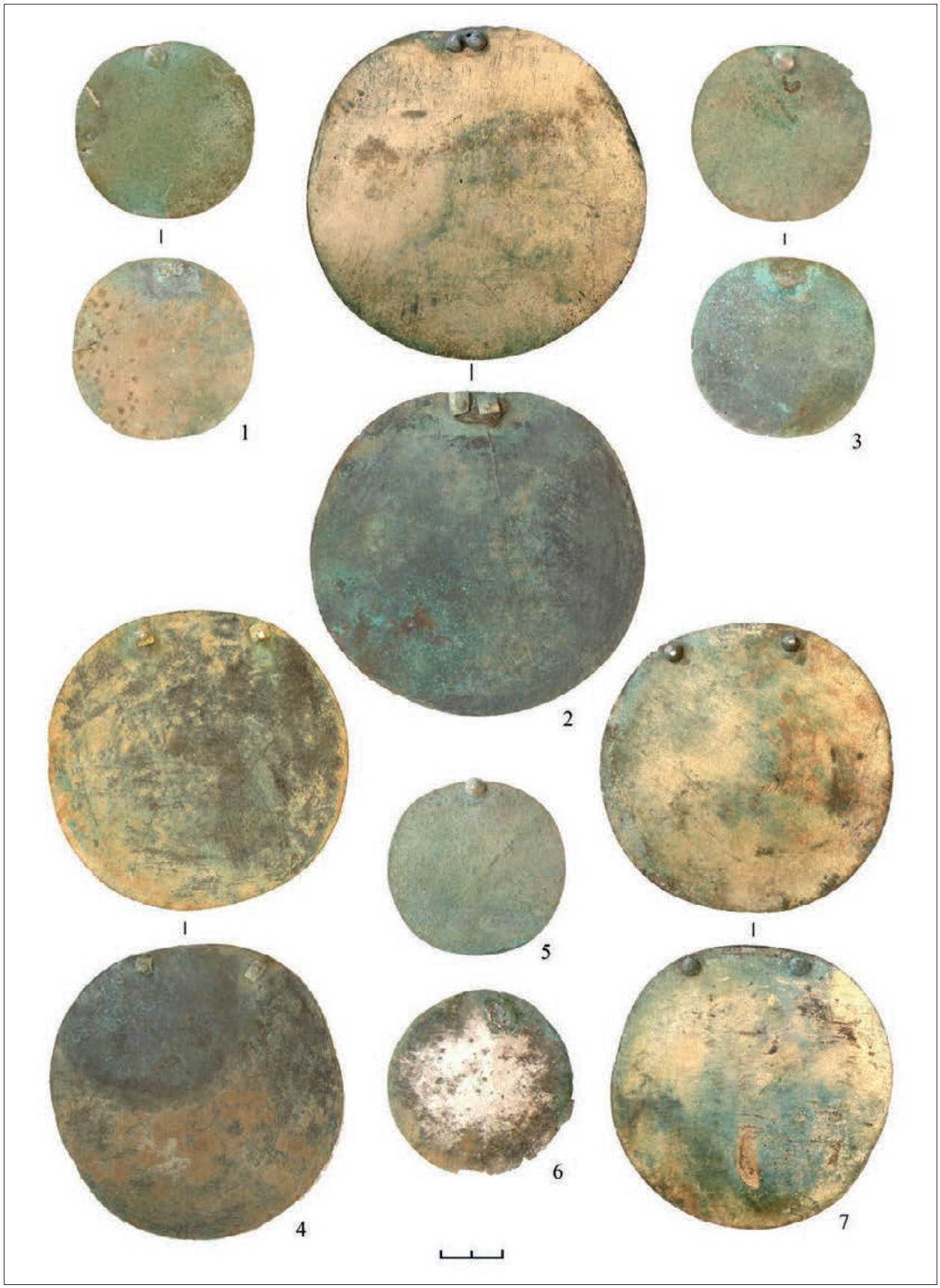

Рис. 306. Местонахождение Нижний Яр. Вещевой инвентарь. 1–7: бронза, позолота
306. kép. Nyizsnyij Jar lelőhely. Mellékletek. 1–7: bronz, aranyozás

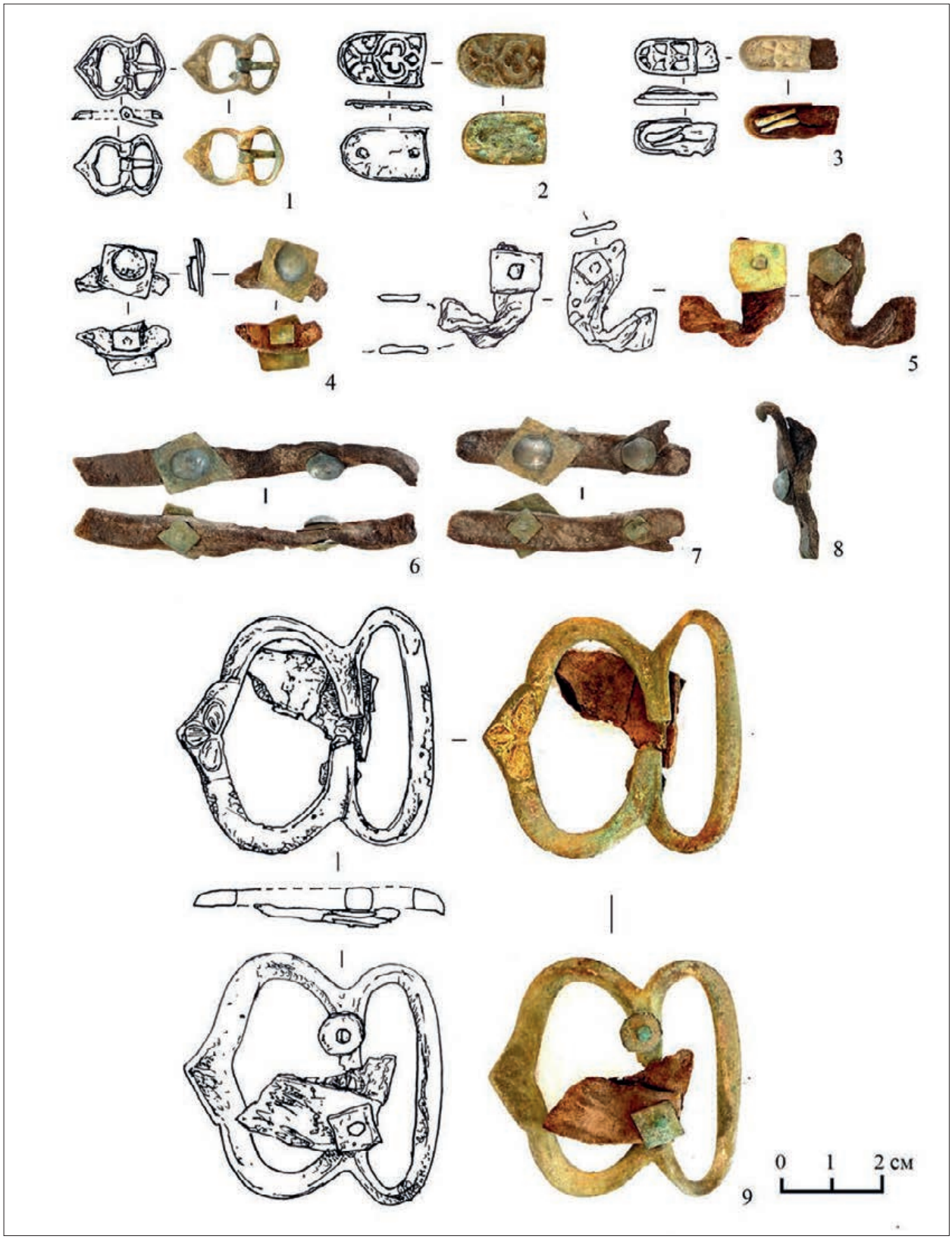

Рис. 307. Местонахождение Нижний Яр. Вещевой инвентарь. 1, 2: серебро; 3, 9: серебро, позолота, кожа; 4–8: серебро, кожа

307. kép. Nyizsnyij Jar lelőhely. Mellékletek. 1–2: ezüst; 3, 9: ezüst, aranyozás, bőr; 4–8: ezüst, bőr

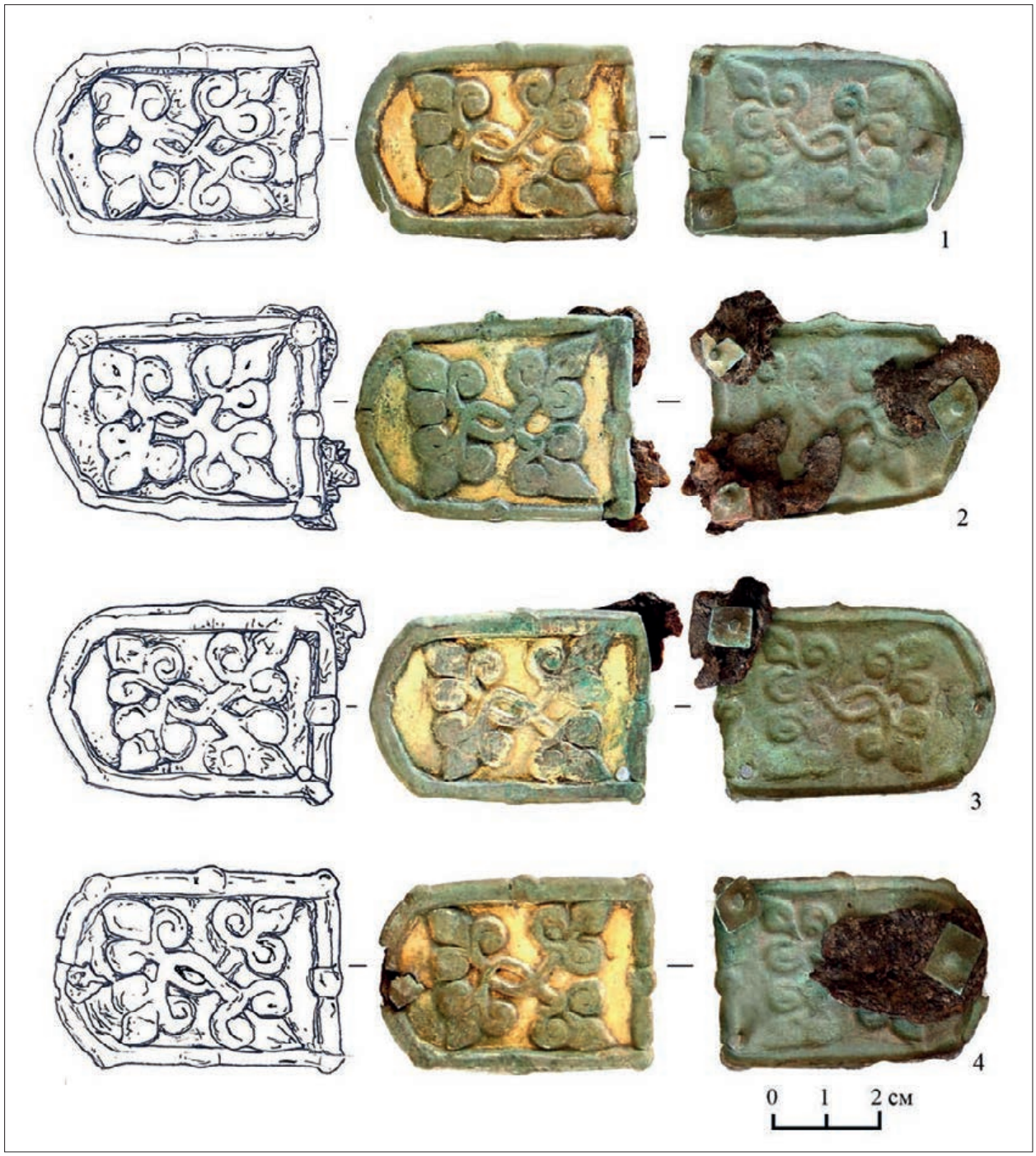

Рис. 308. Местонахождение Нижний Яр. Вещевой инвентарь. Серебро, позолота, кожа
308. kép. Nyizsnyij Jar lelőhely. Mellékletek. Ezüst, aranyozás, bőr

го до их финального исхода из Уральских просторов в Карпатскую котловину (822–898 гг.). Оно отразилось в участии мадьяр в хазарской междоусобице. 839 год – появление мадьяр на Днепре; 860 год – участие мадьяр в Крымском походе; 895 год – разгром Великой Моравии и переселение в Паннонию; 884 год – с общего согласия семи вождей венгры покинули Magna

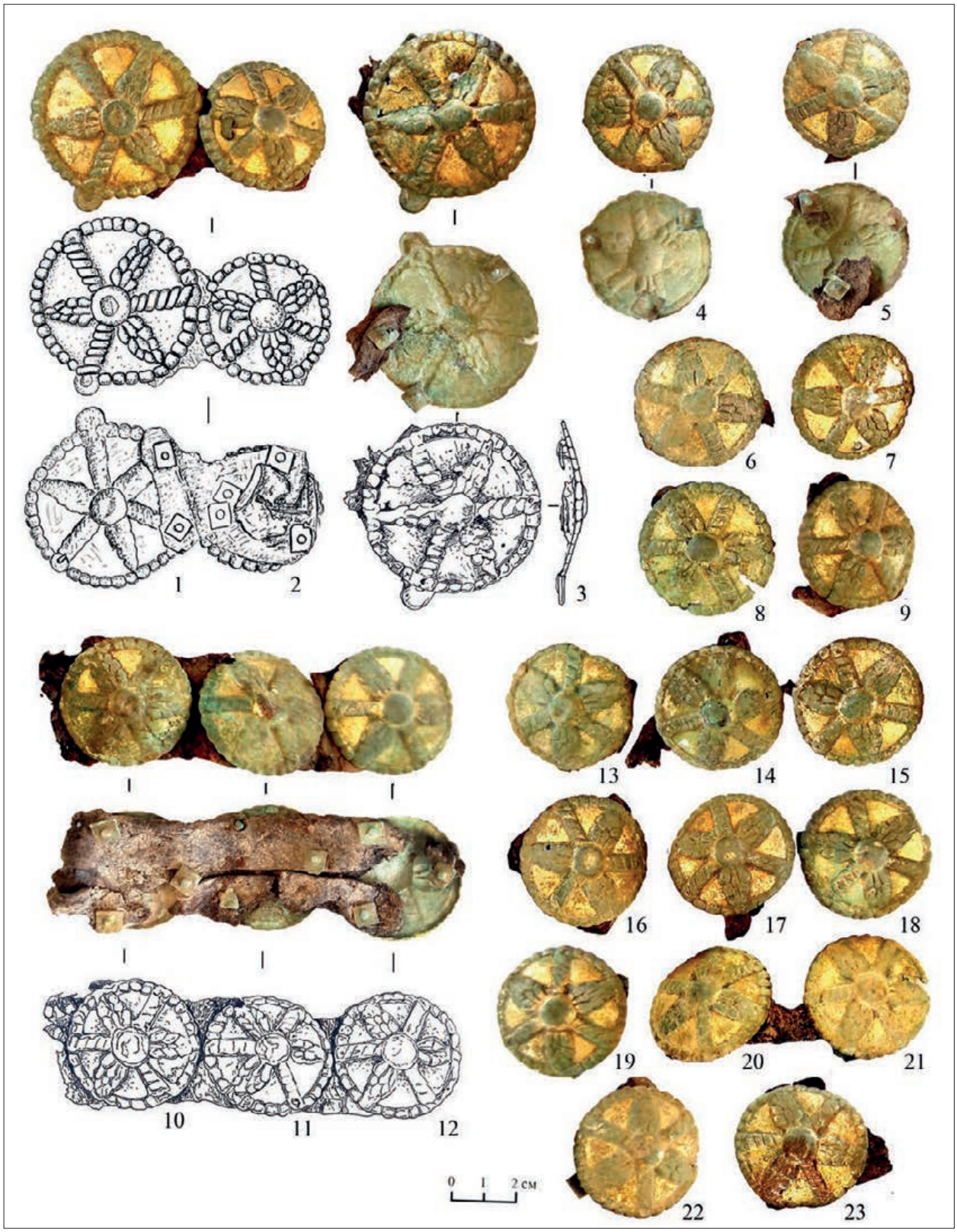

Рис. 309. Местонахождение Нижний Яр. 1–3, 5, 6, 8–23: серебро, позолота, кожа; 4, 7: серебро, позолота
309. kép. Nyizsnyij Jar lelőhely. 1–3, 5–6, 8–23: ezüst, aranyozás, bőr; 4, 7: ezüst, aranyozás

Hungaria; 898 год – «Шли угры мимо Киева…».[68] Не исключен вариант, что нижний яркий компонент парадной упряжи мог быть приобретен в качестве боевых трофеев, полученных в результате восточноевропейских походов ранних венгров на запад.

Безусловно, бросается в глаза тот факт, что сбруйный комплекс из Нижнего Яра состоит из двух частей, отличающихся технологически и стилистически. Первая его часть (налобник, султанчик, нагрудные и накрупные бляхи-подвески) изготовлена из бронзы с поверхностным лужением. Вторая часть (трензельные и часть нагрудных накладок, трензельные и подпружные пряжки) изготовлена из серебра с позолотой. Орнаментация нанесена чеканкой и инкрустацией. Как уже указывалось, основной сюжетной линией была растительная орнаментация карпатского стиля.

Сочетание в данном комплексе накладок, выполненных в раннем карпатском (венгерском) стиле (вероятно, украшений трензеля и нагрудного ремня), и хазарского типа передней упряжи, указывает на вероятность этого этнокультурного микширования в рамках раннемадьярского культурогенеза.

[68] Артамонов 1962, 336, 352; Эрдели 1967.

ГЛАВА 2
НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

2.1. Формирование протомадьярской культуры в южном Зауралье[1]

2.1.1. Переходный этап II–IV вв. От Приуралья к Зауралью

Период финала поздней древности и начала раннего средневековья (II–III – VI–VIII вв.) в лесостепной зоне Урало-Поволжья и Западной Сибири, на наш взгляд, прошел под единой доминантой, которую задало нашествие гуннов в урало-казахстанские степи.

Сложение собственно гуннского союза происходит в результате активного смешения степного и лесостепного населения на границе Европы и Азии. Следует отметить, что данное положение вещей достаточно давно было обозначено корифеями отечественного востоковедения и урало-поволжской археологии, в работах которых эпохальный рубеж большинством исследователей проводится по временно́му отрезку: вторая половина II–III в.[2] Однако сегодня в силу существующих стереотипов начало гуннской эпохи и соответствующие ей историко-культурные изменения большинство авторов связывает с концом IV века в соответствии с общепринятыми данными для Восточной и Центральной Европы. Одним из наиболее устоявшихся стереотипов является «*позднесарматская повестка*», которая и сегодня продолжает блокировать понимание и правильную трактовку процесса гунногенеза. Не будем останавливаться на этой проблеме, так как посвятили данной теме отдельные исследования.[3] Позитивное исключение составляет мнение уфимских коллег, связывающих кардинальные этнокультурные перемены с наступлением новой эпохи Великого переселения народов, которая ознаменовалась появлением гунно-сарматских или, в традиционном определении, позднесарматских памятников Южного Урала.[4]

Что лежит в основе этих представлений и каков характер историко-культурных трансформаций, происходивших в этот период?

Процесс культурной трансформации в больших пределах рассматриваемого региона в раннегуннский период (II–IV вв.) был весьма сложным и многополярным. Первоначально основной узел его был сосредоточен в пределах Камско-Бельского Приуралья. Появление и последующее обитание в пределах степей Южного Урала и Западного Казахстана раннегуннского (гунно-сарматского) союза приводит к длительному (II–IV вв.) взаимодействию местного лесостепного населения с пришельцами. Результатом этого стал распад или трансформация культур пьяноборской общности во II–III вв. н.э. и появление нового блока раннесредневековых культур: азелинская, мазунинская, имендяшевская, бахмутинская.[5]

С началом движения ранних гуннов на запад уже с III века и последующим возвращением их из западных походов часть гунно-сарматского населения начинает активно оседать в пределах бассейна реки Белой. Очевидно, в составе этой ремиграции в Приуралье были и носители тур-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-20283 «*Мир кочевников Южного Урала в свете мадьярской археологии (VIII–XI вв.)*», https://rscf.ru/project/24-28-20283/

[2] Бернштам 1951; Гумилев 1960; 1960а; 1992, 101–108; Генинг 1959, 182; Халиков 1987.

[3] Боталов 2013.

[4] Сунгатов 2002, 153–155; Сунгатов–Гарустович–Юсупов 2004; Овсянников 2006; 2006а; Овсянников и др. 2007, 83–85.

[5] Генинг 1972, 222–247; Овсянников 1999, 178–180.

баслинской культуры, которая по своим морфологическим признакам заметно отличалась от культуры местного населения. Археологические памятники турбаслинской культуры, в том ее виде как она воспринимается современными исследователями, представлены немногочисленными поселениями и могильниками, которые двумя компактными группами локализуются на берегах среднего течения реки Белой (от города Бирска до устья реки Сим) и в районе устья реки Камы.[6] Механизм образования этих локальных групп пока неясен. С одной стороны, по общему мнению исследователей, этнокультурным ядром их были поздние сарматы,[7] с другой – отмечаются следы этнокультурного взаимодействия «*турбаслинцев*» с местным приуральским населением.

Первым на них указал Н. А. Мажитов – первооткрыватель турбаслинской культуры. Неоднократно подчеркивая пришлый характер турбаслинской культуры для территории Южного Приуралья, исследователь отмечал ее двух- или многокомпонентность, в которой, по его мнению, «*роль местной подосновы сыграли кочевые племена южноуральских степей*».[8]

Одним из наиболее часто упоминаемых памятников, оставленных этими кочевыми племенами, является Салиховский курганный могильник на левобережье среднего течения реки Белой.[9] Исследователь этого памятника С. М. Васюткин интерпретировал его как смешанный в этнокультурном отношении могильник, оставленный потомками поздних сарматов и местных финно-угорских племен. К последним он относил нахождение в трех погребениях поясных пряжек и накладок не на тазовых костях, а рядом со скелетом человека (пояс, уложенный вдоль тела), чашевидные сосуды имендяшевского типа, две пронизки-уточки, поясные накладки пьяноборско-мазунинского типа.[10] Аналогичным образом определял исследователь и этнокультурную принадлежность Ахмеровского II курганного могильника, расположенного в 9 км к северу от Салиховского. Только там, по его мнению, свидетельством контактов поздних сарматов с местным убаларско-имендяшевским населением являются находки фрагментов двух сосудов имендяшевского типа.[11]

Таким образом, материалы указанных памятников, а также Дербеневских и Нижнеарметовских курганов, однотипных и невыразительных по ассортименту сопровождающего инвентаря, действительно свидетельствуют о переселении в III–IV вв. части поздних сарматов на правобережье реки Белой, в самые предгорья Южного Урала. Здесь они контактируют с [убаларско-имендяшевским] населением.[12] Это, по мнению ряда исследователей, вызывает появление в верховьях рек Белая и Нугуш серии стоянок с «*миксовой*» имендяшевско-позднесарматской керамикой[13] или даже – слияние поздних сарматов и убаларско-имендяшевского населения в один этнос.[14]

Дальнейшее развитие этнокультурных процессов в рассматриваемой части Приуральского региона, в представлении современных исследователей выглядит следующим образом: при продвижении на север позднесарматско-убаларские группы вступают в тесные контакты с носителями кара-абызской культуры на позднем этапе ее развития. Следствием этого стало формирование смешанного кара-абызско-убаларского населения,[15] которое участвует в формировании турбаслинской культуры.[16]

---

[6] Иванов 2022б, 346.
[7] Сунгатов 1998, 105–110; Мажитов–Султанова 2009, 148; Казаков 2020, 36.
[8] Мажитов 1977, 178.
[9] На берегу реки Селеук, левого притока реки Белой.
[10] Васюткин 1986.
[11] Васюткин 1977.
[12] Овсянников 2006, 87; Красноперов–Бахшиев 2019, 110; Малашев–Кривошеев 2022, 37.
[13] Русланов 2023, 97.
[14] Овсянников 2009, 147.
[15] Овсянников 2006, 87.
[16] Мажитов 1977, 51, 55; Васюткин 1987, 110–111; Боталов 2009, 252, 539; 2016, 45–46.

Процесс окончательного формирования турбаслинской культуры пока остается неясным. Сегодня можно утверждать, что в IV в. н.э. (по И. О. Гавритухину) – не позднее его второй половины[17] – на правобережье среднего течения реки Белой (территория современного города Уфа) появляются носители турбаслинской культуры. На площади так называемого «*Уфимского полуострова*» и его окрестностях памятники турбаслинской культуры представлены Дежневскими курганами, Уфимскими погребениями, разбросанными беспорядочно по территории современного города,[18] Ново-Турбаслинским поселением и могильником, могильником «*Чайка*», городищем Уфа II, Дудкинское I и Дудкинское II (Юнар) поселениями.[19]

В течение V века «*турбаслинцы*» расширяют территорию своего обитания в среднем течении реки Белой: на левом берегу появляются Кушнаренковский могильник и поселение рядом, на правом – турбаслинские погребения будут совершаться на Бирском могильнике.

Поселения «*турбаслинцев*» – это поселения оседлого населения, с жилищами-полуземлянками и свидетельствами земледельческого хозяйства. Керамика турбаслинской культуры по своим морфологическим признакам и параметрам заметно отличается от керамики других синхронных археологических культур Прикамья и Приуралья.[20]

Погребальный обряд населения турбаслинской культуры, представленный Дежневскими и Ново-Турбаслинскими курганами, Кушнаренковским, Шареевским могильниками, Уфимскими погребениями, погребениями на Бирском могильнике, различается типологически – на погребения подкурганные и бескурганные (грунтовые). Вторые известны только на Бирском могильнике, поскольку топография и планиграфия Кушнаренковского, Шареевского могильников и Уфимских погребений дают исследователям основание считать их подкурганными.

Результаты сравнительно-типологического анализа обряда подкурганных и грунтовых захоронений турбаслинской культуры позволяют усомниться в этнокультурном единстве оставившего их населения. На это указывают заметные различия в конструкции могильных ям (частота встречаемости ям с заплечиками и нишей-подбоем в короткой стене, что является признаком турбаслинских могил, в подкурганных захоронениях кратно превышает частоту подобных грунтовых могил); в ориентировке погребенных (в подкурганных захоронениях отчетливо преобладает ориентировка погребенного в северных азимутах), чего нельзя уверенно говорить о бескурганных погребениях, в которых более 60% разрушены и соответствующей информации не дают; в размещении глиняных сосудов в нише-подбое (в бескурганных погребениях это более 85% всех погребений, в подкурганных – чуть более 19%) и т.д.[21]

Чем это может быть обусловлено? Вероятно тем, что формирование турбаслинской культуры в среднем течении реки Белой по времени совпало с распространением в Бельско-Уфимском междуречье памятников бахмутинской культуры, возникшей как следствие вторжения в Прикамье позднесарматских (или связанных с ними) групп кочевников.

Большинство исследователей Волго-Камья и Приуралья считают, что этими кочевниками были поздние сарматы или гунно-сарматы, вернувшиеся из похода в Европу (Тураевский, Старо-Муштинский могильники). Одни исследователи считают, что это были отдельные дружины мужчин-воинов, вторгшиеся в местную мазунинскую (финно-пермскую) среду и вскоре поглощенные ею.[22] Другие видят в «*тураевцах*» бродячий воинский отряд, подчинивший себе местных «*мазунинцев*» и использовавший их в

[17] Гавритухин 2022, 306.
[18] Бахшиев и др. 2017; Иванов 2020.
[19] Полностью разрушены рекой Уфа.
[20] Иванов 2022б, 346–347.
[21] Иванов 2022б, 351–352.
[22] Останина и др. 2007, 204–206.

своих разбойничьих набегах.[23] Как бы то ни было, но появление в регионе «*тураевцев*» и групп, оставивших Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник,[24] завершило историю мазунинской культуры, сохранившиеся носители которой в Бельско-Уфимском междуречье формируют культуру бахмутинскую. Можно предположить, что в этом процессе имели место и какие-то гунно-сарматские культурные импульсы, но их выявление – тема специального исследования.

Сейчас в Приуралье известно около 70 бахмутинских городищ,[25] из которых исследовано менее десятка. К их числу относится и городище Уфа II – первоначально небольшое укрепленное поселение с незначительным и бедным инвентарем на могильнике рядом с ним.

Кто первым начал осваивать «*Уфимский полуостров*» – «*бахмутинцы*» или «*турбаслинцы*» – сказать трудно. И те и другие представлены на этой территории несколькими памятниками.[26] Однако стратиграфическая статистика бахмутинской и турбаслинской керамики на городище Уфа II – наиболее полно исследованного городища этих культур – показывает, что почти 80% всей бахмутинской керамики залегают в 11–5 штыках (стратиграфических горизонтах), а более 60% турбаслинской керамики в 6–1 штыках.[27] Возможно между «*бахмутинцами*» и «*турбаслинцами*» существовали культурные[28] контакты, на что могут указывать находки бахмутинского сосуда в типично турбаслинском погребении Дежневского могильника,[29] присутствие бахмутинских сосудов в керамическом комплексе Ново-Турбаслинского II и Кушнаренковского поселений.[30]

Но особенно показательным в этом отношении является «*турбаслинский участок*» на Бирском могильнике, где почти каждое четвертое погребение, совершенное по турбаслинскому обряду (могилы с заплечиками, нишами-подбоями, кости коня в яме), содержат типично бахмутинские сосуды.[31]

О совместном проживании «*бахмутинцев*» и «*турбаслинцев*» может свидетельствовать и стратиграфия городища Уфа II, в котором на 5-м штыке культурного слоя бахмутинская и турбаслинская керамика встречается в почти равных пропорциях (15,8% и 14,8% от всего керамического комплекса этих типов).[32]

То есть можно предположить, что в V веке на территории Южного Приуралья складывается бахмутинско-турбаслинская культурная общность. Но насколько она была устойчивой и в этнокультурном плане тесной – об этом судить сложно, так как на это указывают материалы только двух памятников – городища Уфа II и Бирского могильника.

Что же касается антропологических данных, то они, определяя южное происхождение «*турбаслинцев*», не указывают на их биологическое смешение с «*бахмутинцами*».[33] Более того, как считают антропологи, турбаслинское население, «*оставившее Кушнаренковский могильник, – пришлое и имеет, скорее всего, южное происхождение. Кушнаренковцы генетически не связаны с предшествующим населением Южного Урала и их участие в расогенетических процессах в крае в последующее время не прослеживается*».[34]

---

[23] Гавритухин–Красноперов 2022, 192.

[24] И. О. Гавритухин считает его грунтовым могильником мазунинской культуры (Гавритухин 2022, 279).

[25] Колонских 2022, 337, рис. 1.

[26] Кроме городища Уфа II известны еще три доподлинно бахмутинских городища – Уфимское (Чертово), Уфа IV и V. А. Г. Колонских также обосновывает существование городища Уфа III, вплотную примыкающего к городищу Уфа II (Колонских 2018).

[27] Иванов 2012, 410–411.

[28] Или этнокультурные типа брачных связей. Во всяком случае в наличии таких контактов, и довольно тесных, убеждены все современные исследователи данной проблемы.

[29] Пшеничнюк 1968, 105–106.

[30] Мажитов 1962; Генинг 1977.

[31] Мажитов 1968, 84–113.

[32] Иванов 2012, 410–411.

[33] Акимова 1968, 71–75; Бикбулатов и др. 2002, 34.

[34] Антропология башкир 2011, 102.

Во второй половине VI века «*турбаслинцы*» появляются в районе устья реки Камы (Коминтерновский II, Новославский II, Измерский IX, Маклашеевский V, Ташкирменьский могильники). Вероятно, это часть турбаслинского населения (можно предположить – левобережная), очевидно, слабо связанная с «*бахмутинцами*». Прожили они там до начала VII века,[35] примерно до того же времени, что и правобережные «*турбаслинцы*», фактически по материалам Бирского могильника в культурном отношении «*обахмутившиеся*» и уже переставшие быть «*чистыми турбаслинцами*».

Что могло послужить причиной прекращения существования турбаслинской и бахмутинской культур в Приуралье? По-видимому, это могла быть цепь вытекающих одно из другого событий, в V–VI вв., происходивших в степях Южного Зауралья: приход кочевников, оставивших в регионе так называемые курганы с «*усами*» – их давление на угров Зауральской лесостепи[36] – переселение части угров в Приуралье (носители кушнаренковской культуры). Это событие коренным образом изменило содержание этнокультурной карты региона во второй половине – конце I тыс. н.э.

2.1.2. Позднесаргатский (прыговский) историко-культурный горизонт в Зауралье

В лесостепном Зауралье до недавнего времени раннегуннский и гуннский этапы (III–V вв.) особенно трудно поддавались историко-культурной реконструкции. Для лесостепного Зауралья, Западной Сибири и североказахстанской степи это понимание усложняется тем, что остается не совсем определенной судьба саргатской культуры. С одной стороны, среди наиболее поздних сарматских комплексов мы можем фиксировать определенные инновации, которые указывают на видимое восточное влияние (одиночные или парные погребения в узких подпрямоугольных ямах, с гробовыми конструкциями, северная ориентировка; наборы вещевого инвентаря – узкие длиннолезвийные мечи без перекрестья, трехлопастные черешковые наконечники, распространение кольчатых удил и листовидных подвесок в элементах узды). Присутствие этих инноваций особенно фиксируется в Приишимье, на кромке лесостепной и степной зонах Северного Казахстана, где исследованы известные комплексы (Покровские курганы 2, 4; Явленские курганы 2–6 и Новоникольские курганы 4, 8).[37] Однако в целом этот ареал находится под влиянием населения Зауральской и Западно-Сибирской лесостепи. В керамическом комплексе этих памятников, наряду с позднесаргатскими, начинают активно внедряться элементы кашинско-прыговского и батырского обликов (крупногребенчатый многорядный зигзаг или горизонтальные многорядные колонки, шнуровая орнаментация в виде многорядного зигзага или горизонтальных линий, многорядных зигзагов плоского штампа).[38]

Проникновение на территорию Притоболья гунно-сарматского населения с первых веков новой эры привело к установлению новых культурных норм в среде позднесаргатских племен, что отразилось в погребальном обряде и вещевом инвентаре – преобладание индивидуальных захоронении в узких прямоугольных ямах, наличие гробовых конструкций, северная ориентировка погребенных, появление деформации черепов, гунно-сарматский набор инвентаря (*рис. 310*).[39]

Таким образом, вероятнее всего с первых веков новой эры (II–III вв.) в лесостепном Приуралье и в Зауралье установилась некая гуннская

---

[35] Казаков 2020, 36.

[36] Боталов 2006, 465–468.

[37] Боталов–Гуцалов 2000, 58–62.

[38] Боталов–Гуцалов 2000, рис. 3, 8; 4, 1–5; 15, 2; Боталов 2009, рис. 117, 218, 219, 300.

[39] Матвеева 1994, 24, рис. 11; 38, 39, рис. 20, 21; 73, рис. 44–46; 78, рис. 47; 83, рис. 51, 84, рис. 52, 88, 89, рис. 54, 55; 91, 92, рис. 56, 57; Корякова–Булдашев–Потро 1997, рис. 3; 6; 12, 1; 13; 16, 2; 18; 19; 20; 21; 22; 27, 2–4; Хабдулина 1994, табл. 46, 48, 49.

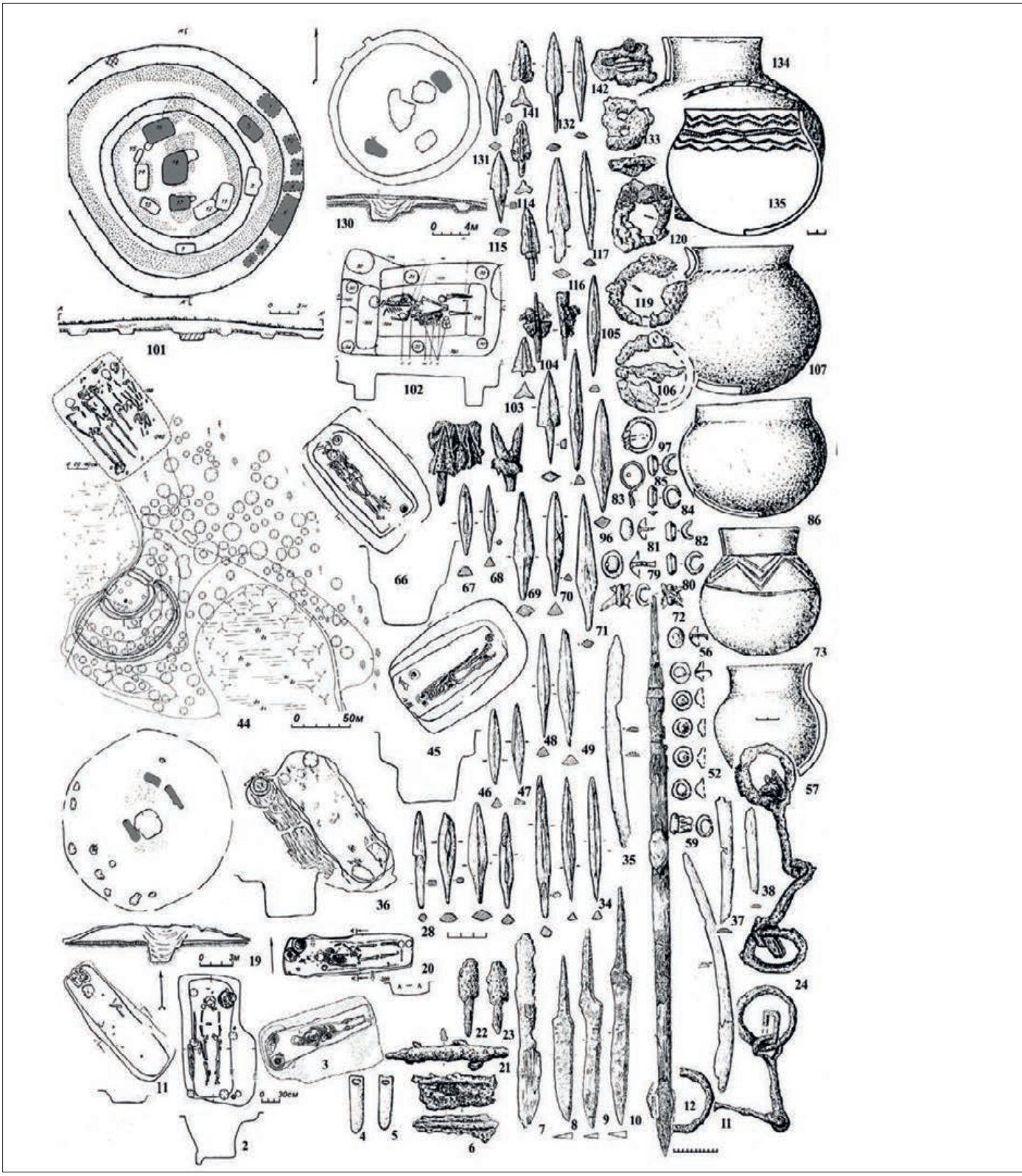
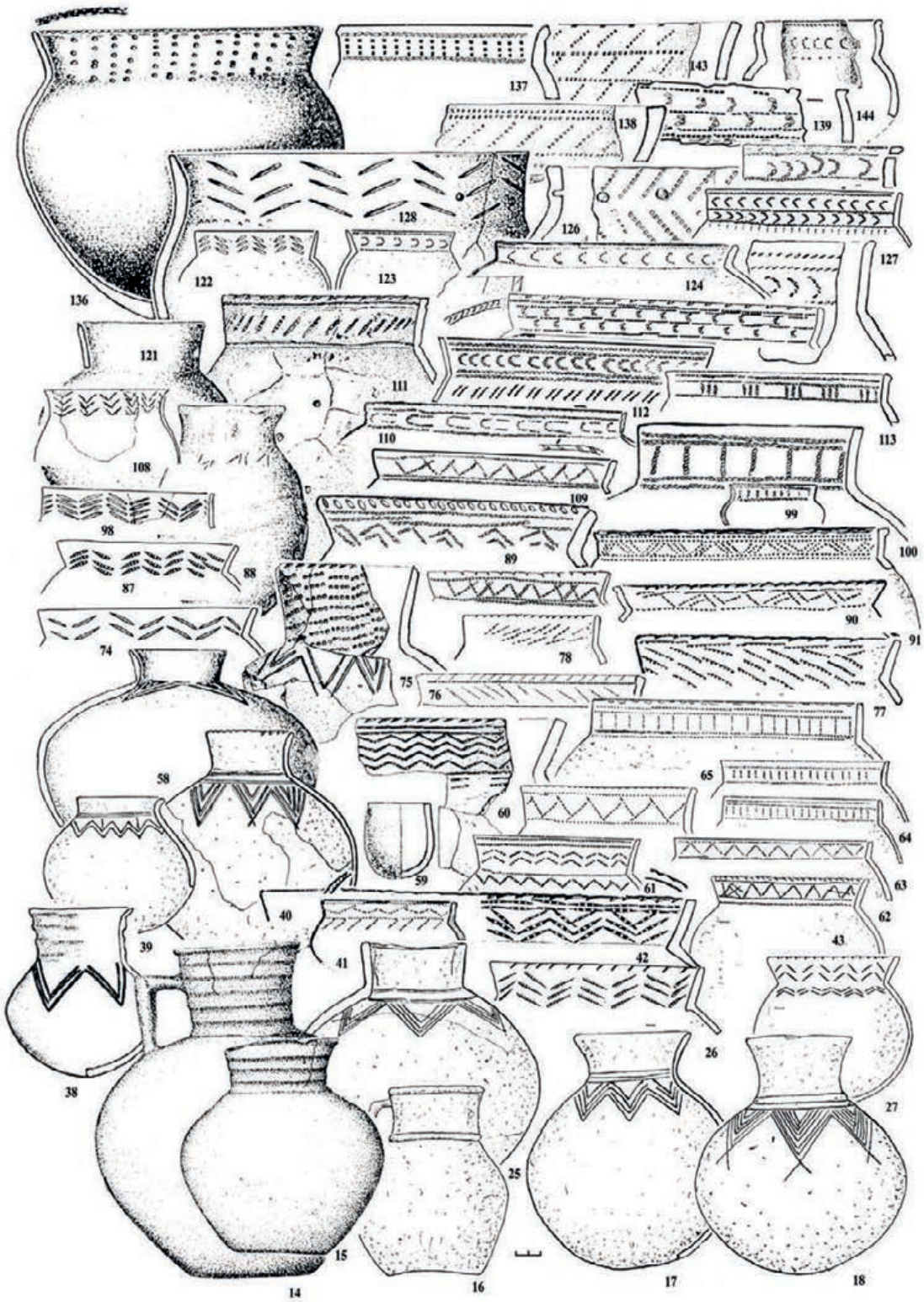

Рис. 310. Прыговская (позднесаргатская) стадия (I–IV вв.) (по: Генинг–Позднякова 1964; Викторова–Морозов 1993; Матвеева 1994; Корякова–Булдашев–Потро 1997; Булдашов 2001; Чикунова 2005; 2008; Ковригин и др. 2006; Боталов 2016). 1–3, 19–20, 36, 44–45, 66, 101–102, 130: планы памятников и погребений; 4, 5, 21, 50–56, 72, 79–85, 92, 97, 118, 134: бронза, железо, дерево; 6, 8–12, 22–24, 93, 94, 103–104, 106, 114, 119, 120, 133, 141–142: железо; 7, 13, 28–35, 37–38, 46–49, 67–71, 95, 96, 105, 115–117, 131–132: кость; 14–18, 25–27, 38–43, 57–65, 73–78, 86–91, 98–100, 107–113, 121–129, 135–140, 143–144: керамика

»

310. kép. Prigovói (késő szargatka) szakasz (1–4. sz.) (Генинг–Позднякова 1964; Викторова–Морозов 1993; Матвеева 1994; Корякова–Булдашев–Потро 1997; Булдашов 2001; Чикунова 2005; 2008; Ковригин и др. 2006; Боталов 2016 nyomán). 1–3, 19–20, 36, 44–45, 66, 101–102, 130: lelőhelyek és sírok felszínrajzai; 4–5, 21, 50–56, 72, 79–85, 92, 97, 118, 134: bronz, vas, fa; 6, 8–12, 22–24, 93–94, 103–104, 106, 114, 119, 120, 133, 141, 142: vas; 7, 13, 28–35, 37, 38, 46–49, 67–71, 95, 96, 105, 115–117, 131–132: csont; 14–18, 25–27, 38–43, 57–65, 73–78, 86–91, 98–100, 107–113, 121–129, 135–140, 143–144: kerámia

доминанта, которая и лежала в основе культурных трансформаций и межплеменных взаимодействий.

С этого времени, как нам представляется, начинается некий переходный этап, который мы назвали прыговским, или позднесаргатской фазой, который продолжается от рубежа II–III вв. до IV века, вплоть до формирования бакальского историко-культурного горизонта (ИКГ).

Причины трансформации прыговского и формирования бакальского горизонтов требуют особого осмысления. Прежде всего, каковы вообще причины и природа процесса замены историко-культурных горизонтов?

По нашему представлению, этот процесс связан с изменением направления социальных связей родового сообщества. Эта трансформация напрямую зависит как от внутриродовой реструктуризации, так и от становления новых доминирующих родов (кланов) внутри этого единства, а также от изменений во внешнеродовых направлениях брачных связей и инокультурных доминирований.[40] На наш взгляд, прыговско-бакальский переход хорошо иллюстрирует эти положения.

Общая логика событий, происходящих на предшествующей саргатско-кашинской фазе (III в. до н.э. – II в. н.э.) выглядит следующим образом: перемещение иткульского металлургического очага в районы Верхней Исети в III в. до н.э. приводит к установлению нового вектора социокультурных связей саргатского и иткульского населения.[41] Браки, семейные и хозяйственные контакты, возникшие в это время, приводят к формированию кашинского неокультурного компонента. Трансформация общесаргатского облика населения скотоводов лесостепного Зауралья и Западной Сибири углубляется с установлением устойчивой системы социальных связей с кочевым населением Северного Казахстана и Южного Зауралья. Это связано с приходом в пределы урало-казахстанских степей новой волны населения, оставившего памятники (конец III в. до н.э. – I в. н.э.), названные нами как памятники юэчжийско-сарматского историко-культурного комплекса.[42] Это приводит к существенной социокультурной реструктуризации саргатско-кашинского сообщества. Особыми маркерами влияния кочевников (степной компонент) на культуру племен лесостепного Зауралья и Западной Сибири являются находки гончарной (среднеазиатской) керамики на городищах (Павлиново, Рафайловское) и могильниках (Абатский I, Мурзино I), а также иных маркерных вещей, среди которых особое место занимают изделия с лаковым покрытием, обнаруженные на памятниках Поиртышья (Исаковка I, III; Сидоровка; Бещеул III, IV), Поишимья (Абатский I, III)[43] и Исети (Сопининский).[44] Как отмечалось ранее, эти предметы и иной восточноазиатский импорт, получивший яркое распространение именно в это время (конец III в. до н.э.), является не просто результатом неожиданно возникших торгово-экономических связей, но и итогом непосредственного взаимодействия зауральско-западносибирских лесостепных племен с кочевниками Азии.

Вероятнее всего, данное взаимодействие привело к серьезной культурно-хозяйственной деструкции саргатского сообщества, на что указывает повсеместное прерывание жизнедеятельности городищ и некрополей региона во второй половине II – первой половине I в. до н.э. Кратковременность сосуществования саргатско-кашинского и степного населения не позволяет однозначно утверждать, что представители второго являлись в данный момент доминирующим кланом всего сообщества. Ранее мы высказали мнение, что появление среди саргатских некрополей таких элитарных комплексов (Исаковский I, Сидоровка, Тютрино) с ярким кочевническим обликом, позволяет говорить, что именно с этого периода саргатская общность претерпевает серьезные структурные изменения, в результате

[40] Мосин–Боталов 2007, 11–12.
[41] Викторова 2008, 81.
[42] Боталов 2009, 116–123.
[43] Погодин 1998.
[44] Корякова и др. 2009.

которых резко возрастает роль кочевой аристократии.[45]

Однако следует отметить, что, если на этом этапе в пределах саргатско-кашинской фазы саргатского ИКГ о вышеназванных элементах реструктуризации можно говорить, как об отчетливо оконтурившихся тенденциях, то на следующей прыговской (позднесаргатской) фазе рассматриваемое сообщество выступает как новое, глубоко интегрированное, единство оседлого и кочевого населения.

В этой связи возникает вопрос, может ли прыговский этап быть представлен как единая общесаргатская линия развития? Если рассматривать вопрос не с формальной точки зрения, то можно заметить, что на этом этапе саргатская культурная составляющая угадывается лишь как некая общекультурная тенденция. Это касается общих традиций погребальной обрядности (хотя и здесь наметились весьма важные инновации) и сохранения культурных традиций в керамических комплексах. В первом случае значительную долю, причем среди социально значимых или воинских комплексов первых веков н.э., составляют погребения, представляющие основные элементы кочевого гунно-сарматского облика (одиночные или парные погребения, в узких прямоугольных ямах с гробовыми конструкциями и северной ориентировкой погребенных, распространение традиции деформации черепа и раннегуннским «*всадническим*» набором вещевого инвентаря – конская узда с листовидными подвесками-зажимами и кольчатыми удилами, узколезвийные мечи и кинжалы, восточноазиатский импорт и гунно-сарматская керамика)[46] (*рис. 310. 1, 2, 9–16, 20, 24, 45, 57, 66, 86, 102*).

В этой связи наша точка зрения весьма близка мнению А. П. Зыкова, который говорит о том, что в прииртышских материалах II–III вв. наблюдается культурная инновация, связанная с миграцией собственно гуннов, вытеснивших саргатское население.[47]

Во втором случае, исследователи обращают внимание на то, что саргатские керамические традиции на заключительном этапе претерпевают существенную унификацию. Значительная доля на этом этапе принадлежит большим или средним шаровидным (бомбовидным) сосудам с прямой шейкой, на которых особую роль приобретает орнаментация в виде многорядных остроугольных фестонов.[48] Не приходится сомневаться в общесаргатской принадлежности этого комплекса, однако чрезвычайная схожесть этих форм с образцами кувшинов, кувшиновидных сосудов гунно-сарматского облика, изготовленных в большинстве своем на гончарном круге, позволяет говорить о том, что «*саргатские*» прообразы являются своеобразным местным подражанием раннегуннским образцам посуды.[49]

Эти особенности в изменении керамического комплекса в переходный период и на раннем этапе бакальского горизонта были подробным образом проанализированы Н. П. Матвеевой.[50]

Есть определенная уверенность, что доступный на сегодняшний день материал демонстрирует явное доминирование степных – гунно-сарматских традиций в погребальной обрядности некрополей прыговской фазы (по крайней мере, среди наиболее богатых погребений). Хотя, справедливости ради, следует заметить, что поселенческая и городищенская культура не позволяет столь ярко выхватить эти разноукладные и разнокультурные особенности, что вполне объяснимо в сложившемся симбиозе. Вряд ли кочевое гунно-сарматское население могло оставить какой-то существенный след в традиционной жизнедеятельности оседлых комплексных центров. Оно, скорее всего, со-

---

[45] Боталов 2009, 534.

[46] Боталов 2009, 534–535, рис. 117.

[47] Зыков 2002, 48; 2012.

[48] Корякова–Булдашев–Потро 1997, рис. 7, 1, 4, 11; 14, 3, 5, 6; 24, 2, 4, 5, 7, 8; 25, 1–4; 29, 5; Матвеева 1994, рис. 29, 6, 8; 32, 21; 35, 2, 4; 39, 3, 4, 7; 46, 3, 5, 7; 56, 3; Булдашов 2001, рис. 7, 1, 3; 8, 4.

[49] Боталов–Гуцалов 2000, рис. 6, 16; 7, III, 3, V, 1; 9, 56; 10, 11, 12; 11, 9, 11, 13; 15, 1; 17, 25, 26; 18, 45; 20, 7, 8; 25, 8, 11; 29, 24, 31, 6, 7

[50] Матвеева 2016, 202–210.

ставляло более мобильную (дружинную) часть сообщества, осуществляющего особую экзополитарную функцию, когда наряду с внешней эксплуатацией (сбором дани или мзды) обеспечивалась защита от внешней опасности. То есть тот деятельностный набор, который ранее был апробирован на этапе становления и существования кочевой империи хуннов.

2.1.3. На крайне восточном крыле Урало-Сибирского единства

С приходом в горные районы Саян и Алтая гяньгуньского населения, вытесненного хуннами из Северо-Западной Монголии и Восточного Туркестана во II в. до н.э., который археологически отобразился тесинскими и булан-кобинскими трансформациями, привел в Минусе к формированию таштыкской общности, а в горной Туве и на Алтае – к возникновению многочисленных переходных типов (кокэльский, кок-пашский, балактыюльский, раннекатандинский, берельский и др.) зарождающегося могучего тюрко-телеского сообщества.[51] Это население уже к III–IV вв. занимает лесостепную полосу Алтая и Приобья, оттеснив, а затем ассимилировав кулайские угро-самодийские племена. С возникновением верхнеобской (Новосибирское Приобье) и одинцовской (Бийско-Барнаульское Приобье) культур в IV–V вв. н.э. мы, вероятно, можем констатировать, что крайняя восточная часть ранее существовавшей урало-сибирской общности становится новым тюрко-угорским анклавом зарождающегося нового этнокультурного единства. По мнению А. А. Казакова, с данного периода начинается тюркизация Верхнего Приобья.[52] Этот процесс автор видит как следствие непосредственного влияния хунно-сянбийских племен на районы Алтая и Приобья. Следует добавить, что одинцовский и верхнеобский культурогенез, как уже сказано, непосредственно связан с воздействием горно-степных вышеозначенных культур и типов предтюркского облика, в которых появляются такие важные маркеры как погребения с восточной ориентировкой и конем (катандинский тип), погребения с конем (кудэргинский тип), кремация (Обские Плесы) и характерный для тюрко-телесского комплекса вещевой набор (конская узда с S-видными или костяными двудырчатыми псалиями, чумбуры, стремена, однолезвийные палаши с кольчатым навершием, Т-образные петлевидные колчанные крюки и др.).

В этот период среди указанных памятников лесостепной полосы Юго-Западной Сибири появляются немногочисленные, но весьма яркие воинские комплексы, маркирующие сложение нового проаварского и проболгарского пласта тюрко-угорских народов. Речь идет о знаменитых одиночных погребениях (Тугозвоново, Сопка (погребение 688), Татарские могильники, Ераска, Троицкий Елбан I, Обские Плесы II и др.). Последующее стремительное проникновение этого тюркизированного полукочевого населения, как, впрочем, и смещение всего массива угро-иранского и угро-самодийского лесостепного населения Зауралья и Западной Сибири в первой половине I тыс. н.э., сегодня не требует особых исторических и археологических подтверждений. В этой связи особо хочется заострить внимание на важном наблюдении, которое было сделано А. П. Бородовским по материалам раскопок могильников Юрт-Акбалык-8 (курган 23) и Умны-4, относящихся к раннему этапу верхнеобской культуры VI–VII вв. Украшения головного убора, костюма и пояса, найденные в 1 и 2 погребениях кургана 23 Юрт-Акбалык-8, позволили автору прийти к выводу о типичной тюркской культурной традиции в рассматриваемых элементах внешнего облика погребенных, сформировавшихся в лесостепном Приобье в период, предшествующий широкому проникновению сюда тюркских групп (с точки зрения автора).[53] Однако, с нашей точки зрения, в конкретном случае данные факты указывают на то, что проникновение собственно

[51] Боталов 2003.
[52] Казаков 1996, 176–177.
[53] Бородовский 1988, 45–46.

тюрков и телесцев и тюркизация угро-самодийского лесостепного населения Приобья – есть процессы разного порядка. Возникновение в IV–V вв. в пределах Алтая такого мощного этнополитического центра, каким явился союз теле, неизбежно привело к созданию нового культурно-генетического очага, который с этого периода стал активно влиять на соседствующие с ним восточные районы ирано-угорской (самодийской) общности. Результат – неизбежная культурная трансформация восточно-угорского населения и замена этнокультурных и, думается, лингвистических ориентиров. С нашей точки зрения, указанные инновации в погребениях могильников Юрт-Акбалык-8 и Умны-4 не эпизодические и неожиданные явления, а своеобразный показатель окончательного этапа тюркизации приобского населения. Однако начало его падает на более ранний период, который соотносится с первыми веками новой эры.

Сегодня трудно говорить о характере этнокультурных трансформаций в лесостепном Приобье и Барабе в этот период. Разрозненные материалы не позволяют четко представить обширный спераковский этап (II–I вв. до н.э – V–VI вв. н.э.) потчевашской культуры Барабы, в памятниках которого наблюдается слабое присутствия саргатских черт,[54] а также финал фоминского этапа кулайской культуры с аморфным так называемым переходным этапом (III в. или вторая половина IV–V в.).[55] Тем не менее, этнокультурные процессы, которые имели место в Верхнем Приобье и Поиртышье в течение первой половины I тыс. н.э., позволяют наметить новый этап в существовании большого угро-самодийского урало-сибирского единства. Процессы, которые произошли здесь в первые века н.э., кардинальным образом изменили этнокультурную карту региона.

По вопросам культурогенеза Новосибирского Приобья и лесостепных районов Алтая сегодня существует довольно внушительный список литературы, посвященный памятникам фоминского этапа кулайской культуры, переходному этапу, одинцовскому или сошинскому этапу соответственно верхнеобской или одинцовской культур.[56]

Бесспорно, осознавая важность вопросов уточнения хронологических позиции отдельных этапов и групп памятников, попробуем остановиться на более широких аспектах этнокультурных трансформаций, происходивших в Верхнеобском бассейне в данный период.

На наш взгляд, весьма важное наблюдение о характере культурных инноваций, которые привели к формированию верхнеобской культуры, сделал пятьдесят лет назад М.П. Грязнов на материалах исследований погребальных комплексов могильников Ближние Елбаны. Рассмотрев керамический комплекс одинцовского этапа, автор приходит к выводу, что одинцовская посуда принадлежит к совершенно новому для Верхней Оби типу керамики, чуждому предшествующему населению и другим племенам Южной Сибири. Она представляет собой один из вариантов того типа посуды, который был создан племенами Северного Приуралья и Северо-Западной Сибири. Прямые аналогии керамики этого этапа автор усматривает среди сосудов раннеананьинского, ломоватовского, родановского и болгарского времени, а также памятников тундровой полосы на севере Западной Сибири.[57] Отдельные вопросы общей схемы хронокультурного развития в позднекулайское и ранневерхнеобское время, предложенные М. П. Грязновым, впоследствии претерпели определенную корректировку. Т. Н. Троицкая удревняет фоминские памятники и относит их к позднему этапу кулайской культуры – I–III вв. н.э., переходный этап – к концу III–IV в. н.э., а одинцовские – к V–VI вв.[58]

Последующие исследования в Приуралье позволили уточнить и расширить спектр аналогий приобских и прикамских памятников рубежа эр.

---

[54] Елагин–Молодин 1991, 98–103.

[55] Казаков 1996, 166–171.

[56] Грязнов 1956, 113; Троицкая 1981, 111–119; Троицкая–Новиков 1998, 78; Казаков–Неверов 1991, 168; Казаков 1996, 166–177; Горбунов 1993, 80–90; 2004, 92–95.

[57] Грязнов 1956, 112–113.

[58] Троицкая 1979, 47, 50–52; 1981, 102–103, 116, 119.

Так, среди керамических комплексов позднеананьинского (касьяновско-михайловского), чегандинского и караабызско-убаларского круга, а также в комплексах мазунинской и бахмутинской культур последних веков до н.э. и первых веков н.э. встречены фактически идентичные одинцовским сосуды (со сферическим туловом, выпуклым дном, отогнутым венчиком и характерной орнаментацией в виде жемчужин, наколок в верхней части тулова, горизонтальных полос и рядов оттиска гребенчатого штампа).[59] Весьма показательным в этой связи является тот факт, что кроме керамических параллелей существует целый ряд отдельных категорий культуромаркирующих предметов, которые в более раннее время встречаются в приуральских комплексах. Речь идет о серьгах в виде знака вопроса, завитых в нижней части в виде конуса или цилиндра, гривнах и браслетах с крючкообразным основанием, эполетообразных фибулах ранних типов, колоколовидных накосных подвесках с наборными пронизками для подвешивания, бронзовых нашивных бляхах, которые характерны для чегандинских, караабызских, убаларских, азелинских и мазунинских вещевых комплексов I–V вв.[60] Мы склонны полагать, что широкий круг аналогий складывается не случайно. Однако полностью понять механизм этих заимствований сегодня, безусловно, не просто. Была ли это разовая миграция или длительная инфильтрация приуральского населения в Приобье, сказать трудно. Вероятно, имели место и какого-то рода культурно-региональные коммуникации уже с рубежа эр, в период сложения пьяноборской и кулайской общностей в пределах лесостепной полосы Урала и Западной Сибири, а также единоразовые переселения, которые привели к существенной культурной трансформации переходного этапа IV–V вв.[61]

Скорее всего, приток новой волны приуральского угорского населения на этом этапе приводит к некой общекультурной настройке в пределах урало-сибирской этнокультурной области, своеобразно нивелируя ее крайне западные и восточные регионы. Их этнокультурное единство выявилось не только в появлении вышеназванных параллелей в вещевом комплексе, в планиграфии и архитектуре городищ и селищ (береговые укрепленные городища с подквадратными или прямоугольными полуземлянками и наземными жилищами с очагами по центру или в углах и зольниками по краям), но и в погребальном комплексе (грунтовые могильники или небольшие земляные курганы, преобладание или значительный процент восточной и северной ориентировок погребенных).[62] Кроме того, на переходном этапе появляются две весьма важные черты погребального обряда: кольцевая деформация черепов и погребения с конем.[63] На эти черты обратил внимание А. А. Казаков, а к особому проявлению этих инноваций он относит факт появления знаменитых погребений в лесостепном Алтае и Новосибирском Приобье (Тугозвоново, Ераська и Сопка 2, погребение 688). Автор справедливо усматривает в этих инновациях «*постхуннское влияние на племена Верхнего Приобья*».[64] Однако механизм воздействия в его изложении остается не совсем понятным.

2.1.4. Бакальский историко-культурный горизонт (III–VIII вв.)

Бакальский историко-культурный горизонт демонстрирует резкое изменение вектора социокультурных связей. Что явилось первопричиной этой новой историко-культурной пертурбации? Был ли это исход ранних гуннов в Европу в конце IV в. н.э. или экологический экстремум (гумидизация таежной зоны, поднятие уровня верховых болот), пик которого также пришелся на IV в.

---

[59] Генинг 1972, рис. 4, 7, 9; 6; 1988, рис. 5, 11, 20; Мажитов 1968; Останина 1997.
[60] Генинг 1963, 40, 41; 1988, рис. 4, 50, 60, 61, 85–87, 112, 115; 9, 3, 4, 27; 17, 1, 2; Останина 1997, рис. 4, 5, 7.
[61] Казаков 1996, 170.
[62] Генинг 1988, 36, 37, 49, 52, 72, 73; Останина 1997, 94–98, табл. 5; Грязнов 1956, табл. XLVII, XXXI, XXXV XXXIX, XLIX; Троицкая–Новиков 1998, 15, 22–24.
[63] Грязнов 1956, табл. XXXVIII, XLIII.
[64] Казаков 1996, 170–175.

н.э., однозначно сказать сложно. Однако с начала формирования бакальского ИКГ мы вынуждены констатировать, что вектор «*степь–лесостепь*», являющийся основным коммуникационным алгоритмом для прыговского (позднесаргатского) этапа, сменился на направление «*лес–лесостепь*». Попытаемся это изложить предметно.

Итак, бакальский ИКГ изначально формируется как еще более многокомпонентный и многокультурный комплекс (археолого-этнических типов по В. Ф. Генингу),[65] чем предшествующий прыговский. Он своеобразно пресекает дисперсно существующую до этого времени саргатскую линию историко-культурного развития.

Выделение и последующее датирование этого горизонта основывалось на материалах наиболее обследованных городищ Поисетья (Большое Бакальское, Коловское, Рафайловское, Усть-Утяк I и Ласточкино Гнездо). Построенная таблица хронологических непрерывных рядов на основе данных радиоуглеродного анализа (*рис. 311*) позволила установить, что наиболее интенсивное заселение названных городищ бакальским населением ограничивается рамками IV–VI вв. При этом явно существует тенденция удревнения и омоложения этих рамок. Так, наличие ранних позиций в хронологических диапазонах бакальских дат на Большом Бакальском, Рафайловском и, в особенности, на городищах Усть-Утяк I и Ласточкино гнездо 1, где нижние показатели диапазонов при вероятности 68.2% опускаются до 230 года и означают, что нижний порог «*бакала*» в пределах III в. н.э. вполне допустим и корректен.[66]

До определенного времени вопрос о позднем горизонте бакальской культуры, равно как и вопрос о существовании на позднем этапе (после VII–VIII в.) бакальского и петрогромско-юдинского населения – носителей гребенчато-шнуровой керамики, оставался открытым.

В 2009 году при исследовании Большого Бакальского городища был заложен раскоп на северо-восточном краю мыса (шурф 7). В результате были получены дополнительные данные о внутренней системе фортификации (внутренний ров и вал). В раскопе была взята проба угля (вероятно от деревянной конструкции вала) и получена дата (SPb 960 R), которая также очертила диапазон 670–712 AD (probability). Данная ситуация требует особого осмысления. Вероятнее всего она указывает на тот факт, что эта часть фортификационных сооружений ограждений, дающих доступ в цитадельную часть городища, обустраивалась либо подновлялась на самом позднем (переходном) этапе существования памятника. Возможно, это отчасти объясняет тот факт, что наибольшее количество керамики со шнуровым орнаментом было обнаружено именно в процессе раскопок Т. М. Потемкиной цитадели Большого Бакальского городища.[67] Это обстоятельство подтвердило и датирование образца (Ki-15911), представляющего фрагменты от сосуда, имеющего орнаментацию в виде вертикальных вдавлений шнурового штампа и наколов по средней части венчика. Судя по орнаментации и профилировке, этот сосуд можно отнести в целом к группе юдинской керамики со шнуровым орнаментом.

Результаты радиоуглеродного датирования 640–780 AD (при вероятности 68.2%) еще раз подтвердили наиболее позднюю позицию существования юдинского горизонта на Большом Бакальском городище.

Интересный факт наличия значительного прерывания линии хронологического развития между бакальским и петрогромско-юдинским ИКГ фиксируется в данных предложенной таблицы на Красногорском и Рафайловском городищах. Он пролегает в диапазоне с VII–VIII вв., между тем как на Большом Бакальском и Коловском городищах этот переходный этап пунктирно заполнен немногочисленными датами, имеющими верхний предел, доходящий до VIII в. (*рис. 311. 1–3, 6*). Показателен тот факт, что в памятниках, где отсутствуют бакальские артефакты, равно как и датировки этого периода, юдинский ИКГ (Прыговское, Барсучье, Чимги-Тура, Святой Бор 5, Криволукское, Мол-

[65] Генинг 1972, 247–251.
[66] Боталов 2016, 50.
[67] Потемкина–Матвеева 1997, рис. 5, 4; 10.

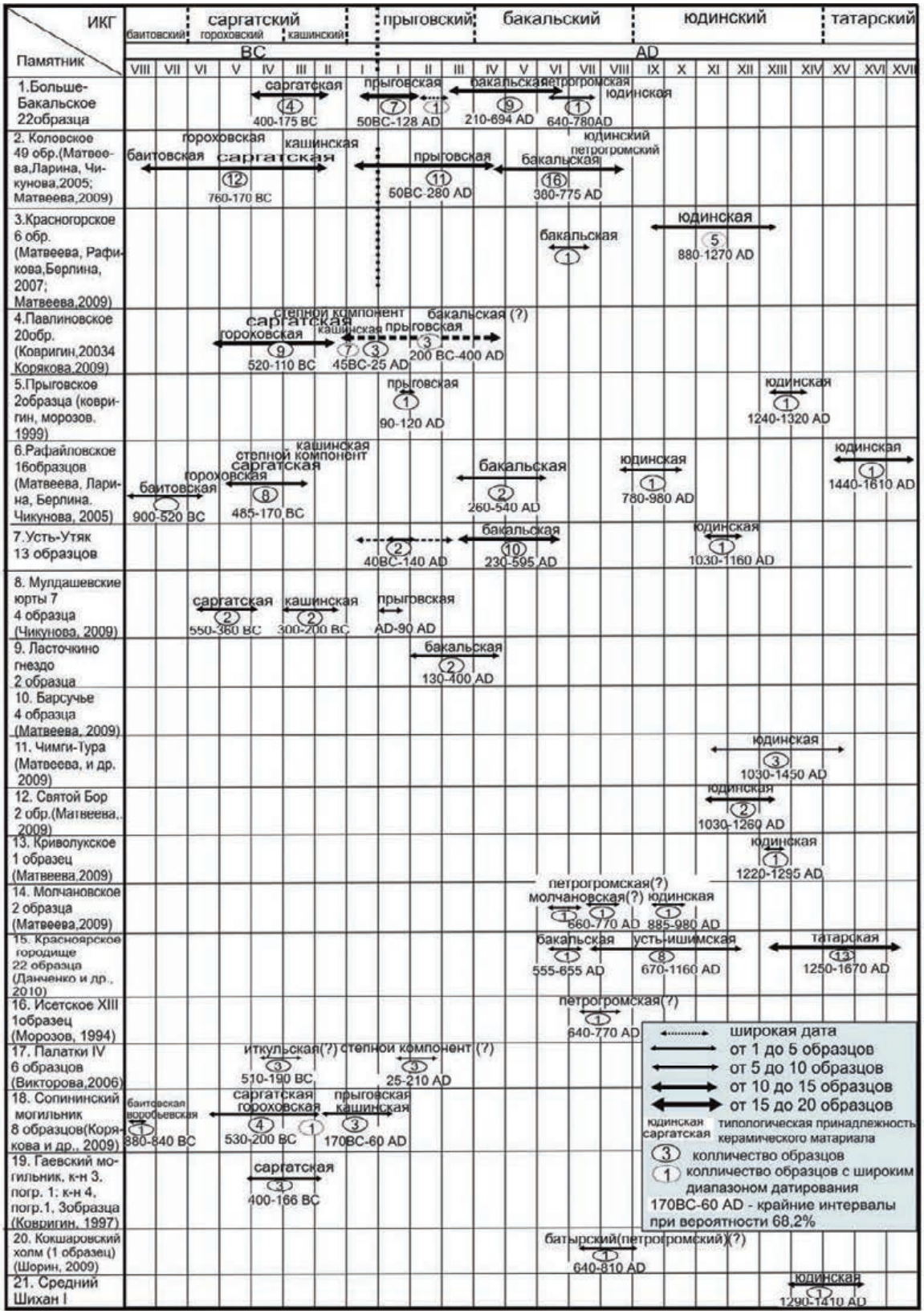

Рис. 311. Историко-культурные горизонты лесостепного Зауралья по данным радиоуглеродного анализа и типологии керамического материала

311. kép. Az erdősztyeppi Urálontúl történeti-régészeti kulturális horizontjai radiókarbon elemzés és kerámiatipológia alapján

чановское, Исетское XIII Б) начинается не ранее конца VIII в. с повсеместным бытованием с XI по XIV в.

Таким образом, бакальский историко-культурный горизонт хронологически очерчивает два переходных этапа: ранний – III–IV вв. от позднесаргатского к раннебакальскому времени и поздний – VII–VIII вв. от позднебакальского к петрогромско-юдинскому горизонту (*рис. 312*).

Приведенные наблюдения по хронологии бакальского ИКГ впоследствии принципиально были подтверждены данными погребальных комплексов из могильников и разрозненных погребений Зауралья и Западной Сибири (Козлов Мыс-2, Устюг-1, Ревда, Перейминский, Ипкульский, Усть-Суерское 1, Усть-Тара VII, Абатский-3 [курган 5, погребение 4], Хрипуновский [погребение 60], Черноозерья и др.).

Анализ этих памятников был проведен Н. П. Матвеевой в своих сводных монографиях.[68] Приводимые автором погребальные комплексы распределяются по четырем хронологическим группам, которые датированы следующим образом:

1) рубеж III–IV вв. – первая половина IV в. – переходная, с инвентарем позднесарматского типа;

2) вторая половина IV – начало V в. – ранняя, с разнородными комплексами предметов мазунинского и гуннского типов;

3) V в. – средняя, с инвентарем, характерным для степной зоны Восточной Европы и Приуралья;

4) рубеж VI–VII вв. – VIII в. – поздняя, с вещами эпохи Второго Тюркского каганата «*среднеаварского*» и «*раннехазарского*» облика.

Исходя из приведенных данных, следует первое наблюдение, что эти погребальные комплексы появляются в зауральской и западносибирской лесостепи на рубеже III–IV вв. Хотя здесь мы не были бы так категоричны, учитывая ранний диапазон датирования по ^{14}C в погребениях Ипкульского (погребения 1–1, 4–3) и могильника Ревда-5 (курган 11, погребение 4), а также широкие рамки бытования отдельных категорий вещей (ременная гарнитура, бусы) в рамках от конца II по IV в., думается что III в., по крайней мере его вторая половина, явился временем появления данного горизонта грунтовых и курганных могильников.

В целом хронологическая схема по датированию бакальских погребальных комплексов Н. П. Матвеевой удивительным образом оказалась схожей с хронологической схемой, которая нами была выстроена с опорой на материалы поселенческих комплексов и соотношение образцов радиоуглеродных дат и типологии керамики.[69] В этой части мы предпочитаем помещать памятники III–IV – VI–VIII вв., расположенные в лесостепной и подтаежной зонах Среднего Зауралья и Западной Сибири, в бакальский историко-культурный горизонт, так как он представляет собой системное многокультурное явление.

Существующий на сегодняшний день материал, типологически распределяемый в рамках бакальской культуры, весьма сложно поддается однозначной культурно-хронологической интерпретации. Очевидно, что традиционная трактовка той или иной группы материалов в рамках данной общности сегодня ставит много вопросов понимания отдельных этапов исторического развития региона. Единственным критерием этнокультурной идентификации памятников или отдельных типов является типология керамического материала.

При этом крайне слабые возможности четких стратиграфических наблюдений за слоями зауральских городищ обусловлены сильной перемешанностью материала – результат многоразовых посещений не только одних и тех же площадок памятников, но и одних и тех же жилищ. В этой связи единая география макрорегиона, включающего бассейны рек Ишим, Тобол, Исеть, Тура, Тавда и Средний Иртыш, являлась территорией, на которой размещались более сотни памятников, содержащих примерно общие синкретические наборы разнокультурных типов, образуя некую общность или единокультурно-историче-

[68] Матвеева 2012; 2016.

[69] Боталов 2016а, 469, 473–480, табл. 1, рис. 1, 2.

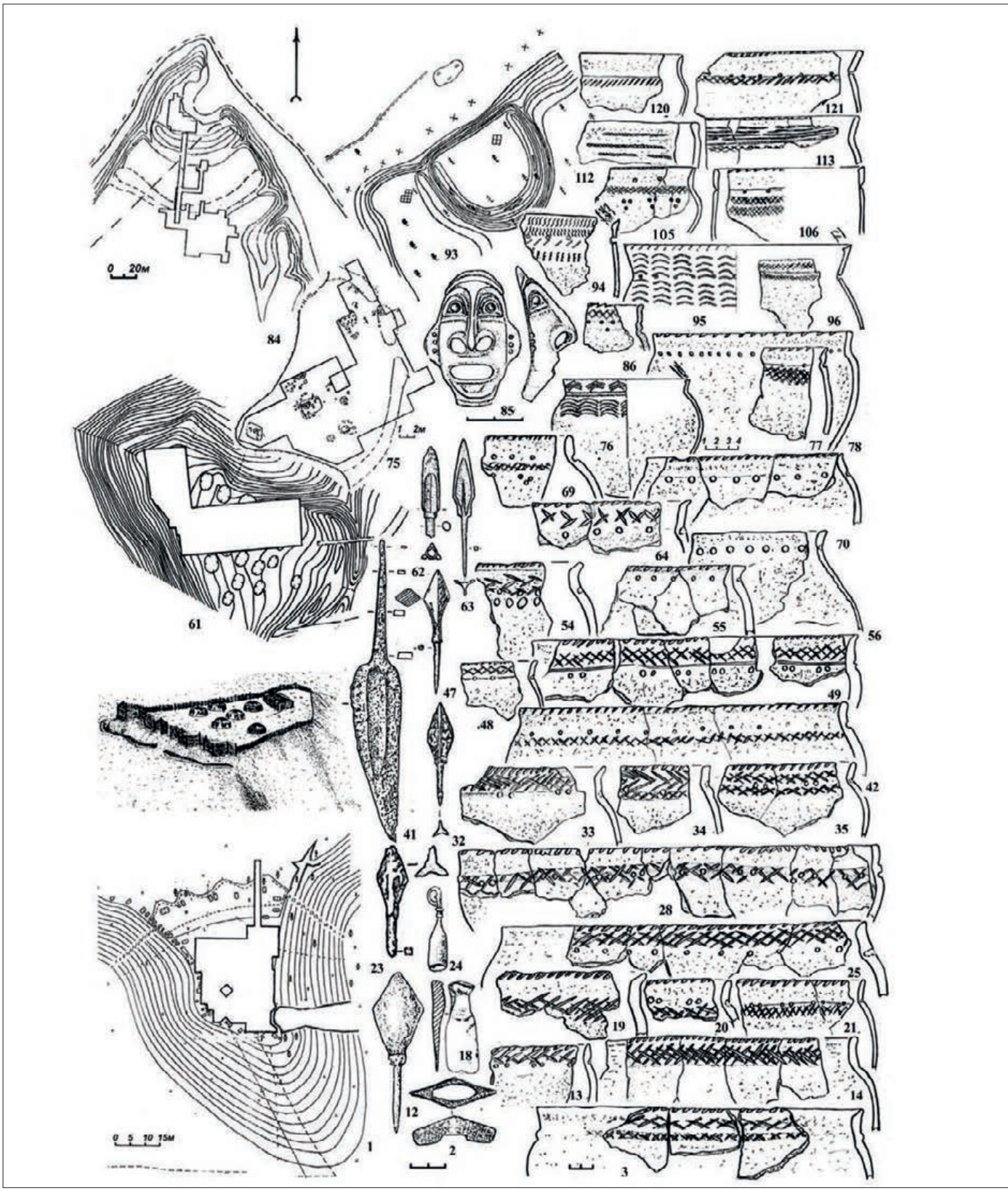
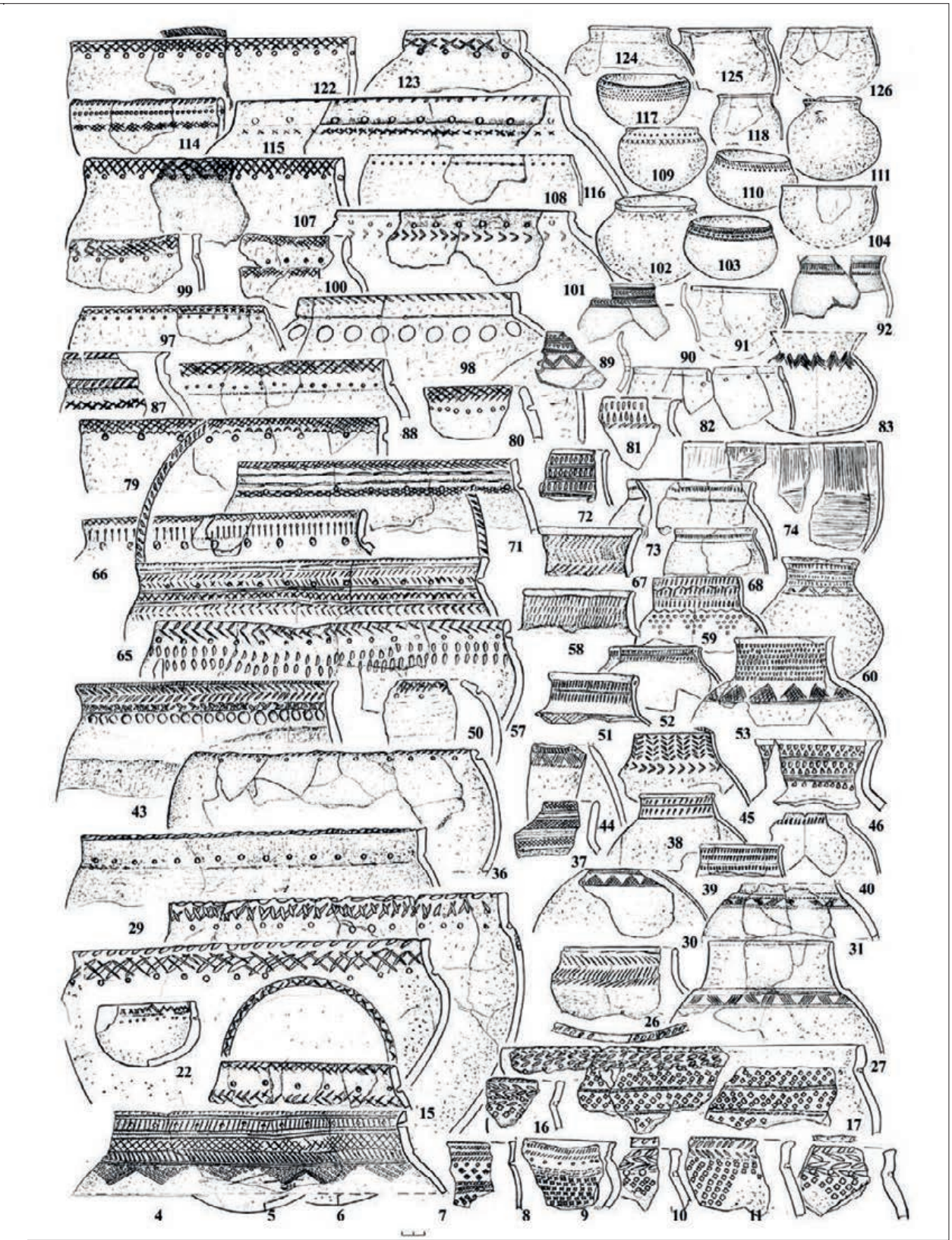

Рис. 312. Бакальский историко-культурный горизонт (III–IV – VII–VIII вв.) (по: Овчинникова 1988; Борзунов 1993; Чикунова 2005; Матвеева и др. 2007; Боталов 2016; Боталов и др. 2008; Зах 2009). 1, 61, 75, 84, 93, 119 – планы городищ и реконструкций; 2, 12, 18, 23, 32, 41, 47, 62, 63 – железо; 3–11, 13–17, 19–22, 25–31, 33–40, 42–46, 48–60, 64–74, 76–83, 86–92, 94–118, 120–126 – керамика; 24, 85 – бронза

»

312. kép. Bakaldai történeti-kulturális horizont (3/4–7/8. sz.) (Овчинникова 1988; Борзунов 1993; Чикунова 2005; Матвеева и др. 2007; Боталов 2016; Боталов и др. 2008; Зах 2009 nyomán). 1, 61, 75, 84, 93, 119: erődített telepek alaprajzai és rekonstrukciók; 2, 12, 18, 23, 32, 41, 47, 62, 63 – vas; 3–11, 13–17, 19–22, 25–31, 33–40, 42–46, 48–60, 64–74, 76–83, 86–92, 94–118, 120–126 – kerámia; 24, 85 – bronz

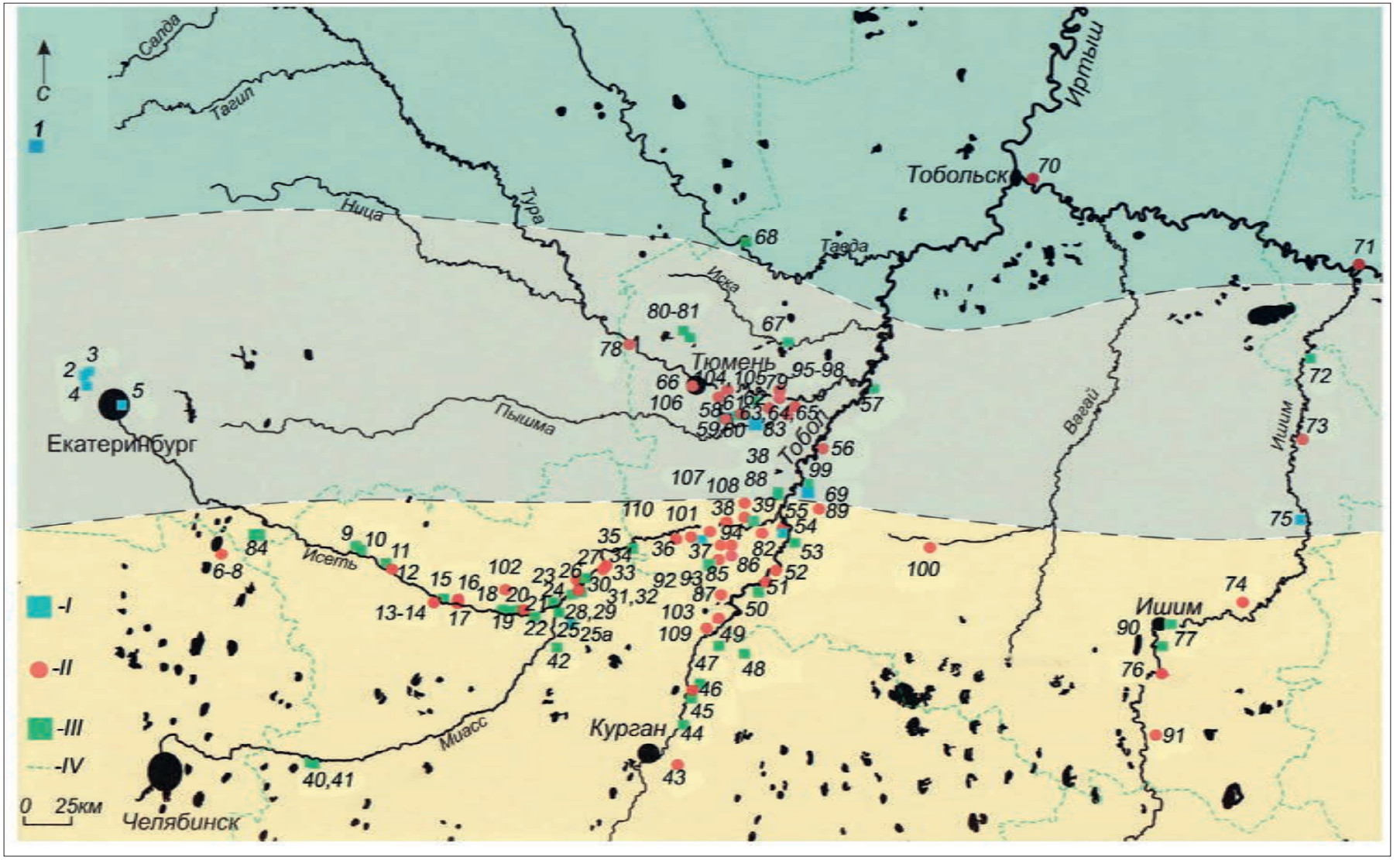

С
1
Салда
Тагил
Ница
Тура
Иртыш
Тобольск
70
Тавда
68
71
Ирса
80-81
67
78
Тюмень
95-98
66
104
105
79
106
58
61
62
63
64
65
57
59
60
83
Пышма
Тобол
Вагай
Ишим
72
73
2
3
4
5
Екатеринбург
38
56
99
107
108
88
69
110
101
38
39
55
89
54
75
9
10
11
84
6-8
Исеть
35
27
34
36
37
94
82
53
100
12
15
16
102
23
26
33
92
93
85
86
52
18
20
24
30
31,32
87
51
74
Ишим
13-14
17
19
21
22
28,29
25
25а
103
50
109
49
90
77
42
47
48
76
46
45
Курган
44
Миасс
91
43
40,41
-I
-II
-III
-IV
0 25км
Челябинск

Рис. 313. Ареал бакальской культуры лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья по А. С. Зеленкову (по: Западная Сибирь 2022, 50–51, рис. 15). I: могильники и святилища; II: поселения; III: городища; IV: границы природных зон тайги, лесостепи, степи (с севера на юг). 1: Голый Камень; 2: Петрогром; 3: Вершина-5; 4: Чертово городище; 5: Шарташские палатки; 6: Зотинское-1; 7: Зотинское-3; 8: Зотинское-4; 9: Гусиное-4; 10: Верхний Яр-4; 11: Нижнеярское-3; 12: Суварышское; 13: Большое Мыльниковское; 4: Малое Мыльниковское; 15: Тюриковское; 16: Полевское; 17: Большое Бакальское; 18: Ильинское; 19: Кокоринское; 20: Прыговское-3; 21: Прыговское; 22: Нечунаево-2; 23: Бабарыкина-1; 24: Бабарыкина-2; 25: Воденниково-3; 25a: Воденниково-1; 26: Павлиново; 27: Коршуново-1; 28: Мурзинское-1; 29: Мурзинское-2; 30: Папское; 31: Мурзинское; 32: Грачево-1; 33: Барино-3; 34: Усть-Терсюк-1; 35: Бархатово-4, 36: Красногорское; 37: Коловское; 38: Дуванское-2б; 39: Слободо-Бешкильское; 40: Кузнецово-1; 41: Кузнецово-3; 42: у поселка Дачного; 43: Усть-Утяк-1; 44: Борки-1; 45: Нижне-Тобольное-1; 46: Боровое-2; 47: Боровое; 48: Суерь-1, 49: Гладунино-3; 50: Поспелово-2; 51: Скородумское; 52: Упоровское; 53: Дачное-2; 54: Устюг-1; 55: Старо-Лыбаевское-1, 56: Ревда-2.1; 57: Юртобор-3; 58: Перейминский; 59: Жилье; 60: Козлов Мыс-2; 61: Дуванское-30; 62: Придуванское; 63: Дуванское-22; 64: Дуванское-1г; 65: Дуванское-18; 66: Царево; 67: Малый Байрык-1; 68: Шарьянка-4; 69: Ревда-5; 70: Ивановское; 71: Красноярское; 72: Резаново-1; 73: Борковское; 74: Логиновское; 75: Абатский-3; 76: Пахомовское; 77: Кучум-Гора; 78: Коняшино-2; 79: Антоново; 80: Аракчино-1; 81: Аракчино-4; 82: Бузан-2; 83: Буторлыга-9; 84: Ильинская-1; 85: Исетское-2; 86: Исетское-3; 87: Искра-2; 88: Калачик; 89: Криволукское-8; 90: Ласточкино Гнездо; 91: Логиновское; 92: Луговое-1; 93: Луговое-2; 94: Онуфриевский Борок-15; 95: Перейминское-1; 96: Перейминское-10; 97: Перейминское-7; 98: Подверчино-4; 99: Ревда-4; 100: Русаковское; 101: Сосенка-24; 102: Суварышское-2; 103: Савин-2; 104: ЮАО-6; 105: ЮАО-7; 106: Юрты-2; 107: Яр-9; 108: Яр-8; 109: Усть-Суерское-1; 110: Гилевский-2

313. kép. Az erdősztyeppi és a tajgai átmeneti Tobol-Isim-vidék bakaldai kultúrájának elterjedési területe A. Sz. Zelenkov nyomán (Западная Сибирь 2022, 50–51, 15. kép). I: temetők és áldozóhelyek; II: telepek; III: földvárak; IV: tajga, erdősztyepp és sztyepp természetföldrajzi zónáinak határai (északtól délre). 1: Golij Kamyeny; 2: Petrogrom 3: Versina-5; 4: Csertovo gorogyiscse; 5: Sartasszkije palatki; 6: Zotyinszkoje-1; 7: Zotyinszkoje -3; 8: Zotyinszkoje -4; 9: Guszinoje-4; 10: Verhnyij Jar-4; 11: Nyizsnyejarszkoje-3; 12: Szuvarisszkoje; 13: Bolsoje Milnyikovszkoje; 14: Maloje Milnyikovszkoje; 15: Tjurikovszkoje; 16: Polevszkoje; 17: Bolsoje Bakalszkoje; 18: Iljinszkoje; 19: Kokorinszkoje; 20: Prigovszkoje-3; 21: Prigovszkoje; 22: Nyecsunajevo-2; 23: Babarikina-1; 24: Babarikina -2; 25: Vogyennyikovo-3; 25a: Vogyennyikovo-1; 26: Pavlinovo; 27: Korsunovo-1; 28: Murzinszkoje-1; 29: Murzinszkoje-2; 30: Papszkoje; 31: Murzinszkoje; 32: Gracsovo-1; 33: Barino-3; 34: Uszt-Tyerszjuk-1; 35: Barhatovo-4, 36: Krasznogorszkoje; 37: Kolovszkoje; 38: Duvanszkoje-2b; 39: Szlobodo-Beskilszkoje; 40: Kuznyecovo-1; 41: Kuznyecovo-3; 42: Dacsnoje poszjolka; 43: Uszt-Utyak-1; 44: Borki-1; 45: Nyizsnye-Tobolnoje-1; 46: Borovoje-2; 47: Borovoje; 48: Szujer-1, 49: Gladunyino-3; 50: Poszpelovo-2; 51: Szkorodumszkoje; 52: Uporovszkoje; 53: Dacsnoje-2; 54: Usztyug-1; 55: Sztaro-Libajevszkoje-1, 56: Revda-2.1; 57: Jurtobor-3; 58: Perejmyinszkij; 59: Zsiljo; 60: Kozlov Misz-2; 61: Duvanszkoje-30; 62: Priduvanszkoje; 63: Duvanszkoje-22; 64: Duvanszkoje-1g; 65: Duvanszkoje-18; 66: Carjovo; 67: Malij Bajrik-1; 68: Sarjanka-4; 69: Revda-5; 70: Ivanovszkoje; 71: Krasznojarszkoje; 72: Rezanovo-1; 73: Borkovszkoje; 74: Loginovszkoje; 75: Abatszkij-3; 76: Pahomovszkoje; 77: Kucsum-Gora; 78: Konyasino-2; 79: Antonovo; 80: Arakcsino-1; 81: Arakcsino-4; 82: Buzan-2; 83: Butorliga-9; 84: Iljinszkaja-1; 85: Iszetszkoje-2; 86: Iszetszkoje-3; 87: Iszkra-2; 88: Kalacsik; 89: Krivolukszkoje-8; 90: Lasztocskino Gnyezdo; 91: Loginovszkoje; 92: Lugovoje-1; 93: Lugovoje-2; 94: Onufrijevszkij Borok-15; 95: Perejmyinszkoje-1; 96: Perejmyinszkoje-10; 97: Perejmyinszkoje-7; 98: Podvercsino-4; 99: Revda-4; 100: Ruszakovszkoje; 101: Szoszenka-24; 102: Szuvarisszkoje-2; 103: Szavin-2; 104: JUAO-6; 105: JUAO-7; 106: Jurti-2; 107: Jar-9; 108: Jar-8; 109: Uszt-Szujerszkoje-1; 110: Giljovszkij-2

скую область, которая в традиционном понимании продолжает оставаться ареалом бакальской культуры.

В этой связи наиболее полное картографирование объектов этой культурной области приведено А. С. Зеленковым в коллективной монографии тюменских коллег[70] (*рис. 313*).

Безусловно, масштаб территории и количество археологических объектов, расположенных в разноландшафтных зонах макрорегиона Зауралья и Западной Сибири, впечатляет. Думается, что дальнейшие исследования будут лишь интегрировать картину данного явления.

Бакальский керамический комплекс

Как известно, выделение бакальской культуры было осуществлено К. В. Сальниковым по поселенческим материалам Большого и Малого Бакальских городищ.[71] Постепенно с накоплением материалов из раскопок прииссетских и притобольских селищ и городищ ко второму десятилетию двухтысячных годов сложились общие представления о поселенческом бакальском керамическом комплексе. Его определили следующие типы горшков.

Керамика с резной прочерченной орнаментацией (сетка) (бакальский комплекс). Сетка считается традиционно бакальским орнаментом, а от бакальцев она распространяется на орнаментацию керамики в других культурах. В эту группу включены сосуды как баночных, так и горшечных форм. В банках сеткой украшалась верхняя часть сосуда, в горшках – верхняя часть шейки и плеча. Орнаментальные пояса, как правило, разорваны. Верхний край сосуда срезан, со скосом вовнутрь или горизонтально, как правило, с небольшим утолщением (*рис. 314. 1–13, 17–21*).

Керамика с гребенчатой орнаментацией (бакальский комплекс). Оттисками гребенки украшались как баночные, так и профилированные сосуды. Орнамент, созданный при помощи гребенчатого штампа, более плотный, чем при использовании гладкой и прочерченной техники. Среди элементов орнамента доминируют пояски из наклонных, вертикальных и горизонтальных оттисков штампа. Как правило, оттиски гребенчатого штампа комбинируются с наколами. Следует отметить, что гребенчатая орнаментация на бакальских сосудах наиболее характерна и часто встречается именно на Большом Бакальском городище. Вероятнее всего, это связано с наличием в этом памятнике, занимающем крайнее западное положение во всем бакальском ареале на предшествующем позднесаргатском этапе, значительной доли горшков с гребенчатой орнаментацией позднеиткульского (кашинского) облика (рис. *314. 18, 22, 25, 39*).

Керамика с плоским штампом (бакальский комплекс). Использование данного штампа в орнаментации считается одним из характерных признаков сосудов бакальской культуры. Гладкий, ивовидный штамп использовался как на банках, так и на слабо и хорошо профилированных сосудах. С помощью этой техники декорировались верхний срез сосуда, шейка, плечо. Иногда можно заметить, что отпечатки штампа имеют следы как при использовании щепы (*рис. 314. 28–30, 33, 34, 36, 37, 42, 43, 45*).

Керамика, орнаментированная крупными ямочными вдавлениями (бакальский комплекс), представлена и горшечными и баночными формами. Верхний срез сосуда прямой, иногда скошенный или приостренный. Ямки, как правило, сочетаются с наколами, гладким, гребенчатым штампом (очень редко) или прочерченными линиями. Форма ямок разнообразная – подтреугольная, округлая, овальная, серповидная. Расположены ямки горизонтальными поясками, на равном отдалении друг от друга.

Если ямки не являются единственной техникой нанесения орнамента на сосуде (не считая наколов), то они всегда расположены в основании шейки или верхней части плеча, под наклонными оттисками гребенчатого, гладкого штампа или прочерченными линиями. По форме сосуды обычно представляют типично бакальскую профилировку. Характерной чертой является наличие пояска из одного ряда ямочных вдавлений

[70] Западная Сибирь 2022, 50–51, рис. 15.
[71] Сальников 1956.

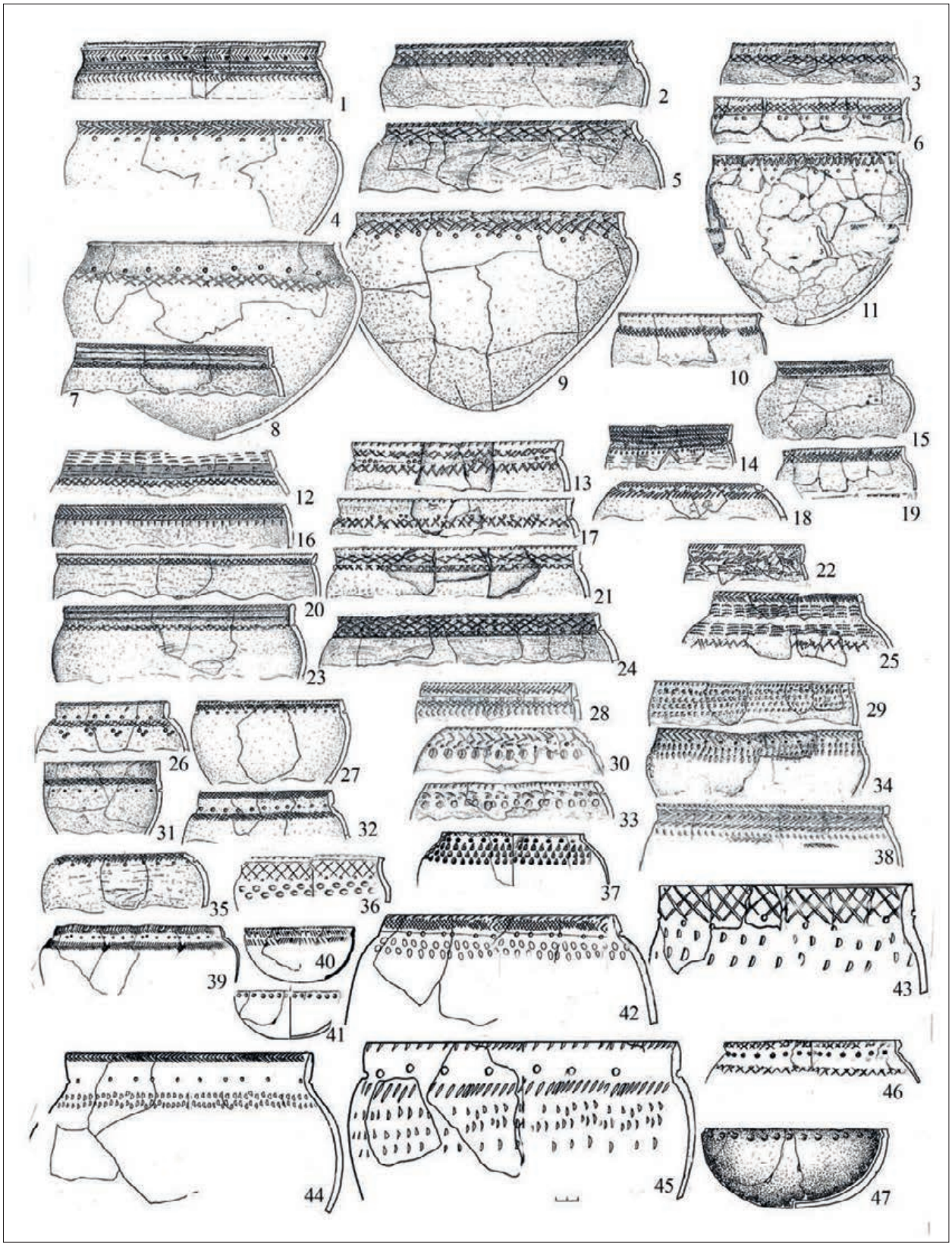

Рис. 314. Бакальская керамика из поселений. 1, 3–4, 7–8, 12, 14, 16, 18, 20, 22, 23, 25–35, 38, 47: Большое Бакальское; 2, 5–6, 9–11, 13, 15, 17, 19, 21, 24: Усть-Утяк-1; 36: Усть-Терсюк; 37, 39–46: Коловское
314. kép. Bakaldai kerámia telepekből. 1, 3–4, 7–8, 12, 14, 16, 18, 20, 22, 23, 25–35, 38, 47: Bolsoje Bakalszkoje; 2, 5–6, 9–11, 13, 15, 17, 19, 21, 24: Uszt-Utyak-1; 36: Uszt-Tyerszjuk; 37, 39–46: Kolovszkoje

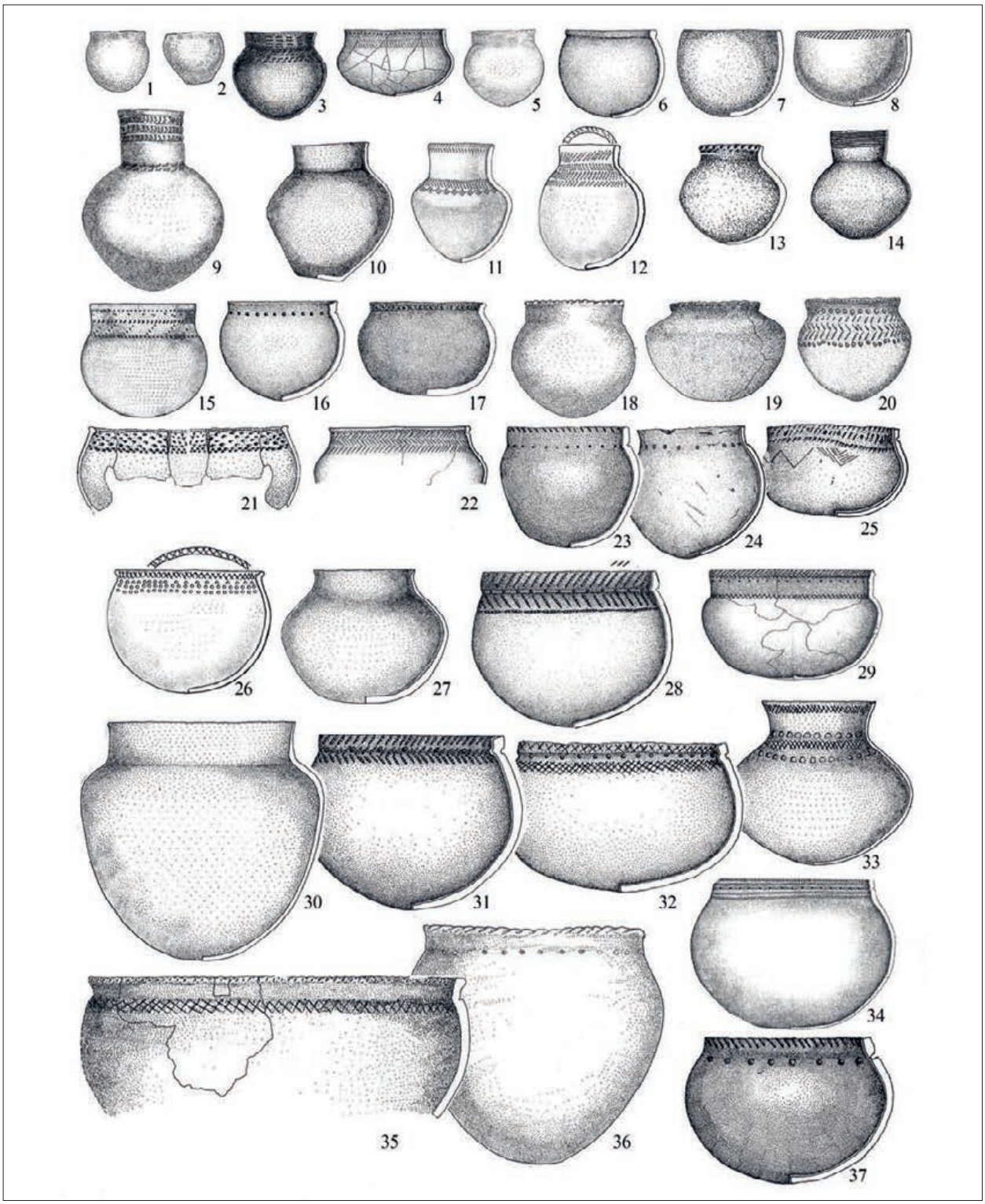

Рис. 315. Бакальская керамика в погребальных памятниках (по: Матвеева 2012; 2016; Западная Сибирь 2022). 1–2, 5–7, 9–10, 13, 15, 17–21, 27–28, 30, 33, 35–36: Устюг-1; 3, 14: Ревда-5; 4, 22, 29, 34: Перейминский-1; 8, 11: Воденниково-1; 12, 26: Абатский-5; 16, 23–25, 31–32, 37: Козлов Мыс-2

315. kép. Bakaldai kerámia temetőkben (Матвеева 2012; 2016; Западная Сибирь 2022 nyomán). 1–2, 5–7, 9, 10, 13, 15, 17–21, 27–28, 30, 33, 35–36: Usztyug-1; 3, 14: Revda-5; 4, 22, 29, 34: Perejmyinszkij-1; 8, 11: Vogyennyikovo-1; 12, 26: Abatszkij-5; 16, 23–25, 31–32, 37: Kozlov Misz-2

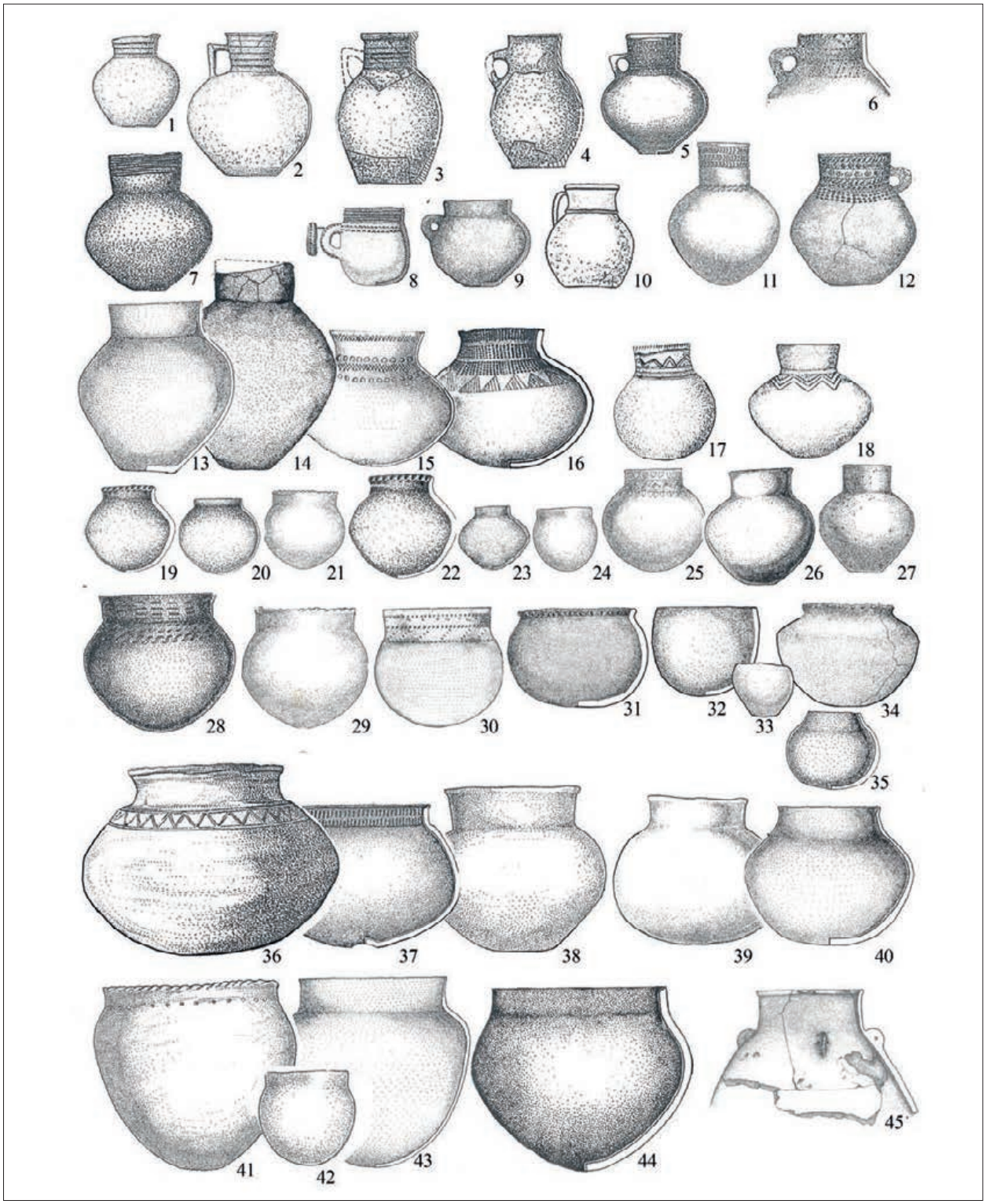

Рис. 316. Гунно-сарматская керамика в позднесаргатских и бакальских поселенческих и погребальных комплексах (по: Матвеева 2016; Западная Сибирь 2022). 1–2: Карасье-9; 3–4: Усть-Утяк; 5, 9, 11–15, 17–27, 29, 31–35, 38–43: Устюг-1; 6–7, 28, 30: Ревда-5; 8: Воденниково-1; 10: Абатский-3; 16, 36–37, 44: Козлов Мыс-2

316. kép. Hun-szarmata kerámia késő szargatkai és bakaldai telepekben és temetőkben (Матвеева 2016; Западная Сибирь 2022 nyomán). 1–2: Karaszje-9; 3–4: Uszt-Utyak; 5, 9, 11–15, 17–27, 29, 31–35, 38–43: Usztyug-1; 6–7, 28, 30: Revda-5; 8: Vogyennyikovo-1; 10: Abatszkij-3; 16, 36–37, 44: Kozlov Misz-2

в основании шейки у горшков и в верхней части тулова у банок (*рис. 314. 26, 27, 31–32, 35, 39–41, 44, 46–47*).

Относительно происхождения форм бакальской поселенческой посуды и орнаментальных традиций, мы поддерживаем точку зрения Е. М. Данченко, который считал, что сложение бакальских традиций непосредственно связано с территориями южно-таежного Прииртышья, где характерные приемы резной и гребенчатой косой решетки, многорядной елочки на шейке, плечах, а также косая нарезка по венчику, появляются на сосудах журавлевской и богочановской культур. Характерными типами этого комплекса являются закрытые горшки с шейкой и венчиком, загнутым внутрь.[72] Как известно, верхняя граница существования богочановского этапа сегодня ограничивается II в. до н.э., однако этот рубеж нуждается в доработке, так как дальнейшая судьба южно-таежного населения Поиртышья непонятна, а памятники рубежа эр на этой территории пока не выявлены.

На примере сосуда из напольной части Большого Бакальского городища[73] проникновение или освоение постбогочановским населением районов Притоболья осуществляется уже на саргатско-кашинском горизонте. Однако вопрос о динамике взаимодействия поиртышского южно-таежного и приисетского лесостепного населения и о промежуточном расселении постбогочановцев между Средним Прииртышьем и левобережным Притобольем пока остается открытым.

Особенно ярко многокомпонентность бакальского ИКГ просматривается в интерпретации керамического комплекса погребальной бакальской посуды. Последние пятнадцать лет наши тюменские коллеги активно исследовали целый ряд могильников Зауралья и юга Западной Сибири бакальского периода.[74] Безусловно, погребальные комплексы позволили окончательно установить хронологические рамки бакальского историко-культурного горизонта рубеж III–IV – VII–VIII вв.

При детальном ознакомлении с материалами бакальского погребального комплекса бросается в глаза, что основные его черты весьма схожи с традициями памятников позднесарматского или гунно-сарматского облика (узкие подпрямоугольные ямы, северная ориентировка, черепная деформация), схожи и категории вещевого инвентаря (бронзовые пряжки с округлым или подпрямоугольным подвижным щитком и овальной рамкой, восьмерковидные накладки с кольцевыми, округлыми или сегментовидными окончаниями-подвесками, накладки-зажимы, тройники для перекрестных ремней с накладками-зажимами, сферические бронзовые накладки, калачиковидные серьги, сердоликовые подвески, бронзовая фибула с плоским щитком и завитком на конце),[75] и керамический комплекс (гончарные или круговые плоскодонные горшки, кувшины с ручками, кувшинообразные крынки и кружки) (*рис. 315*).

При этом весьма велик процент гунно-сарматского керамического комплекса. Это видно на сравнительных рисунках погребальной бакальской и гунно-сарматской керамики урало-казахстанских памятников и их аналогий среди позднесаргатских и бакальских комплексов (*рис. 315–316*). В наших работах неоднократно приводился керамический комплекс из гунно-сарматских памятников урало-казахстанских степей.[76]

Целью приводимой сводной таблицы гунно-сарматской керамики является показ типологического и технологического (гончарная, круговая, ручная красноглиняная и сероглиняная керамика) многообразия, полученного из погребальных и поминальных памятников II–IV вв. урало-казахстанских степей (*рис. 317–318*).

Значительное количество этих комплексов, связываемых нами с раннегуннским населением, обнаружено на территориях Южного Заура-

---

[72] Данченко 2008, 188–191.
[73] Боталов 2016, 56–58, рис. 2.
[74] Матвеева 2012; 2016; Западная Сибирь 2022.
[75] Матвеева 2016, рис. 89, 1–8, 10, 18, 20; рис. 91, 12, 13, 15, 16, 18, 20, 21, 24; рис. 92, 5, 7, 8, 25.
[76] Боталов–Гуцалов 2000, 137–139, рис. 39; 2009, 210–211, рис. 52.

лья и Северного Казахстана от Тургая (Урпек) до Лебедевско-Калдыгайтинского микрорайона (долины рек Илек и Эмба). Приведенные типы керамики являются оригинальными автохтонными формами, не имеющими производных ни в позднесарматской нижневолжской и донской керамике, южноказахстанских оазисов, ни тянь-шанских предгорий, о чем свидетельствуют сравнительные таблицы, помещенные нами в сводную монографию.[77] Что же касается джетыасарских параллелей, то нам представляется это также весьма безосновательным по пространственной и по хронологической протяженности. Дело в том, что средневековый джетыасарский комплекс, как и приуральский турбаслинский, формируется не ранее V века после возвращения части гуннской орды из западных походов.[78]

Безусловно, среди гунно-сарматских и даже бакальских образцов есть большое количество горшков (крупные формы – двуручные хумы, горшки с защипами и сосцевидными налепами), которые имеют прямые аналогии в комплексах джетыасарской культуры (*рис. 318. 2–3, 5, 17–26*).[79] Однако это, скорее всего, указывает на общее гунно-сарматское (раннегуннское) более раннее появление этих традиций и в джетыасарских и в раннебакальских материалах.

Что же касается аналогий кувшинов и кувшиновидных горшков из бакальских могильников и сравнение их с керамикой курганов с «*усами*» (Кызыл-Жар, Городищенское и Зевакино),[80] то здесь наблюдается определенная натяжка, связанная с незнанием исследователем реального материала. Эти сосуды из курганов с «*усами*» и селенташского типа представляют собой крупные вазы и хумы вытянутых пропорций, сделанные из грубого рыхлого теста, имеющие напольный обжиг и относящиеся с восточными (чаатасскими и тюхтятскими) аналогиями.[81]

Второй этнокультурный компонент, который отчетливо угадывается в бакальских материалах – угорский. В керамическом комплексе он связан с появлением приобского южнотаежного и зауральского лесного населения в поисетской и притобольской лесостепи – носителей *карымской, зеленогорской и потчевашской фигурно-штамповой керамики,* а чуть позже посуды со шнуровой орнаментацией молчановского, батырского, петрогромского и юдинского типов.

Керамика с фигурно-штамповой орнаментацией. Данная группа керамики на городище представлена фрагментами сосудов с невысокой шейкой (прямой или слегка вогнутой) и плавным переходом от шейки к тулову, а также со слегка вогнутой или выгнутой шейкой, с небольшим воротничком-уступом при переходе в тулово. В тесте примесь песка. Эти сосуды отличаются более тщательной обработкой поверхности. По орнаментации посуда этой группы отличается от сосудов основного комплекса. Декор покрывает не только шейку, но и плечо, а иногда и верхнюю часть тулова. Отмечены орнаменты, нанесенные гребенчатым, «*карымским*» и полулунным штампами. Гребенчатый и прочерченный орнаменты образуют горизонтальные полосы, состоящие из вертикальных или наклонных оттисков, или сетку. Обязательным элементом орнамента являются глубокие круглые ямки, расположенные в один ряд и образующие выпуклины на внутренней поверхности сосудов. Есть и резные узоры в виде косых насечек, елочек и решеток (*рис. 319–320*).

Основным угорским маркером в бакальское и последующее время является металлопластика. Она появляется в памятниках позднегуннского и позднесаргатского времени (как правило, с посудой кашинского и прыговского типов), а затем равномерно представлена в вещевых комплексах бакальского периода. Сюжетная фабула отражает антропоморфные, зооморфные (медведевидные подвески, накладки с медведевидным тиснением, изображение бобра, коньковые подвески), а также орнитологические образы (птицевидные пронизки, птицевидные подвески, подвески в виде гусиной лапки). На рисунке 321

[77] Боталов 2009, 115–157.
[78] Боталов 2009, 157–170; Сунгатов 2013, 163–179.
[79] Левина 1996, рис. 64, 70, 72, 74, 83.
[80] Зеленков 2022, 65.
[81] Боталов 1996, 148–158.

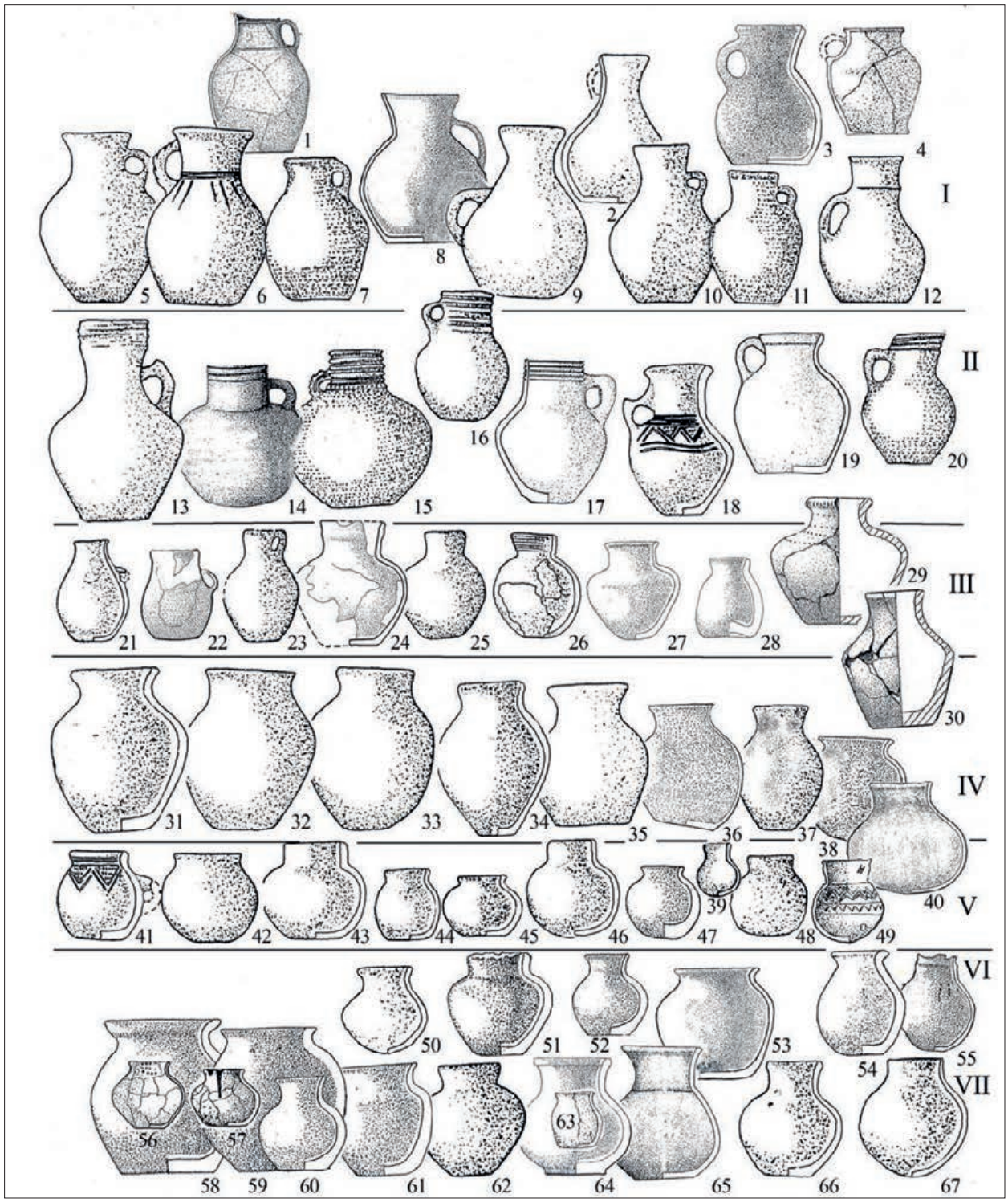

Рис. 317. Гунно-сарматский керамический комплекс (по: Боталов–Гуцалов 2000; Яблонский и др. 1996; Любчанский 2013). Тип 1: узкогорлые кувшины или кувшинообразные горшки с раздутым шаровидным туловом и широким днищем. Тип 2: кувшины с высоким прямым горлом, расширяющимся кверху или оканчивающимся раструбом с невысоким раздутым туловом. Тип 3: кувшины и кувшинообразные горшки с низким горлом, слабо отогнутым венчиком, бомбовидным или раздутым в средней части туловом. Тип 4: круглые горшки с раздутым в средней части туловом и плоским нешироким днищем. Тип 5: приземистые горшки с раздутым туловом, очень короткой шейкой и отогнутым венчиком. Тип 6: небольшие горшки с шаровидным туловом, коротким сужающимся посередине горлом и отогнутым венчиком. Тип 7: горшки горшечно-баночной формы

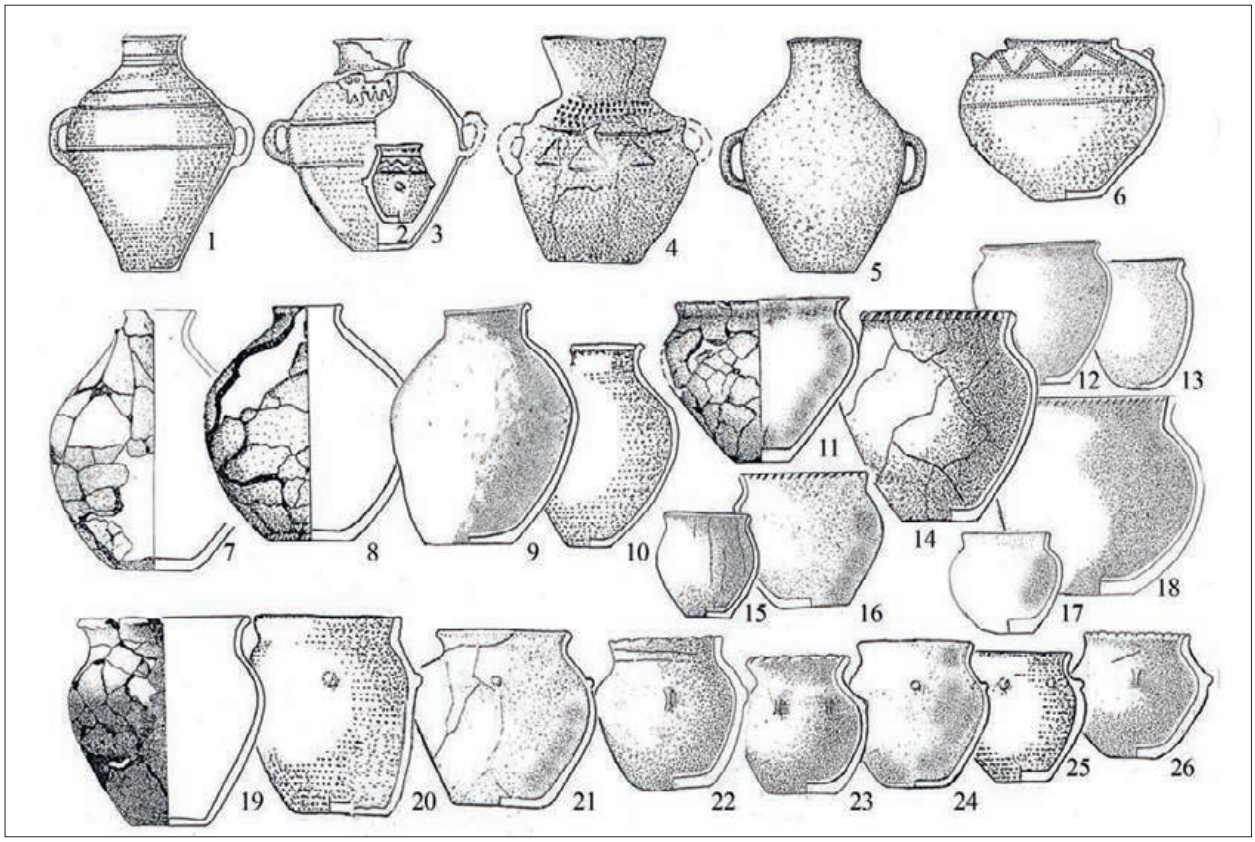

Рис. 318. Гунно-сарматская керамика. Крупные формы. 1, 3, 6: Покровка-II; 2, 9–10, 15, 16: Восточно-Курайлинский-I; 4: Шатрово; 5: Магнитный; 7–8, 11, 19: Соленый Дол; 12, 17: Атра-I; 13, 18, 20–21, 25: Целинный-I; 14: Георгиев Бугор; 22–24, 26: Атра-II

318. kép. Hun-szarmata kerámia. Nagy méretű edények. 1, 3, 6: Pokrovka-II; 2, 9–10, 15, 16: Vosztocsno-Kurajlinszkij-I; 4: Satrovo; 5: Magnyitnij; 7–8, 11, 19: Szoljonij Dol; 12, 17: Atpa-I; 13, 18, 20–21, 25: Celinnij-I; 14: Georgijev Bugor; 22–24, 26: Atpa-II

с широким туловом, хорошо намеченным переходом от плеча к шейке, отогнутым венчиком, широким горлом. Эти сосуды часто орнаментированы насечками по венчику. 1, 8, 20, 27, 49, 53, 56: Восточно-Курайлинский-I; 2, 5–6, 9, 13–14, 16, 18, 31–32, 34, 35, 41, 43, 48, 50, 65–67: Большекараганский; 3, 17, 28, 39, 46–47, 52, 55, 58–62, 64: Целинный-I; 4: Георгиев Бугор; 7, 10–11: IV Комсомольский; 12, 33: Лисаковский; 15: Малково; 19: Сарытау; 21, 42, 44: Дружженский; 22: Шатрово; 23, 25: Покровский; 24, 37, 45, 51, 57, 63: Атра-I; 26: Новоникольский; 29, 30: Соленый Дол; 36, 38, 40: Солнце; 54: Магнитный

317. kép. Hun-szarmata kerámiaművesség (Боталов–Гуцалов 2000; Яблонский и др. 1996; Любчанский 2013 nyomán). 1. típus 1: szűk-nyakú kancsók vagy kancsó-alakú fazekak gömbös testű, golyó-alakú törzzsel és széles fenékkel. 2. típus: kancsók magas, egyenes, szélesedő felfelé vagy tölcséres nyakkal és alacsony, gömbös testű törzzsel. 3. típus: kancsók és kancsó alakú fazekak alacsony nyakkal, kicsit hajlott karimával, bomba alakú vagy közép részén gömbös testű törzzsel. 4. típus: gömbös testű fazekak hasvonalban szélesedő törzzsel és lapos, szűk fenékkel. 5. típus: zömök fazekak gömbös testtel, nagyon rövid nyakkal és kihajló peremmel. 6. típus: kis fazekak golyó-alakú törzzsel, rövid és középén szűkülő nyakkal, valamint kihajló peremmel. 7. típus: fazék- és virágcserép alakú fazekak széles törzzsel, jól látható kiszélesedéssel válltól nyakig, kihajló peremmel, széles nyakkal. Ezek az edények gyakran bekarcolt mintákkal díszítettek a peremen. 1, 8, 20, 27, 49, 53, 56: Vosztocsno-Kurajlinszkij-I; 2, 5–6, 9, 13–14, 16, 18, 31–32, 34, 35, 41, 43, 48, 50, 65–67: Bolsekaraganszkij; 3, 17, 28, 39, 46–47, 52, 55, 58–62, 64: Celinnij-I; 4: Georgijev Bugor; 7, 10–11: IV Komszomolszkij; 12, 33: Liszakovszkij; 15: Malkovo; 19: Szaritau; 21, 42, 44: Druzsenszkij; 22: Satrovo; 23, 25: Pokrovszkij; 24, 37, 45, 51, 57, 63: Atpa-I; 26: Novonyikolszkij; 29, 30: Szoljonij Dol; 36, 38, 40: Szolnce; 54: Magnyitnij

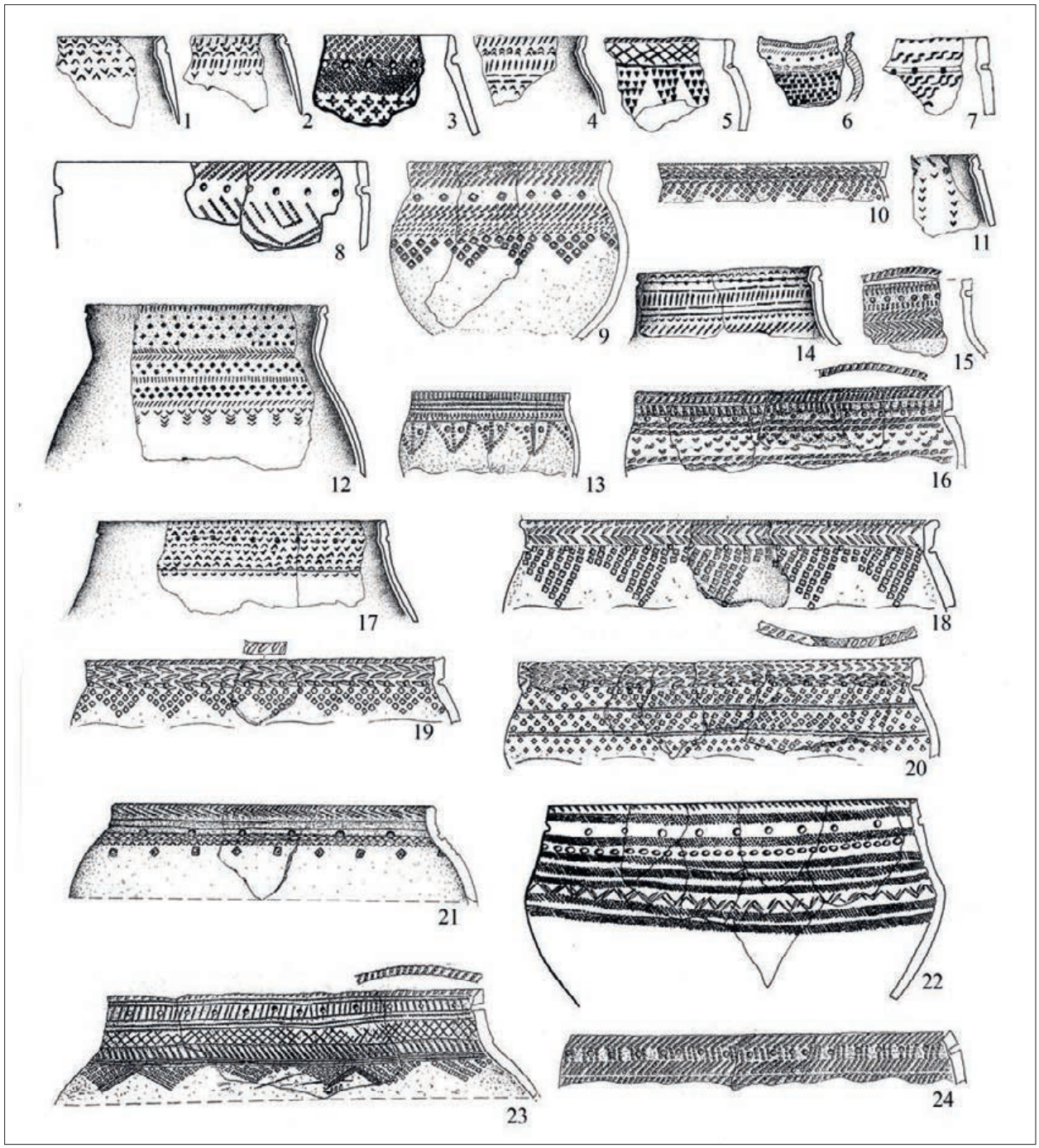

Рис. 319. Карымская керамика из бакальских поселенческих комплексов (по: Боталов 2016; Матвеева–Берлина–Рафикова 2008). 1–4, 11–12, 14, 17, 22: Коловское; 5, 7–8: Ласточкино гнездо; 6: Старо-Лыбаевское; 9, 13, 15–16, 20–21, 23–24: Большое Бакальское; 10, 18–19: Усть-Утяк-I

319. kép. Karimi-típusú kerámia bakaldai telepekről (Боталов 2016; Матвеева–Берлина–Рафикова 2008 nyomán). 1–4, 11–12, 14, 17, 22: Kolovszkoje; 5, 7–8: Lasztocskino Gnyezdo; 6: Sztaro-Libajevszkoje; 9, 13, 15–16, 20–21, 23–24: Bolsoje Bakalszkoje; 10, 18–19: Uszt-Utyak-I

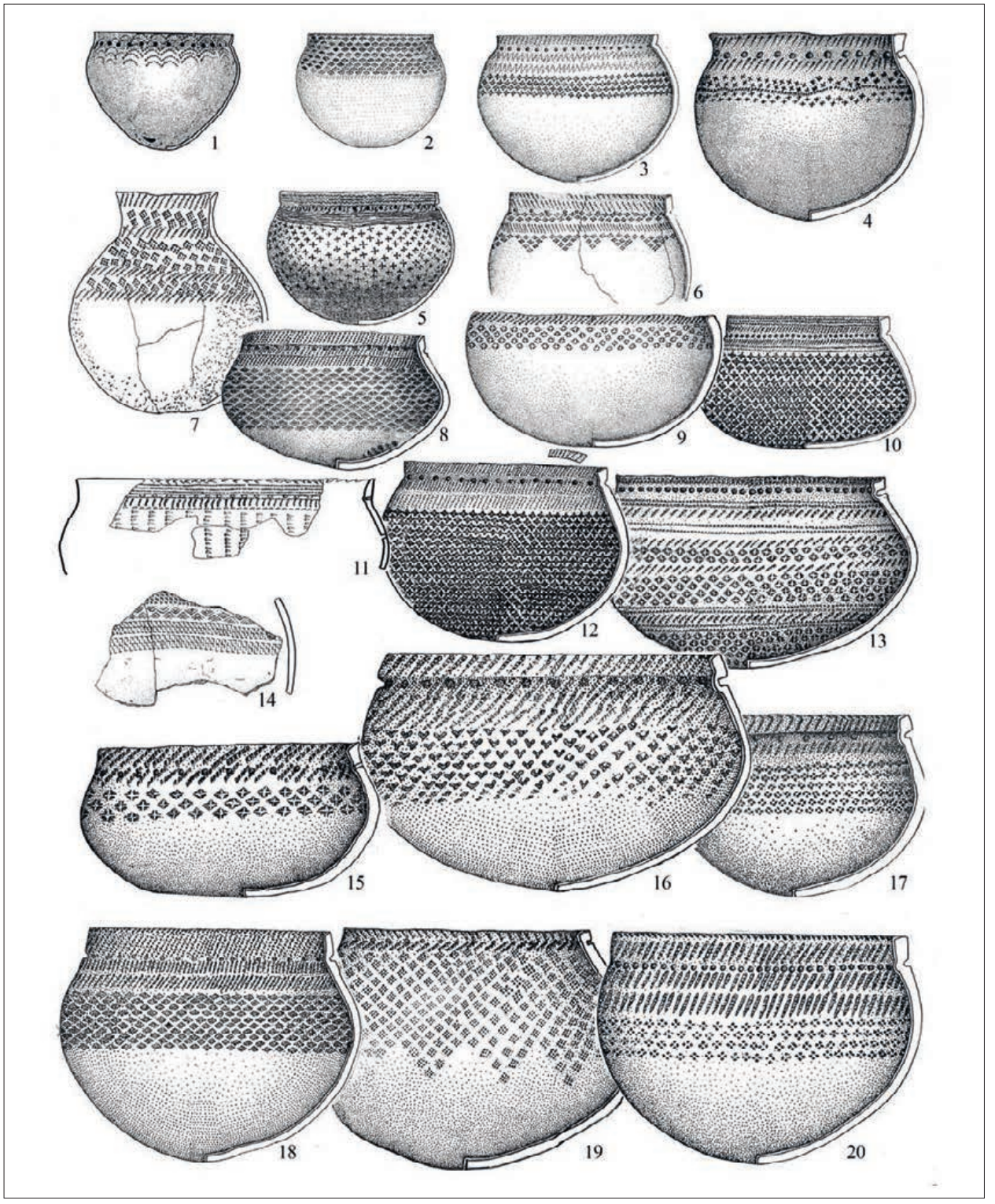

Рис. 320. Карымская керамика из бакальских погребальных комплексов (по: Матвеева 2012; 2013; 2016; Западная Сибирь 2022). 1, 5, 7: Ипкульский; 2: Устюг-I; 3: Ревда-V; 4, 8–20: Козлов Мыс-II; 6: Воденниково-I
320. kép. Karimi-típusú kerámia bakaldai telepekről (Матвеева 2012; 2013; 2016; Западная Сибирь 2022 nyomán). 1, 5, 7: Ipkulszkij; 2: Usztjug-I; 3: Revda-V; 4, 8–20: Kozlov Misz-II; 6: Vogyennyikovo-I

представлен сводный подбор находок угорской металлопластики с III по VIII в. на территории Южного Урала (*рис. 321*). В лесостепном Зауралье раннеугорские артефакты известны в Абатском 3 могильнике,[82] могильниках Устюг-1, Ипкуль-1, Козлов Мыс, Усть-Тара VII.[83]

Важным является вопрос о времени появления фигурно-штамповых традиций орнаментации в рамках бакальского ИКГ. Здесь можно однозначно говорить лишь об образцах, демонстрирующих хорошо выделяющиеся способы и композиции орнаментов карымского типа. Речь идет о фрагментах сосудов, орнаментированных фигурным штампом в виде крестообразных и ромбовидных вдавлений, гребенчатых «*гусеничек*» и подковок.[84] Учитывая прямые аналогии некоторых горшков этой группы (с крестоштамповой орнаментацией в виде заполненных фестонов, идущих вдоль плеча) и образцами из хорошо датирующихся комплексов могильника Усть-Тара VII на Среднем Иртыше,[85] период появления этого типа фигурно-штампованной керамики вероятнее всего падает на раннюю фазу существования бакальского ИКГ – IV–VI вв. н.э. Как известно, факт проникновения фигурно-штамповых традиций орнаментации на территорию зауральской лесостепи нами и другими исследователями напрямую связывается с процессом формирования кушнаренковско-караякуповской керамической традиции.[86] В определенной мере это подтверждает тот факт, что керамический комплекс памятника Козлов Мыс содержит, наряду с карымскими образцами посуды, орнаментированными фигурным (крестовидный, «*гусенички*») штампом, горшки со сложившейся протокушнаренковской традицией орнаментации.[87] Время появления этого типа керамики на зауральских городищах можно установить по датам городища Усть-Утяк-1. Шесть калиброванных образцов оконтурили временной отрезок между существованием здесь бакальского горизонта 306–595 AD.[88]

Эта хронологическая позиция (IV–VI вв.) подтверждается и материалами комплексов с карымской керамикой из бакальских могильников Тоболо-Иртышья.[89]

Несмотря на вполне зримые и маркируемые культурно-хронологические реперы бакальского горизонта, хорошо идентифицируемые с накоплением материала из погребальных комплексов, наблюдается особый диссонанс в сравнительном анализе керамического комплекса. Это мы уже продемонстрировали на примере бакальской поселенческой и погребальной керамики (*рис. 314–315*). Явно угадываются отличительные черты технологического порядка. Среди образцов гунно-сарматской посуды увеличивается процент плоскодонных кувшинообразных и горшечно-баночных форм. Бросается в глаза отсутствие или слабая орнаментированность большинства горшков. Из всей коллекции демонстрируемых авторами исследований к типично бакальским можно отнести чуть более 10%. Аналогичная ситуация наблюдается на примере протокушнаренковской (псевдокушнаренковской) и караякуповской керамики.

Псевдокушнаренковский и караякуповский комплексы. Бакальский горизонт представляет также фрагменты сосудов, условно называемые нами горшками *псевдокушнаренковско-караякуповского облика,* хотя в реальности они представляют собой лишь некоторые предшествующие формы или тенденции их сложения. Это сосуды небольшого размера, хорошо профилированы, более тонкие, чем бакальские, внешняя поверхность их часто залощена. Преобладает орнаментация гладким штампом, прочерчиванием, тонким шнуром, насечками и наколами. По композиции орнамент кушнаренковско-караякуповских сосудов не такой плотный и «*нарядный*»

---

[82] Матвеева 1994, 131–137, рис. 36, 2–4; 67, 5–6; 69, 2, 5–11.
[83] Матвеева 2016, рис. 16, 28; Западная Сибирь 2022, рис. 89, 8, 9, 11; рис. 91, 1–5; рис. 92, 23; рис. 93, 16.
[84] Гущина–Боталов 2016.
[85] Данченко 2008, 47.
[86] Могильников 1972; 1981б, 86; Морозов 2003; Матвеева 2007а.
[87] Матвеева 2007, рис. 6, 7.
[88] Боталов 2016, табл. 1, 7.
[89] Западная Сибирь 2022, 103.

Рис. 321. Раннеугорская металлопластика (IV–VIII вв.). 1: Большое Бакальское городище; 2: Большевисимский могильник (Пермский край) (аналогия); 3, 6–7: Ингалинское святилище; 4: могильник Малково, курган 1; 5: могильник Байрамгулово, курган 1; 8: могильник Байрамгулово, курган 1; 9: находки у озера Сугояк; 10: поселение Борки-XIII; 11: Граултры; 12: Лагеревские курганы, курган 46. 1–4, 7–11: бронза, 5–6, 12: серебро

321. kép. A korai ugor fémművesség (4–8. sz.). 1: Bolsoje Bakalszkoje erődített telep; 2: Bolsoj Viszim temető (Permi határterület) (analógia); 3, 6–7: Ingala áldozóhely; 4: Malkovo temető, kurgán 1; 5: Bajramgulovo temető, kurgán 1; 8: Bajramgulovo temető, kurgán 1; 9: Szugojak tó melletti leletek; 10: Borki-XIII telep; 11: Graultri; 12: Lagerevo kurgántemető, 46. kurgán. 1–4, 7–11: bronz, 5–6, 12: ezüst

как в могильниках Приуралья. Особенностью зауральской керамики является небольшой «*воротничок*» по краю венчика. Орнаментом покрывалась шейка сосуда и не всегда верхняя часть плеча. Керамическое тесто хорошо отмученное, цвет обжига от желто-оранжевого до темно-серого (*рис. 322*). К этому типу можно также отнести значительное число сосудов без орнаментации, которые на наш взгляд демонстрирует некоторые протокараякуповские формы.

Несмотря на то обстоятельство, что у большинства коллег двойная аббревиатура вызывает скепсис, тем не менее, автор настаивает именно на такой конструкции. В связи с тем, что по какому-то непонятному обстоятельству исследователи, отказываясь от двойного сочетания этих культур, как единых в своем происхождении и дальнейшем сосуществовании, и говоря о кушнаренковской, совершенно упускают существование караякуповской составляющей либо наоборот. Вероятно, первопричиной этого явилась позиция, когда-то озвученная В. А. Ивановым, относительно разновременности существования этих культур.[90]

Однако, как было выяснено позже, несмотря на ограниченность датирующего материала наиболее ранних кушнаренковских и караякуповских памятников, Г. И. Матвеевой удалось обосновать тезис о единовременности появления в Приуралье памятников кушнаренковской и караякуповской культур во второй половине VII – начале VIII в.[91] При этом Галина Ивановна отметила, что, несмотря на близость данных культур, нецелесообразно их объединение в единую. Прежде всего потому, что резко различается образ жизни и уклад хозяйства населения. Кушнаренковские племена, судя по отсутствию постоянно обитаемых поселений, вели подвижный кочевой или полукочевой образ жизни и основу их хозяйства составляло скотоводство, в то время как караякуповское население отличалось прочной оседлостью. Основным занятием его было пашенное земледелие, о чем свидетельствуют находки ротационных жерновов и их обломков на Кара-Якуповском городище. Второй по значению отраслью было скотоводство. О наличии рыболовства можно судить по находкам костей, железных рыболовных крючков и глиняных, каменных и костяных грузил.[92]

Данная точка зрения присутствовала и в работах Н. А. Мажитова, где значительное число караякуповских сосудов происходили из наиболее раннего кушнаренковского и караякуповского памятника – Манякского могильника VII–VIII вв.[93] Сосуществование этих двух культурных типов продолжается вплоть до конца их бытования в пределах Южного Урала. Однако при этом наблюдается следующая особенность – в отличие от раннекараякуповских, имеющих традиционные круглодонные горшки и банки бакальских форм, раннекушнаренковские в большинстве своем являются плоскодонными крынками вытянутых вертикальных пропорций. Протокушнаренковские, в меньшей мере, протокараякуповские образцы, имеют существенные отличия от приуральского кушнаренковского комплекса. Может быть поэтому наши коллеги предпочли осторожное определение как «*псевдокушнаренковские*».[94]

Вопрос типологической и технологической близости псевдокушнаренковской зауральской и кушнаренковской приуральской все-таки остается открытым. Работая с образцами рассматриваемых типов керамики на материалах Большого Бакальского и Усть-Утякского I городищ, а также кушнаренковской и караякуповской керамики Башкортостана, автор пришел к убеждению, что и в первом, и во втором случае это особый по своей фактуре и, вероятно, технологическим особенностям тип средневековой керамики. Следует в этой связи согласиться с утверждением А. С. Зеленкова о том, что эта керамика

[90] Иванов 1999, 58–64.
[91] Матвеева 2007.
[92] Матвеева 2007, 79.
[93] Мажитов 1977, табл. XV, XVI, XXIII–XXV; 1981, 5–17.
[94] Матвеева 2013; Зеленков 2022.

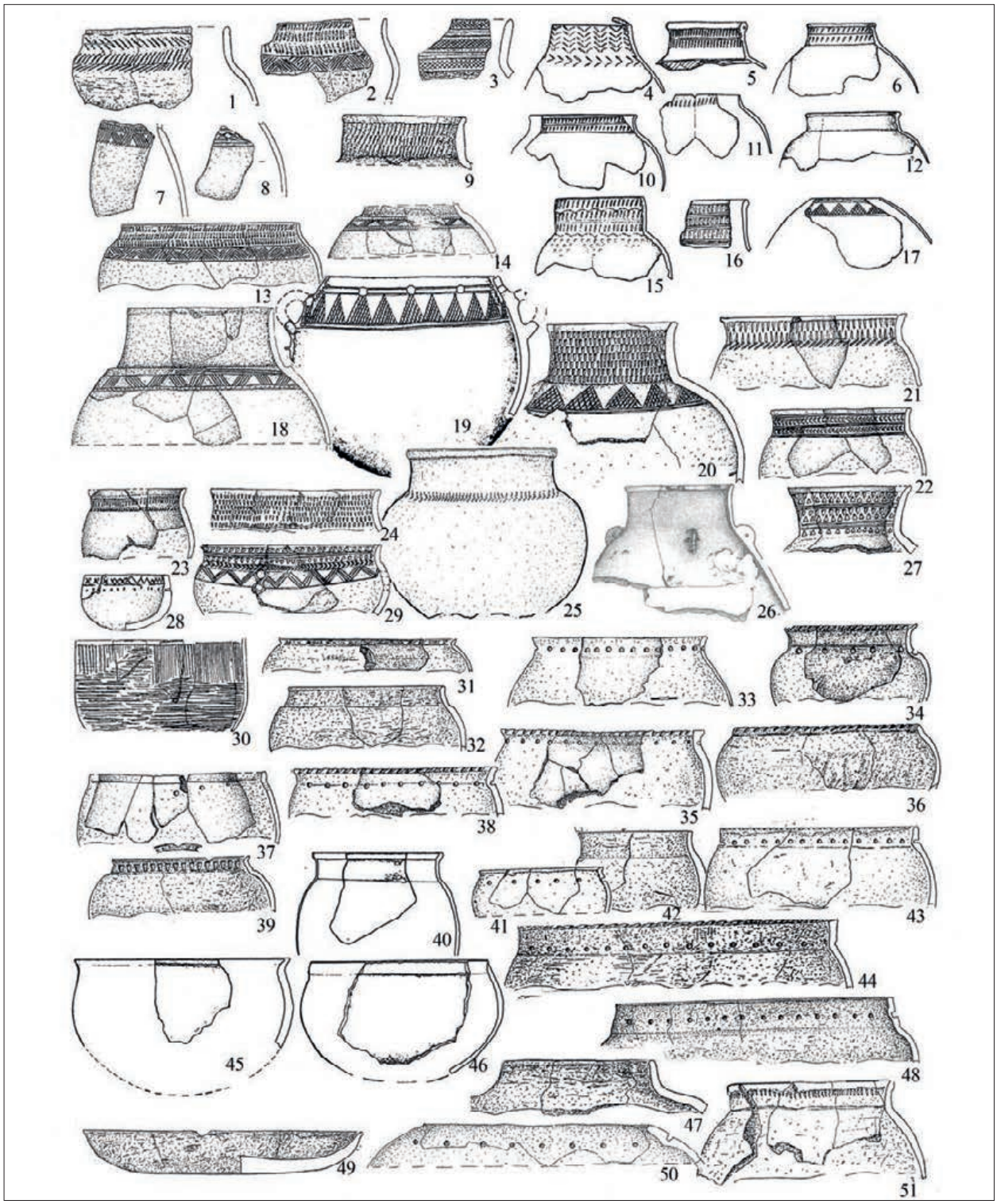

Рис. 322. Псевдокушнаренковская–каряякуповская поселенческая керамика (по: Боталов 2016; Матвеева 2007а; 2012; 2016; Матвеева–Берлина–Рафикова 2008; Западная Сибирь 2022; Зеленков 2022). 1–3, 7–9, 13, 14, 25, 41–44, 47–50: Большое Бакальское; 4–6, 10–12, 15–17, 19, 40, 45–46: Коловское; 18, 20–24, 27–39, 51: Усть-Утяк-I; 26: Усть-Терсюк

322. kép. Pszeudokusnarenkovói–karajakupovói telepkerámia (Боталов 2016; Матвеева 2007а; 2012; 2016; Матвеева–Берлина–Рафикова 2008; Западная Сибирь 2022; Зеленков 2022 nyomán). 1–3, 7–9, 13, 14, 25, 41–44, 47–50: Bolsoje Bakalszkoje; 4–6, 10–12, 15–17, 19, 40, 45–46: Kolovszkoje; 18, 20–24, 27–39, 51: Uszt-Utyak-I; 26: Uszt-Tyerszjuk

явно отлична от типов раннесредневековой керамики Тоболо-Иртышья.[95] Их технологическое сходство в определенной мере лишь маркирует некоторую тенденцию становления основных кушнаренковских образцов, которые происходят в достаточно долгий период с III–IV по VII–VIII вв. Первые сосуды собственно кушнаренковского типа в Зауралье фиксируются лишь в памятниках VII–VIII вв. (Аргази; Кайнсай, курган 14; Граултры; Байрамгулово, курган 1).[96] В этой связи для нас более предпочтителен не «*псевдо*», что означает «*не*» или «*якобы*», а протокушнаренково, то есть то, что реально предшествует.

Итак, отличительной чертой кушнаренковского и караякуповского типов посуды является их тонкостенность и особое изящество исполнения (хорошо отмученное тесто, примесь в нем мельчайшего песка).

Суммируя предложенные исследователями данные, мы построили таблицу псевдокушнаренковской и караякуповской керамики из погребальных комплексов. Она существенным образом отличается от таблицы с керамикой из поселенческих комплексов равно, как и бакальского комплекса. По мнению исследователей, эту группу составили крынкообразные и кувшинообразные горшки, половина из которых являются плоскодонными (*рис. 323*). Однако при внимательном рассмотрении, в особенности погребальной керамики, очевидно, что в этой группе значительный процент занимают все те же гунно-сарматские формы (*рис. 323. 1, 5, 6, 8, 10–21, 26–32*).

Несколько особняком отстоят реповидные крынки из Перейминского могильника (*рис. 323. 9–11*). По нашему впечатлению эта таблица керамики из могильников своеобразно отражает процесс поиска форм будущих раннекушнаренковских образцов, которые после VII века были представлены плоскодонными крынками вытянутых пропорций (Манякский могильник, Бахмутинский могильник, Сынтыштамакский курган, Ново-Биккинский курган, Ново-Турбаслинский курган)[97] и шаровидными, бомбовидными и реповидными сосудами с круглым или скругленным дном, которые также присутствуют в среде приуральского раннего кушнаренково (Манякский, Бирский, Кушнаренковский могильники, Ново-Биккинский курган, Красногорский курган, Лагеревские курганы, Сынтыштамакский курган).[98]

На наш взгляд, Н. П. Матвеевой и А. С. Зенкову удалось правильно поместить кушнаренковскую (псевдокушнаренковскую) керамику в единую таблицу.

Наличие большого числа плоскодонных кувшинообразных горшков указывает на значительное участие в формировании этого типа кочевого гунно-сарматского населения. Это бесспорно согласуется с точкой зрения Г. И. Матвеевой о кочевом или полукочевом укладе кушнаренковцев и оседлых караякуповцев (см. выше). В данную таблицу также помещены круглодонные горшки, которые по форме и орнаментации составляют протокараякуповские образцы (*рис. 323. 1–4, 6, 8, 14, 18, 20*). Хотя по нашему мнению, караякуповский комплекс представляет собой некий зауральский компонент, который вызревает в синкретической массе бакальского населения. Его керамический комплекс включил типичные зауральские и западносибирские (круглодонные или яйцевидные горшки, с небольшой отогнутой или прямой шейкой, украшенные наколами, жемчужинами, гребенчатым, резным или плоскоштамповым орнаментом либо без орнаментации) формы. Он существует как в постсаргатском (кашинско-прыговском), так и в бакальском и смешанном многообразии[99] (*рис. 324*).

Формируясь в регионе бакальского ИКГ, эти зауральские формы и образцы керамики вместе с кушнаренковским, караякуповским, имендяшевским и собственно бакальским населением активно перемещаются в Южное и Среднее

[95] Зеленков 2022, 65.
[96] Боталов 2016а, 504, 505, рис. 11, 23–25.
[97] Мажитов 1977, табл. XV, 1–8, 9, 10; XVII, 1–6.
[98] Мажитов 1977, табл. XV, 3, 10; XVI, 4, 6; XVII, 1–14.
[99] Матвеева 2012, 174, рис. 57, D.E.

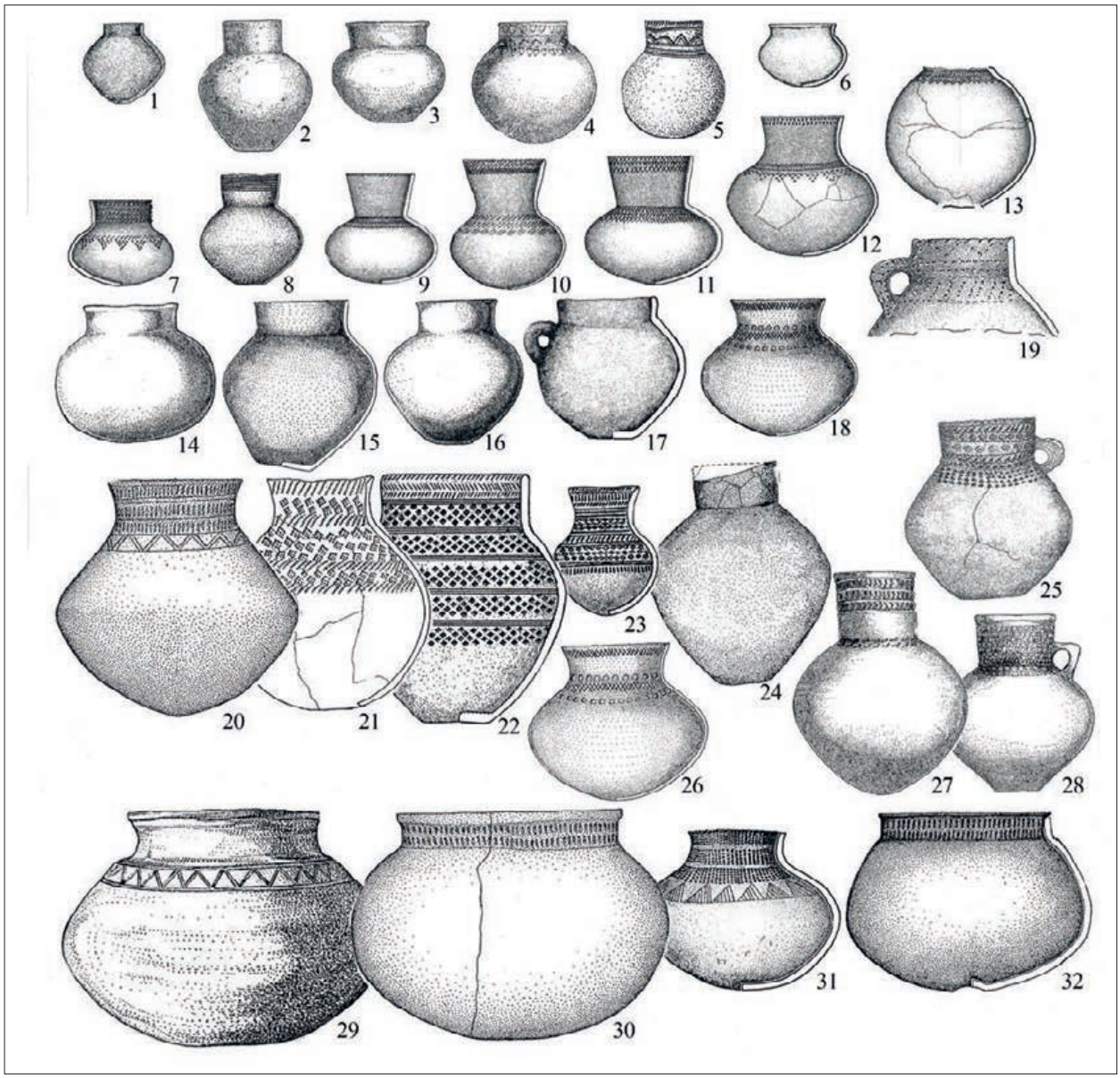

Рис. 323. Псевдокушнаренковская керамика из бакальских погребальных комплексов (по: Матвеева Н.П. 2012; 2013; 2016; Западная Сибирь 2022; Зеленков 2022). 1–5, 14–19, 21, 24–28: Устюг-I; 6, 20, 29–32: Козлов Мыс-II; 7, 9–13: Перейминский-I; 8: Ревда-V; 22–23: Усть-Тара-VII
323. kép. Pszeudo-kusnarenkovói kerámia bakaldai temetőkből (Матвеева Н.П. 2012; 2013; 2016; Западная Сибирь 2022; Зеленков 2022 nyomán). 1–5, 14–19, 21, 24–28: Usztjug-I; 6, 20, 29–32: Kozlov Misz-II; 7, 9–13: Perejmyinszkij-I; 8: Revda-V; 22–23: Uszt-Tara-VII

Приуралье. Вследствие чего мы фиксируем следы их продвижения и в горно-лесной зоне Урала, и в неволинских комплексах Сылвы и Камы, и в материалах городищ и селищ рек Уфы и Белой. Об этом мы подробно писали ранее,[100] поэтому нет смысла дополнительно анализировать и иллюстрировать данные процессы. Отметим лишь следующее о караякуповской культурной составляющей, что среди многочисленных средневековых археолого-этнических

[100] Боталов 2016, 468–531.

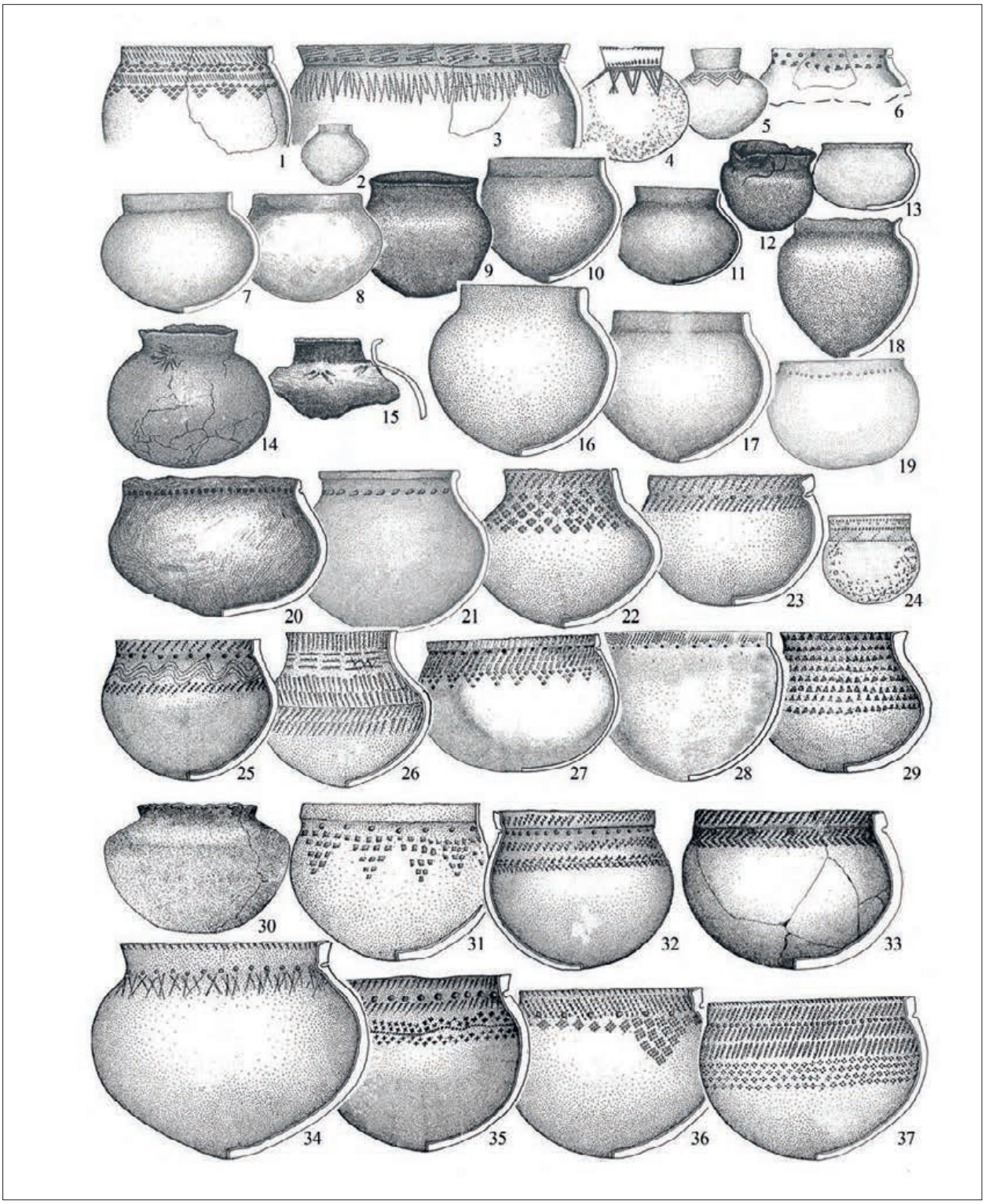

Рис. 324. Постсаргатские и смешанные формы керамики из бакальских погребений (по: Матвеева 2012; 2016). 1, 2, 4, 5, 13, 19, 30: Устюг-I; 3, 6–12, 14, 16–18, 20–23, 25–29, 31–37: Козлов Мыс-II; 15, 24: Ревда-V
324. kép. Poszt-szargatkai és vegyes kerámiaformák bakaldai sírokból (Матвеева 2012; 2016 nyomán). 1–2, 4–5, 13, 19, 30: Usztjug-I; 3, 6–12, 14, 16–18, 20–23, 25–29, 31–37: Kozlov Misz-II; 15, 24: Revda-V

типов, выделенных для Приуралья,[101] и того культурного и типологического многообразия, которое фиксируется в Зауралье и в горно-лесной зоне Южного Урала,[102] кушнаренковские и караякуповские культурные типы сосуществуют либо в непосредственном соседстве, либо чересполосно, что выразилось на ранних этапах совместным сосуществованием в бакальских городищах, в городищах и селищах Южного Приуралья (Старо-Калмашское, Кушнаренковское, Таптыковское, Кара-Якуповское, Уфа 2). Это в определенной мере отразилось на особом качестве караякуповской керамики (тонкостенность, плотность теста, изящность орнаментации). И, наконец, кушнаренковская и караякуповская посуда присутствует в единых некрополях с самого раннего этапа до финального периода существования этих культур (Манякский, Лагеревский, Хусаиновские, Ишимбаевский, Бекешевский I, II, Граултры, Уелги).

О кушнаренковской и караякуповской культурах

В самом начале 1980-х годов Е. П. Казаков, исследуя памятники кушнаренковской культуры в Бельско-Икском бассейне, отмечал, что, несмотря на типологическую близость кушнаренковской керамики с керамикой западносибирских памятников, «*полного тождества между ними, за редким исключением, до сих пор не зафиксировано. Это указывает на то, что они принадлежали, хотя несомненно родственным, но различным этническим группам*». Тем не менее, ответ на вопрос об этносе носителей кушнаренковской культуры исследователь связывал с решением вопроса об этносе западносибирских памятников со штампованно-гребенчатой посудой.[103] Сейчас вопрос об этнокультурном родстве «*кушнаренковцев*» и племен бакальской культурной общности Западной Сибири, благодаря усилиям тюменских и челябинских коллег, если и не решен окончательно, то, во всяком случае, стоит близко именно к этому варианту.[104]

Г. И. Матвеева – первооткрыватель караякуповской культуры – всегда последовательно придерживалась точки зрения о том, что кушнаренковская и караякуповская культуры это разные культуры, хотя в Приуралье появившиеся и существовавшие одновременно с середины VI до середины VIII в.[105] Вместе с тем на материалах Хусаиновского, Старо-Халиловского, Лагеревского и Больше-Тиганского могильников исследовательница доводила верхний хронологический рубеж кушнаренковской культуры до IX века.[106]

Н. А. Мажитов – основной исследователь кушнаренковских и караякуповских могильников – изначально объединил их («*с некоторыми оговорками*») в караякуповскую культуру, также доводя ее до IX – начала X в.[107]

Е. П. Казаков памятники кушнаренковской и караякуповской культур объединяет в одну культуру – кушнаренковскую. В ее развитии в Камско-Приуральском регионе он выделяет четыре хронологических этапа – раннекушнаренковский (вторая половина VI – VII в.), манякский (VIII в.), хусаиновский или хусаиновско-большетиганский (VIII–IX вв.) и танкеевский (конец IX – первая половина X в.). Караякуповскую культуру, как самостоятельное явление, исследователь совсем не упоминает, хотя и отмечает, что

[101] Генинг 1972, 247–295.
[102] Боталов 2016а, 484–494.
[103] Казаков 1981, 134–135.
[104] Матвеева 2007а, 74–75; Боталов 2016а, 477. Правда, в самое последнее время тюменские коллеги, отделив кушнаренковскую и караякуповскую керамику Приуралья от таковой в Зауралье, пришли к выводу о том, что зауральская керамика «*имеет приаральское происхождение, так как часть сосудов этого типа является импортами, а часть – сосудами-подражаниями, что свидетельствует в пользу активной торговли аборигенов Тоболо-Ишимья с кочевниками Сырдарьи в течение IV–VII веков*» (Западная Сибирь 2022, 220).
[105] Матвеева 2007.
[106] Матвеева 2007, 77.
[107] Мажитов 1981а, 27; 1981б, 81. Правда, позднее он рассматривал эти культуры как одну – кушнаренковскую (Мажитов–Султанова 2009, 149–152).

«*на каждом этапе происходило существенное изменение не только вещевого материала, но и погребального обряда, что могло свидетельствовать о приходе в Нижнее Поволжье новых, хотя и родственных этнических групп*».[108]

К этому довольно запутанному вопросу С. Г. Боталов подходит с позиций определенного компромисса. В своих исследованиях он объединяет кушнаренковскую и караякуповскую культуры в «*кушнаренковско-караякуповский историко-культурный горизонт*», который в Приуралье появляется в IV в. н.э. Методологической основой для подобного вывода являются авторские наблюдения, согласно которым *«и те и другие типы посуды как производные формы складываются в единых слоях зауральских комплексов и появляются в пределах Южного Приуралья в IV веке, в единых районах и подчас на одних и тех же памятниках (городища Уфа II, Старо-Калмашевское, Караякуповское, Кушнаренковское селище, Бирский могильник). Различия относятся к разряду долевого соотношения этих типов в общем объеме материала и терминологических предпочтений исследователей… Аналогичную картину сосуществования этих типов или точнее их прототипов мы наблюдаем в лесостепном Зауралье в одних и тех же памятниках… Данная нерасчлененность во встречаемости этих прототипов керамики и позволили автору прибегнуть к двойному определению «керамика кушнаренковско-караякуповского круга»*».[109]

Итак, после высказанного Е. П. Казаковым предложения рассмотреть генезис и этнокультурную принадлежность кушнаренковской культуры через призму культурогенеза зауральско-западносибирских культур со штампо-гребенчатой керамикой прошло 40 лет. За это время достаточно четко очерчены морфологические признаки бакальской культурно-исторической общности, внутри которой на отдельных памятниках (Коловское, Логиновское, Усть-Терсюкское, Б. Бешкильское, М. Бакальское городища, Бобровский, Козловский могильники) выделены коллекции керамики, номинированные как «*кушнаренковская*» или «*протокушнаренковская*». Но ожидаемой ясности в вопрос о генезисе рассматриваемых культур и их культурологическом соотношении это не привнесло. Скорее наоборот, сделало еще более запутанным.

В свете сказанного, следует вновь обратиться к морфологии памятников кушнаренковского и караякуповского типов, исходя уже из их современного видения. И хотя это уже сделано,[110] но в контексте вопроса о культурологическом соотношении этих двух типов следует начать с того, что в Южном Приуралье[111] известны «*чисто*» кушнаренковские памятники без каких-либо караякуповских и иных включений. Начнем с поселений. На Меллятамакских II и VII селищах в бассейне реки Ик, раскопкам не подвергавшихся,[112] судя по имеющейся публикации, собраны небольшие коллекции только кушнаренковской керамики.[113] На Меллятамакском VI селище в раскопе IV (пласт 1), заложенном на северо-восточной оконечности селища, собрана коллекция (10 экз.) «*классической*» кушнаренковской керамики.[114]

Точно также на Благодатском I и Кузебаевском городищах в низовьях реки Ик собрана коллекция только кушнаренковской керамики (в общей сложности около 200 сосудов). В низовьях реки Белой к таковым относится селище Бачки-Тау. Если на Кушнаренковском и Ново-Турбаслинском II поселениях кушнаренковская керамика представлена вместе с бахмутинской и турбаслинской,[115] то караякуповских сосудов там нет вообще.

Особо показательна в данном контексте керамика с городища Уфа II – самая на сегодняшний день представительная коллекция кушнаренков-

[108] Казаков 2007, 35.
[109] Боталов 2016а, 519.
[110] Иванов 2022; 2022а.
[111] В публикациях сейчас чаще называют – Предуралье.
[112] На Меллятамакском II селище в 1971 году была заложена траншея площадью 28 м^2.
[113] Археологические памятники 1989, 46–47.
[114] Казаков–Чижевский–Лыганов 2016.
[115] Стратиграфически на этих памятниках они не расчленяются.

ской керамики с поселений. По опубликованным данным на 2009 год, когда на городище уже была вскрыта площадь 1753 кв. м, керамика «*классического*» кушнаренковского типа составляла 15,2% от всего керамического комплекса этого памятника[116] (против 1,2% керамики караякуповской).[117]

Результаты раскопок последующих лет в интересующем нас контексте дали совершенно неожиданную картину. За период с 2012 по 2017 гг. на городище были вскрыты еще 1004 кв. м (в 2010–2011 гг. на памятнике были раскопаны 512 кв. м, но их материалы нигде не опубликованы). В общей сложности в этих раскопах собрана богатая (3440 единиц) коллекция бахмутинской, турбаслинской («*бахмутинско-турбаслинской*», «*турбаслинско-романовской*»), кушнаренковской и караякуповской керамики.[118] Так вот кушнаренковская керамика составляет 1,5% от всего керамического комплекса, полученного на городище Уфа II в течение указанных лет, а караякуповская – 0,1%. Это все-таки указывает на то, что данный памятник является городищем бахмутинской и турбаслинской культур, а появление там «*кушнаренковцев*» – не более чем эпизод в его этнокультурной истории, что также подтверждается стратиграфической статистикой типов керамики из раскопа 2017 года, опубликованной исследователями городища Уфа II.[119]

Перейдем к кушнаренковским могильникам/погребениям. Из известных сейчас самым крупным является Бустанаевский курганный могильник на северо-западе современного Башкортостана, состоящий из 63 насыпей, из которых исследовано 12, содержащих по одному погребению, в котором зафиксирован сосуд кушнаренковского типа.[120] Примерно в тех же районах известны могильник Сарс, Аскинское погребение, южнее, на западе современного Башкортостана – Тулбаевские, Сынтыштамакские курганы, Староянзигитовское погребение, еще южнее, в среднем течении реки Белой – Красногорский II и Береговский II курганы.[121]

Среди опубликованных Н. А. Мажитовым погребений Бирского могильника семь содержат по одному сосуду «*классических*» кушнаренковских по форме, орнаментации и параметрам.[122] Обнаружены они на так называемом «*турбаслинском участке*» среди потревоженных турбаслинских погребений, будучи также потревоженными. Поэтому сложно судить, насколько эти погребения турбаслинско-кушнаренковские, и какие признаки обряда – кушнаренковские или турбаслинские – в них преобладают. Главное, что на указанном некрополе они самые поздние.

Сторонники «*кушнаренковско-караякуповского культурного единства*» часто ссылаются на Манякский и Лагеревский могильники, где найдены и кушнаренковские, и караякуповские погребения. Правда, они не обращают внимания на то, что на Манякском могильнике погребения с кушнаренковскими сосудами расположены в северной части памятника, где Н. А. Мажитовым заложены два раскопа, а на Лагеревском могильнике караякуповские сосуды найдены только в трех курганах из 56 исследованных, а кушнаренковские – в 12. Возникает резонный вопрос – а почему пришедшие на эти места позже «*караякуповцы*» не могли пристроить свои курганы к кушнаренковским, оставленными родственным населением?

Городища караякуповской культуры (Караякуповское и Старокалмашевское) в количественном соотношении кушнаренковской и караякуповской керамики демонстрируют совершенно обратную картину – кушнаренковская керамика на них присутствует, но в незначительном количестве. Мощность культурного слоя на

---

[116] Всего 2651 сосуд.

[117] Иванов 2012, 410–411.

[118] Мажитов и др. 2012; Русланова и др. 2020; Шутелева и др. 2013; Шамсутдинов и др. 2015; Русланов–Шамсутдинов–Романов 2016; Белявская–Проценко–Курманов 2022.

[119] Белявская (Крапачева)–Проценко 2018, 217, табл. 2, 218, рис. 1.

[120] Колонских–Саттаров–Ситдиков 2024. Не менее чем в 10 погребениях – личное сообщение А. Г. Колонских – исследователя этого памятника.

[121] Акбулатов–Гарустович 2017; Горбунов 1984; Иванов 1974.

[122] Мажитов 1968, 148, табл. 26.

этих памятниках не дает возможности провести статистико-стратиграфический анализ керамических комплексов, но ясно, что городища эти, даже если они и были основаны «*кушнаренковцами*», функционировали уже как поселения караякуповских племен.

Сравнительно статистический анализ керамики кушнаренковского и караякуповского типов с поселений и из погребений показывает, что они образуют два морфологически различающихся керамических комплекса.[123] Поскольку керамика традиционно считается одним из основных этнодиагностирующих и культурообразующих признаков, объединять кушнаренковскую и караякуповскую культуры в одну культуру (как бы ее не называли) методически неверно.

Аналогичную картину показывают и результаты сравнительно-статистического анализа признаков погребального обряда рассматриваемых культур, проведенного по 21 альтернативному признаку. Полученный результат (коэффициент формально-типологического сходства [С3] равен 0,56) дал возможность сделать вывод о том, что носители этих культур, хотя и не тождественных между собой, имели общие традиции в духовной культуре и религиозных верованиях, обусловленные их генетическим родством.[124]

Различия состоят в том, что в могильниках кушнаренковской культуры преобладают одиночные захоронения под курганной насыпью и северная ориентировка погребенных. Отличительным признаком караякуповских погребений является то, что значительная их часть (52,8% от 180 учтенных погребений) происходит из курганов – «*семейных усыпальниц*», где абсолютно преобладает западная ориентировка, выделяются погребения со шкурой коня, уложенной в ногах погребенного (14,6%).

И, наконец, хронологические показатели. В свое время в комплексе материальной культуры кушнаренковских и караякуповских могильников были выделены 159 типов вещей (артефактов), из которых 103 типа образуют парную условную связь. Они группируются в пять комплексов связанных признаков (КСП), каждый из которых состоит из вещей, имеющих установленную и пока не отвергнутую датировку. Из нее следует, что начальная дата появления в Приуралье «*кушнаренковцев*» приходится на конец VI–VII в., «*караякуповцев*» – на середину – вторую половину VIII в., а верхний хронологический рубеж их пребывания в регионе – середина – вторая половина IX в.[125]

Общий вывод по результатам сравнительно-статистического анализа погребального обряда и керамики памятников кушнаренковского и караякуповского типов таков: они представляют собой две самостоятельные археологические культуры, хотя и имеющие общие генетические корни. На территории Приуралья памятники этих типов известны уже в сложившемся виде, последовательно сменяя друг друга в течение конца VI–VII в. (или начала VIII в.) (кушнаренковская культура) и VIII–IX вв. (караякуповская культура).

Относительно территории их формирования – на сегодняшний день наиболее приемлемым ответом является мнение тех исследователей, которые считают, что это был угорский этнокультурный ареал бакальской историко-культурной общности (ИКО) лесного и лесостепного Зауралья и Западной Сибири.[126]

Обстоятельства и причины появления «*кушнаренковцев*» и «*караякуповцев*» в Приуралье остаются неясными (в регионе обе эти культуры известны уже в сложившемся виде), поэтому пока наиболее конструктивной (или логичной) представляется точка зрения С.Г. Боталова, согласно которой прообразы (прототипы) кушнаренковской и караякуповской керамики сложились внутри «*синкретического бакальского единства*»: «*Вероятно, лишь какое-то время спустя с переселением в горно-таежную и далее в приуральскую зоны эти зарождающиеся чер-*

[123] Иванов 2009.
[124] Иванов 1999, 60–61; Иванов 2022, 56, табл. 1.
[125] Иванов 1999, 43–47.
[126] Казаков 2007, 38–39; Матвеева 2007а; Боталов 2016а.

ты культурного своеобразия смогут оформиться в самостоятельные культуры».[127]

Кушнаренковская и караякуповская культуры, каждая в своих указанных выше хронологических границах, существовали в Приуралье, сохраняя свою культурную самобытность и свои морфологические признаки. Никаких переходных от кушнаренковских к караякуповским типов керамики нам не известно. Равно как и сложно (если возможно) обозначить временные границы такого «*перехода*». Поэтому, предлагаемое Е. П. Казаковым деление кушнаренковских и караякуповских материалов (керамики) на четыре хронологических этапа, выделенных по результатам анализа «*такого массового материала как керамика, которая, благодаря своей специфичности, сложности орнаментации, чутко отражала хронологические изменения*»[128] – это по сути то же самое деление керамических комплексов на кушнаренковский (у Е. П. Казакова – раннекушнаренковский и манякский этапы) и караякуповский (у Е. П. Казакова – хусаиновский или хусаиновско-большетиганский этапы). «*Танкеевский этап*» конца IX – первой половины X в. из хронологизации кушнаренковских и караякуповских комплексов может быть смело исключен, поскольку лепные круглодонные сосуды из Танкеевского могильника с гребенчато-шнуровой, решетчато-шнуровой и ямочной орнаментацией[129] ни к кушнаренковской, ни к караякуповской керамике типологически никакого отношения не имеют. Поскольку хронологизация кушнаренковской и караякуповской керамики дана исследователем исключительно по погребальной керамике, то она едва ли может быть распространена на керамику с кушнаренковских и караякуповских поселений.[130]

Историческая судьба «*кушнаренковцев*» остается неясной. Исключительно в гипотетическом плане можно предположить, что переселившиеся из Зауралья в Приуралье «*караякуповцы*» более «*продвинутые*» в военном отношении, чем «*кушнаренковцы*», вызвали, с одной стороны, подчинение и молниеносное растворение последних среди более сильных родственников; с другой – какая-то часть «*кушнаренковцев*» могла не смириться с подобной судьбой и рассеялась по лесному Прикамью (Кузебаевское I, Благодатское I, Верхнеутчанское городища) в низовьях реки Иж,[131] (Верх-Саинское I городище, Бартымское I селище) на реке Сылва[132] и Среднему Поволжью (фрагменты пяти «*классических*» кушнаренковских сосудов найдены на Тетюшском городище).[133]

Керамика со шнуровой и крупногребенчатой орнаментацией петрогромско-юдинского типа

Еще одна группа керамики, которая присутствует в слоях не каждого поселенческого слоя, а лишь в тех, которые содержат следующий петрогромско-юдинский ИКГ (Большое Бакальское, Коловское, Усть-Терсюк, Красноярское, Красногорское городища). Процесс появления этого типа керамики на заключительном этапе существования бакальского горизонта хорошо представлен на примере Большого Бакальского городища. Здесь около двух десятков сосудов представлено керамикой со шнуровой орнаментацией, их объединяют фрагменты с использованием отпечатков шнура, который часто сочетается с прочерченным, гребенчатым, гладким штампом и ямочными вдавлениями (*рис. 325*).

Несколько сосудов в этой группе могут быть отнесены к батырским горшкам, которые обычно имеют небольшой диаметр. Сосуды сильно профилированы, имеют плоский и широкий край

[127] Боталов и др. 2008, 39.
[128] Казаков 2007, 35.
[129] Казаков 1971, 96–97.
[130] Иванов 2009, 184, табл. 2; 190, табл. 4.
[131] Казанцева–Ютина 1986; Иванов 2008.
[132] Пастушенко 2008.
[133] Руденко 2010, 94; 129, рис. 27.

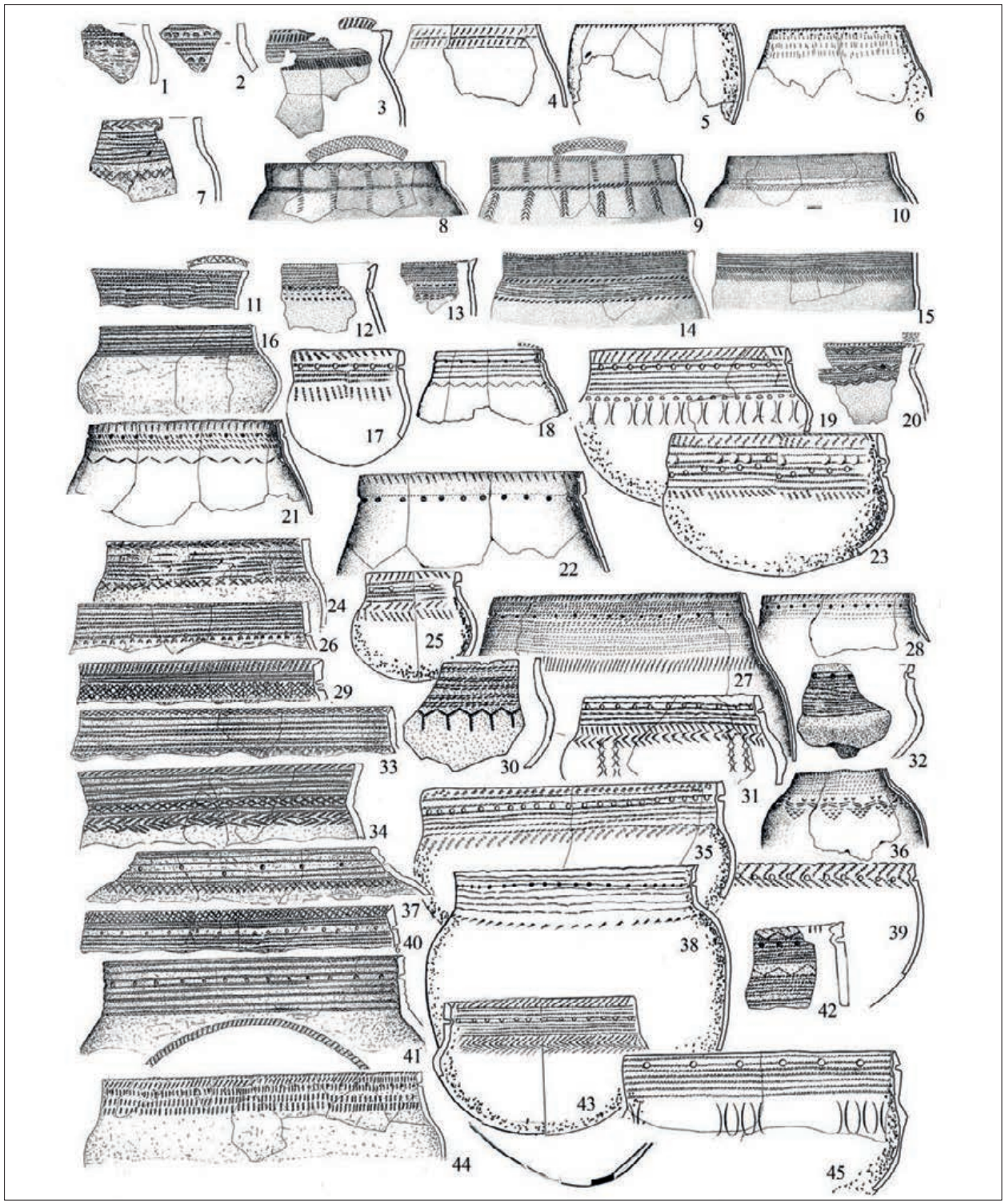

Рис. 325. Гребенчато-шнуровая керамика из поселенческих памятников петрогромско-юдинского горизонта (по: Боталов 2016; Западная Сибирь 2022). 1–2, 7, 11, 16, 24, 26, 29, 33–34, 37, 40–41, 44: Большое Бакальское городище; 3, 20: останец Старичный; 4–6, 17–19, 21–23, 25, 27, 28, 31, 35–36, 38–39, 43, 45: Красногорское; 8–10, 14–15: Папское; 12–13: Палатки-I; 32: Саитово-II; 30, 42: Ликинское

325. kép. Fésűs-zsinórdíszes kerámia a petrogrom-jugyinai horizont telepeiről (Боталов 2016; Западная Сибирь 2022 nyomán). 1–2, 7, 11, 16, 24, 26, 29, 33–34, 37, 40, 41, 44: Bolsoje Bakalszkoje erődített telep; 3, 20: Sztaricsnij-csúcs; 4–6, 17–19, 21–23, 25, 27, 28, 31, 35–36, 38–39, 43, 45: Krasznogorszkoje; 8–10, 14–15: Papszkoje; 12–13: Palatki-I; 32: Szaitovo-II; 30, 42: Likinszkoje

венчика, иногда с небольшим наплывом внутри. Много горшков с четко выраженным ребром. Орнаментация мелким шнуром часто сочетается с круглыми и овальными наколами и отпечатками мелкозубчатого гребенчатого штампа и уголковых вдавлений. Орнамент расположен густо и покрывает венчик, шейку и плечо сосудов, в некоторых случаях и верхнюю часть тулова, в тесте фиксируется дресва, галька, слюда.

С нашей точки зрения, данный комплекс шнуровой и гребенчатой керамики, вероятнее всего, может быть отнесен к переходному петрогромско-юдинскому типу, основные признаки этой посуды – приземистость, слабая профилировка, круглодонность, низкая шейка. В орнаментации в основном многорядные горизонтальные линии в шнуровой или гребенчатой технике, дополненные вертикальными, наклонными гребенчатыми оттисками, елочкой, зигзагом. Помимо простого квадратно-ромбического или круглого штампа встречаются защипы. Как правило, обязателен ряд ямок, реже жемчужин по шейке, вдоль венчика. Пояски из отпечатков шнура обычно сочетаются с рядами из наклонно поставленных оттисков мелкозубчатого штампа. При этом по профилировке сосудов и сочетанию горизонтального шнура и гребенчатой, реже резной косой «*бакальской*» решетки в орнаментации, можно предположить, что эта керамика является неким синкретическим переходным типом между позднепетрогромской и раннеюдинской керамикой с яркими маркерными чертами и орнаментацией бакальского облика (рис. *325*).

В целом расширение ареала керамики петрогромско-юдинского типа в Зауральско–Западно-Сибирском регионе происходит в VII–VIII вв. и является установлением новых границ расселения лесного угорского населения Среднего Зауралья (батырское, молчановское, петрогромское, потчевашское), которые раздвигаются в этот момент на запад и юго-восток и встречают движение карымского на первом этапе и юдинского на заключительном из южнотаежного Приобья с востока. Данные вопросы блестяще были проанализированы Е.А. Третьяковым,[134] основные положения которых мы всецело разделяем.

В разделе 1.3. мы подробным образом остановились на раннечияликской (макушинской), постпетрогромско-юдинской керамической группе с гребенчато-шнуровой керамикой, первоначально выделяемой как сылвенская, макушинская (Зауралье), чияликская (Предуралье), постпетрогромская (мрясимовская) на раннем этапе IX–X вв. и на позднем XI–XIII вв. В материалах Уелгинского комплекса и на могильнике Актюба она представлена как наиболее многочисленная. Эти горшки, как правило, присутствуют в комплексах с материалами синеглазовского (сросткинского) этапа IX–X вв. Именно в этой части курганов найдены предметы так называемого карпатского стиля. Комплексы с сосудами этого типа сосуществуют с кушнаренковскими, караякуповскими и неволинско-постбакальскими в пределах второй половины X века. Вероятно, после рубежа IX–X вв. чияликско-юдинские традиции окончательно вытеснили все остальные, вплоть до монгольского времени.

2.1.5. Этапы культурогенеза на Южном Урале в эпоху средневековья

Ранний бирско-манякский этап (VII–VIII вв.)

Итак, появившись в среде населения бакальского историко-культурного горизонта, вероятнее всего на самом раннем позднесаргатском этапе (кашинско-прыговского) бакальского этапа (III–IV вв. н.э.), псевдокушнаренковско-караякуповские культурные типы, достаточно четко просматриваются в общем составе керамической коллекции бакальских городищ (от 31% до 22%).[135] В настоящее время эти комплексы получили рабочее наименование – кушнаренковские или псевдокушнаренковские в интерпретации

[134] Западная Сибирь 2022, 132–162.
[135] Кайдалов–Сечко–Боталов 2016, 169; Гущина–Боталов 2016, 394.

Н. П. Матвеевой[136] и А. С. Зеленкова,[137] или протокушнаренковские и караякуповские в нашей редакции.

В поселенческой практике псевдо- или протокушнаренковские образцы керамики имеют существенное разнообразие по форме и орнаментации (*рис. 322–323*). В погребальных комплексах горшки, интерпретируемые исследователем как кушнаренковские или псевдокушнаренковские, имеют кувшинообразные пропорции с раструбообразной горловиной (часть орнаментированы горизонтальными поясками), кринковидное, реповидное, бомбовидное или шарообразное тулово и часть – плоское днище.[138] Кувшинообразные и кринковидные формы с плоским дном, по мнению исследователей, составляют и основной бакальский керамический комплекс погребальных памятников.[139] При этом отмечено, что типичные формы бакальской культуры действительно сосуществуют с импортными горшками-кувшинами и их подражаниями. Однако в их числе приводятся высокие горшки с прямой или отогнутой шейкой, а также маленькая шаровидная банка (могильники Устюг 1 и Перейминский), весьма характерные для степных форм гунно-сарматских памятников (*рис. 323. 12–13, 16–17*).

Указывая на данные особенности, мы обращаем внимание на сложившийся диссонанс в поселенческом и погребальном керамическом комплексе бакальской и кушнаренковской (прото-, псевдо-) культурных групп, который, вероятнее всего, имеет некую информационную нагрузку, суть ее еще предстоит выяснить. Бесспорно, что позднегуннский (гунно-сарматский) степной кочевнический культурный комплекс, в материалах бакальских могильников получает свое особое звучание. Возможно эта ситуация может быть схожа с той, что фактически одновременно развивается в Предуралье и Камско-Бельском бассейне, где в среду приуральского бахмутинского, мазунинского и именьковского населения вторгаются позднегуннские турбаслинские (постпозднесарматские) кочевые племена и устанавливают свою политическую доминанту в стратегически важных районах (впадение рек Кама и Волга; впадения рек Белая и Кама) в V в. н.э.[140] Истоками этой постгуннской культуры, по мнению Ф. А. Сунгатова, следует считать территории Каспийско-Азовского–Черноморского междуморья, куда возвращается гуннская орда после центрально-европейских походов.[141] Результатом этих передвижений явилось возникновение относительно монокультурных турбаслинских некрополей (Коминтерновский, Дежневский, Турбаслинский, Кушнаренковский, Чайка, Глумилинский) с характерными особенностями гуннского погребального комплекса – курганные захоронения, узкие прямоугольные ямы, северная ориентировка, черепная деформация; и соответствующие категории вещевого инвентаря (накладки-зажимы, калачиковидные серьги, антропоморфные подвески, сюльгамы, пряжки с подвижным щитком, геральдическая гарнитура, гончарная и круговая керамика: кувшины крупные, плоскодонные и круглодонные горшки вытянутых пропорций, шаровидные и яйцевидные горшки).[142]

При этом не следует забывать, что указанные районы были активно заселены племенами, оставившими определенное число оседлых культур и археолого-этнических типов (бахмутинская, мазунинская, именьковская и др.).

В 1960-х годах Н. А. Мажитов попытался объединить существующее культурное многообразие в единую бахмутинскую культуру. Основной базой его исследования были материалы большого межрегионального некрополя – Бирский могильник, внутри которого им было

[136] Матвеева 2007а; 2012; 2016; Западная Сибирь 2022.
[137] Зеленков 2022.
[138] Матвеева 2012, рис. 57, В; 2016, 149, рис. 87; Западная Сибирь 2022, 95, рис. 37; Зеленков 2022, 63, рис. 5.
[139] Западная Сибирь 2022, 67, рис. 23.
[140] Сунгатов 2013, 163–179.
[141] Сунгатов 2013, 174–175.
[142] Сунгатов 1998, 25–64; Казаков 1996.

выделено пять типологических групп керамики.[143] Последующее дробление этих типов на девять археолого-этнических типов, предложенное В. Ф. Генингом, не получило развития.[144] Типологическое обоснование Н. А. Мажитова впоследствии образовало отдельные культуры: бахмутинская, турбаслинская, кушнаренковская и караякуповская. На наш взгляд нечто подобное происходит и с культурной деструкцией зауральского средневековья. С появлением материалов могильников бакальский историко-культурный горизонт постепенно начинает распадаться на составляющие его культуры и культурные типы. Сегодня насчитывается, как минимум, пять культур и культурных типов, входящих в него: собственно бакальская, кушнаренковская, караякуповская (псевдо-кушнаренковская-караякуповская), карымская, петрогромско-юдинская. Кроме того, исследователями приводятся еще в прилегающих регионах ряд сопутствующих типов: потчевашский, молчановский, батырский.[145] Исследования погребальных комплексов (Перейминский, Усть-Тара VII, Устюг I, Ревда, Козлов Мыс) показали, что, несмотря на типологическое многообразие керамических форм, приводимых выше, погребальный комплекс сохраняет достаточно ощутимое единство: курганные могильники, подпрямоугольные ямы, северная ориентировка и черепная деформация умерших, единый вещевой комплекс, состоящий из пряжек с округлой рамкой и подвижным щитком, восьмерковидных накладок с кольцевой подвеской, накладки-зажимы, калачиковидные серьги, медведевидные подвески, желобчатые браслеты, наличие керамики. На позднем этапе появляются сюльгамы, очковидные подвески, цельнолитые пряжки и накладки предгеральдического и геральдического стиля. Однако отнесение комплексов, составляющих их (Хрипуновский, Перейминский, Абатский 3, Усть-Суерское 1), к памятникам собственно бакальского горизонта, с нашей точки зрения, является определенной натяжкой.

В целом зауральская культурная диспозиция выглядит более пестрой и мозаичной, в том числе и на примере поселенческих материалов. Этой теме была посвящена отдельная работа, раскрывающая типологическое разнообразие и демонстрирующая керамические комплексы средневековых поселенческих памятников лесостепного и горно-таежного Зауралья.[146] Особым проявлением зауральской культурной динамики, вероятнее всего, была постоянная инфильтрация населения в западном направлении вдоль основных трансуральских водных артерий (реки Сосьва, Уфа, Ай, Юрюзань, Катав), в результате чего в Приуралье появляются новые культуры и культурные типы: кушнаренковская, караякуповская, неволинская, имендяшевская, чандарская, чермосанская по В. Ф. Генингу,[147] а также отдельные типы керамики с зауральскими (бакальскими) мотивами.[148] Вероятнее всего наиболее интенсивные миграции зауральского населения происходят в самом конце VII века с началом распада бакальского горизонта (рубеж VI–VII вв.) – поздняя хронологическая группа по Н.П. Матвеевой.[149]

Скорее всего, в VII и VIII веках в Приуралье появляются кушнаренковские и караякуповские группы населения. Возникает вопрос можно ли соотнести зауральские погребальные комплексы с ранее приведенной керамикой кушнаренковского, псевдокушнаренковского или протокушнаренковского типа с раннекушнаренковскими памятниками Приуралья? В первом случае эти группы составляют погребения из могильника Устюг I (2, 4, 8, 9, 11, 12 – курган 35, 3 – курган 34; 5, 7 – курган 25; 10 – курган 28; 6 – курган 24 и Ревда-5 погребение 10), которые датируются переходным временем III–IV вв. и раннего этапа IV–V вв.,[150] а также погребение могильника

[143] Мажитов 1968, табл. 9, 22–26.
[144] Генинг 1973, 221–295.
[145] Западная Сибирь 2022, 48–59.
[146] Боталов 2016а, 484–517.
[147] Генинг 1972, 262–266.
[148] Боталов 2016а, 494–496, рис. 7–9.
[149] Матвеева 2016, 188–191.
[150] Матвеева 2016, 149, рис. 87; 178, 183, табл. 4, 5.

Перейминского и Усть-Тары-VII, датируемых средним (IV–V вв.) и поздним этапом (VI–VIII вв.).[151] К этому числу А. С. Зеленков относит керамический комплекс Бобровского могильника (Поиртышье),[152] который хронологически относится к гораздо позднему периоду VIII–IX вв., и теоретически вряд ли может участвовать в процессе сложения кушнаренково.[153]

Вопрос какие собственно зауральские комплексы бакальского горизонта можно определить, как генетически предшествующие кушнаренковским и караякуповским памятникам бассейна рек Белой и Камы, по всей видимости, остается открытым. За формальной видимостью сходства отдельных типов посуды, приводимых выше, как кушнаренковская, псевдо- и протокушнаренковская, мы пока не можем привести образцы сложившихся раннекушнаренковских кринкообразных, плоскодонных[154] и репообразных, бомбовидных и шаровидных сосудов с округлым или яйцевидным дном,[155] известным по материалам Бирского, Манякского, Ново-Турбаслинского и Бахмутинского могильников, Сынтыштамакского, Красногорского и Ново-Бикинского курганов VII–VIII вв.

Кроме того, раннекушнаренковские погребальные памятники в подавляющем количестве на первом этапе представлены грунтовыми могильниками. Основной ориентировкой является западная, чаще северо-западная, реже юго-западная, черепная деформация отсутствует. Это все указывает на то, что раннекушнаренковский комплекс на территории Южного Зауралья пока не выявлен. Наиболее ранние из них единичные погребения Байрамгулово (курган 1) и Граултры (курган 11), которые содержат не только посуду кушнаренковского и караякуповского облика, но и соответствующие черты указанных погребальных традиций, относятся к периоду не ранее VIII в.

Появление кушнаренковской и караякуповской культур в Южном Приуралье является своеобразным вековым рубежом. Попытаемся реконструировать механизм и динамику этого процесса.

Вероятнее всего по численности, мобильности, консолидированности кушнаренковско-караякуповские племена превосходили местное приуральское население. В скором времени территория их расселения покрыла районы распространения не только турбаслинской, но и бахмутинской культур. В этом отношении показательно появление на турбаслинских и бахмутинских могильниках захоронений с кушнаренковской керамикой (могильники Кушнаренковский, Турбаслинский, Шареевский, Бирский).

Не исключено, что с началом активного расселения кушнаренковско-караякуповских племен на Южном Урале часть турбаслинского населения была оттеснена в западные районы, на что указывает определенное сходство в погребальном обряде турбаслинцев и ранних булгар (I Большетархановский могильник). Е. П. Казаков, в частности, отмечает, что болгары большетарханской группы перед приходом в Среднее Поволжье до середины или второй половины VIII в. находились в контактах с какими-то посттурбаслинскими группами населения на территории Саратовско-Волгоградского Поволжья,[156] что подтверждается находками некоторых типов раннебулгарской керамики, имеющих аналогии в памятниках турбаслинской культуры.[157]

Впечатляющую картину разорения и разрушения городищ и селищ Нижнего Прикамья в манякский период (VII–VIII вв.) приводит Е. П. Казаков. Население этого региона в какой-то момент было подвергнуто нашествию, на что указывает скопление человеческих костей, спешно брошенный бытовой инвентарь, ямы-зернохранилища и даже клады ценных вещей в слоях Щербетьского городища, Щербетьско-Островного I селища и поселения Девичий городок. По

[151] Матвеева 2016, 188, 189, табл. 7, 8; Западная Сибирь 2022, 95, рис. 37; Зеленков 2022, 63, рис. 5.
[152] Зеленков 2022, 63, рис. 5, 2–3, 6, 9.
[153] Арсланова 1963; Могильников 1981, 46, рис. 20.
[154] Мажитов 1977, табл. XV, XVI 1–3, 5.
[155] Мажитов 1977, табл. XV, 3, 10; XVI, 4, 6; XVII; XVII, 1–9.
[156] Казаков 1992, 242, 258.
[157] Кокорина–Хлебникова 1993; Сунгатов 2013, 171–173.

мнению автора, эти события были связаны с вторжением носителей кушнаренковской культуры.[158]

В этой связи остается весьма важным вопрос: что случилось с кушнаренковцами? Почему племена, вероятно, полуоседлых скотоводов (на это указывает сравнительно небольшой кушнаренковско-караякуповский слой на городищах и селищах), которые сравнительно мирно инкорпорируются в среду оседлого приуральского населения, вдруг в самом конце VII – начале VIII в. становятся неожиданно активными и совершают военные походы? На наш взгляд, это связано с тем, что в своем существовании хозяйственно-культурный комплекс кушнаренковско-караякуповского сообщества имеет два принципиально отличающихся этапа – ранний (VII–VIII вв.)[159] и поздний (IX в.).

На раннем этапе это сообщество лесостепного скотоводческого подвижного населения продвигалось в двух направлениях: на западе – из Поисетья в Камско-Бельский бассейн и на юг – в зауральские и северо-казахстанские степи. Об этом автор подробным образом рассуждал в своих работах.[160]

Какая-то часть кушнаренковско-караякуповского степного населения, попав в орбиту тюрко-болгарского объединения «*он ок будун*» (союз «*десяти стрел*») – огуров-оногуров, окончательно перешла на кочевой уклад.

Деструктивные процессы, вызванные экологической катастрофой Арало-Сырдарьинского региона в VI–VIII вв.,[161] привели к распаду прежней системы кочевой конфедерации.

Вероятно, именно с этого момента начинает складываться протомадьярский южноуральский ареал на первом этапе (условно называемый бирско-манякский). Основное событие, связанное с его формированием, происходит в степной полосе евразийского пограничья. Последствия экологической катастрофы приводят к окончательному исходу населения народа «*он ок будун*» (огуров-оногуров) – носителей культуры курганов с «*усами*» из урало-казахстанских степей в конце VII – начале VIII в. На это указывает тот факт, что по данным радиоуглеродного анализа и типологии инвентаря наиболее поздние курганы с «*усами*» датируются концом VII в.,[162] а наиболее поздние селенташские комплексы (без «*усов*») доживают только до середины VIII в.[163]

Широтное движение раннеболгарского и протомадьярского в его составе населения в рамках этого ареала археологически определяется по целому ряду фактов. Именно с VII века на запад передается некий вектор культурных инноваций, который происходит в рамках от Волжского правобережья до Центральной Европы. Так, стоит признать, что раннеболгарские комплексы к западу от Волги появляются не ранее второй трети VII в. и в своей дисперсной массе встречаются в пределах VII–VIII вв. в Приазовье и Причерноморье, исторически маркируя Великую Болгарию.[164]

Далее к концу VII века этот импульс достигает балканской Болгарии и, наконец, к самому концу среднеаварского периода (VII – начало VIII в.) – Карпатской котловины. В Западном Причерноморье появляются материалы, своеобразно маркирующие новый стиль. Это бляшки с полукруглым вырезом в верхней части, трапециевидные бляшки с кольцом в нижней части, орнаментированные рядами «*S-видных*» элементов, в конце которых круг с завитком, растительными и фаунистическими сюжетами (так называемый стиль с «*грифами и плетями*»), серьги со стеклянными подвесками. Этот стиль получил название Врап-Ерсеке[165] и достаточно хорошо вычленяется в материалах среднеаварских могильников (Комаром, Питварош, Больи, Сентеш-Берхат, Полисмарог-Мария). В Венгрии

---

[158] Казаков 2018, 202–203.

[159] В Зауралье, вероятно, он начинается гораздо раньше, так как протокушнаренковский и протокараякуповский комплексы здесь складываются в рамках Бакальского ИКГ к IV веку н.э.

[160] Боталов 2016, 468–529; 2017, 50–57.

[161] Боталов 2020, 39–46.

[162] Грудочко 2016, 216–218.

[163] Боталов 2013, 71.

[164] Рашев 2004, 12–52.

[165] Боталов 2009, 491–492.

эти материалы маркируют некий горизонт, условно названный нами *комаромский,* по названию наиболее яркого некрополя, возникшего в северной части Большого Альфельда в конце VII в. В связи с тем, что материалы этого круга довольно точно маркируют раннесредневековые пояса дунайских болгар, есть основание комаромский горизонт связать с приходом нового населения на Дунай в 670–680 гг. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения является информация об анализе дерева древок копий из Комарома. Они были сделаны из древесины шелковичного дерева (тутовника). Как известно, самым западным регионом выращивания этого дерева к тому времени могли быть Восточный Туркестан (Синьцзян) и Средняя Азия.

Этот факт, как и особенности погребального обряда (большой процент всаднических захоронений с конем) и вещевой комплекс Комаромского некрополя, позволяют допустить, что формирование данного горизонта происходит в результате разовой миграции кочевого населения с востока. Точно позиционировать пределы исхода данной миграционной волны трудно. Были ли это урало-казахстанские степи, из которых, вероятно в конце VII – начале VIII в., с приходом сюда сеянто-кыпчаков и карлуков Восточно-Тюркского каганата, уходят племена «*десяти стрел*» – «*он ок будун*» (оногуры) и Нушеби, или пределы Восточного Туркестана, откуда, возможно, уходит часть населения карлукско-уйгурской коалиции в период бурных событий конца VII – начала VIII в. Очевидно, что рассматриваемый нами миграционный ареал к концу VII в. функционировал в границах самого широкого региона от Центральной Азии до Среднего Дуная.[166]

Если предположить, что в составе союза огуров-оногуров определенную часть родов и племен составляло протомадьярское (кушнаренковско-караякуповское) население, участвующее в пределах урало-казахстанских степей в достаточно долгом раннемадьярском этнокультурогенезе, возможно ли проследить единую генетическую связь этого мадьяро-оногурского и собственно мадьярского культурогенеза. Для этого перейдем к последующему этапу развития мадьярского миграционного ареала.

Однако, возвращаясь в лесостепную полосу Урало-Поволжского региона, следует заметить, что распад системы кочевых объединений казахстанских степей, среди которых административно-политической основой являлся Западно-Тюркский каганат, и стремительное освоение кимако-кыпчакскими кочевниками Восточного и Центрального Казахстана, а союзом тогуз-тюргешей (карлуков) Южного Казахстана и Семиречья, привел в конце VII – начале VIII в. к оттоку болгаро-мадьярского (на данный момент это вполне возможная формула их нерасчлененного состояния) населения оногуров не только на запад, о чем указано выше, но и в более северные районы Урала. Наиболее ранние из них кочевнические кушнаренковские комплексы, хотя и относительно немногочисленные, появляются в степном Приуралье. Они представляют собой разрозненные погребения, обнаруженные в верховьях реки Белой и бассейна Среднего Урала (Береговский, Красногорский, Имангуловский), которые относятся к концу VII–VIII в. Аналогично с этим синхронные материалы демонстрирует и Манякский могильник. Эти комплексы синхронны с курганами, имеющими яркий кочевнический облик, расположенными в пределах Бельско-Демского степного языка (Булгарский, Ново Бикинский). Это приводит к окончательному возвращению кочевого союза кушнаренковско-караякуповского населения в конце VIII – начале IX в. в лесостепь, и интенсивному обживанию глубоких остепненных ниш лесостепей и предгорий Южного Урала – Месягутовская и Красноуфимская лесостепь (Каранаевский могильник), Убалинская горная степь (Хусаиновские курганы), горнолесные остепненные долины рек Ай и Юрюзань (Лагеревские, Старо-Халиловские и Идельбаевские курганы), Баймакские остепненные предгорья (I, II Бекешевские, Муракаевские и Хусаиновские курганы), а также самый север зауральской лесостепи (Байрамгулово, Синеглазово, Граултры и Уелги). Основной характерной особенностью в культурной преемственности этого населения

[166] Боталов 2009, 491–492.

остается керамический комплекс, который в массе своей имеет кушнаренковско-караякуповский типологический ряд, продолжающийся с конца VIII до X в.

Приток мобильного военизированного населения в конце VII–VIII в., в кочевом укладе которого не приходится сомневаться (археологический всаднический комплекс позднекушнаренково-караякуповского погребения, отсутствие стационарных поселений в округе некрополей этого периода указывают на сугубо кочевой образ жизни этого населения), кардинально изменил характер взаимодействия пришельцев и оседлого населения южной полосы лесостепного Урало-Поволжья.

Адаптация репатриантов к новым ландшафтно-климатическим условиям вынуждала их активно прибегать к экзополитарному способу производства, который, по мнению Н. Н. Крадина, связан со спонтанными или регулярными набегами на оседлые цивилизации.[167]

В результате этого нашествия прежний постгуннский турбаслинский протекторат над именьковским и бахмутинским населением Урало-Поволжья был сломлен, и на смену ему установлена доминанта протомадьярского (кушнаренково-караякуповского) кочевого объединения над оседлыми племенами Волго-Камья.

Средний (хусаиновский) этап (рубеж VIII–IX вв. – середина IX в.)

Коллекция материалов этого этапа была выделена как стилистическая группа 1 с первых лет исследования Погребального комплекса Уелги.[168] Ее образуют серебряные накладки наборных поясов, в основном плоские с лицевой стороны экземпляры. Отличительными декоративными особенностями являются оформление псевдопетельчатых, лепесковых, когтевидных выступов и проведение нервюры или валика по центру. Отдельной категорией выступают лунницевидные (билунницевидные) с парными выступами накладки. Характерными типами являются прямоугольные и сегментовидные с прямоугольной прорезью внизу, сердцевидные, бабочковидные и в виде соцветий накладки (*рис*. *326*).

Окончательная уверенность о локальной разновременности и вероятно разнокультурности этого этапа возникла с исследованием кургана 11 Погребального комплекса Уелги.

При раскопках кургана 11 в восточной части подкурганной площадки были исследованы погребения 5 и 6 с двойной стратиграфией. Погребение 5 было впущено в более раннее заполнение могильной ямы 6. Верхнее погребение 5 содержало сросткинский материал (подпружная костяная пряжка, восьмерковидные удила, полиметаллическая концевая накладка с зооморфным орнаментом). Погребение 6 содержало материал, относящийся к более раннему времени (наборный пояс с прямоугольными сегментовидными прорезями, сердцевидными с круглыми отверстиями и подвесными ремешками; колчан с 13 железными наконечниками; лучный пояс со сферическими тройниками для перекрестных ремней; колчанный крюк; кушнаренковский круглодонный сосуд, а также остатки деревянного сосуда с серебряными скобками для крепления венчика, серьга и перстень) (*рис. 327*).

Однако последующий радиоуглеродный анализ показал, что временной перерыв между сооружениями погребений был минимален (10–25 лет): погребение 5 Poz 121188: 1195±30; AD (95.4%) – 760–900; погребение 6 Poz 121187: 1220±30; AD (95.4%) – 760–890. Таким образом, двойная стратиграфия позволила установить наличие особого культурно-хронологического этапа, который, несмотря на кратковременность, с одной стороны, явно отличался от предшествующего раннего, и достаточно существенно рознился с последующим – сросткинским. Данный этап наступает примерно с рубежа VIII–IX вв. Название этого этапа мы сочли логичным дать по наименованию Хусаиновских курганов, исследованных Н. А. Мажитовым,[169] который содержал наибольшее количество комплексов этого этапа. Археологически хусаиновский этап достаточно

[167] Крадин 1994, 71.
[168] Боталов–Грудочко 2011; Боталов 2012, 135.
[169] Мажитов 1981, 38–52.

Рис. 326. Погребальный комплекс Уелги. Ременная гарнитура хусаиновского этапа. Бронза, серебро
326. kép. Az ujelgi temető. Huszainovói fázis övkészlete. Bronz, ezüst

Рис. 327. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11, погребение 6. I: план захоронения; II: фрагмент; III: вещевой инвентарь. 1: фрагмент ножен; 2, 9–14, 21–26: железо; 3–8, 27–29: серебро, железо, дерево; 15–16, 18–20, 30–34: серебро, бронза; 17: серебро, камень; 35: бронза, латунь, кожа; 36: реконструкция пояса; 37–38: керамика

327. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán, 6. sír. I: sírrajz; II: részlet; III: mellékletek. 1: késhüvely töredéke; 2, 9–14, 21–26: vas; 3–8, 27–29: ezüst, vas, fa; 15–16, 18–20, 30–34: ezüst, bronz; 17: ezüst, kő; 35: bronz, sárgaréz, bőr; 36: öv rekonstrukciója; 37–38: kerámia

хорошо обозначился – в погребальном обряде появляются относительно небольшие территориально локализованные курганные могильники с парными или семейными захоронениями под одной насыпью. Захоронения производятся в неглубоких подпрямоугольных ямах с наличием в некоторых из них гробовых конструкций. Ориентировка устанавливается западная с отклонением к северо-западу и юго-западу. В части погребений сбоку от погребенного, или в головах, или возле костей ног обнаружены кости ног лошади. В вещевом материале мужских захоронений хорошо обозначен вооруженческий комплекс: слабоизогнутые сабли, луки (на раннем этапе – с концевыми накладками с прорезью, на позднем – с боковыми и фронтальными накладками) и колчаны; в женских – наличие предметов украшений пермско-угорского стиля (шумящие подвески, зооморфные коньковидные подвески, серьги в виде утиной лапки, птицевидные пронизки). Керамический комплекс предельно унифицируется. Кушнаренковская и караякуповская посуда средних и малых размеров, в основном это небольшие круглодонные горшки с прямой или слегка отогнутой шейкой. Наблюдается некоторая закономерность: караякуповская керамика присутствует в абсолютном большинстве в женских погребениях.

К этому этапу в Погребальном комплексе Уелги относится около пятнадцати погребений, к ним же относятся и ограбленные погребения. Вещевой инвентарь, найденный в их заполнении или вблизи них, относится к хусаиновскому типу: курган 11, погребение 6; курган 32, погребения 3, 4, 11, 12, 16; курган 7, погребение 5; курган 9, погребения 1, 2, 5, 8, 9; курган 29, «*Тайник*» (*рис. 328–330*).

Из близлежащих памятников этого типа – могильник Граултры, расположенный в 30 км к юго-востоку от Уелгинского комплекса. Шесть погребений из курганов 5, 8, 11 также относятся к хусаиновскому этапу. Особенность этих комплексов составляла керамика. Большинство круглодонных горшков по орнаментации представляли собой некие смешанные кушнаренковско-караякуповский образцы (*рис. 331–334*).

На этой же широте (Аргаяшская лесостепь) располагается ранний (для Зауралья) кушнаренковский комплекс – Байрамгулово (курган 1), в котором центральное парное захоронение (мужчина и женщина) содержало яркий материал, относящийся также к хусаиновскому этапу (*рис. 335*).

Группа комплексов этого этапа исследована в степной зоне Южного Зауралья. Два погребения (мужское и женское) были раскопаны в Наровчатском могильнике (курган 2, погребения 1, 2), материалы которых отличались признаками хусаиновского этапа – кушнаренковская керамика в женском погребении, плоские ременные накладки, накладки бабочковидной формы, слабоизогнутая сабля (*рис. 336–337*).

Данные памятники располагаются в степной зоне Южного Зауралья в окрестностях города Магнитогорск. В непосредственной близости от них находятся Хусаиновские, Бекешевские, Ямаши-Тауские курганы, которые расположены в Абзелиловском, Баймакском и Кугарчинском районах Башкортостана. Эти могильники образуют самую большую группу хусаиновского этапа – Ямаши-Тауские курганы (курган 2, погребения 1, 2); Хусаиновские курганы (курган 12, погребение 1; курган 7, погребение 3; курган 8); I Бекешевские курганы (курган 2, погребения 1, 2); II Бекешевские курганы (курган 2, погребения 1, 2; курган 5, погребение 1); Каранаевский могильник (погребение 2) (*рис. 338–344*).

Особняком стоит степная группа памятников, разбросанная в пределах большого степного макрорегиона от Центрального (Нуринское погребение) (*рис. 345*) до Западного Казахстана (курган Яман; Курман; Тортоба; Орлиное гнездо, курган 2, Атпа II, курган 2)[170] (*рис. 346–348*) и известный комплекс из кургана 3 могильника Тамар-Уткуль[171] (*рис. 349*), в котором был обнаружен керамический сосуд – планопрофилированный горшок со слегла отогнутым венчиком, имеющий боковые вдавленные защипы (*рис. 349. 9*). Наиболее близкие аналогии этим сосудам известны

[170] Бисембаев 2003, 118–119, рис. 16Б, 17; 2018, 149–172.
[171] Матюшко 2018, 191–198; Круглов 2019, 203–218.

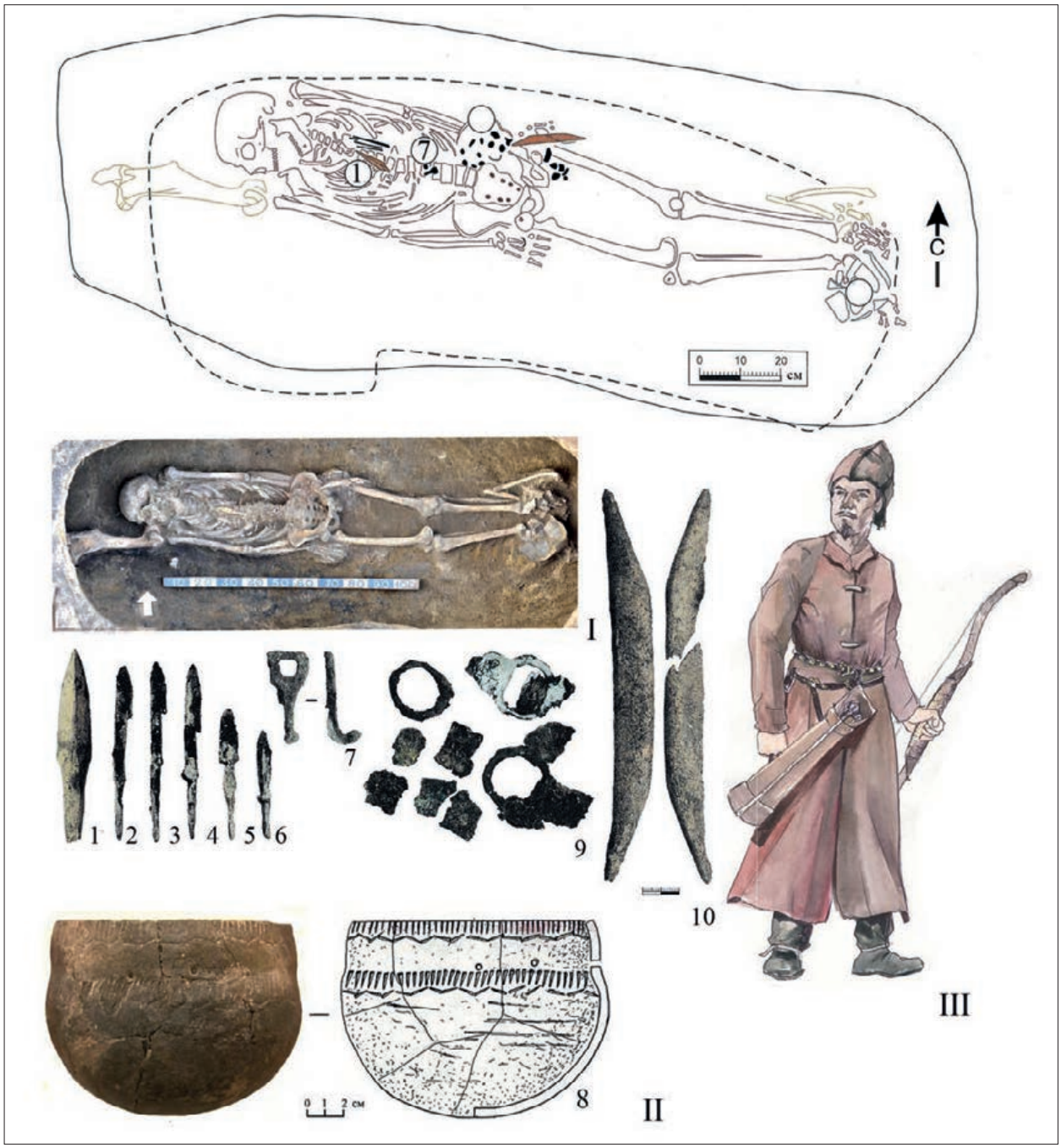

Рис. 328. Погребальный комплекс Уелги. I: курган 32, погребение 16; II: инвентарь. 1, 10: кость; 2–7, 9: железо; 8: керамика. III: реконструкция
328. kép. Az ujelgi temető. I: 32. kurgán, 16. sír; II: mellékletek. 1, 10: csont; 2–7, 9: vas; 8: kerámia. III: rekonstrukció

среди раннеболгарских памятников новинковского типа (Средняя Волга).[172] Однако, погребальный обряд (западная ориентировка, подбойное погребение, кости черепа и конечностей лошади на ступеньке) и вещевой материал (наборный пояс из сегментовидных с прорезью, сердцевидных с отверстиями, сводчатых накладок и пряжка с плоской внешней поверхностью, а также

[172] Боталов 2009, 478–479, рис. 104.

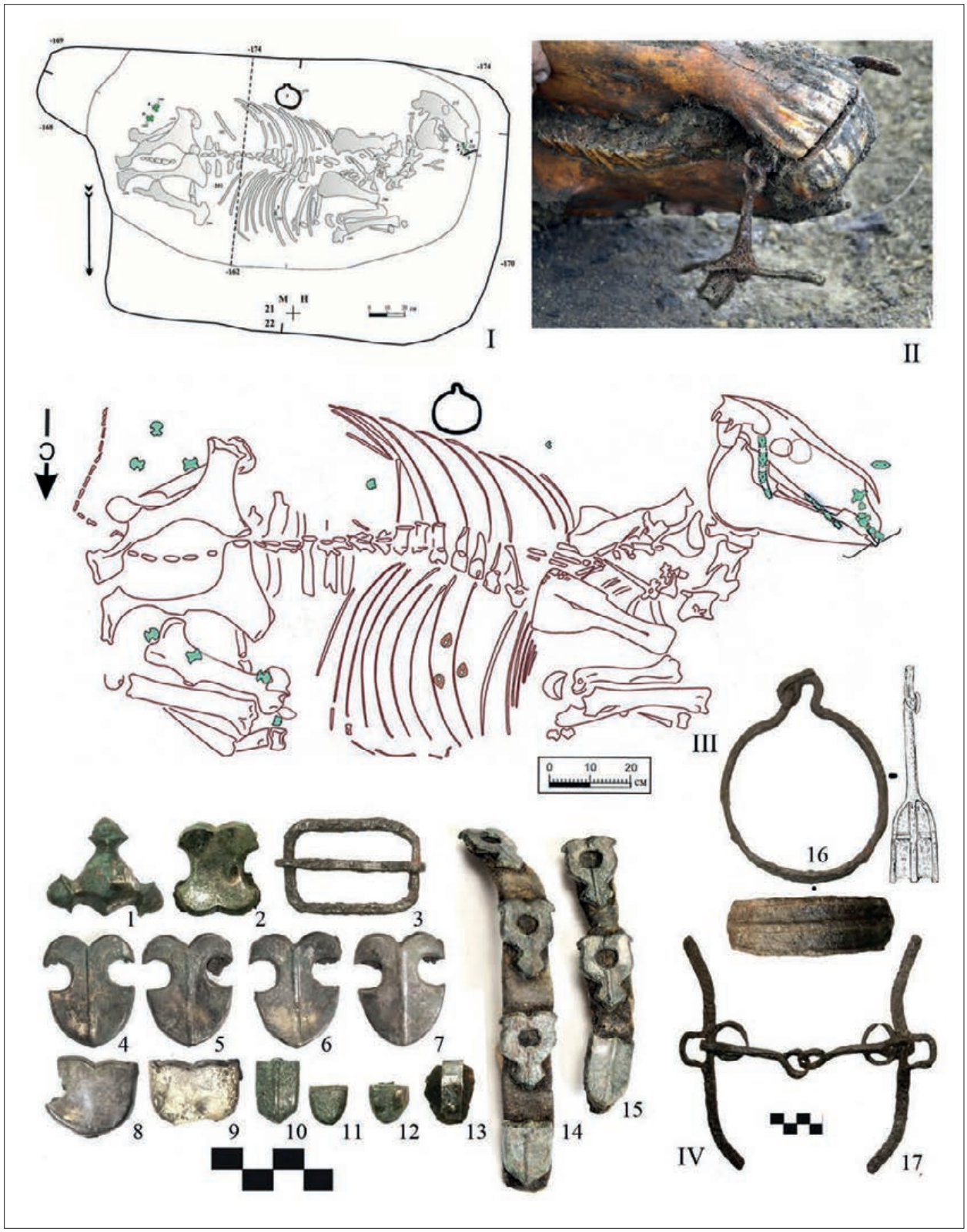

Рис. 329. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32, погребение 3. I: план захоронения; II: фрагмент; III: погребение лошади; IV: вещевой инвентарь. 1–2, 4–12: серебро; 3, 16–17: железо; 13: серебро, дерево; 14–15: серебро, кожа

329. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán, 3. sír. I: sírrajz; II: részlet; III: lósír; IV: mellékletek. 1–2, 4–12: ezüst; 3, 16–17: vas; 13: ezüst, fa; 14–15: ezüst, bőr

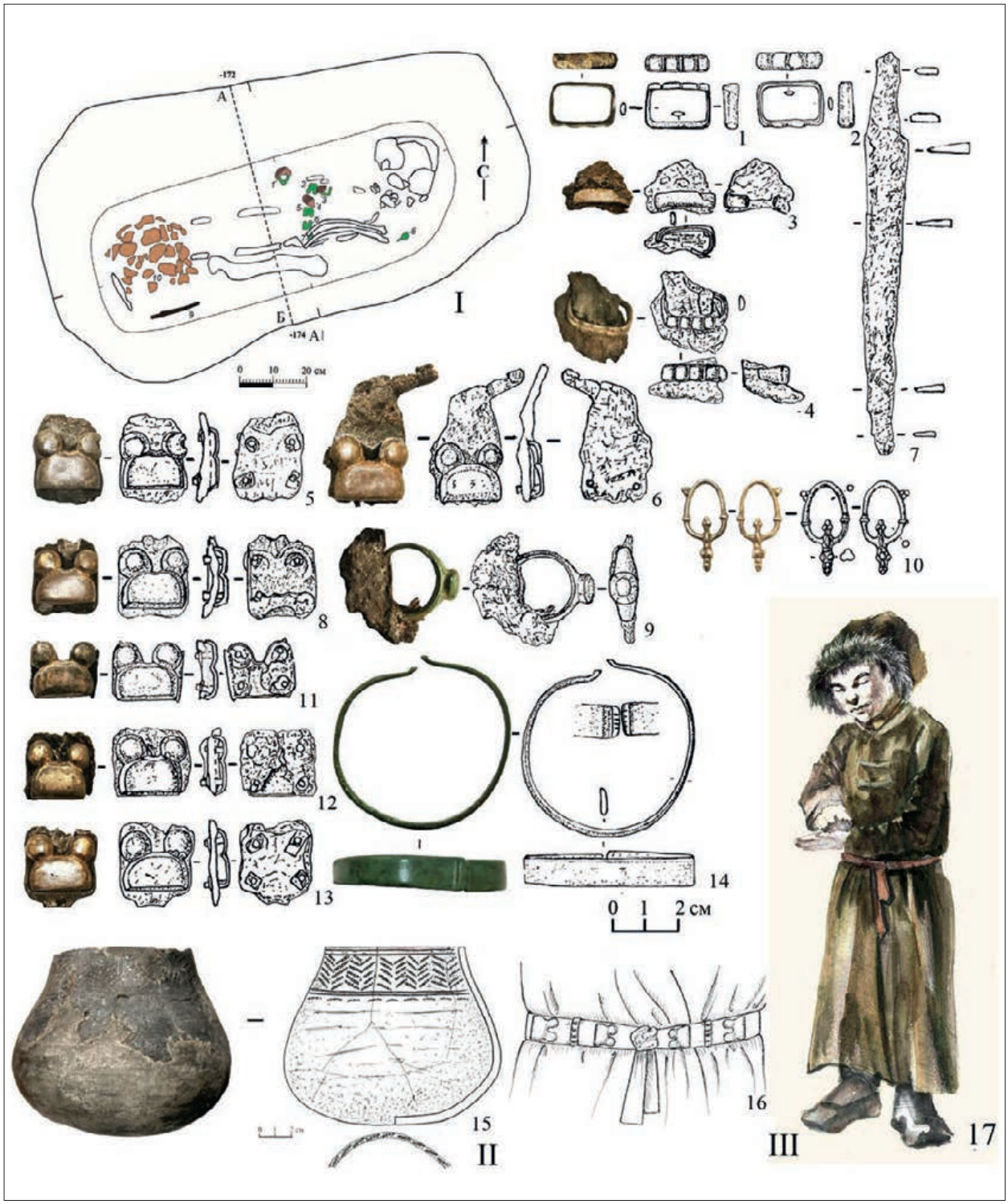

Рис. 330. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32, погребение 1. I: план захоронения; II: погребальный инвентарь; III: реконструкция пояса. 1–6, 8, 11–13: серебро, кожа; 7: железо; 9: бронза, кожа, мех; 10: серебро; 14: бронза; 15: керамика

330. kép. Az ujelgi temető. 32. kurgán, 1. sír. I: sírrajz; II: mellékletek; III: öv rekonstrukciója. 1–6, 8, 11–13: ezüst, bőr; 7: vas; 9: bronz, bőr, szőrme; 10: ezüst; 14: bronz; 15: kerámia

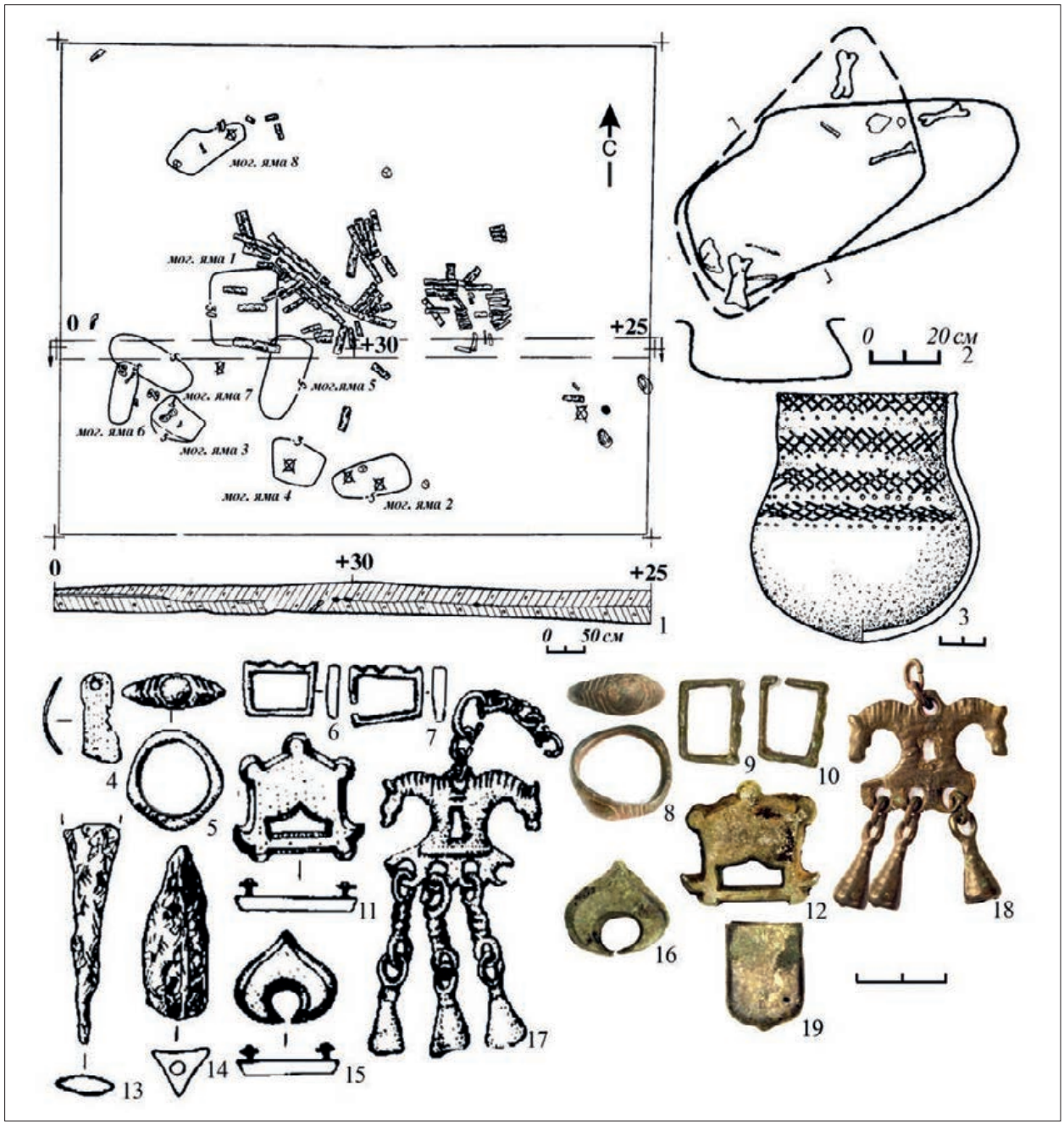

Рис. 331. Могильник Граултры. Курган 11, погребение 8. 1: общий план; 2: план погребения 8; 3–19: вещевой инвентарь. 3: керамика, 4–12, 15–19: серебро, бронза, 13–14: железо
331. kép. Graultri temető. 11. kurgán, 8. sír. 1: általános felszínrajz; 2: a 8. sír felszínrajza; 3–19: mellékletek. 3: kerámia, 4–12, 15–19: ezüst, bronz, 13–14: vas

сложносоставной лук с концевыми боковидными накладками), как, впрочем, и приведенный керамический сосуд, сближают этот комплекс с алтайскими тюркскими памятниками.[173]

В целом этот культурный комплекс указывает на окончательное формирование кочевнического уклада в среде кушнаренковско-караякуповского населения Южного Урала. Как известно,

[173] Кубарев 2005, табл. 17, 9; табл. 114, 11; табл. 130, 17; Могильников 2002, рис. 214.

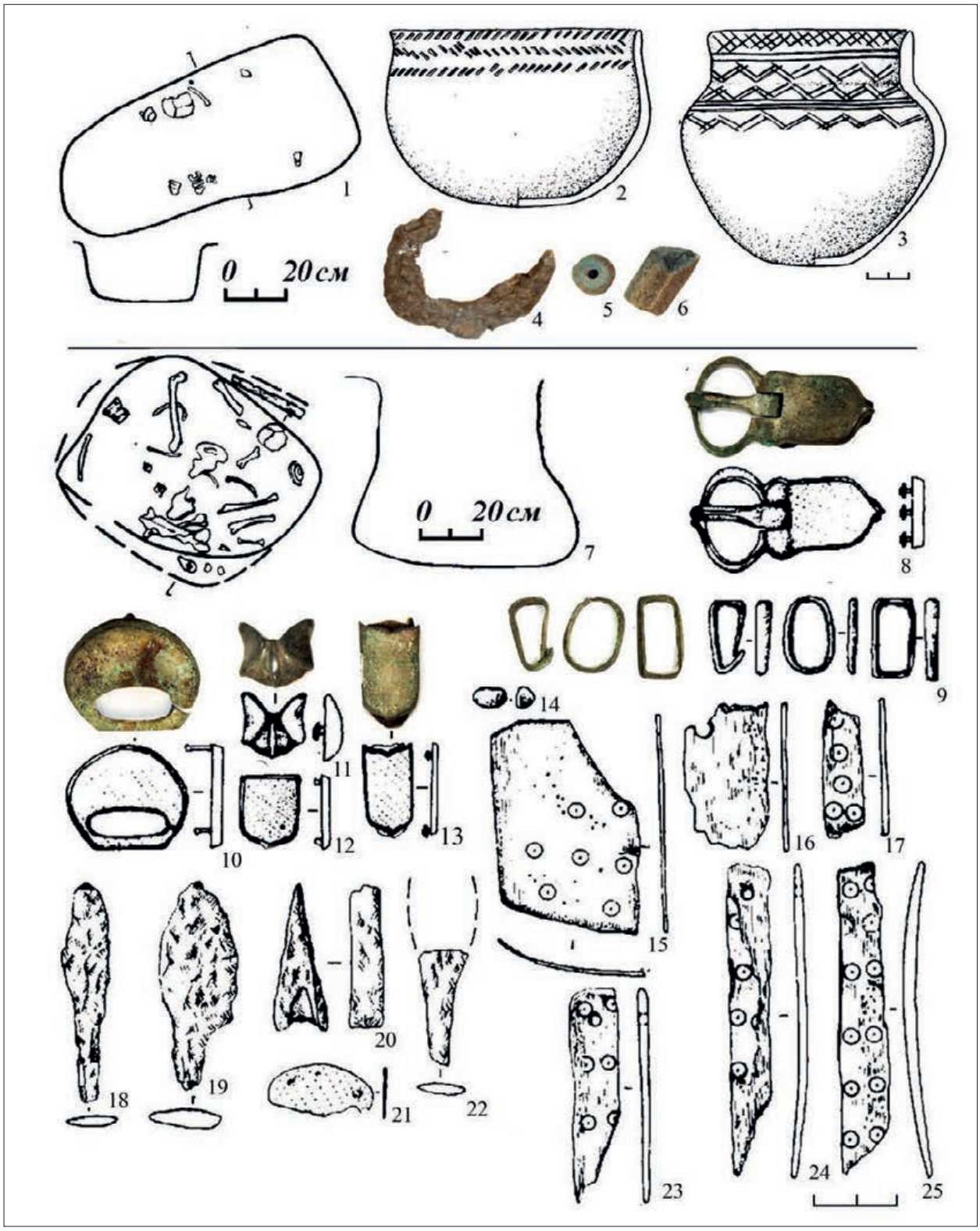

Рис. 332. Могильник Граултры. Курган 11, погребения 2; 3. 1, 7: планы и разрезы погребений; 2–6, 8–25: вещевой инвентарь. 2, 3: керамика; 4, 18, 19, 22: железо; 5, 6, 14: стекло; 8–13, 20, 21: бронза, серебро; 15–17, 23–25: кость

332. kép. Graultri temető. 11. kurgán, 2. sír; 3. 1, 7: a sírok rajzai és metszetei; 2–6, 8–25: mellékletek. 2–3: kerámia; 4, 18–19, 22: vas; 5–6, 14: üveg; 8–13, 20, 21: bronz, ezüst; 15–17, 23–25: csont

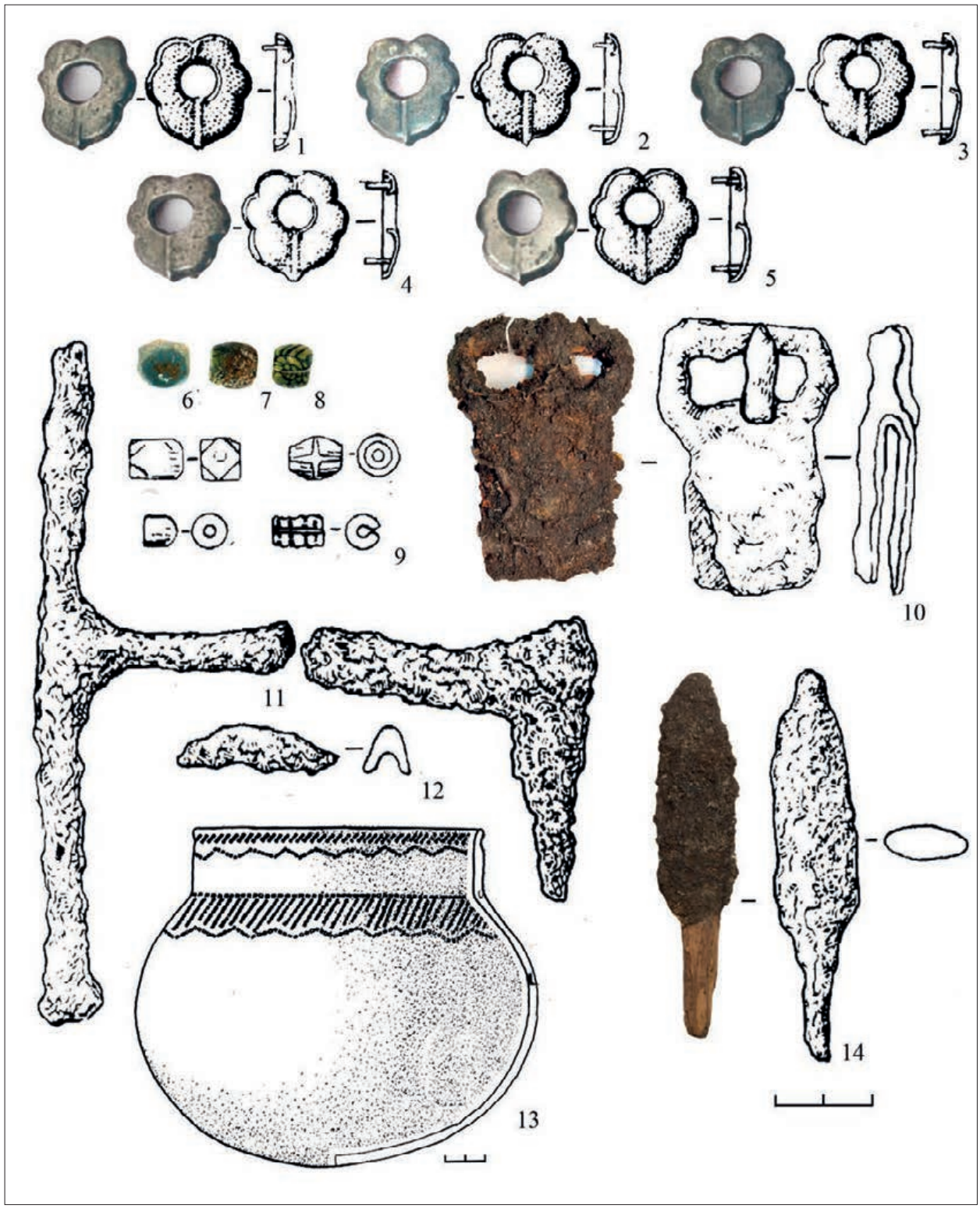

Рис. 333. Могильник Граултры. Курган 8, могильная яма 1. 1–13: вещевой инвентарь. 1–5: серебро; 6–9: стекло; 10–12, 14: железо; 13: керамика

333. kép. Graultri temető. 8. kurgán, 1. sírgödör. 1–13: mellékletek. 1–5: ezüst; 6–9: üveg; 10–12, 14: vas; 13: kerámia

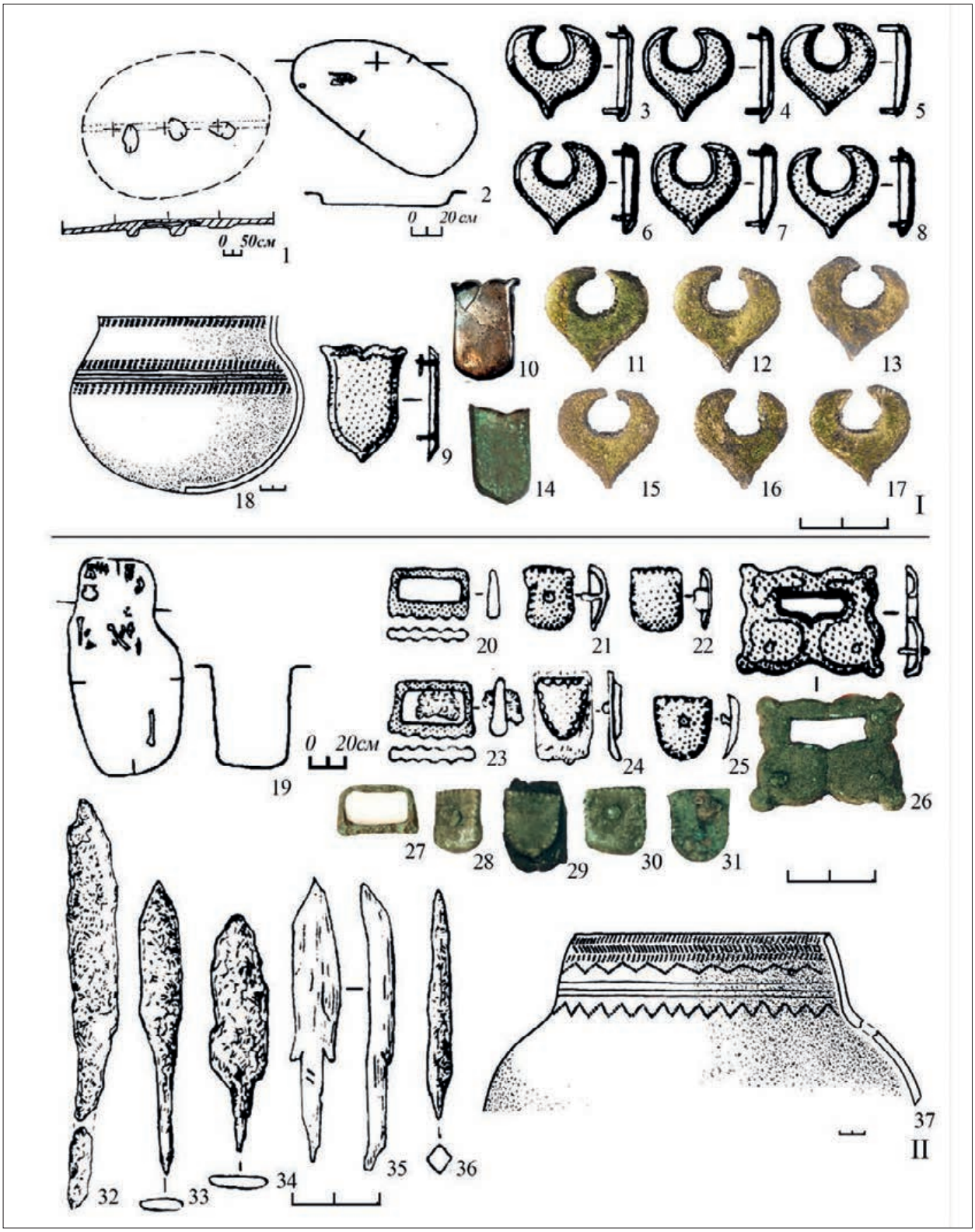

Рис. 334. Могильник Граултры. I: курган 5, могильная яма 1. 1, 2: план и разрез; 3–18: вещевой инвентарь; II: курган 2, могильная яма 4. 19: план и разрез; 20–37: вещевой инвентарь. 3–17, 20–31: бронза, серебро; 18, 37: керамика; 32–34, 36: железо; 35: кость

334. kép. Graultri temető. I: 5. kurgán, 1. sírgödör. 1–2: sírrajz és metszet; 3–18: mellékletek; II: 2. kurgán, 4. sírgödör. 19: sírrajz és metszet; 20–37: mellékletek. 3–17, 20–31: bronz, ezüst; 18, 37: kerámia; 32–34, 36: vas; 35: csont

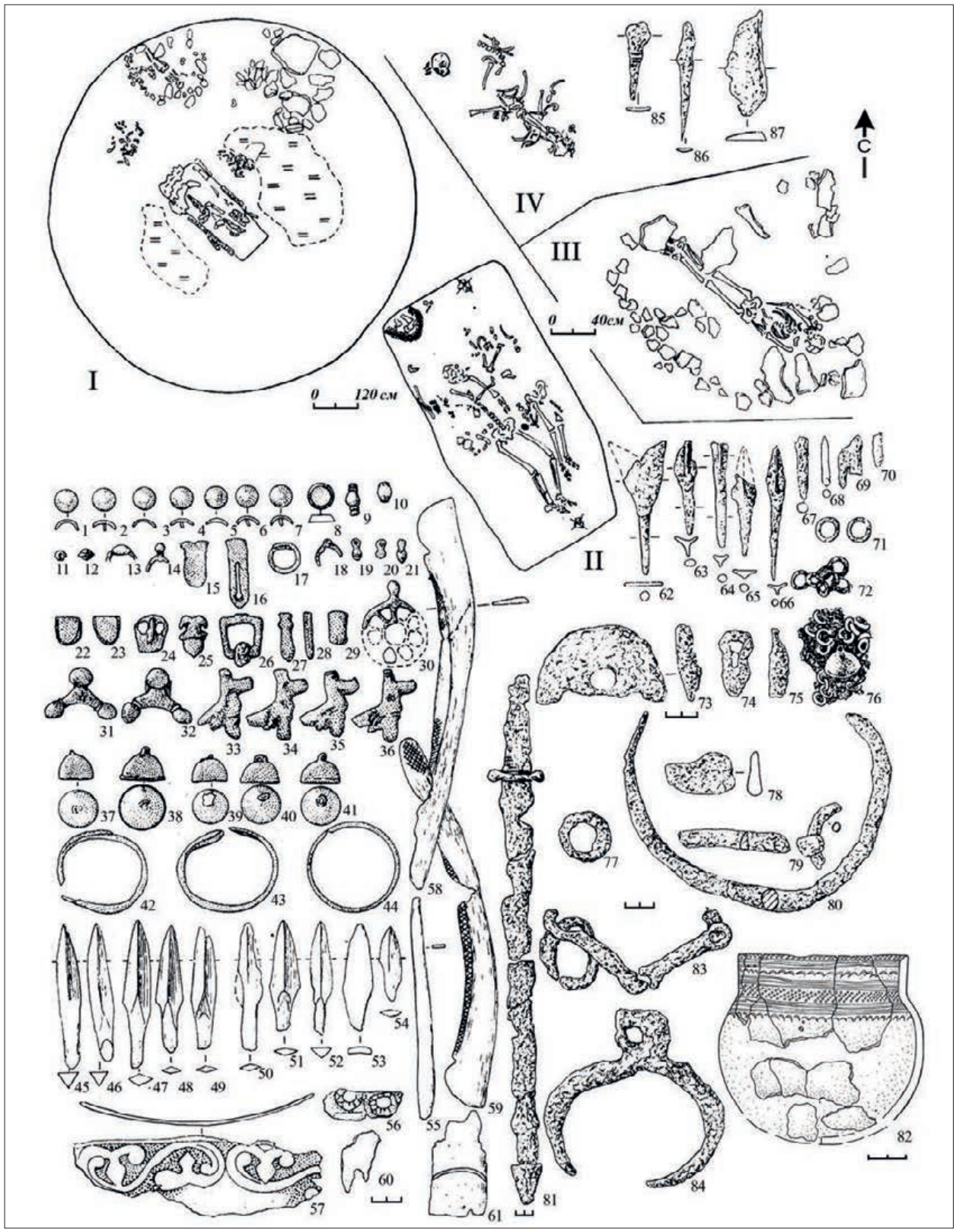

Рис. 335. Могильник Байрамгулово. Курган 1. I–IV: план кургана и погребений. 1–82: вещевой инвентарь. 1–44: бронза, серебро; 45–61: кость; 62–81, 83–84: железо; 82: керамика

335. kép. Bajramgulovo temető. 1. kurgán. I–IV: a kurgán és a sírok rajzai. 1–82: mellékletek. 1–44: bronz, ezüst; 45–61: csont; 62–81, 83–84: vas; 82: kerámia

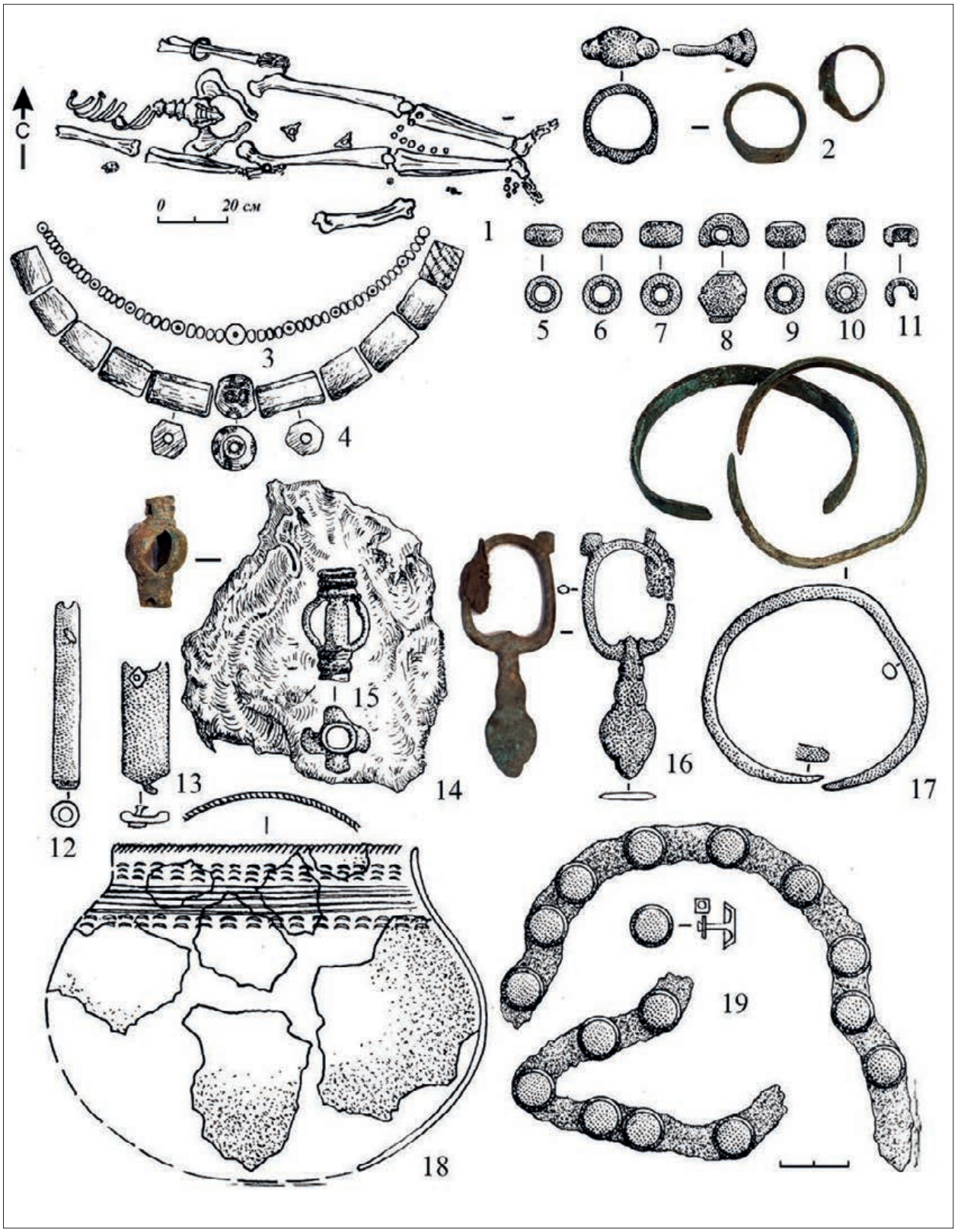

Рис. 336. Могильник Наровчатский. Курган 2, погребение 1. 1: план погребения; 2–19: вещевой инвентарь. 2, 5–13, 15–17: бронза; 3–4: стекло, 14: кожа; 18: керамика, 19: бронза, кожа
336. kép. Narovcsatszkij temető. 2. kurgán, 1. sír. 1: sírrajz; 2–19: mellékletek. 2, 5–13, 15–17: bronz; 3–4: üveg, 14: bőr; 18: kerámia, 19: bronz, bőr

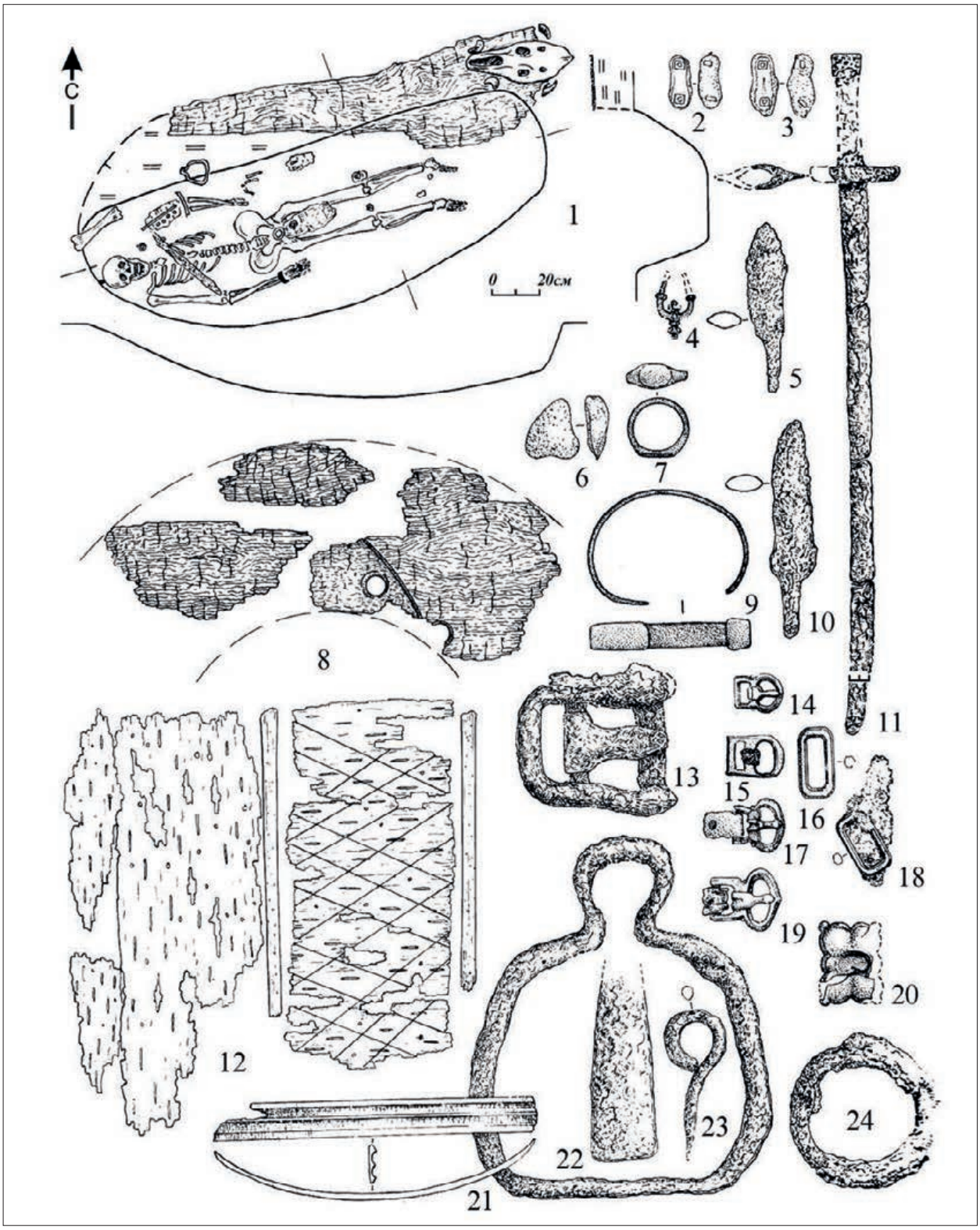

Рис. 337. Могильник Наровчатский. Курган 2, погребение 2. 1: план, разрез погребения; 2–24: вещевой инвентарь. 2–3, 19: бронза, кожа; 4: серебро; 5, 10–11, 13, 22: 24: железо; 6: охра; 7, 9, 14, 16–17, 20: бронза; 8: дерево; 12: береста, кость; 15, 18: бронза, железо; 21: кость

337. kép. Narovcsatszkij temető. 2. kurgán, 2. sír. 1: sírrajz és metszet; 2–24: mellékletek. 2–3, 19: bronz, bőr; 4: ezüst; 5, 10–11, 13, 22: 24: vas; 6: okker; 7, 9, 14, 16–17, 20: bronz; 8: fa; 12: nyírfakéreg, csont; 15, 18: bronz, vas; 21: csont

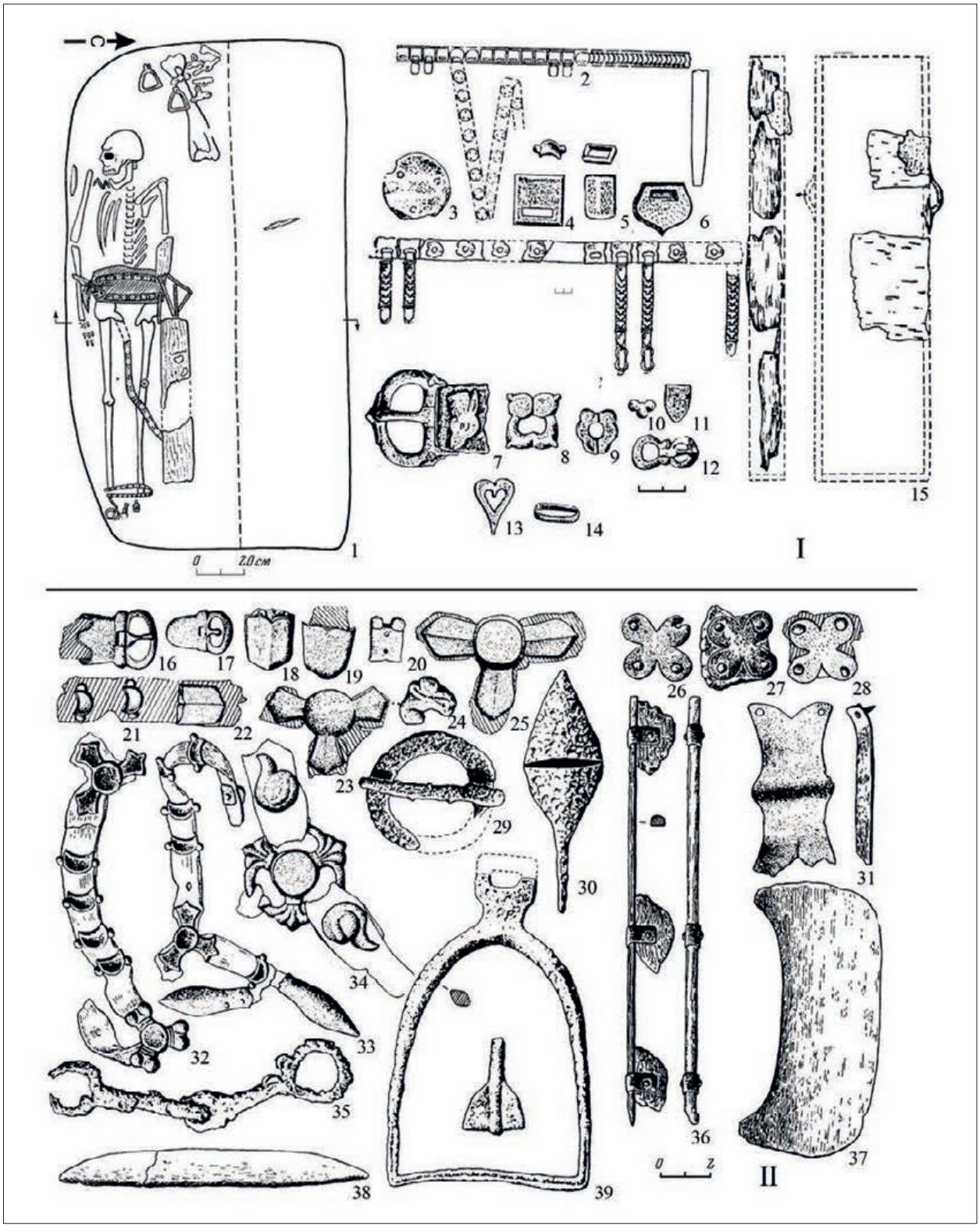

Рис. 338. Ямаши-Тауские курганы (по: Мажитов 1981). I: курган 2, погребение 2. 1: план захоронения; 3–15: вещевой инвентарь; II: курган 2, погребение 1. 16–39: вещевой инвентарь. 2, 15, 32–34: реконструкции; 3–14, 16–28, 36: бронза, серебро, кожа; 29–30, 35, 39: железо; 31, 37: серебро; 38: кость

338. kép. Jamasi-Tau kurgántemető (Мажитов 1981 nyomán). I: 2. kurgán, 2. sír. 1: sírrajz; 3–15: mellékletek; II: 2. kurgán, 1. sír. 16–39: mellékletek. 2, 15, 32–34: rekonstrukciók; 3–14, 16–28, 36: bronz, ezüst, bőr; 29–30, 35, 39: vas; 31, 37: ezüst; 38: csont

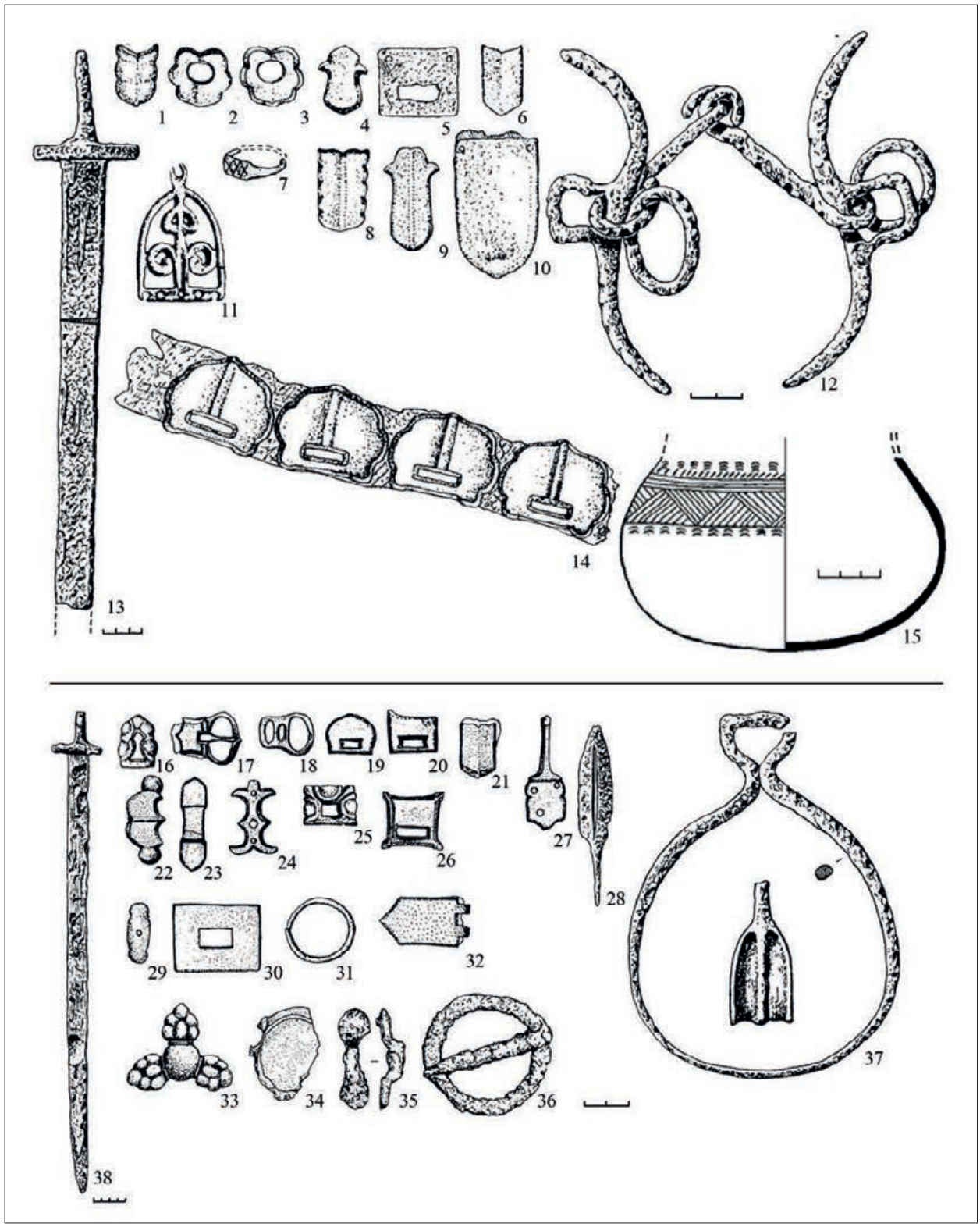

Рис. 339. Хусаиновские курганы (по: Мажитов 1977; 1981). Вещевой инвентарь. 1, 2, 4, 5, 10, 11, 13, 14: курган 7, погребение 1; 3, 7–9, 12, 15: курган 8, погребение 1; 16–38: курган 3, погребение 4. 1–11, 14, 16–27, 29–35: бронза, серебро, кожа; 12–13, 28, 36–38: железо; 15: керамика

339. kép. Huszainovo kurgántemető (Мажитов 1977; 1981 nyomán). Mellékletek. 1–2, 4–5, 10–11, 13, 14: 7. kurgán, 1. sír; 3, 7–9, 12, 15: 8. kurgán, 1. sír; 16–38: 3. kurgán, 4. sír. 1–11, 14, 16–27, 29–35: bronz, ezüst, bőr; 12–13, 28, 36–38: vas; 15: kerámia

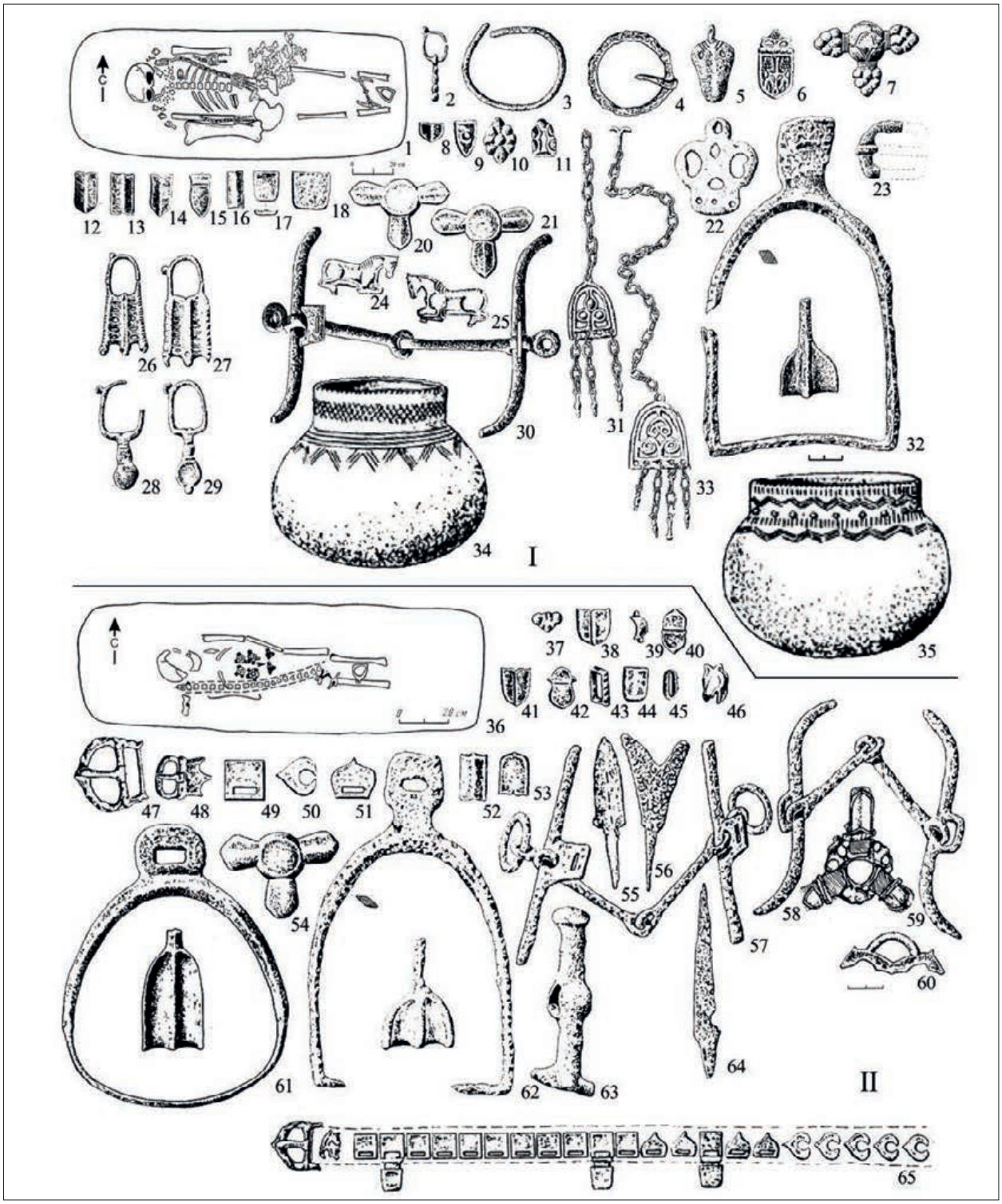

Рис. 340. Хусаиновские курганы (по: Мажитов 1977; 1981). I: курган 12, погребение 1 (женское). 1: план погребения; 2–35: вещевой инвентарь. 2–22, 24–29: бронза, серебро; 31, 33: бронза, серебро; 23, 30, 32: железо; 34, 35: керамика. II: курган 12, погребение 1 (мужское). 36: план погребения; 37–64: вещевой инвентарь. 37–54, 60: бронза, серебро; 55–58, 61–64: железо; 59: бронза, серебро, кожа; 65: реконструкция

340. kép. Huszainovo kurgántemető (Мажитов 1977; 1981 nyomán). I: 12. kurgán, 1. sír (nő). 1: sírrajz; 2–35: mellékletek. 2–22, 24–29: bronz, ezüst; 31, 33: bronz, ezüst; 23, 30, 32: vas; 34–35: kerámia. II: 12. kurgán, 1. sír (férfi). 36: sírrajz; 37–64: mellékletek. 37–54, 60: bronz, ezüst; 55–58, 61–64: vas; 59: bronz, ezüst, bőr; 65: rekonstrukció

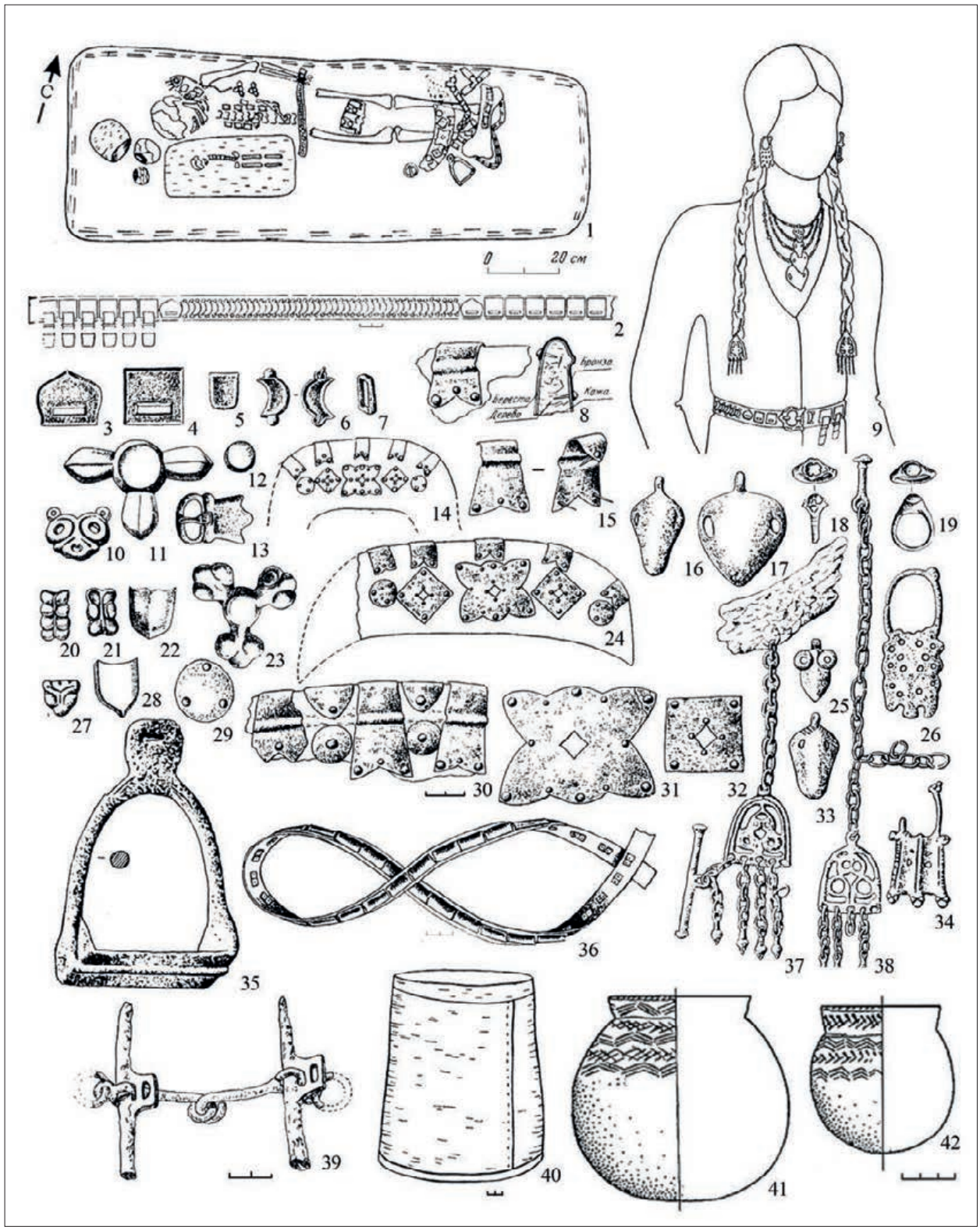

Рис. 341. I Бекешевские курганы. Курган 2, погребение 3 (по: Мажитов 1981). 1: план погребения; 2–42: вещевой инвентарь. 3–7, 10–13, 15–23, 25–34, 37–38: бронза, серебро; 35, 39: железо; 40: береста; 41, 42: керамика. 2, 8–9, 14, 24, 36, 40: реконструкции

341. kép. Bekesevo I. kurgántemető (Мажитов 1981 nyomán). 2. kurgán, 3. sír. 1: sírrajz; 2–42: mellékletek. 3–7, 10–13, 15–23, 25–34, 37–38: bronz, ezüst; 35, 39: vas; 40: nyírfakéreg; 41, 42: kerámia. 2, 8–9, 14, 24, 36, 40: rekonstrukciók

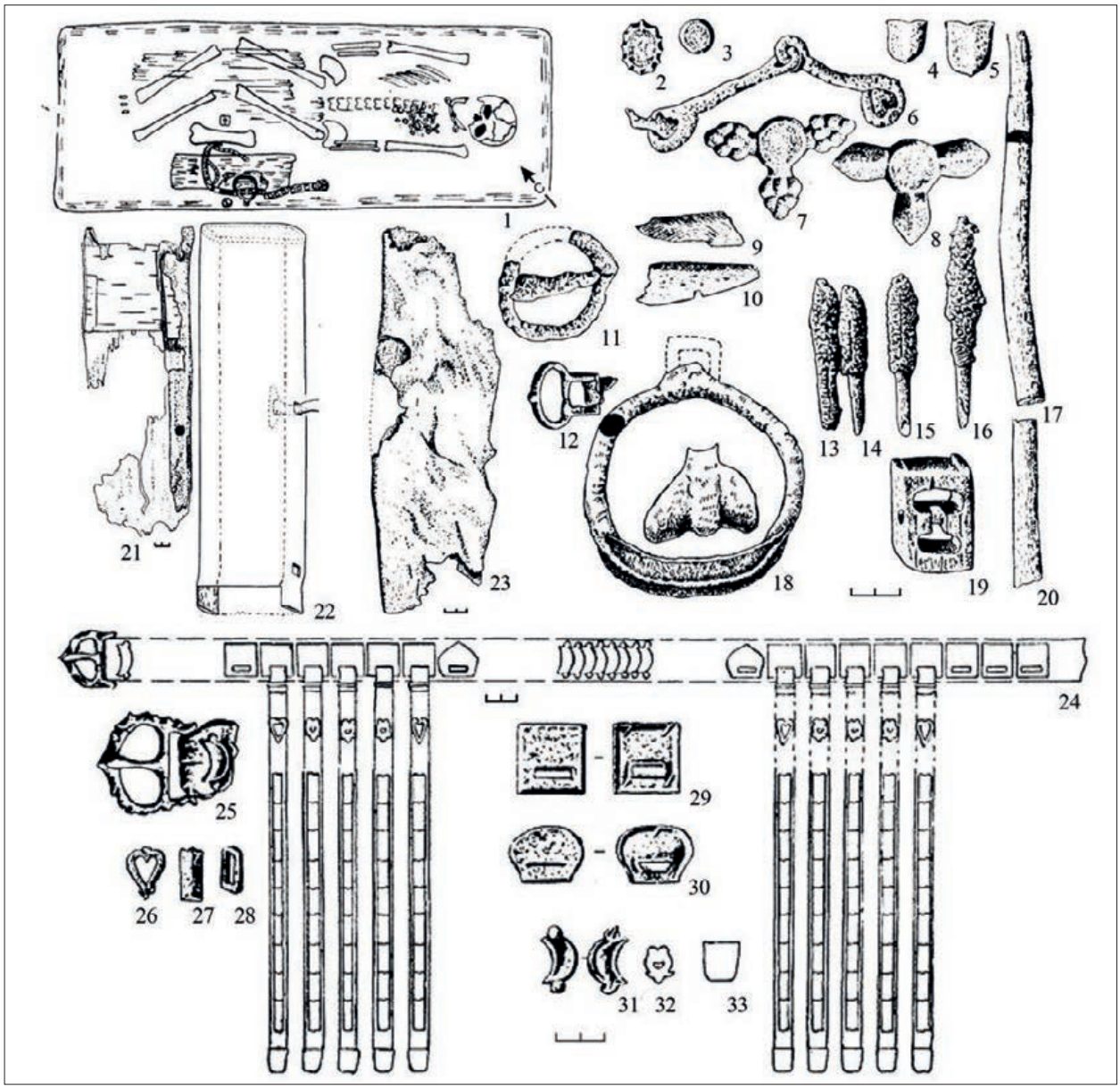

Рис. 342. I Бекешевские курганы. Курган 2, погребение 2 (по: Мажитов 1981). 1: план погребения; 2–33: вещевой инвентарь. 2–5, 7–8, 12, 25–33: серебро, бронза; 6, 11, 13–16, 18: железо; 9–10, 17, 19–20: кость; 21, 23: береста; 22, 24: реконструкции

342. kép. Bekesevo I. kurgántemető. 2. kurgán, 2. sír (Мажитов 1981 nyomán). 1: sírrajz; 2–33: mellékletek. 2–5, 7–8, 12, 25–33: ezüst, bronz; 6, 11, 13–16, 18: vas; 9–10, 17, 19– 20: csont; 21, 23: nyírfakéreg; 22, 24: rekonstrukciók

традиция украшения ременной гарнитуры появляется на Алтае в катандинское время (VII–VIII вв.)[174] и продолжает существовать на следующем туэктинском этапе (вторая половина VIII – первая половина IX в.)[175] в период Уйгурского каганата (744–840 гг.).[176] Появление этих погребений, скорее всего, связано с существованием Уйгурского каганата. Приход волны тюркских кочевников, возможно, маркирует расширение и установление геополитического влияния Уйгур-

[174] Гаврилова 1965, 61–66.
[175] Тишкин 2007, 199–200.
[176] Кубарев 2005, 138–140, табл. 50, 62, 82, 91, 104, 125, 128, 129, 138; рис. 30–32.

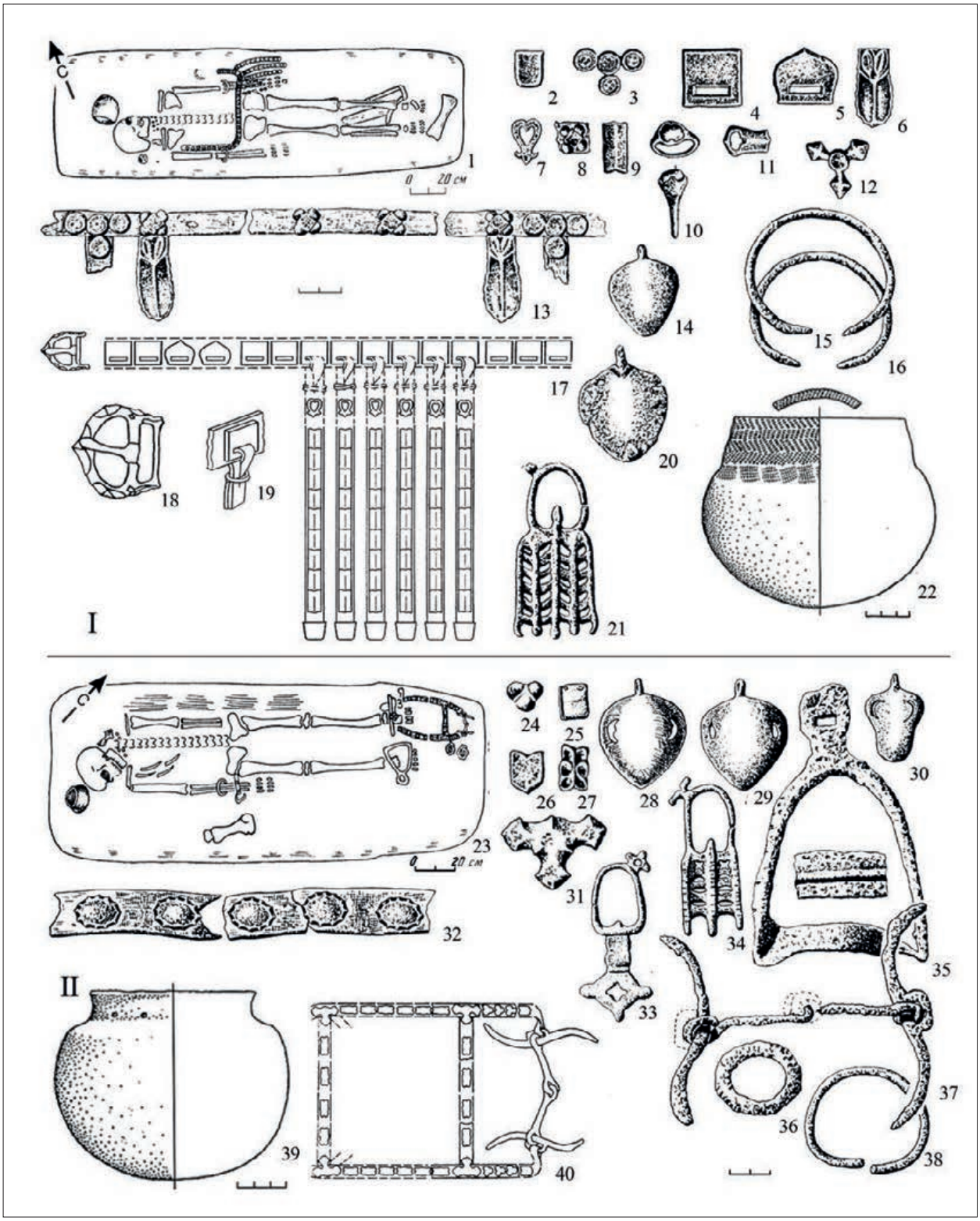

Рис. 343. II Бекешевские курганы (по: Мажитов 1981). I: курган 2, погребение 1. 1: план захоронения; 2–22: вещевой инвентарь. II: курган 2, погребение 2. 23: план захоронения; 24–38: вещевой инвентарь. 2–12, 14–16, 18, 20, 21, 24–34, 38: бронза, серебро, кожа; 22, 39: керамика; 35–37: железо; 13, 17, 19, 40: реконструкции

343. kép. Bekesevo II. kurgántemető (Мажитов 1981 nyomán). I: 2. kurgán, 1. sír. 1: sírrajz; 2–22: mellékletek. II: 2. kurgán, 2. sír. 23: sírrajz; 24–38: mellékletek. 2–12, 14–16, 18, 20, 21, 24–34, 38: bronz, ezüst, bőr; 22, 39: kerámia; 35–37: vas; 13, 17, 19, 40: rekonstrukciók

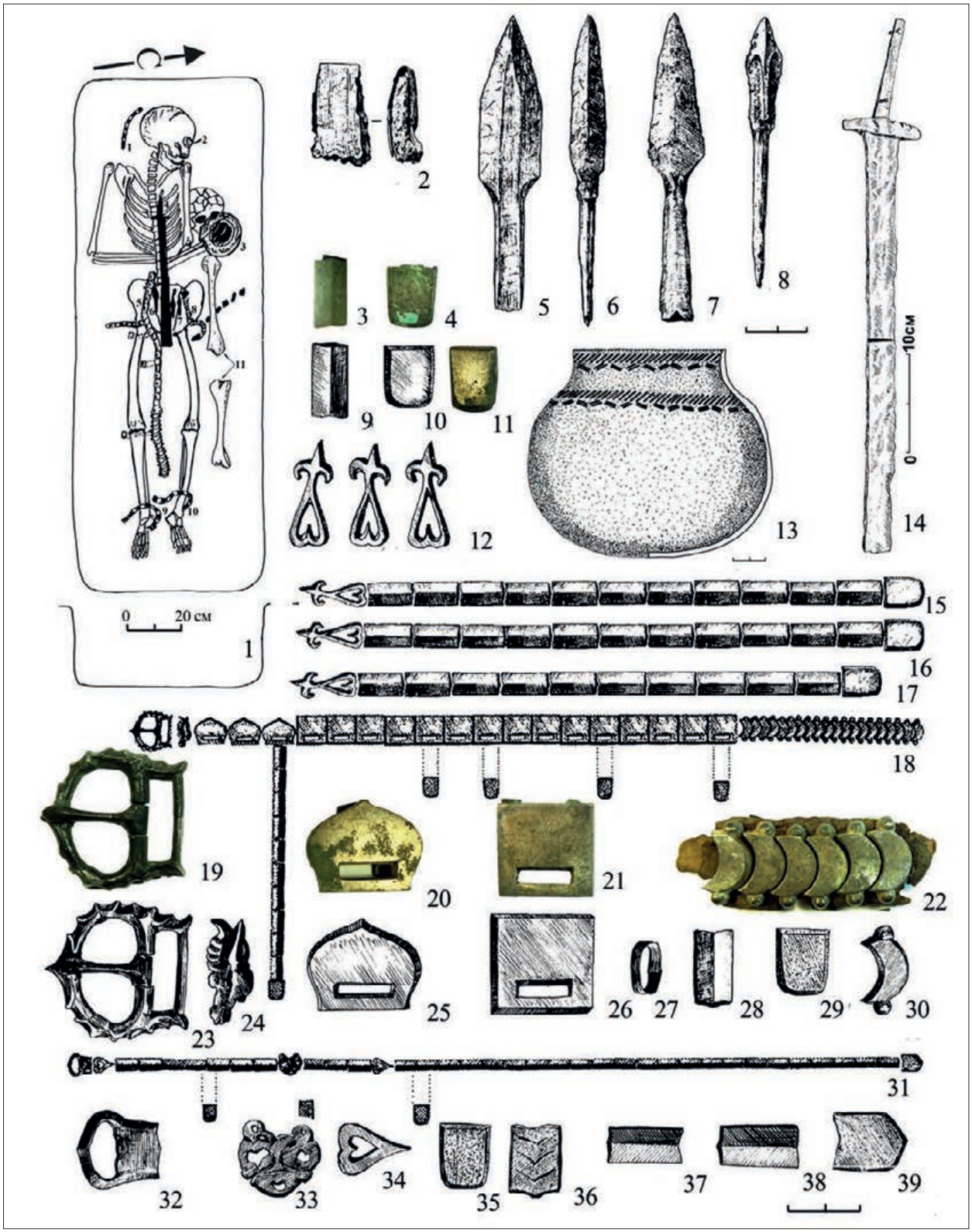

Рис. 344. Каранаевский могильник, погребение 2 (по: Сунгатов 2016). 1: план погребения; 2–39: вещевой инвентарь. 2–4, 9–12, 19–30, 32–39: бронза, серебро, кожа; 5: кость; 6–8, 14: железо; 13: керамика; 15–18, 31: реконструкции

344. kép. Karanajevo 2. sír (Сунгатов 2016 nyomán). 1: sírrajz; 2–39: mellékletek. 2–4, 9–12, 19–30, 32–39: bronz, ezüst, bőr; 5: csont; 6–8, 14: vas; 13: kerámia; 15–18, 31: rekonstrukciók

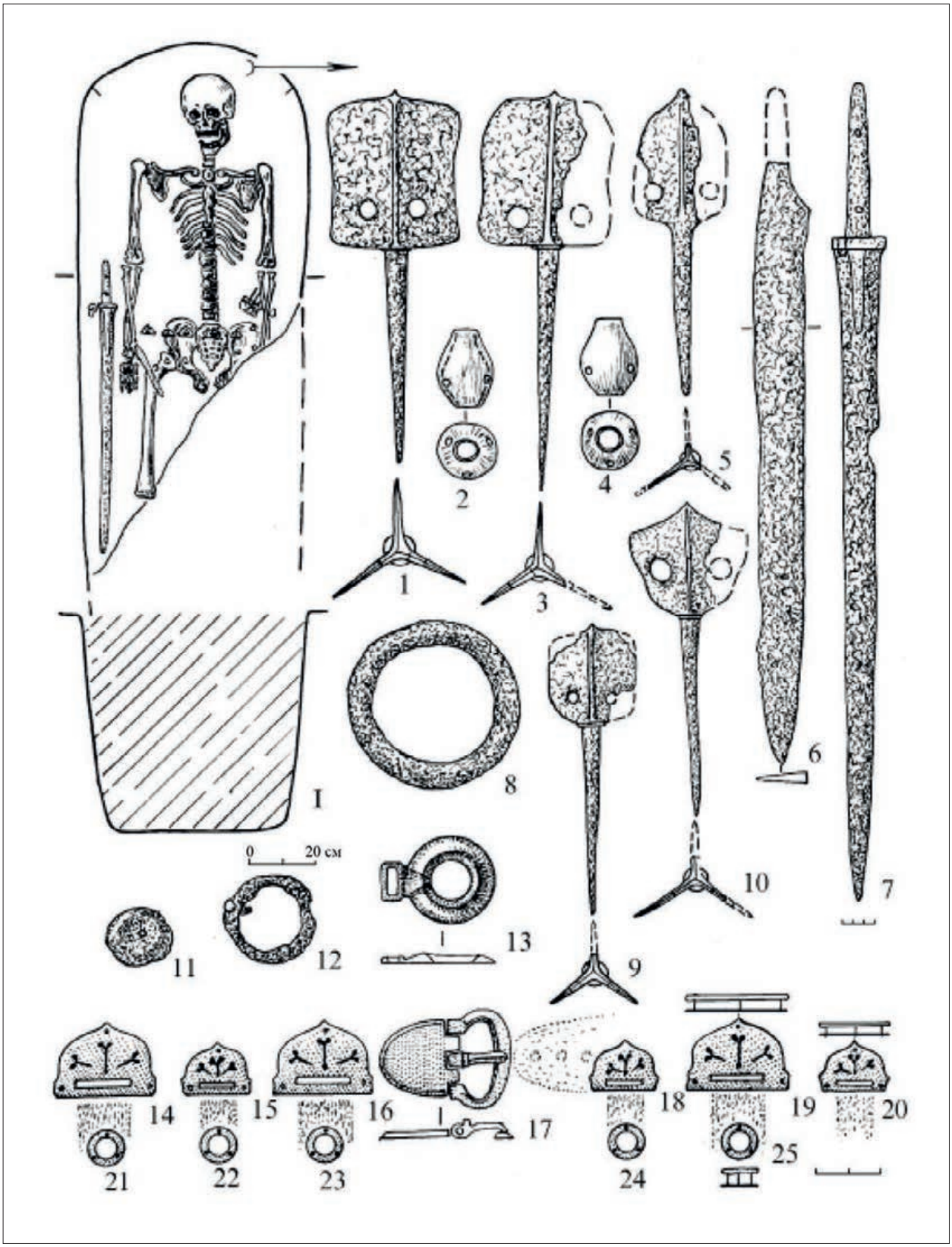

Рис. 345. Нуринское погребение. I: общий план. 1–25: вещевой инвентарь. 1, 3, 5, 6–12: железо; 2, 4: кость; 13–25: латунь

345. kép. A nurinói sír. I: sírrajz. 1–25: mellékletek. 1, 3, 5, 6–12: vas; 2, 4: csont; 13–25: sárgaréz

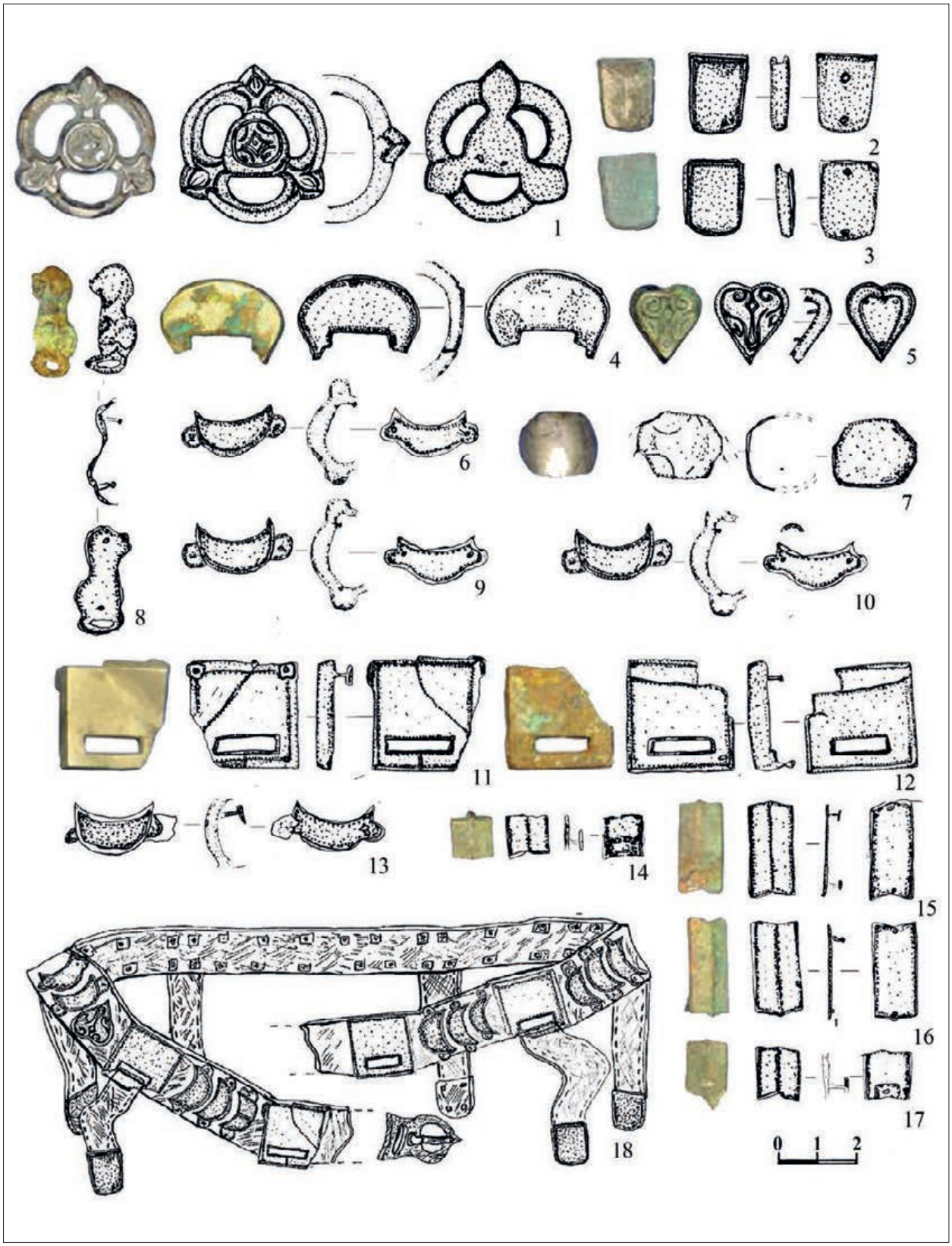

Рис. 346. Погребение Курман (по: Бисембаев 2018). 1–17: вещевой инвентарь. 1–17: бронза, серебро; 18: реконструкция

346. kép. A kurmani sír (Бисембаев 2018 nyomán). 1–17: mellékletek. 1–17: bronz, ezüst; 18: rekonstrukció

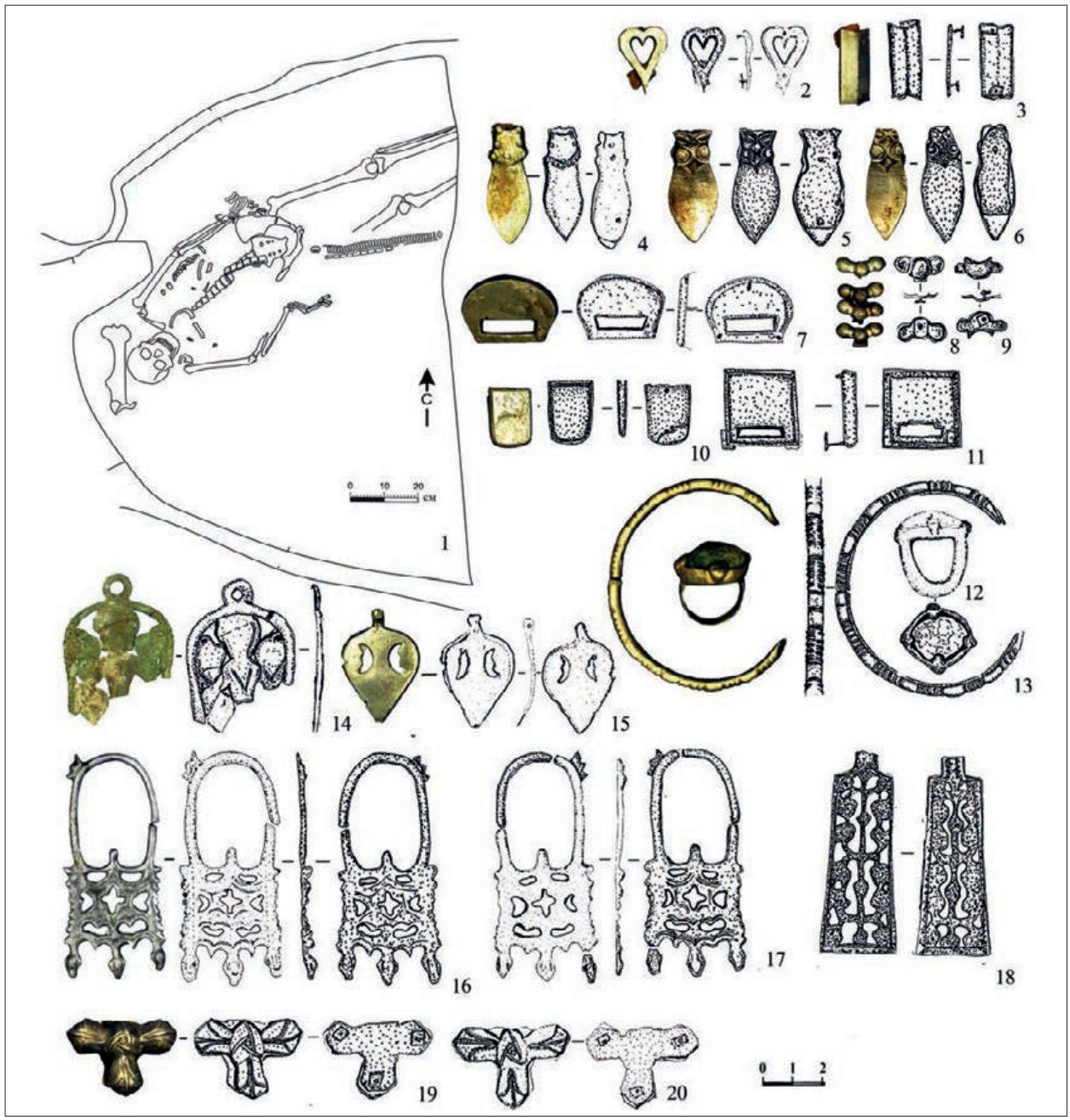

Рис. 347. Погребение Тортоба (по: Бисембаев 2018). 1: план погребения. 2–20: вещевой инвентарь. 2–11, 13–20: бронза, серебро; 12: серебро, камень

347. kép. A tortobai sír (Бисембаев 2018 nyomán). 1: sírrajz. 2–20: mellékletek. 2–11, 13–20: bronz, ezüst; 12: ezüst, kő

ского каганата (840 г.). На наш взгляд, подобные комплексы, демонстрирующие новые виды вооружения, конской упряжи и особых наборных поясов, представляющих вероятно новую культурно-идеологическую доктрину, связывать с установлением в степи лишь некой новой традиции (моды) является слабо аргументированным. Данные материалы характеризуют проникновение и впоследствии значительное культурное прямое влияние тюрков Саяно-Алтая на южноуральский регион. Однако не совсем понятным остается характер взаимодействия тюркских кочевников и лесостепного кушнаренковского и караякуповского населения.

Ранее Н. А. Мажитов предположил, что подобные наборные пояса по своей конструкции (подвески) и составу накладок являются близкой копией поясов, изображенных на тюркских изва-

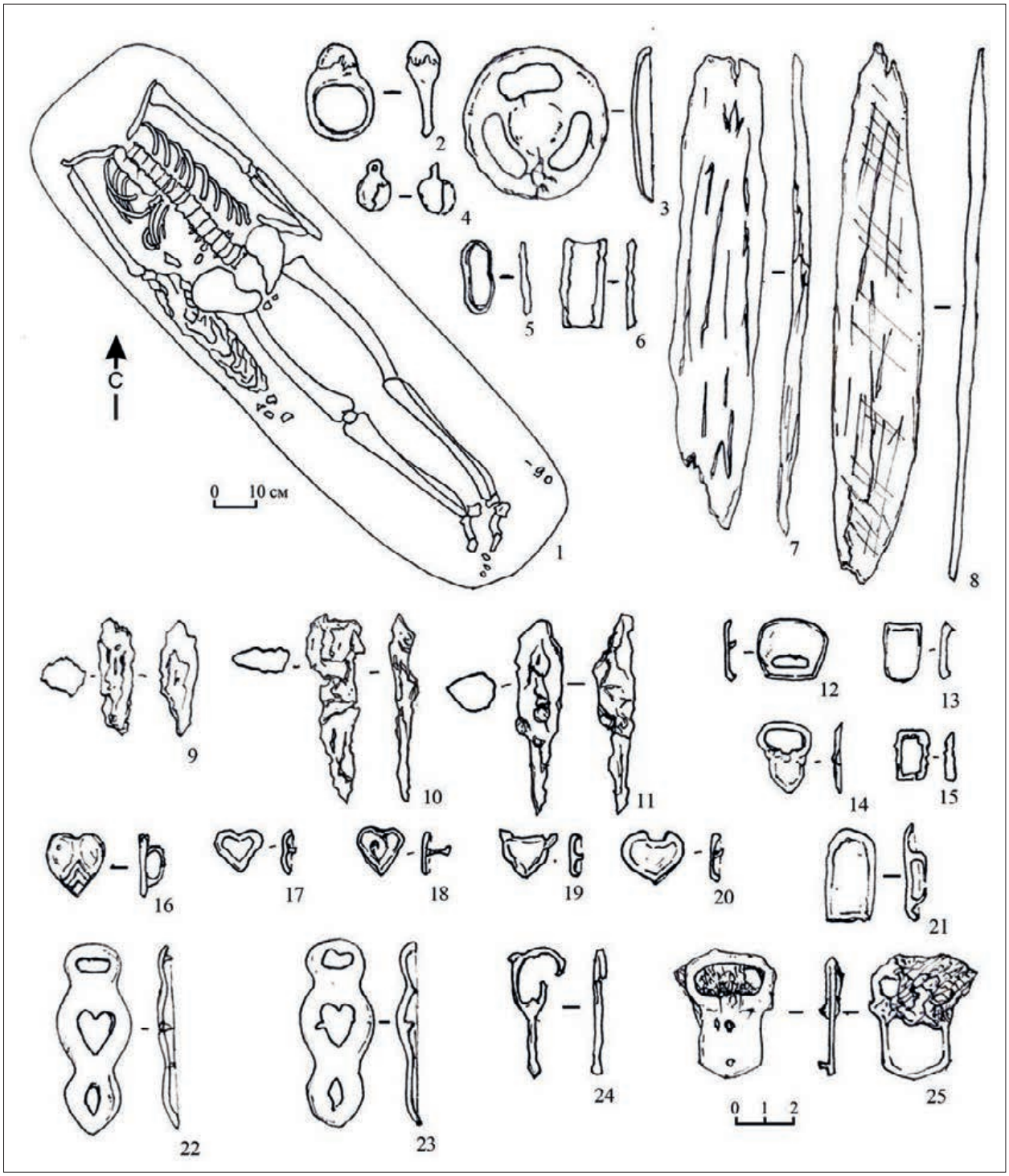

Рис. 348. Могильник Атпа II, курган 2 (по: Бисембаев 2003). 1: план погребения; 2–25: вещевой инвентарь. 2: перстень; 3, 5–6, 12–13, 15–21: бронза; 4: бубенчик; 7–8: костяные накладки; 9–11: железные наконечники стрел; 14, 25: пряжки; 22–23: подвесные бляхи; 24: серьга

348. kép. Atpa-II temető, 2. kurgán (Бисембаев 2003 nyomán). 1: sírrajz; 2–25: mellékletek. 2: gyűrű; 3, 5–6, 12–13, 15–21: bronz; 4: csengettyű; 7–8: csontlemezek; 9–11: vas nyílhegyek; 14, 25: csatok; 22–23: függőveretek; 24: fülbevaló

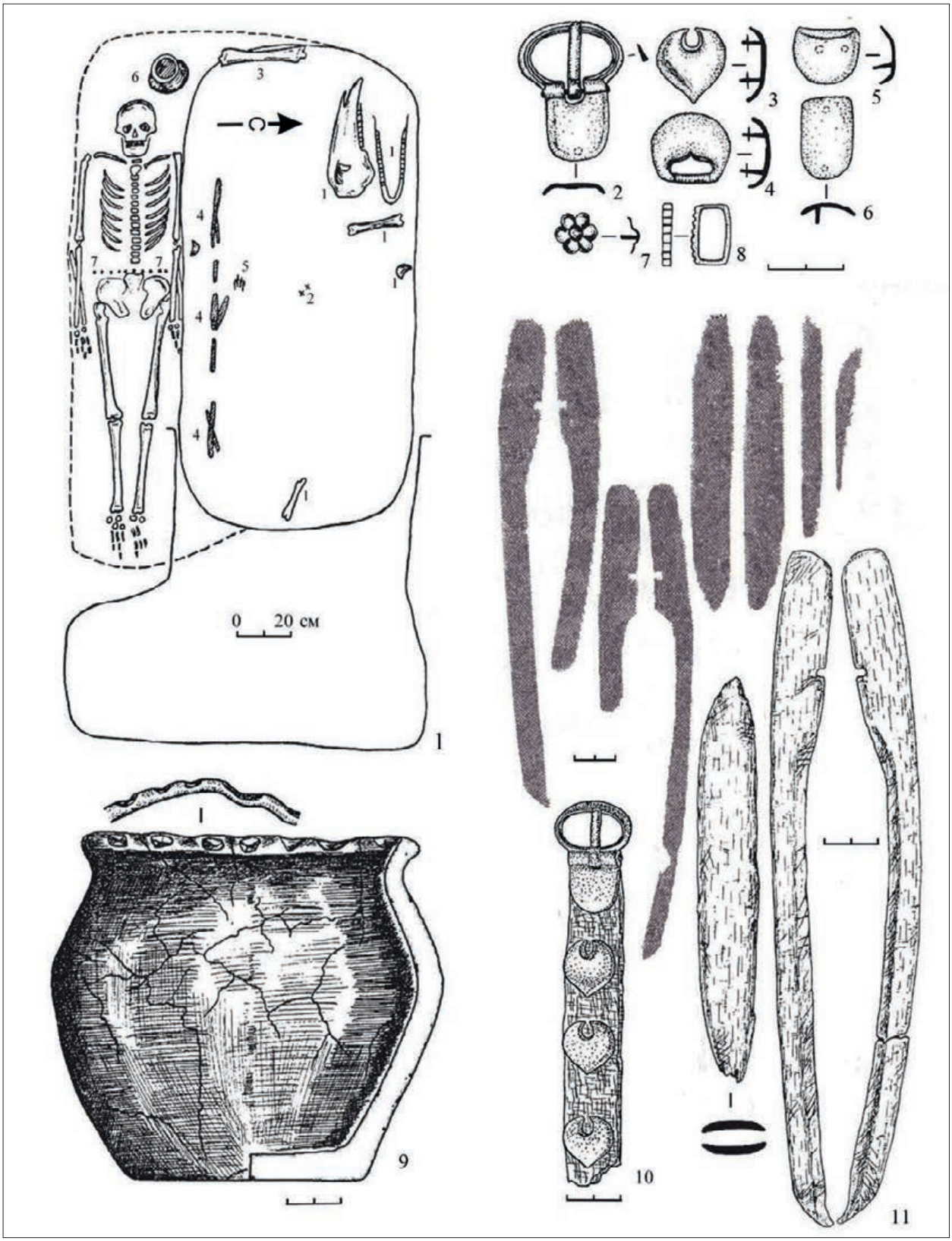

Рис. 349. Тамар-Уткуль, курган 3 (по: Матюшко 2018; Круглов 2019). 1: план и разрез погребения; 2–11: вещевой инвентарь. 2–8: серебро; 9: керамика; 10: серебро, кожа; 11: кость
349. kép. Tamar-Utkul temető, 3. kurgán (Матюшко 2018; Круглов 2019 nyomán). 1: sírrajz és metszet; 2–11: mellékletek. 2–8: ezüst; 9: kerámia; 10: ezüst, bőr; 11: csont

яниях Южной Сибири.[177] Речь идет, прежде всего, об изваяниях особого района Тувы (долина реки Кемчик и урочище Арыг Бажи)[178] (*рис. 350*).

Характерной особенностью этих скульптур уйгурского периода являются черты манихейской традиции (отсутствие оружия, удерживание кубка в обеих руках) по Л. Н. Ермоленко.[179] Это особенно важно, так как поясная гарнитура элементов, входящих в наборные пояса из погребений Южного Урала, также имеет яркие иконографические признаки манихейского толка, что отмечалось автором.[180] Однако следует отметить, что поясная гарнитура упоминаемых комплексов отличается от сросткинской полиметаллической богато украшенной стилистики. Как правило, это прямоугольные с прорезью и фигурные плоские накладки, которые характеризуют некий предшествующий этап развития ременной торевтики как своеобразного образца тюркской культуры. К этому же числу относится ременная гарнитура из погребения коня (Погребальный комплекс Уелги, курган 32, погребение 3). Яркими аналогиями южноуральских образцов ременной гарнитуры являются алтайские находки из Ак-Кобы (курган у изваяния), Балык-Соок I (курган 11), Юстыд-XXIV (курган 13), которые надежно датируются по ^{14}C и остаткам шелка катандинским временем (680–750 гг.).[181]

В настоящее время трудно сказать каков механизм появления этой группы населения на Южном Урале. Был ли приход тюркского населения непосредственно до сросткинской экспансии или речь идет о широком распространении новых традиций в пределах степного пространства. Ответ на эти вопросы дадут дополнительные исследования.

Таким образом, проведенный обзор позволяет утверждать, что Погребальный комплекс Уелги располагает достаточно маркерной серией погребального инвентаря и черт обряда, демонстрирующих существующее в данной культуре разнообразие погребальных традиций, истоки которых связаны с миром саяно-алтайских тюркских кочевников.

Продолжительность хусаиновского этапа не превышает 50 лет, однако невозможно переоценить его значение. Вероятно, приход саяно-алтайских кочевников установил особую культурную доминанту в среде местного кушнаренковско-караякуповского населении, окончательно превратив его в кочевое сообщество. Керамический материал, как культурный маркер, в Погребальном комплексе Уелги указывает на то, что собственно кушнаренковская и караякуповская посуда присутствует на протяжении именно хусаиновского этапа. С приходом сросткинского населения она либо исчезает из погребений, либо складывается совершено иной петрогромско-юдинский керамический комплекс (тесто со значительным содержанием талька и гребенчато-шнуровая орнаментация сосудов).

На хусаиновском этапе закладываются основные черты будущих традиций, которые впоследствии были связаны с мадьярскими (западная (северо-западная, юго-западная) ориентировка; наличие черепа или костей конечности лошади в захоронении; конская узда; наборные пояса; вооруженческий комплекс – лук с костяными накладками, колчан, слабо изогнутые сабли, кинжалы). Однако мадьярские культурные традиции складываются лишь на следующем культурно-историческом этапе – сросткинском.

Отличительной чертой Уелгинского некрополя является преобладание западной ориентировки в отличие от превалирующей восточной–северо-восточной в сросткинских памятниках, вероятно это отличие относится к разряду региональных особенностей. Так, по мнению С. В. Неверова и А. А. Адамова, в Новосибирском Приобье преобладает юго-западная ориентировка, а в степном Алтае и Барабе – западная, юго-западная.[182]

---

[177] Мажитов 1981, 130.
[178] Евтюхова 1952, 82–88, рис. 21–26.
[179] Ермоленко 1990; 2002; 2004, 45–47.
[180] Боталов 2022.
[181] Кубарев 2005, 139, 352, рис. 30–32.
[182] Неверов 1988, 16; Адамов 2000, 24.

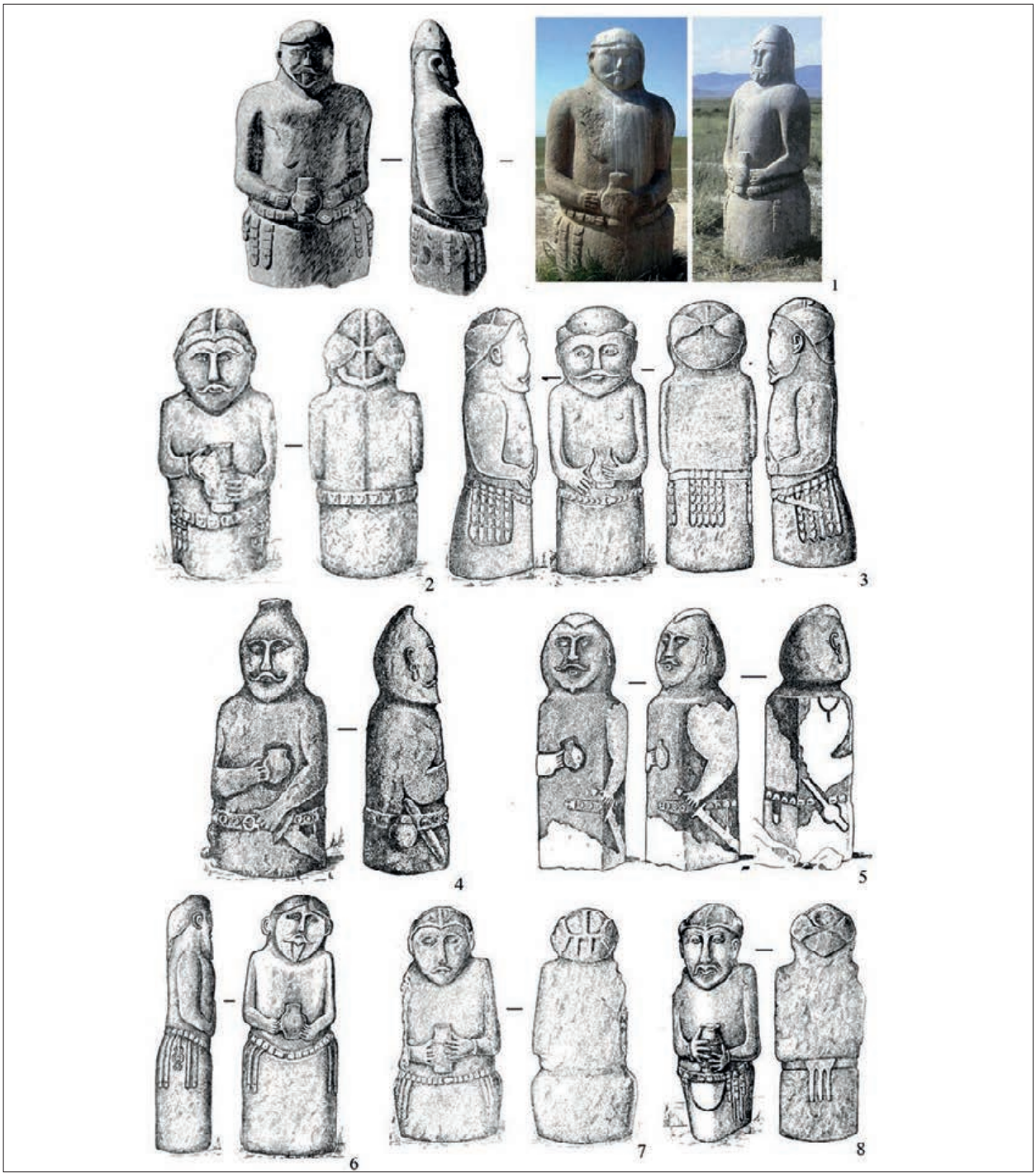

Рис. 350. Каменные изваяния Тувы (VIII–IX вв.) (по: Евтюхова 1952). 1: река Хемчик близ Бижиктиг-Хая у поселка Кызыл-Мажалык; 2: урочище Чанагаш, левый берег реки Чадан и правый берег реки Хемчик; 3: урочище Эльте-Кежиг, близ Теели, правый берег реки Хемчик; 4: река Таргалок близ Арыг-Бажи; 5: урочище Таарбол близ Арыг-Бажи, левый берег реки Таргалок; 6: левый берег реки Шеми, близ ее впадения в реку Хемчик; 7, 8: урочище Чанагаш, левый берег реки Чадан, правый берег реки Хемчик

350. kép. Faragott kőszobrok Tuvából (8–9. sz.) (Евтюхова 1952 nyomán). 1: Hemcsik folyó Bizsiktig-Haj-hoz közel Kizil-Mazsalik telep; 2: Csanagas dűlő, Csadan folyó bal partja és Hemcsik folyó jobb partja; 3: Elte-Kezsig dűlő, Teeli mellett, Hemcsik folyó jobb partja; 4: Targalok folyó Arig-Bazsi mellett; 5: Taarbol dűlő Arig-Bazsi mellett, Targalok folyó bal partja; 6: Semi folyó bal partja, a Hemcsik folyó torkolatánál; 7, 8: Csanagas dűlő, Csadan folyó bal partja és Hemcsik folyó jobb partja

Синеглазовский (сросткинский) этап (середина IX–XI в.)

Благодаря обширным поверхностным сборам, произведенным на первых порах поисковиками и исследователями-открывателями на Погребальном комплексе Уелги, материалы которых впоследствии были переданы в распоряжение археологов (более 300 единиц), удалось провести первичную систематизацию находок, распределив их на пять стилистических групп по материалу и технологии изготовления.[183]

Наиболее яркой является стилистическая группа 4 – алтайская и восточно-казахстанская. Она включала характерные наборы трехлопастных удлиненных и бронебойных наконечников стрел, бронзовые массивные подпружные пряжки с хорошо выделенным рамочным носиком, удила с S-видными и восьмерковидными псалиями, стремена арочной формы с расплющенной или восьмерковидной петлей для подвешивания (*рис. 351*), а также наборы украшений узды с сердцевидными налобными накладками, тройниками со сферическим центральным выступом и прямоугольными накладками с богатой растительной орнаментацией (тюхтятский тип), кроме этого в ней присутствовали концевые накладки с растительной и геометрической орнаментацией и ажурная застежка с выступающим сердцевидным носиком (*рис. 352. 1–6, 10–26, 30–33, 35–38, 42–52*).

Последующие исследования позволили установить погребальные комплексы, относящиеся к этой стилистической группе. Несмотря на тотальное разграбление памятника (до 90%), удалось исследовать серию неразграбленных погребений, которые представляют собой простые подкурганные погребения по обряду ингумации, ориентированные в западный сектор (с отклонением к северо-западу и северо-востоку). Часть из них (курган 1, погребения 2, 5, 8; курган 11, погребения 1, 5, 10; курган 14, погребение 1) (*рис. 353–354*), погребения так называемых «*лучников*», содержат костяные боковые и фронтальные накладки от сложносоставного лука, остатки саадачного ремня и колчанный крюк, трехлопастные и костяные ассиметричные и железные трехлопастные и бронебойные наконечники стрел. В некоторых присутствует конское снаряжение – удила с костяными псалиями в виде «*сапожка*» и «*ласточкиного хвоста*», стержневидные, восьмерковидные и кольчатые железные удила, костяные подпружные пряжки, стремена арочной формы с петлевидным путлищем, а также накладки полиметаллические (серебро с позолотой), накладки уздечных и ременных наборов. Украшения вооружения имеют зооморфный и характерный растительный орнамент в виде переплетенных ветвей и цветков смоквы.

Выделяются три воинских погребения из этой серии с саблей и палашом (курган 1, погребения 1, 5, 8), с уздечным набором и стременем с раскованной дужкой для путлища, а также серебряной витой гривной (*рис. 353*).

К особой серии относятся два погребения, совершенные по обряду кремации. В одном случае (курган 1, погребение 5) – кремация на стороне с последующей укладкой вещевого инвентаря (колчан с концевой накладкой ремня и сабля в серебряных ножнах) в небольшой яме (*рис. 353*), в другом – кремация с кальценированными остатками погребенного и вещевого инвентаря (удила, стремена, подпружная пряжка) обнаружена на подкурганной площадке (курган 31).

Учитывая вышеперечисленные черты погребального обряда и особенности вещевого инвентаря, сегодня можно насчитать до двух десятков комплексов, которые относятся к сросткинским (курган 1, погребения 2, 3, 5–8; курган 7, погребения 1, 5; курган 8, погребение 1; курган 9, погребения 2, 7; курган 11, погребения 1, 5; курган 31; курган 14, погребение 1).

Погребения были совершены в подпрямоугольных или подовальных ямах, ориентированных З–В (с отклонением на юго-запад и северо-запад). Это определенная особенность южноуральского сросткино, так как на Алтае превалирующей является ориентировка В–СВ.

Особой отличительной чертой этого этапа является керамический комплекс. Керамическая посуда либо отсутствует в погребениях (Уелги, курган 1, погребения 2, 3, 5; курган 14,

[183] Боталов–Грудочко 2011; Грудочко–Боталов 2013; Боталов 2018, 13–35; Боталов и др. 2019, 82–86.

Рис. 351. Погребальный комплекс Уелги. Предметы вооружения и конской узды сросткинского типа. 1–11, 18, 20, 22–28: железо; 12–13, 16–17: бронза, железо; 14–15: бронза; 19, 21: кость
351. kép. Az Ujelgi temető. Szrosztki-típusú fegyverek és lószerszámok. 1–11, 18, 20, 22–28: vas; 12–13, 16–17: bronz, vas; 14–15: bronz; 19, 21: csont

погребение 1; курган 11, погребения 1, 5; курган 31; Синеглазовские курганы) либо, как уже отмечалось, кушнаренковские и караякуповские горшки сменяют круглодонные и плоскодонные толстостенные сосуды с плавной профилировкой, в тесте которых наблюдается большая примесь талька. В отдельных случаях они имеют два боковых ушка с отверстием для подвешивания. Орнаментированы шнуровым или круглогребенчатым штампом. Этот комплекс относится к петрогромско-юдинскому типологическому облику. Особенно ярко это отразилось на материалах кургана 11, где в насыпи и на погребальной площадке обнаружен набор предметов сросткинского типа и другие стилистические группы, сопутствующие ему, а также фрагменты от пяти горшков петрогромско-юдинского типа (*рис. 355. 31–35)*.

Рис. 352. Погребальный комплекс Уелги. Предметы ременной гарнитуры сросткинского типа. 1–13, 15–26, 30–33, 35–36, 43–44, 48–49: серебро, серебро с позолотой; 14: бронза с позолотой; 27–29, 34, 38–41, 45–47, 50–52: серебро; 37, 42: бронза

352. kép. Az Ujelgi temető. Szrosztki-típusú övkészletek leletei. 1–13, 15–26, 30–33, 35–36, 43–44, 48–49: ezüst, aranyozott ezüst; 14: aranyozott bronz; 27–29, 34, 38–41, 45–47, 50–52: ezüst; 37, 42: bronz

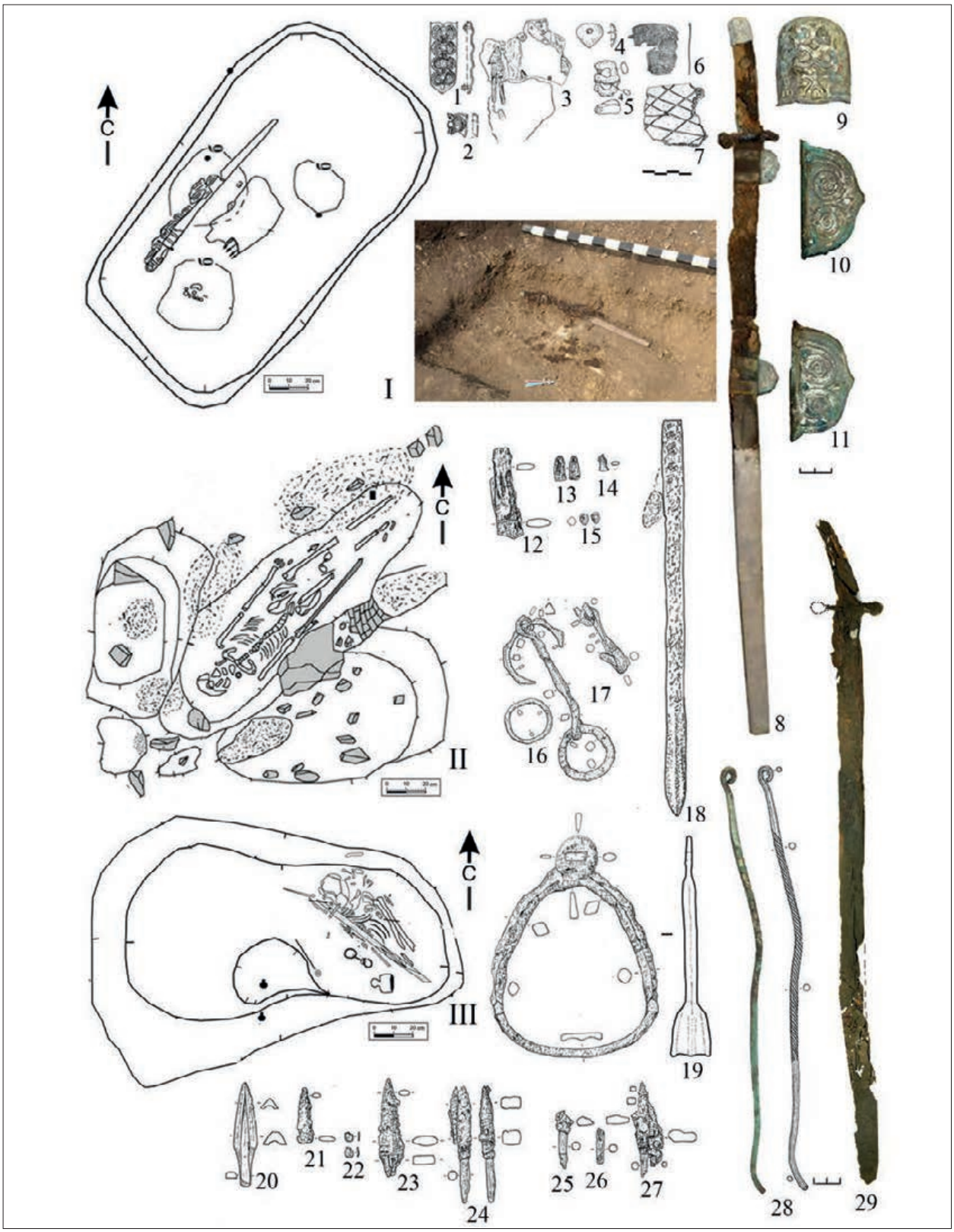

Рис. 353. Погребальный комплекс Уелги. Планы погребений и вещевой инвентарь. I: курган 1, погребение 5; II: курган 1, погребение 2; III: курган 1, погребение 8. 1, 2, 4, 9–11, 28: серебро; 3, 5, 12–27, 29: железо; 6: ткань; 7: береста; 8: железо, серебро

353. kép. Az ujelgi temető. Sírrajzok és mellékletek. I: 1. kurgán, 5. sír; II: 1. kurgán, 2. sír; III: 1. kurgán, 8. sír. 1–2, 4, 9–11, 28: ezüst; 3, 5, 12–27, 29: vas; 6: szövet; 7: nyírfakéreg; 8: vas, ezüst

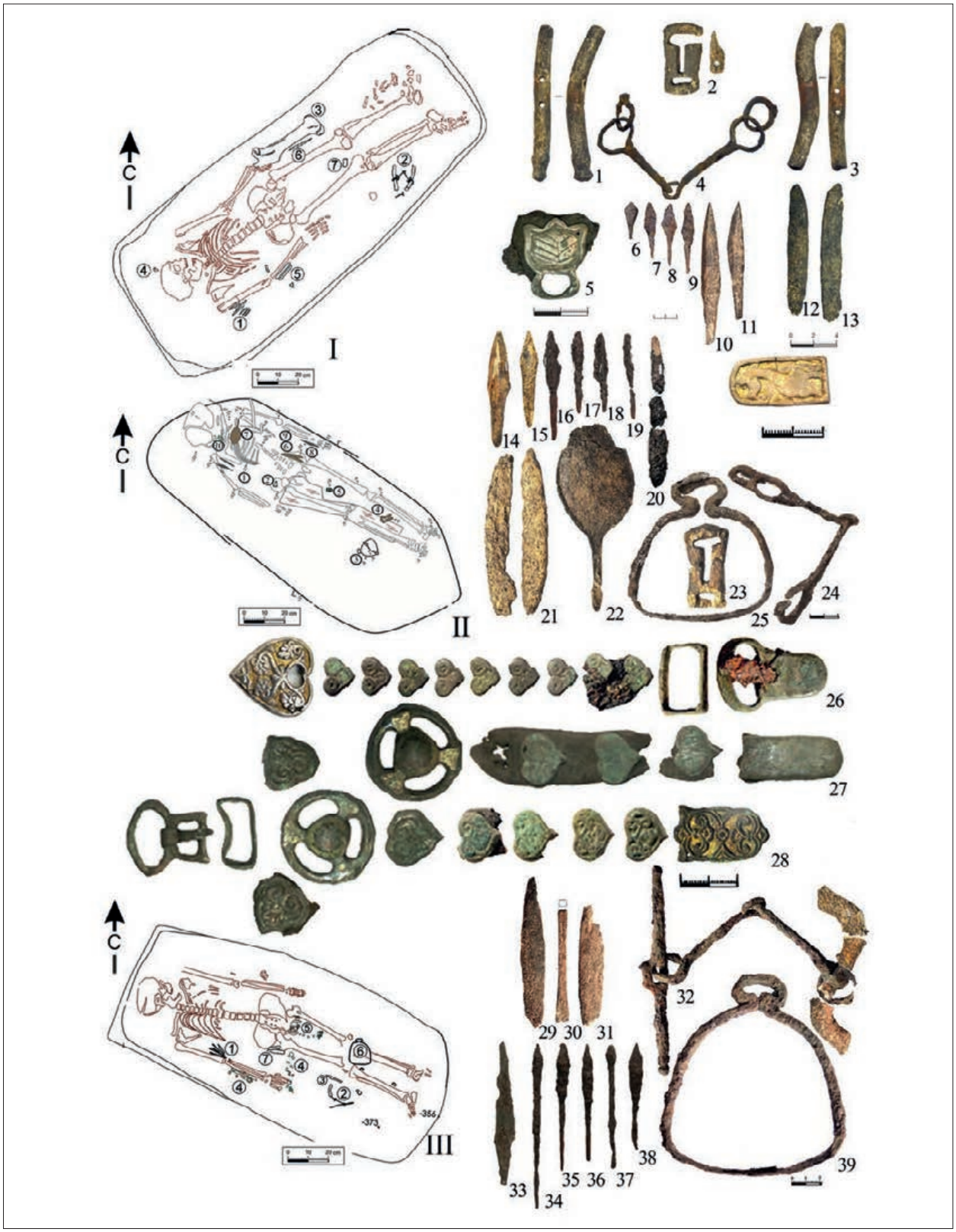

Рис. 354. Погребальный комплекс Уелги. Планы погребений и вещевой инвентарь. I: курган 14, погребение 1; II: курган 11, погребение 5; III: курган 11, погребение 1. 1–3, 10–15, 21–23, 29–31: кость; 4, 6–9, 16–20, 24–25, 33–39: железо; 5, 26– 28: серебро, позолота, кожа; 32: железо, кость

354. kép. Az ujelgi temető. Sírrajzok és mellékletek. I: 14. kurgán, 1. sír; II: 11. kurgán, 5. sír; III: 11. kurgán, 1. sír. 1–3, 10–15, 21–23, 29–31: csont; 4, 6–9, 16–20, 24–25, 33–39: vas; 5, 26– 28: ezüst, aranyozás, bőr; 32: vas, csont

Рис. 355. Погребальный комплекс Уелги. Курган 11, насыпь. 1–35: вещевой инвентарь. 1–5, 10–12, 15–16, 18, 20: серебро; 6–9, 21–22, 24–27: серебро, позолота; 13–14: серебро, камень; 17, 19: серебро, железо; 23: серебро, кожа; 28–30: железо; 31–35: керамика

355. kép. Az ujelgi temető. 11. kurgán feltöltése. 1–35: mellékletek. 1–5, 10–12, 15–16, 18, 20: ezüst; 6–9, 21–22, 24–27: ezüst, aranyozás; 13–14: ezüst, kő; 17, 19: ezüst, vas; 23: ezüst, bőr; 28–30: vas; 31–35: kerámia

Результаты радиоуглеродного датирования сросткинских комплексов

Большинство из вышеназванных погребений были продатированы по ^{14}C. Указанные даты (*табл. 1*) сделаны в лаборатории Института ядерной физики Венгерской академии наук (город Дебрецен, Венгрия). Калибровка проведена по программе Ox Cal 4.4 (2021 г.). Полученный интервал значения (95.4%) занимает общий диапазон 772–975 гг. В таблицу, наряду с пятью комплексами из Погребального комплекса Уелги, помещена еще одна, которая содержала яркие сросткинские материалы (могильник Актюба, Челябинская область) с богатым набором украшений конской сбруи в карпатском стиле и набором с сердцевидными и арочными накладками и пряжками, украшенными растительным орнаментом.[184]

Таблица 1. Синеглазовские (сросткинские) комплексы Погребального комплекса Уелги и могильника Актюба

1. táblázat. A szinyeglazovói (szrosztki) leletegyüttes, az Ujelgi temetkezési hely és az aktyjubai temető

Шифр лаборатории	Памятник	Материал	Конвенционное значение	Калиброванное значение, AD (95.4%)
DeA-36403	Уелги, курган 11, погр. 1	кость человека	1216±16	772–883
DeA-36404	Уелги, курган 14, погр. 1	кость человека	1213±16	773–882
Poz 121188	Уелги, курган 11, погр. 5	кость человека	1195±30 BP	760–900
DeA-36412	Уелги, курган 29, погр. 1–2	кость человека	1202±17	770–890
DeA-36422	Уелги, курган 31	кость животного	1059±16	900–1030
DeA-36402	Актюба	кость человека	1151±16	772–786 (7.7%) 829–855 (7.9%) 873–904 (27.8%) 914–975 (52.0%)

Представленная таблица позволяет установить, что наиболее ранний предел сросткинских комплексов падает на вторую половину VIII в. (760–900 гг.), курган 11, погребение 5, а поздний предел очерчивает курган 31 с трупосожжением – первая половина XI в. (900–1030 гг.).

2.1.6. Синеглазовский (сросткинский) этап и кыпчакско-кимакская проблема

История исследования кыпчакско-кимакской проблемы насчитывает более ста лет. А. А. Гаврилова более полувека назад наиболее западными памятниками, содержащими материалы сросткинского типа, назвала Синеглазовские курганы (Челябинская область), исследованные Н. К. Минко.[185] Несколько позже археологическая атрибутация данной культуры была осуществлена Д. Г. Савиновым, предложившим наиболее западный памятник (Синеглазовские курганы) связывать изначально с экспансией кимакского,[186] а чуть позже и кыпчакского объединения.[187]

Эти предположения были построены на материалах раскопок Н. К. Минко и С. А. Гатцука Синеглазовских курганов в Челябинской области в 1908–1909 гг., хранящихся в архивных фондах ЛОИА (дело № 219), а также результаты

[184] Боталов и др. 2021, 84–90.
[185] Гаврилова 1965, 72.
[186] Савинов 1976, 103; 1978, 219.
[187] Савинов 1979.

аварийных исследований могильника, проведенных В. С. Стоколосом в 1959 году.[188] Маркирующими категориями вещевого инвентаря стали характерные для синеглазовских материалов стремена арочной формы с прорезью в раскованной дужке и петлевидным отверстием для подвешивания удил с витым восьмерковидным окончанием, с S-видными железными псалиями или с костяными псалиями в виде сапожка или «*ласточкиного хвоста*», костяными подпружными пряжками с Т-образными отверстиями, колчаном с сочетанием бронебойных железных и костяных ассиметрично-ромбических наконечников, костяными накладками (боковыми и фронтальными) от сложносоставных луков, а также характерный набор серебряных и бронзовых накладок сферической, сердцевидной, арочной формы с прорезями внизу, лунницевидных и билунницевидных накладок, орнаментированных округлыми насечками по краю[189] (*рис. 356; 357*).

Чуть позже коллекция южноуральских сростинских материалов была существенно увеличена после публикации материалов средневековых курганов (IX–X вв.), исследованных Н. А. Мажитовым (Лагеревские, курган 6, погребения 1, 2; курганы 39, 50, 42; Ишимбаевские, курганы Старо-Халиловские, Каранаевские, Идельбаевские, Житимакские и Муракаевские), где были обнаружены вышеперечисленные категории артефактов, а также значительное число гарнитуры и произведений торевтики с растительным, зооморфным и антропоморфным орнаментом.[190] Исследователь приходит к схожему мнению, что появление культурных инноваций в вышеперечисленных памятниках следует связывать с тем, что в формировании южноуральских курганов IX–X вв. активную роль сыграли пришлые южносибирские кочевые племена.

Причиной этих выводов археологов, как нам представляется, явились данные самого широкого круга персидских, арабских и даже китайских источников (Ибн Хордадбех, Худуд ал-›алем, Ибн Бахра, Аль-Идриси, Гардизи, Абул-Гази, Бейши, Юань ши и др.), которые указывают на экспансию части кыпчакских племен из состава кимаков в районы Южного Урала в конце VIII в. Учитывая сугубо тематический аспект нашего исследования, приведем существующие точки зрения о появлении кыпчаков в пределах самого западного региона их раннего расселения.

Ранняя история кыпчаков, по образному выражению С. Г. Кляшторного нижеследующая: «*Отсутствие каких-либо упоминаний о кипчаках ранее VIII–IX вв. кажется загадочным и заставляет предположить, что такого рода информацию содержат в зашифрованной для нас форме уже известные источники*».[191]

Это заключение соответствует, высказанному ранее мнению В. В. Бартольда, который заметил, что имя *кипчак, кифчак, хифчäх* или *хифшах* появляется в более поздней народной и устной этимологии (впервые у Рашид-ад-Дина (XIII–XIV вв.), позднее у Абулгази в «*Родословной Тюрок*»).[192]

Попробуем проиллюстрировать данные положения на примерах существующих исторических реконструкций. Так, по данным Б. Е. Кумекова, переселение кыпчаков, как одного из племен кимакского объединения с берегов Иртыша на запад происходит во второй половине VIII в. Основанием для этого утверждения явились данные из «*Книги путей и провинций*» (846–847 гг.) абассидского чиновника почтовой службы и разведывательной деятельности Ибн Хордадбеха (820–912/913 гг.), который, используя *некий неизвестный документ,* относящийся к VIII в., сообщает о северных соседях халифата, живущих «*за рекой*» (Сыр-Дарьей), где он обозначает самые значительные «*страны тюрков*» – землю тогуз-огузов и «*страну кимаков*» и где-то в конце списка «*кыргызов*» и кыпчаков.[193]

[188] Стоколос 1962, 158–168.
[189] Боталов 1987, 105–119, рис. 1–3.
[190] Мажитов 1981, рис. 38, 7–20; 48; 43, 5, 6, 10; 44–46; 47; 51; 55; 56; 57; 58; 60; 61; 63; 66.
[191] Кляшторный 1986, 153.
[192] Бартольд 1968, 550.
[193] Кляшторный–Султанов 1992, 116.

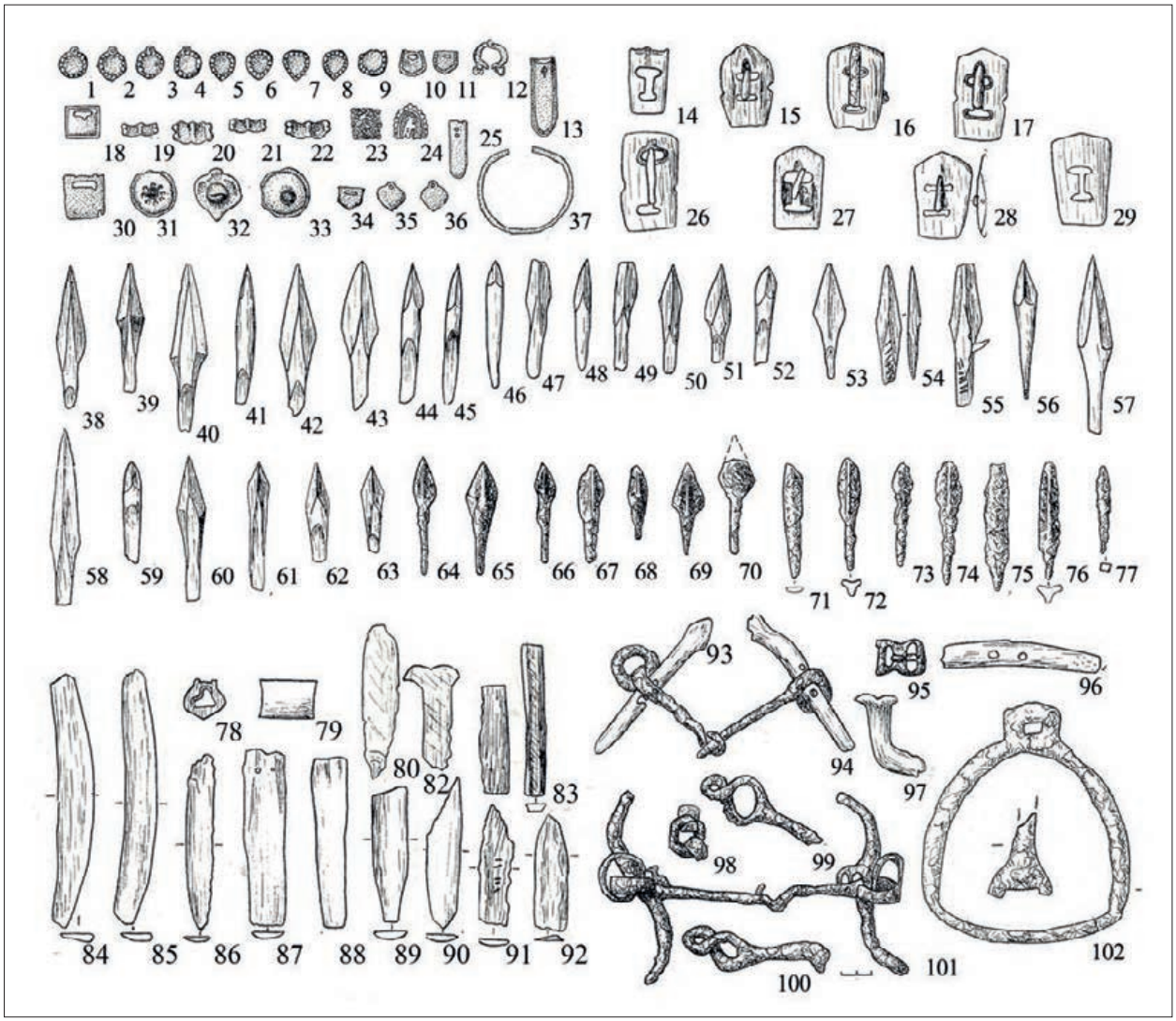

Рис. 356. Синеглазовские курганы. Раскопки Н. К. Минко и С. А. Гатцука, 1908 год. Погребальный инвентарь. 1–13, 18–25, 30–37, 78: бронза, серебро; 14–17, 26–29, 38–63, 79–93, 96–97: кость; 94: железо, кость; 64–77, 95, 98–102: железо

356. kép. Szinyeglazovo kurgántemető. N. K. Minyko és Sz. A. Gatcuk ásatása 1908-ban. Mellékletek. 1–13, 18–25, 30–37, 78: bronz, ezüst; 14–17, 26–29, 38–63, 79–93, 96–97: csont; 94: vas, csont; 64–77, 95, 98–102: vas

Далее Б. Е. Кумеков приводит сведения об «*отделении*» кыпчаков и кимаков, которые подтверждаются данными «*Худуд ал'алем*» неизвестным персоязычным автором в конце X в. (982–983 гг.), где действительно в этом труде наряду с тогуз-огузами, гузами, халлухов (карлуков), кимаками и хиркизов (киргизов) фигурирует этнонаименование *андараз-хифчак* (название не совсем ясное, означает «*внутренние хифчаки*» – кыпчаки).[194] Однако каких-либо хронологических ориентиров этой диспозиции не существует за исключением самого факта написания данного трактата неизвестным персидским автором в самом конце X в. (982–983 гг.). Параллельно за кипчаками упоминается еще один «*турецкий*» народ – мадьяры. В. В. Бартольд особо отмечает, что о границах между мадьярами и кыпчаками ничего не упоминается.[195]

[194] Бартольд 1930, л. 10б; 11а; 17б; 18б; 19а.
[195] Худуд ал'алем 1930, 25.

Рис. 357. Синеглазовские курганы. План погребения и вещевой инвентарь. 1–25, 28: бронза, серебро; 26–27: серебро, камень; 29: серебро, кожа; 30: план погребения; 31: железо–серебро; 32–33, 36, 40: железо; 34: ткань, реконструкция рисунка; 35: реконструкция (художник Л. И. Семенцова-Загирная); 37–38: кость; 39: дерево, серебро с позолотой

357. kép. Szinyeglazovo kurgántemető. Sírrajz és mellékletek. 1–25, 28: bronz, ezüst; 26–27: ezüst, kő; 29: ezüst, bőr; 30: sírrajz; 31: vas–ezüst; 32–33, 36, 40: vas; 34: szövet, ábrázolás rekonstrukciója; 35: rekonstrukció (L. I. Szjemenycova-Zagirnaja rajza); 37–38: csont; 39: fa, aranyozott ezüst

Сама по себе информация о стране Мадьяр отражает важные сведения, позволяющие определить хронологическую позицию упоминаний как о кыпчаках в момент отделения их от кимаков, так и о самих мадьярах. Худуд ал-›алем приводил этот отрывок (§22 Беседа о стране Маджгари) в изложении В. Минорского. «*К востоку от него находится гора; к югу от него племя христиан (tarsäyan), называемое Vnnd.z; к западу и северу от (Маджгари) находятся районы (nabaxi) русов. В этой стране насчитывается около 20000 человек, которые выходят на поля боя со своим королем (bămalikashan bar-nishi nand). Короля этой страны зовут Юла. Эта страна 150 фарсангов в длину и 100 фарсангов в ширину… Маджгари состоят в войне со всеми неверными, живущими вокруг них и (обычно) побеждают (bихтарайand)*».[196] Эта информация стыкуется со сведениями, приводимыми у Ибн Русте «*Книга драгоценных украшений*» (903–925 гг.) и Гардизи в «*Украшении известий*» (1050–1053 гг.) (упоминания о 20000 воинов мадьяр и о обширности страны 100 [150] × 100 фарсангов). Наиболее близкая локация народа Мадьяр упомянута в «*Анонимной записке*» в арабоязычном источнике, который сегодня приобрел особую популярность среди историков-исследователей средневековья Причерноморья.[197]

Не вдаваясь в дискуссионные тонкости заимствований и соответствий различных вышеупомянутых источников, заметим в части соотношения данных Худуд ал'алем и «*Анонимной записки*», оба этих источника локализуют страну Мадьяр где-то в Северо-Западном Причерноморье. В обоих случаях фигурирует «*гора*» (Худуд ал'алем – к востоку; в «*Анонимной записке*» – высокая гора за страной «*нандар*»); в обоих случаях мадьяры граничат с русами (к западу и северо-западу – по Худуд ал'алему; в 10 днях пути – по «*Анонимной записке*»). В обоих случаях мадьяры соседствуют с христианским народом: Худуд ал'алем – на юге с народом V'nnd.r; «*Анонимная записка*» – за какой-то из рек, скорее всего Дуба / Рута; Дунай (то есть тоже на юге) – по Мишину[198] с народом *нандар*. По мнению В. Минорского и других востоковедов в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же народом – Дунайскими болгарами. В случае с народом *нандар,* вероятно произошла ошибка переписчика, и начальное v· было принято за союз V*a* и отброшено от целого слова.[199]

Приведенные параллели позволяют, хотя и не без осторожности, утверждать о синхронности данных о мадьярах у Худуд ал-›алема и в «*Анонимной записке*». Относительно второго документа сегодня существует две точки зрения: Д. Е. Мишин считает, что сообщенная (вероятнее всего самими мадьярами) информация относится к временному отрезку между 889 и 892 годами – до набегов на Дунайскую Болгарию (895 г.) и на Великую Моравию,[200] а В. А. Шорохов предлагает информацию в «*Анонимной записки*» отнести к периоду преобладания венгров в степях Северного Причерноморья, скорее всего к 840–850 гг. По нашему представлению, наиболее предпочтительна первая точка зрения, поскольку локализация мадьяр на обозначенной территории более завязана на регион левобережья Дуба / Рута (Дуная) на северной границе Дунайских болгар и южной границе русов.

Хотя справедливости ради следует заметить, что более ранняя дата также возможна, несмотря на косвенные и гипотетические построения появления отдельных мадьярских комплексов IX в. в Среднем Поднепровье и наличие восточно-мадьярских категорий вещевого инвентаря в Карпатской котловине в пределах IX в. наводит на размышления.

Таким образом, информация в «*Анонимной записке*», и по аналогии с ней и Худад ал алам, позволяют говорить не только о том факте, что мадьяры к самому финалу IX в. оказываются далеко в пределах Северо-Западного Причерноморья, но

[196] Minorsky 1982, f. 199, § 22, p. 101.
[197] Мишин 2002, 50–58; Калинина 2003; Шорохов 2011, 69–73.
[198] Мишин 2002, 55–57.
[199] Minorsky 1982, 467, 471.
[200] Мишин 2002, 57–58.

и, что весьма важно для нашего исследования, к этому периоду происходит выделение кипчаков из единой среды кимакской конфедерации.

К этому же времени вероятнее всего относятся события, которые реконструировал Р. Г. Кузеев на основании сообщений Аль-Масуди, который сообщает о причинах ухода кочевников Приаралья на запад (X в.). Война между гузами, карлуками и кыпчаками против баджанак, баджан, баджгард и «*нукерде*» окончилась поражением последних.[201] В другом издании «*Китаб ат-Танбих ва-л-ишраф*» список племен, совершающих набеги на Джурджанийское озеро: гузы, карлуки и кимаки. Б. Е. Кумеков и С. Г. Агаджанов указывали, что эти события происходили между серединой и концом IX в.[202] В качестве дополнения следует упомянуть весьма важное наблюдение, сделанное Джозефом Марквартом относительно упоминаний Аль-Масуди, которое приводит в своей работе В. М. Бейлис.[203] Дж. Маркварт предложил видеть в баджан и баджанак – печенегов, а в баджгурд и нукарда (ункарда) – венгров.

Все эти события вольно или невольно сплетаются с канвой генеалогической легенды от Огуз-Хана, который, дождавшись возмужания своего нареченного сына Кыпчака, посылает его против взбунтовавшихся народов маджаров и башкир. Кыпчак усмирил их и после этого триста лет жил (до Чингиз-хана) между страной ит-бараков (верховья Енисея) и рекой Яик (Урал).[204] Согласно простому расчету, данное событие совпадает с началом X в.

Таким образом, сведения, относящиеся к ранней кыпчакской истории, при детальном рассмотрении в лучшем случае относятся ко второй половине, а скорее всего к концу IX и началу X в.

В числе наиболее ранних упоминаний, вероятно, можно привести лишь сведения из «*Вейши*» (глава 9), которые сообщает китайский исследователь Цень Чжунь-мань о племенах *хе-би-си* (китайский вариант названия кипчак), входящих в группу *теле* и кочующих к западу от Алтая до Арала. По совершенно справедливому мнению С. М. Ахинжанова, эта информация, относящаяся к VII в., является наиболее ранним упоминанием о кыпчаках в Казахстане.[205] Подлинность данной информации не вызывает сомнения. Н. В. Кюнер в своем труде помещает сведения танского времени (664–667 гг.) из трактата «*Вэньсяньтункао*» (автор Ма Дуань-линь) т. XVI, кн. 6, гл. 344, где перечисляет племена союза тйелэ (теле) «*...на юго-запад от Золотых гор (Алтай), живут сиеянто, чжилэфр, шибань, даци и прочие, имеют 10000 с лишним войска. На севере от государства Кан,*[206] *по р. Адэ,*[207] *живут хэчжи, гэцзие, боху, туньцянь, бэйхай, гэбиси,*[208] *ача, суба*».[209]

И наконец, общеизвестным упоминанием о ранних кипчаках является надпись на «*Селенгинском камне*», возведенном в честь одного из создателей Уйгурского каганата – Элетмиш Бильге-кагана (747–759 гг.), где в четвертой строке помещена надпись «*Когда тюрки – кипчаки властвовали [под нами] пятьдесят лет*». Стела с руническим текстом обнаружена Г. Рамстедтом во время монгольского путешествия в 1909 году, и последующая за открытием реконструкция автора наименования «*кипчак*» не вызвала доверия у авторитетных ученых-востоковедов (В. В. Бартольд, П. Пельо и В. Ф. Минорский).[210]

Благодаря настойчивым исследованиям С. Г. Кляшторного, в настоящее время можно считать вполне доказательным правильность первопонимания этнонима *кыпчак* среди телесских

---

[201] Кузеев 1971, 21; 2010, 131–132.
[202] Кумеков 1972, 58; Агаджанов 1969, 129.
[203] Бейлис 1969, 307.
[204] Ахинжанов 1976, 84.
[205] Ахинжанов 1976, 84.
[206] Государство Канжу, позже как государство Кан, во времена династии Сун и Тан. В VIII веке жители его были подвержены манихейству. Располагалось оно в/или вблизи Таласского бассейна.
[207] Река Адэ (река Талас [?] – С. Б.).
[208] По мнению С. М. Ахинжанова соответствует этнониму *хэ-би-си* (Ахинжанов 1976, 84).
[209] Кюнер 1961, 38 (23).
[210] Кляшторный 1986, 153–154.

племен, в свете утверждения автора об адекватности кыпчаков, упомянутых в эпитафии «*Селенгинского камня*» телесскому племени сеянто и их первоначального проживания между Восточным Тянь-Шанем и юго-западными отрогами Алтая. После победы Уйгуров в 744 году тюрки и их союзники кыпчаки-сеянто были вытеснены в верховья Иртыша и далее в казахстанские степи.[211]

Таким образом, два вышеназванных источника по предыстории кипчаков по сути дела и составляют весь нарративный арсенал их ранней истории (VII–VIII вв.). Безусловно, информативность источников минимальна, однако они четко реконструируют как минимум две позиции: хэ-би-си (кипчаки) или тюрки – кипчаки входили как одно из племен значительного списка племен объединения теле – сеянь-то, а также в состав сюзеренов токуз-огуров – уйгуров. Расселение их происходит в направлении на запад от Алтая до Иртыша. Эта тенденция сохраняется и в последующий период, когда кипчаки участвуют в составе кимакского объединения или выделившись из него. Далее попытаемся эти сведения соотнести с археологическими данными.

2.1.7. История исследования сросткинской культуры Алтая и сопредельных территорий

Бурное накопление материала по средневековой археологии Алтая и примыкающей территории происходит в 80-е годы прошлого столетия. Сросткинская культура, по мнению исследователей, начинает реконструироваться как сложное полиэтническое явление. Сам процесс сложения культуры представляется как проникновение в степные предгорья Обь-Иртышского междуречья и в Приобье, в среду местного угро-самодийского (постодинцовского) населения, кимаков и других тюрок из Горного Алтая.[212] Этнокультурные трансформации в среде сросткинской общности продолжаются в течение почти четырехсот лет (со второй половины VIII по XII в.) в рамках четырех этапов: инский (вторая половина VII – первая половина IX в.), грязновский (вторая половина IX – первая половина X в.), шадринцевский (вторая половина X – первая половина XI в.) и змеевский (вторая половина XI–XII в.).[213]

За этномаркирующие определители предложено было принять отдельные особенности погребальной обрядности. Первоначально В.А. Могильниковым было предложено, что погребения с конем аналогичны алтайским тюркам и кимакам, а подкурганные грунтовые погребения с перекрытиями из бересты и березовых бревен характерны для местного угро-самодийского населения.[214] Несколько позже количество этих маркеров увеличилось и они приобрели региональный характер. Так для Кулундинской степи В. А. Могильниковым установлено, что погребения с конем в глубокой яме характерны для кимаков или тюрок Горного Алтая; погребения с чучелом или шкурой коня свидетельствуют о смешении пришлого тюркского и местного угро-самодийского населения, а наличие среди них подбойных захоронений показывает смешение уйгурского (огузского) и кимакского населения.[215] К нему присоединяются Д. Г. Савинов и М. В. Мороз, предлагая, что наличие подбоев и погребений со шкурой коня в сросткинской культуре связано с влиянием уйгур.[216]

В целом данные маркеры были приняты для других регионов сросткинской культуры с некоторым отличием. Так, по мнению А. А. Тишкина и В. В. Горбунова, одиночная подкурганная ингумация является самодийским компонентом, а ингумация со шкурой коня – кипчакским, в основном на двух последних этапах (вторая половина X–XII в.). Одиночная ингумация и ингумация

---

[211] Ахинжанов 2006, 48–51.
[212] Могильников 1981, 45–46; Неверов 1988, 16.
[213] Неверов–Горбунов 2001, 176; Тишкин–Горбунов 2002; Кондратов 2004, 5.
[214] Могильников 1981, 43–46.
[215] Могильников 1988, 64–66.
[216] Савинов 1984, 93; Мороз 1988, 44.

с тушей коня (тюркский компонент) известны на всем протяжении сросткинской культуры.[217]

Особую позицию имеют точки зрения исследователей на обряд кремации среди сросткинских некрополей. В. А. Могильников связывает появление кремации в курганах Алтая и Верхнего Прииртышья с продвижением и последующим оседанием здесь енисейских кыргызов в IX–X вв. Однако при этом он замечает, что данный обряд (особенно когда огонь обнаруживается в могилах, как при ингумации) может быть связан с традициями самодийских погребений, известных в Среднем и Верхнем Приобъе в предшествующий период.[218]

Появление на Алтае из Поиртышья обряда кремации и отдельных характерных для кыргызских погребений категорий вещей, Д. Г. Савинов также связывает с западным продвижением кыргызов в IX веке.[219] С появлением средневековых хакасов (кыргызов) на территории Южной и Западной Сибири в первой половине IX века С. В. Неверов также связывает с появлением кремации среди сросткинских комплексов.[220] Однако позиция о местном угро-самодийском происхождении трупосожжений нашла свое подтверждение в работах А. А. Тишкина, В. В. Горбунова и А. В. Кондратова, где авторы приходят к выводу, что погребения по обряду кремации (9,8%) известны на первых трех этапах. Выделяются следующие признаки – одиночная кремация или кремация в сопровождении коня; сожжение на стороне, вещи не обожжены, в могильной яме обычной формы. Развитие этой традиции следует связывать с влиянием местного самодийского населения.[221]

В связи с перечисленными мнениями ученых сегодня сложно идентифицировать моноэтничность или монокультурность сросткинской культуры (кимаки, кыпчаки). Нам, безусловно, импонирует своим постоянством точка зрения А. А. Адамова[222] исключительно о кыпчакском происхождении сросткинской культуры. Однако, процессы кыпчакизации населения Томского, Новосибирского, Верхней Оби и Кузнецкой котловины, о которых сообщает автор, происходят в рамках шадринцевского этапа с X по XII в., что в целом не противоречит всем имеющимся исследованиям сросткинских памятников. Интрига сохраняется относительно этнокультурной идентификации этапов раннего сросткино (вторая половина VIII–IX в.). Это соответствует общеустоявшейся схеме инского и грязновского этапов.

А. А. Тишкин при создании периодизации культурно-хронологической схемы развития народов Алтая поместил эти этапы сросткинской культуры в синхронные – туэктинский (вторая половина VIII – первая половина IX в.) и курайский (вторая половина IX – первая половина X в.) этапы развития тюркской культуры Алтая.[223]

При этом автор особо оговорил мнение Г. В. Кубарева о том, что тюрки Российского Алтая не входили в состав Уйгурского каганата, так как уйгурских памятников на Алтае не обнаружено.[224] Возможно данную ситуацию можно объяснить сентенцией из «*Селенгинского камня*» о том, что тюрки-кыпчаки, будучи союзниками и сюзеренами уйгуров, правили на подвластных им алтайских провинциях в течение 50 лет.[225]

В чем смысл столь обширной историографической преамбулы? Дело в том, что южноуральские материалы сросткинского облика, о которых речь пойдет ниже, относятся к ранним этапам данной культуры. Они появляются на крайне западном крыле данной общности, как некое особое и весьма масштабное явление, которое, безусловно, требует своей этнокультурной и исторической интерпретации.

---

[217] Тишкин–Горбунов 2002.
[218] Могильников 1989, 140.
[219] Савинов 1978, 213–216; 1998, 175–190.
[220] Неверов 1988, 16.
[221] Тишкин–Горбунов 2002; Кондратов 2004, 15.
[222] Адамов 2000, 86.
[223] Тишкин 2007, 199–200.
[224] Кубарев 1998, 292–293.
[225] Кляшторный 1986, 153–154.

Традиционно мы продолжаем связывать их со сросткинской культурной (общностью?), которая, по мнению А. А. Тишкина, сегодня растворилась в различных этапах общетюркской и кыргызской культуры (VIII–XI вв.).[226]

В соответствии с сегодняшними реалиями вопрос об этнокультурном определении (кимаки, кыпаки?) этого населения, привнесшего на Южный Урал некий сросткинский облик, остается открытым. Хотя для нас оказалась наиболее близкой точка зрения Ю. С. Худякова, озвученная им в одной из своих работ, прежде всего, автор придерживается точки зрения существования Кимакского каганата в Поиртышье в VIII–IX вв.

Термин «*кыпчаки*», в буквальном смысле «*ничтожные*», в переносном – «*кочевники*», в Кимакском каганате высшая знать, которая осела в городах, а часть населения «*седентаризировалась и культурно обособилась от своих недавних соплеменников*». Вероятно, кимаками в Кимакском каганате с развитием городов и земледелия стала называться оседлая часть населения и высшая знать. Горожане и земледельцы «*кыпчаками*» первоначально стали называть коренное для периода VIII–IX вв. тюркское кочевое население Прииртышья, уступавшее в своем развитии западным тюркам, мигрировавшим на Иртыш. С образованием Кимакского каганата под угрозой военной мощности Кыргызского каганата, с появлением городов, термин «*кыпчаки*» в значении «*дикие*», «*никчемные кочевники*» был перенесен на все кочевое население этого государства самих тюрок и тюркизированного населения государства, лесостепной зоны Западной Сибири и степей Казахстана. Такая трактовка позволяет объяснить куда после распада Кимакского каганата исчезли кимаки и другие племена объединения, кроме самих кыпчаков.[227]

Эта реконструкция позволяет предположить, что в процессе западной экспансии Кимакского каганата, среди тюркских кочевников этой конфедерации вызревает новый политоним «*кыпчак*». Период конца VIII–IX в. в действительности приобретает образное значение «*периода возмужания*» кыпчака по С. М. Ахинжанову.[228]

Таким образом, представленные материалы из Уелгинского погребального комплекса и курганов Южного Урала позволяют по-особому взглянуть на кыпчакско-сросткинскую проблему региона. Прежде всего, проникновение алтайско-сросткинского населения на Южный Урал относится к самому раннему (инскому) периоду существования данной культуры Алтая – последней четверти VIII–IX в. Погребальный комплекс Уелги фиксирует значительный спектр сросткинского культурного своеобразия как в погребальном обряде (простые грунтовые погребения, трупосожжение на стороне с последующей выкладкой остатков погребения), так и в вещевом материале (характерные наборы узды с костяными псалиями в виде «*сапожка*» или «*ласточкиного хвоста*», костяные подпружные пряжки, восьмерковидные удила и стремена арочной формы с раскованным или петлевидным путлищем, предметы вооружения колчана со смешанным набором железных трехлопастных и костяных ассиметрично-ромбических наконечников, характерный набор полиметаллической гарнитуры с растительным орнаментом).

Сегодня трудно однозначно производить этнополитическую идентификацию населения, переселившегося в Южное Зауралье – кимаки (?), кыпчаки (?). Очевиден тот факт, что обозначенные выше инновации, которые дополняются еще одной яркой традицией – наборные пояса, имеют в основе своей восточный тюркокультурный облик.

Ранняя предыстория кыпчакского объединения, как уже было замечено, весьма слабо представлена в нарративной практике за исключением упоминаний «*Бейши*» (VII в.) (*хэ-би-си* [кыпчак])[229] и надписи на «*Селенгинском камне*» о «*тюрках-кипчаках*» (747–759 гг.),[230] что

[226] Тишкин 2007, 193–213.
[227] Худяков 2004, 144–145.
[228] Ахинжанов 1976, 84.
[229] Ахинжанов 1976, 84; Кюнер 1961, 38.
[230] Кляшторный 1986, 153–154.

формально позволяет исследователям говорить о начале кыпчакской истории не ранее X в. Существующая и приведенная выше точка зрения Ю. С. Худякова, что термин «*кыпчаки*» в буквальном смысле как «*ничтожные*», в переносном как «*кочевники*», получил наименование именно в период создания Кимакского каганата в VIII–IX вв.[231]

Вероятнее всего данная реконструкция вполне допускает рассматривать раннекыпчакскую (равно как и раннесросткинскую) историю тюркокультурных кочевников Южного Урала первоначально в составе Кимакского каганата, а спустя какой-то период, как собственно кыпчакскую, что и получило подтверждение в более поздних письменных источниках.

2.1.8. Формирование мадьярских культурных традиций

С первых дней открытия (2009 г.) и последующего более чем десятилетнего исследования Погребального комплекса Уелги стилистическая типология элементов ременной гарнитуры составила основу первичных и последующих систематизаций материалов памятника.[232]

Метод систематизации предметов ременной гарнитуры и украшений по стилистическим группам, избранный в самом начале исследований комплекса Уелги, оказался вполне продуктивным. За основы были выбраны техника изготовления и сюжетные изобразительные линии. Методологическая оправданность данного подхода, на наш взгляд, определяется тем обстоятельством, что южноуральские кочевники развитого средневековья вступили в период монорелигиозных предпочтений. Большую часть изобразительных практик кочевнической торевтики составляют устоявшиеся к концу VIII века в Саяно-Алтае манихейские сюжетные линии. Как известно, манихейство как синкретическая религия вобрала в себя не только учения зороастризма, христианства (несторианство), буддизма и индуизма, но и весь спектр изобразительных образов, сопровождающих и символизирующих эти верования.

Кратко историю формирования манихейских изобразительных традиций в Центральной Азии можно обозначить следующим образом.

В 763 году в столице Уйгурского каганата Орда-Балыке при кагане Идигяне четыре манихейских монаха провозгласили учение Мани официальной религией каганата. Это событие имело значение не только в сиюминутной политической конъюнктуре, но и весьма серьезное культурно-идеологическое последствие в дальнейшем развитии кочевнических сообществ Центральной Азии. Новая религиозная доктрина кардинально изменила облик кочевников Саяно-Алтая. Прежде всего, это отразилось на поясной гарнитуре украшений упряжи коня и предметах украшений в женских погребениях. На смену поясам и украшениям упряжи, представленных прямоугольными и фигурными плоскими серебряными и бронзовыми накладками, приходят комплексы полиметаллической (серебро с золотой плакировкой) торевтики, украшенной богатым растительным, антропоморфным, зооморфным и прочими сюжетами.

В VIII–X вв. складываются два основных изобразительных стиля: сросткинский (алтайский) и тюхтятский (енисейско-минусинский). В своем изобразительном арсенале они отображают общие семантические сюжеты, разницу составляют технологические особенности. В алтайском вещевом комплексе (полиметаллическое серебро, позолота) наряду с литьем присутствуют штампованные образцы. Енисейско-минусинские, как правило, представлены монометаллическими цельнолитыми вещевыми комплексами. Безусловно, эти различия касаются и особых изобразительных приемов, присутствующих в этих стилистических группах, которые впоследствии и легли в основу их культурной идентификации.

С конца VIII века эти новые традиции начали внедряться в культурную среду южноуральских

[231] Худяков 2004, 144–145.
[232] Боталов–Грудочко 2011; Грудочко–Боталов 2013; Боталов 2018; Боталов и др. 2019, 82–86.

кочевников. Причиной этого вероятно стала широкая экспансия тюркского населения Саяно-Алтая на Южный Урал. Этот факт отмечался исследователями в разные годы, о чем указывалось выше.[233]

Первый опыт построения предметного ряда на материалах ременной гарнитуры сросткинского типа: сердцевидные и арочные полиметаллические (серебро с позолотой) сросткинские накладки с изображением цветов, стеблей и плодов Древа жизни (смоквы) и последующее картографирование этих материалов предприняты нашими венгерскими коллегами Эрвином Галом и Гергели Сенте, благодаря находкам в Восточной Венгрии в комплексе Hortobágy-Árkus, погребение 49. Дальнейшая картография подобных артефактов в пределах Восточной Европы показала, что анализ и возможные историко-культурные реконструкции на основе предложенного метода вполне допустимы и продуктивны.[234]

Сросткинская стилистическая группа (сердцевидные, арочные и концевые накладки с изображением цветов, стеблей и плодов Древа жизни (смоквы)) при детальной картографии ее далее на восток имеет весьма широкий диапазон распространения от Алтая до Карпатской котловины (*рис. 358*).

Особую интригу эта группа представляет в южноуральских средневековых комплексах. Здесь артефакты сросткинского типа, изначально присутствовали с целым рядом стилистических групп, о чем будет сказано ниже. Так с исследованием кургана 11 Погребального комплекса Уелги стало очевидно, что сросткинский предметный ряд и предметы мадьярского облика присутствуют в одном кургане. Особенно ярко это взаимосочетание отобразилось в могильнике Актюба, расположенном в 20 км к востоку от Погребального комплекса Уелги, где в одном комплексе, наряду с украшениями упряжи, бляхами и накладками, выполненными в карпатском стиле, присутствуют пояс, щиток пряжки, сердцевидные и арочные (с прорезью) накладки сросткинского типа (*рис. 359*).[235] Факт попадания в единые комплексы накладок сросткинского типа и гарнитуры мадьярского типа и последующий их совместный транзит далеко в Карпатскую котловину требует особого осмысления. Это связано с самим процессом сложения карпатской стилистической группы, о чем будет сказано ниже (*рис. 359*).

Среди предметного Уелгинского комплекса просматривается до одного десятка стилистических групп и линий, которые так или иначе связаны с манихейской символикой. К первой относятся изобразительные сюжеты, связанные с уже упомянутым растительным орнаментом, символизирующим цветы и листья Древа жизни (смоквы, инжира), изображенные на вышеописанных сросткинских накладках. В работах, посвященных кочевнической торевтике, Г. Г. Король, Л. В. Конькова и О. Б. Наумова также картографировали распространение прямоугольных накладок с прорезью в нижней части, украшенной композицией растительного орнамента с «*симметричными гроздьями винограда*».[236] Ареал их распространения оказался также впечатляющим – от Бурятии до Поднепровья, включающим районы Минусы, Кузнецкой котловины, Тувы и Средней Азии. Авторы отнесли этот сюжет к буддийской символике, равно как и мотив «*цветка смоквы*». К сожалению, изображения прямоугольных накладок приведены в графическом исполнении, что не всегда оказалось убедительным, так как на некоторых из них кроме гроздей «*винограда*» хорошо просматриваются уже известные «*цветы смоквы*». Не пытаясь оспаривать авторитетное мнение специалистов, выскажем осторожное предположение: отдельные сорта инжира (смоквы) плодоносят гроздями, что возможно было изображено на данных накладках. Тем более что на отдельных накладках хорошо просматриваются стилизованные изображения соцветий не винограда, а все той же смоквы. То есть этот тип накладок, вероятнее всего, относит-

[233] Гаврилова 1965; Савинов 1976; 1978; 1979; Мажитов 1981.
[234] Gall–Szenthe 2020, 181–197.
[235] Боталов и др. 2021, 84–90.
[236] Король–Конькова 2007, 145–156; Король–Наумова 2017, 12, рис. 4.

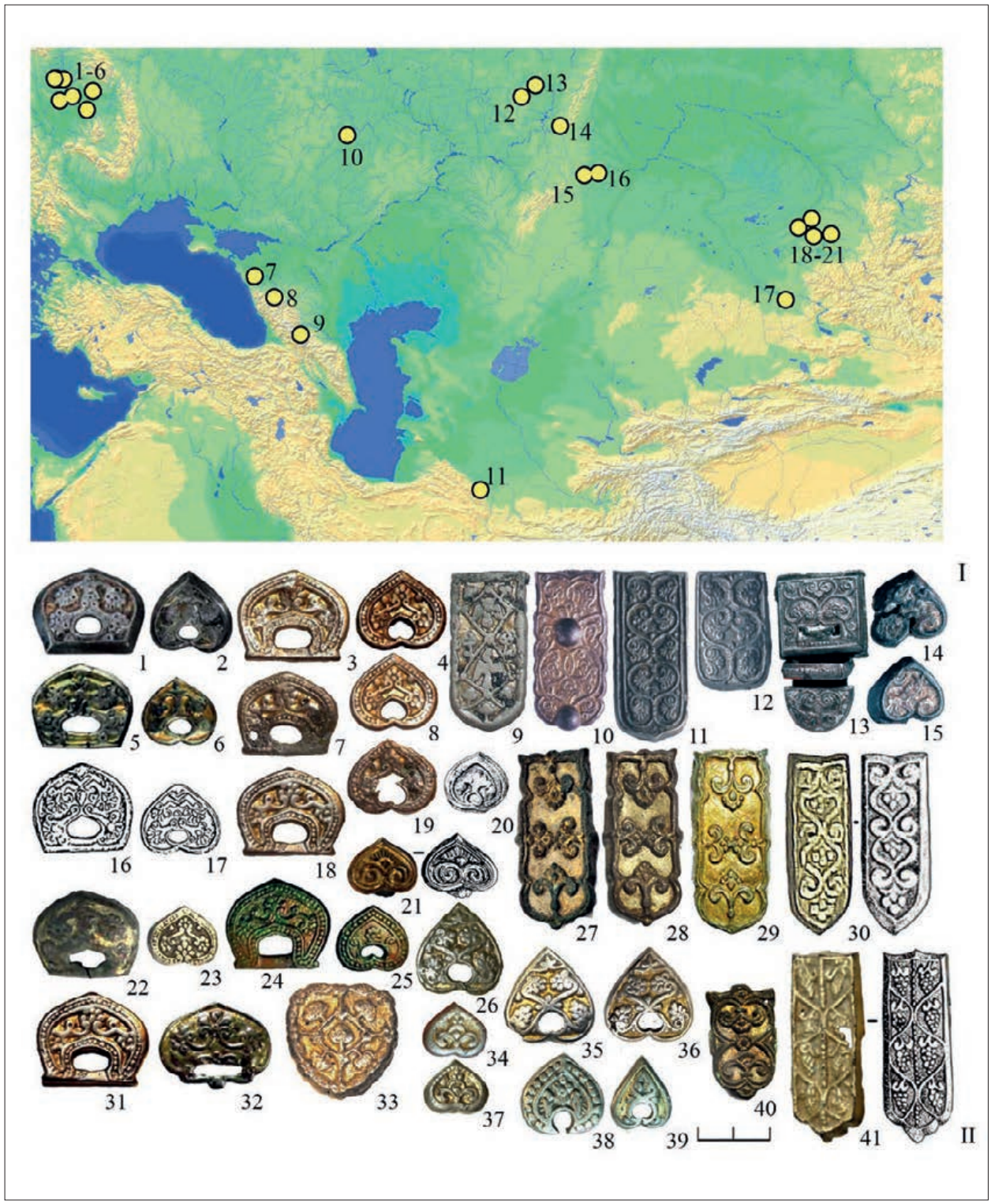

Рис. 358. I. Карта распространения накладок сросткинского типа с изображением смоквы. Западная группа: 1–6: Budapest-Farkasrét; Nógrádsáp A; Szerencs-Kácsatető; Sered 1/57; Blatne; Hortobágy-Árkus 49; 7: Хазарская коллекция (Кубань); 8: Мостовская (Кубань); 9: Ингушетия; 10: Лядинский могильник (Тамбовская область); 11: Nishapur (по: Gáll–Szenthe 2020)

Восточная группа: 12: Баяновский могильник; 13: Редикорский клад (Пермский край); 14: Каранаево; 15: Уелги; 16: Актюба; 17: Зевакинский могильник (Восточный Казахстан); 18–21: фонды Алтайского государственного университета, Белый Камень, Шепчиха-I

ся также к кругу предметов, имеющих растительную орнаментацию в виде цветка смоквы или Древа жизни, образ которого одновременно может относиться к раннехристианским и буддийским символам и, как универсальный, к манихейским.[237] Вероятнее всего, эту же символику содержат другие накладки с растительным орнаментом из коллекции Погребального комплекса Уелги, их отличие лишь в степени изобразительной стилизации.

Манихейская стилистическая группа. Образ пламенеющей жемчужины. В коллекции Погребального комплекса Уелги присутствуют шесть монометаллических накладок (вероятнее все они происходят из 29 кургана): четыре сердцевидной и две арочной формы с фигурной прорезью внизу (*рис. 360. 1–6*). Изобразительный сюжет данных накладок получил в литературе название «*пламенеющая жемчужина*». Вероятно, он явился первым стилистическим образом, который в начале 1980-х годов Ю.С. Худяков сравнил с языками пламени уйгурско-манихейских светильников, на материалах могильника Ник-Хая (Минуса).[238] Позднее С. Н. Нестеров приводит значительную география подобных находок среди памятников чаатасской и тюхтятской культур.[239]

Манихейская стилистическая группа. Несторианские сюжеты хорошо просматриваются на примере образов Иисуса с поднятой правой рукой со сложенным двуперстием, представленных на уелгинской накладке и на щитке известной пряжки из Субботцевского комплекса (*рис. 360. 7–10*). В этот же ряд входят и накладки с *образами парных птиц,* изображенные у Древа жизни. Этот сюжет имеет широкое распространение не только в материалах комплекса Уелги. Наиболее близкой уелгинской концевой накладке по сюжету (две курочки с расправленными крыльями соприкасаются грудками и клювами поддерживают росток Древа жизни) является накладка из погребения Краснореченского городища (Семиречье) (*рис. 360. 11–12, 15*).[240] Специалистами по средневековой торевтике они приводятся как образ птиц или птиц-фениксов[241] в большинстве своем из памятников и местонахождений Саяно-Алтая и Минусы. Этот образ также известен и в салтовской культуре (Верхнесалтовский могильник, кат. 32).[242]

Интересный сюжет парных птичек присутствует в погребении кургана 6 Старо-Халиловского могильника (Башкортостан), где в украшении (портупея? сумочка?) вошел комплекс из двух по-

[237] Боталов 2022, 57–61.
[238] Худяков 1983, 144–153.
[239] Нестеров 1990, 64.
[240] Торгоев 2003, 286, рис. 18; 2004, 341, рис. А.2.
[241] Король–Наумова 2017, 26–28, рис. 14, А, Б. 1, 2, 5–15, 16–25.
[242] Король–Наумова 2017, 27, рис. 14Б.

II. Накладки сросткинского типа. 1–2: Nógrádsáp A; 3–4, 7–8, 18–19, 31: Hortobágy-Árkus 49; 5–6: Budapest-Farkasrét; 9: Баяновский могильник; 10–15: Зевакинский могильник; 16–17: Sered 1/57; 20: Nishapur; 21, 41: Фонды Алтайского госуниверситета; 22–23: Мостовская; 24–25: Лядинский могильник; 26–28, 34, 37–40: Уелги; 29: Белый Камень; 30: Шепчиха-I; 32: Szerencs-Kácsatető; 33: Редикорский клад; 35–36: Актюба

358. kép. I. A szrosztki típusú fügeábrázolásos veretek elterjedési térképe. Nyugati csoport: 1–6: Budapest-Farkasrét; Nógrádsáp A sír; Szerencs-Kácsatető; Szered 1/57. sír; Blatne; Hortobágy-Árkus 49. sír; 7: Kazár gyűjtemény (Kubány); 8: Mosztovszkaja (Kubány); 9: Ingusföld; 10: Ljadai temető (Tambovi terület); 11: Nishapur (Gáll–Szenthe 2020) Keleti csoport: 12: Bajanovo temető; 13: Regyikori kincslelet (Permi határterület); 14: Karanajevo; 15: Ujelgi; 16: Aktjuba; 17: Zevakino temető (Kelet-Kazahsztán); 18–21: Altaji Állami Egyetem gyűjteménye, Belij Kamyeny, Sepcsiha-I

II. Szrosztki-típusú veretek. 1–2: Nógrádsáp A sír; 3–4, 7–8, 18–19, 31: Hortobágy-Árkus 49. sír; 5, 6: Budapest-Farkasrét; 9: Bajanovo temető; 10–15: Zevakino temető; 16–17: Sered 1/57. sír; 20: Nishapur; 21, 41: Altaji Állami Egyetem gyűjteménye; 22–23: Mosztovszkaja; 24–25: Ljadai temető; 26–28, 34, 37–40: Ujelgi; 29: Belij Kamyeny; 30: Sepcsiha-I; 32: Szerencs-Kácsatető; 33: Regyikori kincslelet; 35–36: Aktjuba

Рис. 359. Могильник Актюба. 1–61: вещевой инвентарь; 62: реконструкция. 1–44, 53, 56–58, 61: серебро, позолота; 45–50, 52, 54, 59–60: серебро, позолота, кожа; 51, 55: серебро, позолота, бронза
359. kép. Aktjuba temető. 1–61: mellékletek; 62: rekonstrukció. 1–44, 53, 56–58, 61: ezüst, aranyozás; 45–50, 52, 54, 59–60: ezüst, aranyozás, bőr; 51, 55: ezüst, aranyozás, bronz

Рис. 360. Манихейская стилистическая группа. 1–6: Пламенеющая жемчужина (Уелги); 7–10: образ Христа (Уелги, Субботцевский могильник); 11–18: образ парных птиц (11–12, 16: Уелги; 13: Зевакинский могильник; 14: Ишимбаевский курган; 15: Красная Речка; 17–18: Tiszaeszlár, Bashalom, Fenyves-tábla II, реконструкция
360. kép. Maniheista jellegú stilisztikai csoport. 1–6: Lángoló gyöngy (Ujelgi); 7–10: Krisztus-ábrázolás (Ujelgi, Szubbotci temető); 11–18: páros madarak ábrázolása (11–12, 16: Ujelgi; 13: Zevakino temető; 14: Isimbajevo kurgán; 15: Krasznaja Recska; 17–18: Tiszaeszlár-Bashalom, Fenyves-tábla II., rekonstrukció

лиметаллических (серебро с позолотой) накладок с изображением фазанов и цветка (*рис. 360. 14*).

Нечто подобное мы видим в материалах Погребального комплекса Уелги и могильника у села Решетниково Омской области, исследованного Г. Н. Малаховым в 1867 году, где на кожаной сумочке нашиты две пары серебряных птицевидных накладок (фазаны?) вокруг четы-

рехлистной серебряной накладки с концами в виде цветков смоквы[243] (*рис. 360. 16*).

Образ парных птичек у Древа (или цветка) жизни присутствует и среди материалов Карпатской котловины на известном серебряном браслете из Tiszaeszlár-Bashalom-Fenyvespart II – на двух створках в круглых рамках изображены четыре птицы, возможно, серых куропаток, перепелок или коростелей (по заключению орнитолога В. Гашек), сидящих с двух сторон от цветка смоквы в изобразительной аналогии *синеглазовской группы* (см. ниже) (*рис. 360. 17, 18*).[244]

Особым элементом манихейско-несторианской стилистической традиции является *символ креста*. В материалах Погребального комплекса Уелги насчитывается до десятка накладок в виде крестов и крестовых изображений, вписанных в округлые и арочновидные накладки, они встречаются как полиметаллические (серебро с позолотой), так и изготовленные из серебра и меди (*рис. 361. 1–8*). Их семантическое значение, как символа несторианства, нами было приведено в ряде статей.[245]

Интересно, что находки ременной гарнитуры с символикой креста не картографируются восточнее Южного Зауралья. Исключение составляют находки изображений несторианских крестов на керамической и металлической посуде, а также на архитектурных деталях из памятников Семиречья и Согда.[246] Вероятнее всего близость Южного Зауралья с тюркскими столицами Западно-Тюркского, Тюргешского и Караханидского каганатов (Суяб. Невакет, Баласагун), где, как известно, располагались несторианские и манихейские монастыри и буддийские храмы, оказало решающее значение на формирование этих традиций.[247] Особые случаи изображения крестов и крестовых символов фиксируются в памятниках Карпатской котловине Времен обретения Родины. Некоторые из этих артефактов по своей форме принадлежат к несторианским (равноконечные, расширяющиеся к краю). Особые находки относятся к крестам-энколпионам византийского типа, на концах которых в круглых рамках-овалах располагаются богоматерь, архангелы и святые (*рис. 361*). Безусловно, энколпионы указывают на активную деятельность византийских миссионеров с первых десятилетий пребывания венгров в Паннонии, что привело к ранней христианизации кочевой элиты и отразилось в появлении этих артефактов в материалах Времен обретения Родины[248] (*рис. 361. 10–15*). Однако первостепенная манихейская составляющая, как нам представляется, вполне могла иметь место и в этом случае.

В этой связи манихейская традиция позволила высказать еще одно предположение о триединой или четырехединой духовной практике исповедания нескольких пророков (Ману, Заратустра, Иисус, Будда).

Вполне возможно, что византийско-христианская символика уже на первых этапах могла оказаться вполне приемлемой и лояльной для ее восприятия. Сообщество, уже исповедующее некие пантеизмские принципы толерантного отношения различных верований, учений пророков и святых, могло воспринять этот новый атрибут (энколпионы с ликами святых и праведников) как вполне понятный.

Предвижу вполне объяснимый скепсис относительно высказанных сентенций со стороны моих коллег, в большей части венгерских специалистов, потому как затронутая тема требует особого осмысления. Однако существующие данные сегодня не позволяют традиционно утверждать, что будущие венгры – уральские кочевники, переселившиеся в Карпатскую котловину, являлись исключительно язычниками и шаманистами. Задолго до своего исхода в пределах *Magna Hungaria* они имели особый этап ду-

---

[243] Король 2008, 273, табл. 14.10; Heikel 1894, 80–85, pl. XXIV.
[244] Mesterházy 2018.
[245] Боталов–Байоглу 2017, 98–103; Боталов 2022, 58, рис. 6, 1–5; Боталов и др. 2019, 166–169.
[246] Кызласов 2006, 142–144, рис. 2–4; Кляшторный–Плоских–Мокрынин 2013; Рогожинский–Железняков 2019, 169, рис. 1, 1–4; Железняков 2002, 299–302; Григорьев–Железняков [электронный ресурс]; Ротт 2005, 44–50.
[247] Кызласов 2006, 140–141, рис. 1.
[248] A honfoglaló magyarság 1996, 230, 3; 272–273, 35, 37; 291, 2, 3; 300, 1; 330,1; 409, 2.

Рис. 361. Манихейская стилистическая группа. Образ Креста: 1–8: Уелги; 9–15: Карпатская котловина, по И. Фодору (A honfoglaló magyarság 1996); 16, 17: пояса с крестовым орнаментом (16: Каранчлапуйте; 17: Крюковско-Кужновский могильник, погребение 505)

361. kép. Maniheista jellegű stilisztikai csoport. Keresztábrázolás: 1–8: Ujelgi; 9–15: Kárpát-medence, Fodor I. nyomán (A honfoglaló magyarság 1996); 16–17: övek keresztes ornamentikával (16: Karancslapujtő; 17: Krjukovo Kuzsnovo 505. sír)

ховно-религиозных практик. В этой связи могу лишь еще раз отослать к своей статье.[249] В рамках данной темы следует отметить, что среди крестообразных накладок из коллекции комплекса Уелги известны две с антропоморфными личинами на трех верхних концах. Серебряные накладки арочной формы с петелькой для кольцевого подвешивания внизу. На накладке из насыпи кургана 11, на трех концах креста (нижняя часть обломана) хорошо просматриваются три антропоморфные личины (*рис. 361. 6, 8*). Возможно в рамках этой логики (три личины – три основных манихейских пророка – Ману, Иисус, Будда) можно угадывать эту трехликую накладку.

На западе известна также находка сферической накладки с тисненным по центру несторианским крестом в материалах мадьярского круга из Карпато-Днестровского региона (Диногеция, Румыния).[250]

Среди материалов Карпатской котловины в памятниках Времен обретения Родины встречено значительное количество нательных крестов и их изображений на предметах торевтики.[251] Особенно интересным в этой связи нам представляется богато изготовленный серебряный с золотой плакировкой наборный пояс из могильника Каранчлапуйтё.[252] Как известно, он является прямой аналогией пояса из погребения 505 Крюковско-Кужновского могильника[253] (*рис. 361. 16–17*). Коллеги, которые посвятили данным артефактам специальное исследование, пришли к мнению, что изученные поясные наборы представляют собой парадную деталь костюма человека с определенным социальным статусом, возможно воина.[254] Безусловно, необычную орнаментацию, украшающую изделия – парные крестообразные тисненые изображения, обрамление насечками (в венгерском случае) или выступающим бордюром (в мордовском памятнике), можно интерпретировать как оригинальный и очень стилизированный трилистник. Однако нам представляется, что это особая крестообразная символика, которая украшает неординарный пояс, принадлежавший вероятно особой персоне, обладающей неким духовным статусом.

Манихейская стилистическая группа. Буддийско-индуистская линия. При анализе Субботцевского комплекса поясной гарнитуры, кроме центрального несторианско-манихейского образа Иисуса с поднятой правой рукой со сложенным двуперстием, венгерский коллега Клима Ласло предложил интерпретацию еще двух изображений – авалоки-ташвары и танцующие девы – «*апсары*» (*рис. 362. 6, 7*). Предложенная им картография подобных находок включает – Катериновка, Новониколаевка (Поднепровье); Ишимбаевский могильник (Башкортостан) и Редикорский клад (Пермский край)[255] (*рис. 362. 1–6*).

Коллекция Погребального комплекса Уелги содержит четыре округлых накладки с изображением многорукой богини плодородия и материнства (Парвати) в позе падмасана и с цветками в руках. Очень похожие накладки с данным сюжетом присутствуют на поясе из погребения 357 Баяновского могильника[256] (*рис. 362. 12, 13*).

Еще один тематический буддийский образ содержится на овальной (яйцевидной) полиметаллической накладке из кургана 14 Погребального комплекса Уелги. Судя по сюжетным элементам (меч-секира в левой руке, отрубленная голова в правой руке, черепа в верхней части накладки, сложный головной убор) – это изображение богини смерти Кали (*рис. 149. 2, 3; 362. 14*).

Наиболее ярким буддийским восточным стилистическим образом, обнаруженным в материалах средневековых памятников Южного Урала и в Погребальном комплексе Уелги, в частности,

[249] Боталов 2022.
[250] Рябцева–Рабинович 2007, 208, рис. 2, 23.
[251] A honfoglaló magyarság 1996, 182, 183, 2, 3; 193, 1; 228, 2; 230, 3; 245, 2; 247, 3; 272; 273, 35, 37; 291, 2, 3; 330, 1; 408, 2; 409, 2
[252] A honfoglaló magyarság 1996, 399, 1.
[253] Иванов 1952, 217, табл. XXXIII, 1, 2; Зеленцова 2018, рис. 11, 1–5.
[254] Зеленцова–Митоян–Сапрыкина 2012, 50.
[255] Klima 2018, 136–149.
[256] Подосенова 2018, 129–132, рис. 4–5.

Рис. 362. Манихейская стилистическая группа. Буддийско-индуистская линия. 1–4: Авалокиташвары; 5, 6, 7: Танцующие девы и музыканты; 8–10 (по: Король–Наумова 2017, 49, рис. 24), 12, 13: Богиня плодородия и материнства Парвати; 11: Кёльнский кодекс Мани (Codex Manichaicus Coloniens); 14: Богиня Кали; 15–26: собака шицзы, восходящая ко льву Будды. 1–3: Редикор (Пермский край); 4: Ишимбаево (Башкортостан); 5: Зевакинский могильник; 6: Субботцы; 12, 14–22: Погребальный комплекс Уелги; 13: Баяновский могильник; 23–26: Карпатская котловина

362. kép. Maniheista jellegű stilisztikai csoport. Buddhista-hindu vonal. 1–4: Avalókitésvarák; 5– 7: Táncoslányok és zenészek; 8–10 (Korol–Naumova 2017, 49, 24. kép), 12–13: Párvati, termékenység és anyaság istennője; 11: Maniheista Kölni kódex (Codex Manichaicus Coloniens); 14: Káli istennő; 15–26: Shih tzu kutya, aki Buddha oroszlánjához vezet. 1–3: Redikor (Permi határterület); 4: Isimbajevo (Baskírföld); 5: Zevakino temető; 6: Szubbotci; 12, 14–22: Ujelgi temető; 13: Bajanovo temető; 23–26: Kárpát-medence

является серия зооморфных изображений. Самую большую серию их составляет образ *собаки шицзы*, так называемой *сидячей собаки, восходящей ко льву Будды*.[257] Этот универсальный буддийский образ собаки и сидящего льва встречается в памятниках Татарстана и Южного Урала, а также Карпатской котловины[258] (*рис. 362. 16–27*). Большое количество этих изображений встречены в пределах Саяно-Алтая, в этой связи мы не приводим эти аналогии, ссылаясь на авторов, уделившим этому сюжету особые разделы[259] (*рис. 362. 16–21*).

Большая коллекция зооморфных изображений собак, обнаруженных в памятниках Семиречья, и львов из Краснореченского и Ак-Башимского городищ относится к комплексам VIII–IX вв.[260] В Карпатской котловине также найдены три накладки с образом собаки шицзы,[261] что явно маркирует устойчивость буддийско-манихейских традиций в среде средневековых кочевников Времен обретения Родины (*рис. 362. 24–27*).

Кроме перечисленных выше существуют также особые изобразительные группы, которые содержат некоторые маркирующие сюжеты.

Синеглазовская стилистическая группа. Летом 1959 года В. С. Стоколосом при проведении аварийных раскопок курганов на озере Синеглазово[262] были обнаружены остатки украшений конской упряжи. Они состояли из 18 крупных прямоугольных, 24 мелких квадратных, одной круглой и одной концевой полиметаллических (серебро с золотом) накладок, имеющих изображение цветка смоквы, спускающегося сверху от центральной петли, далее от округлого соцветия отходят вверх, загибаясь в бока и вниз, заостряющиеся на концах лепестки соцветия (*рис. 363. 1–44*). Этот узор получил впоследствии рабочее название «*лилия*». Позднее подобная прямоугольная накладка была обнаружена в 2009 году в первичных подъемных сборах Погребального комплекса Уелги, впоследствии такие накладки были найдены в насыпи кургана 11. При исследовании этих находок было отмечено, что синеглазовские и уелгинские накладки являются идентичными и выполнены одним мастером. Все накладки изготовлены на одном рабочем шаблоне и имеют характерный дефект – правая сторона накладки меньше, чем левая (*рис. 363. 1–2, 4–19*). Таким образом, изделие скорее трапециевидное, чем прямоугольное. Данный факт вынуждает признать, что появление этих изделий в разных некрополях, удаленных почти на сто километров друг от друга, указывает, скорее всего, на их изготовление местным мастером. Общая картография данной стилистической группы включает накладку из могильника Вак-Кур (Нижнее Притоболье), Каранаевские курганы, курган 58, погребение 25, Ишимбаевские курганы, курган 2 (Южный Урал), могильник Новониколаевка (Поднепровье) (*рис. 363. 45–47*). В своей работе В.В. Мурашева обозначает европейскую географию ременных накладок с этим растительным сюжетом, приводя их аналогии с Кавказа, Венгрии и Воскресенского клада.[263] В работе T. Arne, на которую она ссылается, местонахождения накладок, отражающих данный стиль, существенно расширяется (Гнездов, Самарканд, Сибирь и Кубань).[264]

Наиболее ярко именно этот прием изображения цветка Древа жизни с заостренными вытянутыми и поднятыми вверх, загнутыми по краям и опускающимися книзу лепестками и листьями, ярко представлен в орнаментике предметов из комплексов Времен обретения Родины в Карпатской котловине. Вероятно, в Карпатской котловине этот сюжет стал наиболее популярным и

[257] Король–Наумова 2017, 19–21, рис. 9–10.
[258] Комар 2018, 345, рис. 30, 17; Халикова–Халиков 2018, 127, табл. XIX, 6; A honfoglaló magyarság 1996, 154, 6; Horváth 2022, 125, 72, 2; 212, 34, 3–6.
[259] Король–Наумова 2017, рис. 9.
[260] Торгоев 2003, 285–287, рис. 20; 2004, рис. а1, ЗВ 10, 11; 015–17.
[261] A honfoglaló magyarság 1996, 154, 6.
[262] Стоколос 1962, 163–168.
[263] Мурашева 2000, 37, рис. 44.
[264] Arne 1914, 135, Fig. 176–179.

Рис. 363. Синеглазовская стилистическая группа. Сюжет с цветками смоквы и заостренными лепестками и листьями. 1–44: могильник Синеглазово; 45: Ишимбаевский могильник; 46: Вак-Кур (Западная Сибирь); 47: Новониколаевка (Поднепровье); 48–55: Карпатская котловина, по И. Фодору (A honfoglaló magyarság 1996)
363. kép. Szinyeglazovo-típusú stilisztikai csoport. Kompozíció fügevirágokkal és éles szirmokkal és levelekkel. 1–44: Szinyeglazovo temető; 45: Isimbajevo temető; 46: Vak-Kur (Nyugat-Szibéria); 47: Novonyikolajevka (Dnyeper-vidék); 48–55: Kárpát-medence, Fodor I. nyomán (A honfoglaló magyarság 1996)

излюбленным изобразительным образом у венгерских мастеров[265] (*рис. 363. 48–55*).

Крюковско-кужновская стилистическая группа. Еще одна группа, условно названная крюковско-кужновской по названию могильника, где предметы этого стиля были обнаружены впервые.[266] Оригинальный изобразительный сюжет стиля, отмеченного в группе, состоит из двух цветков смоквы, обращенных с боков на встречу друг к другу, или одного (на щитках пряжек) цветка, имеющего длинные фигурные лепестки.

Фрагменты пояса с подобным украшением гарнитуры были найдены в кургане 11 Погребального комплекса Уелги (крайнее восточное местонахождение), а также в 279 погребении Баяновского могильника (Пермский край), далее накладки этого типа картографируются собственно в Крюковско-Кужновском могильнике (Мордовия), в Поднестровье (курган у города Слободзея)[267] и в Карпатской котловине[268] (*рис. 364. I*).

Карпатская стилистическая группа является наиболее известной. Наличие ее четко опредметилось с первых дней исследований Погребального комплекса Уелги, когда серия круглых сферических накладок была обнаружена в подъемных сборах. Она представлена круглыми накладками-бляхами различного размера, имеющими сферическую в сечении форму. Изобразительный сюжет в обязательном порядке содержит в центре сферическое ядро, оформленное ободком или фигурным пояском, три или четыре лепестка сердцевидной или подтреугольной формы и характерный бордюр в виде чередующихся овалов и кругов. В ряде случаев внутри овалов вписан четырехлистник. Впоследствии вероятно происходит стилизация данного сюжета, которая заменяется трех- или четырехлепестковыми формами, ярко представленными в памятниках Венгрии Времен обретения Родины.

Именно эта стилистическая группа становится впоследствии наиболее маркерной для памятников Карпатской котловины. Появление серии накладок этого стиля в материалах Погребального комплекса Уелги (курган 11) и могильника Актюба, где разнообразные накладки и бляхи карпатского стиля оказались в едином комплексе с поясным набором пряжек и сросткинских накладок, а также других стилистических групп и линий (*рис. 364. 5–7*), первоначально создало определенную интригу для исследователей, так как ранее подобные материалы не были обнаружены столь далеко на востоке.

В это же число входят наконечники ремней подпрямоугольной формы со скругленным внешним краем. Они также содержат цветковый орнамент в виде отходящих от центральной сферы бутонов, либо переплетенных стеблей цветов (смоквы?) (*рис. 359. 20, 28*). Подобные концевые накладки с переплетенными стеблями были обнаружены в Карпатской котловине (Артанд-Надьфаркашдомб, погребение 207 и Саконь-Кавичбанья, погребение 7).[269]

Однако самое большое количество подобных накладок (4 экз.) встречены в Зауралье в комплексе Нижний Яр (Курганская область) (*рис. 365. 10–13*), который был найден поисковиками, и позднее в полном объеме оказался в частной коллекции.[270] Этот комплекс конской узды и упряжи идентичен по набору из могильника Актюба. В него входили серебряные налобники с фигурным и лепестковидным основанием, с навершием В него входили следующие предметы: серебряные налобники с фигурным и лепестковидным основанием, с навершием в виде рыбьего хвоста; четыре концевые серебряные с золотой плакировкой накладки с сюжетом переплетений стеблей и бутонов; две круглые крупные и 21 мелкие серебряные с золотой плакировкой накладками, оформленные в виде округлых сферических, овальных или подквадратных

[265] A honfoglaló magyarság 1996, 80, 6; 114, 4; 128, 1; 133, 3; 178, 1; 183, 3; 199, 3; 217, 4; 307, 1; 342, 1; 389, 1; Dienes 1972, Fig. 3, 4, 7, 13, 22, 25, 25.

[266] Иванов 1952, табл. XXVIII, 12; XXXIII, 4; XXXIV, 5, 15; Комар 2018, 366, рис. 50, 55в.

[267] Тельнов 2018, 228, рис. 2.

[268] A honfoglaló magyarság 1996, 204; 238, 4.

[269] Horváth 2022, Fig. 73, 2, p. 127.

[270] К сожалению, местонахождение данной коллекции сегодня неизвестно.

Рис. 364. I. Крюковско-Кужновская стилистическая группа. 1: Погребальный комплекс Уелги; 2: Пермский край; 3: Крюковско-Кужновский могильник; 4: Карпатская котловина, по И. Фодору (A HONFOGLALÓ MAGYARSÁG 1996); II. Карпатская стилистическая группа. 5, 6: Нижний Яр, серебро, позолота, кожа; 7: Погребальный комплекс Уелги, курган 1, серебро, позолота

364. kép. I. Krjukovo Kuzsnovo-típusú stilisztikai csoport. 1: Ujelgi temető; 2: Permi határterület; 3: Krjukovo Kuzsnovo temető; 4: Kárpát-medence, Fodor I. nyomán (A HONFOGLALÓ MAGYARSÁG 1996); II. Kárpát-medencei stilisztikai csoport. 5–6: Nyizsnij Jar, ezüst, aranyozás, bőr; 7: Ujelgi temető 1. kurgán, ezüst, aranyozás

выступов по краю, трех соцветий и переплетенных соплодий и стеблей смоквы; плоские серебряные круглые бляхи, из которых одна крупная, две средние и 12 мелких; подпружная серебряная пряжка с нанесенным золотой плакировкой цветком (трилистником) на носике и подобная маленькая трензельная пряжка; две небольшие концевые накладки (одна серебряная с золотой плакировкой и одна бронзовая), имеющие растительную орнаментацию (трилистник); остатки от удил, кольчатое грузило и декорированные обломки псалий (*рис. 365*).

Кроме уже упомянутых концевых накладок с переплетенными стеблями в этой коллекции особый интерес представляют круглые орнаментированные накладки с перекрестием стеблей, цветов (или плодов) смоквы (*рис. 364. 5, 6*). Нечто подобное мы видим и на накладках Погребального комплекса Уелги (курган 1), где четко прорабатываются стебли и цветки смоквы, как и на нижнеярских накладках (*рис. 364. 7*). На наш взгляд, в данном случае мы видим некий поиск новых изобразительных приемов карпатского стиля, который будет наиболее популярным впоследствии.

Нахождение накладок карпатской группы в средневековых памятниках в лесостепном Зауралье и Западной Сибири (кострище Песьянка, могильник Вак-Кур, находки у городища Искер и Тобольска) невольно ставит вопрос о причинах появления этой категории вещей, наряду с другими относящимися также к кругу мадьярских древностей, столь далеко на восточном крыле венгерского миграционного ареала. Какова реальная природа взаимодействия части населения носителей этой карпатско-южноуральской стилистической группы с восточной алтайско-сросткинской и енисейской – тюхтятской?

Тюхтятская стилистическая группа. Если сросткинская составляющая уже достаточно точно отслеживается в материалах Уелгинского комплекса, то более восточная – тюхтятская – требует особого осмысления.

В 1987 году на юге Челябинской области в долине реки Большая Караганка (левый берег реки Урал) были исследованы своеобразные памятники (могильник Александровский, курганы 1, 2), в которых на подкурганных площадках вместе с продуктами горения были обнаружены своеобразные керамические сосуды – высокие банки и кувшинообразные сосуды (вазы) с плавной профилировкой. Когда количество подобных памятников достигло 15 единиц (Елантау, курган 4; Кайнсай, курган 4; Крутой Овраг, курганы 2–4; Селенташ, курганы 4, 5; Кызыл-Жар, курганы 1–3, сооружение 8 и др.) стало очевидно, что мы имеем дело с особыми археологическими объектами, которые впоследствии были отнесены автором к памятникам «*селенташского*» типа.[271]

При личной встрече Л. Р. Кызласов после ознакомления с материалами данного типа памятников предложил отнести их к комплексам, которые связаны с объектами средневекового хакасского населения тюхтятской культуры на территории Южного Зауралья. Основанием для этого стали абсолютно характерные высокопрофилированные сосуды (вазы) с орнаментацией в виде прочерченного треугольного зигзага по плечу и косыми насечками по венчику, а также бисердцевидная бронзовая геральдическая накладка из кургана 4 могильника Елантау.

С открытием погребального комплекса Уелги «*тюхтятская повестка*» получила свое особое значение. В коллекции поверхностных сборов и раскопов появились вещи: тройники с растительным орнаментом, прямоугольные накладки с растительным орнаментом, ажурные застежки с фигурным носиком-выступом, наконечники ножен, сердцевидные бляхи с умбоном по центру (*рис. 366, 1–13*). Чуть позже появились ажурные подвески и арочные наконечники ремня с трилистником, связующим элементом в основании, а также концевые накладки с парными цветами смоквы.

Тюхтятская стилистическая группа безусловно входит в состав сросткинской, как сопутствующая, в отличие от последней она не получила столь широкое распространение как другие группы и сюжетные линии. Хотя, из-

[271] Боталов 1996, 148–158.

вестны факты находок целого ряда предметов (ременных наконечников, Т-образных накладок-тройников и др.) в Поднепровье, Подонье и европейской части России.[272] Западный регион хождения тюхтятской стилистической группы вероятнее всего ограничивается Алтаем, Поиртышьем (Зевакинский могильник), Южным Зауральем (Уелги) и юго-западной Сибирью.

В 2017 году в археологическую лабораторию ЮУрГУ[273] поступила интересная коллекция случайных находок у села Дубровное, Ярковского района Тюменской области (*рис. 366, 14, 15, 17, 18*). Она состоит из четырех бронзовых предметов – накладки-застежки (игольница), Т-образной накладки-тройника и фигурной накладки с ушком (с остатками золотой плакировки), а также прямоугольной накладки из желтой бронзы. Это оказался характерный комплекс тюхтятской гарнитуры.[274] Подобные вещи были найдены при раскопках городища Красная Речка (Семиречье).[275] Это цельнолитая пряжка с растительным орнаментом, подквадратная орнаментированная пряжка с прямоугольной прорезью в нижней части, схожая с серией накладок с мотивом виноградной грозди,[276] накладка с ушком в нижней части, накладка в виде трехрогой лунницы, а также концевая накладка с растительной Н-образной орнаментацией, привязанной к округлому центральному ядру, оформленной растительными стеблями, а также концевые ременные накладки с характерными сюжетами растительного орнамента, расположенного ярусами по краям и по центру (*рис. 366, 14–18*).[277]

Находки у села Дубровное абсолютно идентичного тюхтятского комплекса еще раз подтверждают не случайное попадание предметов этой группы в Уелгинский комплекс. Вероятнее всего их появление на Южном Урале своеобразно маркирует появление здесь кыргызов в период великодержавия.

Таким образом, раннее проникновение сросткинских материалов на Южный Урал и далее на запад позволяют говорить о тюрско-алтайской экспансии населения Алтая в VIII в. Впоследствии эти группы, вероятно, получают наименование – кыпчак, так как по немногочисленным руническим («*Селенгинский камень*») и китайским («*Бэйши*») источникам этот этноним существует с самого раннего периода VII–VIII вв.[278] Пока не совсем понятен характер взаимодействия южноуральского населения и пришлых алтайских племен. Думается, что тюркское население Саяно-Алтая, имеющее в своей основе, кроме собственно тюркской, угорскую и самодийскую составляющие (по крайней мере, это актуально для сросткинцев), попадает в привычную полисоставную этнокультурную среду, где кушнаренковско-караякуповские материалы органически переплетены вместе с петрогромско-юдинскими. Это вероятно и отразилось на факте единого взаиморасположения этих комплексов вместе с курганами и погребениями пришлых кочевников.

Появление новых стилистических традиций и линий, которые в основе своей несут манихейские символы, происходит непосредственно в южноуральской среде. Вероятнее всего здесь сказалось влияние Семиреченских столиц тюркских средневековых империй (Суяб, Мин-Булак, Баласагун и Невакет [Красная Речка]), где, как известно, находились многочисленные манихейские, несторианские и буддийские монастыри и храмы.[279] Южноуральские кочевники, безусловно, в рамках существующей пастбищно-кочевой системы находились в непосредственном прямом контакте с центрами степной цивилизации западно-тюркского мира.

Возможно, эти два культурно-идеологических вектора воздействия: восточный – Саяно-Алтайский и южный – Семиреченский имели решающее значение в сложении на Южном Урале

---

[272] Древности Приднепровья 1907, 30, № 407; Король–Конькова 2007, 145–156, рис. 1, 2; Король 2008, 168, рис. 41, 1, 2.
[273] Благодарю коллегу А. Д. Таирова за предоставленные в мое распоряжение уникальные находки.
[274] Король–Конькова 2007, рис. 1, 2, 3.
[275] Торгоев 2003, 287, рис. 19, 24, 29, 30, 31; 2013, 389, 390, илл. 6, 1–7; 10, 12, 18, 19.
[276] Король–Конькова 2007, 145–156.
[277] Торгоев 2003, 287, рис. 19, 24, 29, 30, 31; 2013, 389, 390, илл. 6, 1–7; 10, 12, 18, 19.
[278] Кляшторный 1986; Ахинжанов 1976, 84; Кюнер 1961, 38.
[279] Кызласов 2006.

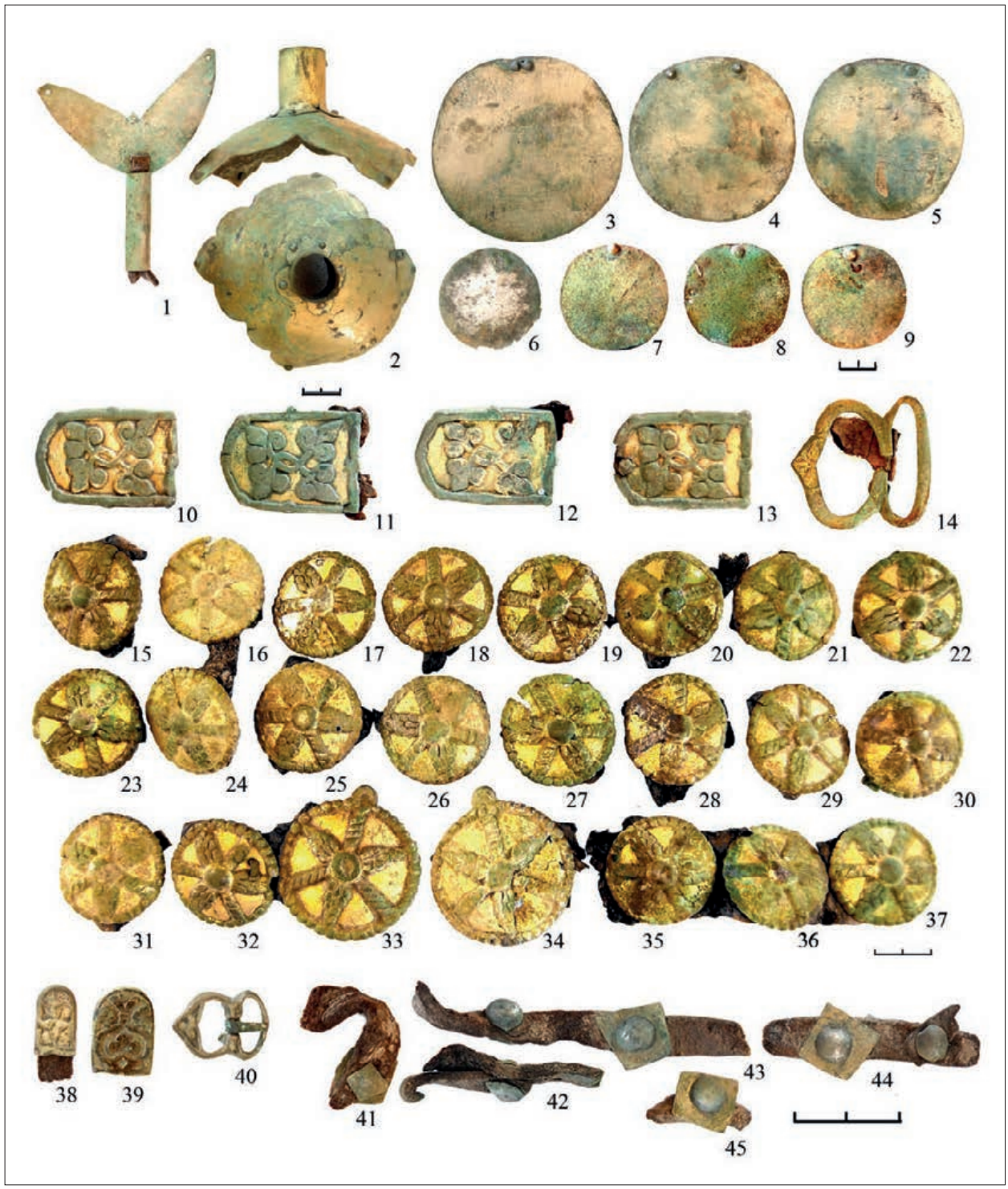

Рис. 365. Местонахождение Нижний Яр. Вещевой инвентарь. 1–9, 14, 40–45: серебро, бронза, серебро-кожа; 10–13, 15–39: серебро, позолота, кожа

365. kép. Nyizsnij Jar lelőhely. Mellékletek. 1–9, 14, 40–45: ezüst, bronz, ezüst-bőr; 10–13, 15–39: ezüst, aranyozás, bőr

новых особых и разнообразных стилистических групп: манихейская (несторианско-буддийская), синеглазовская, крюковско-кужновская, как составляющие мадьярской – карпатской, которая впоследствии и составила культурное своеобразие населения Времен обретения Родины в Карпатской котловине. В этой связи, вероятно, сегодня нет смысла утверждать о некой «*куль-*

Рис. 366. Тюхтятская стилистическая группа. 1–13: Погребальный комплекс Уелги; 14–15, 17, 18: находки у села Дубровное; 16: находка у г. Шадринск. 1–5, 7–9, 12–13: серебро с позолотой; 6, 10–11, 14–18: бронза
366. kép. Tyjuhtyjat-típusú stilisztikai csoport. 1–13: Ujelgi temető; 14–15, 17, 18: leletek Dubrovnoje falu mellett; 16: Sadrinszk város melletti lelet. 1–5, 7–9, 12, 13: aranyozott ezüst; 6, 10–11, 14–18: bronz

турной утрате», которую понесли уральские мигранты по пути на новую Родину.[280] По всей видимости, они привнесли в Карпатскую котловину не только свое сложившееся культурное своеобразие, но и особую идеологию, которая отличала их (по крайней мере, элиту этого объединения). Думается, что переселенцы не были в привычном смысле просто шаманистами и язычниками, а представляли собой носителей своеобразной идеолого-религиозной доктрины, однако этот вопрос требует своего отдельного углубленного исследования.

[280] Комар 2018.

Таким образом, мы постепенно подошли к пониманию, что сложение собственно мадьярских культурных традиций происходит в рамках южноуральского региона. Ранее высказанная мысль о возможном возвращении части мадьярского населения из Карпатской котловины на Урал,[281] безусловно, имеет право на свое существование. Однако при скрупулезном рассмотрении эта идея не может объяснить тот факт, что сложение и дальнейшее существование изобразительных групп, стилей и линий, первоначально сложившихся далеко на востоке – в Саяно-Алтае, как сросткинская и тюхтятская, попадая на Южный Урал, получают свое новое особое развитие, которое приводит к появлению собственно мадьярского или карпатского стиля. Его разнообразие включает все стилистические группы и линии, которые возникают в материалах комплекса Уелги на сросткинском этапе, поскольку этот некрополь является крайне восточной точкой распространения мадьярских материалов.

Показательными в этой связи являются не только эксклюзивные материалы синеглазовской группы с изобразительным сюжетом «*лилии*», возникшем в мастерской, расположенной в Челябинском Приозерье, но и знаковое разнообразие образцов, найденных в кургане 11, где двойная стратиграфия погребений 5 и 6 устанавливает рамки границ хусаиновского и сросткинкого этапов. Материалы, которые были обнаружены в насыпи кургана 11 (выкиды из ям 2–4), невольно обозначили все стилистические группы и линии – сросткинская, манихейско-несторианская, буддийско-индуистская, синеглазовская, крюковско-кужновская и карпатская.

Учитывая факт, что сросткинские изобразительные традиции в материалах погребений этого кургана могли формироваться либо в рамках второй половины VIII века, либо в IX веке (Poz-121188 760–900), высока вероятность, что все эти группы и линии сформировались именно в пределах Южного Урала, ресурсная база этого региона вполне соотносится с алтайской.

2.1.9. Хазаро-Уйгурское пограничье Южного Урала (VIII – середина IX в.)

При детализации и картографировании памятников хусаиновского этапа неожиданно обозначился интересный сюжет общеисторического фона, который раскрывает всю сложность геополитических процессов, происходивших на южноуральском пограничье в VIII–IX вв.

При рассмотрении памятников хусаиновского этапа, а также их картографирование становится очевидным, что большинство из них образуют отдельные могильники или погребения, встречающиеся разрозненно либо входящие в могильники (Ямашитаутские, Хусаиновский, I–II Бекешевские, Граултры, Наровчатский) последующего этапа (Каранаевский, Уелгинский, Байрамгулово, Актюба и др.). Эти памятники, как уже говорилось, сосредоточены либо в Южном Зауралье, либо вдоль южноуральских и мугоджарских хребтов. С запада в Предуралье они граничат с погребальными комплексами VIII–IX вв., несущими в себе явное хазарское влияние и элементы салтовской культуры.

Ярким образцом такого влияния является Стерлитамакский (Левашовский) могильник, а также памятники хазарского времени, отнесенные Н. Ф. Лифановым к памятникам прикамского и субботцевского типа.[282] Характерной деталью вещевых комплексов является конская узда, а также салтовские образцы ременной гарнитуры и украшений. Стерлитамакский могильник по своему богатству и многообразию, вероятнее всего представляет собой некрополь крупной кочевой группировки, которая является неким северо-восточным форпостом Хазарского Каганата (*рис. 367–368*). В южноуральских памятниках кочевников данного периода просматриваются яркие элементы культурного воздействия салтовских традиций в отдельных комплексах. Примером этого являются

[281] Боталов и др. 2021.
[282] Лифанов 2022, 18–31, рис. 8.

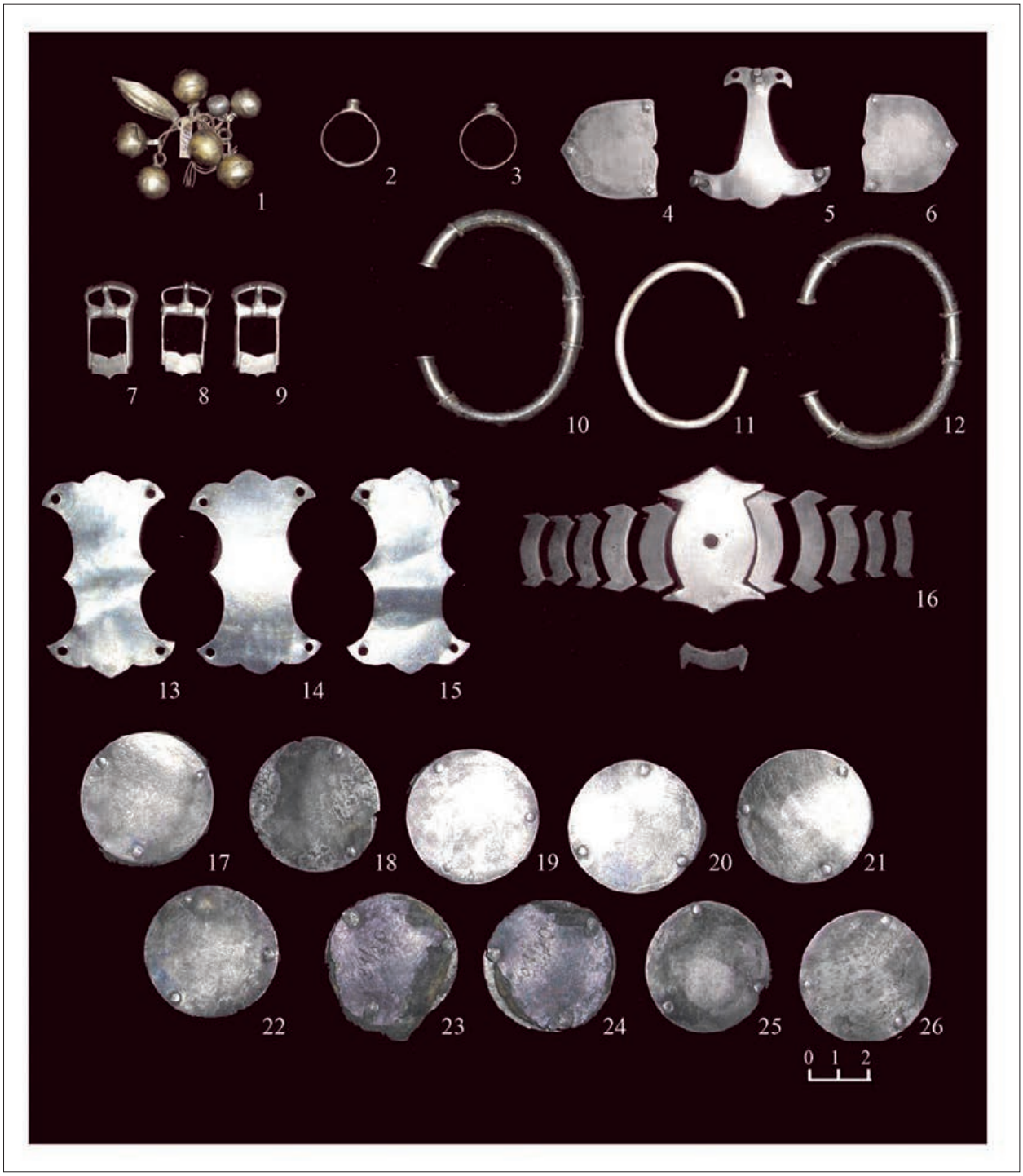

Рис. 367. Стерлитамакский (Левашовский) могильник. Вещевой инвентарь (по: Ахмеров 1955). Серебро
367. kép. Sztyerlitamak (Levasovo) temető. Mellékletek (Ахмеров 1955 nyomán). Ezüst

курганы 9, 14, 34 Погребального комплекса Уелги и курган 11 Каранаевского могильника (по Ф. А. Сунгатову).[283] Это влияние хорошо маркируется особым типом стремян вытянуто арочной формы с раскованным ушком для подвешивания и прямой фигурно раскованной подножкой,

[283] Сунгатов 2016.

Рис. 368. Стерлитамакский (Левашовский) могильник. Вещевой инвентарь (по: Ахмеров 1955). 1–32, 36: серебро; 33–35, 37, 38: железо; 39–42: керамика
368. kép. Sztyerlitamak (Levasovo) temető. Mellékletek (Ахмеров 1955 nyomán). 1–32, 36: ezüst; 33–35, 37, 38: vas; 39–42: kerámia

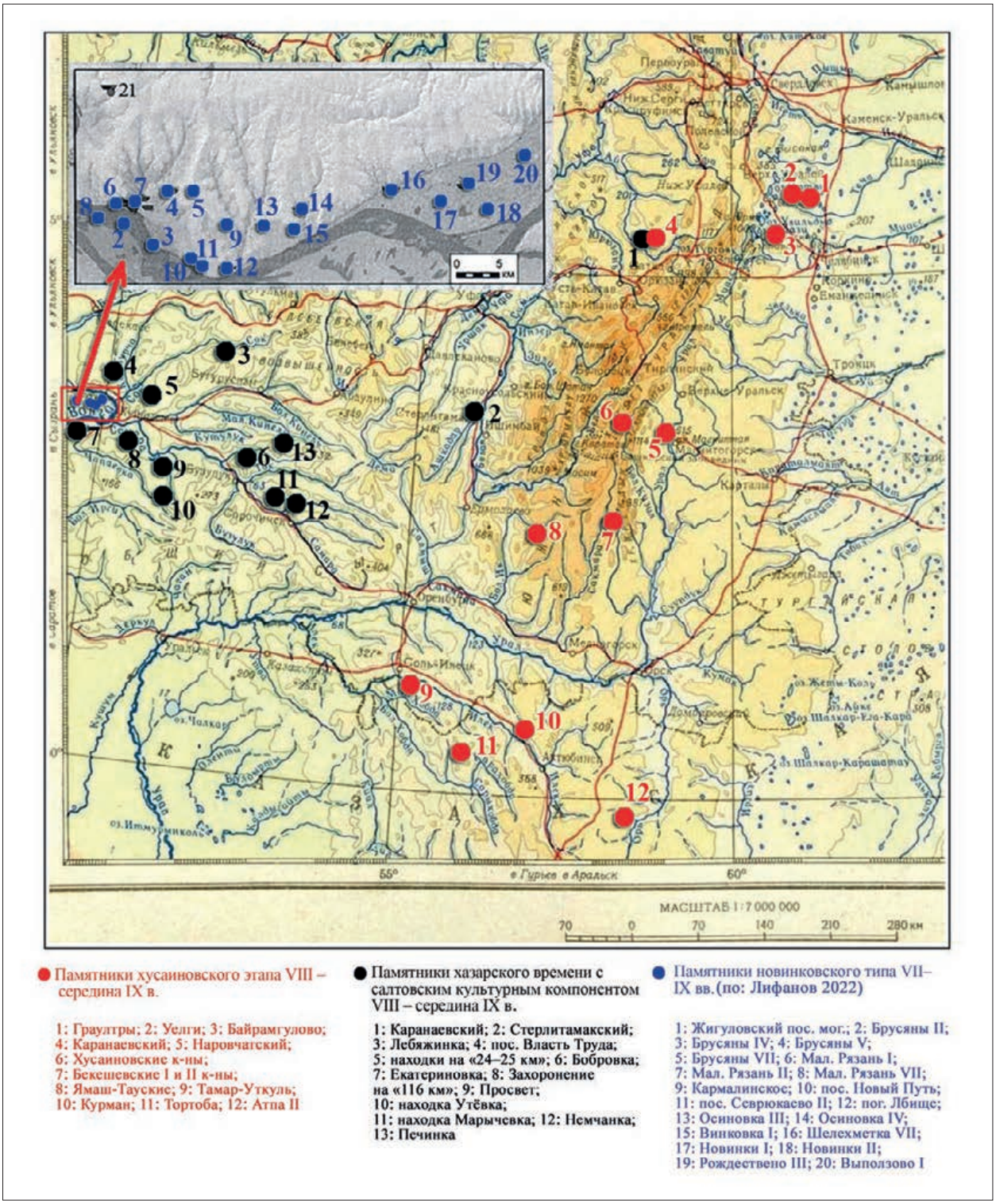

Рис. 369. Карта распространения памятников хусаиновского типа и комплексов салтовского типа
369. kép. Huszainovo- és Szaltyiv-típusú lelőhelyek elterjedési térképe

а также ременной гарнитурой и украшениями салтовского типа.

Что же касаемо памятников хусаиновской группы, то они своеобразно маркируют расширение внешних западных границ другой кочевой империи – Уйгурского каганата. Это ярко отразилось на культурном облике комплексов, имеющих яркие аналогии в тюркских материа-

лах Саяно-Алтая туэктинского этапа. Интересно то, что коллекции Стерлитамакского могильника и курганов хусаиновского этапа содержат исключительно горшки кушнаренковско-карякуповского облика. Это подтверждает, что этнокультурное население, продвинувшееся и с запада, и с востока, активно взаимодействовало с племенами Южного Урала.

Данные пограничные противостояния продолжались до конца IX в. Ослабление и последующий распад Хазарского каганата, произошедший по общеизвестным данным в этот период, открыл трансволжский путь для кочевников Южного Урала, Алтая и Казахстана (*рис. 369*). Данным процессам способствовали иные геополитические изменения, произошедшие в Центральной Азии – возникновение кочевой империи Кыргызского каганата. Приток новой волны из алтайских и восточно-казахстанских степей ярко маркируется элементами сросткинского культурного облика.

Следующий за ним синеглазовский этап знаменует приход новой волны алтайских кочевников (сросткинская культура). Это отразилось на изменении вооруженческого комплекса (сложный лук, бронебойные стрелы, кольчуга, лямеллярный доспех), конской узды, полиметаллической и ременной гарнитуры (серебро с золотой плакировкой) с богатой орнаментацией, несущей сюжеты манихейского, несторианского и буддийского идеокультурного облика.

Стилистические линии этого этапа содержат целый ряд манихейско-несторианских и манихейско-буддийских образов: *крестообразные* накладки из Погребального комплекса Уелги являются яркими аналогиями несторианских крестов, обнаруженных в тюркских столицах Семиречья (Суяб, Невакет и др.), *буддийско-индуистский* символ на круглых серебряных накладках с изображением богини плодородия Парвати и богини Кали; *несторианско-христианский* символ Христа с поднятой рукой со сложенным двуперстием на обломке накладки из Уелгов и на щитке пряжки из Субботцевского могильника; *буддийский* сюжет в виде образа многорукого Авалоки на пряжке из Ишимбаевских курганов и из клада Редикор; и, наконец, основной *манихейский* символ связан с элементами растительного орнамента, изображающего цветы, плоды и ветви Древа жизни, которым в манихейское время являлась смоква (инжир, фига), а также образы парных птиц. Этими изображениями изобилует большая часть орнаментированных накладок, серег и медальонов, найденных в Погребальном комплексе Уелги. Приведенная символика и взаимосвязь с манихейскими признаками указывает на глубокое проникновение этих представлений в культурную религиозную среду южноуральских кочевников.

Изначально рабочее название этого этапа было – сросткинский. Однако с дальнейшей более глубокой проработкой материалов стало очевидно, что материалы этого периода на Южном Урале имеют несравнимо большее культурное своеобразие, чем в сросткинских памятниках Алтая и сопредельных регионов Южной Сибири. Прежде всего, это более сюжетно окрашенные элементы манихейской, несторианской и буддийско-индуистской практики. Но самое важное, что на основе этой идеологии в Южном Зауралье формируются мадьярские (карпатские) культурные традиции, которые ярко демонстрируются в материалах комплекса Уелги, могильника Актюба и в находках из Нижнего Яра. Характерной особенностью погребений данного этапа является либо отсутствие керамики, либо появление нового юдинско-петрогромского комплекса с гребенчато-шнуровой керамикой.

2.2. Некоторые вопросы формирования кушнаренковской культуры[284]

Как вытекает из логики предшествующего раздела относительно кушнаренковского и карякуповского культурогенезов, то становится все более очевидным, что кушнаренково и караякупово это, безусловно, разнокультурные явления. В Зауралье псевдокушнаренковская керамика,

[284] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-20283 «*Мир кочевников Южного Урала в свете мадьярской археологии (VIII–XI вв.)*», https://rscf.ru/project/24-28-20283/

появляющаяся в недрах бакальского историко-культурного горизонта, не находит своего подтверждения в культуре бакальского населения, в особенности в погребальной традиции. Это отразилось в той ситуации, что в зауральских бакальских материалах абсолютно отсутствуют погребения раннего этапа VI–VIII вв. кушнаренковской культуры, которые характеризуют в подавляющем количестве курганные захоронения с характерной западной ориентировкой, отсутствием деформации черепов, костями лошади в погребении и характерными категориями ременной гарнитуры, наборные пояса с геральдическим и фигурно-ажурным стилем.

Первые кушнаренковские комплексы в Зауралье появляются лишь на хусаиновском этапе в VIII веке. С большой относительностью можно удревнить появление кушнаренковской посуды Зауралья до VII века в курганах с «*усами*» и комплексах селенташского типа, но этот вопрос требует особого рассмотрения.

Вероятнее всего на сегодняшний день можно связать Южное и Среднее Зауралье с территорией происхождения караякуповских традиций. На это указывают как материалы городищ, так и коллекция Погребального комплекса Уелги, которая содержит многочисленные образцы неорнаментированной круглодонной посуды и горшков с гребенчатой орнаментацией, характерной как для караякуповского комплекса, так и для зауральской керамики постбакальского и неволинского облика (вертикальные и горизонтальные елочки, вертикальные столбцы гребенчатого штампа, зигзаг) (см. глава 1, раздел 1.3., *рис. 284; 286*). Вопрос о территории и культурной среде появления кушнаренковской керамики и погребального комплекса пока остается открытым.

В определенном смысле также открыт вопрос и об этническом облике кушнаренковского населения. По крайней мере, в настоящее время нет каких-либо веских оснований, связанных с возникновением этой культуры с угорским ареалом. Наиболее популярный тезис о влиянии традиции фигурно-штамповой керамики лесостепного Зауралья и Западной Сибири, который использовался различными исследователями, в том числе и одним из авторов настоящего раздела, сегодня становится не совсем состоятельным и, вероятно, объясняет лишь появление не кушнаренковской, а псевдокушнаренковской керамики. Попытаемся еще раз рассмотреть ситуацию раннекушнаренковского культурогенеза в большом ареале урало-казахстанских степей.

Изменения культурно-исторического и политического порядка на Южном Урале происходят в связи с коренными переменами, произошедшими в степях Центральной Азии, вызванные возвышением алтайских племен тюрок (тугю – китайские источники). Известно, что каган тюрок Бумын в союзе с племенами теле разгромил Жужжанский каганат, а на его месте возник Тюркский (552–630 гг.), который в скором времени подчинил себе Семиречье, Центральный Казахстан и Хорезм. В 70-х гг. VI века Тюркский каганат распространил свою власть до Северного Кавказа и Причерноморья.[285] В состав Западного Тюркского каганата вошли степные районы Приуралья и Поволжья, земли Средней Азии, в том числе Тянь-Шань и Семиречье.[286]

В результате этих событий Южный Урал начал испытывать очередной постоянный новый приток инокультурного населения. В Зауралье и степной части Южного Урала в это время появляются племена, оставившие памятники так называемого селенташского типа – курганы с каменной насыпью. Основные черты и характерные детали, типологическая схожесть керамического материала позволили исследователям включить в число памятников селенташского типа и курганы с каменными грядами или «*усами*». Собственно, селенташские памятники представляют собой сооружения, которые по основным признакам повторяют конструкцию основного кургана с «*усами*».[287] Под каменными конструкциями располагались кострища, скелеты лошадей, кальцинированные кости, кости овцы, глиняные сосуды, реже – металлические предметы.

[285] Могильников 1981а, 29; Худяков 2023а, 123–131.
[286] Худяков 2023а, 131.
[287] Боталов 2009, 362–402, 406.

Комплексы селенташского типа и культово-поминальные памятники Монголии и Саяно-Алтая отражают единокультурные представления западных и восточных тюрок, но в вариации двух культовых традиций. На западе это курганы с «*усами*», на востоке – культово-поминальные комплексы монгольского типа, распространенного в среде наиболее знатных тюркских родов (тюрков-ашинов). Этому населению, по всей видимости, принадлежат культово-поминальные курганы с «*усами*» и комплексы селенташского типа.[288] Исследователь также предполагает существование единства раннетюркского населения Восточной Европы (ранние болгары оногурского союза) и населения урало-казахстанских степей.[289] Хотя абсолютизировать данный вывод не стоит, но проведенный сравнительный анализ керамического материала и погребального обряда убеждает, что урало-казахстанские степи входили в раннетюркский ареал конфедерации племен Западно-Тюркского каганата, известного под названием *он ок будун*.[290]

Граница между Западным и Восточным Тюркскими каганатами проходила по восточной стороне алтайских гор. Основные территории Западно-Тюркских каганатов первоначально (то есть до прихода тюрков Истеми-хана – *С.Б.*) были заселены народом *он ок будун* (или «*десяти стрел*», то есть десяти племен). Пять из них имели наименование *дулу* и расселялись на землях между реками Или и Чу, а пять племен Нушеби – на землях между реками Чу и Талас.[291] *Он ок будун* – продолжатели усунь / ашинской и аштак / ашидэ традиций, впоследствии их приемниками стало одно из племен онок-тюргеши. Граница размещения народа «*десяти стрел*» вначале охватывала пределы Семиречья и Центрального Казахстана,[292] несколько позднее Поволжье и Северное Причерноморье.

Трудно сказать точно, когда население этого союза заселило данные территории. Определенный ответ содержится в информации об этнониме *дулу,* который принадлежал пяти из десяти племен данного союза. Как известно, представитель этого рода хан Кубрат в 631 году основывает Великую Болгарию.[293] Отношение столь представительной части племен народа «*десяти стрел*» к болгарскому союзу племен позволяет рассматривать объединение *он ок будун* как могущественную на тот момент кочевую конфедерацию в юго-восточной Европе и Западной Азии.

Исходя из приведенных исторических реалий, следует вывод, что население Южного Урала, Северного и Центрального Казахстана, оставившее комплексы курганов с «*усами*» и памятники селенташского типа, входило в протоболгарское объединение *он ок будун* (огуры, оногуры), находившееся в орбите политического влияния Западного Тюркского каганата.

Появление в степной зоне Южного Зауралья и Северного Казахстана комплексов курганов с «*усами*» и селенташских памятников с кушнаренковской керамикой (Кайнсай, Селенташ, Туркменево), а также наличие кушнаренковской керамики в степных поселениях Берсуат и стоянках Целинный, Артасор 1, Карасор 3[294] представляют собой весьма маркерные явления. Изначально мы предполагали этот процесс как миграцию кушнаренковского населения из лесостепного Зауралья на юг в урало-казахстанские степи.[295]

Присутствие в этих курганах кушнаренковской керамики, наряду с высокими или средних размеров плавнопрофилированных горшков-ваз и гончарной посуды,[296] рассматривалось как итоги поликультурного микширования заураль-

[288] Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 156–157; Боталов 2009, 448–449.
[289] Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 169–170.
[290] Боталов 2009, 472–473.
[291] Зуев 2004; Досымбаева 2006, 153.
[292] Досымбаева 2006, 156.
[293] Плетнева 1982, 48.
[294] Боталов 2016а, 501, рис. 13; 505, рис. 15, 21.
[295] Боталов 2013а, 161.
[296] Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 123, рис. 68.

ского (угорского, мадьярского) и центрально-казахстанского (тюрко-телесского) населения.[297] Сегодня становится более понятным, что керамический комплекс курганов с «*усами*» и селенташских курганов отражает относительное единство форм в раннеболгарских комплексах Среднего Поволжья, Восточной Европы и раннеаварских памятников Карпатской котловины VII–VIII вв., о чем мы упоминали ранее.[298]

Кушнаренковская посуда в этом комплексе, безусловно, придает особое своеобразие в ранних памятниках Южного Приуралья. Хотя и здесь наметилась определенная тенденция. В материалах исследования Бустанаевского могильника, наряду с раннекушнаренковскими крынками с традиционной орнаментацией, присутствуют достаточно высокие неорнаментированные горшки-вазы, а также значительное число толстостенных фрагментов с вертикальной прямой профилировкой и слабо орнаментированные плавнопрофилированные горшки с насечками по венчику.[299]

Кроме того, в комплексах этого могильника обнаружены характерные наборы ременной полиметаллической гарнитуры в геральдическом стиле, характерные для кочевнических и раннеболгарских комплексов Восточной Европы.[300]

Нечто подобное мы обнаружили в результатах исследования святилища Ингала, расположенного далеко в зауральской лесостепи – на юге Тюменской области. В нескольких жертвенных местонахождениях были обнаружены наборы поясной полиметаллической (серебро с золотыми инкрустациями) геральдической гарнитуры (*рис. 370*), а также фигурные накладки с прорезной орнаментацией. Керамический инвентарь представлен фрагментами четырех сосудов. Один из них толстостенный плавнопрофилированный горшок, подобный ранее приводимой керамики из степных комплексов курганов с «*усами*», в памятниках селенташского типа, средневолжской посуды новинковского типа и раннеболгарских комплексов Восточной Европы. Два круглодонных горшка бакальского типа и круглодонный сосуд раннечияликского типа.[301]

По нашему мнению материалы, полученные при исследовании памятников Ингала и Бустанаево, несмотря на свою северную лесостепную удаленность, демонстрируют яркий кочевнический комплекс, связанный с болгарским ареалом в казахстанских степях. Этот комплекс сформировался где-то в степном ареале и появился здесь в результате миграционных процессов в конце VI–VII в.

Вероятнее всего причиной этого явились деструктивные процессы, вызванные экологической катастрофой Арало-Сырдарьинского региона в VI–VIII вв.,[302] а также вторжения в Восточный и Центральный Казахстан кыпчаков (сеянто) в 647 году и последующее переселение в южноказахстанские степи карлуков после распада Восточно-Тюркского каганата (744–745 гг.).[303] Они привели к распаду системы прежней кочевой конфедерации в урало-казахстанской степи и лесостепи.

Вероятно, именно с этого времени начинает складываться кушнаренковский южноуральский ареал на первом этапе (условно называемый бирско-манякский). Основное событие, связанное с его формированием, происходит в степной полосе евразийского пограничья – исход народа *он ок будун* (огуров-оногуров) – носителей культуры курганов с «*усами*», курганов селенташского и, вероятно, кушнаренковского типов из урало-казахстанских степей в период с конца VI–VII в. На это указывает тот факт, что по данным радиоуглеродного анализа и типологии инвентаря наиболее поздние курганы с «*усами*» датируются концом VII в.,[304] а наиболее поздние

[297] Боталов 2013а, 161; 2016а, 523–527.
[298] Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 125–133, рис. 70–73.
[299] Колонских–Саттаров–Ситдиков 2024, рис. 5, 9.
[300] Рашев 2004.
[301] Боталов 2016а, рис. 20, 21.
[302] Боталов 2020, 39–46.
[303] Golden 1972, 5.
[304] Грудочко 2016, 216–218.

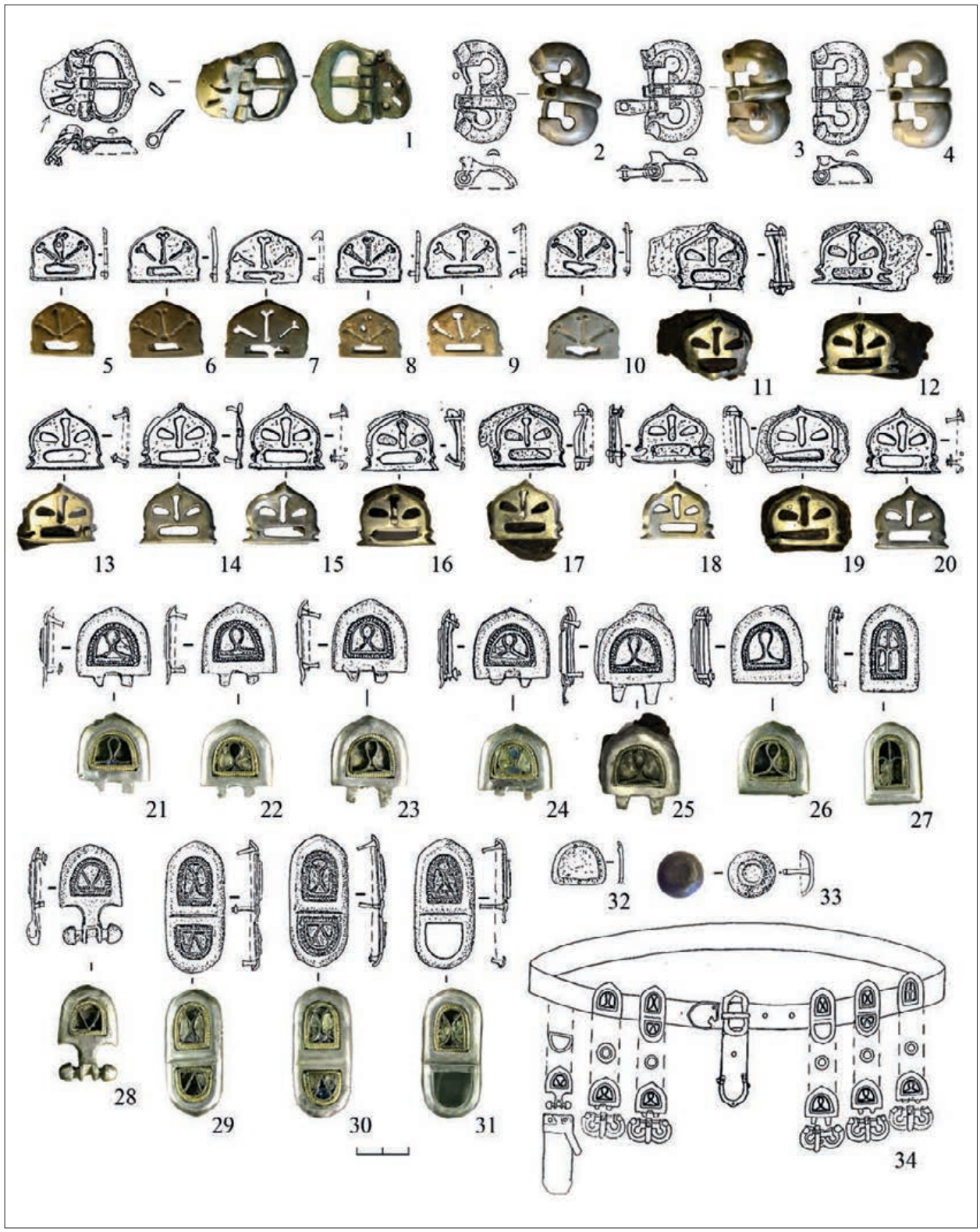

Рис. 370. Святилище Ингала. Вещевой инвентарь. 1–33: серебро, кожа, инкрустация стеклом; 34: реконструкция

370. kép. Ingala áldozóhely. Mellékletek. 1–33: ezüst, bőr, üvegberakás; 34: rekonstrukció

селенташские комплексы (без «*усов*») доживают только до середины VIII в.[305]

Широтное движение раннеболгарского населения в рамках этого ареала археологически угадывается по целому ряду фактов. Именно с VII века на запад передается некий вектор культурных инноваций, который происходит в рамках от Волжского правобережья до Центральной Европы. Так, справедливости ради, стоит признать, что раннеболгарские комплексы к западу от Волги появляются не ранее второй трети VII в. и в своей дисперсной массе встречаются в пределах VII–VIII вв. в Приазовье и Причерноморье, исторически маркируя Великую Болгарию.[306] На Средней Волге в данное время появляются памятники с раннекушнаренковской керамикой (Пролетарское городище).[307]

Следует отметить, что одновременно в тюркский период в данном регионе присутствуют памятники с каменными курганами с восточной ориентировкой погребенных, скелетом лошади, лежащим на боку рядом с могильной ямой. Погребальный обряд и набор сопровождающего вещевого инвентаря (костяные подпружья, пряжки, стремена с петлевидной дужкой, кольчатые удила) сближают эти памятники с телесскими комплексами катандинско-кудэргинского типа Алтая и Тувы.[308] В то же время имеются погребения с западной ориентировкой погребенных с инвентарем, в составе которого конская узда с S-видными псалиями и восьмерковидными удилами, стремена арочной формы, массивные костяные подпружные пряжки, накладки на лук, детали пояса с овально-рамчатыми пряжками и накладками с растительным орнаментом и прорезью для подвесного ремешка. Истоки появления подобных памятников, как предлагают исследователи, следует искать в районах к востоку от урало-казахстанских степей, так как именно в регионе Сибирского Алтая традиция погребений с конем и восточной ориентировкой сложилась в древние времена.[309]

Памятники селенташского типа и погребальные конструкции в виде каменных курганов с восточной ориентировкой погребенных в степных районах Южного Урала указывают на то, что с VI века на данной территории, включая казахстанские степи, сложился и просуществовал до IX века историко-культурный комплекс, связанный с тюркоязычными праболгарскими племенами.[310]

В тюркское время в Приуралье, в среднем течении реки Белой с раннегородским центром (городище Уфа-II), обитали племена турбаслинской культуры, а севернее их этнической территории – племена бахмутинской, сложение и развитие которой было тесным образом связано с культурой первых. Хронологические рамки бытования бахмутинской культуры в границах V–VIII вв. совпадают с турбаслинской. Синхронность развития этих культур и их взаимодействие отчетливо демонстрируют материалы поздних погребений Бирского могильника, расположенного в 100 км севернее города Уфа.

Территориальное соседство турбаслинских и бахмутинских племен обусловило установление своеобразных форм взаимного приспособления и этнокультурного взаимодействия. Это выразилось в наличии общих могильников (Бирск), в проникновении отдельных элементов турбаслинской культуры в бахмутинскую, появлении смешанных элементов погребального обряда.

Интенсивность контактов взаимодействующих сторон в этническом отношении четко прослеживается на антропологическом материале. Согласно исследованиям М. С. Акимовой и Р. М. Юсупова, морфологические особенности раннебахмутинского населения позволяют характеризовать их как местный (уралоидный) тип, укладывающийся в рамки комплекса признаков европеоидных популяций. Черепа же позднебахмутинского населения отличаются наличием бо-

[305] Боталов 2013, 71.
[306] Рашев 2004, 12–52.
[307] Сташенков 2018, 258–259, рис. 2.
[308] Боталов 2009, 413–414.
[309] Боталов 2009, 450–451.
[310] Боталов–Гуцалов 2000, 215.

лее европеоидных черт: лицевой скелет более узок, профилирован, резче выступают носовые кости. М. С. Акимова данное явление объясняет тем, что в крае произошло смешение местного населения с представителями европеоидного облика, под которыми она имела в виду пришлые турбаслинские племена.[311] Причем смешение местного финно-пермского населения с пришлым элементом отражают не только памятники позднебахмутинской, но и, собственно, турбаслинской культуры. Это подтверждается находками в погребениях ряда турбаслинских могильников (Дежнево) женских черепов уралоидного типа, что, в свою очередь, указывает на брачный характер связей.

Этнические контакты бахмутинского и турбаслинского населения фиксируются также нахождением в позднем Бирске деформированных черепов, как мужских, так и женских. На этих черепах прослеживаются следы наложения лобно-затылочной повязки, вызвавшей значительную покатость лба и уплощенность затылка. Ближайшие аналогии бирским деформированным черепам представлены в Дежневских, Новотурбаслинских курганах и Кушнаренковском могильнике турбаслинской культуры.[312]

Данные антропологии позволяют за этими фактами усматривать не только культурное воздействие турбаслинских племен на бахмутинские, но и предполагать присутствие первых в составе их этнического ядра. Видимо, нельзя исключить и то, что не без влияния и прямого участия турбаслинцев происходила трансформация раннебахмутинской (мазунинской) археологической культуры в бахмутинскую.

Для понимания масштабов этого процесса важным является замечание М. С. Акимовой, утверждавшей, что черепа из поздних погребений Бирска сохранили генетическую преемственность со всем населением раннего этапа бахмутинской культуры, но имеют признаки, отражающие тенденцию к изменениям в направлении монголоидности или европеоидности.[313]

Однако археологическое выделение и оценка турбаслинского компонента в бахмутинской среде и, в частности, Бирском могильнике, представляют значительные трудности по трем основным причинам. Во-первых, сам турбаслинский компонент еще до прихода в Приуралье включал в себя позднесарматские, гуннские (болгарские) и возможно, другие элементы, то есть был неоднороден. Во-вторых, в Бирском и Бахмутинском могильниках он органически слит с местным компонентом, и в чистом виде там турбаслинские захоронения отсутствуют. Во всяком случае, мы не располагаем ни одним комплексом, который по всем параметрам и содержанию был бы сопоставим с классическим турбаслинским. В-третьих, мы не располагаем в полном объеме данными определений антропологического типа погребенных. Имеющиеся данные позволяют выделить лишь незначительное число захоронений, где антропологический тип можно связать с турбаслинцами, что относится в первую очередь к погребениям с искусственной деформацией черепа.

Чтобы выделить собственно турбаслинский компонент, необходимо установить сходство трех основных признаков: обряда погребения, инвентаря и антропологических данных. Этим трем условиям в основном отвечает ряд комплексов Бирского могильника (погребения № 77, 99, 111, 123, 130 и др.). Обряд захоронения в этих погребениях имеет сходство с турбаслинскими по следующим признакам: конструкция могильных ям; значительная их глубина; ориентировка погребенных головой в северный сектор; положение погребенных вытянуто на спине; устройство подбоев в одной из коротких стен; положение жертвенного мяса животного и жидкой пищи в глиняных сосудах, располагавшихся в изголовье или в подбое.

Погребальный инвентарь таких погребений состоит из предметов, являющихся этномаркирующими культуру местного населения. Но в то же время в их составе присутствуют артефакты, которые маркируют культуру турбаслинского этноса. К ним относятся бронзовые пряжки, наконечники ремней, накладки-лунницы, обтянутые золотой фольгой, большие янтарные бусы,

[311] Акимова 1968, 62–64.
[312] Акимова 1968, 71–74.
[313] Акимова 1968, 64, 83.

бронзовые зеркала с ячеистым орнаментом, пластинчатые с подвязной ножкой и литые двухпластинчатые фибулы, стеклянный кубок, мечи, железные трехлопастные наконечники стрел, удила со стержневидными псалиями с рифленой поверхностью и гранеными шишечками на концах, глиняные сосуды турбаслинского типа. Примечательно и то, что отдельные сосуды (погребение 229), как и турбаслинские, были по венчику обложены серебряными обкладками. Аналогичный способ украшения глиняной посуды в Приуралье присущ только керамике Дежневских курганов турбаслинской культуры.[314]

Археологические данные, таким образом, позволяют констатировать, что в среднем течении реки Белой в V–VIII вв. происходил активный процесс смешения местных бахмутинских традиций и основных черт культуры пришлых турбаслинских племен.

На фоне прямых и активных этнических контактов между бирским населением и мигрантами легко объяснимо происхождение многих элементов заимствования, которые прослеживаются в археологических коллекциях. Например, элементом заимствования населением, оставившим Бирский могильник, являются могилы с подбоями (92 случая) и ступеньками (2 случая). Подбои и заплечики не зафиксированы ни в одном другом бахмутинском могильнике, но зато они представлены в Дежневских (6 и 12 случаев), Новотурбаслинских (5 и 1) курганах, Кушнаренковском (5 подбоев) и Шареевском (7 и 1) могильниках. На отдельных памятниках турбаслинской культуры обнаружены также погребения, имеющие и подбой, и заплечики (Дежнево – один случай, Кушнаренково – четыре случая).[315]

В Бирске имеются поздние варианты могил с подбоями. Во всех синхронных турбаслинских могильниках V–VII вв. подбои совершены по центральной оси, параллельно длинным стенкам. В погребениях конца VII–VIII в. встречено 17 случаев, когда подбои строились либо в длинных стенах, либо в северных, но значительно шире общей ширины могилы. Независимо от местоположения эти расширения играли роль подбоев, о чем свидетельствуют обнаруживаемые артефакты в них. Такие боковые расширения-подбои выявлены в погребениях Шареевского могильника VIII в. – позднем памятнике турбаслинской культуры. Приведенные данные позволяют предположить, что к VIII веку у населения среднего течения реки Белой традиция устройства подбоев постепенно вырождалась.

Если учесть, что глиняные сосуды являются продуктом ручного производства и изготавливались в «*домашних*» условиях отдельными семейными коллективами, то присутствие в Бирске большого количества форм, характерных для пришлого населения, можно объяснить результатом широко распространенных брачных связей между двумя группами населения. В результате этого в коллективе людей, оставивших Бирский могильник, оказываются представители турбаслинского этноса, которые и изготавливали глиняные сосуды по выработанным ими стандартам. Учитывая местные традиции, отдельные типы турбаслинских сосудов получили соответствующее орнаментальное оформление – горизонтальные или беспорядочные наколы по тулову горшка.

Погребальная традиция устанавливать пищу в сосудах в V–VIII вв. для всего населения Бирска была обязательной нормой (из 274 погребений этого времени сосуды или их фрагменты обнаружены в 175 погребениях). В могилы ставились собственно бахмутинские сосуды, орнаментированные ямочными наколами. Наряду с ними в погребениях представлены неорнаментированные сосуды турбаслинского типа. Вместе с тем отдельные экземпляры турбаслинских сосудов имеют бахмутинский орнамент.

Таким образом, турбаслинский компонент в культуре местного населения фиксируется в разных проявлениях и охватывает разнообразные его стороны. Несомненно, что контакты между турбаслинскими и бахмутинскими племенами не носили односторонний характер. Имело место и обратное влияние. Однако разноуровневый характер взаимодействующих сторон приводил к тому,

[314] Сунгатов 1993, рис. 2; 7–8; 1995, рис. 3, 11; 4, 4–5.
[315] Сунгатов 1998, табл. XV.

Рис. 371. Материалы тюркского времени из памятников Башкирского Приуралья. 1: птицевидная подвеска; 2–3: кольцевидные подвески; 4–6: подвески с ушком; 7–8: коньковые подвески; 9: подвеска с грузиком, 10: подвеска-колокольчик; 11: монета Савшафана (VIII в.); 12: трубчатая подвеска со вздутием; 13: четырехлепестковая подвеска; 14: трубчатая пронизка; 15: серьги харинского типа; 16: серьга с гроздевидной привеской, 17: псевдопряжка-накладка; 18: фибула; 19: пронизка с расширенным концом; 20–24: пряжки; 25–32: накладки ремня; 33–34: наконечники ремня

371 kép. Baskírföld lelőhelyeinek türk kori leletei az Urál nyugati előterében. 1: madár alakú függő; 2–3: gyűrű alakú csüngők; 4–6: füles csüngők; 7–8: lovas csüngők; 9: csüngődíszes fülbevaló; 10: harang alakú csüngő; 11: Szavsafan (horezmi sah) érme (8. sz.); 12: profilált csöves csüngő; 13: négyszirmos csüngő; 14: csöves csüngő; 15: Harino-típusú fülbevalók; 16: gömbsorcsüngős fülbevaló, 17: álcsat; 18: fibula; 19: kiszélesedő végű csöves csüngő; 20–24: csatok; 25–32: övveretek; 33–34: szíjvégek

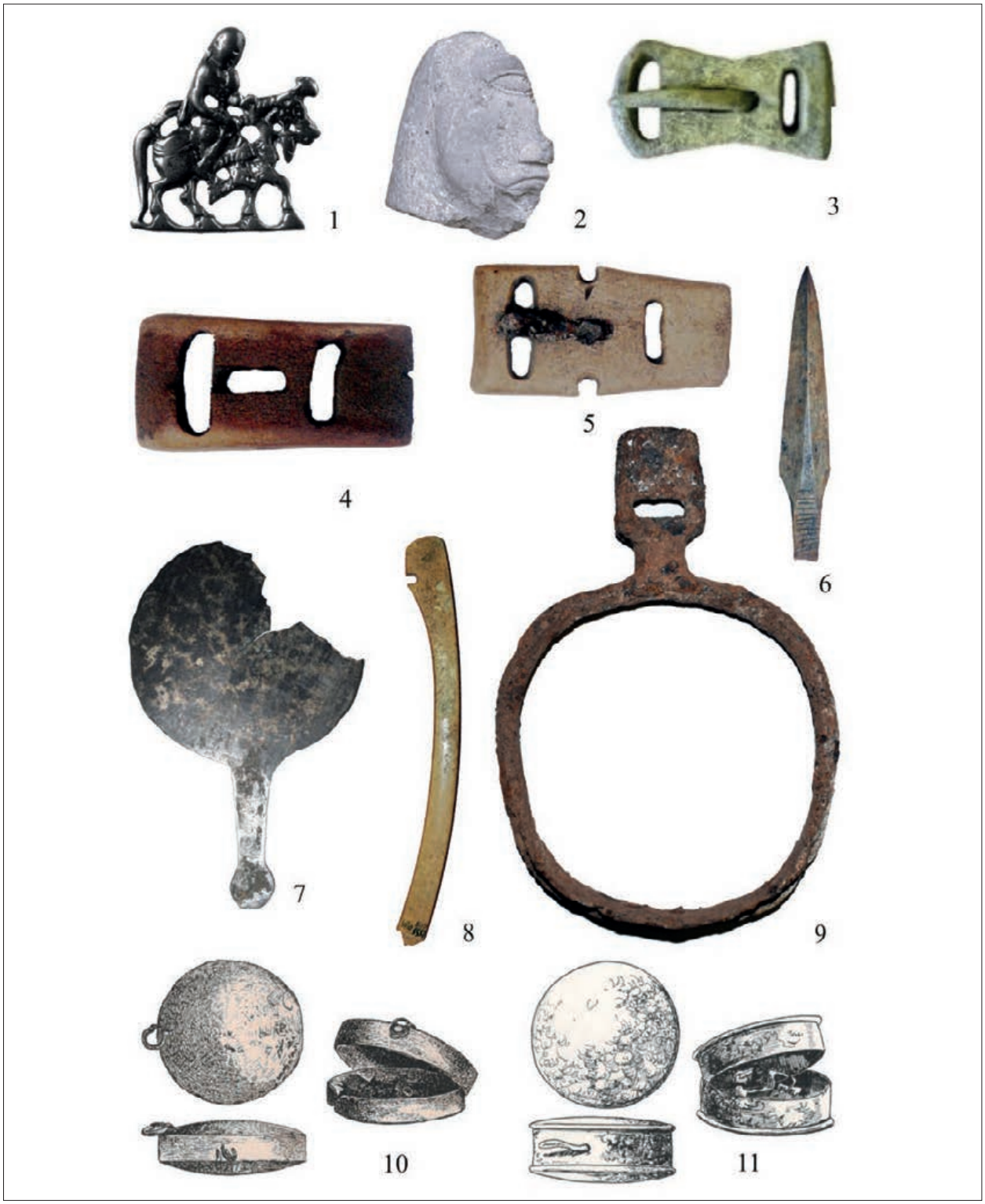

Рис. 372. Материалы тюркского времени из памятников Башкирского Приуралья. 1: фигурка всадника; 2: фрагмент каменного лицевого изображения; 3–5: костяные подпружные пряжки; 6: костяной наконечник стрелы; 7: бронзовое зеркало с ручкой; 8: концевая костяная накладка лука; 9: железное стремя; 10–11: бронзовые коробочки из Бирского (Башкортостан) и Чон-Алайского могильников (Фергано-Алай)

372. kép. Baskírföld lelőhelyeinek türk kori leletei az Urál nyugati előterében. 1: lovasfigura; 2: arcábrázolás töredéke kőből; 3–5: csont hevedercsatok; 6: csont nyílhegy; 7: nyeles bronztükör; 8: íj szarvlemez; 9: vaskengyel; 10–11: bronztégelyek Birszk (Baskírföld) és Cson-Alaj (Fergana-Alaj) temetőkből

что культурные заимствования турбаслинцев были весьма ограничены и шли на селективной основе. Во всяком случае, на археологическом материале следы воздействия культуры бахмутинских племен прослеживаются незначительно. Можно утверждать, что погребальный обряд за счет контактов с бахмутинцами не подвергся сколько-нибудь существенным и заметным изменениям. Заимствования же в материальной культуре выражаются в присутствии в погребениях глиняных сосудов чандарского типа, а также сосудов турбаслинского типа, но орнаментированных рядами ямочных наколов по шейке и плечикам. Из категории украшений можно, пожалуй, назвать только подвески в виде полой фигурки медведя, плоского кольца с трехбусинными гроздьями по ободу и застежки-сюльгамы.

Появление на рубеже VI–VII вв. на Южном Урале нового населения, известного под названием кушнаренковско-караякуповских племен, привело к очередному серьезному изменению этнокультурной ситуации. В скором времени территория их расселения покрыла районы распространения не только турбаслинской и бахмутинской культур, но и охватила Среднее Поволжье. В этом отношении показательно появление на турбаслинских и бахмутинских могильниках захоронений с кушнаренковской керамикой с соответствующим набором погребального инвентаря (*рис. 371. 1–34*). На поселенческих объектах, в том числе в культурных отложениях города Уфа-II, их многочисленные фрагментированные образцы легко идентифицируемые, залегают вместе с керамикой бахмутинского и турбаслинского типов. Одновременно отмечается появление симбиозной глиняной посуды, что выражается, например, в наличии кушнаренковского орнамента на турбаслинских по форме сосудах.[316]

В VIII веке турбаслинские и бахмутинские могильники прекращают свое функционирование. Не исключено, что часть турбаслинского населения была оттеснена новыми пришельцами в более западные районы. На это указывают некоторые элементы ее культуры, фиксируемые в языческой культуре волжских булгар.[317] Неясной остается историческая судьба позднебахмутинского населения. Прослеживаемые антропологами связи их с северными башкирами Приуралья заставляют предполагать, что и после VIII века они продолжали оставаться в ареале своего обитания.

Кушнаренковско-караякуповская культура на территории Урало-Поволжья существовала в VII–IX вв., возможно, и в X в. Она характеризуется подкурганными захоронениями в северо-западный–западный сектор погребенных, сопровождением богатым набором инвентаря (поясной гарнитурой «*геральдического*» типа, предметами вооружения и конской сбруи). Отличительной чертой кушнаренковской культуры является тонкостенная глиняная посуда, украшенная изящным орнаментом (*рис. 373. 11*). По мнению Н. А. Мажитова она имела культовое назначение, а орнамент напоминает узоры на предметах торевтики среднеазиатских ювелиров.[318] Одновременно исследователи отмечали, что приуральская кушнаренковская керамика имеет определенное сходство с керамикой памятников Южной Сибири, что делает вероятным ее южносибирское происхождение. Синхронность их появления, возможно, указывает на общие корни происхождения.[319]

В последних работах Н. А. Мажитов обращает внимание исследователей на близость орнамента керамики кушнаренковского типа и орнамента на якутских ритуальных деревянных сосудах – чоронах (*рис. 373. 7*). В научной литературе утверждается, что орнаментальный узор чоронов имеет глубокую древность и формировался под активным влиянием декоративно-прикладного искусства племен и народов Центральной Азии. Такой взгляд на происхождение орнаментального мотива чоронов согласуется с выводами якутских археологов и историков, что предки саха на ныне обитаемой территории являются пришлым населением из центральноазиатских

[316] Сунгатов 1995, рис. 4, 9; К проблеме городов 2018, 81–82, рис. 51–52.
[317] Казаков 1992, 258.
[318] Мажитов 1977, 70; Мажитов–Султанова 2010, 106.
[319] Мажитов 1977, 69; 2013а, 87.

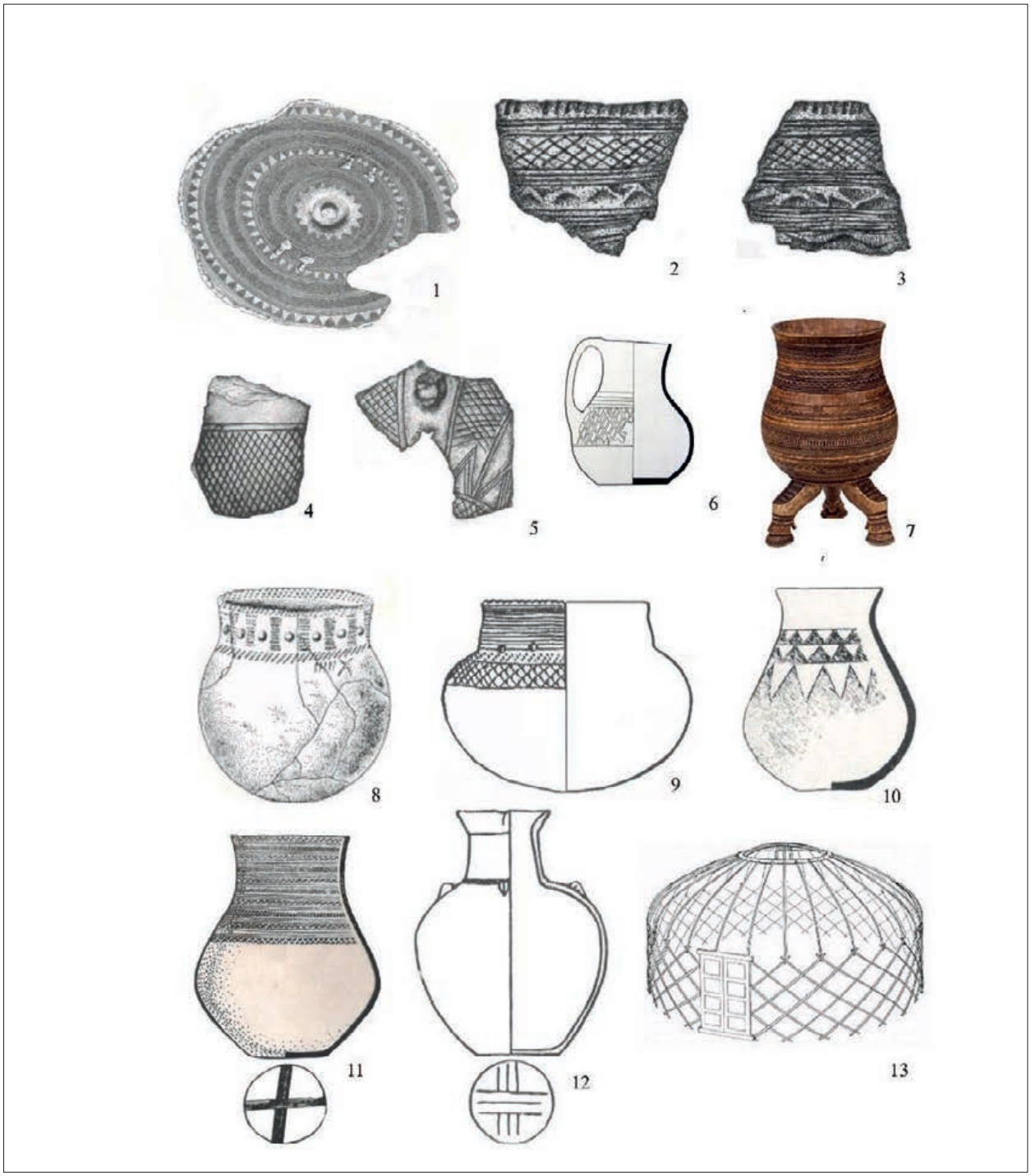

Рис. 373. Материалы из памятников Башкирского Приуралья тюркского времени. 1: кожаный щит; 2–3, 11: фрагменты и сосуд кушнаренковского типа; 4–5: фрагменты сосудов с орнаментацией ромбической сеткой; 6: кувшин из Каратобе-II, курган 1 (Актюбинская область, Республика Казахстан); 7: якутский чорон; 8–9: сосуды караякуповского типа; 10: сосуд сако-усуньского времени (Фергано-Алай); 12: сосуд джетыасарской культуры; 13: каркас тюркской юрты

373. kép. Baskírföld lelőhelyeinek türk kori leletei az Urál nyugati előterében. 1: bőrpajzs; 2–3, 11: Kusnarenkovo-típusú kerámiatöredékek és edény; 4–5: kerámiatöredékek rombikus halómintás díszítésével; 6: kancsó Karatobe-II temető 1. kurgánból (Aktjubinszk megye, Kazahsztán); 7: jakut csoron (kumisztartó); 8–9: Karajakupovó-típusú kerámiaedények; 10: Szaka-vuszun kori edény (Fergana-Alaj); 12: Dzsetiaszar-típusú edény; 13: türk jurta vázszerkezete

степей. Вполне возможно, что чороны и кушнаренковская керамика имели общие корни, чем объясняется наблюдаемая схожесть их орнамента и форм сосудов. Кушнаренковская керамика в Приуралье появляется в первой половине VI в. и бытует до IX в., что укладывается во временной диапазон становления и возвышения Тюркского каганата и вызванных им миграций племен и народов, в том числе древнейших тюркоязычных предков якутского народа и населения кушнаренковских племен Южного Урала.[320]

Орнамент кушнаренковской керамики, на что справедливо указывает Н. А. Мажитов, прослеживается на этнографическом материале – в предметах декоративно-прикладного искусства башкир XVI–XVIII вв.[321] Этот орнамент мы можем наблюдать на сохранившемся башкирском боевом кожаном щите (*рис. 373. 1*), хранящемся в фондах Государственного Исторического музея Республики Татарстан.[322] Данное обстоятельство предполагает, что орнамент на кушнаренковских сосудах мог бытовать и в последующее время, например, на посуде, изготовленной из дерева. Но если якутский чорон данный орнамент сохраняет до наших дней, то в материальной культуре башкир он до настоящего времени не дожил.

В VII–VIII вв. бахмутинское и турбаслинское население активно взаимодействовало с носителями кушнаренковской культуры. Это отчетливо документируют материалы могильников как бахмутинской (Бирск, Бахмутино), так и турбаслинской (Новотурбаслы, Шареево, Кушнаренково, Уфимские погребения) культур. Наиболее ярким археологическим проявлением этого этнического компонента в упомянутых могильниках выступают сосуды кушнаренковского типа. На Бирском могильнике захоронения с такой керамикой представлены в нескольких десятках погребений. Она же обнаружена и в ряде погребений Новотурбаслинского, Шареевского, Кушнаренковского могильников турбаслинской культуры.

Мы полагаем, что захоронения некрополей, содержащих кушнаренковскую керамику, отражают не только факт культурного взаимодействия бахмутинского и турбаслинского населения, с одной стороны, но и присутствие ее создателей в местной среде, с другой. Этнокультурное взаимодействие бахмутинского и кушнаренковского этноса выражается также в появлении, например, в Бирском могильнике симбиозных форм сосудов, занимающих промежуточное положение между кушнаренковскими и турбаслинско-бахмутинскими сосудами. Они тонкостенные, украшены кушнаренковским орнаментом, сочетающим штамп и горизонтальные пояски, но имеющим большие размеры в сравнении с традиционными кушнаренковскими формами.

Кушнаренковский компонент из Бирского могильника представлен также предметами поясной гарнитуры и отдельными типами украшений, которых нет в ранних по времени комплексах. К их числу относятся геральдическая поясная гарнитура, литые ременные наконечники, кольцевые литые подвески с выпуклинами, кольцевидные подвески с длинным ушком, колоколовидные подвески, цепочки сложного плетения, литые кольца-перстни со вставками камней на щитках, костяные накладки лука и др. (*рис. 371. 1–34; 372. 1, 7–9*).

В Бирском могильнике зафиксированы комплексы вблизи могил, представленные костями конечностей лошади (в одном случае – с черепом), которые также можно связать с кушнаренковским компонентом. По данным В. А. Иванова ритуальные захоронения конских черепов (правда, под курганной насыпью) выступают неотъемлемой частью погребального обряда кушнаренковско-караякуповских племен.[323] Данный элемент обряда зафиксирован в грунтовых могильниках Среднего Поволжья, который также связан с проявлением кушнаренковского компонента в культуре ранней Волжской Булгарии.[324] В древности и средневековье подобный обряд имел множе-

[320] Мажитов 2013б, 64–70.
[321] Мажитов–Султанова 2010, 225–226; Мажитов 2011, 84.
[322] Мажитов 2013, рис. 1–4.
[323] Иванов 1999, 60, табл. 8.
[324] Казаков 1992, 242–245, рис. 27.

ство вариантов – от захоронений целых туш до ритуальных захоронений лошади. Данный ритуал оправдан и объясним с точки зрения скотовода-кочевника, для которого конь были «*альфой и омегой*» его существования. Но для бахмутинского и турбаслинского населения это привнесенный элемент погребального обряда, связанный, безусловно, с традициями и ритуалами кушнаренковско-караякуповских племен.

Следующая волна переселенцев, этногенетически и этнокультурно родственная кушнаренковским племенам, что утверждают многие исследователи,[325] и фиксируемая археологически на Южном Урале с VII–VIII вв., была представлена носителями караякуповских традиций. Караякуповские племена на Южном Урале расселились практически на той же территории, что и кушнаренковцы. По образу жизни, культуре и погребальным традициям они мало чем отличались от кушнаренковцев, но имели присущую только им глиняную посуду с похожим на кушнаренковский орнамент, но с рядом отличительных признаков, выражающихся, к примеру, в наличии так называемых «*жемчужин*» (*рис. 373. 8*), и элементы материальной культуры, свидетельствующие об их контактах с культурой алтайских тюрок. На последнее, в частности, указывает состав погребального инвентаря караякуповских погребений, где встречены пояса, предметы вооружения и принадлежности конского снаряжения тюркских типов.

По вопросам истоков и этнокультурной принадлежности носителей кушнаренковско-караякуповской культуры единого мнения не сложилось. Так, если Н. А. Мажитов кушнаренковские, а вместе с ними и караякуповские племена считает древнебашкирскими, одновременно предлагая рассматривать их наследие как культуру древних башкир,[326] то ряд исследователей признают их угорско-мадьярскую принадлежность (В. А. Иванов, А. Х. Халиков, Е. А. Халикова, Е. П. Казаков, Р. Г. Кузеев и др.). В частности, В.А. Иванов считает, что памятники данной культуры, образуя сильную типологическую связь с угорскими культурами молчановского и потчевашского типов лесного Зауралья и Прииртышья, представляют единую культурно-типологическую общность и, по сути, являются их западной периферией[327] и вместе с ломоватовскими, неволинскими, поломскими, бакальскими и рядом других составляют единый этнокультурный угорский ареал.[328]

Историческая и этнокультурная ситуация в степи, которая сложилась в связи с образованием первого Тюркского каганата, и неоднократные миграции джетыасарского населения Восточного Приаралья в середине I тысячелетии н.э., направленные в сторону Нижней Волги, Северного Кавказа, Южного Урала и Зауралья,[329] позволяют решить проблему их культурогенеза с иных позиций.

Миграционные импульсы приаральского населения с набором артефактов, сходных с кушнаренковскими и караякуповскими, фиксируются в Южном Казахстане.[330] Н. А. Мажитов, А. Н. Султанова и Е. П. Казаков именно с территорией Восточного Приаралья связывают происхождение кушнаренковских племен. Но если первые два исследователя считают их представителями тюркоязычных племен, третий идентифицирует их с огорами (уграми), которые были вынуждены отступить из Восточного Приаралья после военного поражения в 558 году от алтайских тюрок.[331]

Учитывая имеющиеся параллели орнаментальной традиции кушнаренковской и караякуповской посуды в материалах декоративно-прикладного искусства тюркоязычных башкир (кожаный щит) и якутов (чороны), следует предполагать, что истоки ее находятся в ареале культур тюркских племен. Напомним, что в Зауралье памятники селенташского типа с керамикой кушнаренковского образца, свидетельствующие

---

[325] Генинг 1972, 270; Иванов 2016; 2022а, 363; Мажитов 1977, 74.
[326] Мажитов 2013, 213; Мажитов–Султанова 2010, 226.
[327] Иванов 1999, 66–71.
[328] Белавин–Иванов–Крыласова 2013, 171; Иванов 2013, 83.
[329] Левина 1996, 375.
[330] Торгоев 2005, 91, рис. 1, 2.
[331] Мажитов 2011, 77; Казаков 2020, 36–37.

о включении урало-казахстанских степей в состав Западно-Тюркского каганата,[332] дают основание предполагать, что данная орнаментальная традиция была присуща тюркской культуре, и ее влияние было достаточно сильным и значимым для изменения содержания угорского этногенеза и привнесения новаций в их культуры. В этих условиях формирование гончарной и орнаментальной традиции носителей кушнаренковско-караякуповской культуры в Зауралье в условиях взаимодействия с угро-самодийскими культурами с фигурно-штамповой орнаментацией керамической посуды, привело к переформатированию классического кушнаренковского орнамента, что существенным образом сделало его отличающимся от классических приуральских образцов. Этот факт отмечают и сами исследователи, являющиеся сторонниками угорской теории.[333]

В Приуралье внезапное появление кушнаренковской посуды с изящным орнаментом, то есть в ее классическом виде, относится ко времени первой половины VI в. н.э. Влияние традиции гончаров населения бахмутинской и турбаслинской культур на них никак не проявляется, но наоборот – кушнаренковский орнамент воспринимается местным населением, что находит свое археологическое проявление. Самые ранние образцы кушнаренковской керамики представлены в погребениях Бирского могильника (№ 78 и № 107). Эти образцы при постановке проблемы ее происхождения, должны лежать в основе проведения любых сравнительно-сопоставительных анализов и непременно в определенном хронологическом срезе. Заметим, что в Приуралье эта орнаментальная традиция была принесена в готовом виде и особых изменений в течение периода своего бытования она не претерпевала. Следовательно, прототипы надо искать в более южных областях – в материалах памятников, например, джетыасарского и других типов.

Археологические раскопки поселения городского типа Уфа-II позволили выделить тип керамики с сетчатым орнаментом,[334] который состоит из прочерченных наклонных взаимопересекающихся линий, образующих ромбическую сетку. С верхнего и нижнего края этот орнаментальный мотив ограничен одной или двумя прочерченными параллельными линиями (*рис. 373. 4*). К этой группе керамики относятся также фрагменты, орнаментированные удлиненной «*галкой*», на что указывают экземпляры, сочетающие в себе тот и другой узор (*рис. 373. 5*). В культурных отложениях данная керамика, наряду с другими, залегает в одном слое вместе с кушнаренковским и караякуповским типами. Сопоставительный анализ орнаментации этих групп керамики показал, что имеется сходный элемент – ромбическая сетка. На кушнаренковских сосудах он представлен в виде нескольких невысоких поясков и исполнен более тонкими линиями (*рис. 373. 2–3*), на керамике с сетчатым орнаментом – поясок из ромбической сетки более высокий и прочерчен толстыми линиями (*рис. 373. 4*), как на отдельных сосудах древнетюркской культуры катандинского этапа.[335] Орнамент в виде ромбической сетки присутствует на отдельных образцах и караякуповских сосудов (Бекешево, курган 2 погребение 8) (*рис. 373. 9*).

Аналогичная керамика с орнаментом в виде ромбической сетки представлена в джетыасарских древностях Восточного Приаралья.[336] Истоки ее там остаются невыясненными, но, судя по материалу могильника Каратобе II, в котором обнаружен одноручный орнаментированный в виде ромбической сетки невысокий кувшин (*рис. 373. 6*), следует предполагать связь этой орнаментальной традиции с культурой праболгарских племен до их европейского исхода. На Северном Кавказе эта орнаментация предстает уже пролощенной. Сказанное, таким образом, может быть еще одним свидетельством в пользу привнесения кушнаренковской керамики, в которых присутствует элемент орнамента в виде ромбической сетки, с территории Тюркского каганата. Данное пред-

[332] Боталов 2009, 448.
[333] Боталов 2009, 551, 555; Генинг 1972, 270; Данченко 2008, 56; Матвеева–Берлина–Рафикова 2008, 185.
[334] К проблеме городов 2018, 82, рис. 1–10.
[335] Худяков 2023б, рис. 23, 29.
[336] Левина 1971, рис. 6, 24; 15, 289; 1996, рис. 68, 72; Толстов 1948, рис. 34, 16–18, 22–24.

положение основывается также на имеющихся параллелях снабжать днище кушнаренковских сосудов орнаментом из резных линий крестообразной формы (*рис. 373. 11*) в материалах джетыасарской культуры (*рис. 373. 12*).

Тесная взаимосвязь культуры кушнаренковско-караякуповских племен и культуры населения Тюркских каганатов декларируют элементы орнаментации сосудов и составных частей деревянного каркаса тюркской юрты. Укажем, что решетчатая складная стенка юрты в орнаментации караякуповских сосудов представляется в виде пояска взаимопересекающихся резных линий, образующих ромбическую сетку. Уыки из жердей, поддерживающие купольное навершие юрты, в орнаментации сосудов выглядят в виде горизонтальных или наклонных резных линий. Тундук (шанырак), являющийся конструктивным элементом и увенчивающий купол юрты в виде решетчатой крестовины, вписанной в круг, на кушнаренковско-караякуповских сосудах отражен соответствующей орнаментацией днищ (сравним *рис. 373. 2–5, 8–9, 11* и *рис. 373. 13*).[337]

Однако заметим, что на имеющемся археологическом материале пока рано делать далеко идущие выводы, но, тем не менее, логика этнокультурных процессов, связанная с активным включением Зауралья и Приуралья в орбиту влияния культуры Тюркского каганата, позволяет делать определенные шаги в пользу тюркской версии принадлежности кушнаренковско-караякуповской культуры. Подтверждением сказанному выступают имеющиеся многочисленные аналогии погребальному инвентарю кушнаренковских и караякуповских племен в материалах древнетюркской культуры VI–VIII вв., в комплексах могильников джетыасарской культуры.[338] Железное стремя из Бирского могильника (*рис. 372. 8*), костяные подпружные пряжки (*рис. 372. 3–5*), концевые накладки на лук (*рис. 372. 8*) с городища Уфа-II,[339] бронзовые зеркала с ручкой с округлым завершением (*рис. 372. 7*) и другие, имея многочисленные аналогии в древнетюркских погребениях,[340] также свидетельствуют в пользу высказанной версии. Многие исследователи происхождение концевых накладок на лук, например, связывают со степными районами Центральной Азии, южными районами Восточной Сибири, где они появились в период тюркского великодержавия (VII–VIII вв.).[341] Скорее всего, первоначально лук с подобными концевыми накладками был занесен в Восточную Европу или самими древними тюрками, или близко связанными с ними иными центральноазиатскими племенами.[342]

Безусловным свидетельством взаимодействия населения Приуралья, оставившего памятники манякского типа с кушнаренковско-караякуповской керамикой, с тюрками Центральной и Средней Азии выступает находка бронзовой коробочки в погребении Бирского могильника (*рис. 372. 10*). Аналогичная коробочка (*рис. 372. 11*), была обнаружена в погребении Чон-Алайского могильника (Фергана) гуннского времени.[343] На это же взаимодействие указывает находка бронзовой фигурки всадника-тюрка (*рис. 372. 1*) в погребении 362 Бирского могильника.[344]

Погребение 362 находилось в середине небольшого четкого ряда поздних могил, содержавших образцы кушнаренковской посуды. Для последних типично и ее устройство – в головной части яма сделана длиннее тела погребенного, где помещалась жертвенная пища (две лопатки и кость предплечья лошади) и два глиняных сосуда[345] той формы, которая представлена в Бирске как в могилах VII в., так и в самых поздних.

---

[337] Мажитов 2023, табл. XV и др.
[338] Левина 1996, рис. 125 и др.
[339] К проблеме городов 2024, рис. 14, 1–17; 18, 1–19.
[340] Худяков 2023б, рис. 16, 48–49, 59; 23, 47–49; Левина 1996, рис. 87–91; 96, 5–10; 157, 1–11.
[341] Измайлов 1998, 246; Савинов 1981, 146–162.
[342] Круглов 2004, 293–302.
[343] Бернштам 1952, рис. 85, 2.
[344] Сунгатов–Юсупов 2006, 254.
[345] Сунгатов–Юсупов 2006, рис. 2, 2, 3.

Находки подобных фигурок известны на территории расселения тюркских племен – в Забайкалье, Минусинской котловине, Средней Азии.[346] По мнению Е. А. Смагулова бронзовые амулеты в виде всадника, как и металлическая фурнитура раннесредневековых поясов, отливались, помимо Согда, и в Чачских присырдарьинских культово-ремесленных центрах Западно-Тюркского каганата, которые распространялись отсюда по евразийским просторам. По мнению исследователя, комплекс артефактов с городища Сидак в Туркестанском оазисе однозначно свидетельствует, что подобные изделия отливались в ремесленных центрах присырдарьинских оазисов, входивших в состав Западно-Тюркского каганата.[347]

Другим свидетельством взаимосвязи носителей кушнаренковско-караякуповской культуры с тюрками Центральной Азии выступает находка фрагмента каменного лицевого изображения в культурных отложениях города Уфа-II (*рис. 372. 2*). Хорошо сохранились тщательно вырезанные мастером усы с загнутым вверх кончиком, левый глаз с детально прорисованным веком, двойной линией прочерчен нос и губы. Стилистика изображения находит близкие аналогии в древнетюрских каменных изваяниях Южной Сибири и Центральной Азии.[348]

Находка фигурки всадника, каменного лицевого изображения, в том числе хорезмийской монеты VIII в. (*рис. 371. 11*) и других в Приуралье – безусловное свидетельство отношений людей, оставивших памятники манякского типа, с тюрками Центральной Азии, так как в культуре населения VII–VIII вв. отчетливо заметны связи с кочевым населением восточных областей Евразии. К началу X века, судя по сведениям Ибн-Фадлана и источникам, использованным Идриси, древние башкиры жили уже в разных частях Южного Урала. Фигурка из Бирского могильника, каменное лицевое изображение являются одним из ярких свидетельств этого уже состоявшегося процесса.[349]

В заключение заметим, что прямые аналогии раннекушнаренковской керамике за пределами южноуральского региона до сих пор не обнаружены. Но имеющиеся параллели ей, а точнее ее орнаменту, приведенные выше, указывают на возможный исходный регион, откуда она могла проникнуть на Южный Урал. Укажем и на то, что в памятниках Памиро-Алая сако-усуньского времени известны сосуды грушевидной формы, которой обладают кушнаренковские экземпляры (*рис. 373. 10*).[350] Современная база источников позволяет заключить, что истоки кушнаренковского гончарства не связаны с Западной Сибирью. Кушнаренковская керамика с ее оригинальной орнаментацией, компоненты которой даже будучи привнесенными извне, является, скорее всего, конечным продуктом творчества кушнаренковско-караякуповских гончаров на территории Южного Урала.

Исторические реалии, приводимые выше о событиях постгуннского и раннетюркского времени, на просторах большого урало-казахстанского степного региона позволяют вполне определенно говорить о серьезном воздействии на лесостепное Приуралье и Зауралье кочевников тюрко-болгарского ареала в VI–VII вв. Приведенные археологические аргументы, указывающие на прямое воздействие тюркского кочевого ареала на лесостепные районы Южного Урала, подтверждают гипотезу о возникновении кушнаренковской культуры, равно и как сложение памятников новинковского типа на Средней Волге.

---

[346] Михно–Петри 1928, табл. XVII, 3; Tallgren 1917, табл. IX, 10; Средняя Азия 1999, 219, табл. 45, 4; Король 2008, табл. 13, 4–10; Смагулов 2014, рис. 5; Худяков 2023а, рис. 14, 5–6.

[347] Смагулов 2014, 211, 213.

[348] Кубарев 1984; Самашев 2016, рис. 24; Худяков 2023б, рис. 16, 9–10; Кубарев–Кубарев–Табалдиев 2023, рис. 39, 1, 3.

[349] Сунгатов–Юсупов 2006, 254.

[350] Бернштам 1952, рис. 76, а.

ГЛАВА 3
ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА УЕЛГИ В СВЕТЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ

3.1. Антропология и реконструкция лиц по черепам из Погребального комплекса Уелги[1]

Посвящается венгерскому антропологу,
специалисту в области реконструкции лица по черепу
Агнеш Куштар

Kustár Ágnes magyar antropológus,
a koponyarekonstrukciók szakértőjének emlékére

В работе представлен краниологический материал, который был получен из погребений в ходе раскопок средневекового Погребального комплекса Уелги, обнаруженного в Кунашакском районе Челябинской области. Исследования проводились в 2010, 2012–2016 и 2019 годах. В целом памятник датируется IX – началом X в. Хотя радиоуглеродное датирование, полученное из курганов 23, 28, 32, указывает на диапазон от 772 до 899 года AD (при калиброванном значении 95.4%). Таким образом, возможна вероятность датирования этого комплекса концом VIII в. Вещевой инвентарь и погребальный обряд исследованных курганов позволяют отнести их к кругу кушнаренковско-караякуповских памятников Южного Урала IX–X вв. (Хусаиновские, I и II Бекешевские, Старо-Халиловские, Каранаевские и другие курганы),[2] а также зауральские памятники (Синеглазовские курганы, раскопки Н. К. Минко, С. А. Гатцука и В. С. Стоколоса,[3] и могильники Байрамгулово и Граултры).[4]

Наиболее поздние курганы 30, 35 и 36 (погребение 1) относятся к периоду IX–X вв. Керамический материал из этих курганов определяет их как раннечияликские (макушинские) памятники. Конская узда, предметы вооружения, ременная гарнитура (сросткинского, синеглазовского и карпатского типов) позволяют определить эти комплексы как раннемадьярские.

1. Методика исследований. Краниометрическое изучение материала проведено по стандартной методике[5] в рамках краниологического бланка Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая образца 1965 года. Индивидуальное описание черепов представлено в соответствии с рубрикациями таблиц краниометрических констант Г. Ф. Дебеца.[6]

Для ориентировочной оценки положения черепов Погребального комплекса Уелги на фоне близких по времени краниологических серий с Южного Урала и сопредельных территорий, а также близких к современности башкирских групп, на первом этапе применялся кластерный анализ по 12 метрическим признакам (Mart.1, Mart.8, Mart.17, Mart.5, Mart.9, Mart.45, Mart.48, Mart.52, Mart.77, ∠zm', Biom.SS:SC, $Mart.75_{(1)}$).

Выбор 12 метрических признаков вместо «*классических*» 14 в кластерном анализе, также, как и в факторном анализе на втором этапе (метод главных компонент), объясняется при-

---

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-20283 «*Мир кочевников Южного Урала в свете мадьярской археологии (VIII–XI вв.)*», https://rscf.ru/project/24-28-20283/

[2] Мажитов 1981.

[3] Стоколос 1962; Боталов 1987.

[4] Боталов 2000.

[5] Алексеев–Дебец 1964.

[6] Алексеев–Дебец 1964, 114–122.

Таблица 24

Сравнение черепов башкир бахмутинской культуры с черепами древних венгров

Номер по Мартину	Признак	Башкиры М. С. Акимова		Венгры Г. Ф. Дебец	
		M (N)	M (N)	M (N)	M (N)
		мужской	женский	мужской	женский
1	Продольный диаметр	180,4 (35)	173,1 (29)	183,2 (51)	173,5 (52)
8	Поперечный диаметр	145,4 (35)	141,8 (28)	147,5 (61)	143,0 (52)
17	Высотный диаметр	132,7 (33)	127,0 (30)	136,0 (52)	130,2 (47)
5	Длина основания черепа	101,1 (33)	96,4 (28)	103,9 (54)	98,2 (46)
9	Наименьшая ширина лба	96,0 (35)	93,4 (30)	97,9 (70)	96,2 (52)
8 : 1	Черепной указатель	80,7 (35)	81,8 (28)	80,5 *	82,4 *
9 : 8	Лобно-теменной указатель	66,1 (35)	65,8 (28)	66,4 *	67,3 *
40	Длина основания лица	97,2 (31)	94,8 (24)	99,4 (51)	93,4 (42)
45	Скуловая ширина	137,9 (35)	127,7 (29)	138,4 (57)	130,2 (46)
48	Верхняя высота лица	72,2 (34)	67,1 (28)	72,5 (64)	67,3 (46)
52	Высота орбиты	32,7 (35)	32,5 (30)	33,0 (66)	33,0 (47)
48 : 45	Лицевой указатель	52,4 (34)	52,5 (27)	52,4 *	51,7 *
DC	Дакриальная хорда	21,33 (33)	20,34 (27)	20,78 (58)	20,16 (39)
DS	Дакриальная высота	10,95 (33)	10,24 (27)	12,70 (58)	11,32 (39)
SC	Симотическая хорда	8,49 (33)	7,54 (29)	8,77 (60)	9,25 (39)
SS	Симотическая высота	3,67 (33)	3,20 (29)	4,89 (60)	4,10 (39)
DS : DC	Дакриальный указатель	52,4 (33)	51,0 (27)	61,1 *	55,2 *
SS : SC	Симотический указатель	44,9 (33)	43,0 (29)	55,8 *	44,3 *
	Назомалярный угол	141,5 (35)	141,7 (30)	139,1 (59)	140,9 (42)
	Зигомаксиллярный угол	130,6 (35)	129,7 (30)	128,2 (60)	131,2 (43)
32	Угол лба	82,8 (35)	85,0 (30)	82,7 (51)	86,2 (44)
75 (1)	Угол носовых костей к линии профиля лица	24,8 (32)	21,1 (25)	29,1 (51)	25,9 (29)
	Надбровье (1—6)	2,82 (34)	1,73 (30)	3,34 (64)	2,04 (46)
	Глубина клыковой ямки	4,60 (34)	4,60 (30)	4,84 (59)	4,77 (43)

* Указатели вычислены по средним.

Рис. 374. Таблица, опубликованная в книге М. С. Акимовой с измерениями черепов древних венгров по Г. Ф. Дебецу (по: Акимова 1968, 101) в сравнении с черепами башкир
374. kép. Táblázat M. Sz. Akimova könyvéből a korai magyarok koponyaméréseiről G. F. Gyebec nyomán a baskír koponyák összehasonlításával

вязкой проводимых статистических процедур к серии «*древние венгры*», опубликованной в свое время Г. Ф. Дебецем, затем переопубликованной М. С. Акимовой[7] (см. *рис. 374*), и отказом от метода подстановки средних значений, вместо фактических. Все расчеты проводились в пакете программ Statistica 10.0. Всего было исследовано семь мужских и один женский череп. Шесть черепов не представлялось возможным измерить.[8]

[7] Акимова 1968, 101.

[8] Это черепа из следующих курганов: 1) курган 6, погребение 4, который не подлежал реставрации; 2) курган 1, могильная яма без номера – без лицевого скелета; 3) курган 1, погребение 2 – нижняя челюсть и посмертно деформированная черепная крышка; 4) курган 34, погребение 3 – черепная крышка и фрагменты костей лицевого скелета; 5) курган 9, погребение 5 – черепная коробка и фрагменты лицевого скелета с нижней челюстью; 6) курган 11, погребение 6 – фрагменты черепной коробки, нижней челюсти и лицевого скелета.

Из антропологической коллекции черепов Погребального комплекса Уелги были отобраны три черепа для восстановления прижизненного облика погребенных в курганах индивидуумов методом графической реконструкции лица по черепу. Это два мужских черепа из курганов 28 (погребения 3–4) и 32 (погребение 16) и один череп, принадлежавший женщине, из кургана 35 погребение 1. По этим черепам были выполнены графические реконструкции по методу М. М. Герасимова – две в профильной норме и одна в лицевой.

В данной работе использовались инструменты ресурса «*MetaHuman*» и программы «*Adobe Photoshop*», что позволило снять некоторые ограничения, диктуемые классической методикой, особенно в плане реалистичности, передачи текстур и освещения. Одним из первых цифровые инструменты использовал в своей работе эксперта-криминалиста С. А. Никитин, выполнив ряд реконструкций/цифровых аппроксимаций для археолого-исторического исследования с использованием программ «*Facegen Modeller*», «*Faces*» и «*Adobe Photoshop*».[9]

Биологический возраст индивидов из погребений мужчин был определен по степени зарастания швов черепа эктокрана и степени изношенности зубов верхней и нижней челюстей на рубеже возрастных категорий 30–40 лет (курган 28, погребения 3–4) (*рис. 377*) и 40–50 лет (курган 32, погребение 16) (*рис. 379*), то есть в категориях *maturus I* и *maturus II*. Возраст черепа, предположительно принадлежавшего женщине, определен в категории senilis (50+) (*рис. 381*). К сожалению, единственный женский краниум был сильно поврежден, и его пришлось реставрировать на месте проведения возможных краниометрических измерений. Для графической реконструкции в норме анфас фото черепа пришлось «*доводить*» в программе Abode Photoshop (*рис. 381. 2*). Реконструкция была выполнена в лицевой норме (*рис. 381. 4–5*).

Основополагающие принципы графической реконструкции были, как известно, разработаны М. М. Герасимовым.[10]

Проведенные научные исследования позволили сделать вывод, что многообразие форм черепа предопределяет возможность четкой дифференциации общих, групповых и индивидуализирующих признаков (генетически трансформированных в устойчивые комплексы), характеризующих различные антропологические типы людей и, в конечной степени, определяющих понятие «индивидуальность». Учитывать всегда имеющиеся индивидуальные черты черепа, обнаружить элементы тонкого, физиономического сходства между родственниками позволяет метод графической реконструкции, предложенный М. М. Герасимовым.[11] *Учитывая асимметрию черепа и соответственно неравномерность строения мягких покровов, можно достигнуть характерной гаммы асимметрии лица и головы. Данный метод дает возможность воспроизводить с достаточной достоверностью даже такие тонкие детали, как форма и высота крыльев носа, рисунок губ и т.д., а объективность построения обеспечивает определенную документальность реконструкции. Воспроизведенный на краниологической основе действительный облик некогда жившего человека как бы оживляет, «проявляет» малопонятный костный материал (*выделено *– А. Н.), заставляя его говорить красочным, понятным языком не только специалисту, но и другим участникам процесса установления личности.*[12]

2. *Индивидуальное описание антропологического материала и реконструкция прижизненного облика погребенных методом графической реконструкции лица по черепу.* Индивидуальные краниометрические характеристики черепов размещены в *таблице 2*. Фотографии черепов в двух нормах (лицевой и профильной) приводятся по мере описания и краниометрической характеристики каждого черепа.

Курган 1, погребение 1. Череп без лицевого скелета и нижней челюсти. Биологический возраст данного индивида может быть установлен в пределах 20–30 лет.

---

[9] Бужилова и др. 2009, 29–36.
[10] Герасимов 1949; 1955.
[11] Герасимов 1955; Зинин 1995.
[12] Жолобов–Рахматуллин 2010.

Рис. 375. Погребальный комплекс Уелги. Череп из кургана 9, погребение 8. 1: лицевая норма; 2: профильная норма; 3: обширное повреждение левой стороны черепа
375. kép. Az ujelgi temető. Koponya a 9. kurgán, 8. sírból. 1: arc; 2: profil nézet; 3: a koponya bal oldalának kiterjedt sérülése

Курган 9, погребение 8. Биологический возраст данного индивида может быть установлен в пределах 40–50 лет (*maturus*) (*рис. 375*). Основные диаметры черепной коробки: продольный – средний, поперечный – большой. По черепному указателю брахикранная. По соотношению основных диаметров к высотному относительно низкая (хамекран, тапейнокран). В вертикальной норме сфеноидных очертаний. Лоб узкий абсолютно и относительно: по указателю стенометоп. Надпереносье, надбровные дуги хорошо развиты, сосцевидные отростки округлой формы, хорошо выражены. Наружный затылочный бугор отсутствует. Лицевой скелет средневысокий и среднеширокий, эурипрозопных пропорций, с высоким верхним отделом (лептен).

Рис. 376. Погребальный комплекс Уелги. Череп из кургана 23, погребение 1. 1: лицевая норма; 2: профильная норма
376. kép. Az ujelgi temető. Koponya a 23. kurgán, 1. sírból. 1: arc; 2: profil nézet

Горизонтальная профилировка на орбитальном уровне большая или ослабленная по европеоидному масштабу, на скуловом – малая.

Клыковая ямка среднеглубокая. Нос довольно слабо выступающий, средневысокий и среднеширокий абсолютно и довольно узкий по указателю в категории мезоринии. Переносье высокое, нижний край грушевидного отверстия заострен, носовая кость выступает выше среднего. Орбиты среднеширокие и низкие абсолютно, по пропорциям хамеконхные. Нижняя челюсть довольно длинная, широкая, со средневысокими симфизом, телом и ветвью, при большой ширине последней. Признаки полового диморфизма на нижней челюсти хорошо выражены.

На черепной коробке с левой стороны фиксируется пролом (боевая травма?). Повреждением захвачены лобная кость, левая височная кость, левая теменная и крыло основной кости. На некоторых поврежденных костях визуально фиксируются, на наш взгляд, рубленные(?) края (*рис. 375. 3*).

Курган 23, погребение 1. Череп без нижней челюсти. По состоянию швов черепной коробки и зубов верхней челюсти биологический возраст индивида в пределах 25–30 лет (*adultus*). По своим пропорциям мезокранный (*рис. 376*). В вертикальной норме имеет овоидные очертания. Абсолютная ширина лба средняя, лобно-поперечный указатель большой (эуриметоп).

Надпереносье развито выше среднего, надбровные дуги развиты средне, наружный затылочный выступ отсутствует. Сосцевидные отростки сильно выражены. Лицевой отдел небольшой ширины и средневысокий. Горизонтальная профилировка на назомалярном и зигомаксиллярном уровнях достигает средних значений. Клыковая ямка неглубокая. Переносье высокое – дакриальный и симотический указатели характеризуются большими величинами. Нижний край грушевидного отверстия острый. Орбиты по абсолютным размерам нешироокие и невысокие, по своим пропорциям – хамэконхные.

Курган 28, погребения 3–4. Биологический возраст индивида определен нами в пределах 30–40 лет (maturus). Черепная коробка характеризуется большими (на границе с очень большими) величинами основных диаметров, по своим пропорциям брахикранная и высокая (гипси- и акрокранная). Сфероидных очертаний в вертикальной норме (*рис. 377*). Лоб среднеширокий абсолютно и широкий относительно (эуриметоп). Надпереносье, надбровные дуги имеют среднее разви-

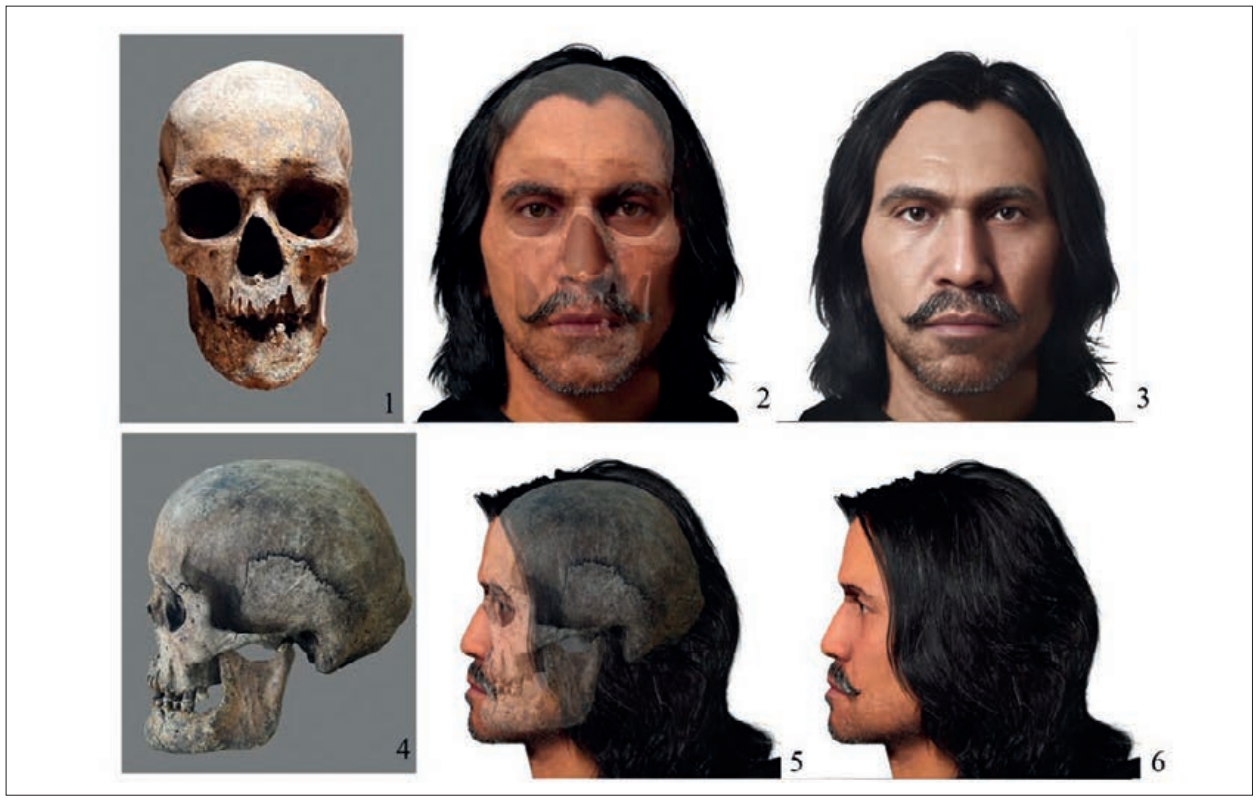

Рис. 377. Погребальный комплекс Уелги. Череп из кургана 28, погребения 3–4. 1: лицевая норма; 2: совмещение черепа и выполненной графической реконструкции в лицевой норме; 3: реконструкция прижизненного облика по черепу мужчины в лицевой норме; 4: профильная норма; 5: совмещение черепа и выполненной графической реконструкции в профильной норме; 6: реконструкция прижизненного облика по черепу мужчины в профильной норме

377. kép. Az ujelgi temető. Koponya a 28. kurgán, 3–4. sírból. 1: arc; 2: a koponya és a kidolgozott grafikus rekonstrukció arcának összehangolása; 3: a férfi arcrekonstrukciója a koponyája elölnézete alapján; 4: profil nézet; 5: a koponya és a kidolgozott grafikus rekonstrukció profilnézeti összehangolása; 6: a férfikoponya profilnézetes alapján végzett arcrekonstrukció

тие, наружный затылочный бугор развит выше среднего, сосцевидные отростки выражены средне. Лицо средневысокое и среднеширокое, мезопрозопных пропорций, со средневысоким верхним отделом (мезен). Горизонтальная профилировка на орбитальном уровне малая, на скуловом – средняя. Клыковая ямка среднеглубокая. Нос средневыступающий, невысокий, широкий абсолютно и также по указателю (хамэриния). Переносье средневысокое, нижний край грушевидного отверстия притуплен или образует слабо выраженные предносовые ямки, носовая кость, вероятно, выступала слабо. Орбиты среднеширокие и высокие абсолютно, по пропорциям мезоконхные. Нижняя челюсть довольно длинная, широкая, со средневысокими симфизом, телом и ветвью, при большей ширине последней.

По данному черепу выполнена графическая реконструкция в лицевой (*рис. 377. 1–3*) и профильной (*рис. 377. 4–6*) нормах.

Курган 30, погребение без могильной ямы. При первичном осмотре этого черепа сразу обращают на себя внимание следы квадратной формы 10 × 10 мм, расположенные на своде черепа, нанесенные, вероятно, холодным оружием типа чекана/клевца. Они расположены по всему своду черепа, группируясь в области близкой ко шву правой теменной кости с затылочной (*рис. 378. 3–4*). Так как оружие типа чекан/клевец – это оружие преимущественно

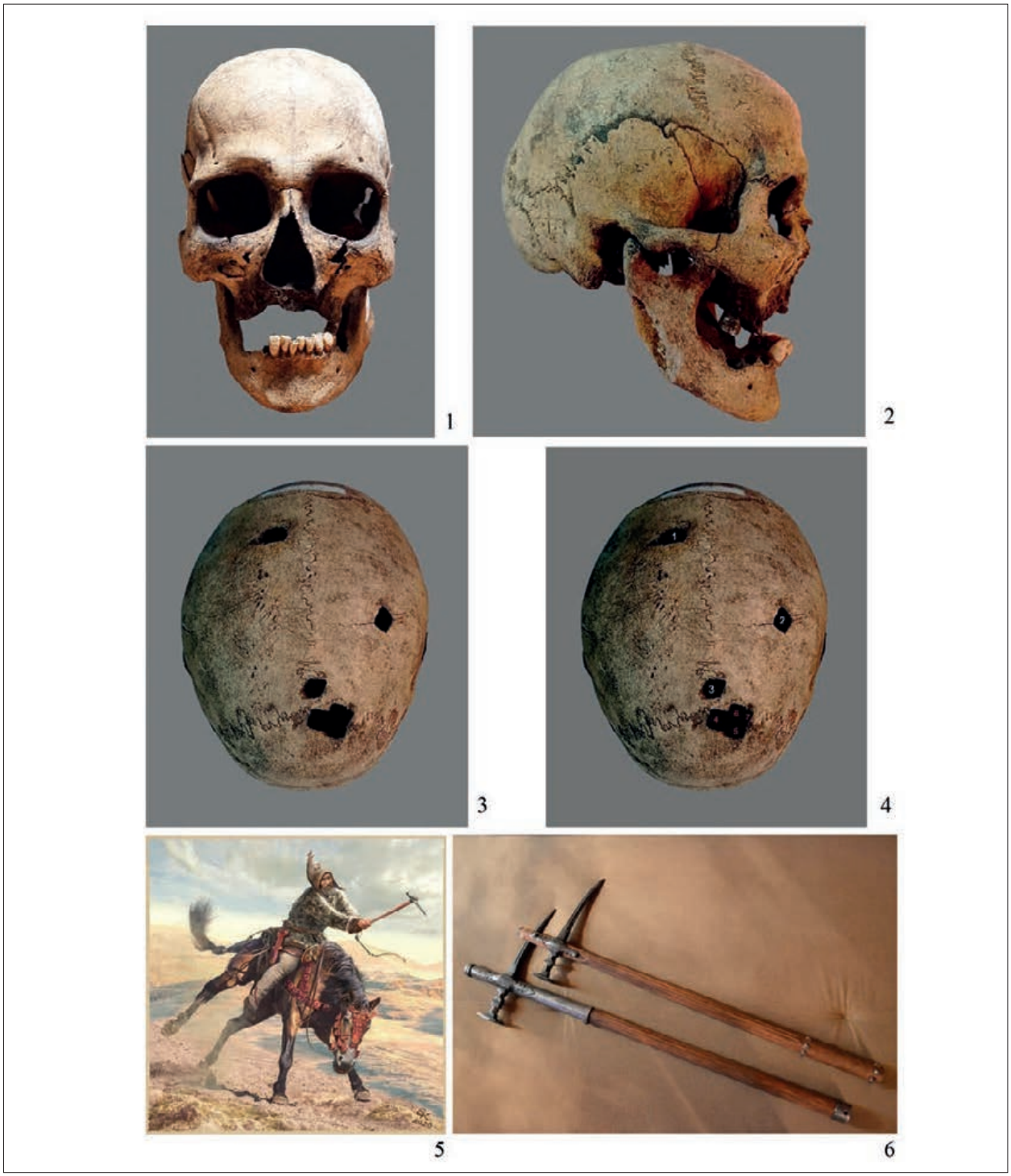

Рис. 378. Погребальный комплекс Уелги. Череп из кургана 30, погребение без могильной ямы. 1: лицевая норма; 2: профильная норма; 3: свод черепа со следами от ударов оружием типа чекан/клевец квадратной формы; 4: схема вероятной последовательности ударов; 5: всадник-скиф, вооруженный клевцом (графическая реконструкция Евгения Края); 6: вероятно подобным оружием, типа чекан/клевец, наносились многочисленные удары, следы от которых были зафиксированы на черепе

378. kép. Az ujelgi temető. Koponya a 30. kurgán sírgödör nélküli temetkezéséből. 1: arc; 2: profil nézet; 3: koponyaboltozat fegyver-, illetve négyzet-alakú csákány/fokosbalta vágás nyomaival; 4: a vágások sorrendjét valószínűsítő vázlatraj; 5: fokosbaltával felszerelt szkíta lovas (Je. Kraj rajzi rekonstrukciója); 6: valószínűleg csákány/fokosbalta vagy ehhez hasonló fegyvertől származó nagyszámú vágások, amelyeknek a nyomai a koponyán láthatók

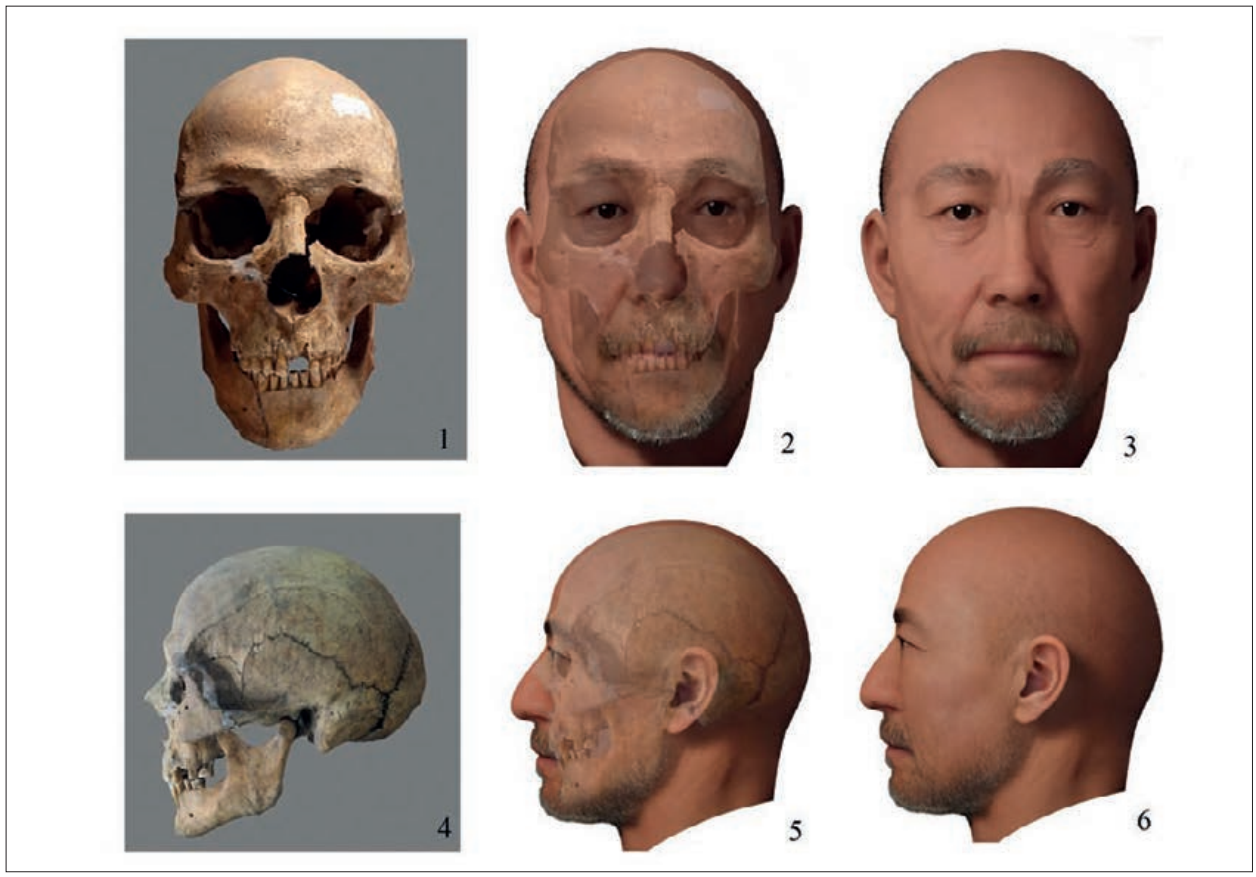

Рис. 379. Погребальный комплекс Уелги. Череп из кургана 32, погребение 16. 1: лицевая норма; 2: совмещение черепа и выполненной графической реконструкции в лицевой норме; 3: реконструкция прижизненного облика по черепу мужчины в лицевой норме; 4: профильная норма; 5: совмещение черепа и выполненной графической реконструкции в профильной норме; 6: реконструкция прижизненного облика по черепу мужчины в профильной норме

379. kép. Az ujelgi temető. Koponya a 32. kurgán, 16. sírból. 1: arc; 2: a koponya és az elvégzett grafikus arcrekonstrukció összehangolása előlnézetben; 3: a férfi koponyája alapján végzett arcrekonstrukció; 4: profil nézet; 5: a koponya és a kidolgozott grafikus arcrekonstrukció profilnézeti összehangolása; 6: a férfikoponya profilnézete alapján végzett arcrekonstrukció

всадника,[13] можно предположить, что одиночные удары (это отверстия/следы, помеченные № 1, 2, 3 (*рис. 378. 4*) наносились всадником, вооруженным клевцом, в погоне за бегущим воином (*рис. 378. 5, 6*). И когда он уже падал на землю, удары наносились прицельно, что можно фиксировать по сосредоточению следов от ударов в одном месте свода черепа, чтобы добить упавшего (это отверстия/следы, помеченные № 4, 5, 6, 7 и выделенные красным цветом (*рис. 378. 4*).

Череп возмужалого мужчины. Череп достаточно крупный, массивный, с хорошо выраженными местами прикрепления мышц (*рис. 378. 1–2*). Черепная коробка удлиненной формы (на границе долихокрании и мезокрании – 74,0) с округлым затылком. Лоб прямой со среднеразвитым надпереносьем и надбровными дугами. Лицо неширокое и скорее средневысокое (не удалось измерить M48 из-за разрушения области точек альвеоляре и простион), уплощенное на уровне орбит, с выступающими скулами и мало углубленными клыковыми ямками и вероятно со средневыступающим (?) носом.

Курган 32, погребение 16. Череп мужчины зрелого возраста. Черепная коробка долихокранной формы с выступающим округлым затылком, средне наклонным лбом, со среднеразвитым над-

[13] https://edcblog.ru/clauses/boevoy-toporik-chekan--tolko-tak-slavyane-pobezhda/?ysclid=lwuhzjderx770356493

Рис. 380. Погребальный комплекс Уелги. Череп из кургана 36, погребение 3. 1: лицевая норма; 2: профильная норма; 3: свод черепа со следами травмы
380. kép. Az ujelgi temető. Koponya a 36. kurgán, 3. sírból. 1: arc; 2: profil nézet; 3: koponyaboltozat trauma nyomaival

переносьем и средневыступающими надбровными дугами. Лицо высокое и среднеширокое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости, со средне углубленной клыковой ямкой и сильно выступающим из плоскости лица костным носом (*рис. 379*).

По данному черепу также выполнена графическая реконструкция в лицевой (*рис. 379. 1–3*) и профильной (*рис. 379. 4–6*) нормах.

Курган 36, погребение 3. Череп мужчины возмужалого возраста. Черепная коробка овоидной формы в вертикальной норме, долихокефальная с округлым затылком. Лоб прямой со среднеразвитым надпереносьем и надбровными дугами. Лицо не высокое и не широкое, уплощенное на орбитальном и среднем уровнях, со средне углубленными клыковыми ямками и средневыступающим носом. Нижний край грушевидного отверстия с хорошо выраженными полулунными ямками (*рис. 380*).

На своде черепа в области стреловидного шва, месте соединения теменных костей, фиксируется обширный пролом неизвестного происхождения. Для того чтобы его трактовать как боевую травму необходимы дополнительные исследования (*рис. 380. 3*).

Курган 35, погребение 1. Череп женщины из кургана 35, погребение 1 был сильно поврежден, поэтому он подвергся экспресс-реставрации – правая височная кость поставлена с помощью клеевого карандаша на свое место, слева; «*реставрация*», подготовка черепа в программе Adobe Photoshop 2020 для осуществления графической реконструкции лица, в норме анфас (*рис. 381. 1–2*).

По данному черепу выполнена графическая реконструкция в лицевой норме (*рис. 381. 3–5*).

Рис. 381. Погребальный комплекс Уелги. Череп из кургана 35, погребение 1. 1: экспресс-реставрация черепа (правая височная кость поставлена с помощью клеевого карандаша на свое место); 2: «реставрация», подготовка черепа в программе Adobe Fotoshop 2020 для осуществления графической реконструкции лица в норме анфас; 3: разметка черепа женщины, подготовка к графической реконструкции лица; 4: совмещение черепа и выполненной графической реконструкции; 5: графическая реконструкция лица, выполненная по черепу женщины

381. kép. Az ujelgi temető. Koponya a 35. kurgán, 1. sírból. 1: a restaurált koponya (a jobb halántékcsont ragasztópálca segítségével van a helyére téve); 2: „restaurálás”, a koponya előkészítése előlnézetben az Adobe Fotoshop 2020 programhoz grafikus arcrekonstrukció számára; 3: a nő koponyájának jelölése, az arc grafikai rekonstrukciójának előkészítése; 4: a koponya és a kidolgozott grafikus rekonstrukció egyesítése; 5: kidolgozott grafikus arcrekonstrukció a női koponya alapján

Таблица 2. Индивидуальные краниометрические характеристики черепов из раскопок курганов Погребального комплекса Уелги
2. táblázat. Az Ujelgi temető feltárásából származó koponyák egyedi krainometriai jellemzői

Признак (мм)	Мужчины (♂)							Женщины (♀)
№ кургана	1	9	23	28	30	32	36	35
№ погребения	1	8	1	3-4	*без м.ямы*	16	3	1
1. Продольный диаметр	176	179	174	178	188	183	188	173
1b. Продольный диаметр от *on*	–	173	170	176	187	181	188	170
8. Поперечный диаметр	148	145 ?	136	145	139	129	138	135
17. Высотный диаметр ba – *b*	–	125	–	141	139	131	–	124
5. Длина основания черепа	–	101	–	105	103	112	101	100
9. Наименьшая ширина лба	99	90	94	98	99	106	98	–
10. Наибольшая ширина лба	120	–	115	123	116	120	122	–
11. Ширина основания черепа	–	–	125	134	128	125	125	117
12. Ширина затылка	–	–	103	116,5	114	109	–	113
20. Ушная высота	–	118	119	120	120	–	–	–
45. Скуловой диаметр	–	135?	130	136	130?	135	130*?	–
40. Длина основания лица	–	100	–	99	–	108	96	–
48. Верхняя высота лица	–	70,5	69	69	–	77,5	65	70
47. Полная высота лица	–	114	–	115.5	121	123	–	-
43. Верхняя ширина лица	–	108	107	109	108	114	108	–
46. Средняя ширина лица	–	95	99	96	95	99	–	–
60. Длина альвеолярной дуги	–	55	50	51	–	53	48	–
61. Ширина альвеолярной дуги	–	67	62	64	61	61	61	–
62. Длина неба	–	46	48	41	–	50	–	–
63. Ширина неба	–	41	40	38	37	39	36	–
55. Высота носа	–	52	52	49	54	56	51	54
54. Ширина носа	–	25	23	29	27	27	25	25
51. Ширина орбиты от *mf*	–	42	42,9	43	43	44 *d*	44	45*d*
51a. Ширина орбиты от *d*	–	38	39,4	39	39	39 *d*	40,5	42*d*
52. Высота орбиты	–	31	31	35	34	34	33,2	34*d*
77. Назо-малярный угол	–	147,5°	144,7°	148,9°	139,5°	136,6°	148,4°	–
∠zm'. Зиго-максиллярный угол	–	127,8°	132,8°	133,7°	–	135,3°	–	–
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	–	149,9°	139,8°	141,5°	–	–	141,1°	–
(57)SC. Симотическая ширина	–	9,6	8,5	10,8	9,5	10,4?	10,4	–
SS. Симотическая высота	–	6,4	6,5	7,5	5,5	–	6	–
∠S. Симотический угол	–	73,7°	66,3°	71,5°	81,6°	–	81,8°	–
(50)MC. Максиллофронтальная ширина	–	18,6	15,9	17	17,1	–	14,8	–
MS. Максиллофронтальная высота	–	6,9	9,5	9,2	8,3	–	8,6	–
(49a) DC. Дакриальная ширина	–	24,9	22,2	23,3	21,1	–	23,1	–
DS. Дакриальная высота	–	11,3	12,8	15,2	11,8	–	12,5	–
∠D. Дакриальный угол	–	95,5°	81,8°	74,9°	83,6°	–	85,5°	–
-FC. Глубина клыковой ямки	–	4,5	2,8	4,5	2,5	7,3	5,2	–
32. Угол профиля от *n*	–	–	97°	–	99°	–	103°	–
GM/FH. Угол профиля от *g*	–	–	107°	–	103°	–	107°	–
72. Общий лицевой угол	–	–	95°	–	–	–	97°	–
73. Средний лицевой угол	–	–	94°	–	–	–	–	–
75(1). Угол выступания носа*	–	21°	30°	–	–	31,5°	24,3°	-

Признак (мм)	Мужчины (♂)							Женщины (♀)
Нижняя челюсть								
68. Длина нижней челюсти от углов	–	86	–	87	82	86	–	–
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	–	105	–	111	112	119	–	–
79. Угол ветви нижней челюсти	–	109°	–	114°	126°	129°	–	–
70. Высота ветви	–	68	–	66	57,5	52	–	–
71a. Наименьшая ширина ветви	–	36	–	38	34	38	–	–
65. Мыщелковая ширина	–	121	–	123	125	121	–	–
66. Угловая ширина	–	106	–	103	105?	110	–	–
67. Передняя ширина	–	48	–	49	44	42	–	–
69. Высота симфиза–	–	33	–	33	35	34	–	–
69(1). Высота тела	–	30	–	32	31	34	–	–
69(3). Толщина тела	–	14	–	13	14	13	–	–
Указатели								
8:1. Поперечно-продольный	84,0	81,0	78,2	81,5	74,0	70,5	73,4	78,0
17:1. Высотно-продольный от ba	–	69,9	–	79,3	73,9	71,6	–	71,7
17:8. Высотно-поперечный от ba	–	86,2	–	97,3	100,0	101,5	–	91,8
9:8. Лобно-поперечный	–	62,0	69,2	67,6	71,3	82,2	71,0	–
45:8. Поперечн. фацио-церебральный	–	93,1	72,3	93,8	93,5	104,6	93,5	–
48:17. Верт. фацио-церебральный	–	56,4	–	49,0	–	59,2	–	–
40:5. Выступания лица	–	99,0	–	94,3	–	96,5	–	–
47:45. Общий лицевой	–	84,4	–	85,0	93,0	91,1	93,0	–
48:45. Верхний лицевой	–	52,2	53,0	50,7	–	57,4	–	–
54:55. Носовой	–	48,1	44,2	59,2	50,0	66,0	54,0	–
DS:DC. Дакриальный	–	45,4	57,6	65,2	56,0	–	56,0	–
SS:SC. Симотический	–	66,6	76,5	69,4	57,9	–	57,9	–
52:51. Орбитный *mf*	–	64,4	59,6	81,4	79,0	63,0	79,0	75,5
52:51a. Орбитный *d*	–	81,5	78,7	89,7	87,2	87,2	87,2	80,9
Описательные признаки								
Norma verticalis	*Pentag*	*Sfen.*	*Ovoid*	*Sfer.*	*Ovoid*	*Ovoid*	*Ovoid*	*Ovoid*
Надпереносье (баллы 1–6)	3	5	4	3	2	3	3	2
Надбровные дуги (баллы 1–3)	1-2	2	2	2	2	2	2	1
Наружный затылочный бугор (баллы 0–5)	0	0-1	0-1	4-5	0-1	4	0	0
Сосцевидные отростки (баллы 1–3)	–	3+	3+	3	3+	3	2	2
Нижний край грушевидного отверстия	–	anthrop	anthrop	f.praen	–	Infant.	f.praen	–
Передненосовая кость (баллы 1–5)	–	3	2	–	–	4	–	–

* Угол носа вычислен тригонометрически

3. *Обзорная характеристика и обсуждение.* Суммарно исследованную краниологическую выборку черепов из курганов Погребального комплекса Уелги можно охарактеризовать следующим образом (*табл. 2*). Черепная коробка имеет средние величины всех трех основных диаметров при средних их соотношениях между собой и при средней ширине лба. Лицевой отдел средневысокий и также среднеширокий, мезопрозопный. Горизонтальная профилиров-

ка на орбитальном и скуловом уровнях, судя по средним значениям соответствующих углов, также тяготеет к умеренным величинам. Нос средневысокий, широкий, довольно хорошо выступающий из плоскости лица. Переносье, судя по величине симотического указателя, высокое. Орбиты широкие и невысокие.

При визуальном осмотре черепа производят впечатление достаточно однородных. Превышение верхних пределов стандартных дисперсий наблюдается для поперечного и высотного диаметров, наименьшей ширины лба, верхней высоты лица, и ширины носа и назомалярного угла. Вариабельность ширины орбиты, симотического указателя и угла выступания носа не достигает пределов средних величин стандартных значений.

На статистически значимом уровне, однако, достоверно повышенная вариабельность наблюдается только для одного признака – ширины носа.

Таблица 3. Статистические показатели краниометрических признаков в мужской серии из раскопок Погребального комплекса Уелги
3. táblázat. Az Ujelgi temető férfi koponyáinak kraniometriai jellemzőinek statisztikai mutatói

Признак	*n*	X	*S**	m_x	***F*=$S2_ф/S^2_{st.}$
1. Продольный диаметр	7	180,9	*5,61*	2,12	1,18
8. Поперечный диаметр	7	140,0	6,53	2,47	1,70
17. Высотный диаметр *ba – b*	4	134,0	7,39	3,70	2,27
5. Длина основания черепа	5	104,4	4,56	2,03	1,24
9. Наименьшая ширина лба	7	97,7	4,92	1,86	1,25
45. Скуловой диаметр	6	133,7	*2,88*	1,77	3,13
48. Верхняя высота лица	5	70,2	4,56	2,04	1,24
55. Высота носа	6	52,3	*2,42*	0,99	1,44
52. Высота орбиты	6	33,0	1,67	0,68	1,33
54. Ширина носа	6	27,7	5,01	2,04	**7,75**
51. Ширина орбиты от *mf*	6	43,2	*0,75*	0,31	3,21
52. Высота орбиты	6	33,0	*1,68*	0,68	1,48
77. Назо-малярный угол	7	144,2	4,69	1,77	1,13
∠zm’. Зиго-максиллярный угол	4	132,4	*3,24*	1,62	2,52
SS:SC. Симотический указатель	5	65,6	*7,99*	3,57	2,14
75(1). Угол выступания носа	4	27,9	*3,47*	1,74	1,76

* Нижним подчеркиванием отмечены величины стандартных отклонений, превышающие верхние пределы средних величин по Г. Ф. Дебецу;[14] курсивом – не достигающие нижних пределов средних величин.

** Значения F-критерия Фишера при сравнении эмпирических и стандартных дисперсий. Полужирным шрифтом выделен случай с достоверно повышенной изменчивостью при $p < 0,05$.

Хотя при имеющейся численности делать заключения о степени неоднородности группы рискованно, результаты статистического тестирования различий между эмпирическими и стандартными дисперсиями не противоречат впечатлению о достаточной гомогенности исследуемой выборки.

Морфологические особенности черепов свидетельствуют об их промежуточном положении на европеоидно-монголоидном векторе изменчивости при существенном преобладании европеоидного компонента. Рассчитанные величины УЛС (46,1) и ПФЦ (90,7) также характеризуют черепа как метисные формы, имеющие, судя по

[14] Алексеев–Дебец 1964, 123–127.

Признак	ГК1	ГК2	ГК3
1	-0,018	0,288	-0,651
8	0,173	0,698	0,129
17	**0,784**	0,168	-0,354
5	**0,863**	0,083	-0,037
9	0,547	0,078	0,046
45	0,453	**0,727**	0,147
48	-0,074	**0,937**	-0,068
52	-0,537	0,696	0,042
NM	-0,028	0,256	**0,860**
ZM	-0,118	0,239	**0,759**
SS:SC	0,547	-0,244	-0,268
75(1)	0,467	0,007	-0,657
Собственное значение	2,721	2,685	2,418
Процент объясняемой изменчивости	22,7	22,4	20,2

Рис. 382. Результаты факторного анализа (метод главных компонент) для 27 мужских краниологических серий эпохи Средневековья – Нового времени Южного Урала и сопредельных территорий
382. kép. 27 férfi kraniológiai sorozat faktorelemzésének eredményei (főkomponens-elemzés) a Dél-Urál és szomszédos területeinek közép- és újkori lelőhelyeiről

величине УДМЭ, до 30% условной монголоидной примеси.

Для межгруппового сравнения нами был использован метод главных компонент. В анализ включены серии с территории Южного Урала и сопредельных территорий, а также близких к современности башкирских групп (*табл. 3–4*). Эти серии сопоставлялись по 12 краниометрическим признакам. Две первые главные компоненты описывают практически 45% изменчивости, три главные компоненты вместе – около 65% (*рис. 382*).

Положительные нагрузки первой главной компоненты падают на увеличение высотного диаметра черепа, а также длины основания черепа. Вторая главная компонента описывает увеличение скулового диаметра и верхней высоты лица. Третья главная компонента характеризует увеличение углов горизонтальной профилировки лица и уменьшение продольного диаметра черепа и угла выступания носа.

В правой части четырехпольного графика, отражающего расположение серий в пространстве 1 и 2 главных компонент (*рис. 383*), расположились серии черепов кочевников Башкирии (№ 5, на графике), кушнаренковско-караякуповской культуры (№ 3), черепа из уелгинских курганов (№ 1), черепа восточных угров из погребений чияликской культуры (№ 9; 11), черепа из кушнаренковского могильника (№ 3), ближе к центру графика находятся черепа древних венгров (№ 12). В левой части графика находятся серии черепов уральских угров – хантов, восточных и северных манси (крайне правое положение на графике) с выраженными монголоидными особенностями в строении черепа.

На рисунке 384 отражено расположение серий в пространстве 2 и 3 главных компонент. Мы находим серию черепов из курганов Погребального комплекса Уелги (№ 1) в левом верхнем углу графика среди серий черепов поздних угров – чияликская культура (№ 10; № 11) ближе к черепам из Дербёшкинского могильника. В верхней части графика расположились черепа с высокими показателями уплощенности черепа на горизонтальном уровне (№ 7; № 8) – черепа сросткинской культуры Верхнего Приобья и черепа из древнетюркских могильников Горного Алтая (*рис. 384*).

Был также проведен кластерный анализ по методу полной связи по 12 метрическим признакам. Результаты кластеризации в графическом отобра-

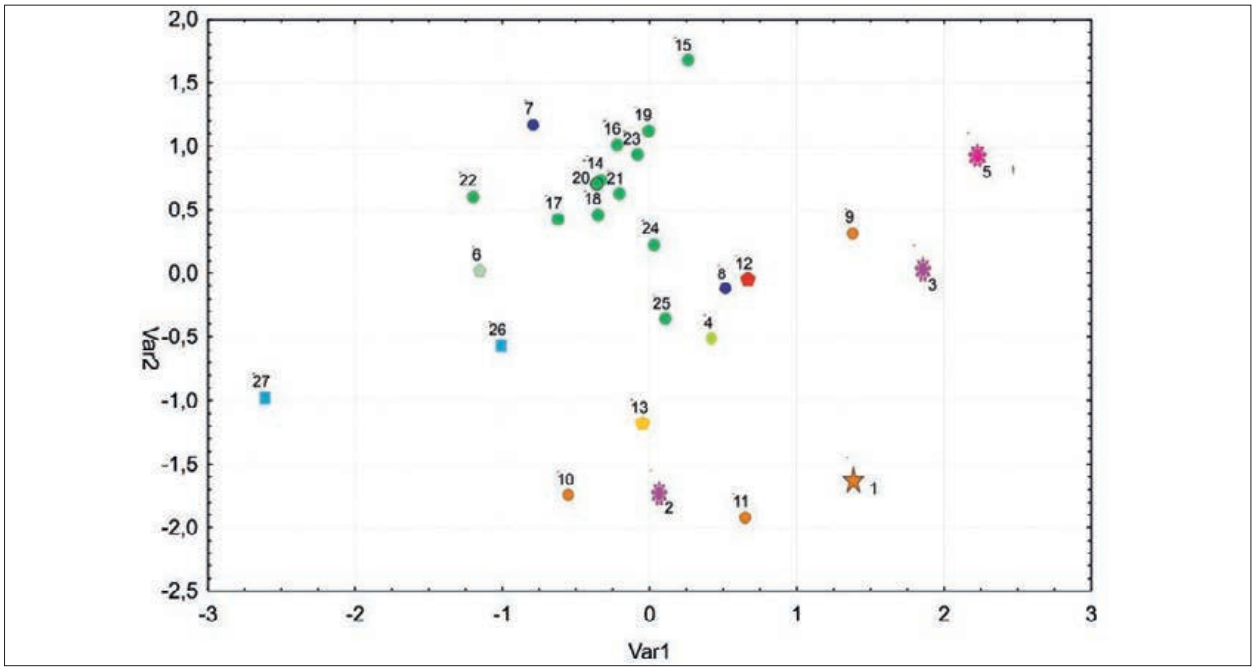

Рис. 383. Взаиморасположение 27 краниологических серий из памятников эпохи Средневековья и Нового времени Южного Урала и сопредельных территорий в пространстве первой и второй главной компоненты. Числовые обозначения групп соответствуют порядковым номерам в таблице 3. Метод главных компонент, варимакс нормализованный (Varimax normalized)

383. kép. 27 kraniológiai sorozat egymáshoz viszonyított elhelyezkedése a második és harmadik főkomponens tekintetében a Dél-Urál és a szomszédos területeinek közép- és újkori lelőhelyeiről. A csoportok számjelzései a 3. táblázat sorszámainak felel meg. Főkomponens-elemzés, normalizált varimax (Varimax normalized)

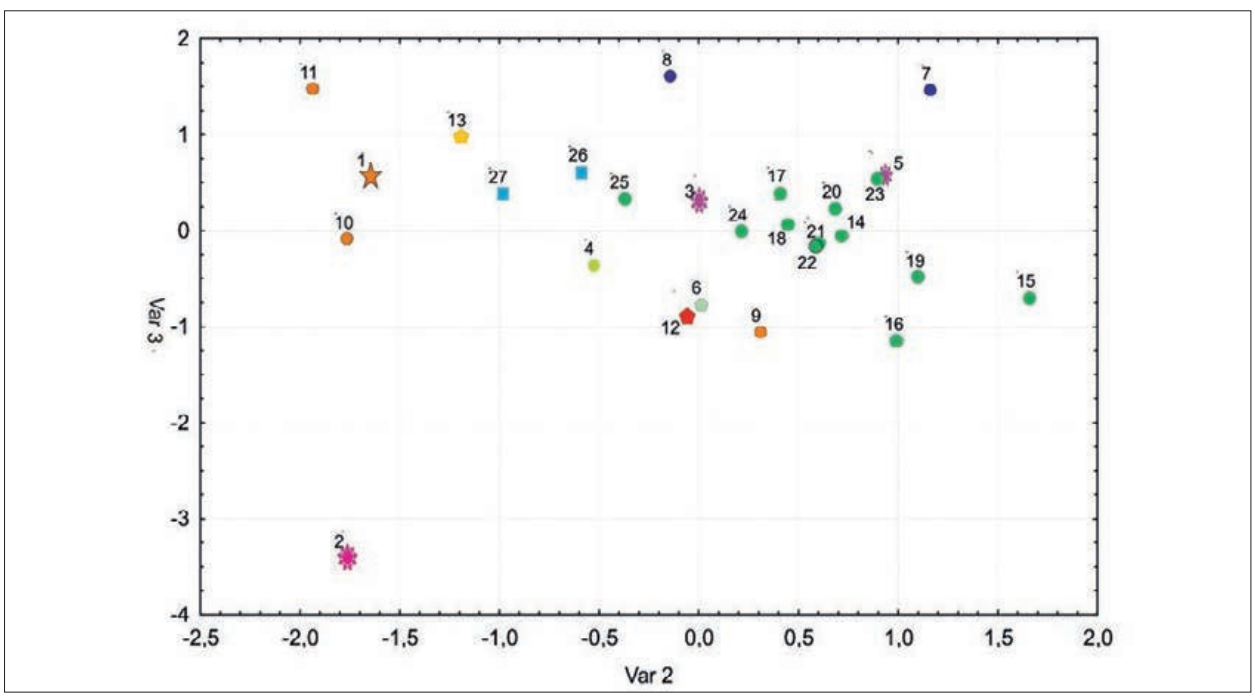

Рис. 384. Взаиморасположение 27 краниологических серий из памятников эпохи Средневековья и Нового времени Южного Урала и сопредельных территорий в пространстве второй и третьей компоненты

384. kép. 27 kraniológiai sorozat egymáshoz viszonyított elhelyezkedése a második és harmadik főkomponens tekintetében a Dél-Urál és a szomszédos területeinek közép- és újkori lelőhelyeiről

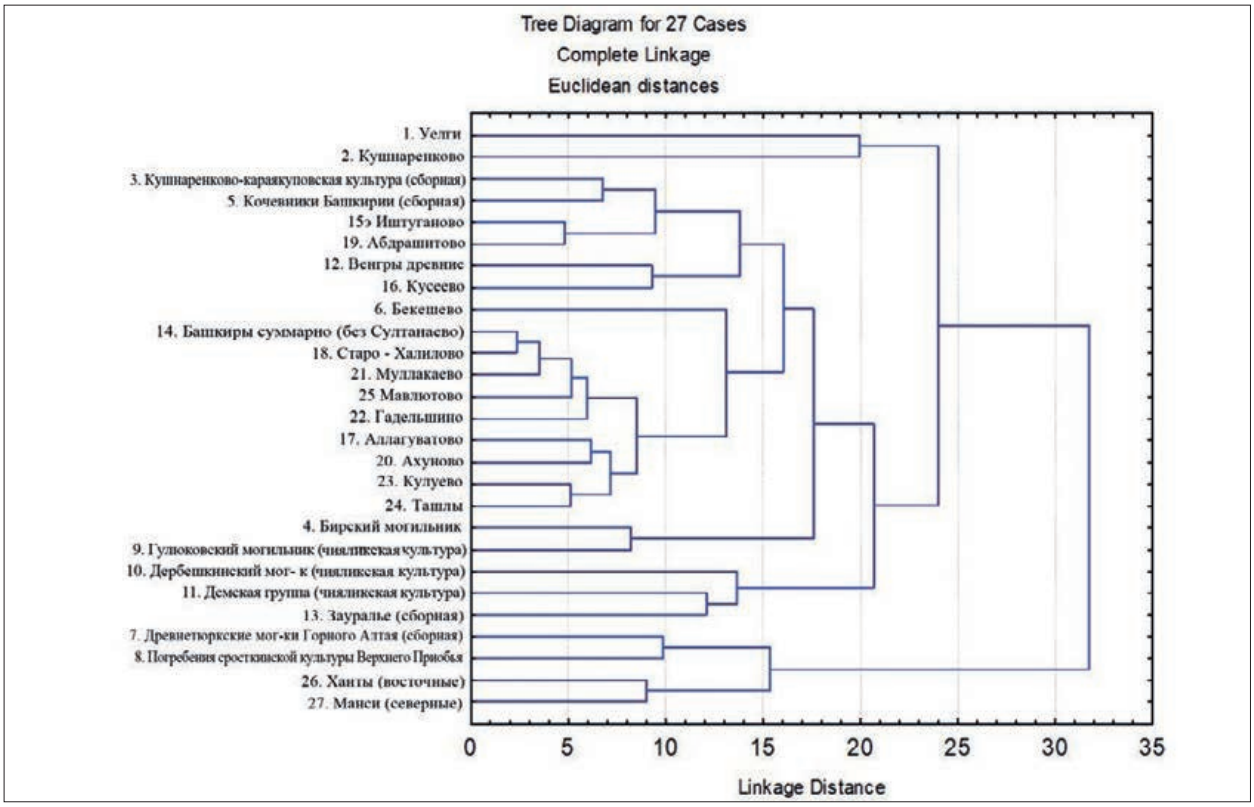

Рис. 385. Дендрограмма кластеризации 27 краниологических серий из памятников эпохи Средневековья и Нового времени Южного Урала и сопредельных территорий. Метод полной связи
385. kép. 27 kraniológiai sorozat klaszterezési dendrogramja a Dél-Urál és szomszédos területeinek közép- és újkori lelőhelyeiről. Teljes kapcsolati elemzés

жении демонстрирует дендрограмма (*рис. 385*). На разных полюсах дендрограммы расположились черепа из курганов Погребального комплекса Уелги, которые образовали отдельный кластер с черепами кушнаренковской культуры и черепа угров Западной Сибири (хантов и манси).

Таким образом, проведенное краниологическое исследование черепов и выполненные реконструкции прижизненного облика погребенных из курганов Погребального комплекса Уелги подтвердило их морфологическую близость черепам так называемых восточных угров из памятников чияликской культуры Приуралья и черепам из погребений кушнаренковской культуры, которые трактуются в археологии как принадлежащие «*древним венграм*».

Таблица 4. Сравнительные краниологические материалы, происходящие с территории Южного Урала и сопредельных территорий
4. táblázat. A Dél-Urálból és a szomszédos területekről származó hagyaték összehasonlító kraniológiai adatai

Серия	Датировка	Источник данных
1. Уелги	IX–X вв.	Настоящая работа
2. Кушнаренковский могильник	VI–VII вв.	Акимова, А. С. 1968[15]
3. Кушнаренковско-караякуповская культура (сборная)	VII–XI вв.	Газимзянов, И. Р. 2018[16]

[15] Акимова 1968.
[16] Газимзянов 2018.

Серия	Датировка	Источник данных
4. Бирский могильник	III–VII вв.	Акимова, А. С. 1968[17]
5. Кочевники Башкирии (сборная)	IX–XI вв.	Ефимова, С. Г., 1991[18]
6. Бекешево	IX–X вв.	Юсупов, Р. М. 1989[19]
7. Древнетюркские могильники Горного Алтая (сборная)	VII–X вв.	Поздняков, Д. В. 2004[20]
8. Погребения сросткинской культуры Верхнего Приобья (сборная)	VIII–X вв.	Поздняков, Д. В. 2004[21]
9. Гулюковский могильник (чияликская культура)	втор. пол. XI – нач. XIII в.	Газимзянов, И. Р., Волкова, Е. В. 2017[22]
10. Дербёшкинский могильник (чиялик-ская культура)	XIII–XIV вв.	Газимзянов, И. Р. 2000[23]
11. Демская группа (чияликская культура)	XIII–XIV вв.	Нечвалода, А. И. 2019[24]
12. Венгры древние		Акимова, А. С. 1968[25]
13. Зауралье (сборная)	конец I – сер. II тыс. н.э.	Багашёв, А. Н. 2017[26]
14. Башкиры суммарно (без Султанаево)	XIV – начало XX в.	Юсупов, Р. М. 1989[27]
15. Иштуганово	XVIII–XIX вв.	Юсупов, Р. М. 1989[28]
16. Кусеево	»	Юсупов, Р. М. 1989[29]
17. Аллагуватово	»	Юсупов, Р. М. 1989[30]
18. Старо-Халилово	XVIII – начало XX в.	Юсупов, Р. М. 1989[31]
19. Абдрашитово	XIX в.	Юсупов, Р. М. 1989[32]
20. Ахуново	XVIII – начало XX в.	Юсупов, Р. М. 1989[33]
21. Муллакаево	»	Юсупов, Р. М. 1989[34]
22. Гадельшино	XIX – начало XX в.	Юсупов, Р. М. 1989[35]
23. Старо-Кулуево	XVIII–XIX в.	Юсупов, Р. М. 1989[36]
24. Ташлы	XVIII в.	Юсупов, Р. М. 1989[37]
25.Мавлютово		Акимова, А. С. 1968[38]
26. Ханты (восточные)	XVIII–XIX вв.	Дремов, В. А., Багашев, А. Н. 1998[39]
27. Манси (северные)	XVIII–XIX вв.	Дебец, Г. Ф. 1951[40]

[17] Акимова 1968.
[18] Ефимова 1991.
[19] Юсупов 1989.
[20] Поздняков 2004.
[21] Поздняков 2004.
[22] Газимзянов–Волкова 2017.
[23] Газимзянов 2000.
[24] Нечвалода 2019.
[25] Акимова 1968
[26] Багашёв 2017.
[27] Юсупов 1989.
[28] Юсупов 1989.
[29] Юсупов 1989.
[30] Юсупов 1989.
[31] Юсупов 1989.
[32] Юсупов 1989.
[33] Юсупов 1989.
[34] Юсупов 1989.
[35] Юсупов 1989.
[36] Юсупов 1989.
[37] Юсупов 1989.
[38] Акимова 1968.
[39] Дремов–Багашев 1998.
[40] Дебец 1951.

Таблица 5. Краниологическая серия Погребального комплекса Уелги на фоне средневековых материалов и близких к современности серий
5. táblázat. Az ujelgi temető kraniológiai sorozatai a középkori és a kora modern kori hagyaték adatainak tükrében

	1	8	17	5	9	45	48	52	NM	ZM	SS:SC	75(1)
1. Уелги	180,9	140	134	104,4	97,7	133,7	70,2	33	144,2	132,4	65,6	27,9
2. Кушнаренково	186,3	138,8	135,3	101,8	96	133,6	70	32	134	123,4	56,6	37,3
3. Кушнаренково-караякуповская культура (сборная)	182,2	146	136,9	103,6	98,6	141,5	71,2	32,6	142,5	132,4	54,2	29,1
4. Бирский могильник	183,3	140,3	137,2	104,1	96,6	135,9	71,6	33,5	140,4	131	43,7	25,4
5. Кочевники Башкирии (сборная)	185,1	150,4	135,6	104,6	99,1	143,6	73,3	32	143,2	134,1	53,5	27,6
6. Бекешево	185	145	133	102	87	136	73	34	142,2	132,2	52,4	26,8
7. Древнетюркские могильники Горного Алтая (сборная)	179,7	145,6	132,5	102	94,8	137,8	76,6	35,2	144,8	140,4	41,8	22,7
8. Погребения сросткинской культуры Верхнего Приобья	180,3	142,3	134	103,5	94,2	139,9	71,7	33,4	146,2	135,2	46,3	23
9. Гулюковский могильник (чияликская культура)	187,2	138	139,6	105,3	99,1	139,7	73,3	33,7	139,8	129,6	47,1	27
10. Дербёшкинский могильник (чияликская культура)	181,3	140,1	132,2	101,6	96,6	136,1	67,3	33,2	140,9	124,3	48,1	20,1
11. Демская группа (чияликская культура)	173,1	144,3	131,3	103,4	96	135,6	68,5	32,3	141,5	132,2	49,9	25,5
12. Венгры древние	183,2	147,5	136	103,9	92,7	138,4	72,5	33	139,1	128,2	55,8	25,9
13. Зауралье (сборная)	181,7	143,9	132,1	100,8	98,6	136,3	69,3	32,9	143,2	133,5	55,1	23,4
14. Башкиры суммарно (без Султанаево)	182,5	147,1	133,2	102	96,5	138,5	74	34,6	142,1	131,6	46,8	25,2
15. Иштуганово	185,6	147,3	135	103,4	97,5	140,5	75,3	35,7	141,9	131	50	27,5
16. Кусеево	182,6	148,6	132,5	102,4	97,8	139,2	75,3	35,1	139,9	123,4	53,2	24,9
17. Аллагуватово	180,8	143,9	132,4	101	96,2	137,7	74,3	34,8	143,4	134,3	49,6	25,8
18. Старо-Халилово	183	147,8	133,6	102	95,5	137,4	73,5	34	142,2	132,5	46,6	24,2
19. Абдрашитово	182,7	181,1	133,1	102,5	97,8	140,1	74,2	35	140,4	129,9	49	26,3
20. Ахуново	184,2	148,3	133,2	102	95	137,7	73,8	34,3	143,1	134,8	49,6	24
21. Муллакаево	183,7	145,4	134,5	102,7	96,3	137,4	74,1	34,6	142,9	130,8	46,6	24,5
22. Гадельшино	183,2	147	129,7	100,8	95,6	138,1	73,4	34,9	142,2	131,5	47	25,4
23. Кулуево	179,6	148,9	132,2	102,4	96,7	138,8	74,4	35,3	143,9	131,9	50,4	25,7
24. Ташлы	179,7	148,1	133	102,7	96,6	137,9	73,3	34,2	139,5	131,4	50,9	24,3
25. Мавлютово	180,4	145,4	132,7	102,7	96	137,9	72,2	32,7	141,5	130,6	44,9	24,8
26. Ханты (восточные)	183,3	141,7	130,7	101,8	96,5	136,4	70,3	34,2	142,2	133,4	43,6	19,4
27. Манси (северные)	183,9	136,5	126,1	100,1	92,8	135,3	70,7	34,3	142,1	135	40,2	20,2

3.2. Палеопочвоведческие наблюдения[41]

Физико-географический очерк. Погребальный комплекс Уелги расположен в юго-западной части Западно-Сибирской аккумулятивной равнины, недалеко от границы с Зауральским пенепленом, которая проходит по горизонтали 190 м.[42] В административно-территориальном отношении археологический памятник расположен в 8 км к северо-западу от села Кунашак (Челябинская область).

Геологическое строение двухъярусное: в основании, на глубине 1,5–3 км залегают палеозойские скальные породы, которые перекрыты мощным мезозойско-кайнозойским осадочным чехлом.[43] Осадочные породы залегают почти горизонтально и имеют морское и континентальное происхождение, что отражено в современном рельефе. Колебания высот небольшие и не превышают 20 м, повышения и понижения пологие.[44] Многие котловины и впадины заняты озерами, одним из которых является озеро Уелги, на берегах которого расположен одноименный археологический памятник.

Климат континентальный, характеризуется продолжительной холодной зимой (средняя температура января –18°С) с устойчивым снежным покровом и непродолжительным теплым (иногда жарким) летом (средняя температура июля +16°С). Среднегодовая температура составляет +3,2°С, а среднегодовая норма осадков – 430 мм.[45]

Водные объекты относятся к бассейну реки Тобол и представлены многочисленными озерами: Уелги, Сайгерлы, Кунашак, Кунтуды, которые расположены между двумя реками – Караболкой на севере и Течей на юге.[46]

Современный почвенный покров представлен черноземами языковатыми и карманистыми выщелоченными в сочетании с лугово-черноземными солонцеватыми и солончаковатыми почвами, а также солонцами луговыми.[47]

Согласно физико-географическому районированию Челябинской области М. А. Андреевой[48] Погребальный комплекс Уелги расположен в лесостепной природной зоне, провинции эрозионно-абразионной платформы, подзоне предгорий лесостепи.

Почвенно-археологический метод. На рубеже IV–III тыс. до н.э. в степной зоне Евразии появляются первые погребальные сооружения в виде курганных насыпей, которые постепенно распространились по всей территории степной и лесостепной природных зон. Курганный погребальный обряд просуществовал до XV в. н.э., а курганы стали характерной чертой современных степных и лесостепных ландшафтов.[49]

Курганы представляют собой грунтовые, реже каменные насыпи, возведенные над погребальной камерой. Особенность сооружения курганных насыпей заключалась в том, что вместе с погребением перекрывался также ненарушенный участок почвенного покрова рядом с ней (погребенная почва). Происходила своеобразная консервация почвы в состоянии, в котором она находилась к моменту сооружения кургана. Учитывая повсеместное распространение курганного погребального обряда в степной и лесостепной природных зонах, современные исследователи располагают уникальным природным архивом, который охватывает последние пять тысяч лет (поздний голоцен).

Почвенно-археологический метод является основным и перспективным инструментом для изучения погребенных почв на археологиче-

[41] Работа выполнена в рамках государственного задания ИИиА УрО РАН, тема № 124032100052-6 «Культурное пространство Урала: археологические и этнологические исследования».

[42] Левит 2005.

[43] Егоров–Кривонос 1995.

[44] Левит 2005.

[45] Географический атлас 1980.

[46] Географический атлас 1998.

[47] Национальный атлас 2011.

[48] Левит 2005.

[49] Раевский 1985.

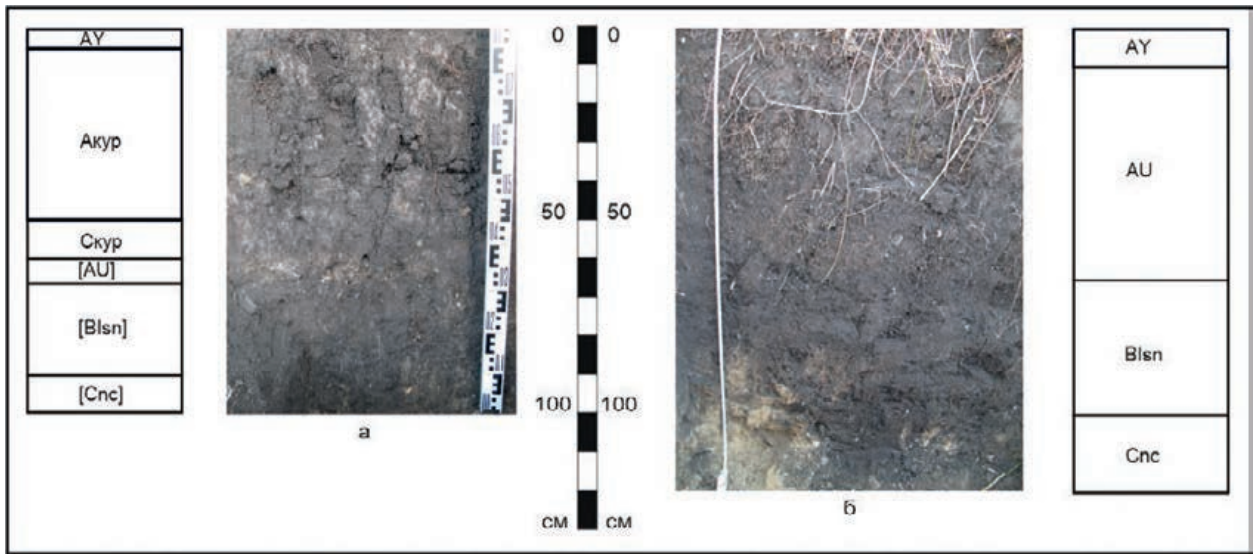

Рис. 386. Погребальный комплекс Уелги. Строение почвенно-археологического профиля 1 (а) и профиля современной почвы (б). Почвенные горизонты (по: Классификация 2004). AY: серогумусовый (дерновый); AU: темногумусовый; BIsn: глинисто-иллювиальный солонцеватый; Cnc: почвообразующая порода с сегрегационными мучнистыми скоплениями карбонатов; Dnc: подстилающая порода с сегрегационными мучнистыми скоплениями карбонатов; Акур: слой курганной насыпи из материала темногумусового горизонта; Скур: слой курганной насыпи из материала почвообразующей породы, [ ]: погребённые горизонты
386. kép. Az ujelgi temető. A régészeti rétegek talajprofilja 1 (a) és a mai talajprofil (б) szerkezete. Talajhorizontok. AY: szürke humusz (gyökérzóna); AU: sötét humusz; BIsn: agyagos öntéstalaj, szikes jellegű talaj; Cnc: talajképző ásványi karbonátok lisztes szerkezetű felhalmozódásaival; Dnc: talajszint alatti ásványi karbonátok lisztes szerkezetű felhalmozódásaival; Акур: a kurgán feltöltésének rétege sötét humuszos talajból;
Скур: a kurgán feltöltésének a rétege talajképző ásványi anyagából, [ ]: temetkezési horizontok

ских объектах, его суть состоит в сопряженном изучении современных почв и палеопочв разновозрастных археологических памятников, время сооружения которых определяется методами археологии.[50] На сегодняшний день достигнуты значительные успехи в изучении погребенных почв различных археологических объектов и сформировалось новое междисциплинарное научное направление – археологическое почвоведение.[51] Следует отметить территориальную неоднородность по степени изученности регионов, перспективных для проведения почвенно-археологических исследований. Наряду с хорошо изученными районами существуют слабоизученные, к которым относится большая часть территории Южного Урала. Имеющаяся информация о состоянии почв и природных условий для разных исторических эпох неодинакова. Одним из слабоосвещенных периодов является эпоха средневековья, известная своими сложными культурно-историческими событиями.[52]

В течение нескольких полевых сезонов были проведены комплексные почвенно-археологические исследования на Погребальном комплексе Уелги и реконструированы природные условия IX–XI вв. в районе его местонахождения.

Морфологическое строение почв. *Современная почва*. Профиль находится в 15 м к юго-западу от курганного могильника (*рис. 386*). Растительная ассоциация: полынно-злаковая, проективное покрытие 100%.

Серогумусовый (дерновый) горизонт – AY (0–10 см): темно-серый, средний суглинок, структура мелкокомковатая, уплотненный, су-

[50] Дёмкин 1997.
[51] Дёмкин 1997.
[52] Боталов 2009.

хой, включения зёрен минералов (диаметр 0,1–0,2 см), насыщен корнями и остатками трав, нижняя граница слабоволнистая, переход заметный по окраске и структуре.

Темногумусовый горизонт – AU (10–65 см): черный, средний суглинок, структура призматическая, плотный, сухой, новообразования легкорастворимых солей в виде примазок с глубины 60 см, включения корней трав, нор землеройных животных, заполненных рыхлым материалом из горизонта Cnc (реагирует с 10% соляной кислотой), угловатых, окатанных минеральных зерен (диаметр 0,1–0,2 см) и камней (диаметр до 8 см), на гранях структурных отдельностей металлический блеск, нижняя граница волнистая, переход ясный по окраске.

Глинисто-иллювиальный солонцеватый горизонт – BIsn (65–100 см): желто-коричневый, тяжелый суглинок, структура призматическая, очень плотный, сухой, новообразования легкорастворимых солей в виде точек фиксируются повсеместно, красно-коричневые прожилки оксида железа (III), включения корней трав, нижняя граница ровная, четкая, переход ясный по реакции с 10% соляной кислотой.

Почвообразующая порода с сегрегационными мучнистыми скоплениями карбонатов – Cnc (100–120 см): желто-коричневый, тяжелый суглинок, структура комковато-призматическая, очень плотный, увлажненный, отмечается реакция с 10% соляной кислотой, новообразования карбонатов в виде мучнистых пятен.

Почва: чернозём глинисто-иллювиальный типичный.[53]

Почвенно-археологический профиль 1.

Профиль восточной стенки бровки С–Ю кургана 41 (*рис. 386. а*).

Серогумусовый (дерновый) горизонт – AY (0–4 см): очень темно-серый, супесь, структура комковатая, рыхлый, сухой, насыщен корнями трав, нижняя граница ровная, переход заметный по окраске.

Слой курганной насыпи из материала темногумусового горизонта – Акур (4–50 см): черный, при подсыхании серый, легкий суглинок, структура призматическая, уплотненный, сухой, включения костей лошади, корней трав, поры от корней, трещины усыхания по всей мощности горизонта, до глубины 40 см горизонт переработан современным дерновым почвообразовательным процессом, нижняя граница ровная, четкая, переход ясный по окраске.

Слой курганной насыпи из материала почвообразующей породы – Скур (50–60 см): желто-коричневый, средний суглинок, структура мелкокомковатая, плотный, сухой, включения угловатых, вытянутых, плохо окатанных камней, насыщен корнями трав, нижняя граница ровная, переход ясный по окраске.

Погребенный темногумусовый горизонт – [AU] (60–66 см): верхняя часть срезана, очень темно-серый, при подсыхании проявляется белесоватость, легкий суглинок, структура мелкокомковатая, плотный, свежий, включения отдельных камней, нижняя граница ровная, переход ясный по структуре и заметный по окраске.

Погребенный глинисто-иллювиальный солонцеватый горизонт – [BIsn] (66–79(90) см): темно-серый, при подсыхании проявляется белесоватость, средний суглинок, структура призматическая, плотный, свежий, включения белых камней (диаметр 0,1–0,2 см), отдельных вертикальных трещин, по ним остатки трав, нижняя граница затёчная, переход ясный по структуре и заметный по окраске.

Погребенная почвообразующая порода с сегрегационными мучнистыми скоплениями карбонатов – [Cnc] (79(90)–100 см): темно-коричневый, тяжелый суглинок, структура комковато-плитчатая, плотный, пластичный, свежий, затеки из горизонтов [AU] и [BIsn], проходящие через весь горизонт, новообразования карбонатов в виде белых примазок, включения белых камней (диаметр 0,5–1,5 см), отдельных корней трав. Погребенная почва: чернозем глинисто-иллювиальный типичный.

[53] Классификация 2004.

Почвенно-археологический профиль 2.

Профиль южной стенки бровки З–В (центральная часть) кургана 11 (*рис. 387. а*).

Серогумусовый (дерновый) горизонт – AY (0–4 см): очень темно-серый, супесь, структура комковатая, уплотненный, сухой, насыщен корнями трав, нижняя граница ровная, переход заметный по окраске и ясный по корням трав.

Слой поздней курганной насыпи из материала темногумусового горизонта – Акур1 (4–48 см): черный, супесь, структура комковатая, плотный, сухой, при подсыхании проявляется белесоватый оттенок, включения корней трав, костей и зубов лошади, артефактов (ожелезненные, плитчатые изделия, на одном из них медный фрагмент 0,3 × 0,3 см), осложнен трещинами, проходящими через весь горизонт, нижняя граница ровная, переход ясный по растительным остаткам и заметный по окраске.

Погребенный серогумусовый (дерновый) горизонт – [AY] (48–58 см): очень темно-серый, супесь, структура мелкокомковато-порошистая, уплотненный, сухой, горизонт прерывается в бровке, отдельные фрагменты встречаются на глубине 60–70 см, включения корней трав, растительных остатков, костей крупного рогатого скота, отдельных нор грызунов, заполненных материалом из горизонта [Cnc], нижняя граница ровная, переход ясный по корням растений, заметный по окраске.

Слой ранней курганной насыпи из материала темногумусового горизонта – Акур2 (58–70 см): черный, супесь, структура комковато-плитчатая, уплотненный, сухой, включения корней трав, камней, бересты, нижняя граница ровная, переход ясный по гранулометрическому составу и окраске.

Погребенный глинисто-иллювиальный солонцеватый горизонт – [BIsn] (70–82 см): очень темно-серый, средний суглинок, мелко-призматической структуры, плотный, сухой, при подсыхании проявляется белесоватый оттенок, включения корней трав, нижняя граница слабозатёчная, переход ясный по окраске.

Погребенная почвообразующая порода с сегрегационными мучнистыми скоплениями карбонатов – [Cnc] (82–110 см): темно-желтовато-коричневый, тяжелый суглинок, структура плитчатая, плотный, пластичный, свежий, новообразования карбонатов в виде отдельных белых прожилок, при подсыхании проявляется белесоватый оттенок, через весь горизонт до глубины 110 см проходят трещины, заполненные материалом из горизонта [BIsn], нижняя граница ровная, переход ясный по гранулометрическому составу и заметный по окраске.

Подстилающая порода с сегрегационными мучнистыми скоплениями карбонатов – [Dnc] (110–120 см): желтовато-коричневый, легкий суглинок, структура непрочно-мелко-комковатая, плотный, свежий, новообразования карбонатов в виде белого налета на камнях, насыщен минералами и горными породами (диаметр от 1–2 до 10–15 см).

Погребенная почва: чернозем глинисто-иллювиальный типичный.

Средневековая и современная почвы относятся к черноземy глинисто-иллювиальному типичному, а различия в их морфологическом строении не выходят за ранг почвенного подтипа. В то же время средневековая почва характеризуется меньшей мощностью гумусового горизонта (учитывая срезанную часть), а ее общий вид позволяет предположить, что к моменту перекрытия курганной насыпью она развивалась в засушливых условиях, по сравнению с современной природной обстановкой.

Строение насыпей курганов 11 и 41. Насыпи в рассматриваемых курганах 11 и 41 имеют конструктивные особенности и различаются между собой.

В кургане 41 насыпь имеет двухслойное строение, верхняя часть сложена материалом из темногумусового горизонта, а нижняя – из материала почвообразующей породы, который был извлечён и перемещён в ее основание при сооружении погребальной камеры. Верхняя часть погребенной почвы была срезана, вероятно, при сооружении курганной площадки. Отметим, что верхняя часть насыпи проработана современным дерновым почвообразовательным процессом и в настоящее время представляет собой надкурганную почву, которая развивается по чернозёмному типу.

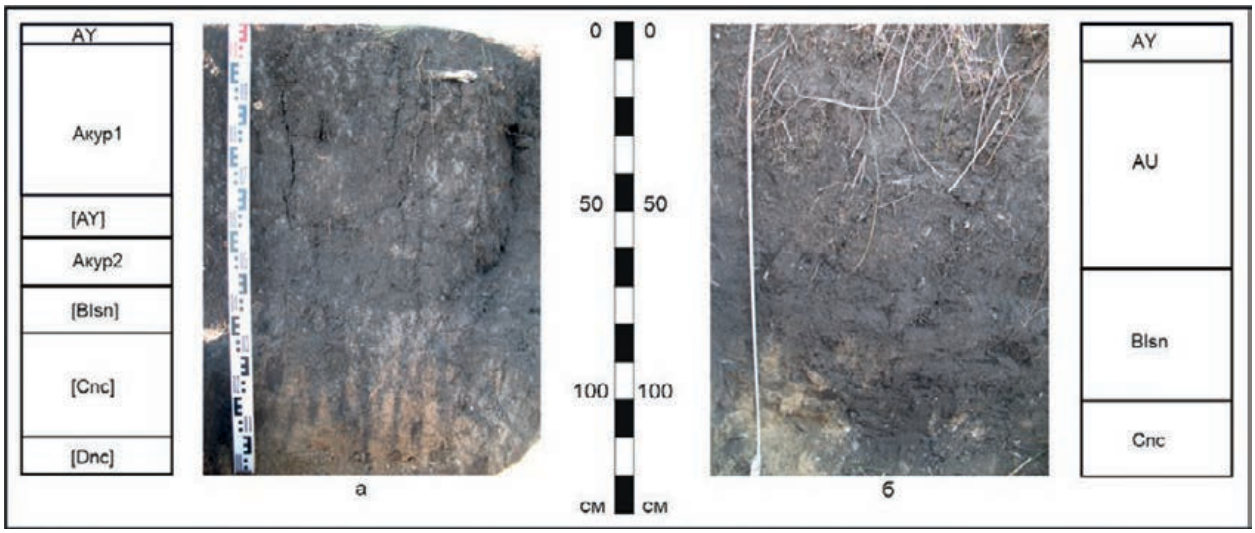

Рис. 387. Погребальный комплекс Уелги. Строение почвенно-археологического профиля 2 (а) и профиля современной почвы (б), условные обозначения см. рис. 386.
AY: серогумусовый (дерновый); AU: темногумусовый; BIsn: глинисто-иллювиальный солонцеватый; Cnc: почвообразующая порода с сегрегационными мучнистыми скоплениями карбонатов; Dnc: подстилающая порода с сегрегационными мучнистыми скоплениями карбонатов; Акур: слой курганной насыпи из материала темногумусового горизонта; Скур: слой курганной насыпи из материала почвообразующей породы, погребённые горизонты
387. kép. Az ujelgi temető. Régészeti talajprofil 2 (a) és mai talajprofil (б) szerkezete, jelmagyarázat lásd fentebb (386. kép). AY: szürke humusz (gyökérzóna); AU: fekete humusz; BIsn: agyagos öntéstalaj, szikes jellegű; Cnc: talajképző ásványi karbonátok lisztes szerkezetű felhalmozódásaival; Dnc: talajszint alatti ásványi karbonátok lisztes szerkezetű felhalmozódásaival; Акур: a kurgán feltöltésének rétege sötét humuszos talajból; Скур: a kurgán feltöltésének a rétege talajképző ásványi anyagából, [ ]: temetkezési horizontok

Особый интерес представляет курган 11, где удалось зафиксировать два этапа возведения насыпи. Ранняя насыпь была невысокой (около 20 см) и обложена дерновыми блоками, которые частично сохранились в профиле, сильно трансформировавшись в насыпи с течением времени. Вероятнее всего, это были небольшие насыпи непосредственно над погребениями. Поздняя насыпь была возведена над всем ритуальным комплексом и выполнена из материала темногумусового горизонта и по аналогии с ранней насыпью – обложена дерновыми блоками. Это позволяет предположить, что данный курган вначале функционировал как грунтовый могильник, а на заключительном этапе был перекрыт курганной насыпью.

В рамках палеопочвоведческого исследования были выявлены различия в архитектуре курганов 11 и 41.

По типологии керамического и вещевого комплексов, данные курганы имеют некоторое сходство. Практически весь вещевой инвентарь, зафиксированный в насыпи и на подкурганной площадке курганов 11 и 41, относится к единому временному периоду: керамика – к «*раннечияликской, макушинской, постпетрогромско-юдинской группе*» (*рис. 127. 8–12; 272; 284*), вещевой инвентарь в основном соотносится с «*синеглазово-сросткинским*» горизонтом (*рис. 124; 125. 1–11; 266*), за исключением инвентаря из кургана 11 (погребение 6 и несколько разграбленных погребений), который соотносится с ранним «*хусаиновским*» горизонтом (*рис. 119–121; 125. 12–17; 126*).

Начало использования грунтового кладбища кургана 11 можно датировать серединой – вторая половина IX в. (синеглазово-сросткинское погребение 5), а закрытие подкурганной площадки насыпью предположительно произошло в диапазоне от конца IX до начала (первая половина) X в., что подтверждается типологией керамических сосудов.

Наличие в погребении 3 кургана 41 позднекушнаренковского сосуда (*рис. 285. 13*) позволяет отнести нижнюю хронологическую границу материалов кургана 41 к концу IX в., а типология керамического и вещевого материала из насыпи говорит о его закрытии в первой половине X в. Однако, традиция выставления сосудов на подкурганной площадке, отмеченная в кургане 41 и не зафиксированная ранее в других курганах Погребального комплекса Уелги, имеет сходные черты с кушнаренковскими сосудами, выставленными на подкурганной площадке кургана 11 могильника Граултры, исследованного ранее С.Г. Боталовым[54] и датированного VIII–IX вв.

Таким образом, захоронения в курганах 11 и 41 были произведены населением одного культурного горизонта предположительно в одно время с относительной разницей в одно–два поколения (25–50 лет).

В кургане 11 первые захоронения были осуществлены населением «*кушнаренковского*» и «*хусаиновского*» горизонта (горизонт 1), в дальнейшем какое-то время оно существовало как грунтовое кладбище (с небольшими насыпями над отдельными погребениями) и впоследствии курган был «*закрыт*» единой насыпью населением «раннечияликского» и «*синеглазово-сросткинского*» горизонта (горизонт 2), в традициях предшествующего населения (или, скорее всего, принесенных с собой?).

Курган 41 (подкурганная площадка и насыпь) с самого начала был подготовлен как площадка для грунтового кладбища населением горизонта 2, но в отличие от кургана 11 погребения не имели собственных курганных насыпей в привнесенной традиции. Кроме этого, на части подкурганной площадки выставлялись ритуальные сосуды в традициях населения «*кушнаренковского*» горизонта.

Подводя итог, можно предположить о наличии взаимодействия населения хусаиновского и синеглазовского этапов и заимствовании погребальных и культурных традиций населения «*хусаиново-кушнаренково-караякуповского*» горизонта пришлым населением «*синеглазово-чияликского-макушино-петрогромо-юдинского*» горизонтов.

Почвы и природные условия IX–XI вв. Исторический период IX–XI вв. остается одним из слабо изученных периодов не только эпохи средневековья, но и всей истории человечества. В то же время исторические события, происходившие в тот период, оказали заметное влияние на последующие этнокультурные процессы. Изменения природных условий можно рассматривать как один из важных факторов, наряду с политическими, экономическими, социальными процессами и явлениями, оказавшими серьезное влияние на жизнь средневекового населения и предопределившими многие исторические процессы.

В течение средневекового времени в Евразии происходили колебания природных условий, что вызвало изменения ландшафтов. Во второй половине VIII века началось сильное похолодание, которое охватило все Северное полушарие и продлилось до конца IX века. С этого времени установилась долговременная тенденция к потеплению, которое стало началом средневекового климатического оптимума[55] и продлилось до XIII века.[56] В этот период климат был теплым и достаточно влажным.[57] Следует отметить, что проявление средневекового климатического оптимума характеризовалось своеобразным смещением с Северной Атлантики вглубь Евразийского континента. Это привело к тому, что его влияние на различные районы Евразии происходило в разное время, причем прослеживается закономерность – чем дальше вглубь континента, тем позже его проявление и слабее интенсивность.[58]

К сожалению, естественно-научные исследования, включая почвенно-археологические работы, средневековых памятников Южного

[54] Боталов и др. 2019, 117.
[55] Клименко 2003.
[56] Борисенков–Пасецкий 1983.
[57] Полтараус–Кислов 1986.
[58] Борисенков–Пасецкий, 1983

Урала носили единичный характер. Тем не менее, на Южном Урале для эпохи средневековья выделяют два основных гидротермических периода. Первый из них был засушливый и продолжался с V–VII до X–XII вв., второй – теплый и влажный – с XII до XIV в.[59] В то же время, полученные почвенно-археологические данные Погребального комплекса Уелги, позволяют провести реконструкцию природных условий во время его функционирования. Учитывая современные представления об этом хронологическом интервале, изученная почва, вероятнее всего, относится к IX – первой половине X в., когда вероятно была произведена большая часть захоронений на Погребальном комплексе Уелги. Морфологическое строение подкурганной почвы отличается от современного аналога более засушливым обликом, что согласуется с современными палеогеографическими представлениями об этом историческом периоде.

3.3. Результаты исследования археозоологической коллекции некрополя Уелги[60]

Археозоологический материал из могильников IX–XI вв. Южного Урала позволяет получить информацию об использовании частей туш животных в погребальном обряде древнего населения. Погребальные комплексы с костями животных из курганов отличаются друг от друга по таксономическому и анатомическому составу, поэтому не всегда удается понять их семантическое назначение и выделить комплексы разного назначения. Особенно это касается разрозненных костей из насыпей и с поверхности погребальной подкурганной площадки. Значительное количество костей животных Погребального комплекса Уелги позволяет пополнить источниковую базу и расширить имеющиеся знания по данной проблеме.

Материалы и методы исследования. На данном этапе исследования проанализированы археозоологические коллекции из пяти курганов Погребального комплекса Уелги, которые датированы IX–X вв. Насыпи курганов значительно пострадали от деятельности грабителей и землеройных животных, в связи с этим разделить костные остатки по принадлежности к различным культурным срезам в рассматриваемый период проблематично. Поэтому фрагменты костей из насыпей исследовались общей выборкой, отдельно выделены кости животных из погребений (*табл. 6*). В выборку из кургана 14 не включены остатки лисицы (19 костей), вероятнее всего, животное погибло в норе. Погребение коня из погребения 3 кургана 32 (138 костей) и жертвенник из кургана 34 (174 кости) описаны отдельно.

При анализе анатомического спектра статистика велась по отдельным костям скелета. В ходе анализа отдельные кости группировались по частям туш – «*немясные*», куда вошли остатки от голов (череп, челюсти, изолированные зубы) и дистальных частей конечностей (метаподиальные и подиальные кости), и «*мясные*», состоящие из остатков позвоночника, лопаток, таза и проксимальных частей конечностей.

Возраст и пол животных определялись по состоянию зубной системы, морфологическому строению ветвей таза и установленных сроков синостоза эпифизов и диафизов длинных трубчатых костей у современных домашних животных.[61] Размеры костей (*табл. 11, 14–15*) измерялись по схеме В. Айзенманн с соавторами.[62] Рост в холке высчитывался по длине пястной кости по рубрикациям В. О. Витта,[63] индекс массивности определялся по классификации А. А. Браунера.[64]

Результаты и обсуждение исследования. Таксономический состав животных Погребального комплекса Уелги представлен в основном остатками костей лошади (*табл. 6*).

---

[59] Рысков–Дёмкин 1997.

[60] Работа выполнена в рамках государственного задания ИИиА УрО РАН, тема № 124032100052-6 «Культурное пространство Урала: археологические и этнологические исследования».

[61] Корневен–Лесбр 2011; Levine 1982; Silver 1969.

[62] Eisenmann et al. 1988.

[63] Витт 1952

[64] Браунер 1916.

Таблица 6. Таксономический состав костей животных Погребального комплекса Уелги
6. táblázat. Az ujelgi temető állatcsontanyagának rendszertani összetétele

Курган	Лошадь	Крупный рогатый скот	Крупное копытное	Среднее копытное	Млекопитающее	Всего
курган 11, в том числе в %	992	–	56	–	117	1165
	85,2	–	4,8	–	10,0	100
курган 14, в том числе в %	255	1	11	1	86	354
	72	0,3	3,1	0,3	24,3	100
курган 29, в том числе в %	18	–	4	–	–	22
	81,8	–	18,2	–	–	100
курган 32, в том числе в %	516	1	41	–	81	639
	80,8	0,2	6,4	–	12,6	100
курган 34, в том числе в %	134	–	8	1	4	147
	91,2	–	5,4	0,7	2,7	100

В единичных случаях обнаружены кости крупного рогатого скота, средних копытных (вероятно, мелкого рогатого скота). Остатки крупных копытных представляют собой неопределимые фрагменты костей, вероятно лошади. К таксону млекопитающие отнесены мелкие неопределимые фрагменты костей копытных и человека. Остатки животных, обнаруженные как в насыпи, так и могильных ямах, представляют собой разрозненные фрагменты костей. Естественная сохранность коллекции неудовлетворительная, что помешало зафиксировать следы искусственного воздействия, однако в единичных случаях отмечены следы разбивания трубчатых костей и воздействия высокой температуры.

В кургане 11 было обнаружено 1165 фрагментов костей, наибольшая доля которых принадлежит остаткам лошади – 85,2%. Среди костей лошади преобладают остатки «*немясной*» части туши – головы (89,6%) (*табл. 7*).

Таблица 7. Анатомический спектр остатков лошади из кургана 11 Погребального комплекса Уелги
7. táblázat. Az Ujelgi temető 11. kurgánsírjából származó lómaradványok anatómiai spektruma

Элемент скелета	Насыпь	Насыпь,%	Погребение 3	Погребение 6	Погребение 7	Погребение 8	Всего	Всего,%	Всего	Всего,%
Черепа	131	13,3					131	13,2	889	89,6
Верхние челюсти	6	0,6				1	7	0,7		
Нижние челюсти	277	28,1	1				278	28,0		
Резцы	40	4,1					40	4,0		
Клыки	4	0,4					4	0,4		
Верхние зубы	139	14,1	1				140	14,1		
Нижние зубы	167	16,9			1		168	16,9		
Зуб (фрагмент)	121	12,3					121	12,2		
Позвонки	12	1,2					12	1,2	54	5,4
Ребра	19	1,9			1		20	2,0		
Лопатка	2	0,2					2	0,2		
Плечевая кость	3	0,3					3	0,3		
Таз	3	0,3					3	0,3		
Бедренная	13	1,3		1			14	1,4		

Элемент скелета	Насыпь	Насыпь,%	Погребение 3	Погребение 6	Погребение 7	Погребение 8	Всего	Всего,%	Всего	Всего,%
Пяточная	1	0,1					1	0,1	49	4,9
Метаподиальные кости	1	0,1					1	0,1		
Подиальные кости	4	0,4					4	0,4		
Первая фаланга	2	0,2					2	0,2		
Вторая фаланга	6	0,6					6	0,6		
Третья фаланга	35	3,5					35	3,5		
Всего, в том числе в %	986	100,0	2	1	2	1	992	100,0	992	100,0

В кургане 14 обнаружено 354 фрагмента костей, доля остатков лошади превалирует – 72,0%. В кургане также обнаружен фрагмент кости метаподия крупного рогатого скота (кость разбита и обожжена) и 19 костей одной особи лисицы – череп, левая и правая нижние челюсти, атлант и четыре грудных позвонка, правая и левая лопатки, правая плечевая, правая лучевая кость, правая ветвь таза, правая бедренная кость и пять метаподиальных костей. Анатомический спектр лошади включает в себя остатки всех элементов скелета (*табл. 8*). Однако доля «*немясной*» части туши – головы не столь высока как в других курганах – 55,7%. Мясные части туш составляют чуть более четверти всех костей.

Таблица 8. Анатомический спектр остатков лошади из кургана 14 Погребального комплекса Уелги
8. táblázat. Az ujelgi temető 14. kurgánsírjából származó lómaradványok anatómiai spektruma

Элемент скелета	Насыпь	Насыпь, %	Погребение 2	Всего	Всего, %	Всего	Всего, %
Черепа	8	3,1		8	3,1	142	55,7
Верхние челюсти	2	0,8		2	0,8		
Нижние челюсти	22	8,7		22	8,6		
Резцы	8	3,1		8	3,1		
Верхние зубы	40	15,7		40	15,7		
Нижние зубы	62	24,4		62	24,3		
Зуб (фрагмент)	19	7,5		19	7,5	68	26,7
Позвонки	15	5,9		15	5,9		
Ребра	12	4,7		12	4,7		
Лопатка	4	1,6		4	1,6		
Плечевая кость	1	0,4		1	0,4		
Кости предплечья	1	0,4		1	0,4		
Таз	5	2,0		5	2,0		
Бедренная	10	3,9	1	11	4,3		

Элемент скелета	Насыпь	Насыпь, %	Погребение 2	Всего	Всего, %	Всего	Всего, %
Большеберцовая	3	1,2		3	1,2	45	17,6
Таранная	2	0,8		2	0,8		
Пяточная	1	0,4		1	0,4		
Пястная	4	1,6		4	1,6		
Плюсневая	2	0,8		2	0,8		
Подиальные кости	8	3,1		8	3,1		
Первая фаланга	5	2,0		5	2,0		
Вторая фаланга	9	3,5		9	3,5		
Третья фаланга	11	4,3		11	4,3		
Всего, в том числе в %	254	100,0	1	255	100,0	255	100,0

Коллекция костных остатков из кургана 29 (*табл. 9*) представлена 22 фрагментами костей, преимущественно лошади (81,8%). Анатомическое разнообразие остатков лошади невелико. От других данный курган отличает высокая доля «*мясных*» частей туш – 72,2%.

Таблица 9. Анатомический спектр остатков лошади из кургана 29 Погребального комплекса Уелги
9. táblázat. Az ujelgi temető 29. kurgánsírjából származó lómaradványok anatómiai spektruma

Элемент скелета	Насыпь	Насыпь, %	Погребение 1	Погребение 2	Погребение 8	Всего	Всего, %	Всего	Всего, %
Верхние зубы	2	15,4		1		3	16,7	4	22,2
Нижние зубы	1	7,7				1	5,6		
Позвонки	1	7,7				1	5,6	13	72,2
Ребра	2	15,4				2	11,1		
Бедренная	6	46,2	2	1	1	10	55,6		
Первая фаланга	1	7,7				1	5,6	1	5,6
Всего, в том числе в %	13	100,0	2	2	1	18	100,0	18	100,0

Стоит отметить, что в данном кургане был обнаружен жертвенный комплекс, состоящий из черепов и дистальных частей конечностей лошадей. Скопление в восточной части под насыпью кургана вытянуто с севера на юг и имело овальную форму, размерами 16 × 4 м. Наиболее кучно кости скопления были выложены в его западной части. В восточной части зафиксированы отдельные небольшие фрагменты костей. Скопление представлено верхними и нижними челюстями, фалангами и копытами лошадей, расположенных на погребенном слое. Скопление не подвергалось ограблению. Данный комплекс описан кандидатом биологических наук П. А. Косинцевым и опубликован ранее. В ходе обработки материала исследователь пришел к выводу, что комплекс представляет собой 18 малых жертвенников, в которые входят 28 самок и самцов.[65]

[65] Боталов 2022, 52, рис. 4.

В кургане 32 обнаружено 639 фрагментов разрозненных костей животных. Абсолютное большинство – кости лошадей – 84,9%. Крупному рогатому скоту принадлежит фрагмент диафиза берцовой кости (на нем зафиксированы следы разбивания). Анатомический спектр лошади представлен всеми элементами скелета (*табл. 10*). Наибольшая доля представлена костями из «*немясной*» части туши – головы (81,0%), в частности разрозненными верхними и нижними зубами и фрагментами нижних челюстей.

Таблица 10. Анатомический спектр остатков лошади из кургана 32 Погребального комплекса Уелги
10. táblázat. Az ujelgi temető 32. kurgánsírjából származó lómaradványok anatómiai spektruma

Элементы скелета	Насыпь	Насыпь, в %	Погребение 5	Погребение 7	Погребение 8	Погребение 12	Всего	Всего, %	Всего	Всего, %
Черепа	60	12,3			2		62	12,0	418	81,0
Верхние челюсти	10	2,0				1	11	2,1		
Нижние челюсти	85	17,4			1	2	88	17,1		
Резцы	23	4,7					23	4,5		
Клыки	3	0,6				1	4	0,8		
Верхние зубы	88	18,0			2	1	91	17,6		
Нижние зубы	111	22,7		1		1	113	21,9		
Зуб (фрагменты)	26	5,3					26	5,0		
Позвонки	14	2,9				4	18	3,5	52	10,1
Ребра	18	3,7	1		1		20	3,9		
Лопатка	2	0,4					2	0,4		
Бедренная	9	1,8			2	1	12	2,3		
Плюсневая	1	0,2					1	0,2	46	8,9
Метаподиальные кости	1	0,2					1	0,2		
Подиальные кости	1	0,2					1	0,2		
Первая фаланга	2	0,4					2	0,4		
Вторая фаланга	8	1,6			1	2	11	2,1		
Третья фаланга	26	5,3			2	2	30	5,8		
Всего, в том числе в %	488	100,0	1	1	11	15	516	100,0	516	100,0

Наибольший интерес представляет собой захоронение коня. В погребении 3 был обнаружен его полный скелет – череп, нижние челюсти и подъязычные кости, 7 шейных, 18 грудных и 6 поясничных (4, 5 и 6 поясничные позвонки имеют дополнительные фасетки на боковых отростках), 11 хвостовых позвонков и крестец; 17 левых и 17 правых ребер (сохранились также добавочные ребра и грудина); правая и левая лопатки, правая и левая плечевые, лучевые с локтевыми костями и все метакарпальные кости, а также пястные с грифельными и все фаланги; целый таз и задние конечности: правая и левая бедренные, большеберцовые кости, коленные чашечки, пяточные кости, таранные кости и все метатарзальные кости, а также плюсневые с грифельными и все фаланги (на обеих первых фалангах зафиксированы патологические изменения надкостницы [*рис. 388*]). Кости животного принадлежат самцу в возрасте около 7,5–9 лет. Рост в холке составлял 136–144 см (средние по росту особи), индекс ширины диафиза пястной кости (массивности) – 14,2% (тонконогая особь). Индивидуальные размеры костей скелета представлены в таблице 11.

Рис. 388. Погребальный комплекс Уелги. Курган 32, погребение 3. Первые фаланги коня с патологическими изменениями надкостницы. 1: передняя поверхность, 2: задняя поверхность
388. kép. Az ujelgi temető 32. kurgán, 3. sír. Ló elő ujjpercei kóros elváltozással a csonthártyán. 1: dorzális nézet, 2: ventrális nézet

Таблица 11. Размеры костей лошади из погребения 3 кургана 32 Погребального комплекса Уелги
11. táblázat. Az ujelgi temető 32. kurgán 3. sírgödréből származó lócsontok méretei

Кость/ Сторона	№ промера/значение										
SCA	1	2	3	4	5						
sin	–	62,8	87,4	53,8	47						
dex	350,0	63,4	87,2	54,3	47,3						
HUM	1	2	7	8	9	10					
sin	284,0	268,0	72,1	81,0	49,0	34,5					
dex	285,0	270,0	72,5	81,7	48,5	35,2					
RAD	3	5	7	8	9	10					
sin	37,4	71,7	79,3	60	37,3	73,5					
dex	37,3	72,2	80,3	60,3	37,5	73,9					
ULN	1	2	3	4							
dex	387	83,7	43,3	47							
sin	387	83,4	43,1	47							
FEM	1	2	3	4	5	7	8	9	10		
sin	391,0	391,0	42,0	46,0	-	90,2	117,0	62,0	55,4		
dex	343,4	345,0	43,0	46,7	118,4	91,5	117,0	61,0	55,4		
TIB	1	2	3	4	5	6	7	8			
sin	337	322	40,0	29,8	97,3	83,7	73,6	44,3			
dex	338	322	40,0	29,3	97,8	84,2	72,4	44,3			
MTC	1	2	3	4	5	6	10	11	12	13	14
sin	223,5	215,0	32,0	25,2	48,0	31,0	45,7	48,5	36,3	28,0	31,6
dex	224,0	216,0	32,0	24,5	48,0	31,0	46,0	48,8	35,6	27,6	30,8
MTT	1	2	3	4	5	6	10	11	12	13	14
sin	263,7	255,0	31,5	28,5	48,0	37,0	47,5	49,6	36,0	27,4	30,5
dex	264,1	257,0	32,0	27,6	47,7	37,7	48,7	50,0	37,0	27,0	30,9
CAL	1	2	3	4	5	6	7				
sin	110,5	74,7	18,4	32,0	50,4	50,3	49,6				
dex	111,1	75,7	18,7	32,8	50,0	50,2	49,8				

Кость/ Сторона	№ промера/значение									
AST	1	2	3	4	5	6	7			
sin	55,3	57,0	27,2	59,7	50,0	33,2	49,2			
dex	55,0	57,9	28,3	59,8	50,2	34,0	50,2			
FI п	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
sin	85	78,4	-	51,5	35,4	-	42,8	24,6	48	
dex	86,5	78,4	33,3	53,7	35,8	47,4	43,5	25,0	48,0	
FHI з	1	2	4	5	7	8	9			
sin	81,3	75,0	55,2	36,8	42,0	24,3	44,4			
dex	81,0	74,6	55,4	37,3	43,0	25,6	42,7			
FII п	1	2	3	4	5	6				
sin	43,2	31,0	44,6	50,0	29,3	47,7				
dex	43,0	30,1	45,6	50,6	29,0	47,6				
FHII з	1	2	3	4	5	6				
sin	41,5	30,0	-	52,4	31,0	44,6				
dex	41,0	29,7	46,0	54,8	31,6	44,6				

В кургане 34 найдено 147 фрагментов разрозненных костей. Лошади принадлежит вся доля определенных фрагментов костей – 91,2%. Анатомический спектр лошади не отличается от других курганов, наибольшее число (87,3%) костей относится к «*немясной*» части туши – голове (верхние и нижние зубы, нижние челюсти) (*табл. 12*).

Таблица 12. Анатомический спектр остатков лошади из кургана 34 Погребального комплекса Уелги
12. táblázat. Az Ujelgi temető 34. kurgánsírjából származó lómaradványok anatómiai spektruma

Элемент скелета	Насыпь	Насыпь, в %	Погребение 2	Всего	Всего, %	Всего	Всего, %
Черепа	18	13,5		18	13,4	117	87,3
Верхние челюсти	1	0,8		1	0,7		
Нижние челюсти	27	20,3		27	20,1		
Резцы	8	6,0		8	6,0		
Клыки	1	0,8		1	0,7		
Верхние зубы	30	22,6		30	22,4		
Нижние зубы	32	24,1		32	23,9		
Позвонки	1	0,8		1	0,7	8	6,0
Ребра	4	3,0		4	3,0		
Лопатка	1	0,8		1	0,7		
Бедренная	1	0,8	1	2	1,5		
Пястная	1	0,8		1	0,7	9	6,7
Мелкие подиальные кости	1	0,8		1	0,7		
Вторая фаланга	5	3,8		5	3,7		
Третья фаланга	2	1,5		2	1,5		
Всего, в том числе в %	133	100,0	1	134	100,0	134	100,0

Также под насыпью кургана 34 был обнаружен жертвенник, состоящий из четырех скоплений, в которые входили кости лошади. Характеристика скоплений приведена в *таблице 13*.

Таблица 13. Характеристика жертвенного комплекса из кургана 34 Погребального комплекса Уелги
13. táblázat. Az Ujelgi temető 34. kurgánjából származó áldozati objektum állatcsont anyagának jellemzői

Курган	Место-положение	Вид/Анатомия	Возраст/Пол	Кол-во фраг-ментов
34	СЗ, 155/240х58/150 жертвенник, скопление 1	Каменистая кость черепа, передняя правая вторая фаланга, 29 фрагментов от нижних челюстей (1 фрагмент – резцовый отдел с зачатком клыка), фрагмент клыка (зачаток), 4 правых верхних зуба (зубной ряд P4-M3), два левых нижних премоляра (p2 и p3) от разных особей, пять левых (p2, зубной ряд p4-м3) и три правых (зубной ряд p4-м2) нижних зуба от одной особи	По нижней челюсти: особь 1 (самец) – около четырех лет. По верхним зубам особь 1 – около четырех лет. По нижним зубам: особи 1 и 2 – около четырех лет, и особь 3 – около 10 лет	46
34	СЗ, 108/220х138/282 жертвенник к сл. Т/4 -199/-216, скопление 2	18 фрагментов черепов, фрагмент верхнего зуба, шесть фрагментированных резцов, верхний правый зуб (M1/2 или P3/4), фрагмент верхней челюсти и (зубной ряд P3-M2), пять левых верхних зубов (зубной ряд P3-M3) и правые P4 и M1, 3 левых и три правых верхних зуба (моляры), три левых (моляры) и четыре правых (P4-M3) верхних зуба, шесть фрагментов нижней челюсти, два нижних правый и левый зубы (M3), третья передняя фаланга	По нижней челюсти: особь 1 – 3–5 лет. По верхним зубам – особям 1, 2, 3 – около 3–4 лет	60
34	СЗ, 26/72х158/203 жертвенник к сл. Т/4, -194/-195, скопление 3	17 фрагментов черепов (в том числе каменистая кость черепа, минимум от двух особей), два фрагмента нижней челюсти, два резца (фрагментированы), два левых верхних зуба (P2,3), один правый (P3/4 или M1/2), три левых верхних зуба (P2,3, M3) и четыре правых верхних зуба (P3-M2). Левая нижняя челюсть (весь зубной ряд), три левых (м1-м3) и один правый (м3) зубы, отдельный правый зуб (p3/4)	По нижним зубам: особь 1 – 10–11 лет, особь 2 – 11–12 лет, особь 3 – около четырех лет	38
34	СЗ, К. СА. Т4, -155/-193, скопление 4	17 фрагментов черепов, фрагмент грудного позвонка (эпифизы не приросли), фрагмент верхнего клыка, верхний левый зубной ряд (p2-м1), левый верхний зубной ряд (p3-м3) и два верхних правых зуба (p4 и м1), а также правый нижний зуб (p3/4) и правая и левая ветви нижней челюсти (сохранились некоторые зубы, в том числе фрагмент клыка)	По клыку: особь 1 (самец) – около 10–13 лет. По верхним зубам: особь 1 – старше четырех лет, особь 2 – старше четырех лет. По нижним зубам: особь 1 – 3–5 лет, особь 2 – около 10 лет	30

Исходя из полученных данных, можно реконструировать минимальное количество особей в данном жертвеннике. Предполагается, что в обряде использовалось минимум пять особей: три особи трех-четырех лет (один из них самец) и две особи 10–12 лет (в одном случае самец), от которых положены головы и, вероятно, дистальные части конечностей, судя по сохранившимся фалангам.

Экстерьер лошадей, чаще всего, реконструируют по пястным костям. К сожалению, в данной выборке пястные кости единичны и фрагментированы, за исключением погребения коня в кургане 32. Данная особь была тонконогая и средняя по росту – 136–144 см в холке. Однако количество бедренных костей лошадей позволяет реконструировать относительный экстерьер данных животных. Согласно рубрикациям

Витта,[66] предложенным на основе анализа размерных характеристик лошадей Пазырыкских курганов, лошади Погребального комплекса Уелги относятся к следующей категории – мелкие и ниже среднего размера (малорослые), рост в холке которых составлял 128–136 см, но некоторые особи достигали 136–144 см в холке (средние по росту особи).

Таблица 14. Размеры бедренных костей лошадей Погребального комплекса Уелги
14. táblázat. Az ujelgi temetőből származó lócsontleletek combcsontjainak méretei

№ промера	*N*	*M*	*Min*	*Max*	*SD*	*Cv*	*SE*
1	8	384,1	360,0	402,0	12,9	3,3	4,5
2	8	355,9	345,0	371,0	10,0	2,8	3,5
3	14	42,5	39,4	46,3	2,0	4,6	0,5
4	13	46,9	45,0	52,0	1,9	4,2	0,5
5	7	115,0	107,6	119,0	4,1	3,6	1,6
6	3	78,9	73,9	81,5	4,4	5,5	2,5
7	12	88,2	83,1	91,5	2,4	2,7	0,7
8	13	114,1	106,6	118,4	2,9	2,6	0,8
9	11	60,0	49,5	65,5	4,4	7,3	1,3
10	8	55,8	53,0	59,9	2,0	3,7	0,7

Для оценки размеров лошадей относительно репрезентативными оказались выборки бедренных костей и вторых фаланг. Для них приведены данные описательной статистики (*табл. 14–15*) – количество наблюдений (*N*), максимальные и минимальные значения (*Min–Max*), среднее значение и стандартная ошибка среднего (*M, SE*), стандартное отклонение (*SD*) и коэффициент вариации (*Cv*).

Таблица 15. Размеры вторых фаланг лошадей Погребального комплекса Уелги
15. táblázat. Az ujelgi temetőből származó lócsontleletek lábközépcsontjainak méretei

№ промера	передние						
	N	*M*	*Min*	*Max*	*SD*	*Cv*	*SE*
1	14	43,1	39,5	49,2	2,8	6,5	0,7
2	11	34,3	31,0	36,5	1,9	5,5	0,6
3	13	43,4	41,3	45,3	1,3	3,1	0,4
4	12	50,1	45,2	53,4	2,0	3,9	0,6
5	12	28,9	21,4	31,6	2,7	9,4	0,8
6	10	47,4	44,6	49,0	1,7	3,6	0,5
№ промера	задние						
	N	*M*	*Min*	*Max*	*SD*	*Cv*	*SE*
1	6	43,7	39,2	49,0	4,2	9,7	1,7
2	6	35,1	29,7	41,0	5,0	14,2	2,0
3	5	42,7	39,8	46,0	2,6	6,1	1,2
4	5	51,4	45,9	54,8	3,4	6,6	1,5
5	5	31,5	28,6	32,9	1,7	5,4	0,8
6	4	45,0	41,5	50,0	3,6	7,9	1,8

[66] Витт 1952, 172–173.

№ промера	вся выборка						
	N	*M*	*Min*	*Max*	*SD*	*Cv*	*SE*
1	20	43,3	39,2	49,2	3,2	7,4	0,7
2	17	34,6	29,7	41,0	3,2	9,2	0,8
3	18	43,2	39,8	46,0	1,7	4,0	0,4
4	17	50,5	45,2	54,8	2,4	4,8	0,6
5	17	29,6	21,4	32,9	2,7	9,1	0,7
6	14	46,7	41,5	50,0	2,5	5,3	0,7

В большинстве случаев у всех приведенных признаков одноименных костей лошади стандартная ошибка среднего меньше единицы или близка к этому значению. Показатели стандартного отклонения не выше 5,0. Для абсолютного большинства признаков коэффициент вариации не превышает 10%.

Эти данные говорят о том, что выборки в целом однородны.

Для определения возраста лошадей из насыпей в расчет брались изолированные нижние коренные зубы и нижние челюсти. Выборка зубов из насыпи кургана 29 крайне нерепрезентативна и поэтом не вошла в статистику.

Таблица 16. Возрастной состав лошадей из насыпей курганов Погребального комплекса Уелги
16. táblázat. Az ujelgi temető kurgánbetöltéseiből származó lócsontleletek életkor szerinti összetétele

Курган	1–2 года	3–4 года	около 5 лет	5–6 лет	6–8 лет	8–10 лет	10–12 лет	13–15 лет	Всего, в т.ч. в %
Курган 11, в том числе в %	–	4	16	4	28	2	–	1	55
	–	7,3	29,1	7,3	50,9	3,6	–	1,8	100,0
Курган 14, в том числе в %	1	–	2	–	15	4	–	3	25
	4	–	8	–	60	16	–	12	100
Курган 32, в том числе в %	–	11	1	4	5	6	1	3	31
	–	35,5	3,2	12,9	16,1	19,4	3,2	9,7	100,0
Курган 34, в том числе в %	–	3	1	–	2	2	1	–	9
	–	33,3	11,1	–	22,2	22,2	11,1	–	100,0

Исходя из полученных данных, мы видим, что основной возраст используемых в погребальных обрядах животных составлял в среднем 3–5 и 5–10 лет (*табл. 16*). Крайне редко забивались особи 10–15 лет, новорожденных особей и особей возрастом до одного года не обнаружено. Пол животного удалось реконструировать в 10 случаях (по наличию/отсутствию клыков в челюстях): в двух случаях это самки возрастом 13–14 лет и старше пяти лет; в восьми случаях самцы (особь возрастом около пяти лет, четыре особи возрастом 5–7 лет и особи возрастом 8–9, 10 и 10–13 лет). Ввиду сильной разрозненности материала реконструировать минимальное число особей в погребальном обряде не представляется возможным.

Отдельно стоит рассмотреть целые бедренные кости лошади, найденные в насыпях курганов и в могильных ямах. В насыпи курганов данные кости, вероятно, попали из разрушенных погребений (*табл. 17*). Из 25 костей лошади 11 (44%) – левые, 14 (56%) – правые. Наибольшее число костей от особей возрастом 1,5–3,5 года – 60%, доля особей в возрасте 3–3,5 лет составляет 16%, а особей старше трех лет – 24%.

Таблица 17. Бедренные кости лошади Погребального комплекса Уелги
17. táblázat. Az ujelgi temetőből származó lócsontleletek combcsontjai

Курган	Местоположение	Сторона	Возраст
11	И26, 50х70/37 ЮЗ, гор. 3	левая	1,5–3,5 года
11	Погребение 6	левая	3–3,5 года
11	И24, 79х98 СЗ	левая	1,5–3,5 года
11	З23, 182/196х167/192 ЮВ, гор. 3	левая	1,5–3,5 года
14	Д23, гор. 1	правая	1,5–3,5 года
14	Ж21, 43/53х15/35 ЮЗ, гор. 5	правая	3–3,5 года
14	Е24, 35х32 ЮЗ, гор. 1	левая	1,5–3,5 года
14	Е22, 52х50 СВ, гор. 4	правая	старше 3 лет
14	Е23, 100/120 х160 СЗ, гор. 5	левая	старше 3 лет
29	О2› , 100х40 СЗ, погребение 2	правая	1,5–3,5 года
29	О2’ , 85х80 СЗ, погребение 1	правая	3–3,5 года
29	О1› , 200/210х180/200 ЮЗ, гор. 4	правая	старше 3 лет
29	О2› , 40/120х130/230 СЗ, гор. 5	левая	старше 3 лет
29	О2’ , 200х230 ЮЗ, погребение 1	правая	1,5–3,5 года
29	О2› , 170х110 ЮВ, гор. 2	левая	старше 3 лет
29	О1› , 60х100 СЗ, гор. 2	правая	старше 3 лет
29	О3› , 58х134 ЮВ, гор. 2	правая	3–3,5 года
29	О3› , 180/213х20/65 СЗ, гор. 1, погребение 8	правая	1,5–3 года
32	Л23, 110х200 СВ, гор. 1	правая	1,5–3,5 года
32	Л21, 61/70х0/23 ЮЗ, гор. 1, погребение 8	правая	1,5–3,5 года
32	Л22, 167/176х0/12 ЮЗ, гор. 2, погребение 12	правая	1,5–3,5 года
32	И22, 146х40 ЮЗ, гор. 4	левая	1,5–3,5 года
32	И22, 66х27 ЮВ, гор. 3	левая	1,5–3,5 года
34	У4, 145х10 ЮЗ	левая	1,5–3,5 года
34	140/173х158/208 ЮЗ, погребение 2	правая	1,5–3,5 года

Таким образом, остеологический материал из рассматриваемых курганов можно отнести к четырем условным категориям остеологических комплексов. Первая – это «*захоронение животного*». К этой категории относится захоронение коня из кургана 32. Животное было взнуздано и, возможно, его семантическое значение – транспортное/верховое животное. Согласно верованиям древних народов, лошадь сопровождала хозяина и в потустороннем мире. Однако она могла быть как собственностью погребенного, так и подношением ему со стороны соплеменников.

Еще одна категория комплексов – это «*напутственная пища*». Данная категория представлена длинными трубчатыми костями лошади, чаще всего бедренными. Для напутственной пищи не удается проследить корреляцию, отдавалось ли предпочтение правой или левой стороне и возраста забитых особей с половозрастным статусом погребенных. Однако большинство бедренных костей лошади принадлежат особям 1,5–3,5 года. На данном этапе исследования нам неизвестно каким образом бедренные кости отделялись от тазовых костей (разделка тазобедренного сустава). В рассматриваемом случае, важным наблюдением является отсутствие следов разделки (разрубов и/или порезов острым лезвием) на головке бедренной кости. Поэтому открытым остается вопрос как, с мясом ли или без, бедренные кости попадали в могилу. Данная категория условна, и бедренные кости, уложенные в могилу, могут означать как часть целого – символ коня. Г. Н. Гарустович в результате исследования материалов Бакалинского курганного могильника (Республика Башкортостан)

выдвигает гипотезу о том, что такая обрядовая черта как бедренные кости лошади в погребениях могут обозначать тамгу (определенную часть жертвенного животного) как принадлежность к определенному племени.[67]

Третья категория остеологических комплексов – это «*остатки поминальных тризн*». Она представляет собой разрозненные фрагменты проксимальных «*мясных*» частей конечностей из насыпей курганов, в редких случаях фиксируются следы разделки (разбивания) и воздействия высокой температуры. Данная категория малочисленна. Это может объясняться тем, что тризны могли свершаться за пределами курганного пространства, а оставшиеся кости могли попадать в насыпи вместе с грунтом в процессе ее сооружения.

Наиболее многочисленна в количественном отношении категория «*жертвенные комплексы*». Эти комплексы обнаружены как отдельными скоплениями (в курганах 29 и 34), так и разрозненными костями «*немясных*» частей туш из насыпи (жертвенники, разрушенные в результате действия землероев, грабителей и движения грунта?) – голов и дистальных частей конечностей. От голов больше всего обнаружено зубов и фрагментов нижних челюстей (они лучше всего сохраняются), а от дистальных частей конечностей – фаланги, преимущественно третьи (копыта). К рассматриваемой выборке могут относиться фрагменты атлантов (отделялись вместе с головой), но в остеологической коллекции практически не обнаружены хвостовые позвонки, которые традиционно маркируют шкуры/чучела животных. В жертву приносили как самок, так и самцов преимущественно зрелого возраста (5–10 лет), остатки от жеребят и старых особей не обнаружены.

Заключение

Таким образом, в погребальном обряде населения, оставившего комплекс Уелги, животные использовались на всем протяжении обрядовых действий – при сооружении отдельных погребений, в процессе сооружении курганной насыпи и, возможно, после завершения ее оформления.

В погребальных обрядах абсолютное большинство принадлежит остаткам лошади. В качестве напутственной пищи в погребения помещали мясные части туши лошади. На погребальных площадках или над погребениями устраивали жертвенники, в которые помещали головы и/или дистальные части конечностей лошадей. В процессе сооружения курганной насыпи, вероятно, проводились обряды, сопровождавшиеся поминальными тризнами. О важной роли и функции коня в рассматриваемом обществе говорит персональное захоронение данного животного.

Дальнейшие исследования археозоологического материала позволят детально изучить и реконструировать разные варианты использования животных в погребальных обрядах, практиковавшихся племенами Южного Урала в IX–XI вв. в целом, и выявить их особенности в рамках каждой группы населения, оставившего Погребальный комплекс Уелги.

3.4. Изделия из кожи и тканей могильников Уелги и Актюба[68]

Изделия из органических материалов IX–XI вв. на Южном Урале сохраняются довольно плохо. В силу этого отсутствует и достаточное количество публикаций, посвященных их анализу. Представительная коллекция артефактов из кожи и ткани была получена в результате исследований Погребального комплекса Уелги и могильника Актюба. Всего рассмотрено 35 из-

[67] Гарустович 2011, 86.

[68] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-18-20055 «*Хозяйство и социальная организация скотоводческих обществ Южного Зауралья: от поздней древности до Нового времени*» https://rscf.ru/project/24-18-20055/

делий: 26 из некрополя Уелги и 9 из могильника Актюба. В данном разделе представлены самые информативные находки и их предварительная интерпретация.

Первая группа изделий (Погребальный комплекс Уелги) – это пояса, изготовленные из кожи и украшенные различными накладками. Так, в погребении 1 кургана 3 на распределителе ремня сохранился фрагмент пояса, состоящий из четырех слоев кожи: между двумя узкими полосками кожи ремня, перпендикулярно им, вставлены выпускные ремешки. Вся эта многослойная конструкция скреплена шпеньками накладок (*рис. 27. 9, 10; 389. 1*). Ремешок из погребения 1 кургана 33 выполнен из полоски толстой кожи, края которой аккуратно убраны внутрь накладки и зафиксированы бронзовыми шпеньками с ромбическими шайбами на концах. Лицевая поверхность кожи (мерея) удалена (*рис. 236. 3; 389. 3*). В некоторых случаях, как, например, в погребении 1 кургана 11, края пояса аккуратно закруглены, а сама кожа подвергнута жированию (*рис. 114. 2; 389. 2*).

На образце ремня, размерами 8,9 × 3,3 см, из толстой светло-коричневой кожи, происходящего из насыпи кургана 9, сохранились следы от проколов иглой или шилом. Через эти отверстия, расположенные на длинной стороне изделия, были пропущены сильноскрученные (круткой S) сухожильные нити. На противоположной стороне с помощью сухожильных завязок вторым слоем нашит округлый фрагмент кожи. Свободный конец некоторых завязок зафиксирован простым затяжным узлом. На одной из длинных сторон описываемого фрагмента виден овальный вырез, который ведет внутрь ремня. Судя по характеру отверстий на поверхности, ремень прошел жировую обработку. Поверхность мереи (лицевая сторона) не сохранилась (*рис. 389. 4*). Проколы на кожаных ремнях зафиксированы также в погребении 6 кургана 11 и погребении 7 кургана 9.

Большой интерес представляет фрагмент диадемы размерами 8 × 3,5 × 0,5 см из женского погребения 1 кургана 32. По своим внешним характеристикам он ничем не отличается от кожаных поясов, но фиксировался на голове погребенной. Диадема состоит из четырех слоев: береста, кожа, металл и текстиль. Нижний слой, который примыкал к голове погребенной, выполнен из бересты и пришит накладным швом к толстой темно-коричневой полосе кожи с помощью двойной сильноскрученной (крутка S) сухожильной нити. Полоса кожи украшена рядом плотно расположенных билунницевидных накладок: по 16 штук с каждой стороны, от центральной (гантелевидной) накладки. Поверх них (внешний слой) сохранился фрагмент грубого текстиля, вероятно от савана, в который была обернута погребенная.[69] Текстиль светло-бежевого цвета имеет зеленоватый оттенок, что может быть обусловлено контактом с изделиями из серебра, содержащего примесь меди. Переплетение полотняное. Крутка нитей основы S. Нити основы и утка́ изменяются от среднескрученных к слабоскрученным. Волокна, из которых сделаны нити, имеют растительное происхождение – вероятнее всего, для них был использован хлопок. Билунницевидные и гантелевидная бляшки прикреплены на кожаную основу с помощью шпеньков и шайб. Береста, скорее всего, защищала голову женщины от трения об оборотную сторону ремня с торчащими из него шпеньками (*рис. 208. I; 209; 390. 1*). Похожее изделие, но служившее поясом, происходит из насыпи кургана 1 могильника Актюба. Размеры его фрагмента – 13,5 × 3 см. Изготовлен пояс из светло-коричневой кожи средней толщины с удаленной мереей. Оборотная сторона подшита по краю тонкой кожей с помощью крученой сухожильной нити. Металлические шпеньки накладок удерживают оба слоя кожи (*рис. 301. 10–12*).

В могильнике Уелги в небольшом количестве присутствуют изделия из шелка. До недавнего времени в Южном Зауралье единственным достаточно хорошо сохранившимся изделием из шелка был халат или кафтан предположительно иранского происхождения постсасанидского времени из могильника Синеглазово. Его ткань изготовлена в технике уто́чной саржи – с двумя основами и тремя утка́ми. Орнамент образуют

[69] Грудочко–Газизова–Парунин 2018.

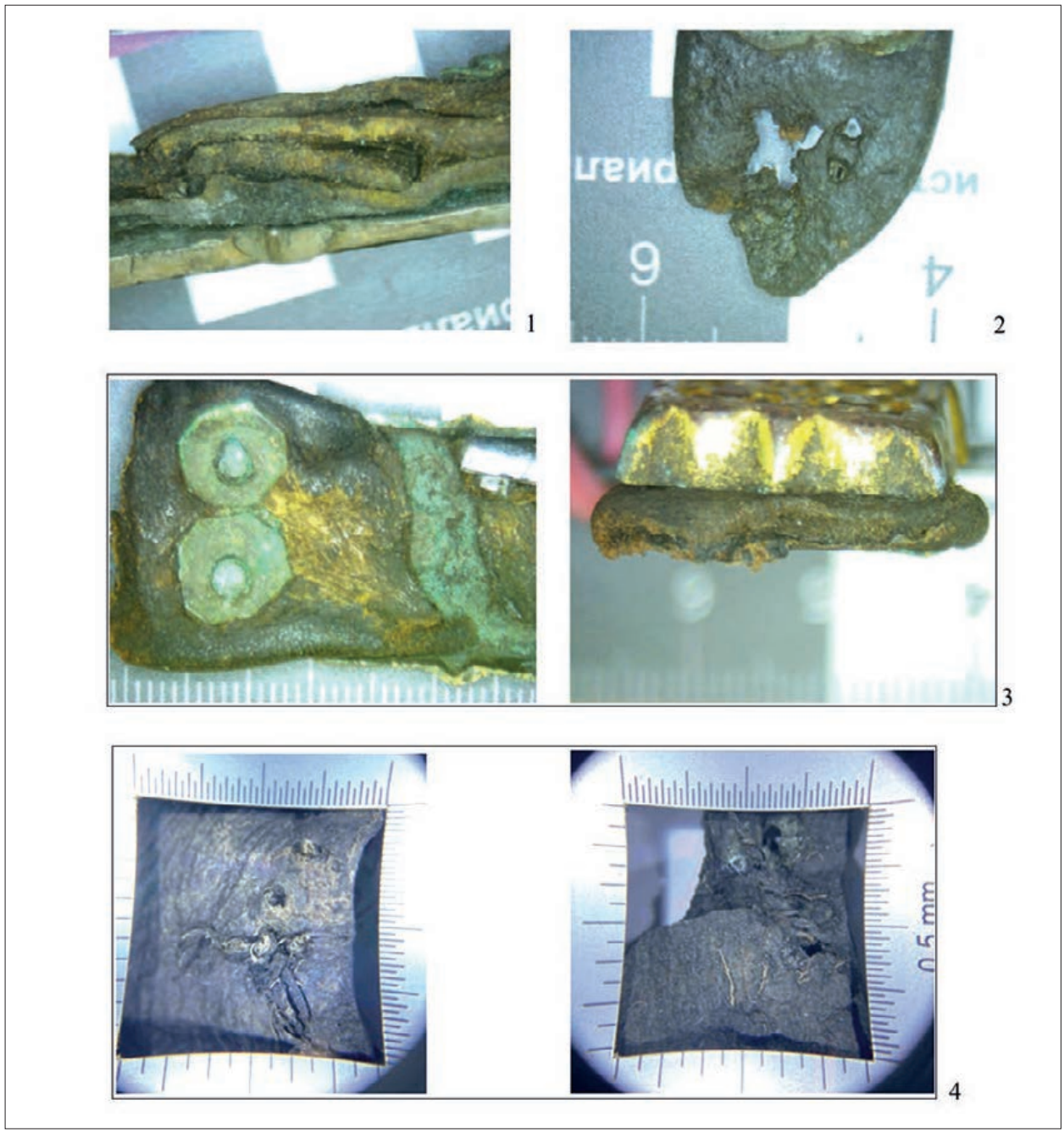

Рис. 389. Погребальный комплекс Уелги. Изделия из кожи. Фото, 10x (шкала – мм). 1: слои кожи, зажатые шпеньками; 2: края ремня обрезаны и закруглены; 3: кожа на внутренней стороне ремня, края убраны внутрь; 4: простой узел на конце сухожильной нитки, витая сухожильная нить

389. kép. Az ujelgi temető. Tárgyak bőrből. Fotó, 10x (skála – mm). 1: szegecsekkel összefogott bőrrétegek; 2: bőrszíj pereme levágott és lekerekített; 3: bőr az öv belső oldalán, a permek befelé hajlanak; 4: egyszerű csomó az ínfonal végén, sodrott ínfonal

изображения царственных всадников, выполненных в синевато-зеленом цвете на коричневато-золотистом фоне.[70]

Из могильной ямы 9 кургана 23 некрополя Уелги происходит фрагмент шелковой ткани размерами 2 × 1 см, который визуально не име-

[70] Иерусалимская 1969.

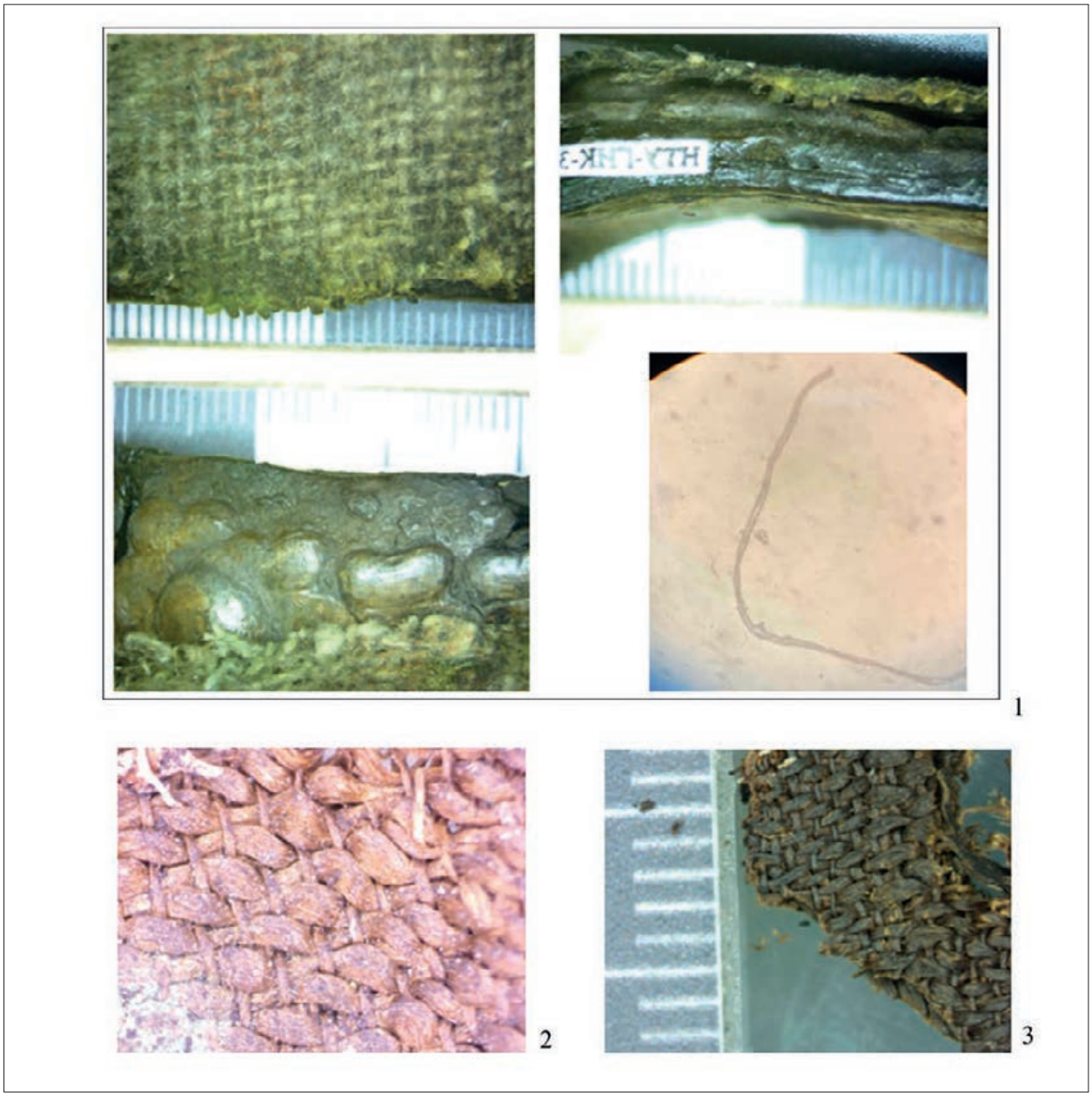

Рис. 390. Погребальный комплекс Уелги. Изделия из кожи и текстиля. Фото, 10x (шкала – мм). 1: хлопковый текстиль полотняного переплетения, послойное расположение текстиль-металл-кожа-береста, плохая сохранность поверхности кожи, хлопковое волокно; 2: изнаночная сторона саммита; 3: шелк, саммит
390. kép. Az ujelgi temető. Tárgyak bőrből és textilből. Fotó, 10x (skála – mm). 1: pamuttextil vászonkötéssel, textil-fém-bőr-nyírfakéreg rétegenkénti elrendezése, a bőr felülete gyenge megtartású, pamutszál; 2: samit fonák oldala; 3: selyem, samit

ет окрашенных нитей. Удалось зафиксировать изнаночную сторону самита, саржевую ткань. Нити основы из шелка светло-бежевого цвета, сильноскрученные (крутка Z), а утков, их может быть несколько, – некрученые (*рис. 390. 2*). Ткань самит производится с V века н. э., а пик моды на нее приходится на VII–IX в. н.э. Центрами шелкоткачества в это время были Византия, Иран, Египет (Антиноя, Ахмим), Китай.[71] Довольно долго считалось, что ткани самит свя-

[71] Орфинская–Михайлов 2020, 47.

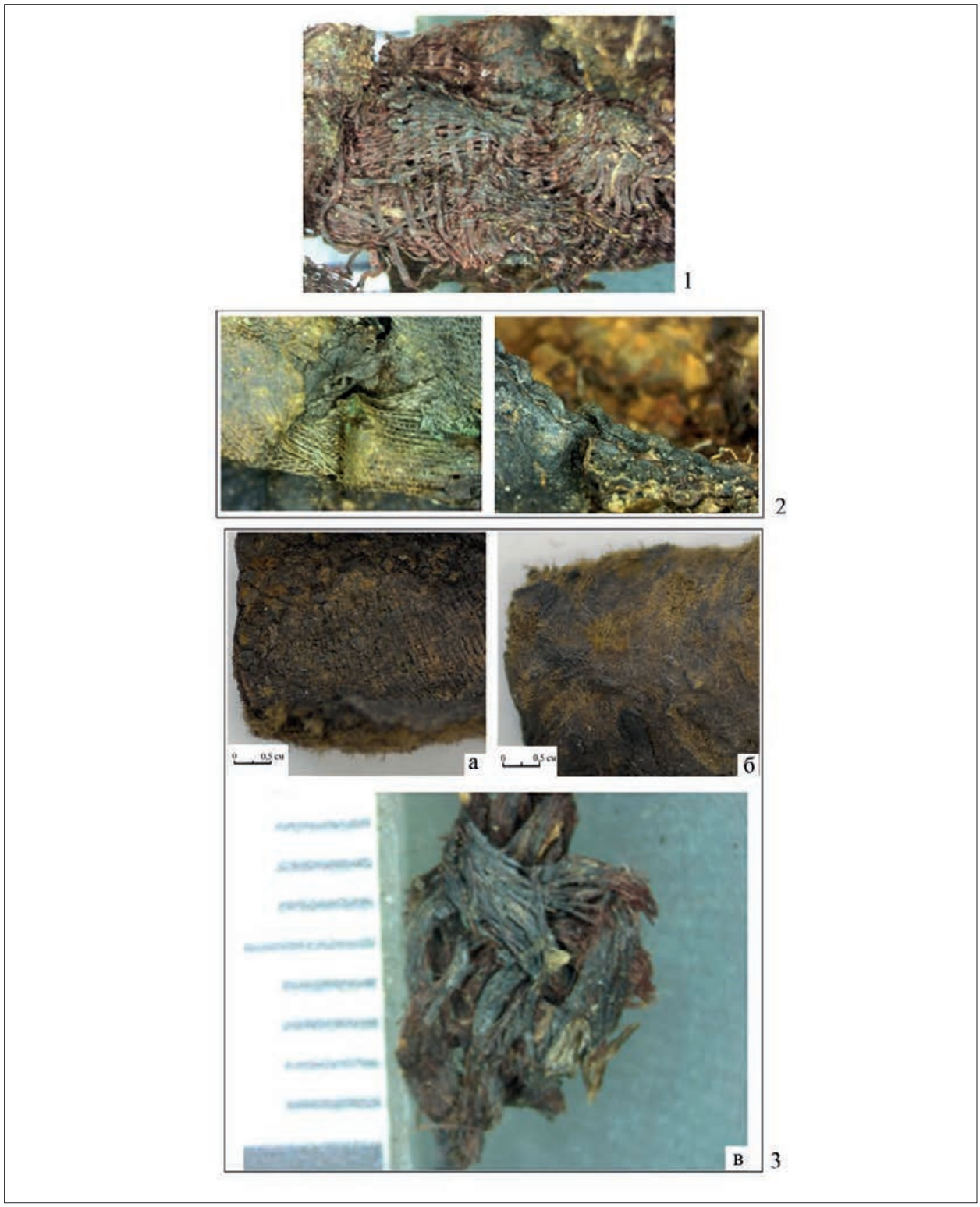

Рис. 391. Погребальный комплекс Уелги. Изделия из кожи и текстиля. Фото, 10х (шкала – мм). 1: фрагмент шелка полотняного переплетения; 2: шелк, фрагмент кромочной части и следы сшивания кожи; 3: фрагменты: а: шелк, б: мех, в: текстиль (шерсть) красноватого оттенка

391. kép. Az ujelgi temető. Tárgyak bőrből és textilből. Fotó, 10x (lépték – mm). 1: taft selyemtöredék; 2: selyem, illetve a bőr peremrészének töredéke és összevarrásának a nyomai; 3: töredékek: a: selyem, б: prém, в: vöröses árnyalatú textil (gyapjú)

заны с Согдом, в настоящее время эта точка зрения не пользуется популярностью. Сложенный вдвое фрагмент ткани самит найден также в насыпи кургана 28 комплекса Уелги (*рис. 390. 3*).

Из погребения 6 кургана 11 этого могильника происходит фрагмент деревянного изделия с остатками, вероятно, двух слоев темно-красного (почти бордового) шелка полотняного переплетения. Нити плоские, некрученые (*рис. 391. 1*). Под костями левой рукой погребенного в этом же комплексе находился конгломерат органики размерами 15 × 5,5 см, представляющий собой крупный фрагмент темно-коричневой кожи с остатками шелковой ткани с двух сторон. Кожа толстая, принадлежащая крупному рогатому скоту или крупному дикому животному. Мерея не сохранилась. Одна из длинных сторон фрагмента представляет собой край полосы, на котором отмечены следы проколов от сшивания частей изделия. Шелк полотняного переплетения сложился в несколько слоев, есть даже фрагмент с кромкой (*рис. 391. 2*).

Шелк использовался не только для пошива одежды, но и для украшения изделий из металла. Так, в погребении 6 кургана 11 могильника Уелги найдены серебряная поясная пряжка и концевая накладка, в щитки которых вставлены фрагменты шелковой ткани с подогнутыми краями. Ткань равномерного светло-бежевого оттенка без следов окрашивания нитей. Нити основы в большинстве своем утрачены. Вероятно, перед нами утóчная саржа (например, см. Иерусалимская А. А., 1969[72]). Возможно, были использованы обрезки шелковой ткани (*рис. 119. 3, 6; 392. а, б, в, г, д*).

В погребении 3 кургана 12 комплекса Уелги найдены фрагменты мехового изделия, вероятно шубы (*рис. 391. 3б*). Мех короткий, светло-коричневый со следами объемных изделий, к которым он непосредственно примыкал. На нем также зафиксированы следы от металлических шпеньков поясного набора (*рис. 129. I, 9; 131. 3*). На обороте шубы (?) есть следы шелка полотняного переплетения (*рис. 391. 3а*). К одному из фрагментов меха «*прилип*» кусочек окрашенного в красный цвет текстиля, точнее скрученных в пучок нитей, вероятно, шерстяных (*рис. 391. 3в*).

Из насыпи кургана 5 комплекса Уелги происходит фрагмент двухцветной шерстяной ткани полотняного переплетения. Его выраженная ребристая фактура похожа на репс. Кромки отсутствуют, основа и утóк не до конца определимы. За основу взята более тонкая сильноскрученная (направление крутки S) одинарная нить светло-бежевого цвета. Нити утка́ красноватого, почти бордового, цвета. Для ткани характерна высокая плотность по двойному утку́ и разреженная основа (*рис. 393. 1*). Аналогичные ткани, по типу переплетения, существуют на протяжении двух тысячелетий: фрагменты их встречаются как в кургане Аржан-2 на территории Центральной Тувы (I тыс. до н. э.), так и в могильнике Сайгатино III Тюменской области (XIII–XIV вв.).[73]

Еще одной категорией изделий из органических материалов являются предметы конской упряжи. Так в тайнике кургана 1 могильника Актюба достаточно хорошо сохранилась кожа. Это фрагмент размерами 6,1 × 4,2 см облицовочной кожи с шахматным тиснением с луки седла (*рис. 393. 2а, 3*) и фрагмент тонкой кожи с вырезанными, вероятно ножом, полосами с полок седла (*рис. 393. 2б*). Кожа к деталям седла крепилась серебряными гвоздиками или клепками, а на луке седла дополнительно фиксировалась серебряными пластинами (*рис. 301. 18, 27*).

Кожаный поясной ремень, орнаментированный сердцевидными бляшками, вероятно, из того же объекта могильника Актюба, представлен двумя крупными фрагментами (*рис. 298. 14, 19*). Изготовлен он из достаточно толстой кожи темно-коричневого цвета, возможно прошедшей жировое дубление. Ремень активно использовался, о чем свидетельствуют его загнутые и залощённые края (*рис. 298. 19; 394. 1*).

Трензельные и накрупные ремни из тайника кургана 1 могильника Актюба, представле-

[72] Иерусалимская 1969.
[73] Глушкова 2002, 51.

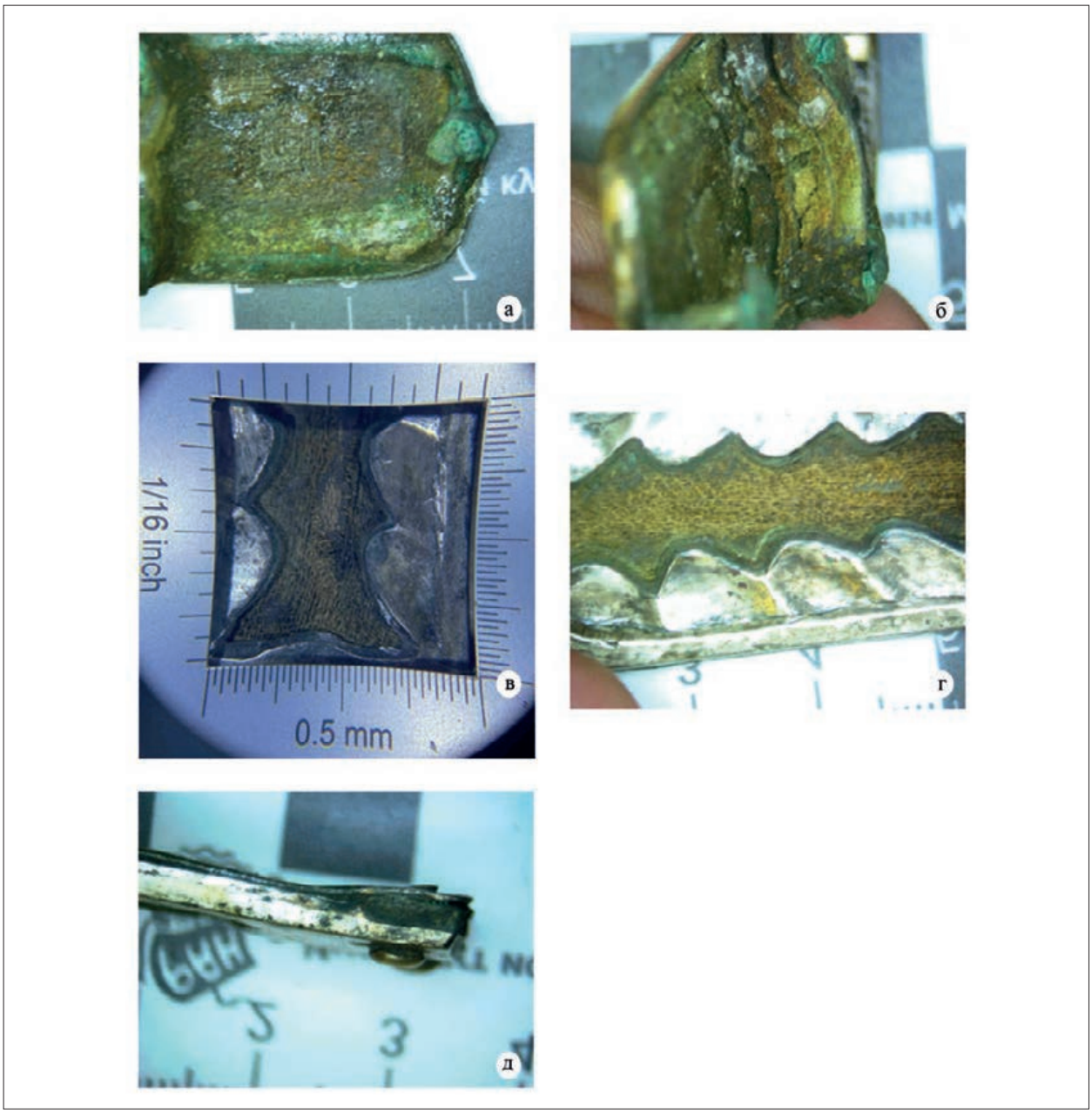

Рис. 392. Погребальный комплекс Уелги. Изделия из кожи и текстиля. Фото, 10х (шкала – мм). а: внутренняя сторона пряжки с фрагментами шелка; б: слои кожи внутри концевой накладки; в: «инкрустация» шелком внутри концевой накладки; г: утраты нитей основы; д: край кожаного ремня зажат шпеньком внутри концевой накладки

392. kép. Az ujelgi temető. Tárgyak bőrből és textilből. Fotó, 10x (skála – mm). a: csat belső oldala selyem töredékeivel; б: bőrrétegek szíjvégen belül; в: „selyemberakás” szíjvégen belül; г: a láncfonalak kopásai; д: a bőröv végének rögzítése nittszeggel a szíjvég tok részében

ны несколькими фрагментами толстой кожи (*рис. 299. 16; 300. 14, 15, 16, 19*). Часть из них имеет следы проколов для сшивания или крепления встык. Такая прошивка могла делать ремни еще более крепкими и эластичными (*рис. 394. 2*). Край одного ремня, из толстой светлой кожи, был подвернут внутрь куска кожи и прошит сильноскрученной текстильной нитью (крутка нити S) накладным швом. Вероятно, края ремня сначала подворачивали внутрь, прошивали, а затем на них насаживали бляхи, от которых сохранились шпеньки

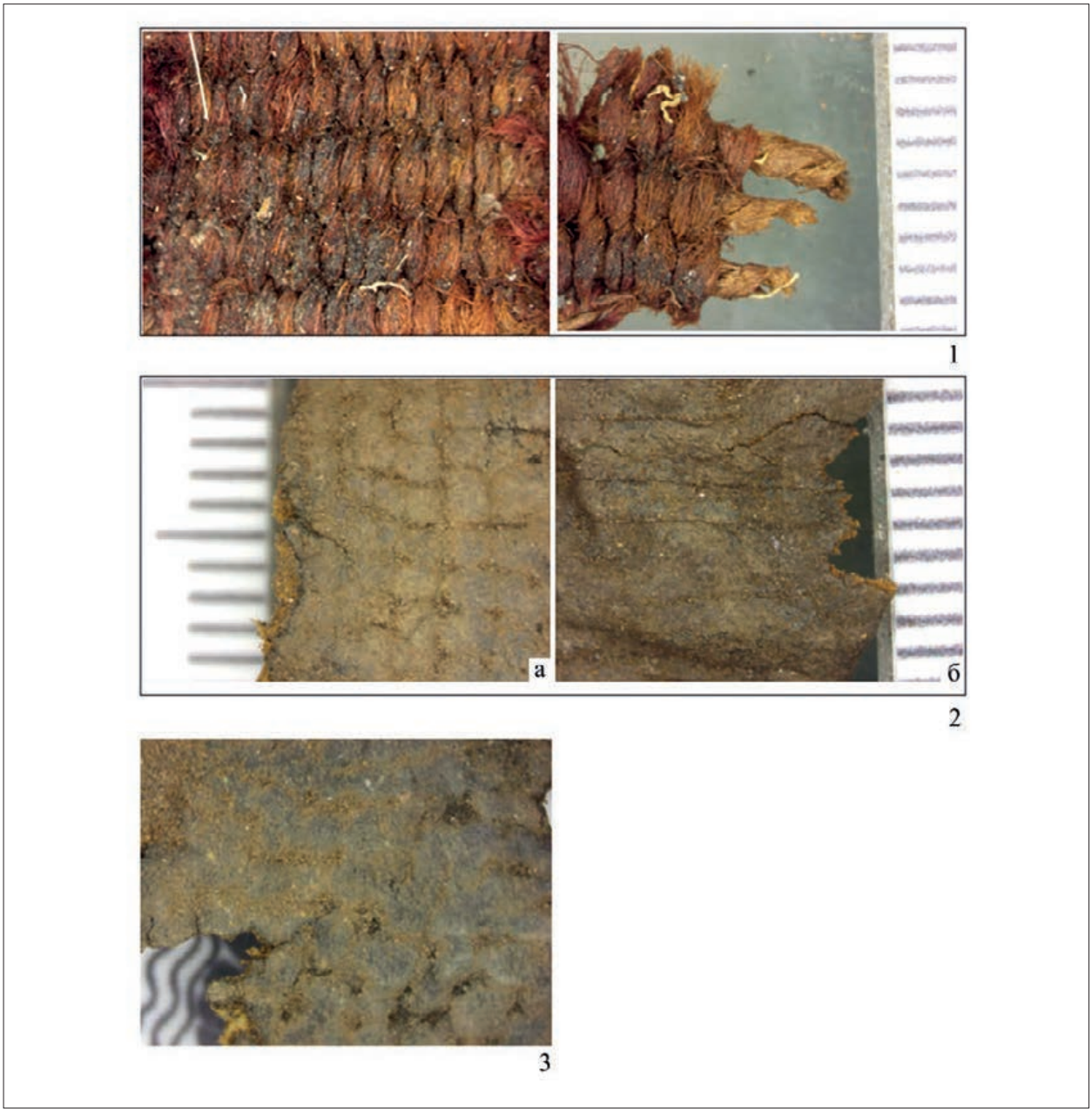

Рис. 393. Погребальный комплекс Уелги и могильник Актюба. Изделия из кожи и текстиля. Фото, 10х (шкала – мм). 1: Уелги, двухцветная шерстяная ткань, светло-бежевые скрученные нити основы; 2–3: Актюба. 2а, 3: тиснение на коже, шахматный узор; 2б: вырезанные полосы на коже луки седла
393. kép. Az ujelgi és Aktjuba temető. Tárgyak bőrből és textilből. Fotó, 10x (skála – mm). 1: Ujelgi, két színű gyapjú szövet, világos drapp színű csavart láncfonalak; 2–3: Aktjuba. 2a, 3: sakkmintás nyomott díszítés a bőrön; 2b: bemetszett csíkok a nyeregkápához tartozó bőrön

(*рис. 394. 3*). Особенно выделяется фрагмент ремня размером 10 × 5,5 см,, для изготовления которого использованы два слоя толстой кожи, вероятно крупного рогатого скота, со снятой мереей (лицевая поверхность). Края ремня были подогнуты внутрь и прошиты тонкой сухожильной нитью. Дополнительно они скреплялись бронзовыми шпеньками ажурной бляшки (*рис. 300. 16; 394. 4*).

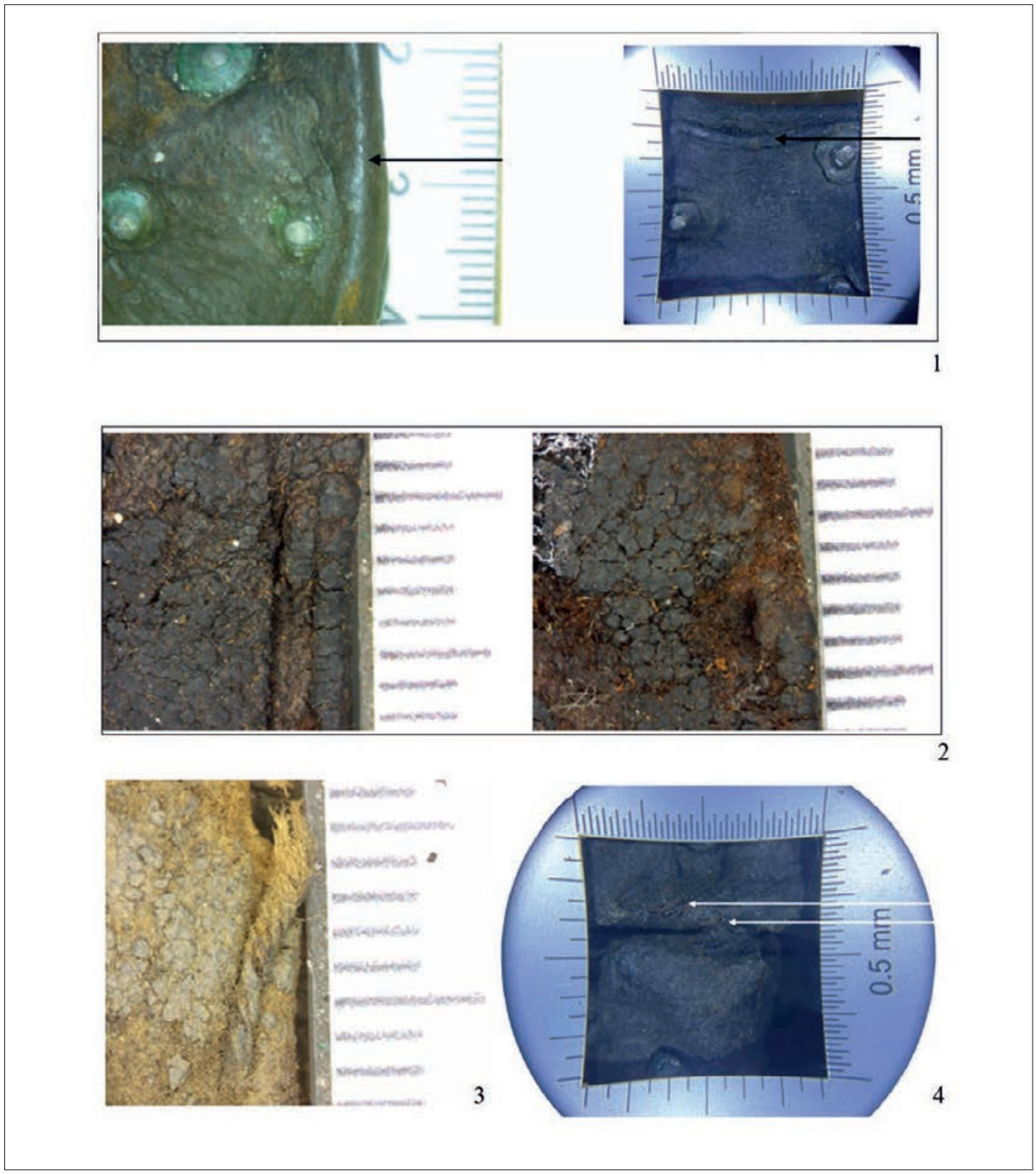

Рис. 394. Изделия из кожи могильника Актюба. Фото, 10x (шкала – мм). 1: залощенный край ремня, тонкий слой кожи с внутренней стороны; 2: следы от нити вдоль длинной стороны ремешка, след от прокола на коже; 3: текстильная нить, которой был прошит пояс; 4: сухожильные нити, использовавшиеся для сшивания краев кожаного ремня

394. kép. Aktjuba temető bőrleletei. Fotó, 10x (lépték – mm). 1: az öv kifényesedett pereme, vékony bőrréteg a belső oldalán; 2: a fonal nyomai az öv hosszú oldalának pereme mentén, átlyukasztás nyoma a bőrön; 3: textilfonal, amellyel az öv át volt varrva; 4: ínfonalak, melyekkel az öv peremét kivarrták

Заключение

Коллекция изделий из органических материалов Погребального комплекса Уелги и могильника Актюба невелика, но отличается разнообразием – кожа, мех, шелк, шерсть и хлопок. По небольшим фрагментам можно только предположить насколько богатым был костюмный комплекс и конское снаряжение в IX–XI вв.

Благодаря контакту металлических элементов поясной фурнитуры с кожей, сохранились крупные части ремней, в том числе подвесных. Пояс оставался неотъемлемой частью традиционной одежды, культурным кодом населения Южного Урала, где в материалах одного памятника встречаются разные традиции (например, хусаиновская и синеглазово-сросткинская). Складывается впечатление, что пояс в это время уже не несет функциональной нагрузки. Он более декоративен, имеет апотропеические свойства защиты, оберега, и является показателем общественного ранга владельца.

Кожу на поясные ремни нарезали из толстой шкуры крупного рогатого скота или лошади, полностью удаляли мерею (лицевую поверхность). Не исключено, что для обработки кожи уже применяли квасцы. При изготовлении широких подпружных ремней края заготовки часто подворачивали внутрь, прошивали между собой и только потом скрепляли с помощью накладок или пряжек. Для сшивания использовали как сухожильную нить, так и достаточно толстую шерстяную.

В коллекции представлено относительно небольшое количество декорированной кожи – кожа седла из кургана 1 могильника Актюба украшена шахматным тиснением и резьбой (полоски). На ремешках из кургана 9 некрополя Уелги отмечен красный охристый пигмент. В кургане 1 комплекса Уелги вместе с саблей найден фрагмент кожи с зернистой структурой. Небольшие фрагменты и отпечатки такой же кожи обнаружены и на нескольких участках внешней стороны рукояти сабли. По определению А.В. Калужникова, по всей вероятности, это кожа ската, менее вероятно – акулы.[74]

Отметим, что с начала 1980-х годов бронзовые и серебряные накладки IX–XI вв. из южноуральских памятников трактуются исследователями двояко – одни и те же накладки могли иметь отношение и к поясу, и к уздечному набору, как, например, в погребении 1 Хусаиновского кургана 12 (женское погребение, пояс с 16 накладками в виде коней) и в погребении 3 I Бекешевского кургана 2, где на грудь покойной была брошена узда с серебряными украшениями.[75] Похожая картина нами отмечена и в Погребальном комплексе Уелги, где женская диадема с накладками могла быть ранее поясом. Возможно, переиспользование уздечного набора и мужского пояса в женских погребениях несет функцию защиты.

В коллекции представлены разнообразные по составу виды текстиля. Ткани из шелка, шерсти, льна и хлопка отличаются способами переплетения – встречены как полотняные, так и саржевые. Самыми уникальными являются шелковые ткани типа самит. Центрами шелкоткачества в это время являлись Византия, Иран, Египет (Антиноя, Ахмим), Китай.[76] Особый интерес представляют находки похоронных саванов, которые зафиксированы в курганах 32 и 11 могильника Уелги, на женском головном уборе и поверх костей руки. Это достаточно грубая ткань растительного происхождения (хлопок и лен соответственно). Интересной деталью являются случаи переиспользования ценных материалов, таких как шелк. Кусочки шелка, вероятно небольшие фрагменты от одежды, были использованы в качестве инкрустации для поясной пряжки и концевой накладки на пояс в могильнике Уелги.

Дальнейшая работа с органическими материалами (жидкостная хромотография тканей и протеомный анализ кожи) может дать интересные результаты касательно определения видов животных, кожа и мех которых использовались для пошива одежды и обуви, изготовления поясов и конской упряжи, а также выяснения основных источников поступления тканей в Южное Зауралье в IX–XI вв.

[74] Боталов и др. 2018, 156–157.
[75] Грудочко–Газизова–Парунин 2018, 149.
[76] Орфинская–Михайлов 2020, 47.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ К ГЛАВАМ 1–3.

II-й Международный Мадьярский симпозиум 2013: *II-й Международный Мадьярский симпозиум: сб. науч. тр*. Отв. ред.: Боталов, С.Г. Челябинск 2013.

Агаджанов 1969: Агаджанов, С. Г.: *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв.* Ашхабад 1969.

Адамов 2000: Адамов, А. А.: *Новосибирское Приобье в X–XVI вв.* Тобольск–Омск 2000.

Акбулатов–Гарустович 2017: Акбулатов, И. М. – Гарустович, Г. Н.: Новые захоронения кушнаренковско-караякуповского типа в Башкортостане. В: *Уфимский археологический вестник* 2017:17, 50–56. https://doi.org/10.31833/UAV.2017.17.007

Акимова 1968: Акимова, М. С.: *Антропология древнего населения Приуралья*. Москва 1968.

Алексеев–Дебец 1964: Алексеев, В. П. – Дебец, Г. Ф.: *Краниометрия. Методика антропологических исследований*. Москва 1964.

Аношко–Рафикова 2017: Аношко, О.М. – Рафикова, Т. Н. Новые данные о погребальном обряде юдинского населения (по материалам Заводоуковского-3 курганного могильника). В: *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 39 (2017:4) 51–60.

Антропология башкир 2011: Бермишева, М. А. – Иванов, В. А. – Киньябаева, Г. А. – Лейбова (Суворова), Н. А. – Лобов, А. С. – Пестряков, А. П. – Савельев, Н. С. – Спицын, В. А. – Спицына, Н. Х. – Чижикова, Т. П. – Халдеева, Н. И. – Хусаинова, Р. И. – Хуснутдинова, Э. К. – Юнусбаев, Б. Б. – Юсупов, Р. М.: *Антропология башкир*. Отв. ред.: Спицына, Н. Х. – Лейбова (Суворова), Н. А. Санкт-Петербург 2011.

Арсланова, 1963: Арсланова, Ф. Х.: Бобровский могильник. *Известия АН КазССР. Серия общественные науки*. Алма-Ата 1963:4, 68–80.

Артамонов 1962: Артамонов, М. И.: *История хазар*. Ленинград 1962.

Археологические памятники… 1989: *Археологические памятники Восточного Закамья*. Отв. ред.: Казаков, Е. П. Казань 1989.

Археология. Средняя Азия 1999: *Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье*. Отв. ред.: Брыкина Г. А. Москва 1999.

Ахинжанов 1976: Ахинжанов, С. М.: Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана. В: *Прошлое Казахстана по археологическим источникам*. Отв. ред.: Акишев, К. А. Алма-Ата 1976, 81–93.

Ахинжанов 2006: Ахинжанов, С. М.: Кипчаки в X–XIII вв.: историографический обзор. В: *Историко-культурное наследие кимаков и кипчаков*. Сост.: Кузембаев, Н. Е. Павлодар 2006, 48–57.

Ахмеров 1955: Ахмеров, Р. Б.: Могильник близ с. Стерлитамак. *Советская археология* 22 (1955) 153–176.

Багаутдинов–Богачев–Зубов 1998: Багаутдинов, Р. С. – Богачев, А. В. – Зубов, С. Э.: *Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья)*. Самара 1998.

Багашёв 2017: Багашёв, А. Н.: *Антропология Западной Сибири*. Новосибирск 2017.

Бартольд 1930: Бартольд, В. В.: *Худуд ал-'алем. Рукопись Туманского с введением и указателем*. Ленинград 1930.

Бартольд 1968: Бартольд, В. В.: *Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов*. Москва 1968.

Бахшиев и др. 2017: Бахшиев, И. И. – Куфтерин, В. В. – Бахшиев, Р. И. – Гиззатов, Д. З.: Новое погребение эпохи раннего средневековья на территории Уфы. В: *Томский журнал ЛИНГ и АНТР*. 15 (2017:1) 52–69.

Бейлис 1969: Бейлис, В. М.: Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара Ал-Макдиси (X в.). В: Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Москва 1969, 304–320.

Белавин–Иванов–Крыласова 2013: Белавин, А. М. – Иванов, В. А. – Крыласова, Н. Б.: Археологическое содержание и основные этапы формирования угорской ойкумены в Предуралье. В: *II-й Международный Мадьярский симпозиум: сб. науч. тр*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2013, 167–173.

Белявская (Крапачева)–Проценко 2018: Белявская (Крапачева), О. С. – Проценко, А. С.: Керамический комплекс городища Уфа-II как отражение этнокультурных процессов в эпоху средневековья (по материалам раскопок 2017 года). В: *Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур.* Отв. ред.: Уразова, А. И. Уфа 2018, 204–224.

Белявская–Проценко–Курманов 2022: Белявская, О. С. – Проценко, А. С. – Курманов, Р. Г.: *Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 года*. Уфа 2022.

Бернштам 1951: Бернштам, А. Н.: *Очерк истории гуннов*. Ленинград 1951.

Бернштам 1952: Бернштам, А. Н.: Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. *Материалы и исследования по археологии СССР 26.* Москва–Ленинград 1952.

Бикбулатов и др. 2002: Бикбулатов, Н. В. – Юсупов, Р. М. – Шитова, С. Н. – Фатыхова, Ф. Ф.: *Башкиры: Этническая история и традиционная культура*. Уфа 2002.

Бисембаев 2003: Бисембаев, А.А.: *Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.)*. Уральск 2003.

Бисембаев 2018: Бисембаев, А. А.: К вопросу о древневенгерских памятниках в Западном Казахстане. В: *III-й Международный Мадьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. (3. Nemzetközi korai magyar történeti és régészeti konferencia. Budapest, 2016. június 6–10)*. Ред.: Türk, A. – Зеленков, А. С. Budapest 2018, 149–172. https://doi.org/10.55722/Arpad.Kiad.2018.6_10

Богачев–Ермаков–Хохлов 1996: Богачев, А. В. – Ермаков, С. Ф. – Хохлов, А. А.: Выползовский I курганный могильник ранних болгар на Самарской Луке. В: *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.* Отв. ред.: Сташенков, Д. А.. Самара 1996, 83–98.

Борзунов 1993: Борзунов, В. А.: Зотинское IV городище на р. Багаряк. В: *Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири: сб. науч. тр.* Ред.: Матющенко, В. И. Екатеринбург 1993, 111–134.

Борисенков–Пасецкий 1983: Борисенков, Е. П. – Пасецкий, В. М.: *Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв.* Ленинград 1983.

Бородовский 1988: Бородовский, А. П.: К реконструкции костюма племен Новосибирского Приобья VI–VII вв. В: *Источники и историография: археология и история*. Отв. ред.: Матющенко, В. И. Омск 1988, 37–46.

Боталов 1987: Боталов, С. Г.: Курган у озера Синеглазово (по раскопкам Н. К. Минко и С. А. Гатцука). В: *Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья*. Отв. ред.: Зданович, Г. Б. Челябинск 1987, 105–119.

Боталов 1996: Боталов, С. Г.: Памятники селенташского типа в Южном Зауралье. В: *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала*. Сост.: Иванова, Н. О. Челябинск 1996, 148–158.

Боталов 2000: Боталов, С. Г.: Поздняя древность и средневековье. В: *Древняя история Южного Зауралья: в 2 т. Ранний железный век и средневековье* II. Отв. ред.: Иванова, Н. О. Челябинск 2000, 207–430.

Боталов 2003: Боталов, С.Г.: Хунны и гунны. *Археология, этнография и антропология Евразии* 2003:1, 106–127.

Боталов 2006: Боталов, С. Г.: Этапы культурогенеза урало-казахстанских степей в эпоху древности и средневековья. В: *Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов»*. Ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2006, 457–474.

Боталов 2009: Боталов, С. Г.: *Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция)*. Челябинск 2009.

Боталов 2012: Боталов, С. Г.: Научный инструментарий историка. *Вестник Челябинского государственного университета. История 50*. 265 (2012: 11) 128–146.

Боталов 2013: Боталов, С. Г.: О гуннах европейских и гуннах азиатских. В: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2013, 32–87.

Боталов 2013а: Боталов, С. Г.: Некоторые аспекты уральской мадьярской проблемы. В: *II-й Международный Мадьярский симпозиум: сб. науч. тр*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2013, 139–167.

Боталов 2016: Боталов, С. Г.: Современное состояние исследований эпохи средневековья лесостепного Зауралья. Вопросы культурно-хронологической интерпретации. В: *Археология Южного Урала. Лес, лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов»*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2016, 44–58.

Боталов 2016а: Боталов, С. Г.: Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья. В: *Археология Южного Урала. Лес, лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов»*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2016, 468–541.

Боталов 2017: Боталов, С. Г.: Миграционные ареалы кочевой цивилизации Евразии. В: *Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй / III Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей*. Отв. ред.: Крадин, Н. Н. – Ситдиков, А. Г. Владивосток 2017, 50–57.

Боталов 2018: Боталов, С. Г.: Урало-Алтайское единство в материалах погребального комплекса Уелги. В: *Археология Евразийских степей. Материалы IV Международного мадьярского симпозиума. Казань–Болгар. 15–19 октября 2018 г.* Гл. ред.: Ситдиков, А. Г. Казань 2018:6, 3–34.

Боталов 2020: Боталов, С. Г.: Миграционные ареалы кочевой цивилизации Евразии. В: *Этнокультурные взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов*. Отв. ред.: Таиров, А. Д. Челябинск 2020, 21–57.

Боталов 2022: Боталов, С. Г.: Культово-религиозные представления средневековых кочевников Южного Урала (на материалах погребального комплекса Уелги). *Stratum plus* 2022:5, 45–64.

Боталов–Байоглу 2017: Боталов, С. Г. – Байоглу, А.: Распространение несторианства среди тюркоязычных кочевников Саяно-Алтая и Южного Урала в VI–XI вв. В: *Уральский исторический вестник* 57 (2017:4) 98–103.

Боталов–Грудочко 2011: Боталов, С. Г. – Грудочко, И. В.: Новые материалы по культурогенезу средневекового населения Южного Урала (по материалам могильников Уелги и Синеглазово. В: *Археологія і давняя історія України. Вып. 7. Мадяри в Середньому Подніпров'ї*. Київ 2011, 79–99.

Боталов–Грудочко 2023: Боталов, С. Г. – Грудочко, И. В.: Относительно культурной атрибутации одного типа сросткинской поясной гарнитуры. *Уральский исторический вестник* 79 (2023:2) 146−150. https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-2(79)-146-150

Боталов и др. 2024: Боталов, С. Г. – Грудочко, И. В. – Парунин, А. В. – Газизова, С. Р.: Историко-культурные горизонты погребального комплекса Уелги в Южном Зауралье (по материалам раскопок кургана 11). *Археология, этнография и антропология Евразии* 52 (2024:1) 99–108. https://doi.org/10.17746/1563-0102.2024.52.1.099-108

Боталов–Гуцалов 2000: Боталов, С. Г. – Гуцалов, С. Ю.: *Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей*. Челябинск 2000.

Боталов и др. 2018: Боталов, С. Г. – Карачарова, И. А. – Ченченкова, О. П. – Карачаров, К. Г.: Исследование конструктивных особенностей сабель при реставрации. В: *Проблемы реставрации памятников культуры и искусства: материалы IV научно–практической конференции, посвященной 20-летию Эрмитажной школы реставрации*. Авт.-сост.: Агеева, М. В. и др. Екатеринбург 2018, 150–158.

Боталов и др. 2019: Боталов, С. Г. – Костюков, В. П. – Маслюженко, Д. Н. – Миргалеев, И. М. – Парунин, А. В. – Русланов, Е. В. – Сорогин, Е. И. – Яминов, А. Ф.: *У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX – начало XV века) 5 / История Южного Урала в 8 т.* Челябинск 2019.

Боталов и др. 2021: Боталов, С. Г. – Таиров, А. Д. – Грудочко, И. В. – Газизова, С. Р. – Парунин, А. В.: Актюба – новый мадьярский комплекс в Южном Зауралье. В: *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции* 2021:19, 84–90.

Боталов–Таиров–Любчанский 2006: Боталов, С. Г. – Таиров, А. Д. – Любчанский, И. Э.: *Курганы с «усами» урало-казахстанских степей*. Челябинск 2006.

Боталов и др. 2008: Боталов, С. Г. – Тидеман, Е. В. – Лукиных, А. А. – Вохменцев, М. П.: Новые материалы исследований Большого Бакальского городища. В: *Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск–Шадринск 2008, 6–41.

Браунер 1916: Браунер, А. А.: *Материалы к познанию домашних животных России (Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России 86, 1)*. Одесса 1916.

Бужилова и др. 2009: Бужилова, А. П. – Гатауллина, Д. И. – Никитин, С. А. – Руденко, К. А. – Шамова, С. Г.: *Палеоантропологические исследования материалов Остолоповского селища*. Казань 2009.

Булдашов 2001: Булдашов, В. А.: Могильники эпохи раннего железа Мурзино 1. В: *Проблемы истории, филологии, культуры* 10. Москва–Магнитогорск 2001, 468–516.

Васюткин 1977: Васюткин, С. М.: II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени. В: *Исследования по археологии Южного Урала*. Отв. ред.: Кузеев, Р. Г. Уфа 1977, 67–89.

Васюткин 1986: Васюткин, С. М.: Салиховский курганный могильник конца IV–V в. в Башкирии. *Советская археология* 1986: 2, 180–197.

Васюткин 1987: Васюткин, С. М.: Поселения I тыс. н.э. правобережья Средней Белой. В: *Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья*. Отв. ред.: Кузеев, Р. Г. Уфа 1987, 104–113.

Викторова 1962: Викторова, В. Д.: Раскопки могильника и поселения у д. Мыс, на р. Ница. В: *Вопросы археологии Урала* 4. 1962, 135–153.

Викторова 1964: Викторова, В. Д.: Курганы у с. Макушино на р. Ница. В: *Археология и этнография Башкирии*, II. Ред.: Кузеев, Р. Г. – Сальников, К. В. Уфа 1964, 247–250.

Викторова 2008: Викторова, В. Д.: Археологические культуры в верховьях реки Исети во время Великого переселения народов. В: *Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск–Шадринск 2008, 81–93.

Викторова–Генинг–Стоянов 1964: Викторова, В. Д. – Генинг, В. Ф. – Стоянов, В. Е.: Археологическая экспедиция Уральского университета. В: *Археология и этнография Башкирии*. Уфа 1964: II, 161–167.

Викторова–Морозов 1993: Викторова, В. Д. – Морозов, В. М.: Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века. В: *Кочевники урало-казахстанских степей*. Отв. ред.: Таиров, А. Д. Екатеринбург 1993, 173–192.

Витт 1952: Витт, В. О.: Лошади Пазырыкских курганов. *Советская археология* 16 (1952) 163–205.

Гаврилова 1965: Гаврилова, А. А.: *Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён*. Москва–Ленинград 1965.

Гавритухин 2022: Гавритухин, И. О.: Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи Великого переселения народов. В: *Археология Волго-Уралья. В 7 т. Эпоха Великого переселения народов 4*. Под общ. ред.: Ситдиков, А. Г., отв. ред.: Голдина Р. Д. Казань 2022, 272–316.

Гавритухин–Красноперов 2022: Гавритухин, И. О. – Красноперов, А. А.: Тураевский курганный могильник. В: *Археология Волго-Уралья. В 7 т. Эпоха Великого переселения народов 4*. Под общ. ред.: Ситдиков, А. Г., отв. ред.: Голдина Р. Д. Казань 2022, 175–192.

Газимзянов 2018: Газимзянов, И. Р.: Древние венгры в антропологическом аспекте. *Археология Евразийских степей* 2018:6, 66–72.

Газимзянов 2000: Газимзянов, И. Р.: Золотая Орда и этногенетические процессы на Средней Волге. В: *Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология 2*. Отв. ред.: Алексеева Т. И. Москва 2000, 189–216.

Газимзянов–Волкова 2017: Газимзянов, И. Р. – Волкова, Е. В.: Антропология Гулюковского могильника по данным краниологии. *Археология Евразийских степей* 2017:4, 135−142.

Гарустович 1988: Гарустович, Г. Н.: Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии. В: *Проблемы древних угров на Южном Урале*. Уфа 1988, 130–139.

Гарустович 1998: Гарустович, Г. Н.: *Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: автореферат дисс…канд. ист. наук*. Уфа 1998.

Гарустович 2008: Гарустович, Г. Н.: Керамика городища Усть-Терсюк на р. Исеть. В: *Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск–Шадринск 2008, 102–114.

Гарустович 2011: Гарустович, Г. Н.: Погребальный обряд Бакалинского курганного могильника эпохи средневековья. *Уфимский археологический вестник* 2011: 11, 81–95.

Гарустович 2015: Гарустович, Г. Н.: Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале. *Уфимский археологический вестник* 2015:15, 181–198.

Гарустович–Иванов 1992: Гарустович, Г. Н. – Иванов, В. А.: Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс.н.э. В: *Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья*. Отв. ред.: Кананин, В. А. Ижевск 1992, 17–30.

Гарустович–Иванов–Шилов 2008: Гарустович, Г. Н. – Иванов, В. А. – Шилов, С. А.: Средневековые могильники лесостепной зоны Западной Сибири. *Finno-Ugrica* 2008:11, 54–68.

Генинг 1959: Генинг, В.Ф.: Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. В: *Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманистических наук 2*. Казань 1959.

Генинг 1963: Генинг, В. Ф.: *Азелинская культура (III–V вв.)*. Ижевск–Свердловск 1963.

Генинг 1972: Генинг, В. Ф.: Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения). В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Москва 1972, 221–295.

Генинг 1973: Генинг, В. Ф.: Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок. *Советская археология* 1973:1, 114–135.

Генинг 1977: Генинг, В. Ф.: Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н.э.). В: *Исследования по археологии Южного Урала*. Отв. ред.: Кузеев, Р. Г. Уфа 1977, 90–136.

Генинг 1988: Генинг, Г. Ф.: *Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры*. Москва 1988.

Генинг–Позднякова 1964: Генинг, В. Ф. – Позднякова, М. К.: Прыговское городище на р. Исети. В: *Вопросы археологии Урала 6*. Свердловск 1964, 34–71.

Географический атлас 1980: *Географический атлас для учителей средней школы. 4-е издани*е. Отв. ред.: Колосова, Л. Н. Москва 1980.

Географический атлас 1998: *Географический атлас России*. Сост. Архаева, С. А. – Беликова, О. Б. – Дащинская, И. В. Отв.ред.: Свиридова, Н. И. Москва 1998.

Герасимов 1949: Герасимов, М. М.: *Основы восстановления лица по черепу*. Москва 1949.

Герасимов 1955: Герасимов, М. М.: *Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек)*. Москва 1955.

Глушкова 2002: Глушкова, Т. Н.: *Археологические ткани Западной Сибири*. Сургут 2002.

Голдина–Пастушенко–Черных 2011: Голдина, Р. Д. – Пастушенко, И. Ю. – Черных, Е. М.: *Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье: материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции* 13. Ижевск–Пермь 2011.

Горбунов 1984: Горбунов, В. С.: Курганы кушнаренковского типа в Южной Башкирии. В: *Памятники кочевников Южного Урала: сб. науч. тр.* Отв. ред.: Иванов, В. А. Уфа 1984, 55–59.

Горбунов 1993: Горбунов, В. В.: Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-1. В: *Культура древних народов Южной Сибири*. Отв. ред.: Кирюшин, Ю. Ф. – Кунгуров, А. Л. Барнаул 1993, 80–90.

Горбунов 2004: Горбунов, В. В. Этнокультурная ситуация на территории Лесостепного Алтая в эпоху «великого переселения народов». В: *Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии*. Ред.: Кирюшин, Ю. Ф. – Тишкин, А. А. Барнаул 2004, 92–95.

Горбунов–Тишкин 2016: Горбунов, В. В. – Тишкин, А. А. Накладки сложносоставных луков из могильника Сростки-I (материалы раскопок 2012–2014 и 2016 гг.). В: *Теория и практика археологических исследований*. Барнаул 2016:3 (15) 7–19.

Григорьев–Железняков: Григорьев, Ф. П. – Железняков, Б. А.: Нефритовая подвеска с крестом из Чуйской долины. В: *[Электронный ресурс]:* https://vedikz.narod.ru/zheleznyakov/podveska.htm (дата обращения: 22.03.2023).

Грудочко 2016: Грудочко, И. В.: К вопросу о хронологии курганов с «усами» урало-казахстанских степей. В: *Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции*. Отв. ред.: Черных, Е. М. Ижевск 2016, 216–219.

Грудочко–Боталов 2013: Грудочко, И. В. – Боталов, С. Г.: Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII–XI вв. (в свете новых данных исследований погребального комплекса Уелги). В: *II-й Международный Мадьярский симпозиум: сб науч. тр*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2013, 110–138.

Грудочко–Газизова–Парунин 2018: Грудочко, И. В. – Газизова, С. Р. – Парунин, А. В.: Реконструкция конского снаряжения и костюма Южного Зауралья IX–XI вв. (по материалам могильников Уелги и Синеглазово). В: *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2018:1, 148–159.

Грязнов 1956: Грязнов, М. П.: К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры* 64 (1956) 27–42.

Гумилев 1960: Гумилев, Л. Н.: *Хунну*. Москва 1960.

Гумилев 1960а: Гумилев, Л. Н.: Некоторые вопросы истории хуннов. *Вестник древней истории*. 1960:4 (74) 120–125.

Гумилев 1992: Гумилев, Л. Н.: *Тысячелетие вокруг Каспия*. Москва 1992.

Гущина–Боталов 2016: Гущина, Е. В. – Боталов, С. Г.: Большое Бакальское городище. В: *Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов»*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2016, 361–409.

Данченко 2008: Данченко, Е. М.: К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья. В: *Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск–Шадринск 2008, 45–60.

Дебец 1951: Дебец, Г. Ф.: *Антропологические исследования в Камчатской области.* (Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия 17. Труды Северо-Восточной экспедиции). Москва 1951.

Дёмкин 1997: Дёмкин, В. А.: *Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества*. Пущино 1997.

Дзаттиаты 2010: Дзаттиаты, Р. Г.: *Снаряжение коня и всадника (по материалам Даргавсского катакомбного могильника)*. Владикавказ 2010.

Досымбаева 2006: Досымбаева, А. А.: *Западно-Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей*. Алматы 2006.

Древности Приднепровья 1907: *Древности Приднепровья и побережья Чёрного моря* 6. *Собрание Б.Н. и В.И. Ханенко*. Киев 1907.

Дремов–Багашев 1998: Дремов, В. А. – Багашев, А. Н.: Ханты Среднего Приобья и Прииртышья. В: *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири 4. Расогенез коренного населения*. Отв. ред.: Багашёв, А. Н. Томск 1998, 111–124.

Евтюхова 1952: Евтюхова, Л. А.: Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. В: *МИА № 24. Материалы и исследования по археологии Сибири 1*. Ред.: Киселёва, С. В. Москва 1952, 72–120.

Егоров–Кривонос 1995: Егоров, В. П. – Кривонос, Л. А.: *Почвы Курганской области. Учебное пособие*. Курган 1995.

Елагин–Молодин 1991: Елагин, В. С. – Молодин, В. И.: *Бараба в начале I тыс. н.э.* Новосибирск 1991.

Ениосова–Зозуля 2012: Ениосова, Н. В. – Зозуля, С. С.: Подвеска с изображением хищной птицы из Гнездово. В: *Образы времени из истории древнего искусства. К 80-летию С. В. Студзицкой. Серия: Труды Государственного Исторического музея 189*. Отв. ред.: Белоцерковская, И. В. Москва 2012: 138–148.

Ермоленко 1990: Ермоленко, Л. Н.: Манихейство и скульптура уйгурского периода Тувы. В: *Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири: тез. докладов*. Ред.: Чиндина, Л. А. Томск 1990, 122–124.

Ермоленко 2002: Ермоленко, Л. Н.: Древнетюрские изваяния с сосудом в обеих руках. В: *Первобытная археология. Человек и искусство*. Науч. ред.: Бобров, В. В. Новосибирск 2002, 188–192.

Ермоленко 2004: Ермоленко, Л. Н.: *Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения)*. Новосибирск 2004.

Ефимова 1991. Ефимова, С. Г.: *Палеоантропология Поволжья и Приуралья*. Москва 1991.

Железняков 2002: Железняков, Б. А.: О несторианстве Семиречья в средние века. *Известия МОН РК. Серия общ. наук.* 2002: 1, 299–302.

Жолобов–Рахматуллин 2010: Жолобов, А. И. – Рахматуллин, Н. Р.: Практический опыт использования метода графической реконструкции прижизненного облика человека по черепу. В: *Вещдоки 1*. 2010.

Западная Сибирь 2022: Матвеева, Н. П. – Зыков, А. П. – Зеленков, А. С. – Третьяков, А. Е. – Багашев, А. Н. – Пошехонова, О. Е. – Слепченко, С. М. – Алексеева, Е. А. – Клима, Л. – Кулешов, В. С.: *Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей*. Отв. ред.: Матвеева, Н. П. Тюмень 2022.

Зах 2009: Зах, В. А.: Городище Ласточкино гнездо 1 в Нижнем Приишимье. В: *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2009:11, 67–80.

Зеленков 2022: Зеленков, А. С.: Кушнаренковская культура или псевдокушнаренковский тип керамики в Тоболо-Иртышье? В: *Hadak útján. A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXIX. konferenciája. Budapest, 2019. november 15–16. 29th Conference of young scholars on the Migration Period. November 15–16, 2019, Budapest.* Főszerk.: Türk A. Szerk.: Sudár B. – Jancsik B. Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok 4.1. – Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 24.1. Budapest 2022, 55–72. https://doi.org/10.55722/Arpad.Kiad.2021.4.1_05

Зеленцова 2018: Зеленцова, О. В.: Поясные наборы «венгерского» облика из могильников поволжских финнов правобережья Волги. В: *III-й Международный Мадьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. (3. Nemzetközi korai magyar történeti és régészeti konferencia. Budapest, 2016. június 6–10)*. Ред.: Türk, A. – Зеленков, А. С. Budapest 2018, 279–301. https://doi.org/10.55722/Arpad.Kiad.2018.6_18

Зеленцова–Митоян–Сапрыкина 2012: Зеленцова, О. В. – Митоян, Р. А. – Сапрыкина, И. А.: Поясной набор с позолотой из Крюковско-Кужновского могильника средневековой мордвы. *Российская археология* 2012: 2, 42–51.

Зинин 1995: Зинин, А. М.: *Внешность человека в криминалистике (субъективные изображения)*. Москва, 1995.

Зуев 2004: Зуев, Ю. А.: Каганат Се-яньто и кимеки (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в.). В: *Shygys*. Алматы 2004: 1, 11–21.

Зыков 2002: Зыков, А. П.: Гуннские погребения у с. Черноозерье и проблема этнокультурной ситуации в лесостепном Прииртышье в эпоху Великого переселения народов. В: *Тюркские народы: материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»*. Тобольск–Омск 2002, 47–50.

Зыков 2012: Зыков, А. П.: *Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время*. Екатеринбург 2012.

Иванов 1952: Иванов, П. П.: *Материалы по истории мордвы VIII–XI вв.: Крюковско-Кужновский могильник*. Моршанск 1952.

Иванов 1974: Иванов, В. А.: Новые памятники кушнаренковского типа в низовьях р. Белой. *Советская археология* 1974:1, 231–233.

Иванов 1999: Иванов, В. А.: *Древние угры-мадьяры в Восточной Европе*. Уфа 1999.

Иванов 2008: Иванов, А. Г.: Группы кушнаренковско-караякуповского населения между Камой и Вяткой. В: *Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск–Шадринск 2008, 147–159.

Иванов 2009: Иванов, В. А.: Ещё раз о «кушнаренковско-караякуповской проблеме». В: *Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию д.и.н. Евгения Петровича Казакова*. Отв. ред.: Галимова, М. Ш. Казань 2009, 177–196.

Иванов 2012: Иванов, В. А.: Четыре монеты, как эквивалент наличия городов в Башкирии в эпоху Золотой Орды (еще один пример современного археологического мифотворчества по материалам городища Уфа-II). В: *Золотоордынская цивилизация 5* (2012) 404–414.

Иванов 2013: Иванов, В. А.: Урало-Сибирские истоки погребального обряда венгров «периода обретения родины». В: *II-й Международный Мадьярский симпозиум: сб. науч. тр.* Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2013, 75–84.

Иванов 2015: Иванов, В. А.: Угры Предуралья: продолжение темы. В: *Поволжская археология* 2015:4 (14) 201–219. https://doi.org/10.24852/pa2015.4.14.201.219

Иванов 2016: Иванов, В. А.: Волго-Уральский регион в эпоху Тюркских каганатов. В: *История татар Западного Приуралья I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства*. Ред.: Хакимов, Р. С. – Ситдиков, А. Г. Казань 2016, 33–39.

Иванов 2018: Иванов, В. А.: Морфологические признаки, хронологические и географические границы Magna Hungaria в Восточной Европе. В: *Археология Евразийских степей. Материалы IV Международного мадьярского симпозиума. Казань–Болгар. 15–19 октября 2018 г.* Гл. ред.: Ситдиков, А. Г. 2018:6, 105–111.

Иванов 2020: Иванов, В. А.: Как конструировался «некрополь города Башкорт». В: *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции XVI.* Пермь 2020, 76–89.

Иванов 2022: Иванов, В. А.: Караякуповские памятники Башкирского Приуралья. В: *Археология Волго-Уралья. В 7 т. Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы 5*. Под общ. ред.: Ситдиков, А. Г., отв. ред.: Хузин, Ф. Ш. – Никитина, Т. Б. Казань 2022а, 51–57.

Иванов 2022а: Иванов, В. А.: Кушнаренковская культура. В: *Археология Волго-Уралья. В 7 т. Эпоха Великого переселения народов 4*. Под общ. ред.: Ситдиков, А. Г., отв. ред.: Голдина, Р. Д. Казань 2022, 357–363.

Иванов 2022б: Иванов, В. А.: Турбаслинская культура. В: *Археология Волго-Уралья. В 7 т. Эпоха Великого переселения народов 4*. Под общ. ред.: Ситдиков, А. Г., отв. ред.: Голдина, Р. Д. Казань 2022, 345–356.

Иерусалимская 1969: Иерусалимская, А. А.: «Челябинская» ткань. К вопросу о постсасанидских шелках. В: *Труды Государственного Эрмитажа X*. Ленинград 1969, 99–109.

Измайлов 1998: Измайлов, И. Л.: К истории сложносоставного лука населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья конца VIII–X вв. В: *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Материалы II международной археологической конференции*. Отв. ред. Сташенков, Д. А. Самара 1998, 242–260.

К проблеме городов 2018: Сунгатов, Ф. А. – Султанова, А. Н. – Бахшиева, А. К. – Мухаметдинов, В. И. – Русланова, Р. Р. – Русланов, Е. В.: *К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья*. Сост. и науч. ред.: Сунгатов, Ф. А. Уфа 2018.

К проблеме городов 2024: Сунгатов, Ф. А. – Султанова, А. Н. – Аминев, З. Г. – Бахшиева, А. К. – Кызласов, И. Л. – Мухаметдинов, В. И. – Русланова, Р. Р. – Русланов, Е. В. – Сатаев, Р. М. – Куфтерин,

В. В. – Шамсутдинов, М. Р.: *К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья*. Сост. и науч. ред.: Сунгатов, Ф. А. Уфа 2004.

Казаков–Неверов 1991: Казаков, А. А. – Неверов, С. В.: Хронология и периодизация памятников середины 2-й половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья. В: *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири*. Отв. ред.: Кирюшин, Ю. Ф. Барнаул 1991, 167–170.

Казаков 1971: Казаков, Е. П.: Погребальный инвентарь Танкеевского могильника. В: *Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья*. Отв. ред.: Халиков, А. Х. Казань 1971, 94–154.

Казаков 1981: Казаков, Е. П.: Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья. В: *Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой*. Отв. ред.: Халиков, А. Х. Казань 1981, 115–135.

Казаков 1992: Казаков, Е. П.: *Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории)*. Москва 1992.

Казаков 1996: Казаков, Е. П.: К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья. В: *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* Отв. ред.: Сташенков, Д. А. Самара, 1996.

Казаков 1997: Казаков, Е. П.: Волжская Булгария и финно-угорский мир. *Finno-Ugrica* 1997:1, 34–56.

Казаков 2007: Казаков, Е. П.: *Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия*. Казань 2007.

Казаков 2018: Казаков, Е. П.: Щербетьский комплекс турбаслинско-именьковских памятников VI–VII вв. н.э. *Археология Евразийских степей* 2018: 1, 200–210.

Казаков 2020: Казаков, Е. П.: *Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Книга первая. Коминтерновский II могильник*. Отв. ред.: Ситдиков, А. Г. Казань 2020.

Казаков–Чижевский–Лыганов 2016: Казаков, Е. П. – Чижевский, А. А. – Лыганов, А. В.: Меллятамакское VI селище чияликской культуры. В: *Поволжская археология*. 2016:2 (16) 219–243.

Казанцева–Ютина 1986: Казанцева, О. А. – Ютина, Т. К.: Керамика кушнаренковского типа Благодатского I городища. В: *Приуралье в древности и средние века. Межвузовский сб. науч. тр*. Устинов 1986, 110–129.

Кайдалов–Сечко–Боталов 2016: Кайдалов, А. И. – Сечко, Е. А. – Боталов, С. Г.: Городище Усть-Утяк-1. В: *Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов»*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2016, 59–188.

Калинина 2003: Калинина, Т. М.: Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке». В: *Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения*. Отв. ред.: Мельникова, Е. А. Москва 2003, 204–216.

Классификация 2004: *Классификация и диагностика почв России*. Авторы и составители: Шишов, Л. Л. – Тонконогов, В. Д. – Лебедева, И. И. – Герасимова, М. И. Отв.ред.: Добровольский, Г. В. Смоленск 2004.

Клименко 2003: Клименко, В. В.: Климат и история в средние века. *Восток (Oriens)* 2003:1, 4–41.

Кляшторный 1986: Кляшторный, С. Г.: Кипчаки в рунических памятниках. В: *Türcologica. К 80-летию академика А. Н. Кононова*. Отв. ред.: Кляшторный, С. Г. и др. Ленинград 1986, 153–164.

Кляшторный–Плоских–Мокрынин 2013; Кляшторный, С. Г. – Плоских, В. М. – Мокрынин, В. П.: *Ранее Христианство и тюркский мир Центральной Азии. История Кыргызстана и кыргызов* https://kghistory.akipress.org/find:%D0%A1.%D0%93.%D0%9A%D0%BB%D1%8F%D1%88%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9,%20%D0%92.%D0%9C.%D0%9F%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85,%20%D0%92.%D0%9

F.%D0%9C%D0%BE%D0%BA%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%B8%D0%BD/author%20(%D0%94%D0%B0%D1%82%D0%B0%20%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%2015.03.2013).

Кляшторный–Султанов 1992: Кляшторный, С. Г. – Султанов, Т. И.: *Казахстан: летопись трех тысячелетий*. Алма-Ата 1992.

Ковригин и др. 2006: Ковригин, А. А. – Корякова, Л. Н. – Курто, П. – Ражев, Д. И. – Шарапова, С. В.: Аристократические погребения из могильника Карасье 9. В: *Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка*. Отв. ред.: Обыденникова, Г. Т. – Савельев, Н. С. Уфа 2006, 188–204.

Кокорина–Хлебникова 1993: Кокорина, Н. А. – Хлебникова, Т. А.: Керамика тюркоязычного населения Волжской Булгарии X–XIII вв. В: *Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения*. Отв. ред.: Хузин, Ф. Ш. Казань 1993, 106–116.

Колонских 2018: Колонских, А. Г.: Средневековые материалы городища Уфа-III (по данным раскопок М.Х.Садыковой 1969 г.). В: *Genesis: исторические исследования*. 2018:10, 72–83.

Колонских 2022: Колонских, А. Г.: Бахмутинская культура. В: *Археология Волго-Уралья. В 7 т. Эпоха Великого переселения народов 4*. Под общ. ред.: Ситдиков, А. Г., отв. ред.: Голдина, Р. Д. Казань 2022, 334–344.

Колонских–Саттаров–Ситдиков 2024: Колонских, А. Г. – Саттаров, Р. Р. – Ситдиков, А. Г.: Бустанаевский курганный могильник – новый памятник эпохи великого переселения на северо-западе Башкортостана. В: *Поволжская археология* 2024: 1 (47) 203–218.

Комар 2018: Комар, А. В.: *История и археология древних мадьяр в эпоху миграции*. Budapest 2018.

Кондратов 2004: Кондратов, А. В.: *Изучение погребального обряда и социальной организации населения сросткинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VIII – XII вв. н.э.): автореф. дис. ... канд.ист.наук*. Барнаул 2004.

Корневен–Лесбр 2011: Корневен, Ш. – Лесбр, Ф.-К.: *Распознавание возраста по зубам и производным эпителия: Лошади, коровы, собаки…* / пер. с фр. Л. А. Третьякова. Москва, 2011.

Король 2008: Король, Г. Г.: *Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки V*. Москва–Кемерово 2008.

Король–Конькова 2007: Король, Г. Г. – Конькова, Л. В.: Южносибирские импорты в Восточной Европе и проблемы этнокультурного и регионального взаимодействия X–XIII вв. В: *Археологические вести* 2007:14, 146–156.

Король–Наумова 2017: Король, Г. Г. – Наумова, О. Б.: *Художественный металл у кочевников (Центральная Азия рубежа I–II тыс.)*. Москва 2017.

Коршун 2013: Коршун, В. Е.: *Языческие привески Древней Руси X–XIV веков III: Привески с зооморфными изображениями*. Под ред.: Станюковича, А. К. Москва 2013.

Корякова–Булдашев–Потро 1997: Корякова, Л. Н. – Булдашев, В. А. – Потро, Ж.-П.: Описание курганов и погребений. В: *Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование*. Екатеринбург 1997, 10–47.

Корякова и др. 2009: Корякова, Л.Н. – Дэйр, М. И. – Ковригин, А. А. – Шарапова, С. В. – Берсенева, Н. А. – Пантелеева, С. Е. – Ражев, Д. И. – Курто, П. – Хэнкс, Б. – Ефимова, Е. Г. – Каздым, А. А. – Микрюкова, О. В.: *Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н. э.: по материалам Павлиновского археологического комплекса*. Отв. ред.: Корякова, Л. Н. Екатеринбург–Сургут 2009.

Крадин 1994: Крадин, Н. Н.: Кочевые общества в контексте стадиальной эволюции. В: *Этнографическое обозрение*. 1994: 1, 62–72.

Красноперов–Бахшиев 2019: Красноперов, А. А. – Бахшиев, И. И.: Материалы Нижнеарметовского могильника позднесарматского времени из музейных собраний Башкирии. В: *Томский журнал ЛИНГ и АНТР*. 2019:3 (25) 104–115. https://doi.org/10.23951/2307-6119-2019-3-25-104-115

Круглов 2004: Круглов, Е. В. Погребение раннехазарского времени у с. Сидоры. В: *Вопросы археологии Урала и Поволжья* 2. Самара 2004, 293–302.

Круглов 2019: Круглов, Е. В.: Выбор в пользу угро-мадьяр: Тамар-Уткуль (курган № 3) и Яман. В: *Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. Из истории культуры народов Северного Кавказа* 11. Армавир–Ставрополь 2019, 203–218.

Крыласова–Подосёнова 2018: Крыласова, Н. Б. – Подосёнова, Ю. А.: Флаконовидные пронизки на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья. *Вестник Пермского научного центра*. 2018: 2, 49–60.

Кубарев *1984:* Кубарев, В. Д.: *Древнетюркские изваяния Алтая.* Отв. ред.: Деревянко, Е. И. Новосибирск 1984.

Кубарев 1998: Кубарев, Г. В.: К этнополитической ситуации на территории Алтая в VI–XI вв. н. э. В: *Сибирь в панораме тысячелетий: материалы международного симпозиума 1*. Отв. ред.: Молодин, В. И. Новосибирск 1998, 290–298.

Кубарев 2005: Кубарев, Г. В.: *Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников)*. Новосибирск 2005.

Кубарев–Кубарев–Табалдиев 2023: Кубарев, Г. В. – Кубарев, В. Д. – Табалдиев, К. Ш.: *Тюркские каменные изваяния и поминальные сооружения Алтая и Тянь-Шаня. В: Летопись тюркской цивилизации 1. Тюркский мир в VI–XII вв.* Отв. ред.: Молодин, В. И. – Землюков, С. В. Барнаул 2023, 196–256.

Кузеев 1971: Кузеев, Р. Г.: Урало-аральские этнические связи в конце I тысячелетия н.э. и истории формирования башкирской народности. В: *Археология и этнография Башкирии* IV. Уфа 1971, 17–29.

Кузеев 2010: Кузеев, Р. Г.: *Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения*. Уфа 2010.

Кумеков 1972: Кумеков, Б. Е.: *Государство кимаков IX–XI вв. По арабским источникам*. Алма-Ата 1972.

Кызласов 1998: Кызласов, Л. Р.: Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии. *Вестник Московского университета. Серия 8. История* 1998:3, 3–35.

Кызласов 2006: Кызласов, Л. Р.: Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу. *Вестник Московского университета. Серия 8. История* 2006: 2, 138–150.

Кюнер 1961: Кюнер, Н. В.: *Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока*. Москва 1961.

Левина 1971: Левина, Л. М.: *Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции)*. Москва 1971.

Левина 1996: Левина, Л. М.: *Этнокультурная история Восточного Приаралья I тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э.* Москва 1996.

Левит 2005: Левит, А. И.: *Южный Урал: География, экология, природопользование*. *Учебное пособие. 2-е изд. испр. и доп.* Челябинск 2005.

Лифанов 2022: Лифанов, Н. А.: Памятники Южного Средневолжья хазарского времени. В: *Археология Волго-Уралья. В 7 т. Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угор-*

ский мир. Кочевники Восточной Европы 5. Под общ. ред.: Ситдиков, А. Г., отв. ред.: Хузин, Ф. Ш. – Никитина, Т. Б. Казань 2022, 16–31.

Любчанский 2013: Любчанский, И. Э.: Могильник Соленый Дол и его место в культуре кочевников Южного Урала эпохи «поздней древности». В: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2013, 280–297.

Мажитов 1962: Мажитов, Н. А.: Поселение Ново-Турбаслинское II. В: *Археология и этнография Башкирии I*. Уфа 1962, 151–162.

Мажитов 1968: Мажитов, Н. А.: *Бахмутинская культура (Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры)*. Москва 1968.

Мажитов 1977: Мажитов, Н. А.: *Южный Урал в VII–XIV вв.* Москва 1977.

Мажитов 1981: Мажитов, Н. А.: *Курганы Южного Урала VII–XII вв.* Москва 1981.

Мажитов 1981а: Мажитов, Н. А.: Караякуповская культура. В: *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. Отв. ред.: Плетнева, С. А. Москва 1981, 27–28.

Мажитов 1981б: Мажитов, Н. А.: Южный Урал в IX начале X в. В: *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. Отв. ред.: Плетнева, С. А. Москва 1981, 80–82.

Мажитов 2011: Мажитов, Н. А.: Заблуждение или фальсификация? *Проблемы востоковедения*. Уфа 2011:2 (52) 74–89.

Мажитов 2013: Мажитов, Н. А.: *Вопросы древней и средневековой истории башкирского народа*. Уфа 2013.

Мажитов 2013а: Мажитов, Н. А.: Еще раз о мадьярской проблеме в средневековой истории Южного Урала. В: *II-й Международный Мадьярский симпозиум: сб. науч тр.* Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2013, 84–88.

Мажитов 2013б: Мажитов, Н. А.: Якутская загадка для археолога Южного Урала. В: *Ватандаш* 5. Уфа 2013, 64–70.

Мажитов 2023: Мажитов, Н. А.: *Южный Урал в VII–XIV вв.* Отв. ред.: Амброз, А. К. Уфа 2023.

Мажитов–Султанова 2009: Мажитов, Н. А. – Султанова, А. Н.: *История Башкортостана. Древность. Средневековье*. Уфа 2009.

Мажитов–Султанова 2010: Мажитов, Н. А. – Султанова, А. Н.: *История Башкортостана. Древность. Средневековье*. Уфа 2010.

Мажитов и др. 2012: Мажитов, Н. А. – Тамимдарова, Р. Р. – Шамсутдинов, М. Р. – Насретдинов, Р. Р. – Бахшиев, Р. И. – Амекачев, Т. Р.: *Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2012 года V, 1*. Уфа 2012.

Малашев–Кривошеев 2022: Малашев, В. Ю. – Кривошеев, М. В.: Позднесарматские памятники Волго-Уралья. В: *Археология Волго-Уралья. В 7 т. Эпоха Великого переселения народов 4*. Под общ. ред.: Ситдиков, А. Г., отв. ред.: Голдина Р. Д. Казань 2022, 18–37.

Матвеева 2007: Матвеева, Г. И.: О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и кара-якуповского типов. В: *Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса II*. Казань 2007, 75–86.

Матвеева 1994: Матвеева, Н. П.: *Ранний железный век Прииишимья*. Ред. Молодин, В. И. Новосибирск 1994.

Матвеева 2007а: Матвеева, Н. П.: Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье. *AB ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири*. Тюмень 2007, 63–75.

Матвеева 2012: Матвеева, Н. П.: *Козловский могильник эпохи Великого переселения народов.* Отв. ред.: Соловьев, А. И. Тюмень 2012.

Матвеева 2013: Матвеева, Н. П.: О формировании раннесредневекового населения в лесостепном Зауралье. В: *II-й Международный Мадьярский симпозиум: сб. науч. тр*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2013, 7–14.

Матвеева 2016: Матвеева, Н. П.: *Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (Проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников)*. Отв. ред.: Голдина, Р. Д. Тюмень 2016.

Матвеева–Берлина–Рафикова 2008: Матвеева, Н. П. – Берлина, С. В. – Рафикова, Т. Н.: *Коловское городище*. Отв. ред.: Матвеев, А. В. Новосибирск 2008.

Матвеева и др. 2007: Матвеева, Н. П. – Рафикова, Т. Н. – Берлина, С. В.: К вопросу о хронологической позиции бакальской культуры (по материалам исетских городищ). В: *AB ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири*. Тюмень 2007, 76–98.

Матюшко 2018: Матюшко, И. В.: Печенежские погребения в Приуральских степях. В: *III-й Международный Мадьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. (3. Nemzetközi korai magyar történeti és régészeti konferencia. Budapest, 2016. június 6–10)*. Ред.: Türk A. –Зеленков, А. С. Budapest 2018, 191–198. https://doi.org/10.55722/Arpad.Kiad.2018.6_12

Михно–Петри 1928: Михно, П. С. – Петри, Б. Э.: Чикойский всадник. В: *Труды секции археологии РАНИОН IV*. Москва 1928, 323–328.

Мишин 2002: Мишин, Д. Е.: *Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье*. Москва 2002.

Могильников 1972: Могильников, В. А.: К вопросу о саргатской культуре. В: *Проблемы археологии и древней истории угров*. Отв. ред.: Смирнов, А. П. и др. Москва 1972, 66–86.

Могильников 1981: Могильников, В. А.: Кимаки. – Сросткинская культура. – Карлуки. В: *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья.* Отв. ред.: Плетнева, С. А. Москва 1981, 43–46.

Могильников 1981а: Могильников, В. А.: Тюрки. В: *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья.* Отв. ред.: Плетнева, С. А. Москва 1981, 29–43.

Могильников 1981б: Могильников, В. А.: О культурах лесной полосы Западной Сибири II половины I тыс. н. э. В: *Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири*. Ред.: Плетнева, Л. М. Томск 1981, 82–86.

Могильников 1988: Могильников, В. А.: Особенности культуры населения тюркского времени Кулундинской степи. В: *Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Тезисы докладов. 1*. Отв. ред.: Васильевский, Р. С. Новосибирск 1988, 64–66.

Могильников 1989: Могильников, В. А.: Новые памятники енисейских киргизов на Алтае. В: *Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев*. Под ред. Парамоновой, В. И. Красноярск 1989, 138–140.

Могильников 2002: Могильников, В. А.: *Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках*. Москва 2002.

Мороз 1988: Мороз, М. В.: К вопросу об одном из вариантов погребальной обрядности сросткинской культуры. В: *Археология Западной Сибири*. Тезисы докладов. Отв. ред.: Матющенко, В. И. Омск 1988, 42–44.

Морозов 2003: Морозов, В. М.: Бакальская культура, бакальский тип памятников: к истории изучения. В: *Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы международной научной конференции 6–10 окт. 2003 г.* Отв. ред.: Мельничук, А. Ф. Пермь 2003, 166–167.

Мосин–Боталов 2007: Мосин, В. С. – Боталов, С. Г.: Урало-Сибирская лесостепь в древности и средневековья (к осмыслению праугро-самодийского единства). В: *Finno-Ugrica*. Ред. Казаков, Е. П. Казань 2007: 10, 10–72.

Мурашева 2000: Мурашева, В. В.: *Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.)*. Москва 2000.

Национальный атлас… 2011: *Национальный атлас почв Российской Федерации*. Под общ. ред.: Шоба, С. А. Москва 2011.

Неверов 1988: Неверов, С. В.: *История племен сросткинскои культуры в VIII–XII вв. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Москва 1988.

Неверов–Горбунов 2001: Неверов, С. В. – Горбунов, В. В.: Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты). В: *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции*. Отв.ред.: Чиндина, Л. А. Томск 2001, 176–178.

Нестеров 1990: Нестеров, С. П.: *Конь в культах тюрок племен Центральной Азии в эпоху средневековья*. Новосибирск 1990.

Нечвалода 2019: Нечвалода, А. И.: Антропология носителей чияликской культуры по краниологическим материалам из могильников Центральной Башкирии. В: *Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России*. Отв. ред.: Безенова, М. П. Ижевск 2019, 447–452.

Овсянников 1999: Овсянников, В. В.: К характеру этнокультурных контактов в лесостепном Приуралье в позднесарматскую эпоху. В: *XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов.* Отв. ред.: Григорьев, С. А. Челябинск 1999, 178–180.

Овсянников 2006: Овсянников, В. В.: Этнокультурная ситуация в Среднем Прибелье в гунно-сарматский период (по материалам Шиповского грунтового могильника). В: *Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого Переселения народов*. Гл. ред.: Голдина, Р. Д. Ижевск 2006, 81–87.

Овсянников 2006а: Овсянников, В. В.: Характер взаимодействия носителей кара-абызской культуры с соседним населением во II–IV вв. н.э. В: *Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого Переселения народов*. Гл. ред.: Голдина, Р. Д. Ижевск 2006а, 88–93.

Овсянников 2009: Овсянников, В. В.: Опыт выделения зон активного взаимодействия оседлого и кочевого населения Предуралья в савромато-сарматскую эпоху. В: *Уфимский археологический вестник* 2009: 9, 144–156.

Овсянников и др. 2007: Овсянников, В. В. – Савельев, Н. С. – Акбулатов, И. М. – Васильев, В. Н.: *Шиповский могильник в лесостепном Приуралье*. Уфа 2007.

Овчинникова 1987: Овчинникова, Б. Б.: О зауральских памятниках Сылвенской этнокультурной области конца I – начала II тысячелетия н.э.. В: *Ранний железный век и средневековье Урало-иртышского междуречья*. Отв. ред.: Зданович, Г. Б. Челябинск 1987, 133–143.

Овчинникова 1988: Овчинникова, Б. Б.: Старо-Лыбаевское поселение. В: *Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири*. *Отв. ред.: Ковалева, В. Т.* Свердловск, 1988, 141–152.

Орфинская–Михайлов 2020: *Орфинская,* О. В. – *Михайлов,* К. А.: *Текстиль Старой Ладоги эпохи викингов*. Санкт-Петербург *2020*.

Останина 1997: Останина, Т. И.: *Население Среднего Прикамья в III–V вв.* Ижевск 1997.

Останина и др. 2007: Останина, Т. И. – Иванов, А. Г. – Иванова, М. Г.: Древнеудмуртское население в эпоху Средневековья. В: *История Удмуртии: С древнейших времен до XV в.* Гл. ред.: Иванова, М. Г. Ижевск 2007, 185–290.

Пастушенко 2008: Пастушенко, И. Ю.: Кушнаренковские материалы памятников бассейна реки Сылвы (керамический комплекс). В: *Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск–Шадринск 2008, 142–146.

Плетнева 1982: Плетнева, С. А.: *Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей*. Москва 1982.

Плетнева 1989: Плетнева, С. А.: *На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс)*. Москва 1989.

Погодин 1998: Погодин, Л. И.: Лаковые изделия из памятников Западной Сибири раннего железного века. В: *Взаимодействие саргатских племен с внешним миром*. Отв. ред.: Довгалюк, Н. П. Омск 1998, 26–38.

Подосенова 2018: Подосенова, Ю. А.: «Древневенгерские» изделия из серебра на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья. В: *III-й Международный Мадьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июля 2016 г. (3. Nemzetközi korai magyar történeti és régészeti konferencia. Budapest, 2016. június 6–10)*. Ред. Türk Attila – Александр С. Зеленков. Budapest 2018, 121–136. https://doi.org/10.55722/Arpad.Kiad.2018.6_08

Поздняков 2004: Поздняков, Д. В.: *Антропологический состав населения Западной и Южной Сибири во второй половине I тыс. н.э. – первой половине II тыс. н.э. Автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.06*. Новосибирск 2004.

Полтараус–Кислов 1986: Полтараус, Б. В. – Кислов, А. В.: *Климатология (палеоклиматология и теория климата)*. Москва 1986.

Потемкина 1964: Потемкина, Т. М.: Большое Бакальское городище. В: *Археология и этнография Башкирии* II. Уфа 1964, 257–259.

Потемкина–Матвеева 1997: Потемкина, Т. М. – Матвеева, Н. П.: Большое Бакальское городище. В: *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 1997: 1, 39–50.

Пшеничнюк 1968: Пшеничнюк, А. Х.: Уфимский курганный могильник. В: *Археология и этнография Башкирии* III. Уфа 1968, 105–112.

Пшеничнюк 1984: Пшеничнюк, А. Х.: Курганы средневековых кочевников на Южном Урале. В: *Памятники кочевников Южного Урала*. Отв. ред.: Иванов, В. А. Уфа 1984, 60–74.

Раевский 1985: Раевский, Д. С.: *Модель мира скифской культуры*. Москва 1985.

Распопова 1980: Распопова, В. И.: *Металлические изделия раннесредневекового Согде*. Ленинград 1980.

Рашев 2004: Рашев, Р.: *Прабългарите през V–VII в.* София 2004.

Рогожинский–Железняков 2019: Рогожинский, А. Е. – Железняков, Б. А.: Клейма и тамги на двух серебряных сосудах из долины Шу и Монголии. В: *Отан тарихы*. 2019: 3 (87), 167–183.

Ротт 2005: Ротт, Ф. Г.: Кресты и их фрагменты из юго-восточного Семиречья. В: *Материалы и исследования по археологии Кыргызстана* 1. Бишкек 2005, 44–51.

Руденко 2010: Руденко, К. А.: *Тетюшское II городище в Татарстане*. Казань 2010.

Русланов 2023: Русланов, Е. В.: *Археологические микрорайоны Южного Урала: теория и практика научного изучения*. Уфа 2023.

Русланов–Шамсутдинов–Романов 2016: Русланов, Е. В. – Шамсутдинов, М. Р. – Романов, А. А.: *Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы археологических раскопок 2015 года*. Уфа 2016.

Русланова и др. 2020: Русланова, Р. Р. – Русланов, Е. В. – Шамсутдинов, М. Р. – Проценко, А. С.: *Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2012 года V, II.* Уфа 2020.

Рысков–Дёмкин 1997: Рысков, Я. Г. – Дёмкин, В. А.: *Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене (опыт реконструкции с использованием методов геохимии стабильных изотопов)*. Пущино 1997.

Рябцева–Рабинович 2007: Рябцева, С. С. – Рабинович, Р. А.: К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях IX–X вв. *Revista Apheologica* III, 1–2. Chisinau 2007, 195–230.

Савинов 1976: Савинов, Д. Г.: Расселение кимаков по археологическим данным. В: *Прошлое Казахстана по археологическим источникам*. Отв. ред.: Акишев, К. А. Алма-Ата 1976, 94–104.

Савинов 1978: Савинов, Д. Г.: Этнокультурные связи енисейских кыргызов и кимаков в IX–X вв. В: *Тюркологический сборник. 1975*. Отв. ред.: Кононов, А. Н. Москва 1978, 209–225.

Савинов 1979: Савинов, Д. Г.: Об основных этапах развития этнокультурной общности и кыпчаков на юге Западной Сибири. В: *История, археология и этнография Сибири*. Отв. ред.: Матющенко, В. И. Томск 1979, 53–72.

Савинов 1981: Савинов, Д. Г.: Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири. В: *Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии*. Отв. ред.: Худяков, Ю. С. Новосибирск 1981, 146–162.

Савинов 1984: Савинов, Д. Г.: *Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху*. Ленинград 1984.

Савинов 1998: Савинов, Д. Г.: Сросткинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой, 1925 г. и С. М. Сергеевым, 1930. В: *Древности Алтая. Известия лаборатории археологии* 3. Отв. ред.: Соёнов, В. И. Горно-Алтайск 1998, 175–190.

Сальников 1956: Сальников, К. В.: Исетские древние поселения. *Советская археология* XXV. Москва 1956, 189–214.

Сальников 1961: Сальников, К. В.: Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. *Советская археология* 1961: 2, 37–48.

Сальников 1961а: Сальников, К. В.: Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала. В: *Вопросы археологии Урала* 1. 1961а, 48–52.

Самашев 2016: Самашев, З. С.: Древнетюркский культово-мемориальный комплекс на горе Шивээт Улаан в Центральной Монголии. В: *«Кадырбаевские чтения-2016». Материалы V Международной научной конференции*. Отв. ред.: Бисембаев, А. А. Актобе 2016, 19–64.

Смагулов 2014: Смагулов, Е. А.: Сиявуш из Сидака: образы кангюской торевтики. В: *«Кадырбаевские чтения-2014». Материалы IV Международной научной конференции*. Науч. ред.: Бисембаев, А. А. Астана 2014, 208–217.

Средняя Азия 1999: Андрианов, Б. В. – Байпаков, К. М. – Брыкина, Г. А. и др. *Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье*. Отв. ред.: Брыкина, Г. А. Москва 1999.

Сташенков 2018: Сташенков, Д. А.: О некоторых вопросах, связанных с выделением памятников мадьярского круга в Самарском Поволжье. В: *III-й Международный Мадьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. (3. Nemzetközi Korai Magyar Történeti és régészeti konferencia. Budapest, 2016. június 6–10)*. Ред.: Türk A. – Зеленков, А. С. Budapest 2018, 255–264. https://doi.org/10.55722/Arpad.Kiad.2018.6_16

Стоколос 1962: Стоколос, В. С.: Курган на озере Синеглазово. В: *Археология и этнография Башкирии* I. Уфа 1962, 163–168.

Сунгатов 1993: Сунгатов, Ф. А.: Керамика Дежневских курганов. В: *Новое в средневековой археологии Евразии*. Отв. ред.: Ковалевская, В. Б. Самара 1993, 201–210.

Сунгатов 1995: Сунгатов, Ф. А.: Погребальные комплексы Дежневского и Ново-Турбаслинского могильников (по материалам раскопок 1989–1992 гг.). В: *Курганы кочевников Южного Урала*. Отв. ред.: Агеев, Б. Б. Уфа 1995, 118–137.

Сунгатов 1998: Сунгатов Ф. А.: *Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.)*. Уфа 1998.

Сунгатов 2002: Сунгатов, Ф. А.: Гунны в Волго-Уральском регионе. В: *История татар* 1. Науч. ред.: Кляшторный, С. Г. Казань 2002, 153–156.

Сунгатов 2013: Сунгатов, Ф. А.: Приуралье в гуннскую эпоху. В: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2013, 163–179.

Сунгатов 2016: Сунгатов, Ф. А.: Каранаевский курганный могильник. В: *Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов»*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2016, 409–427.

Сунгатов–Гарустович–Юсупов 2004: Сунгатов, Ф. А. – Гарустович, Г. Н. – Юсупов, Р. М.: *Приуралье в эпоху Великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник)*. Уфа 2004.

Сунгатов–Юсупов 2006: Сунгатов, Ф. А. – Юсупов, Р. М.: Бронзовая фигурка всадника с Южного Урала. В: *Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка*. Отв. ред.: Обыденникова, Г. Т. – Савельев, Н. С. Уфа 2006, 246–256.

Тельнов 2018: Тельнов, Н. П.: Этнокультурная ситуация в IX веке в Нижнем Поднестровье и венгерский фактор. В: *Археология Евразийских степей. Материалы IV Международного мадьярского симпозиума. Казань–Болгар. 15–19 октября 2018 г.* Гл. ред.: Ситдиков, А. Г. Казань 2018: 6, 223–228.

Тишкин 2007: Тишкин, А. А.: *Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая*. Барнаул 2007.

Тишкин–Горбунов 2002: Тишкин, А. А. – Горбунов, В. В.: Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая. В: *Древности Алтая. Межвузовский сборник научных трудов. Т. 9*. Отв. ред.: Соёнов, В. И. Горно-Алтайск 2002, 82–91.

Тишкин–Горбунов–Серегин 2018: Тишкин, А. А. – Горбунов, В. В. – Серегин, Н. Н.: Радиоуглеродное датирование материалов из курганов раннесредневекового памятника Сростки-I. В: *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. Отв. ред.: Тишкин, А. А. – Семибратов, В. П. 2018: 24, 165–173.

Толстов 1948: Толстов, С. П.: *По следам древнехорезмийской цивилизации*. Москва–Ленинград 1948.

Торгоев 2003: Торгоев, А. И.: О хронологии наременных украшений Семиречья. В: *Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова*. Отв. науч. ред.: Пиотровский, Ю. Ю. Санкт-Петербург 2003 [на обложке: 2002], 285–289.

Торгоев 2004: Торгоев, А. И.: Звериные образы на ременной гарнитуре Семиречья. В: *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции*. Отв. ред.: Савинов, Д. Г. Санкт-Петербург, 2004, 338–341.

Торгоев 2005: Торгоев, А. И.: Геральдический пояс с верхнего Таласа. В: *Археологические вести*. Отв. ред.: Носов, Е. Н. Санкт-Петербург 2005: 12, 88–91.

Торгоев 2013: Торгоев, А. И.: Украшения караханидов (к постановке проблемы). В: *Труды Государственного Эрмитажа: Т. 62: Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса*

Ильича Маршака (1933–2006). Отв. ред.: Лурье, П. Б. – Торгоев, А. И. Санкт-Петербург 2013, 376–401.

Третьяков 2022: Третьяков, Е. А.: Хронологические комплексы средневековых памятников Западной Сибири. В: *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2022: 1 (56) 134–147.

Троицкая 1979: Троицкая, Т. Н.: *Кулайская культура в Новосибирском Приобье*. Новосибирск 1979.

Троицкая 1981: Троицкая, Т. Н.: Одинцовская культура в Новосибирском Приобье. В: *Проблемы западно-сибирской археологии*. Эпоха железа. Отв. ред.: Троицкая, Т. Н. Новосибирск 1981, 101–120.

Троицкая–Новиков 1998: Троицкая, Т. Н. – Новиков, А. В.: *Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье*. Отв. ред.: Молодин, В. И. Новосибирск 1998.

Хабдулина 1994: Хабдулина, М. К.: *Степное Приишимье в эпоху раннего железа*. Алматы 1994.

Халиков 1987: Халиков, А. Х.: Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств. В: *От доклассовых обществ к раннеклассовым*. Отв. ред.: Рыбаков, Б. А. Москва 1987, 88–103.

Халикова–Халиков 2018: Халикова, Е. А. – Халиков, А. Х.: Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник). В: *Археология Евразийских степей 25*. Казань 2018.

Худуд ал-'алем 1930: *Худуд ал-'алем, персидская летопись X века*. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Ленинград 1930.

Худяков 1983: Худяков, Ю. С.: Орнамент наборных поясов из погребения Ник-Хая. В: *Пластика и рисунки древних культур*. Отв. ред.: Васильевский, Р. С. Новосибирск 1983, 144–153.

Худяков 2004: Худяков, Ю. С.: О происхождении культуры средневековых кыпчаков. В: *Древности Алтая 12*. Горно-Алтайск 2004, 144–145.

Худяков 2023а: Худяков, Ю. С.: Первый Тюркский каганат. Завоевание Степного пояса Евразии. Кудыргинский этап культуры тюрков. В: *Летопись тюркской цивилизации*. *Тюркский мир в VI–XII вв. 1*. Отв. ред.: Молодин, В. И. – Землюков, С. В. Барнаул 2023а, 123–142.

Худяков 2023б: Худяков, Ю. С.: Второй Восточный Тюркский каганат в Центральной Азии. В: *Летопись тюркской цивилизации. Тюркский мир в VI–XII вв. 1*. Отв. ред.: Молодин, В. И. – Землюков, С. В. Барнаул 2023б, 142–196.

Чикунова 2005: Чикунова, И. Ю.: Комплекс археологических памятников на р. Исети. В: *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2005: 6, 207–214.

Чикунова 2008: Чикунова, И. Ю.: Керамические комплексы кашинской культуры на памятниках раннего железного века Приобья. В: *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2008:9, 72–80.

Шамсутдинов и др. 2015: Шамсутдинов, М. Р. – Русланов, Е. В. – Романов, А. А. – Тагирова, Р. Ш.: *«Городище Уфа-II». Материалы раскопок 2014 года*. Уфа 2015.

Шорохов 2011: Шорохов, В. А.: Венгры в Северном Причерноморье по данным «Анонимной записки». *Вестник Удмуртского университета*. 2011: 3–5, 69–74.

Шутелева и др. 2013: Шутелева, И. А. – Щербаков, Н. Б. – Леонова, Т. А. – Шамсутдинов, М. Р. – Русланов, Е. В.: *Уфа-II – средневековое городище на Южном Урале. Материалы раскопок 2013 года*. Уфа 2013.

Эрдели 1967: Эрдели И.: Извлечение из хроники венгерского Анонима. В: *Вопросы археологии Урала* 7 1967, 172–181.

Юсупов 1989: Юсупов, Р. М.: *Краниология башкир*. Ленинград 1989.

Яблонский и др. 1996: Яблонский, Л.Т. – Дэвис-Кимболл, Дж. – Демиденко, Ю. В. – Малашев, В. Ю.: Раскопки курганных могильников Покровка-1, 2, 7, 10 в 1995 году. В: *Курганы левобережного Илека 4*. Отв. ред.: Яблонский, Л. Т. Москва 1996, 7–48.

A honfoglaló magyarság 1996: *A honfoglaló magyarság. Kiállítási katalógus*. Szerk.: Fodor I. et al. Budapest 1996.

Arne 1914: Arne, T.: *La Suède et l'orient études archéologiques sur les relations de la Suéde et de l'orient pendant l'âge des Vikings*. Uppsala 1914.

Dienes 1972: Dienes I.: *A honfoglaló magyarok*. Budapest 1972.

Eisenmann et al. 19886 Eisenmann, V. – Alberdi, M. T. – de Giuli, G. – Staesche, U: *Studying fossil horses 1. Methodology. Collected papers after the New York International Hipparion Conference (1981, New York)*. Leiden–New York 1988.

Gáll–Szenthe 2020: Gáll, E. – Szenthe, G.: The problem of "structural integration". A case study of the 9th–10th century burials (graves 49 and 50) at Hortobágy-Árkus. In: *Materiale şi cercetări arheologice (serie nouă)* 16 (2020) 181–197. https://doi.org/10.3406/mcarh.2020.2134

Golden 1972: Golden, Peter B.: The Migrations of the Oguz. In: *Archivum Ottomanicum IV*. 1972, 45–81.

Heikel 1894: Heikel, A.: *Antiquites de la Sibirie Occidentale*. Helsingfors 1894. https://doi.org/10.33341/sus.790

Horváth C. 2022: Horváth C.: *Honfoglalás és kora Árpád-kori sírok, temetők és szórványleletek a Nyugat-Dunántúlon I*. Budapest 2022.

Klima L. 2018: Klima L.: Eastern Religious Motifs on the Belt Mounts of Subotsi Group, Kushnarenkovo Culture and Lomovatovo Culture (Восточные религиозные мотивы на поясных накладках субботцевской группы кушнаренковской и ломоватовской культур). *Археология Евразийских степей* 2018: 6, 136–149.

Levine 1982: Levine, M. A.: The use of crown height measurements and eruption-wear sequences to age horse teeth. In: *Ageing and sexing animal bones from archaeological sites*. Eds.: Wilson, B. – Grigson, C. – Payne, S. Oxford, England 1982: 109, 223–250.

Mesterházy 2018: *Mesterházy K.: Pántkarperecek a magyar honfoglalás korából. A Kaposvári Rippl-Rónai Múzeum Közleményei* 2018:6, 187–230. https://doi.org/10.26080/krrmkozl.2018.6.187

Minorsky 1982: Minorsky, V.: *Hudud al-'Alam. The Regions of the World: A Persian Geography, 372 A.H. – 982 A.D.* Translated and explained by V. Minorsky. London 1937 / Reprinted 1982.

Révész 1996: Révész L.: *A karosi honfoglalás kori temetők. Régészeti adatok a Felső-Tisza-vidék X. századi történetéhez*. Miskolc 1996. https://doi.org/10.62150/HONF.1.1996

Silver 1969: Silver, I.: The ageing of domestic animals. In: *Science in archaeology: a survey of progress and research*. Eds.: Brothwell, D. R. – Higgs, E. S. – Clark, G. London 1969, 283–302.

Tallgren 1917: Tallgren, A. M.: *Collection Tovostine des antiquites prehistoriques de Minoussinsk conservees Chez le Dr Karl Hedman a Vasa. Societe Finlandaise d'Archeologie*. Helsingfors 1917.

Türk 2023: Türk A.: *Az Uráltól a Kárpátokig. Régészet és korai magyar történelem (From the Urals to the Carpathians. Archaeology and history of early Hungarians).* Középkortörténeti Könyvtár 30. – Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok 8. Szeged–Budapest 2023.

ГЛАВА 4
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ И КАРПАТСКОГО БАССЕЙНА (X В.) В ДРЕВНЕВЕНГЕРСКОМ КОНТЕКСТЕ

Türk, A. – Боталов, С. Г.

4.1. Введение

В ходе раскопок, проводимых с 2010 года под руководством С. Г. Боталова, была исследована территория площадью около 6700 кв.м. В 2013–2019 годах к изучению памятника присоединились сотрудники и студенты Института археологии Католического Университета имени Петера Пазмани из Венгрии под руководством Аттилы Тюрка. Позже к обработке данных подключились антропологи и специалисты по археогенетике из Института Археогеномики ВАН, также расположенного в Будапеште, под руководством Балажа Менде.[1]

Привлечение венгерских специалистов было обусловлено тем, что в большинстве раскопанных могил были обнаружены артефакты, схожие с типичными для венгров-завоевателей (X вв.). Более того, эти захоронения, несущие в себе ранневенгерские археологические характеристики, датируются радиоуглеродным методом в пределах IX века (с заходом в VIII в.), а также первой половиной X века.[2] То есть Погребальный комплекс Уелги относится к финальному кушнаренковско-караякуповскому археологическому горизонту, который уже ранее был известен в археологических исследованиях истории ранних венгров.[3] В середине IX века он сменяется синеглазовским горизонтом, включающим материалы чияликской и юдинской культур, а также материалы сросткинского облика.

Указанные обстоятельства дают основание представить археологические находки упомянутого Погребального комплекса Уелги, имеющие параллели с материалами ранних венгров в Венгрии, в рамках краткого обобщающего анализа и обзора. На основе этого можно найти надежные ориентиры для исторической оценки Погребального комплекса Уелги. Кроме того, с венгерской стороны на основе имеющихся на сегодняшний день данных можно констатировать, что лучшие и наиболее многочисленные аналогии археологического материала периода завоевания Карпатского бассейна венграми в IX–X веках в масштабах всей Евразии мы находим в Погребальном комплексе Уелги (*рис. 6–7*).[4] Важность настоящего анализа подчеркивается также тем, что за прошедшее время удалось выявить археогенетические связи и даже конкретные родственные связи между двумя регионами и их археологическим наследием.[5] К сожалению, большинство захоронений в Погребальном комплексе Уелги были нарушены, поэтому выводы, которые можно сделать, ограничены, однако связи, обнаруживаемые в мелких деталях находок, значительно помогают в исторической

[1] Csáky et al. 2020; Türk 2023, 264–270.
[2] См. раздел 1.2. настоящей монографии – «Хронология и типология вещевого инвентаря Погребального комплекса Уелги. Результаты радиоуглеродного и типологического датирования».
[3] Fodor 1975; Chalikova–Chalikov 1981; Казаков 2007; 2013; Боталов 2016; Комар 2018.
[4] Комар 2018; Türk 2023, 266–268.
[5] Csáky et al 2020; Gyuris et al. 2025.

и хронологической интерпретации кладбища, представленного в данной работе.

Связи Погребального комплекса Уелги с ранней венгерской культурой касаются как погребальных обрядов (*рис. 1–4*), так и деталей материального наследия (*рис. 5–49*). Конечно, важно подчеркнуть, что среди них есть и более специфические особенности, характерные только для археологического наследия двух упомянутых регионов (см. *рис. 5, 21, 31*), но есть и общие явления, обнаруживаемые на более обширной территории в средневековье. Однако для получения точной картины необходимо учитывать и последние, рассматривая их в совокупности со специфическими, поддающимися более достоверной оценке элементами. В ходе нашей аналитической работы, помимо ранних венгерских находок X века из Карпатского бассейна, мы в некоторых случаях учитывали также материалы из памятников типа Субботцы, известных в Северном Причерноморье и рассматриваемых в международных археологических исследованиях с 2011 года как самостоятельный археологический горизонт.[6] Этот набор находок, датируемый второй половиной IX века, также связан с ранними венграми, мигрировавшими на запад из района Южного Урала, и содержит элементы, тесно связанные с регионами Волги и Южного Урала, однако в древневенгерских материалах из Карпатского бассейна их пока не удалось обнаружить (например, *рис. 29–30*).[7]

Однако их отношение к древним венграм даже и в этом случае очевидно. Это означает, что в венгерских аспектах Погребального комплекса Уелги, безусловно, можно выделить два слоя: один относится к IX веку – периоду переселения древних венгров в Паннонию и формирования чияликско-юдинского поственгерского населения в лесостепной зоне Урала, другой – к X веку, периоду оседания в Карпатском бассейне. Сегодня мы также можем с уверенностью утверждать, что в первой половине X века связи между этими двумя регионами все еще сохранялись, и, что удивительно, археологическое влияние сросткинского типа, которое отчетливо прослеживается на Погребальном комплексе Уелги (*рис. 8–12, 35*), также можно наблюдать и в Карпатском бассейне (*рис. 8–9*), прежде всего среди различных элементов конской упряжи.[8]

Обзор мы начнем с погребальных обычаев, особенно с вопросов курганных захоронений (*рис. 1–2*), а затем перейдем к представлению наиболее важных элементов материального наследия. Ранее уже было известно, что большинство связей наблюдается в первую очередь в случае оружия (*рис. 43–46*),[9] поясных украшений (*рис. 15–31*) и конской упряжи (*рис. 32–36, рис. 47*). Однако в данном обзоре мы также обращаем внимание на связи, прослеживающиеся в женской одежде (*рис. 37–39*), текстильных находках (*рис. 48–49*) и предметах обихода, быта (*рис. 40–42*).

4.2. Сходства-аналогии в элементах погребального обряда

Курганные погребения древних венгров

За последние 10-15 лет значительно продвинулись исследования элементов восточного происхождения в погребальных обрядах, известных по археологическим находкам ранних венгров в Карпатском бассейне, в результате чего удалось выявить множество связей с погребальным комплексом Уелги.

Что касается формальных характеристик ранних венгерских кладбищ, то общеизвестно, что они почти без исключения представляют собой простые ямовые захоронения, и грунтовые могильники.[10] Однако в рамках венгерских ис-

[6] Комар 2011; 2013; 2018.
[7] Комар 2018; Türk 2023, 246–253.
[8] Deminger–Türk–Jakab 2020.
[9] Боталов 2016.
[10] Tettamanti 1975, 87–89.

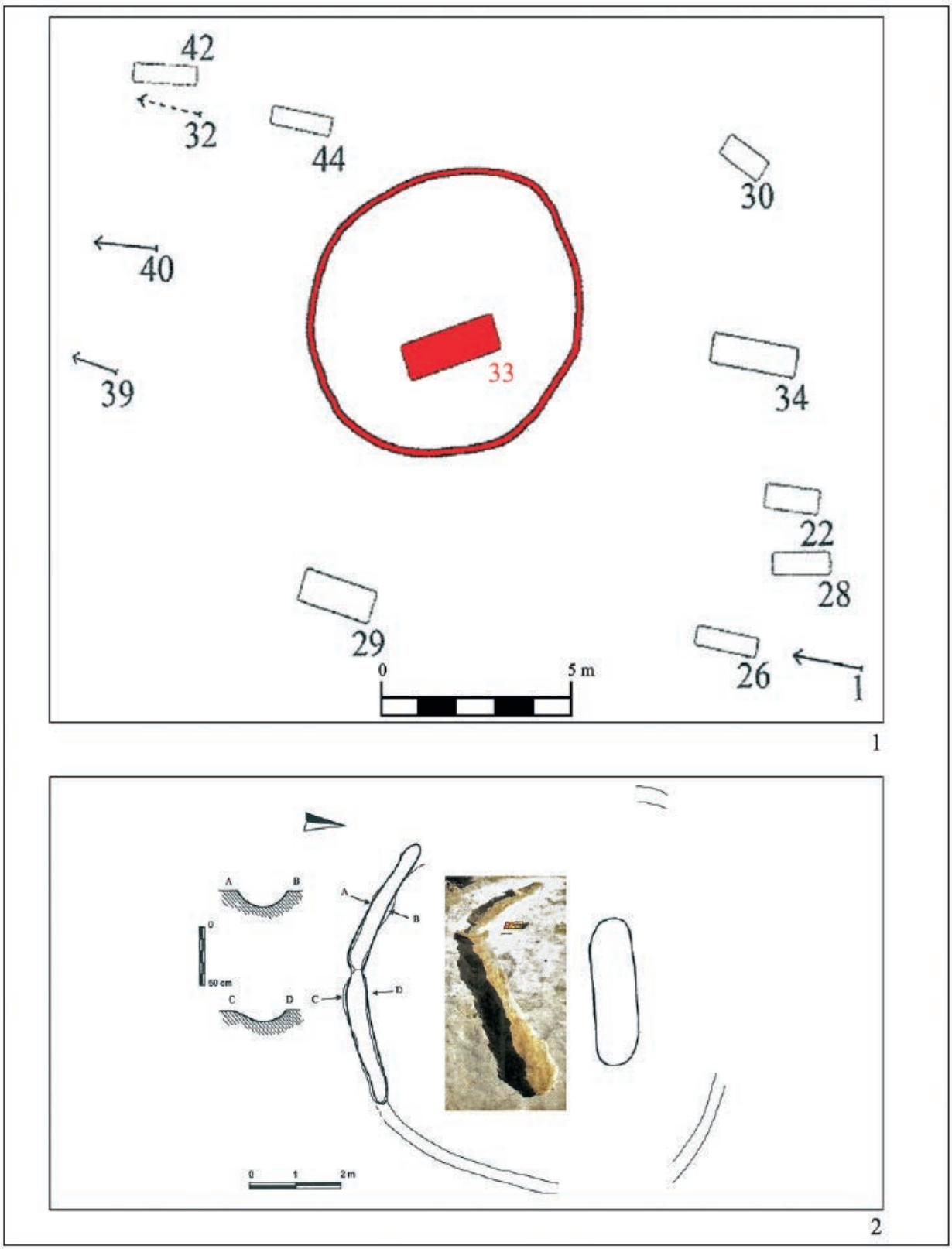

Рис. 1. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) I. Погребальный обряд 1. 1–2: Погребения под курганами в находках эпохи обретения родины венграми (Bende–Lőrinczy–Türk 2013, 26. kép)

1. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) I. Temetkezési szokások 1. 1–2: Halom alatti temetkezések a honfoglalás kori hagyatékban (Bende–Lőrinczy–Türk 2013, 26. kép)

следований уже ранее были известны отдельные случаи вторичного погребения в курганах.[11] В то же время погребение в сооруженном кургане или под ним – хотя многие и предполагали существование этого явления в прошлом – не рассматривалось исследователями как венгерская особенность X века.[12] Причина этого заключалась главным образом в том, что при этнической интерпретации погребальных находок, обнаруженных на территории восточноевропейской степи и лесостепи и связанных с предками венгров, «отсутствие курганов» ранее иногда прямо выдвигалось в качестве аргумента в пользу их отличия от печенегов.[13]

Однако в последние годы, после изучения захоронений типа Субботцы, стало очевидно, что они встречаются как в курганах, так и в простых ямных могилах, причем примерно в равных пропорциях. Обычай вторичного захоронения под курганом[14] (*рис. 1*) и в более ранние эпохи в многоярусном кургане (*рис. 2*), который наблюдается и в Погребальном комплексе Уелги, является обычаем восточного происхождения в раннем венгерском наследии.

Первым достоверно установленным захоронением в кургане со рвом стала могила № 100 в кургане Кишкундорожма-Хоссухат (Kiskundorozsma-Hosszúhát-halom), о которой было сообщено в 2002 году (*рис. 1*).[15] Рыхлая ограда охватывала площадь диаметром около 9 м, в южной половине которой располагалась могила, глубина которой была почти равна глубине кругового рва. В специализированной литературе ранее уже публиковались сведения о могиле эпохи завоевания Венгрии с рваной оградой (под искусственным курганом?) из местонахождения Ноградшап-Татарка (Nógrádsáp-Tatárka).[16] Из краткого отчета известно, что ров имел диаметр 6,8 м, ширину 60 см и глубину 40 см. Третий достоверный пример захоронений эпохи завоевания, окруженных рвом, был недавно обнаружен в материалах кладбища эпохи завоевания в Сольнокском уезде, подготовленных к публикации.[17] В случае с могилой № 33 в Кетпо-Сенттамаш (Kétpó-Szenttamás) могила была полностью окружена рвом. В ограждающем рве диаметром 6,6–7,2 м не было входа, а само захоронение располагалось чуть южнее центра окруженной рвом территории.

На основании имеющихся в настоящее время данных можно сказать, что захоронения X–XI веков, обнаруженные в пределах рва, встречаются как в виде одиночных захоронений (например, могила № 100 в кургане Кишкундорожма-Хоссухат (Kiskundorozsma-Hosszúhát-halom) (*рис. 1, 2*), так и на кладбищах (например, могила № 33 в Тёрёксентмиклош-Сенттамаш [Törökszentmiklós-Szenttamás]) (*рис. 1. 1*). Кроме того, характерной особенностью является то, что могилы располагаются не в центре территории, окруженной рвом, а скорее в ее южной части. В случае упомянутых трех погребений X века с круговыми рвами речь идет о курганах диаметром 6–9 м – и, следовательно, вероятно, не слишком высоких, – которые были окружены рвами шириной 40–60 см и глубиной не менее 10–40 см. В Кетпоне (Kétpón) могила с кольцевым рвом хорошо вписывалась в линейное расположение могил, обнаруженных вокруг нее, что свидетельствует о сходстве этого памятника с Ноградшапа (Nógrádsáp).

Общеизвестно, что население, поселившееся в Карпатском бассейне в 895 году, прибыло из того региона Восточной Европы, где погребения в курганах или под курганами были широко распространены как в пространственном, так и во временном отношении.[18] В Юго-Восточной Европе, в случае с хазарами, Г. Е. Афанасьев и А. А. Атавин, исследуя погребения под курганами и вторичные погребения в курганах гори-

[11] Tettamanti 1975, 88.
[12] Tettemanti 1975, 88; László 1944, 158–161.
[13] Плетнёва 2003, 105, 107, 123.
[14] Komar 2008, 216.
[15] Bende–Lőrinczy–Türk 2002.
[16] Tárnoki 1982, 384.
[17] Petkes 2011.
[18] Афанасьев–атавин 2002, 16.

зонта Соколовской Балки на основе хронологии найденных в них находок, пришли к интересному выводу. По их мнению, поскольку захоронения под курганами (несколько) более поздние, они являются признаками фактического заселения территории и длительного проживания на ней. Напротив, вторичные захоронения в более ранних курганах, судя по найденным в них находкам, в большинстве своем более ранние.

Часть захоронений субботцевского типа, представляющих наиболее близкие аналогии археологического наследия эпохи завоевания Великой степи, расположены вдоль среднего течения Днепра (могила № 1 в Твёрдохлебе,[19] курган № 1, могила № 2 в Дмитровке,[20] Курган № 32 в Катериновке, могила № 1),[21] а также восточнее, в районе Южного Урала — археологические культуры Кушнаренково и Караякупово.[22] Это явление встречается также на территории бывшего Хазарского каганата в так называемых «курганах, окруженных квадратными ровиками»,[23] и, конечно же, мы знаем множество примеров среди восточноевропейских поздних кочевых захоронений X–XIV веков.[24] Подводя итог, можно сказать, что захоронения в курганах или под ними до сих пор встречались не очень часто, но они достоверно зафиксированы и являются одним из элементов восточного происхождения в археологическом наследии Карпатского бассейна X–XI веков.[25]

Вторичные (впускные) погребения у ранних венгров

В специализированной литературе, посвящённой эпохе завоевания, мы встречаем всё больше примеров вторичного погребения в курганах, построенных в более ранние периоды. Однако при их точной оценке и систематизации главная проблема заключается в том, что из-за отсутствия полных (профессиональных) раскопок всего кургана часто трудно установить, является ли данное возвышение действительно сооруженным курганом или просто естественным возвышением. Кроме того, невозможно определить, было ли в нем одно или несколько захоронений.[26] Ранее обычай курганных захоронений связывали с общим наблюдением, что завоевавшие земли венгры хоронили своих умерших преимущественно на возвышенностях или в более высоких, защищенных от паводков и наводнений местах. Это, по-видимому, подтверждается тем, что большинство курганных захоронений того периода известны на Великой Венгерской равнине, где было мало естественных возвышенностей.[27] Кроме того, Великая равнина[28] – это тот регион, где, согласно нашим данным, большинство древних курганов были уничтожены или разрушены в результате сельскохозяйственных работ. Там же, где они сохранились,[29] обычай захоронения в курганах можно обнаружить в некоторых местах даже в XI веке.[30]

Однако известны некоторые случаи, когда следов засыпки кургана не сохранилось, но особенности находок и результаты раскопок косвенно указывают на вторичное захоронение в кургане. В 2000 году недалеко от Сегеда (Szeged), на окраине Шубаши (Subasa), на участке Kiskundorozsma-Subasa M5 37 (26/78) были раскопаны окруженные рвами могилы позднe-

[19] Приймак–Супруненко 1994.
[20] Супруненко–Маэвска 2007.
[21] Komar 2008, 216.
[22] Иванов 1999, таб. 1.
[23] Афанасьев 2001, 53–54.
[24] Круглов 2006.
[25] Türk 2014.
[26] Liska 1996, 183.
[27] Tettamanti 1975, 88.
[28] См. Szeged-Székhalom (Kürti 1991, 55).
[29] См. Kiszombor-C, Nagyhalom (Langó–Türk 2004, 204).
[30] Langó–Türk 2004, 205–206.

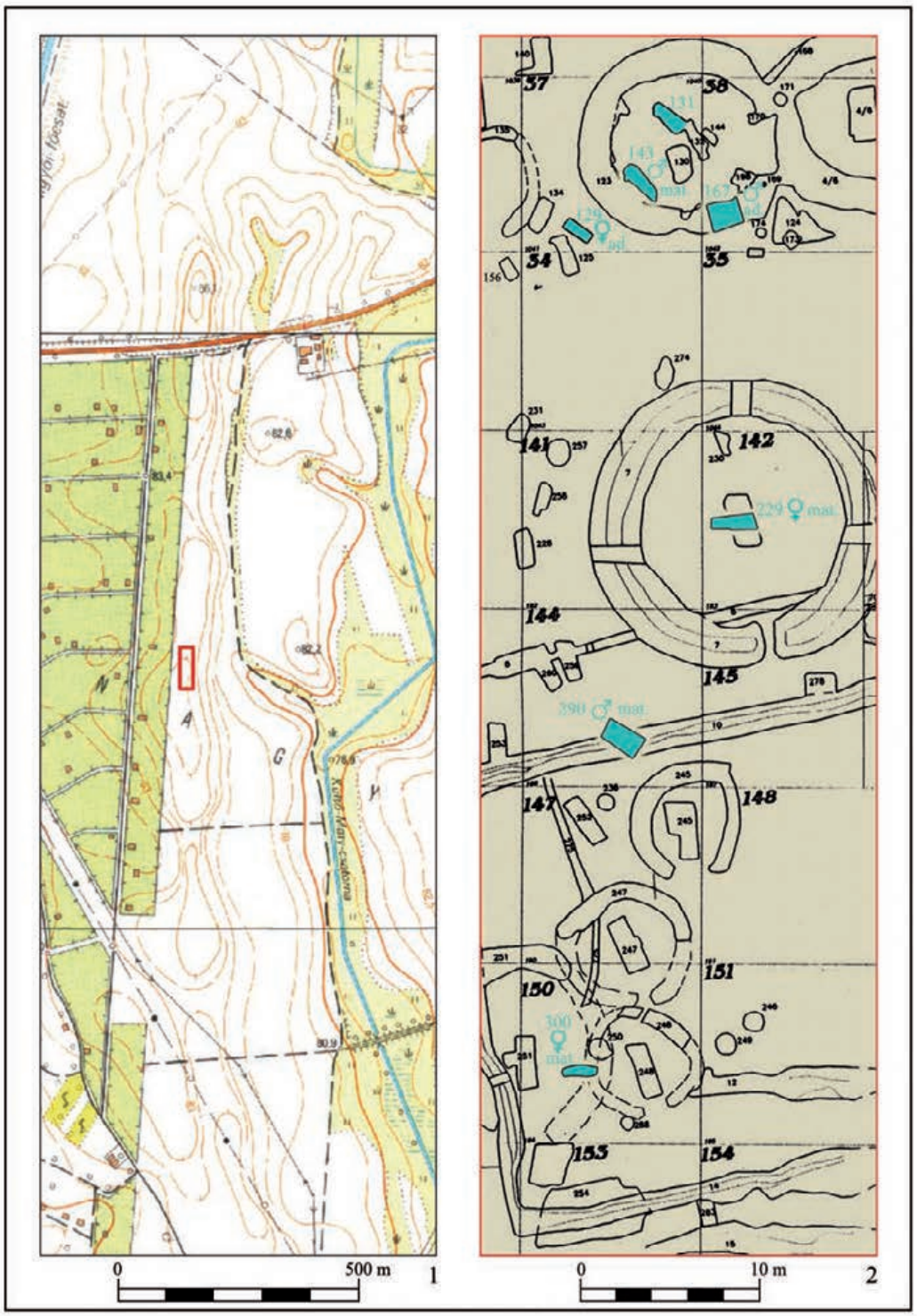

Рис. 2. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) II. Погребальный обряд 2. 1–2: Впускные, вторичные захоронения в насыпи курганов более ранних периодов (Türk et al. 2015, 49. kép)

2. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) II. Temetkezési szokások 2. 1–2: Korábbi (késő szarmata kor) halomba másodlagosan beásott sírok (Türk et al. 2015, 49. kép)

сарматского периода (III–IV вв. н. э.).[31] На этом месте было обнаружено также несколько могил X–XI веков, между которыми на первый взгляд наблюдались расстояния, превышающие средние, а также значительно различающиеся по отношению друг к другу (*рис. 2*). На сводной карте кладбища видно, что три могилы периода завоевания Венгрии также находились в пределах сарматских круговых рвов. Как указали авторы, изучавшие это кладбище, такое расположение с наибольшей вероятностью можно объяснить тем, что в X–XI веках на поверхности еще были заметны курганы, возведенные над захоронениями 600-летней давности, и в них намеренно вырыли могилы эпохи завоевания.[32] Вместе с тем следует отметить, что в исследованиях этого периода нет единого мнения по поводу курганов, возведенных над захоронениями в могилах со рвами сарматского периода.[33] Упомянутый случай в Шубаше (Subasa) скорее свидетельствует о том, что – пусть и не во всех случаях, – но иногда в сарматскую эпоху курганы возводились и над открытыми могилами со рвами. Таким образом, с большой вероятностью не случайно захоронения эпохи завоевания Венгрии оказались с внутренней стороны кольцевых рвов.

Заупокойная пища (мясо животных), размещенная у голов погребенных

В могилах эпохи завоевания Венгрии известны[34] лишь единичные случаи находок костных остатков мясных блюд, размещённых у головы погребенных (*рис. 3*). Однако мы опубликовали подробный анализ этих находок,[35] в котором высказали предположение, что в погребениях X века это мог быть обычай восточного происхождения (*рис. 4*). Это может быть связано с тем, что в случае небольшого числа могил и одиночных захоронений, обнаруженных в прошлом веке, без наблюдения и документирования, среди остатков животных в основном обращали внимание только на находки лошадиных костей, а другие кости животных, указывающие на остатки пищи, не собирали и не рассматривали. Наибольшее количество остатков пищи с костями было обнаружено в захоронениях мужчин (66%) и тех, кто умер в зрелом возрасте (75%). 99% обнаруженных костей животных принадлежали овцам, в одном случае – лошади, а в подавляющем большинстве – молодым животным (ягнятам и жеребятам). В 72% случаев прилагались бедренные кости овцы, но наблюдались значительные вариации: встречались как передние, так и задние, как правые, так и левые бедренные кости.

Могила № 36, обнаруженная в районе песчаного карьера Сегед-Ёталом (Szeged-Öthalom), является еще одним случаем редкого явления,[36] когда в могилу вместе с жертвенной лошадью помещали также костные остатки лошадиного мяса в качестве погребального приданого. Археозоологическое исследование – аналогично случаям в Гнадендорфе (Gnadendorf) и Кароше (Karos) – показало, что бедренная кость, найденная рядом с черепом, не принадлежит части лошади, помещенной в могилу. То есть либо во время погребения могли принести в жертву несколько лошадей, либо в могилу в качестве пищевого приношения поместили окорок из семейного хозяйства,[37] что является косвенным свидетельством употребления лошадиного мяса в повседневной жизни того времени. Таким образом, этот обычай теперь зафиксирован и на юге Венгерской равнины, и, судя по параллелям, вероятно, что он был известен в трех разных районах Карпатского бассейна на протяжении всего X века. Другой вопрос, почему это такое редкое явление. В то же время можно утверждать, что оно наблюдалось в могилах молодых и взрослых мужчин с оружейным набором.[38]

---

[31] Bozsik 2003.
[32] Lőrinczy–Türk 2013.
[33] Kulcsár 1998, 39.
[34] Lőrinczy–Türk 2015, 60.
[35] Тельнов и др. 2024.
[36] См. Karos-Eperjesszög II/52. погр. (Vörös 1996, 470); Gnadendorf (Lauermann 2006, Abb. 3; Révész 2006, 100–101).
[37] Révész 2006, 100–101.
[38] Révész 2006, 100.

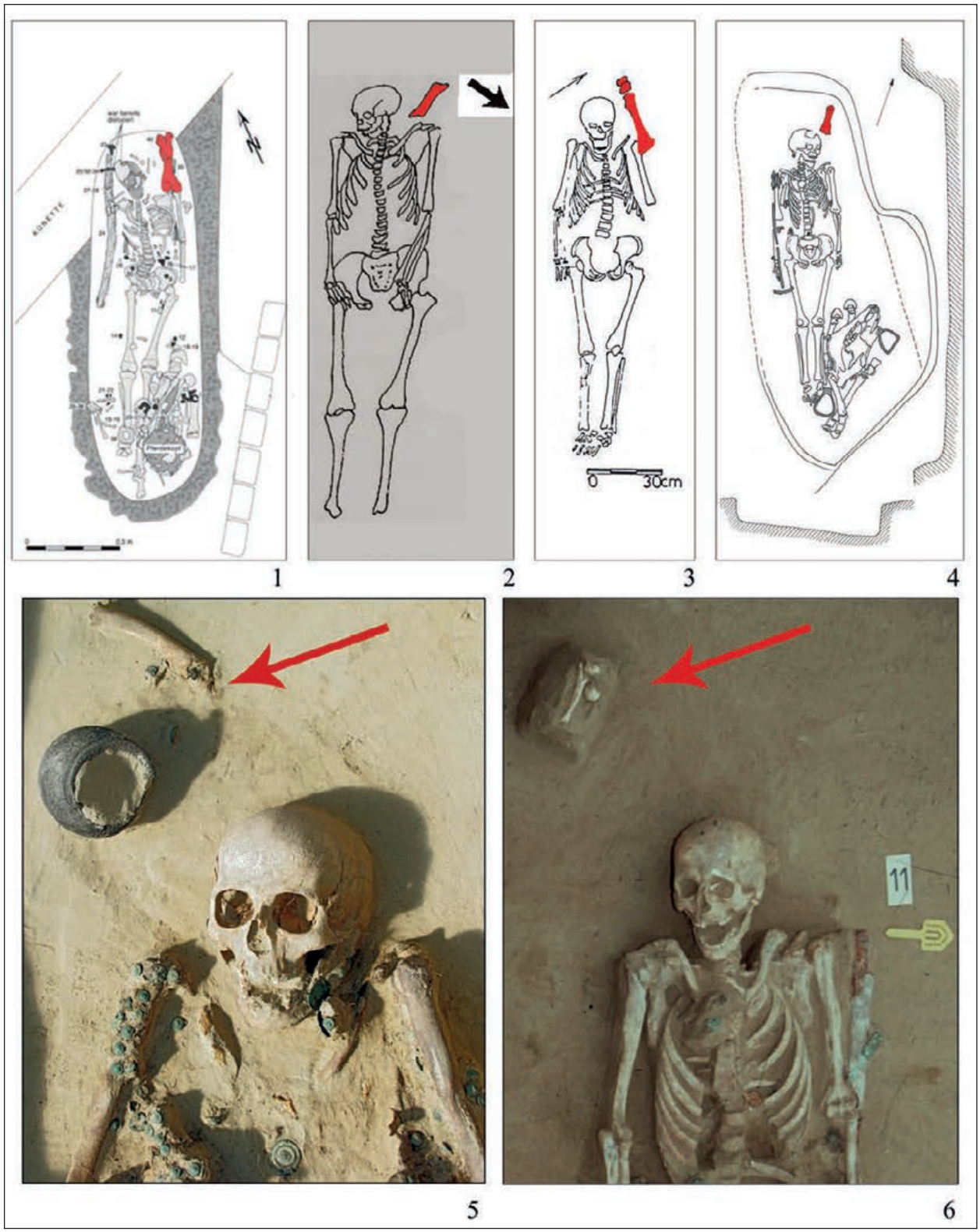

*Рис. 3. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) III. Погребальный обряд 3. 1–6: Заупокойная пища, размещенная у головы покойного (*Синика *и др. 2022, рис. 3)*

*3. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) III. Temetkezési szokások 3. 1–6: Fejnél elhelyezett húsos ételmelléklet (*Синика и др. *2022, рис. 3)*

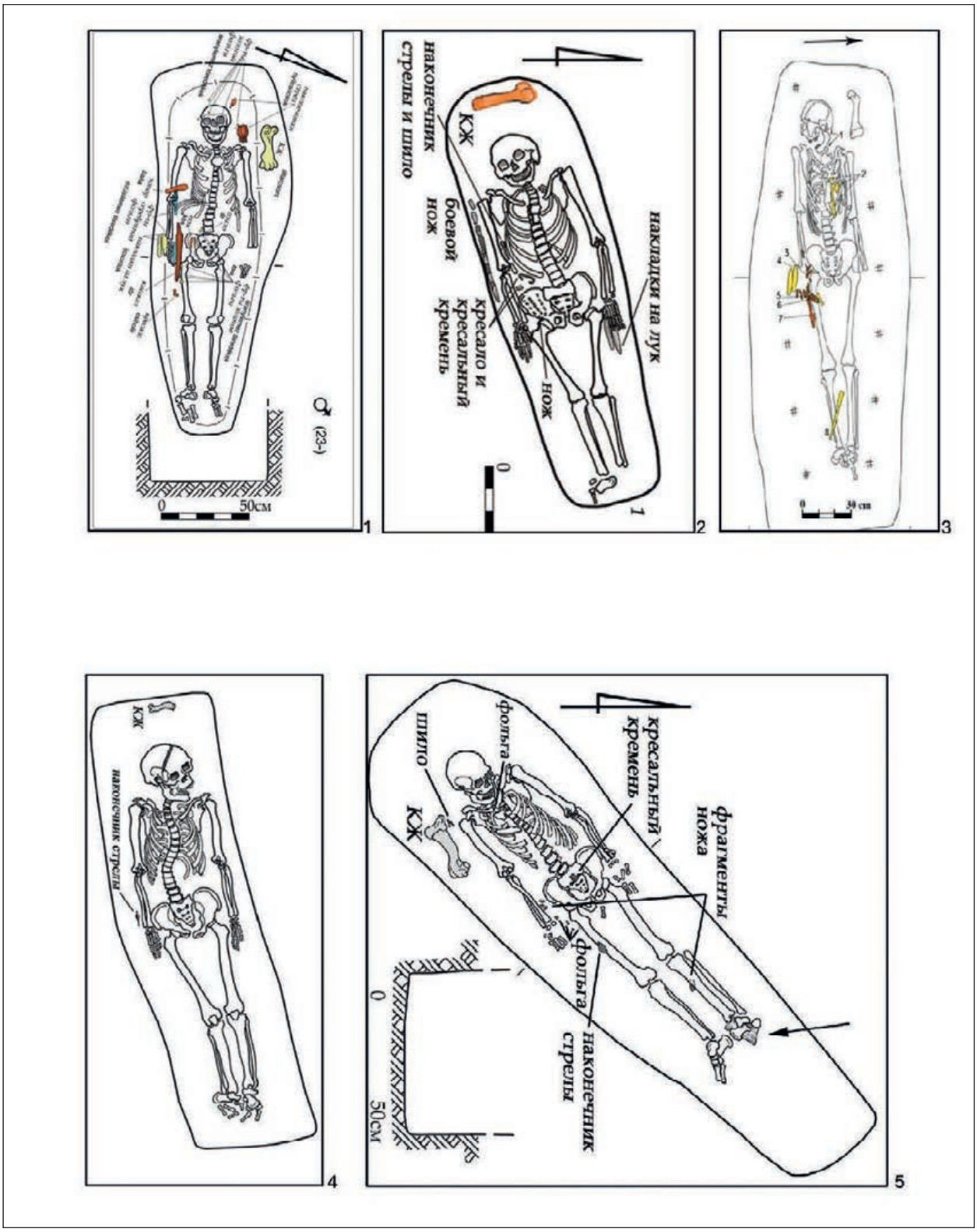

Рис. 4. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) IV. Погребальный обряд 4. 1–5: Частичные захоронения животных, размещенные у головы покойного, в памятниках типа Субботцы (находка Глиное, MD)

4. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) IV. Temetkezési szokások 4. 1–5: Fejnél elhelyezett részleges állatmaradványok a Szubbotci-típusú lelőhelyek hagyatékában (Glinoje lelőhely, MD)

Пищу, предназначенную в качестве погребального приданого, размещали в районе верхней части тела покойного, причем в разных местах: то в гроб, то снаружи, то на сам гроб; по нашему предположению, во всех случаях на деревянную подставку. Хотя в наследии Карпатского бассейна X века из-за общеизвестных климатических условий пока не удалось обнаружить достоверных следов этого обычая, однако евразийские аналогии этого обычая подтверждают его существование.[39]

Чаще всего находили кости правой плечевой кости молодых животных – овец и телят. Однако в небольшом количестве встречались также кости домашних кур и гусей. По мнению археолога, практика погребения с приношениями, наблюдаемая на этом кладбище,[40] свидетельствует об унифицированной практике, хотя между микрорегионами Карпатского бассейна можно заметить и значительные различия.

В наследии эпохи завоевания Венгрии известно еще множество погребальных обычаев восточного происхождения, корни которых уходят в район Волги и Южного Урала. К ним относятся погребения всадников и погребальные лицевые маски,[41] в связи с чем необходимы дальнейшие исследования и анализ Погребального комплекса Уелги.

4.3. Алтайское инокультурное влияние в ранневенгерской культуре

Находки из Погребального комлекса Уелги представляют собой крупнейшую и наиболее многочисленную параллель ранневенгерскому археологическому наследию Карпатского бассейна (IX–X вв.). Таким образом, оценка этих типов артефактов имеет исключительное значение для обоих регионов, но особенно в вопросе о том, как формировался и развивался ранневенгерский материал X века.[42] Однако при рассмотрении аналогий, которые можно оценить с археологической точки зрения, следует также обратить внимание на то, что в большинстве случаев связь проявляется не только в отдельных, изолированных явлениях. В свете новейших исследований выяснилось, что между несколькими типами находок, относящихся к одной тематической группе (например, оружие, конская упряжь, предметы быта), также существует связь. Значение этого заключается в том, что таким образом мы можем гораздо с большей уверенностью установить историко-археологическую культурную связь между находками, демонстрирующими аналогии Карпатского бассейна и Погребального комплекса Уелги.[43]

Элементы сросткинской культуры в ранневенгерском наследии

В конской упряжи эпохи завоевания все больше типов предметов можно связать со сросткинской культурой в Южной Сибири (*рис. 5–13*). В археологических исследованиях ранней венгерской истории это открытие является настоящей новинкой последних лет. Хотя выдающийся венгерский археолог Н. Феттих еще в 1930-х годах обнаружил связи эпохи завоевания Венгрии с бассейном реки Минусинск в отношении позолоченных серебряных поясов и конской упряжи с растительным орнаментом, он не опубликовал настоящего археологического анализа, а оперировал лишь аргументами искусствоведческого подхода.[44] Венгерские археологи не особо приняли его мнение, а И. Фодор в 2000-х годах окончательно отверг систему азиатских связей раннего венгерского археологического наследия.[45] Впоследствии С. Г. Боталов поднимал этот вопрос в нескольких своих исследованиях-работах,[46] и, наконец, в 2018 году О. Комар подробно

[39] Кубарев 2005, 67–69.
[40] Kürti 1980, 337, 339; Kürti 1983, 254; Kürti 2001, 9.
[41] Fodor 1985, 20; Türk 2014; 2023, 201–230.
[42] Erdélyi 2008.
[43] Тюрк 2016; Боталов 2013; Комар 2018; Türk 2024.
[44] Fettich 1937.
[45] Fodor 2009; Türk 2023.
[46] Боталов 2013; Боталов 2016; Боталов 2017.

рассмотрел этот вопрос и, основываясь именно на венгерских находках из Погребального комплекса Уелги и могильника Синеглазово, занял положительную позицию в отношении ранних венгерских связей со Сростками, прежде всего на основе связей, прослеживаемых в конской упряжи.[47] Поскольку с тех пор в раннем венгерском наследии становилось известно все больше находок, связанных со сросткинской культурой, сначала в 2021 году, а затем в 2023 году был проведен их подробный обзор,[48] результаты которого будут обобщены ниже.

Что касается особой группы конской сбруи (*рис. 7, 13, 22*), найденной на приуральских стоянках Погребального комплекса Уелги и могильника Синеглазово, то сначала С. Боталов, а затем О. Комар указали на их минусинско-алтайское происхождение (сросткинская культура). Наиболее характерными среди них являются уздечки с витыми удилами, известные также в наследии периода завоевания родины венграми (*рис. 12. 1*). У винтового двухсекционного типа удил можно наблюдать особую технику ковки, главной особенностью которой является винтовая часть удил; эту разновидность. Ч. Демингер в своей типологии отнес к IV группе.[49] Помимо уздечек со скрученным устным ремнем к этой группе можно отнести уздечки с трехсекционным распределителем ремнем (*рис. 8. 14*), боковые части уздечки, вырезанные из кости и заканчивающиеся ласточкиным хвостом (*рис. 9. 1; 10*), костяные пряжки ремней (*рис. 9. 2–3 и рис. 11. 2*), пластинчатые ременные разделители (*рис. 8. 2–3; рис. 10*), железные седельные усилители (*рис. 9. 7; рис. 10*), а также пятиугольные серебряные накладки на седельные ремни (*рис. 32–34*).

К этой группе можно отнести бордюр с палочковидными элементами на конских ремнях с розетками (*рис. 7–8; рис. 10. 2; рис. 12*). С формальной точки зрения, стремена с петлеобразными ушками X века (*рис. 9, 9–10; рис. 10. 1*) также обладают скорее сросткинскими, чем аварскими чертами, как ранее предполагалось в исследованиях. Связь перечисленных характеристик со сросткинской культурой подтверждается не только формальным сходством предметов, но и, главным образом, идентичными кузнечными приемами изготовления железных предметов. Подобные заклепки с винтовым ушком известны и на территории викингов, и на Руси, но они изготовлены с использованием иной кузнечной техники; здесь ушко состоит из трех частей. С точки зрения формы и кузнечной техники лучшие аналоги экземпляров из Карпатского бассейна известны из сросткинского культурного круга. Поэтому можно предположить, что этот тип, известный по находкам из Карпатского бассейна, восходит к восточным традициям, а не попал в памятники эпохи обретения венгров под влиянием викингов или русов.[50]

В памятниках эпохи завоевания Венгрии уздечки с боковыми роговыми псалиями встречаются довольно редко (*рис. 9. 1, 4; рис. 11, 2*). Заостренные ветви рога псалия были отпилены, внешняя кора снята, затем в них просверлили два отверстия, в которые вставили изогнутый в форме буквы D железный стержень в качестве ушка, таким образом, способ крепления напоминает боковую втулку 1-го типа, но в отдельных случаях боковую втулку из рога помещали в кольцо устного ремня, заканчивающееся двойным кольцом, которое скручивали в форме восьмерки. Этот тип чрезвычайно редок среди уздечек эпохи завоевания, известно всего 10 экземпляров из 8 мест находок, главным образом из крайней восточной части Венгрии (Tiszántúl). Уздечки с боковыми элементами из рога однозначно восходят к восточным традициям. Подобные уздечки с боковыми элементами из рога или кости известны из культурного круга сростки в Юго-Восточном Урале, в верховьях реки Иртыш, в Алтайском регионе. Способ их крепления совпадает с некоторыми экземплярами, известны-

[47] Deminger–Jakab–Türk 2021.
[48] Deminger 2023.
[49] Deminger 2024, 92.
[50] Deminger–Jakab–Türk 2021.

Рис. 5. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) V. Накладки 1. 1–4: Распространение поясных украшений типа Geszteréd (Гестеред)–Уелги в Восточной Европе и миграция древних венгров (по Türk *2025, 2. kép)*

*5. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) V. Veretek 1. 1–4: A Gesztered–Ujelgi-típusú övveretek kelet-európai elterjedése és a korai magyarság vándorlása (*Türk *2025, 2. kép nyomán)*

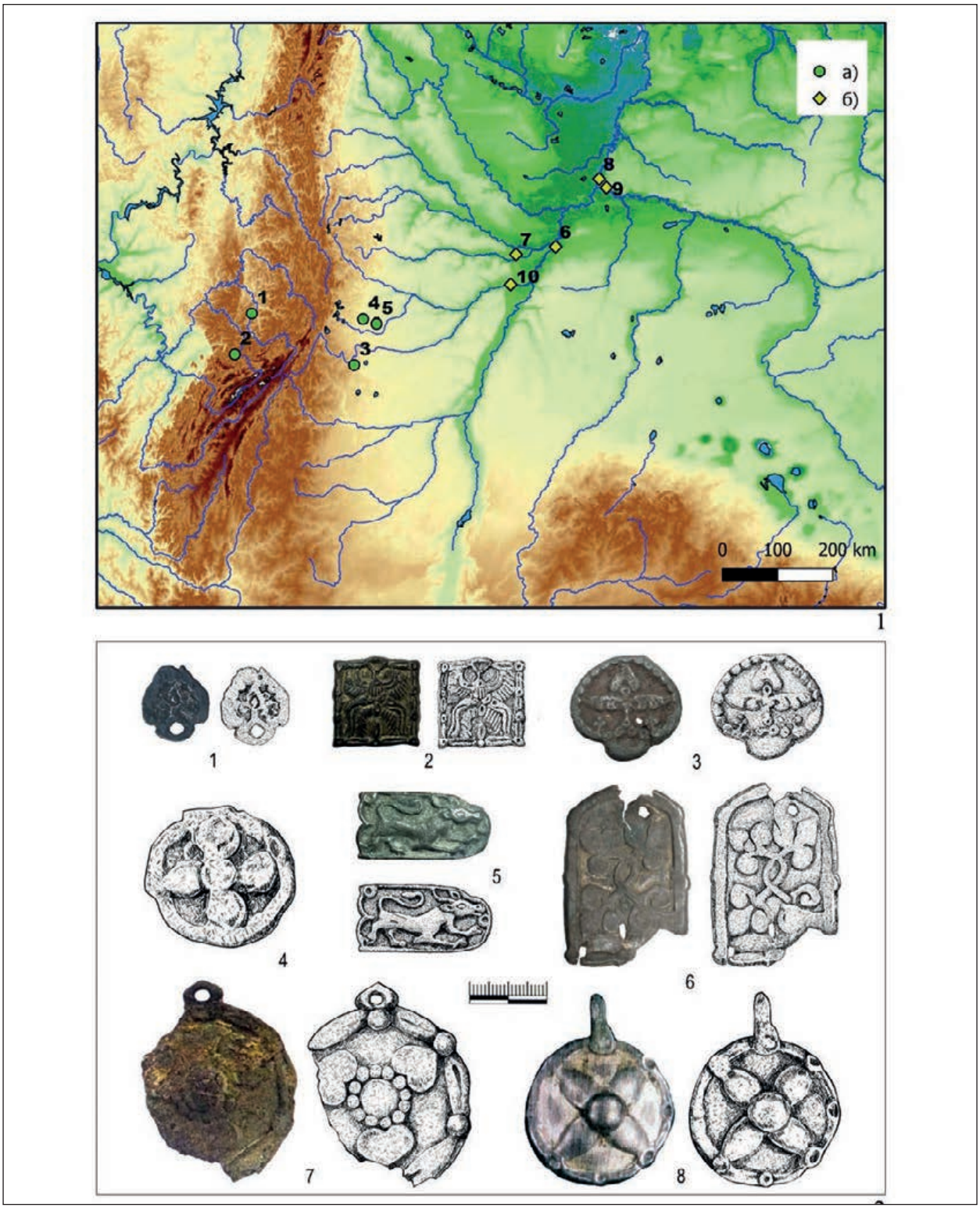

Рис. 6. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) VI. Накладки 2. 1–2: Распространение накладок древневенгерского типа в средневековых памятниках Южного Зауралья (по Третьяков–Тюрк 2023, рис. 1–2)

6. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) VI. Veretek 2. 1–2: Korai magyar típusú veretek elterjedése a déli Urálontúl kora középkori hagyatékában (Третьяков–Тюрк 2023, рис. 1–2)

Рис. 7. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) VII. Накладки 3. Накладки древневенгерского типа в Карпатском бассейне (1–23) и в комплексе Уелги (24–46) (Türk 2023, 136. kép)

7. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) VII. Veretek 3. Korai magyar típusú veretek a honfoglaláskor (1–23) és az ujelgi temető (24–46) leletanyagában (Türk 2023, 136. kép)

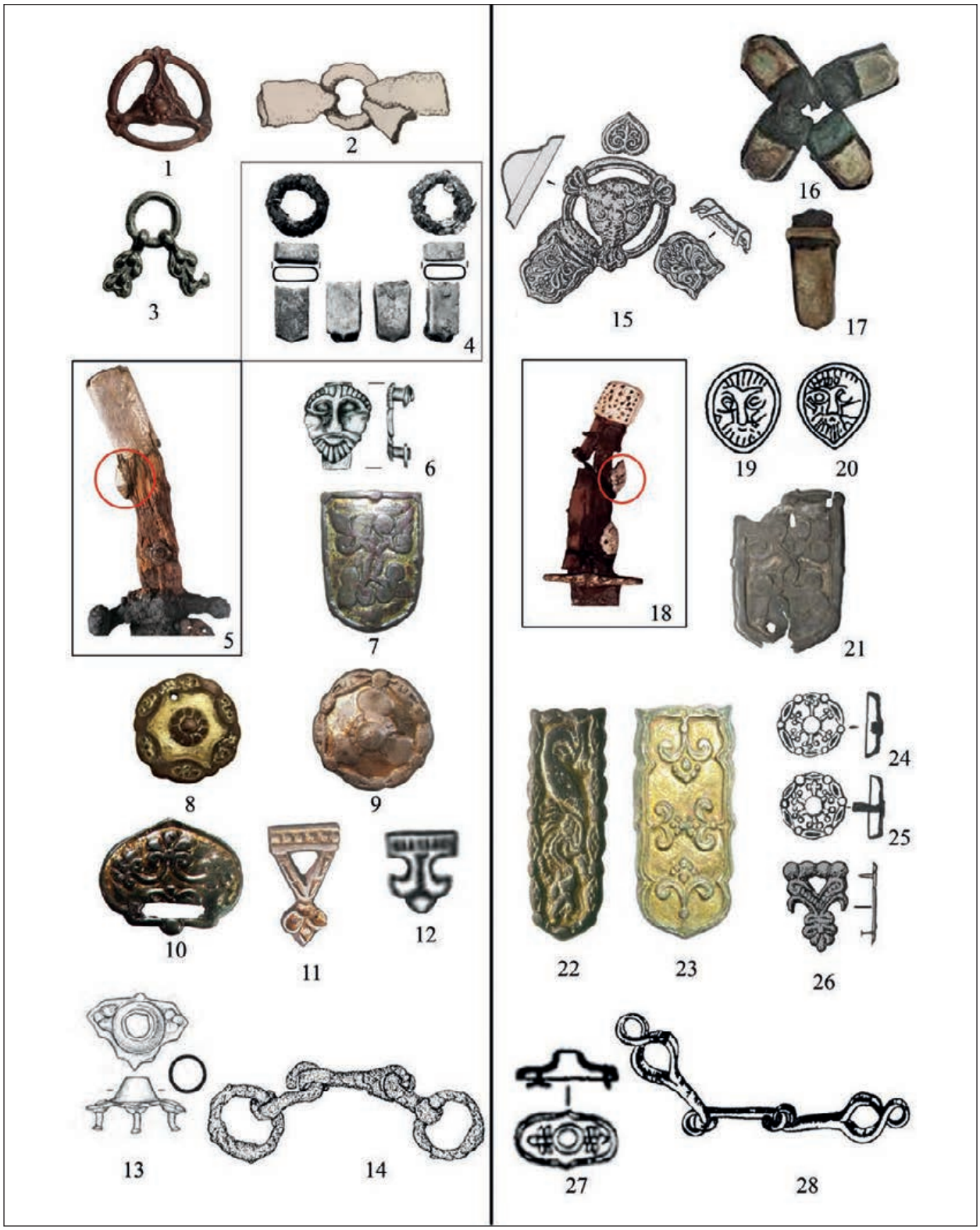

Рис. 8. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) VIII. Накладки 4. Накладки древневенгерского типа в Карпатском бассейне (1–14), а также их аналоги среди находок сросткинской культуры (15–28) (Türk 2023, 148. kép)

8. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) VIII. Veretek 4. Honfoglalás kori veret- és lelettípusok (1–14), illetve analógiáik a szrosztki kultúra (15–28) hagyatékban (Türk 2023, 148. kép)

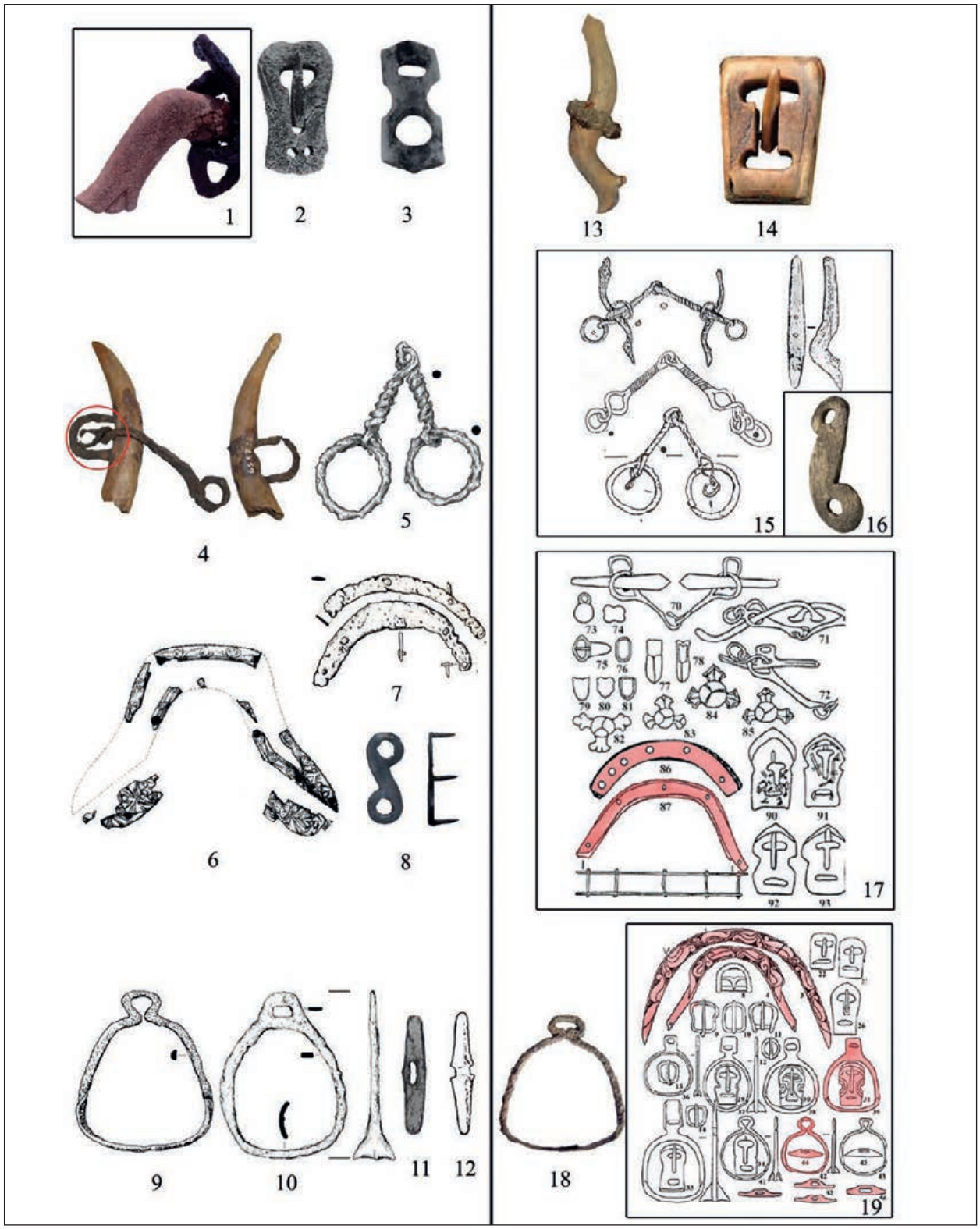

Рис. 9. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) IX. Конское снаряжение 1. Элементы конской упряжи периода завоевания (1–12), а также их аналоги среди находок сросткинской культуры (13–19) (Türk 2023, 148. kép)

9. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) IX. Veretek 4. Honfoglalás kori lószerszámzat elemei (1–12), illetve analogiáik a szrosztki kultúra (13–19) hagyatékban (Türk 2023, 148. kép)

1

2

Рис. 10. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) X. Конское снаряжение 2. Подружная пряжка эпохи завоевания (1) и поясные украшения (2), а также их аналоги среди находок сросткинской культуры и в Погребальном комплексе Уелги (по Deminger *2023)*

*10. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) X. Veretek 5. Honfoglalás kori lószerszámzat (1) és övveretek (2), illetve analógiáik a szrosztki kultúra és az ujelgi temető hagyatékban (*Deminger *2023 nyomán)*

Рис. 11. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XI. Конское снаряжение 3. 1–2: Элементы конской упряжи периода завоевания, а также их аналоги среди находок сросткинской культуры (по Deminger 2023)

11. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XI. Veretek 5. 1–2: Honfoglalás kori lószerszámzat és analógiáik a szrosztki kultúra és az ujelgi temető hagyatékban (Deminger 2023 nyomán)

1

2

Рис. 12. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XII. Конское снаряжение 4. Узда с витыми псалиями (1) и узда с псалиями из рога (2) эпохи завоевания, а также их аналоги среди находок сросткинской культуры (по Deminger *2023)*

*12. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XII. Lószerszámzat 1. Honfoglalás kori csavart szájvasú zablák (1) és agancs oldalpálcás zablák (2), illetve analogiáik a szrosztki kultúra hagyatékban (*Deminger *2023 nyomán)*

Рис. 13. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XIII. Конское снаряжение 5. 1–24: Подборка из находок Синеглазово (1959 и 2009 гг.) (по Боталов 2011, рис. 13–14)

13. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XIII. Lószerszámzat 2. 1–24: Válogatás a szinyeglazovói lelőhely (1959 és 2009) leletanyagából (Боталов 2011, рис. 13–14 nyomán)

Рис. 14. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XIV. Конское снаряжение 6. 1–27: Находки конской упряжи ранневенгерского типа из могильника Актюба (Грудочко и др. 2021, рис. 1)

14. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XIV. Lószerszámzat 3. 1–27: Korai magyar jellegű lószerszám-leletek Aktyube lelőhelyről (Грудочко и др. 2021, рис. 1)

ми в Венгрии.[51] Уздечки с боковыми псалиями из рога встречаются и среди салтовских типов уздечек, но способ их крепления полностью отличается как от экземпляров из Карпатского бассейна, так и от экземпляров из Урала и Алтая. В систематике А. Н. Кирпичникова также встречаются уздечки с боковыми роговыми псалиями, которые автор считал архаичной формой и приписывал кочевому происхождению в Руси.[52]

К находкам эпохи обретения родины, свидетельствующим о связях со сросткинской культурой и одновременно представляющим аналогии из Погребального комплекса Уелги, можно отнести костяные подпружные пряжки для седла, обнаруженные в археологическом материале Карпатского бассейна X века. Среди них экземпляр, недавно найденный в окрестностях Тёрёксентмиклоша (Törökszentmiklós), был изготовлен с использованием костяных застежек, точно так же, как и одна находка из Погребального комплекса Уелги (*рис. 35*). Более распространенными находками, с точки зрения рассматриваемого вопроса, являются крупные, часто снабженные бубенцами нагрудные украшения, однако и они демонстрируют связь (*рис. 36*).

Розетковидные ременные накладки конской упряжи

Конские упряжи в форме розеток представляют собой характерный, широко распространенный и хорошо изученный тип предметов археологического наследия эпохи завоевания Венгерской равнины, имеющий множество аналогов в Восточной Европе (*рис. 15–18*), который можно проанализировать по многим аспектам.[53] Конские упряжи в форме розеток являются частым аксессуаром в женских захоронениях X века в Карпатском бассейне, в которых они погребены с лошадьми. Значение данного типа предметов было отмечено исследователями еще в конце XIX века, а во время третьей экспедиции Зичи 1897 года Б. Поста обнаружил и первые восточные аналогии в виде находок из кургана в Белимере и окрестностей Тобольска (*рис. 19. 2*). С тех пор появилось множество теорий и объяснений, касающихся особенностей данного типа предметов, происхождения способа украшения, а также аналогий, найденных на территории современной России и Украины (*рис. 19*). Совсем недавно этот вопрос рассматривал О. Комар в своей всеобъемлющей монографии по древней истории Венгрии и, в отличие от мнения И. Фодора, интерпретировал их не как торговый экспорт из Карпатского бассейна, а как свидетельство культурных связей, сохранившихся в X веке между завоевавшими Венгрию мадьярами и их прежними местами проживания.

За последние 10 лет в Карпатском бассейне, и в особенности на территориях, расположенных к востоку от него, значительно возросло число мест находок конских упряжей в форме розеток. В настоящее время известно 94 местонахождения, из которых 81 находится в Карпатском бассейне, а 13 – к востоку от него (*рис. 19. 1–2*).[54] Находки встречаются практически на всей территории Карпатского бассейна, однако наибольшая их концентрация наблюдается в центральной и южной частях Великой равнины (*рис. 19. 1*). В пределах одного кладбища этот тип предметов был обнаружен в наибольшем количестве могил на месте находок Карош-Эперьесьёг II (Karos-Eperjesszög II.) Розетковидные накладки от ремня конского снаряжения по-прежнему встречаются практически исключительно в женских могилах, лишь в двух случаях (Сарваш-Какапуста [Szarvas-Kákapuszta] и Белимер) они были найдены в качестве приданого мужской могилы, в обоих местах в качестве вторичного использования, так же как и в детской могиле № 476 в Танкаевке.[55]

Среди недавно обнаруженных находок особое внимание заслуживает из потревоженного женского захоронения на кладбище Вак-Кур в

[51] Deminger 2023.
[52] Кирпичников 1973.
[53] Fettich 1935; Szőke 1962; Fodor 2009a; Langer–Lőrinczy–Türk 2023.
[54] Langer–Lőrinczy–Türk 2023, 16. kép.
[55] Langer–Lőrinczy–Türk 2023, 450.

Рис. 15. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XV. Конское снаряжение 7. 1–14: Древневенгерские накладки-розетки с территорий, расположенных к востоку от Карпатского бассейна I (по Langer–Lőrinczy–Türk 2023, 11. kép)

15. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XV. Lószerszámzat 4. 1–14: Korai magyar jellegű rozettás veretek a Kárpát-medencétől keletre fekvő területekről I. (Langer–Lőrinczy–Türk 2023, 11. kép)

Рис. 16. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XVI. Конское снаряжение 8. 1–10: Древневенгерские накладки-розетки с территорий, расположенных к востоку от Карпатского бассейна II (по Langer–Lőrinczy–Türk 2023, 10. kép)

16. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XVI. Lószerszámzat 5. 1–10: Korai magyar jellegű rozettás veretek a Kárpát-medencétől keletre fekvő területekről II. (Langer–Lőrinczy–Türk 2023, 10. kép)

Рис. 17. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XVII. Конское снаряжение 9. 1–19: Древневенгерские накладки-розетки с территорий, расположенных к востоку от Карпатского бассейна, в Северном Причерноморье, случайные находки (по Türk–Sánta–Óvári 2026. in print 12. kép)

17. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XVII. Lószerszámzat 6. 1–19: Korai magyar jellegű rozettás veretek a Kárpát-medencétől keletre a Fekete-tenger északi előterében, szórványleletek (Türk–Sánta–Óvári 2026. in print 19. kép nyomán)

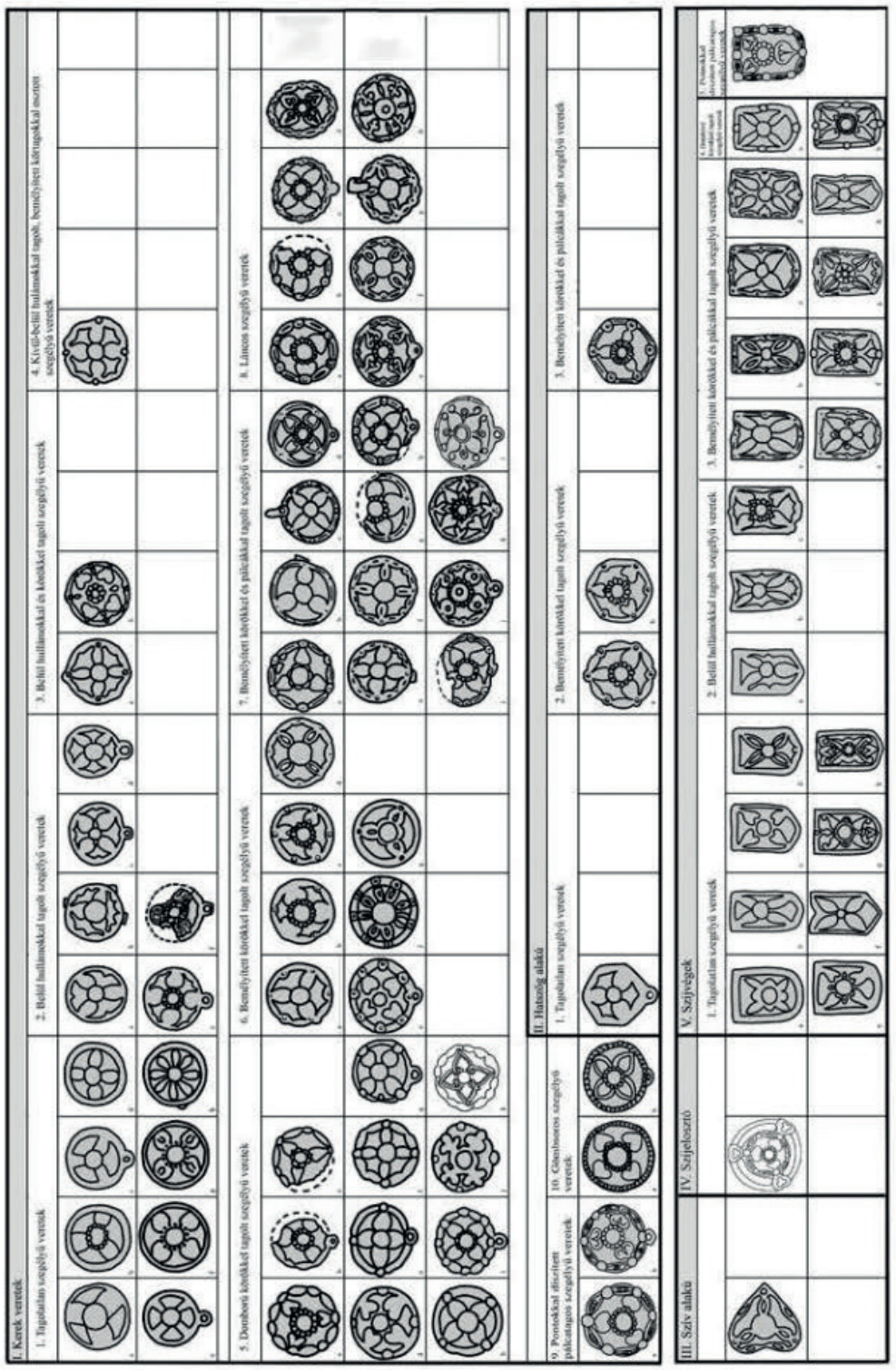

Рис. 18. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XVIII. Конское снаряжение 10. Формальная классификация накладок-розеток древневенгерского типа (по Langer–Lőrinczy–Türk *2023, 17. kép)*

*18. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XVIII. Lószerszámzat 7. A honfoglalás kori rozettás lószerszámveretek formai klasszifikációja (*Langer–Lőrinczy–Türk *2023, 17. kép)*

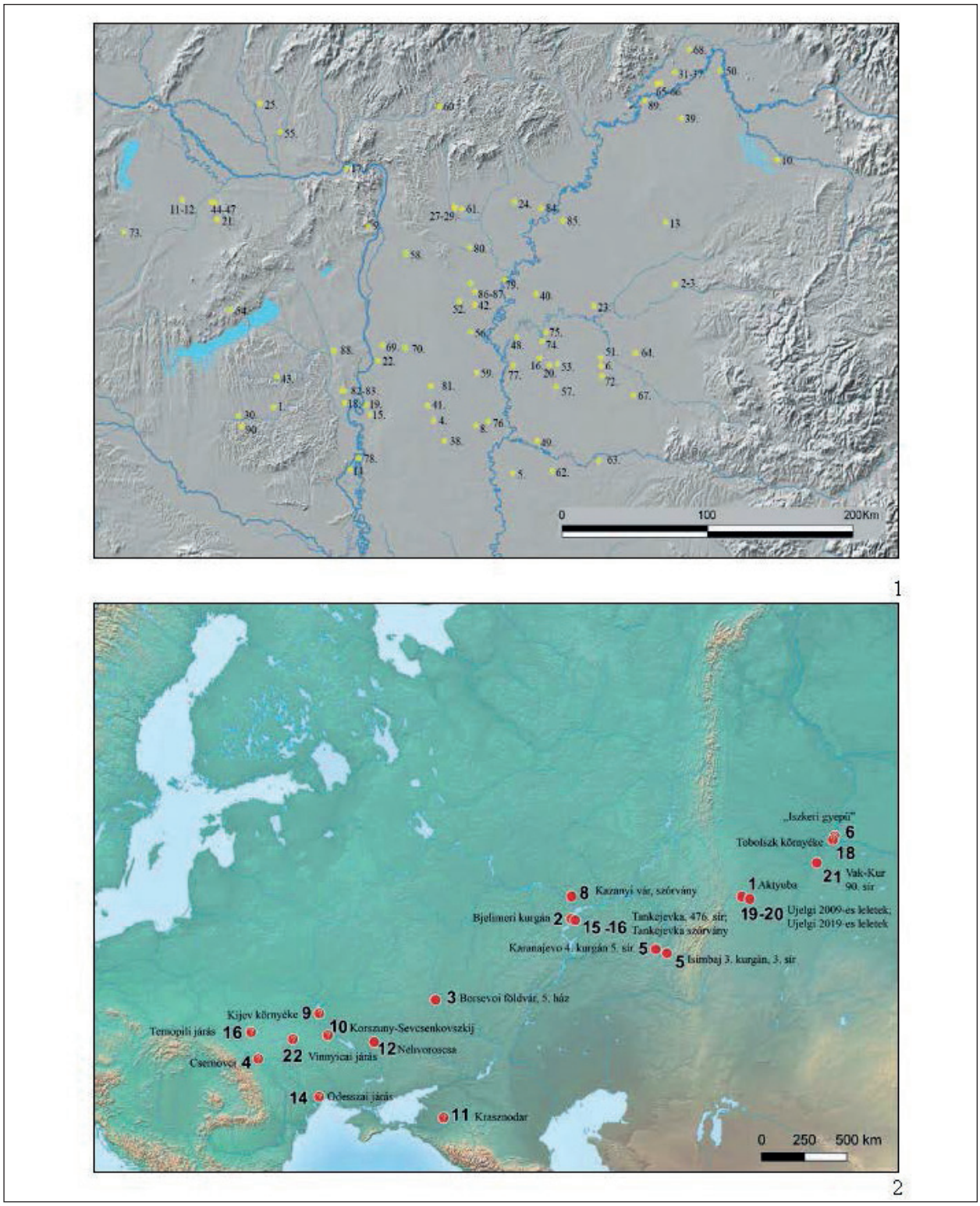

Рис. 19. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XIX. Конная упряжь 11. Распространение накладок-розеток древневенгерского типа в Карпатском бассейне (1) и Восточной Европе (2) (по Langer–Lőrinczy–Türk 2023, 15–16. kép)

19. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletek között (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XIX. Lószerszámzat 8. A honfoglalás kori rozettás lószerszámveretek elterjedése a Kárpát-medencében (1) és Kelet-Európában (2) (Langer–Lőrinczy–Türk 2023, 15–16. kép nyomán)

окрестностях Тобольска, поскольку здесь были найдены две небольшие прямоугольные серебряные пластинки, которые, по-видимому, служили погребальными повязками на глаза; аналогичные находки известны также в материалах X века из Карпатского бассейна. Удалось обнаружить предмет, найденный на территории земляного городища Боршево, который ранее считался утраченным (*рис. 15–16*). Однако важно подчеркнуть, что наибольшее количество аналогов этого типа предметов в последние годы было найдено на территории Украины (*рис. 16–17*), а ближайшие аналоги в наибольшем количестве известны из Погребального комплекса Уелги (*рис. 17; 22–23*).[56]

Датировка находок из восточных регионов (*рис. 15–17*) затрудняется тем, что во многих случаях они были обнаружены в качестве предметов вторичного использования, подвешенных на шее в качестве медальонов, либо в виде единичных экземпляров. Важным ориентиром в связи с формированием данного типа предметов оказался мотив, состоящий из чередования круглых и палочкообразных элементов, обрамляющих чеканку, который в русской специализированной литературе часто упоминается как «венгерский бордюр» (перевязанный бордюр). Этот узор встречается на краях многих типов предметов, связанных с ранними венграми, он также очень распространен среди находок конской упряжи с розетками, обнаруженными в Карпатском бассейне и на востоке, однако на значительной части венгерских находок он присутствует уже в измененном виде.

На основании анализа хронологической связи узоров (*рис. 19*) известные штампы можно разделить на три группы: круглые, шестиугольные и в форме сердца. Шестиугольные и сердцевидные оттиски были представлены лишь четырьмя и одним экземпляром, не имеющими аналогов, соответственно; в наибольшем количестве встречались круглые оттиски, которые мы разделили на девять основных групп по их краевому узору, а по внутреннему оформлению, форме лепестков и бугорков – на дополнительные подгруппы. Группа 7 представляет тип с бордюром, к которому можно отнести 13 находок. Хотя однозначных хронологических связей установить не удалось, в 10 случаях они были изготовлены из сплава на основе серебра, причем в 8 случаях наблюдалось позолочение, то есть они, вероятно, были изготовлены в период, когда у венгров было много драгоценных металлов. В территориальном распространении различных форм не прослеживается каких-либо значимых закономерностей.

Из 13 находок, обнаруженных на востоке от Карпат (*рис. 16–17*), три относятся к классическим оттискам с бордюрным орнаментом в виде палочек и лепестками в форме ячменных зерен (тип 7/a). В двух случаях были обнаружены оттиски, очень похожие на предыдущие, но с бордюром в виде цепочки из соединенных кругов и овальных звеньев (тип 8/c). Еще в трех случаях были обнаружены оттиски с цепочкообразной каймой, украшенные тремя лепестками в форме сердца (тип 8/a). За исключением оттисков из Ишимбая и Каранаево, все оттиски, найденные на востоке, имеют аналоги в Карпатском бассейне. Таким образом, генезис данного типа предметов по-прежнему не может считаться выясненным, однако находки, датируемые X веком, подтверждают предположение о том, что венгры Карпатского бассейна X века сохраняли свои прежние связи с Восточной Европой. Находки, обнаруженные в Башкирии и интерпретируемые как относящиеся к местному стилю, а также конская упряжь, украшенная круглыми розетками, найденная в аланском захоронении, датируемом концом XI века, свидетельствуют о продолжении существования этого образца и его влиянии на металлообработку соседних местных народов.[57]

[56] Боталов 2013; Боталов 2017.
[57] Langer–Lőrinczy–Türk 2023.

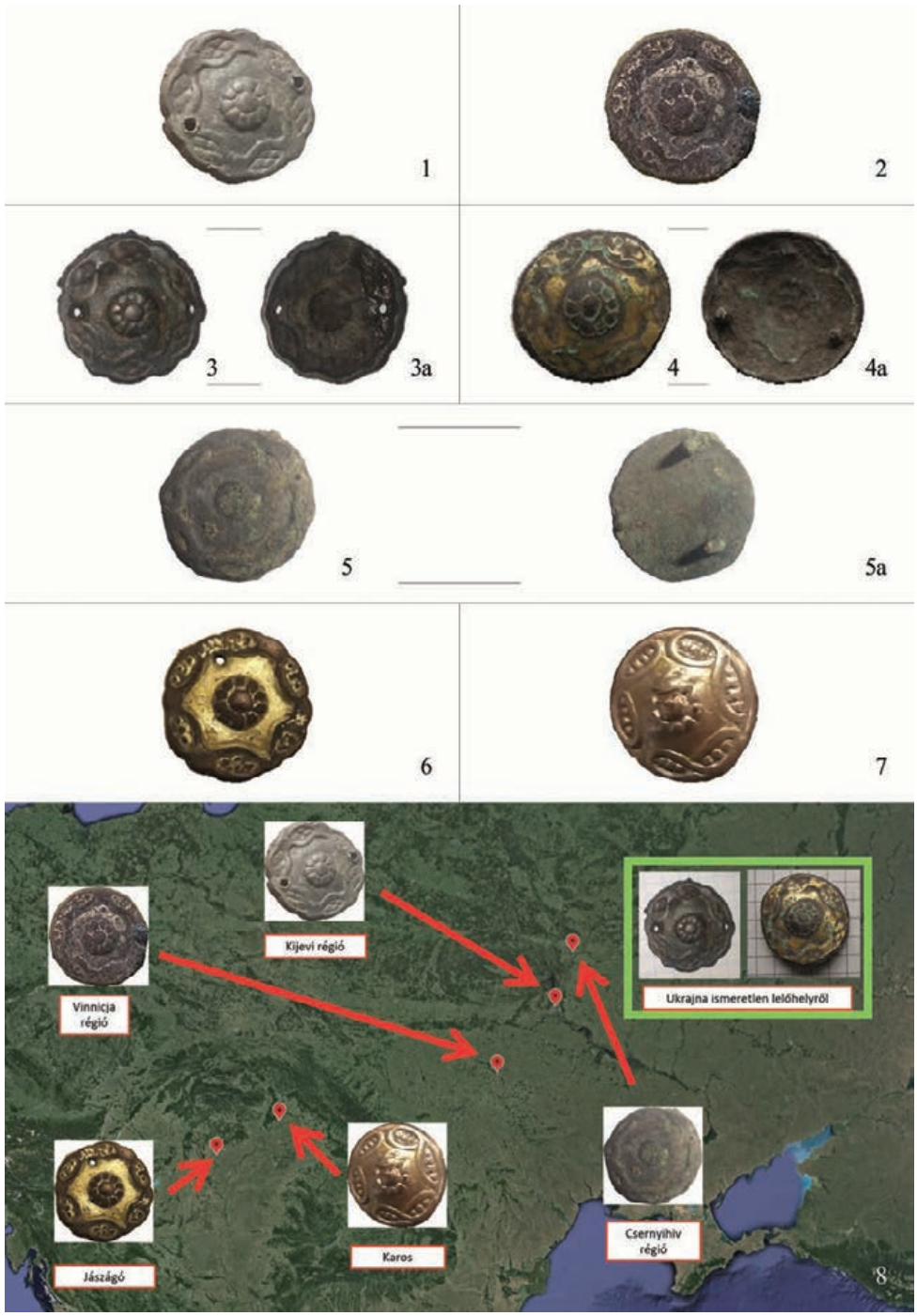

Рис. 20. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XX. Накладки 6. Накладки с розеткой в центральной части, с бордюром из палочек, разбитым точками (тип Jászágó [Ясаго] (1–7), а также их восточноевропейские аналоги раннего средневековья (случайные находки) и ареал их распространения (8) (неточные местонахождения) (по Türk–Sánta–Óvári 2026. in print 12. kép)

20. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XX. Veretek 6. A pötyökkel tagolt pálcatagos szegélymintájú centrális elrendezésű rozettás veret (Jászágó-típus) (1–7), valamint kelet-európai kora középkori párhuzamai (szórványleletek), illetve elterjedésük (8) (nem pontos lelőhelyek, internetes gyűjtés) (Türk–Sánta–Óvári 2026. in print 21. kép nyomán)

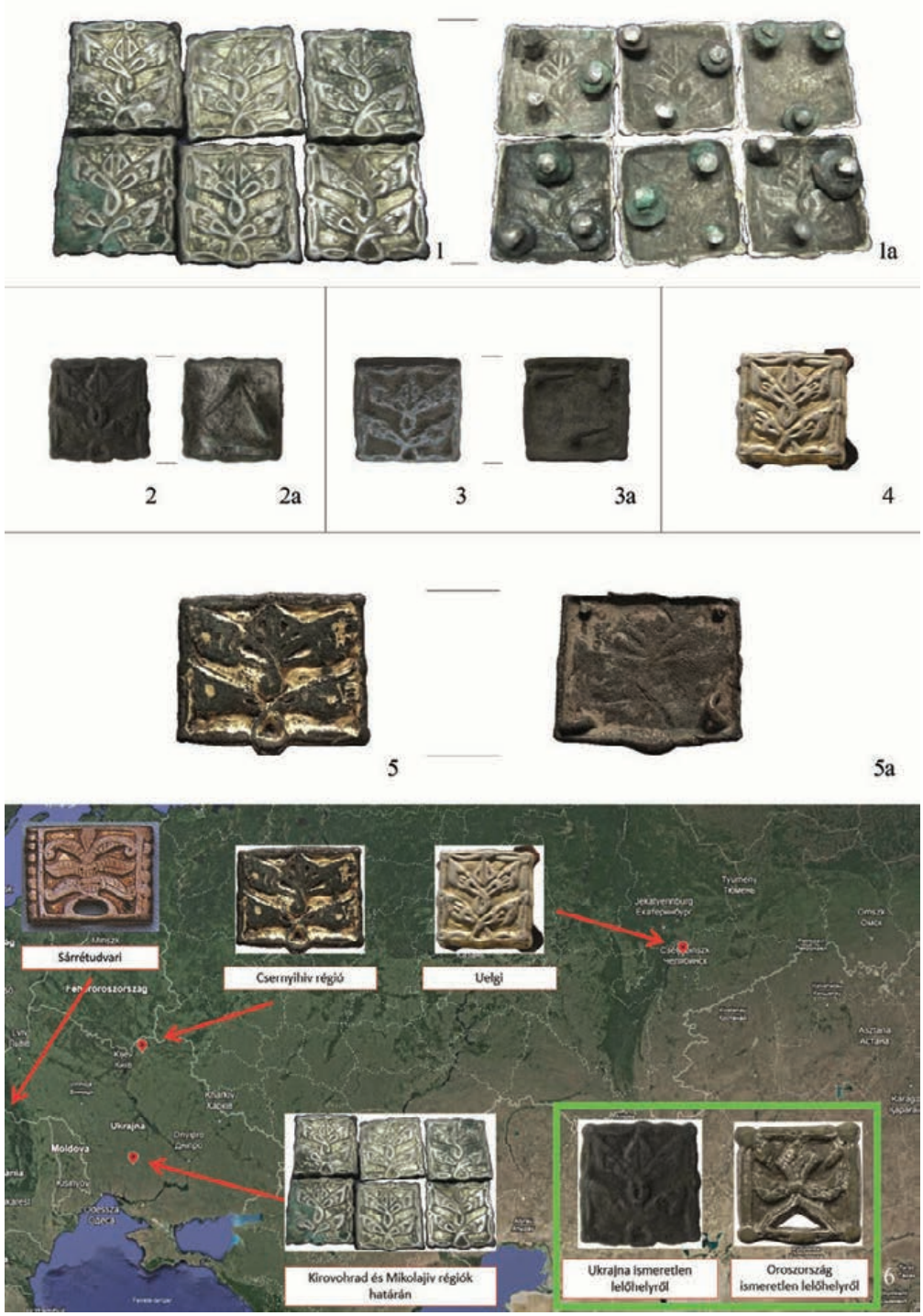

Рис. 21. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXI. Накладки 7. Квадратные накладки, украшенные двухрядной пальметтой (1–5) (тип Sárrétudvari [Шарретудвари]–Уелги), а также их восточноевропейские аналоги раннего средневековья (случайные находки) и ареал их распространения (6) (неточные местонахождения) (по Türk–Sánta–Óvári *2026. in print 12. kép)*

*21. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXI. Veretek 7. Kétsoros palmettával díszített négyzetes veretek (1–5) (Sárrétudvari–Ujelgi-típus) szórványleleteinek kelet-európai kora középkori elterjedése (6) (nem pontos lelőhelyek, internetes gyűjtés) (*Türk–Sánta–Óvári *2026. in print 22. kép nyomán)*

Рис. 22. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXII. Накладки 8. 1–7: Позолоченные серебряные накладки древневенгерского типа из Погребального комплекса Уелги, курган 11 (фото: С. Боталов)

22. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXII. Veretek 8. 1–7: Korai magyar jellegű aranyozott ezüst veretek az ujelgi temető 11. kurgánjából (fotó: Sz. Botalov)

Рис. 23. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна)XXIII. Накладки 9. 1–24: Уелги, случайные находки. 15–18: накладки с узором трилистника (Боталов 2017 рис. 15, выделение: A. Türk)

23. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXIII. Veretek 9. 1–24: Ujelgi szórványleletek; 15–18: Háromlevél mintás veretek (Боталов 2017 рис. 15, kiemelés: Türk A.)

Пояса с накладками

Пояс был чрезвычайно важным элементом кочевой одежды: помимо практической функции, он вместе с украшениями и аксессуарами отражал статус своего владельца, также как и сама одежда. Известно несколько исторических примеров того, что у кочевников качество и форма ремней действительно отражали иерархию, а снятие ремня было знаком унижения.[58]

Из одежды венгров-завоевателей нам лучше всего известны украшенные пряжками оружейные ремни, благодаря многочисленным сохранившимся кожаным остаткам и заклепкам, служившими украшением. Конечно, не на каждый пояс крепили пряжки, даже у более богатых, вооруженных мужчин: у большинства сохранилась лишь одна пряжка, а может, и той нет: не для всех конструкций она была нужна.[59]

Полный набор украшений для ремня состоял из пряжки, наконечника ремня и в среднем 15–20 (и не более 40–50) литых, позолоченных серебряных украшений, чаще всего в форме широких овалов и более узких листовидных элементов. Очень редко их изготавливали из бронзы, а в совершенно исключительных случаях – из золота. У венгров-завоевателей наиболее характерным типом был так называемый «болгарский пояс», то есть пояс с внутренней застежкой. Через маленькое кольцо этой пряжки нельзя было продеть конец ремня, украшенный заклепками; для фактического застегивания служил небольшой ремешок, прикрепленный к внутренней стороне ремня, который в основном был скрыт передней частью ремня, покрытой заклепками. Конец ремешка свисал с левой стороны, продетый через петлю или просто через застегнутый пояс. В большинстве случаев это была самая декоративная часть пояса, где украшения располагались наиболее плотно.

Общая длина пояса обычно составляла около полутора метров, а ширина едва достигала 2–2,5 сантиметров. Помимо этого характерного для завоевателей пояса, известны и менее распространённые формы. Например, существовали более широкие пояса с квадратными застежками, а также пояса, украшения которых проходили через кольцо пряжки. Кожа была не единственным материалом для изготовления поясов, в могиле воина-завоевателя был обнаружен текстильный пояс с серебряными нитями, застегнутый на железную пряжку, а также находили поясные накладки, заклепанные на остатки шелкового пояса без пряжки. Несомненно, существовали и текстильные пояса без пряжек, которые просто завязывались, и поверх них можно было крепить кожаные оружейные ремни.[60]

На ремнях, свисающих с пояса, висели все важные предметы обихода кочевого мужчины; в этом отношении он был «аналогом» пастушьего набора X века, известного из более поздней венгерской этнографии, который был идентичен ему по функции, но совершенно отличался по внешнему виду. В случае воина все это дополнялось оружием, так что на полностью укомплектованном поясе находились следующие предметы: с правой стороны висел мешочек, в котором находились приспособления для разведения огня (кресало, огниво, трут и точильный камень), нож, колчан со стрелами и, возможно, кувшин для питья, а также, возможно, топор. С левой стороны находился колчан для лука (возможно, двух видов: для хранения готового к бою и незаряженного лука), а также сабля. Все эти разнообразные предметы висели на поясе на дополнительных ремнях, которые в случае кованых поясов иногда продевали через узкие прорези в пряжках, или просто пришивали к основному ремню, а иногда перекидывались через него.

В археологическом наследии ранневенгерских памятников Карпатского бассейна и Южного Урала, а также памятников типа Субботцы, играющих роль связующего звена, известно множество подобных типов накладок на пояса (*рис. 5–7; 22*), число которых в последние годы быстро возросло, главным образом на территории современной Украины. Помимо уже под-

[58] Bollók 2013.
[59] Révész 1996, 103–133.
[60] Dienes 1959; Dienes 1960; Dienes 1964.

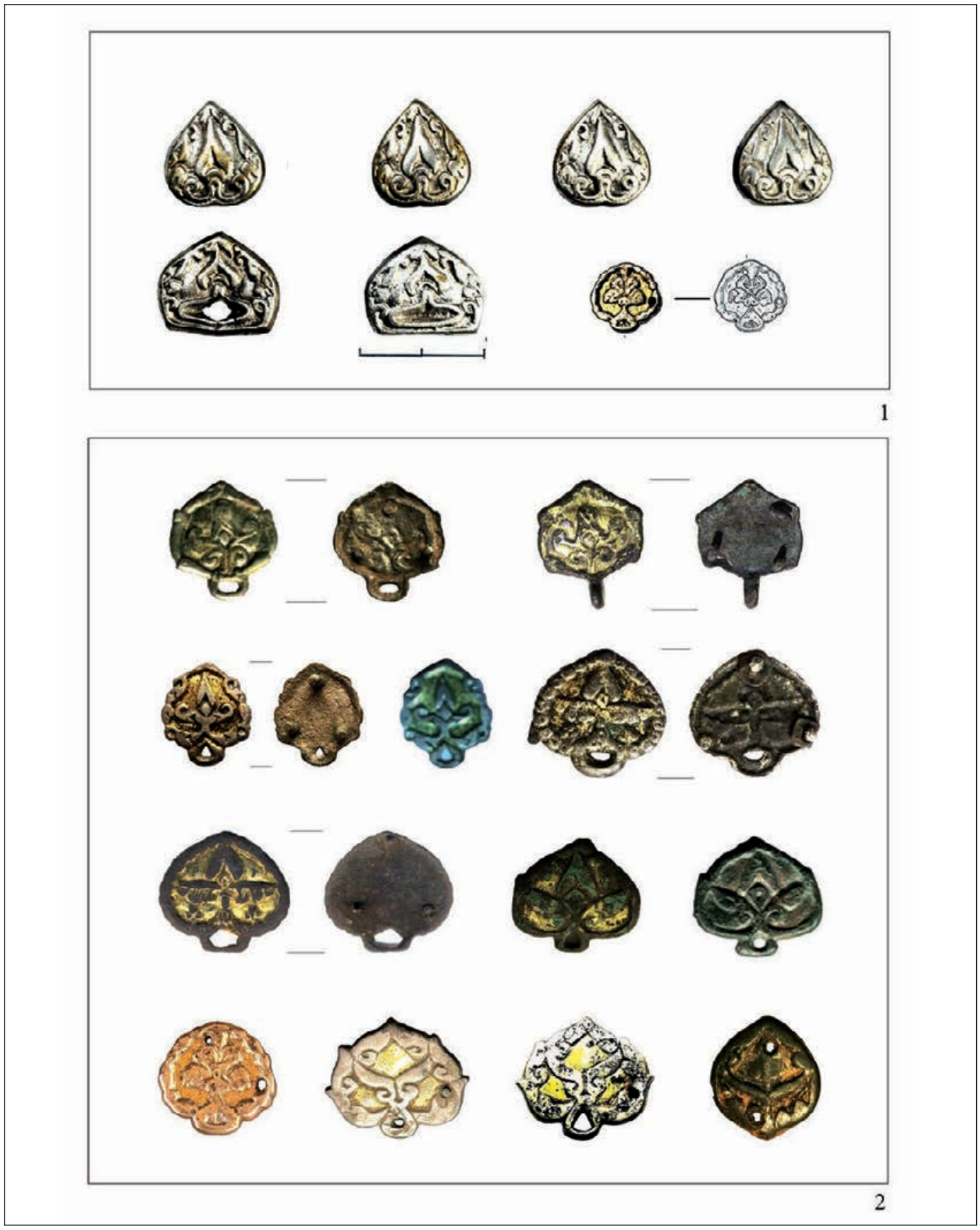

Рис. 24. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXIV. Накладки 10. Накладки с узором трилистника (1–2) в памятниках типа Субботцы (2) случайные находки (по Türk–Sánta–Óvári 2026. in print 12. kép)

24. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXIV. Veretek 10. Háromlevél mintás veretek Ujelgi (1–2) és Szubbotci-típusú lelőhelyek (2) hagyatékában, szórványleletek (Türk–Sánta–Óvári 2026. in print 12. kép nyomán)

робно рассмотренных накладок с розеткой, к ним относятся накладки типа Ясаго (Jászágó) с розеткой в центральной части и с бордюром из палочек, разбитым точками (*рис. 20*). О прямой связи между Уелгами и Паннонией свидетельствуют квадратные накладки типа Шарретудвари (Sárrétudvari)–Уелги, украшенные двухрядной пальметтой (*рис. 21*).[61]

Узоры с трилистниками были очень широко распространены в Восточной Европе в раннем средневековье (*рис. 23–24*), но, насколько нам известно, узоры из трех точек между листьями в основном являются характерной чертой ранней венгерской культуры *(рис. 25–26*).

В находках X века из Карпатского бассейна уже ранее было отмечено, что так называемые «карельные» оттиски имеют хорошие восточные аналогии – находки с орнаментом изогнутой формы с выемками (тип Тисакечке [Tiszakécske]–Крюково-Кужново) X–XI вв. из Карпатского бассейна.[62] Нам известны находки такого типа также в материалах из Салтово (KIO) и могильника Уелги (*рис. 27–28*).

В орнаментальном репертуаре так называемых восточных серебряных блюд (восточное серебро)[63] можно выделить два элемента, которые впоследствии стали появляться на накладках и пряжках.[64] В наследии эпохи завоевания Карпатского бассейна изображения людей и животных практически полностью исчезли, однако они в большом количестве известны на находках субботцевского типа в Северном Причерноморье.[65] Накладки с узором в виде идущего льва и с бордюром (*рис. 29*) встречаются очень редко даже на поясах завоевателей.[66] Накладки с узором в виде человеческих фигур, сидящих со скрещенными ногами, и с бордюром из палочек (*рис. 30*), известны пока только среди находок из Субботцы.[67]

При изучении связей между Южным Уралом и Прикамьем, а также находок эпохи завоевания Карпатского бассейна необходимо отметить вопрос о предметах, называемых в русской литературе «восточным серебром». Распространение восточного серебра, его хронология и связь с хорошо прослеживаемыми с железного века северно-южными торговыми путями на сегодняшний день достаточно хорошо изучены. Влияние восточного серебра прослеживается не только в местной металлообработке, но и в связи с такими отдаленными регионами, как искусство венгров-завоевателей. До сих пор это в основном основано на выводах по истории искусства Б. И. Маршака, который выделил декоративное искусство венгерских металлических предметов X века как «школа Б» в рамках согдийского круга металлообработки. Среди восточных серебряных изделий встречаются и некоторые предметы, выполненные менее тщательно, но относящиеся к (поздне)сасанидско-согдийскому ювелирному искусству.[68]

Восточные серебряные изделия и их влияние на Южном Урале в средневековье в области декоративно-прикладного искусства можно наблюдать у предков финно-угорских народов, которые занимались меховой торговлей. Мотивы серебряных сосудов, использовавшихся в культовых целях, повторяются и на предметах быта, в основном на поясных украшениях. На кладбищах Уральского региона – территории, когда-то, по-видимому, населенной преимущественно угорскими народами, – встречаются, подобно восточным серебряным изделиям, серебряные чеканные украшения, часто с позолоченным фоном. На них можно увидеть такие мотивы, как лев, где на происхождение узора указывает выразительная проработка гривы животного (*рис. 29*). Среди изображений животных можно еще упомянуть птицу, похожую на утку, держащую в

[61] Türk–Sánta–Óvári 2026 in print.
[62] Türk et al. 2021.
[63] Marschak 1986; Тревер–Луконин 1987; Klima 2009; Тюрк et al. 2025; Бауло 2025.
[64] Krylaszova–Belavin–Türk 2014.
[65] Bollók 2015; Komar 2018.
[66] Révész 1997.
[67] Плетнёва–Боким 1988.
[68] Fodor 1975; Krylaszova–Belavin–Türk 2014.

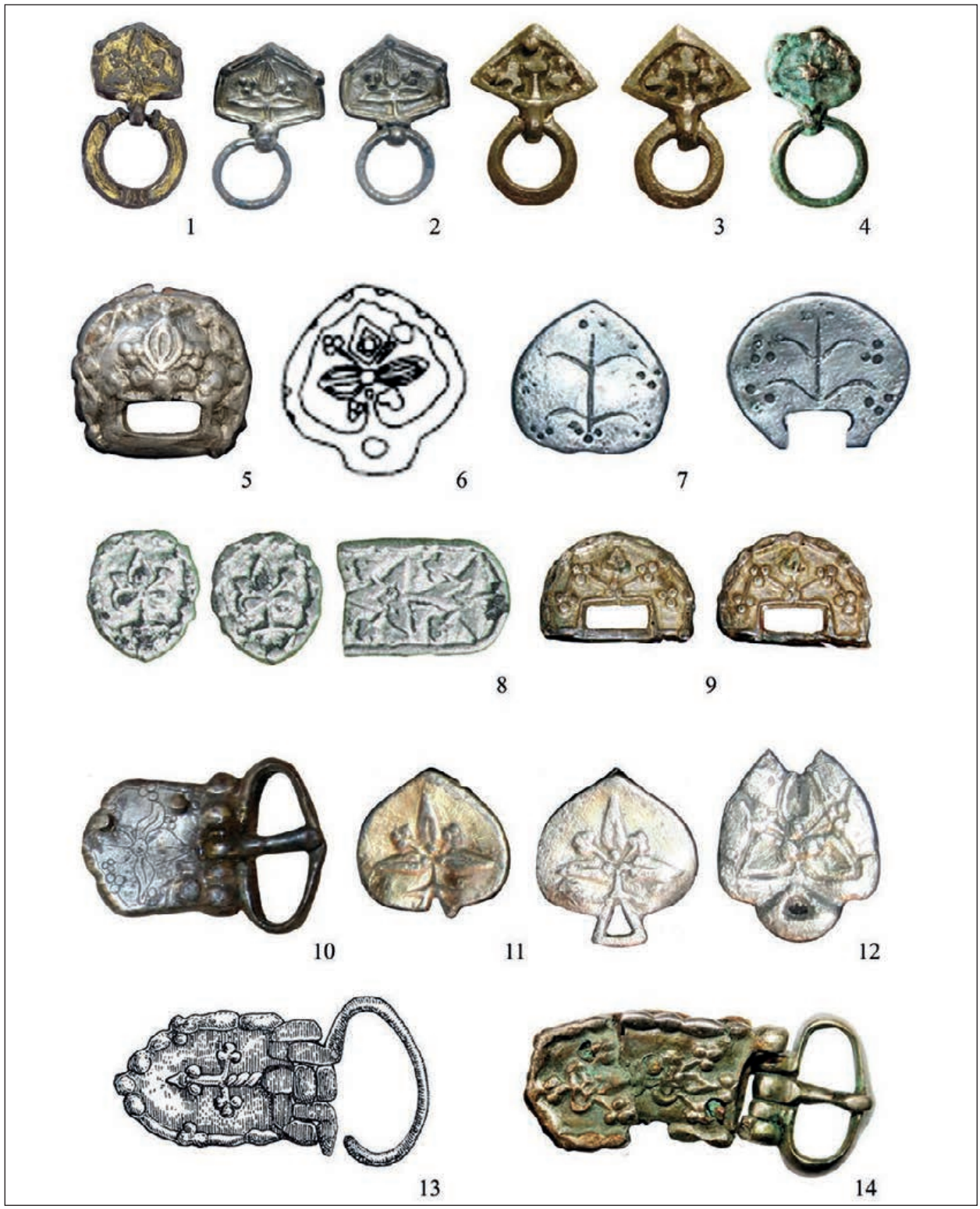

Рис. 25. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXV. Накладки 11. Накладки с изображением трилистника и трёх точек на стебле, украшенные бордюром с палочковидными элементами, в раннесредневековых находках из Волго-Уральского региона (1–9) и в памятниках типа Субботцы (10–14) (Türk 2023, 103. kép)

25. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXV. Veretek 11. Háromlevél, illetve száron ülő három pont mintás, pálcatagos bordűrrel ellátott veretek a Volga–Urál-vidék (1–9) és Szubbotci-típusú lelőhelyek (10–14) kora középkori hagyatékában (Türk 2023, 103. kép)

Рис. 26. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXVI. Накладки 11. 1–20: Накладки с изображением трилистника и трёх точек на стебле, украшенные бордюром с палочковидными элементами, в памятниках типа Субботцы, случайные находки (по Türk–Sánta–Óvári 2026. in print 13. kép)

26. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXVI. Veretek 12. 1–20: Háromlevél, illetve száron ülő három pont mintás, pálcatagos bordűrrel ellátott veretek a Szubbotci-típusú lelőhelyek hagyatékában, szórványleletek (Türk–Sánta–Óvári 2026. in print 13. kép nyomán)

Рис. 27. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXVII. Накладки 12. Подборка древневенгерских находок с орнаментом изогнутой формы с выемками (тип Tiszakécske [Тисакечке]–Крюково-Кужново) X–XI вв. из Карпатского бассейна (6, 17, 20–22), Волго-Уральского региона (1–5, 18) и из памятников типа Субботцы (7–15) (Türk 2023, 95. kép)

27. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXVII. Veretek 12. Válogatás a honfoglalás kori (6, 17, 20–22) karélyos veretek (Tiszakécske–Krjukovo Kuzsnovo-típus) és a Volga-Urál-vidéki (1–5, 18), valamint a Szubbotci-típusú lelőhelyek (7–15) hagyatékában (Türk 2023, 95. kép)

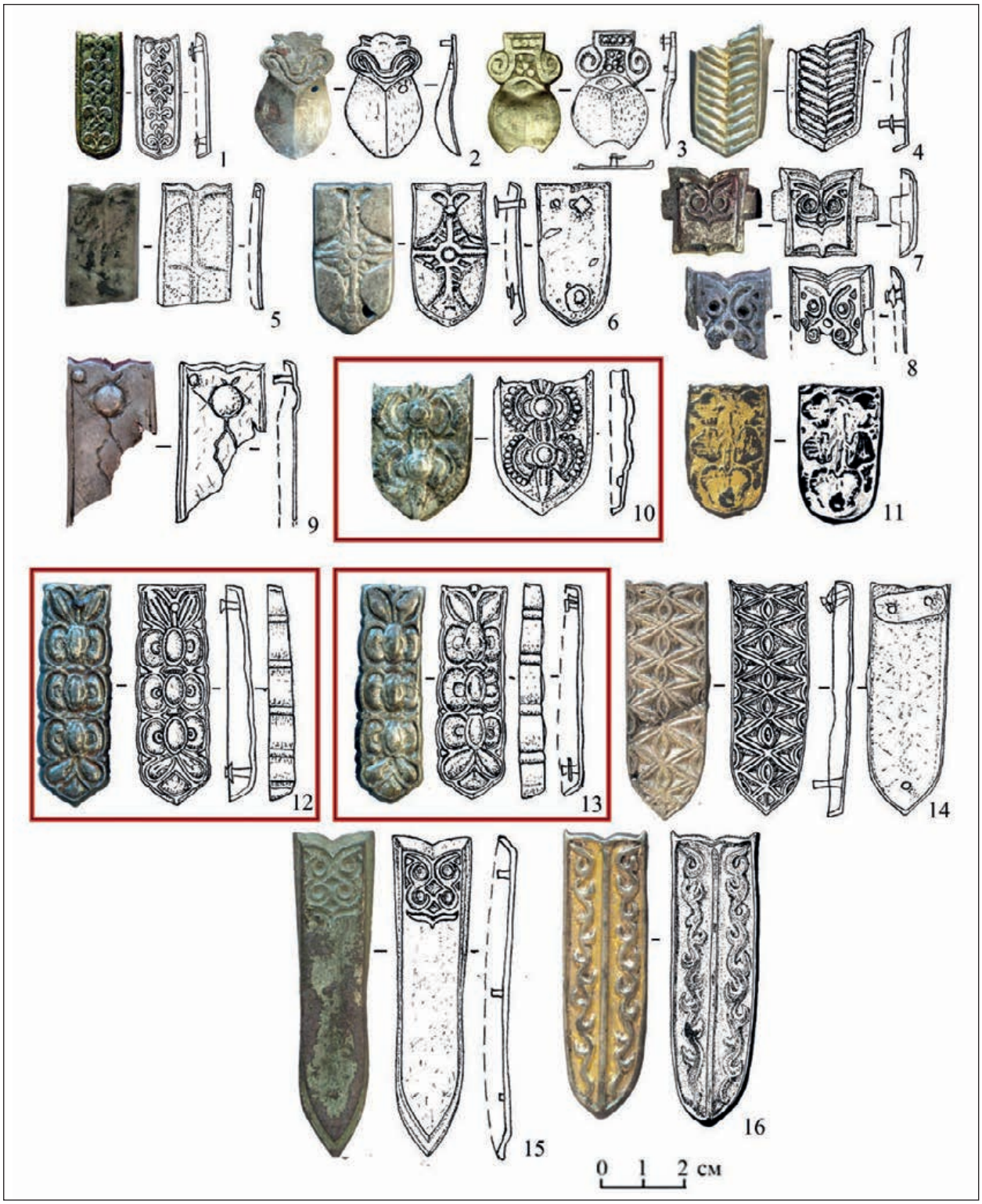

Рис. 28. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXVIII. Накладки 13. Накладки и наконечники ремней с орнаментом изогнутой формы с выемками (тип Tiszakécske [Тисакечке]–Крюково-Кужново) X–XI вв. из Погребального комплекса Уелги (фото: С. Боталов, выделение: A. Türk)

28. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXVIII. Veretek 13. Karélyos veretek és szíjvégek (Tiszakécske–Krjukovo Kuzsnovo-típus) az ujelgi temető hagyatékában (fotó: Sz. Botalov, kiemelés: Türk A.)

Рис. 29. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXIX. Накладки 14. Накладки с бордюром и узором в виде «идущего льва» из Погребального комплекса Уелги, древневенгерских памятников (1) и памятников типа Субботцы (2, случайные находки) (фото: С. Боталов и по Türk–Sánta–Óvári 2026. in print 12. kép)

29. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXIX. Veretek 14.„Sétáló oroszlán” mintás, pálcatagos bordűrrel ellátott veretek az ujelgi temető és a honfoglalás kori hagyatékban (1), valamint a Szubbotci-típusú lelőhelyek hagyatékában (2, szórványleletek) (fotó: Sz. Botalov és Türk–Sánta–Óvári 2026. in print 23. kép nyomán)

Рис. 30. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXX. Накладки 15. Накладки с узором в виде человеческих фигур, сидящих со скрещенными ногами, из Погребального комплекса Уелги, древневенгерских памятников (1) и памятников типа Субботцы (2, случайные находки) (фото: С. Боталов и A. Türk)

30. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXX. Veretek 15. Törökülésben ábrázolt emberalak-mintás, pálcatagos bordűrrel ellátott veretek az ujelgi temető és a honfoglalás kori hagyatékban (1), valamint a Szubbotci-típusú lelőhelyek hagyatékában (2) (fotó: Sz. Botalov és Türk A.)

Рис. 31. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXXI. Конская сбруя 1. Конская упряжь круглой формы (тип Szakony [Саконь]–Архангельское) (1) и наконечники ремней с крестообразными пальметтами (тип Сакони–Актюба (2), найденные на местонахождении Саконь и могильнике Актюба (фото: С. Боталов и по Horváth 2022, 77–78. kép nyomán)

31. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXXI. Lószerszámok 1. A Szakony–Arhangelszkoje-típusú kerek (1) lószerszámveretek és a Szakony–Aktyjuba-típusú keresztpalmetta mintás nagyszíjvégek Szakony és Aktyuba (2) lelőhelyekről (fotó: Sz. Botalov, illetve Horváth 2022, 77–78. kép nyomán)

Рис. 32. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXXII. Конская сбруя 2. Пятиугольные серебряные пластины, украшающие седло, из Погребального комплекса Уелги, курган 11 (фото: С. Боталов, выделение: A. Türk)

32. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXXII. Lószerszámok 2. A nyeregkápát díszítő jellegzetes, ötszög alakú ezüstlemezek az ujelgi temető hagyatékában 11 kurgán (fotó: Sz. Botalov, kiemelés Türk A.)

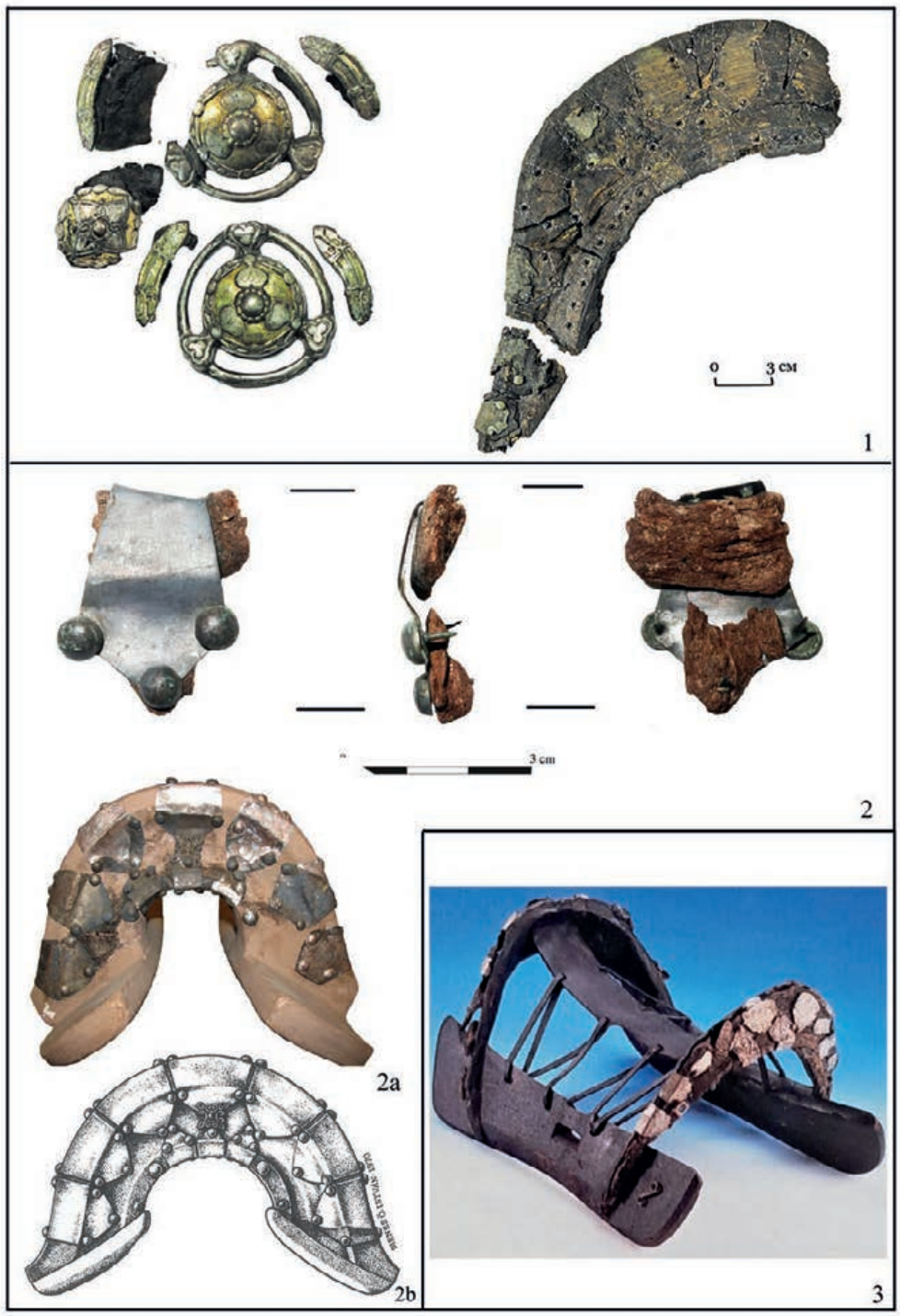

Рис. 33. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXXIII. Конская сбруя 3. Пятиугольные серебряные пластины, украшающие луки седла, из могильника Актюба (1) и памятников Венгрии (2: Szakony-Kavicsbánya погр. 6 [Саконь-Кавичбанья]; 3: Karos-Eperjesszög II/52. [Карош-Эперьешсёг] (фото и рис.: С. Боталов, Horváth C., Dienes I., Révész L.)

33. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXXIII. Lószerszámok 3. A nyeregkápát díszítő jellegzetes, ötszög alakú ezüstlemezek, illetve azok helyének maradványai az aktyjubai (1), illetve a Szakony-Kavicsbánya 6. sír (2), valamint a Karos-Eperjesszög II/52. sír hagyatékában (fotó és rajz: Sz. Botalov, C. Horváth, I. Dienes, L. Révész)

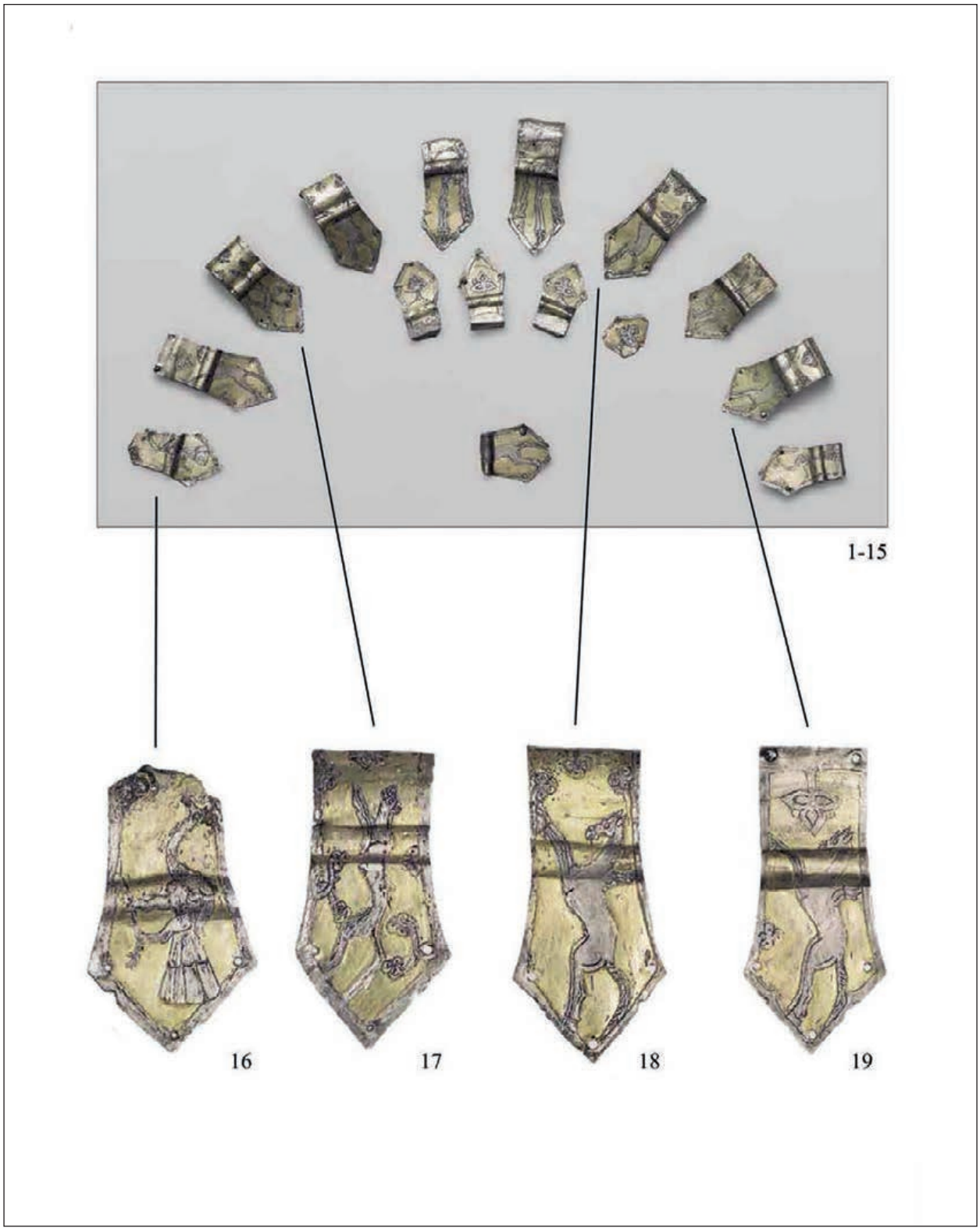

Рис. 34. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXXIV. Конская сбруя 4. Пятиугольные серебряные пластины, украшающие луки седла, в памятниках типа Субботцы (по Торгоев 2016, 238–239)

34. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXXIV. Lószerszámok 4. A nyeregkápát díszítő jellegzetes, ötszög alakú ezüstlemezek Szubbotci-típusú lelőhelyek hagyatékában, szórványlelet (Торгоев 2016, 238–239 nyomán)

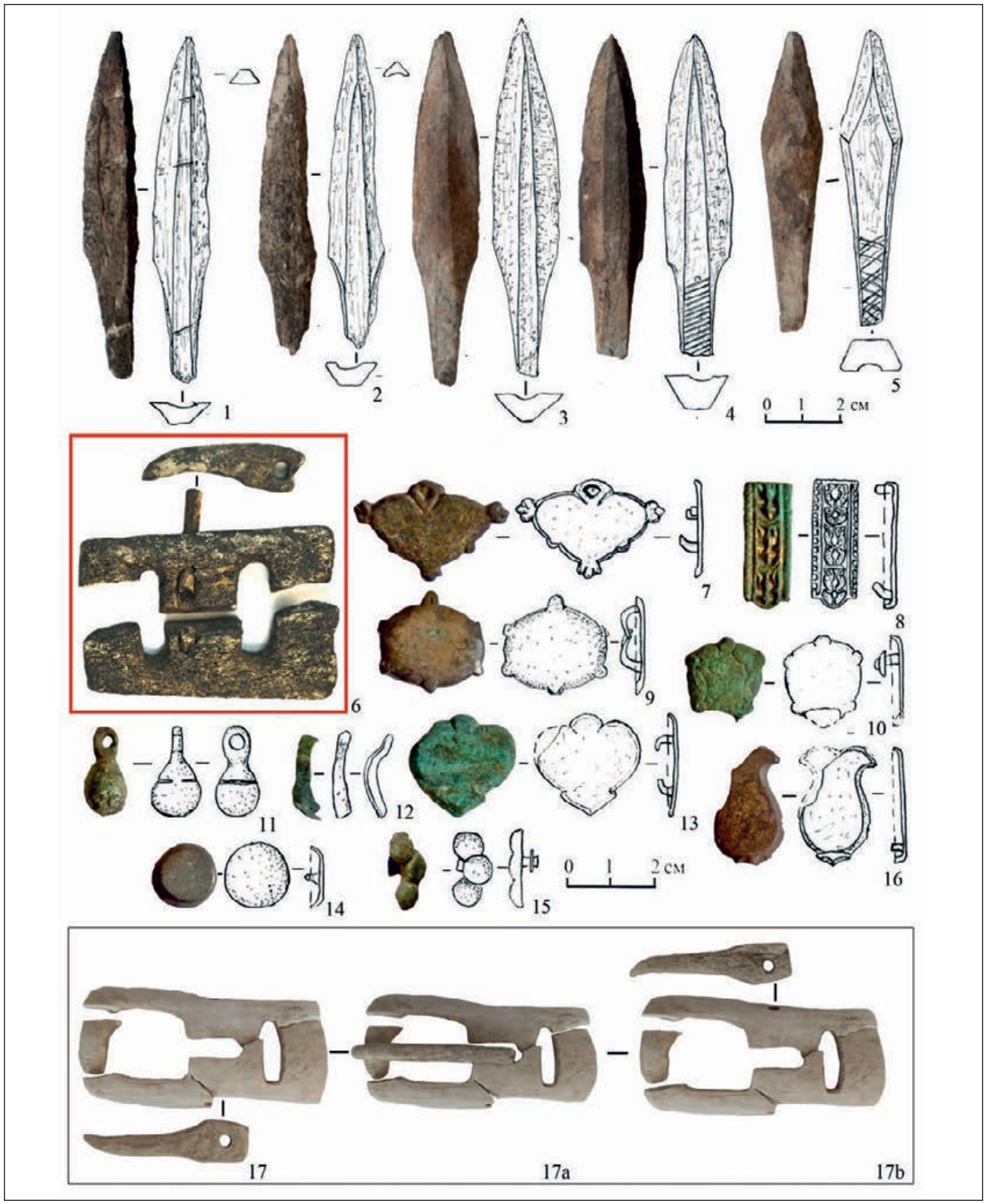

Рис. 35. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXXV. Конская сбруя 5. Костяная подпружная пряжка с костяными штифтами из Погребального комплекса Уелги, курган 29, погребение 8 (6) и из древневенгерских памятников в окрестностях Törökszentmiklós (Тёрёксентмиклош) (17) (фото: С. Боталов и A. Türk, выделение: A. Türk)

35. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXXV. Lószerszámok 5. Csont csatpecekkel ellátott csont hevedercsat az ujelgi temető 29. kurgán 8. sírból (6) és a honfoglalás kori hagyatékban Törökszentmiklós határából (17) (fotó: Sz. Botalov és Türk A., kiemelés Türk A.)

Рис. 36. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXXVI. Конская сбруя 6. Шумящие нагрудные украшения лошади из Погребального комплекса Уелги, курган 34, погребение 2 (1) и из древневенгерских памятников (2) (фото: С. Боталов и A. Türk)

36. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXXVI. Lószerszámok 6. Csörgős szügyelődíszek az ujelgi temető (1) 34. kurgán 2. sírból és a honfoglalás kori hagyatékban (2) (fotó: Sz. Botalov és Türk A.)

клюве ветку, а также орла, изображенного в так называемой *«геральдической позе»*. Изображение оленя встречается редко, зато среди мифических животных можно увидеть в нескольких вариантах грифона, пегаса и сенмурва. Последний обращает внимание на то, что в Уральский регион также проникли, в основном, узоры медальонных шелков,[69] которые также нельзя исключать из числа источников орнаментального репертуара, наблюдаемого на поясных украшениях, который, по нашему мнению, следует оценивать как усилительное влияние восточных серебряных изделий.[70]

В пользу влияния металлической посуды, безусловно, свидетельствуют такие мелкие совпадения, как появление на поясных украшениях металлических кувшинов с высоким горлышком и характерными ушками, заимствованных, по-видимому, с блюд, изображающих пир. Что касается изображения людей, то, на наш взгляд, фигуры, сидящие со скрещенными ногами, окруженные бордюром из палочек, также могли быть заимствованы из (пост)сасанидской металлической посуды, к которой относится изображение двухрядного, слегка развевающегося шарфа/повязки на голове, как весьма специфического элемента орнамента.

Подробное изучение археологического наследия раннего средневековья в регионе между Волгой и Карпатами сегодня позволяет с достаточной степенью достоверности проводить точные хронологические и стилистические определения и выделение отдельных горизонтов. Исходя из последних тенденций в этой области, мы считаем возможным выделить горизонт находок, где в первой половине IX века прослеживается смещение археологических параллелей из Волго-Камского региона и Южного Урала в западном направлении. Это подтверждают находки поясных украшений типа Субботцы, характерные для уральских и венгерских времени завоевания.[71]

Совпадения мотивов, кратко изложенные выше, имеют, прежде всего, хронологическое значение для оценки ранней истории Венгрии. Дело в том, что предки венгров, по всей вероятности, не переселялись на западный берег Волги до первой трети IX века, как полагала и по-прежнему полагает большая часть российских и украинских специалистов. Ведь до появления восточных серебряных блюд во второй половине VIII века предки венгров еще не могли привезти с собой на запад из районов Волги и Южного Урала большинство вышеупомянутых элементов.[72]

Поскольку на упомянутых восточных серебряных изделиях также встречаются растительные изображения, нельзя исключать, что к этой группе следует отнести и два довольно редких украшения конской упряжи. Это – фалера – круглое украшение с изображением Древа жизни (*рис. 31. 1*) (тип Саконь [Szakony]–Архангельское). И наконечник ремня с изображенной четырехлучевой пальметтой, пересекающейся в форме креста (*рис. 31. 2*) (тип Саконь [Szakony]–Актюба), найденные на местонахождениях Саконь и Актюба.[73]

Украшения, предметы туалета и быта

Пуговицы. У древних венгеров эпохи завоевания, как и у всех кочевых народов, пуговицы (*рис. 37. 2*) были не только функциональными застежками, но и важными декоративными элементами.[74] Это можно наблюдать и в наследии населения, оставившего после себя кладбище Уелги (*рис. 37. 1*). Для повседневной одежды пуговцы чаще всего изготавливались из бронзы или литого медного сплава. Одежду знати украшали серебряные или позолоченные серебряные пуговицы. Наиболее распространены были пу-

[69] Türk–Harangi 2023.
[70] Krylaszova–Belavin–Türk 2014.
[71] Türk 2023, 180.
[72] Krylaszova–Belavin–Türk 2014.
[73] Horváth 2022.
[74] Andrási 2015.

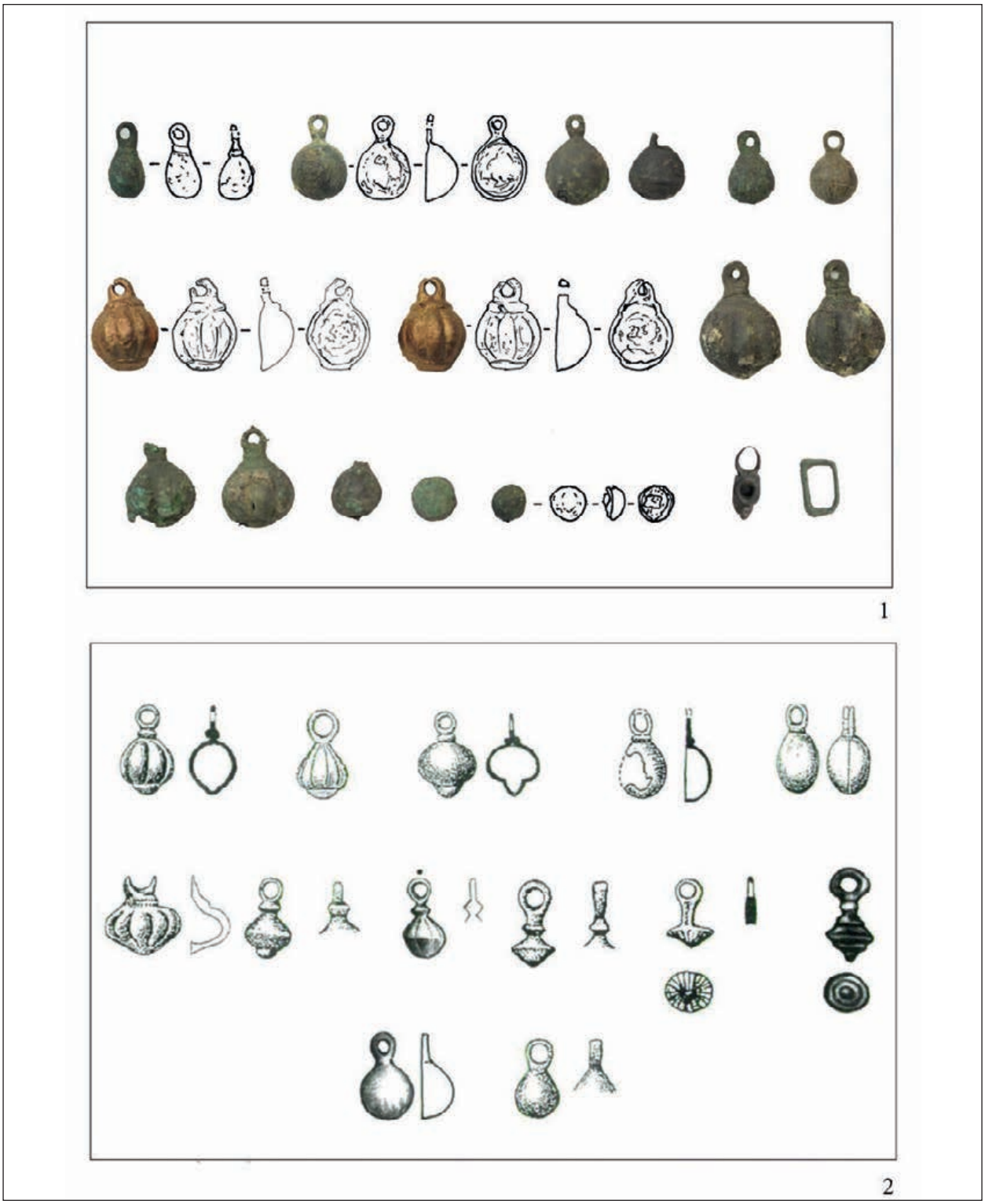

Рис. 37. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXXVII. Предметы одежды и быта 1. Пуговицы из Погребального комплекса Уелги курган 41, погребение 1, 4, 8 (1) и из древневенгерских памятников (2) (фото: С. Боталов и A. Türk и по Andrási *2015, 2. tábla)*

37. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXXVII. Viseleti elemek és használati tárgyak 1. Gombok az ujelgi temető (1) 41. kurgán 1, 4, 8. sírban, valamint honfoglalás kori hagyatékban (2) (fotó: Sz. Botalov és Türk A., illetve Andrási *2015, 2. tábla nyomán)*

Рис. 38. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXXVIII. Предметы одежды и быта 2. Бусы из Погребального комплекса Уелги, курган 41, погребение 8 (1) и из древневенгерских памятников (2–3) (фото: С. Боталов и A. Türk)

38. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXXVIII. Viseleti elemek és használati tárgyak 2. Gyöngyök az ujelgi temető (1) 41. kurgán 8. sírból és a honfoglalás kori hagyatékban (2–3) (fotó: Sz. Botalov és Türk A.)

говицы восточного происхождения, имевшие с обратной стороны литое или припаянное ушко для застегивания. По форме характерны шаровидные, полусферические и грибовидные варианты. В более богатых захоронениях были найдены и сложные типы – полые пуговицы, собранные из нескольких серебряных пластин. Их носили в основном на верхней одежде с застежкой спереди, например, на кафтанах, иногда длинными рядами. Пуговицы часто составляли украшение одежды вместе с накладками вдоль края одежда и бусинами. Литые пуговицы часто украшали геометрическими узорами или небольшими углублениями внизу. Самые богато украшенные экземпляры были найдены в женских могилах X века, где они использовались для застегивали воротника или передней части одежды. По форме пуговицы, найденные в ранних венгерских захоронениях и в Погребальном комплексе Уелги, очень похожи.

Серьги со сферическими подвесками

Серьги со сферическими подвесками эпохи обретения родины венграми (*рис. 39. 1*) являются одним из наиболее характерных типов височных украшений восточного происхождения в женской одежде древних венгров X века.[75] Этот тип предметов был неизвестен в Карпатском бассейне до венгерского завоевания и однозначно восходит к системе связей с Востоком (Северный Кавказ, Поволжье).[76] В настоящее время в Карпатском бассейне известно более 120 захоронений с украшениями такого типа. Обычно их носили парами по обеим сторонам головы женшин, хотя в редких случаях они могут встречаться и в мужских захоронениях. В некоторых случаях серьги соединялись цепочкой.[77] Украшение, как правило, состоит из трех основных частей. В основном это овальные серьги-кольца из драгоценного металла или бронзы. Под верхним изгибом кольца часто находятся небольшие выступы или шипы, на которые иногда нанизывали бусины или металлический шарик. К нижней части кольца присоединяется вертикальная проволочная нить, на которую нанизано 4–5 полых шариков.[78] Шарики часто разделены друг от друга намотанной проволокой. Чаще всего они изготавливались из сплавов на основе серебра, но встречаются также экземпляры из золота, позолоченной бронзы или меди. По техническому исполнению известно два основных варианта: полый тип, спаянный из полусфер тонкой серебряной пластины, и литой тип, распространенный в южных районах Карпатского бассейна. Преимущественно они встречаются в захоронениях богатых-знатных женщин, где часто сочетаются в комплекте с дисками-накосниками для заплетения волос и розетковидными накладками от ремней конского снаряжения.[79] Литой тип часто встречается в находок раннего средневековья Восточной Европы; его также называют серьгой типа «Салтово».[80] Однако на них редко встречается 3–4, или больше сферических украшений, что, однако, характерно для аналогичных находок из Погребального комплекса Уелги (*рис. 7, 46; рис. 39. 2*).

Копоушки

Среди предметов личной туалеты, обнаруженных в женских могилах древних венгров в Карпатском бассейне, известны копоушки, хотя их количество весьма невелико — всего два экземпляра.[81] Среди предметов этого типа, имеющих аналоги главным образом в Прикамье, встречаются как зооморфные (Эгер-Сепассоньвольге, погр. 26 [Eger-Szépasszonyvölgy]), так и с геометрическим орнаментом (могила 1/1888 в Чорна-Шуйхедье [Csorna-Sülyhegy]) (*рис. 39. 1*).[82]

[75] Balogh Bodor 2023.
[76] Révész 1988.
[77] Horváth 2004.
[78] Točik 1968.
[79] Révész 1996, 24–25.
[80] Сташенков 1998.
[81] Türk 2010.
[82] Horváth 2022, 117

Рис. 39. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XXXIX. Предметы одежды и быта 3. Копоушки и серьги с шаровидными наконечниками в находках эпохи завоевания Венгрии (1) и из Погребального комплекса Уелги, курган 29, «тайник» 1 (2) (фото: С. Боталов и A. Türk, выделение: A. Türk)

39. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XXXIX. Viseleti elemek és használati tárgyak 3. Fülkanalak és gömbsorcsüngős fülbevalók a honfoglalás kori hagyatékban (1), illetve az ujelgi temető 29. kurgán 1. rejtett áldozati leletegyüttesében (2) (fotó: Sz. Botalov és Türk A., kiemelés: Türk A.)

Последний имеет близкий аналог и на Уелгах (*рис. 39, 2*). Копоушки часто попадали в могилы вместе с другими косметическими предметами, такими как пинцеты, расчески или зеркала, и их количество в салтовской культуре исключительно велико.[83] Обычно их носили прикрепленными к одежде, в виде подвесок или, возможно, подвешивали на пояс. Это указывает на то, что они были не только предметами быта, но и декоративными дополнениями к одежде. Согласно археологическим исследованиям, это предметы центральноазиатского типа, которые были широко распространены среди степных кочевых народов.

Деревянные сосуды с серебряной окантовкой

Летом 2017 года в ходе спасательных раскопок на восточной окраине Тисакюрта (Tiszakürt) был обнаружен предмет со скрученными проволочными[84] петлями, относящийся к X веку и найденный в Карпатском бассейне.[85] Объект № 32 представлял собой могилу X века, в которой на внешней стороне правого предплечья, среди простых серебряных пластин, в основном пятиугольной формы, которые, по-видимому, можно определить как украшения седла или уздечки, лежала проволочная находка с витым телом, состоящая в общей сложности из трех угловатых петель. От ранее рассмотренных проволочных находок она отличается не только количеством петель, но и тем, что к одному из концов присоединен U-образно согнутый серебряный пластинчатый элемент. Последний в археологическом наследии раннего средневековья Евразии чаще всего встречается в качестве окантовки деревянных сосудов, и в находке из Тисакюрте можно обнаружить еще один подобный предмет. Вдоль заклепки, проходящей через центр пластинки, на внутренней стороне изогнутого предмета сохранились остатки дерева (*рис. 40, 2*). В случае с серебряной проволочной находкой из Тисакюрте сложилась удачная ситуация: трещина на деревянной тарелке, вероятно украшенной чеканкой по краю, образовалась рядом с накладкой, поэтому ремонт был выполнен путем просверливания. Деревянные блюда с декоративным ободком по краю известны, например, в более ранних аварских или современных им реликвиях северных викингов, они также встречаются в большом количестве в Погребальном комплексе Уелги (*рис. 40, 1*).

Бусины

Стеклянные бусины являются относительно распространенной находкой в могилах венгров-завоевателей.[86] Преимущественно они встречаются в женских и детских захоронениях, однако в редких случаях появляются и в мужских.[87] Женщины, вероятно, носили их в основном в качестве декоративных элементов, а дети и мужчины – в качестве оберегов от сглаза, поскольку некоторым типам бусин, например «глазчатым» бусинам (*рис. 38. 1*), приписывали защитную роль. Бусины у древних венгров были не только украшениями, но и имели важное социальное и духовное значение. Способы использования бусин были весьма разнообразны.[88] В основном их носили на шее в виде ожерелий, часто в сочетании с другими украшениями (например, женскими головными уборами) В некоторых случаях их пришивали к ленте, которая могла украшать косу. Их также могли использовать в качестве украшения одежды, главным образом для воротников рубашек.

Ношение бус можно проследить на протяжении X–XI веков. Можно заметить, что некоторые типы исчезают, а другие появляются; это отражает изменения стиля того времени. Изучая эти изменения, можно также определить хронологические рамки использования определенных

[83] Плетнёва 1981.
[84] Бенде–Лёринци–Тюрк 2013.
[85] Zágorhidi Czigány–Kenéz–Türk 2019.
[86] Fülöp 2024.
[87] Kolozsvár-Zápolya utca погр. 6 (Fülöp 2019).
[88] Szilágyi 1994.

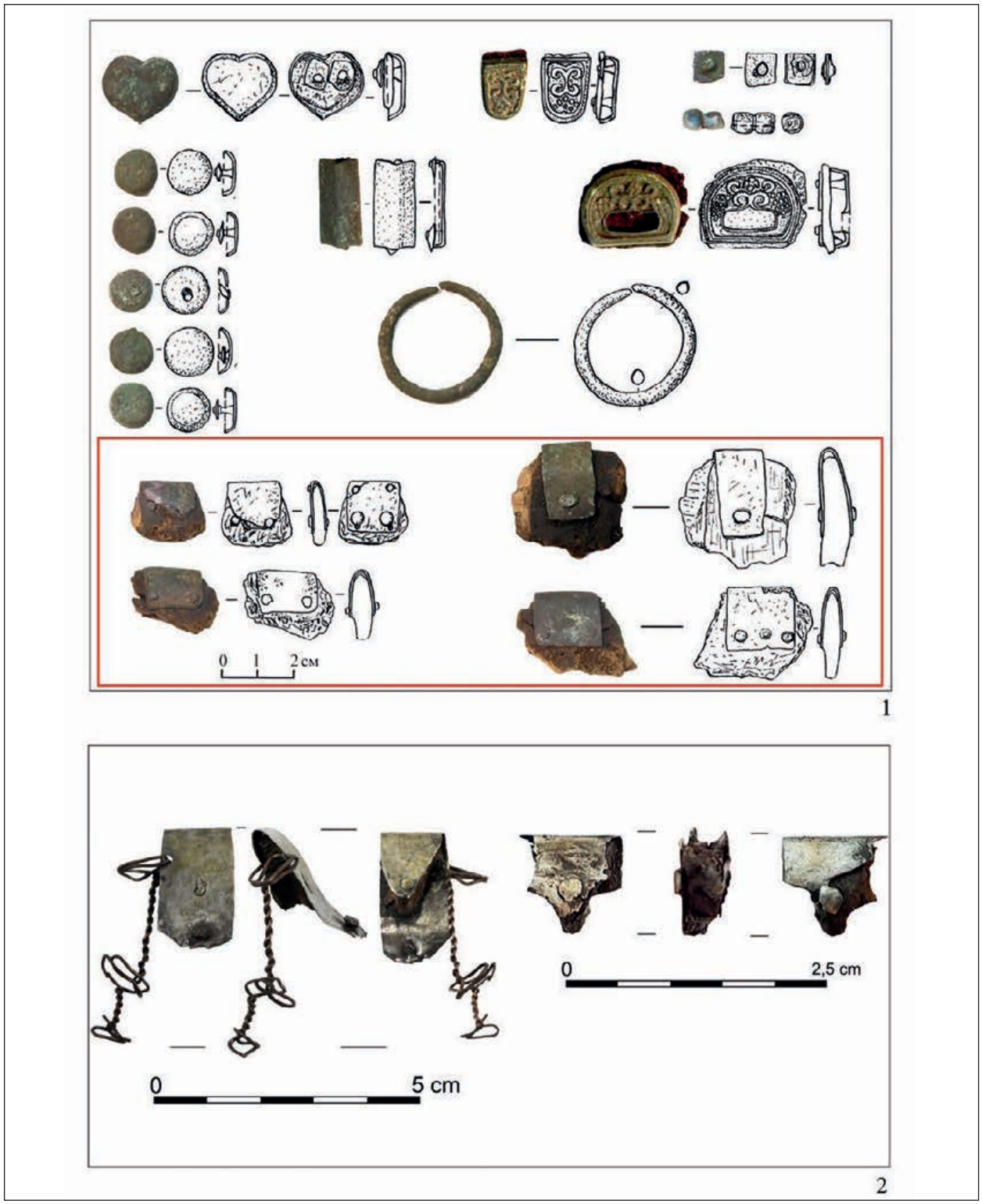

Рис. 40. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XL. Предметы одежды и быта 4. Фрагменты деревянных сосудов с серебряной окантовкой из погребения 1 кургана 7 Погребального комплекса Уелги (1) и из погребения X века Венгрии (Tiszakürt–Sziki-Kisföldek; по Zágorhidi Czigány–Kenéz–Türk 2019, 1. kép) (2) (фото: С. Боталов и А. Türk, выделение: A. Türk)

40. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XL. Viseleti elemek és használati tárgyak 4. Ezüstveretes peremű faedények az ujelgi temető 7. kurgán, 1. sírból (1) és a honfoglalás kori hagyatékban (Tiszakürt–Sziki-Kisföldek; Zágorhidi Czigány–Kenéz–Türk 2019, 1. kép nyomán) (2) (fotó: Sz. Botalov, kiemelés: Türk A.)

типов. Таким образом, различные виды имеют также датировочную ценность. В эту эпоху было популярно сочетание множества цветов и форм: на основании найденных до сих пор находок мы не знаем ни одного ожерелья, в котором были бы бусины только одного цвета и одного типа – для них было важно разнообразие. Очень популярными цветами были, среди прочего, лилово-фиолетовые и черный (*рис. 38. 3*).

Часто ожерелья из бусин включали раковины каури (фарфоровые улитки), которые вновь появились в Карпатском бассейне с приходом венгров. Ракушки носили из-за поверья, связанного с женской плодовитостью, и считалось, что их форма помогает женщинам сохранить свою фертильность. [89]

Подавляющее большинство находок составляют стеклянные бусины. В рассматриваемый период наиболее характерными типами являются бусины с бисером, представляющие собой изделия, украшенные узорами, сформированными из слоев стекла разных цветов. В Погребальном комплексе Уелги присутствует значительное количество таких находок (*рис. 38. 1*). Мелкие одноцветные бусины, которые часто встречались в больших количествах. Есть также экземпляры из драгоценных металлов (серебра или позолоченного серебра) с прессованным или гранулированным орнаментом. Большая часть бусин попала в Карпатский бассейн благодаря дальней торговле из Византии или восточных азиатских регионов. В последнее время возникла гипотеза о возможности местного производства некоторых типов бусин.[90]

Нож с рукоятью, украшенной серебряной фольгой

В погребениях Карпатского бассейна X–XI веков наиболее часто встречающимися орудиями являются железные ножи различных размеров и форм, в основном с загнутыми лезвиями, которые когда-то имели деревянные рукояти. Эти предметы чаще всего встречаются в мужских, но также попадаются и в женских и детских захоронениях, в основном по одному экземпляру на могилу. Вероятно, эти узкие однолезвийные ножи длиной, как правило, 5–15 см, широко использовались в повседневной жизни независимо от пола и возраста, и чаще всего крепились к поясу, но иногда их находили и в сумках.[91]

Ножи, украшенные металлическими накладками, фольгой считаются редкими находками среди артефактов периода завоевания Карпатского бассейна, однако у них есть близкие и специфические параллели в наследии раннего средневековья в Волго-Камском регионе, на что уже указывал Ласло Ковач в связи с находкой из Ёрменькут (Örménykút) (*рис. 42*).[92] Ранее среди ножей с металлической инкрустацией были известны в основном экземпляры, снабженные на конце рукояти металлическим украшением в виде колпачка.

Уникальный деревянный нож, найденный в 18-й могиле на участке Ёрменкут (Örménykút)-7/52, относящейся к эпохе завоевания венгров, имел гораздо более богато украшенный чехол: он представлял собой цилиндрическую форму, выгнутую из серебряного листа и украшенную полосами из филигранной проволоки (рис. 42). Находка, обработанная Ласло Ковачем (Kovács László), лежала в могиле женщины, под правой ключицей и лопаткой. Деревянное «лезвие ножа» (или шпателя?) с короткой рукоятью эллиптического сечения было покрыто бронзовой пластиной. У этого, хорошо сохранившегося предмета, до сих пор не имеющего аналогов в венгерской материальной культуре, сохранился даже внешний чехол из кожи, а также некоторые остатки ткани на металлическом покрытии рукоятки. В раннем венгерском наследии известно ещё пять находок, где рукоять и/или ножны ножа были покрыты серебряной пластиной; в одном из случаев на ней можно разглядеть пальметтовый орнамент. Аналогично украшенные ножи известны и в материалах па-

[89] Kovács 2008.
[90] Szilágyi 2002.
[91] Révész 1996, 185; Istvánovits 2003, 328–330; Gáll 2013, 755–757.
[92] Kovács 2010.

мятников типа Субботцы, где в ряде случаев они были украшены также золотыми пластинами.[93]

Большинство аналогий, собранных Ласло Ковачем для находки из Ёрменкута, известны по захоронениям на территориях Удмуртии и Волго-Камья, датируемые второй половиной VIII – началом IX века, таким образом, этот тип предметов также имеет важные аналогии, которые имеют значение при изучении системы евразийских связей наследия эпохи завоевания Онтана. Что касается находки из Орменкути, Л. Ковач однозначно указал, что лучшие аналогии ножей с декоративными рукоятками и ножнами, по всей вероятности, можно связать с ранними финно-угорскими народами. Он пришел к выводу, что ножны из Ёрменкута были изготовлены в Камском регионе и первоначально относились к находкам поломской культуры IX века.[94]

В древнечеремисских могильниках подобные предметы впервые упоминаются в работе Г. А. Архипова, посвящённой ножам, найденным на Веселовском могильнике.[95] В раннем марийском наследии их обобщила Т. Б. Никитина и установила, что верхняя временная граница ножей с серебряными рукоятями приходится на середину X века.[96] На соседних мордовских территориях в могиле № 206 Крюково-Кужново на левой стороне пояса мужчины висел длинный (33 см) железный нож с серебряной оправой, украшенный пальметтовым орнаментом. Наиболее близкие аналогии ножей с металлической инкрустацией, согласно анализу Ласло Ковача, известны в Камском регионе, с территории поломской и ломоватовской культур VIII–IX вв. н. э., из находок Варнинского и Баяновского могильников.[97] Они часто имеют филигранный орнамент, изображение якоря и каменную вставку снаружи. В Удмуртии они встречаются преимущественно на кладбище Мидланы Шай в окрестностях реки Чепца.[98] Известны также в ранних волжско-болгарских могильниках, где в погр. 30 Танкеевского могильника был найден нож с серебряной пластиной, украшенный пальметтами.[99] Однако наибольшее количество новых восточноевропейских ножей с металлической инкрустацией встречаются среди находок из памятников субботцевского типа.[100] На Погребальном комплексе Уелги также найден многокомпонентный, сложный и выполненный в очень высоком качестве аналог (*рис. 41. 2*).

Сабли

Венгерская сабля эпохи завоевания была одним из самых важных видов оружия в легкой конной кавалерии X века (рис. 44). Это был не просто режущий инструмент, а оружие, представляющее вершину технологического развития той эпохи, которое идеально соответствовало воинскому стилю венгров, имевшему восточное происхождение. Клинок в среднем имеет длину 70–90 см, слегка изогнут и однолезвийный. Его особенностью является заточка обратной стороны нижней трети лезвия, что позволяло наносить удары с обратной стороны и более эффективно колоть. Рукоять наклонена в противоположном от лезвия направлении (к острию), что увеличивало силу удара. Крестовина короткая, слегка изогнутая, на концах часто заканчивалась небольшими шарообразными выступами. Однако детали сабли из могилы II/52 в Кароше (Karos) (*рис. 44*) однозначно доказывают, что защитная пластина изначально располагалась под углом по отношению к верхней трети ножен. Это могло иметь практическое значение, поскольку воин пользовался своим оружием, держа его за рукоять. В тоже время у ранних венгров были известны сабли с почти прямым лезвием, подобные тем, что были распространены в Хазарском Каганате

[93] Квитницкий и др. 2020.
[94] Kovács 2010, 116–117.
[95] Архипов 1973, 46., 116., 168.
[96] Никитина 2012, 223., 230., 262.
[97] Подосёнова 2022.
[98] Руденко 2015, 246; Генинг 1962, VII.
[99] Khalikova–Kazakov 1977, 30, 176: IIa t. 9.
[100] Супруненко 2011.

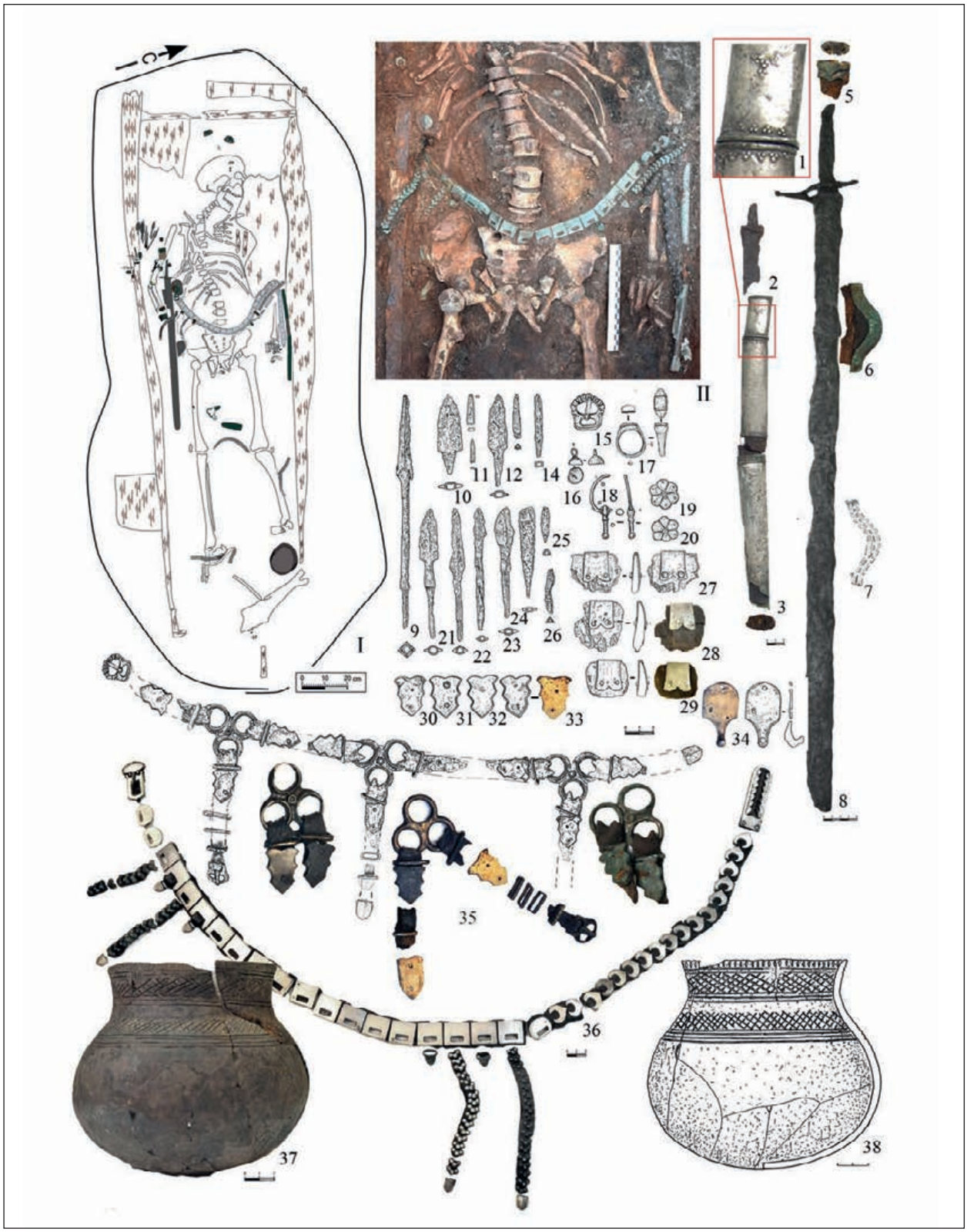

Рис. 41. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XLI. Предметы одежды и быта 5. Ножи и ножны, украшенные серебряной оправой, из погребение 6 кургана 11 Погребального комплекса Уелги (фото: С. Боталов)

41. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XLI. Viseleti elemek és használati tárgyak 5. Ezüstveretes tokkal díszített kés ujelgi temető 11. kurgán 6. sírjából (fotó: Sz. Botalov)

Рис. 42. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XLII. Предметы одежды и быта 6. 1–1c: Деревянный нож, украшенный серебряными накладками, из погребения X века Венгрии (Örménykút–7/52. lelőhely 18. sír) (фото: J. Szarka)

42. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XLII. Vsieleti elemek és használati tárgyak 5. Ezüstveretes tokkal díszített fakés a honfoglalás kori Örménykút–7/52. lelőhely 18. sírból (fotó: Szarka J.)

и близки найденным в Погребальном комплексе Уелги.

Ранние венгерские сабли, как и аналогичные находки из Погребального комплекса Уелги (*рис. 43*), отличались очень богатой отделкой. Конструкция рукоятей сабель из Уелгов и ранних венгерских сабель во многих случаях была очень схожей (*рис. 46. 1–2*). Можно упомянуть и ряд других выдающихся находок из материалов памятников типа Субботцы (*рис. 45*). Ножны, закрывающие концы сабли, практически никогда не попадали в могилу, однако на основании восточноевропейских аналогий можно предположить, что они когда-то существовали.

Рукоять сабли с покрытием из кожи ската или акулы

Благодаря удачным находкам и результатам реставрационных работ последних лет значительно возросло количество находок сабель с рукоятью, покрытой кожей ската или акулы, среди материалов эпохи завоевания Карпатского бассейна (*рис. 46*).[101] Имеются сведения о средневековой торговле различными видами рыбьей кожи, поэтому пока мы можем рассматривать ее как восточный импорт в X веке. Это подтверждается тем, что на саблях раннего средневековья Хазарского каганата и северного предгорья Кавказа в многочисленных случаях документированы такие покрытия, как на рукояти, так и на ножнах сабель.

Среди рукоятей сабель периода завоевания Венгрии такими являются, например, сабля из Вены (*рис. 46. 3*), Гнадендорф (Gnadendorf, Au), Карош (Karos) II/11 (*рис. 46. 1–2*), Немешнадудвар, Ясьякохалма (Nemesnádudvar, Jászjákóhalma). Это явление упоминается в отечественной специализированной литературе с 1930-х годов,[102] но эксперт-ихтиолог впервые опубликовал подробное исследование по этому вопросу только в 2007 году: в случае с остатками кожи, обнаруженными на сабле из Гнадендорфа, использование кожи ската не удалось доказать, автор высказался в пользу происхождения от акулы или гитарной рыбы.[103] Гитарные рыбы (*Rhina ancylostoma*), которые можно считать идеальным сочетанием акулы и ската, представляют отдельное семейство хрящевых рыб (*Chondrichthyes*).

В отношении находок эпохи завоевания в настоящее время ведутся исследования по точной идентификации видов рыб, однако эту задачу затрудняют сильные следы износа, вызванные методами полировки, применявшимися при обработке кожи; кроме того, в некоторых случаях наблюдаются следы покрытия каким-либо материалом. В большинстве случаев можно идентифицировать акулу рода Centrophorus (виды Centrophorus uyato или granulosus), но в случае оружия более богатого исполнения доказано использование кожи ската, как это было отмечено, например, в случае с Погребальным комплексом Уелги (*рис. 46. 4*).[104]

Поскольку недавно в случае сабли VII века эпохи авар (Kölked) были обнаружены аналогичные остатки, можно с полным основанием предположить, что речь идет о традиции, охватывающей несколько эпох, в основе которой лежит участие в междурегиональной торговле, предположительно связанной с Шелковым путем, что прослеживается в наследии раннего средневековья Карпатского бассейна. Находки кожи ската указывают на наличие торговых связей на дальние расстояния, как и раковины каури, дирхемы, а также находки шелка периода завоевания, то есть свидетельства восточных связей древних венгров. [105]

Лучный/колчанный пояс

Практичная система крепления военного снаряжения имела жизненно важное значение для всадника-воина. Ведь именно это определяло,

[101] Döbrentey et al. 2021.
[102] Fettich 1935.
[103] Kunst 2007.
[104] Боталов и др. 2018, 153–157.
[105] Türk–Harangi 2023.

Рис. 43. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XLIII. Оружие 1. Сабля и ножны с накладками, Погребальный комплекс Уелги, курган 1, погребение 5 (по Боталов 2017, рис. 3)

43. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XLIII. Fegyverek 1. Veretes szablya az ujelgi temető 1. kurgán 5. sírból (Боталов 2017, рис. 3)

Рис. 44. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XLIV. Оружие 2. Реконструкция украшенной сабли, обнаруженной в могиле Karos-Eperjesszög II/52. [Карош-Эперьешёг], по A. Strohmayer (Türk et al. 2021, 10. kép)

44. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XLIV. Fegyverek 2. Karos-Eperjesszög II/52. sírban feltárt díszes szablya rekonstrukciója Strohmayer A. nyomán (Türk et al. 2021, 10. kép)

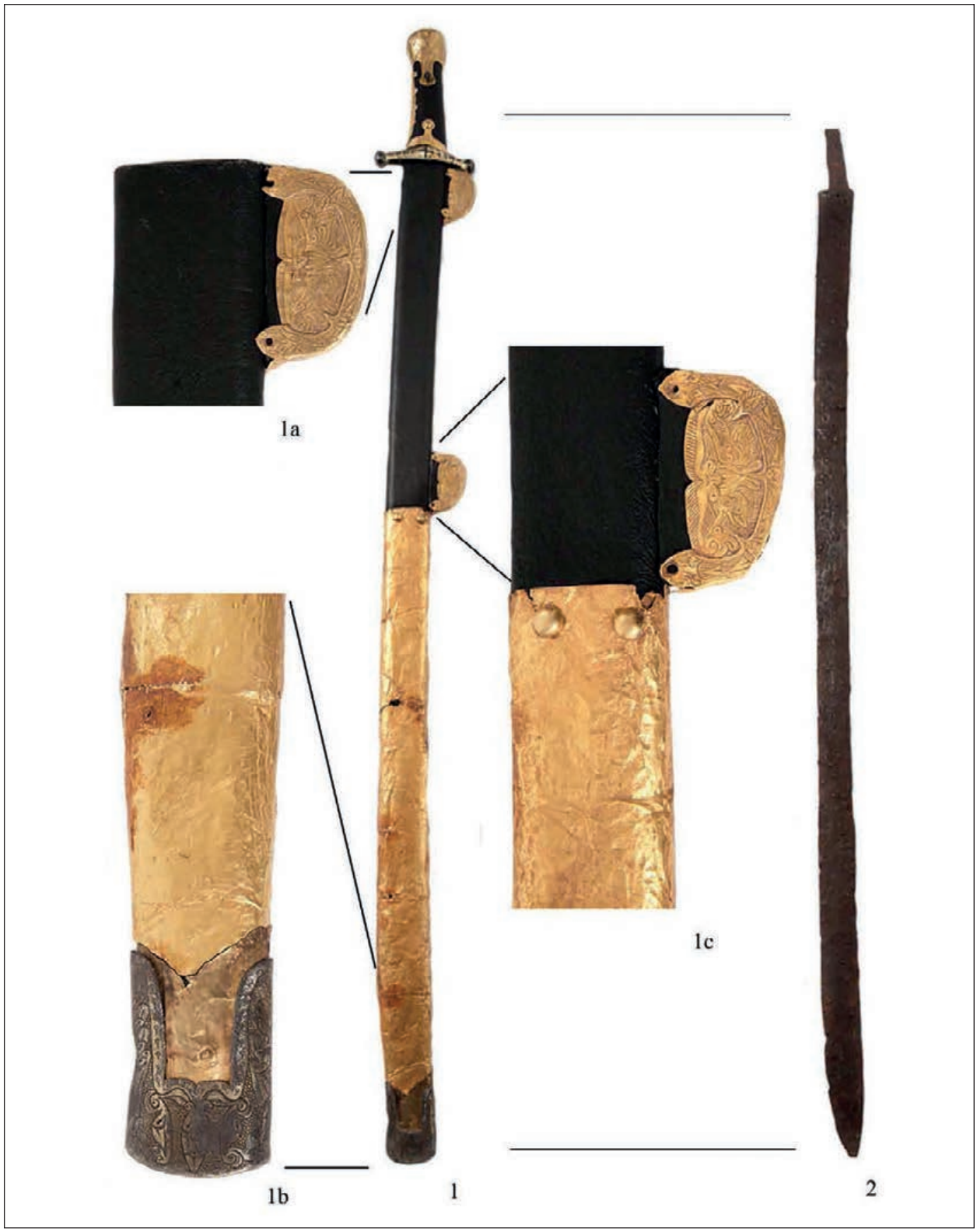

Рис. 45. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XLV. Оружие 3. Сабля и ножны с накладками, без местонахождения (Северное Предкавказье?) (Фото: M. Godelman, по Komar 2023, 8. kép)

45. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XLV. Fegyverek 3. Veretes szablya, ismeretlen lelőhely (Kaukázus északi előtere?) (M. Godelman fotói, Komar 2023, 8. kép)

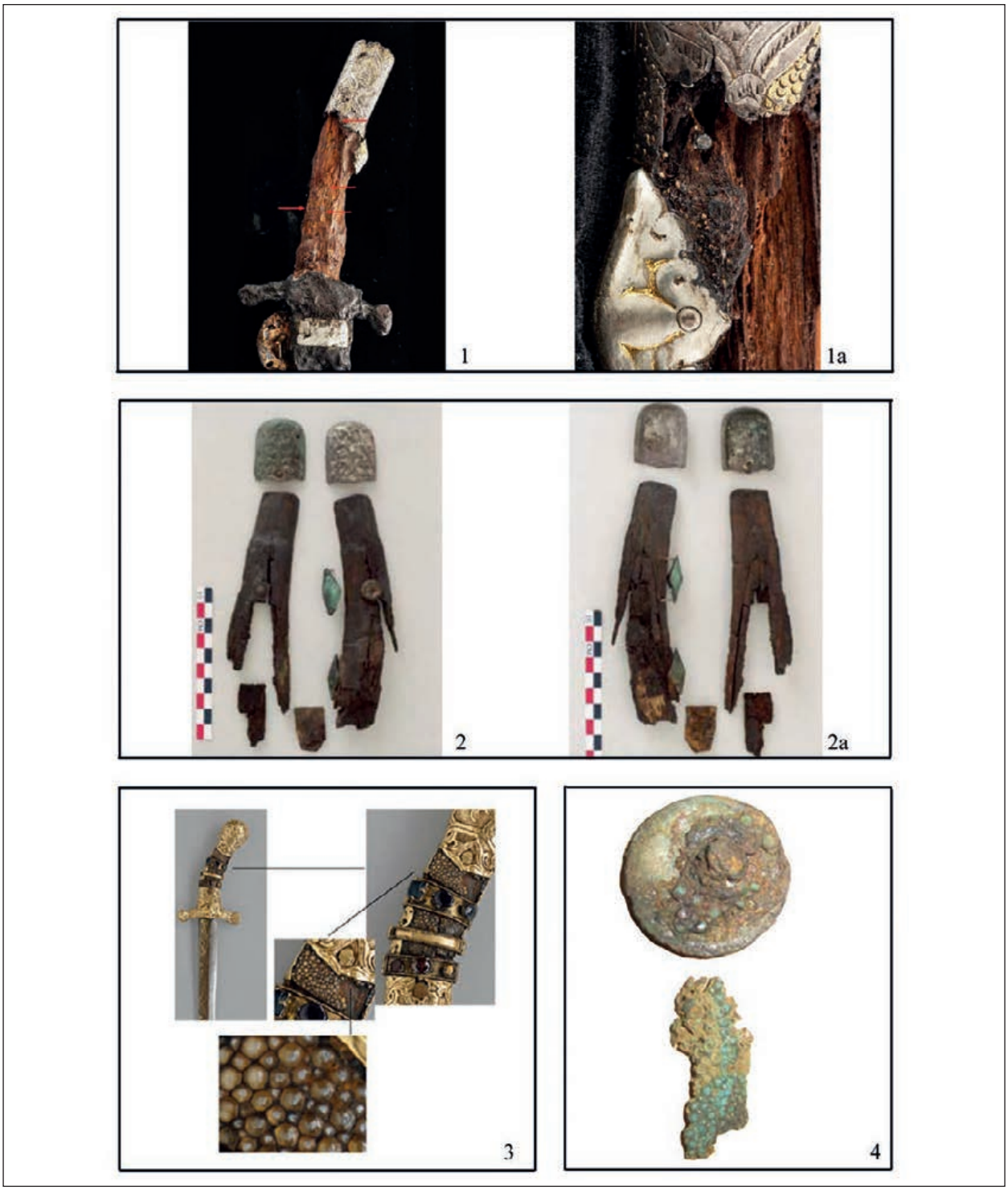

Рис. 46. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XLVI. Оружие 4. Рукояти сабель, украшенные металлическими накладками и кожей ската, из древнемадьярских захоронений (1: Karos-Eperjesszög II/11. [Карош-Эперьешсёг]; 3: Венская сабля) и из находок в Погребальном комплексе Уелги (2, 4: Уелги, курган1 , погребение 5) (фото: С. Боталов, I. Fodor и A. Türk, выделение: A. Türk)

46. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XLVI. Fegyverek 4. Fémveretekkel és rájabőr borítással díszített szablya markolata a korai magyar (1: Karos-Eperjeszszüg II/11. sír; 3: Bécsi szablya) és az ujelgi temető hagyatékában (2, 4: Ujelgi 1. kurgán 5. sír) (fotó: Sz. Botalov, Fodor I. és Türk A. kiemelés: Türk A.)

насколько быстро он мог достать нужное оружие и сменить его.[106] Кроме того, было важно, чтобы оружие и другие предметы, которые он держал при себе на лошади, как можно меньше стесняли его движения во время боевых действий. В наследии завоевателей Карпатского бассейна в последние годы удалось установить, что колчан для стрел и колчан для стрел-сагеров носили на одном ремне, разделенном кольцами для распределения ремней, независимом от ремня с заклепками, который таким образом можно было отстегнуть одним движением (*рис. 47. 2*). Исследование ремней для колчанов в Карпатском бассейне X века, то есть тактических ремней, предназначенных в первую очередь для ношения колчана со стрелами и независимых от кованого пояса, ранее не получало должного внимания в венгерской археологической литературе, но затем, именно благодаря аналогам из Погребального комплекса Уелги и Сростки, удалось распознать и реконструировать их (*рис. 47. 1*).[107] Значение ремня для колчана заключается в том, что с его помощью колчан можно носить значительно стабильнее, чем подвешенный на поясе, горизонтально расположенном на талии. Причина этого в том, что косо прикрепленный ремень для колчана опирается на тело большей площадью. Таким образом, для ношения колчана на соответствующей высоте требуются более короткие подвесные ремни.

В коллекции знаменитого музея Нижнего Архыза, расположенного в северном предгорье Кавказа, присутствует хорошо сохранившийся кожаный чехол для лука, снабженный металлической подвеской.[108] В нем был найден лук, помещенный в полотняный чехол, имеющий близкое родство с венгерскими находками луков эпохи завоевания Онтана, поэтому, по нашему мнению, этот чехол можно обоснованно рассматривать как аналог предложенной нами реконструкции карошского экземпляра. В наследии евразийских кочевников раннего средневековья близкие аналогии мы находим прежде всего в тюркский период в Алтайском крае,[109] а также в кругу культуры Сростки (IX–XI вв. н. э.), поэтому у завоевателей мы можем считать этот тип предмета восточного происхождения.[110]

Шёлк и текстильные находки

В последнее десятилетие при изучении археологического наследия эпохи завоевания всё большую роль играют остатки органических материалов и их анализ, которые, несмотря на небольшое количество, оказались огромным источником информации. К ним относятся и текстильные находки, среди которых, помимо одного льняного полотна лучшего и одного худшего качества, удалось обнаружить и идентифицировать с точки зрения техники плетения шелковые находки, известные из письменных источников, относящиеся к венгерской культуре. Бывало, что шелком обшивали только края одежды, или же вся нижняя одежда была изготовлена из шелка. Мы знаем примеры того и другого как из находок периода завоевания Карпатского бассейна, так и из часто приводимых в качестве аналогии памятников VIII–X веков из Восточной Европы и Северного Предкавказа. Среди шелковых находок до недавнего времени практически без исключения были известны только самиты, которые были широко распространены в исследуемый период.[111]

Однако после находок в Тарпе в 2012 году в 2016 году в Восточной Венгрии, на окраине деревни Деречке, вновь был обнаружен артефакт, относящийся к шелкам с плетением «такете» (*taqueté*) (*1*). Этот тип находки уже не является единичным явлением в материалах X века. Ему придает особое значение то, что среди многочисленных современных ему остатков шелка в Западной и Северной Европе подобного до сих пор

[106] Kelemen 2005.
[107] Türk et al. 2021.
[108] Тихонов 2010.
[109] Худяков 2004.
[110] Flesch et al. 2019.
[111] Türk–Harangi 2023.

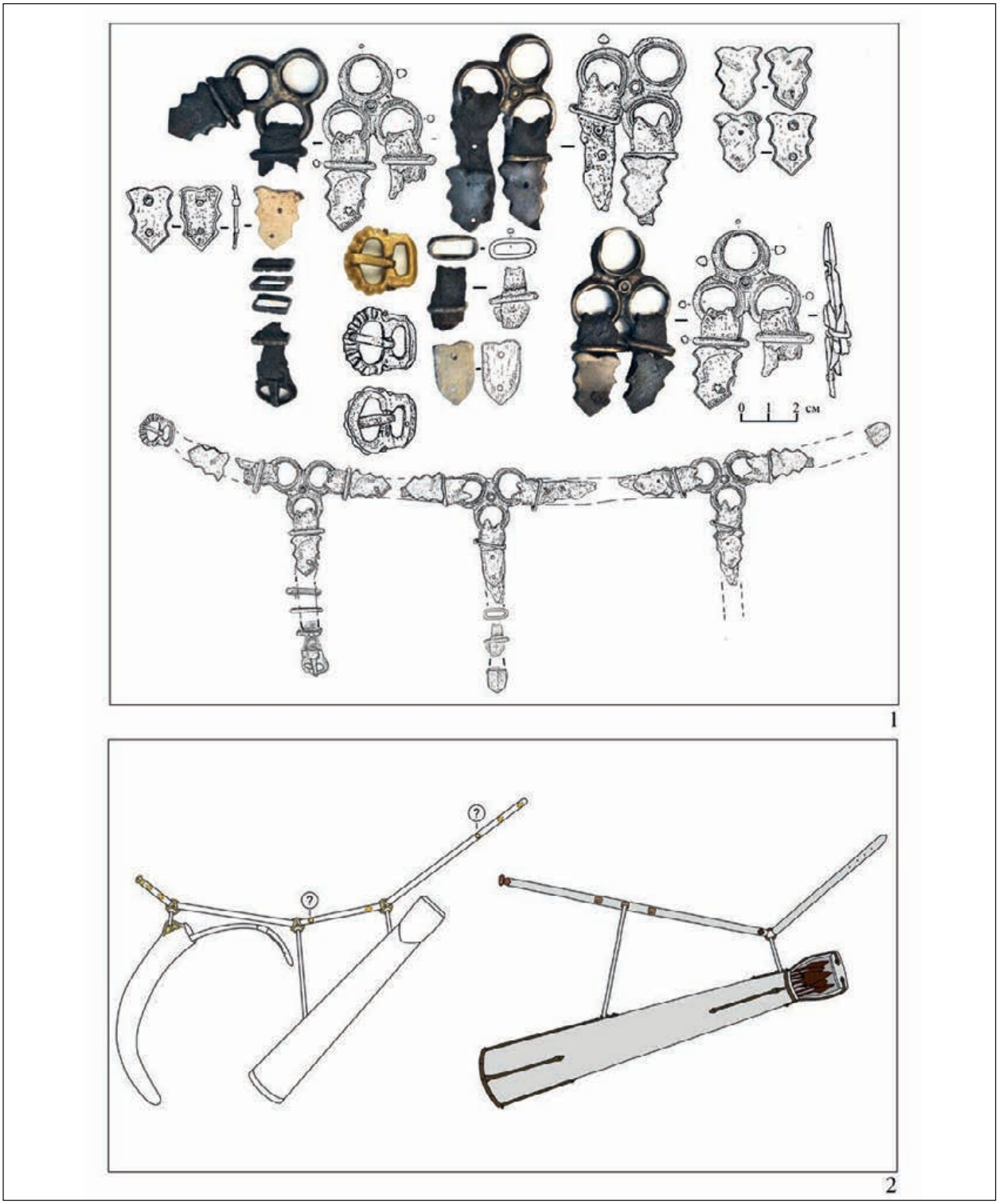

Рис. 47. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XLVII. Оружие 5. Пояс для колчана. Пояс для колчана древневенгерского типа и их аналоги на Востоке. 1: Реконструкция пояса из погребения 6 кургана 11 Погребального комплекса Уелги; 2: Реконструкция пояса для колчана из могилы Karos-Eperjegyszög II/52. (по Türk et al. *2021, 4. kép)*

47. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XLVII. Fegyverek 5. Tegezöv. A honfoglalás kori tegezövek és keleti kapcsolatrendszerük. 1: Az ujelgi temető 11. kurgán 6. sír övének rekonstrukciója; 2: Karos-Eperjegyszög II/52. sír tegezövének rekonstrukciója (Türk et al. *2021, 4. kép nyomán)*

не публиковалось, да и на территории Византии это редкость. Наряду с так называемым самитом, составляющим значительную часть идентифицируемых остатков шелка в могилах эпохи завоевания, курьезом считается тип ткани *taqueté*, что их изготавливали на так называемом ткацком станке с тяговыми шнурами, который распространился на территории Римской империи с III века и стал широко используемым типом ткацкого станка в византийских мастерских. Таким образом, шелка с переплетением taqueté указывают на то, что древние венгры когда-то располагали и другими источниками шелка, что скорее указывает на Ближний Восток и Центральную Азию и, предположительно, вместе с несколькими другими находками свидетельствует о дальнем торговом обмене и Шелковом пути. Шелковые текстильные находки также хорошо известны в могильнике Синеглазово и в Погребальном комплексе Уелги, где вместе с находками из кожи ската, обнаруженными на рукоятках сабель, указывают – наряду с многочисленными металлическими находками – на то, что эти торговые связи на большие расстояния из Кавказа достигали и районов Южного Урала.[112]

Что касается происхождения шелковых находок эпохи завоевания, то Ч. Балинт, анализирую находки из кладбища X века, обнаруженные в местности Сабадкидьёш-Паллигет (Szabadkígyós-Pálliget), выдвинул идею о том, что шелк попал к венграм благодаря торговым связям, зародившимся одновременно с греческой/православный миссионерской деятельностью, начавшейся после 950 года.[113] Эта гипотеза однозначно опровергается данными новых радиоуглеродных измерений, а также материалами из Погребального комплекса Уелги. К этому следует добавить, что новые данные по текстилю выявили дополнительные сходства с хорошо известными текстильными находками VIII–X веков на Северном Предкавказье, которые, несмотря на относительно большое расстояние, можно использовать в качестве аналогов сильно разрушенных органических находок периода завоевания, и могут помочь в их реконструкции.

Подводя итог, можно сказать, что находки шелка периода завоевания, система древних исторических связей которых уже была известна нам по местонахождению в Синеглазово на Южном Урале (*рис. 48*), дополненные уникальными находками типа «такете» из Тарпы и Деречке (Tarpa, Derecske), предоставляют еще более достоверные данные о том, что древние венгры участвовали в дальней торговле,[114] сохранили свои связи с Востоком после завоевания родины в Карпатском бассейне по крайней мере до середины X века, а их материальная культура была частью евразийского контекста того времени.[115]

Резюме – подведение итогов

Связь находок из Погребального комплекса Уелге с ранними венгерскими находками в Карпатском бассейне в свете и на основе аналогий с памятниками типа Субботцы и на территории современной Украины и Молдавии.

Для оценки сходств между Погребальным комплексом Уелги, могильником Актюба и древневенгерским археологическим наследием Карпатского бассейна, обобщенных выше, важно также привлечь материал из памятников типа Субботцы, играющих роль моста между двумя регионами. Этот анализ был проведен О. Комаром в 2018 году,[116] и, дополнив его новыми данными, мы можем обобщить наши текущие знания следующим образом.

Аналогии с наследием субботцевского типа, происходящие из Южного Зауралья, чаще всего встречаются в Погребальном комплексе Уелги. Там были найдены сбруйные и поясные накладки с «узелковым» бордюром, трехлопастные

[112] Türk–Harangi–Nagy 2020.
[113] Bálint 1991, 108,
[114] Polgár 2019, 274–290.
[115] Türk 2023, 250.
[116] Комар 2018.

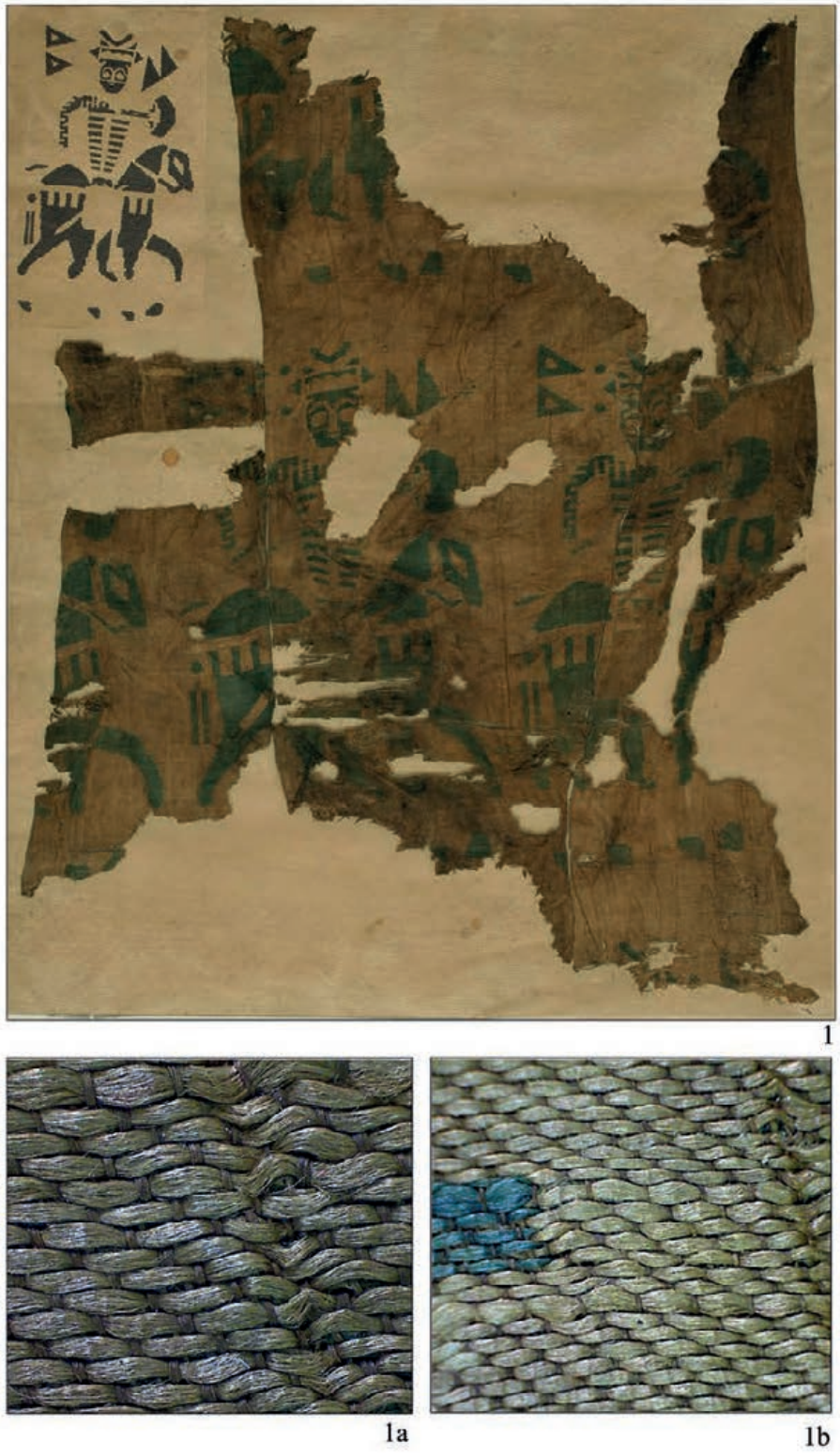

Рис. 48. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XLVIII. Текстиль 1. 1–3: Находка шелка (самит) происхождения позднего сасанидского периода из могильника Синеглазово (фото: С. Боталов; по Türk–Harangi 2023, Fig. 5)

48. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XLVIII. Textilek 1. 1–3: Késő szászánida eredetű samit selyemlelet Szinyeglazovo lelőhelyről (Fotó: Sz. Botalov; Türk–Harangi 2023, Fig. 5)

Рис. 49. Культурные параллели в материалах Погребального комплекса Уелги и древневенгерских памятников (памятники типа Субботцы [IX в.] и находки X–XI вв. из Карпатского бассейна) XLIX. Текстиль 2. 1–2: Шелк (самит) из объекта Derecske-Nagytező-dűlő 643; 3: Археологические находки текстиля X–XI веков из Карпатского бассейна (taqueté: Tarpa, Derecske [Тарпа и Деречке]). Условные обозначения: ■ – шелк; ▲ – льняное полотно; ○ – не определено (по Türk–Harangi 2023, Fig. 4. és 7)

49. kép. Régészeti kapcsolatok az ujelgi temető és a korai magyar leletanyagban (Szubbotci-típusú lelőhelyek [9. sz.], illetve a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatéka) XLIX. Textilek 2. 1–2: Samit selyem Derecske-Nagymező-dűlő 643. objektumból; 3: A Kárpát-medence 10–11. századi régészeti textilleletei (taqueté: Tarpa és Derecske). Jelkulcs: ■ – selyem; ▲ – lenvászon; ○ – meghatározhatatlan (Türk–Harangi 2023, Fig. 4. és 7)

и сердцевидные сбруйные бляшки, симметричные подовальные бляшки с имитацией шарнира, наборные мелкие бляшки с заходящими в подбор выступами, а также поясные детали «мифологического» стиля круга Субботцы.[117]

Самым ранним датируемым предметом среди находок из Погребального комплекса Уелги является агафоновская накладка в «геральдическом» стиле, на основании которой можно предположить наличие на этом могильнике раннего горизонта, относящегося к VII веку – началу VIII века. «Уральско-тюркский» горизонт, по терминологии О. Комара, состоящий из гладких, не украшенных поясных украшений, частично можно отнести и к сросткинской культуре. Однако из-за значительной степени нарушенности памятника пока трудно судить, сохранился ли упомянутый горизонт в Погребальном комплексе Уелги в своей первоначальной форме или же он представлен лишь в переходной версии, смещенной в сторону Сростки. Что касается орнаментов, характерных для Приуральского региона, то к ранним можно отнести ажурные подвески в форме листьев, тогда как подвески с выступающими частями, по мнению О. Комара, относятся уже к сросткинскому периоду.[118] Крестообразные подвески также отличаются от находок из Больших Тиганов, типологически близких к ним, и, вероятно, более поздних находок. «З-образные» накладки в захоронениях Приуральского региона также встречаются вместе с находками сросткинского периода. В то же время, их комбинацию с бляшками с окантовкой псевдограуляцией, с восьмерковидными бляшками и трехлопастными сбруйными с имитацией шарнира наблюдаем в Субботцевском могильнике.[119]

К наиболее характерным сросткинским украшениям принадлежат фигурки птиц и животных, сердцевидные бляшки, наконечники с выделенным ромбовидным центром и волютами, сбруйные бляшки с окантовкой выемчатыми кружками. Луновидные подвески можно считать результатом и как сросткинского, и как огузского влияния. Предметы конской сбруи также сросткинского облика, но среди них выделяются стремя из погребения 8 кургана 1, близкие салтовскому горизонту III, и стремя «огузо-печенежского» типа. Оба типа были распространены также у субботцевского населения в Северном Причерноморье и в сросткинский период на Урале.[120] Группа предметов, имеющих аналогии в Карпатском бассейне, достаточно обширна и чрезвычайно разнообразна по своему составу. Штифты для крепления этих накладок были загнуты, как и у ряда бронзовых накладок из Погребального комплекса Уелги, что позволяет отнести эти накладки к находкам 5-й субботцевской стилистической группы.

Полностью идентичные или схожие с розетковидными накладками[121] от ремня конского снаряжения найдены в некоторых захоронениях периода завоевания Карпатского бассейна. И. Фодор отдельно исследовал распространение этого типа предметов к востоку от Венгрии и пришел к выводу, что они не были обнаружены на местах раскопок, проведенных в достоверных условиях ранее X века. Он объяснял полное сходство предметов из Карпатского бассейна и Восточной Европы предположением, что восточные предметы попали в данную область путем торговли.[122] Обнаружение таких предметов в Погребальном комплексе Уелги, в таком удалении от Карпатского бассейна, было весьма неожиданным и одновременно делало весьма маловероятным предположение о том, что венгерские торговцы преодолевали бы непосредственно такое большое расстояние на восток. Однако это все больше повышает вероятность того, что где-то между двумя регионами существовал прямой торгово-коммуникационный канал, функционировавший в обоих направлениях.

[117] Боталов–Грудочко 2011; Комар 2018, 102–103.
[118] Комар 2018, 104.
[119] Комар 2018, 188.
[120] Комар 2018, 194.
[121] Langer et al. 2023.
[122] Fodor 2009.

В материалах Погребального комплекса Уелги и могильника Синеглазово присутствует целый ряд орнаментов, относящихся к субботцевскому кругу, что указывает на то, что население из Зауралья мигрировало в Северное Причерноморье весьма быстро (в течение одного поколения). Этим можно объяснить, что целый ряд предметов попал на эту территорию практически в неизменном виде.

Следует ли считать кочевых носителей сросткинской культуры причиной оттока древних венгров с их первоначальных мест обитания, или же, как традиционно предполагает историография, виновниками этого явления были племена печенегов и огузов? На этот вопрос археология пока не может дать ответа, однако она может утверждать, что печенеги не следовали за венграми на запад. В IX–X веках очень сильное влияние сросткинской культуры прослеживается в наследии населения, принадлежавшего к угорскому кругу и проживавшего в долинах рек Обь, Иртыш и Ишим, и это можно наблюдать еще дальше на запад, в восточных и западных предгорьях Урала.

Однако следует добавить, что все перечисленные типы общих предметов встречаются исключительно в наборах находок X века и, с точки зрения своего происхождения, связаны с разными культурными средами (сросткинский, огузско-печенежский, хазарский, приволжский). Поэтому О. Комар полагал, что эти предметы, находясь в рамках уже устоявшегося культурного очага, были перенесены из Зауралья в результате миграции древних венгров. Таким образом, единственным разумным объяснением этих параллелей является то, что уже в X веке между отдельными территориями и культурами Восточной Европы существовали весьма активные связи, а степень общего культурного влияния была значительной.[123]

В контексте обзора субботцевских связей весьма интересно отметить, что именно в уелгинских находках мы впервые сталкиваемся с типами орнаментов и мотивов, связанных с субботцевским кругом находок, которые не имеют точных аналогов в Европе и поэтому не могут быть интерпретированы исключительно как копии. Здесь скорее речь идет о параллельном развитии, исходящем из одного и того же стиля. В отличие от ранее упомянутого разнообразия предметов из Погребального комплекса Уелги, украшенных орнаментикой, характерной для 5-й субботцевской стилистической группы, в захоронениях субботцевского типа эта группа наблюдается в менее развитой форме, а в Большетиганском могильнике вообще отсутствует. Этот факт указывает на то, что на субботцевское население оказал влияние новый культурный импульс, пришедший с востока, который достиг их позже, уже после их миграции с востока.[124]

Чрезвычайное сходство погребальных обычаев, обнаруженных в могильнике Синеглазово, найденном в 1959 году, а также в могилах 1 и 2 кургана 2 Наровчатского кладбища, с обычаями субботцев позволяет сделать вывод, что эти захоронения можно связать с угорским населением, родственным субботцам, которое, что удивительно, еще в X веке поддерживало связи с древними венграми, уже проживавшими в то время в Карпатском бассейне.[125] Однако на основе имеющихся в настоящее время находок из этих двух могильников пока невозможно установить, откуда именно началось переселение из региона за Уралом в окрестностях Челябинска. Появление населения, родственного субботцам, в Зауралье, по-видимому, происходило параллельно с распространением на запад одного из движущих факторов миграционного процесса – влияния сросткинской культуры. Однако находки из Погребального комплекса Уелги, в отличие от аналогичных находок субботцев, полностью идентичны нахождениям из Карпатского бассейна и хорошо иллюстрируют прямые связи между ними. Учитывая, что в материалах Погребального комплекса Уелги присутствуют и другие предметы, связанные с Западом, в том числе находки, относящиеся к салтовскому и огузско-печенежскому кругу, то венгерское отношение вовсе не кажется плодом фантазии.

[123] Комар 2018, 197–199.
[124] Комар 2018, 198.
[125] Комар 2018, 198.

Важной особенностью Погребального комплекса Уелги является то, что в нём одновременно представлены археологические особенности раннего средневековья регионов, географически удаленных далеко друг от друга. Здесь были обнаружены характерные для Прикамье пряжки в форме медведя, серьги с имитацией грануляции и биметаллические кресала, конские упряжи, связанные с районом Алтая, керамика, сопоставимая с находками южной таежной лесной зоны, а также аналоги известных курганных захоронений из Северо-Западного Казахстана.[126]

Исследование Погребальнльного комплекса Уелги ещё не завершено, но найденные материалы уже сейчас подтверждают ранее выдвинутые предположения о непрерывной связи между двумя сторонами Урала в раннем средневековье.[127] Однако новым открытием является то, что эту территорию также связывали прочные связи с районом сибирских степей Барабы. Поскольку на Уелгинском местонахождении пока не обнаружено находок VI–VIII веков, то с точки зрения древневенгерской проблематики важные находки, с одной стороны, могут быть памятниками последнего, использовавшегося в течение короткого времени места проживания перед переселением на запад, но в основном, вероятно, их следует рассматривать как наследие венгров, оставшихся на востоке. Последнее является чрезвычайно важным результатом, поскольку о прежнем существовании венгров, оставшихся в Великой Венгрии, до сих пор упоминалось лишь в отчете Юлиана, а ранее в этом вопросе учитывалась только западная сторона Урала.[128] Между тем вопрос о венграх, оставшихся на востоке, был подтвержден археогенетическими исследованиями, прежде всего изучением чияликской культуры, так что это больше не является вопросом.[129]

Однако частичное совпадение по времени находок раннего венгерского типа в Волго-Камском регионе, Башкирии, Зауралье и на субботцевском горизонте вдоль Днепра и Днестра требует повышенной осторожности: в любом случае потребуются дальнейшие исследования и уточнение хронологии, но, вероятно, придется переосмыслить и теорию о формировании раннего венгерского народа на единственной, четко очерченной небольшой территории – если угодно, в его «прародине».[130]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ К ГЛАВЕ 4.

Архипов 1973: Архипов, Г. А.: *Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа.* Йошкар-Ола 1973.

Афанасьев 2001: Афанасьев, Г. Е.: Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? (Where are the Archaeological Evidences of the Existence of the Khazarian State?). *Российская археология* 2001:2, 43–55.

Афанасьев–Атавин 2002: Афанасьев, Г. Е. – Атавин, А. А.: Что же такое хазарский погребальный обряд? (Проблемы материала, археологического анализа и интерпретации). In: *Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы*. Ред.: Петрухин, В. Я. – Федорчук, А. М. Москва 2002, 14–16.

Бауло 2025: Бауло, А. В.: *«Чаша из серебра»: художественный металл IV–XIX вв. из Нижнего Приобья*. Новосибирск 2025.

Бенде–Лёринци–Тюрк 2010: Бенде, Л. – Лёринци, Г. – Тюрк, А.: Индивидуальный тип предмета в археологическом материале X–XI вв. в Карпатской котловине и его салтовские параллели. In: *Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия.* Ред.: Сташенков, Д. А. и др. Самара 2010, 244−254.

[126] Боталов 2013; Грудочко 2020.
[127] Боталов 2017.
[128] Türk 2023, 271–274.
[129] Szeifert et al. 2022.
[130] Зеленков 2026.

Боталов 2013: Боталов, С. Г.: Некоторые аспекты уральской мадьярской проблемы. In: *II-й Международный Мадьярский симпозиум: сборник научных трудов.* Отв. ред.: Боталов, С. Г. – Иванова, Н. О. Челябинск 2013, 139–167.

Боталов 2016: Botalov 2016: Боталов С. Г.: Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья лесо-степного Зауралья (Historical-cultural horizons of the early Iron and Middle Ages in the Trans-Urals forest-steppe). In: *Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза)*. Ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2016, 468–553.

Боталов 2017: Botalov 2017: Боталов, С. Г.: Погребальный комплекс Уелги и некоторые наблюдения на предмет угорского и мадьярского культурогенеза (A Dél-Urál a 6–11. században. Észrevételek az ugor és a magyar népesség anyagi műveltségének kialakulásával kapcsolatban). In: *Hadak útján XXIV. A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája. Esztergom 2014. november 4–6.* 2. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 3.2. Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 3.2. Főszerk.: Türk A. Budapest–Esztergom 2017, 267–334. https://doi.org/10.55722/Arpad.Kiad.2017.3.2_13

Боталов–Грудочко 2011: Боталов, С. Г. – Грудочко, И. В.: Новые материалы по культурогенезу средневекового населения Южного Урала (по материалам могильников Уелги и Синеглазово). In: *Мадяри в Середньому Подніпров'ї. Археологія і давня історія України 7. Мадяри в Середньому Подніпрові. Археологія і давня історія України 7.* Гол. ред.: Скорий, С. А. Киев 2011, 79–99.

Боталов и др. 2018: Боталов, С. Г. – Карачарова, И. А. – Ченченкова, О. П. – Карачаров, К. Г.: Исследование конструктивных особенностей сабель при реставрации. В: *Проблемы реставрации памятников культуры и искусства: материалы IV научно–практической конференции, посвященной 20-летию Эрмитажной школы реставрации*. Авт.-сост.: Агеева, М. В. и др. Екатеринбург 2018, 150–158.

Вязов и др. 2024: Вязов, Л. А. – Дьюриш, Б. – Комар, О. – Тюрк, А.: Культурная и популяционная динамика в Приуралье: история формирования раннесредневековых мадьяр в свете недавних археогенетических исследований (Cultural and Population Dynamics in the Ural Region: Insights into the Early Medieval Magyar Formation from Recent Archaeogenetic Research). *Stratum plus* 2024:5, 49–74. DOI: https://doi.org/10.55086/sp2454974

Генинг 1962: Генинг, В. Ф.: *Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай*. Свердловск 1962.

Грудочко 2021: Грудочко, И. В.: *Курганы с «усами» Эпоха поздней древности и раннего средневековья урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н. э.) (Kurgans with 'moustache'. The epoch of the late prehistory and Early Middle Ages of the Ural-Kazakhstan steppes [4th–7th AD]).* Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 16. Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 9. Budapest 2020.

Зеленков 2026: Александр С. Зеленков: *Культурогенез населения Тоболо-Иртышья в эпоху Великого переселения народов (III–VIII вв. н.э.) (A Tobol–Irtis-vidék népességének régészeti kulturális fejlődése a népvándorláskorban [Kr. u. 3–8. század])*. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 36. – Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok 14. Budapest 2026. DOI:10.55722/Arpad.Kiad.2026.14

Иванов 1999: Иванов, В. А.: *Древние угры-мадьяры в Восточной Европе*. Уфа 1999.

Казаков 2007: Казаков, Е. П.: *Волжские булгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия.* Казань 2007.

Казаков 2013: Казаков, Е. П.: Мадьяры и волжские болгары: этапы взаимодействия. In: *II-й Международный Мадьярский симпозиум: сборник научных трудов*. Отв. ред.: Боталов, С. Г. – Иванова, Н. О. Челябинск 2013, 173–181.

Квитницкий и др. 2020: Квитницкий, М. В. – Тельнов, Н. П. – Синика, В. С. – Тюрк, А.: Древневенгерское воинское погребение на левобережье Нижнего Днестра. / Korai magyar harcossír a

Dnyeszter alsó folyásának bal partvidékéről. In: *Первый Молдо–Венгеский археологический круглый стол, посвященнный вопросам раннего средневековья Восточной Европы. Кишинёв, 10–11 июня 2015. / I. moldáv–magyar régészeti kerekasztal konferencia Kelet-Európa kora középkoráról. Kisinyov, 2015. június 10–11.* Ред. / Szerk.: Türk A. – Budai D. – Дергачёва, Л. В. – Синика, В. С. – Рабинович, Р. А. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 18. – Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok 1. Budapest 2020, 205–232.

Кирпичников 1973: Кирпичников, А. Н.: C*наряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. (Harnachement du cavalieret de la montureen Russieaux IX–XIII siècles).* Археология СССР. Свод археологических источников E1–36. Ленинград 1973.

Комар 2011: Комар, А. В.: Древние мадьяры и Етелькеза: перспективы исследований. In: *Мадяри в Середньому Подніпров'ї. Археологія і давняісторія України 7.* Гол. ред.: Скорий, С. А. Київ 2011, 21–78.

Комар 2013: Комар, А. В.: Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований. In: *II-й Международный Мадьярский симпозиум. Сборник научных трудов*. Отв. ред.: Боталов, С. Г – Иванова, Н. О. Челябинск 2013, 182–231.

Комар 2018: Komar, V.: *История и археология древних мадьяр в эпоху миграции / A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei.* Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 11. Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 5. Budapest 2018. https://doi.org/10.55722/Arpad.Kiad.2018.5

Круглов 2006: Круглов, Е. В.: О «курганах с квадратными ровиками» и проблеме этнической атрибуции погребальных памятников хазарского времени. In: *Город и степь в контактной евро-азиатской зоне.* Ред: Мурашёва, В. В. Москва 2006, 76–78.

Кубарев 2005: Кубарев, Г. В.: *Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников).* Новосибирск 2005.

Никитина 2012: Никитина, Т. Б.: *Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья.* Археология евразийских степей 14. Казань 2012.

Плетнёва 1981: Плетнёва, С. А.: Салтово-маяцкая культура. In: *Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР*. Отв. ред.: Плетнёва, С. А. Москва 1981, 62–75.

Плетнёва 2003: Плетнёва, С. А.: *Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XVIII вв)*. Воронеж 2003.

Подосёнова и др. 2022: Подосёнова, Ю. А. – Данич, А. В. – Крыласова, Н. Б. – Каменщиков, О. Ю. – Мокрушин, И. Г. – Красновских, М. П. – Иванов, П, А.: Деревянные ножны с металлическими обкладками из Баяновского могильника Ломоватовской археологической культуры: результаты химико-технологического исследования (Wooden Scabbard with metal plates of bayanovo burial ground of the lomovatka culture archaeological culture: results of chemical and technological study). *Археология евразийских степей* 5 (2022) 282–297. https://doi.org/10.24852/25876112.2022.5.282.297

Приймак–Супруненко 1994: Приймак, В. В. – Супруненко, О. Б.: Венгерское погребение в кургане у с. Твердохлебы Кобелякского района. In: Супруненко, А. Б.: *Курганы Нижнего Поворсклья*. Москва–Полтава 1994, 81–84.

Руденко 2015: Руденко, К. А.: *Булгарское серебро. Древности Биляра.* Том II. Казань, 2015.

Синика et al. 2022: Синика, В. С. – Разумов, С. Н. – Лысенко, С. Д. – Тельнов, Н. П. – Тюрк, А.: Ранневенгерское воинское погребение на Нижнем Днестре (Early Hungarian warrior grave in the Lower Dniester). *Уфимский археологический вестник* 22:2, 2022, 283-298. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.009

Сташенков 1998: Сташенков, Д. А.: Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы). In: *Культура Евразийских степей второй половины I тыс. н.э.* Ред.: Сташенков, Д. А. Самара 1998, 213–231.

Супруненко 2011: Супруненко, О. Б.: Давньоугорський некрополь поблизу с. Дмитрівки в нижнійтечії Псла. *Археологія і давняя історія України* 7 (2011) 105–124.

Супруненко–Маєвська, 2007: Супруненко, О. Б. – Маєвська, С. В.: Давньоугорське поховання у кургані в пониззі Псла. Археологічний літопис Лівобережної України 2007:1–2, 32–45.

Тельнов и др. 2024: Тельнов, Н.П. – Тюрк, А. – Разумов, С.Н. – Синика, В.С.: «Старые» и новые венгерские погребения на левобережье Днестра ("Old" and new Hungarian graves on the left bank of the Dniester"). *Уфимский археологический вестник* 24:1 2024, 161–180. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.000

Тихонов 2010: Тихонов, Н.А.: *Археологическая коллекция Нижне-Архызского музея*. Нижний Архыз 2010.

Торгоев 2016: Торгоев А.И. Венгры на Северном Кавказе? In: *Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки (19 февраля – 18 сентября 2016 г.; Казань)*. науч. ред., авт. предисл.: А.И. Торгоев, И.Р. Ахмедов. Москва–Казань 2016, 310–313.

Тревер–Луконин 1987: Тревер, К. В. – Луконин, В. Г.: Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII веков. Москва 1987.

Третьяков–Тюрк 2023: Третьяков, Е. А. – Тюрк, А.: Веши «Мадьярского круга» из памятников Зауралья: Артефакты и контекст (Products of „Hungarian style" from archaeological sites of the Trans-Ural: Artifacts and context). *Поволжская археология* 44 (2023:2) 38–50. DOI: https://doi.org/10.24852/pa2023.2.44.38.50

Тюрк 2016: Тюрк, А.: Возможности и перспективы археологических исследований ранней истории угров-мадьяров. In: *Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 25–29 октября, 2016 г.* Ред.: Голдина, Р. Д. et al. Ижевск 2016, 268–272.

Тюрк и др. 2021: Тюрк, А. – Кенэз, А. – Загорхиди Цыгань, Б.: Новые археологические данные к восточноевропейским связям наследия эпохи обретения родины древними венграми: определение нагайки с проволочным элементом и деревянных сосудов с металлическими ободками в наследии X века в Карпатском бассейне (New archaeological data on the Eastern European relationships of the Old Hungarians: Determination of a horseriding whip with a wire and the wooden vessels with metallic decoration originated from the 10th century in the Carpathian Basin). In: Труды Камской археолого-этнографической экспедиции XVIII: Памяти Иштвана Фодора: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.М. Белавина Пермь 2021, 104–123.

Тюрк и др. 2025: А. Тюрк – Э. Полоньи – И. Ким – П. Овари: Диски-накосники (X в.) у древних венгров в Карпатском бассейне и их раннесредневековые восточноевропейские аналогии в Приуралье (The hair braiding discs of ancient Hungarians in the Carpahian Basin (10th c. AD) and their early medieval Eastern European analogies in the Ural region). In: *Труды КАЭЭ ПГГПУ Вып. XXVII*. Пермь 2025, 140–153. DOI: 10.24412/2658-7637-2025-27-140-153

Худяков 2004: Худяков, Ю. С.: *Древние тюрки на Енисее*. Новосибирск 2004.

Andrási 2015: Andrási R.: A 10–11. századi fülesgombok tipokronológiája Hajdú-Bihar megye és a Rétköz területén. Újabb adatok a honfoglalás kori viselet kérdéséhez. *Acta iuvenum: Sectio archaeologica* 2. Szeged 2015, 153–175.

Bálint 1991: Bálint, Cs.: *Südungarn im 10. Jahrhundert.* Studia Archaeologica 11. Budapest 1991.

Bende–Lőrinczy–Türk 2002: Bende L. – Lőrinczy G. – Türk A.: Honfoglalás kori temetkezés Kiskundorozsma-Hosszúhát-halomról (Eine landnahmezeitliche Bestattung von Kiskundorozsma-Hosszúhát-Hügel). *Móra Ferenc Múzeum Évkönyve – Studia Archaeologica* 8 (2002) 351–402.

Bollók 2013: Bollók Á.: Megjegyzések a honfoglalás kori (öv)veretek kutatásának helyzetéről – kiválasztott problémák. In: (Szerk.) Révész L. – Wolf M.: *A honfoglalás kor kutatásának legújabb eredményei. Tanulmányok Kovács László 70. születésnapjára.* Monográfiák a Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszékéről 3. Szeged 2013, 423–446.

Bollók 2015: Bollók Á.: *Ornamentika a 10. századi Kárpát-medencében Formatörténeti ta- nulmányok a magyar honfoglalás kori díszítőművészethez (The Ornamental Vocabulary of the Tenth Century in the Carpathian Basin. Form-historical Studies in the Decorative Arts of the Hungarian Conquest Period)*. Budapest 2015.

Balogh Bodor 2023: Balogh Bodor T.: Gömbsorcsüngős fülbevalók a 10. századi Kárpát-medencében és keleti kapcsolatrendszerük (Earrings with bead-row pendants from the 10th century Carpathian Basin and their eastern connections). In: *Hadak útján. A népvándorláskor kutatóinak XXIX. konferenciája. Budapest, 2019. november 15–16. / 29th Conference of scholars on the Migration Period. November 15–16, 2019, Budapest*. MŐK Kiadványok 4.2. Budapest 2023, 483–512. DOI 10.55722/Arpad. Kiad.2023.4.2_17

Chalikova–Chalikov 1981: Chalikova, E. A. – Chalikov, A. H.: *Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)*. RégFüz. Ser. II. No 21. Budapest 1981.

Csáky et al. 2020: Csáky, V. – Gerber, D. – Szeifert, B. – Egyed, B. – Stégmár, B. – Botalov, S. G. – Grudochko, I. V. – Matveeva, N. P. – Zelenkov, A. S. – Sleptsova, A. V. – Goldina, R. D. – Danich, A. V. – Mende, B. G. – Türk, A. – Szécsényi-Nagy, A.: Early Medie- val Genetic Data from Ural Region Evaluated in the Light of Archaeological Eviden- ce of Ancient Hungarians. *Scientific Reports*, 10 (2020) 19137. https://doi.org/10.1038/ s41598-020-75910-z

Deminger 2023: Deminger Cs.: *Honfoglalás kori zablák kutatásának legújabb eredményei és azok keleti eredetének kérdésköre.* https://n9.cl/rh7wo

Deminger 2024: Deminger Cs.: Újabb adatok a Kárpát-medencei 10–11. századi zablák klasszifikációjához (New data from the Carpathian Basin 10th–11th centuries for the classification of horse bits). *Kuny Domokos Múzeum Közleményei* 25 (2024) 79–132.

Deminger–Jakab–Türk 2021: Deminger Cs. – Türk A. – Jakab A.: Adatok a 10. századi hagyaték urálialtaji (Szrosztki-kultúra) kapcsolatú tárgytípusainak értékeléséhez. A honfoglalás kori csavart szájvasú zablák. In: *Hadak útján – A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXX. konferenciája 2021. november 11–13., Székesfehérvár. Absztraktkötet.* Szerk.: Kulcsár M. et al. Székesfehérvár 2021, 29–30. ISBN 978-615-81466-1-6

Dienes 1959: Dienes I.: A perbetei lelet. Milyen volt a honfoglaló magyarok öve? (Der Fund von Perbete. Wie sahen die Gürtel der landnehmenden Ungarn aus?). *Archaeologiai Értesítő* 86 (1959) 145–158.

Dienes 1960: Dienes I.: Honfoglaló magyarok sírjai Nagykőrösön. (Могилы венгров- завоевателей родины в Надькёрёше). *Archaeologiai Értesítő* 91 (1960) 177–187.

Dienes 1964: Dienes I.: A karancslapujtői honfoglalás kori öv és mordvinföldi hasonmása (Пояс эпохи завоевания Родины и его мордовская аналогия). *Archaeologiai Értesítő* 91 (1964) 18–40.

Döbrentey et al. 2021: Döbrentey-Dávid Sz. – Türk A. – Jancsik B. – Boguckaja, N. – Haramza M. – Gulyás A. – Langó P.: Honfoglaló rájasimogató? Adatok a 10. századi szablyamarkolatok halbőrrel való bevonásának kérdéséhez: Jászjákóhalma-Béke TSz II. 17. sír. In: *Hadak útján – A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXX. konferenciája 2021. november 11–13., Székesfehérvár. Absztraktkötet.* Szerk.: Kulcsár M. et al. Székesfehérvár 2021, 30–31.

Erdélyi 2008: Erdélyi I.: *Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei.* Budapest 2008.

Fettich 1937: Fettich N.: *A honfoglaló magyarság fémművessége (Die Metallkunst der land- nehmen den Ungarn)*. Archaeologia Hungarica 21. Budapest 1937.

Fodor 2009: Fodor I.: Van-e honfoglalás kori emlékanyagunkban "friss belső-ázsiai beütés"? *Archaeologia Cumanica* 2 (2009) 61–77.

Fülöp 2019: Fülöp R.: Üveggyöngyök a honfoglalás korában. https://mki.gov.hu/hu/hirek-hu/minden-hir-hu/uveggyongyok-a-honfoglalas-koraban

Fülöp 2024: Fülöp R.: Megjegyzések az avar és honfoglalás kori üveggyöngyök tipológiai elemzésének módszertani lehetőségeihez. *Archeologiai Értesítő* 149 (2024) 373–386.

Horváth 2004: Horváth C. (2004). Láncékszerek a honfoglalás kori leletanyagban (Kettenschmucksachen in dem landnahmezeitlichen Fundmaterial). In: *Móra Ferenc Múzeum Évkönyve – Studia Archaeologica* 10 (2004) 459–482.

Horváth 2022: Horváth C.: Szakony-Kavicsbánya honfoglalás kori temetője – adatok a kis- családi temetők kérdésköréhez. In: *Magyar őstörténeti műhelybeszélgetés* II. A Magyarságkutató Intézet Kiadványai 55. Szerk.: Neparáczki E. Budapest 2022, 99–108.

Flesch et al. 2019: Flesch M. – Strohmayer Á. – Türk A.: A honfoglalás kori tegezöv egy új rekonstrukciója a karosi II/52. sír íjászfelszerelésének átdolgozása és keleti analógiák nyomán. In: *Hadak útján. A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXIX. konferenciája. Budapest, 2019. november 15–16. 29th Conference of young scholars on the Migration Period. November 15–16, 2019, Budapest. Absztraktkötet.* Szerk.: Sudár B. – Türk A. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 15. – Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 7. Budapest 2019, 34–41.

Fodor 1975: Fodor I.: *Verecke híres útján… A magyar nép őstörténete és a honfoglalás*. Budapest 1975.

Fodor 2009: Fodor, I.: Ein ungarischer Fund aus dem 10. Jahrhundert in Kasan. *Acta Orientalia Hungarica* 62/3 (2009) 303–313. https://doi.org/10.1556/AOrient.62.2009.3.4

Fodor 2009a: Fodor I.: Van-e honfoglalás kori emlékanyagunkban „friss belső-ázsiai beütés"? (Are there „fresh Inner Asian features" in the archaeological material of the 10th century Hungarians?). In: *„In terra quondam Avarorum…" Ünnepi tanulmányok H. Tóth Elvira 80. születésnapjára. Archaeologia Cumanica* 2 (2009) Kecskemét, 61–77.

Gáll 2013: Gáll E.: *Az Erdélyi-medence, a Partium és a Bánság 10–11. századi temetői (10th and 11th century burial sites, strayfinds and treasures in theTransylvanian Basin, the Partium and the Banat)*. Magyarország Honfoglalás kori és kora Árpád-kori sírleletei 6. Szeged–Budapest 2013.

Istvánovits 2003: Istvánovits E.: *A Rétköz honfoglalás és Árpád-kori emlékanyaga (Das landnahme- und arpadenzeitliche Nachlassmaterial des Rétköz)*. Régészeti gyűjtemények Nyíregyházán 2. Magyarország honfoglalás és kora Árpád-kori sírleletei 4. Nyíregyháza 2003.

Kelemen 2005: Kelemen Zs.: *Lóháton, fegyverben*. Szentendre 2005.

Khalikova–Kazakov 1977: Khalikova, E. A. – Kazakov, E. P.: Le cimetière de Tankeevka. In: *Les anciens Hongroiset les ethnies voisines a L'Est*. Studia Archaeologica 6. Red.: Erdélyi, I. Budapest 1977, 21–221.

Klima 2009: Klima L.: 100 éves a keleti ezüst. https://renhirek.blogspot.com/2009/04/100-eves-keleti-ezust.html

Komar 2023: Komar O.: „Fejedelmi temetkezés" az ősi Kijev területén Jozef Hojnovszkij 1892-ben végzett kutatásai nyomán. In: *Hadak útján. A népvándorláskor kutatóinak XXIX. konferenciája. Budapest, 2019. november 15–16. / 29th Conference of scholars on the Migration Period. November 15–16, 2019, Budapest*. MŐK Kiadványok 4.2. 2023, 755–782. DOI 10.55722/Arpad.Kiad.2023.4.2_28

Kovács 2008: Kovács, L.: *Vulvae, Eyes, Snake Heads. Archaeological Finds of Cowrie Amulets. With malacological identifications by Gyula Radócz*. BAR International Series 1846. Oxford 2008. https://doi.org/10.30861/9781407303338

Kovács 2010: Kovács L.: Fakés egy honfoglaló magyar sírban (Messer aus Holz in einem landnahmezeitlichen Grab). In: *Laudator Temporis Acti. Tanulmánykötet Horváth István 70 éves születésnapjára.* Szerk.: Lázár S. – Tari E. Esztergom 2010, 107–137.

Krylaszova–Belavin–Türk 2014: Krylaszova N. B. – Belavin A. M. – Türk A.: Újabb adatok a honfoglalás kori tarsolyok és tűzkészségek klasszifikációjához Volga–Káma-vidéki analógiáik fényében (The classification of Conquest period purses and tinder sets in the light of analogies from the Volga-Kama region). In: *Avarok pusztái. Régészeti tanulmányok Lőrinczy Gábor 60. születésnapjára.* Opitz Archaeologica 6. – MTA BTK MŐT Kiadványok 2. Szerk.: Anders A. – Balogh Cs. – Türk. A. Budapest 2014, 457–496.

Kunst 2006: Kunst, G. K.: Hautreste eines Knorpelfisches. In: F. Daim und E. Lauermann (Hrsg.): *Das frühungarische Reitergrab von Gnadendorf (Niederösterreich)*. Mainz 2006, 83–92.

Kürti 1991: Kürti B.: Szeged-Székhalom. *Régészeti Füzetek* 1:42 (1991) 55.

Langer–Lőrinczy–Türk 2023: Langer D. – Lőrinczy G. – Türk A.: Adatok a honfoglalás kori rozettás lószerszámveretek klasszifikációjához és elterjedéséhez. Kelebia-Négyes járás (Szeged–Szabadka, Négyhalom határ) honfoglalás kori leletei (Finds from the Conquest Period at Szeged-Szabadkai út, Négyhalom határ. New data regarding the interpretation and geographical spread of the tenth century rosette shaped horse harness fittings, in light of recently discovered eastern analogies). In: *Hadak útján. A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXIX. konferenciája. Budapest, 2019. november 15–16. 29th Conference of young scholars on the Migration Period. November 15–16, 2019, Budapest*. Főszerk.: Türk A. Szerk.: Sudár B. – Jancsik B. Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok 4.2. – Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 24.2. Budapest 2023, 433–481. ISBN 978-615-6388-35-3. DOI 10.55723/Arpad.Kiad.2022.4.2_16

Langó–Türk 2004: Langó P. – Türk A.: Móra nyomában – Előzetes beszámoló a Kiszombor határában 2003-ban végzett honfoglalás kori lelőhelyek hitelesítő feltárásairól. *Múzeumi kutatások Csongrád megyében 2003* (2004), 203–214.

Liska 1996: Liska A.: X–XI. századi temető Örménykúton (Ein Friedhof aus dem X–XI. Jahrhundert in Örménykút). *Békés Megyei Múzeumok Közleményei* 16 (1996) 175–208.

Marschak 1986: Marsak, B. I.: *Silberschätze des Orients*. Leipzig1986.

Petkes 2011: Petkes Zs: Törökszentmiklós-Szenttamáspuszta 10–11. századi temetője (Gräberfeld aus dem 10.–11. Jahrhundert von Törökszentmiklós-Szenttamáspuszta). *Archaeologiai Értesítő* 136 (2011) 181–213.

Polgár 2019: Polgár Sz.: *Kelet-Európa kereskedelmi kapcsolatai az írott források alapján (kb. 750–1000)*. Magyar Őstörténeti Könyvtár 32. Budapest 2019.

Révész 1988: Révész L.: Gömbsorcsüngös fülbevalók a Kárpát-medencében (Ohrgehänge mit Kugelreihenanhänger im Karpatenbecken). *Herman Ottó Múzeum évkönyve* 25/26 (1988) 141–160.

Révész 1996: Révész L.: *A karosi honfoglalás kori temetők (Die Gräberfelder von Karos aus der Landnahmezeit. Archäologische Angaben zur Geschichte des oberen Theißgebietes im 10. Jahrhundert)*. Magyarország honfoglalás kori és kora Árpád-kori sírleletei 1. Miskolc 1996.

Szeifert et al. 2022: B. Szeifert – D. Gerber – B. Egyed – A. G. Sitdikov – I. R. Gazimzyanov – E.V. Volkova – B. G. Mende – A. Türk – A. Szécsényi-Nagy: Bioarchaeological analysis of Bolshie Tigani cemetery in context of Hungarians' early history In: Халиков А.Х.: *Великая Венгрия между Волгой и Уралом*. Отв. ред.: Ситдиков, А. Г. Археология евразийских степей 27. Казань 2022, 132–141.

Szilágyi 1994: Szilágyi, K.: Perlentypen aus dem 10.–12. Jahrhundert in Ungarn und ihre archäologischen Bedeutung. *Památky Archeologické* 85 (1994) 75–110.

Szilágyi 2002: Szilágyi K.: Adalékok a Kárpát-medence 9–12. századi kereskedelmének tárgyköréhez (Some data to the trade of the Carpathian Basin in the 9th–12th centuries). *Turán* 32 (2002) 41–47.

Szőke 1962: Szőke B.: *A honfoglaló és kora Árpád-kori magyarság régészeti emlékei*. Régészeti Tanulmányok I. Budapest 1962.

Tárnoki 1982: Tárnoki J.: Régészeti kutatások Nógrád megyében (1979–1981) (Archäologische Ausgrabungen im Komitat Nógrád [1979–1981]). *Nógrád Megyei Múzeumok Évkönyve* 8 (1982) 381–386.

Tettamanti 1975: Tettamanti S.: Temetkezési szokások a X–XI. században a Kárpát-medencében (Begräbnissitten im 10–11. Jh. im Karpatenbecken). *Studia Comitatensia* 3 (1975) 79–123.

Točik 1968: Točík, A.: *Altmagyarische Gräberfelder in der Südwestslowakei*. Archeologica Slovaka Catalogi 3. Bratislava 1968.

Türk 2010: A szaltovói kultúrkör és a magyar őstörténet régészeti kutatása. In.: *Középkortörténeti tanulmányok 6. A VI. Medievisztikai PhD-konferencia (Szeged, 2009. június 4–5.)*. Szerk.: G. Tóth P. – Szabó P. Szeged (2010) 261−306.

Türk 2025: Türk A.: *Modern magyar őstörténet (Kr. u. 4–10. sz.). A Kárpát-medence honfoglalás kori régészeti hagyatékának eurázsiai kapcsolatrendszere interdiszciplináris kitekintésben.* MTA Doktori Értekezés. Tézisek. Budapest 2025.

Türk 2023: Türk A.: *Az Uráltól a Kárpátokig. Régészet és korai magyar történelem (From the Urals to the Carpathians. Archaeology and history of early Hungarians).* Középkortörténeti Könyvtár 30. – Magyar Őstörténeti Kutatócsoport Kiadványok 8. Szeged–Budapest 2023. DOI: 10.55722/Arpad.Kiad.2023.8

Türk 2024: Türk, A.: New results and ideas of the archaeological research on early Hungarian history in the eurasian context (Новые результаты и идеи археологических исследований ранней истории мадьяров в евразийском контексте). *Поволжская археология* 1 (47) 2024, 234–247. https://doi.org/10.24852/pa2024.1.47.234.247

Türk et al. 2021: Türk A. – Flesch M. – Strohmayer Á. – Fjodorov, O. V.: A karosi honfoglalás kori temetők viselettörténeti és archeometriai kutatásainak újabb eredményei (Новые находки из деревни Карош в контексте истории изучения костюма и археометрии эпохи завоевания родины). *A Herman Ottó Múzeum Évkönyve* 60 (2021) 47–79.

Türk–Harangi 2023: A. Türk – F. Harangi: A Unique Type of Silk in the Archaeological Heritage of the Hungarian Conquest Period and Some Remarks on the Use of Silk. *Slovenská archeológia – Supplementum 3*. M. Holeščák/J. Zábojník (eds.): Medieval Stories. In Honor of Gabriel Fusek. Nitra 2023, 169–185. DOI: https://doi.org/10.31577/slovarch.2023.suppl.3.12

Türk–Harangi–Nagy 2020: Türk, A. – Harangi, F. – E. Nagy, K.: New type of silk among the archaeological textile finds in the Hungarian Conquest period (10th century AD) in the Carpathian Basin. In: *На пути открытий в жизни и науке. Сборник научных статей и воспоминаний к юбилею ученых-археологов Иванова Владимира Александровича и Обыденновой Гюльнары Талгатовны*. Отв. ред.: Кортунов, А. И. Уфа 2020, 142–155.

Türk–Lőrinczy–Marcsik 2015: Türk A. – Lőrinczy G. – Marcsik A.: Régészeti és természettudományi adatok a Maros-torkolat nyugati oldalának 10. századi történetéhez (Archäologische Daten und naturwissenschaftliche Ergebnisse zur Geschichtedes 10. Jahrhunderts des westlichen Ufers der- Muresch-Mündung). Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 4. MTA BTK Magyar Ős- történeti Témacsoport Kiadványok 4. Budapest, 2015.https://doi.org/10.55722/Arpad. Kiad.2015.4_02

Türk–Sánta–Óvári 2026 in print: Türk A.– Sánta Zs. – Óvári P.: Az Uráltól a Kárpátokig. Újabb régészeti adatok a honfoglalás kori hagyaték kelet-európai kapcsolatrendszeréhez (szórványleletek). Budapest 2026 in print.

Zágorhidi Czigány–Kenéz–Türk 2019: Zágorhidi Czigány B. – Kenéz Á. – Türk A.: Tiszakürt–Sziki-Kisföldek 32. objektum honfoglalás kori sír. Adatok a 10. századi hurkos végű bronzdrótok érékeléséhez, valamint a lovaglóostorok és fémszerelékes faedények elkülönítéséhez a korszak hagyatékában. In: *Hadak útján. A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXIX. konferenciája. Budapest, 2019. november 15–16. Absztraktkötet*. Szerk.: Sudár B. – Türk A. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 15. – Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 7. Budapest 2019, 59–67.

ГЛАВА 5
ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗЦОВ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА УЕЛГИ[1]

Csáky, V., Szeifert, B., Gyuris, B., Mende, B. G., Боталов, С. Г., Türk, A., Szécsényi-Nagy, A.

Введение

Изучение Погребального комплекса Уелги с помощью методов палеогенетики началось в 2017 году. Первые исследования были сфокусированы на однородительских маркерах, что позволило определить спектр материнских и отцовских гаплотипов населения, погребённого на данном кладбище. Из всех трёх стратиграфических горизонтов могильника в Институте археогеномики HUN-REN BTK (который в то время был лабораторией археогенетики Института археологии MTA BTK RI), было обработано в общей сложности 22 образца, результаты были опубликованы в 2020 году.[2]

Спустя несколько лет на первый план вышли более передовые исследования, включающие полногеномный анализ. Они позволили сделать более полные и точные выводы. В таких исследованиях, наряду с однородительскими маркерами митохондриальной ДНК и Y-хромосомы, которые наследуются только по отцовской или по материнской линии, также изучается и остальная часть генома: аутосомы и половые X-хромосомы. В этой работе несколько образцов ДНК из Погребального комплекса Уелги вошли в совместный анализ с образцами из других памятников Волго-Уральского региона. Полученные результаты позволили авторам прийти к заключению, что Южный Урал, причем, как его европейская, так и азиатская часть — основная зона исходного этногенеза венгров. Археологически предковая для венгров группа связана с караякуповским археологическим горизонтом раннего Средневековья X века.[3] Один из образцов из работы Csáky был повторно проанализирован в статье Gerber и др. 2024, с целью установления возможного уральского происхождения венгров, переселившихся на Паннонскую равнину и завоевавших ее (Uyelgi21/MS20).[4]

Результаты анализа однородительских маркеров митохондриальной ДНК и Y-хромосомы

Однородительскими маркерами называют полиморфные локусы митохондриальной ДНК и Y-хромосомы. Они наследуются исключительно либо по материнской линии, как маркеры митохондриальной ДНК (мтДНК), либо по отцовской линии, как маркеры Y-хромосомы. Если принадлежность к тем или иным линиям митохондриальной ДНК определяется через однонуклеотидные полиморфные локусы SNP (*single nucleotide polymorphism*), то принадлежность к конкретным линиям Y-хромосомы определяется за счет анализа как однонуклеотидных полиморфных локусов SNP, так и за счет анализа микросателлитных локусов, иначе называемых короткими тандемными повторами — STR (*short tandem repeats*). Анализ Y-хромосомы основыва-

[1] Редактирование и адаптацию перевода текста с венгерского на русский язык осуществил Коньков Андрей Сергеевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник центра Генетики и наук о жизни, Университета Сириус (354340, Краснодарский край, Федеральная территория Сириус, Олимпийский проспект, 1).

[2] Csáky и др. 2020a.

[3] Gyuris–Vyazov и др. 2025.

[4] Gerber и др. 2024.

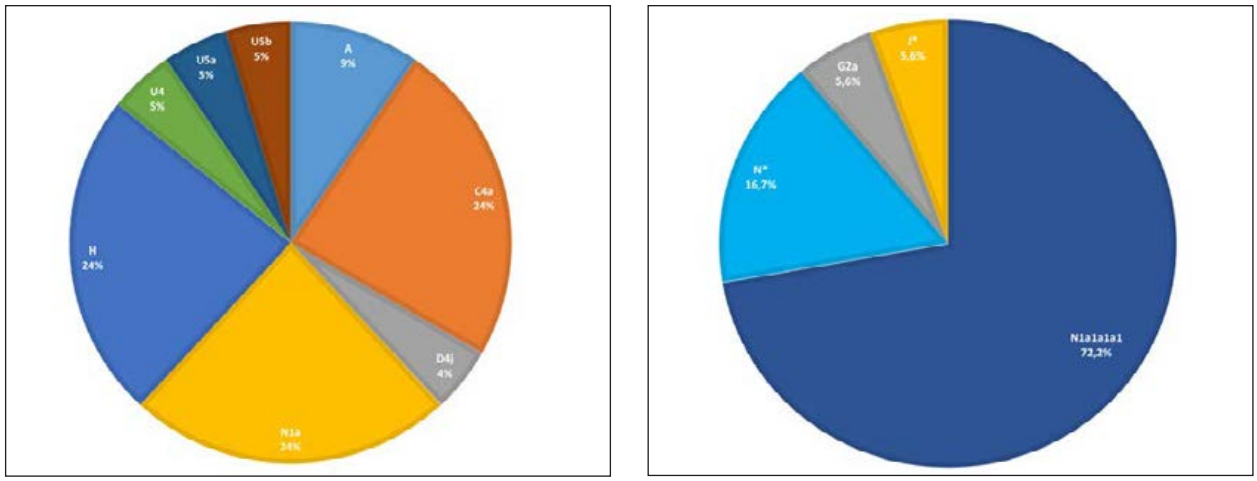

Рис. 1. Частоты гаплогрупп: a) митохондриальные – материнские линии, b) Y-хромосомные – отцовские линии
1. kép. Haplocsoport frekvenciák: a) mitokondriális – anyai vonalak, b) Y-kromoszómás – apai vonalak

ется на двух основных типах маркеров. Y-STR (short tandem repeats) исследования измеряют вариабельность быстро изменяющихся повторяющихся последовательностей, которые подходят для реконструкции недавних родственных связей. Y-SNP (*Single Nucleotide Polymorphism*) исследования фиксируют однонуклеотидные мутации. Эти маркеры изменяются медленнее и используются для определения более глубоких линий происхождения. Оба метода взаимодополняют друг друга и позволяют на разной глубине уточнять гаплогруппы.

С их помощью можно проследить родословные линии, родственные связи и миграционные модели на протяжении тысячелетий. Эти области генома изменяются со скоростью, подходящей для изучения истории формирования и расселения человеческих популяций на уровне крупных географических регионов. Однако, однородительские маркеры представляют крайне малую часть общего генетического наследия и не отражают истории наследования по другим восходящим линиям родословной (от отца матери или от матери отца). Вследствие этого по ним нельзя реконструировать полную историю популяции, так как основная часть генетической информации заключена в аутосомах (для сравнения: распределение генетической информации в клетке — аутосомная ДНК ~99%, Y-хромосома ~1–2%, <0,001%).

В результате лабораторных исследований образцов ДНК из Погребального комплекса Уелги с помощью маркеров мтДНК, было отсеквенировано двадцать два митохондриальных генома с хорошим покрытием (глубина секвенирования от 10,93× до 103,1×, среднее покрытие 48,66×). Почти все изученные образцы относились к шести митохондриальным макрогаплогруппам: A, C, D, H, N, U *(рис. 1a)*. Западноевразийские гаплогруппы представлены следующими линиями: 1) U (3 индивида), которая была представлена субкладами U4d2, U5a1a1, U5b2a1a1, 2) H (6 индивидов), представленная субкладами H3b+16129, H40b, 3) N (5 индивидов), представленная кладой N1a1a1a1a. Хотя этот пул гаплогрупп считается по происхождению западноевразийским, некоторые дочерние субклады в нем возникли уже позже на территории Восточной Евразии. Восточноевразийские гаплогруппы представлены следующими линиями: 1) A (2 индивида) с субкладами A+152+16362, A12a, 2) C (5 индивидов) с субкладами C4a1a6, C4a2a1, 3) D (2 индивида) с субкладами D4j, D4j2, а также гаплогруппы: 4) R1 с субкладой R11b1b и 5) Z с субкладой Z1a1a.

Спектр Y-хромосомных клад в могильнике Уелги по сравнению с митохондриальными линиями был более однородным. Из 18 проанализированных мужчин 16 относятся к гаплогруппе N, где большинство образцов представлены субкластером N1a1a1a1 (N1a-M46), 3 образца не удалось типировать глубже базальной клады N*, что, по-видимому, было связано с сохранностью ДНК *(рис. 1b)*. Оставшиеся 2 образца относились к гаплогруппам G2a2b2a1a1a1b и J*.

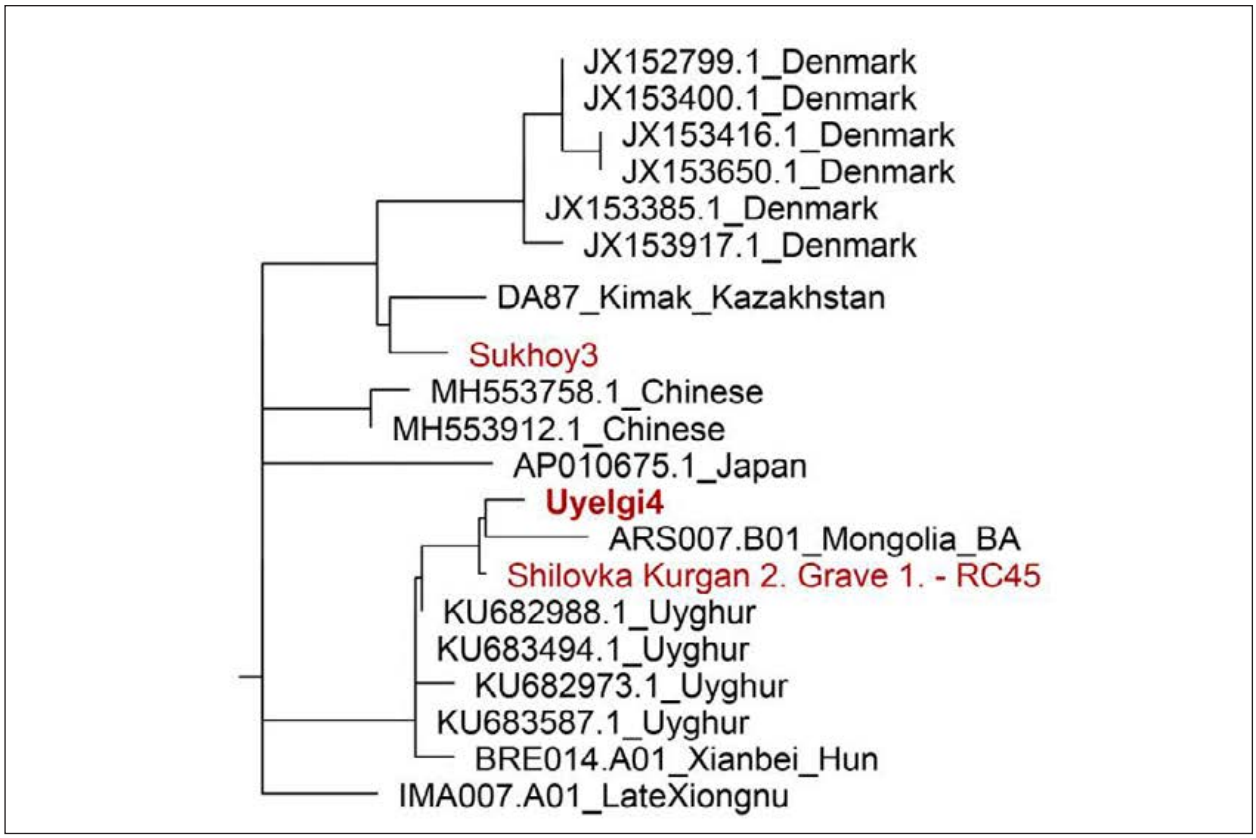

Рис. 2. Филогенетическое дерево гаплогруппы A+152+16362 (полное филогенетическое дерево гаплогруппы A см. в статье Szeifert et al. 2022). Субклада A+152+16362 была обнаружена у образца из самого позднего горизонта памятника Уелги – из кургана 29 (X–XI вв., погр. 1 и 2, Uyelgi4), а также у образца из кургана 13 некрополя Сухой Лог (VII–VIII вв., Sukhoj3) и у образца из погр. 1 кургана 2 памятника Шиловка (RC45, Szeifert et al. 2022)
Образец Uyelgi4 относится к одной субкладе с образцом из Шиловки. Вместе с ними к этой ветви относятся также образцы уйгуров, хунну и ряд индивидов из Монголии эпохи бронзы. При этом образец из могильника Sukhoj3 разделяет общую кладу со средневековым кимакским индивидом из степного пояса Центральной Азии. Общая структура филогенетического дерева указывает на центрально- или восточноазиатское (или, по крайней мере, зауральское) происхождение и распространение этой клады

2. kép. Az A+152+16362 haplocsoport filogenetikai fája (a teljes A haplocsoport filogenetikai fát lásd a Szeifert et al. 2022 cikkben). Az A+152+16362 alhaplocsoportot az Ujelgi lelőhely legfiatalabb horizontjából származó, 10-11. századi 29. kurgánnál (1., 2. sír, Uyelgi4), valamint a Szukhoj Log temető (7–8. század) 13. sírjából származó mintánál (Sukhoj3) és a Silovka lelőhely 2 kurgánjának 1. sírjából előkerült mintánál (RC45, Szeifert et al. 2022) detektáltuk. Az Uyelgi4 minta a Silovkából származó mintával egy alágon helyezkedik el, melyen további ujgur és Mongóliából származó bronzkori, illetve hun kori mintákkal csoportosul, míg a Sukhoy3 egy középkori közép-ázsiai sztyeppről származó kimak egyénnel helyezkedik el egy alágon. A filogenetikai fa általános felépítése az anyai vonal közép-kelet-ázsiai (vagy legalábbis transzuráli) eredetére és elterjedésére utal

По данным митохондриальной ДНК, обнаружены родственные связи индивидов из могильника Уелги с населением из других погребений Приуралья. Например, образцы из Погребального комплекса Уелги (курган 29, погребения 1–2) и памятника Шиловка (курган 2, погребение 1) относятся к одной субкладе гаплогруппы A+152+16362 *(рис. 2)*. Кроме того, в выборках из могильника Уелги найден другой общий с образцами из других приуральских могильников Броди, Танкеевка и Ново-Хозятово (с) *(рис. 3)* гаплотип гаплогруппы D4j2.

Между выборкой населения из Погребального комплекса Уелги на Урале и населением Паннонской равнины периода венгерского завоевания X века выявлены популяционно-генетические связи в их митохондриальном генофонде. Так, у индивида Uyelgi3 (курган 28, погребения 5–6, нарушенные погребения) и трех мадьяр эпохи венгерского завоевания из могильни-

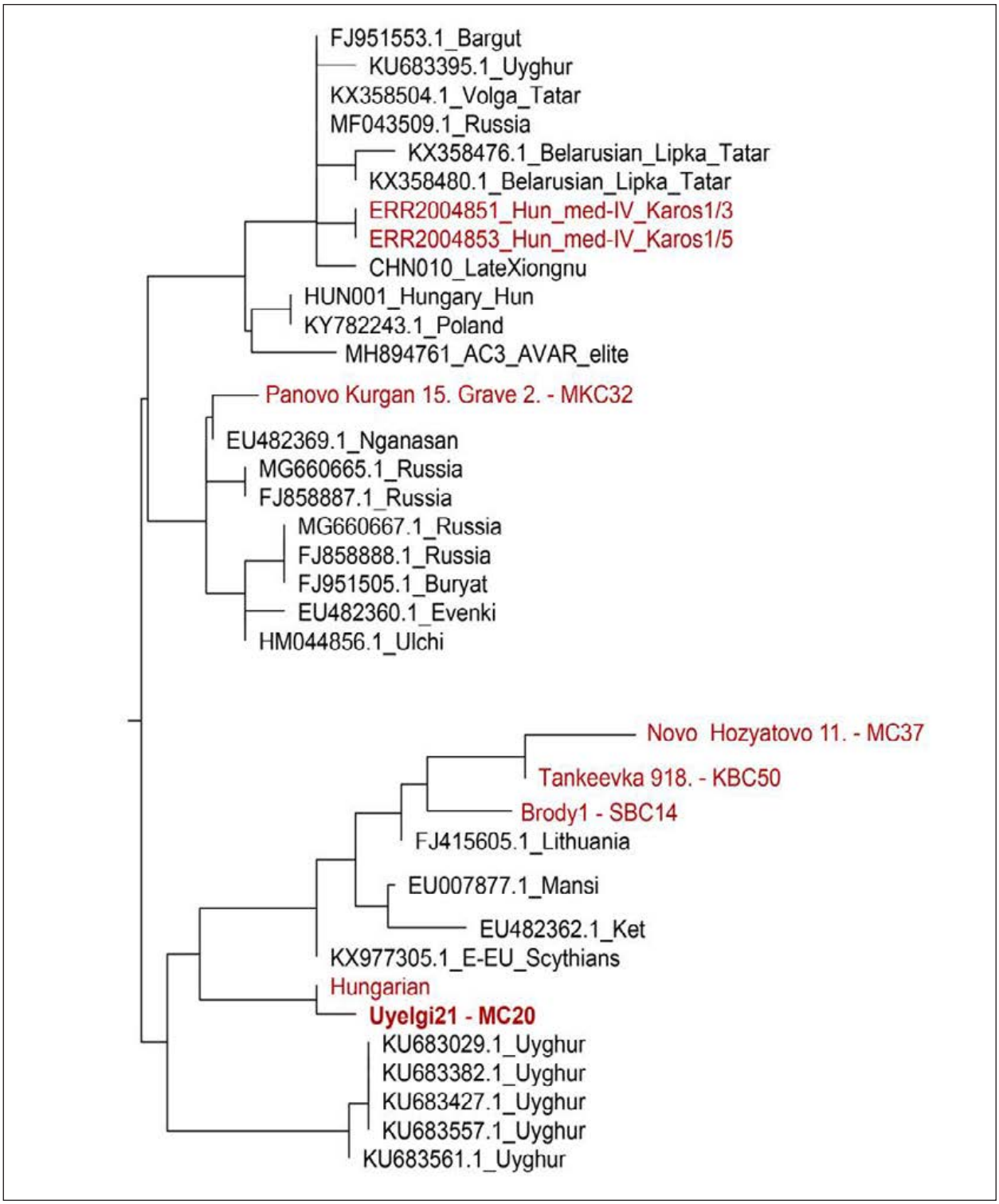

Рис. 3. Филогенетическое дерево гаплогруппы D4j (полное филогенетическое дерево гаплогруппы D4 см. в статье Szeifert et al. 2022). Примечательно, что образец с гаплогруппой D4j из раннего горизонта некрополя Уелги (IX в., курган 11, погр. 5; Uyelgi21) объединяется в одну кладу с современным венгерским индивидом. Прочие образцы из памятников Броди, Танкеевка и Ново-Хозя́тово группируются с литовскими индивидами, а также с манси, кетами и скифскими образцами в другую общую ветвь

3. kép. A D4j haplocsoport filogenetikai fája (a teljes D4 haplocsoport filogenetikai fát lásd a Szeifert et al. 2022 cikkben). Az Ujelgi temető korai horizontjából (9. század) előkerült D4j haplocsoporttal rendelkező minta (Uyelgi21, 11. kurgán, 5. sír) érdekes módon egy mai magyar egyénnel csoportosul. Egy másik alágon pedig a Brodi, Tankejevka, Novo Hozjatovo lelőhelyekről származó minták litván egyénekkel, valamint manysi, ket és szkíta mintákkal csoportosulnak

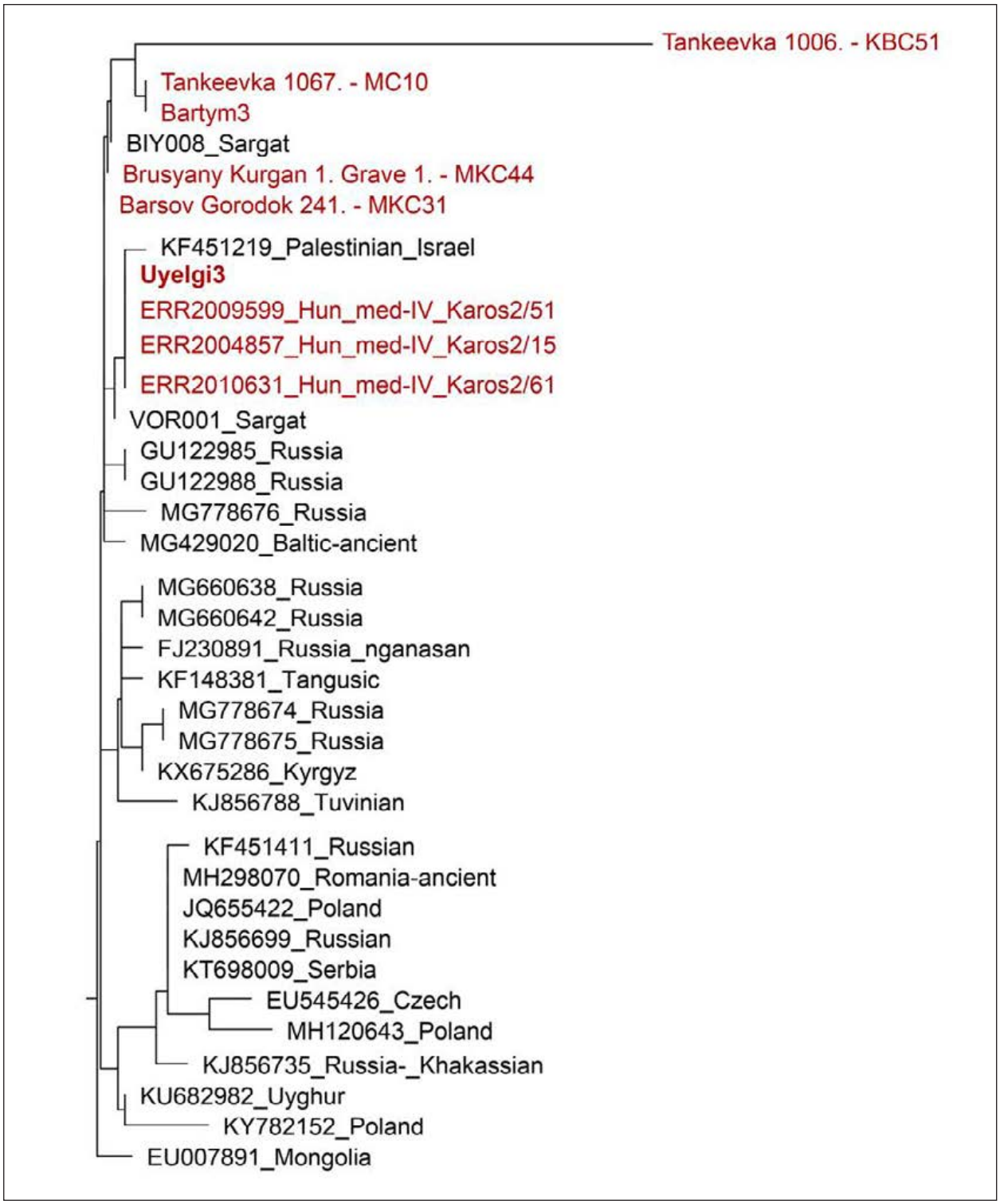

Рис. 4. Филогенетическое дерево гаплогруппы U4d2 (полное филогенетическое дерево гаплогруппы U4 см. в статье Szeifert et al. 2022). мтДНК образца Uyelgi3 совпадает с митогеномами трёх венгерских завоевателей из могильников Карош (IX–X вв.), что предполагает близкое или даже прямое родство по материнской линии между этими индивидами. Прочие образцы из Волго-Уральского региона (памятники Танкеевка, Бартым, Брусяны, Барсов Городок) кластеризуются в другую субкладу

4. kép. Az U4d2 haplocsoport filogenetikai fája (a teljes U4 haplocsoport filogenetikai fát lásd a Szeifert et al. 2022 cikkben). Az Uyelgi3 minta mtDNS-e megegyezik három karosi temetőből származó magyar honfoglaló mitogenomjával (9–10. század), ami szoros vagy akár közvetlen anyai ágú kapcsolatot feltételez ezen egyének között. Egy másik mellékágon pedig további Volga–Urál régióból származó minták csoportosulnak (Tankejevka, Bartim, Bruszjani, Barszov Gorodok lelőhelyekről)

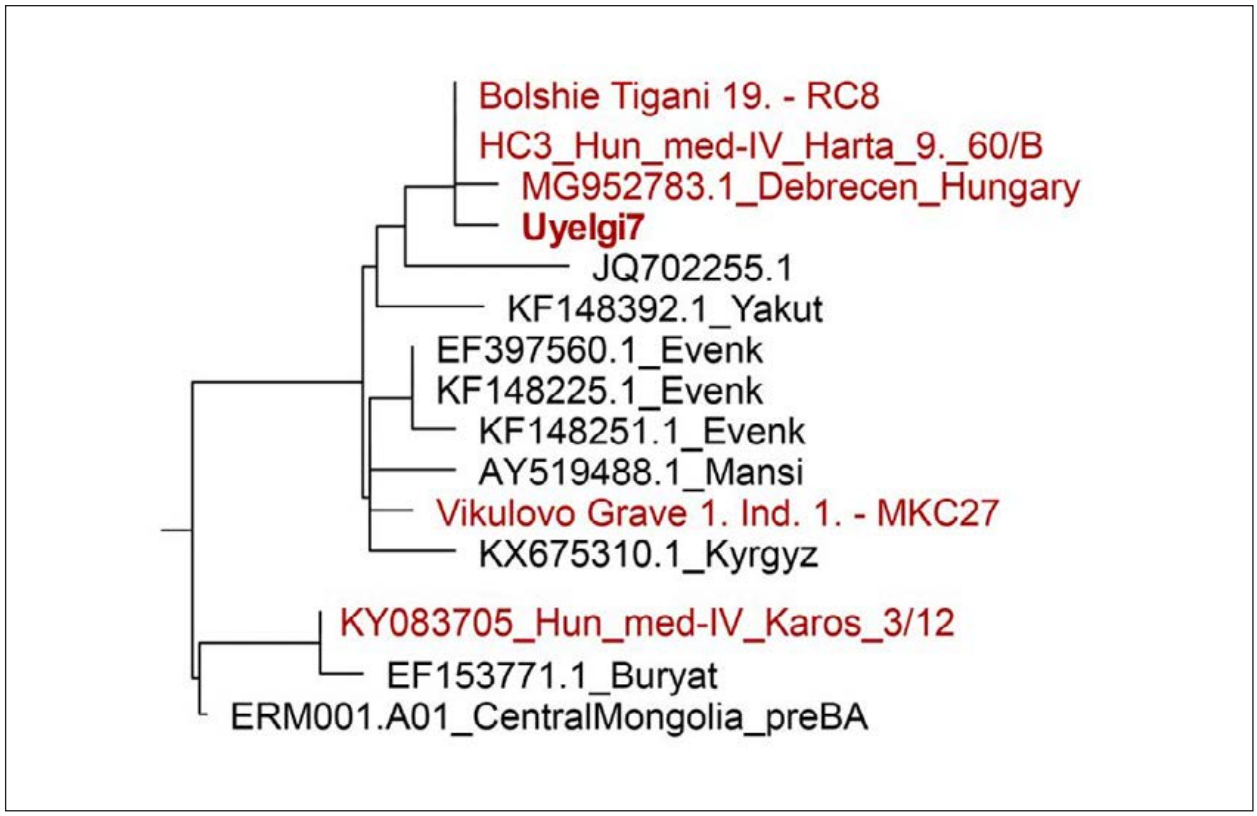

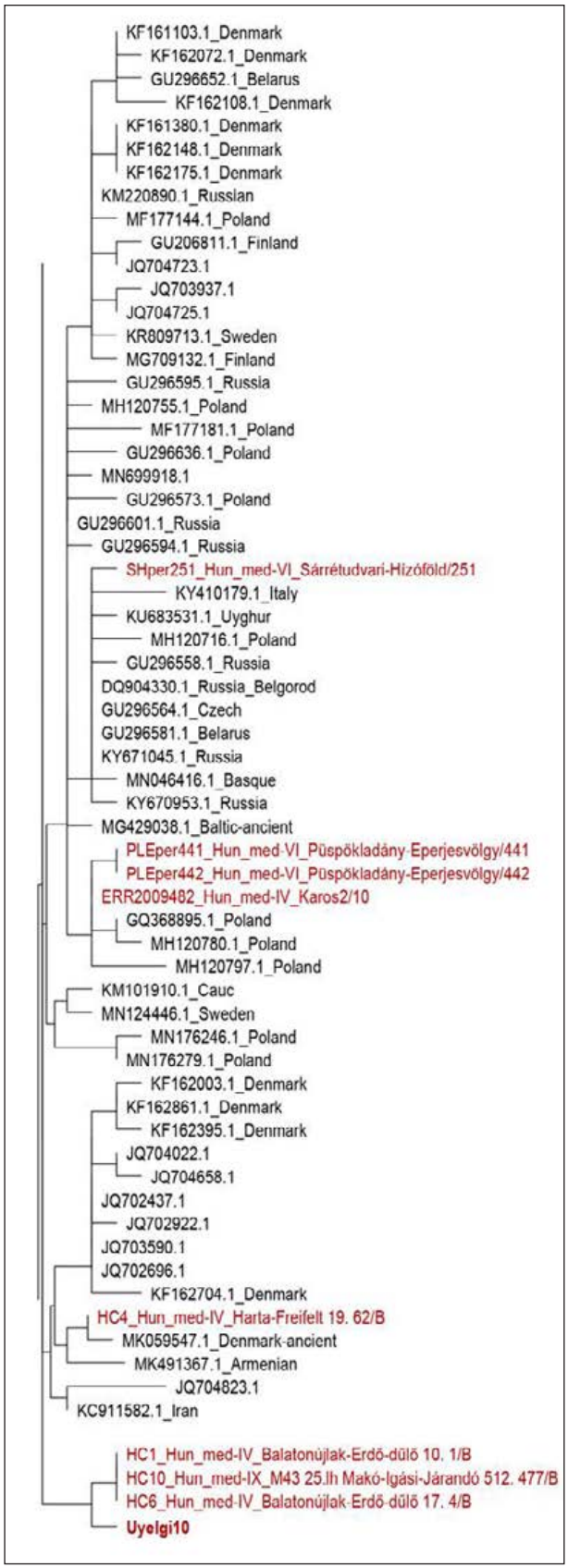
Рис. 5. Филогенетическое дерево гаплогруппы A12a (полное филогенетическое дерево гаплогруппы A см. в статье Szeifert et al. 2022). Клада A12a выявлена у индивида из самого позднего горизонта памятника Уелги (X–XI вв., курган 30, погр. Uyelgi7), у венгерского завоевателя из памятника Харта (X в., HC3), у образца из Больших Тиган (RC8), а также у современного венгерского образца из района Дебрецена. Все они являются носителями одной общей ветви этой гаплогруппы, что указывает на близкое или даже прямое родство по материнской линии между этими индивидами.

5. kép. Az A12a haplocsoport filogenetikai fája (a teljes A haplocsoport filogenetikai fát lásd a Szeifert et al. 2022 cikkben). Az A12a alhaplocsoport az Ujelgi lelőhely legfiatalabb horizontjából (10-11. század) származó 30. kurgán sírjából származó személynél (Uyelgi7), egy 10. századi hartai lelőhelyről származó magyar honfoglalónál (HC3), egy Bolsije Tyiganiból származó mintánál (RC8), valamint egy Debrecen területéről származó, mai magyar mintánál van jelen, melyek egy külön ágon helyezkednek el, viszonylag szoros vagy közvetlen anyai filogenetikai rokonságot feltételezve ezen minták között

ка Карош II[5] идентичный митохондриальный ДНК-гаплотип U4d2 *(рис. 4)*. Кроме того, у образца HC3 (женщина 30–40 лет из могильника в Харте первой половины X века)[6] и у образца RC8 из могильника Большие Тиганы совпадает митохондриальный гаплотип клады A12a. Этот гаплотип близок по своему родству производному от него гаплотипу этой гаплогруппы A12a, обнаруженному в могильнике Уелги (курган 30, погребение без номера, образец Uyelgi7) *(рис. 5)*.

Согласно данным археологии, погребальный инвентарь Уелгинских образцов включает позолоченные серебряные бляхи с растительными орнаментами, близкие по стилю аналогичному инвентарю из могильников Сросткинской культуры (ареал которой охватывал Минусинскую котловину, Барабинскую степь в Западной Сибири и Алтайский регион). Важно также отметить, что нижние датировки этих археологических памятников моложе X века н. э., и поэтому они относятся уже к периоду после венгерского завоевания Паннонской равнины. Венгерские завоеватели из могильника Карош, которые были носителями гаплотипа клады U4d2, имели идентичный гаплотип с носителями этой клады из Уелгов, что указывает на близкое родство попу-

[5] Neparáczki и др. 2018.
[6] Kustár–Langó 2023.

ляций или на существование общей исходной популяции для двух групп.

У носителей клады D4j выявлена интересная закономерность на филогенетическом древе ее гаплотипов. Гаплотип образца Uyelgi21 (курган 11, погребение 5) группируется вместе с гаплотипом одного современного индивида из Венгрии *(рис. 3)*. Инвентарь из погребения 5 кургана 11 могильника Уелги (образец Uyelgi21) обладает признаками, характерными для сросткинской культуры, а также обнаруживает сходство и с типичным археологическим инвентарем в могильниках венгерских завоевателей Паннонской равнины.

Филогенетическое древо гаплогруппы U5a1a1 объединяет в одну ветвь митогеномные последовательности образца Uyelgi10, двух венгерских завоевателей из памятника Балатонуйлак-Эрдё-дюлё (HC1 и HC6) и индивида XI века из могильника Мако-Игаши (HC10) *(рис. 6)*. По данным археологии, образец Uyelgi10 из кургана 7, погребение 1 (в ранних публикациях погребение 5) на Урале датируется IX веком н.э. Его инвентарь имеет смешанный характер. Отмечено влияние сросткинской культуры (радиоуглеродная дата 880–1150 cal AD).[7] Могильник Балатонуйлак-Эрдё-дюлё (Balatonújlak-Erdődűlő, Hu) был обнаружен в западной части Венгрии, где венгерские завоеватели селились лишь эпизодически, и где классические венгерские находки встречаются го-

Рис. 6. Филогенетическое дерево гаплогруппы U5a1a1 (полное филогенетическое дерево гаплогруппы U5a см. в статье Szeifert et al. 2022). Клада U5a1a1 была выявлена у образца из среднего горизонта памятника Уелги (IX–X вв., Uyelgi10), а также у восьми образцов из выборки венгерских завоевателей. Образец Uyelgi10 обладает общей ветвью с тремя образцами венгерских завоевателей (два из могильника Балатонуйлак-Эрдодюлё (Balatonújlak-Erdődűlő, Hu): HC1 и HC6, один из памятника Мако-Игаши-Ярандó (Makó-Igási-Járandó, Hu): HC10), что предполагает близкое родство между ними

6. kép. Az U5a1a1 haplocsoport filogenetikai fája (a teljes U5a haplocsoport filogenetikai fát lásd a Szeifert et al. 2022 cikkben). Az U5a1a1 alhaplocsoportot az ujelgi lelőhely középső horizontjából (9–10. század) előkerült mintánál (Uyelgi10), valamint nyolc magyar honfoglaló mintánál detektáltuk.
Az Uyelgi10 és a három honfoglaló minta (kettő Balatonújlak-Erdődűlő lelőhelyről: HC1 és HC6, egy minta Makó-Igási-Járandó lelőhelyről: HC10) egy ágon csoportosul, ami szoros kapcsolatot feltételez közöttük

[7] Grudochko и др. 2018; Grudochko–Botalov 2011.

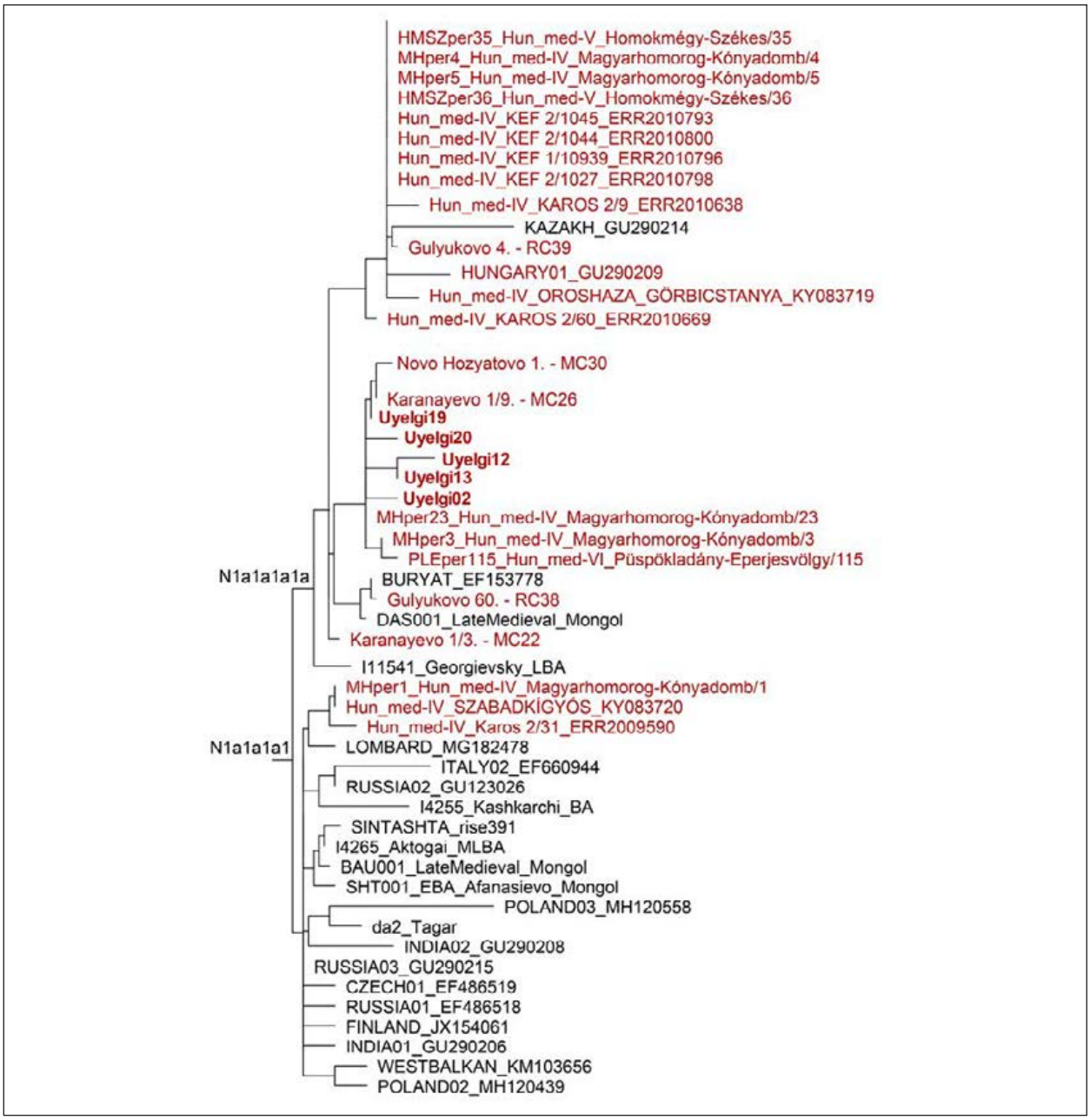

Рис. 7. Филогенетическое дерево митохондриальной гаплогруппы N1a1a1a (полное филогенетическое дерево гаплогруппы N1a см. в статье Szeifert et al. 2022). Клада N1a1a1a была выявлена у пяти индивидов из двух горизонтов некрополя Уелги: Uyelgi19 и Uyelgi20 — из самого древнего горизонта (IX в.), а Uyelgi2, Uyelgi12 и Uyelgi13 — из самого позднего горизонта (X–XI вв.). На филогенетическом дереве также представлены семнадцать образцов венгерских завоевателей из различных могильников X в. в Венгрии, а также образцы из других памятников Волго–Уральского региона (Каранаево, Гулюково, Ново-Хозя́тово) и современный венгерский индивид. Образцы из могильника Уелги группируются в один компактный кластер, который чётко объединяет в одно целое образцы из самого древнего и самого позднего горизонтов; материнские линии из могильника Уелги и у венгерских завоевателей располагаются на соседних ветвях (дополнительная информация и сокращения приведены в таблице S7, Szeifert et al. 2022)

7. kép. Az N1a1a1a mitokondriális haplocsoport filogenetikai fája (a teljes N1a haplocsoport filogenetikai fát lásd a Szeifert et al. 2022 cikkben). N1a1a1a alhaplocsoportot öt egyénnél detektáltunk, akik az ujelgi temető két horizontjából kerültek elő: az Uyelgi19 és Uyelgi20 a legrégebbi (9. századi) horizontból, valamint Uyelgi2, Uyelgi12 és Uyelgi13 a legfiatalabb horizontból (10–11. század). A filogenetikai fán további tizenhét 10. századi Kárpát-medence különböző temetőiből származó honfoglaló minta, Volga–Urál-vidéki lelőhelyekről származó minták (Karanajevo, Guljukovo, Novo Hozjatovo) és egy mai magyar egyén is látható. Az ujelgi csoportosulás kompakt, egyértelműen összeköti a legidősebb és legfiatalabb horizontot; az ujelgi és a magyar honfoglalók anyai vonalai szomszédos alágakon különülnek el (további információkat és rövidítéseket lást az S7. táblázatban, Szeifert et al. 2022)

раздо реже. Оба захоронения из этого могильника были могилами взрослых женщин, с богатыми инвентарями, включая позолоченные серебряные диски для кос. Одно из погребений было устроено в яме с нишей восточного происхождения. Археологически оба захоронения датируются второй третью X века, преимущественно её первой половиной.[8] Погребение из Мако-Игаши из Венгрии без инвентаря датируется второй третью XI века, то есть, ранним Арпадским периодом, когда завоеватели и местное население, по-видимому, уже смешались. Интересно отметить, что похороненный в этой могиле европеоидный мужчина 25–30 лет обладал отдельными монголоидными антропологическими чертами, как и почти все мужские захоронения из этого некрополя.[9]

Общие популяционно-генетически связи, также выявленные между населением могильника Уелги и венгерскими завоевателями, проявляются в наличии общих гаплотипов субклады N1a1a1a1a, которая относится к митохондриальной гаплогруппе N1a1 *(рис. 7)*. Пять образцов из Погребального комплекса Уелги, происходящих из самого раннего и самого позднего горизонтов, относятся к одной общей ветви филогенетического древа вместе с тремя образцами венгерских завоевателей (два из могильника Мадьярхоморог-Коньядомб и один из могильника Пюшпёкладань-Эперъешвёльд), а также с образцами из памятников Каранаево и Ново-Хозятово. Другая ветвь субклады N1a1a1a1a объединяет 11 образцов периода венгерского завоевания (из могильников Хомокмедь-Секеш, Мадьярхоморог-Коньядомб, Кенезлё-Фазекассуг, Орошхаза-Гёрбичтанья и Карош-Эперъессёг), а также один образец из Гулюково. Эти результаты указывают на родственные связи между представителями двух популяций и их общую предковую группу, что соответствует археологической хронологии памятника Уелги.

Спектр Y-хромосомных клад выявляет следующие факты о генезисе родственных связей мужского генофонда населения из могильника Уелги. Большинство мужчин из Уелгов, как уже говорилось принадлежит к Y-хромосомной гаплогруппе N. Согласно совокупному анализу, сделанному с помощью анализа STR и SNP маркеров, и построенных с помощью них филогенетических деревьев, все представители этой гаплогруппы относятся к одной и той же дочерней ветви внутри N-M46 (иначе N-tat и N1a1 в классификации ISOGG 14.255). Y-хромосомная клада N-M46 обладает широким географическим ареалом, простирается от Восточной Сибири до Скандинавии.[10] Один из её субкластеров – N-Z1936 (также известная как N3a4 и N1a1a1a1a2 в нуменклатуре ISOGG 14.255),[11] встречающийся среди уралоязычных народов, вероятно, имеет происхождение из уральского региона и его носители распространены от западной части Урала до Фенноскандии. Семь образцов, выделенных из костных останков могильника Уелги, вероятно, относятся к ее собственной дочерней субкладе следующего порядка дробления N-Y24365 (также N-B545 и N1a1a1a1a2a1c2 в номенклатуре ISOGG 14.255), которая встречается почти исключительно в современном Татарстане, Башкирии и Венгрии (согласно данным генетических баз полиморфизма Y-хросомомы ISOGG и YFull).[12]

Метод присоединения соседей (Median-Joining [MJ]) представляет собой биоинформатический алгоритм, который применяется прежде всего для выявления родственных связей между Y-хромосомными (или митохондриальными) гаплотипами, внутренней структуры популяций и возможного географического распределения. Это один из филогенетических методов, который позволяет выстроить гаплотипы в сеть на основе разделяющих их мутаций, а визуализация этих связей помогает интерпретировать пути происхождения и популяционные модели.

Филогенетические деревья, построенные с помощью MJ-анализа, были построены для 238

[8] Langó–Siklósi 2013.
[9] Balogh 2016.
[10] Ilumäe и др. 2016.
[11] https://isogg.org/tree/
[12] Post и др. 2019.

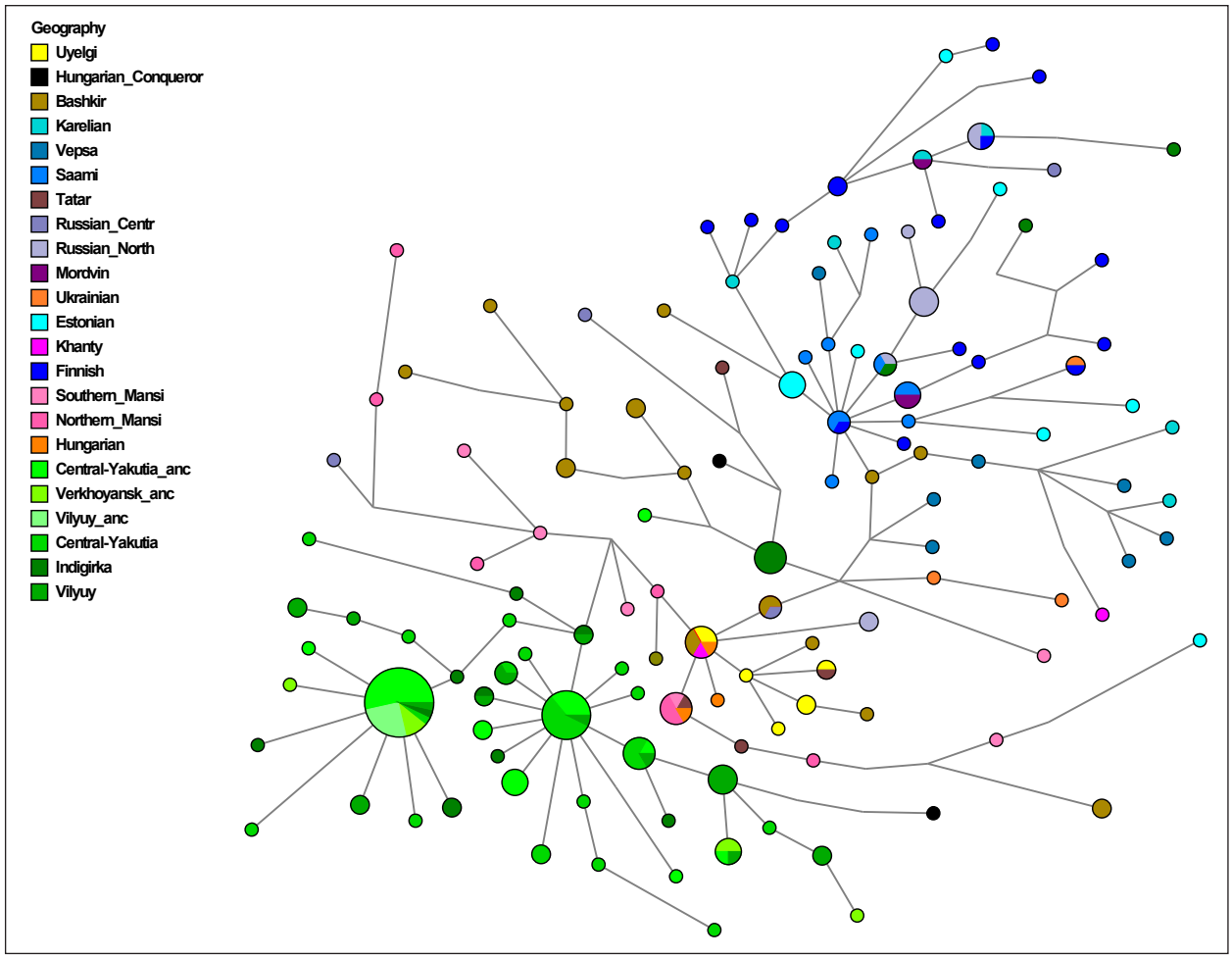

Рис. 8. Филогенетическое дерево Y-хромосомной гаплогруппы N-M46 для 238 образцов, построенное методом присоединения соседей на основе 17 STR маркеров. Все семь отцовских линий Уелги (отмечены жёлтым; два образца имеют идентичный профиль Y-STR локусов: Uyelgi1–Uyelgi5 и Uyelgi19–Uyelgi20) расположены на филогенетическом древе рядом друг с другом, а также с пятью манси, четырьмя башкирами, двумя венгерскими образцами, одним татарином из Волго–Уральского региона, одним образцом из Центральной России. Y-STR гаплотип из могильников Uyelgi1 и Uyelgi5 совпадает с двумя современными башкирами из Волго–Уральского региона, одним хантом из Западной Сибири и одним венгерским индивидом. Образец Uyelgi16 имеет идентичный Y-STR гаплотип с татарским индивидом из Волго–Уральского региона (см. дополнительную таблицу S8) (Csáky et al. 2020a)

8. kép. Az N-M46 Y-kromoszomális haplocsoport Median Joining típusú hálózatelemzése 17 STR alapján, 238 minta bevonásával. Mind a hét ujelgi apai vonal (sárgával jelölve, két-két minta azonos Y-STR profillal rendelkezik: Uyelgi1-Uyelgi5 és Uyelgi19-Uyelgi20) szomszédos egymással, továbbá öt manysi, négy baskír, két magyar Y típussal, egy Volga-Urál területéről származó tatár mintával és egy közép-orosz mintával. Az Uyelgi1 és Uyelgi5 Y-STR haplotípusa megegyezik két mai, a Volga–Urál-területéről származó baskírral, egy Nyugat-Szibériából származó hantival és egy magyar egyénnel. Az Uyelgi16 azonos Y-STR szettel rendelkezik egy Volga–Urál-területről származó tatár egyénnel (lásd az S8 kiegészítő táblázatot) (Csáky et al. 2020a)

Y-гаплотипов N-M46 по 17 STR-локусам *(рис. 8)* и для 335 Y-гаплотипов N-M46 по 12 STR-локусам. В выборку были включены семь индивидов из Погребального комплекса Уелги.

На основе MJ по 17 STR-локусам исследованные образцы демонстрируют идентичные или различающиеся на один шаг профили с башкирами, хантов,[11] венграми,[13] татарами Волго-Уральского региона и одной выборкой из Центральной России.[11]

На MJ-диаграмме, построенной по 12 STR-локусам, образцы из Уелгов соседствуют с двумя венгерскими завоевателями из Бодрогсередахей-Балваньдомб (Bodrogszerdahely-Bálvány-

[13] Fehér и др. 2015.

domb, Sk) и Карош-Эперъессёг[14] (Karos-Eperjesszög) (подробнее см. Csáky и др).[15] В онлайн-базе YHRD[16] обнаруживаются дополнительные совпадения и связи с выборками из Финляндии, Урала (Свердловская область) и европейской России (Пензенская и Архангельская области).

Следует подчеркнуть, что все они происходят либо из ареала уральской языковой семьи (к которой принадлежит и венгерский язык), либо с предполагаемого пути миграции ранних венгров.

Важно отметить, что в выборке элиты аваров[17] VII века с Паннонской равнины также была распространена гаплогруппа N-M46, как и в Уелгинской выборке, но у элиты авар присутствовала иная субклада – N-F4205 (N1a1a1a1a3a по ISOGG 14.255), среди современного населения характерная главным образом для монголоязычных народов Байкальского региона.[18] Поэтому происхождение и популяционные истоки аварской элиты отличаются от популяций, рассматриваемых в данном исследовании.[16]

Индивид из могильника Уелги (образец Uyelgi11, курган 29, погребение 7) относится к Y-кладе J2. Она и ее материнская гаплогруппа J происходят с Ближнего Востока, где в настоящее время она широко распространена.[19] Один мадьяр периода венгерского вторжения из могильника Шарретудвари-Хизофёльд (Sárrétudvari-Hízóföld, Hu) (SH/81) относится к дочерней линии J2a1a.[20] Один образец из Uyelgi11 был носителем клады J2, но, к сожалению, ее не удалось глубже типировать и уточнить к какой субкладе она относится.

Индивид из могильника Уелги (образец Uyelgi4, курган 29, погребения 1–2, нарушенные погребения) был носителем клады G-L1266 (G2a2b2a1a1a1b по ISOGG 14.255), который, в свою очередь, входит как дочерняя ветвь в гаплогруппу G-L140, широко распространённую в Европе. Интересно, что клада G-L1266 встречается и за пределами Европы. Среди венгерских завоевателей еще выявлена клада G-L30 (G2a2b по номенклатуре ISOGG 14.255) в могильнике Карош (Karos, Hu) II (K2/33) Neparáczki и др,[21] но более точное и глубокое типирование ее невозможно по причине отсутствия данных по STR локусам в этом образце. Но в другом образце венгерского завоевателя, опубликованного Fóthi и др.[22], который также был носителем этой родительской ветви, благодаря использованию панели из 14 Y-STR локусов удалось определить его дочернюю кладу G-L1266, которая была выявлена и в могильнике Уелги. В силу ограничений базы данных филогенетическое древо построенное с помощью метода показало как для венгерского образца (RP/2), так и для Уелгинского кавказское происхождение, хотя между ними нет реальной родственной связи.

[14] Fóthi и др. 2020.
[15] Csáky и др. 2020a.
[16] https://yhrd.org/
[17] Csáky и др. 2020b
[18] Ilumäe и др. 2016.
[19] Finocchio и др. 2018.
[20] Neparáczki и др. 2019.
[21] Neparáczki и др. 2018.
[22] Fóthi и др. 2020.

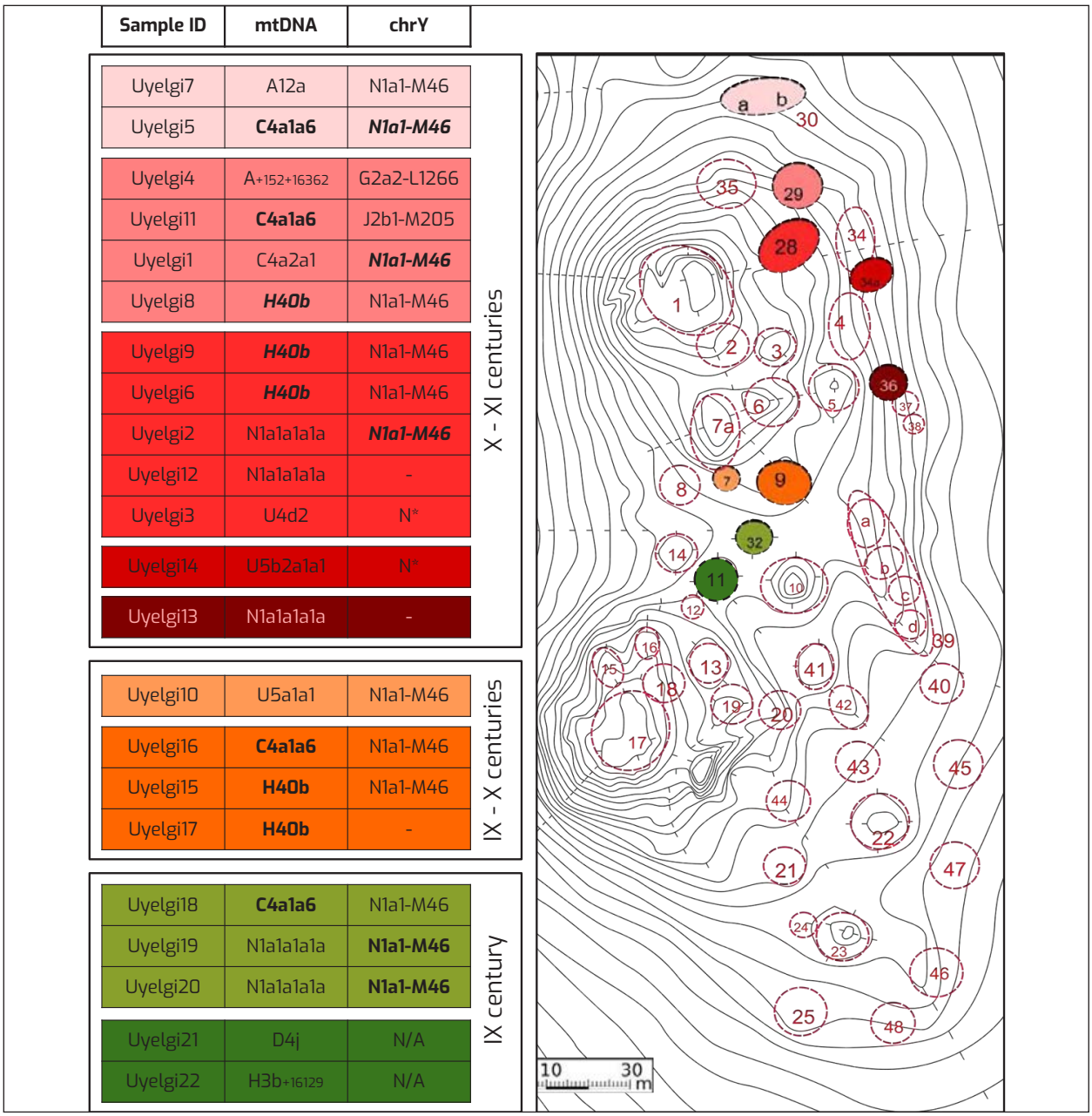

Рис. 9. Сходства между курганами трёх горизонтов некрополя Уелги по митохондриальным гаплотипам и Y-хромосомным типам. Некрополь включает три хронологических горизонта: самый древний горизонт IX в. (отмечен зелёным), средний горизонт IX–X вв. (отмечен оранжевым) и самый поздний горизонт X–XI вв. (отмечен красным). Жирный и курсивный шрифт указывают на совпадения митохондриальных и/или Y-STR гаплотипов внутри курганов и между несколькими курганами; их расположение показано справа на рисунке. Четыре идентичных митохондриальных гаплотипа гаплогруппы C4a1a6 присутствуют во всех трёх горизонтах и в четырёх различных курганах, а два идентичных гаплотипа гаплогруппы H40b происходят из среднего горизонта; ещё три образца в курганах двух самых поздних горизонтов имели второй идентичный гаплотип гаплогруппы H40b, отличный от первого. Кроме того, пять индивидов гаплогруппы N1a1a1a1a были погребены в трёх курганах, относящихся к самому древнему и самому позднему горизонту (Csáky et al. 2020a)

9. kép. Az ujelgi temető három horizontjának kurgánjai között fellelhető hasonlóságok mitokondriális haplotípusok, illetőleg Y-kromoszóma típusok tekintetében. A temető három időrendi horizontot foglal magában: a legrégebbi horizont a Kr. u. 9. századból (zöld színnel jelölve), a középső horizont a 9-10. századból (narancssárgával jelölve) és a legfiatalabb horizont a 10–11. századból (piros színnel jelölve). A félkövér és dőlt betűk különböző mitokondriális és/vagy Y-STR haplotípus egyezéseket jeleznek azon kurgánokon belül és között, amelyek elhelyezkedése az ábra jobb oldalán látható. A C4a1a6 haplocsoporthoz tartozó négy azonos mitokondriális DNS haplotípus mindhárom horizontban, négy különböző kurgánban is megjelenik, továbbá a H40b haplocsoport két identikus haplotípusa a középső horizontból származik, és további három szintén azonos, azonban a H40b egy eltérő haplotípusa a két legfiatalabb horizont kurgánjából került elő. Ezenkívül az N1a1a1a1a mtDNS haplocsoportba tartozó öt egyén három, a legrégebbi és legfiatalabb horizontból származó kurgánba lett temetve (Csáky et al. 2020a)

Популяционно-генетическая преемственность населения между горизонтами могильника Уелги

Курганные погребения на памятнике Уелги археологически подразделяются на три хронологических горизонта: I) IX век, II) IX–X века и III) X–XI века. Однородительские генетические маркеры митохондриальной ДНК демонстрируют преемственность между этими горизонтами по материнской линии. Это указывает также и на социальную практику эндогамии, хотя археологически это не может быть зафиксировано из-за большого числа нарушенных погребений. Митохондриальные гаплогруппы N1a1a1a1a, C4a1a6 и H40b представлены идентичными или близкородственными (происходящими от общего предка) линиями. Это убедительное доказательство родственных связей населения могильника Уелги как внутри одного хронологического горизонта, так и между разными хронологическими горизонтами *(рис. 7, 9–11)*.

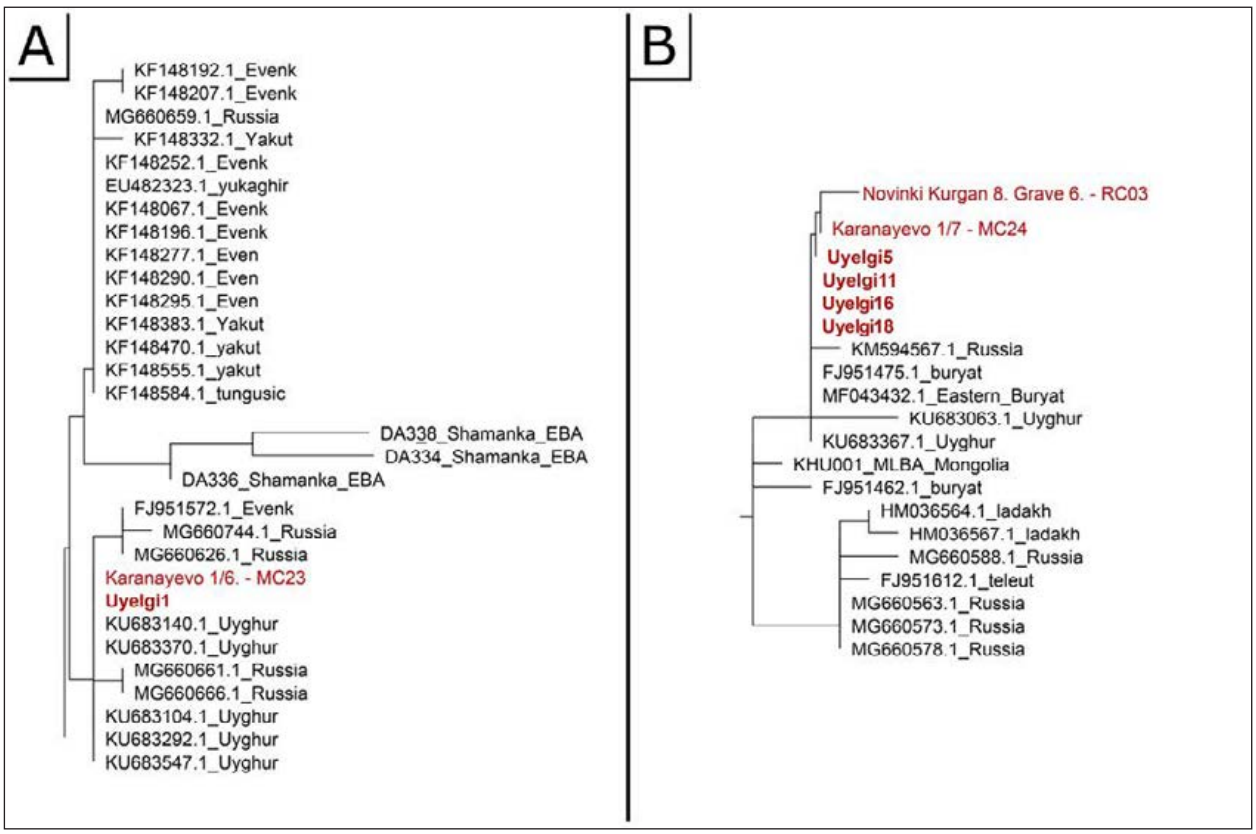

Рис. 10. Филогенетическое дерево гаплогруппы C4a2a1 (A) и C4a1a6 (B) (полное филогенетическое дерево гаплогруппы C4 см. в статье Szeifert et al. 2022). На филогенетическом дереве клады C4a2a1 (A) одна дочерняя ветвь объединяет образцы из Uyelgi1 (курган 29), образец MC23 из Каранаево и дополнительные уйгурские образцы с идентичным материнским гаплотипом. Клада C4a1a6 (B) встречается во всех трёх горизонтах памятника Уелги: из самого позднего горизонта (X–XI вв.) – курган 30 (Uyelgi5) и курган 29, погр. 7 (Uyelgi11); из среднего горизонта (IX–X вв.) – курган 9, погр. 5 (Uyelgi16); из самого древнего горизонта (IX в.) – курган 32, погр. 1 (Uyelgi18). Гаплотипы этих образцов из Уелги почти идентичны, что указывает на близкое родство по материнской линии между ними, объединяющее население всех трех горизонтов. Кроме того, индивиды из Уелги имеют одну общую кладу с образцами из Каранаево и Новинки (MC24, RC03)

10. kép. A C4a2a1 alhaplocsoport (A) és C4a1a6 alhaplocsoport (B) filogenetikai fája (a teljes C4 haplocsoport filogenetikai fát lásd a Szeifert et al. 2022 cikkben). A C4a2a1 alhaplocsoport filogenetikai fán (A) egy ágon található az Uyelgi1 (29. kurgán), Karanajevóból származó MC23, valamint további ujgur minták, melyek anyai vonalai identikusak. A C4a1a6 alhaplocsoport (B) az ujelgi lelőhely mindhárom horizontjában megtalálható: a legfiatalabb horizontból (10–11. század) előkerült 30. kurgán (Uyelgi5) és 29. kurgán 7. sírjának (Uyelgi11) egyénénél, a középső horizont (9–10. század) 9. kurgánjának 5. sírjából előkerült mintánál (Uyelgi16) és a legrégebbi horizont (9. század) 32. kurgánjának 1. sírjából származó mintánál (Uyelgi18). Ezek az ujelgi lelőhelyről származó minták anyai vonalai szinte mind azonosak, ami arra enged következtetni, hogy szoros kapcsolat van közöttük, látszólag összekötve a három horizontot. Ráadásul az ujelgi egyének további, Karanajevo és Novinki lelőhelyekről származó mintákkal (MC24, RC03) csoportosulnak egy ágon

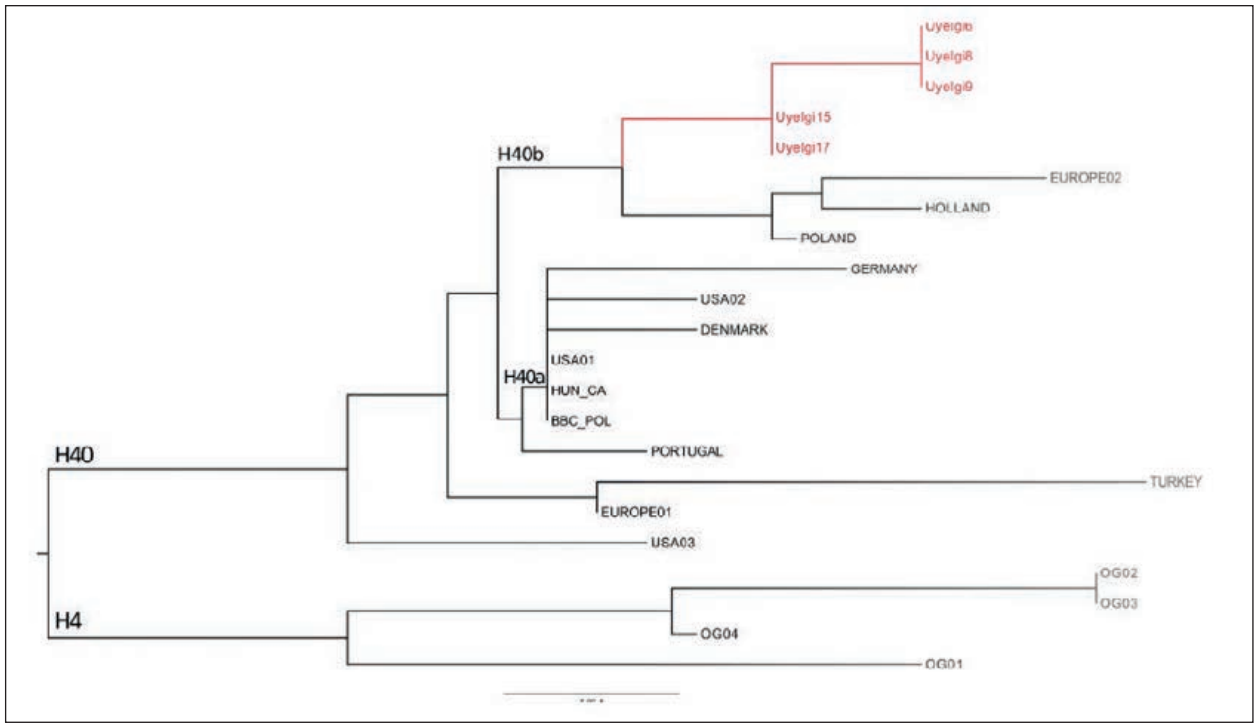

Рис. 11. Филогенетическое дерево гаплогруппы H40b. Клада H40b была выявлена в двух горизонтах некрополя Уелги, в том числе у пяти образцов: Uyelgi15 и Uyelgi17 (курган 9, погр. 5 и 7) из среднего горизонта (IX–X вв.), а также из самого позднего горизонта (X–XI вв.) – курган 28, погр. 5 и 6 (Uyelgi6 и Uyelgi9) и курган 29, погр. 1 (Uyelgi8). В среднем горизонте присутствуют две идентичные митохондриальные линии, которые являются предковыми кладами для трёх идентичных митогеномов самого позднего горизонта, таким образом связывая население двух горизонтов общим родством (сокращения и дополнительная информация приведены в таблице S7 в работе Csáky et al. 2020a)

11. kép: A H40b haplocsoport filogenetikai fája. A H40b alhaplocsoport az Ujelgi temető két horizontjából is előkerült, öt mintánál detektáltuk: az Uyelgi15 és Uyelgi17 (9. kurgán 5. és 7. sírja) a középső horizontból (9–10. század), valamint a legfiatalabb horizontból (10–11. század) előkerült 28. kurgán 5. és 6. sírok (Uyelgi6 és Uyelgi9) és a 29. kurgán 1. sír (Uyelgi8) mintáinál. A középső horizontban két azonos mitokondriális vonal található, amelyek genetikailag a legfiatalabb horizont három egyforma mitogenomjának ősei, ezzel összekötve a két horizontot (a rövidítéseket és a további információkat lásd a Csáky et al. 2020a tanulmány S7 kiegészítő táblázatában)

Та же тенденция прослеживается при анализе отцовских линий Y-хромосомы *(рис. 8–9)*. У Y-хромосомной гаплогруппы N-M46 идентичные или очень близкие гаплотипы, которые отличаются незначительными различиями в профилях STR-маркеров, встречаются во всех трёх горизонтах. Древнейший и средний горизонты содержат исключительно гаплогруппу N-M46, включая два идентичных Y-STR гаплотипа в 32-м кургане (IX век), три образца с другим идентичным Y-STR гаплотипом из 28-го, 29-го и 30-го курганов *(рис. 8–9)*. Неисключено что, в этом некрополе присутствуют и другие идентичные Y-гаплотипы данной гаплогруппы, однако плохая сохранность костного материала не позволила реконструировать полный Y-STR профиль для семи мужчин. Суммируя данные, полученные по Y-хромосомным маркерам, можно предположить, что кладбище Уелги использовалось общиной, для которой были характерны брачные обычаи с практикой патрилокальности.

Результаты полногеномного анализа

К настоящему времени полногеномным анализом проанализировано девять образцов из памятника Уелги: восемь — в исследовании Gyuris и др,[23] и один — в работе Gerber и др.[24] Все наборы данных имели достаточное число однонуклеотидных полиморфных локусов (>100 000 SNP) для анализа этих геномов современными методами биоинформатического моделирования, которые применяются в популяционно-генетических исследованиях, включая PCA, ADMIXTURE, методы на основе f3 и f4 статистики, qpADM. В силу того, что число однонуклеотидных локусов в анализе было больше 600 000 SNP, это позволяло их проанализировать методом IBD (identity-by-descent), который позволяет выявлять идентичные (унаследованные от общего предка) сегменты хромосом в геномах различных индивидов. Длина и количество IBD-сегментов дают информацию о степени родства: более длинные сегменты указывают на недавнего предка, более короткие — на более отдалённого.

Ниже будут представлены результаты анализа полногеномных данных из могильника Уелги, которые были получены каждым из этих методов.

Метод PCA (*Principal Component Analysis*) — метод главных компонент представляет собой статистический подход, позволяющий в наглядной форме отразить сложное многомерное распределение генетических данных. Наиболее важные различия между популяциями отображаются в пространстве нескольких главных компонент общей изменчивости, которые визуализируются графиком с 2 или 3 осями. На полученном двумерном (или трёхмерном) графике популяции формируют отдельные группы, что позволяет визуализировать их генетическую близость или различие. На графике PCA в пространстве первых 3 главных компонент Уелгинские образцы образуют однородное целое: все 9 образцов группируются вместе, в окружении выборок из населения близких пространственно и хронологически культур (из Волго-Уральского региона) *(рис. 12)*.

Метод *supervised ADMIXTURE* представляет собой генетический анализ, при котором пропорции популяционно-генетических компонентов в исследуемых популяциях вычисляются относительно заранее заданных «*исходных прокси-популяций*». Сравнение соотношений этих базовых компонентов позволяет оценить сходство и различия между популяциями. Согласно результатам кластеризации, с помощью метода supervised ADMIXTURE Уелгинские образцы образуют единую популяцию, генофонд которой состоит из двух основных компонентов *(рис. 13)*: компонента населения культуры ямной эпохи ранней бронзы из Самарского региона (Samara_EBA_Yamnaya) и компонента населения Якутии рубежа позднего неолита эпохи бронзы (Yakutia_LNBA). На графике хорошо видно их отличие от большинства культур Уральского региона. Наибольшее сходство выявлено с памятниками горизонта Караякупово — Каранаево и Большие Тиганы, а также с памятниками чияликской культуры — Гулюково и Зуевы-Ключи и с популяцией саргатской культуры из Притоболья. По составу генетических компонентов уелгинские образцы также близки к выборкам из памятников периода венгерского завоевания из Паннонской равнины — Саконь-Кавичбанья, Кенезлё-Фазекассуг и Тиснанана-Чехт Танья. Эти сходства подтверждаются и анализом методом IBD *(рис. 14)*.

На графике, построенном с помощью *IBD (рис. 14)* отчётливо видны тесные родственные связи как внутри уелгинской популяции, так и между различными культурами Волго-Уральского региона: усть-ишимской и чияликской, а также памятниками горизонта Караякупово (Большие Тиганы, Караякупово).[25] Кроме того, обнаружены достоверные популяционные связи с индивидами из ряда археологических памятников Паннонской равнины периода

[23] Gyuris–Vyazov и др. 2025.
[24] Gerber и др. 2024.
[25] Gyuris–Vyazov и др. 2025.

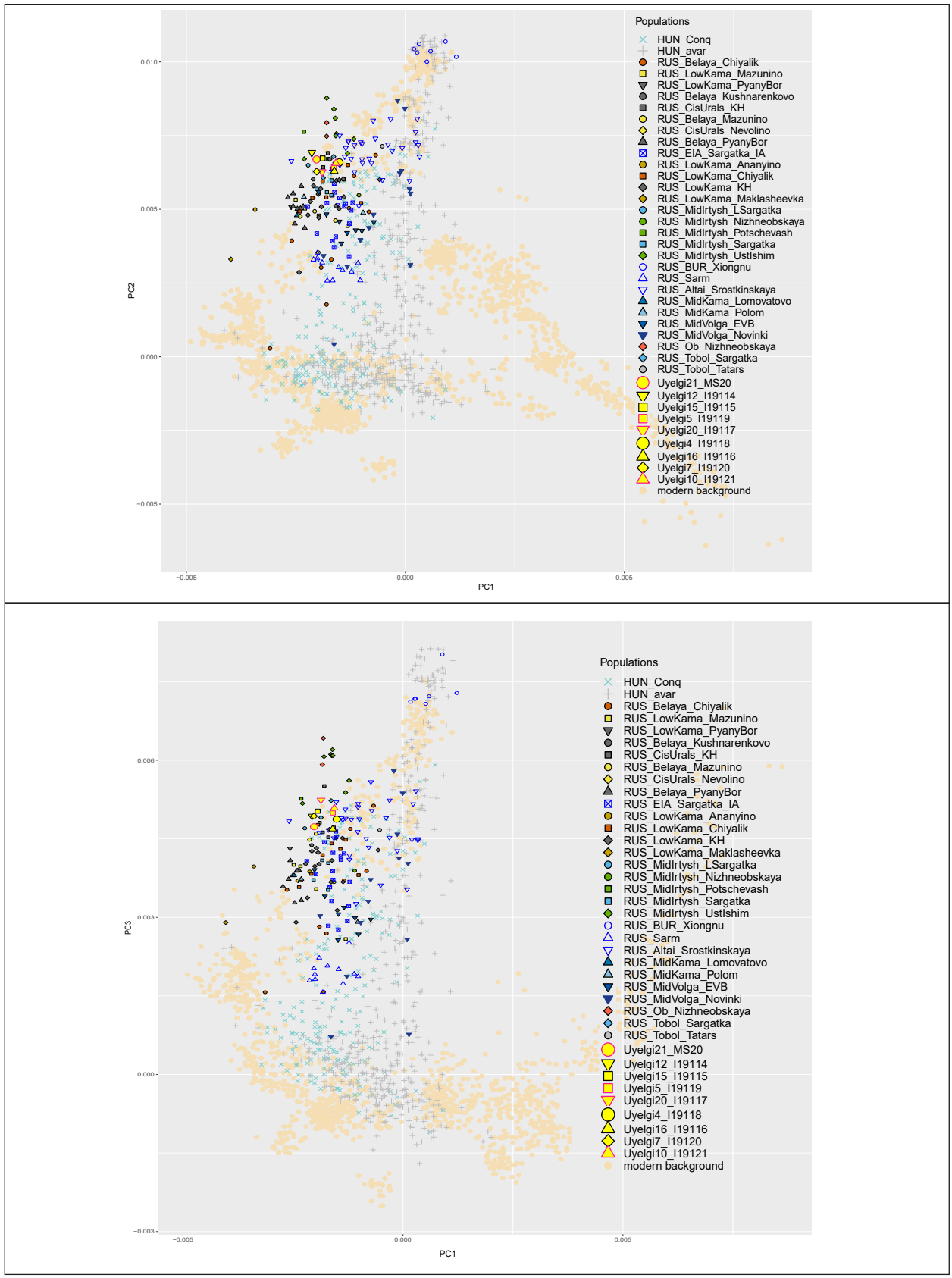

Рис. 12. PCA (анализ методом главных компонент). A: В пространстве PC1 (первой) и PC2 (второй) главных компонент; B: В пространстве PC1(первой) и PC3 (третьей) главных компонент

12. kép. PCA (főkomponens analízis): a) PC1 és PC2 főkomponensek mentén b) PC1 és PC3 főkomponensek mentén

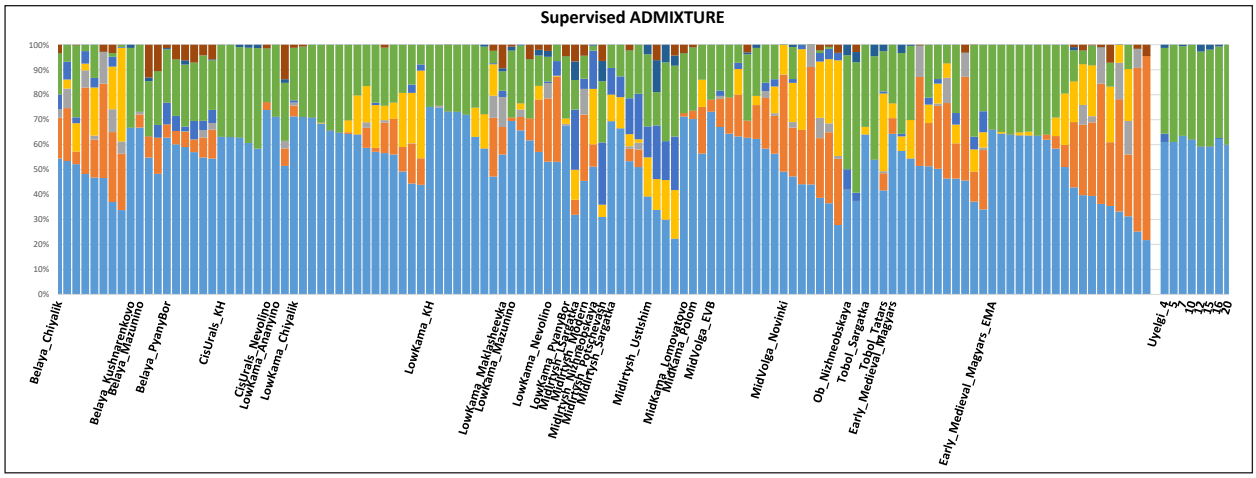

Рис. 13. Анализ предковых кластеров, сделанный с помощью метода ADMIXTURE (расчёт с K=8 популяционно-генетическими предковыми компонентами)

13. kép: Supervised ADMIXTURE (K=8 genetikai komponenssel számolva)

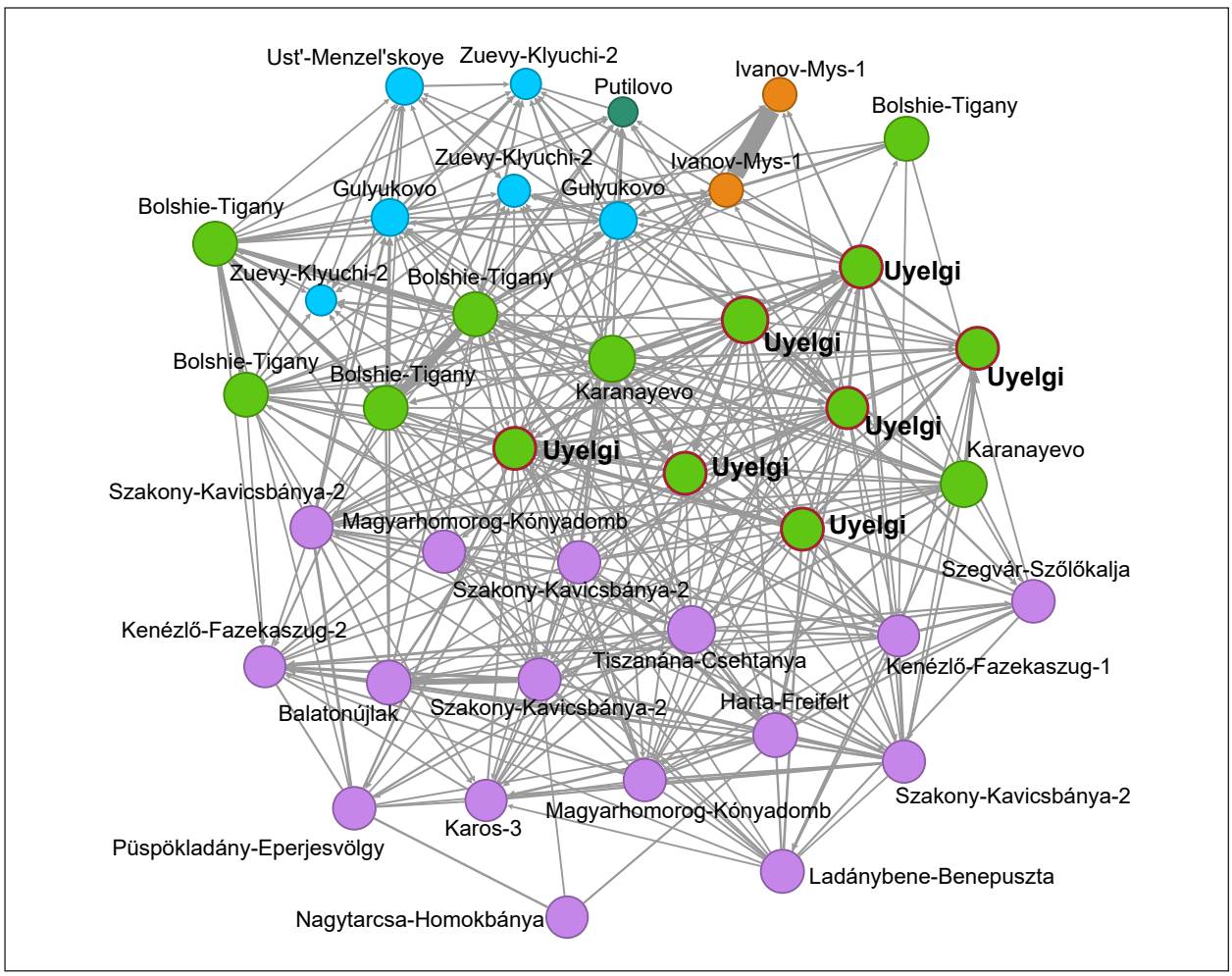

Рис. 14. Родство образцов из из могильника Уелги, выявленное с помощью метода IBD (зелёный: горизонт Караякюпово, оранжевый: Усть-Ишимская культура, синий: Чияликская культура, фиолетовый: венгерские завоеватели Паннонской равнины)

14. kép: Az ujelgi minták IBD kapcsolatai (zöld: Karajakupovo horizont, narancssárga: uszty-isimi kultúra, kék: csijaleki kultúra, lila: Kárpát-medencei magyar honfoglalók)

венгерского завоевания: Саконь-Кавичбанья, Мадьярхоморог-Коньядомб, Тиснанана-Чехт Танья, Харта-Фрейфельд, Кенезлё-Фазекассуг, Сегвар-Сёлёкалдья, Балатонуйлак, Карош3, Пюшпёкладань-Эперъешвёльд, Нодьтарча-Хомокбанья, Ладанибене-Бенепушта.[26] Более подробная информация и IBD-данные приведены в приложении Gyuris и др. (таблицы S2, S3).[24]

Метод *qpADM* используется для оценки вклада одних популяций и оценки доли их примеси. Его суть заключается в том, что исследуемая целевая (target) популяция рассматривается как группа, возникшая от смешения предполагаемых исходных (source) популяций, при этом в качестве контроля используются удаленные по родству внешние группы (outgroup), которые достоверно не участвовали в генезе целевой группы. Согласно qpADM-анализу, использующему две близкие по времени и пространству популяции железного века (LowKama_Mazunino и Tobol-Sargatka), генетический состав уелгинских образцов на 89 (±9)% связан с популяциями саргатской культуры из долины Тобола, и лишь на 11 (±9)% – с популяциями мазунинской культуры Нижнего Прикамья *(табл. 2)*.

Для изучения генетической преемственности между индивидами железного века/эпохи Великого переселения народов и представителями горизонта Караякупово (КН; Уелги входит в Караякуповский горизонт Зауралья) мы применили два взаимодополняющих анализа на основе методов f4-статистики (подробности см. *табл. 3*).

На первом этапе было проверено распределение общих аллелей между исследованными популяциями горизонта Караякупово КН с группами раннего железного века Южного Урала (связанных с сарматской культурой) и Западной Сибири (саргатский горизонт). Население Уелгов оказалось генетически ближе к саргатским популяциям Шаманково (Russia_Sargat_IA_SMV), (Russia_Sargat_IA_BIY) и Среднего Иртыша (Russia_MidIrtysh_Sargatka), чем к южноуральским ранним сарматам (Russia_EarlySarmatian_SouthernUrals) или саргатской популяции из Богдановки (Russia_Sargat_IA_BGD). Далее, внутри западносибирских групп аллельные анализы показали, что популяции Караякуповского горизонта (по обе стороны Урала) демонстрируют значительное родство с индивидами железного века из бассейна Иртыша *(табл. 3a)*.

На втором этапе были проанализированы референсные популяции позднего железного века/начала эпохи Великого переселения народов из более широкой области Волго-Уральского региона для оценки аллельного обмена между этими группами и популяциями Караякуповского горизонта (КН). В анализ были включены группа населения мазунинской культуры из Нижнего Прикамья (Low-Kama Mazunino), а также популяции из районов Тобола и Среднего Иртыша, относящиеся к позднесаргатской и нижнеобской культурам. Население Нижнеобской культуры не демонстрирует археологической или генетической преемственности на своей территории *(табл. 3b)*. В сравнении с другими референсными популяциями население Караякуповского горизонта показало значительное сходство с популяциями позднесаргатской культуры Среднего Иртыша и Тобола. Эти результаты свидетельствуют о генетической преемственности населения Караякуповского горизонта с раннего железного века и показывают, что предки этих людей происходили из бассейнов рек Иртыш и Тобол.

В таблице 3c видно, что все образцы из Уелгов выявили большее популяционно-генетическое сходство с популяциями Минусинской котловины Южной Сибири бронзового века, связанными с окуневской культурой (Russia_BA_Okunevo.SG), чем с популяциями бронзового века Южного Урала, принадлежащими к синташтинской культуре (Russia_MLBA_Sintashta).

[26] Maróti и др. 2022.

Таб. 1. Данные образцов из памятника Уелги. Индексом WGS ID обозначены образцы геномов, которые были подвергнуты глубокому секвенированию(Gyuris et al. 2025, **Gerber et al. 2024)*

1. táblázat. Az ujelgi lelőhelyről származó minták adatai. A WGS ID jelzi az adott minták teljes genom mélyszekvenálását (Gyuris et al. 2025, **Gerber et al. 2024)*

Sample ID	WGS ID	Grave No.	Century	Sample Type	Sex (Anthropology/ Genetic)	Mitochondrial Haplogroup	Y-chromosomal Haplogroup
Uyelgi1		Kurgan 29; Grave 1 and 2 (disturbed)	10-11th	tooth 37	male/male	C4a2a1	N
Uyelgi2		Kurgan 28; Grave 6	10-11th	tooth 48	male/male	N1a1a1a1a	N1a1a1a1
Uyelgi3		Kurgan 28; Grave 5,6 (disturbed)	10-11th	tooth 47	male/male	U4d2	N
Uyelgi4	I19118*	Kurgan 29; Grave 1 and 2 (disturbed)	10-11th	tooth 16	male/male	A+152+16362	G2a2b2a1a1a1b
Uyelgi5	I19119*	Kurgan 30	10-11th	tooth 38	male/male	C4a1a6	N1a1a1a1a2a1c1~
Uyelgi6		Kurgan 28; Grave 5,6 (disturbed)	10-11th	tooth 47	male/male	H40b	N1a1a1a1a
Uyelgi7	I19120*	Kurgan 30	10-11th	tooth 37	male/male	A12a	N
Uyelgi8		Kurgan 29; Grave 1	10-11th	tooth 16	male/male	H40b	N1a1a1a1a2~
Uyelgi9		Kurgan 28; Grave 5 and 6 (disturbed)	10-11th	tooth 37	female/ male	H40b	N1a1a1a1a1a1a1a7b2~
Uyelgi10	I19121*	Kurgan 7 (33); Grave 5	9-10th	tooth 47	male/male	U5a1a1	N1a1a1a1a2a1c2~
Uyelgi11		Kurgan 29, Grave 7	10-11th	tooth 48	?/male	C4a1a6	J
Uyelgi12	I19114*	Kurgan 28, Grave 5	10-11th	pars petrosa l.d.	?/female	N1a1a1a1a	-
Uyelgi13		Kurgan 36; Grave 3	10-11th	tooth 18	?/female	N1a1a1a1a	-
Uyelgi14		Kurgan 34a; Grave 3	10-11th	tooth 18	?/male	U5b2a1a1	N
Uyelgi15	I19115*	Kurgan 9; Grave 5	9-10th	pars petrosa l.d.	?/male	H40b	N1
Uyelgi16	I19116*	Kurgan 9; Grave 5	9-10th	pars petrosa l.s.	?/male	C4a1a6	N*
Uyelgi17		Kurgan 9; Grave 7	9-10th	pars petrosa l.d.	?/female	H40b	-
Uyelgi18		Kurgan 32; Grave 1	9th	tooth 35	?/male?	C4a1a6	N1a1a1a
Uyelgi19		Kurgan 32; Grave 16	9th	tooth 38	?/male	N1a1a1a1a	N1a1a1a1a2
Uyelgi20	I19117*	Kurgan 32; Grave 12	9th	pars petrosa l.s.	?/male	N1a1a1a1a	N1a1a1a1a2a1c2~
Uyelgi21	MS20**	Kurgan 11; Grave 5	9th	pars petrosa l.d.	?/male	D4j	N1a1a1a1a2a1c1a1~
Uyelgi22		Kurgan 11; Grave 6	9th	tooth 27	?/male	H3b+16129	N/A

Таб. 2. Двухкомпонентное моделирование методом qpAdm для индивидов из могильника Уелги с использованием предковых групп из населения железного века с территории Волго-Уральского региона (Gyuris et al. 2025)

2. táblázat: Kétkomponensű qpAdm modellezés Ujelgi egyénekre a Volga-Urál régió vaskori forrásainak felhasználásával (Gyuris et al. 2025)

	Russia_LowKama_ Mazunino	stdev_Russia_ LowKama_ Mazunino	Russia_Tobol_ Sargatka	stdev_Russia_ Tobol_Sargatka	pval
Uyelgi12	0.03	0.09	0.97	0.09	0.33
Uyelgi15	0.11	0.08	0.89	0.08	0.75
Uyelgi16	0.15	0.08	0.85	0.08	0.14
Uyelgi20	0.01	0.08	0.99	0.08	0.73
Uyelgi4	0.09	0.09	0.91	0.09	0.12
Uyelgi5	0.06	0.09	0.94	0.09	0.36
Uyelgi7	0.11	0.09	0.89	0.09	0.64
Uyelgi10	0.1	0.09	0.9	0.09	0.6

Таб. 3. Результаты анализа методом f4-статистики (Gyuris et al. 2025)

3. táblázat: f4-statisztika eredményei (Gyuris et al. 2025)

A) f4-statistics measuring allele sharing of the KH groups with Early Iron Age populations.						
Pop A	Pop B	Pop C	Pop D	f4	Standard error	Z-score
Mbuti.DG	Uyelgi	Russia_Sargat_IA_BGD	Russia_EarlySarmatian_ SouthernUrals	-0.000928	0.000361299	-2.568651267
Mbuti.DG	Uyelgi	Russia_Sargat_IA_BIY	Russia_Sargat_IA_BGD	-0.001251	0.000315792	-3.961924669
Mbuti.DG	Uyelgi	Russia_Sargat_IA_SMV	Russia_Sargat_IA_BGD	-0.001033	0.000368164	-2.807616413
Mbuti.DG	Uyelgi	Russia_MidIrtysh_ Sargatka	Russia_Sargat_IA_BGD	-0.001325	0.000299840	-4.419783328
Mbuti.DG	Uyelgi	Russia_Sargat_IA_BIY	Russia_EarlySarmatian_ SouthernUrals	-0.002563	0.000235810	-10.87197834
Mbuti.DG	Uyelgi	Russia_Sargat_IA_SMV	Russia_EarlySarmatian_ SouthernUrals	-0.002373	0.000286825	-8.273946793
Mbuti.DG	Uyelgi	Russia_MidIrtysh_ Sargatka	Russia_EarlySarmatian_ SouthernUrals	-0.002636	0.000245460	-10.73899907
Mbuti.DG	Uyelgi	Russia_Sargat_IA_BIY	Russia_Sargat_IA_SMV	-0.000167	0.000255235	-0.656682914
Mbuti.DG	Uyelgi	Russia_MidIrtysh_ Sargatka	Russia_Sargat_IA_BIY	-8.59E-05	0.000211142	-0.4066826
Mbuti.DG	Uyelgi	Russia_MidIrtysh_ Sargatka	Russia_Sargat_IA_SMV	-0.000294	0.000268584	-1.098044892
B) f4-statistics measuring allele sharing of the Uyelgi groups with Late Iron Age populations.						
Pop A	Pop B	Pop C	Pop D	f4	Standard error	Z-score
Mbuti.DG	Uyelgi	Russia_MidIrtysh_ LSargatka	Russia_MidIrtysh_ Nizhneobskaya	-0.002083	0.000457565	-4.552822812
Mbuti.DG	Uyelgi	Russia_LowKama_ Mazunino	Russia_MidIrtysh_ Nizhneobskaya	-0.000149	0.000361678	-0.412445566
Mbuti.DG	Uyelgi	Russia_Tobol_Sargatka	Russia_MidIrtysh_ Nizhneobskaya	-0.003931	0.000393195	-9.998780833
Mbuti.DG	Uyelgi	Russia_MidIrtysh_ LSargatka	Russia_LowKama_ Mazunino	-0.001765	0.000351804	-5.018536881
Mbuti.DG	Uyelgi	Russia_Tobol_Sargatka	Russia_MidIrtysh_ LSargatka	-0.001872	0.000378330	-4.949219599
Mbuti.DG	Uyelgi	Russia_Tobol_Sargatka	Russia_LowKama_ Mazunino	-0.003647	0.000282427	-12.91384762

C) Comparative, individual based f4-statistics, measouring allele sharing to different near-Uralic BA groups						
Pop A	Pop B	Pop C	Pop D	f4	Standard error	Z-score
Mbuti.DG	Uyelgi12	Russia_MLBA_Sintashta	Russia_BA_Okunevo.SG	0.002231	0.000305	7.318
Mbuti.DG	Uyelgi15	Russia_MLBA_Sintashta	Russia_BA_Okunevo.SG	0.002236	0.000292	7.66
Mbuti.DG	Uyelgi16	Russia_MLBA_Sintashta	Russia_BA_Okunevo.SG	0.002269	0.00029	7.813
Mbuti.DG	Uyelgi20	Russia_MLBA_Sintashta	Russia_BA_Okunevo.SG	0.002278	0.000291	7.827
Mbuti.DG	Uyelgi4	Russia_MLBA_Sintashta	Russia_BA_Okunevo.SG	0.002024	0.000314	6.447
Mbuti.DG	Uyelgi5	Russia_MLBA_Sintashta	Russia_BA_Okunevo.SG	0.002368	0.000304	7.793
Mbuti.DG	Uyelgi7	Russia_MLBA_Sintashta	Russia_BA_Okunevo.SG	0.002012	0.000308	6.531
Mbuti.DG	Uyelgi10	Russia_MLBA_Sintashta	Russia_BA_Okunevo.SG	0.002259	0.000311	7.263

Заключение

Митохондриальный генофонд населения Уелгинского могильника включает широкий спектр гаплотипов как западноевразийского, так и восточноевразийского происхождения. Гаплогруппы N1a1a1a1a и H40b, имеющие европейское происхождение, обнаруженны на трёх археологических горизонтах и представлены родственными субкладами Восточноевразийской гаплогруппы C4a1a6, также встречающейся во всех слоях. Это подтверждает преемственность генофонда между населением разных эпох, хотя в более поздних ярусах увеличивается вклад восточноевразийских гаплогрупп A, A12a, C4a2a1, C4a1a6.

Важно, что у населения из могильника Уелги и первых поколений венгерских завоевателей много общих идентичных или близких по родству гаплотипов.

Анализ спектра Y-хромосомы показывает однородность и преемственность мужского населения в Уелги.

В целом можно заключить, что результаты анализа однородительских маркеров митохондриальной ДНК и Y-хромосомы населения из могильника Уелги указывают на присутствие в этой зоне предковой популяции, которая хронологически и/или географически связана с ранними венграми.

Этот вывод подтверждается также полногеномными исследованиями, выявившими генетические связи между населением горизонта Караякупово (Большие Тиганы, Каранаево) и ранними венгерскими завоевателями Паннонской равнины. Для генофондов обеих групп характерны полногеномные компоненты, которые также присутствуют у населения кушнаренковской и позднесаргатской популяций в долине Тобола.

Согласно результатам археогенетических исследований, предполагаемая «*смена*» населения не подтвердилась: этому противоречит однородность генофонда из всех археологических слоев могильника Уелги, которая выявляется по данным Y-хромосомных гаплогрупп (хотя это само по себе может объясняться патрилокальностью), митохондриальных гаплогрупп и на основе полногеномного анализа.

References

Balogh 2016: Balogh Cs.: Kora Árpád-kori szállási temető Makó-Igási járandóban (Campsite Burial ground from the early Árpádian age at Makó-Igási-Járandó). In: *Népek és kultúrák a Kárpát-medencében. Tanulmányok Mesterházy Károly tiszteletére.* Szerk.: Kovács L. – Révész L. Budapest 2016, 391–421.

Botalov–Grudocsko 2011: Боталов, С. Г. – Грудочко, И. В.: Новые материалы по культурогенезу средневекового населения Южного Урала (по материалам могильников Уелги и Синеглазово). In: *Мадяри в Середньому Подніпров'ї. Археологія і дав- ня історія України 7. Мадяри в Середньому Подніпрові. Археологія і давня історія України* 7. Гол. ред.: Скорий, С. А. Киев 2011, 79–99.

Csáky et al 2020a: Csáky, V. – Gerber, D. – Szeifert, B. – Egyed, B. – Stégmár, B. – Botalov, S. G. – Grudochko, I. V. – Matveeva, N. P. – Zelenkov, A. S. – Sleptsova, A. V. – Goldina, R. D. – Danich, A. V. – Mende, B. G. – Türk, A. – Szécsényi-Nagy, A.: Early medieval genetic data from Ural region evaluated in the light of archaeological evidence of ancient Hungarians. *Scientific Reports* 10, 19137 (2020) https://doi.org/10.1038/s41598-020-75910-z

Csáky et al. 2020b: Csáky, V. – Gerber, D. – Koncz, I. – Csiky, G. – Mende, B. G. – Szeifert, B. –Egyed, B. et al.: Genetic Insights into the Social Organisation of the Avar Period Elite in the 7th Century AD Carpathian Basin. *Scientific Reports* 10, no. 1. December 2020, 948. https://doi.org/10.1038/s41598–019–57378–8

Fehér et al. 2015: Fehér, T. – Németh, E. – Vándor, A. – Kornienko, I. V. – Csáji, L. K. – Pamjav, H.: Y–SNP L1034: Limited Genetic Link between Mansi and Hungarian–Speaking Populations. *Molecular Genetics and Genomics* 290, no. 1. February 2015, 377–386. https://doi.org/10.1007/s00438–014–0925–2

Finocchio et al. 2018: Finocchio, A. – Trombetta, B. – Messina, F. – D'Atanasio, E. – Akar, N. – Loutradis A. – Michalodimitrakis, E. I. – Cruciani, F. – Novelletto, A.: A Finely Resolved Phylogeny of Y Chromosome Hg J Illuminates the Processes of Phoenician and Greek Colonizations in the Mediterranean. *Scientific Reports* 8, no. 1. December 2018, 7465. https://doi.org/10.1038/s41598–018–25912–9

Fóthi et al. 2020: Fóthi, E. – Gonzalez, A. – Fehér, T. – Gugora, A. – Fóthi, Á. – Biró, O. – Keyser, Ch.: Genetic Analysis of Male Hungarian Conquerors: European and Asian Paternal Lineages of the Conquering Hungarian Tribes. *Archaeological and Anthropological Sciences* 12, no. 1 (2020) https://doi.org/10.1007/s12520–019–00996–0

Gerber et al. 2024: Gerber, D. – Csáky, V. – Szeifert, B. – Borbély, N. – Jakab, K. – Mező, Gy. – Petkes, Zs. – Szücsi, F. – Évinger, S. – Líbor, Cs. – Rácz, P. – Kiss, K. – Mende, B. G. – Szőke, B. M. – Szécsényi–Nagy, A.: Ancient genomes reveal Avar–Hungarian transformations in the 9th–10th centuries CE Carpathian Basin. 2024. *Science Advances* 18 Dec 2024. Vol 10, Issue 51. https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.adq5864

Grudochko et al. 2018: Грудочко, И. В. – Боталов, С. Г. – Газизова, С. Р. – Тюрк, А.: Хронология могильника Уелги (сравнение радиоуглеродных и археологических датировок). In: *«Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур», посвященный памяти видного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Нияза Абдулхаковича Мажитова.* Отв. ред.: Уразова, А. И. Уфа 2018, 78–84.

Gyuris–Vyazov et al. 2025. Gyuris, B. – Vyazov, L. – Türk, A. – Flegontov, P. – Szeifert, B. – Langó, P. – Mende, B.G. – Csáky, V. – Chizhevskiy, A.A. – Gazimzyanov, I. R. – Khokhlov, A. A. – Kolonskikh, A. G. – Matveeva, N. P. – Ruslanova, R. R. – Rykun, M. P. – Sitdikov, A. – Volkova, E. V. – Botalov, S. G. – Bugrov, D. G. – Grudochko, I. V. – Komar, O. – Krasnoperov, A. A. – Poshekhonova, O. E. – Chikunova, I. – Sungatov, F. – Stashenkov, D. A. – Zubov, S. – Zelenkov, A. S. – Ringbauer, H. – Cheronet, O. – Pinhasi, R. – Akbari, A. – Rohland, N. – Swapan, M. – Reich, D. – Szécsényi–Nagy, A.:

Long shared haplotypes identify the Southern Urals as a primary source for the 10th century Hungarians. *Cell* 188 (2025) 6064–6078, https://doi.org/10.1016/j.cell.2025.09.002

Ilumäe et al. 2016: Ilumäe, A. – Reidla, M. – Chukhryaeva, M. – Järve, M. – Post, H. – Karmin, M. – Saag, L. et al.: Human Y Chromosome Haplogroup N: A Non–Trivial Time–Resolved Phylogeography That Cuts across Language Families. *The American Journal of Human Genetics* 99, no. 1. July 2016, 163–173. https://doi.org/10.1016/j.ajhg.2016.05.025

Kustár–Langó 2003: Kustár R. – Langó P.: *Ezüstbe öltözött lányok. Honfoglalás kori sírok Harta határában*. Kalocsai Múzeumi Kiskönyvtár 7, Kalocsa 2003.

Langó–Siklósi 2013: Langó P. – Siklósi Zs.: 10. századi temető Balatonújlak-Erdő-dűlőn (Ein Gräberfeld Des 10. Jahrhundert in Balatonújlak-Erdő-dűlő). In *A honfoglalás kor kutatásának legújabb eredményei. Tanulmányok Kovács László 70. születésnapjára. Monográfiák a Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszékéről 3.* Eds.: Révész, L. – Wolf, M. Szeged 2013, 143–160.

Maróti et al 2022: Maróti, Z. – Neparáczki, E. – Schütz, O. – Maár, K. – Varga, G. I. B. – Kovács, B. – Kalmár, T. – Nyerki, E. – Nagy, I. – Latinovics, D. – Tihanyi, B. – Marcsik, A. – Pálfi, Gy. – Bernert, Zs. – Gallina, Zs. – Horváth, C. – Varga, S. – Költő, L. – Raskó, I. – Nagy, P. L. – Balogh ,Cs. – Zink, A. – Maixner, F. – Götherström, A. – George, R. – Szalontai, Cs. – Szenthe, G. – Gáll, E. – Kiss P., A. – Gulyás, B. – Kovacsóczy, B. Ny. – Gál, Sz. S. – Tomka, P. – Török, T.: The genetic origin of Huns, Avars, and conquering Hungarians. *Current Biology.* Volume 32, Issue 13, 2022, Pages 2858–2870.e7 https://doi.org/10.1016/j.cub.2022.04.093

Neparáczki et al. 2018: Neparáczki, E. – Maróti, Z. – Kalmár, T. – Kocsy, K. – Maár, K. – Bihari, P. – Nagy, I. et al.: Mitogenomic Data Indicate Admixture Components of Central–Inner Asian and Srubnaya Origin in the Conquering Hungarians. *PLOS ONE* 13, no. 10. 2018. e0205920. https://doi.org/https://doi.org/10.1371/journal.pone.0205920

Neparáczki et al. 2019: Neparáczki, E. – Maróti, Z. – Kalmár, T. – Maár, K. – Nagy, I. – Latinovics, D. – Kustár, A. et al.: Y–Chromosome Haplogroups from Hun, Avar and Conquering Hungarian Period Nomadic People of the Carpathian Basin. *Scientific Reports* 9, no. 1. 2019, 1–12. https://doi.org/10.1038/s41598–019–53105–5

Post et al. 2019: Post, H. – Németh, E. – Klima, L. – Flores, R. – Fehér, T. – Türk, A. – Székely, G. et al.: Y–Chromosomal Connection between Hungarians and Geographically Distant Populations of the Ural Mountain Region and West Siberia. *Scientific Reports* 9, no. 1. 2019, 1–10. https://doi.org/10.1038/s41598–019–44272–6

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Введение в научный оборот значительного корпуса археологических материалов, которые были получены в результате многолетних исследований Погребального комплекса Уелги и могильника Актюба знаменует собой начало нового этапа в изучении истории не только народов Южного Урала, но и всего кочевого населения евразийского степного коридора от Алтая до Карпатской котловины.

Некрополь Уелги создавался в наиболее переломный момент развитого средневековья – с конца VIII по XI век. В этот период начинают формироваться новые средневековые кочевые народы Азии: кимаки, кыпчаки, башкиры, манси (вогулы), волжские болгары, татары, мадьяры. Многие из них впоследствии непосредственно участвовали в этногенезе современных народов Срединной Евразии. Данная историко-культурная динамика достаточно четко обозначилась в материалах Погребального комплекса Уелги.

Дифференциация материалов погребений показала разделение их по вертикали в существовании двух хронологических этапов: хусаиновский (конец VIII – IX в.) и синеглазовский (IX–XI вв.), и по горизонтали в существовании как минимум четырех археокультурных типов: кушнаренковского, караякуповского, постбакальско-неволинского и раннечияликского (макушинского) петрогромско-юдинского, которые, безусловно, маркируют разноэтнические компоненты в среде зауральских кочевников. По всей видимости, из этого полиэтнического конгломерата впоследствии и формировались южноуральские народы.

Его основным базовым составляющим компонентом явилось постбакальское население Среднего Зауралья. Последующий распад бакальского историко-культурного горизонта и отток этих племен в восточные предгорья Южного Урала и в Приуралье (бассейн реки Белой и Камы), привели к появлению в недрах Уелгинского некрополя разнообразных форм постбакальской и неволинской посуды.

В этот же период формируются комплексы, содержащие позднекушнаренковские и караякуповские типы посуды (круглодонность, гребенчато-прочерченная керамика). Вещевой комплекс становится сугубо кочевническим, на что указывали типы вооружения, конской узды и особые категории серебряных и бронзовых ременных наборов, характерных для алтайских и тувинских образцов. Эта ситуация продолжается примерно до середины IX века, когда в среду южноуральских кочевников проникают алтайские группы сросткинского культурного облика. На это указывают особые формы конской узды и поясной гарнитуры (серебро с позолотой, богатый растительный, зооморфный, орнитоморфный и тематический орнаменты). Параллельно с этим в кочевую среду внедряется лесное и лесостепное, вероятнее всего, протоугорское население – носители крупногребенчатой и шнуровой орнаментации керамики (раннечияликский (макушинский), постпетрогромский и юдинский типы). Постепенно к концу IX века южноуральские комплексы хусаиновского этапа (постбакальские, кушнаренковские, караякуповские) исчезают из погребений некрополя Уелги. Их полностью заменяют курганы синеглазовского (сросткинского) этапа, среди которых появляются материалы мадьярского облика, так называемого карпатского стиля. Это круглые и квадратные крупные бляхи с трех- или четырехмерным узором и сферическим умбоном в центре, а также накладки с растительными (цветок смоквы), фаунистическими или тематическими сюжетами (Иисус, Мани, богиня Парвати, богиня Кали и др.). Керамический комплекс составляют толстостенные круглодонные горшки с большой примесью слюды и талька в тесте; сосуды с ушками или псевдоушками; орнаментация крупногребенчатым штампом, шнуровой и псевдошнуровой орнаментацией.

Особый интерес представляют находки из местонахождения Нижний Яр, где украшения конской узды сочетают в себе два стиля: салтово-маяцкий (хазарский) и раннемадьярский, в котором растительный узор представлен не лепестками цветка, а перекрещивающимися

стеблями смоквы. То есть в Южном Зауралье, вероятно в IX–X веках, шел поиск сюжетов нового стиля. Нечто подобное мы обнаруживаем в материалах Погребального комплекса Уелги и могильника Актюба.

Пока сложно реконструировать весь процесс становления кыпчакской, башкирской и венгерской культур в пределах южноуральского ареала, однако сегодня очевиден тот факт, что появление разных образных стилистических форм и сюжетов, в материалах публикуемых нами памятников, указывает на существование в рамках Зауральского региона особого ядра кочевой конфедерации, которая сыграла ключевую роль в сложении упоминаемых средневековых объединений.

THE UELGI BURIAL COMPLEX (9TH–11TH CENTURIES AD) IN THE SOUTHERN TRANS-URALS

Introduction

The Uelgi burial ground (Uelgi Burial Complex) is located 2.5 km north-east of the village of Kanzafarovo (Kunashak District, Chelyabinsk Region), 8 km north-west of the town of Kunashak. The monument occupies a group of outliers of the inter-lake terrace on the south-eastern shore of Lake Saigerly and the western shore of Lake Uelgi (the isthmus between the lakes). The main part of the necropolis covered a high outlier of 120 × 300 m in its size with a height of 3–4 m (from the water's edge of Saigerly Lake). The central part of the site territory is occupied by a valley with an elevated tongue-like cape running into it from the north-west, on the south-western edge of which two mounds (barrows 26 and 27) were recorded.

The monograph contains materials of excavations of the Uelgi burial ground during 2009–2019 and 2021–2023. A total of 25 barrows (Nos. 1–9, 10, 10a, 11–12, 14, 23, 28–36, 41) containing 115 human burials were investigated, most of which were looted. The obtained grave goods are represented by items of armour, horse harness, belt and bridle ornaments, beads, ceramic vessels of different preservation. The dating of the grave goods allows us to determine the time of the burial ground functioning as the end of the 8th – first half of the 11th centuries AD.

We obtained 12 radiocarbon dates from the Uelgi burial complex and one date from the Aktyuba burial ground, which do not contradict the typological dating of the artefacts and fit into the range of 770–1030 AD (95.4%) – the last quarter of the 8th – first quarter of the 11th centuries. Comparison of all available data – typological, radiocarbon and stratigraphic – allows us to trace two cultural and chronological horizons: Khusainovo and Sineglazovo-Srostki. This periodization is reliably illustrated by archaeological materials of the Uelgi burial ground and, in our opinion, reconstruct the Magyar epoch of the Southern Trans-Urals as a whole.

Acknowledgements. We express our deep gratitude to the administration of the South Ural State University (National Research University), first of all to the university president German Platonovich Vyatkin, rectors Alexander Leonidovich Shestakov and Alexander Rudolfovich Wagner for support and assistance in the study of the site.

The work of the archaeological expedition and the study of the Uelgi Burial Complex was organized with the participation of E. V. Tidemann (Gushchina), A. A. Lukinykh, S. O. Istomin, S. A. Khanov, N. Mirovoy, O. Yu. Belov, G. P. Gusev, Doctor of Physical and Mathematical Sciences I. L. Perov, M. A. Pak, Doctor of Historical Sciences A. D. Tairov, Doctor of Historical Sciences N. B. Vinogradov, Candidate of Historical Sciences I. E. Lyubchansky, Candidate of Historical Sciences I. V. Molchanov, Candidate of Historical Sciences I. P. Alaeva, E. A. Sivkova, E. S. Botalova, S. M. Arkanov, the doctor V. M. Gavrish, A. K. Semkina, U. A. Gulyaeva, E. V. Ulyanchenko, the "State Historical Museum of the Southern Urals" staff I. Yu. Bannikova, A. D. Shapiro, leaders of children's and student teams S. V. Markov, A. A. Dergunov, G. L. Tuflenkova, V. P. Eremin, E. V. Eremina, D. Y. Zhirov, E. Y. Zakharova.

We are especially grateful for the invaluable contribution to the research of the cemetery to our Hungarian professors István Fodor and István Erdélyi and Hungarian colleagues who worked under leadership Attila Türk – Polónyi Emese, Budai Dániel, Langó Péter, Balázs Gusztáv Mende, Füredi Ágnes, Szőllősi Mátyás, Hegyi Borbála, Zágorhidi Czigány Bertalan, Harangi Flórián, Jancsik Balázs, Langer Dániel, Gábor Bertók, as well as under leadership László Koppány Csáji – Miklós Makoldi, György Dévai and Tamás Vas.

For the great help in organizing the work and daily life of the expedition our gratitude goes to the administration of Kunashak municipal district of Chelyabinsk region and local residents – the head of the district S. N. Aminov, deputy of the head G. G. Yanturina, the head of the settlement administration A. R. Ibragimov, N. I. Fedin.

The study was carried out within the framework of the state program of the Institute of His-

tory and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, No. 124032100052-6 "Cultural space of the Urals: archaeological and ethnological research": section 1.1 (Chapter 1) "Results of field excavations of the Uelgi Burial Complex in 2009–2019; 2021–2023" (S. G. Botalov, S. R. Gazizova, I. V. Grudochko, A. V. Parunin); Section 3.2 (Chapter 3) "Paleoenvironmental observations" (A. S. Yakimov, S. R. Gazizova); Section 3.3 (Chapter 3) "Results of the study of the archaeozoological collection of the Uelgi necropolis" (I. M. Sosnovtseva).

The study was financially supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-20283 "The World of Nomads of the Southern Urals in the Light of Magyar Archaeology (8th – 11th centuries AD)", https://rscf.ru/project/24-28-20283/ : section 1.2 (Chapter 1) "Chronology and typology of material inventory of the Uelgi burial complex. Results of radiocarbon and typological dating" (S. G. Botalov, I. V. Grudochko); section 1.3 (chapter 1) "Ceramic complex of the Uelgi burial complex" (S. G. Botalov, S. R. Gazizova); section 1.4.1 (chapter 1) "Investigation of the Aktyuba burial ground" (S. G. Botalov, S. R. Gazizova, A. D. Tairov); section 2. 1 (Chapter 2) "Formation of the proto-Magyar culture in the Southern Trans-Urals" (S. G. Botalov, V. A. Ivanov); Section 2.2 (Chapter 2) "Some issues on the formation of the Kushnarenkovo culture" (S. G. Botalov, F. A. Sungatov); Section 3.1 (Chapter 3) "Anthropology and reconstruction of skulls from the Uelgi burial complex" (A. I. Nechvaloda, S. G. Botalov).

The study was financially supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-18-20055 "Economy and social organisation of pastoral societies of the Southern Trans-Urals: from Late Antiquity to the New Time" https://rscf.ru/project/24-18-20055/ : section 1. 4.2 (Chapter 1) "Description of finds from the Nizhny Yar place" (S. G. Botalov, S. R. Gazizova, A. D. Tairov); Section 3.4 (Chapter 3) "Leather and fabric items from the Uelgi and Aktyuba burial grounds" (V. S. Busova, K. G. Margaryan, S. R. Gazizova, A. D. Tairov).

Within the framework of the PPKE-BTK-KUT-23 project and the ELTE HTK MŐK 2024-2026 program were prepared: Chapter 4 "Comparative Analysis of Archaeological Materials from the Southern Trans-Urals and the Carpathian Basin (10th Century) under the Ancient Hungarian Context" (A. Türk, S. G. Botalov) and Chapter 5 "Paleogenetic Studies of Samples from the Uelgi Burial Complex" (V. Csáky, B. Szeifert, B. Gyuris, B. G. Mende, S. G. Botalov, A. Türk, A. Szécsényi-Nagy).

Chapter 1. Archaeological research of the Uelgi burial complex and some monocultural monuments in the forest-steppe Trans-Urals

As already noted, the burial complexes studied at the Uelgi burial ground, Aktyuba and the Nizhny Yar place are conventionally divided into two chronological horizons: Khusainovo (8th – mid-9th century) and Sineglazovo (mid-9th – 10th century). It is very difficult to provide their exact statistics, since many burials have been looted. We can only operate with direct materials.

The Khusainovo horizon (late 8th – mid 9th century). A distinctive marker of this period is the widespread use of silver and bronze smooth (non-ornamented) plaques-overlays in belts and bridles, which have some features of the preceding heraldic, Katanda and post-Sassanid styles. Rectangular plaques with a slit, figured ones – portal, heart-shaped, lunar and other shapes – with cutouts, slots or hemispherical projections were popular. The front surface could be decorated with minimalistic decorative elements – a gable division or a rib along the central axial line. It is necessary to note the appearance in this period of a distinctive category of decorations – bilunar-shaped plaques with paired or single hemispherical projections. The eponymous sites of this horizon can be considered the burial grounds of Khusainovo, Bekeshevo, Yamashi-Tau.

The burials of people were made in deep (for this era) pits (up to 75 cm). The significant objects of this horizon at the Uelgi Funeral Complex include child burial 11 from mound 32 with a belt of portal-shaped plaques with paired protrusions; a unique burial of a bridled horse (burial 3, mound 32) with bridle and large plaques of heart-shaped or anchor-shaped forms, with a rib in the center and

semicircular cutouts. The grave goods of burial 6 in mound 11 were represented by numerous silver ornaments, among which the most interesting is a whole belt consisting of rectangular, portal, heart-shaped plaques with rectangular slits. The hanging straps consist of small plaques in the form of three hemispheres forming a heart-shaped figure. The shoes of the deceased were decorated with the same straps.

The earliest phase of the Uelgi burial ground functioning can be illustrated by the burial of a warrior-archer (burial 16, mound 32). The discovered artifacts included bone parts of a complex bow and iron elements of a shooting belt, typical of military equipment of an earlier period – the 7th–8th centuries. This burial, in our opinion, could have been dug at the turn of the 8th and 9th centuries.

The Sineglazovo-Srostki horizon (mid-9th – mid-10th century). At this time, the style of belt decorations changed. Gilded plaques with relief ornamentation on the front side became popular. Plant motifs predominated in the ornamentation, geometric, zoomorphic or anthropomorphic subjects were less common. Anthropomorphic images may indicate Buddhist, Manichaean and other religious influences among the South Ural nomads. In elite Trans-Ural monuments of this period (burial grounds of Uelgi, Aktyuba, Sineglazovo) plaques in the so-called Hungarian style were found, the main feature of which is a border in the form of alternating ovals and circles. Unlike the previous stage, burials of this period were made in shallow pits, while preserving the general features of the rite. Elements of heavy weapons (lamellar armor), bone girth buckles, bits in the form of a "boot" or "dovetail" are widespread. We believe that the emergence of a new style occurs under the influence of migrants from the east – representatives of the early Kipchak groups (Srostki culture?) from Altai and Eastern Kazakhstan.

The most significant objects include a child's burial (burial 7, mound 9), which combines both early and late grave goods, not typical of the Khusainovo horizon – gilded objects, which we associate with the Srostki influence. This burial illustrates the continuation of the local Khusainovo tradition under the powerful influence of newcomers from the east. Materials from other burials (burial 1, mound 11; burial 1, mound 14) clearly show the differences between the early Khusainovo and Srostki horizons, despite the fact that, judging by the data of ^{14}C, they are almost synchronous with the Khusainovo horizon. In this case, we can talk about the appearance in the Southern Trans-Urals in the middle or in the second half of the 9th century of gilded plaques with relief ornamentation with plant and zoomorphic motifs, bone buckles, bone cheekpieces. The Khusainovo style continues to exist among the South Ural population, but a tendency towards its "degradation" is noticeable – the size and thickness are reduced, the forms are simplified, which is clearly illustrated by the collection of finds discovered in burial 1 of mound 32. The original object is the "Cache" in mound 29, where plaques in the Hungarian style, late Khusainovo items and a bottle-shaped pendant were found, which has obvious the river Kama area – Cis-Ural area analogies and thus allows dating the complex no later than the first half of the 10th century.

It should be emphasized that the difference between the Khusainovo and Sineglazovo-Srostki horizons is not only chronological, but also ethnocultural. This is confirmed by a unique case of stratigraphy recorded for two burials (burials 5, 6, mound 11). The initially completed burial (burial 6) was covered by another one (burial 5) after some time. Moreover, judging by the planigraphic situation, the creators of the later burial (burial 5) did not know about the existence of the earlier one (burial 6). Differences can also be traced in the accompanying grave goods. In the early burial 6, silver plaques in the Khusainovo style were found, in the late burial – a Srostki set of artefacts.

Thus, *the early horizon* is marked by complexes with a belt set, which consists of bronze and silver plates with a flat shield, having a variety of shapes – rectangular, shield-shaped, butterfly-shaped, heart-shaped, flower-shaped, etc. The ceramic complex is represented by vessels of three groups – Karayakupovo, late Kushnarenkovo and post-Bakal-Nevolino. *The late horizon* is represented by a special complex of horse bridles – 8-shaped bits, with a bone cheekpiece in the form of a "boot" or a "dovetail", polymetallic (silver with gilding) belt set, jewelry with plant, zoomorphic, ornithomorphic and

other thematic types of ornamentation. The boundary between the early and late horizons dates back, in our opinion, to the middle of the 9th century and corresponds to the appearance in the Trans-Urals of the Srostki and the design of the Magyar styles of belt fittings.

Chapter 2. Some Current Aspects of Cultural Genesis in the Southern Urals in the Middle Ages

2.1. Formation of the Proto-Magyar culture in the Southern Trans-Urals

1. Transitional Stage of the 2nd–4th centuries AD. From the Cis-Urals to the Trans-Urals. The period of the end of late antiquity and the beginning of the early Middle Ages (2nd–3rd – 6th–8th centuries) in the forest-steppe zone of the Ural-Volga region and Western Siberia, in our opinion, passed under a single dominant, which was set by the invasion of the Huns into the Ural-Kazakhstan steppes.

The process of cultural transformation in the large areas of the region under consideration in the early Hunnic period (2nd–4th centuries) was very complex and multipolar. Initially, its main center was concentrated within the Kama-Belsk Cis-Urals. The emergence and subsequent development of the steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan by the early Hunnic (Hun-Sarmatian) union led to long-term (2nd–4th centuries) interaction between the local forest-steppe population and the newcomers. This resulted in the disintegration or transformation of the cultures of the Pianoborsk community in the 2nd–3rd centuries AD and the emergence of a new block of early medieval cultures: Azelinskaya, Mazuninskaya, Imendyashevskaya, Bakhmutinskaya.

In the 5th century, the Bakhmutino-Turbaslin cultural community was formed in the territory of the Southern Urals. It is difficult to judge how stable and close it was ethnoculturally, since this is represented by materials from only two sites (the Ufa II settlement and the Birsk burial ground).

In the second half of the 6th century, the "Turbaslins" appeared in the area of the river Kama mouth (Kominternovsky II, Novoslavsky II, Izmersky IX, Maklasheevsky V, Tashkirmensky burial grounds). Probably, this part of the Turbaslin population (one can assume – the left bank), obviously did not have much contact with the "Bakhmutins". They lived there until the beginning of the 7th century, approximately until the same time as the right-bank "Turbaslins", who, according to the materials of the Birsk burial ground, were culturally "obakhmutized" and no longer "pure Turbaslins".

2. The Late Sargat (Prygovo) historical and cultural horizon in the Trans-Urals. Until recently, the early Hunnic and Hunnic stages (3rd–5th centuries) were especially difficult to reconstruct historically and culturally in the forest-steppe Trans-Urals. For the forest-steppe Trans-Urals, Western Siberia and the North Kazakhstan steppe, this understanding is complicated by the fact that the fate of the Sargat culture remains unclear. The penetration of the Hunno-Sarmatian population into the river Tobol region from the first centuries of the new era led to the establishment of new cultural norms among the late Sargat tribes, which was reflected in the burial rite and grave goods – the predominance of individual burials in narrow rectangular pits, the presence of coffin structures, the northern orientation of the buried, the appearance of skull deformation, and the Hunno-Sarmatian set of artefacts.

3. On the extreme eastern wing of the Ural-Siberian unity. Certain questions of the general scheme of chronocultural development in the late Kulai and early Upper-Ob periods, proposed by M. P. Gryaznov, subsequently underwent some adjustment. T. N. Troitskaya makes the Fominsk sites older and attributes them to the late stage of the Kulai culture – the 1st–3rd centuries AD, the transitional stage – to the end of the 3rd – 4th centuries AD, and the Odintsovo sites – to the 5th–6th centuries.

At the post-Hunnic stage, two most important features of the burial rite are recorded – the ring deformation of the skulls of the buried and burials with a horse. A. A. Kazakov drew attention to these features, and he attributes the fact of the appearance of famous burials in the forest-steppe Altai and Novosibirsk Ob region (Tugozvonovo,

Eras'ka and Sopka 2, burial 688) to a special manifestation of these innovations. The author rightly sees in these innovations the "post-Hunnic influence on the tribes of the Upper Ob region".

4. The Bakal historical and cultural horizon (3rd–8th centuries). The Bakal historical and cultural horizon chronologically outlines two transitional stages: the early stage – 3rd–4th centuries – from the late Sargat to the early Bakal period, and the late stage – 7th–8th centuries – from the late Bakal to the Petrogrom-Yudin horizon.

Despite the quite visible and marked cultural-chronological benchmarks of the Bakal horizon, well identified with the accumulation of material from burial complexes, a special dissonance is observed in the comparative analysis of the ceramic complex. The analysis of the Bakal settlement and burial ceramics clearly demonstrates distinctive features of the technological order. Among the samples of Hunno-Sarmatian pottery, the percentage of flat-bottomed jug-shaped and pot-jar forms increases. The absence or weak ornamentation of most pots is striking. Of the entire collection of ceramics presented by the authors of the studies, slightly more than 10% can be attributed to the typical Bakal. A similar situation is observed in the example of proto-Kushnarenkovo (pseudo-Kushnarenkovo) and Karayakupovo ceramics.

The Bakalsky horizon is also represented by fragments of vessels, conventionally called by us pots of the *pseudo-Kushnarenkovo-Karayakupovo type*, although in reality they are only elements of previous forms or demonstrate the tendencies of their formation.

The question of typological and technological closeness of pseudo-Kushnarenkovo Trans-Urals and Kushnarenkovo Cis-Urals ceramics still remains open. This pottery clearly differs from the types of early medieval ceramics of the Tobol-Irtysh region. Their technological similarity to a certain extent only marks a certain tendency in the formation of the main Kushnarenkovo samples, which occurred over a fairly long period from the 3rd–4th to the 7th–8th centuries. The first vessels of the Kushnarenkovo type in the Trans-Urals are recorded only in sites of the 7th–8th centuries (Argazi burial grounds; Kaynsay, mound 14; Graultry; Bayramgulovo, mound 1). The burial traditions of the Bakal culture, where pseudo-Kushnarenkovo pots are found (northern orientation, ring deformation of the skulls of the buried), do not allow us to correlate these sites with the Kushnarenkovo culture.

5. Stages of the cultural genesis of the Southern Urals in the Middle Ages

The Early Birsk-Manyak stage of the 7th–8th centuries. The question of which of the Trans-Ural complexes of the Bakal horizon can be defined as genetically preceding the Kushnarenkovo and Karayakupovo sites of the river Belaya and Kama basins apparently remains open. Due to the formal appearance of similarity between individual types of pottery, cited above as Kushnarenkovo, pseudo- and proto-Kushnarenkovo, we cannot yet cite examples of developed early Kushnarenkovo jug-shaped, flat-bottomed and turnip-shaped, bomb-shaped and spherical vessels with a rounded or ovoid bottom, known from materials from burial grounds of the 7th–8th centuries (Birsk, Manyak, Novo-Turbaslinsky and Bakhmutinsky) and burial mounds (Syntyshtamaksky, Krasnogorsk and Novo-Bikinsky).

In the Cis-Urals, the Kushnarenkovo sites also do not have their genetic antecedent roots. It follows that the search for the original cultural prototypes and territories of their formation requires a new special approach.

The Middle (Khusainovsky) stage (the turn of the 8th–9th centuries – mid-9th century). About fifteen preserved and robbed graves in the Uelgi burial complex belong to this stage. The grave goods found in the filling or near them belonged to the Khusainovsky type (mound 11, burial 6; mound 32, burials 3, 4, 11, 12, 16; mound 7, burial 5; mound 9, burials 1, 2, 5, 8, 9; mound 29, "Cache").

Among the nearby sites of this type is the Graultry burial ground, located 30 km southeast of the Uelgi burial complex. Six burials from mounds 5, 8, 11 of this cemetery also belonged to the Khusainovo stage. The peculiarity of these complexes was ceramics. Most of the round-bottomed pots in ornamentation were some mixed Kushnarenkovo-Karayakupovo samples.

In general, this cultural complex indicates the final formation of the nomadic way of life among the Kushnarenkovo-Karayakupovo population of the Southern Urals. As is known, the tradition of decorating belt fittings appears in Altai during the

Katanda period in the 7th–8th centuries and continues to exist at the following Tuekta stage (second half of the 8th – first half of the 9th century) during the Uyghur Khaganate (744–840). The arrival of a new wave of Turkic nomads may mark the expansion and establishment of the geopolitical influence of this state, which is reflected in the appearance of new burials.

The marking category of the item complex is the belt set. As a rule, these are rectangular with a slit and figured flat plaques, which characterize a certain previous stage of the development of belt toreutics as a unique example of Turkic culture. The belt set from the horse burial (burial 3, mound 32) also belongs to this number. Bright analogies of the South Ural examples of belt set are the Altai finds from Ak-Koba (mound near the sculpture), Balyk-Sook I, mound 11; Yustyd-XXIV, mound 13, which are reliably dated by ^{14}C and the remains of silk to the Katanda period (680–750).

The ceramic material of this stage, as a cultural marker, in the Uelgi burial complex indicates that the Kushnarenkovo and Karayakupovo pottery is present throughout the Khusainovo stage.

The Sineglazovo (Srostki) stage (mid-9th – 11th centuries). The archaeological complex of this stage is strikingly different from the previous one. The grave goods included characteristic sets of three-bladed elongated and armor-piercing arrowheads, massive bronze girth buckles with a well-defined frame nose, bits with S-shaped and 8-shaped cheekpieces, arched stirrups with a flattened or 8-shaped loop for hanging, as well as sets of bridle decorations with heart-shaped forehead plates, tees with a spherical central protrusion and rectangular plates with rich plant ornamentation (Tyukhtyat type). Also in the collection of artefacts of this stage there are end plates with plant and geometric ornamentation and an openwork clasp with a protruding heart-shaped nose.

The burials were constructed in sub-rectangular or sub-oval pits, oriented west-east (with a deviation to the southwest and northwest), that is a certain feature of the South Ural Srostki, since the east-northeast orientation prevails in the burials in Altai. Burials with cremation appear (mound 1, burial 5; mound 31).

Ceramic ware is either absent in the burials (Uelgi complex, burial mound 1, burials 2, 3, 5; burial mound 14, burial 1; burial mound 11, burials 1, 5; burial mound 31; Sineglazovo burial mounds) or, as already noted, the Kushnarenkovo and Karayakupovo pots are replaced by round-bottomed and flat-bottomed thick-walled vessels with a smooth profile, in the dough of which a large admixture of talc is observed. In some cases, they have two side ears with a hole for hanging. They are decorated with a cord or large-comb stamp. This complex belongs to the Petrogrom-Yudino typological appearance. This was especially clearly reflected in the materials of burial mound 11, where a set of objects of the Srostki type and other stylistic groups accompanying it, as well as fragments of five pots of the Petrogrom-Yudino type, were discovered in the embankment and on the burial site.

Formation of Magyar cultural traditions. In the collection of the Uelgi burial complex, up to a dozen stylistic groups and lines are noted, which are in one way or another connected with Manichaean symbolism. The first includes pictorial subjects connected with the already mentioned plant ornament, symbolizing *flowers and leaves of the Tree of Life (fig tree)*, depicted on the above-described Srostki plaques.

In their works concerning nomadic toreutics, G. G. Korol, L. V. Kon'kova and O. B. Naumova also mapped the distribution of rectangular plaques with a slit in the lower part, decorated with a composition of plant ornament with "symmetrical bunches of grapes". Their distribution area is large – from Buryatia to the river Dnieper region, including the areas of Minusinsk, the Kuznetsk Basin, Tuva and Central Asia.

Most likely, the same symbolism is contained in other plaques with plant ornaments from the collection of the Uelgi complex; they differ only in the degree of pictorial stylization.

In this regard, the majority of pictorial images captured on the ornamentation of the Sineglazovo (Srostki) stage of the set belong to the Manichaean style.

The Manichaean stylistic group. The image of a flaming pearl. The collection of the Uelgi burial complex includes six monometallic plaques (probably all of them come from the 29th burial mound): four heart-shaped and two arched with a figured slit at the bottom. The pictorial plot of the

ornamentation of these overlays received the name "*flaming pearl"* in literature. Plaques with images of *paired birds* depicted at the Tree of Life. This plot is widespread not only in the materials of the Uelgi complex. The closest in plot (two hens with spread wings touching breasts and beaks supporting the sprout of the Tree of Life), depicted on the end plaque from the Uelgi, is the plaque from the burial of the Krasnorechenskoye settlement (Semirechye).

A special element of the Manichaean-Nestorian stylistic tradition is the symbol of the cross. The materials of the Uelgi complex contain up to ten plaques in the form of crosses and cross-shaped images, inscribed in round and arched plaques, which are found both polymetallic (silver with gilding) and made of silver and copper.

The Buddhist-Hindu line. When analyzing the Subbottsev complex of belt garniture, in addition to the central Nestorian-Manichaean image of Jesus with a raised two-fingered sign of the cross, the Hungarian colleague Klima Laszlo proposed an interpretation of two more images – avaloka-tashvara and dancing maidens – ""apsars".

The collection of the Uelgi complex includes four rounded plates of the multi-armed goddess of fertility and motherhood (Parvati) in the padmasana pose and with flowers in her hands. Very similar plates in the same pose are known on the belt from burial 357 of the Bayanovsky burial ground, as well as the image of the goddess of death Kali.

The most striking Buddhist Eastern stylistic image found in the materials of medieval sites of the Southern Urals and in the Uelgi burial complex, in particular, is a series of zoomorphic images. The largest series of them are items with the image of the dog *"Shitszy"*, the so-called *sitting dog, ascending to the lion of Buddha.* This universal Buddhist image of a dog and a sitting lion is found in sites of Tatarstan and the Southern Urals, as well as the Carpathian Basin.

The Sineglazovo stylistic group. In the summer of 1959, during rescue excavations of burial mounds on Lake Sineglazovo, remains of horse harness decorations were discovered. They consisted of 18 large rectangular, 24 small square, one round and one end polymetallic (silver with gold) plaques with an image of a fig flower descending from the top of the central loop, then from the rounded inflorescence, petals of the inflorescence extend upward, bending, to the sides and downwards, tapering at the ends. This pattern was subsequently given the working name "lily".

The Kryukovo-Kuzhnovskaya stylistic group. Belt fragments with similar decoration of the set were found in burial mound 11 of the Uelgi complex (the easternmost location), as well as in burial 279 of the Bayanovsky burial ground (Perm region), and plaques of this type are mapped in the Kryukovo-Kuzhnovsky burial ground itself (Mordovia), in the Dniester region (a burial mound near the city of Slobodzeya) and in the Carpathian Basin.

The Carpathian stylistic group is the most famous. Its presence was clearly objectified from the first days of the Uelgi complex research, when a series of round spherical plaques were found on the surface. It was represented by round plaques of various sizes, having a spherical cross-section. The pictorial plot necessarily contains a spherical core in the center, decorated with a rim or a figured belt, three or four petals of a heart-shaped or subtriangular shape and a characteristic border in the form of alternating ovals and circles. In some cases, a quatrefoil is inscribed inside the ovals. Subsequently, the stylization of this plot probably occurs, which is replaced by three- or four-petal forms, vividly represented in the monuments of Hungary from the time of the acquisition of the Motherland.

The horse bridle and harness set were identical to the one from the Aktyuba burial ground. They included silver forehead pieces with a figured and petal-shaped base and a fishtail-shaped top; four end silver plaques with gold plating with a motif of intertwined stems and buds; two large round and 21 small silver plaques with gold plating, designed in the form of rounded spherical, oval or sub-square protrusions along the edge, three inflorescences and intertwined fruits and fig stems; flat silver round plaques – one large, two medium and 12 small; buckles – a silver girth buckle with a gold plating of a flower (trefoil) on the nose and a similar small snaffle buckle; two small end plates, one silver with gold plating and one bronze, with plant ornamentation (trefoil); remains of a bit, a ringed sinker and decorated fragments of cheek-pieces.

In addition to the already mentioned end plates with intertwined stems, of particular interest in this

collection are the round ornamented plates with a cross of stems, flowers (or fruits) of figs. We see something similar on the plates of the Uelgi complex (mound 1). In our opinion, in this case we see a certain search for new pictorial techniques of the Carpathian style, which will be the most popular later.

The Tyukhtyat stylistic group. With the discovery of the Uelgi burial complex, the "Tyukhtyat agenda" acquired its special significance. The collections from the surface of the site and materials of excavations included items: tees with plant ornaments, rectangular plaques with plant ornaments, openwork clasps with a figured spout-protrusion, scabbard tips, heart-shaped plaques with an umbo in the center. A little later, openwork pendants and arched belt tips with a trefoil, a connecting element at the base, as well as end plaques with paired fig flowers appeared. Thus, analyzing the burial rite and the collection of artifacts of the Uelgi, we gradually came to the understanding that the formation of the Magyar cultural traditions proper occurs within the framework of the South Ural region.

The previously proposed idea about the possible return of part of the Magyar population from the Carpathian Basin to the Urals certainly has the right to exist. However, upon careful examination, this idea cannot explain the fact that the formation and further existence of pictorial groups, styles and lines, initially formed far to the east (Sayano-Altai), such as Srostki and Tyukhtyatskaya, when they reach the Southern Urals, receive their new special development, which leads to the emergence of the Magyar or Carpathian style proper. Its diversity includes all the stylistic groups and lines that appear in the materials of the Uelgi complex at the Srostki stage, since this necropolis is the extreme eastern point of distribution of Magyar materials.

In this regard, the exclusive materials of the Sineglazovo group with the pictorial plot of the "lily", which arose in the workshop located in Chelyabinsk Priozerye are not only indicative, but also significant diversity of samples found in mound 11, where the double stratigraphy of burials 5 and 6 establishes the boundaries of the Khusainovo and Srostki stages. The materials that were discovered in the mound 11 (discards from pits 2–4) involuntarily designated all stylistic groups and lines – Srostki, Manichaean-Nestorian, Buddhist-Hindu, Sineglazovo, Kryukovo-Kuzhnovskaya and Carpathian.

Considering the fact that the Srostki pictorial traditions in the burial materials of this mound could have been formed either in the second half of the 8th century or in the 9th century, it is highly likely that all these groups and lines were formed in the Southern Urals, the resource base of this region is quite consistent with the Altai one.

2.2. Some questions of the formation of the Kushnarenkovo culture.

As follows from the logic of the previous section regarding the Kushnarenkovo and Karayakupovo cultural genesis, it becomes obvious that the Kushnarenkovo and Karayakupovo are, undoubtedly, different cultural phenomena.

The appearance of the Kushnarenkovo population in the Southern Urals was a one-time migration and did not have the cultural foundations of local development. Most likely, this movement had a vector of direction from the steppe south to the forest-steppe zone.

The southern Kushnarenkovo impulse can be discerned in the materials of the culture of kurgans with "mustaches" and the Selentash type sites.

The presence of Kushnarenkovo ceramics, along with high or medium-sized smoothly profiled pots-vases and pottery, was previously considered as the results of the multicultural mixing of the Trans-Ural (Ugric, Magyar) and Central Kazakhstan (Turkic-Teles) populations. Today it is becoming clearer that the ceramic complex of the kurgans with "mustaches" and the Selentash burial mounds reflects the relative unity of forms in the early Bulgarian complexes of the Middle Volga region, Eastern Europe and the early Avar sites of the Carpathian Basin of the 7th–8th centuries AD. The Kushnarenkovo pottery in these sites certainly gives a special uniqueness to the early sites of the Southern Urals. Although a certain tendency has emerged here too. In the research materials of the Bustanaevsky burial ground, along with the early Kushnarenkovo jugs with traditional ornamentation, there are rather high unornamented pots-vases, as well as a significant number of thick-walled fragments with vertical straight profiling and weakly ornamented smoothly profiled pots with notches along the rim. In addi-

tion, characteristic sets of belt polymetallic garniture in the heraldic style, characteristic of nomadic and early Bulgarian complexes of Eastern Europe, were discovered in the complexes of this burial ground.

We discovered something similar in the results of the study of the Ingala sanctuary, located far in the Trans-Ural forest-steppe – in the south of the Tyumen region. In several sacrificial sites, sets of belt polymetallic (silver with gold inlays) heraldic garniture were found, as well as figured plaques with cut ornamentation. The ceramic inventory is represented by fragments of four vessels. One of them is a thick-walled smoothly profiled pot, similar to the previously cited ceramics from the steppe complexes of the kurgans with "mustaches", in the sites of the Selentash type, the Middle Volga pottery of the Novinkovo ype and the early Bulgarian complexes of Eastern Europe. Two round-bottomed pots of the Bakal type and a round-bottomed vessel of the early Chiyalik type.

Thus, the historical realities associated with the events of the post-Hunnic and early Turkic times in the vast Ural-Kazakhstan steppe region allow us to speak quite definitely about the serious impact of the nomads of the Turkic-Bulgarian area on the forest-steppe Cis-Urals and Trans-Urals in the 6th–7th centuries. The presented archaeological arguments, indicating the direct impact of the Turkic nomadic area on the forest-steppe regions of the Southern Urals, confirm the hypothesis about the emergence of the Kushnarenkovo culture, as well as the formation of Novinkovo-type monuments on the Middle Volga.

Chapter 3. Research of the Uelgi Burial Complex in Light of Natural Science Methods

3.1 Anthropology and facial reconstruction based on skulls from the Uelgi burial complex

The paper examines craniological material (seven male skulls and one female) from the Uelgi burial ground (mounds 1, 9, 23, 28, 30, 32, 36 and 35). Graphic reconstructions were made based on two male skulls and one female skull (using M. M. Gerasimov's method).

The morphological features of the skulls indicate their intermediate position on the Caucasoid-Mongoloid vector of variability with a significant predominance of the Caucasoid component. The skulls demonstrate mestizo forms, having up to 30% of conditional Mongoloid admixture. Craniological studies of the skulls and reconstructions of the lifetime appearance of those buried in the burial mounds of the Uelgi complex confirmed their morphological closeness to the skulls of the so-called Eastern Ugrians from the Chiyalik culture sites of the Urals and the skulls from the burials of the Kushnarenkovo culture, which can be interpreted as "ancient Hungarian".

3.2. Paleopedological observations.

The section examines structural features and differences in the embankments of burial mounds 11 and 41, on the basis of which, when analyzing the typologies of the artifacts and ceramics, it is assumed that there was interaction between the population of the Khusainovsky and Sineglazovsky stages and that the burial and cultural traditions of the population of the "Khusainovo-Kushnarenkovo-Karyakupovo" horizon were adopted by the alien population of the "Sineglazovo-Chiyaliksky-Makushino-Petrogrom-Yudino" horizons.

According to historiographic data, two hydrothermal periods are distinguished in the Southern Urals during the Middle Ages. The first of them was dry and lasted from the 5th–7th to the 10th–12th centuries, the second was warm and humid – from the 12th to the 14th centuries. The profiles of burial mounds 11 and 41 show that it was in the 9th – first half of the 10th century that most of the burials at the Uelgi burial complex were made. This does not contradict modern paleogeographic ideas that the forest-steppe of the Southern Trans-Urals was preferable for development by the nomads in that time.

3.3. Results of the study of the archaeozoological collection of the Uelgi necropolis

Archaeozoological collections from five burial mounds of the Uelgi burial complex, dated to the 9th–10th centuries, were analyzed (mounds 11, 14, 29, 32, 34).

The osteological material from the mounds under consideration can be classified into four conventional categories of osteological complexes. The first is the "animal burial", which includes a unique case of an individual burial of a horse from mound 32 (male 7.5–9 years old, height at the withers – 136–144 cm).

The second category is "food offerings", which is represented by long tubular bones of the horse, most often femurs. For food offerings, it is not possible to trace a correlation between whether preference was given to the right or left side and the age of the slaughtered animals with the age-sex status of the buried humans. Most horse femurs belong to specimens 1.5–3.5 years old. We do not know how the femurs were separated from the pelvic bones (cutting the hip joint). However, an important observation is the absence of traces of cutting (cuts and nicks with a sharp blade on the head of the femur). It is also unclear whether the femurs were buried with or without meat. This category is conditional, and the femurs placed in the grave may signify as part of a whole – a symbol of a horse. As a result of the study of the materials of the Bakalinsky burial mound (Republic of Bashkortostan), a hypothesis was put forward that such a ritual feature as horse femurs in burials may designate a tamga (a certain part of the sacrificial animal) as belonging to a certain tribe.

The third category of osteological complexes is the "remains of funeral feasts". It consists of scattered fragments of proximal "meat" parts of limbs from the mounds of burial mounds; in rare cases, traces of cutting (breaking) and exposure to high temperatures are recorded. This category is small in number. This can be explained by the fact that funeral feasts could be held outside the burial mound space, and the remaining bones could end up in the mounds along with the soil during its construction.

The fourth category is the most numerous – "sacrificial complexes". These complexes were found both as separate clusters (in mounds 29 and 34) and as scattered bones of "non-meat" parts of carcasses from the mound (altars destroyed by diggers, robbers and soil movement?) – heads and distal parts of limbs. Most of the teeth and fragments of the lower jaws (they are better preserved) were found from the heads, and most of the phalanges, mainly the third ones (hooves), were found from the distal parts of the limbs. Fragments of the atlases, which were separated together with the head, may also belong to the sample under consideration. However, the osteological collection practically did not contain tail vertebrae, which traditionally mark skins/stuffed animals. Both females and males, mainly mature (5–10 years old), were sacrificed; bone remains of foals and old individuals were not found.

It can be argued that in the burial rite of the population that left the Uelgi burial complex, animals were used in all ritual actions – during the construction of individual burials, in the process of constructing the burial mound and, possibly, after the completion of its design.

3.4. Leather and textile products from the Uelgi and Aktyuba burial grounds

The collection of objects made of organic materials from the Uelgi and Aktyuba sites, although small, is diverse – leather, fur, silk, wool and cotton were recorded. Based on small fragments, it is only possible to roughly reconstruct how rich the costume complex and horse equipment were in the 9th–10th centuries. A total of 35 samples were examined – 26 from the Uelgi burial complex and 9 from the Aktyuba burial ground.

Due to the contact of metal elements of belt fittings with leather, large parts of belts, including hanging ones, have been preserved. Leather for belts was cut from thick hide of cattle or horse, the face (front surface) was completely removed. It is possible that alum was already used for processing leather. When making wide girth belts, the edges of the workpiece were often folded inward, stitched together and only then fastened with plaques or buckles. For stitching, both sinew thread and fairly thick woolen thread were used.

A relatively small amount of decorated leather is presented – from the saddle of mound 1 of the Aktyuba burial ground, which is decorated with checkerboard embossing and carving (strips).

The collection contains textiles of various compositions. Silk, wool, flax and cotton fabrics differ in the way they are woven – both plain and twill fabrics are found. The most unique are the silk fabrics of the *samit* type. The centers of silk weaving at that time were Byzantium, Iran, Egypt (Antinoia, Akhmim),

and China. Of particular interest are the finds of burial shrouds, which were recorded in mounds 32 and 11 of the Uelgi burial complex, on a woman's headdress and over the bones of the deceased's hand. This is a fairly coarse fabric of plant origin (cotton and flax). An interesting detail is the reuse of valuable materials such as silk. Pieces of silk, probably small fragments of clothing, were used as an inlay for a belt buckle and an end plate for a belt in burial 6 of mound 11 in the Uelgi burial ground.

Chapter 4. A Comparative Analysis on the 10th-Century Archaeological Heritage of the Southern Trans-Urals and the Carpathian Basin in the Context of Early Hungarian History

The finds from the Uyelgi cemetery constitute the largest and closest collection of archaeological parallels to the early Hungarian archaeological heritage of the Carpathian Basin. The evaluation of these object types is therefore of outstanding importance for both regions, but particularly for understanding how the archaeological assemblage of the early Hungarians in the 10th century emerged and developed. At the same time, when reviewing the archaeologically highly significant parallels, it should be emphasized that in most cases the relationship is not demonstrated by a single, isolated phenomenon. In light of recent research, it has become clear that several types of finds belonging to the same thematic category or assemblage – such as weapons, horse equipment, and objects associated with everyday life –also display connections with one another. This is significant because it enables us to identify the historical and archaeological cultural relationship between the finds showing such parallels with considerably greater confidence.

Chapter 5. Archaeogenetic/genomic analysis of samples from the Uyelgi site

The mitochondrial haplotypes of the Uyelgi population cannot be unequivocally interpreted as representing either eastern or western genetic components, as both are characteristic of the population. The diversification of the European-associated mitochondrial lineages belonging to haplogroups N1a1a1a1a and H40b, which are present in all three archaeological horizons, supports continuity between the successive horizons. This continuity is further reinforced by the presence of the eastern-associated haplogroup C4a1a6, which also occurs throughout all three horizons. In contrast, haplogroups with predominantly eastern phylogeographic affinities are most prominently represented in the younger horizons (including A, A12a, C4a2a1 and identical C4a1a6 haplotypes). The maternal lineages of the Uyelgi population exhibit both indirect (monophyletic) and direct (identical or one-mutation-distant) genetic connections with the Hungarian conquerors. The paternal lineages display remarkable homogeneity, indicating a genetically homogeneous population.

The population replacement hypothesized on archaeological grounds was not supported by the genetic data. This interpretation is contradicted by the low diversity of the ancestral genetic components, the homogeneity of the paternal lineages (although this alone could also be explained by patrilocality, as well), and the occurrence of identical mitochondrial haplogroups across all three archaeological horizons. These findings are consistent with the genome-wide analyses, which likewise revealed a highly homogeneous genetic profile among individuals representing all three horizons.

In summary, the uniparental genetic composition of the Uyelgi population indicates a source population that can be linked to the early Hungarians in chronological and/or geographical terms. This interpretation is further supported by genome-wide analyses, which demonstrated close genetic affinities both to other populations associated with the Karayakupovo horizon (including Bolshie Tigany and Karanayevo) and to the early Hungarians. These groups were shown to share a genetic profile closely resembling that of the Belaya Kushnarenkovo populations and the Late Sargat communities along the Tobol River.

Conclusion

The burials at the Uelgi burial complex were made at a turning point in the developed Middle Ages – from the end of the 8th to the 11th century. During this period, new medieval nomadic peoples of Asia began to develop: Kimaks, Kipchaks, Bashkirs, Mansi (Voguls), Volga Bulgars, Tatars, Magyars. Many of them subsequently directly participated in the ethnogenesis of the modern peoples of Central Eurasia. This historical and cultural dynamics is quite clearly outlined in the materials of the site.

The differentiation of burial materials showed their division vertically in the existence of two chronological stages: Khusainovo (late 8th – 9th centuries) and Sineglazovo (9th – 11th centuries) and horizontally in the existence of at least four archeocultural types: Kushnarenkovo, Karayakupovo, post-Bakal-Nevolino and early Chiyalik (Makushino) Petrogrom-Yudino, which undoubtedly mark the multi-ethnic components among the Trans-Ural nomads. Apparently, the South Ural peoples were subsequently formed from this polyethnic conglomerate.

The main basic component of the South Ural peoples was the post-Bakal population of the Middle Trans-Urals. The subsequent disintegration of the Bakal historical and cultural horizon and the outflow of these tribes to the eastern foothills of the South Urals and to the Urals (the basin of the Belaya and Kama rivers) led to the appearance of various forms of post-Bakal and Nevolino pottery in the Uelgi necropolis.

During the same period, complexes containing late Kushnarenkovo and Karayakupovo types of pottery (round-bottomed, comb-and-striated ornamentation) were formed. The material complex became purely nomadic, as indicated by the types of weapons, horse bridles and special categories of silver and bronze belt sets, characteristic of the Altai and Tuvan samples. This situation continued until approximately the middle of the 9th century, when Altai groups of the Srostki cultural type penetrated into the environment of the South Ural nomads. This is indicated by special forms of horse bridles and belt sets (silver with gilding, rich plant, zoomorphic, ornithomorphic and thematic ornaments). In parallel with this, the forest and forest-steppe, most likely proto-Ugric population, was introduced into the nomadic environment – bearers of large-comb and cord ornamentation in ceramics (early Chiyalik [Makushino], post-Petrogrom and Yudino types). Gradually, by the end of the 9th century, the South Ural complexes of the Khusainovo stage (post-Bakal, Kushnarenkovo, Karayakupovo) disappear from the burials at the Uelgi burial ground. They are completely replaced by the burial mounds of the Sineglazovo (Srostki) stage, among which materials of the Magyar type appear, the so-called Carpathian style (these are large round and square plaques with a three- or four-dimensional pattern and a spherical boss in the center; plaques with plant (fig flower), faunal or thematic subjects (Jesus, Mani, goddess Parvati, goddess Kali, etc.); a ceramic complex represented by thick-walled round-bottomed pots with a large admixture of mica and talc in the clay dough; vessels with ears or pseudo-ears; ornamentation with a large-comb stamp and cord and pseudo-cord ornament predominates).

The finds from the Nizhny Yar site were particular interesting, where the horse bridle decorations combine two styles: Saltovo-Mayaki (Khazar) and early Magyar, in which the plant pattern is represented not by flower petals, but by intersecting fig stems. That is, in the Southern Trans-Urals, probably in the 9th–10th centuries, there was a search for themes of a new style. We find something similar in the materials of the Uelgi burial complex and the Aktyuba burial ground.

It is still difficult to reconstruct the entire process of the formation of the Kipchak, Bashkir and Hungarian cultures within the South Ural area, but today it is obvious that the appearance of various figurative stylistic forms and plots in the materials of the monuments we publish indicates the existence within the Trans-Ural region of a special core of nomadic confederation, which played a key role in the formation of the mentioned medieval associations.

AZ UJELGI TEMETŐ (9–11. SZÁZAD) AZ URÁLONTÚL DÉLI RÉSZÉN

Összefoglalás

Az ujelgi temető Kanzafarovótól (Kunasaki járás, Cseljabinszki terület) 2,5 km-re északkeletre, Kunasak falutól pedig 8 km-re északnyugatra található. A lelőhely a Szajgerli-tó délkeleti és az Ujelgi-tó nyugati partjánál, a tavak közötti földnyelven, annak a tóközi teraszán fekszik. A temető központi része egy 120 × 300 m-es, a Szajgerli-tó vízszintjétől számított 3–4 m magas kiemelkedésen terül el. A temető középső részén egy völgy található, amelybe északnyugati irányból egy magaslatszerű, kúpszerű földnyelv húzódik be, ennek délnyugati végén került elő két kurgánsír, a 26. és a 27. számú sírhalom.

Jelen monográfia az Ujelgi-dombon a 2009–2019, 2021–2023 között végzett ásatások anyagát mutatja be. Összesen 25 kurgántemetkezést tártak fel (1–9., 10., 10a, 11–12., 14., 23., 28–36., 41.), amelyek 115 személy – többségében kirabolt – maradványait rejtették. Az előkerült leletanyagot páncélok, lószerszámok, öv- és lószerszámdíszek, gyöngyök, különböző állapotú kerámiaedények képviselik. A régészeti leletanyag keltezése arra utal, hogy a temetőt a 8. század végétől a 11. század első feléig használták.

Az ujelgi temetőből 12 radiokarbon adat áll rendelkezésünkre, illetve az aktyjubai temetőből pedig további egy, amelyek mind megfelelnek a leletek tipológiai keltezésének, és Kr. u. 770–1030 (95,4%) – a 8. század utolsó negyede és a 11. század első negyede – közötti időszakot jelölik ki. Az összes rendelkezésre álló – tipológiai, radiokarbon és rétegtani – adat összevetése lehetővé teszi a régészeti kulturális és kronológiai horizont összetételének meghatározását, amelyek a huszainovói és a szinyeglazovo-szrosztki régészeti kultúrákkal hozhatók kapcsolatba. Ezt a meghatározást alátámasztja az ujelgi temető régészeti anyaga is, amely véleményünk szerint rekonstruálja az Urálontúl régió déli részének korai magyar periódusának egészét.

1. Az ujelgi temető régészeti kutatása és néhány hasonló lelőhely a transzuráli erdőssztyepp régióból

Mint fentebb említettük, az ujelgi, az aktyjubai és a Nyizsnyij Jar-i temetők hagyatéka a régészeti vizsgálatok alapján alapvetően két kronológiai horizontra osztható: a Huszainovó-időszakra (Kr. u. 8. század vége – 9. század közepe) és a Szinyeglazovó-időszakra (Kr. u. 9. század közepe – 10. század). Időrend tekintetében nagyon nehéz pontos statisztikát adni a régészeti objektumokról, mivel sok temetkezést kifosztottak. Sok esetben csak a bolygatatlan anyagokkal tudunk dolgozni, azok alapján következtetéseket levonni.

A huszainovói időszak (Kr. u. 8. század vége – 9 század közepe)

Ennek a periódusnak sajátos ismertetőjegye az egyszerű, díszítetlen ezüst- és bronzveretek széles körű használata az öveken és lószerszámzaton, amelyek a korábbi heraldikus, katandai és posztszasszanida stílusok egyes vonásait mutatják. Kedveltek a négyszögletes, alsó harmadukban áttört, valamint a felül kapuíves, szív, hold és egyéb alakú kivágásokkal, áttörésekkel vagy félgömb alakú kiemelkedésekkel ellátott figurális veretek. Az előlapjuk minimalista díszítőelemekkel, kétoldalas tagolással vagy a központi tengelyvonal mentén futó bordázattal díszített. Meg kell említeni, hogy éppen ebben az időszakban jelent meg egy sajátos verettípus – a kettőshold alakú veretek –, amelyek páros vagy szimpla félgömb alakú kiemelkedésekkel ellátottak. E régészeti horizont névadó temetőinek tekinthetők a huszainovói, a bekesevói és a jamaszi-taui temetkezések.

A huszainovói korszakból ismert temetkezésekhez képest az ujelgi sírok meglehetősen mélyek, elérhetik a 75 cm-t is. Az ujelgi temetőben ebbe a korszakba sorolható a 32. kurgán 11. számú gyermeksírja, amelyben négyzetes és páros dudorokkal ellátott övveretek kerültek elő. Továbbá egy különlegesen felszerszámozott lósír (32. kurgán 3. sír), ahol kantár- és nagy méretű szív, illetve horgony alakú szügyelőveretek voltak bordázott középső résszel, valamint félköríves kivágásokkal ellátott veretekkel együtt. A 11. kurgán 6. sírjában nagy

számban kerültek elő ezüstveretek, amelyek közül a legérdekesebb egy egész öv, amelyet jórészt négyzetes, valamint felül kapuíves és szív alakú veretek díszítenek, alul téglalap alakú áttörésekkel. A mellékszíjakon szív alakú, három félgömbös dudorral díszített veretsor fut. Ugyanilyen veretek díszítették az eltemetett személy lábbelijét is.

Az ujelgi temető legkorábbi szakaszát egy lovasíjász temetkezése (32. kurgán, 16. sír) képviseli. A feltárt leletek között találhatók egy összetett reflexíj szarulemezei és egy tegezöv vasmerevítős részletei, amelyek a korábbi időszak, a Kr. u. 7–8. század felszereléseire jellemzők. Ez a temetkezés a Kr. u. 8–9. század fordulójára keltezhető.

Szinyeglazovo-szrosztki horizont (Kr. u. 9. század közepe – 10. század közepe)

Ebben az időszakban változás ment végbe az övveretek stílusában. Népszerűek lettek az aranyozott veretek előlapján a reliefszerűen kidomborodó növényi minták. A díszítésben a növényi motívumok domináltak, a geometrikus, állatalakos vagy antropomorf motívumok ritkábban fordultak elő. Az antropomorf minták a dél-uráli nomádok körében a buddhista, manicheista és egyéb vallási hatásokról tanúskodnak. A korszak legkiemelkedőbb dél-uráli leletegyütteseiben (ujelgi, aktyjubai, szinyeglazovói temető) az úgynevezett honfoglaló magyar stílusú vereteket fordulnak elő, amelyek fő jellemzője a pálcatagos szegélyminta. Az előző szakasztól eltérően ebben az időszakban a sírok sekély mélységűek, megtartva a rítus általános jellemzőit. Elterjedtek a nehéz fegyverzet (lamellás páncélzat) elemei, a csont hevedercsatok és a csizmafej vagy fecskefark alakú végekkel ellátott csont oldalpálcás zablák. Úgy véljük, hogy az új stílus feltűnése a keletről – az Altajból és Kelet-Kazahsztánból bevándorló korai kipcsak csoportok (szrosztki kultúra?) – érkező bevándorlók hatására ment végbe.

A legjelentősebb objektumok közé sorolható egy gyermek temetkezése (9. kurgán 7. sír), amely korai és késői leleteket egyaránt tartalmaz, ugyanis olyan aranyozott tárgyak kerültek elő, amelyek nem jellemzők a huszainovói horizontra, hanem szrosztki jelenségnek tartunk. Ez a temetkezés a helyi huszainovói hagyomány folytatását illusztrálja a keletről érkező idegenek erőteljes hatása mellett. Más temetkezések leletanyaga (11. kurgán 1. sír; 14. kurgán 1. sír) anyagai jól mutatják a korai huszainovói és a szrosztki horizont közötti különbségeket, miközben a ^{14}C alapján gyakorlatilag szinkronban vannak a huszainovói horizonttal. Ebben az esetben a Dél-Urálontúlon a növényi és állati motívumokból álló reliefmintás aranyozott veretek, csontcsatok és csont oldalpálcás zabláknak a 9. század közepén vagy a század második felében való megjelenéséről beszélheünk. A huszainovói stílus a dél-uráli népesség körében továbbra is fennmaradt, de jól érzékelhető tendencia a leletek degradációja, ez mutatkozik meg a veretek méretének és vastagságának csökkenésében és a formák egyszerűsödésében, amelyet jól szemléltet az 1. kurgán 32. sírjának leletegyüttese. Ide sorolható objektum a 29. számú kurgánba rejtett áldozati leletegyüttes, ahol korai magyar stílusú veretek, késői huszainovói tárgyak, illetve egy fiola alakú függő került elő, amelyek egyértelműen Káma–Nyugat-Urál-vidéki analógiákra mutatnak, és így önmagukban lehetővé teszik az objektumnak egy késői, a 10. század első felére való keltezését.

Hangsúlyozni kell, hogy a huszainovói és a szinyeglazovo-szrosztki horizont közötti különbség nemcsak kronológiai, hanem etnokulturális jellegű is. Ezt erősíti meg a két temetkezés (11. kurgán 5. és 6. sír) egyedülálló szuperpozíciós esete. A korábbi temetkezés (6. sír) fölé egy idő után egy másik sírt ástak (5. sír). A rétegtani elhelyezkedésből ítélve a későbbi sír (5. sír) létrehozói nem tudtak a korábbi temetkezés (6. sír) létezéséről. A különbségeket a mellékletek is igazolják. A korai, 6. számú temetkezésben huszainovói stílusú ezüstvereteket találtak, míg a késői temetkezésben a leletanyag szrosztki típusú.

Így a korai horizontot olyan objektumok alkotják, amelyekben jellemzően sima felületű, téglalap, pajzs, pillangó, szív és virág alakú bronz és ezüst övveretek és csatok kerültek elő. A kerámiát három csoport, a karajakupovói, a késő kusnarenkovói és a posztbakaldai–nyevolinói horizont edényei képviselik. A késői horizontot a lószerszámok speciális együttesei jellemzik: nyolcas alakban végződő zablák csont oldalpálcával, amelyek vagy csizmafej, vagy fecskefark alakban végződnek, továbbá aranyozott ezüst övdíszgarnitúrák, amelyek növényi, állat- és madármintával, illetve további tematikus mintákkal díszítettek. A korai és a késői horizont határa a 9. század közepére tehető, ez egybeesik a szrosztki és a korai magyar övstílusok megjelenésével a transzuráli régióban.

2. A Dél-Urál középkori régészeti kulturális genezisének néhány aktuális kérdése

2.1. A korai magyar kultúra kialakulása a déli Urálontúl régiójában

1. A Kr. u. 2–4. század átmeneti szakasza. Az Urál nyugati előterétől az Urálontúl felé

A késő őskor és a kora középkor kezdete (Kr. u. 2/3–6/8. század) az Urál–Volga-vidék és Nyugat-Szibéria erdősztyepp-övezetében meglátásunk szerint egyetlen, azonos hatalmi térségbe tartozott, amely az Urál–kazah sztyepp hun inváziója nyomán jött létre.

A régészeti kulturális átalakulás folyamata a vizsgált régió tág határain belül a korai hun korszakban (Kr. u. 2–4. század) nagyon összetett és többpólusú volt. Ennek a folyamatnak a centruma kezdetben az Urál nyugati előterében a Káma–Bjelaja folyók mentén helyezkedett el. A Dél-Urál és Nyugat-Kazahsztán sztyeppéin a korai hun (hun–szarmata) egység megjelenése és későbbi fejlődése hosszú (Kr. u. 2–4. század) kölcsönhatáshoz vezetett a helyi erdősztyeppi népesség és a bevándorlók között. Ennek hatására a Kr. u. 2–3. században a Pjanij Bor-i kultúrák felbomlásához vagy átalakulásához és a kora középkori kultúrák új tömbjének (azelinói, mazunyinói, imenygyjasevói, bahmutyinói) kialakulásához vezetett.

A Kr. u. 5. században a bahmutyinói-turbaszli régészeti kultúra alakult ki az Urál nyugati előterének déli részén. Azt nehéz megítélni, hogy ez mennyire volt stabil és szoros etnokulturális közösség, egység, mivel mindössze két lelőhely (Ufa II. település és a birszki temető) anyaga képviseli.

A Kr. u. 6. század második felében a turbaszli népesség tűnt fel a Káma folyó torkolatvidékén (Komintern II, Novoszlavka II, Izmer IX, Maklasejevka V, Taskirmen temetők). A turbaszli népesség – annak is feltehetően a folyó bal partján élő része – valószínűleg nem nagyon érintkezett a bahmutyinóiakkal. A Kr. u. 7. század elejéig éltek ott, körülbelül addig az időig, mikor a jobb parti turbaszli népesség, akik a birszki temető leletei alapján kulturálisan erős bahmutyinói hatás alá kerültek, már nem mutattak régészetileg tisztán turbaszli jelleget.

2. Késő szargatkai (prigovói) történeti-régészeti kulturális horizont az Urálontúl régióban

Az Urálontúl erdősztyeppi régiójában a közelmúltig különösen nehezen volt rekonstruálható a korai hun és hun szakasz (Kr. u. 3–5. sz.) történeti-régészeti emléke. Az Urálontúl erdősztyeppi, illetve Nyugat-Szibéria, valamint az észak-kazahsztáni sztyeppék esetében ennek megértését elsősorban a késő szargatkai kultúra megszűnése körüli, máig meg nem oldott kérdések okozzák. A hun–szarmata kori népesség behatolása a Tobol menti régióba a Krisztus születése utáni első évszázadoktól kezdve új kulturális tendenciák kialakulásához vezetett a késő szargatkai törzsek körében, ami a temetési rítusokban és a leletanyagban mutatható ki. Ilyenek a téglalap alakú keskeny, egy-egy vázat tartalmazó sírok túlsúlya, az eltérő koporsótípusok feltűnése, valamint az északi tájolás, a koponyatorzítás, valamint a hun–szarmata típusú leletanyag megjelenése.

3. Az urál–szibériai történeti-régészeti egység keleti szárnyán

A késő kulajkai és korai Felső-Ob menti kultúra általános strukturális időrendi-kulturális fejlődés koncepciójának egyes kérdései, amelyeket M. R. Grjaznov javasolt, később némi kiigazításon mentek keresztül. T. Ny. Troickaja valamivel korábbra datálta a fominszkojei típusú leleteket, és ezeket a kulajkai kultúra késői szakaszához (Kr. u. 1–3. sz.) kapcsolta, majd az ezt követő átmeneti időszakot a Kr. u. 3–4. század végéig keltezte, míg az ogyincovói típusú hagyatékot a Kr. u. 5–6. századhoz sorolta.

A poszt-hun időszakból származik a két legfontosabb jellemző, a koponya gyűrűs torzítása és a lovastemetkezés. A. A. Kazakov hívta fel a figyelmet ezekre a jellegzetességekre, aki ezen újdonságok megjelenéséhez kötötte néhány nevezetes temetkezés (Tugozvonovo, Eraszka és Szopka 2. 688. sír) megjelenését az erdősztyeppi Altaj régióban az Ob mente novoszibirszki szakaszán. A szerző joggal látja ezekben az új elemekben a *„poszt-hun időszak hatását a Felső-Ob-vidék törzseire”*.

4. A bakaldai történeti–régészeti kulturális horizont (Kr. u. 3–8. század)

A bakaldai történeti és régészeti kulturális horizont kronológiailag két átmeneti szakaszt jelentett, túlmenően magának a bakaldai kultúrának az időszakán. Az egyik a korábbi, a késő szargatkai kultúra időszakától a kora bakaldai korszakig (Kr. u. 3–4. század) terjedő kronológiai horizont, a másik pedig a késői bakaldai időszaktól a petrogromjugyinai horizontig (Kr. u. 7–8. század).

A bakaldai horizont jól elkülöníthető régészeti kulturális és kronológiai kritériumai ellenére, amelyek jól azonosíthatók a sírok leletegyütteseiben, a kerámialeletek elemzésében sajátos disszonancia mutatkozik. A bakaldai telep- és sírkerámia egyértelműen a korábbi technológia jellegzetes vonásainak változását mutatja. A hun–szarmata kori kerámiák között megnőtt a lapos fenekű korsó-, illetve fazékformák aránya. Szembetűnő a kevéssé díszített fazekak, illetve azok többségének hiánya. A szerzők által elemzett kerámiaanyagból mindössze valamivel több mint 10% sorolható a tipikus bakaldaiak közé. Hasonló a helyzet a protokusnarenkovói (pszeudo-kusnarenkovói) és a karajakupovói kerámiák esetében is.

A bakaldai horizontot kerámiatöredékek is képviselik, amelyeket egyezményesen *pszeudokusnarenkovói–karajakupovói* típusú kerámiának nevezünk, bár valójában ezek mindössze a korábbi kerámiaformák elemeit vagy azok kialakulásának tendenciáit mutatják.

Az urálontúli pszeudo-kusnarenkovói és az Urál nyugati előterének kusnarenkovói kerámiájának tipológiai és technológiai kapcsolatának kérdése még mindig vitatott. Ez a kerámia egyértelműen különbözik a Tobol–Irtis régió kora középkori kerámiatípusaitól. Technológiai hasonlóságuk bizonyos mértékig csak a kusnarenkovi fő minták kialakulásának néhány fő tendenciáját jelzi, amelyek egy meglehetősen hosszú, a Kr. u. 3–4. századtól a 7–8. századig tartó időszakban mentek végbe. A tulajdonképpeni első kusnarenkovói típusú korai edények a transzuráli régióban csak a Kr. u. 7–8. század hagyatékában (argazi temetők; Kajnszaj 14. kurgán; Graultri; Bajramgulovo 1. kurgán) ismertek. A bakaldai kultúra hagyományai esetében (északi tájolás, gyűrűs koponyatorzítás), ahol pszeudokusnarenkovói edényeket találtak, ezek nem teszik lehetővé, hogy ezeket az emlékeket kapcsolatba hozzuk a tényleges kusnarenkovói kultúrával.

5. A Dél-Urál kulturális genezisének szakaszai a középkorban

Korai Birszk–Manyjak-fázis a Kr. u. 7–8. században
Minden valószínűség szerint jelenleg még nyitva kell hagynunk azt a kérdést, hogy a bakaldai horizontnak mely transzuráli lelőhelyei határozhatók meg a Belaja és a Káma folyó medencéjében a kusnarenkovói és karajakupovói emlékei genetikai, szerves előzményeiként. A fentebb kusnarenkovói, pszeudo- és proto-kusnarenkovóként említett egyes edénytípusok látszólagos hasonlóságához egyelőre nem tudunk analógiákat idézni a Kr. u. 7–8. századi temetők (Birszk, Manyjak, Novo-Turbaszli és Bahmutyino) és sírhalmok (Szintistamak, Krasznogora és Novo-Bikinszk) anyagában kialakuló korai kusnarenkovói korsó alakú, lapos fenekű, tök, bomba alakú és gömbös, lekerekített vagy tojás aljú edényekhez. Az Urál nyugati előterében a kusnarenkovói hagyaték szintén nem rendelkezik saját helyi szerves előzményekkel. Ebből következik, hogy az eredeti kulturális prototípusok és kialakulásuk területeinek felkutatása új, speciális megközelítést igényel.

Középső (huszainovói) fázis (Kr. u. 8/9. század fordulója – 9. század közepe)
Az ujelgi temető mintegy tizenöt kirabolt sírja tartozik ebbe a szakaszba. A kurgánok feltöltésekben vagy azok közelében talált leletek a huszainovói típusba tartoznak (11. kurgán, 6. sír; 32. kurgán, 3–4., 11–12., 16. sír; 7. kurgán, 5. sír; 9. kurgán, 1–2., 5., 8–9. sír; 29. kurgán, rejtett áldozati lelet).

Az ujelgi temetőtől délkeletre 30 km-re található az egyik ilyen típusú szomszédos lelőhely, a graultri temető. E temető 5., 8., 11. kurgánjaiból hat temetkezés szintén a huszainovói szakaszhoz tartozik. Az említett objektumok sajátossága a kerámia. A kerek aljú díszített edények többségén néhány vegyes kusnarenkovói-karajakupovi típusú minta látható.

Általánosságban ez a lelőhely a nomád életmód végleges kialakulását jelzi a dél-uráli kusnarenkovói–karajakupovói népesség körében. Mint ismeretes, az övdíszítés az Altaj térségében

a Kr. u. 7–8. századi katandai időszakban jelent meg, és a következő tuekai fázisban (8. század második fele – 9. század első fele), majd az Ujgur Kaganátus idején (Kr. u. 744–840) is fennmaradt. A nomád török nyelvű és kultúrájú népesség új hullámának érkezése az Urál keleti előterébe valószínűleg ezen állam terjeszkedését és geopolitikai befolyásának kiterjedését jelzi, amelyet alátámaszt az új temetkezések megjelenése is.

A társadalmi státusz jelzése a leletegyüttesekben az övgarnitúra. A veretek általában téglalap alakúak, áttört és figurális lapos díszítményekkel, amelyek a türk kultúra sajátos mintájaként az övveretek díszítési fejlődésének egy bizonyos korábbi szakaszát jellemzik. Egy lósírból (32. kurgán, 3. sír) származó lószerszámzat díszítése ugyanebbe a csoportba sorolható. A dél-uráli övgarnitúra-minták szemléletes analógiái az Ak-Koba (kurgán sírszoborral), a Balik-Szook I., 11. kurgán és Jusztid-XXIV. 13. kurgánból ismertek, amelyek a ^{14}C és a selyemmaradványok alapján megbízhatóan a katandai időszakra (Kr. u. 680–750) keltezhetők.

E szakasz kerámiaanyaga – mint kulturális marker – az ujelgi temetőben azt jelzi, hogy a tulajdonképpeni kusnarenkovói és karajakupovói kerámia az egész huszainovói szakaszban jelen volt.

Szinyeglazovói (szrosztki) szakasz (Kr. u. 9. század közepe – 11. század)

Ennek a szakasznak a régészeti anyaga határozottan különbözik az előzőtől. A tárgyi hagyaték jellemző leletei: háromélű, hosszúkás és páncéltörő nyílhegyek, masszív bronz hevedercsatok jól elkülönülő profilált pecektartóval, S alakú és nyolcszögletű oldalpálcás zablák, ívelt talpú kengyelek lapított vagy nyolcszögletű füllel, valamint szív alakú homlokveretekkel ellátott kantárdíszek, gömb alakú középső kiemelkedéssel ellátott hármas szíjelosztók és téglalap alakú, gazdag növényi ornamentikával ellátott veretek (tyjuhtyjati típus). Szintén e szakasz leletei között találhatók növényi és geometrikus díszítésű szíjvégek, valamint áttört kapcsok, kiálló szív alakú dudorral.

A temetkezések téglalap vagy erősen lekerekített sarkú sírgödrökben történtek, Ny–K-i tájolással (délnyugati és északnyugati eltéréssel), amely a dél-uráli szrosztki kultúra bizonyos sajátossága, mivel az Altaj-vidéki szrosztki temetkezésekben a K–ÉK az uralkodó tájolási irány. Hamvasztásos temetkezések is előfordulnak (ujelgi 1. kurgán 5. sír; 31. kurgán).

A temetkezésekben (ujelgi 1. kurgán, 2–3., 5. sír; 14. kurgán, 1. sír; 11. kurgán, 1., 5. sír; 31. kurgán; szinyeglazovói kurgán) vagy nem fordul elő kerámia, vagy – mint fentebb említettük – a kusnarenkovói és karajakupovói edényeket kerek aljú és lapos fenekű, vastag falú, sima profilú edények váltották fel, amelyek anyagában soványítóanyagként nagy mennyiségű talkum figyelhető meg. Egyes esetekben kétfülűek, amelyeken egy-egy áttörés szolgál a függesztésre. Díszítésük zsinórmintás vagy durván bordázott bepecsételéssel történt. Ez a típus a petrogrom-jugyinai tipológiai formához tartozik. Ez világosan tükröződik a 11. kurgán anyagában, ahol a sírhalomban és a kurgán alatti temetkezésben szrosztki típusú leletek, valamint az ezt kísérő más stíluscsoportokból származó, illetve öt petrogrom–jugyinai jellegű edénytöredék került elő.

A korai magyar régészeti kulturális tradíció kialakulása

Az ujelgi temetőben akár egy tucat olyan stíluscsoport és fejlődési vonal található, amelyek így vagy úgy, de a manicheus szimbolikához kapcsolódnak. Az elsőbe tartoznak a már említett növényi ornamentikához kapcsolódó, a világfa virágait és leveleit szimbolizáló képek (füge termése és fügecserje), amelyeket a fentebb leírt szrosztki típusú vereteken ábrázoltak.

G. G. Korol, L. V. Konkova és O. B. Naumova a nomád toreuitáknak szentelt munkáiban szintén feltérképezte az alsó részében áttöréssel ellátott téglalap alakú, növényi ornamentikájú kompozícióval díszített, szimmetrikus szőlőfürtökkel díszített veretek elterjedését, amelyek nagy területre, aBurjátföldtől a Dnyeper menti régióig, beleértve a Minuszinszki- és a Kuznyecki-medencét, valamint Tuva és Közép-Ázsia területén is jellemzők és ismertek voltak.

Valószínűleg ugyanezt a szimbolikát hordozzák az ujelgi temetőből származó más növényi ornamentikájú veretek is, amelyeket csak a képi stilizáció mértéke különbözteti meg a fentiektől. Ennek fényében a szineglazovói (szrosztki) korszak díszítésein megjelenő ábrázolások többsége a manicheista jellegű stíluscsoportba tartozik.

A manicheista jellegű stíluscsoport. A lángoló-gyöngy-minta

Az ujelgi temető anyagából hat darab, egyfajta fémből készült veret (valószínűleg mindegyik a 29. kurgánból származik) köthető ide, közöttük négy darab szív alakú és két ív alakú, alul figurális áttöréssel ellátott. Ezeknek a vereteknek a díszítését a szakirodalomban „lángoló gyöngynek" nevezik. Ide sorolhatók még a világfánál ábrázolt madárpárokat ábrázoló veretek is. Ez a minta széles körben elterjed, nem csak az ujelgi temető anyagában gyakori. Az ujelgi szíjvégeken előforduló ábrázoláshoz (két kiterjesztett szárnyú tyúk/kacsa, amelyek mellükkel és csőrükkel az világfa hajtását támasztják) a legközelebbi a krasznorecsenszki (Szemirecsje, Ks) erődített telep sírjából származó vereten található.

A manicheista–nesztoriánus jellegű stílushagyomány különleges eleme a kereszt. Az ujelgi temető anyagában egy tucatnyi, kereszt alakú, illetve keresztábrázolásos kerek és íves alakú veret található, amelyek vagy aranyozott ezüstből, vagy ezüstből és rézből készültek.

A buddhista-hindu jellegű stíluscsoport

A szubbotci lelőhely övgarnitúrájának elemzése során a középpontban látható felemelt kétujjas Jézus-képen kívül Klima László magyar régész két további motívumelem nesztoriánus–manicheista értelmezését javasolta. Az egyik Tibet védőszentje, Avalókitésvara („a figyelő Isten"), a másik pedig a táncoló szüzek, az asparák.

Az ujelgi temető leletei között négy lekerekített övveret található, amelyek a termékenység és anyaság többkarú istennőjét (Párvati) ábrázolják padmasana (lótusz) pózban, virággal a kezében. Nagyon hasonló, ugyanilyen pózban lévő veretek ismertek a bajanovói temető 357. sírjából származó övről, illetve a halál istennőjének, Kálinak a képe is.

A dél-uráli középkori emlékek között – különösen az ujelgi temetőben feltárt leletanyagban – a legegyértelműbb buddhista keleti stílusjegyek a zoomorf ábrázolások szériái. A legnagyobb sorozatokat azok a tárgyak alkotják, amelyeken a shih tzu kutya, az úgynevezett ülő kutya ábrázolása látható, amely a Buddha-oroszlánra emlékeztet. Ez a buddhista szimbólum, amely a kutyát és az ülő oroszlánt ábrázolja, Tatárföld, a Dél-Urál és a Kárpát-medence honfoglalás kori leletanyagában is megtalálható.

A szinyeglazovói stíluscsoport

1959 nyarán a Szinyeglazovo-tó melletti kurgánok mentő feltárása során lószerszámok maradványait fedezték fel. Ezek 18 nagy téglalap alakú, 24 kicsi négyzet és egy kerek alakú veretből, valamint egy nagyszíjvégből álltak, és aranyozott ezüstből készültek. Díszítésük egy fügefavirágot ábrázol, amely a középső hurkoktól lefelé halad, illetve a lekerekített virágzatból felfelé, oldalra és lefelé hajlanak, a virágszirmok végei pedig hegyesek. Ez a minta később a feldolgozás során a „liliom" megnevezést kapta munkacímként.

A Krjukovo Kuzsnovó-i stíluscsoport

Hasonló díszítésű övveret töredékeit találtak az ujelgi temető 11. kurgánjában (a legkeletibb lelőhely), valamint a bajanovói temető 279. sírjában (Permi terület), és a továbbiakban ilyen típusú veretek kerültek elő a Krjukovo Kuzsnovó-i temetőben (Mordvinföld), valamint a Dnyeszter mentén (kurgánsír Szlobodzseja város közelében) és a Kárpát-medencében.

A Kárpát-medencei honfoglalás kori stíluscsoport

A legismertebb a Kárpát-medencei honfoglalás kori stíluscsoport. Jelenléte már az ujelgi temető kutatásának első napjaitól kezdve egyértelműen meghatározható volt, amikor a szórványleletek között a kerek rozettás veretek sora került elő. Ezek kerek alakúak és különböző méretűek, keresztmetszetükben íveltek, félkörös formák. A díszítésük közepén minden esetben egy gömb alakú központi dudor látható, amelyet peremdísz vagy gyöngysorminta keretez, három vagy négy szív vagy háromszög alakú szirommal indul belőle a jellegzetes szegélydísz felé, amely váltakozó ovális és kör alakú elemekből áll (pálcatagos minta). Egyes esetekben az ovális alakzatok belsejében egy négylevelű növényi minta van. A későbbiekben valószínűleg stilizálódott ez a motívum, egyszerűbb három- vagy négylevelű formák váltották fel, amelyek a honfoglalás kori hagyaték leletein is jól megfigyelhetők.

A kantárzat díszítése és a lószerszámveretek összessége megegyezik az Aktyubából származó sírban talált leletegyüttessel. A készlethez tartozott egy ezüst homlokpánt, díszes, szirmokhoz hasonló alapmintával, illetve haluszony alakú díszítéssel. Négy aranybevonatú ezüst szíjvég, amelyeken szárak és rügyek

fonódását ábrázoló motívumok láthatók; két nagy és 21 kis méretű aranyozott kerek ezüstveret, amelyek szélén lekerekített ovális vagy négyzet alakú kiemelkedésekben fut a domború pálcatagos bordűrminta. Egy nagy, két közepes és 12 kis méretű lapos, kerek ezüstlemez, valamint csatok, közöttük egy virágmotívummal (háromlevelű) díszített aranyozott ezüst nyeregszíjcsat és egy hasonló, apró kantárcsat; két kisszíjvég, amelyek közül az egyik aranyozott ezüst, a másik pedig bronzból készült, háromlevél-mintás növényi díszítéssel. A zablából a gyűrűtagos szájvasak és a díszített oldalpálca töredékei maradtak fenn.

A már említett, összefonódó szárakkal díszített nagyszíjvégek mellett ebben a leletegyüttesben különösen érdekesek a kör alakú, fűződő fügeszárak (vagy termései) virágmintás díszű veretei. Hasonló motívumokat láthatunk az ujelgi temető veretein is (1. kurgán). Véleményünk szerint ebben az esetben a Kárpát-medencei honfoglalás kori stílus olyan új elemével van dolgunk, amely a későbbiekben a legnépszerűbb lett.

A tyjuhjati stíluscsoport

Az ujelgi temető felfedezésével különleges jelentőségre tett szert a tyjuhjati stílus komponense. A felszíni szórványleletek és ásatások anyagában a következő elemek tűntek fel: növényi díszítésű hármas szíjelosztók, növényi ornamentikájú téglalap alakú veretek, áttört ruhakapcsoló boglárok figurális dudoros dísszel, hüvelyborító díszítmények, szív alakú veretek közepükön dudoros kiemelkedéssel. Kicsit később tűntek fel az áttört függők és árkádívmintás szíjvégek alul háromlevél díszítéssel, valamint a záróveretek páros füstös virágokkal díszítve. Így az ujelgi temetkezési szokásokat és a régészeti leletanyagot elemezve fokozatosan eljutottunk arra a felismerésre, hogy tulajdonképpen a korai magyar régészeti kulturális hagyományok kialakulása a Dél-Urál térségében történt. Annak a már korábban megfogalmazott elképzelésnek, miszerint egy magyar népcsoport a Kárpát-medencéből visszatért az Urálba, minden bizonnyal létjogosultsága van. Azonban ez az elképzelés részletes vizsgálattal sem tudja megmagyarázni azt a tényt, hogy az olyan díszítési csoportok, stílusok és irányzatok, mint például a szrosztki és a tyuhtjati, amelyek eredetileg messze keleten (Szaján-Altaj) alakultak ki, majd a Dél-Urálba kerülve új, sajátos fejlődésen mentek keresztül, miként vezettek magának a korai magyar vagy Kárpát-medencei stílusnak a kialakulásához. Ugyanis ennek sokszínűsége magában foglalja mindazokat a stíluscsoportokat és irányvonalakat, amelyek az ujelgi temető anyagában a szrosztki szakaszban jelentek meg, amely a korai magyar leletek legkeletibb előfordulását jelenti.

Ebben a tekintetben útmutató nemcsak a szinyeglazovói csoport reprezentatív liliommintás leletanyaga, amelyek a Cseljabinszki-tóvidék partján található műhelyből származnak, hanem a 11. kurgánban feltárt hagyaték jelentős eltérései is, ahol az 5. és 6. számú temetkezés szuperpozíciós, kettős rétegtani helyzete jelölte ki a huszainovói és a szrosztki szakaszok határát. A 11. kurgán betöltésében (a 2–4. gödör) talált tárgyak önmagukban is jól jelzik az összes stilisztikai csoportot és irányzatot: a szrosztki, a manicheus–nesztoriánus, a buddhista–hindu, a szinyeglazovói, a Krjukovo Kuzsnovó-i és a Kárpát-medencei honfoglaló stílust.

Figyelembe véve, hogy a 11. számú kurgán leletanyagában megfigyelt szrosztki művészeti hagyományok akár már a 8. század második felében vagy a 9. században kialakulhattak, nagy a valószínűsége annak, hogy mindezek a csoportok és irányzatok éppen a Dél-Urálban alakultak ki, és a forrásbázisa ennek a régiónak teljes mértékben összevethető az altajiéval.

2.2. A kusnarenkovói kultúra kialakulásának néhány kérdése

Amint arra korábban rámutattunk, a kusnarenkovói és karajakupovói kultúrák kialakulásával kapcsolatban ma már nyilvánvaló, hogy két különböző kulturális egységről van szó.

A kusnarenkovói népesség megjelenése a Dél-Urálban egyszeri vándorlás volt, és régészeti-kulturális szempontból nem a helyi alapokból és előzményekből fejlődött ki. Minden jel arra mutat, hogy ez a vándorlás a déli sztyepp irányából ment az erdőssztyepp zónája felé.

Ez a déli irányból érkező kusnarenkovói impulzus az ún. bajuszos kurgánok kultúrájának anyagában és a Szelentas-típusú lelőhelyek hagyatékában is megmutatkozik.

A kusnarenkovói kerámia együttes feltűnését ezekben a sírokban a nagy, illetve közepes méretű,

egyenesen levágott peremű, váza alakú edényekkel és korongolt kerámiával együtt korábban a transzuráli (ugor és korai magyar) és a közép-kazah (türk–telesz) népesség kulturális keveredésének eredményének tekintettük. Mára már világossá vált, hogy a bajuszos kurgánok és a szelentasi sírhalmok kerámiaegyüttesei a középső-volgai régió, Kelet-Európa és a Kárpát-medence 7–8. századi avar, bolgár régészeti együttesei formáinak viszonylagos egységét tükrözik.

Az említett leletegyüttesekben feltárt kusnarenkovói edények kétségtelenül különleges karaktert kölcsönöznek a Dél-Urál kora középkori emlékeinek, bár bizonyos tendencia megfigyelhető ebben a folyamatban. A busztanajevói temető anyagában a hagyományos ornamentikájú korai kusnarenkovói magas nyakú, fül nélküli korsó alakú kerámiaedények mellett meglehetősen nagy számban fordulnak elő díszítetlen, váza alakú fazekak is. Jelentős mennyiségben ismertek továbbá vastag falú, függőleges nyakú és egyenesen levágott peremű edények töredékei, valamint kevéssé díszített, egyenesen levágott peremű, mindössze néhány bevagdalással díszített kerámiaedények is. Ezen kívül a vizsgált temetőkben a kelet-európai nomád és kora bolgár időszak/hagyaték leletegyütteseire jellemző, heraldikus stílusú (magyar kutatásban: Martinovka-leletkör) övveretkészletei kerültek elő, amelyeket több fémtípusból is készítettek.

A fentihez hasonló leletegyüttest ismerünk az urálontúli erdőssztyepp távolabbi vidékéről is. Ilyen a tyumenyi régió déli részéről ismert Ingala nevű és szakrális jellegű lelőhely/leletegyüttes. Több áldozati lelőhelyen/leletegyüttesben találtak ezüstből öntött és aranyberakásos, heraldikus díszítésű övkészleteket, valamint áttört díszítésű figurális vereteket. A kerámiaanyagot négy edény töredékei képviselik. Ezek egyike egy vastag falú, egyenesen levágott peremű edény, amelyhez hasonló ismert a korábban már idézett, a szelentasi típusú hagyatékhoz tartozó ún. „bajuszos" kurgánok sztyeppi leletegyütteseiben, valamint a novinki típusú középső-Volga-vidéki és a kelet-európai korai bolgár hagyaték kerámiái között. A további három kerámialelet között két bakaldai típusú gömbös aljú, illetve egy korai csijaleki típusú gömbös aljú edény ismert.

Így a nagy kiterjedésű Urál–kazak sztyeppvidéken a poszt-hun és korai türk idők eseményeihez kapcsolódó történeti ismeretek lehetővé teszik, hogy megalapozottan beszéljünk a felsorolt leletek kapcsán a török–bolgár nomádok 6–7. századi, az erdősztyeppre, az Urálra és a Transz-Urálra gyakorolt hatásáról. Az áttekintett régészeti érvek, amelyek a török nomád sztyeppi világ közvetlen hatását, részvételét jelzik a Dél-Urál erdősztyeppi területeinek településtörténetében, így megerősítik a kusnarenkovói kultúra eredetének hipotézisét, valamint a novinki típusú emlékek kialakulását a Középső-Volga térségében.

3. Az ujelgi temető leleteinek vizsgálata a természettudományos módszerekkel

3.1. Az ujelgi temetőből származó koponyák antropológiai vizsgálata és az ezek nyomán készült arcrekonstrukciók a lelőhely 1., 9., 23., 28., 30., 32., 35. és 36. kurgánsírjaiból származó hét férfi és egy nő koponyája alapján készült. Két férfi és egy nő koponyáját M. M. Geraszimov módszerével grafikusan is rekonstruáltuk.

A koponyák morfológiai jellemzői a kaukázusi-mongoloid variabilitási vektoron elfoglalt köztes helyzetükről tanúskodnak, a kaukázusi komponens jelentős túlsúlyával. A koponyák kevert formákat mutatnak, akár 30%-os mongoloid komponenssel. A koponyák kraniológiai vizsgálatai és az ujelgi temető sírjaiból származó antropológiai hagyaték rekonstrukciójának formai jellegzetességei megerősítették azok morfológiai közelségét az uráli csijaleki kultúra emlékeiből származó ún. keleti ugor népesség, illetve a kusnarenkovói kultúra korai magyarként értelmezett temetkezéseiből származó koponyaleletekkel.

3.2 Paleotalajtani megfigyelések

A 11. és 41. kurgánok jellemzőit és különbségeit vizsgálva a régészeti fémanyag és kerámialeletek tipológiai elemzése során feltételeztük, hogy a temető huszainovói és a szinyeglazovói szakaszának népessége kölcsönhatásban állt egymással. A huszainovói–kusnarenkovói–karjakupovói horizont népességének temetkezési és régészeti kulturális hagyományai feltűnnek a szinyeglazovói–csijaleki–makusinói–petrogrom–jugyinai időszak új, idegen eredetű népességének hagyatékában is.

A kutatástörténet alapján a Dél-Urálban a középkorban két hidrotermális időszakot különböztetünk meg. Az első száraz, arid periódus volt, amely a Kr. u. 5–7. századtól a 10–12. századig tartott, majd ezt követte egy meleg és nedves időszak 12–14. században. Az ujelgi temető 11. és 41. kurgánsírjainak talajtani profiljai azt mutatják, hogy a legtöbb ujelgi temetkezés a 9. század – 10. század első felében történt. Ezek a legújabb éghajlati rekonstrukciós eredmények pedig összhangban állnak azzal a megfigyeléssel, hogy korszak nomád eredetű népessége az Urálontúl déli részének erdőssztyeppi területét kedvelte, leginkább azt népesítették be.

3.3. Az ujelgi temető archeozoológiai vizsgálati eredményei

Az ujelgi temető öt kurgántemetkezéséből (11., 14., 29., 32., 34.) származó állattani csontanyag került elemzésre, amelyek a 9–10. századra keltezhetők. A vizsgált sírokból származó csontanyag négy feltételes csontegyüttes-kategóriába sorolható. Ebből az első az állattemetkezések kategóriája, ahová a 32. kurgánból származó ló unikális esete tartozik (7,5–9 éves, marmagassága 136–144 cm). A második kategóriát az ételmellékletként sírba tett állati maradványok alkotják, amelyet többnyire a ló hosszúcsontjai, leggyakrabban a combcsontok képviselnek. A húsos ételmellékletek esetében nem sikerült összefüggést kimutatni a halott jobb vagy bal oldalára való preferenciális elhelyezés, illetve az eltemetett egyedek neme és életkora között. A legtöbb ló combcsontja 1,5–3,5 éves egyedhez tartozott. Nem tudjuk, hogy a combcsontokat hogyan választották el a medencecsontoktól (pl. a csípőízület átvágása). Fontos megfigyelés azonban, hogy a combcsont fejrészénél nincsenek vágásnyomok. Az sem világos, hogy a combcsontok hússal vagy anélkül kerültek-e a sírba. Ez a kategória feltételes, és a sírba helyezett combcsontok feltehetően a teljes ló szimbólumát jelezhetik. A bakaldai temető (Baskír Autonóm Köztársaság) anyagának tanulmányozása során felmerült az az elképzelés, hogy a temetkezési szokás azon jellegzetessége, hogy a ló combcsontjait a sírba helyezték, ez tamgaként értelmezhető, vagyis az áldozati állat egy bizonyos része egy bizonyos törzshöz való tartozást jelölt, jelképezett.

A csont leletegyüttesek harmadik kategóriáját a halotti megemlékező áldozati objektumok csontmaradványai alkotják. Ezek a kurgánok feltöltéséből származó végtagok proximalis, húsos részeinek elszórt töredékei, amelyek néhány esetekben darabolás (felaprítás), illetve magas hőhatás nyomait is mutatják. Ez azzal magyarázható, hogy a halotti megemlékező szertartásokat a sírhalmon kívül is elvégezhették, és a megmaradt csontok a földdel együtt kerülhettek a halomba, annak feltöltésének építése során.

A negyedik kategória fordul elő a leggyakrabban, ezek az áldozati leletegyüttesek. Ezek egyrészt különálló leletegyüttesek (ld. 29. és 34. kurgán), illetve a halmokból elszórtan előkerült csontok (az áldozati beásások, illetve a mezőgazdasági munkák, valamint a rablógödrök, esetleg a talajmozgások?) okozta bolygatások nyomán elszórtan megtalált állati „nem húsos" – koponyák és végtagok – *distalis* részeit. A koponyákból leginkább fogakat és az alsó állkapcsok töredékeit találták (ezek jobban megmaradnak), a végtagok *distalis* részeiből pedig főleg a harmadik ujjperceket (patákat). Ezek vizsgált mintaegyüttesei tartalmazhatnak *atlantis* töredékeket, amelyek a koponyával együtt különültek el. Farokcsigolyák azonban – amelyek hagyományosan az állatbőrös temetkezéseket jelölik – nem kerültek elő. A túlnyomórészt érett korú (5–10 éves) nőstényeket és hímeket egyaránt feláldoztak, csikók és idős egyedek csontmaradványai azonban nem kerültek elő.

Összefoglalóan megállapítható, hogy az ujelgi temetőt hátrahagyó népesség temetkezési szokásaiban az állatokat a halotti rituális cselekmények minden vonatkozásában felhasználták: a temetések során, a sírhalom építése során, illetve esetleg azok végső kialakítása után is.

3.4. Bőr- és szövetleletek az ujelgi és aktyjubai lelőhelyről

Ujelgi és Aktyuba lelőhelyek szervesanyag leletei ugyan kis számban, de változatos összetételben kerültek elő: bőr, prém, selyem, gyapjú és pamut. A kis töredékek alapján azonban csak hozzávetőlegesen tudjuk rekonstruálni, hogy a 9–10. században milyen gazdag és változatos volt a viselet és a lófelszerelés. Összesen 35 darab került vizsgálatra, közülük 26 darab az ujelgi és 9 db az aktyjubai temetőből.

Az övveretek bőrrel való érintkezése miatt a bőrövek nagy része – beleértve a felfüggesztőszíjakat is – jó állapotban maradtak fenn. A derékszíjak bőrét vastag szarvasmarha- vagy lóbőrből vágták ki, és a külső, szőrös felületet teljesen eltávolították. Nem kizárt, hogy a kidolgozásnál már a timsós bőrcserzést is alkalmazták. A széles hevederszíjak készítése során a bőr széleit gyakran befelé fordították és összevarrták, majd pedig erre rögzítették a vereteket. A varráshoz ínfonalat és meglehetősen vastag gyapjúfonalat egyformán használtak.

Viszonylag kis számban kerültek elő díszített bőrleletek az aktyjubai sírhalom 1. sírjának nyeregmaradványai között, ezeket sakktáblás dombornyomással és csíkos bevagdalásokkal díszítették.

A szövetmaradványok csoportja összetételüket tekintve különböző textíliákat tartalmaz. A selyemből, gyapjúból, vászonból és pamutból készült szövetek kötéstanilag különböznek: sima vászon- és sávolyszövés egyaránt ismert. A legkülönlegesebbek a samit típusú selyemszövetek. A selyemszövés központjai ebben az időben Bizánc, Irán, Egyiptom (Akhmim és Antinoopolis) és Kína voltak. Különösen érdekes az ujelgi temető 32. és 11. kurgánsírjában megtalált lepel egy női fejfedőn és az eltemetett kézcsontjain. Ez egy meglehetősen durva, növényi eredetű szövet (pamut és vászon). Érdekes részletek az értékes selyem használatának esetei. Selyemdarabokat, valószínűleg ruházatból származó apró töredékeket használtak betétként egy övcsathoz és egy övzáró lemezhez az ujelgi 6. kurgán 11. sírjában is.

4. A déli Urálontúl és a Kárpát-medence 10. századi régészeti hagyatékának összehasonlító elemzése a korai magyar történelem kontextusában

A Kárpát-medence korai magyar régészeti hagyatékához az Ujelgi temető leletei jelentik a legnagyobb számú és a legközelebbi párhuzamot. Így ezen tárgytípusok értékelése kiemelkedően fontos mindkét régió számára, de kiemelkedően abban a kérdésben, hogy a 10. századi korai magyar leletanyag miként alakult ki és fejlődött. A régészetileg kiválóan értékelhető párhuzamok áttekintésekor ugyanakkor arra is fel kell hívni a figyelmet, hogy az esetek többségében nem pusztán egy-egy önmagában álló jelenség mutat kapcsolatot. Az újabb kutatások fényében az derült ki, hogy egyazon tematikájú lelettípusba, leletkörbe tartozó leletek (pl. fegyverek, lószerszámok, mindennapi élet tárgyai) több típusa is kapcsolatot mutat. Ennek jelentősége abban áll, hogy így sokkal biztosabban tudjuk állítani az analógiát mutató leletek között a történeti régészeti kulturális összefüggést.

5. Az ujelgi temető mintasorának archeogenetikai/genomikai vizsgálatai

Az ujelgi népesség mitokondriális haplotípusait összességében nem lehet egyértelműen a keleti/nyugati komponensek mentén értelmezni, mivel mindkettő jellemző a populációra. Az európai eredetű mindhárom régészeti horizontban megtalálható N1a1a1a1a és H40b mitokondriális haplocsoportokba tartozó vonalak diverzifikációja az egyes horizontok közötti kapcsolatot támasztja alá. Ezt a folytonosságot tovább erősíti a – szintén mindhárom horizontban jelen lévő – keleti eredetű C4a1a6 haplocsoport. Viszont, a keleti filogeográfiai kapcsolatokkal rendelkező haplocsoportok markáns jelenléte leginkább a fiatalabb horizontokon belül figyelhető meg (pl. az A, A12a, C4a2a1 vagy az identikus C4a1a6 haplotípusok). Ujelgi anyai vonalai közvetett (monofiletikus) és közvetlen (identikus vagy szomszédos) kapcsolatokat is mutatnak a honfoglaló magyarokkal. Az apai vonalak is rendkívül egységes képet mutatnak, jelezve e népesség homogenitását.

A régészeti értelemben is felvetődött „váltás” nem igazolódott be, ennek ellentmond az archaikus komponensek alacsony diverzitása, az apai vonalak homogenitása (bár ez önmagában a patrilokalitással is magyarázható lenne), valamint a mindhárom horizontban megtalálható azonos mitokondriális haplocsoportok (anyai vonalak) jelenléte. Ezzel összhangban vannak a teljes genom szintű elemzések eredményei is, melyek a – szintén mindhárom horizontból vizsgált – mintákról egy teljesen egységes képet mutatnak.

Összegzésképp elmondható, hogy az Ujelgiből származó népesség uniparentális genetikai összetétele egy olyan forráspopulációra utal, mely kronológiailag és/vagy földrajzilag kapcsolatba

hozható a korai magyarsággal. Ezt megerősítették a teljes genomi vizsgálatok is, melyek eredményeképp kimutatható a genetikai kapcsolat más Karajakupovo horizonthoz tartozó csoportokkal (Bolsije Tyigani, Karanajevo) és a korai magyarokkal egyaránt, melyeknél a Belaja menti kusnarenkovói és a Tobol menti késő szargatkai populációkhoz hasonló genetikai összetételre derült fény.

Összefoglalás

Az ujelgi temető használata a korai és érett középkor fordulópontjára, a 8. század végétől a 11. századig keltezhető. Ebben az időszakban kezdtek kialakulni Ázsia új középkori nomád népei: a kimekek/kipcsakok, baskírok, mansik (vogulok), volgai bolgárok, tatárok és a korai magyarok. Számosan közülük később közvetlenül részt vettek Közép-Eurázsia modern népeinek etnogenezisében. Ez a történeti és régészeti kulturális dinamika elég világosan kirajzolódik a tárgyalt temető leletanyagában.

A régészeti leletek csoportjai az ujelgi temetőt vertikálisan két abszolút kronológiai szakaszra osztják, a huszainovói (Kr. u. 8. század vége – 9. század) és a szinyeglazovói (Kr. u. 9–11. század) fázisokra. Egyidejűleg horizontálisan legalább négy régészeti-kulturális típus hagyatéka figyelhető meg a lelőhelyen: a kusnarenkovói–karajakupovói, a poszt-bakaldai–nyevolinói, valamint a korai csijaleki (makusinói fázis), illetve a petrogrom-jugyinai régészeti kultúrák, amelyek a transzuráli nomádok között kétségtelenül különböző etnikai összetevőket jelölnek. Minden jel szerint a dél-uráli népek később ebből a polietnikus konglomerátumból alakultak ki.

A dél-uráli kora középkori népességek fő alapkomponense a középső transzuráli eredetű bakaldai kultúra öröksége volt. A bakaldai történelmi és régészeti kulturális horizont felbomlása és népességének a Dél-Urál keleti, valamint nyugati előterébe (a Belaja és a Káma folyók medencéje) történő vándorlása lehet az alapvető oka az ujelgi temetőben a poszt-bakaldai és a nyevolinói eredetű viseleti elemek feltűnésének.

Ugyanebben az időszakban jöttek létre a késő kusnarenkovói és karajakupovói típusú (kerek aljú, fésűs-gödröcskés díszítésű) kerámiákat tartalmazó sír- és leletegyüttesek is. E lelőhelyek hagyatéka gyakorlatilag tisztán nomád jellegűvé vált, erre utalnak az altaji és tuvai párhuzamú jellegzetes páncéltípusok, lószerszámok és az ezüst- és bronzveretekből álló övkészletek egyes típusai is. Ez a helyzet körülbelül a 9. század közepéig tartott, amikor a szrosztki régészeti kulturális jegyeket hordozó altaji csoportok betelepültek a dél-uráli nomádok környezetébe. Erre utalnak a lószerszámok és az övdíszek különleges formái: aranyozott ezüsttárgyak, gazdag növényi, zoomorf, madár és különböző tematikus mintájú díszítésekkel). Ezzel párhuzamosan az erdei és erdőssztyeppi – valószínűleg protougor népesség –, a markáns fésű- és zsinórdíszes kerámiaművesség hordozói (korai csijaleki [makusinszki fázis], poszt-petrogromi és jugyinai típusok) nomád hatás alá kerültek. A 9. század végére a Dél-Urálban fokozatosan eltűntek a helyi eredetű huszainovói típusú (poszt-bakaldai, kusnarenkovói, karajakupovói) leletegyüttesek az ujelgi temetkezésekben is. Ezeket teljesen felváltották a szinyeglazovói típusú (szrosztki fázis) sírleletek, amelyek között feltűntek a magyaros jellegű tárgyak. Az ún. honfoglaló stílust képviselik a kerek és négyzet alakú, nagy méretű, három vagy négy sávban díszített veretek, középen gömb alakú dudorral, peremükön körbefutó bordűrmintával. A díszítések növényi (fügefavirág), illetve zoomorf elemekből állnak, továbbá különböző témákat, személyeket ábrázoló – talán Jézus, Mani, Párvati istennő, Káli istennő stb. – veretek ismertek közöttük. Az ujelgi temetkezések kerámialeletei vastag falú, kerek aljú edények, csillámos anyaggal és talkummal soványított füles vagy álfüles edényekből állnak, amelyek fésűs, illetve zsinór- vagy álzsinórdíszítéssel készültek.

Különösen érdekesek a Nyizsnyij Jar-i lelőhelyről származó leletek. Itt a lószerszámdíszek két stílust ötvöznek: a szaltyivi (kazár) és a korai magyar jellemzőket, ahol a növényi mintát nem virágszirmok, hanem a fügefa fonódó indás szárai mutatják. Vagyis az Urálontúl déli térségében, valószínűleg a 9–10. században egy új stílus alakult ki. Valami hasonlót tártunk fel az ujelgi és az aktyjubai temetők anyagában.

Ma még mindig nehéz rekonstruálni a Dél-Urál térségében a kipcsak, a baskír és a korai magyar

kultúrák kialakulásának teljes folyamatát, de az már nyilvánvaló, hogy a különböző figurális díszítményű stíluselemek és kompozíciók megjelenése az általunk közzétett leletanyagban arra utal, hogy a transzuráli térségen belül létezett egy sajátos nomád föderatív mag, amely kulcsszerepet játszott az említett középkori törzsi-etnikai egységek kialakulásában.

***

Köszönetnyilvánítás

Köszönetünket fejezzük ki a Dél-Uráli Állami Egyetem (Föderatív Nemzeti Kutatóegyetem) vezetőségének, mindenekelőtt az egyetem elnökének, German Platonovics Vjatkinnak, Alekszandr Leonyidovics Sesztakov és Alekszandr Rudolfovics Vagner rektoroknak a temető kutatásában nyújtott támogatásukért és segítségükért.

Az orosz kutatók közül hálánkat fejezzük ki a következő munkatársaknak: Je. V. Tideman (Guscsina), A. A. Lukinyih, Sz. O. Isztomin, Sz. A. Hanov, Ny. Mirovoj, O. J. Belov, Gy. P. Guszev, V. A. Pak (a fizikai és matematikai tudományok doktora), I. L. Perov (a geológiai és ásványtani tudományok kandidátusa), Sz. G. Zakharov (a történelemtudományok doktora), A. D. Tairov (a történettudományok doktora), N. B. Vinogradov (a történettudományok kandidátusa), I. Je. Ljubcsanszkij (a történettudományok kandidátusa), I. V. Molcsanov (a történettudományok kandidátusa), I. P. Alajeva (orvos), V. M. Gavris, Je. A. Sivkova; Je. Sz. Botalova; Sz. M. Arkanov; A. K. Szemkina; Ju. A. Guljajeva; Je. V. Uljancsenko. Továbbá a Dél-Uráli Állami Egyetem Történeti Múzeumának munkatársainak: I. Ju. Bannyikova és A. D. Sapiro, illetve a gyermek- és diákcsapatok vezetőinek: Sz. V. Markov, A. A. Gyergunov, G. L. Tyuflenkova, V. P. Eremin, Je. V. Remina, D. Ju. Zsirov, Je.Ju. Zaharova.

Külön köszönet illeti Fodor István és Erdélyi István magyar professzorainkat, valamint a Türk Attila vezetésével dolgozó magyar régészeket és egykori régészhallgatókat a temető kutatásához nyújtott felbecsülhetetlen értékű hozzájárulásukért: Budai Dánielt, Langó Pétert, Mende Balázs Gusztávot, Polónyi Emesét, Lichtenstein Lászlót, Füredi Ágnest, Szöllősi Mátyást, Hegyi Borbálát, Zágorhidi Czigány Bertalant, Harangi Flóriánt, Jancsik Balázst, Langer Dánielt, Bertók Gábort és Gallina Zsoltot, valamint Csáji László Koppány vezetésével Makoldi Miklóst, Dévai Györgyöt és Vas Tamást.

Az expedíció munkájának és mindennapi életének megszervezésében nyújtott nagy segítségért köszönetünket fejezzük ki a Cseljabinszki terület Kunasak városi körzet vezetőségének és a helyi lakosoknak. A körzet vezetőjének Sz. Ny. Aminovnak, illetve a településvezető helyettesének, G. G. Janturinának, valamint a település közigazgatási vezetőinek, A. R. Ibragimovnak és Ny. I. Fegyinnek.

A kutatást az Orosz Tudományos Akadémia Uráli Részlegének Történeti és Régészeti Intézete állami megbízásából végezte az Oroszországi Tudományos Alap № 075-03-2024-620 számú támogatási programjának keretében, amelyekből az 1.1, 3.2. és a 3.3. fejezetek valósulhattak meg. A kutatás és a kézirat elkészítését támogatta továbbá a № 24-28-20283 számú és a «Мир кочевников Южного Урала в свете мадьярской археологии (VIII–XI вв.)», https://rscf.ru/project/24-28-20283/ néven futó pályázati projekt is. A radiokarbon vizsgálatokat és a szervesanyag-maradványok feldolgozását a № 24-18-20055 «Хозяйство и социальная организация скотоводческих обществ Южного Зауралья: от поздней древности до Нового времени» https://rscf.ru/project/24-18-20055/ pályázati program támogatta.

Magyar részről a Pázmány Péter Katolikus Egyetem és az ELTE HTK Magyar Őstörténeti Kutatócsoportja, valamint az ELTE HTK Archeogenomikai Kutatóintézete vett részt a kutatásban és a publikálásban, a PPKE-BTK-KUT-23 projekt, az NKFIH STARTING 149860 projekt és a HUN-REN BTK MŐK 2024-2026 programok támogatásával.

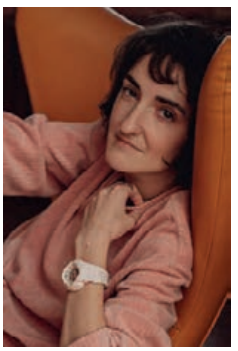
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / A KÖTET SZERZŐI

БОТАЛОВ Сергей Геннадьевич (р. 02.06.1958 г.), советский и российский ученый-археолог, историк, доктор исторических наук, действительный член Международной тюркской академии. Ведущий научный сотрудник Южно-Уральского археологического центра Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; главный научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета; профессор кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение» Южно-Уральского государственного университета; генеральный директор Археологического научного центра (г. Челябинск).

Область научных интересов: кочевничество Евразии поздней древности и раннего средневековья; этногенез народов урало-казахстанских степей в эпоху развитого средневековья; история возникновения мировых религий у населения Южного Урала; мадьяроведение.

E-mail: botalovsglp@mail.ru; grig@csc.ac.ru

БУСОВА Варвара Сергеевна (р. 14.09.1990 г.), кандидат исторических наук, художник-реставратор изделий из кожи, специалист по полевой консервации, научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

Область научных интересов: кожевенное производство эпохи ранних кочевников; черная археометаллургия Южной Сибири; исследования поселений эпохи ранних кочевников; научная реставрация; музейное дело.

E-mail: kulturnijkarman@gmail.com

ГАЗИЗОВА Суфия Ринатовна (р. 13.03.1987 г.), сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).

Область научных интересов: археология; междисциплинарные исследования в археологии; кочевники Южного Урала; миграции населения в эпоху раннего средневековья.

E-mail: sufiy-g@yandex.ru

ГРУДОЧКО Иван Валерьевич (р. 18.03.1986 г.), кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований; доцент кафедры «Международные отношения, политология, регионоведение»; доцент кафедры «Отечественная и зарубежная история» Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).
Область научных интересов: кочевые общества Евразии поздней древности и раннего средневековья – от эпохи ранних гуннов до мадьярского периода.
E-mail: grudochkoivan@mail.ru

ИВАНОВ Владимир Александрович (р. 28.04.1950 г.), советский и российский ученый-археолог, историк, доктор исторических наук, профессор. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, отличник народного образования Республики Башкортостан, почетный профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (2010). Старший научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань), ведущий научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского Федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа).
Область научных интересов: археология; этнология; история средневекового Поволжья; исследование поселенческих памятников эпохи раннего железа и средневековых кочевников Южного Урала; изучение проблемы формирования финно-угорских племен, тюркских племен и др.
E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

МАРГАРЯН Ксения Геннадьевна (р. 09.12.1990 г.), кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований, старший преподаватель кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение» Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).
Область научных интересов: археология; ранний железный век; междисциплинарные исследования в археологии; каменные жертвенники; кочевники Южного Урала; кочевники евразийских степей; миграции древнего населения.
E-mail: konoplyova-ksenya@mail.ru

НЕЧВАЛОДА Алексей Иванович (р. 10.06.1965 г.), антрополог, научный сотрудник отдела этнологии Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (г. Уфа).
Область научных интересов: происхождение и генезис древнего населения Южного Урала и сопредельных территорий по данным палеоантропологии. Автор более 100 скульптурных реконструкций внешнего облика древнего населения Южного Урала, Казахстана, Туркмении, Монголии.
E-mail: striwolf@mail.ru

ПАРУНИН Алексей Владимирович (р. 07.02.1984 г.), кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета; научный сотрудник Фонда содействия сохранению культурного наследия «Общественный фонд «Южный Урал»» (г. Челябинск).
Область научных интересов: Золотая Орда XIII–XV вв.; тюрко-татарские ханства XV–XVI вв.
E-mail: therion12399@gmail.com

СОСНОВЦЕВА Ирина Михайловна (р. 16.01.1996 г.), сотрудник археологической научно-исследовательской лаборатории Самарского государственного социально-педагогического университета (г. Самара).
Область научных интересов: исследование остеологических коллекций погребальных памятников Волго-Уралья; реконструкция форм хозяйственной деятельности древнего населения по археозоологическим источникам.
E-mail: irinasosnovtceva@gmail.com

СУНГАТОВ Фларит Абдулхаевич (р. 04.09.1958 г.), археолог, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук; директор ООО «Архпроектизыскание» (г. Уфа).
Область научных интересов: исследование памятников ранних кочевников; этнокультурные процессы на Южном Урале в эпоху раннего средневековья; проблемы урбанизации Южного Урала в эпоху средневековья.
E-mail: sungatov58@mail.ru

ТАИРОВ Александр Дмитриевич (р. 04.05.1955 г.), советский и российский ученый-археолог, историк, доктор исторических наук, директор Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).
Область научных интересов: генезис и эволюция номадизма в степной и лесостепной Евразии; природная среда и кочевые общества Центральной Евразии; этнокультурные процессы в Центральной Евразии в эпоху ранних кочевников; торговые коммуникации Центральной Евразии в древности; геоархеология и археологическая минералогия.
E-mail:sarmat-2007@mail.ru

ЯКИМОВ Артем Сергеевич (р. 04.09.1979 г.), географ-почвовед, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института криосферы Земли Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук; старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук (г. Тюмень).
Область научных интересов: эволюция почв; геохимия ландшафтов; палеогеография кайнозоя.
E-mail: yakimov_artem@mail.ru

ЧАКИ Вероника (CSÁKY Veronika) (р. 11.03.1986 г.), археогенетик, молекулярный биолог, кандидат биологических наук (PhD). Научный сотрудник Института археогеномики Исследовательского центра гуманитарных наук ELTE. Член общественного совета Венгерской академии наук (г. Будапешт).
Область научных интересов: популяционная генетика народов Карпатского бассейна в эпоху Великого переселения народов и в средние века, а также народов Волго-Уральского региона, связанных с древними венграми.
E-mail: csaky.veronika@htk.elte.hu

ДЮРИШ Балаж (GYURIS Balázs) (р. 19.11.1993 г.), археогенетик, молекулярный биолог, магистр наук. Аспирант кафедры генетики факультета естественных наук ELTE; научный сотрудник Института археогеномики ELTE (г. Будапешт).
Область научных интересов: генетический анализ населения Карпатского бассейна в период Великого переселения народов.
E-mail: gyuris.balazs@htk.elte.hu

МЕНДЕ Балаж Густав (MENDE Balázs Gusztáv) (р. 18.10.1971 г.), палеоантрополог, кандидат биологических наук (PhD). Заместитель директора, старший научный сотрудник Института археогеномики Исследовательского центра гуманитарных наук ELTE (г. Будапешт).
Область научных интересов: палеоантропология, палеодемография и генетическая история народов Карпатского бассейна.
E-mail: mende.balazs@htk.elte.hu

СЕЧЕНИ-НАДЬ Анна (SZÉCSÉNYI-NAGY Anna) (р. 08.04.1984 г.), молекулярный биолог, археолог, кандидат естественных наук (Doctor rerum naturalium, Dr. rer. nat.). Член общественного совета Венгерской академии наук. Руководитель Института археогеномики Исследовательского центра гуманитарных наук ELTE, преподаватель Докторской школы биологии ELTE, руководитель исследовательской группы MTA–ELTE HTK Lendület Biorégészet (г. Будапешт).
Область научных интересов: геномные исследования средневекового населения Евразии.
E-mail: szecsenyi-nagy.anna@htk.elte.hu

СЕЙФЕРТ Беа (SZEIFERT Bea) (р. 19.07.1991 г.), археогенетик, генетик, кандидат биологических наук (PhD). Научный сотрудник и научный секретарь Института археогеномики Исследовательского центра гуманитарных наук ELTE. Член общественного совета Венгерской академии наук (г. Будапешт).

Область научных интересов: археогенетические исследования ранних, связанных с востоком, групп древних венгров; генетический анализ населения Карпатского бассейна в период становления и развития, документирование генетических последствий миграций населения данного региона.

E-mail: szeifert.bea@htk.elte.hu

ТЮРК Аттила (TÜRK Attila) (р. 04.09.1973 г.), археолог, историк, доктор исторических наук (археология). Член общественного совета Венгерской академии наук. Заведующий кафедрой археологии эпохи древних венгров и времени переселения народов Археологического института факультета гуманитарных наук Католического университета имени Петера Пазмани; руководитель исследовательской группы по истории древних венгров Института истории (отделение средневековой истории) Исследовательского центра гуманитарных наук ELTE (г. Будапешт).

Область научных интересов: археология ранней истории Венгрии; археология периода завоевания и раннего периода правления династии Арпадов; археология Карпатского бассейна и раннесредневековая история населения степной Евразии.

E-mail: turk.attila@btk.mta.hu